

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191263 0

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковъ

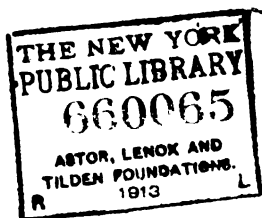
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАГО.

Н О Я Б Р Ъ.

	Стр.
Братья Потемкины на Кавказѣ. Гл. I—III. <i>Н. Θ. Дубровина</i>	5
Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. LXIX—LXXII. <i>А. Л. Зиссермана</i>	56
Изъ дневника русской женщины въ Эрзерумѣ въ 1878 году. <i>В. Θ. Духовской</i>	98
О драмѣ. Отдѣлъ четвертый. Гл. I—IV. <i>Д. В. Аверкіева</i>	159
Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. LXIX—LXXXII. <i>Б. М. Маркевича</i>	201
Новѣйшія открытія въ области физики. Телефонъ, фонографъ и микروفонъ. <i>Я. И. Вейнберга</i>	288
Скрежетъ зубовъ. Романъ. Окончаніе. <i>В. Г. Авсѣенка</i>	317
На горахъ. Разказъ. Гл. LXXXIV—XCII. <i>Андрея Печерскаго</i>	359
Молитва. Стихотвореніе. <i>А. Н. Майкова</i>	430
Новости литературы: I. <i>Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи</i> . <i>Е. Шмита</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>А. Нейлисова</i> .—II. Книга доктора Буса о Бисмаркѣ. <i>Dr. Moritz Busch: Graf Bismarck und Seine Leute während des Kriegs mit Frankreich</i> . 1878, 2. Bände.—III. <i>Новая исторія культуры въ Греціи и Римѣ</i> . <i>Jakob von Falke: Hellas und Rom, eine Kulturgeschichte des classischen Alterthums</i> . 1878...	431
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	474

Д Е К А Б Р Ъ.

Стр.

Братья Потемкины на Кавказѣ. Гл. IV—VII. <i>Н. О. Ду- бровина</i>	483
Марія-Антуанета и графъ Ферзенъ. <i>Р</i>	562
Забываемый поэтъ-современникъ. <i>И. Н. Павловч</i>	606
Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія. Окончаніе. <i>Б. М. Маркевича</i>	641
На низовьяхъ Дуная. <i>А. Л. Сатина</i>	832
Игрушка султана. (Изъ Барбье.) Стихотвореніе. <i>К. Н. Ш—на</i>	852
Довѣзачій. Разказъ. <i>А. И. Молчанова</i>	856
Португальскій театръ. Инеса де-Кастро. Трагедія въ пяти актахъ. Сочиненіе Гомеса. Переводъ съ пор- тугальскаго. <i>Н</i>	862
Изъ пережитаго вчера. Дневникъ вспомогаельной боль- ницы Общества Краснаго Креста въ 1877 году. <i>Дежурной братицы</i>	913
Нынѣ и четверть вѣка назадъ. <i>И. Ш</i>	943
Германскія партіи и новый законъ противъ социалистовъ. <i>К. Г—на</i>	960
Политическое Обзорѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	988

БРАТЯ ПОТЕМКИНЫ НА КАВКАЗЪ*

I.

Просьба Грузинскаго царя Иракліа о принатіи его подъ покровительство Россіи.—Условія на которыхъ онъ желалъ признать верховную власть императрицы.—Участіе въ этомъ дѣлѣ князя Потемкина-Таврическаго.—Назначеніе генералъ-поручика П. С. Потемкина командующимъ войсками на новой Моздокской линіи.—Отправленіе въ Грузію полковника Бурнашева и подполковника Тамары.—Цѣль посланки этихъ лицъ.—Заключеніе трактата о покровительствѣ.—Исправленіе дороги въ Грузію.—Прибытіе въ Тифлисъ русскихъ войскъ.—Торжество въ Тифлисъ по поводу присылки ратификацій трактата и знаковъ инвеституры.—Присяга царя Иракліа II.—Награды и подарки пожалованные императрицей.—Прибытіе въ Петербургъ двухъ сыновей Иракліа и князя Чавчавадзе въ качествѣ министра.

Постоянно тревожное состояніе въ которомъ находилась Грузія, окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными ей соседями, и внутреннее неустройство страны заставили царя Иракліа II искать сильной помощи и защиты въ лицѣ ближайшей и единовѣрной ему Россіи. Въ концѣ 1782 года царь отправилъ письмо на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять Грузію подъ верховную власть Русской державы и заключить съ нимъ торжественный трактатъ о покровительствѣ.

* Изъ приготовленнаго къ изданію сочиненія *Исторія войны и младчества Русскихъ на Кавказъ*.

Въ случаѣ согласія императрицы, Ираклій просилъ утвердить его съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ, оставить въ Грузіи званіе католикоса, какъ главы духовенства; прислать въ его отечество 4.000 русскихъ войскъ, необходимыхъ для защиты отъ враговъ и покоренія отпавшихъ отъ него провинцій, и наконецъ снабдить его деньгами на содержаніе войскъ, обязуясь всю пожалованную ему сумму выплатить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ своей стороны царь, по азіатскому обычаю, обѣщалъ прислать въ Петербургъ аманатами (заложниками вѣрности) одного изъ своихъ сыновей, нѣсколькихъ князей и дворянъ; обѣщалъ вносить въ казну половину прибыли отъ обработки рудъ, платить подати по семидесяти копѣекъ съ cadaго двора, отбывать рекрутскую повинность наравнѣ съ русскими подданными, посылать ежегодно для двора императрицы двѣ тысячи ведеръ лучшаго кахетинскаго вина и четырнадцать лошадей самыхъ высокихъ статей. Съ жителей тѣхъ областей и провинцій которыя могли быть покорены и возвращены Грузіи въ послѣдствіи, Ираклій II обязывался вносить ежегодно по двѣсти лудовъ шелку, платить также по семидесяти копѣекъ съ cadaго двора и сверхъ того половину той платы которую вносили съ души русскіе помѣщичьи крестьяне.

Соглашаясь на принятіе Грузіи подъ свое покровительство, императрица Екатерина II простирала свои виды гораздо далѣе тѣхъ мелочныхъ условій которыя предлагалъ ей царь Ираклій. Россія не нуждалась въ обязательствахъ служившихъ къ приращенію ея казны, тѣмъ болѣе что при тогдшнемъ состояніи Грузіи и ея народонаселенія царь при самыхъ выгодныхъ условіяхъ могъ внести въ русскую казну не болѣе 250.000 рублей, то-есть такую сумму которая была недостаточна даже на содержаніе просимыхъ имъ русскихъ войскъ. Не денежная дань привлекала вниманіе императрицы, а желаніе устроить нравственное и имущественное благосостояніе единовѣрнаго ей населенія Закавказья. Екатерина II мечтала объ образованіи по ту сторону Кавказскихъ горъ одного христіанскаго государства ни отъ кого кромѣ Россіи не зависящаго. Она хлопотала объ освобожденіи всего христіанскаго населенія отъ несноснаго ему магометанскаго ига Персіянъ и Турокъ и потому охотно согласилась на просьбу Ираклія II о покровительствѣ, ибо видѣла въ желаніи Грузинскаго царя первый шагъ къ упроченію нашего вліянія на Кавказомъ и къ осуществленію своихъ предположеній.

Ближайшій сподвижникъ императрицы князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, какъ человѣкъ прежде другихъ появившій виды и намѣренія Екатерины II, былъ избранъ исполнителемъ ея воли и назначертаній. Предоставляя въ непосредственное завѣдываніе князя Потемкина всѣ дѣла съ Персіей и Грузіей, императрица тѣмъ самымъ передала въ его руки и всѣ наши сношенія съ Востокомъ. Она дала ему широкое полномочіе распоряжаться самовластно, по своему усмотрѣнію, и поручила заключить окончательный трактатъ съ царемъ Иракліемъ. Князь Григорій Александровичъ принялся за дѣло со свойственными ему пылкостью и увлеченіемъ. Отправляя двоюроднаго брата генераль-поручика Павла Сергѣевича Потемкина для командованія войсками расположенными на *новой Моздокской линіи*, онъ писалъ ему *:

„Какъ высочайшая ея императорскаго величества воля есть, чтобы имѣть связь съ прилежными границамъ нашимъ владѣльцами, какъ-то съ Грузіей и Армянами въ Карабагъ и Карадагъ находящимися, то и должны вы частыя, подъ разными предлогами, имѣть съ ними сношенія и поставить себя въ знакомство, черезъ что и приготовиться для видовъ и предпріятій впредь назначаемыхъ.

„На мѣстѣ же пребыванія вашего вы должны войти въ точное свѣдѣніе о народахъ Большой и Малой Кабарды, до коей всѣ касающіяся дѣла получите вы изъ моей походной канцеляріи. Вамъ предлежитъ (предстоитъ) связать ихъ собственными ихъ выгодами съ Россіей и развязать давно вкорененныя междоусобія; развѣдать кто изъ нихъ сильнѣе между князьями и кто надежнѣе; какова связь между ними и подлымъ народомъ и сіи двѣ части не худо держать въ нѣкоторой другъ ко другу зависти.“

Приступая къ исполненію весьма обширной политической программы, князь Потемкинъ желалъ ознаменовать начало своей дѣятельности особыми милостями царю Ираклію, милостями которыя могли бы указать и другимъ владѣльцамъ что исканіе покровительства Россіи ведетъ ихъ ко многочисленнымъ выгодамъ и преимуществамъ. По его ходатайству императрица не только согласилась удовлетворить всѣ просьбы Ираклія, но и предоставила ему гораздо болѣе чѣмъ онъ

* Въ секретномъ предписаніи отъ 6го сентября 1762 года. Го суд Арх., XXIII, № 13.

самыи могъ желать. Царю разрѣшено употреблять въ свою пользу ту дань которую онъ сбязывался вносить въ знакъ подданства и еще до заключенія трактата одинъ изъ сыновей Ираклія былъ награжденъ орденомъ Св. Анны *.

Въ началѣ 1783 года князь Потемкинъ, сообщая Ираклію что ему поручены всѣ дѣла съ Грузіей, писалъ что для заключенія съ царемъ трактата онъ уполномочилъ своего двоюроднаго брата П. С. Потемкина и въ помощь ему назначилъ подполковника Тамару, съ которымъ и посылаетъ ему проектъ трактата **. Такъ какъ всѣ просьбы царя были не только удовлетворены, но сдѣлано даже гораздо болѣе чѣмъ онъ желалъ, то князь выражалъ увѣренность что Ираклій конечно не встрѣтитъ затрудненія въ заключеніи условій и въ самомъ непродолжительномъ времени пришлетъ своихъ полномочныхъ на линію, въ то мѣсто которое будетъ назначено генераль-поручикомъ Потемкинымъ. Послѣднему въ то же время предписано приготовить для отправаенія въ Грузію два баталіона, Горскій и Кабардинскій, съ четырьмя орудіями, но до повелѣнія ихъ не отправлять, а озаботиться только починкой дороги, причемъ одна половина ея должна быть исправлена нами, а другая Грузинами ***.

Въ половинѣ мая 1783 года подполковникъ Тамара оставилъ Кавказскую линію и отправился въ Грузію съ проектомъ трактата. Генераль-поручикъ Потемкинъ снабдилъ его письмомъ къ царю Ираклію, въ которомъ просилъ прислать въ Георгіевскъ не менѣе двухъ полномочныхъ и заготовить провіантъ для войскъ назначенныхъ къ отправленію въ Грузію ****. Онъ поручилъ Тамарѣ убѣдить царя послѣшить

* Ираклій съ восторгомъ принялъ эту награду и благодарилъ за нее Потемкина. „При вашемъ письмѣ, писалъ царь отъ 18го мая, получили мы такую радость которую не ожидали. По посредству вашему отъ всемилостивѣйшей нашей государыни получили присланный орденъ для нашего сына. Хотя мы вамъ не заслужили, чтобы вы оказывали намъ такую дружбу, однако же постараемся конечно за все вами оказанное пріятство отслужить. Какъ изъ меньшихъ нашихъ сыновъ былъ старѣе Юлонъ, то разсудили оную ленту надѣть на него.“

** Ордеръ генераль-поручику Потемкину 3го апрѣля 1783 года, № 106. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

*** То же отъ 3го апрѣля, № 103. Тамъ же.

**** Письмо П. С. Потемкина Ираклію отъ 9го мая 1783.

высылкой полномочныхъ и не раздроблять своихъ владѣній раздѣломъ поровну между сыновьями.

Принимая Грузію подъ свое покровительство на вѣчныя времена, Русское правительство, конечно, не могло допустить раздробленія владѣній между различными лицами рѣдко единомысленными, а потому писалъ П. С. Потемкинъ подполковнику Тамарѣ: * „Рекомендую, объясняясь съ царемъ Иракліемъ о содержаніи трактата, упомянуть,—если подлинно сіе есть его намѣреніе, — что слава его дѣлъ, его имени и польза его народа требуютъ того чтобъ область его соединенною навсегда осталась. Прямое свидѣніе ваше по сей статьѣ и обстоятельства откроютъ должно ли будетъ при заключеніи трактата составить о семъ сепаратный артикулъ.“

Тамарѣ не трудно было убѣдить въ этомъ Ираклія, но гораздо труднѣе было согласить его къ скорѣйшему назначенію полномочныхъ и къ отправленію ихъ въ Георгіевскъ. Преданность самого Ираклія къ Россіи была безгранична; на всѣ предложенія съ нашей стороны онъ отвѣчалъ однимъ безусловнымъ согласіемъ и только весьма часто повторялъ свое желаніе видѣть какъ можно скорѣе русскія войска въ Грузіи. Царь надѣялся что въ половинѣ іюня они будутъ уже въ его владѣніяхъ и, не заключивъ еще трактата, хотѣлъ торжественно праздновать въ Тифлисѣ свое вступленіе подъ покровительство Россіи. Хотя такая торопливость обуславливалась политическими видами, ибо царь хотѣлъ этимъ торжествомъ показать Персіи что имѣетъ могущественнаго союзника, тѣмъ не менѣе генералъ-поручикъ Потемкинъ принужденъ былъ удержать Ираклія отъ излишней поспѣшности. Онъ писалъ царю что прибытіе войскъ въ Грузію можетъ послѣдовать не ранѣе того какъ будетъ подписанъ трактатъ и просилъ Ираклія, отложивъ торжество до окончанія переговоровъ, поторопиться присылкой полномочныхъ. ** Подполковникъ Тамарѣ настаивалъ на томъ же, но царь Ираклій въ дѣлѣ назначенія полномочныхъ былъ до крайности нерѣшителенъ и медлилъ до невозможности. Причиной тому было совершенное незнаніе царемъ и его окружающими тѣхъ обрядовъ и условій которые обыкновенно соблюдаются европейскими дворами

* Въ ордерѣ отъ 9го мая. Государствен. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

** Ордеръ генералъ-поручика Потемкина Тамарѣ отъ 4го іюня и письмо его царю Ираклію отъ 7го іюня 1783 года.

при заключеніи государственныхъ договоровъ. Тамарѣ пришлось самому составить отъ имени царя полномочіе, по нѣскольку разъ объяснить каждое слово въ немъ написанное какъ самому царю, такъ и его совѣтникамъ. Врожденная недоувѣрчивость Иракліа къ своимъ подданнымъ, составляющая характеристическую особенность всѣхъ азійскихъ владѣтелей, имѣла мѣсто въ Грузіи и была второю причиною медленности въ назначеніи полномочныхъ. Ираклій не только не доувѣрялъ своимъ помощникамъ по управленію, но не вѣрилъ и своимъ ближайшимъ родственникамъ, такъ что долгое время не могъ установиться въ выборѣ доувѣренныхъ лицъ, „у которыхъ, доносилъ Тамара, * хотя для одной наружной формы въ семъ случаѣ посылаемыхъ, ищетъ прежде отгадать мысли для того что боится рѣчей, кои считаетъ уже неоднократно ему повредили“. Царь назначалъ то одного, то другого, перемѣнялъ, снова назначалъ и тѣмъ затягивалъ дѣло. Имѣя порученіе князя Потемкина съѣздить въ Имеретію для увѣренія царя Соломона въ расположеніи къ нему Русскаго правительства и доставить письмо свѣтлѣйшаго князя, ** подполковникъ Тамара рѣшился отправиться въ Кутаисъ, не ожидая окончательнаго рѣшенія царя Иракліа. Онъ успѣлъ только заручиться обѣщаніемъ что въ тотъ промежутокъ времени который онъ употребитъ на поѣздку и возвращеніе изъ Имеретіи Ираклій непременно назначитъ полномочныхъ и приготовить все необходимое для ихъ отъѣзда настолько чтобъ они могли вмѣстѣ съ Тамарой отправиться на линію.

Путешествіе послѣдняго въ Имеретію продолжалось гораздо долѣе предполагаемаго. Страшная распутица отъ безпрерывныхъ сильныхъ дождей и болѣзнь нѣкоторыхъ лицъ сопровождавшихъ подполковника Тамару задержали наше посольство въ лутѣ, заставили ѣхать медленно и все-таки оставить на дорогѣ нѣсколькихъ человѣкъ больныхъ. Въ Кутаисъ Тамара прибылъ 5го іюня, а на третій день послѣ его пріѣзда заболѣлъ царь Соломонъ, такъ что Тамара принужденъ былъ

* Генераль-поручику Потемкину 27го мая 1783 года.

** Имеретинскій царь Соломонъ просилъ императрицу защитить его отъ Турокъ, которые по его словамъ прислали своихъ чиновниковъ для осмотра границъ Имеретіи и устройства тамъ крѣпостей. См. письмо астраханскаго губернатора П. С. Потемкину 11го октября 1782 года. Государствен. Арх. XXIII, № 13.

прожить тамъ девять дней и могъ отправиться только 14го числа.

По возвращеніи въ Тифлисъ онъ узналъ что полномочными назначены князь Отій Андрониковъ и князь Сулханъ Тумановъ, но утромъ 24го іюня царь прислалъ сказать что онъ измѣнилъ свой выборъ и окончательно назначаетъ: первымъ полномочнымъ своего зятя, главнаго совѣтника въ дѣлахъ провинціи Эриванской и генерала войскъ отъ лѣвой руки князя Ивана Константиновича Багратіона, а вторымъ своего генералъ-адъютанта и начальника Казахской провинціи, князя Герсевана Ревазовича Чавчавадзе, ассистентомъ при нихъ назначенъ архимандритъ Гаіосъ, знавшій русскій языкъ, одинъ секретарь посольства и человекъ двадцать свиты. Ираклій обѣщалъ снабдить посылаемыхъ особъ полномочіемъ, въ силу котораго каждый изъ нихъ по какому-либо непредвидимому случаю могъ подписать трактатъ безъ своего товарища *.

Отправляя князей Багратіона и Чавчавадзе въ Георгіевскъ царь поручилъ имъ передать генералъ-поручику Потемкину свое желаніе съ нимъ видѣться, хотя бы на половинѣ пути въ горахъ Кавказскихъ, тамъ гдѣ разрабатывалась дорога нашими рабочими. Предложеніе это обуславливалось сколько желаніемъ лично познакомиться съ пограничнымъ русскимъ начальникомъ столько же недовѣріемъ къ полномочнымъ и опасеніемъ чтобы не было пропущено чего-либо въ трактатѣ. Ниже мы увидимъ что желаніе Ираклія и въ этомъ случаѣ было удовлетворено въ гораздо большей степени чѣмъ онъ могъ ожидать. Послѣ заключенія трактата Потемкинъ посѣтилъ его въ Тифлисъ и имѣлъ случай познакомиться со всѣми членами Грузинскаго царскаго дома. Теперь же былъ посланъ въ Грузію въ качествѣ комиссіонера или посредника въ сношеніяхъ царя съ Русскимъ правительствомъ полковникъ Бурнашевъ, къ которому Ираклій могъ обращаться со всѣми своими просьбами и желаніями.

Полковникъ Бурнашевъ былъ отправленъ въ Тифлисъ почти одновременно съ подполковникомъ Тамарой. Назначая его состоять при царѣ Иракліи, князь Потемкинъ поставилъ Бурнашеву въ непрѣмное условіе ближе ознакомиться какъ со внутреннимъ состояніемъ Грузіи и Имеретіи, такъ и съ политическимъ положеніемъ ихъ относительно сосѣдей.

* Репортъ Тамары генералу Потемкину 24го іюня 1783 года.

Бурнашевъ долженъ былъ осмотрѣть границы обоихъ владѣній, составить по возможности вѣрную карту и описаніе Грузіи и Имеретіи и опредѣлить наиболѣе важные пункты въ стратегическомъ отношеніи, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи можно было на указанныхъ имъ пунктахъ построить рядъ укрѣпленій для обезпеченія страны отъ вторженій непріятеля. Не придавая имъ характера обширныхъ построекъ, князь Потемкинъ поручилъ Бурнашеву проектировать укрѣпленія небольшія, но достаточно сильныя для отраженія соседнихъ нападений. *

Совокупныя и единодушныя дѣйствія царей Грузіи и Имеретіи противъ общаго врага, конечно, могли бы значительно облегчить защиту ихъ владѣній, но взаимная вражда возникшая изъ фамильныхъ интересовъ не допускала единодушія. Полковникъ Бурнашевъ, какъ посредникъ между Русскимъ правительствомъ и обоими царями, одинаково преданными Россіи и стремившимися къ одной и той же цѣли, долженъ былъ принять мѣры къ примиренію и возстановленію между ними дружественныхъ отношеній.

Въ концѣ мая полковникъ Бурнашевъ въ сопровожденіи доктора и переводчика отправился въ Грузію, имѣя при себѣ двадцать два человека казаковъ, назначенныхъ для постоянного пребыванія съ нимъ въ Тифлисѣ. ** Ираклій II принялъ его весьма ласково и объявилъ что безъ его согласія и одобренія не будетъ имѣть никакихъ сношеній и переписки съ соседними владѣльцами. ***

Вскорѣ послѣ прибытія Бурнашева въ Тифлисѣ, уполномоченные вмѣстѣ съ подполковникомъ Тамарой отправились въ Георгіевскъ. Принявъ безусловно всѣ параграфы трактата, они просили только оставить царю титулъ *Улаглесо*— „высочества“, который давался ему во всей Азіи, оставить за царями право при вступленіи на престолъ короноваться;

* Полковникъ Бурнашевъ находилъ необходимымъ построить два укрѣпленія: одно въ Имеретіи, по дорогѣ въ Ахалцыхъ, на рѣкѣ Цхенисъ-Цхали, у замка Богдада, а другое въ Грузіи на рѣкѣ Алазани, при урочищѣ Кумбатъ. Представленные имъ проектъ и смѣта оставлены однако же княземъ Потемкинымъ безо всякаго исполненія.

** Ордеръ П. С. Потемкина полковнику Бурнашеву 21го мая 1783. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

*** Репортъ Бурнашева генералу Потемкину 16го іюня. Тамъ же.

образовать въ Грузіи отдѣльную епархію, позволить имъ имѣть собственную монету и немедленно ввести въ ихъ отечество два баталіона русскихъ войскъ. * Генераль-поручикъ Потемкинъ обѣщалъ ходатайствовать объ удовлетвореніи просьбъ полномочныхъ и тѣмъ устранить всѣ недоразумѣнія.

24го іюля 1783 года трактатъ былъ подписанъ. Грузинскій царь, устранивъ отъ сношеній съ Персіей и вассальной отъ нея зависимости, обязался за себя и своихъ преемниковъ не признавать надъ собою иной державной власти кромѣ власти Русскихъ императоровъ. Онъ обѣщалъ содѣйствовать пользѣ Русскаго государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда отъ него потребуется такое содѣйствіе. Ираклій II обязывался, безъ предварительнаго сношенія съ русскимъ пограничнымъ начальствомъ и безъ совѣта съ аккредитованнымъ при немъ русскимъ министромъ, не вступать ни въ какія сношенія съ окрестными владѣльцами, не принимать ихъ посланныхъ или писемъ и не давать ни обѣщаній, ни обнадѣживаній и даже отвѣтовъ. Онъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ пограничныхъ начальниковъ и охранять въ своихъ владѣніяхъ русскихъ подданныхъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненій.

Съ своей стороны императрица, ручаясь за сохраненіе цѣлости владѣній царя Ираклія II, обѣщала распространить это ручательство и на такія владѣнія которыя современемъ будутъ имъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ утверждены. Императрица обѣщала сохранить престолъ наследственнымъ въ родѣ Ираклія II, съ тѣмъ чтобы преемники его, вступая на царство, пзвѣщали тотчасъ же Русское правительство, испрашивали утвержденія Русскихъ императоровъ и по полученіи разрѣшенія и знаковъ инвеституры ** присягали на вѣрность.

Обѣщая защищать Грузію отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній и считать враговъ этой страны за своихъ собственныхъ, императрица предоставляла грузинскимъ поддан-

* См. параграфъ 4 секр. условій. Воен.-Уч. Арх. отд. I, дѣло № 183.

** Инвеституру составляли: грамота, знамя съ россійскимъ гербомъ, имѣющимъ внутри себя гербъ царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго, сабля, повелительный жезлъ и мантия или епанча горностаевая.

нымъ одинаковыя права и преимущества съ русскими относительно торговли, права селиться въ Россіи, въѣзжать въ нее и возвращаться. Она обѣщала не вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны, предоставить царю судъ, расправу и сборъ податей въ его пользу. Для болѣе удобныхъ взаимныхъ сношеній Русское правительство постановило имѣть при царѣ Иракліи II своего министра или резидента, точно также какъ принять и его резидента или министра наравнѣ съ прочими владѣтельными князьями минастрами. Относительно духовныхъ дѣлъ положено образовать въ Грузіи отдѣльную епархію, съ тѣмъ чтобы католикозъ, или начальствующій архіепископъ грузинскій, имѣя навсегда титулъ члена Св. Синода, занялъ мѣсто въ числѣ русскихъ архіереевъ въ 8 степени, именно послѣ Тобольскаго *.

Для защиты страны отъ враговъ внѣшнихъ, хотя и постановлено было особыми секретными статьями содержать въ Грузіи, на туземномъ продовольствіи, два полные баталіона русскихъ войскъ съ четырьмя орудіями полковой артиллеріи, но посовѣтовано Ираклію, для пріобрѣтенія наибольшей самостоятельности, сохранять дружбу и поддерживать постоянную связь съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ и прочимъ христіанскимъ населеніемъ Закавказья. Пребывая въ союзѣ и совершенномъ согласіи, христіанское населеніе, при единодушій въ дѣйствіяхъ, могло оказать довольно сильное сопротивленіе всѣмъ покушеніямъ на ихъ свободу, спокойствіе и благоденствіе. Поэтому при заключеніи условій Русское правительство настаивало чтобы Ираклій II устранилъ всѣ недоразумѣнія бывшія между нимъ и Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, чтобы онъ помирился съ нимъ и дѣйствовалъ единодушно. Царь обѣщалъ исполнить требованіе и далъ слово въ будущемъ всѣ могущія случиться недоразумѣнія представлять на рѣшеніе императрицы.

Съ своей стороны Русское правительство для обезпеченія независимости и самостоятельности Грузіи обѣщало не ограничивать своей помощи двумя только баталіонами, но увеличивать число войскъ по мѣрѣ надобности и по взаимному соглашенію царя съ пограничнымъ русскимъ начальникомъ.

* Полн. Собр. Закон. Т. XXI, № 15.835.

„Ея императорское величество“, сказано въ трактатѣ, * „общаетъ, въ случаѣ войны, употребить всевозможное стараніе пособіемъ оружія, а въ случаѣ мира настояніемъ о возвращеніи земель и мѣстъ издавна къ царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавшихъ, кои и останутся во владѣніи царей тамошнихъ, на основаніи трактата о покровительствѣ и верховной власти Всероссійскихъ императоровъ надъ ними заключеннаго.“

17го августа подписанный уполномоченными трактатъ о подданствѣ Грузіи достигъ до Петербурга. „Вчерашній день“, писала императрица князю Потемкину, ** „я письмо твое отъ 5го сего мѣсяца получила чрезъ подполковника Тамару, который привезъ и грузинское дѣло, за которое снова тебѣ же спасибо. Прямо ты—другъ мой сердечный! Voilà bien des choses de faites en peu de temps. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурятъ, а мы дѣло дѣлаемъ. По представленіямъ твоимъ дѣла не будутъ залеживаться, изволь присылать.“

Вмѣстѣ съ трактатомъ полковникъ Тамара представилъ и дополнительныя просьбы грузинскихъ уполномоченныхъ, которыя и удостоились высочайшаго утвержденія. Императрица оставила Ираклію II титулъ „высочества“, пожаловала ему корону и особымъ параграфомъ трактата *** предоставила право какъ Ираклію, такъ и его преемникамъ совершать обрядъ коронованія и миролемазанія. **** Сверхъ того царямъ

* См. параграфъ 4й секретныхъ условій. Военн.-Учен. Архивъ. Отд. I, дѣло № 183.

** Въ письмѣ отъ 18го августа 1783 года. Письмо это съ пропускомъ напечатано въ *Русской Старинѣ* 1876 года, № 5.

*** Утвержденнымъ 30го сентября 1783 года. *Полн. Собр. Зак.*, т. XXI, № 15.840.

**** Царь Ираклію, не довольствуясь обещаніемъ даннымъ полковникомъ генералъ-поручикомъ Потемкинымъ и опасаясь что разрѣшеніе короноваться не будетъ введено въ трактатъ, вскорѣ послѣ заключенія его отправилъ къ князю Потемкину своего пернаго секретаря и любимца князя Сулхана Туманова. „Князь Тумановъ, доносилъ свѣтѣйшій императрицѣ отъ 7го октября, чело-вѣкъ благоразумный, весьма хорошаго просвѣщенія и со многими дарованіями; нельзя казалось таковымъ себѣ представить жителя тифлискаго. Виною сего посланія—вѣнчаніе царское, коего желаетъ Ираклію и о которомъ возобновляетъ просьбы свои къ престолу

Грузіи дозволено было бить собственную монету „съ ихъ изображеніемъ и на оборотѣ гербомъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго, надъ коимъ только изображенъ будетъ орелъ двуглавый въ знакъ покровительства и верховной власти Всероссійскихъ императоровъ надъ сими владѣтелями и ихъ подданными“ *.

Въ половинѣ августа извѣстіе о заключеніи трактата достигло до Тифлиса и 20го числа того же мѣсяца Грузины торжественно праздновали это событіе **. Всеобщая радость населенія усиливалась еще тою вѣстью что русскія войска двинутся въ Грузію въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ только будутъ готовы мосты на рѣкѣ Терекѣ и исправлена дорога.

Мы видѣли что еще съ мая мѣсяца дорога въ Грузію приводилась въ лучшее состояніе. Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифлисъ полковникъ Бурнашевъ доносилъ что онъ приступилъ къ постройкѣ мостовъ отъ Тифлиса до перевала на сѣверный склонъ Кавказскихъ горъ и что, согласно съ условіемъ, царь Ираклій II обѣщалъ дать ему 1.500 человекъ рабочихъ ***. Для устройства же дороги и мостовъ по Тереку съ нашей стороны былъ точно также отправленъ въ маѣ мѣсяцѣ оберъ-квартирмейстеръ Фохтъ съ 800 человекъ рабочихъ и съ баталіономъ гренадеръ для ихъ прикрытія. Исполненіе этого порученія требовало немалыхъ усилій, ибо тогдашняя дорога въ Грузію была едва доступна для одиночныхъ лѣшеходовъ. На протяженіи 32 верстъ, отъ селенія Балты до Казбека, Фохту пришлось построить 27 мостовъ для переправы войскъ черезъ рѣки. Несмотря на то что для устройства слупковъ приходилось взрывать порохомъ каменные глыбы горъ, что всѣ мосты строились прочнымъ образомъ, на сваяхъ, Фохтъ успѣлъ къ октябрю окончить свое трудное

вашего императорскаго величества. Какъ уже есть на сіе высочайшая ваша императорская воля, то и отправляю я его обратно въ Грузію, подтверждая царю обнадеженіе о всемилостивѣйшемъ благоволеніи.“ Несмотря однако же на желаніе Ираклія сохранить за собой и потомствомъ право вѣнчанія, самъ онъ умеръ не будучи коронованъ.

* Полн. Соб. Зак., т. XXI, № 15.841.

** Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину, 6 сентября. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 45.

*** Рап. полковн. Бурнашева генералу Потемкину, 11 июля. Тамъ же.

порученіе столь успѣшно что генералъ Потемкинъ при осмотрѣ этой дороги могъ безъ затрудненія проѣхать въ коляскѣ запряженной восемью лошадьми и въ такомъ мѣстѣ „гдѣ человѣкъ не могъ одинъ проходить безъ ежеминутной опасности низвергнуться въ пропасть.“ *

Найдя путь вполне удовлетворительнымъ Потемкинъ тотчасъ же отправилъ въ Грузію два егерскіе баталіона, Горскій и Бѣлорусскій, съ двумя единорогами и двумя пушками. 3 ноября баталіоны прибыли въ Тифлисъ, гдѣ встрѣчены были огромною толлою народа и поступили въ распоряженіе царя Ираклія и подъ начальство полковника Бурнашева. Грузины праздновали этотъ день съ особеннымъ увлеченіемъ и Тифлисъ былъ иллюминованъ, несмотря на небывалый холодъ ознаменовавшій вступленіе Русскихъ въ Грузію.

„Русскіе принесли намъ зиму“, говорили жители Тифлиса огорѣвавшіеся въ своихъ сакляхъ у мангаловъ.

Какъ бы въ подтвержденіе справедливости словъ туземцевъ, въ ночь съ 24 на 25 декабря и все 26е число шелъ такой снѣгъ что въ Тифлисъ выпало его на полтора аршина, и при узости городскихъ улицъ въ теченіе нѣсколькихъ дней со двора на дворъ почти не было проходу. До половины января 1784 года Тифлисы, къ крайнему огорченію, принуждены были или сидѣть дома, или путешествовать по улицамъ не иначе какъ верхомъ, а между тѣмъ совершающіяся событія вызывали частое сообщеніе, манили каждого на улицу, чтобъ узнать новости и принять участіе въ предстоящемъ новомъ торжествѣ и праздникахъ **.

Еще въ началѣ января, вскорѣ послѣ Рождественскихъ праздниковъ, въ городѣ ходили слухи что полковникъ Тавара отправленъ въ Грузію съ высочайшими милостями и подарками; что онъ везетъ съ собою ратификацію императрицы Екатерины II на заключенный трактатъ и знаки инвеституры. Принимая Грузію подъ покровительство Россіи, императрица желала ознаменовать это событіе многими

* Ралортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 7 сентября. Это былъ первый путь въ Грузію продолженный трудами 1.500 человѣкъ русскихъ солдатъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и ничего не стоившій кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ мясныхъ и винныхъ порцій.

** Ралортъ Бурнашева П. С. Потемкину 16 января 1784 года. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

милостями какъ членамъ царскаго дома, такъ и лицамъ непосредственно участвовавшимъ въ заключеніи трактата. „Что принадлежитъ до подарковъ,“ писалъ князь Потемкинъ генералъ-майору Безбородко, „то сверхъ назначенныхъ посламъ со свитами и контрасигнировавшимъ полную мочь царскую, не излишнимъ я считаю нѣкоторые награжденія и первѣйшимъ въ царствѣ людямъ. Какъ католикось имѣеть камилавку съ крестомъ, то и можетъ ему таковой крестъ быть пожалованъ съ камнями. Въ бытность еще въ Петербургѣ докладывалъ я ея императорскому величеству о готовящемся къ сей степени сынъ Иракліевъ (Антоніи), который и носить уже санъ діаконскій *; не угодно ли будетъ повелѣть сдѣлать ему въ Москвѣ посвященіе въ епископы и въ такомъ случаѣ богатый крестъ и ланагія весьма важнымъ будутъ ему даромъ. Для царицы нѣтъ лучшаго подарка какъ орденъ Св. Екатерины; для прочихъ же дому царскаго—вещи съ брилліантами.“

Мнѣніе князя Потемкина было вполнѣ одобрено императрицей, и полковникъ Тамара отправился въ Грузію съ нѣсколькими тюками подарковъ. Второго января онъ выѣхалъ изъ Моздока и въ шесть переходовъ достигъ до подошвы снѣговой горы. Перевалившись на противоположную сторону Кавказскаго хребта, онъ нашелъ дороги въ Закавказьѣ открытыми столь необыкновеннымъ количествомъ снѣга что подвигался весьма медленно, несмотря на всѣ усилія присланныхъ къ нему навстрѣчу князей и дворянъ. Послѣдніе, желая ускорить путешествіе, разбирали вещи Тамары и въ трудныхъ мѣстахъ перевозили ихъ на своихъ лошадяхъ **. Наконецъ 17 января 1784 года въ Тифлисъ узнали что царь Ираклій, получивъ извѣстіе о приближеніи полковника Тамары, отправилъ къ нему навстрѣчу князя Ивана Константиновича Багратіона съ нѣкоторыми лицами изъ числа своихъ придворныхъ, и что они встрѣтивъ посланнаго, проводили его инкогнито въ городъ. ***

* Когда князь Потемкинъ писалъ это письмо, царица имѣла уже санъ архимандрита.

** Репортъ Тамары генералу Потемкину 30 января 1784. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

*** За неимѣніемъ въ столицѣ домовъ сколько-нибудь удобныхъ для помѣщенія, полковникъ Тамара препровожденъ былъ въ Тифлисъ безъ официальной встрѣчи.

Тамара дѣйствительно въ этотъ день пріѣхалъ въ Тифлисъ, * а на слѣдующій имѣлъ приватную аудіенцію у Ираклія. Онъ передалъ ему письмо князя Потемкина и условился относительно предстоящихъ церемоній. Для торжественнаго вступленія русскаго посланнаго въ столицу Грузіи было избрано 22е января и наканунѣ царь разослалъ по городу своихъ герольдовъ, одѣтыхъ въ ланцыри „по образцу древнихъ персидскихъ воиновъ“, на лучшихъ лошадяхъ съ богатымъ уборомъ. Въ сопровожденіи хора музыкантовъ и значительнаго числа дворянъ, герольды, проѣзжая по главнѣйшимъ улицамъ Тифлиса, возвѣщали народу о предстоящемъ торжествѣ.

Съ разсвѣтомъ 22го января, сто одинъ выстрѣлъ изъ русскихъ орудій далъ знать о началѣ церемоніи, и площади Тифлиса локрылись народомъ несмотря на затрудненія въ сообщеніи. При тѣснотѣ улицъ, покрытыхъ къ тому же глубокимъ снѣгомъ, церемоніальный кортежъ могъ слѣдовать только по главнѣйшимъ, и потому для сбора участвующихъ въ церемоніи былъ избранъ домъ полковника Бурнашева, какъ представлявшій большія удобства и расположенный въ лучшей части города. Отсюда собравшіеся направились къ царскому дворцу по улицамъ обѣ стороны которыхъ были уставлены вооруженными жителями города Тифлиса.

Впереди ѣхали герольды, а за ними конный конвой изъ Грузинъ при маадшемъ церемоніймейстерѣ и царскомъ генералъ-казначей. Позади слѣдовали два взвода русскихъ войскъ, а за ними 24 человекъ придворныхъ дворянъ, предводительствоваемыхъ старшимъ церемоніймейстеромъ и первымъ царскимъ секретаремъ княземъ Бегтабеговымъ.

За придворными ѣхалъ верхомъ подполковникъ Мерлинъ, а за нимъ слѣдовали оберъ-офицеры неслие по порядку: знамя, саблю, царскую мантию, скипетръ, корону и грамоту. По обѣимъ сторонамъ регалій слѣдовали придворные дворяне. За грамотой шелъ полковникъ Тамара, имѣя по одной сторонѣ оберъ-штабмейстера князя Абашидзе, а съ другой царскаго генералъ-адъютанта князя Баратова. Процессію замыкали два взвода егерей и конный грузинскій конвой.

Приближаясь къ царскому дворцу, кортежъ былъ встрѣченъ

* Бутковъ въ своемъ сочиненіи (ч. II, 129) говоритъ что ратификація трактата и знаки инвентуры были доставлены въ Грузію въ ноябрѣ 1783 года, но это не вѣрно.

музыкой находившихся въ строю русскихъ баталіоновъ, „а при царскомъ дворѣ трубнымъ гласомъ, бубнами и другихъ музыкѣ звуками“.

При вратахъ царскаго двора процессія была встрѣчена полковникомъ Бурнашевымъ и царевичемъ Миріаномъ, а у крыльца и на лѣстницѣ и при входѣ въ залу—первѣйшими царскими чиновниками.

Въ аудіенцъ-залѣ поставленъ былъ тронъ съ присланнымъ отъ Русскаго двора богатымъ балдахиномъ. Впередѣ трона стоялъ царь, а по сторонамъ его царевичи, внуки царскіе, католи코스ъ, архіереи, министры и многочисленная свита изъ знатныхъ особъ. Полковникъ Тамара послѣ привѣтствія его высочества передалъ ему поочередно всѣ регаліи и наконецъ грамоту.

Царь принималъ ихъ стоя у ступеней трона. Знамя и саблю онъ вручилъ старшимъ изъ княжескихъ фамилій имѣющихъ древнее право носить ихъ за царями; мантию приняли придворные чиновники; корону и скипетръ царь приказалъ держать на подушкахъ близъ себя, а грамоту чрезъ старшаго царевича передалъ князьямъ Орбеліяни и Багратиону. Передача послѣдней сопровождалась сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. По полученіи грамоты и по окончаніи рѣчи полковника Тамары,—въ которой онъ удостовѣрилъ Ираклія въ непермѣнномъ желаніи императрицы оказывать покровительство Грузіи,—царь взошелъ на тронъ, на ступеняхъ котораго поставилъ семь своихъ сыновей и двухъ внуковъ.

„Все сіе“, доносилъ полковникъ Тамара *, „въ самомъ дѣствіи представлено имъ съ такою важностію и изображеніемъ какъ бы окончилъ онъ у ступеней престола прошедшія времена земли своей и далъ начало новымъ.“

Оставаясь на тронѣ Ираклій высказалъ Тамарѣ самую глубокую благодарность императрицѣ за ея милости и потомъ принималъ поздравленія отъ присутствовавшихъ, причѣмъ всѣ подданные царя цѣловали его руку **.

Торжество принятія регалій закончилось во дворцѣ роскошнымъ обѣдомъ, на который приглашены были всѣ офицеры двухъ русскихъ баталіоновъ. Многочисленные тосты,

* Генералу Потемкину отъ 30го января 1784 года. Госуд. Арх. XXIII. № 13й, карт. 47.

** Описаніе торжества и пр. Бурнашева. Тамъ же.

музыка и орудійные выстрѣлы сопровождали лиршество *. Въ теченіе цѣлаго дня въ городѣ былъ колокольный звонъ, а вечеромъ и во всю ночь улицы Тифлиса были иллюминированы.

На слѣдующій день движеніе русскихъ войскъ къ царскому дворцу привлекало новыя толпы любопытныхъ.

Въ десятомъ часу утра полковники Бурнашевъ и Тамара отправились во дворецъ и войдя въ залу нашли тамъ царя окруженнаго членами царскаго дома, министрами и прочими знатыми особами. По прибытіи представителей русской масти, царь предшествуемый регалиями отправился въ соборную церковь для принесенія присяги.

Взойдя на тронъ, поставленный посреди церкви, Ираклій надѣлъ царскую мантию, а по обѣимъ сторонамъ его расположились лица державшія остальные регалии; на ступенькахъ трона стали царевичи и ихъ дѣти. Впереди трона и нѣскольکو правѣ его на столѣ покрытомъ золотымъ газетомъ лежала ратификація императрицы Екатерины II, а лѣвѣ ея, на столѣ покрытомъ бархатомъ, ратификація Ираклія II.

Католикоسة совершалъ богослуженіе. Во время литургіи, при первомъ возглашеніи имени Русской императрицы, во всѣхъ церквахъ Тифлиса раздался колокольный звонъ, а по окончаніи молебна Ираклій подписалъ ратификацію и приступилъ къ присягѣ. Предъ трономъ царскимъ поставлены были Крестъ и Евангеліе, по правую сторону царя сталъ полковникъ Бурнашевъ, по лѣвую—полковникъ Тамара, и обрядъ начался.

„Азъ нижеименованный, произносивъ царь яредъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ, общаюся и клянуся Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ что хочу и долженъ ея императорскаго величества вселпресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея любезнѣйшему сыну, пресвѣтлѣйшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному Всероссійскаго импера-

* Тостъ за здоровье императрицы сопровождался сто однимъ выстрѣломъ; за здоровье членовъ императорской фамиліи и царя Ираклія произведено по 51 выстрѣлу, а за здоровье царицы, членовъ царской фамиліи и свѣтлѣйшаго князя Потемкина—по 31 выстрѣлу.

торскаго престола наслѣднику и всѣмъ высокимъ преемникамъ того престола вѣрнымъ, усерднымъ и доброжелательнымъ быть, признавая именемъ моимъ, наслѣдниковъ и преемниковъ моихъ и всѣхъ моихъ царствъ и областей на вѣчныя времена высочайшее покровительство и верховную власть ея императорскаго величества и ея высокихъ наслѣдниковъ надо мною и моими преемниками, царями Карталинскими и Кахетинскими. Вслѣдствіе того, отвергая всякое надо мною и владѣніями моими, подъ какимъ бы то титуломъ или предлогомъ ни было, господствованіе или власть другихъ государей и державъ и отрицаяся отъ покровительства ихъ, обязываюся, по чистой моей христіанской совѣсти, непріятелей Россійскаго государства почитать за своихъ собственныхъ непріятелей, быть послушнымъ и готовымъ во всякомъ случаѣ гдѣ на службу ея императорскаго величества и государства Всероссійскаго потребенъ буду и въ томъ во всемъ не щадить живота своего до послѣдня капли крови, съ военными и гражданскими ея величества начальниками и служителями обращаться въ искреннемъ согласіи; и ежели какое-либо предосудительное пользѣ и славѣ ея величества и ея имперіи дѣло или намѣреніе узнаю, тотчасъ давать знать; однимъ словомъ, такъ поступать, какъ по единоувѣрію моему съ Россійскими народами и по обязанности моей въ разсужденіи покровительства и верной власти ея императорскаго величества прилично и должно. Въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь."

За присягой послѣдовалъ обмѣнъ трактатовъ: полковникъ Тамара вручилъ царевичу Вахтангу трактатъ ратификованный императрицей, а царевичъ передалъ Тамарѣ трактатъ подписанный Иракліемъ.

По возвращеніи изъ церкви царь вторично давалъ обѣдъ русскимъ офицерамъ, и вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ. „При дворѣ царскомъ“, доносилъ полковникъ Бурнашевъ, „была особливая иллюминація въ лавкахъ украшенныхъ ларцами, разными персидскими и индійскими матеріями. Кулцы тифлискіе ужинали и забавлялись музыкой и танцами; на площади, наполненной множествомъ народа, играла во многихъ мѣстахъ музыка; словомъ весь народъ старался изъяснять свою радость происходящую отъ столь благополучной съ нимъ перемѣны.“

Такъ кончились эти два дня ознаменованные многими милостями императрицы. Супругъ Ираклія царица Дарья

пожалованъ орденъ Св. Екатерины со звѣздой украшенною драгоценными камнями, * перстень въ 5.500 рублей и богатое платье, „которое какъ носить посылается кукла“. Супругъ старшаго сына Ираклія царевича Георгія пожалованы бриллиантовые серьги въ 3.500 рублей. Такъ какъ два старшіе сына Ираклія, царевичи Георгій и Юлонъ, получили ордена еще ранѣе заключенія трактата, то третьему сыну, царевичу Вахтангу, былъ присланъ тростяной набалдашникъ съ бриллиантами. Четвертый по старшинству сынъ Ираклія, царевичъ Антоній, поступившій въ монашество и имѣвшій всего двадцать лѣтъ отъ роду, призывался въ Москву для посвященія въ архіепископы. ** Младшій по немъ братъ, царевичъ Миріанъ, семнадцатилѣтній молодой человекъ, произведенъ въ полковники *** и назначенъ командиромъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Грузинскій католикъ Антоній получилъ бриллиантовый крестъ на клобукъ, **** а царскій генералъ-адъютантъ князь Герсеванъ Чавчавадзе, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ заключеніи трактата, принятъ при Петербургскомъ дворѣ въ качествѣ министра. Многія лица знатнѣйшихъ грузинскихъ фамилій также получили разные подарки, общая цѣнность которыхъ простиралась до 30.500 рублей. †

* Грамота императрицы царю Ираклію отъ 30го сентября 1783 года. Орденъ этотъ царь Ираклію самъ возложилъ на нее въ церкви, гдѣ царица Дарья была въ первый разъ съ непокрытымъ лицомъ. Въ заласъ было послано еще три простыя звѣзды и двѣ ленты.

** „По волѣ его свѣтлости“, писалъ царь Ираклію генералу Потемкину отъ 26го января 1784 года, „ваше превосходительство изволите сообщать мнѣ о сынѣ моемъ архимандритѣ Антоніи, чтобъ его отправить для посвященія въ престольномъ градѣ въ епископское достоинство. Сія новая благость прилагается къ числу многоразрядныхъ щедротъ всеавгустѣйшей государыни и благоволеніе ея преймее всякой благодарности.“

*** Указъ военной коллегіи 18го августа 1783 года. Арх. Кабинета ея императорскаго величества, св. 440.

**** Письмо Антонія генералу Потемкину отъ 31го января 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, лал. 47. См. также указъ кн. Потемкину 30го сентября 1783 года. Арх. Кабинета ея императорскаго величества св. 440.

† Князьямъ Орбеліани и Челокаеву пожаловано по табатеркѣ съ бриллиантами; князю Бегтабекову, перстень бриллиантовый (см. Реестръ подаркамъ. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 48). Генералъ-

23го мая, согласно желанію императрицы, оба сына Ираклія въ сопровожденіи князя Герсевана Чавчавадзе выѣхали въ Россію. * Побывавъ въ Кременчугѣ у князя Потемкина, они въ сентябрѣ достигли Петербурга, гдѣ и были приняты императрицею. Князю Герсевану Чавчавадзе, какъ прибывшему въ качествѣ министра, была назначена особая аудіенція. **

Въ лятницу 23го сентября, по окончаніи церковной службы, князь Чавчавадзе былъ введенъ въ аудіенцъ-залу Зимняго Дворца, гдѣ находились особы обоого пола имѣвшія входъ во внутренніе покои. Сдѣлавъ три поклона грузинскій посоль обратился къ императрицѣ съ особою рѣчью отъ имени Ираклія II.

„Царь Карталинскій и Кахетинскій“, сказалъ онъ, „удовлетворяя обязательствамъ своимъ и тому благоговѣнію которое онъ, со всѣмъ его домоу и со всѣми народами имъ обладаемыми, питаетъ къ верховной своей государынѣ и покровительницѣ церкви нашей православной, избралъ меня быть свидѣтелемъ таковыхъ чувствъ своихъ. Сугубо счастье мое, когда бывъ однимъ изъ участниковъ въ постановленіи торжественнаго договора, коимъ съ утвержденіемъ зависимости отечества моего отъ Имперіи Всероссійской, утверждены на вѣки и наше благоденствіе и безопасность,

поручикъ Потемкинъ, уполномоченный для заключенія трактата, получилъ табатерку съ портретомъ императрицы и одновременно 6.000 руб. Трудившіяся вмѣстѣ съ нимъ лица получили 2.000 рублей. См. рескриптъ кн. Потемкину отъ 23го августа 1783 года. Арх. Кабинета, св. 440.

* Отправляя своихъ дѣтей, Иракліи писалъ императрицѣ: „Всемилостивѣйшее покровительство дарованное дому моему изъ прирѣнія простирается даже до того что ваше императорское величество благоволили повелѣть дѣтямъ моимъ предстать предъ высочайшимъ престоломъ вашего императорскаго величества. Почему всенужайше представляя ихъ при семъ какъ напоследнѣйшихъ рабовъ, желаю дабы чрезъ вѣрныя и рабскія свои услуги удостоились приобрѣсть себѣ матернее милосердіе вашего императорскаго величества и дабы я пребылъ пренаисчастливейшимъ въ настоящемъ моемъ состояніи.“ (Письмо Ираклія отъ 23го мая. Московск. Арх. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка владѣтельныхъ особъ съ высочайшимъ дворомъ, д. № 455.)

** Письмо Безбородка канцлеру 18го сентября 1784 года. Московск. Арх. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

удостаиваясь нынѣ въ лицѣ владѣтеля моего и всѣхъ согражданъ нашихъ приближаться къ священному престолу вашего императорскаго величества и ластъ къ столамъ вашимъ.“

„Ея императорскому величеству“, отвѣчалъ на это канцлеръ, „служить къ особой удобности жертвоприношеніе царя Карталинскаго и Кахетинскаго и всѣхъ обладаемыхъ имъ народовъ, основывающееся на собственномъ ихъ благоденствіи. Ея величество, даровавъ его высочеству и подданнымъ его свое покровительство и усыновя ихъ единожды подъ благословенный свой скипетръ, не оставитъ, конечно, лещись всегда о постоянномъ ихъ благосостояніи. Лицо изъяснителя предъ ея престоломъ благоговѣнія и усердія литаемыхъ царемъ Карталинскимъ и его подданными сугубо пріятно ея величеству, потому что онъ самъ былъ участникомъ въ постановленіи торжественнаго договора, коимъ, съ утвержденіемъ зависимости отечества его отъ Имперіи Всероссійской, утверждено на вѣки благоденствіе и безопасность его, по сему онъ и можетъ полагаться на особенное ея величества благоволеніе и милость.“

Долупущенный къ рукъ императрицы князь Чавчавадзе сдѣлалъ три поклона и не оборачиваясь спиной вышелъ изъ залы. Этою аудіенціей закончилась актъ вступленія Грузіи подъ покровительство Россіи.

II.

Впечатлѣніе произведенное на закавказскихъ владѣтелей вступленіемъ Грузіи подъ покровительство Россіи.—Положеніе Армянъ въ Закавказьѣ.—Просьба ихъ о защитѣ отъ притѣсненій Карабагскаго хана.—Намѣреніе князя Потемкина устроить будущность Армянъ и образовать особое христіанское государство по ту сторону Кавказскихъ горъ.—Дѣятельность и участіе въ этомъ армянскаго архіепископа Іосифа.—Переговоры съ Карабагскимъ ханомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ заключенія трактата князь Потемкинъ извѣстилъ всѣхъ Азербеджанскихъ хановъ и другихъ сосѣднихъ владѣльцевъ что Грузія признала надъ собой верховное покровительство Русской императрицы. Туземное населеніе приняло это извѣщеніе съ большимъ волненіемъ, еще болѣе усилившимся когда въ Закавказьѣ узнали что Русскіе

исправляютъ дорогу въ Грузію, строятъ мосты и даже двинули туда часть своихъ войскъ. Каждый изъ смежныхъ владѣльцевъ смотритъ на Россію съ крайнимъ недоброжелательствомъ и опасеніемъ. Поводомъ къ этому были совершившіяся въ короткое время круныя событія: присоединеніе къ Россіи Крыма, Кубани и подчиненіе Грузіи.

Опасаясь за свою будущность ханы и владѣльцы объяснили движеніе нашихъ войскъ въ Закавказьѣ непремѣннымъ желаніемъ Русскаго правительства захватить въ свои руки часть владѣній принадлежавшихъ Персіи и Турціи. Всѣ пограничные съ Грузіей владѣльцы, считавшіе свое поведеніе не безгрѣшнымъ относительно Россіи, торопились принять мѣры противъ завоевательныхъ ея видовъ. Послѣ неоднократныхъ взаимныхъ совѣщаній, одни рѣшили съ приближеніемъ русскихъ войскъ защищаться до послѣдней крайности, а другіе предпочитали оставить свои владѣнія и спастись у сосѣдей. Окружающіе Фетхъ-Али-хана Дербентскаго увѣряли его что съ прибытіемъ русскихъ войскъ въ Грузію онъ будетъ непремѣнно свергнутъ съ ханства „и будешь ты, говорили они, у Русскихъ свинопасомъ“. * Фетхъ-Али-ханъ трусилъ и высказывалъ намѣреніе въ случаѣ крайности бѣжать въ Персію.

Наиболѣе другихъ беспокоился Сулейманъ-паша Ахалцыхскій, часть владѣній котораго входила нѣкогда въ составъ Грузинскаго царства. Происходя изъ древняго поколѣнія князей Грузинскихъ, Сулейманъ-паша считалъ себя наслѣдственнымъ владѣтелемъ Саатабаго (Ахалцыха)—древней провинціи Грузіи. Желая сдѣлаться независимымъ отъ Порты и при тогдашней слабости Турецкаго правительства надѣясь достигнуть этого, Сулейманъ непріязненно встрѣтилъ извѣстіе о вступленіи Грузіи подъ покровительство Россіи. При болтливости свойственной всѣмъ азіатскимъ народамъ Грузины не могли скрыть главнѣйшихъ статей трактата, и Сулейманъ, не безъ страха за свою будущность, узналъ о существованіи втораго параграфа секретныхъ условій, въ которомъ Русская императрица не только ручалась за сохраненіе въ цѣлости настоящихъ владѣній царя Ираклія, но обѣщала распространить это ручательство и на всѣ тѣ

* Секретное извѣстіе отъ 18го августа 1783 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

владѣнія которыя будутъ имѣть пріобрѣтены въ послѣдствіи, Сулейманъ-паша такъ и казалось что составляя этотъ параграфъ, Русскіе имѣли въ виду прежде всего овладѣть Ахалцыхскимъ пашалыкомъ и подчинить его власти Грузинскаго царя. Естественно что при такомъ настроеніи Сулейманъ, лишь только получилъ извѣстіе о движеніи русскихъ войскъ въ Грузію, тотчасъ же отправилъ нарочнаго въ Константинополь просить помощи Порты.

Посланный явился въ резиденцію султана съ донесеніемъ что движеніе русскихъ войскъ навело ужасъ на всю Анатолію и въ Малой Азіи убѣждены что Русскіе намѣрены громить Турокъ со стороны Грузіи. Побѣды нашихъ войскъ въ Европейской и Азіатской Турціи, во время послѣднихъ войнъ навели столь большой страхъ на жителей что они съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за всякимъ движеніемъ русскихъ войскъ и часто придавали ихъ перемѣщенію весьма преувеличенное значеніе. Паника охватывала населеніе каждый разъ когда оно узнавало о появленіи Русскихъ. Такъ въ іюнѣ 1783 года всѣ ломорскіе жители Трапезунта бѣжали въ глубь страны отъ одного извѣстія что нашъ флотъ появился въ виду береговъ. Хотя въ послѣдствіи и оказалось что то было стадо плавающихъ птицъ, но туземцы съ трудомъ и не охотно возвращались въ покинутыя ими селенія. * Ожиданіе скорого появленія Русскихъ заставило всѣхъ жителей Эрзерума и его окрестностей переходить въ укрѣпленныя мѣста и побудило Сулейманъ-пашу просить членовъ Дивана оказать ему помощь.

— Царь Ираклій, говорилъ посланный Сулеймана,—есть колеблющаяся скала, ладенія которой нужно опасаться. Онъ поддерживается русскими войсками, потому что ищетъ нашего разрушенія, и если не будетъ помощи, то безъ сомнѣнія мы погибли. Помогите намъ...

— Мы съ Россіей въ мирѣ, отвѣчала Порта посланному,—но если вы замѣтите какія-либо непріязненныя дѣйствія съ ея стороны или встрѣтите враговъ, то должны обращать ихъ въ бѣгство.

Принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи не было нарушеніемъ мирныхъ трактатовъ съ Портой Отоманскою,

* Отношеніе генералъ-поручика Потемкина полковнику Бурнаеву отъ 13го августа 1783 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 46.

ибо Грузія была независима отъ Турціи. Не имѣя повода къ открытому вмѣшательству въ дѣла наши въ Закавказьѣ и сознавая свою слабость, Турецкое правительство не отказывалось однако же отъ тайныхъ дѣйствій и интригъ. Официально отказавъ въ помощи посланному Ахалцыхскаго паши, Константинопольскій дворъ втайнѣ обнадежилъ своею поддержкой не только Сулеймана, но и всѣхъ Азербеджанскихъ хановъ. Эмиссары съ султанскими фирманами разсылались по Дагестану и Закавказью, и приглашали всѣхъ соединиться воедино для защиты вѣры и на разореніе Грузіи. Порта совѣтовала пашѣ Ахалцыхскому войти въ сношеніе съ Персидскими ханами и пригласить къ себѣ Лезгинъ, на содержаніе которыхъ и отправила ему пятьдесятъ мѣшковъ денегъ. Последний тотчасъ же послалъ нарочнаго ко властвовавшему тогда въ Персіи Али-Муратъ-хану и разослалъ письма ко всѣмъ Азербеджанскимъ ханамъ и Дагестанскимъ владѣльцамъ.

Призывая ихъ къ совокупному дѣйствию противъ общаго врага, Сулейманъ просилъ вспомнить что „всякъ кто въ ревности своей ищетъ истреблять враговъ, угоденъ Богу, а кто поразить единаго изъ невѣрныхъ, тотъ обратитъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ и вѣчный рай будетъ ему воздаяніемъ“.*

„Со слезами молимъ васъ, писалъ паша въ другомъ письмѣ, ** помогите намъ, защитите насъ. Примите мѣры опровергнуть невѣрныхъ отъ предѣловъ нашихъ.“

Сулейманъ просилъ Лезгинъ прислать къ нему до 3.000 человекъ, обѣщая доставить имъ продовольствіе и давать такое жалованье какое сами назначать. Большинство Лезгинскихъ владѣльцевъ, не желая стѣснять себя никакими обязательствами, отвѣчали уклончиво. Они говорили что съ Русскими и Грузинами согласны никогда не будутъ и что готовы служить султану какъ своему единовѣрному государю, но только тогда когда получать отъ него фактическую помощь. Видя что переговоры съ Дагестанцами не приводятъ къ желаемымъ результатамъ и не надѣясь на поддержку Лезгинъ, Сулейманъ старался привлечь на свою сторону Азербеджанскихъ хановъ. Онъ предлагалъ имъ соединиться воедино и тогда, говорилъ онъ, мы будемъ сильны чтобы разсѣять бурю собирающуюся сокрушить насъ.

* Письмо Сулеймана удмию Каракайдагскому. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

** Къ народамъ Дагестанскимъ. Тамъ же.

„Проклятые Русскіе, писалъ Сулейманъ Ибраимъ-хану Шуминскому (Карабагскому), * проложили луть черезъ Кавказъ и дорога ими сдѣланная дозволяетъ везти не только нужныя вещи, но и артиллерію и все что къ продовольствію потребно. Ихъ войска вступаютъ исподоволь въ Грузію и въ исходѣ лѣта всѣ они соберутся съ тѣмъ чтобы власть въ Персію и въ предѣлы оттоманскіе и поглотить насъ какъ быстрый лѣтній потокъ поглощаетъ все гдѣ протечетъ.“

Ахацыхскій паша совѣтовалъ Ибраиму оглянуться на свое положеніе, принять мѣры противъ неожиданнаго бѣдствія и стараться потушить огонь, по словамъ паши, пожрать ихъ готовящійся.

Отправляя свое письмо Шуминскому хану, Сулейманъ зналъ куда ему должно направить ударъ. Ибраимъ-ханъ былъ лицомъ наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Большая часть его подвластныхъ состояла изъ Армянъ исповѣдывавшихъ христіанскую религію, ненавидѣвшихъ хана и склонявшихся на сторону Россіи.

Подлавъ подъ власть хановъ Шуминскаго (Карабагскаго) и Карадагскаго, Армяне находились въ крайнемъ порабощеніи и сверхъ личныхъ оскорбленій весьма часто лишались матеріальнаго благосостоянія и даже жизни. Каждый Армянинъ принужденъ былъ тщательно скрывать свое имущество, потому что если ханъ узнавалъ о немъ, то или отбиралъ силой, или умерщвлялъ Армянина чтобы завладѣть его богатствомъ. Такъ, въ 1781 году Ибраимъ лишилъ жизни Дизакскаго мелика Исая и завладѣлъ его сокровищами, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поступилъ точно также и съ его наследникомъ.

Устрашенные такимъ поступкомъ остальные мелики залегли въ крѣпкихъ мѣстахъ и рѣшились сопротивляться хану. Они искали защиты у царя Ираклія II, какъ союзника Ибраима и единого сильнаго владѣльца въ Закавказьѣ. Но не получивъ отъ него удовлетворенія, Армяне отправили тайно своихъ делутатовъ въ Россію, поручивъ имъ умолять императрицу объ освобожденіи ихъ отъ несноснаго ига.

Представители Армянской націи были приняты въ Петербургѣ съ большимъ сочувствіемъ и съ полною готовностью протянуть руку помощи угнетенному народу. Опыть

* Госуд. Арх. XIII, № 13, карт. 47.

прошедшихъ временъ показывалъ однако же нашему правительству что при помощи однихъ письменныхъ сношеній съ владѣльцами невозможно избавить Армянъ отъ безчисленныхъ притѣсненій которымъ они подвергались и что для полного освобожденія ихъ необходимо удалить магометанскихъ правителей и соединить въ одно цѣлое все христіанское населеніе Закавказья. Такое соединеніе возможно было только при единодушіи, достаточной долѣ мужества, энергіи и самопожертвованія со стороны туземнаго населенія. Насколько то и другое имѣло мѣсто среди Армянъ, въ Петербургѣ судить было трудно и потому князь Потемкинъ, отправая на линію своего брата П. С. Потемкина, поручилъ ему ближе познакомиться съ Армянами, съ ихъ политическимъ настроеніемъ, характеромъ и матеріальными средствами.

Воспользовавшись тѣми постоянными сношеніями которыя находившійся въ Россіи армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій-Долгорукій поддерживалъ со своими соотечественниками, П. С. Потемкинъ обратился къ нему какъ къ человѣку ближе другихъ знакомому съ положеніемъ дѣла и характеромъ народа. Задавая Іосифу рядъ вопросовъ, командовавшій войсками на Моздокской линіи писалъ ему что желаніе получить на нихъ отвѣты вызывается не простымъ любопытствомъ, а политическими соображеніями относительно той земли „которая древностію толь знаменита и которая нынѣ представляетъ жалостное позорище, напоминающее человѣчеству тщетность вещей“ *.

„Земля великой Арменіи, спрашивалъ П. С. Потемкинъ архіепископа, впадъ въ руки нечистыхъ по закону Турокъ и Персіанъ, чрезъ толико долговременную неволю сохраняет ли силу духа, нужную для свободной души? Порабощенія и разныя притѣсненія не истребили ли благородныхъ въ сердцахъ чувствованій? Сила разума, законъ и крѣпость вѣры толиколько дѣйствуютъ, чтобы внутреннее сердце расположено клонилось свергнуть иго ихъ утѣсняющее?“

Имѣя въ виду что главное занятіе Армянъ составляли торговля и промыслы, генералъ-поручикъ Потемкинъ спрашивалъ: пожелаютъ ли они настоящее состояніе перемѣнить на лучшее будущее, „ибо, говорилъ онъ, генеральное примѣ-

* Записка Потемкина архіепископу Іосифу отъ 21го декабря 1783 года, № 64.

чаніе сдѣлаю что всѣ тѣ люди кои обращаются въ торговлѣ, всякое другое чувствованіе заглушаютъ кромѣ жадности къ корысти своей. Вѣра сильно ли дѣйствуетъ въ Армянскомъ народѣ и благочестіе можетъ ли быть поводомъ къ побужденію народному? Санъ патріаршій въ какомъ между нами почтеніи? Мелики сохраняютъ ли къ священному чину должное благоговѣніе, а народъ къ меликамъ повиновеніе, а наконецъ какія средства угодить народу, присоединить вѣрность меликовъ и привязать духовенство.“

Коснувшись политическихъ особенностей Армянскаго народа, нельзя было оставить безъ вниманія и окружавшихъ его сосѣдей. „Я прошу ваше преосвященство, писалъ П. С. Потемкинъ Іосифу, замѣтить мнѣ какъ далеко простирается союзъ Грузинскаго царя Иракліа съ Армянами и какую поверхность имѣетъ онъ надъ тѣми ханами кои прилежатъ къ предѣламъ его земель. Принадлежащая земля Армянамъ нынѣ во владѣніи кому принадлежитъ? Сколько меликовъ въ Карабагской провинціи и сколько можно полагать народу? Какія важнѣйшія мѣста встрѣтятся если проходить черезъ Тифлисъ, а равно съ другой стороны ежели бы луть взять отъ Дербента? Какъ далеко можно полагаться на услуги и обѣщанія князей или владѣльцевъ и на народъ тѣхъ мѣстъ еслибы туда идти слѣдовало?“

Потемкинъ просилъ указать ему на болѣе укрѣпленныя мѣста лежащія на пути отъ Тифлиса къ Эривани и изъ Дербента черезъ Шемаху къ Нахичевани. Онъ желалъ имѣть свѣдѣнія о характерѣ владѣльцевъ и естественныхъ богатствахъ провинцій лежащихъ по ту сторону Кавказскихъ горъ. „Можно ли, спрашивалъ П. С. Потемкинъ, получить намъ продовольствіе для войскъ, хлѣбъ, фуражъ и прочъ? Какія есть рѣки судоходныя, чрезъ кои можно бы было облегчить доставленіе провіанта? Въ которой землѣ (провинціи) болѣе онаго, въ которой менѣе; въ которыхъ мѣстахъ и какого рода хлѣбъ, ибо сіе есть основаніе дѣла: гдѣ войско сыто, тамъ оно дѣйствительно. Горе тому начальнику который о пропитаніи войскъ не помыслить.“

Предложенные архіепископу Іосифу вопросы скоро сдѣлались извѣстны всѣмъ Армянамъ и произвели на нихъ самое радостное впечатлѣніе. Въ собираемыхъ нами свѣдѣніяхъ, и притомъ весьма обширныхъ, туземцы видѣли желаніе Русскаго правительства возстановить древнюю Арменію и

навсегда избавить населеніе отъ притѣсненій магометанскихъ правителей. Въ коллективномъ письмѣ подписанномъ двумя патриархами (Іоанномъ и Лукою), всѣми меликами и другими знатнѣйшими лицами Армяне просили послѣднѣе притѣсненіе на ихъ избавленіе и обѣщали доставить русскому войску самое изобильное продовольствіе; они увѣряли что въ плодородномъ отечествѣ ихъ можно содержать въ теченіе пяти лѣтъ до тридцати тысячъ человѣкъ и даже болѣе.

Князь Потемкинъ, принимавшій живѣйшее участіе въ судьбѣ Армянскаго народа, именемъ императрицы обнадежилъ Армянъ и обѣщавъ депутатамъ что въ скоромъ времени желанія ихъ будутъ исполнены.

„Шушинскаго (Карабагскаго) хана Ибраима свергнуть должно, писалъ князь Таврическій своему брату П. С. Потемкину, * ибо послѣ сего Карабагъ составить армянскую независимую, кромѣ Россіи, никому область. Вы тутъ употребите все стараніе чтобы новая сія область устроилась наивыгоднѣйшимъ образомъ для народа; чрезъ сіе и прочія сильныя армянскія провинціи послѣдуютъ ихъ примѣру.“

Ибраимъ самъ не считалъ своего положенія прочнымъ и обезпеченнымъ; по своему двуличію, онъ не могъ разчитывать на расположеніе къ нему Петербургскаго двора. Ханъ то прикидывался искренно преданнымъ Россіи, писалъ льстивыя письма пограничнымъ нашимъ начальникамъ и высказывалъ желаніе поступить подъ покровительство императрицы, то вдругъ измѣнялъ свое поведеніе, переходилъ на сторону нашихъ противниковъ, грабилъ и притѣснялъ своихъ подданныхъ христіанскаго исповѣданія. Таково было поведеніе хана и не удивительно что когда онъ узналъ о сношеніяхъ Армянъ съ нашимъ правительствомъ, то, опасаясь наказанія за свои поступки, снова прикинулся преданнымъ Россіи и написалъ что давно желаетъ поступить подъ покровительство ея, но до сихъ поръ не рѣшался только высказать своего желанія. „Давно уже, писалъ Ибраимъ, имѣлъ я расположеніе быть вѣрнымъ и усерднымъ рабомъ всемилостивѣйшаго Всероссійскаго трона и царствующей съ несмѣтными щедротами императрицы. Не имѣя ни знакомыхъ, ни малѣйшей связи, какъ могъ я отважиться ступить на стези ведущія къ толикому блаженству. Ожидая отъ Провидѣнія Всевышняго пристойнаго

* Въ ордерѣ отъ 6го апрѣля 1783 года. Арх. Главн. Штаба.

случая къ изъявленію моей ревности, скорбѣлъ внутри души моей“. Ибрагиму сообщено что скорбь его и застѣнчивость были напрасны, ибо до сихъ поръ никто изъ искавшихъ покровительства Россіи не былъ еще отвергнутъ императрицей и положеніе всѣхъ прибѣгающихъ подъ ея защиту обезпечивалось наилучшимъ образомъ.

— Быть подвластнымъ великой Екатеринѣ, говорилъ П. С. Потемкинъ Карабагскому хану,—значитъ заимствовать сіяніе тѣхъ лучей которые украшаютъ ея священную корону. Подчиненіе ея скипетру не только не уменьшитъ, но утвердитъ ваше владычество, чему примѣромъ можетъ служить Крымскій Шагинъ-Гирей-ханъ, при помощи русскаго оружія два раза возставленный владѣтелемъ. Потемкинъ совѣтовалъ Ибрагиму послѣшить изъявленіемъ покорности и просить о принятіи его подъ покровительство Россіи. Ханъ отвѣчалъ что онъ искренно желаетъ такого покровительства и даже готовъ платить дань. Несмотря на предыдущее поведеніе владѣтеля Карабага, поведеніе враждебное Россіи, императрица Екатерина II готова была согласиться на просьбу Карабагскаго владѣльца. „Что касается до Ибраимъ-хана, писала она князю Таврическому, * если въ принятіи его подъ русскаго покровительство не встрѣтится никакого затрудненія или сомнительства, кажется можно взять за руководство то что сдѣлано съ царемъ Иракіемъ, и въ такомъ случаѣ вы не оставите поручить генералу Потемкину заключить съ нимъ договоръ о подчиненіи его Россійскому императорскому престолу и о признаніи имъ моей и преемниковъ моихъ верховной власти надъ нимъ и его преемниками. Принятіе на подобныхъ условіяхъ можетъ служить доказательствомъ кроткаго здѣшняго обладанія и побужденіемъ для многихъ тамошнихъ нашихъ сосѣдей подражать примѣру сихъ двухъ владѣтелей.“

Князь Потемкинъ, близко знакомый съ характеромъ Ибраимъ-хана, не вѣривъ въ чистосердечность его намѣреній и въ готовность платить дань, поручилъ отвѣчать хану что самая лучшая дань которую уважаетъ Русская императрица—есть вѣрность, и если Ибраимъ сохранитъ ее и будетъ всегда

* Въ рескриптѣ отъ 5го мая 1783 года. Госуд. Арх.

исполнять высочайшія повелѣнія, то только тогда можетъ надѣяться что будетъ принять въ русское подданство *.

Сухость такого отвѣта испугала Ибраима и онъ торопился укрѣпить городъ Шушу и обезпечить себя отъ нападеній. Генералъ-поручикъ Потемкинъ заявилъ хану что укрѣпленія его не грозны для русскихъ войскъ, но двоеличіе хана будетъ неудобно для него самого и въ особенности въ томъ случаѣ если онъ не послѣдшій заявить о своей покорности **. Карабарскій ханъ предпочелъ однакоже не возобновлять вопроса о подданствѣ и въ послѣдствіи перемѣну своего поведенія объяснялъ обидой нанесенною ему царемъ Иракліемъ, при заключеніи трактата не включившаго вмѣстѣ съ Грузіей и Карабага. Генералъ Потемкинъ отвѣчалъ что дѣло это легко исправить, если ханъ пришлетъ довѣренное лицо для заключенія желаемыхъ имъ условій. Ибраимъ довѣренныхъ не присылалъ, и князь Таврическій, не особенно желавшій его подданства, былъ весьма радъ такому стеченію обстоятельствъ. Свѣтлѣйшій имѣлъ въ виду при удобномъ случаѣ лишить Ибраима ханскаго достоинства и всю его область, населенную преимущественно Армянами, передать въ управленіе одного изъ наиболѣе уважаемыхъ армянскихъ меликовъ. „Черезъ то, писалъ онъ императрицѣ ***, возобновится въ Азіи христіанское государство сходственно высочайшимъ вашего императорскаго величества обѣщаніямъ, даннымъ черезъ меня армянскимъ меликамъ.“

„Армянъ извольте ваше превосходительство ласкать, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ князь Таврическій своему брату П. С. Потемкину **** и лутать благое въ нихъ расположеніе къ Россіи, дабы имѣть ихъ всегда усердными и готовыми къ совершенію предпріятій, которыхъ обстоятельства и польза дѣла нашихъ востребуетъ.“

Обстоятельства эти клонились исключительно на пользу Армянскаго народа и потому естественно возбуждали въ населеніи всеобщее тяготѣніе къ Россіи. Не только закавказскіе Армяне, но и тѣ которые жили среди Кумыковъ, Кабар-

* Ордеръ князя Потемкина-Таврическаго генералу Потемкину, отъ 19го мая 1783 года.

** Письма П. С. Потемкина царю Ираклію 28го іюня 1783 года.

*** Отъ 19го мая 1783 года.

**** Въ ордерѣ отъ 19го мая 1783 Госуд. Арх. XXIII, № 13и, карт. 45.

динцевъ и закубанскихъ Черкесовъ хлопотали о соединеніи христіанскаго населенія въ одно цѣлое. Они просили разрѣшенія переселиться на линію и основать особую армянскую колонію. Князь Потемкинъ, соглашаясь на эту просьбу, поручилъ генераль-поручику Потемкину избрать и назначить мѣсто для ихъ населенія, которое и назвать именемъ Св. Григорія Армянскаго, патрона свѣтаѣйшаго. „Отъ стеченія туда народа, говорилъ онъ, * и отъ распространенія сего селенія будетъ зависѣть учрежденіе тамо города.“

Между тѣмъ карабагскіе Армяне прождавъ весь 1783 годъ и испытывая притѣсненія хана, рѣшились напомнить о себѣ вторично. Они отправили письмо архіепископу Іосифу, прося его ходатайства о скорѣйшемъ принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. ** Армяне писали ему что Ибраимъ-ханъ, узнавъ о сношеніяхъ ихъ съ Русскимъ правительствомъ, сталъ ихъ притѣснять еще болѣе; что бѣдственное ихъ состояніе причиной что они рѣшились вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправить своего депутата на Кавказскую линію къ генераль-поручику Потемкину съ просьбой о защитѣ и помощи. Армяне просили прислать имъ два полка, которые въ соединеніи съ двумя баталіонами находившимися въ Грузіи и съ войсками самихъ Армянъ, были по ихъ мнѣнію достаточны для освобожденія христіанъ отъ несноснаго магометанскаго ига, „ибо, писали они, *** нынѣ время свободное ко всякому предпріятію, потому что дѣвы въ норахъ почиваютъ, равно и аисицы въ поляхъ безъ пристрастія (страха) прохлаждаются“.

Депутатъ карабагскихъ Армянъ Даниилъ Аваѣсовъ увѣрялъ П. С. Потемкина что при первомъ извѣстіи о движеніи русскихъ войскъ армянскіе мелики соберутъ не менѣе пяти тысячъ человекъ самыхъ храбрыхъ воиновъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ; что они приложатъ все свое стараніе къ испроверженію Ибраимъ-хана, нѣкоторые родственники котораго также находятся въ сообществѣ съ Армянами; что Русскіе могутъ при посылкѣ своихъ войскъ не ограничивать ихъ числа и быть увѣренными что сколько бы ихъ прислано ни было всѣ они найдутъ обильное продовольствіе и на неопредѣ-

* Письмо П. С. Потемкина царю Ираклію 28го іюня 1783 года.

** Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

*** Въ письмѣ генераль-поручику Потемкину, отъ 30го мая 1784. Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

ленное время. По словамъ Авамѣсова у жителей скрыто было въ погребѣхъ множество хлѣба и заготовлено значительное количество рыбы собственно для русскихъ войскъ. * Архіепископъ Іосифъ подтверждалъ послѣднія слова армянскаго депутата и вообще выказывалъ необыкновенную дѣятельность. Онъ нарочно отправился изъ Астрахани на Кавказскую лавію чтобы лично повидаться съ П. С. Потемкинымъ и переговорить съ нимъ; писалъ нѣсколько писемъ князю Г. А. Потемкину и наконецъ просилъ позволенія отправиться на шесть мѣсяцевъ въ Арменію для свиданія съ патріархомъ и меликами. Іосифъ мечталъ не только о сверженіи магометанскаго ига, но и о возстановленіи ладшей короны и умолялъ князя Потемкина подать руку помощи Армянамъ. „Будьте, ваша свѣтлость, писалъ онъ, ** виновникомъ къ избавленію ихъ и впечатлѣнію священнѣйшаго портрета великой императрицы въ самой нутри Арарата, въ монументъ всего свѣта, да восклицаютъ непрестанно всѣ роды что сей есть спаситель армянскій и прославятъ имя вашей свѣтлости во вѣки.“ Іосифъ просилъ чтобы въ случаѣ принятія Ибраимъ-хана Шуминскаго подъ покровительство Россіи не подчинять ему меликовъ армянскихъ. Просьба эта была, конечно, равносильна изложенію Ибраима, такъ какъ большую часть населенія Карабага составляли Армяне подвластные меликамъ. Безъ подчиненія ихъ ханской власти Ибраимъ не согласился бы поступить подъ покровительство Россіи. Армянскій архіепископъ зналъ это лучше другихъ, но вѣдь онъ и добивался возстановленія царства *Великой Арменіи*. Онъ разчитывалъ на возможность осуществленія своихъ надеждъ тѣмъ болѣе что Армяне жившіе въ другихъ мѣстахъ Персіи и даже Турціи, стремясь къ объединенію и осуществленію идеи возстановленія ихъ отечества, искали содѣйствія Россіи. Такъ въ маѣ 1784 года прибылъ въ Тифлисъ депутатъ отъ ассирійскихъ христіанъ жившихъ въ Урумїи. Сынъ мелика Саргошева Ассиріанинъ Ілія явился сначала къ царю Ираклію, а потомъ къ полковнику Бурнашеву съ просьбой объ освобожденіи его соотечественниковъ отъ угнетенія магометанъ.

По свидѣтельству Іліи въ Урумїи находилось до тысячи

* Показанія Даниіла Авамѣсова. Тамъ же.

** Въ письмѣ отъ 10го сентября 1874 года. Государственный Архивъ XV, № 149.

семей или до пяти тысячъ человекъ ассирійскихъ христіанъ восторіанскаго закона и до двадцати тысячъ семей жило въ турецкихъ владѣніяхъ. * Всѣ они желали выйти изъ-подъ власти магометанъ, готовы были переселиться въ Грузію, но переходить въ Россію согласія не изъявляли **.

Желая содѣйствовать Армянамъ къ восстановленію ихъ отечества, князь Потемкинъ предполагалъ отправить отрядъ русскихъ войскъ изъ Кизляра и занять сначала Дербентъ, съ тою цѣлью чтобы при началѣ военныхъ дѣйствій за освобожденіе Арменіи городъ этотъ могъ служить надежнымъ убѣжищемъ для Армянъ. Утвердившись въ Дербентѣ, предполагалось дѣйствовать съ двухъ сторонъ: одинъ отрядъ войскъ двинуть вдоль морскаго берега до самаго Гилана, а другой направить со стороны Грузіи. Генераль-поручику Потемкину были отпущены суммы на заготовленіе въ Астрахани провіанта на шесть тысячъ человекъ и фуража на тысячу пятьсотъ лошадей. Доставку этого провіанта какъ въ Дербентъ, такъ и далѣе предполагалось производить на судахъ Каспійской эскадры ***.

Предположеніямъ этимъ однакоже не суждено было осуществиться. Открывшіяся сношенія наши съ Али-Муратъ-ханомъ Исфаганскимъ, владѣвшимъ въ то время большею частью Персіи, давали князю Потемкину надежду окончить дѣло Армянъ болѣе легкимъ, мирнымъ способомъ; походъ русскихъ войскъ былъ отмененъ, но приготовленія къ нему не сохранились въ тайнѣ и устроили многихъ.

Прежде другихъ испугался, конечно, Ибраимъ-ханъ, получившій письмо Сулейманъ-паши Ахалцыхскаго съ извѣщеніемъ о вступленіи части русскихъ войскъ въ Грузію и о скоромъ прибытіи новыхъ. Не считая себя достаточно сильнымъ чтобы противиться Россіи, Ибраимъ торопился обезпечить себя союзомъ съ соседями. Войдя въ соглашеніе съ ханами Хойскимъ, Шекинскимъ и Бакинскимъ, онъ заключилъ съ ними условіе дѣйствовать совокупно и единодушно при всякомъ покушеніи Россіи, на кого бы оно сдѣлано ни было ****.

* Ралортъ Бурнашева генералу Потемкину 26го мая №46.

** Показаніе Ильи Саргошева на заданные вопросы 10го іюня 1784.

*** Ордеръ князя Таврическаго генералу Потемкину отъ 6го апрѣля. Архивъ Главнаго Штаба.

**** Письмо армянскаго діакона Василія Полова 15го апрѣля. Государственный Архивъ XXIII, № 13, картонъ 45.

Союзники положили однакоже не обнаруживать своего согласія и до времени оказывать Россіи всѣ видимые знаки своего доброжелательства. Они рѣшились воспользоваться обстоятельствами и отправить въ Тифлисъ своихъ посланныхъ не столько съ цѣлью поздравить Ираклія со вступленіемъ подъ покровительство Россіи сколько разузнать о проехождѣющемъ и заявить полковнику Бурнашеву о своей преданности императрицѣ. Увѣряя царя Ираклія въ дружественномъ къ нему расположеніи Ибраимъ просилъ у него помощи противъ Лезгинъ разорвавшихъ его владѣніе.

Пригласивъ къ себѣ двѣнадцать тысячъ Лезгинъ для дѣйствія противъ хановъ Нухинскаго и Дербентскаго и получивъ свѣдѣнія о движеніи русскихъ войскъ, Ибраимъ отложилъ свои завоевательные виды и хотѣлъ распустилъ собранныя войска, но Лезгины требовали жалованья и не уходили безъ полученія условленной платы. Ибраиму заплатить было нечѣмъ, и Лезгины, разсылавшись по Карабагу, грабили его жителей. Ираклій II не могъ на этотъ разъ удовлетворить просьбѣ своего прежняго союзника и совѣтовалъ ему искать покровительства Россіи. Въ январѣ 1784 года Ибраимъ отправилъ своего посланнаго на Кавказскую линію, прося принять его въ подданство Россіи, оставить его ханомъ и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла. На это князь Потемкинъ снова отвѣчалъ что желательно было бы чтобы ханъ въ дѣлѣ столь важномъ оставилъ всякое недоувѣріе и положился на великодушіе императрицы. Все еще опасаясь за свою будущность Ибраимъ просилъ царя Ираклія чтобы онъ поклонился ему въ томъ что если онъ вступить въ подданство Россіи, то будетъ оставленъ въ ханствѣ, утвержденъ владѣтелемъ на вѣчныя времена и что никакая часть его владѣній ни подъ какимъ видомъ и никуда не отойдетъ. Ибраимъ спрашивалъ можетъ ли онъ разчитывать при этомъ что его честь и достоинство не будутъ унижены. При посредствѣ полковника Бурнашева Ираклій отвѣчалъ хану что вступая подъ покровительство Россіи, ханъ можетъ ожидать только благополучія, но во всемъ долженъ положиться на щедроты и великодушіе императрицы, предавая себя въ ея волю безо всякихъ условій и ограниченій *.

„Письмо ваше, отвѣчалъ Ибраимъ царю Ираклію II, ** въ

* Репортъ Бурнашева Потемкину 12го мая и письмо Ираклія ему же отъ 13го мая. Госуд. Арх. XXIII, № 13ѣ, карт. 47.

** Въ письмѣ полученномъ 6го мая 1784 года.

коемъ меня извѣщаете о вашемъ благополучіи и приказываете дабы я послалъ моего чиновника къ высочайшему двору Русской государыни, мною получено.

„Всему народу уже извѣстно что прежде весь свѣтъ погибаетъ и день днемъ не будетъ нежели между нами братская любовь и дружескій союзъ прекратиться можетъ. Вы находитесь подъ покровительствомъ высочайшаго двора и оному вѣрность оказываете. Я равно готовъ съ Божіею помощію отдать свою голову въ число тѣхъ кои вѣрны высочайшему и съ небесами равному двору Россійской государыни и современемъ человека пошлю.“

Хотя въ іюлѣ 1784 года Ибраимъ-ханъ и отправилъ своего посланнаго въ Россію съ просьбой о подданствѣ *, но переговоры съ нимъ по этому дѣлу не привели ни къ какимъ результатамъ.

III.

Поѣздка П. С. Потемкина въ Тифлисъ.—Свиданіе его съ царемъ Иракліемъ. — Характеристика лицъ Грузинскаго царскаго дома и ихъ взаимныя отношенія.—Безпорядки во внутреннемъ управленіи Грузіи.—Плата Лезгинамъ.—Военное устройство Грузинъ.—Вторженіе Лезгинъ въ Грузію и отраженіе ихъ при помощи русскихъ войскъ.—Происшествіе въ Ганджинскомъ ханствѣ.

Обширные виды которые имѣлъ князь Потемкинъ на край Азербеджанскій требовали того чтобъ исполнители его предначертаній, генераль-поручикъ Потемкинъ и царь Ираклій, короче познакомились другъ съ другомъ и личнымъ свиданіемъ утвердили между собою связь и дружбу. „Пріобрѣтя его довѣренность, писалъ свѣтлѣшій своему брату, несомнѣнно вы управлять имъ будете.“ Съ этою цѣлью П. С. Потемкину приказано было отправиться въ Грузію и взглянуть на страну избираемую театромъ всѣхъ будущихъ дѣйствій.

Мы видѣли что царь Ираклій давно искалъ этого свиданія и когда узналъ что дѣла задерживаютъ поѣздку Потемкина въ Тифлисъ, то хотѣлъ самъ отправиться въ Стефанъ-Цмиду съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды ѣхать даже и на Кавказскую линію. Готовность эта была отклонена въ видахъ того что поѣздка Потемкина въ Грузію обуславливалась не

* Репортъ Бурнашева Потемкину 6го іюля 1784 года, № 53й.

однѣми только политическими нуждами царя, но изученіемъ внутренняго состоянія страны и собраніемъ по возможности подробныхъ свѣдѣній объ окрестныхъ владѣльцахъ и ихъ отношеніяхъ какъ къ Грузіи, такъ и къ своимъ подданнымъ.

Въ началѣ сентября генераль-поручикъ Потемкинъ, въ сопровожденіи генераль-майора Самойлова, отправился въ Грузію. Встрѣченный тамъ всеобщимъ восторгомъ, онъ привезъ одинаково неудовлетворительныя свѣдѣнія о странѣ и уѣхалъ съ убѣжденіемъ въ совершенномъ разстройствѣ механизма управленія. Свѣдѣнія доставленныя ему полковникомъ Бурнашевымъ, докторомъ Рейнегсомъ и личныя наблюденія самого Потемкина убѣждали въ справедливости такого заключенія.

Потемкинъ такъ рисовалъ членовъ Грузинскаго царскаго дома.

Въ царѣ Иракліи онъ встрѣтилъ шестидесяти-двулѣтняго старца, средняго роста, нѣсколько согбеннаго, но бодрого. Ираклій сохранялъ еще пылкость характера и остроту взгляда, который онъ устремлялъ изъ-подлобья при всякомъ разговорѣ, дѣлая это по замѣчанію Потемкина „можетъ-быть для того чтобы примѣтить движеніе лица того съ кѣмъ говорить“. Человѣкъ умный и опытный, Ираклій былъ одинъ изъ тѣхъ людей которые могли отвѣчать двусмысленно * и вполне усвоить всѣ особенности азіатской политики. Въ молодости и въ зрѣлыя годы онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ, вспыльчивъ, нетерпѣливъ и отправлялъ самъ всѣ дѣла государства. Любя свое отечество онъ стремился къ улучшенію быта своихъ подданныхъ и старался дать имъ европейское образованіе. Человѣкъ въ высшей степени набожный, онъ не только не пропускалъ ни одной церковной службы, но сверхъ того ежедневно часа по два молился въ своемъ кабинетѣ и никакое происшествіе не могло прервать его молитвы.

Удрученный годами и ощущая бремя въ правленіи Ираклій, года за четыре до пріѣзда П. С. Потемкина въ Тифлисъ, сталъ вводить въ дѣла свою супругу царицу Дарью, женщину съ большимъ здравымъ смысломъ, но хитрую и суровую. Происходя изъ рода князей Тархановыхъ царица Дарья была третьею супругою Ираклія и имѣла тогда около сорока лѣтъ

* Изъ ордера генераль-поручика Потемкина подпоручику Чарбѣ отъ 1го февраля 1783 года. Госуд. Арх. XXIII, № 135, карт. 45.

лѣтъ отъ роду. Женщина до крайности властолюбивая, она пользуясь расположеніемъ мужа и преклонностью его лѣтъ, мало-по-малу забирала власть въ свои руки, входила во всѣ дѣла, участвовала въ царскихъ совѣтахъ и внушивъ Ираклію неограниченную къ себѣ довѣренность, скоро умѣла поставить себя такъ что все дѣлалось не иначе какъ съ ея согласія. Это слѣдое довѣріе царя, передача власти въ руки жены, имѣло въ послѣдствіи самое губительное вліяніе на судьбу Грузіи. Оно было поводомъ къ раздорамъ въ царскомъ семействѣ, едва не приведшимъ Грузію къ гибели. Покровительствуя своимъ дѣтямъ и ненавидя родившихся отъ прежнихъ жень Ираклія, царица Дарья была источникомъ всѣхъ раздоровъ, неурядицъ и многихъ бѣдствій въ странѣ, достойной лучшей участи.

Происки царицы Дарьи были причиной что Ираклій совершенно устранилъ отъ дѣлъ своего старшаго сына царевича Георгія, имѣвшаго тогда около тридцати лѣтъ отъ роду, но родившагося отъ втораго брака Ираклія съ Анной, княжной Абашидзе. Царевичъ Георгій былъ чрезвычайно тученъ, нѣсколько апатиченъ, но человекъ не глупый. Онъ имѣлъ лицо доброе, душу откровенную и подобно отцу отличался набожностію, былъ свѣдущъ въ Священномъ Писаніи и постоянно окруженъ духовными. Георгій не искалъ военной славы, былъ миролюбивъ и склоненъ къ благоустройству. Женатый на княжнѣ Андрониковой онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ старшій Давидъ былъ любимъ Иракліемъ за его остроту ума, находчивость, смѣлость, а въ послѣдствіи и за военныя способности.

Второй сынъ Ираклія и первый отъ царицы Дарьи, царевичъ Юлонъ, пользовался особеннымъ ея покровительствомъ, но былъ скрытенъ, имѣлъ лицо притворное и не отличаясь умомъ любилъ лощеголать.

Царевича Вахтанга, третьяго сына Ираклія, въ бытность Потемкина въ Тифлисѣ тамъ не было. Онъ отправился въ Имеретію сочетаться бракомъ съ княжной Цилукидзе. Остальныя дѣти Ираклія были несовершеннолѣтны.

Въ короткое пребываніе свое въ Грузіи генераль-поручикъ Потемкинъ вынесъ то убѣжденіе что всѣ члены царскаго дома „привязаны къ Россіи, всѣ учатся русской грамотѣ и нѣсколько уже объясняться могутъ“.

„Дворъ царскій, доноситъ онъ, * въ разсужденіи положенія земли не безъ великолѣлія, по обычаю Персіянъ. Чиновначальники, яко всѣ Азіяты, горды и низки, взирая съ кѣмъ имѣють дѣло; раболѣпны предъ царемъ и худо исполняютъ его повелѣнія. Неустройство въ управленіи велико; всѣ доходы и расходы царства на откулу. Бояре обкрадываютъ царя; народъ низкій утѣсненъ.“

Что касается положенія сосѣднихъ хановъ, то съ принятіемъ Грузіи подъ покровительство Россіи всѣ оказались союзниками ей; всѣ они прислали въ Тифлисъ своихъ представителей чтобы поздравить Ираклія съ совершившимся событіемъ. Ханъ Хойскій и Шекинскій клялись въ своей преданности Россіи, причемъ послѣдній просилъ царя Ираклія, въ знакъ союза и дружбы, разрѣшить ему выпускъ хлѣба изъ Грузіи, такъ какъ его подданные крайне нуждались въ этомъ. Ираклій II не отказалъ въ просьбѣ, но, желая придать себѣ большее значеніе въ глазахъ хана, ** объявилъ его посланному что многого дать не можетъ, ибо заготовляетъ продовольствіе для русскихъ войскъ, имѣющихъ скоро вступить въ Грузію.

Хойскій Ахметъ-ханъ искалъ покровительства Россіи, и въ іюлѣ 1784 года князь Потемкинъ писалъ хану что если онъ, по примѣру шамхала Тарковского, пришлетъ письменное прошеніе, то будетъ принятъ подъ покровительство Россіи, утверждень въ ханскомъ достоинствѣ и получить многія милости отъ императрицы. *** Вмѣстительство Порты и тайные ея происки отклонили хана отъ преданности къ Россіи. Зная что по своей предпріимчивости и богатству Ахметъ-ханъ пользуется большимъ уваженіемъ въ своемъ Адербеджанѣ, Порта пожаловала ему титулъ сераскира и передала въ управленіе часть Адербеджана. **** Надѣясь сдѣлаться незави-

* Въ рапортѣ князю Потемкину Таврическому отъ 10го октября, № 461.

** „Азіятскіе народы, писалъ Ираклій въ одномъ изъ писемъ Потемкину, не прилагаютъ прощанія о прямой важности и величествѣ, а ограничиваютъ свое заключеніе по единому токмо зрѣлищу какое представляется. Всякое великолѣліе поражающее ихъ очи подчиняетъ и ихъ сердца.“

*** Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 48.

**** Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 10го октября; № 461, Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

симымъ отъ властителей Персіи, Ахметъ-ханъ прервалъ переговоры о покровительствѣ Россіи.

Ближайшіе сосѣди Грузіи ханы Эриванскій и Ганджинскій считались въ зависимости отъ царя Ираклія. Когда въ концѣ 1783 года скончался Гуссейнъ-Али-ханъ Эриванскій, то жители ханства отправили въ Тифлисъ армянскаго архіерея, двухъ сыновей умершаго хана и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ съ просьбой утвердить на ханствѣ старшаго сына умершаго хана. Царь утвердилъ этотъ выборъ и по обычаю послалъ подарки вновь избранному Гуссейнъ-Али-Гуламъ-Али-хану *.

Ганджинское ханство не имѣло тогда хана, который былъ осѣлленъ и находился въ заточеніи у Ибраимъ-хана Шутинскаго. Звѣрскіе поступки Мегметъ-хана Ганджинскаго со своими подданными и неисполненіе данныхъ имъ обязательствъ заставили царя Ираклія и Ибраимъ-хана Шутинскаго, соединившись вмѣстѣ, двинуться въ Ганджу и силою принудить хана признать надъ собою власть царя Грузіи. Мегметъ хотѣлъ сопротивляться, но былъ взятъ въ лѣвнѣ, осѣлленъ и ввергнутъ въ заточеніе. Ганджа поступила въ управленіе союзниковъ, имѣвшихъ тамъ своихъ представителей или губернаторовъ. Совмѣстное управленіе шло довольно удовлетворительно, но когда Ираклій сталъ искать покровительства Россіи, то Шутинскій Ибраимъ-ханъ началъ склонять ганджинскихъ жителей на свою сторону. Онъ образовалъ нѣсколько партій, произвелъ волненіе въ народѣ, кончившееся однакоже тѣмъ, что въ концѣ 1783 года Ганджинцы выгнали изъ города обоихъ правителей. Ираклій не хотѣлъ отказаться отъ обладанія Ганджинскимъ ханствомъ и для подчиненія его своей власти просилъ содѣйствія русскихъ войскъ. Князь Потемкинъ находилъ притязанія Ираклія на Ганджу справедливыми и писалъ, что царь во всякомъ случаѣ долженъ имѣть преимущество предъ Шутинскимъ Ибраимъ-ханомъ **.

Во время пребыванія генералъ-поручика Потемкина въ Тифлисъ, Ираклій просилъ его упрочить власть царя Грузіи въ Ганджѣ и Эривани, истребовать отъ Порты повелѣніе пашамъ Ахалцыхскому и Карсскому чтобъ они не держали Лезгинъ и не дѣлали хищническихъ вторженій въ Грузію.

* Репортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 20го ноября. Тамъ же, карт. 46.

** Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину 22 апрѣля 1784 года. Тамъ же, карт. 47.

Хотя ближайшій и довольно сильный въ Дагестанѣ лезгинскій владѣлецъ Омаръ-ханъ Аварскій и прислалъ своего посланнаго въ Тифлисъ поздравить Ираклія и узнать о его благополучіи; хотя посланный хана и увѣрялъ полковника Бурнашева что Омаръ готовъ пожертвовать для Россіи собственными интересами, но въ дѣйствительности это былъ одинъ изъ владѣльцевъ самыхъ враждебныхъ и недоброжелательныхъ. На требованіе генерала Потемкина прекратить вторженія въ Грузію, Омаръ отвѣчалъ что Лезгины вообще жадны до денегъ и добычи, а онъ человѣкъ бѣдный, не имѣетъ чѣмъ платить имъ и потому не можетъ удержать отъ грабежей и хищничества. Охотникъ до всякаго рода поборовъ и подарковъ, Аварскій ханъ разчитывалъ что Русское правительство назначить ему жалованье, лишь бы прекратить хищничества, но въ Дагестанѣ было много вольныхъ обществъ, не зависящихъ отъ Аварскаго хана, и слѣдовательно жалованье ему было бы напрасною тратой денегъ. Неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ Омаръ-ханъ сбросилъ личину и какъ увидимъ ниже сталъ дѣйствовать непріязненно.

Изъ прочихъ владѣльцевъ Дагестана шамхалъ Тарковскій и уцмій Каракайдагскій были дѣйствительно намъ преданы и искали покровительства.

Муртазалий шамхалъ Тарковскій еще въ январѣ 1784 года отправилъ прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять его со всеми подвластными ему народами въ подданство Россіи. „Повелите, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ, * присоединить принадлежащіе мнѣ предѣлы къ пространному своему государству и включить меня съ народомъ мнѣ зависимымъ въ число своихъ вѣрноподданныхъ.“ Особымъ письмомъ Муртазалий просилъ, при заключеніи условій о подданствѣ, подчинить ему народъ Ингушевскій, отъ него зависимый, на которомъ остались еще подати шамхалу неуплаченные.

Удовлетворяя желанію Муртазалия императрица пожаловала ему шубу, саблю и въ данной ему грамотѣ ** писала что постановленіе окончательныхъ условій о подданствѣ поручаетъ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину, какъ главному въ томъ край начальнику. Кончина Муртазалия

* Государственный Архивъ XXIII, № 13, карт. 46.

** Отъ 27го февраля, П. С. З. т. XXII, № 15.942.

прервала на время переговоры и была причиною что шамхальство было принято въ подданство Россіи гораздо позже.

Второй владѣлецъ Дагестана Амиръ-Хамза уцмій Каракатдагскій также писалъ что повергаетъ себя къ подножію престола и что „не соблазнять его въ противную сторону ни деньги и никакое сокровище“. * Уцмій обѣщалъ не допускать своихъ подданныхъ вторгаться въ Грузію и дѣйствовать заодно съ прочими лезгинскими обществами, отношенія къ которымъ царя Ираклія были странны и запутаны. Онъ дѣлалъ всѣ лезгинскія селенія на мирныхъ и немирныхъ. Первыми Иракліи показывалъ тѣхъ которымъ самъ платилъ жалованье, обязывающее ихъ не дѣлать набѣговъ на Грузію; всѣ же остальные аулы были въ числѣ немирныхъ. Такимъ образомъ спокойствіе Грузіи зависѣло отъ количества отлущаемыхъ царемъ денегъ, и лезгинское селеніе одинъ годъ мирное, не получивъ жалованья, переходило на слѣдующій годъ въ число немирныхъ. Случалось и нѣсколько иначе: если селеніе получало жалованье, а старшина его не получалъ особыхъ подарковъ, то собиралъ себѣ партію и грабилъ Грузинъ не стѣсняясь.

Приученные къ тому что Грузинскій царь откулаася отъ нихъ подарками и деньгами Лезгины пользовались этимъ. Обыкновенно за полученіемъ жалованья отправлялся старшина и приводилъ съ собою огромную толпу вооруженныхъ, число которыхъ доходило иногда отъ 600 до 700 человекъ. Во все время пребыванія своего въ Тифлисѣ прибывшіе вели себя весьма нагло и производили буйства, нерѣдко оканчившіяся убійствами и грабежами. Царь не смѣлъ перечить незваннымъ гостямъ, потому что находился въ ихъ рукахъ и могъ поплатиться за то жизнью или всѣмъ своимъ состояніемъ.

Пока вся эта толпа находилась въ Грузіи царь обязанъ былъ продовольствовать ее на свой счетъ. „Ежели у котораго изъ нихъ лошадь падетъ, доноситъ полковникъ Бурнашевъ, ** ружье или сабля испортится, царь за все платитъ. Когда жъ военные ихъ люди домой возвращаются, царь даетъ имъ подарки. Сверхъ того всегда у царя живутъ на царскомъ

* Письмо уцмія Потемкину. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

** См. списокъ дагестанскихъ уѣздовъ и деревень. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

содержаніи до 300 или 400 человекъ Лезгинъ; ежели и тѣ отъѣзжаютъ, даетъ царь и имъ подарки.“

Ежегодный расходъ денегъ на Лезгинъ простираался отъ 50.000 до 60.000 рублей. Года за три до описываемаго времени Ираклій потребовалъ отъ мирныхъ Лезгинъ вспомога- тельныя войска, и когда они пришли, то далъ имъ кромѣ подарковъ въ первый разъ 100.000, въ другой разъ 110.000 рублей и сверхъ того нѣкоторые взял и платье.

Таковы были отношенія Грузинскаго царя къ такъ-назы- ваемымъ имъ жителямъ мирныхъ селеній; воѣ же остальные жители горъ принадлежали къ числу немирныхъ и собираясь небольшими партіями дѣлали весьма частыя вторженія въ Грузію и разоряли жителей безо всякой пощады. Почти всѣ пограничныя грузинскія селенія были опустошены и уничто- жены, поля выжжены, а жители уведены въ плѣнъ и томи- лись въ неволѣ. Страна съ каждымъ годомъ разорялась все болѣе и болѣе; царь Ираклій не видѣлъ исхода и не зналъ какъ помочь горю. Съ прибытіемъ русскаихъ войскъ въ Грузію Ираклій умолялъ полковника Бурнашева защитить страну отъ хищническихъ вторженій и сознавался ему откровенно что самъ, собственными средствами, сдѣлать этого не можетъ. „Никто не станетъ, конечно, упрекать грузинское дворянство въ недостатокъ храбрости, но“, доносилъ полковникъ Бурна- шевъ, * „по безначалію ихъ и безпорядку, а особливо въ небытности царя и простые Грузины худо слушаются своихъ начальниковъ, а дворяне—никого. Сумнительно производить съ ними дѣла заблаговременно распорядившись, да и въ самомъ сраженіи ожидать точнаго исполненія приказовъ невозможно. Для преподанія имъ образца порядка и послушанія не беспо- лезно бѣ было видѣть имъ предъ собою какъ въ обыкновен- ной службѣ, такъ и во время сраженія нашихъ регулярныхъ легкихъ войскъ. Небольшая часть оныхъ могла бы послу- жить къ совершенному воспрещенію впаденій частыхъ лез- гинскихъ, какъ чрезъ недремлющее надзираніе, такъ и чрезъ конечное пораженіе въ преслѣдованіяхъ.“

Для удовлетворенія этимъ условіямъ пришлось бы ввести новыя войска въ Грузію, но полковникъ Бурнашевъ самъ признавалъ это если не совершенно невозможнымъ, то весьма затруднительнымъ по недостатку продовольствія.

* Потемкину въ рапортѣ отъ 2го мая 1784 года.

„Хотя, писалъ онъ, усердіе и готовность царская служить и споспѣшествовать намъ не имѣетъ поистинѣ предѣловъ, но по безсилію, по неимѣнію властей подчиненныхъ, по крайнему небреженію исполнителей его указовъ, не сѣдуетъ весьма часто по его разчетамъ. Прибавлю къ сему видимый недостатокъ въ деньгахъ, но и изъ тѣхъ похищаютъ немилосердно, ибо почти нѣтъ не только книгъ расходныхъ, но съ нуждою и отчетъ словесный.“

Возвысившіяся цѣны на хлѣбъ и вообще недостатокъ его заставляли даже опасаться и за продовольствіе тѣхъ двухъ баталіоновъ которые находились уже въ Грузіи, а между тѣмъ Ираклій увѣрялъ всѣхъ что хлѣба въ Грузіи много и просилъ прислать ему 4.000 русскихъ войскъ, собственно для наказанія Лезгинъ. Онъ настаивалъ на этомъ тѣмъ болѣе что на разсвѣтъ 15го іюля партія Лезгинъ, переправившись черезъ рѣку Алазань, напала на Кизикское селеніе Чуганъ. Хотя селеніе это было расположено на высокой горѣ, но жители его по безпечности, по неимѣнію карауловъ и разтѣздовъ были атакованы совершенно неожиданно. Грузины не видѣли какъ весьма значительная партія хищниковъ спокойно подошла къ подошвѣ горы, слѣзились и атаковали селеніе. Застыгнутые врасплохъ жители, бросивъ свое имущество, сплсались кто куда могъ. Хищники въ теченіе двухъ часовъ грабили и опустошали селеніе, убивали противащихся, забирали сколько могли людей, пожитки и весь скотъ. Грузины потеряли при этомъ нападении тринадцать человѣкъ убитыми, до семидесяти человѣкъ было уведено въ плѣнъ, все имущество разграблено и самая деревня зажжена въ пяти мѣстахъ.

При первомъ нападении на Чуганъ Кизикскій моуравъ (управитель) собралъ въ селеніи Бодби всѣхъ вооруженныхъ Грузинъ, но не рѣшился идти съ ними на помощь атакованному, а ограничился тѣмъ что отправилъ посланнаго къ командиру Горскаго егерскаго баталіона съ извѣстіемъ о нападении непріятеля. Посланный имѣлъ дурную лошадь, и хотя подполковникъ Квашнинъ-Самаринъ тотчасъ же выступилъ со своимъ баталіономъ, но не могъ придти во время, ибо до селенія Чуганъ было двадцать пять верстъ отъ нашего лагеря. Егеря шли все время бѣглымъ шагомъ, но пришли тогда когда все уже было кончено, лишь горѣла деревня, да пылали стоги сѣна. „Отчего грузинскія войска собравшіяся въ

Бодби“, доносилъ Самаринъ, * „благовременной помощи подать не успѣли,—отъ робости ли сіе произошло или не чаяли себя быть въ состояніи, по небытности моей въ то время тамъ, мнѣ неизвѣстно.

„При семъ также за необходимое нахожу донести что находящаяся здѣсь грузинская артиллерія, а особливо отъ вчерашняго перехода, почти вся разсыпалась, такъ что чуть держится. Въ случаѣ какого движенія взять оную съ собою будетъ опасно, дабы изломавшись не замѣшкала баталіону и не причинила бы затрудненія оставлять для нея въ томъ мѣстѣ прикрытіе. Дѣйствія же отъ нея никакого надѣяться не можно.“ **

Матеріальная часть артиллеріи была вообще въ плохомъ состояніи въ Грузіи; патроновъ и зарядовъ было недостаточно, а порохъ хотя и былъ въ небольшомъ запасѣ, но „вовсе негодный, грузинской фабрики“. *** Получивъ свѣдѣнія о такомъ неустройствѣ, императрица Екатерина II пожаловала Ираклію двадцать четыре орудія различныхъ калибровъ и приказала отправить ихъ въ Грузію съ двойнымъ количествомъ зарядовъ и снарядовъ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ въ бытность свою въ Тифлисѣ также обращалъ вниманіе царя Ираклія на необходимость улучшенія воѣхъ боевыхъ средствъ, но Ираклій откровенно признавался что онъ не въ силахъ этого сдѣлать. Онъ говорилъ П. С. Потемкину что хотя подданные его и весьма храбры, но не могутъ устоять противъ Лезгинъ, одно имя которыхъ наводитъ на нихъ страхъ и робость. Царь просилъ прислать въ Грузію шесть полковъ пѣхоты съ полнымъ содержаніемъ, и когда ему было въ томъ отказано, то просилъ разорить Джары и Бѣлоканы, главныя лезгинскія селенія, тѣми двумя баталіонами которые были уже въ Грузіи. Царь обѣщалъ обезпечить наши баталіоны продовольствіемъ и для содѣйствія имъ собрать до четырехъ тысячъ человѣкъ грузинскихъ войскъ. П. С. Потемкинъ отвѣчалъ что для истребленія селеній, удаленныхъ отъ

* Въ рапортѣ полковника Бурнашева отъ 16го іюля. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 48.

** Бурнашевъ послалъ Самарину одинъ двѣнадцатифунтовой еднорогъ русской артиллеріи.

*** Рапортъ полковника Бурнашева П. С. Потемкину 2го мая 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 45.

границъ Грузіи, необходимы значительныя силы, которыхъ нѣтъ и взять неоткуда; что къ тому же отъ такой экспедиціи нельзя предвидѣть никакой пользы, потому что завладѣвъ этими селеніями Ираклій не въ состояніи будетъ удерживать ихъ за собою. Царь принялъ этотъ отказъ съ крайнимъ огорченіемъ, и Потемкинъ, видя что безпрестанныя вторженія Лезгинъ „столь сердце его надсадили, что казалось и расположеніемъ однимъ наказывать улаждался уже не мало“, предложилъ Ираклію наказать ближайшія къ его границамъ селенія, дабы Лезгины видѣли что не всегда они могутъ дѣлать нападенія безнаказанно. Оставшись вполнѣ доволенъ этимъ предложеніемъ Ираклій просилъ только привести его въ исполненіе какъ можно скорѣе.

Возвращаясь изъ Тифлиса въ Георгіевскъ генераль-поручикъ Потемкинъ оставилъ въ Грузіи прибывшаго съ нимъ генераль-майора Самойлова, которому и поручилъ начальство надъ экспедиціей. Въ составъ отряда были назначены оба егерскіе баталіона съ четырьмя полевыми орудіями и конвоировавшіе въ Грузію Потемкина эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка и около ста человѣкъ Донскихъ и Уральскихъ казаковъ *.

Наступавшая осень заставляла Самойлова торопиться выступленіемъ въ походъ и окончаніемъ экспедиціи, но всѣ усилія его въ этомъ отношеніи оставались совершенно напрасными. Общанныя для содѣйствія нашимъ баталіонамъ грузинскія войска не были готовы и собрались весьма медленно; они не имѣли ни боевыхъ припасовъ, ни продовольствія. Заласовъ продовольствія для нашихъ баталіоновъ также не было, и генералу Самойлову стоило большихъ заботъ и усилій чтобы снабдить свои войска только десятидневнымъ провіантомъ. „Я голову свою вскружилъ, доносилъ онъ генералу Потемкину, ** и съ ногъ сбилъ подполковника Кишинскаго чтобы достать у Грузинъ нужное войску нашему пропитаніе и для такого подвига который прямо имъ пользу принести долженъ. Я ни мало не могу въ томъ на царя ленять—онъ всею душой готовъ исполнить все что ни требуется отъ него, но

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 10го октября, № 14. Государствен. Архивъ XXIII, № 13, карт. 45.

** Въ рапортѣ отъ 1го октября 1784 года. Государствен. Архивъ XXIII, № 13, папка 47.

подданные его совсѣмъ иные люди. Прежде нежели захотятъ они сдѣлать то что имъ приказывается надобно мнѣ нѣсколько разъ къ царю, къ архимандриту, къ мелику и къ какимъ-то казначеямъ посылать, которыхъ тѣнаніе только въ томъ состоитъ чтобъ окрадывать царя. Я исключаю изъ числа сего архимандрита Гаюса, который всякое отъ меня нужное требованіе тѣнился не только доводить до царя, но еще и ему представлять о скорѣйшемъ по оному рѣшенію.“

Обезпечивъ себя десятидневнымъ продовольствіемъ, Самойловъ рѣшился выступить не дожидаясь сбора грузинскихъ войскъ и надѣялся 4го октября быть въ Кизихахъ, куда въ тотъ же день обѣщаль прибыть и царь съ тѣмъ ополченіемъ которое къ этому времени успѣетъ собраться. Ираклій увѣрялъ Самойлова что въ Кизихахъ они найдутъ достаточно продовольствія и что русскія войска будутъ имъ обезпечены совершенно.

„Дай Боже, говорилъ Самойловъ, чтобъ они сдержали свое слово върѣе прежняго“, но Ираклій и въ этомъ случаѣ не исполнилъ данныхъ обѣщаній.

Вмѣсто того чтобы 4го октября быть въ Кизихахъ, онъ только въ этотъ день оставилъ Тифлисъ и лишь вечеромъ 7го числа соединился съ генераломъ Самойловымъ въ селеніи Мачханѣ. Царь привелъ туда вмѣстѣ со своими войсками и сто двадцать человекъ Имеретинъ подъ начальствомъ князя Георгія Цилукидзе, конвоировавшаго новобрачныхъ царевича Вахтанга и его супругу *.

Въ Мачханѣ генераль-майору Самойлову пришлось испытать то же что испытывалъ онъ въ Тифлисѣ и видѣть во всемъ затрудненія и крайній безпорядокъ. Почти въ виду соединенныхъ силъ Лезганы грабили и опустошали селенія, жители которыхъ просили помощи. Самойловъ настаивалъ на скорѣйшемъ движеніи впередъ, но Ираклій хотя и признавалъ что движеніе это необходимо, медлилъ, отговариваясь тѣмъ что ожидаетъ умноженія своихъ силъ. Царь не составилъ еще себѣ программы будущихъ дѣйствій. Онъ говорилъ Самойлову что слѣдуетъ идти къ Бѣлоканамъ и разорить ихъ, а нѣсколько часовъ спустя замѣчалъ что хорошо бы было нанести первый ударъ селенію Джарамъ. Ежеминутныя

* Репортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 4го октября. Госуд. Арх. XXIII, № 135, карт. 48.

перемены эти заставляли генерала Самойлова сожалѣть что Ираклій самъ принялъ начальство надъ грузинскими войсками, а не прислалъ одного изъ своихъ военачальниковъ, „ибо, доносилъ онъ, того я бы принудилъ ко всему, а царю только представлять лишь могу. Его высочество соглашается совсѣмъ на резоны мои, но только и всего, а послѣдности не прибавляется ни мало“.

Желая прервать бездѣтельность, Самойловъ предложилъ Ираклію два плана дѣйствій: или идти прямо на Бѣлокамы, и разоривъ ихъ продолжать путь къ Джарамъ, или же разорить лежащія за Алазанью лезгинскія селенія и потомъ идти другою дорогою также къ Джарамъ. Царь предпочелъ послѣдній планъ, какъ наносящій пораженіе большому числу селеній, но все еще не рѣшался выступить, говоря что войска его не всѣ еще собрались *.

Время уходило и Самойловъ опасался что экспедиція вовсе не состоится. Наступала глубокая осень; прекрасные дни смѣнялись ненастьемъ и въ теченіе четырехъ сутокъ шелъ безпрерывно проливной дождь; вода въ рѣкѣ Алазани быстро подымалась и можно было ожидать что переправа въ бродѣ окажется невозможною. Между тѣмъ въ лагерь было получено извѣстіе что партія Лезгинъ, вторгшаяся въ предѣлы Грузіи, переправившись черезъ рѣку Алазанъ и соединившись съ нѣсколькими стами мовыхъ хищниковъ, двинулась было къ Ганджѣ, но узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ вернулась обратно. Генералъ-майоръ Самойловъ, видя что намъ представлялся удобный случай встрѣтиться съ непріателемъ не переходя рѣки Алазани, не сталъ уже болѣе спрашивать мнѣнія Ираклія, но тотчасъ же выступилъ изъ лагера, и утромъ 14го октября, близъ урочища Муганлу, настигъ Лезгинъ тянувшихся къ близъ лежащему лѣсу, съ намѣреніемъ черезъ него пробраться къ Алазани. Какъ ни старался Самойловъ пресѣчь непріятелю дорогу въ лѣсъ, онъ не могъ успѣть въ этомъ, ибо Лезгины, замѣтивъ наши войска, пошли на рысяхъ и скрылись въ лѣсу. „Царь весьма желаетъ, доносилъ Самойловъ, ** чтобъ ихъ въ то же время наказать, но до прибытія лѣхоты нашей ни одинъ изъ Грузинъ къ

* Рапорты Самойлова генералу Потемкину 8го и 9го октября. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 47.

** Потемкину въ рапортѣ отъ 14го октября. Тамъ же.

лѣсу не подвинулся и самые ихъ князья стали неподвижно“.

Какъ только прибыла пѣхота Самойловъ тотчасъ же приступилъ къ атакѣ лѣса. Онъ составилъ двѣ колонны, изъ коихъ одна въ двѣсти егерей, подъ командой подполковника Аршеневскаго, назначалась для атаки лѣса съ правой стороны; другая—изъ ста егерей, подъ начальствомъ поручика Голостианова, должна была наступать съ лѣвой стороны. Общее завѣдываніе этими двумя колоннами поручено было подполковнику принцу Гессенъ-Рейнсфельдскому. Въ резервъ правой колонны находился подполковникъ Квашнинъ-Самаринъ съ Бѣлорусскимъ баталіономъ, а въ резервъ лѣвой—подполковникъ Мерлинъ съ Горскимъ баталіономъ. На правомъ флангѣ пѣхоты стали казаки съ нѣсколькими стами лучшихъ грузинскихъ стрѣлковъ; между баталіонами были драгуны, а лѣвѣе всѣхъ на открытой полянѣ расположилась артиллерія и притомъ такъ что могла обстрѣлывать противоположный берегъ рѣки Алазани. Позади всѣхъ стояли грузинскія войска, при которыхъ находился и царь Иракій.

Распорядившись такимъ образомъ Самойловъ двинулся въ атаку. Взобравшіеся на деревья и все время сѣдившіе за движеніемъ нашихъ войскъ Лезгины встрѣтили наступающихъ весьма сильнымъ огнемъ, но послѣ упорнаго пятичасоваго боя принуждены были отступить и послѣдшне переправляться черезъ рѣку подъ огнемъ нашей артиллеріи. Непріятель оставилъ до двухсотъ тѣлъ на мѣстѣ, не считая тѣхъ которые были увезены или утонули въ рѣкѣ; у насъ было семнадцать убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ и скоро въ умеръ принцъ Рейнсфельдскій.

Переночевавъ на полѣ сраженія Самойловъ, чрезъ урочища Карагачъ, Стагансъ-Цминду и Мачханы, 20го октября возвратился въ Тифлисъ. Побѣда эта не принесла никакихъ ощутительныхъ результатовъ, такъ какъ все дѣло ограничилось однимъ разсѣяніемъ толпы хищниковъ.

„Весьма бы было полезно, писалъ князь Потемкинъ, еслибы начальный ударъ на Лезгинъ произведенъ былъ самымъ образцомъ, по умноженіи войскъ въ Грузіи и еслибы при самомъ первомъ случаѣ испытали они всю тягость нашихъ поражений, чрезъ то бы навсегда облегчились наши предпріятія. Страхъ оружія русскаго наипаче бы распро-

страшился повсюду и сіи разбойники не дерзнули бы уже когда-либо схватиться съ нами.“ Хотя замѣчаніе это было многиѣмъ справедливо, но съ другой стороны нельзя отрицать и того что въ глазахъ туземцевъ этотъ незначительный успѣхъ произвелъ огромное нравственное вліяніе не только на Грузинъ, но и на самого Ираклія.

Обрадованный побѣдой царь устроилъ торжество при вступленіи русскихъ войскъ въ свою столицу и пригласилъ Самойлова прямо въ соборъ, гдѣ патріархъ ожидалъ ихъ для служенія благодарственного молебствія за дарованную побѣду. При провозглашеніи многолѣтія императрицъ произведены были пушечные выстрѣлы. * На слѣдующій день царь объявилъ Самойлову что въ патріаршей церкви будетъ совершенно молебственное служеніе о здравіи князя Потемкина-Таврическаго какъ покровителя Грузіи. Самойловъ пригласилъ въ церковь всѣхъ офицеровъ, а по окончаніи службы вѣдаль къ царю поблагодарить его за такое „къ главному начальнику нашему уваженіе“. **

Ираклій радовался этой побѣдѣ двоякиѣмъ: во первыхъ, потому что ненавистные ему Лезгины потерпѣли пораженіе, а вторыхъ, что послѣдствіемъ ея была покорность Ганджинцевъ.

Узнавъ о движеніи русскихъ войскъ къ рѣкѣ Алазани и видя что Лезгины ихъ оставляютъ, жители Ганджи отправили своихъ посланныхъ къ Ираклію съ объявленіемъ что они попрежнему отдають себя въ царское правленіе. Депутаты пріѣхали въ Тифлисъ наканунѣ прибытія Ираклія, для котораго подобное событіе было самымъ лучшимъ плодомъ побѣды, ибо Ганджинское ханство приносило ему наибольшую часть доходовъ. Занятый покорностью Ганджи Ираклій оставилъ безъ вниманія то обстоятельство что вскорѣ послѣ побѣды при Мугану, Лезгины снова вторглись въ его владѣнія со стороны Ахалцыха, разорили деревню князя Орбеліяни, лежавшую близъ рѣки Куры, взяли въ плѣнъ 27 человекъ Грузинъ и отогнали окодо 1.500 штукъ рогатаго скота. ***

* Репортъ Самойлова Потемкину, 20го октября 1784 года.

** Репортъ Самойлова Потемкину, 22го октября 1784 года.

*** Репортъ Бурнашева Потемкину 2го ноября, № 79. Госуд. Арх. XXIII, № 13, ланка 47.

Не Лезгины, а Ганджа привлекала теперь къ себѣ вниманіе Грузинскаго царя. Онъ вошелъ попрежнему въ сношеніе съ Ибраимъ-ханомъ Шутинскимъ и союзники дали другъ другу взаимное обѣщаніе завладѣть снова Ганджой, имѣть тамъ своихъ губернаторовъ и попрежнему дѣлать пополамъ всѣ доходы ханства. Союзниковъ безпокоило только вмѣшательство въ ихъ дѣла Нухинскаго хана, рѣшившагося поддержать Ганджинцевъ.

Одновременно съ отправленіемъ депутатовъ въ Тифлисъ Ганджинцы послали депутатовъ и къ Ибраимъ-хану Шутинскому съ просьбой чтобъ онъ освободилъ заключеннаго хана съ братьями и отпустилъ его въ Ганджу. Ибраимъ прогналъ посланныхъ и приказалъ усилить надзоръ за заключеннымъ ханомъ. Тогда Ахметъ-ханъ Нухинскій отправилъ въ Ганджу сына Ганджинскаго хана Али-Бега, котораго жители приняли съ восторгомъ и назвали своимъ бекомъ. Нухинскій ханъ прислалъ ему подарки и провозгласилъ ханомъ; жители встрѣтили присланные подарки съ музыкой и палъбой. Не ограничиваясь этимъ Ахметъ-ханъ предложилъ Ираклію прервать свои сношенія съ Ибраимъ-ханомъ Шутинскимъ и тогда обѣщалъ содѣйствовать въ подчиненіи Ганджинскаго ханства царю Грузіи, но съ условіемъ чтобы тамъ былъ поставленъ ханомъ кто-либо изъ фамиліи прежнихъ Ганджинскихъ хановъ. Не встрѣтивъ въ Иракліи сочувствія своему предложенію, Нухинскій ханъ пригласилъ въ Ганджу Лезгинъ, которые въ началѣ ноября въ числѣ 3.000 человекъ переправились черезъ Алазань и двинулись къ Ганджѣ. Желая преградить путь этой партіи въ Ганджу Ираклій просилъ полковника Бурнашева поддержать его русскими войсками. Взявъ по три роты отъ полковъ Егерскаго и Бѣлорусскаго и два единорога, Бурнашевъ, 8го ноября, выступилъ изъ Тифлиса, по дорогѣ къ Ганджѣ. Въ селеніи Марнгули, послѣ трехъ переходовъ, получено было извѣстіе что Лезгины слѣдовавшіе въ Ганджу повернули къ Ахалцыху. Ираклій бросился ихъ преслѣдовать, а полковникъ Бурнашевъ пошелъ слѣдомъ за нимъ. * Наши егеря дѣлали усиленные переходы, тащили на себѣ орудія,

*. Рапортъ Бурнашева Потемкину 8го ноября, № 82. Журналъ похода приложенный къ рапорту Бурнашева отъ 25 ноября, № 84.

испытывали всѣ лишения похода, но Лезгинъ не догнали и по выраженію князя Потемкина ходили „полустому, изнурительно для російскихъ войскъ и несовмѣстно со славой ии пріобрѣтенною“. *

Лезгины успѣли пробраться въ Ахалцыхъ, куда призывалъ ихъ Сулейманъ-паша, для совокупнаго дѣйствія съ турецкими войсками противъ царя Имеретинскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. ДУБРОВИНЪ.

* Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину 11го января 1785 года.

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

LXIX.

Я уже упоминалъ выше, что баронъ Вревскій какъ-то особенно налегалъ на меня, задавая усиленную работу и самыя разнородныя порученія. Подъ часъ приходилось тяжело, хотѣлось бы и отдохнуть, и поужировать въ Грозной или Владикавказѣ, но я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать что эта разнообразная, усиленная дѣятельность была мнѣ весьма полезна, расширяя кругъ моихъ свѣдѣній въ дѣлахъ военныхъ и административныхъ, давая мнѣ случай знакомиться со многими мѣстностями, съ ихъ населеніемъ и разными служебными дѣятелями, выше и ниже поставленными.

Въ промежуткѣ описанныхъ въ предшествовавшихъ главахъ военныхъ дѣйствій и поѣздокъ, баронъ Вревскій возложилъ на меня одно дѣло, о которомъ хочу разказать подробно.

Въ концѣ сентября 1855 года были мы во Владикавказѣ; въ одинъ день требуютъ меня къ барону. Прихожу и застаю его, по обыкновенію, въ кабинетѣ за бумагами.

— Я хочу передать вамъ одно дѣло, весьма меня интересующее и чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ въ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 3, 4 и 12я 1876; 1, 2 и 3я 1877; 2, 3, 4 и 10я 1878.

будущемъ. Вамъ извѣстно что не только среди Осетинъ, но и у всѣхъ почти горскихъ обществъ, населяющихъ центральную часть главнаго хребта, сохранились памятники доказывающіе что они были христианами. Лишенные въ теченіе многихъ лѣтъ священниковъ, они частью обратились въ мусульманство, преимущественно на плоскости, частью сдѣлались полуязычниками и эксплуатируются разными жрецами и шукарами. Было бы чрезвычайно важно возстановить между всѣми этими обществами православную вѣру; современемъ отсюда христианство могло бы распространиться и дальше по горамъ, гдѣ населеніе далеко еще не такъ привержено къ мусульманству какъ въ Закавказскомъ краѣ. Духовное вѣдомство уже больше тридцати лѣтъ взялось за это, но такимъ канцелярски-казеннымъ образомъ что результатовъ никакихъ не оказывается. Я, полагаю, гораздо лучше привлечь къ этому дѣлу частныхъ лицъ, ревнителей христианской религіи, преимущественно такихъ которые и сами могутъ жертвовать, и другихъ привлечь къ крупнымъ пожертвованіямъ. Мы можемъ тогда приискывать хорошихъ священниковъ, увеличивая ихъ казенное содержаніе, можемъ заводить школы, строить церкви, снабжать ихъ принадлежностями и проч. Такъ дѣйствуютъ Англичане и Французы на дальнемъ Востокѣ. А? Э? (покойный Иллодитъ Александровичъ имѣлъ привычку вставлять эти вопросительные звуки въ свою рѣчь, какъ бы вызывая на отвѣты, хотя не очень любилъ чтобы его прерывали и еще болѣе—возражали). Я уже вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми извѣстными лицами по этому предмету, продолжалъ баронъ,—и мнѣ выслали много разныхъ прекрасныхъ церковныхъ вещей. Нужно ихъ раздать, нужно сообразить гдѣ и въ чемъ болѣе нуждаются, вообще что полезно было бы сдѣлать для начала, и, главное, какъ распространить въ обществѣ наше предпріятіе. Возмнитесь-ка за это дѣло и дайте ему толчокъ. Вотъ вамъ вся моя переплюска съ Татьяной Борисовной Потемкиной, сенаторомъ Казначеевымъ и другими лицами; примите всѣ высланные вещи, скажите въ канцеляріи чтобы вамъ дали все что нужно для разъѣздовъ, да съ Богомъ; теперь хорошее осеннее время, самое удобное для поѣздки по горамъ.

— Слушаю-съ, постараюсь исполнить, хотя долженъ доложить вашему превосходительству что это для меня совершенно новое дѣло и я боюсь не оправдать вашихъ надеждъ на меня.

— А? боитесь? а я увѣренъ что вы сдѣлаете все хорошо Идите и не теряйте времени; я буду ожидать вашихъ донесеній.

И вотъ я обратился чуть не въ миссіонера. Собравъ всѣ бумаги и письма накопившіяся въ теченіи года и въ канцеляріи, и въ кабинетѣ барона Вревскаго, взявъ часть пожертвованныхъ вещей, въ томъ числѣ два колокола, обезлечивъ себя дорожными, открытыми приказами, письмами къ разнымъ мѣстнымъ властямъ и проч., я 8го октября пустился въ странствіе по новымъ, еще незнакомымъ мнѣ мѣстамъ Кавказа.

Стояла прекрасная, теплая погода, такъ-называемое „бабье лѣто“; блестящее солнце разливало яркій свѣтъ на сѣверныя вершины кавказскихъ громадъ, золотило синеватую чащу лѣсовъ Черныхъ горъ, составляющихъ какъ бы подножіе главнаго хребта, и по зеленымъ обширнымъ равнинамъ Кабарды разбрасывало свои лучи, то исчезавшіе за какими-нибудь кустами, то сверкавшіе въ волнахъ быстрыхъ рѣчекъ. Было, однимъ словомъ, великолѣпное кавказское осеннее время и кругомъ чудная, разнообразная картина, которою не пересташь любоваться десятки лѣтъ сряду.

Проѣхавъ въ нѣсколько часовъ три станціи, я въ сумерки очутился въ Алагирѣ, у начальника этого серебро-свинцоваго завода, горнаго инженеръ-полковника Иваничкаго, къ которому имѣлъ письмо отъ барона Вревскаго. Это была первая моя встрѣча съ А. Б. Иваничкомъ—человѣкомъ умнымъ, образованнымъ, въ послѣдствіи начальникомъ всей горной части на Кавказѣ и извѣстнымъ всему краю, особенно Тифлису, своими ораторскими способностями. Весьма радушно принятый, я остался въ Алагирѣ слѣдующій день, познакомился съ помощникомъ начальника завода Д. В. Пилевко, тогда кажется поручикомъ, осмотрѣлъ заводъ, прекрасныя постройки и чисто русскую слободу сибирскихъ переселенцевъ-горнорабочихъ. Какъ не имѣющій никакого понятія о горномъ дѣлѣ, я самъ собою не могъ судить ведется ли дѣло какъ слѣдуетъ или нѣтъ, предстоитъ ли заводу хорошая будущность, или онъ составляетъ одно изъ тѣхъ казенныхъ предпріятій которыя выгодны лишь на бумагѣ. Общая молва причисляла заводъ именно къ этой категоріи на томъ основаніи что содержаніе завода, военнорабочей роты, трехсотъ семействъ заводскихъ крестьянъ, значительнаго обоза занятого перевозкой руды изъ за тридцати верстъ отъ рудниковъ и пр., обходится казнѣ, не

помню хорошенько, что-то въ *полтора*ста тысячъ рублей, а серебра добываютъ чуть ли не *полтуд*а. Заводъ однако существуетъ до сихъ поръ и вѣроятно доставляетъ же какую-нибудь пользу казнѣ, иначе двадцатилѣтній опытъ заставлялъ бы упразднить его. Странно во всякомъ случаѣ что нигдѣ, ни въ мѣстныхъ, ни въ столичныхъ газетахъ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать хоть бы два слова объ Алагирѣ; о немъ какъ бы забыли и живетъ онъ себѣ какою-то замкнутою, отрѣзанною отъ остальнаго міра жизнью.

• Черезъ день, выѣхавъ съ г. Пиленко, выѣхали мы въ Садоу, гдѣ находятся рудники. Дорога на разстояніи тридцати верстъ была прекрасно разработана и шоссевана—явленіе тогда на Кавказѣ чуть ли не единственное. Въ легкомъ тарантасѣ, не взирая на нѣкоторые крутые спуски и подъемы надъ глубокими обрывами, мы доѣхали меньше чѣмъ въ три часа. Дорога идетъ по лѣвому берегу рѣки Ардона, быстро катающагося по утѣсанному крупными камнями русу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холодные сѣрые источники вливаются въ рѣку, придавая ей зеленоватый цвѣтъ и распространяя кругомъ тяжелый, непріятный запахъ. Ызда по ущелью была совершенно безопасна, благодаря отдаленности отъ непокорныхъ обществъ и мирнымъ наклонностямъ Осетинъ. Рудники охранялись маленькимъ фортомъ, очень хорошо и удобно построеннымъ, имѣвшимъ казармы для рабочихъ. Тутъ мы провели ночь, спускались въ *штольни* и *штреки*, гдѣ на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ аршинъ въ основаніи громадной скалистой горы, при свѣтѣ тусклыхъ саланныхъ огарковъ, въ тягломъ спирающемъ дыханіе воздухѣ, наполненномъ пороховымъ дымомъ, въ слакоти образуемой просачивающеюся вездѣ водой, копошились съ кирками и ломомъ въ рукахъ люди, ради добычи нѣсколькихъ фунтовъ презрѣннаго металла... Мракъ, воздухъ подземелья, невольное чувство страха при мысли какая громада виситъ надъ головами этихъ людей, днемъ и ночью здѣсь работающихъ, какая-то тоска сдавливавшая грудь при невольномъ представленіи о возможности быть запертымъ въ *штрекъ* (узенькій корридоръ въ скалѣ) внезапно обрушившеюся каменною глыбой,—нѣтъ, не хотѣлъ бы я тамъ оставаться! Чтò, свистъ пуль и дѣръ, смерть носящаяся кругомъ головы въ минуты возбужденія, въ сравненіи съ этимъ подавленнымъ состояніемъ какъ бы живо погребеннаго челоуѣка остающагося въ теченіе двѣнадцати часовъ, до

смѣны, внѣ свѣта и свѣжаго воздуха, съ тяжелымъ ломомъ въ рукахъ!

Зрѣлище было для меня совершенно новое, интересное; но пробывъ какіе - нибудь полчаса, я съ большимъ удовольствіемъ взобрался по вертикальной лѣстницѣ на верхъ и радостно взглянувъ на свѣтъ солнца, широко вдохнулъ свѣжаго горнаго воздуха.

Изъ Садона уже не было дальше колеснаго сообщенія и я отправился верхомъ, переѣхавъ на правый берегъ рѣки; дорожка тянулась лѣсомъ, поднимаясь кое-гдѣ такъ высоко по обрыву что гулъ рѣки едва доносился до слуха. Въ восьми верстахъ, на такъ-называемомъ урочищѣ Св. Николая, я къ удивленію своему увидѣлъ прекрасный европейской архитектуры домикъ; оказалось что тутъ имѣетъ пребываніе офицеръ путей сообщенія, производящій изысканія для шоссеиной дороги по ущелью Ардона къ перевалу черезъ главный хребетъ въ Имеретію, къ верховьямъ Ріона. Помяну, я захватилъ познакомиться и встрѣтилъ весьма любезнаго капитала Есаулова, жившаго среди горъ и лѣса совершеннымъ отшельникомъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ что не имѣя никакихъ замѣтокъ, вынужденъ полагаться на свою слабѣющую память, и потому многое изъ моихъ наблюденій во время постоянной кочевой жизни, при безпрестанныхъ, какъ въ калейдоскопѣ, мѣнявшихся мѣстностяхъ и лицахъ, представлявшихъ не мало интереснаго, ускользаетъ и совершенно смутно носясь предо мною не ложится подъ перо. И въ этотъ разъ, напримѣръ, хоть и помню дико-угрюмую природу ущелій и бѣдныхъ ауловъ Осетинъ, во многомъ схожихъ съ Хевсурскими, ночи проведенныя въ дымныхъ грязныхъ сакляхъ, длинныя разговоры о житьѣ-бытьѣ этихъ заброшенныхъ въ трущобы бѣдныхъ первобытныхъ людей, ихъ дикія понятія о религіи и прочее, но ничего подробнаго объ этой повѣздѣ вспомнить и разказать не могу. Осмотрѣвъ я нѣсколько жалкихъ, выстроенныхъ въ наше время *осетинскою комиссіей* синодальной конторы церквей, стоимостью въ *триста* рублей каждая, церквей больше похожихъ на сараи или амбарчики чѣмъ на храмы; видѣвъ нѣсколько разваливъ древнихъ церквей, неизвѣстно когда и кѣмъ построенныхъ, съ сохранившеюся отчасти живописью на стѣнахъ, церквей при сравненіи коихъ съ возведенными въ наше время приходилось краснѣть;

видѣлъ двухъ-трехъ священниковъ, получающихъ по 150 р. въ годъ жалованья, точно такихъ какъ я уже описывалъ въ Хевсуріи, поставленныхъ въ самое жалкое унижительное положеніе среди своей полудикой, полужыческой ласты; видѣлъ вообще нищету и какой-то безпробудный мракъ... Вынесъ я тогда, помню, убѣжденіе что раздачей нѣсколькихъ колоколовъ и дорогихъ, по бархату вышитыхъ церковныхъ принадлежностей, ни христіанства возстановить, ни просвѣтить этого мрака невозможно, что для этого требуется нѣчто большее, много матеріальныхъ средствъ, много дѣятельныхъ, усердныхъ и подготовленныхъ людей.

У меня сохранилось нѣсколько черновыхъ бумагъ писанныхъ мною тогда барону Вревскому, и я приведу ихъ здѣсь въ извлеченіи; читатель увидитъ результатъ моей командировки и взглядъ мой на дѣло, выраженный двадцать три года тому назадъ, а также нѣкоторыя свѣдѣнія о самой мѣстности. Вотъ что я, между прочимъ, доносилъ 31го октября 1855 года:

„Исполняя возложенное на меня порученіе, я отправился въ Осетию и посѣтилъ всѣ деревни въ которыхъ есть церкви, роздалъ назначенныя имъ вещи подъ расписки священниковъ и собралъ при этомъ свѣдѣнія какъ о положеніи церквей, о недостаткахъ церковной утвари, такъ равно о степени уваженія Осетинъ къ христіанской вѣрѣ и исполненія ея обрядовъ. Изъ прилагаемаго списка видно какія церкви чѣмъ еще нужно снабдить; но при этомъ считаю долгомъ доложить что одно украшеніе церквей не можетъ имѣть того благотворнаго вліянія на утвержденіе между Осетинами христіанства, которое могло бы быть достигнуто другими болѣе дѣйствительными мѣрами. Первымъ условіемъ для достиженія цѣли, о важности результатовъ коей нечего и распространяться, я полагаю назначеніе въ эти мѣста священниковъ которые при знаніи туземнаго языка имѣли бы достаточно силы воли и ума чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на легковѣрный, полудикій народъ, и болѣе поученіями, выраженными въ простыхъ наглядныхъ формахъ, а не единственно церковнымъ священнодѣйствіемъ, горцамъ едва ли понятнымъ, заставили бы ихъ обратиться на истинный, христіанскій путь. Это тѣмъ болѣе возможно что живо сохранились еще преданія о нѣкогда бывшемъ здѣсь христіанствѣ. Осетины чтятъ божественность Спасителя, память нѣкоторыхъ св. угодниковъ, исполняютъ нѣкоторые обряды

церкви, но тутъ же подчиняются своимъ жрецамъ (дѣканози), исполняютъ разные языческіе обряды, приносятъ въ жертву животныхъ и т. п. Хорошій священникъ, съ настойчивостью и терпѣніемъ, въ нѣсколько лѣтъ непремѣнно достигъ бы въ своемъ приходѣ такого нравственнаго вліянія что слова его исполняли бы безпрекословно. Подобныхъ пастырей, безъ сомнѣнія, могли бы дать воспитанники кончающіе въ Тифлисекой семинаріи курсъ, но имъ необходимо назначить достаточныя средства существованія; теперешніе священники получаютъ отъ 150 до 200 рублей въ годъ; этихъ денегъ недостаточно на приобрѣтеніе насущнаго хлѣба для семьи нерѣдко въ 6—7 душъ. (Поэтому священниками въ горы и отправлялись только полуграмотные пономари.) Отъ жителей священникъ никакого вспомошествованія не имѣетъ, да и не долженъ имѣть; напротивъ, нерѣдки случаи когда священникъ долженъ оказать помощь, сдѣлать подарокъ и этимъ путемъ приобрѣсти уваженіе среди людей, которые при своей крайней бѣдности чуть не благоговѣютъ предъ всякимъ, обладающимъ скромными достатками.

Второе и весьма важное условіе въ утвержденію христіанства между Осетинами—есть *заведеніе сельскихъ школъ*. Въ Мамисонскомъ уездѣ іеромонахъ Домети (единственный встрѣченный мною въ горахъ священникъ соответствовавшій своему назначенію, обладавшій собственными средствами) содержитъ на свой счетъ 12 мальчиковъ, успѣхи коихъ въ короткое время меня удивили: они порядочно читаютъ по-русски и по-грузински, а нѣкоторые уже довольно хорошо пишутъ. Словособностей у горцевъ вообще отнять нельзя и можно надѣяться что нѣсколько лѣтъ ученія сдѣлаютъ изъ нихъ людей полезныхъ въ своемъ обществѣ. И теперь уже старики смотрятъ на этихъ едва грамотныхъ дѣтей съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а когда они дойдутъ до того чтобы сумѣть въ своемъ кругу объяснять идею о Богѣ, о святости христіанской религіи, о величіи Русскаго монарха, о главныхъ обязанностяхъ христіанина и члена благоустроеннаго общества, тогда эти люди приобрѣтутъ безъ сомнѣнія немалое значеніе и это привнесло бы прекрасныя плоды.

„Іеромонахъ Домети имѣлъ средства привести въ исполненіе это хорошее дѣло; другіе же священники, даже при искреннемъ желаніи, не въ состояніи послѣдовать его примѣру. Мальчиковъ отдаваемыхъ родителями въ обученіе нужно

содержать, но ередствъ на это ни у кого нѣтъ. Въ селѣ Эруги священникъ Іосифъ Сургуладзе по моему совѣту съ полною готовностію соглашался завести у себя школу, на первый случай хоть на шесть мальчиковъ; этому примѣру послѣдовали бы вѣроятно и еще нѣкоторые, но имъ нужно отпустить для этого по крайней мѣрѣ по *двадцати* рублей на *каждаго* мальчика въ годъ. (И на такое-то дѣло у насъ не было источника чтобы расходовать какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ рублей! Но за то для меблированія квартиры *какого-нибудь* чиновника IV класса въ Тифлисъ легко находились многія тысячи...)

„При этомъ считаю нужнымъ доложить обстоятельство о постройкѣ церкви въ селѣ Эруги. Тамъ, на берегу рѣки, есть развалины древняго храма во имя Божіей Матери, столь уважаемыя всѣми Осетинами что они не рѣшаются проѣзжать мимо верхомъ и на дальнемъ разстояніи слезать съ лошадей, снимаютъ лапахи и съ большимъ благоговѣніемъ обходятъ эту святыню. Теперь вблизи этихъ развалинъ предполагено выстроить новую церковь, для которой уже привезенъ и дѣсь. Я полагаю что возобновленіе древняго храма было бы гораздо полезнѣе. Не говорю уже что сохранился бы памятникъ прекрасной древней архитектуры, памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ; но когда въ этихъ возобновленныхъ развалинахъ раздастся бы благовѣсть и начнется бы церковная служба, не только жители Эруги, но и всѣхъ сосѣднихъ ущелій стекались бы туда для молитвы. Возобновленіе этого древняго храма не можетъ встрѣтить большихъ затрудненій; дѣль стѣны совершенно цѣлы, камень отъ остальныхъ лежитъ на мѣстѣ и главный матеріалъ почти готовъ; мѣстами сохранилась до сихъ поръ живопись на стѣнахъ. Просвѣщенное содѣйствіе полковника Ивануцкаго, принимающаго въ этомъ дѣлѣ живое участіе, вызывающагося весной съѣздить для осмотра развалинъ и изъявляющаго готовность взять на себя ихъ возобновленіе, даетъ надежду на полный успѣхъ. Деньги отпущенныя на новую церковь могутъ быть обращены на этотъ предметъ, а при ихъ недостаткѣ вѣроятно найдутся ревнители богоугодному дѣлу и пополнять сумму приношеніями.

„Къ удовольствію желанія г. тайнаго совѣтника Казначеева, изложенному въ переданной мнѣ памятной его запискѣ, прилагаю при семъ планъ церкви въ селѣ Тибы съ масшта-

бомъ иконостаса, рисункъ Садовой церкви и записку заключающую въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы его преемственности.

„1. Книжка для записыванія жертвуемыхъ вещей и именъ приносителей заведена.

„2. О полученіи вещей будутъ посылаться увѣдомленія.

„3. При передачѣ вещей въ церкви священникамъ даны замѣтки объ именахъ жертвователей, для помяновенія въ церквахъ.

„4. Жителей въ горной Осетіи приблизительно въ шестидесяти деревушкахъ около восьмисотъ семействъ.

„5. Церкви въ Осетіи существуютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Садовѣ, въ Зрамаги, въ Тибы, въ Нары, въ Сионѣ, въ Абано. Кромѣ того предполагено строить: въ Зругѣ, въ Кисакви и въ Лисры.

„6. Особенно чтимые святыя у Осетинъ: болѣе всѣхъ Святый Георгій, архангелы Михаилъ и Гавріилъ и Святая Марія. Они знаютъ также Ілію, Θεодора, Іоанна Крестителя, Авраама, Исаака и Іакова.

„7. Источникъ близъ села Калаки, которому приписываютъ сверхъестественное дѣйствіе останавливаться или течь по молитвѣ пришельцевъ, я посѣтилъ. Молитва моя и другихъ присутствовавшихъ со мною лицъ не была услышана: источникъ не останавливалъ своего теченія. Но многіе изъ жителей говорили что они были свидѣтелями какъ источникъ по молитвѣ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ то останавливался, то опять продолжалъ свое теченіе. Судя по торфяному болотистому грунту, изъ котораго источникъ вытекаетъ, можно полагать что рыхлая земля, обрушиваясь, задерживаетъ теченіе воды пока она напоромъ не просочитъ себѣ пути, что можетъ случиться и нѣсколько разъ въ часъ. Не выдаю впрочемъ этого предположенія моего за непреложную истину, тѣмъ болѣе что точное наблюденіе потребовало бы много времени. Вода въ этомъ источникѣ цвѣтомъ и вкусомъ обыкновенная; говорятъ, зимой она гораздо теплѣе другихъ водъ и не замерзаетъ.

„8. Статья въ газеты вмѣстѣ съ симъ посылается. (Статья была воззваніемъ о пожертвованіяхъ; въ какую газету я ее отослалъ, гдѣ была она напечатана—рѣшительно не помню. Должно думать въ *Кавказъ* или *Русскомъ Инвалидѣ*. Въ концѣ заявлялась благодарность жертвователямъ и поименовывались

нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ: Сергій Тимофеевичъ Аксакъ съ семьей, вдова генерала Тимофеева, князь Суворовъ, Оливъ, Кроткая, Карабановъ, княгиня Марія Волковская, и другія извѣстныя Москвѣ лица.)

Проживъ около двухъ недѣль въ разныхъ осетинскихъ деревушкахъ, я по обыкновенію не ограничивался исполненіемъ одного лишь своего порученія, но началъ собирать свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ жителей, записывать слова, выслушивать длинные разказы стариковъ о разныхъ давно минувшихъ дѣлахъ, ѣздивъ въ глухія боковыя ущелья гдѣ на едва доступныхъ отвѣсахъ скалистыхъ горъ ютились пять-шесть закопченныхъ сакель, съ неизмѣнною башней, составлявшихъ деревню. Все угрюмо, мрачно, дико, бѣдно. Какое, казалось, существованіе возможно въ такихъ мѣстахъ, какую цѣну должна имѣть жизнь для обитателей такихъ трущобъ? А между тѣмъ и жизнью своею дорожать, и къ родинѣ привязанность питаютъ такую что не уступать въ этомъ отношеніи многимъ обитателямъ лучшихъ цивилизованныхъ мѣстностей...

Уѣзжая я попросилъ іеромонаха Домети и священника Сургуладзе по начатымъ мною замѣткамъ продолжать записку объ обычаяхъ и нравахъ горныхъ Осетинъ, конечно на грузинскомъ языкѣ, и доставить мнѣ этотъ матеріалъ для напечатанія при случаѣ. Почтенные отцы исполнили мою просьбу и ниже читатели найдутъ не безынтересный очеркъ Осетии.

Возвратилась я тѣмъ же путемъ черезъ урочище Святого Николая и Алагиръ во Владикавказъ, откуда черезъ нѣсколько дней, забравъ новый заласъ пожертвованныхъ церковныхъ вещей, отправился по другому направленію, по Военно-Грузинской дорогѣ до станціи Коби, отсюда верхомъ въ Трусовское общество, населяющее дикое узкое ущелье верховья Терека. Осматривая мѣсторожденіе этой столь извѣстной всѣмъ ѣдущимъ за Кавказъ, одной изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ рѣкъ, я пришелъ къ предположенію что названіе Теркъ (это мы уже называемъ Терекъ) имѣетъ основаніемъ латинское слово *Ter*, данное рѣкѣ потому что она образуется тремя потоками изъ одной горы, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, и тутъ же улоднѣла ея сливающимися въ одну; истоки эти составляютъ подобіе треугольника съ основаніемъ внизу. Конечно можетъ-быть это и лустая догадка съ моей стороны, но я тѣмъ болѣе могъ ее допустить что и сами

Осетины, по видимому, потомки европейских выходцев и въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова напоминающія латинскія, нѣмецкія, даже славянскія.

Въ Трусовскомъ обществѣ я не нашелъ ни одного священника, и сколько помнится, одну жалкую, никогда не открываемую церковь казенной постройки. Жители съ какимъ-то изумленіемъ смотрѣли на привезенныя вещи, глаза ихъ жадно разбѣгались при видѣ бархатныхъ, золотомъ шитыхъ церковныхъ принадлежностей и они не могли понять ихъ назначенія. Впрочемъ я засталъ все население нѣсколькихъ Трусовскихъ ауловъ въ разгарѣ лихтешествъ и пьянства, повторяющагося каждую осень по случаю поминовенія покойниковъ. При всей подавляющей бѣдности, Осетины такіе рабы древняго обычая что живя весь годъ впроголодь, дрожа надъ каждымъ кусочкомъ ячменной лепешки, доходя до того что не довѣряютъ собственнымъ женамъ, когда тѣ отправляются на мельницу съ гудою (кожаный мѣшокъ) за плечами и *посылаютъ дѣтей присматривать чтобы мать тамъ не полакомилась горстью муки*,—фактъ поразительной дикости, не встрѣченный мною ни у Хевсуръ, ни у Кистинъ,—разоряются въ нѣсколько дней на ломинки, какъ бы совершенно игнорируя предстоящій впереди тяжелый недостатокъ пропитанія!...

LXX.

На этихъ поѣздкахъ не окончилось однако мое знакомство съ Осетіей. Побывавъ между тѣмъ, какъ я уже описывалъ выше, въ двухъ зимнихъ экспедиціяхъ въ Большой и Малой Чечнѣ, проѣхавъ можетъ-быть десятокъ-другой разъ изъ Владикавказа въ Грозную и обратно, я 13го января 1856 года получилъ отъ генерала Бревскаго олять новое порученіе. Въ этотъ разъ я превращался изъ миссіонера въ полковника и полунинтендантскаго чиновника.

Дѣло въ томъ что во время тогдашней войны въ Азіатской Турціи доставка продовольствія для войскъ, особенно Гурійскаго отряда, сдѣлалась до такой степени затруднительною, не взирая на баснословную цѣну, свыше тридцати рублей за четверть ржаной муки въ семь пудовъ, что въ случаѣ продолженія войны можно было опасаться оставить войска безъ хлѣба. Провіантъ заготовленный частью на Кавказской линіи

и привозимый изъ Россіи двигался единственнымъ путемъ черезъ Владикавказъ, по Военно-Грузинской дорогѣ до Душета, оттуда сворачивалъ на Гори и черезъ Сурамскій перевалъ и Бутаисъ доставлялся къ расположенію Гурійскаго отряда. Кто не видѣлъ этихъ дорогъ двадцать лѣтъ тому назадъ, кто не проѣхалъ по нимъ въ осеннее, вообще въ ненастное время года и не видѣлъ какъ тащились разнокалиберныя осетинскія арбы то на бычкахъ, то въ одну лошадь съ грузомъ двухъ и не болѣе трехъ кудей муки, то на верблюдахъ, трупы коней валялись десятками, тотъ не въ состояніи себѣ представить что за ужасное мученіе людей и животныхъ тутъ происходило! А вдругъ снѣжный заваль или громадная каменная осыпь, или бѣшеный вздутый дождями потокъ загораживали часть дороги и прекращали сообщенія на цѣлыя недѣли, захватывая транспорты въ такихъ мѣстахъ гдѣ не было возможности достать какого-нибудь корма для животныхъ. А муки ротъ высылавшихся на дорогу для ремонта, страданія разныхъ командъ двигавшихся назадъ и впередъ изъ Россіи за Кавказъ и обратно! Ужасно вспомнить...

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, новый главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ предписалъ начальнику Владикавказскаго военного округа сдѣлать опытъ доставки части провіанта войскамъ Гурійскаго отряда прямо съ линіи по ущелью Ардона черезъ Мамисонскій перевалъ въ Имеретію. Баронъ Вревскій возложилъ на нѣсколькихъ милиціонныхъ офицеровъ изъ Осетинъ, въ качествѣ подрядчиковъ, доставить двѣ тысячи четвертей муки съ пропорціей крулъ въ мѣстечко Оми Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, откуда уже тамошнее начальство должно было позаботиться дальнѣйшимъ транспортированіемъ до расположенія отряда, а мнѣ поручилъ имѣть наблюденіе какъ за успѣхомъ перевозки этого количества хлѣба, такъ равно и за исправностію дороги по Алагирскому и Мамисонскому ущельямъ до Оми. Для этого я долженъ былъ отправиться тотчасъ въ селеніе Тиби, куда мнѣ было прибыть рабочіе Осетины, а также команда саперъ и взводъ лѣхоты при офицерѣ. Затѣмъ, по возвращеніи изъ Тифлиса инженеръ-капитана Есаулова, заботы о дорогѣ вмѣстѣ съ рабочими я долженъ былъ предоставить ему, а на моей обязанности оставалось уже только наблюденіе за перевозкой провіанта, въ чемъ мнѣ должны были содѣйствовать всѣ мѣстныя власти. Проводивъ первый рейсъ до Оми и

переговоривъ подробно съ тамошнимъ уѣзднымъ начальникомъ о мѣстѣ для склада и дальнѣйшемъ транспортѣ, я долженъ былъ возвратиться во Владикавказъ для дачи отчета о ходѣ и положеніи всего дѣла. Передавая мнѣ это предписаніе, баронъ Вревскій на словахъ поручилъ мнѣ воспользоваться пребываніемъ въ Осетіи, еще разъ вникнуть въ положеніе этой части края и представить ему въ послѣдствіи подробный докладъ какъ о церковныхъ дѣлахъ, такъ и о мѣстномъ управленіи, съ моими соображеніями о мѣрахъ для лучшаго ихъ устройства. Но прежде всего, конечно, посвятить главнѣйше всю дѣятельность успѣшному исполненію порученія о доставкѣ черезъ горы провіанта.

7го февраля я отправилъ генералу Вревскому слѣдующее донесеніе:

„Для исполненія порученія по наблюденію за ходомъ перевозки провіанта черезъ Осетію въ Оки я прибылъ 20 января въ Алагиръ, и принявъ тамъ взводъ егерей 6го резервнаго баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, выступилъ въ Садонъ. Здѣсь, присоединивъ 10 салеръ при унтеръ-офицерѣ, я съ 23 числа приступилъ къ разработкѣ дороги отъ Садонскаго моста до деревни Нузалъ чтобы сюда могли провѣхать свободно арбы съ провіантомъ; по неимѣнію въ баталіонѣ шанцевого инструмента я вытребовалъ таковой изъ Горнозаводской конторы. 25го числа когда арбаное сообщеніе съ Нузаломъ возстановилось, я перешелъ къ урочищу Св. Николая и занялся исправленіемъ осылавшейся во многихъ мѣстахъ дороги до такъ-называемаго Греческаго Лагерь (тутъ когда-то жили Греки отыскивавшіе серебряную руду). 27го числа я перешелъ со всею командой къ этому лагерю и началъ работу далѣе по Касарскому ущелью. На разстояніи болѣе пяти верстъ дороги не существовало и туземцы съ трудомъ пробрались лѣшіе. Въ двухъ мѣстахъ лежали два большіе свѣжные завала, мостики едва держались на полустынившихъ балкахъ, грозя ежеминутно обрушиться, а въ одномъ мѣстѣ узенькая тропа покрывалась льдомъ и дѣлала проходъ невозможнымъ. Я долженъ былъ провести новую дорогу по лѣвому берегу Ардона, сдѣлать три новые, исправить два старые моста, прокладывать по уступамъ горъ тропинки. Громадные камни, мерзлая земля, недостатокъ инструмента — все это весьма затрудняло работу, но преодолевая всѣ препятствія, я ко 2 февраля открылъ свободное сообщеніе до села Зрамаги. Въ тотъ же день перевьюченныя съ арбы на лошадей кули

провіанта тронулись отъ Нузала и я перешелъ въ село Тиби чтобы содѣйствовать дальнѣйшему ихъ слѣдованію къ селу Калаки. Ночью началась страшная метель, которая въ теченіе трехъ сутокъ прервала сообщеніе даже между деревнями Мамисонскаго ущелья. О переходѣ черезъ перевалъ нельзя было и думать: ужасные сугробы снѣга покрыли все видимое пространство, а непрерывный вихорь затемнялъ воздухъ. По неимѣнію здѣсь, въ Мамисонѣ, топлива для варки солдатамъ пищи, я вынужденъ былъ отвести всю команду назадъ къ Греческому Лагерю, а участковому застѣдателю поручилъ, какъ только стихнетъ буря, расчищать жителями дорогу до Калаки.

„Затѣмъ къ дальнѣйшему безпрепятственному слѣдованію выюковъ мною приняты слѣдующія мѣры: мамисонскій застѣдатель расчищаетъ снѣгъ отъ Тиби и оказываетъ выюкамъ помощь въ трудныхъ мѣстахъ; въ Калаки очищены мѣста для склада провіанта въ бунты; прибывшему вчера капитану Есаулову я сдалъ всю команду солдатъ и онъ съ ними и рабочими изъ Нарскаго участка исправляетъ дорогу въ Касарскомъ ущельѣ. Такимъ образомъ сообщеніе не прекращается и провіантъ изъ складочнаго магазина въ Нузалѣ до подножія перевала черезъ хребетъ слѣдуетъ теперь безостановочно. До сихъ поръ уже перевезено до семисотъ четвертей, а къ половинѣ марта, можно надѣяться, будутъ тамъ и всѣ двѣ тысячи.

„Что касается перевозки этого количества хлѣба черезъ горы, то по самымъ подробнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною на мѣстѣ отъ людей заслуживающихъ полнаго довѣрія, оказывается что раньше половины марта приступить къ этому нѣтъ никакой возможности; да и тогда только можно будетъ переносить мѣшки черезъ гору на людяхъ, а уже отъ села Кадисара, лежащаго по ту сторону хребта, опять везти на выюкахъ. Для этого, какъ только будетъ малѣйшая возможность перейти горы, я намѣренъ перевалиться въ Оми и условиться съ рачинскимъ уѣзднымъ начальникомъ чтобы при его содѣйствіи имѣть съ обѣихъ сторонъ одинаковое количество людей, такъ что Осетины будутъ доставлять до вершины, а Рачины уже далѣе. Иначе на однихъ людяхъ нѣтъ возможности переносить мѣшки муки въ три съ половиною пуда вѣсомъ. При этомъ условіи и если погода будетъ не особенно неблагопріятна, я почти увѣренъ что къ концу

апрѣля двѣ тысячи четвертей будутъ доставлены изъ Калаки въ Опи. Съ конца же мая, когда откроется свободное сообщеніе черезъ горы, въ теченіе дѣла удобно можно перевезти уже на лошадяхъ болѣе десяти тысячъ четвертей.

„Считаю нужнымъ доложить что нарскому и мамисонскому участковымъ засѣдателямъ необходимо предписать безотлучно оставаться до окончанія всей операціи—первому въ Зрамаги, второму въ Тиби, ибо безъ нихъ отъ жителей никакого содѣйствія ожидать нельзя. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ жителей на переноску провіанта черезъ горы за одну лишь плату предлагаемую имъ подрядчиками склонить нельзя, то мѣстное начальство должно внушить имъ что они обязаны сдѣлать это отчасти какъ службу правительству, которое за такую преданность не оставитъ ихъ безъ вниманія, и если уже нельзя заставить подрядчиковъ увеличить плату, то было бы полезно тѣхъ Осетинъ которые займутся переноской провіанта и вообще окажутъ дѣлу усердное содѣйствіе, освободить отъ взноса въ казну на нынѣшній годъ взыскиваемой съ нихъ подати, по 50 копѣекъ съ дома.“

Я привелъ здѣсь эту сухую официальную бумагу для того чтобы читатель могъ видѣть какого рода порученіе выпало въ этотъ разъ на мою долю, но по ней нельзя и приблизительно себѣ представить что пришлось мнѣ вынести въ теченіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ недѣль тогдашняго пребыванія въ Осетинскихъ горахъ. Нужно было крѣпкое здоровье, нуженъ былъ большой запасъ энергіи и, главное, нужна была моя привычка къ трудамъ и лишеніямъ жизни въ горахъ, жизни, суровую школу коей я прошелъ смолоду въ Тушетіи, Хевсуріи, на Лезгинской линіи, чтобы не только не избѣгать и не заявлять неудовольствія, а напротивъ быть совершенно довольнымъ полученіемъ такихъ служебныхъ порученій.

Большую частью всѣ переходы между аулами, между пунктами на которыхъ совершались дорожныя работы, приходилось дѣлать пѣшкомъ по тропкамъ и безъ нихъ, карабкаясь и цѣпляясь за что попало; застигнутый метелью въ одномъ изъ самыхъ жалкихъ аульчиковъ, я трое сутокъ провелъ въ темномъ, полномъ дыма, грязномъ логовищѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Осетинами и ихъ животными, имѣя постелью бурку, а лищею нѣсколько ячменныхъ, въ золѣ испеченныхъ лепешекъ, съ кусочкомъ соле-

наго мѣстнаго сыра; но хуже всего было трое сутокъ провести въ бездѣйствіи, въ невозможности даже походить. Я выскакивалъ, наглотавшись дыма и тяжелаго воздуха, на дворъ чтобы вдохнуть свѣжаго, совершенно какъ кочегары на пароходахъ, но больше двухъ-трехъ минутъ нельзя было оставаться: неистовый вѣтеръ крутилъ густыя тучи снѣга застилавшія свѣтъ, засыпавшія всякій попадавшійся предметъ сухимъ, твердымъ какъ песокъ снѣгомъ; кругомъ полумракъ, въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно, только гулъ и вой то какъ будто утихающій, то усиливающийся, мѣняющій тоны визжащія на глухіе, да по временамъ вдали какіе-то раскаты... (вѣроятно шумъ обрушивающихся заваловъ). Такова была приблизительно картина, которая могла бы дать богатый матеріалъ для самаго поэтического эффектнаго описанія и въ чтеніи производила бы отличное впечатлѣніе испытывать же ее на себѣ было не совсѣмъ пріятно.

Въ отвѣтъ на мое донесеніе, баронъ Вревскій, одобряя всѣ мои распоряженія и предположенія, предписывалъ не упустить первой возможности для перехода черезъ хребетъ въ Имеретію чтобы, не полагаясь на разказы туземцевъ, лично убѣдиться въ возможности переноски части провіанта и вообще въ состояніи какъ этого пути, такъ и дальше до Опи; для опыта же, если окажется возможнымъ, взять съ собою хотя небольшое число муки на людей.

Какъ только погода разгулялась, безоблачное небо, полная луна и сильный морозъ предвѣщали продолжительное затишье, я рѣшился приступить къ исполненію этой второй части порученія и перейти черезъ хребетъ. Триста Осетинъ согласились взять на себя по мѣшку муки ($3\frac{1}{2}$ пуда) для доставки до первой деревни на южномъ склонѣ хребта. Тропулись мы изъ села Калаки часовъ въ 8 утра и луснулись въ сплошное пространство ослѣпительнаго бѣлаго снѣга, покрывавшаго кругомъ громады горъ, принявшихъ подъ этимъ саваномъ однообразный, мертвенный видъ: ни лѣсовъ, ни обрывовъ, ни причудливыхъ очертаній, ни просвѣчивающихъ серебристыхъ водопадовъ. Все исчезло подъ одною бѣлою оболочкой! Ни движенія, ни звука, никакого признака жизни, одна, какая-то величественная, торжественная тишина кругомъ.

Второй разъ приходилось мнѣ дѣлать попытку зимняго перехода черезъ главный хребетъ безъ дороги, по цѣпкому снѣгу. Первый разъ это было въ ноябрѣ 1847 въ Хевсуріи,

что разказано уже во главѣ X (*Русск. Вѣстн.* апрѣль 1876). Но въ этотъ разъ дѣло вышло удачнѣе, снѣгъ былъ тверже и намъ почти нигдѣ не приходилось проваливаться по полю, а вѣдь это и составляетъ главную трудность движенія.

Впередѣ на всякій случай шли человекъ тридцать рабочихъ съ лопатами, за ними я съ нѣсколькими мѣстными старшинами, далѣе тянулся черною ленточкой длинный рядъ Осетинъ съ мѣшками на спинахъ. Щеки у всехъ насъ были намазаны растертымъ порошкомъ (испытанное хорошее средство противъ рѣжущей глаза бѣлизны снѣга); пройдешь съ полверсты, потъ градомъ катится, все влажно, но захватываетъ дыханіе, ноги дрожать, приходится останавливаться и присѣсть на снѣгъ; черезъ минуту весь остынешь, чувствуешь какъ влажное бѣлье на тѣлѣ прохватывается морозомъ и торопишься опять въ путь, глотая по временамъ изъ бутылки краснаго вина. Шагъ за шагомъ, выше и выше, мы къ солнечному закату очутились уже почти на самомъ перевалѣ. Что это былъ за видъ, когда красное солнце, опускаясь на нашихъ глазахъ прямо предъ нами за вершину перевала, освѣтило лучами весь этотъ снѣжный океанъ! Что за разнообразіе красокъ отражалось въ искрившемся снѣгѣ; какія лилово-фіолетовыя, пурпурно-зеленоватыя тѣни громадныхъ разнѣровъ ложились по склонамъ горъ! Какіе переходы на всемъ фонѣ этой картины совершались, когда исчезъ послѣдній солнечный лучъ, когда на одно мгновеніе все померкло, покрылось какою-то дымкой и вдругъ полная взошедшая луна облила все однимъ чистымъ серебристо-матовымъ свѣтомъ!... Что за волшебная декорація, и какъ она дѣйствовала на меня, хотя я ее и не въ первый разъ видѣлъ,—до сихъ поръ у меня подобныя картины предъ глазами, какъ-будто я только наканунѣ ими любовался... Нѣсколько минутъ наслажденія подобнымъ видомъ вознаграждали за нѣсколько дней мерзвѣйшей жизни въ осетинскомъ хлѣбѣ; все забывалось, все исчезало въ какомъ-то возвышенномъ настроеніи, вызывавшемъ другія мечты и помыслы!

Перебравшись благополучно черезъ высшую точку перевала (полагаю не менѣе 7—8 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря), мы часовъ около девяти вечера добрались до первой маленькой деревушки Нешретинъ, у самаго истока Ріона, бѣлая коей и должны были провести ночь; ноги рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшей службы. На другое утро, въ

нѣсколькихъ верстахъ ниже, въ болѣе населенной деревнѣ, я сложилъ принесенные триста мѣшковъ муки, поручивъ ихъ поочередно старшимъ, отпустилъ своихъ Осетинъ обратно, а самъ съ нѣсколькими сопровождавшими меня людьми и съ мѣстнымъ участковымъ начальникомъ верхомъ отправился въ мѣстечко Они, замѣнявшее уѣздный городъ Рачинскаго уѣзда. Самого начальника майора Васильева я не засталъ дома и по дѣлу долженъ былъ вѣдаться съ его помощникомъ и секретаремъ. За то съ семействомъ г. Васильева (всѣ они старше Темиръ-Ханъ-Шурицы и коренные дагестанскіе жители, отецъ ихъ былъ когда-то командиромъ въ Дербентѣ и локровителемъ Марлинскому) я провелъ вечеръ съ величайшимъ удовольствіемъ, въ европейски обставленной комнатѣ, за чайнымъ столомъ, за русскою рѣчью и разказами о Шурѣ, тамошнихъ общихъ знакомыхъ и пр. Легко себѣ представить какимъ раемъ покажется подобное пребываніе въ гостепріимномъ семействѣ послѣ жизни въ осетинскихъ тущобахъ и послѣ перехода лѣшкомъ черезъ снѣговой хребетъ. Къ сожалѣнію, я не могъ терять времени и тѣмъ болѣе долженъ былъ торопиться что малѣйшая перемена погоды могла воспрепятствовать обратному переходу черезъ горы. Поэтому, отдохнувъ только однѣ сутки въ Они, я уѣхалъ ночевать въ ту же деревню гдѣ оставилъ сложенный провіантъ, а на другой день со своими нѣсколькими спутниками благополучно перебрался назадъ черезъ хребетъ въ Калаки. Легко разказывать о такихъ путешествіяхъ, но каково ихъ совершать можетъ понять только тотъ кто самъ испыталъ что-нибудь подобное. Какое напряженіе силъ, какое усиленное сердцебіеніе и дрожаніе во всѣхъ членахъ, какая рѣзь въ глазахъ и звонъ въ ушахъ при этомъ происходятъ—передать трудно. Привыкшему съ малолѣтства горцу и то подъ часъ тяжела становится такая борьба съ суровою природою, а намъ, съ нашими привычками, съ нашими, ослабленными умственными занятіями, нервами и такіа путешествія, и такая жизнь въ аулахъ—просто мучительная пытка. Но „что прошло, то будетъ мило“, и я теперь, вспоминая о подобныхъ эпизодахъ моей четвертьвѣковой кавказской службы, представляю себѣ ихъ какъ нѣчто пріятное, нѣчто что съ удовольствіемъ готовъ бы пережить еще разъ...

По возвращеніи на сѣверную сторону хребта, я осматривалъ еще разъ подробно дорогу по ущельямъ и убѣдив-

шисъ что выюки двигаются безостановочно, уѣхалъ во Владикавказъ для подробнаго личнаго доклада барону Вревскому. Вспоминаю при этомъ одинъ эпизодъ, подтверждающій мои описанія жалкаго положенія священниковъ въ Осетіи и вообще въ горныхъ округахъ. Въ селеніи Нузалъ, какъ я уже говорилъ, складывали провіантъ привозимый на арбахъ и здѣсь являлись нанятые подрядчиками и вообще желающіе люди съ лошадьми и навьючивали мѣшки для доставки въ Калаки за о прѣ ленную плату, размѣръ коей не помню, но во всякомъ случаѣ весьма умѣренную. Пріѣхавъ въ Нузалъ, я засталъ толпу челоѣкъ во сто съ лошадьми на которыхъ выючили муку; обыкновенный въ такихъ случаяхъ гамъ и крикъ менѣ я конечно не удивили, но вдругъ стали раздаваться слишкомъ громкія бранныя слова и казалось дѣло доходить до драки. Послалъ я узнать что тамъ происходитъ, и представьте мое непріятное положеніе, когда мнѣ сказали что шумъ и ссору произвелъ *священникъ, нанятый со своею лошадью возить мѣшки* и не захотѣвшій брать лежащихъ въ складѣ по очереди, а начавшій разбрасывать и выбирать какіе поменьше и полегче, чему воспротивились другіе погонщики... Попросилъ я къ себѣ этого пастыря одного изъ осетинскихъ приходовъ и превѣжливо упрекнулъ его въ такомъ несвойственномъ ему занятіи, подрывающемъ уваженіе къ нему его прихожанъ и тѣмъ болѣе еще конфузно что большинство вощиковъ мусульмане, мулла коихъ не станеть заниматься возкой выюковъ.

— Я получаю полтора ста рублей въ годъ, а у меня семья въ семь душъ, которыхъ нужно кормить, отвѣчалъ онъ;—въ той же деревнѣ гдѣ я живу бѣлая половина жителей мусульмане, мулла ихъ жалованья не получаетъ, но имѣетъ такіе доходы что живетъ богато, всѣми уважаемъ и почитаемъ, даже нашимъ русскимъ начальствомъ, а я нищій и на меня никто вниманія не обращаетъ. Я воспользовался случаемъ заработать нѣсколько рублей.

Я не нашелся что и сказать ему. Особенно конфузило меня присутствіе нѣсколькихъ осетинскихъ офицеровъ и почетныхъ людей, увѣнчанныхъ разными орденами и знаками отличія, принадлежавшихъ безъ исключенія къ исповѣдующимъ мусульманскую вѣру. Они весьма проницательно посматривали на несчастнаго христіанскаго священника, наряженнаго въ ободранный полушубокъ и родъ лаптей, и съ большимъ

изумленіемъ взглянули на меня, когда я подошелъ къ нему подъ благословеніе...

Не изумительная ли непоследовательность нашей политики? Вѣсто того чтобы покровительствовать христіанскому элементу среди горцевъ, оказывать ему если уже не явное предпочтеніе предъ мусульманскимъ, то по крайней мѣрѣ не равнодушіе и даже явное пренебреженіе, чтобъ опираться на него въ борьбѣ со враждебнымъ фанатическимъ исламомъ, мы въ какой-то непостижимой слѣпотѣ дѣйствовали какъ разъ наоборотъ. И нигдѣ это не выказывалось такъ рѣзко какъ именно во Владикавказскомъ округѣ, этомъ центрѣ кавказскаго горскаго населенія. Вы встрѣчали здѣсь цѣлую массу штабъ- и оберъ-офицеровъ, увѣшанныхъ орденами, получающихъ пенсіи, занимающихъ разные видныя административныя должности, пользующихся большимъ почетомъ у высшихъ русскихъ властей и поэтому значительнымъ вліяніемъ среди туземнаго населенія, и все это были исключительно мусульмане. Думаю что память не измѣняетъ мнѣ и потому говорю „исключительно“. Я рѣшительно не помню ни одного офицера Осетина христіанина; даже въ числѣ низшихъ лицъ награжденныхъ медалями, солдатскими Георгіевскими крестами, темляками и т. л., едва ли на двадцать лѣтъ чело-вѣкъ мусульманъ приходился одинъ христіанинъ! Кто составлялъ „сливки туземнаго общества“? Мусульмане. Кого вы могли встрѣтить въ числѣ гостей, вѣжливо, съ почтеніемъ принимаемыхъ нашими высшими начальственными лицами? Почетныхъ туземцевъ мусульманъ, ихъ чалмоносныхъ эфендіевъ и гаджи (побывавшихъ въ Меккѣ). Къ кому обращались за совѣтами, за содѣйствіемъ въ разныхъ важныхъ мѣстныхъ дѣлахъ? Къ нимъ же. Кому предоставляли выгодныя, доходныя поставки, начальствованія надъ милиціями и т. л.? Все имъ же, мусульманамъ. Исканіе популярности среди туземцевъ—слабость которою было одержимо большинство нашихъ главныхъ начальниковъ—къ кому обращалось? Къ мусульманамъ же. Тотъ же баронъ И. А. Вревскій, одинъ изъ первыхъ обратившій вниманіе на вопросъ о возстановленіи и поддержаніи христіанства среди горцевъ, такъ энергически извѣщавшій за это, какъ читатели могли видѣть изъ вышеописаннаго, по необъяснимому противорѣчію, дѣйствовалъ совершенно въ томъ же направленіи и оказывая всякое уваженіе и снисхожденіе почетнымъ вліятельнымъ туземцамъ мусуль-

манамъ и ихъ духовенству, не показалъ ни одного примѣра отличіемъ и возвышеніемъ котораго-нибудь изъ туземцевъ-христіанъ. Я вовсе не партизанъ религіозныхъ преслѣдованій и преимуществъ одной религіи противъ другой; но именно, въ силу принципа равноправности, казалось бы болѣе уместнымъ христіанскому государству не быть мачихой своимъ единовѣрцамъ, уже не говоря о политической сторонѣ дѣла. И выходило такъ что мусульманское населеніе, пользуясь покровительствомъ своихъ вліятельныхъ лицъ, вездѣ и во всемъ стояло впереди христіанскаго; оно жило сравнительно въ гораздо большемъ благосостояніи, смотрѣло свысока и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на своихъ христіанскихъ сосѣдей, возбуждая въ нихъ зависть и нерѣдко желаніе обратиться въ мусульманъ... При такихъ условіяхъ не удивительно что мусульманская часть туземнаго населенія отличалась и большею степенью своего рода интеллигентности, большимъ наружнымъ лоскомъ и приличіемъ, тогда какъ христіане были бѣднѣе, грубѣе, необтесаннѣе, менѣе развиты, хотя принадлежали къ одному и тому же племени. Короче сказать, мусульмане были господа, а христіане мужичье.

Нѣтъ ли тутъ аналогіи съ нашею извѣстною слабостью оказывать предпочтеніе всему иностранному въ ущербъ своему, родному? Съ чужимъ, хоть бы то былъ даже Чеченецъ, политичнѣе, „въ перчаткахъ“, со всяческимъ снисхожденіемъ, а со своимъ—ну, тутъ нечего церемониться... Для примѣра, вотъ одно распоряженіе изъ относительно недавняго прошлаго: предписывалось закавказскимъ мѣстнымъ начальствамъ въ случаяхъ тѣлеснаго наказанія туземцевъ не обнажать, а бить по шароварамъ, такъ какъ обнаженіе считается де у нихъ за великій стыдъ; но въ то же время и въ тѣхъ же мѣстахъ русскаго солдата и русскую бабу можно было стѣчь безъ великихъ церемоній. Было это конечно въ тѣ времена когда еще никому не приходило въ голову уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній: но все же какая несообразность: уважать стыдъ туземца, не думая что вѣдь и у Русскаго должно быть такое же чувство стыда... Женщинъ туземныхъ и вовсе воспрещалось подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, но для русскихъ этого исключенія не было сдѣлано....

LXXI.

Между тѣмъ въ составѣ высшей военной администраціи произошла важная перемѣна. Надежды барона Вревскаго не сбылись: начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи и двадцатой пѣхотной дивизіи былъ назначенъ генералъ-майоръ Евдокимовъ (до того бывшій начальникомъ праваго фланга), а баронъ оставленъ въ прежней своей должности начальника Владикавказскаго округа. Узнавъ я объ этомъ совершенно неожиданно по пріѣздѣ въ Алагиръ.

Пришлось опять призадуматься о своемъ положеніи. Что же теперь со мною будетъ? Какъ офицеръ Дагестанскаго полка двадцатой дивизіи, я былъ подчиненный генерала Евдокимова и не могъ уже оставаться въ распоряженіи генерала Вревскаго; слѣдовало, значить, возвратиться въ Грозную, ожидать тамъ рѣшенія своей судьбы. А если Евдокимовъ прикажетъ отправляться въ полкъ? Вѣдь онъ меня совсѣмъ не знаетъ, да безъ сомнѣнія привезетъ съ собою своихъ приближенныхъ съ праваго фланга, какъ это всегда водится, и сочтетъ меня совершенно лишнимъ. Однако въ этотъ разъ я не особенно тревожился, въ полной увѣренности что баронъ Вревскій оставитъ меня при себѣ, для чего стоило ему только представить о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ девятнадцатой дивизіи, расположенныхъ въ его округъ. Я послѣдствіе во Владикавказъ чтобы поскорѣе разрѣшить всѣ эти сомнѣнія.

Сдѣлавъ подробный докладъ по дѣлу о провіантѣ, а также о моихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ насчетъ церковнаго и административнаго положенія Осетин, выслушавъ благодарность и нѣсколько незаслуженныхъ лестныхъ отзывовъ о моей служебной дѣятельности, я приступилъ къ своимъ личнымъ дѣламъ и спросилъ барона какъ мнѣ теперь быть послѣ совершившихся перемѣнъ.

— О себѣ не безпокойтесь, сказалъ мнѣ Иллолитъ Александровичъ. — Я напишу генералу Евдокимову что вы мнѣ необходимы для окончанія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ и онъ прикажетъ считать васъ во временной откомандировкѣ. А послѣ посмотримъ какъ лучше устроить. Приготовьте сейчасъ же официальное письмо отъ меня и отошлите въ Грозную.

— Позвольте мнѣ самому съѣздить съ письмомъ въ Грозную; у меня тамъ вѣдь квартира, лошади, вещи; я уже два мѣсяца не былъ и нужно кое-чѣмъ распорядиться.

— Хорошо, только больше шести-семи дней я не разрешаю вамъ быть въ отсутствіи; вы должны довести провіантское дѣло до конца, а это предметъ важный и слѣжный.

На слѣдующій день я уже трясся на перекладной по знакомой дорогѣ черезъ Сунженскія станицы *домой*.

Въ Грозной я никакого начальства не засталъ: генералъ Евдокимовъ выступилъ съ отрядомъ на Аргунь, гдѣ тогда строилось укрѣпленіе Бердыкель. Письмо къ нему я передалъ въ штабъ для отсылки, а самъ занялся своими хозяйственными дѣлшками, которыя нашелъ въ плохомъ состояніи: квартира моя была обворована, пропало много вещей, и воинскій начальникъ утѣшилъ меня тѣмъ что воры ни кто иной какъ Донскіе казаки недавно смѣненнаго полка, выступившаго на Донъ, и что онъ хотя принималъ всѣ возможныя мѣры, но ничего не нашелъ; виновать же во всякомъ случаѣ деньщикъ, вѣроятно отлучавшійся ночью изъ дома. На этомъ утѣшеніи дѣло и кончилось.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней проведенныхъ мною тогда въ Грозной (грязь была невылазная) я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ моей милою второю мушкатерскою ротой Дагестанскаго полка, пришедшею въ составъ своего баталіона въ Чечню на время зимней экспедиціи; баталіонъ былъ оставленъ однако въ Грозной до особаго приказанія. Почтенный майоръ Д. Б. (о которомъ я уже такъ подробно разказывалъ въ предшествовавшихъ главахъ) на мое письмо съ просьбой позволить мнѣ видѣть вторую роту отвѣтилъ согласіемъ; рота построилась въ станицѣ и я часа два ходилъ по рядамъ, называлъ поименно моихъ старыхъ сослуживцевъ, что ихъ чрезвычайно радовало, разспрашивалъ гдѣ и что они дѣлали въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ нашей разлуки и т. д. Какъ съ родными встрѣтился я со всѣми этими Черкашиными, Сливками, Максимовыми, какъ объ родныхъ пожалѣлъ о нѣкоторыхъ успѣвшихъ уже сложить свои кости въ разныхъ дагестанскихъ лазаретахъ и лагеряхъ.... На прощанье ротные лѣсеньники протѣли мнѣ мою любимую

„Зеленая роща всю ночь прошумѣла“...

получили на два ведра къ ротному празднику и на рукахъ

провесилъ меня къ дому ставичнаго начальника, гдѣ я оставилъ свою лошадь..

— Прощайте, братцы, авось Богъ дастъ еще когда-нибудь увидимся; будьте счастливы, выходите цѣлыми, коли придется встрѣтиться съ Чеченцами.

— Покорнѣйше благодаримъ, никогда васъ не забудемъ.

Военный читатель пойметъ какія чувства руководятъ мною когда я вношу въ свои воспоминанія такія мелочныя, по-видимому, событія. Для инвалида не можетъ быть ничего пріятнѣе воспоминаній о тѣхъ съ которыми приходилось выносить всякія невзгоды, тянуть тяжелую походную службу, пролеживать ночи въ секретяхъ, карауля врага и ежеминутно готовясь услышать свистъ пуль. Трудно было, подъ часъ невыносимо трудно, а вспоминать все-таки великое удовольствіе.

Къ назначенному сроку я возвратился во Владикавказъ, гдѣ казалось уже суждено мнѣ было оставаться надолго. Жилъ я тогда съ адъютантомъ генерала Вревскаго А. А. Нуридомъ (нынѣ генералъ и батумскій комендантъ), а большую часть дня проводилъ въ такъ-называемой крѣлости, въ домѣ начальника округа или въ канцеляріи. Занятій по всегдашнему было довольно; но о провіантскомъ дѣлѣ, потерявшемъ вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о заключенномъ перемиріи и близости мира свою экстренность, уже не столько безлокоилась; ѣхать въ Осетию, къ большому удовольствію, мнѣ уже не пришлось. Я занялся составленіемъ подробнаго донесенія и представилъ его барону Вревскому. Оно по моему мнѣнію и теперь еще не лишено нѣкотораго интереса для читателей, которыхъ занимаетъ положеніе Кавказа и особенно для такихъ которые незнакомы съ этимъ разнообразѣйшимъ краемъ и потому я не думаю утомить ихъ вниманіемъ приведя его почти цѣликомъ.

„Возлагая на меня нѣсколько служебныхъ порученій въ ущельяхъ Осетіи вы изволили выразить желаніе чтобъ я старался ознакомиться съ мѣстностью, съ бытомъ населенія, съ его нуждами, съ положеніемъ духовенства и мѣстной власти и затѣмъ представилъ вамъ обзоръ съ изложеніемъ тѣхъ мѣръ которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ были бы полезны въ смыслѣ болѣе прочнаго утвержденія христіанства, образованія осетинскихъ дѣтей и водворенія административнаго порядка.

„Посѣтивъ въ теченіе нынѣшней зимы нѣсколько разъ

Осетію, вникая во все что могло относиться къ видамъ вашимъ, я настолько познакомился съ этою страной что позволяю себѣ изложить здѣсь нѣсколько мыслей насчетъ лучшаго въ будущемъ ея устройства.

„Племя Осетинъ, за исключеніемъ нѣкоторой части живущей за Кавказомъ, населяетъ ущелья сѣвернаго склона хребта. Ущелья эти слѣдующія: Трусовское, по верховьямъ Терека, Тагаурское, Савадакское, Куртатинское и Алагирское, выходящія на плоскость Владикавказскаго округа; Нарское и Мамисонское, соединяющіяся слияніемъ своихъ рѣчекъ въ одно подъ названіемъ Касарскаго и примыкающія къ Алагирскому, затѣмъ нѣсколько Дигорскихъ, въ сосѣдствѣ съ Большою Кабардой. Жители всѣхъ этихъ ущелій Осетины (по ихнему Иронъ), говорятъ однимъ языкомъ, совершенно сходнымъ между собою по обычаямъ, правамъ, образу жизни, степени развитія, отчасти и благосостоянію. Нѣкогда христіане, они въ теченіе долгаго времени и силой смутныхъ обстоятельствъ долго волновавшихъ Кавказъ потеряли истинную вѣру, смѣшали темныя преданія христіанства съ языческими обрядами, освятили давностью лѣтъ много безсмысленныхъ суевѣрій, усвоили не мало правилъ ислама и упали на весьма низкую ступень.

„Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ еще при Екатеринѣ II, выразившихся присылкой миссіонеровъ, объ Осетинахъ какъ бы забыли и только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія правительство опять обратило вниманіе на христіанскихъ горцевъ. Туда стали посылать священниковъ, строить церкви, учреждать гражданское управленіе. Но отдаленность этихъ мѣстъ отъ пребыванія высшихъ властей, трудность и большею частью отсутствіе сообщеній, назначеніе туда духовныхъ и гражданскихъ лицъ большею частью безо всякаго образованія, были причиной что принятыя мѣры оставались на одной точкѣ; онѣ не подвергались измѣненіямъ къ лучшему на основаніи опыта и ближайшаго знакомства съ мѣстными условіями и, само собою, принесли самые ничтожные результаты. Кромѣ того, разединеніе ущелій въ административномъ отношеніи было поводомъ отсутствія совокупности въ усиліяхъ правительства достигнуть предполагаемой цѣли. Такъ Трусовское и Нарское ущелья вошли въ составъ Тифлисскаго губерніи, Мамисонское Кутаисской, Дигорскія

въ управленіе центромъ Кавказской линіи, остальные во Владикавказскій округъ.

„Достаточно одного взгляда на карту чтобъ убѣдиться въ неправильности подобнаго раздѣленія, противнаго этнографическому и географическому положенію страны. Между южнымъ и сѣвернымъ склонами главнаго хребта встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевалы, большую часть года непроходимые, а единственный удобный доступъ во всякое ущелье есть дорога съ плоскости, по теченію рѣки. Такъ и здѣсь: изъ Владикавказскаго округа сообщеніе со всѣми главными осетинскими ущельями никогда не прекращается, тогда какъ съ Тифлискою или Кутаисскою губерніями оно можетъ быть только въ четыре лѣтніе мѣсяца и то съ трудомъ. Поэтому жители въ постоянныхъ сношеніяхъ только съ плоскостью кругомъ Владикавказа, сбывая сюда кое-какія произведенія и пріобрѣтая здѣсь все нужное.

„Гражданское управленіе, введенное прямо среди дикихъ не подготовленныхъ обитателей ущелій, подчиненныхъ Тифлиской и Кутаисской губерніямъ, не могло достигнуть цѣли; они и теперь еще весьма далеки отъ того состоянія при коемъ гражданскіе законы съ ихъ часто отвлеченными видами, съ ихъ безчисленными формальностями, канцелярскими обрядами, становятся доступными пониманію населенія; имъ нужна была мѣстная власть съ большими правами и значеніемъ чѣмъ участковый начальникъ, имъ нуженъ справедливый быстрый судъ, примѣняемый къ народнымъ обычаямъ, съ содѣйствіемъ выборныхъ лучшихъ людей. Иногда неизбежна строгость, предупреждающая развитіе важныхъ преступленій, и то что могло кончиться на мѣстѣ наказаніемъ или временною высылкой одного безлокойнаго человѣка, вслѣдствіе слабости и безправія мѣстнаго начальства, принимало большіе размѣры, превращалось въ цѣлыя возстанія, требовавшія посланки цѣлыхъ отрядовъ войска, многихъ кровавыхъ жертвъ, какъ это и было въ Нарскомъ и Мамисонскомъ ущельяхъ (имѣвшихъ гражданское управленіе губерній) въ 1840, 43, 47 и 50 годахъ, когда отрядамъ въ нѣсколько баталіоновъ съ артилеріей приходилось совершать боевыя экспедиціи.

„Полагаю что всѣхъ Осетинъ живущихъ на сѣверномъ склонѣ хребта слѣдовало бы включить въ составъ Владикавказскаго округа и подчинить управленію одного началь-

ника, избравъ челоѣка знакомаго съ мѣстностью, обычаями, по возможности и съ языкомъ, снабдивъ его подробною инструкціей. Подъ его руководствомъ дѣйствія всѣхъ приставовъ, совокупно направленныя къ одной цѣли, повѣряемыя на мѣстѣ, безъ сомнѣнія привели бы къ желаемому успѣху. Къ этому нужно присовокупить проложеніе дорогъ, поддержаніе христіанства, заведеніе школъ, — главныхъ оплотовъ церкви и правительства, нуждающихся однако въ энергическомъ содѣйствіи мѣстной власти, безъ которой начальное развитіе ихъ невозможно.

„Подобно управленію мѣстному разьединено и духовное. Священники Нарскаго и Мамисонскаго уцелій подчинены благочинному живущему въ селѣ Джави на границѣ Горійскаго уѣзда (Карталиніа). Ихъ раздѣляетъ едва проходимый хребетъ и духовенство остается безъ надзора и наставленій, дѣйствіямъ ихъ нѣтъ ни одобреній, ни лорицаній. За полученіемъ своего скуднаго жалованья они должны отправляться въ Джави, проходя большею частью лѣшкомъ черезъ Рачу и Имеретію, употребляя на это цѣлые мѣсяцы, перенося неимоверныя труды и лишая приходы своего присутствія. Семейства ихъ живутъ въ Имеретіи, за неимѣніемъ въ Осетіи помѣщеній—второй поводъ продолжительныхъ отлучекъ и издержекъ. Есть и еще много другихъ неудобствъ подобнаго положенія, очевидныхъ для всякаго хоть немного знакомаго съ этимъ краемъ.

„Что касается мѣръ необходимыхъ здѣсь для возстановленія христіанства, то я уже имѣлъ честь доносить 31го октября 1855 года о главнѣйшей, заключающейся въ назначеніи соотвѣтствующихъ священниковъ, знающихъ туземный языкъ, могущихъ поученіями, выраженными въ доступныхъ понятіямъ народа формахъ, внушить уваженіе къ религіи и оказывать вліяніе на общественное благоустройство, и постулками милосердія и участія къ нуждающимся подтвердить на дѣлѣ свои слова. Къ такимъ дѣйствіямъ священниковъ, присоединивъ наружное благоуловіе церквей, торжественность богослуженія и ревностное исполненіе требъ, можно въ нѣсколько лѣтъ посылить народъ на истинный путь, безъ оласеній за легкость уклоненій на ложную дорогу. Выборъ подобныхъ священниковъ безспорно весьма затруднителенъ, но не невозможенъ. Нужно взять ихъ изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ семинаріи, дать имъ содержаніе по крайней мѣрѣ 350 р. въ годъ,

нужно построить для нихъ приличное помѣщеніе чтобы они могли оставаться неразлучно со своими семействами, обезпечить ихъ надеждой на полученіе за трехлѣтнюю службу награды, а за дальнѣйшее добросовѣстное исполненіе обязанностей полученіемъ такихъ приходовъ которые дали бы имъ возможность отдохнуть отъ трудовъ и тяжелой жизни среди дикихъ горъ. Въ центрѣ Нарскаго и Мамисонскаго ущелій, въ селѣ Зрамага, долженъ жить благочинный или вообще старшее духовное лицо, обладающее познаніями и подготовкой къ миссіонерской дѣятельности. Отсюда ему удобно наблюдать за всеми приходами, онъ же черезъ Алагиръ долженъ бы получать всю корреспонденцію и суммы на содержаніе духовенства, избавить священниковъ отъ далекихъ, трудныхъ странствованій. Кроме того, по случаю отдаленія этихъ мѣстъ и неудобствъ сообщеній съ мѣстопребываніемъ экзарха Грузіи, священники лишены возможности пользоваться его поученіями и ободреніями на подвиги самоотверженія; поэтому было бы весьма полезно назначеніе во Владикавказъ кого-либо изъ достойнѣйшихъ архимандритовъ, знакомыхъ съ краемъ, могущихъ въ удобное время посѣщать горскіе приходы, вникать въ нужды духовенства и церквей, убѣждаться на мѣстѣ въ необходимыхъ улучшеніяхъ, представлять о нихъ преосвященному владыкѣ и ходатайствовать у мѣстныхъ начальствъ о нужномъ содѣйствіи. Было бы крайне полезно также: 1) позаботиться о напечатаніи нѣсколькихъ молитвенниковъ на осетинскомъ языкѣ; 2) привести въ извѣстность число мусульманъ-Осетинъ, опредѣливъ норму муллъ, примѣрно на сто дворовъ одного, съ запрещеніемъ затѣмъ шляться подъ видомъ муллъ разнымъ подозрительнымъ пропагандистамъ; 3) воспретить жителямъ переходы изъ христіанскихъ въ мусульманскіе аулы, для постоянного поселенія, что ведетъ къ отступничеству и соблазну, а также заключеніе браковъ между ними, подъ опасеніемъ взысканій. На этой мѣрѣ настаиваетъ все духовенство, приводя примѣры крайняго вреда такихъ отношеній. Въ этомъ же селѣ Зрамага слѣдуетъ устроить школу, на первый разъ для двадцати четырехъ мальчиковъ ближайшихъ деревень. Живя въ одномъ зданіи, подъ надзоромъ хорошаго наставника, они при врожденныхъ горцамъ способностяхъ окажутъ быстрые успѣхи, нѣкоторые подготовятся къ переходу въ другія высшія учебныя заведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь на глазахъ своихъ родныхъ и односель-

цевъ, убѣждать ихъ въ пользу поступить также съ прочими дѣтьми. Почетнѣйшіе жители, съ которыми я говорилъ о подобномъ учрежденіи, съ готовностью вызвались оказать возможное содѣйствіе. На расходы по постройкѣ зданія и на содержаніе воспитанниковъ, полагая на каждого по сорока рублей въ годъ, кромѣ могущихъ быть пожертвованными частными лицами, необходимо и содѣйствіе правительства, въ которомъ оно безъ сомнѣнія и не откажетъ: такая цѣль достойна незначительныхъ пожертвованій. Въ случаѣ соединенія Нарскаго и Мамисонскаго ущелій въ одно управленіе, въ этомъ же селѣ Зрамага должно назначить и мѣстопробываніе начальника. Оно одно изъ удобнѣйшихъ, защищено отъ холодныхъ вѣтровъ, близко къ лѣсу, къ нему во всякое время года свободенъ доступъ и черезъ него проходитъ дорога изъ Осетіи въ Рачу.

„За всѣмъ тѣмъ еще одна во всѣхъ отношеніяхъ важная и благотѣльная мѣра это—проложеніе черезъ Осетію въ Имеретію удобной, на первый случай хоть бы вьючной дороги, ибо возведеніе предполагаемаго постоянного шоссированнаго пути требуетъ очень много времени и значительныхъ суммъ. Движеніе ли войска, подвозъ провіанта, пересылка легкихъ почтъ, переѣзды лицъ по служебнымъ обязанностямъ, мѣстная торговля, сближеніе искони христіанскаго населенія Имеретіи съ Осетинами, все это получило бы облегченіе и развитіе отъ удобной дороги. Подробности ея устройства—дѣло инженеровъ, но я полагаю что съ 250 человѣками рабочихъ въ два лѣта можно бы ее окончить, устроивъ для зимнихъ переходовъ черезъ перевалъ нѣсколько пріютовъ, снабженныхъ заблаговременно топливомъ и нѣкоторыми другими необходимыми предметами, и расположивъ въ нихъ по нѣскольку человѣкъ, періодически смѣняемыхъ.

„При подобныхъ условіяхъ можно надѣяться на хорошіе результаты по всѣмъ отраслямъ управленія не только однимъ Осетинскимъ племенемъ, но и сосѣдними обществами. Отсюда какъ изъ центра могли бы постепенно проникнуть лучи христіанской вѣры и школы съ одной стороны въ Дигорію, Сванетію, Карачай, съ другой чрезъ Военно-Грузинскую дорогу въ Хевсурію, Пшавію, гдѣ положеніе дѣлъ и мѣстныхъ обстоятельства почти тождественны съ Осетією, а также въ Галгаи и другія Кистинскія общества, населяющія хребетъ до верховьевъ рѣки Аргуна, среди коихъ до сихъ поръ оста-

лись сѣды и преданія христіанства и гдѣ мусульманство почти не успѣло еще вкорениться.

„Въ заключеніе считаю долгомъ доложить что усилія къ украшенію и снабженію церквей разными предметами сами по себѣ не обѣщаютъ результатовъ. Отсутствіе во многихъ приходахъ церквей, неудовлетворительное состояніе существующихъ, недостатокъ мало-мальски соответствующихъ священниковъ, причиною что жертвуемые предметы не исполняютъ своего назначенія. Колокола, образа, разныя богатыя украшенія должны бы служить средствами внушенія такому полудикому народу какъ Осетины большаго благоговѣнія къ торжеству церковной службы и значенію храмовъ, а равно убѣжденія ихъ въ безкорыстной заботливости нашей о ихъ благѣ. Въ настоящее же время почти всѣ пожертвованныя вещи хранятся въ сырыхъ дымныхъ сакляхъ безъ употребленія, а въ селѣ Тиби даже колоколъ отданъ подъ сохраненіе одному изъ жителей, изъ опасенія *чтобъ его не украли*... Поэтому я полагаю что съ раздачей полученныхъ въ послѣднее время изъ Москвы многихъ дорогихъ церковныхъ вещей слѣдуетъ приостановиться до принятія другихъ необходимыхъ мѣръ.“

Какая судьба постигла мой докладъ и вообще всѣ предположенія генерала Вревскаго, я разкажу ниже; а теперь представляю небольшой очеркъ Осетіи, согласно матеріаламъ доставленнымъ мнѣ священниками.

LXXII.

Осетины, называющіе себя *Ироны* (потому что они будто бы выходцы изъ Рима), населяютъ значительное пространство главнаго Кавказскаго хребта и часть плоскости по обоимъ его склонамъ. Языкъ, обычаи, нравы у всѣхъ одинаковы; религія, какъ я уже упоминалъ, смѣсь христіанства съ язычествомъ и исламомъ, а часть прилегающая къ плоскостямъ Малой и Большой Кабарды чисто мусульмане.

Занятая ими горныя ущелья чрезвычайно суровы и бѣдны; пахотныхъ мѣстъ мало, а пастбища обильны только въ нѣкоторыхъ частяхъ и болѣе по южному склону. Встрѣчаются холодные свѣрые и кислые источники, послѣдніе носятъ общее названіе *Нарзанъ*. Есть признаки желѣзныхъ и серебряныхъ рудъ. Народъ большею частію рослый, стройный

въ горахъ болѣе русый и довольно красивый, женщины же преимущественно красивы. Одѣваются въ костюмъ болѣе всего подходящий къ черкесскому. Охотники до верховыхъ лошадей, до украшеній на сбруѣ, одеждѣ и оружіи, какъ и всѣ кавказскія племена. До работы не охочи, взваливая почти всю тягость ея на женщинъ. Живутъ въ каменныхъ, дымныхъ двухъэтажныхъ сакляхъ съ башнями, а на плоскости въ деревянныхъ домахъ; въ первыхъ внизу помѣщается скоть, а люди за перегородкой; выходятъ же по приставнымъ деревяннымъ лѣстницамъ черезъ верхній, съ одной стороны открытый этажъ. По недостатку въ дѣлѣ, у большинства кроватей нѣтъ, а вмѣсто стульевъ стоятъ большіе камни; огонь раскладывается по срединѣ сакли, надъ нимъ виситъ желѣзная цѣль съ котломъ для варки пищи, а для печенія хлѣба привѣшиваютъ также каменные плитки, и кладутъ прѣсныя лепешки въ горячую золу; хлѣбъ болѣею частію ячменный (карджинъ). Освѣщаютъ сакли лучинами. Пища самая скудная: лепешки съ сывороткой, кусочекъ сыра, иногда колченая баранина; свѣжее мясо изрѣдка, въ случаѣ прибытія гостя, при свадьбахъ, поминкахъ и т. п. Мушны сядятъ у огня на стульяхъ, а женщины и дѣти на землю; впрочемъ невестка, особенно недавно вступившая въ семью, въ присутствіи свекра и старшихъ мушнъ не смѣетъ сѣсть, не должна вмѣшиваться въ разговоръ и даже на вопросы отвѣчаетъ наклопеніемъ головы, закрывая лицо; зять предъ своимъ тестемъ тоже отчасти обязанъ держать себя такъ. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ заправляетъ старшая женщина, у которой подъ замкомъ всѣ припасы.

Осетины не отличаются щепетильною нравственностью; почти каждый изъ нихъ ищетъ связей внѣ дома; женщины слѣдуютъ примѣру мушнъ. Мѣста для свиданій преимущественно мельницы. Ни особой строгости, ни преслѣдованій въ такихъ случаяхъ не замѣтно.

Пашутъ какъ и другіе горцы маленькою сохой, ларой, рѣдко двумя ларами своихъ невзрачныхъ бычковъ; молотятъ гоняя скоть по разбросаннымъ на площадкѣ снопамъ.

Празднуютъ латницу, субботу, воскресенье и понедѣльникъ. Соберутся на площадку и покуривая трубочки болтаютъ, дремаютъ. Пріѣздъ гостя большое удовольствіе. Послѣ обычныхъ привѣтствій: „Гаствай?“—„Хорзчари“, примутъ и уберутъ его лошадь, снимутъ оружіе и какъ только устанетъ

„много-жирѣ?“ (что новаго?) начинаются длинные разказы, моды собственной фантазіи. Начинаются угощенія, смотря по значенію пріѣхавшаго, съ приглашеніемъ сосѣдей и родныхъ. Обычай требуетъ оберегать гостя, не допустить до него обиды, вступить за него хоть бы съ оружіемъ въ рукахъ и даже мстить какъ за роднаго.

Осетины очень самолюбивы и горды; это не мѣшаетъ имъ однако быть дерзкими и часто изъ-за пустяковъ затѣвать ссору, ругань, доходящія до употребленія оружія. Сейчасъ являются миротворцы, разнимутъ, но нерѣдко остается затѣванная месть и при первомъ случаѣ возникаютъ кровавыя происшествія. Для разбора избираются посредники, иногда нѣсколько разъ, пока они придутъ къ единогласному рѣшенію. Удовлетворенія назначаются матеріальныя и единицей принято считать корову, совершенно также какъ и у Хевсуръ, обычаи коихъ я уже описалъ подробно. Вообще у этихъ двухъ племенъ есть много сходныхъ обычаевъ, хотя они и совсѣмъ не знаютъ другъ друга и говорятъ совершенно разными языками.

Въ бракъ вступаютъ не раньше какъ по достиженіи мужчиной двадцатилѣтняго, а дѣвушкой пятнадцатилѣтняго возраста, хотя родители задолго до того условливаются и обручаютъ дѣтей. За дочерей берутъ плату обыкновенно шестьдесятъ коровъ, кромѣ необходимыхъ домашнихъ вещей; счетъ коровъ не слѣдуетъ понимать буквально: едва ли во всей горной Осетіи у кого-нибудь и найдется шестьдесятъ коровъ; въ этотъ счетъ идутъ всякія животныя и вещи, оцѣниваемые по стоимости, лишь бы сумма равнялась предполагаемой стоимости шестидесяти коровъ или около трехсотъ рублей.

Въ назначенный день женихъ отправляется съ компаніей въ домъ невесты, имѣя съ собой достаточный запасъ лива (бачанъ) и араки. Старшій въ домѣ беретъ въ одну руку поднесенный ему кусокъ вареной баранины, въ другую рогъ съ пивомъ, и произноситъ молитву: „Хучау агасъ вадже“, обращеніе къ Богу о дарованіи жизни, дарованіи счастья невестѣ и пр. Въ заключеніе обращается къ разнымъ церквямъ, о коихъ онъ слышалъ, со словами: „о церковь, на горѣ сіяющая, да будетъ сія моя молитва тебѣ угодна и испомошь ты намъ милость щедрую; а ты Христось, ознаменуй насъ тѣми самыми благословеніями которыми освятился день Твоего рожденія“. Послѣ этого другой, откусивъ кусокъ баранины и глот-

нувъ лива, говоритъ, обращаясь къ первому: „да благословятъ насъ всѣ тѣ святыя имена о которыхъ ты сейчасъ упомянулъ, а равно и тѣ о коихъ ты забылъ вспомнить“. Всѣ присутствующіе громко произносятъ „омеень, омеень“ (аминь). У невѣсты въ это время глаза и уши закрыты платкомъ, хотя къ ней поочередно обращаются съ такими молитвами.

Предъ отправленіемъ невѣсты въ домъ жениха, родители ея приносятъ новый бѣлый войлокъ, а сопровождающіе жениха завертываютъ въ него всѣ назначенныя ей въ приданое вещи: платья, нитки, ножницы и пр. Одинъ изъ нихъ подаетъ невѣстѣ лѣвую руку, въ правой держитъ обнаженную шашку, обводитъ ее три раза кругомъ огня, ударяя каждый разъ шашкой о желѣзную цѣль, висящую надъ очагомъ; при каждомъ ударѣ невѣста, все еще съ закрытыми глазами, должна кланяться на всѣ стороны, откуда раздаются дружные голоса, молящіе преимущественно Святаго Георгія о дарованіи новобрачнымъ и ихъ родителямъ счастья. Затѣмъ вложивъ шашку въ ножны, ведетъ невѣсту въ домъ жениха, который между тѣмъ долженъ постараться незамѣтно ускользнуть впередъ, а то гости начнутъ бить его всю дорогу палками, конечно шутя. Прибывъ въ домъ, повторяютъ ту же церемонію обвода вокругъ огня.

Прибывъ и пропировавъ у жениха день, иногда два, гости расходятся получивъ въ подарокъ, кто корову, барана, кто свинью (этихъ держать впрочемъ мало и то больше на южномъ склонѣ хребта).

Молодая жена въ теченіе трехъ лѣтъ не должна говорить ни съ кѣмъ и даже съ мужемъ при другихъ, хотя бы ближайшихъ родныхъ; на вопросы должна отвѣчать или наклоненіемъ головы, или передавая шепотомъ кому-нибудь изъ меньшихъ дѣтей. Все это время она закрывается, прячется въ темные углы и т. п. Если у нея въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ не будетъ дѣтей, она не смѣетъ показаться въ домъ своихъ родителей.

Молодой мужъ первые четыре дня тоже не смѣетъ показываться родителямъ своимъ; они приглашаютъ гостей, угощаютъ ихъ и пошлютъ за нимъ. При этомъ шафера и родственники гости отнимаютъ у невѣсты все ея свадебное платье и дѣлятъ между собою; родители ея должны ее снабдить новымъ и одѣвать цѣлый годъ; послѣ уже это становится обязанностью мужа.

Какъ у всѣхъ горцевъ на Кавказѣ, такъ и у Осетинъ смерть вызываетъ страшное гореваніе и множество разныхъ педантически исполняемыхъ обрядовъ. Женщины поднимаютъ душу раздрающіе вопли, рвутъ волосы, царапаютъ себѣ лица такъ что кровь течетъ ручьями, шрамы остаются надолго, у нѣкоторыхъ навсегда обезображены лица, жены отрываютъ косы и кладутъ въ могилу мужа. Мушчины подходя къ дому умершаго въ какомъ-то изступленіи начинаютъ бить себя плетью по шеѣ и не перестаютъ пока совсѣмъ не приблизятся къ покойнику; каждый мушчина входя въ домъ выкаетъ ладку съ привязаннымъ къ ней кускомъ ситца въ стѣну поближе мѣста гдѣ лежитъ умершій, при этомъ раздается громкій плачь. Но при смерти женщины, даже жены, мушчина не долженъ ни плакать, ни показывать признаковъ скорби и быть видимо равнодушнымъ. Затѣмъ приносятъ оружіе, приводятъ осѣдланную лошадь, обводятъ ее три раза кругомъ покойника и приговариваютъ: „отправляйся верхомъ на тотъ свѣтъ, если желаешь, а то лѣшкомъ трудно тебѣ будетъ совершить такой длинный путь; смотри въ дорогѣ хорошенько за конемъ, не жалѣй ему корма, а по прибытіи на тотъ свѣтъ, разсѣдай и поставь его въ золотое стойло“. За тѣмъ кладутъ ему въ могилу и плетку чтобы погонялъ коня, огниво, трутъ, бритву, шило, табакъ. Женщинамъ же даютъ *съ дорогу на тотъ свѣтъ* иголку, нитки, гребешокъ, кусокъ мыла.

Покойникамъ брѣютъ бороду и голову, одѣваютъ ихъ какъ можно богаче и вообще такъ какъ при жизни не одѣвался; если онъ былъ бѣденъ, то всѣ родственники и даже общество жертвуютъ на это сколько кто въ состояніи. Могилы дѣлаютъ въ родѣ склеповъ изъ большихъ камней и заваливаютъ отверстіе наглухо; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ обыкновенно въ земаю и у головы ставятъ бутылку араки, а за ладку кладутъ хлѣбъ, сыръ и пр. (фандакавъ, провизія на дорогу). Всѣхъ присутствующихъ угощаютъ щедро аракой, пивомъ, бараниной. Многіе зажиточные предъ погребеніемъ устраиваютъ стрѣльбу въ цѣль съ призами и лзаніе на высокій столбъ, къ верхушкѣ коего прикрѣпляется кусокъ красной бязи.

Черезъ мѣсяцъ или два послѣ смерти справляютъ поминки, рѣжутъ быковъ, барановъ, и такіа угощенія продолжаются по пяти-шести разъ. Кто побогаче дѣлаетъ еще въ концѣ

общія поминки, убиваютъ до сорока или пятидесяти головъ скота, съ соответствующимъ количествомъ лива и араки. При семейныхъ поминкахъ безъ гостей кладутъ отъ всѣхъ приготовленныхъ кушаній понемногу въ мѣшочекъ и вѣшаютъ его за дверь въ темный уголъ въ предположеніи что покойникъ незамѣтно появится и покушаетъ; въ то же время съ нѣкоторою таинственностью не особенно громко старшій изъ сидящихъ за ужиномъ обращается къ углу и говоритъ: „жалуйте, дорогой нашъ, жалуйте; кушайте, не стѣсняйтесь“... Вообще, какъ я уже упоминалъ, нелѣпый обычай безконечныхъ поминокъ разоряетъ Осетинъ и поглощаетъ ихъ скудные достатки на много лѣтъ.

Послѣ похоронъ мать, жена и сестры должны находиться цѣлый годъ въ траурѣ, одѣваться въ черное, не ѣсть ничего скоромнаго, не имѣть никакихъ сношеній съ мужчинами. Въ теченіе этого времени женщины считаются скорбящими (савдарагъ), всѣ должны относиться къ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ, а если кто дерзнетъ ихъ обидѣть, то обязанъ немедленно испросить прощенія и удовлетворить въ такой мѣрѣ чтобъ обиженная могла устроить поминки... Мужчины же, ближніе и дальніе родственники, въ теченіе года не должны брить бороды, не стричь волосъ и не ѣсть мяса. Послѣ года они должны устроить поминки, пригласить гостей, всѣхъ угостить и за это отъ семьи умершаго получаютъ вознагражденіе по состоянію, отъ десяти до двадцати коровъ. На поминкахъ устраиваютъ скачки съ друма призами, первый цѣнностью въ двѣнадцать, второй въ девять коровъ. Всадники пускаютъ лошадей разомъ, сначала медленно, постепенно прибавляя скорости, и во всю прыть пускаются уже обратно. Разстояніе въ оба пути доходить до двадцати, тридцати, даже пятидесяти верстъ; по дорогѣ ставятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ наблюдателей. Иногда, при сильномъ утомленіи лошадей, всадники мгновенно пересаживаются на лошадей наблюдателей, а своихъ ведутъ за узду. Такимъ образомъ скачка ведетъ не столько къ испытанію лошадей, сколько самихъ всадниковъ, ихъ выносливости и умѣнья выдержать на далекомъ разстояніи по горнымъ, каменистымъ тропинкамъ скачку крайне утомительную и рискованную.

При посвященіи родственниковъ умершаго, каждый долженъ произнести (кигъ-мануди) прискорбное явнѣе, въ извѣстныхъ установленныхъ словахъ: „мнѣ очень чувствительно

ваше горестное положеніе; да пошлетъ вамъ Богъ впередъ только благополучные дни“ и т. д.

Если покойнику случилось быть преданнымъ землѣ въ праздникъ Вознесенія, то въ годовщину раскрываютъ могилу, осматриваютъ тѣло, зарѣжутъ барана, обмазываютъ кровью грудь, а печенку и легкія животного кладутъ въ могилу и сооружаютъ надъ нею четырехъугольный каменный памятникъ вышиной до трехъ аршинъ; затѣмъ уже всякимъ ломикомъ конецъ.

Роды должны непременно совершаться внѣ дома и потому женщины заранее переселяются въ отдѣленіе гдѣ содержится домашній скотъ. Послѣ извѣстнаго времени она возвращается въ домъ, предварительно освящаемый. Радость вызывается рожденіемъ сына и день этотъ празднуется особо, преимущественно въ одно изъ воскресеній іюня мѣсяца. При этомъ угощаютъ сосѣдей пивомъ, мясомъ и выслушиваютъ разные благопожеланія. Матери сами не воспитываютъ дѣтей, а отдаютъ постороннимъ.

Праздниковъ у Осетинъ безконечное число. Главнѣйшіе: въ ноябрѣ цѣлую недѣлю, иногда и больше, въ честь Святаго Георгія (васкиргъ), при этомъ истребляется множество скота, пива, аракъ и др. Рождество Христово (Члурсъ), предъ которымъ постятся отъ двухъ до семи дней. Послѣ Рождества во вторникъ, ночью, молятся *дѣволу* (банатхи-чавъ-ахсавъ), приносятъ ему въ жертву козла, свинью или курицу, аракъ, но никого этимъ не угощаютъ. Новый Годъ (Наогъ - бонъ); въ этотъ день ходятъ съ поздравленіемъ, держа въ рукѣ пучекъ соломы и желая размноженія дѣтей *мужескаго пола*, скота и всякаго имуществъ, при этомъ разбрасываютъ солому по полу. Крещеніе (Данисъ-Кафанъ) празднуютъ безъ водосвятія. Всеядная недѣля (Комъ-Охсанъ), въ теченіе коей самый бѣдный Осетинъ долженъ зарѣзать двѣ-три скотины. Сырная недѣля (Урсъ-Квиръ), во время коей не ѣдятъ мяса. Великій Постъ соблюдаютъ довольно строго. День Святаго Феодора (Тутръ). Въ этотъ день нѣкоторыя женщины выходить на дороги, останавливаютъ проходящихъ мужчинъ и не отпущаютъ безъ подарка. На третьей недѣлѣ поста опять поминки по усопшимъ съ трапезой на столахъ освѣщаемыхъ маленькими свѣчками. Лазарево воскресенье (Засхасанъ) и Вербное воскресенье (Куту-Гананъ). Пасха (Истиръ - Коад-

жанъ). Омина недѣля (Болдаранъ). Вознесеніе (Зардиванъ). Сочествіе Святаго Духа (Карданъ-Хасанъ). Первое воскресенье въ іюнь (Атенагъ). Во всѣ эти праздники большинство отправляется на поклоненіе святымъ угодникамъ, къ мѣстамъ обозначеннымъ кучами камней, къ которымъ приставляютъ свѣчи, прибавляютъ рога и пр. Имена этихъ чтимыхъ, кромѣ Георгія, Михаила, Гавріила, Іліи, Богородицы, вообще Архангела (Тафъ-анджелъ), бываютъ и чисто языческія: богиня грязи, богиня двери, пернатый Ілья, землевладѣлецъ, защитникъ лошади, сатана, четыре ангела по временамъ года и т. л. Образовъ въ домахъ нѣтъ; отправляясь на поклоненіе берутъ съ собою запасы, и тамъ, послѣ произнесенія кѣмъ-нибудь изъ старшихъ нѣсколькихъ молитвенныхъ словъ, садятся вмѣстѣ за ѣду, оканчивающуюся полойкой. Молодежь должна прислуживать, поднося рогъ съ водкой, хлопать въ ладоши, пѣть, до тѣхъ поръ пока рогъ будетъ осушенъ. Вертела на которыхъ жарились шашлыки обматываютъ моточками сырца шелка и втыкаютъ въ кучу камней изображающую памятникъ святому.

Пѣсаніи у Осетинъ преимущественно любовнаго содержанія и крайне циническія. Одинъ запѣваетъ, другіе подхватываютъ, образуютъ кругъ и двигаются какими-то неграціозными прыжками (симъ). Женщины, особенно незамужнія, должны избѣгать показываться въ такое время, а то разладутся прескверныя слова. Женщины отдѣльно также поютъ и составляютъ хороводъ; главные припѣвы: „приди ко мнѣ мое солнце, мой ангелъ“, и т. л. Вообще нравственностью похвастать Осетины не могутъ; имѣть любовницъ и любовниковъ не только не предосудительно, но даже какъ бы требуется обычаемъ.

Для обнаруженія истины при разбирательствѣ дѣлъ о воровствѣ, убійствѣ и т. л., употребляютъ присягу, которая бываетъ двухъ родовъ. Приводятъ на площадь осла, собаку или кошку; залодозрѣнное лицо, въ присутствіи общества, должно взять лѣвою рукой животное, а правою кинжалъ или шашку, произнести: „пусть ближайшіе мои умершіе родственники съѣдятъ мясо сего животного, если я солгу что-нибудь“; затѣмъ разсѣкая животное повторяетъ то же, прибавляя „если я солгалъ“. Всѣ зрители стараются отойти подальше чтобы не коснулась къ нимъ кровь изрубленнаго животного, а залодозрѣнный считается оправданнымъ, хотя часто подозрѣніе все еще

тяготѣть надъ нимъ. Или же приводать человека къ развалинамъ древней церкви, къ кучамъ сложенныхъ въ память святаго камней, гдѣ онъ въ присутствіи свидѣтелей, держа въ рукѣ палку, долженъ произнести: „да проклянетъ меня сіе священное мѣсто, если я виновенъ въ томъ въ чемъ меня подозрѣваютъ“ и воткнуть палку въ землю. Такая присяга остается надолго въ памяти народной и произнесшій ее тоже остается подъ какимъ-то общимъ упрекомъ. Что же касается присяги по нашему закону, предъ крестомъ, Евангелиемъ и въ *новой церкви*, то она для Осетинъ никакого значенія не имѣетъ.

За убійство кого бы то ни было, взрослого или ребенка, умышленно или безъ умысла, виновный долженъ заплатить 314 коровъ; если онъ не въ состояніи исполнить этого вѣрутъ, то ему даютъ разсрочку, а между тѣмъ ежегодно въ видѣ процентовъ онъ долженъ отдавать роднымъ убитаго по одному быку и извѣстное количество лива. Въ противномъ случаѣ ему грозитъ смерть.

Бѣднымъ помогаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ родные, даже дальніе.

Въ случаѣ воровства, обиженный беретъ осла или собаку и подойдя къ дому подозрѣваемого, громогласно объявляетъ объ украденныхъ у него предметахъ и что если воръ не сознается или кто знаетъ о немъ не обнаружитъ его, то онъ, обиженный, зарѣжетъ осла или собаку въ память и въ пищу ихъ близкихъ покойниковъ. Угроза эта наводитъ такой страхъ что самъ воръ или въ случаѣ его отсутствія знающіе о немъ торопятся сознаться. Бываетъ что обиженный воровствомъ путешествуетъ такимъ образомъ въ двѣ-три деревни, гдѣ онъ подозрѣваетъ кого-либо въ воровствѣ, пока не откроетъ виновнаго. Посторонніе указавшіе вора получаютъ извѣстное вознагражденіе. Для рѣшенія дѣла избирается обими сторонами третейскій судъ, который большею частью присуждаетъ удовлетвореніе втрое противъ украденнаго; судьи сами же и исполняютъ роль экзекуторовъ.

Изъ этихъ обычаевъ слѣдуетъ вывести заключеніе что осла и собаки считаются какъ бы скверными животными, а между тѣмъ необъяснимое противорѣчіе: старшіе всегда внушаютъ младшимъ что осла и собаку слѣдуетъ почитать и беречь, ибо кто ихъ презираетъ будетъ грѣшенъ и несчастливъ...

Страненъ обычай у Осетинъ при встрѣчѣ двухъ чело-
вѣкъ враждующихъ почему-либо между собою. Всякій ста-
рается предупредить противника, схватить его за ухо и
крикнуть: „будь слугою моихъ покойниковъ“. Это считается
большою обидой, ведетъ къ жалобамъ, удовлетворенію въ бо-
лѣе или менѣе крутыхъ размѣрахъ, а если произошло по
недостаточно основательной причинѣ, то обидчикъ подвер-
гается нареканію и нерѣдко презрѣнію общества. Если же
оба встрѣтившіеся услѣютъ одновременно схватить другъ
друга за уши и произнести означенныя слова, то дѣло
остается безъ послѣдствій.

При относительной всеобщей бѣдности, богатыми счита-
ются тѣ у которыхъ больше мѣдной посуды, оружія, оде-
жды, лошадей и скота. Изъ цѣнныхъ металловъ признаютъ
только серебро и если кому попадется въ руки серебряная
монета, то приберегаютъ ее крѣпко, запрятывая въ землю.
Корова, какъ я уже упоминалъ, служитъ монетною едини-
цей, въ родѣ рубля, франка и т. п. Всякая вещь цѣнится не
на деньги (исключая мелочей, жизненныхъ продуктовъ и
проч.) а на коровы. Напримѣръ: корова равна пяти бара-
намъ, девяти фунтамъ мѣдной посуды, три коровы—одному
быку; лошади, оружіе, одежда по достоинству цѣнятся во
столько-то коровъ. Вообще счетъ ведется не на деньги, а
на разные предметы: козель равенъ стоимости шерсти отъ
восьми овецъ, а козленокъ отъ четырехъ, молодой барашекъ
цѣнится высоко и равняется цѣнѣ шерсти отъ 15 овецъ, по-
тому что его овчинка идетъ на палаху.

О торговлѣ или промышленности Осетинъ и сказать не-
чего. Если не считать незначительнаго количества продава-
емыхъ масла сыра, овчинокъ; скота, да грубаго домашней
ручной работы сукна, сбываемыхъ большею частью стран-
ствующимъ мелкимъ торгашамъ. мѣной на разные дешевые
товары, то собственно говоря никакой торговли у нихъ не
существуетъ. Часть Осетинъ, населяющая плоскости и поль-
зующаяся обширными пастбищами, владѣетъ значительными
количествами скота и сбываетъ его на ближайшихъ базарахъ;
у многихъ есть довольно крупное пчеловодство; живущіе
ближе къ Владикавказу занимаются извознымъ промысломъ
и выручаютъ не мало денегъ, перевоза на своихъ двуколкахъ
тяжести по Военно-Грузинской дорогѣ до Тифлиса. Нѣкото-
рые Осетины позажиточнѣе занимаются своего рода

процентными оборотами: они отдають нѣсколько овецъ или ровъ займы бѣдному съ тѣмъ что по истеченіи трехъ или шести лѣтъ онъ обязанъ возвратить ихъ съ придачей половины всего прилада за это время.

Ремесла ограничиваются умѣньемъ сложить саблю и башню изъ камня безъ извести, дѣлать косы, толпоры, ножики вкладываемые въ кинжалныя ножны, сѣдла, мѣдныя луговицы и пражки для конской сбруи и т. л. мелочи, все самаго грубаго качества. Есть много доморощенныхъ лѣкарей, подобно всѣмъ горцамъ услѣшно пользующихъ рану.

Въ лицѣ Осетины крайне неприхотливы и ѣдятъ вообще мало; но при посѣщеніи почетнаго гостя или во время свадьбы и поминокъ объѣдаются мясомъ и унимаются пивомъ, особенно аракой до безобразія. Верхъ праздника считается если зарѣжутъ быка; это дѣлается для особенно важнаго гостя и тогда всѣ мушны и женщины стоя угощаютъ его. Когда рѣжутъ скоть, то недопускають кровь течь на землю, а подставляють чашки и когда она сгустится варять ее и ѣдятъ. Мясомъ палой отъ болѣзни скотины тоже не брезгаютъ.

Бромъ лѣнія и пляски любимое прелпровожденіе времени у мушны игра на балалайкѣ, свѣтніе кучками на какойнибудь площадкѣ и пустая болтовня или споры о родословныхъ, которыми они очень интересуются. Осенью затѣваются джигитовки, скачка на лошадяхъ со стрѣльбой въ цѣль, съ мелкими призами въ складчину.

Письменности у Осетинъ нѣтъ; живущіе ближе къ Грузіи весьма рѣдкіе выучиваются грузинской грамотѣ, а на сѣверной плоскости русской. Путешествовавшій когда-то по Кавказу академикъ Ширренъ составилъ осетинскую азбуку, но она осталась неизвѣстною мѣстному населенію.

Имена у мусульманской части обыкновенныя магометанскія; христіане же хотя и окрестятъ ребенка, но никогда не оставляють ему имени нареченнаго священникомъ, а дадутъ ему свое имя или скорѣе кличку, въ родѣ Савкузъ, (черная собака), Ковдинъ (щенокъ), Кыбыль (лоросенокъ), Бадю, Гадю, Бесланъ и т. л.

Всѣ эти краткія свѣдѣнія объ Осетинахъ относятся главнѣйшимъ образомъ къ горнымъ, населяющимъ ущелья главнаго хребта и числящимся исповѣдующими православную вѣру. Что касается мусульманской части, болѣе зажиточной,

менѣ дикой, живущей исключительно на плоскости по съверную сторону Кавказскаго хребта, то хотя и у нея много тождественныхъ съ горными повѣрій, обычаевъ, нравовъ, но есть и нѣкоторые совершенно особые, очевидно явившіеся уже вслѣдствіе принятія ислама и сближенія съ Кабардой, которая искони считалась на всемъ сѣверѣ Кавказа образцомъ достойнымъ подражанія. Кабардинцы были въ нѣкоторомъ родѣ кавказскими Французами, какъ за Кавказомъ Персіяне; оттуда распространялась мода на платье, на вооруженіе, на сѣдловку, на манеру джигитовки; тамошніе обычаи родившіеся при условіи существованія высшей и низшей аристократіи (князей и узденей) и холоповъ (рабовъ) прельщали и въ другихъ обществахъ людей, занимавшихъ видное положеніе между своими и побуждали перенимать и утверждать у себя такіе же порядки. Въ Осетіи это и удалось, но только отчасти: образовалось сословіе „алдаръ“ (дворянъ) пользовавшихся нѣкоторыми прерогативами и очутившихся собственниками большихъ земельныхъ участковъ, что, какъ водится, подчинило имъ массу населенія, нуждавшуюся въ ихъ земляхъ. Тогда какъ въ горахъ сохранилось полное равенство и никакой Осетинъ не считаетъ себя ниже другаго, на плоскости уже замѣтно подчиненіе и нерѣдко рабствѣніе къ алдарамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ; въ горахъ тоже есть болѣе или менѣе зажиточные люди, превращающіеся по свойственной человѣческой природѣ алчности въ кулака и эксплуататора своихъ ближнихъ, но тамъ и размѣры такъ ничтожны, и кулаки такъ скромны что ни одинъ Осетинъ даже не замѣчаетъ нѣкотораго вліянія пріобрѣтаемаго такимъ кулакомъ на дѣла своего маленькаго общества, а гордость не допускаетъ его открыто признавать чье бы то ни было превосходство надъ собой; на плоскости сословныя преимущества играютъ уже важную роль, масса тѣмъ болѣе еще подчинена вліянію ихъ что Русское правительство оказало имъ, т.-е. алдарамъ, особое вниманіе, возвышая, награждая и призывая къ административной дѣятельности. Что всѣ они тоже были нѣкогда христіанами, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; у нихъ въ старыхъ домахъ сохранились нѣкоторые христіанскіе обычаи, даже, какъ я слышалъ, старинные образа и т. п. вещи, весьма чтимыя; но не только возвратиться къ православію, а хотя бы отказаться отъ тѣхъ мусульманскихъ взглядовъ

всѣдствие коихъ образуется неизсякаемая затаенная вражда ко всему христіанскому, они едва ли когда-нибудь согласятся. Да, впрочемъ, это вопросъ потерявшій для насъ политическое значеніе: съ одной стороны мы уже достаточно твердо стали на сѣверномъ Кавказѣ чтобы то или другое отношеніе незначительнаго численностью населенія могло намъ въ чемъ-нибудь угрожать, съ другой ихъ собственные матеріальныя интересы такъ связаны съ нашимъ пребываніемъ въ краѣ что всегда перетянутъ на вѣсахъ отвлеченные религіозныя вопросы и симпатіи.

Со времени моего перваго знакомства съ Осетіей прошло двадцать три года. Какія произошли тамъ въ это время перемѣны по вопросамъ церковному, административному, школьному и другимъ, о которыхъ я считалъ нужнымъ говорить официально, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Слѣдуетъ думать что все двинулось къ лучшему и я бы теперь не встрѣтилъ уже такую дичь какъ въ 1855 году...

(Окончаніе слѣдуетъ)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ *

ВЪ 1878 ГОДУ

1го мая.

Вотъ мы дожили въ Эрзерумъ до 1го мая, а объ отъѣздѣ ни слуху, ни духу. Сегодня съ утра былъ хорошій день, ясный и сравнительно теплый; природа какъ будто и здѣсь начала улыбаться; на поляхъ и горахъ мѣстами сошелъ снѣгъ и показалась зелень. По случаю хорошей погоды встали рано, пили кофе на крышѣ, гдѣ у насъ разбита американская палатка. Слѣдили за поднимавшеюся на Толъ-Дагъ группой всадниковъ; это Кузьминскій съ провожатыми данными мужемъ поѣхалъ отыскивать объѣздъ того мѣста почтовой дороги гдѣ повозки и фургоны тонутъ въ грязи. Персіанинъ Гаировъ (переводчикъ), совсѣмъ больной, приходилъ проститься; онъ уѣзжаетъ къ себѣ домой и счастливъ неимоვნно. На память подарилъ мнѣ маленькое круглое зеркальце, прося, когда мы пріѣдемъ въ Тифлисъ, дать знать ему и онъ сейчасъ же послѣшитъ пріидти и приведетъ познакомиться со мною свою молодую жену. На прощанье онъ въ десятый разъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

разказалъ какъ турецкіе офицеры удивлялись поэтичности его слога и красотѣ почерка.

Вздумали мы отпраздновать 1е мая. Послѣ обѣда послали за зурной съ барабаномъ, за хоромъ драгунской музыки. Пригласили Жильберовъ, Чавчавадзе, Лабунскаго, Туманова, Ерицева и многихъ другихъ пойти на скатъ Толъ-Дага пить чай. Съ первымъ же звукомъ зурны со всѣхъ сторонъ сталъ собираться народъ. Впередъ послали людей съ коврами, чаемъ, ликерами, потомъ пошли и мы въ сопровожденіи толпы знакомыхъ и народа съ музыкой, на крутизнѣ горы нѣсколько разъ останавливались чтобы перевести духъ и наконецъ расположились на болѣе ровномъ мѣстѣ, откуда весь городъ виденъ какъ на ладони. Народу все прибавлялось. У салеръ и драгунъ были обѣды по случаю 1го мая, послѣ которыхъ офицеры верхами отправились кататься въ нашу сторону; всѣ они присоединились къ намъ. Возложили мы на Ерицева санъ церемоніймейстера и подъ его руководствомъ начались туземные танцы. Сначала танцевали мальчики, потомъ прехорошенькая маленькая Армяночка граціозно выдѣлывала разные па; ей надавали проласть денегъ. Затѣмъ составилъ кругъ взрослыхъ Армянъ: взявшись за руки, поднявъ ихъ кверху, медленно движутся они впередъ, назадъ, постепенно подвигаясь вправо; первый танцоръ въ правой рукѣ держитъ платокъ. Танецъ однообразный, но Армяне исполняютъ его съ одушевленіемъ, постепенно усиливая ритмъ. Протанцевали и мы двѣ кадрили, несмотря на покатость горы и на камни, попробовали даже вальсъ и мазурку. Всѣ развеселились. Смѣшно было видѣть когда гигантскій интендантскій чиновникъ съ очень маленькимъ салернымъ офицеромъ танцевалъ вальсъ; казалось будто первый желалъ проглотить послѣдняго или по крайней мѣрѣ перескочить черезъ него. Заиграли лезгинку, потомъ казачка; наши казаки и многіе офицеры пошли танцевать, нѣкоторые удивительно ловко. Въ толпѣ вокругъ насъ Турокъ совсѣмъ не было видно; только Гамидъ-бекъ и два-три залтіе мужа глядяи насулившись. Вдали грулла Армянокъ въ чадрахъ съ любопытствомъ смотрѣла на насъ; но когда я съ Ерицевымъ подошла къ нимъ предлагая принять участіе въ туземныхъ танцахъ онѣ отказывались, говоря: „амоте“ (стыдно). Подъ конецъ только нѣкоторыя изъ нихъ заразились общимъ весельемъ и присоединились къ кругу танцующихъ Армянъ.

Въ заключеніе явился на сцену взводъ армянскихъ мальчиковъ съ палками вмѣсто ружей, подъ предводительствомъ маленькаго храбреца въ русской солдатской шапкѣ, бумажныхъ эполетахъ и крестахъ, онъ съ усердіемъ выкрикивалъ команды по-русски, а его войско отчетливо ворочалось, двигалось, дѣлая разныя приемы палками. Эти мальчики сами, подсматривая на ученьяхъ нашихъ солдатъ, втихомолку стали подражать имъ и теперь въ первый разъ явились предъ Русскими. Офицеры раздавали имъ деньги. Гамидъ-бекъ окончательно повѣсилъ носъ.

Подулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Все общество поднялось, насъ до квартиры провожала музыка, многіе изъ гостей, толпа народа, по пути крыши были усыпаны женщинами. Подъ нашимъ балкономъ народъ не расходился до поздняго вечера, давка была ужасная, особенно когда бросали съ балкона горсти серебра въ кучу мальчишекъ. У взводнаго командира при этомъ вытащили всѣ пожалованныя за усердную службу деньги, онъ былъ весь въ слезахъ и едва утѣшился, получивъ новую награду.

Вечеромъ предстояло еще развлеченіе. Генералъ Кавтарадзе, сдавъ полкъ, уѣзжаетъ завтра, и новый командиръ Дербентскаго полка, Козловскій, пригласилъ насъ на прощальный вечеръ даваемый въ лагерь. Кавтарадзе былъ всегда ко мнѣ такъ внимателенъ что я не могла отказаться. Вѣтеръ стихъ, поднялась полная луна, и мы цѣлою кавалькадой отправились въ загородный большой лагерь. Подъѣзжая, слышу общее пѣніе; это послѣ вечерней зари выстроенные солдаты пѣли „Отче нашъ“. Мнѣ въ первый разъ пришлось присутствовать при этой общей молитвѣ и я была поражена трогательностью сцены. Полковой командиръ встрѣтилъ насъ, повелъ до мѣста гдѣ былъ разбитъ рядъ офицерскихъ палатокъ въ видѣ галлерей. Солдаты окружали это мѣсто, пѣсенники пѣли, музыка играла. Пріѣхали князь Чавчавадзе, виновникъ вечера Кавтарадзе и многіе другіе. Кавтарадзе со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ какъ трудно ему расставаться съ полкомъ, которымъ онъ командовалъ семь лѣтъ. Какъ ни уговаривали насъ остаться подольше, мы вскорѣ уѣхали. Я совсѣмъ утомилась.

5го мая.

Отдавая визитъ madame Lavini, я была снова непріятно удивлена ненависти этой семьи ко всему русскому и привязанности ко всему турецкому. Квартира ихъ убрана по-

европейски, что заѣсъ рѣдкость. Прехорошенькій латышскій мальчикъ сынъ madame Lavini при мнѣ вернулся съ гулянья со слезами, потому что входя въ домъ увидѣлъ казака провожавшаго меня. Когда его спросили кого онъ больше любитъ русскихъ или турецкихъ солдатъ, онъ послѣшилъ отвѣтить „турецкихъ“. Общество русскихъ офицеровъ затѣяло на дняхъ устроить танцевальной вечеръ въ казино; когда я спросила: посвятить ли его madame Lavini съ дочерью, она отвѣтила отрицательно, потому что по ея словамъ офицеры устраиваютъ этотъ вечеръ только для того чтобъ увидѣть les demoiselles d'Erzeroum, а католическія сестры находятъ что это грѣшно и грозятъ не принимать болѣе въ классъ ея дочь, если она будетъ на этомъ вечерѣ. Madame Gilbert сопровождавшая меня горячо протестовала противъ такого неразумнаго разсужденія, а меня оно окончательно возмутило. Послѣ оказалось что сестры ничего подобнаго не говорили.

Наконецъ-то получила почта, которой мы были лишены болѣе трехъ недѣль; надо быть самому въ такомъ отрѣзанномъ отъ всего міра положеніи чтобы понять что за праздникъ полученіе почты, послѣ долгаго ожиданія.

Приходило ко мнѣ съ визитомъ семейство Бастурмаджи; кромѣ молодой черноокой жены старшаго брата Бастурмаджи, были двѣ его сестры и подруга сестеръ—тилъ восточной красавицы, одѣты всѣ по-европейски, въ шелковыхъ платьяхъ. Жаль что онѣ только говорятъ по-армянски и по-турецки; переводчикомъ былъ Егеші. Армянки въ комнатахъ свободно разговариваютъ съ мужчинами, но если на улицѣ какой-нибудь хоть самый близкій знакомый заговорилъ бы съ ними, то это окончательно скомпрометтировало бы ихъ.

На дняхъ вечеромъ слышу что въ гостиной очень громко разговариваютъ, я знала что у мужа сидитъ персидскій консулъ съ драгоманомъ, пришедшіе по дѣлу, и очень удивилась что могло вызвать шумъ. Оказалось вышелъ слѣдующій казусъ. Двое изъ нашихъ чиновниковъ хорошо говорящихъ по-турецки, проходя мимо Персидскаго консульства, слышали рѣзкую брань обращенную къ нимъ какъ къ христіанамъ и Русскимъ однимъ изъ сидѣвшихъ у порога Персіянъ служащихъ въ консульствѣ. Справившись объ имени этого субъекта, чиновники пришли жаловаться какъ разъ въ то время когда у мужа сидѣлъ персидскій консулъ. Послали отыскать

виновнаго. Ввели его въ комнату подъ конвоемъ русскаго жандарма, турецкаго залтіе и персидскаго каваса. Персіанцы на заставили въ знакъ почтенія которое онъ долженъ оказывать русскому воинству тутъ же цѣловать полы сюртука нашего жандарма, что онъ исполнилъ съ земными поклонами, а потомъ ему сказали что только изъ уваженія къ личности консула на него не налагается русскими властями тяжелое наказаніе, и что онъ передается на благоусмотрѣніе своего консула; Персіанинъ ползкомъ приползъ къ консулу и сталъ цѣловать его ноги. На другой день узнали что виновный былъ наказанъ консуломъ по-персидски: ударами по пятамъ. Вообще съ Персіанцами большая возня. Ихъ здѣсь очень много, все торговый народъ; консулъ должно-быть не очень доволенъ присутствіемъ Русскихъ, потому что ему не даютъ такъ обираться своихъ Персіанъ, какъ онъ это прежде дѣлалъ. Впрочемъ его нельзя очень винить; онъ не только не получаетъ отъ своего правительства содержанія, но на собранныя съ персидскихъ подданныхъ деньги долженъ содержать себя, свое многочисленное семейство, все консульство и ежегодно высылать въ Тегеранъ многимъ сановникамъ большіе куши,—какъ же тутъ извернуться? Къ тому же онъ свыкъ съ европейскимъ комфортомъ и какъ видно любитъ хорошо ложить.

Всѣ эти дни я съ помощью *madame Gilbert* шила себѣ лѣтнее платье; оказалось что здѣсь можно достать очень хорошенькія европейскія матеріи. На поляхъ появились цвѣты. Гамидъ-бекъ и залтіе Гуссейнъ-чаушъ первые принесли мнѣ букеты.

Бѣдный Карасевъ, командиръ полка, одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, за которымъ ухаживали католическія сестры, не выдержалъ тифа и умеръ. Не задолго до смерти онъ узналъ о производствѣ его въ генералы и о полученіи Георгіевскаго креста. На что ему теперь все это?

Судя по письмамъ родныхъ моего мужа и моихъ, они продолжаютъ сильно беспокоиться за насъ, считают насъ почти погибшими, хотя въ настоящее время эпидемія начала уменьшаться и какъ-то легче дышется.

7го мая.

Совершилось великое событіе: въ Эрзерумѣ былъ балъ, балъ по всей формѣ. Ерицевъ, который больше всѣхъ хлопоталъ о томъ чтобы танцевальный вечеръ состоялся и усерднѣе другихъ именовалъ его бадомъ, всѣмъ и каждому

повторялъ разказъ про балъ данный въ Эрзерумѣ при первомъ вступленіи сюда русскихъ войскъ въ 1829 году; какъ на этомъ балу въ зданіи серала и теперь существующемъ собралось до 200 человекъ, какъ балъ былъ открытъ полонезомъ, причеиъ въ первой парѣ шелъ Паскевичъ съ единственною печально забравшеюся въ Эрзерумъ русскою женщиной, женой писаря. „Не отстанемъ же и мы отъ предковъ“, кончалъ всегда свой разказъ Ерицевъ. Зданіе серала было занято госпиталемъ съ турецкими ранеными и больными; для вечера выбрано казино, большой домъ, гдѣ помещалась прежде гостиница съ билліардами. Это зданіе предназначалось для общей офицерской столовой и съ этою цѣлью было уже очищено; но Гейманъ и особенно Лабуаскій были противъ устройства столовой и этотъ домъ остался пустымъ. Многие подписывались на вечеръ, особенно строевые офицеры, всегда готовые пожертвовать послѣднюю копѣйку лишь бы повеселиться. Вечеръ назначенъ 6го мая. Меня приглашали быть хозяйкой; распорядители были Рейтлингеръ, Ерицевъ и много другихъ. Офицеры и чиновники изъ Армянъ, слишкомъ скоро увѣровавшіе въ силу своего вліянія на мѣстныхъ жителей, рассчитывали склонить ихъ привести на вечеръ свои семьи. Наканунъ вечера мнѣ принесли пачку дамскимъ пригласительныхъ билетовъ, на раззолоченныхъ листахъ почтовой бумаги, которые какъ видно много лѣтъ лежали въ одной изъ задѣшнихъ лавокъ, напрасно ожидая покупателя. Я должна была ихъ подписывать, хотя была увѣрена что задѣшніе Армяне, строго держась своихъ правилъ, не рѣшатся показать своихъ женъ на собраніи гдѣ будетъ много мушкетеровъ, а главное, куда ожидалось три-четыре Турка изъ состоявшихъ на службѣ, которыхъ нельзя было не пригласить, а задѣшной женщинѣ показаться Турку—смертный грѣхъ.

Бѣдила я съ мужемъ посмотреть на приготовленіе помѣщенія для вечера. Распорядители очень хлопотали и старались; грязноватыя комнаты помощью цвѣтныхъ матерій и ковровъ преобразовались въ роскошныя залы; на стѣнахъ дѣлали украшенія изъ турецкихъ ружей и сабель, вѣшали канделябры изъ штыковъ. Дамская уборная очень мило устроена; длинная, широкая выходившая на площадь галлерей, зашпенная съ наружной стороны холстомъ, обратилась въ столовую. Большую гостиную убрали персидскими тканями; на стѣнахъ ея висятъ портреты нашего Государя, Госуда-

рыни, Германскаго императора, Греческаго короля и королевы, султана Абдуль-Азиза и Бисмарка въ желѣзной каскѣ: всѣ они висѣли и прежде на этихъ мѣстахъ.

На вечеръ я должна была пріѣхать ранѣе всѣхъ гостей. Предъ домою толпилась масса народа, игралъ хоръ нашей военной музыки; въ передней сидѣли турецкіе лѣвцы и музыканты, изъ нихъ лучшіе персидскіе, но эти лишь только заведѣли издали своего консула, съ быстротою молніи исчезли; оказалось, они принадлежали къ числу почетныхъ здѣшнихъ купцовъ и боялись уласть въ глазахъ консула въ роли увеселителей невѣрныхъ. Понемногу стали съѣзжаться, залы наполнились; начались танцы: полонезъ, кадрили, мазурка, котильйонъ, легкіе танцы, а въ промежуткахъ лезгинка, казачокъ и туземные танцы. Общество развеселилось; кромѣ большой массы нашихъ офицеровъ, было много Армянъ и Грековъ въ красныхъ фескахъ, нѣсколько Турокъ. Изъ дамъ кромѣ madame Gilbert были невеста Егени съ сестрами, madame Lavinі съ дочерью (не знаю чьихъ силъ достало уговорить ее пріѣхать на сей пагубный по ея мнѣнію вечеръ), madame Симицына (жена одного доктора), сестра милосердія Валянская съ сербскимъ орденомъ, и около тридцати безмолвно сидѣвшихъ у стѣны и подъ часъ клевавшихъ носами разодѣтыхъ въ золото и бархатъ Армянокъ. Многихъ изъ приглашенныхъ туземныхъ дамъ не было. Все утро по поводу посѣщенія вечера въ армянскихъ семьяхъ шли большія распри, женщины желали непремѣнно ѣхать, мужчины же подняли шумъ: „ни за что!“ Одинъ изъ здѣшнихъ наиболѣе богатыхъ домовладѣльцевъ, Баларіонъ, то и дѣло бѣгая изъ дома въ домъ, говорилъ: „Кто посмѣетъ повести на русскій вечеръ свою семью, тотъ по возвращеніи въ Эрзерумъ Турокъ увидитъ что съ нимъ будетъ“. Ужинъ на двѣсти персонъ длился очень долго, по обыкновенію были тосты и крики *ура*. Послѣ ужина снова танцы; офицеры лѣли хоромъ русскія лѣсни; въ четыре часа утра мы вернулись домою верхомъ, ясною и холодною ночью; музыка провожала насъ маршемъ.

8го мая.

Вчерашняя продѣлка Баларіона не прошла ему даромъ. Давая совѣты Армянамъ не ходить на вечеръ къ Русскимъ, онъ въ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ переходилъ предѣлы приличія и за то получилъ достойную головомойку. Я

видѣла какъ этотъ богатый Армянинъ туркофилъ сконфуженный выходилъ отъ мужа, вмѣстѣ съ другими мѣстными жителями, взявшими его на поручительство. Тотчасъ по городу распространился слухъ будто Баляріону назначено самое постыдное азіатское наказаніе: цѣлый мѣсяцъ запрещено ѣздить верхомъ.

Обѣдали сегодня два Турка: полковникъ Измаиль-бей и майоръ Максюдъ-эфенди. Я едва удерживалась отъ смѣха видя ихъ отчаянное стараніе обращаться къ помощи ножа и вилаки. Такъ и бросили бѣ они эти истязательныя орудія и принялись бы пальцами разрывать мясо. Максюдъ-эфенди былъ вѣренъ себѣ, уничтожалъ стаканъ вина за стаканомъ.

Давно уже, смотря изъ оконъ на теченіе Евфрата, мы соблазнялись совершить поѣздку къ этой рѣкѣ. Наконецъ собрались. Большою кавалькадой выѣхали черезъ Ольтинскія ворота и проѣхавъ верстъ семь до гладкой Эрзерумской дорогѣ, приблизились къ насыпной уложенной сверху камнями дамбѣ. И самый мостъ, и дамба точно будто построены какими-то гигантами, камни до того крупны что удивляешься какими усиліями ихъ сложили. Богъ знаетъ кто и когда строилъ эту дорогу; почти безъ исправленій она стоитъ вѣка и по ней проѣзжали многія поколѣнія. На Эрзерумской дорогѣ есть три подобные моста. Евфратъ широко здѣсь разливается. Около моста сошли мы съ лошадей и долго любовались рѣкой. Она была въ полномъ разливѣ, вся заросшая зелеными камышами. Теченіе почти незамѣтно, только по отсутствію камыша можно прослѣдить главное русло, точь въ точь наши тихія дремотныя малороссійскія рѣчки: Лодка выдѣланная изъ толстаго бревна и лодочникъ палкой отталкивающій ее отъ неглубокаго дна, тысячи квакающихъ лягушекъ, все это напоминало мнѣ родные края. Дикихъ утокъ и гусей бездна; они спокойно плавали и ныряли въ десяти шагахъ отъ насъ; видно что выстрѣлы не часто нарушаютъ ихъ покой.

Дорогой назадъ заѣхали въ большое подгородное село Кявъ. При нашемъ приближеніи тамъ вышла настоящая суматоха. Все населеніе, особенно женщины и дѣти, бросались къ намъ навстрѣчу. Сельскіе Армяне несравненно добродушнѣе и искреннѣе городскихъ. Женщины ходятъ не закрывшись и вообще держатъ себя свободнѣе. Онѣ вѣроятно слышали что въ городѣ появилась русская женщина, которая ѣздитъ верхомъ сидя сбоку, и любопытствовали посмотреть эту диковину

. улицахъ, на крышахъ, всюду кишѣлъ народъ; лица особенно женщинъ сіяли: „Вонъ, вонъ, смотрите!“ то и дѣло слышались восклицанія. Нѣсколько разъ дѣти и женщины приближались ко мнѣ и радостно кричали своимъ: „Тронула, тронула, живая!“ Не думали ли онѣ что предъ ними восковая фигура. На минуту остановились предъ домомъ старшины, хотѣли войти, но бывшій съ нами докторъ убѣждалъ этого не дѣлать; и въ этомъ селѣ всю зиму была масса тифозныхъ. Старикъ старшина совсѣмъ растерялся, все кланялся, что-то бормоталъ. Оказалось онъ упрашивалъ насъ остаться ночевать; когда ему отвѣтили что это невозможно, онъ умолялъ пріѣхать другой разъ, предлагая выслать арбу съ быками за нами; большей любезности онъ не въ силахъ былъ сдѣлать.

11го мая.

Что значать деньги; какъ при нуждѣ въ нихъ и правдоподобскіе обычаи мѣняются. При мнѣ смѣло вошла въ кабинетъ мужа Турчанка съ маленькимъ мальчикомъ одѣтымъ въ костюмъ лаши, съ игрушечною саблей, сѣла и бойко начала разказывать исторію и подвиги своихъ предковъ, кончая просьбой помочь ей выѣхать въ Константинополь, гдѣ находится вся ея родня. Сколько ни возражали ей что всѣ заслуги ея покойнаго мужа и отца касаются Турецкаго правительства, она настаивала, говоря что Турки никогда никого не оцѣняютъ. Получивъ маленькое пособіе, она стала умолять чтобы Турки не узнали о посѣщеніи ею русскаго губернатора. Уходя мальчикъ подошелъ къ переводчику и сталъ ему шептать: „А мнѣ-то? то матери, вѣдь и мнѣ надо что-нибудь дать“. Съ каждымъ днемъ число просителей денежныхъ пособій изъ мусульманокъ увеличивается; лицъ ихъ не видно, можетъ-быть нѣкоторыя приходятъ по два раза въ день.

Сегодня посѣщали мы здѣшнія школы; начали съ ближайшей отъ насъ греческой.

Всѣ попечители школы, директоры и учителя встрѣтили насъ, усердно все показывали. Мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ до двѣнадцати лѣтъ; для болѣе взрослыхъ есть особня отдѣленія. Всѣхъ учениковъ до 200; учатъ ихъ исключительно чтенію и письму по-гречески и турецки, ариметикѣ; другимъ предметамъ учатся очень немногіе въ старшемъ классѣ. Школа считается при церкви, но помѣщается вдали отъ нея и ни одинъ священникъ не принимаетъ участія въ обученіи,

да впрочемъ здѣшніе греческіе священники мало образованы и не въ состояніи были бы учить. Главное участіе принимаетъ старикъ Георгъ-эфенди. Мужъ выговаривалъ имъ за то что они не учатъ дѣтей по-русски; полечители говорятъ что съ будущаго года будутъ учить. Школьная зала устроена довольно удобно, обвѣшена прописями и разными изреченіями. На краю каждой скамьи старшій ученикъ помогаетъ учителю въ обученіи остальныхъ. Школа эта, какъ православная, получала до войны отъ Русскаго консульства по шести рублей въ мѣсяцъ. Съ началомъ войны выдача прекратилась; за то и за говѣнье въ греческой церкви во время Великаго Поста нашихъ офицеровъ и солдатъ ей разрѣшено выдать изъ русской казны 1.000 рублей: 250 роздано причту, остальное пополамъ церкви и школѣ. Человѣкъ сорокъ Грековъ приходили благодарить мужа за эту милость къ нимъ, говоря что это останется у нихъ и у дѣтей вѣчно въ памяти, представили письменную благодарность съ большимъ числомъ подписей.

Зашла въ армяно-католическую школу, устроенную отдѣльно для мальчиковъ и для дѣвочекъ; здѣсь видно самое близкое и дѣятельное участіе духовенства. Зданіе школы какъ разъ возлѣ церкви; директоръ священникъ, учителя у мальчиковъ тоже, у дѣвочекъ армянскія сестры милосердія, изъ коихъ одна родная сестра архіепископа Мельхиседека. Самъ архіепископъ принимаетъ живое участіе въ образованіи дѣтей; самъ водилъ насъ всюду. Классныя комнаты просторныя, чистыя, учебныхъ пособій гораздо больше чѣмъ у Грековъ, есть библіотека, комната для учителей. Нѣкоторые мальчики по окончаніи ученія посылаются насчетъ церкви въ Венецію и Римъ для дальнѣйшаго образованія. Дѣвочки учатся рукодѣлію, очень хорошо вышиваютъ иконы, вяжутъ, шьютъ; учатся музыкѣ на небольшомъ піанино, французскому языку. Мы застали до 250 учениковъ обоюго пола. Въ этой и въ греческой школѣ намъ ученики читали и пѣли привѣтствія въ стихахъ и прозѣ съ восхваленіемъ Императора Александра II, съ выраженіемъ благодарности за Его покровительство христіанамъ. Изъ всѣхъ турецкихъ лашей когда-либо бывавшихъ въ Эрзерумѣ, одинъ лишь Самихъ-паша когда-то посѣтилъ христіанскія школы. Армяно-католическая школа тоже получила денежное пособіе. Посѣщеніе другихъ школъ мы отложили на нѣкоторое время.

13го мая.

Съ турецкой телеграфной станціи прибѣжалъ залыхавшійся заптѣ, вручилъ мужу экстренную депешу изъ Константинополя. Оказалось она послана отъ перваго министра Садыкъ-паши во всѣ пункты гдѣ находятся турецкія высшія власти. Итакъ въ число турецкихъ лашей попалъ и мой мужъ; меня очень это забавляло. Въ депешѣ сообщалось о неудавшейся попыткѣ Суави-эфенди свергнуть съ престола султана Гамида и воцарить Мурада. Армяне и Турки узнавъ это повторяли: „пропала Турція, пойдутъ снова придворныя убійства, на этой попыткѣ не останутся“. Вообще воинственное настроеніе все здѣсь не прекращается. Нѣкоторые офицеры, особенно одинъ инженеръ, полпрежнему страшатся избіенія всѣхъ христіанъ Турками.

Вчера въ шесть часовъ вечера поѣхали взглянуть на любимое мѣсто лѣтнихъ прогулокъ здѣшнихъ жителей, это такъ-называемое „Абдурахманъ - Казы“; старинная мечеть съ гробницей какого-то турецкаго святаго. Здѣсь были комнаты для приходящихъ богомольцевъ, кофейня, которыя за надобностью дѣла во время блокады разломали и теперь остались однѣ стѣны безъ потолковъ. Возлѣ превосходный источникъ съ бассейномъ. Этотъ мусульманскій монастырь находится на склонѣ Палантекенскихъ горъ, высоко надъ поляной; видъ на лагерь и на городъ восхитительный. Здѣсь всегда тремя, четырьмя градусами прохладнѣе чѣмъ въ Эрзерумѣ и воздухъ замѣчательно чистый, зелень кругомъ роскошная, нѣсколько развѣсистыхъ деревьевъ окружаютъ монастырь. Къ этому монастырю должна была выйти изъ-за горъ по ущелью колонна Авинова 28го октября прошлаго года, когда предполагался штурмъ Эрзерума; она уже показалась на разсвѣтъ. Турки много стрѣляли въ нее и мы видѣли дорогой нѣсколько разорванныхъ и неразорванныхъ громадныхъ гранатъ, осторожно проѣзжали мимо нихъ. На другой день послѣ нашей прогулки, маленькій лостушокъ сталъ ворочать одну такую гранату, она разорвалась и несчастнаго мальчика разнесло на куски. Всего замѣчательнѣе видъ съ Абдурахманъ-Казы на захожденіе солнца. Оно садится за горы Гауръ-дагъ, точно тонетъ въ морѣ горъ. Изъ-за ближайшаго хребта солнца уже не видно, а остальные горы все еще точно въ огнѣ. Отливы цвѣтовъ при этомъ, особенно если есть по близости облака, такъ эффектны что поневолѣ буду

вѣрить теперь въ вѣрность красокъ картинъ Айвазовскаго. Въ здѣшнихъ краяхъ, на такой высотѣ гдѣ воздухъ рѣдокъ, освѣщеніе не имѣетъ ничего общаго съ сѣвернымъ.

Сегодня вечеромъ ѣздили въ цитадель большою компаніей; оттуда по всему городу раздавались звуки Бакинскаго хора музыки и лѣсенатиковъ. Толпы солдатъ выѣзжали изъ своихъ палатокъ; Бакинскіе офицеры угощали насъ чаемъ.

14го мая.

Изыскивая всевозможныя развлечения для ободренія нашей колоніи, все еще не совсѣмъ оправившейся духомъ послѣ тяжелаго тифознаго времени, мы вздумали устроить скачку. Мужъ назначилъ два приза—во 100 и въ 50 рублей. Искали желающихъ между жителями; но ихъ почти не оказалось—у всѣхъ лошади послѣ тощей зимы не въ силахъ скакать. За Ольтинскими воротами есть ровное мѣсто, куда по давнему обычаю въ извѣстные дни выѣзжала мѣстная молодежь покрасоваться верхомъ, пощеголять своими кровными лошадьми; въ этомъ году послѣ блокады этого зрѣлища ни разу не было.

Вызвались скакать нѣсколько казаковъ, милиціонеровъ и дватри жителя. Мѣсто выбрано между Карескими воротами и лагеремъ; разбить двухверстный кругъ, поставлены красные и бѣлые флаги, выбраны распорядители, старшіе изъ нихъ артиллерійскій генералъ Проскураковъ и драгунскій полковникъ Батіевскій. Въ этотъ день утромъ, услышавъ почтовый колокольчикъ, что здѣсь рѣдкость, я подошла къ окну и увидѣла подѣзжающаго къ намъ въ коляскѣ инженернаго генерала Рерберга. Мы очень обрадовались его пріѣзду, велѣли скорѣе внести его багажъ, позавтракали и вмѣстѣ съ нимъ верхомъ отправились на скачку. Два хора музыки, пропасть офицеровъ, почетныхъ жителей верхами, нѣсколько тысячъ солдатъ, перемѣшавшихся съ Армянами и Турками, уже были на мѣстѣ. Долго ждали князя Чавчавадзе, и узнавъ что онъ не пріѣдетъ мужъ велѣлъ начать скачку. Первый разъ кажется было семь скачущихъ, въ томъ числѣ два жителя; они должны были объѣхать кругъ три раза, то-есть сдѣлать шесть верстъ. Пустились. Всѣ напряженно слѣдили, боялись какъ бы жители не оказались впереди казаковъ. Но вотъ при громкихъ аплодисментахъ первымъ пришелъ ко флагу молоденькій Оренбургскій казакъ на лошади принадлежавшей одному

казацъему офицеру, купленной въ Хивѣ за 17½ рублей. Тотчасъ же эта лошадь пошла на вторую скачку на четыре версты, съ нѣсколькими новыми скакунами, и опять пришла первою, взявъ оба приза. Оживленіе было общее. Диковинную лошадь проводили въ городъ съ хоромъ музыки; молодой казачокъ сидя на ней нисколько не конфузился подобною помлою, спокойно оглядывался на провожавшій его народъ, какъ будто такой триумфъ давно знакомъ ему. Вечеромъ разразилась гроза, чисто горная, кратковременная, но обильная дождемъ.

21го мая.

Мужъ былъ встревоженъ происшествіемъ случившимся въ срединѣ города: днемъ былъ услышанъ выстрѣлъ и пуля попала въ одинъ изъ караульныхъ домовъ, пролетѣвъ мимо часового. Начались розыски и на другой день жители выдали полоумнаго бѣглаго турецкаго солдата, который увѣрялъ будто ходилъ отбирать у одного изъ жителей турецкое казенное ружье и, перелѣзая чрезъ стѣну, такъ неловко его уронилъ что оно выстрѣлило... Виновникъ арестованъ, начато слѣдствіе.

Изъ обыкновенной толпы ежедневныхъ просителей мужу подаетъ на дняхъ какой-то Персіанинъ очень серьезно бумагу, говоря что это стихи его сочиненія, посвящаемые мужу. Авторъ ихъ—субъектъ исходившій чуть не полсвѣта; былъ онъ и на Заладѣ, и въ Кашгарѣ, въ Кабулѣ, Афганистанѣ, Индіи, теперь просится на русскую службу. Стихи написаны на вычурной персидской бумагѣ; вотъ ихъ переводъ:

Великій Аллахъ былъ за тебя, Государь,
 Русь твоя всегда восторжествовала и теперь
 Мечъ твой возсіялъ надъ головами враговъ,
 Недруговъ же твоихъ обуялъ трепеть.
 Сравнить ли тебя, Государь, съ могущественнымъ
 Сулейманомъ Ирана? или съ двурогимъ
 Искандромъ? * О нѣтъ;
 Сравненія для тебя не припомнить моя память,
 Слава тебѣ, Царь Россіи, слава вождямъ и войскамъ твоимъ!
 Она водрузила всюду знамя блистательныхъ побѣдъ,
 Безсмертные же лавры украсили любимцевъ братьевъ твоихъ.
 Худшій врагъ челоуѣка—уныніе было недоступно
 Твоимъ войскамъ. Вожди твои безъ удержу
 Стремилась къ цѣли. Цѣль ихъ была
 Сбить съ главы Св. Софіи высокій полумѣсяцъ.

* Александръ Македонскій.

Мѣткіе выстрѣлы могучихъ рукъ исполнили это

И мнѣ, бѣдному пѣвцу, Курбану, дали

Случай выразить свой восторгъ

Представителю Бѣлаго Царя, генералу Эрзерума.

Въ день Свв. Константина и Елены назначено освященіе могилъ павшихъ подъ Азизіе Бакинцевъ. Какъ извѣстно, 28го октября прошлаго года Бакинскій полкъ взялъ штурмомъ Азизіе, во потомъ долженъ былъ отступить, вслѣдствіе несоразимости силъ съ силами непріятеля. Много легло при этомъ людей; прошло болѣе полугода; судьба Эрзерума измѣнилась; Бакинцы стоятъ гарнизономъ въ томъ же Азизіе; здѣшніе жители намъ разказываютъ подробности звѣрствъ дѣланыхъ турецкими солдатами, а отчасти здѣшними женщинами мусульманскими надъ нашими ранеными; указывали особенно на одну Турчанку, которая, мстя за смерть своего мужа, собственноручно на глазахъ всѣхъ перерѣзала горло болѣе двадцати нашимъ солдатамъ. Лишь только снѣгъ сталъ сходить, начали обнаруживаться трупы, большая часть которыхъ оказались тѣла Русскихъ. Стали собирать эти трупы: Турокъ хоронили гдѣ попало, своихъ болѣе ста тѣлъ (всего полкъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ болѣе 300 человекъ) сносили въ одно мѣсто, въ глубину оврага между Азизіе и Меджидіе, устроили тутъ общую могилу, обдѣлали ее камнями, вокругъ отводъ дождевой воды, поставили большой деревянный крестъ. Товарищи павшихъ воиновъ, когда все было готово, захотѣли отслужить панихиду. Я тоже поѣхала и издала смотрѣла на эту трогательную картину. Укаждаго изъ молившихся на колѣняхъ солдатъ было по нѣсколько товарищей въ числѣ тѣхъ кому здѣсь, среди мусульманской земли, православный священникъ провозглашалъ вѣчную память. Послѣ панихиды мы отправились въ сопровожденіи Чавчавадзе и Бакинскихъ офицеровъ осматривать штурмованное укрѣпленіе. Молодецкій полкъ: въ немъ теперь Георгіевскихъ кавалеровъ пять офицеровъ и до пятисотъ солдатъ. Командиръ Бакинскаго полка—Ивановъ, Чавчавадзе, Тумановъ и еще нѣсколько лицъ обѣдали у насъ на крышѣ въ палаткѣ. За обѣдомъ вздумали съѣздить въ армянскій монастырь Лусаворицъ-Ванкъ, находившійся въ семи верстахъ отъ города. Тумановъ далъ знать объ этомъ нѣсколькимъ сапернымъ офицерамъ, мужъ—двумъ-тремъ знакомымъ, и такимъ образомъ составила экспромптомъ большая кавалькада. Послали мы впередъ вьючную лошадь съ коврами и чаемъ.

Монастырь расположенъ высоко на горѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій окруженныхъ каменною стѣной. Надѣ всѣмъ царить крестъ на церковномъ куполѣ. Въ общемъ этотъ монастырь напоминаетъ старинные замки. Съ трехъ сторонъ крутые обрывы, съ четвертой, гдѣ въѣздъ, группа деревьевъ, составляющихъ пріятный контрастъ со скалами и камнями. Мы пробирались по крутой горной тропинкѣ и я порядочно побаивалась какъ бы не упасть съ кручи.

Въ монастырѣ всего два монаха, изъ нихъ одинъ архимандритъ. Издали завидѣвъ насъ, стали звонить въ колокола, монахи съ крестами вышли навстрѣчу. Изъ города и соседнихъ деревень собрался народъ, зурна играла. Слѣзавъ съ лошадей, подошли ко кресту, потомъ насъ торжественно повели въ ярко освѣщенную церковь. Архимандритъ отслужилъ молебенъ, помянувъ нашу Царскую фамилію. Спустились мы въ потаенную яму гдѣ по преданіямъ три дня скрывался Св. Григорій, просвѣтитель Арменіи. Осматривали древнюю, подземную сырую церковь; ведутъ къ ней низкія, темныя и длинныя галереи. Я рада была выйти на свѣжій воздухъ. На зеленомъ лужкѣ, откуда открывается чудный видъ на всю долину верховаго Евфрата, разостлали ковры, мы разсѣлись. Американскій миссіонеръ Mr Coal съ женой и сыномъ присоединились къ намъ. Они каждый годъ выезжаютъ сюда какъ на дачу, закрывая на время жаровъ свою школу; живутъ они въ Эрзерумѣ уже восемь лѣтъ; два года тому назадъ Mrs Coal ѣздила на родину въ Южную Америку, какъ говорить съ визитомъ въ роднымъ (близкій визитъ!). Когда мы вошли въ ихъ крошечное помѣщеніе, маленькій Coal (на видъ настоящій Американецъ) сейчасъ сталъ показывать свое искусство въ стрѣльбѣ изъ карабина, стрѣлая въ цѣль нарисованную на двери.

Ерпцевъ по обыкновенію устроилъ туземные танцы; оказалось на это много маленькихъ искусниковъ и искусницъ. Монахи уговаривали насъ, но напрасно,—остаться ночевать, угощали чѣмъ могли. Предъ отъѣздомъ зашли опять въ церковь. Возвращались далекою, но болѣе ровною дорогою, по которой свободно ходятъ арбы; становилось темно хоть глазъ выколи; замѣтно свѣжѣло. Должна сознаться что рада была увидѣть издали городскіе огоньки, предвѣстники конца поѣздки, довольно-таки меня утомившей.

25го мая.

Почти ежедневно идетъ дождь, на горахъ снѣгъ быстро таетъ, обращаясь въ густыя черныя тучи. У здѣшнихъ жителей вершины Палантекеда служатъ вѣрнымъ барометромъ: если надъ ними нѣтъ тучъ, хотя бы съ другихъ сторонъ небо совсѣмъ заволокло, дожда въ городѣ не будетъ, и наоборотъ. Изъ оконъ нашей квартиры этотъ барометръ хорошо виденъ и часто приноситъ пользу при нашихъ прогулкахъ. Третьяго дня вечеромъ разразилась сильная гроза; на сѣверѣ я никогда не видала такого сверканія молніи и такихъ перекатовъ грома отъ эхо горъ. На меня всегда гроза очень дѣйствуетъ, а тутъ я просто не знала куда дѣться, не могла спать всю ночь. Особенно страшила меня высокая мачта флага на нашей крышѣ, все казалось что молнія непременно ударитъ въ нее. Почти во всѣхъ комнатахъ у насъ протекало съ потолковъ, воображаю что дѣлалось въ другихъ домахъ при земляныхъ крышахъ.

На дняхъ получила понятіе что такое турецкая кофейня. Катаясь по обыкновенію подъ вечеръ верхомъ, мы остановились предъ одною кофейней и вошли въ нее. Увидѣли нѣсколько комнатъ, дворъ съ каменнымъ бассейномъ чистой воды по срединѣ и бьющимъ въ немъ фонтаномъ. Бассейнъ разукрашенъ яркими красками и желтыми цвѣтами, навязанными на длинныя лалки; это букеты восточной формы; кругомъ на низкихъ и широкихъ тахтахъ сидятъ посетители, нѣкоторые льютъ кофе *à la turcque*, большая часть курятъ кальянъ, передавая его по очереди сосѣдъ сосѣду. Турки при этомъ молча мечтаютъ и созерцаютъ небо, Армяне и Греки, перебивая одинъ другаго, шепчутся и спорятъ про какія-нибудь коммерческія дѣла. Въ первой комнатѣ Персіянъ, содержатель кофейни, важно стоитъ за прилавкомъ, на которомъ варится кофе, на полкахъ цѣлыя шеренги кальяновъ разной величины и отдѣлки. Иногда они бываютъ превосходно украшены золотомъ и серебромъ. Недавно намъ приносили кальянъ необыкновенно красивой отдѣлки, но за то просили за него, какъ и за все здѣсь теперь, невообразимую цѣну. Въ сосѣдней комнатѣ борообрѣйня или вѣрнѣе головобрѣйня, вся комната увѣшена зеркалами, предъ ними кресла. На Востокѣ борообрѣйи почетные люди, тотъ кого брѣютъ видимо чувствуетъ себя если не на седьмомъ

небѣ, то по крайней мѣрѣ на лятѣхъ. Въ другой комнатѣ горячимъ утюгомъ на деревянныхъ колодкахъ разглаживаютъ фески, составляющія одну изъ первыхъ потребностей турецкаго щегольства. Кофейня вообще чистая, хозяйка привѣтливы, впрочемъ такихъ кофейенъ здѣсь много.

Съ появленіемъ подножнаго корма, кое-гдѣ стали показываться разбойничьи шайки Кюрдовъ. Въ здѣшнемъ краѣ такъ къ этому привыкли что на продѣлки ихъ—воровство, угонъ скота, грабежъ проѣзжающихъ, не обращаютъ вниманія. Конечно, Русскіе не могли смотрѣть на это такъ покойно, и вотъ нѣсколько разъ я видѣла какъ къ мужу приводили пойманныхъ разбойниковъ. Боже, что это за пародія на человѣческій родъ. Какіе-то звѣри въ лохмотьяхъ, черные, взглядъ какъ у гіены, точно будто боящійся дневнаго свѣта и людей. Говорятъ что большая часть этихъ Кюрдовъ трусы, они пускаются на добычу только тогда когда увѣрены въ успѣхѣ; когда распространился слухъ что въ мѣстахъ занятыхъ Русскими разбойничать не даютъ, ихъ стало меньше. Только безпечность Турецкаго правительства могла какъ видно допустить развитіе продѣлокъ этихъ полу-людей. На дняхъ получено извѣстіе, будто шайка Лазовъ собирается напасть на армянскій монастырь Кармиръ-Ванкъ; туда послали десять казаковъ, и храбрые Лазы исчезли. Въ городѣ опять стрѣляли, пуля попала въ стѣну дома гдѣ жили два наши чиновника. Собраны были всѣ старшины и имамы городскихъ кварталовъ и отдано приказаніе немедленно сдавать всѣ ружья; Турецкое правительство во время блокады раздадо жителямъ мусульманамъ нѣсколько сотенъ казенныхъ ружей разныхъ системъ. Толпа чалмоносцевъ, ловѣся нось, выслушала это приказаніе, однако на слѣдующій день ружья понемногу стали сноситься. Имамъ было велѣно найти кто стрѣлялъ, иначе будетъ отвѣчать весь кварталъ. Они сегодня попробовали представить единственнаго въ кварталѣ христіанина, очевидно не виновнаго. Да, пришлось теперь имамамъ и мулламъ казаться ягненками и затаивать свою ненависть къ Русскимъ. Воображаю что они будутъ выдѣлывать когда мы оставимъ Эрзерумъ и они почувствуютъ въ себѣ вновь обузданную на время силу.

Намъ часто приходилось слышать по утрамъ военную музыку, во время тифозной эпидеміи; то были все похоронные марши, и если на улицахъ видѣлся строй солдатъ, то почти

всегда провожавшіе въ вѣчность своихъ офицеровъ. Можно себя представить какъ я обрадовалась сегодня увидѣвъ какъ съ музыкой мимо нашей квартиры вступаютъ въ городъ первыя укомплектованія здѣшнихъ войскъ. Молодые рекрутки шли весело и бойко, съ любопытствомъ озираясь кругомъ; не очень пріятно мусульманамъ увидѣть прибывъ въ нашъ лагерь; до сихъ поръ нашихъ солдатъ все убавлялось. Вечеромъ получена телеграмма что конгрессъ назначенъ въ Берлинъ 12го іюня. Новый лучъ надежды.

29го мая.

Извѣстіе о вторичномъ покушеніи на жизнь Германскаго императора произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Въ отдаленныхъ закоулкахъ Эрзерума и хрістіане и мусульмане всѣ возмущены, то и дѣло слышны возгласы: неужели опять социаллисты на сценѣ?

Персидскій консулъ поднесъ мужу большой фотографическій портретъ своего шаха, съ красивою персидскою подписью, въ которой сказано что Эрзерумское Персидское консульство подноситъ этотъ портретъ русскому губернатору въ выраженіе признательности за оказываемое здѣсь персидскимъ подданнымъ вниманіе и участіе. Ужь не хотѣлъ ли этимъ консулъ загладить вину одного изъ своихъ Персіянъ на дѣлахъ противъ нашихъ чиновниковъ?

Въ послѣднее время, пользуясь улучшеніемъ дорогъ, въ Эрзерумъ появились много турецкихъ офицеровъ и солдатъ; съ разныхъ сторонъ стали они пріѣзжать ловидать свои семьи и захватить оставленное ими имущество. Вчера былъ у насъ бимбаши, бывшій начальникъ пограничнаго турецкаго кордона, котораго мы до начала войны знали въ Александрополь. Эта встрѣча напомнила мнѣ другую болѣе оригинальную: на турецкомъ посту, противъ Александрополя, одинъ юзбаши очень любезно принималъ насъ когда мы посѣщали постъ; однажды обѣщалъ мнѣ привезти изъ Карса, гдѣ жила его семья, великолѣпнаго мохнатаго кота. Съ мѣсяцъ спустя послѣ начала войны, я посѣтила турецкихъ плѣнныхъ въ Александропольской крѣпости, и къ удивленію вижу этого самаго юзбаши. И онъ и я сейчасъ вспомнили о котѣ; юзбаши сталъ очень извиняться что „обстоятельства“ не позволяютъ ему теперь исполнить его обѣщаніе, но что рано или поздно котъ этотъ будетъ у меня непременно.

Третьяго дня вечеромъ ѣздили кататься по направленію къ деревнѣ Шехъ; выѣхавъ мы обратили вниманіе на быстро образовавшуюся надъ Палантекеномъ тучу, спускавшуюся въ направленіи города, поѣхали рысью чтобъ избѣжать дождя. Въ селеніи Шехъ зашли въ домъ священника, который служилъ въ это время въ церкви всенощную. На стѣнахъ его комнатъ приклеено много листовъ *Всемирной Иллюстраціи* съ портретами Д. Комарова и другихъ героевъ теперешней войны. Братъ хозяина объяснилъ что это подарки русскаго офицера квартировавшаго у нихъ. Думали ли лица, портреты которыхъ помѣщены въ *Иллюстраціи*, что они останутся можетъ-быть на десятки лѣтъ на стѣнахъ священническаго дома въ глубинѣ Малой Азіи? Пошли мы въ церковь и были удивлены если не богатствомъ, то полнымъ достаткомъ ея; священникъ въ прекрасномъ облаченіи, два хора лѣвчихъ, хорошая живолись, множество горящихъ свѣчей, толпа молящихся. Но чтобы проникнуть въ церковь надо пройти черезъ четверо темныхъ свѣей и нѣсколько низкихъ корридоровъ; въ Турціи достатокъ можетъ сохраняться только за такими таинственными ходами. Насъ провожали черезъ корридоры со свѣчкой; надо было нагибаться чтобы не ушибить головы. Выйдя изъ церкви собрались въ обратный путь; народъ провожалъ насъ. Любовались дорогой великолѣпными всходами хлѣбовъ; на Эрзерумской равнинѣ всѣ поля орошаются водою, всюду продѣланы канавки, неурожаи очень рѣдки. Подъѣзжая къ городу, видимъ что въ мѣстахъ гдѣ была пыль стало грязно; уже успѣлъ выпасть сильный дождь, а насъ ни одна капля не промочила; въ нашей квартирѣ опять полы вымокли.

Вчера не успѣли мы такъ благополучно убѣжать отъ дождя какъ третьяго дня. Когда выѣхали черезъ Карсскія ворота было совершенно ясно; но Жильберъ, указывая на Палантекенъ, сказалъ намъ: „черезъ полчаса грянетъ дождь“. Дѣйствительно, не успѣли подъѣхать къ лагерю стало накрапывать; послѣшили подъѣхать къ стрѣлкамъ, и мнѣ въ первый разъ пришлось просидѣть въ палаткѣ во время грозы. Но какой же былъ ливень! Разомъ по всему лагерю пошли быстрые потоки (лагерь на скатѣ и всю воду несло внизъ). Казалось вотъ-вотъ все затопится; тучи надъ самыми головами, страшная молнія, градъ. Зашли мы сперва въ палатку моего кума Полова; но она самая крайняя, и Половъ раз-

казывалъ что нѣсколько дней назадъ, молнія ударила въ 15 шагахъ отъ его палатки и разбила фонарь. Я поспѣшила уйти оттуда въ палатку баталіоннаго командира Сагинова; эта кромѣ парусины покрыта сукномъ, и окошки закрываются. Почти два часа продолжалась гроза. Дорогой назадъ съ трудомъ переѣзжали черезъ нѣсколько вновь образовавшихся рытвинъ, гдѣ вода стремилась съ шумомъ и пѣной. Подъѣзжая къ городу слышимъ гвалтъ; оказалось стадо, возвращаясь съ поля, должно было переходить черезъ оврагъ, гдѣ два часа тому назадъ было сухо, а теперь образовался быстрый и глубокій потокъ. Съ одного берега толпа народа съ криками и жестами силилась вогнать скотъ въ воду; волы и коровы сопротивлялись, но все-таки шли, нѣкоторыхъ теченіе сшибало съ ногъ; но ослы—ни за что; ихъ толкали лапками, чѣмъ попало, и насилу переправляли. Множество любопытныхъ, особенно женщинъ и дѣтей, смотрѣли на эту сцену; мы тоже простояли съ четверть часа.

30го мая.

Армянинъ, хозяинъ дома гдѣ отведена квартира Ерицеву (здѣсь всѣмъ квартиры отводятся по военному положенію бесплатно), человекъ очень добрый и внимательный; только въ томъ бѣда что тщеславіе его переходитъ границы. Вбилъ себѣ въ голову непремѣнно получить русскій орденъ; чего ужъ онъ для этого не дѣлалъ. Больше всего разумѣется достается постояльцу; надо же извлечь изъ него пользу чтобы не даромъ прожилъ въ его домѣ. Ежедневно онъ входитъ къ Ерицеву по нѣскольку разъ, какъ бы тотъ ни былъ занятъ; садится предъ нимъ и иногда молча, заискивающе глядя русскому чиновнику въ глаза, просиживаетъ часы. Когда можно говорить, любимая тема его, какъ бы онъ желалъ быть полезнымъ Русскому правительству. Это до того надѣло Ерицеву что тотъ рѣшился его проучить; и вотъ какъ это сдѣлалъ.

Однажды Ерицевъ вернувшись поздно домой призываетъ хозяина, таинственно объявляетъ ему: „случай представился“. Разказываетъ что ему, Ерицеву, сейчасъ дано экстренное, важное и секретное порученіе по которому надо ѣхать въ Багдадъ; при этомъ разрѣшено взять съ собой переводчика и онъ предлагаетъ своему хозяину это мѣсто. Тотъ въ восторгѣ. Но ему говорятъ что надо хорошо снарядиться быть представителемъ. „Не пожалѣю ничего, все куплю“,

возражаетъ обрадованный хозяинъ. На другой же день утромъ онъ пошелъ разоряться. Купилъ бѣлый англійскій каучуковый плащъ, лакированныя ботфорты, нѣсколько чемодановъ, сѣдло и наконецъ лошадь; всѣ издержки, какъ онъ ни былъ скулъ, блѣднѣли предъ перспективой носить въ петличкѣ ленточку, а на ней орденъ, настоящій, русскій! Родные, особенно жена, не понимали куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ; но повинуваясь судьбѣ, цѣловали, обнимали его, плакали съ нимъ на прощаньи. Наконецъ насталъ торжественный день отъѣзда; Ерицевъ съ хозяиномъ въ сопровожденіи товарищей, съ багажемъ и вьюками, должны были собраться у Абдурахманъ-Кази (мусульманскій монастырь) на прощальный обѣдъ, а оттуда предстояло отправиться прямо въ путь-дороженьку; во время обѣда долженъ былъ прискакать казакъ съ конвертомъ извѣщающимъ объ отмѣнѣ командировки Ерицева. На этотъ пикникъ пригласили и меня; но только секретъ кто-то разоблачилъ до обѣда. Тѣмъ не менѣ затѣянная исторія доставила всѣмъ большую забаву. Пресмѣшно было видѣть Армянина въ его походномъ плащѣ, ботфортахъ съ огромными шпорами, съ сумкой черезъ плечо и пистолетами за кушакомъ. Онъ вовсе не сердился; напротивъ, предобродушно смѣялся, разказывалъ какъ грустно было расставаться съ семьей, но лестно получить отъ русскихъ властей порученіе; показывалъ мнѣ купленные для дороги часы и угощалъ всѣхъ апельсинами наполнявшими его карманы для освѣженія во время жары путешествія. Онъ вспоминалъ какую-то персидскую пѣсню на тему: „въ три дня съѣздитъ въ Багдадъ“, говоря: „а я съѣздитъ еще быстрее“.

Съ этимъ же Армяниномъ на дняхъ былъ другой казусъ: лоздно возвращался онъ съ Ерицевымъ домой, было совсѣмъ темно на улицахъ, какъ всегда въ Эрзерумѣ ночью тишина, нигдѣ ни души. На перекресткѣ, близъ своего дома, возлѣ фонтана, видить что кто-то притаился и курить; конецъ лалиросы по временамъ вспыхиваетъ. „Кто тамъ?“ Нѣтъ отвѣта. „Кто, говори сейчасъ, зачѣмъ бродишь ночью?“ Полное безмолвіе. „Разбойники“, говоритъ Армянинъ и опрометью бросается въ домъ за пистолетомъ, взводитъ курокъ и съ угрозами приступаетъ къ спокойно продолжавшему курить разбойнику. Какія далѣе были сцены и долго ли продолжались, Ерицевъ съ хозяиномъ умалчиваютъ; но наконецъ оказалось что никакого разбойника не было, а лишь окурокъ

лапирасы забытый какимъ - нибудь прохожимъ на нитѣ фонтана, разгоравшійся по временамъ отъ вѣтра. Мы очень много смѣялись услышавъ объ этомъ приключеніи.

31го мая.

Въ Эрзерумѣ пріѣхалъ назначенный вмѣсто умершаго Геймана корпусный командиръ генералъ Лазаревъ. Толки о его пріѣздѣ давно ходили между населеніемъ. Армяне ждали съ нетерпѣніемъ этотъ день и гордились тѣмъ что вотъ уже второй корпусный командиръ (первый былъ Лорисъ) Армянскіе родомъ. Особенно лестно должно это быть турецкимъ Армянамъ: Турки самыхъ почетныхъ изъ нихъ словно въ грязь толчутъ, не считаютъ за равныхъ себѣ людей, а теперь первый воинъ и глава края изъ среды ихъ. Какія розовыя мечты являются у каждаго Армянина на будущее. Лазаревъ кромѣ того возбуждалъ общее любопытство вслѣдствіе молвы которая ходила въ народѣ про его внушительную наружность, храбрость и грозное управленіе Лезгинами въ Дагестанѣ.

Въ день его пріѣзда съ утра городъ былъ въ суетѣ. Приготовили ему квартиру на консульской площади, противъ главной гауптвахты, убрали ее какъ только возможно по здѣшнимъ средствамъ. Много народу, въ томъ числѣ ученики школь, выходили за ворота города навстрѣчу, почетные жители въ шитыхъ золотомъ мундирахъ и орденахъ, на кровныхъ лошадяхъ осѣдланыхъ богатыми бархатными съ дорогимъ шитьемъ сѣдлами гарцовали по улицамъ; многіе изъ нихъ заѣхали къ намъ чтобы вмѣстѣ съ мужемъ отправиться на встрѣчу русскому муширу.

Я пошла къ Жильберамъ, балконъ которыхъ выходилъ на площадь, гдѣ собрался почетный караулъ, хоръ музыки, много офицеровъ въ мундирахъ.

Говорятъ встрѣча за городомъ была необыкновенно торжественная; народъ верстъ шесть за городъ вышелъ навстрѣчу, бѣжалъ толпой возлѣ ѣхавшаго верхомъ Лазарева и безъ умолку кричалъ ура. Плоскія крыши домовъ были буквально залиты народомъ; женщины махали платками и кланялись, еще съ ранняго утра многія женщины усѣлись на крышахъ чтобы не пропустить встрѣчи. Мѣстами играла зурна, на улицахъ тѣснилось такъ много Армянъ, Грековъ и даже мусульманъ что полицейскіе должны были ихъ расталкивать.

Около Карескихъ воротъ мужъ встрѣтилъ Лазарева, съ чинами управленія, почетными жителями, городскими чинами и мухтарами (старшинами).

Наконецъ и мы услышали шумъ и крики *ура*; видимъ впереди бѣжитъ масса красныхъ фесокъ, за ними двѣ сотни казаковъ съ большими значками, далѣе Лазаревъ раскланивавшійся направо и налево, съ обѣихъ сторонъ его мужъ и Чавчавадзе, за ними много военныхъ, опять казаки, а закрываетъ шествіе неисчислимая толпа жителей. Флагъ на домѣ французскаго консула отсалютовалъ, русскій флагъ на домѣ корпуснаго командира взвился на верхъ высокой мачты, какъ только процессія показалась. Все вышло эффектно до поразительности; здѣшніе жители не заломняютъ подобнаго торжества.

Всѣ пріѣзжіе и главные здѣшніе начальники обѣдали у Чавчавадзе; мы все время слушали музыку, такъ какъ онъ квартируетъ недалеко отъ Жильберовъ. Послѣ обѣда мужъ зашелъ за мной, а вечеромъ поѣхали верхомъ.

Выѣхавъ черезъ Трапезонтскія ворота повернули вправо и ѣдемъ снаружи ряда земляныхъ укрѣпленій. Слышимъ — выстрѣлы. Что такое? Милиціонеры и казаки поскакали узнать въ чемъ дѣло; одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади и любѣжалъ черезъ валъ къ показавшимся тремъ чернымъ фигурамъ. Продолжаемъ ѣхать далѣе, вдругъ слышимъ свистъ пули какъ разъ надъ головами, такъ что лошадь моя отшатнулась. Это уже слишкомъ, казаки только-что собрались опустить ружья, какъ оказалось что это саперные офицеры вздумавшіе стрѣлять въ цѣль приставивъ мишени къ валамъ и не замѣчая что пули ихъ перелетаютъ черезъ валъ. Они были очень сконфужены, тѣмъ болѣе что съ нами же ѣхалъ ихъ командиръ. Теперь я сдѣлалась совсѣмъ боевая; *j'ai reçu le baptême du feu*, слышала свистъ пули надъ головой.

1го іюня.

Сегодня Лазаревъ ѣздилъ осматривать городъ и лагерь. Начальникъ дивизіи Цитовичъ давалъ большой обѣдъ, говорить, очень шумный.

2го іюня.

Съ утра стали сѣзжаться къ намъ чиновники и почетные жители, въ тѣхъ же парадныхъ мундирахъ въ какихъ они были на встрѣчѣ Лазарева третьяго дня. Мужъ повелъ ихъ

представить корлусному командиру, который съ перваго же раза покорилъ ихъ себѣ: „въ каждомъ словѣ этого чело-
вѣка,—говорили потомъ при мнѣ нѣкоторые изъ Турокъ,
слышится твердость, сила; настоящий русскій мушуръ, ему
можно вѣрить“. Сегодня познакомилась я съ Лазаревымъ,
какъ видно онъ не изъ тѣхъ людей, которымъ высокій постъ
кружитъ голову.

4го юня.

Меня возмутила корреспонденція „Голоса“ изъ Эрзерума
подписанная Крыжановскимъ. Удивительно откуда онъ могъ
слышать такіа небылицы, чтеніе которыхъ вызвало общій
смѣхъ; всѣ интересовались узнать кто это Крыжановскій: ока-
залось, онъ находится при складѣ Общества Краснаго Креста.
Въ корреспонденціи говорилось про какія-то будто бы най-
денныя плавающими въ своей крови тѣла нашихъ офице-
ровъ, и про другія убійства, на дѣлѣ вовсе не бывшія. Между
тѣмъ эта корреспонденція надѣлала тревогу: наши офицеры
то и дѣло стали получать телеграммы отъ своихъ семействъ
и знакомыхъ въ которыхъ сказывалось сильное опасеніе за
ихъ жизнь.

Ходила къ madame Gilbert пригласить ее съ мужемъ къ намъ
на обѣдъ, даваемый по случаю пріѣзда Лазарева. Я очень
рада что madame Gilbert въ подобныхъ случаяхъ выручаетъ
меня отъ того чтобы мнѣ не быть единственною женщиной
среди большого мужскаго общества. За обѣдомъ по обыкно-
венію были оживленные тосты: смѣшно было видѣть какъ
персидскій коскулъ слѣдилъ сказать рѣчь ранѣе француз-
скаго консула, и какъ Жильберъ замѣтно досадовалъ что
позволилъ Азіатцу опередить сличемъ Европейца. Вообще
здѣсь до прибытія Русскихъ всѣ европейскіе консулы дер-
жали себя какъ очень важныя, вліяющія на управленіе краемъ
лица, и Жильберу видимо чувствительна потеря, при русскихъ
властяхъ, своего прежняго величія.

На прежнихъ официальныхъ обѣдахъ почетные туземцы
держали себя съ Русскими немного натянуто, теперь же
какъ старые знакомые. Послѣ обѣда, когда вышли на балконъ,
дружескимъ изліяніемъ не было конца: и елисколы, и мусуль-
мане, то и дѣло выражали Русскимъ свою признательность
за равную ко всѣмъ благосклонность и справедливость. Массы
народа опять весело шумѣли подъ балкономъ, стараясь раз-

смотрятъ новаго русскаго мушира. Зурна не умолкала, подъ ея звуки составилось нѣсколько кружковъ танцующихъ Армянъ.

Когда наши гости разошлись, пошли мы въ армяно-католическую церковь; у католиковъ сегодня *fête-Dieu*, и Monseigneur пригласилъ насъ къ торжественной вечернѣ. Дворъ католической церкви обнесень каменною стѣною вышиною въ три сажени (это въ видѣ предосторожности отъ мусульманъ). Послѣ вечерни крестный ходъ совершался вѣнутри двора вокругъ церкви: епископъ со святыми дарами, въ роскошномъ облаченіи, шелъ подъ богатымъ балдахиномъ, впереди его по два въ рядъ пѣвчіе въ бѣломъ съ вѣнками на головахъ, и священники; двое мальчиковъ бросали подъ ноги Monseigneur'a лепестки цвѣтовъ, двое другихъ несли подносы съ курящимся виміамомъ и окрапывали епископа розовымъ масломъ. У изящно устроеннаго для этого случая и изукрашеннаго цвѣтами алтаря процессія остановилась, всѣ стали на колѣни. Очень удивилась я, замѣтивъ на навѣсѣ подъ этимъ временнымъ алтаремъ рисунки турецкихъ полумѣсяцевъ и звѣздъ; Армяне-католики очень умѣютъ быть пріятными Туркамъ; такой же большой бронзовый полумѣсяцъ красуется надъ входомъ въ домъ епископа; за то Армяне-католики менѣе всѣхъ другихъ христіанъ терпятъ отъ Турокъ.

5го іюня

Шведъ служившій подрядчикомъ у Турокъ при постройкѣ эрзерумскихъ укрѣпленій недавно умеръ отъ тифа, не дождавшись расчета за свои работы; жена его въ совершенной бѣдности отправляется на родину съ малолѣтними дѣтьми. Жильберы, всегда помогавшіе кому только могли, снабдили ее деньгами на дорогу. По ихъ просьбѣ и мы приняли участіе въ этой бѣдняжкѣ отправляющейсѣ изъ Эрзерума проклинаая Турокъ. Сколько на нашихъ глазахъ было подобныхъ примѣровъ людей вырученныхъ Европейцами изъ бѣды причиненной Турками. Разкажемъ о безцеремонности турецкихъ чиновниковъ, особенно мелкихъ, нѣтъ конца; это точно саранча все пожирающая и со своихъ, а особенно съ христіанъ. Во время войны за все что бралось Турками для войскъ жители получали квитанціи; когда пришло время расплачиваться по этимъ квитанціямъ, весьма многимъ не платили подъ тѣмъ предлогомъ что подъ квитанціей приложена печать не чиновника, а какого-то неизвѣстнаго лица. Какъ тутъ защититься бѣдняку жителю?

Шабанианъ сдѣлалъ вечеръ, на который пригласилъ болѣе двадцати русскихъ офицеровъ и генераловъ; изъ туземцевъ, кромѣ его семьи, не было рѣшительно никого. Садъ былъ иллюминированъ разноцвѣтными фонарями, приемъ гостей въ кіоскъ. Здѣсь только немногіе, самые богатые жители имѣютъ садики, окруженные со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами (какъ институтскіе сады) и всегда такъ запертые что пробираться къ нимъ надо черезъ длинные, извилистые, темные проходы. Въ углу садика обыкновенно кіоскъ (бесѣдка) съ фонтаномъ по срединѣ, широкими тахтами вокругъ; стѣны обращенныя въ садъ почти сплошь изъ стеколъ. Въ хорошемъ садикѣ Шабаниана и кіоскъ съ фонтаномъ отдѣланымъ мраморомъ, при разноцвѣтныхъ фонаряхъ, бенгальскомъ огнѣ, фейерверкѣ и женщинахъ одѣтыхъ въ азіатскіе костюмы, воображеніе разыгрывалось, думалось что находишься въ какомъ-то волшебномъ мірѣ или видишь сцену изъ *Тысячи и одной ночи*. Игралъ хоръ нашей музыки. Ужинать перешли въ столовую; Шабанианъ сказалъ по-армянски длинную рѣчь, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: „Россія съ царствованія Петра Великаго быстро расширяется и крѣпнеть, благодаря энергіи и другимъ достоинствамъ ея представителей, на которыхъ выпадаетъ доля имѣть дѣло съ соседями; ознакомившись ближе съ Русскими въ Эрзерумѣ, онъ убѣдился что нынѣшніе сыны Россіи могутъ гордиться этими же свойствами не менѣе своихъ предковъ; съ глубокимъ уваженіемъ смотритъ онъ на силу этой великой державы и на ея вѣрныхъ сыновъ.“

Лазаревъ получилъ нѣсколько медалей вновь отчеканенныхъ въ память минувшей войны. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на эти новыя медали.

7го іюня.

Генералъ Бобоховъ, старый нашъ знакомый, останавливался недалеко отъ насъ, въ домѣ Армянина-католика Петрога-эфенди. Прийдя въ садъ этого дома проститься съ Бобоховымъ, который уѣзжаетъ обратнo въ Карсъ, увидѣли мы очень красивую Армянку, блондинку, совершенную Гретхенъ, удивились когда она заговорила по-французски. Со времени войны 1853—56 годовъ среди католиковъ въ Анатолиіи сохранилось сильное вліяніе Франціи; почти во всякомъ домѣ висятъ портреты Наполеона и императрицы Евгеніи. Сестры милосердія ревностно стараются распространять между своими ученицами французскій языкъ.

Обѣдали на крышѣ въ палаткѣ; за обѣдомъ насъ смѣшили разказами о томъ какъ въ Карсѣ появилась манія закулатъ мохнатыхъ кошекъ. Какой-то докторъ, платя по рублю за кота, считалъ что имъ куплено до 50 и удивлялся что вновь покупаемые очень похожи на прежде купленныхъ и убѣжавшихъ изъ его гостепріимнаго кошачьяго пріюта. Оказалось что жители очень выгодно для себя подсмѣялись надъ докторомъ: коты черезъ печную трубу выбѣгали обратно къ хозяевамъ, и тѣ по нѣскольку разъ продавали ихъ тому же покупщику. По этому поводу вспоминали какъ въ Красноводскѣ послѣ отъѣзда какого-то натуралиста солдаты, не зная о его выѣздѣ, массами ловили змѣй, приносили ихъ въ штабъ, искали „кульца который торгуетъ змѣями“. Когда имъ наконецъ объявили что ихъ покупщикъ уѣхалъ, они очень досадовали, зачѣмъ онъ такъ поторопился выѣхать.

9го іюня.

Посѣтили мы мельницу на мѣстѣ называемомъ Киркь-Булахъ и поле битвы 28го октября прошлаго года.

Киркь-Булахъ въ переводѣ значитъ сорокъ водъ. Это мѣсто находится вблизи отъ Палантекенскихъ горъ, въ ущельи, въ восьми верстахъ отъ города; изъ естественнаго русла быстрый потокъ отведенъ широкою канавой, расходящеюся тутъ же на нѣсколько рукавовъ, съ лѣной и шумомъ по камнямъ падающихъ каскадами. Около живописно прилѣпившейся здѣсь мельницы разрослось много деревьевъ, придающихъ большую привлекательность этому мѣстечку; нигдѣ далеко вокругъ нѣтъ столько зелени. Здѣсь у воды всегда прохладно, а съ закатомъ солнца становится очень холодно и поднимается сильный вѣтеръ. Эрзерумскіе жители верхомъ съ женщинами на арбахъ часто ѣздятъ проводить весь день на Киркь-Булахъ. Возвращаясь черезъ Ольтинскія ворота, мы нечаянно наткнулись на сидящихъ на травѣ возлѣ крѣпостнаго рва Жильберовъ; М. Gilbert имѣлъ очень сумрачный и недовольный видъ, оказалось что нашъ часовой у воротъ крѣпости, имѣя приказаніе не пропускать военныхъ Турокъ безъ билета, остановилъ ихъ каваса. Увидѣли мы его каваса съ весело-безпечнымъ лицомъ сидящаго поджавъ ноги на верху вала; мужъ велѣлъ его пропустить, объявивъ все-таки Жильберу что часовой былъ правъ исполнить въ точности данное ему приказаніе.

Забрались мы на ту самую гору гдѣ стоялъ Гейманъ 28го октября; подробно осматривали тропинки и овраги по

которымъ лѣзли Бакинцы на штурмъ Азизіе; кругомъ все еще лежатъ обломки гранатъ, патроны, картечь; осторожно проѣзжали около двухъ неразорванныхъ гранатъ. На этихъ мѣстахъ по стаяннѣ снѣга и были собраны трупы похороненные Бакинцами въ общей могилѣ. Проѣхали мимо лагеря вновь прибывшихъ Кубанскихъ казаковъ; пріятно было смотреть на ихъ воинственные открытыя русскія лица.

Сегодня познакомилась я съ генераломъ Проскуряковымъ, командиромъ 39й артиллерійской бригады, у котораго три сына во все время кампаніи служили въ его же бригадѣ; меня очень тронуло когда онъ разказывалъ какъ онъ послѣ каждаго сраженія съ замираніемъ сердца справлялся всѣ ли сыновья живы.

11го іюня.

Мусульманинъ Али-эфенди сдѣлалъ большой обѣдъ Русскимъ въ томъ самомъ казино гдѣ былъ нашъ танцевальный вечеръ. На площади противъ казино толпились народъ, въ срединѣ котораго стоялъ хоръ музыкантовъ. Длинная, широкая наружная галлерей казино была полна приглашенными; русскіе мундиры и фески перемѣшались; изъ дамъ олять только двѣ, madame Gilbert и я. Все общество разсѣлось за отдѣльные круглые столы, составленные изъ обыкновенныхъ турецкихъ круглыхъ металлическихъ подносовъ, подъ которыми сдѣланы деревянные подставки. Лазареву поставили кресло подъ портретомъ нашего Государя; онъ предложилъ мнѣ сѣсть на него, но конечно я не согласилась. Люди прислуживающіе за столами одѣты были въ одинаковыя сѣрыя блузы. Блюды подавали до двадцати, все турецкія. Присматривалъ за всѣмъ молодой расторопный турецкій офицеръ. Провозглашали много тостовъ; общее выраженіе любезности между Русскими и Турками не умолкало, насколько искренне—знаетъ Богъ.

Послѣ обѣда всѣ вышли на галлерей; народъ внизу кричалъ ура; мальчишкамъ олять бросали сверху деньги. Всѣ были довольны; умный Али-эфенди мастерски угодилъ и представителямъ населенія, и Русскимъ.

Вечеромъ катаясь, заѣхали въ лагерь, дорогой увидѣли казаковъ съ распуценнымъ значкомъ, выѣхавшихъ встрѣтить генерала Шереметева, назначеннаго начальникомъ эрзерумскихъ войскъ вмѣсто князя Чавчавадзе.

11го іюня

Утромъ у Жильберовъ продавались съ аукціона вещи умершаго австрійскаго доктора, находившагося на турецкой службѣ. Старшій крикунъ громко выкрикивалъ цѣны продажныхъ предметовъ; изъ толпы слышались голоса покупателей. Въ Турціи объявленія не вывѣшиваются какъ у насъ, а узнаются посредствомъ публичныхъ крикуновъ, которые ходя по улицамъ кричатъ во все горло объ разныхъ распоряженіяхъ начальства, о предстоящихъ аукціонахъ и другихъ животрепещущихъ мѣстныхъ новостяхъ. Уморительныя сцены происходили при аукціонѣ: продавались салогі; одинъ Армянинъ купилъ ихъ не помѣривъ, въ полной увѣренности что коли залачены за салогі деньги они должны быть ему въ пору.

Предъ вечеромъ прибѣгаетъ вполыхахъ къ Жильберу одинъ изъ его турецкихъ кавасовъ, перебиваетъ серіозный разговоръ его съ нѣсколькими лицами, торолясь сообщить о невиданномъ доселѣ казусѣ въ Эрзерумѣ: проходя мимо казино, видитъ онъ какъ казачій офицеръ верхомъ на своемъ конѣ въѣхалъ по довольно крутой деревянной лѣстницѣ казино въ верхній этажъ, спокойно объѣхалъ всѣ комнаты, закусилъ у буфета, проѣхался по наружной галлерей и выѣзжая обратно слѣзъ съ лошади только при слухѣ; офицеръ былъ совсѣмъ трезвъ, никого не задѣвалъ и чинно расплатился за закуску; эта выходка произвела на зрителей потрясающее впечатлѣніе, разказы о ней быстро разнеслись по городу между жителями; Турки въ ужасѣ говорили: „вотъ на что способенъ русскій офицеръ, навѣрно въ немъ шайтанъ (дьяволъ)“.

Въ одной изъ принесенныхъ мужу для осмотра турецкихъ телеграммъ, Измаиль-паша дѣлаетъ выговоръ Максудъ-эфенди за его не совсѣмъ приличное поведеніе; вѣроятно это за то что послѣ обѣда у Али-эфенди, развеселившійся Максудъ-эфенди подошелъ со стаканомъ вина къ щепетильному персидскому консулу (истому мусульманину, никогда не пьющему вина) говоря: „лей“ и когда тотъ наотрѣзъ отказалъ, съ искаженнымъ лицомъ вынулъ ему стаканъ на голову: „не хочешь добромъ, лей силой“ говорилъ при этомъ расходившійся Максудъ-эфенди; персидскій консулъ сталъ въ ужасѣ отряхиваться, читая мусульманскія молитвы, чтобъ очиститься отъ оскверненія виномъ (онъ даже на большихъ

обѣдахъ, при провозглашеніи тостовъ лить въ вмѣсто вина шер-
беть, сахарную воду.

Бастурмаджи тоже устроилъ для Русскихъ вечеръ съ та-
кою же затѣйливою обстановкой какъ и у Шабаніана; его
кіоскъ даже еще роскошнѣе былъ изукрашенъ цвѣтами.
Кругомъ сада на крышахъ играли нѣсколько зурнъ, послѣ
ужина составились туземные танцы; нѣсколько Русскихъ
становились въ кругъ, стараясь выдѣлывать армянскія ла.
Очень многочисленное семейство Бастурмаджи состоитъ изъ
двадцати двухъ человекъ живущихъ всѣхъ вмѣстѣ. Отецъ моло-
даго Бастурмаджи (теперешняго главы дома) два года на-
задъ убитъ среди бѣла дня какимъ-то фанатикомъ Туркомъ,
причемъ турецкія власти на всѣ жалобы и просьбы семьи
убитаго о разысканіи убійцы остались глухи и нѣмы.

Получено обрадовавшее всѣхъ извѣстіе что между Россіей,
Англіей и Австріей состоялось предварительное соглашеніе.
Теперь дастъ Богъ война не возобновится.

13го іюня.

Четвертый стрѣлковый баталіонъ долго находился еще въ
Дагестанѣ подъ начальствомъ генерала Лазарева, а въ эту
кампанію не разъ дѣйствовалъ въ сраженіяхъ подъ его же
командой. Офицеры баталіона, желая выразить Ивану Давы-
довичу свое почитаніе и признательность, устроили ему вечеръ
въ лагерѣ. Замѣчательно затѣйливо и мастерски обставили
стрѣлки свой праздникъ. Приближаясь къ стрѣлковому лагерю
не вѣришь своимъ глазамъ: поле, которое нѣсколько дней
назадъ было усыпано камнями, волшебствомъ преобразилось
въ садъ; поставлено нѣсколько арокъ и великолѣпно сдѣлан-
ныхъ транспарантовъ съ названіями разныхъ блистатель-
ныхъ для Русскихъ сраженій и взятыхъ крѣпостей; аллеи
покрыты пескомъ, разставлены зеленныя скамейки, вывѣшены
разноцвѣтные флаги, а въ глубинѣ сада цѣлое роскошное
зданіе, устроенное изъ лалатокъ, кубитокъ и деревяннаго
навѣса; тутъ была и большая гостиная, вся обитая коврами,
шалами; въ ней диваны, кресла, столы, зеркала, люстры, тах-
ты, канделябры, потомъ столовая, нѣсколько уютно устроен-
ныхъ комнатъ съ карточными столами, дамская уборная (лишь
для двухъ дамъ, тоже madame Gilbert и я),—все это разукра-
шено гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ зари съ цер-
емоніей зажгли всѣ фонари и свѣчи, обстановка при этомъ
стала еще роскошнѣе. Въ саду стояли два хора музыки и
нѣсколько хоровъ лѣсенниковъ.

Праздникъ вышелъ на славу, настоящій *fête-monstre*; приглашенныхъ были масса. До ужина устроились танцы; многіе офицеры въ томъ числѣ и мужъ танцовали за дамъ; веселье было общее. Офицеры, составивъ хоръ, очень стройно пѣли, особенно понравилась мнѣ задумчивая пѣсня выражающая тоску русскаго сердца по далекой родинѣ, по своей матери благословляющей сына на войну. За ужинъ сѣло приблизительно человѣкъ полтора; тостамъ не было конца; пріятно было видѣть съ какою любовью офицеры пили за здоровье солдатъ; послѣдніе хоромъ пропѣли пѣсню недавно сложенную про подвиги Дазарева. Послѣ ужина снова танцовали; пустили очень удачный фейерверкъ.

Праздникъ кончился въ четыре часа утра. Когда мы вернулись домой уже разсвѣло; хоръ музыки шелъ за нами; многіе офицеры верхомъ провожали насъ; ракеты отдавали намъ салюты. Видно стрѣлки держатся пословицы: коли дѣлать такъ на славу. Офицеры другихъ полковъ кусали себѣ губы говоря: теперь никому нельзя ничего затѣять, все будетъ блѣдно и скучно сравнительно съ блистательнымъ праздникомъ у стрѣлковъ.

15го іюня.

Теперь, когда Русскіе въ Эрзерумѣ немного оправились отъ страшной эпидеміи и какъ могли веселились, стараясь забыть перенесенную тяжелую долю, когда мѣстные жители, особенно христіане, подъ вліяніемъ слуха что Эрзерумъ остается совсѣмъ за Россіей, наперерывъ старались выказать намъ свое дружелюбіе, а истые мусульмане спрятались такъ что ихъ не видать и не слышать,—въ это время въ нѣкоторыхъ газетахъ, особенно въ *Голосъ*, съ удивленіемъ снова читаемъ статьи объ ужасахъ и убійствахъ будто бы совершающихся въ Эрзерумѣ. Мужъ написалъ официальное опроверженіе такихъ ложныхъ корреспонденцій.

Погода наконецъ и у насъ установилась совсѣмъ теплая; лунныя ночи восхитительныя; на горахъ снѣгу почти нѣтъ; но все-таки по временамъ суровая горная природа даетъ себя знать. Вчера ѣздили мы кататься въ сторону Киркъ-Булаха; насъ засталъ дождь, надѣли мы каучуковые пальто съ башлыками и представляли собою точно группу разбойниковъ; возвращаясь домой видимъ всѣ дороги бѣлы, это въ какіе-нибудь полчаса выпалъ такой градъ.

Сегодня утромъ близъ Кереметли повѣшены три разбойника изъ мусульманъ, приговоренные къ смертной казни нашимъ военнымъ судомъ за разбой и убійства, которые они совершили еще 27го апрѣля надъ семью Армянами въ селѣ Чифтликѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ города. При мнѣ мужу доказывалъ чиновникъ о подробностяхъ казни: собралось много народу, преимущественно мусульманъ, которые въ роковую минуту стали говорить вслухъ свои молитвы.

Въ два часа, въ большомъ зданіи армянской митрополіи Армяне-Григоріане съ ихъ архіепископомъ во главѣ давали Лазареву большой обѣдъ; прислуживали за столомъ молодые люди изъ здѣшнихъ почетнѣйшихъ семействъ, имѣвшіе въ петлицахъ фракровъ цвѣтные банты; одинъ изъ тостовъ архіепископа былъ за ихъ здоровье; Армяне выражали свою благодарность Русскимъ за справедливое управленіе краемъ.

Общество Грековъ также выразило желаніе дать Русскимъ обѣдъ.

Опять неожиданно-негаданно попали на пиръ. Поѣхали по обыкновенію кататься; этотъ разъ въ сторонѣ лагеря, проѣзжая мимо орудій одной батареи, видимъ вдали между палатками толпу; спрашиваемъ солдата: что тамъ такое? тотъ важно отвѣтилъ „балъ“; мы попытались поскорѣе удалиться, но не успѣли отъѣхать нѣсколько шаговъ какъ заиграла музыка и генералъ Проскураковъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ съ бокалами вышелъ намъ навстрѣчу. Оказалось, артиллеристы провожаютъ отъѣзжающаго завтра на воды командира ихъ бригады Проскуракова. Какъ отказаться присоединиться къ ихъ компаніи? Сопли съ лошадей. Сейчасъ устроились танцы, хотя мнѣ въ амазонкѣ было очень неудобно танцевать. Гамидъ-бекъ участвовавшій въ нашей кавалькадѣ все удивлялся: что это за обычай у Русскихъ, лишь только соберутся, сейчасъ гуляютъ; „вотъ вамъ и дорога къ водопроводамъ“, повторялъ онъ (предприняли мы сегодняшнюю прогулку чтобъ осмотрѣть начало подземнаго большого городского водопровода). Гамидъ-бекъ долго былъ насупившись, но когда офицеры, взявъ его подъ руки, подвели къ столу на которомъ стояли бутылки шампанскаго, и стали его угощать, онъ просвѣтлѣлъ. Солдаты кругомъ насъ собрались очень много, засіяли ихъ лица, когда произнесенъ былъ тостъ за здоровье ихъ семействъ; мнѣ пріятно было увидѣть дружелюбные взгляды солдатъ, когда Проскураковъ говорилъ

имъ что и я перенесла вмѣстѣ съ ними здѣсь на далекой чужбинѣ самое тяжелое время.

Сегодня съ балкона Жильберовъ смотрѣли мы на вступающихъ въ Эрзерумъ Тверскихъ драгунъ и казачью батарею. Приходъ каждой новой части видимо ободряетъ всѣхъ Русскихъ и сердить Турокъ.

16го іюня.

Генералъ Лазаревъ сегодня уѣхалъ, общается опять къ намъ вернуться; будемъ его ждать.

Ѣздили большою компаніей навѣстить семейство Бастурмаджи; дорогой опять увидѣли на площади взводъ мальчишекъ со значкомъ и бумажными декораціями, выдѣлывающихъ разные русскіе военные приемы; это рѣшительно сдѣлалось любимымъ занятіемъ здѣшняго молодаго поколѣнія христіанъ.

Вечеромъ въ армянскомъ соборѣ была свадьба служащаго въ канцеляріи мужа переводчикомъ астраханскаго Армянина Кузнецова. Женился онъ на четырнадцатилѣтней мѣстной Армяночкѣ, довольно хорошенькой и очень бойкой (что рѣдко случается между Армянками). Кузнецовъ еще въ Гассанъ-Кала заболѣлъ тифомъ, квартировалъ онъ въ домѣ родителей своей теперешней жены, ухаживавшихъ за нимъ во все время его болѣзни; онъ убѣжденъ что только благодаря ихъ уходу выздоровѣлъ и вотъ изъ признательности женится на хозяйской дочери. Мать и отецъ, ея совсѣмъ молодые люди, матери лишь двадцать семь лѣтъ, они сіяли отъ счастья выдавать дочь за русскаго чиновника. Намъ также пригласили на свадьбу; въ девять часовъ вечера отправились мы верхомъ къ собору, перегнали свадебную процессію съ факелами и фонарями медленно потянувшуюся въ церковь: Соборъ былъ великолѣпно освѣщенъ, служилъ архіепископъ съ нѣсколькими священниками. Обрядъ армянскаго вѣнчанія много отличается отъ православнаго: женихъ съ невестой становятся лицомъ къ лицу, бокомъ къ алтарю, наклоняютъ другъ ко другу головы, связываемыя вмѣстѣ шнурочкомъ. Послѣ вѣнца уговорили мы Шереметева войти съ нами къ молодымъ. Предъ домомъ новобрачныхъ вся процессія остановилась у накрытаго стола съ виномъ и печеньемъ; тутъ пили за здоровье молодыхъ, потомъ не понимаю почему намъ, а не молодымъ поднесли подъ ноги барана. Войдя въ квартиру послѣ поздравленій сѣли ужинать; посаженный отецъ Камсараканъ былъ

туземнымъ (распорядителемъ). Послѣ ужина туземныя женщины танцовали свои монотонныя танцы, молодая танцевала соло. Когда мы возвратились домой, олять откуда ни возьмись преслѣдующій насъ баранъ, насилу мы отъ него отдѣлались.

24го іюня.

Перечитывая мой предыдущій дневникъ, вижу что мнѣ приходилось говорить преимущественно о разныхъ праздникахъ и веселіяхъ. Дѣйствительно, въ послѣднее время въ Эрзерумѣ Русскіе старались заглушить въ своей памяти тяжелое прошлое, къ тому же и пріѣздъ генерала Лазарева служилъ поводомъ къ оваціямъ. Но я пишу только то что видѣла и слышала лично, поэтому дневникъ мой не есть конечно полное изображеніе дѣйствительной жизни. Наши офицеры въ лагерѣ, говорятъ, порядочно-таки скучали и томились, да это и понятно въ такой дали отъ своихъ семействъ при неопредѣленности будущаго. Солдаты ежедневно ходили на ученіе и развлекались лишь прогулками по базарамъ; служащіе по управленію краемъ возились съ народомъ; доктора все еще едва успѣвали бѣгать отъ одного больного къ другому; много, много труднаго времени пришлось пережить Русскому человѣку въ Эрзерумѣ.

Мусульманскія семьи давно уже стали выѣзжать отсюда въ разныя стороны, болѣе къ Трапезонду, Эрзинъяну, Діарбекиру; порядочное число домовъ опустѣло. Али-эфенди получилъ официальную телеграмму отъ Измаиль-паши съ вопросомъ о причинахъ такого выселенія; на что Али-эфенди, переговоривъ съ муллами, отвѣтилъ что главныя причины слѣдующія: 1) самъ Измаиль-паша говорилъ предъ отъѣздомъ изъ Эрзерума что пока здѣсь будутъ Русскіе вѣрному мусульманину не приходится оставаться въ городѣ; 2) самъ Измаиль-паша безпрестанными приказаніями о томъ чтобы послѣдніе турецкіе доктора и больные, а также разные склады скорѣе были увезены изъ Эрзерума даетъ поводъ мусульманамъ вѣрить что Турки болѣе не вернуться; 3) и главное, чрезъ запрещеніе Измаиль-пашой подвоза въ Эрзерумъ разныхъ продуктовъ жизнь становится чрезвычайно дорогою для бѣдныхъ жителей.

Давно мнѣ хотѣлось прокатиться въ туземномъ дамскомъ экипажѣ—арбѣ. Добрая и веселая madame Gilbert очень сочувствовала мнѣ въ этомъ и вотъ я отправилась съ нею въ

этомъ шикарномъ экилажѣ къ мусульманскому монастырю Абдурахманъ-Кази, гдѣ сослуживцы мужа устроили пикникъ; быковъ мы украсили цвѣтами, лентами; арбу убрали коврами и подушками; меня очень забавлялъ этотъ первобытный способъ передвиженія. Очень пріятно провели мы день, пикникъ удался вполнѣ.

27го іюня.

На дняхъ артиллерійскіе офицеры обѣдали у своего товарища въ городѣ; послѣ обѣда одинъ изъ нихъ, хорошо намъ знакомый, гуляя по крышѣ упалъ на землю, ударился головой о камень и сильно расшибъ себѣ голову. Мужъ заходилъ къ больному и нашелъ его въ очень оласномъ положеніи, доктора даютъ бѣдному молодому офицеру лишь три дня жизни. Замѣчательно что туземныя дѣти цѣлые дни проводятъ на крышахъ и никогда не падаютъ.

Бакинскій полковой командиръ Ивановъ произведенъ въ генералы и получилъ другое назначеніе; его очень любили и уважали въ полку; офицеры устроили ему прощальный обѣдъ, на который и я была приглашена, но не могла быть.

Мужъ съ военными начальниками, докторами и многими Турками ѣздитъ осматривать оконченныя работы по ассенизаціи турецкихъ военныхъ кладбищъ. Онѣ, говорятъ, стоили до двадцати пяти тысячъ рублей и отлично исполнены; громадную пользу должны онѣ принести когда наступать жары, такъ какъ отъ дурно зарытыхъ тѣлъ (какъ бывало послѣ прежнихъ войнъ) могла опять развиться тифозная эпидемія. Когда Русскіе уйдутъ отсюда, эти работы конечно придется подарить Туркамъ.

Ѣздили мы осматривать минеральный холодный источникъ находящійся въ селѣ Саукъ-Чармукъ (вблизи отъ Эрзерума). Въ этомъ селеніи живутъ и Армяне и Турки; когда мужъ спросилъ собравшихся жителей, дружно ли живутъ мусульмане съ христіанами, свѣдой имамъ въ доказательство дружбы крѣпко обнялъ армянскаго священника; я невольно подумала: врядъ ли они будутъ такъ обниматься и послѣ возвращенія сюда Турокъ.

Пріѣхала въ Эрзерумъ жена нашего чиновника Ерицева; впрочемъ она по-русски не говоритъ и родомъ изъ константинопольскихъ Армянокъ. Вчера ѣздили мы съ ней въ Кявъ, куда давно уже обѣщали пріѣхать погулять; многіе жители вышли навстрѣчу нашей большой кавалькадѣ, а зурна съ барабаномъ и безчисленное множество дѣтей встрѣтили насъ

еще за три версты; заблаговременно послали мы въ Кянъ арбы съ коврами и закуской; расположились на лужайкѣ около ручейка; радушные жители (Армяне) съ веселыми лицами окружали насъ. Мусульманскій бекъ, живущій здѣсь между Армянами, тоже вышелъ къ намъ, принесъ азіатское угощеніе, просилъ зайти въ его домъ. Сотни крестьянскихъ дѣвушекъ, подъ пискъ зурны и громъ барабановъ, взявшись за руки стали медленно кружиться. Предъ отъѣздомъ зашли мы къ беку, чѣмъ доставили ему видимо громадное удовольствіе и успокоили его мусульманское самолюбіе. Домой ѣхали пологою рысью; луна прекрасно освѣщала дорогу, городъ и окрестныя горы.

29го іюня.

Рано утромъ пришелъ къ намъ князь Тумановъ чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ Илджу, гдѣ сегодня у Тверскихъ драгунъ полковой праздникъ. Дни стали жаркіе и до Илджы было 18 верстъ; тѣмъ не менѣе туда и назадъ сѣздили верхомъ; Жильберы обогнали насъ въ очень плохомъ фэтонѣ взятомъ у Рессуль-паши, единственнаго Турка имѣющаго экипажъ. При проѣздѣ нашемъ черезъ селеніе Гѣзъ и въ Илджѣ населеніе вышло навстрѣчу мужу, священникъ во главѣ его въ ризахъ, со крестомъ. Илджа славится своими горячими свѣрыми водами; здѣсь устроено двѣ довольно хорошія и большія купальни; зимою въ этомъ селеніи было одно изъ гнѣздъ самаго ужаснѣйшаго тифа; на здѣшнемъ кладбищѣ похоронено 12 офицеровъ и до 900 солдатъ квартировавшаго здѣсь Дербентскаго полка. Драгунскій лагерь въ двухъ верстахъ отъ Илджы, на берегу Евфрата. Послѣ молебна сѣли за общий обѣдъ; потомъ Шереметевъ велѣлъ протрубить тревогу и не болѣе чѣмъ черезъ три минуты драгуны и казачья батарея совсѣмъ готовые уже шли церемоніальнымъ маршемъ; дѣлали атаки, батарея дала нѣсколько лучечныхъ выстрѣловъ. Устроили и скачку казаковъ; страшно было видѣть что выдѣлывали казаки при джигитовкѣ, казалось вотъ-вотъ совсѣмъ расшибутся. Приглашенные къ драгунскому празднику Турки дивились лихости нашихъ войскъ. Мужъ очень обрадовался увидавъ въ числѣ драгунскихъ офицеровъ своего стараго знакомаго по Кавказской войнѣ Гріельскаго, служившаго въ этомъ же самомъ полку въ 1864 году во время Кавказской войны съ горцами, когда мужъ только-что пріѣхавъ изъ Военной Академіи поступилъ на службу на Кавказъ.

Что значить любящій отца сынъ: къ Сѣменникову, правителю канцеляріи мужа, пріѣхалъ изъ Тифлиса сынъ, гимназистъ лѣтъ 16—17, воспользовавшись своими каникулами чтобы навѣстить отца (ближнее мѣсто).

Сегодня мужъ со многими другими верхомъ, а я съ Мме Gilbert на арбѣ отправились на престоольный праздникъ въ Лусаворичъ-Банкъ; уже подъѣзжая къ монастырю встрѣтили возвращающагося оттуда армянскаго архіепископа, подъ большимъ зонтикомъ верхомъ на катерѣ, онъ извинялся что не зная заранее о пріѣздѣ мужа въ монастырь, не встрѣчаетъ его тамъ, что теперь слѣдуетъ въ городъ, съ гордостью сообщилъ что на праздникъ собралось съ ранняго утра много русскихъ офицеровъ и что играетъ военная музыка. Мы пріятно провели время, расположившись пить чай подъ стѣнами монастыря, окруженные многочисленною толпою; монахи подчивали насъ пловью и бараномъ; многіе офицеры остались ночевать въ Лусаворичъ-Банкѣ.

На дняхъ милиціонерская сотня состоящая въ распоряженіи мужа (все болѣе головорѣзы, нѣкоторые изъ извѣстной шайки турецкаго разбойника Мехрали) со своимъ начальникомъ турецкимъ офицеромъ Темиръ-агой собралась около нашего дома; мужъ требовалъ ихъ для ловѣрки, исправно ли они получаютъ жалованье. Во время войны эти люди были намъ необходимы, а теперь приходится зорко смотрѣть чтобы они не обижали мирныхъ жителей; ихъ начальникъ Темиръ-ага преоригинальная личность; ему болѣе 80 лѣтъ, но онъ бодръ и быстръ какъ молодой человѣкъ, огромнаго роста, съ громкимъ басомъ и страшною наружностью, лѣтъ 40 тому назадъ онъ былъ атаманомъ разбойничьей шайки наводившей ужасъ въ окрестностяхъ Тортума, Ислира и Байбурта. Потомъ Турецкое правительство, не найдя другаго способа укротить его, назначило каймакомъ, уѣзднымъ начальникомъ, въ томъ же Байбуртѣ: тутъ онъ заставилъ трепетать предъ собою весь уѣздъ, уже какъ officialная власть. Теперь онъ при малѣйшей возможности увѣряетъ мужа въ своей привязанности, говоря что готовъ положить за него свою голову, и правда, онъ служитъ вполнѣ добросовѣстно; пренебрегая упреками Турокъ за усердную службу Рубскимъ, Темиръ-ага старался увѣрить насъ что это именно онъ со своими милиціонерами водворялъ порядокъ на празднествѣ въ Лусаворичъ-Банкѣ.

3го іюля.

"Берлинскій трактатъ заключенъ окончательно; миръ навѣрно. Слава Богу! Не чувствую себя отъ радости!

4го іюля.

Кромѣ посѣщенныхъ нами прежде греческой и двухъ армяно-католическихъ школъ, въ Эрзерумѣ есть еще нѣсколько другихъ. Лазаревъ посѣтивъ всѣ школы кромѣ протестантской, которая закрыта на все лѣто, пожертвовалъ для нихъ значительныя суммы денегъ. Посѣтили мы на дняхъ армяно-григоріанскую женскую и мужскую школу; помѣщены онѣ возлѣ собора, очень просторно, но все-таки для расширения ихъ строится новое большое зданіе, для окончанія котораго армянскому архіеписколу разрѣшено вырубить безплатно въ нашихъ Саганлугскихъ лѣсахъ большое количество лѣса. Въ мужской школѣ мы застали 350 мальчиковъ, а въ женской 250 ученицъ. Архіепископъ самъ сопровождалъ насъ по всѣмъ комнатамъ. Вообще я никакъ не воображала чтобы въ Эрзерумѣ народное образованіе было такъ развито; часто мнѣ приходится видѣть оборванныхъ мальчишекъ сидящихъ у порога бѣдной сакли съ книгой въ рукахъ. У мусульманъ тоже при каждой мечети школа, но въ нихъ учатъ только Коранъ. Въ частной армянской школѣ, директоръ только что пріѣхавшій изъ Константинополя экзаменовалъ при насъ мальчиковъ, его метода и обхожденіе съ дѣтьми заслуживаютъ всякой похвалы. Въ церковныхъ школахъ попечители показывали намъ рисунки учениковъ, а попечительницы — разныя рукодѣльныя работы ученицъ; старшіе ученики и ученицы говорили и читали привѣтственные рѣчи на армянскомъ и французскомъ языкахъ.

8го іюля.

За Палантекенскими горами живутъ Кюрды, мѣста тамъ очень гористыя и снѣга поздно сходятъ; турецкія власти не имѣя никакого понятія о географическихъ картахъ претендовали что кюрдинскія селенія должны находиться въ ихъ управленіи, и подбивали Кюрдовъ не слушаться Русскихъ. Изъ-за этого между Кюрдами и посланными къ нимъ мужемъ милиціонерами вышло столкновеніе, при которомъ трое милиціонеровъ ранены, а нѣсколько захвачено въ плѣнъ. Бѣдовый Темиръ-ага доставилъ оттуда заарестованныхъ Кюрдовъ. Воображаю какъ пріятно возиться съ этимъ

дикимъ народомъ. Вчера Темиръ-ага привезъ ихъ старшину, завѣшеннаго оружіемъ, въ богатомъ шитомъ золотомъ костюмъ. Этотъ Садулла-ага казался овечкой, но я думаю что онъ быстро измѣняется когда находится среди своихъ, на свободѣ.

Я достала себѣ катера подъ верхъ; великолѣпно ходить! Въ Азіи мода ѣздить на катерахъ, самые богатые жители преимущественно ѣздятъ на нихъ; съ непривычки странно смотрѣть на это маленькое замундштученное животное подъ рослымъ сѣдокомъ.

9го іюля.

Въ 7½ часовъ вечера пошли мы съ Жильберами и Шереметевымъ на вѣнчаніе Егешу Азарлетова. Эта свадьба была гораздо пышнѣ свадьбы Кузнецова. Азарлетовъ, будучи восемь лѣтъ при Русскомъ консульствѣ, знаетъ весь городъ и семья его невѣсты одна изъ почетнѣйшихъ въ Эрзерумѣ. Мужъ былъ посаженнымъ отцомъ; во время произношенія архіепископомъ длинной рѣчи, среди служенія, мужъ и по его сторонамъ женихъ и невѣста, сѣли на трое кресель поставленныхъ какъ разъ возлѣ алтаря. Посаженыи отецъ у Армянъ принимаетъ такое дѣятельное участіе въ обрядѣ вѣнчанія что мнѣ смѣясь говорили не беспокоиться что это не мужа вѣнчаютъ. Послѣ вѣнца родители молодой устроили лиръ въ квартирѣ Геймана. Со времени пребыванія здѣсь Русскихъ, это второй случай женитьбы русскаго служащаго на мѣстной Армянкѣ. Они были впрочемъ женихомъ и невѣстой еще до начала войны.

11го іюля.

Вчера, несмотря на мирный исходъ Берлинскаго трактата, въ Эрзерумѣ произошло ожесточенное сраженіе: мусульманскіе мальчишки давно уже караулили армянскіе взводы маршировавшіе à la русскіе солдаты и собравшись большою гурьбой атаковали ихъ. Тѣ дали сильный отпоръ, храбро защищались, а по прибытіи подкрѣпленій атаковали въ свою очередь непріятелей и побили ихъ поголовно; собралось нѣсколько сотъ мальчиковъ; свалка, визгъ были неописанные. Армяне во время битвы кричали „ура Императоръ Александръ“. Полиція насилу разогнала безстрашныхъ бойцовъ.

Сегодня, день тезоименитства Великой Княгини Ольги Θεодоровны отпраздновали сначала молебномъ въ лагерьъ съ пушечною пальбой съ цитадели, потомъ официальнымъ обѣдомъ

у насъ. За обѣдомъ епископы и представители населенія съ благоговѣніемъ говорили о хорошо извѣстныхъ имъ участіи и помощи оказанныхъ Великою Княгиней раненымъ; просили присоединить ихъ имена въ поздравительной телеграммѣ посланной Ея Высочеству. Изъ многого слышаннаго мною за обѣдомъ у меня осталась въ памяти умная фраза сказанная католическимъ архіепископомъ про Турцію: „Посмотрите, сказалъ онъ, на эмблему Турціи, на ней звѣзда начала было восходить, но луна упорно установившаяся на первой четверти задержала ее; чтобы звѣзда тронулась дальше, Турція должна переменить свою эмблему, иначе вѣчный застой.“

23го іюля.

День идетъ за днемъ, а столь ожидаемое нѣмѣи нами извѣстіе объ оставленіи Эрзерума не приходитъ. Увѣренность что война не возобновится успокоила всѣхъ, но неопредѣленность когда уйдемъ просто томительна; къ тому же настали жары; къ счастью ночи прохладныя; болѣзненность слава Богу прекратилась. Турки, на видъ смиренные, стали изподтишка угрожать Армянамъ разными ужасами послѣ ухода Русскихъ; Армяне распускаютъ слухъ что мы не покинемъ Эрзерума пока Турція не заплатитъ всей контрибуціи, то-есть никогда; Греки по обыкновенію прислуживаютъ и нашимъ и вашимъ. Изъ Лондона стали получаться письма о назначеніи во всѣ города Анатоліи какихъ-то всемогущихъ англійскихъ чиновниковъ; въ сущности во всемъ краѣ тихо. Удивительно какъ въ такомъ большомъ городѣ, населенномъ преимущественно мусульманами, все покойно, тогда какъ сейчасъ же по сосѣдству, гдѣ начинаются турецкія владѣнія, безпрестанные разбои. Часто приходили въ Эрзерумъ депутаціи отъ селеній управляемыхъ Турками, съ наивною просьбой приказать ихъ мутесарифамъ и каймакамъ строже смотрѣть за порядкомъ, думая что если Русскіе распоряжаются въ Эрзерумѣ, то могутъ приказывать и во всей Анатоліи.

На дняхъ былъ ликникъ, данный, кто бы могъ подумать, докторамъ, изъ которыхъ кажется три четверти пали жертвой своей профессіи. Артиллеристы пригласили многочисленную компанію къ Киркъ-Булаху, на цѣлый день, фейерверщикомъ у нихъ былъ Персіанинъ, мѣстный артистъ, пускающій ракеты изъ рукъ безо всякихъ станковъ. Теперь

наше дамское общество прибавилось: кромѣ Mme Gilbert и меня здѣсь теперь Mme Ерицева, недавно пріѣхавшая Mme Камсараканъ, Кузнецова и Азарлетова.

До мужа дошло свѣдѣніе что Турецкое правительство заявило нашему послу въ Константинополѣ о какихъ-то будто бы русскихъ притѣсненіяхъ въ Эрзерумѣ. Здѣшніе мусульмане, узнавъ объ этомъ, показали обиженный видъ и представили письменный протестъ на такую клевету, болѣе чѣмъ съ полусотнею печатей, въ которомъ они, напротивъ, благодарили за вниманіе оказываемое безразлично всему здѣшнему населенію. Мусульмане привыкли при Турецкомъ правительствѣ подавать бумаги испещренные печатями; подписямъ же не придаютъ никакого значенія; каждый мало-мальски занимавшійся дѣлами мусульманинъ, а по примѣру ихъ и здѣшніе христіане имѣютъ всегда при себѣ печать чтобы во всякую минуту если нужно воспользоваться ею.

Въ Ильинъ день былъ полковой праздникъ у Бакинцевъ (этотъ полкъ все время стоялъ въ самомъ городѣ). Подъ вечеръ, катаясь, заѣхали мы въ цитадель, поздравить полкового командира Казбека съ полковымъ праздникомъ; весело провели время у нихъ до поздняго вечера.

Въ день тезоименитства Императрицы въ лагерьъ былъ молебенъ и завтракъ; вечеромъ нѣкоторые знакомые съ хоромъ музыки пришли къ намъ, танцовали.

Monseigneur пригласилъ насъ и нѣкоторыхъ другихъ Русскихъ на публичный актъ въ армяно-католической школѣ; Жильберы также были приглашены, но не пошли, говоря, почему же Monseigneur въ теченіе восьми лѣтъ ни разу не приглашалъ ихъ, несмотря на щедро дѣлаемые ими пожертвованія этой школѣ, а теперь, когда пришли Русскіе, онъ въ числѣ другихъ и ихъ приглашаетъ. Зайдя сначала въ большую квартиру архіепископа осматривали его домашнюю очень мило устроенную молельню, бібліотеку съ разными рѣдкостями, между прочимъ съ рукописью молитвы „Отче нашъ“ на сто сорока языкахъ. Когда все было готово, пошли въ школу, сѣли на большую эстраду, и актъ начался; сестры милосердія стали подводить дѣвочекъ заслуживающихъ наградъ, мы надѣвали имъ вѣнки на головы (тотъ же самый вѣнокъ надѣвался на ученицъ поочередно) и раздавали подарки. Ученицы говорили стихи, отвѣчали на разные вопросы учителей по-армянски и по-французски, играли на фортепіано, пѣли, деклами-

ровали, разыгрывали разны сценны, болѣе оригинальная была слѣдующая: выходитъ дѣвочка и жалуется на судьбу, что ее отдали въ школу, говоритъ что ея мать никогда не училась, и несмотря на это все необходимое умѣетъ дѣлать по хозяйству, и предки вѣдь тоже были неученые, но умѣли доить коровъ, гонять быковъ, и такъ далѣе, и были совершенно счастливы, также хорошо работали какъ и самыя лучшія ученицы въ школѣ (показывая при этомъ и надѣвая на голову старинную кюрдинскую шапочку сдѣланную изъ веревокъ). Выходитъ другая дѣвочка, опровергаетъ первую, объясняетъ ей для чего именно нужно ученіе въ жизни; является третья дѣвушка, вполнѣ соглашается съ доводами второй, и общими силами обращаютъ на путь истины заблудшую овцу; тогда всѣ вѣстѣ обращаются къ своимъ учителямъ и учительницамъ съ благодарностью за ихъ труды, къ архіепископу за его покровительство школѣ, и къ гостямъ за сочувствіе. Вся сцена была на армянскомъ языкѣ, и вполнѣ достигла цѣли задуманной умными руководителями школы, то-есть произвела должное впечатлѣніе на родныхъ и знакомыхъ ученицъ. Всѣхъ очень занимала прехорошенькая дѣвочка четырехъ лѣтъ, самая младшая изъ ученицъ, и ее также экзаменовали изъ азбуки. Всѣ работы ученицъ были скоро раскулены.

30го іюля.

Жильберъ получилъ отпускъ въ Европу, онъ и жена счастливы безконечно. И мы получили радостное извѣстіе что Батумъ будетъ скоро сдавъ Русскимъ, а вслѣдствіе этого намъ открывается перспектива покинуть сіи прекрасные края. Но когда?

На русскомъ каадибицѣ окончень памятникъ съ надписью: „русскимъ воинамъ павшимъ въ 1878 году“. Это каадибище находится за городомъ, подъ выстрѣлами съ крѣпости, поэтому памятникъ нужно было сдѣлать низкимъ и безъ стѣны вокругъ, иначе турецкіе инженеры могли бы потребовать чтобъ его сломали.

Для освященія памятника назначенъ былъ парадъ, на который и я поѣхала, смотрѣла издали. Грустная картина; здѣсь похоронено до двухъ тысячъ лятисотъ человекъ нашихъ солдатъ; во время парада казаки на носилкахъ принесли своего умершаго товарища и пока шла общая лавка хорошии его; невыразимо тяжело было смотрѣть. Надъ памят-

никомъ не поставили креста чтобы въ послѣдствіи Турки не разрушили его; небольшой крестъ выточенъ только на мраморной доскѣ подъ надписью. На время освященія памятникъ былъ украшенъ большимъ крестомъ изъ свѣжей зелени.

Вліяніе Русскихъ на жизнь здѣшнихъ Армянъ дошло до того что они вздумали устроить театръ (роскошь неслыханная при Туркахъ). Въ просторномъ сараѣ на одной изъ лучшихъ улицъ сдѣлали сцену, болѣе двадцати ложъ, партеръ съ креслами и стульями. Между армянскою молодежью составилось общество театраловъ, принявшихъ на себя расходы по устройству театра, приготовленіе декорацій и исполненіе ролей. На занавѣси искусно изобразили аллегорическую фигуру Арменіи на своихъ развалинахъ. Мужъ на устройство театра далъ антрепренерамъ довольно большую сумму, за что они написали благодарственный адресъ по-французски. Представленія въ театрѣ открылись пятиактною драмою *Нашествіе Тамерлана на Арменію*. Оказалось что эта драма весьма тенденціозная, въ ней Армяне-патріоты упрекаютъ свой народъ въ паденіи Арменіи, вслѣдствіе разныхъ внутреннихъ раздоровъ; въ послѣднемъ актѣ является Надежда въ ярко-зеленомъ платьѣ (всѣ женскія роли исполнялись мужчинами) и торжественно предсказываетъ Армянамъ лучшую будущность, если только они соединятся всѣ воедино. Въ заключеніе читались армянскіе стихи, приведшіе въ восторгъ всю армянскую публику; оваціямъ не было конца когда поэтъ громко произнесъ слова: „Арменія не умретъ, она добьется свободы“. Давали также въ переводѣ: *Лыкаря по неволѣ* Мольера. Игра актеровъ никогда не выдавшихъ настоящаго театра напоминала отвѣты учениками уроковъ. Весь театръ былъ полонъ.

1го августа.

У здѣшнихъ жителей повѣріе что затмѣніе луны это драконъ желающій проглотить луну; во избѣжаніи этого мусульманки при появленіи затмѣнія выбѣгаютъ на крыши, неистово стучать въ мѣдную посуду, въ надеждѣ услугать дракона, а мусульмане открываютъ въ него общую пальбу. Вчера было затмѣніе, но жителямъ строго запрещено стрѣлять. Сегодня у Турокъ *fête des morts*, они проводятъ всю ночь на кладбищахъ, въ увѣренности что души умершихъ имѣютъ въ эту ночь сообщеніе съ ними. Видѣли мы армянскихъ гадаль-

щицъ, пользующихся здѣсь громадною славой, много смѣялись при предсказаніи ими нашей будущности. Появился въ Эрзерумѣ шарманщикъ (небывалое прежде явленіе), онъ только что пріѣхалъ изъ Санъ-Стефано, гдѣ надобно было русскимъ солдатамъ и теперь выбралъ Эрзерумъ лишь потому что здѣсь Русскіе: весь вечеръ игралъ онъ предъ нашимъ домомъ: толпа окружала его, съ любопытствомъ осматривая его инструментъ.

5го августа.

Кто бы могъ думать что Русскіе такъ долго здѣсь останутся! Сегодня ровно подгода какъ мужъ вступилъ въ Эрзерумъ! По этому случаю у насъ обѣдали всѣ служащіе по управленію областью, въ томъ числѣ полковникъ Пржецлавскій, назначенный недавно на должность помощника мужа; прежній помощникъ полковникъ Петавдаръ до сихъ поръ не можетъ поправиться отъ сильнѣйшаго тифа перенесеннаго имъ еще въ январѣ; онъ уѣхалъ въ Тифлисъ такъ и не видавъ Эрзерума.

Вечеромъ прибѣжалъ, весь въ слезахъ, Гуссейнъ-чаушъ съ жалобой что армянскій залтіе (полицейскій) сорвалъ съ его лѣвой руки унтеръ-офицерскую нашивку; плача навзрыдъ онъ все повторялъ: „Падшахъ мнѣ пожаловалъ нашивку, а залтіе снялъ“. Видно было что ему такъ и хотѣлось сказать: „армянскій залтіе“, но онъ не посмѣлъ, боясь выказать предъ русскимъ начальникомъ пренебреженіе къ христіанамъ. Вообще Армяне въ теченіе своего кратковременнаго торжества часто заносились предъ Турками и раздражали ихъ. Совершенно иначе держали себя хитрые Греки.

10го августа.

Затѣяли мы большую поѣздку за Евфратъ; жара еще не настала, когда въ сопровожденіи Ерицева и обычнаго конвоя мы переехали на правый берегъ Евфрата, гдѣ я еще ни разу не бывала; долго ѣхали роскошною долиною, сплошь заросшею хлѣбами; отдохнули въ старинныхъ пещерахъ прорытыхъ въ дикихъ скалахъ. Мѣстность кругомъ ихъ прекрасная; много деревьевъ, быстрая рѣчка съ холодною, чистою водою; тутъ же недалеко большой бассейнъ минеральной воды и лучшія въ краѣ каменные ломки, изъ разноцвѣтныхъ камней которыхъ выстроена большая часть домовъ въ Эрзерумѣ. Эти пещеры имѣютъ видъ комнатъ, ахо въ нихъ замѣчательно звонкое. Въ прежнія времена

служили онѣ, какъ говорятъ, убѣжищемъ отшельникамъ, а теперь отдыхаютъ въ нихъ богомольцы по пути въ монастырь Хачка - Ванкъ. Отдохнувъ немного тронулись мы дальше, несмотря на томительную жару. Въ Хачка-Ванкѣ всего три семьи Армянь и нѣсколько десятковъ мусульманскихъ домовъ; монастырь очень бѣдный, въ немъ лишь одинъ монахъ, встрѣтившій насъ съ лукающимъ видомъ. Церковь внутри довольно хорошо убрана; приложившись къ Евангелію, обошли весь церковный дворъ и отправились на лужайку, за селеніемъ; подъ тѣнью деревьевъ разсѣлись на коврахъ возлѣ большой, шумящей водопроводной канавы. Жители принесли намъ отличнаго молока, каймаку, масла и пойманныхъ тутъ же вблизи форелей; сварили ихъ сами, на походной *cuisine à la minute*, и легли отдохнуть. Для нашего конвоя добыли барановъ; всѣ были въ отличномъ расположеніи духа. Монахъ занималъ насъ интересно бесѣдой про бытъ христіанъ въ Турціи и про себя лично (во время войны Турки подозревали его въ шпіонствѣ и онъ едва - едва спастся отъ смерти).

Часа въ три отправились дальше, проѣхали чрезъ село Омудумъ въ Арзыты. Дѣлали здѣсь привалъ, возлѣ дома Котанъ-бека, сосланнаго недавно въ Карсъ за какія-то проказы. Старшая жена его со слезами приходила просить о помилованіи ея мужа. У нихъ высокій двухъэтажный домъ, съ мощенымъ большимъ дворомъ, густой гаремный садъ, обнесенный высокою каменною стѣной. У нѣсколькихъ другихъ здѣшнихъ бековъ имѣнье въ такомъ же родѣ, много рогатого скота, лошадей, проласть постоянныхъ рабочихъ, большею частью изъ христіанъ. Вообще только въ городахъ нѣкоторые Армяне и Греки, благодаря успѣшной торговлѣ, имѣютъ значеніе въ населеніи, но въ селахъ большая часть земли въ рукахъ мусульманъ, нанимающихъ работниками незажиточныхъ христіанъ.

Поздно вечеромъ вернулись въ Эрзерумъ, сдѣлавъ болѣе сорока верстъ.

15го августа.

Утромъ, на городскомъ христіанскомъ кладбищѣ, возлѣ Армяно-Григоріанскаго собора, была закладка большого памятника надъ похороненными здѣсь до 400 человекъ русскими офицерами, докторами и солдатами. На этомъ мѣстѣ оставались русскія могилы еще съ войны 1829 года. (9го

іюня минуло 49 лѣтъ со дня вступленія Паскевича въ Эрзерумъ; въ память его въ этотъ день нашими военными чинами была отслужена лавнихида въ Греческой церкви.) Возлѣ памятника будетъ построена часовня, съ надписью снаружѣ на четырехъ сторонахъ: „Улокой Господи души усопшихъ рабъ Твоихъ, за вѣру царя и отечество животь свой положившихъ“. По срединѣ лицевой стѣны на мраморной доскѣ надписи: „Русскимъ воинамъ лавшимъ въ 1878 году“; внутри часовни названія полковъ участвовавшихъ въ расходахъ на постройку памятника и имена лавшихъ генераловъ и полковниковъ. Рисунокъ памятника составилъ саперный офицеръ Янушъ, взявшій на себя и постройку памятника. Хотѣли написать имена всѣхъ умершихъ офицеровъ, но оказалось невозможно составить вѣрный списокъ именъ. Хотятъ наверху часовни поставить крестъ, въ надеждѣ что здѣсь, на городскомъ кладбищѣ, онъ будетъ обезпеченъ отъ Турокъ. Послѣ молебна, въ фундаментъ закладывали свинцовую доску съ надписью дня закладки и именами присутствовавшихъ при этомъ генераловъ: Шереметева, мужа, Цитовича и коменданта полковника Казбека. Послѣ закладки многіе въ томъ числѣ Шереметевъ и мужъ въ полной формѣ зашли къ армянскому архіепископу, прося его принять будущій памятникъ подъ свое покровеніе. Онъ конечно это обѣщалъ. Часовня, судя по рисунку очень красивая, должна быть окончена къ 1му октября. Послѣ ухода Русскихъ изъ Эрзерума она останется памятью и о лавшихъ офицерахъ и солдатахъ и о всѣхъ трудахъ перенесенныхъ Русскими въ бытность здѣсь.

Вотъ до чего мы дожили: въ Эрзерумѣ былъ любительскій русскій спектакль. Давали піесы: *Нервная женщина* и *Осенній вечеръ*. Изъ дамъ играли Мте Камсараканъ и Валянская, бывшая сестра милосердія. Не выходя никогда въ жизни на сцену, я не рѣшалась играть. Въ день спектакля вышло недоразумѣніе: генералъ Ц — чъ не разрѣшалъ нанять въ театръ пѣхотную музыку, за то что распорядители не оставили ему заранѣе ложу. Между тѣмъ ложи никому не рассылались, а желающіе покупали за нѣсколько дней билеты. Отправились мы въ театръ, входимъ—всѣ ложи полны, также и партеръ, а музыки дѣйствительно нѣтъ, хотя она была на всѣхъ репетиціяхъ; четыре офицера со скрилками и кларнетомъ замѣняли оркестръ. Вдругъ въ концѣ перваго антракта,

неожиданно у входа театра грянулъ хоръ музыки, оказалось это драгунскіе музыканты выписанные за 18 верстъ и пріѣхавшіе на рысяхъ. И актерамъ и публикѣ этотъ сюрпризъ былъ очень по душѣ. Спектакль прошелъ весьма хорошо. Съ нами въ ложѣ былъ адъютантъ Великаго Князя Гельмерсенъ, присланный собственно для присутствованія при сдачѣ Туркамъ Эрзерума.

Вернувшись домой, застали официальную телеграмму, извѣщающую что сейчасъ же послѣ сдачи Батума Русскіе уйдутъ изъ Эрзерума и чтобы теперь же войти въ переговоры объ этомъ съ турецкими властями.

16го августа.

Послѣ долгихъ стараній въ Эрзерумѣ добыли хорошаго фотографа. Здѣсь есть одинъ мѣстный фотографъ-Армянинъ протестантъ; американскій миссіонеръ выучилъ его снимать портреты, но приборы его ужасно плохи, и онъ не имѣетъ никакого понятія о ретушевкѣ. Говорятъ, сюда пріѣзжалъ до войны отлучный русскій фотографъ Ермаковъ, много путешествовавшій вообще по Малой Азіи, и снялъ нѣкоторыя достопримѣчательности, но видовъ снимать не могъ, такъ какъ Турки это запрещали, боясь нарушенія тайнъ своихъ укрѣпленій. Мужъ поручилъ вновь прибывшему фотографу Куркчянцу снять видъ города съ русскимъ лагерьемъ. У Куркчянца весь день толются посѣтителы, часто приходятъ и солдаты; снимаетъ онъ подъ открытымъ небомъ, въ садикѣ старика Хаджи-Окоба, который тридцать семь лѣтъ служилъ драгоманомъ при Русскомъ консульствѣ; помнитъ приходъ въ Эрзерумъ Паскевича и съ гордостью показываетъ хранящійся у него портретъ этого знаменитаго генерала.

17го августа.

Думали съѣздить въ Ольту, но не имѣя достаточно времени на эту длинную поѣздку рѣшились поѣхать лишь въ Гассанъ-Када, мужу по службѣ нужно было быть тамъ. Въ Ольтѣ должно начаться обезоруженіе жителей селеній входящихъ по Берлинскому трактату въ предѣлы Россіи... Отправились мы верхомъ, на перевалѣ чрезъ Деве-Бойну, дождь все время мочилъ насъ; разразилась гроза съ градомъ, вѣтеръ чуть не сбивалъ съ лошади. Въ Чифтликѣ отдохнули немного въ саклѣ, и оттуда по ровной дорогѣ очень быстро доѣхали до Гассанъ-Кали. Остановились

у Кондратьева, оказавшаго мнѣ гостепріимство еще зимою. Ночевать перешли къ окружному начальнику Перумову. Видѣла я у него Турка Баба-эфенди, все время служившаго помощникомъ окружнаго начальника, съ замѣчательно умнымъ лицомъ, въ зеленой чалмѣ и подбитомъ мѣхомъ халатѣ. Къ вечеру пріѣхалъ Зарса Тиграновъ, хоросанскій окружный начальникъ, съ конвоемъ многихъ Кюрдовъ въ живописныхъ костюмахъ, съ ликами въ рукахъ. На другой день вернулись мы въ Эрзерумъ; погода была отличная, безъ малѣйшаго вѣтра. Кондратьевъ лѣхалъ насъ провожать на своей любимой лошади, пріобрѣтенной при штурмѣ Карса; онъ увѣряетъ что это чистокровный *Арабъ*, хотя смотря на эту лошадь и подозревать нельзя въ ней такого благороднаго происхожденія. Вѣроятно для того чтобы поддержать свою репутацію этотъ *Арабъ* понесъ своего сѣдока. Кондратьевъ упалъ и сильно расшибся. Я порядочно перелугалась. Мы долго сидѣли и ждали около рѣчки пока Кондратьеву мочили голову водой. Подъѣзжая къ Чифтликъ, видимъ расположенный бивуакомъ Оренбургскій казачій полкъ, а на буркахъ нѣсколько офицеровъ и дама кончаютъ свой походный завтракъ; это оказалась Мме Валянская ѣдущая съ полкомъ до самаго Оренбурга. Казаки имѣютъ очень бодрый и веселый видъ,—еще бы, идутъ домой! Какъ пріятно видѣть войско покидающее Эрзерумъ, а то все не вѣрится, уйдемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ на родину. Сдѣлали привалъ у родника, предъ подъемомъ на Деве-Бойну. Вернувшись домой, сейчасъ же легла, чувствуя сильную усталость.

24го августа.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ у мусульманъ начался Рамазанъ; весь день они не пьютъ, не ѣдятъ и не курятъ; за то вечеромъ, послѣ выстрѣла изъ пушки, наѣдаются и наливаются до невозможности; немногіе изъ самыхъ передовыхъ и образованныхъ Турокъ не отказываются отъ чашки кофе или отъ папироски предложенной имъ днемъ. Туркамъ разрѣшено по обычаю дѣлать выстрѣлы съ цитадели: два при закатѣ солнца, два въ половинѣ втораго ночи, когда саятся за утренній завтракъ, и въ три часа утра одинъ выстрѣлъ, послѣ котораго начинается постъ до выстрѣла послѣ заката солнца. Эти выстрѣлы очень безпокойны и постоянно будятъ меня. Вѣчно голодный и обладающій удивительнымъ аппетитомъ Гамидъ-Бекъ предъ вечеромъ то и дѣло посма-

тривается на цитадель, и какъ только увидить дымокъ и услышать выстрѣлъ, слышать закурить папироску и бѣжать домой къ голоднымъ тоже женамъ пить кофе. Каждую пятницу всѣ минареты освѣщаются фонарями, эта иллюминація очень эффектна, особенно издали въ темныя ночи. Фанатики мусульмане во время Рамазана стали заносчивѣе предъ христианами.

Жильберы уѣхали. Съ вечера около ихъ квартиры стояли два огромные фургона, одинъ изъ нихъ служилъ экипажемъ, а другой для багажа. Въ Турціи нѣтъ ни почтовыхъ каретъ, ни перекладныхъ, ни станцій; всякій ѣдетъ собственными средствами. Да и то прогрессъ что мѣстные жители. взявъ примѣръ съ Русскихъ, завели сотни двѣ-три фургоновъ въ четыре лошади; лѣтомъ ходятъ они съ товарами по шоссе въ Трапезондъ. Желая проводить Жильберовъ, встали очень рано, застали у нихъ сестеръ милосердія, Mme и Mlle Lavini, монаха-калуццина, французскаго драгомана съ женой и дочерью. Послѣ насъ пришли Шереметевъ, Борхъ и Камсараканъ съ женой. Когда все было готово, Mme Gilbert съ трудомъ вѣзла въ фургонъ, а за нею ея мужъ въ консульской фуражкѣ съ золотымъ галуномъ; *экипажъ* захохоталъ со страшными толчками по мостовой, и исчезла моя милая Mme Gilbert; но я утѣшала себя мыслию что и мы скоро пустимся въ путь-дороженьку.

Молодой Голландецъ, туристъ, приходилъ къ мужу просить паспортъ въ Эрзиньянъ. Онъ высадился въ Батумъ, проѣхалъ черезъ страшныя трущобы и все это просто изъ любопытства. Но какъ видно очень разочаровался своимъ путешествіемъ. Должно-быть онъ очень богатъ и большой оригиналъ, ѣздитъ въ сопровожденіи своего человѣка и проводника. Костюмъ его совсѣмъ дорожный и лоношенный; говорить онъ по-французски со страннымъ акцентомъ.

26го августа.

Только что получена делеша о занятіи Батума; завтра послѣдуетъ приказаніе о сдачѣ Эрзерума Туркамъ. Лишнее и говорить о всеобщей радости! Она понятна каждому.

Было еще нѣсколько армянскихъ спектаклей. Театралы очень беспокоятся что Турки закроютъ ихъ театръ.

30го августа.

Въ 10 часовъ утра всѣ почетные жители разоштые въ пухъ и прахъ собрались въ нашей квартирѣ съ поздравленіемъ по случаю нашего Царскаго праздника. Потомъ всѣ они верхомъ вмѣстѣ съ мужемъ отправились въ лагерь на парадъ. Я заѣхала за семействомъ Соал, они въ своемъ американскомъ кабріолетѣ, а я верхомъ отправились также на парадъ. Сначала отслужили молебень подъ навѣсомъ съ лавьбой изъ лушекъ. Потомъ всѣ войска прошли церемониальнымъ маршемъ, драгуны и казачья батарея проскакали въ карьеръ, бросая всѣмъ пыль въ глаза, особенно присутствовавшимъ Туркамъ. Мужъ остался обѣдать въ лагерь по случаю Дербентскаго полковаго праздника. Несмотря на дождь я вечеромъ поѣхала въ лагерь за мужемъ, но меня не выпустили оттуда до поздняго вечера. Между прочими развлеченіями насъ потѣшалъ фокусникъ, простой солдатъ Дербентскаго полка, очень ловкій (еще мальчикомъ служилъ у фокусника). Все повторялъ иностранныя слова, посылалъ воздушные поцѣлуи, обращаясь ко мнѣ говорилъ „madame“, словомъ со всѣми ужимками фокусника de profession. Всѣ отъ души хохотали. Я не могла смотрѣть какъ онъ вкладывалъ себя въ горло цѣлый штыкъ.

31го августа.

Насъ разбудилъ рано утромъ громкій разговоръ подъ окнами. Человѣкъ двадцать Армянъ, изъ нихъ одинъ весь въ крови, пришли жаловаться на слѣдующее происшествіе: ночью нѣсколько Турокъ ворвались въ домъ одного Армянина, бросились на хозяина, поранили его, связали ему руки и хотѣли увести его молодую 15тилѣтнюю жену. Этотъ случай надѣлалъ большой переполохъ. Извѣстіе о скоромъ выходѣ Русскихъ окончательно перепугало Армянъ, они съ ужасомъ говорили: Русскіе только собираются уходить, а Турки уже начали исполнять свои угрозы. Какъ нарочно въ этотъ день произошла другая ссора мусульманина съ христіаниномъ, а за городомъ какіе-то три Кюрда ограбили Армянина. Двое изъ виновниковъ ночнаго приключенія уже были арестованы. Мужъ разспросилъ обо всемъ подробно, сказалъ что виновные будутъ наказаны и что по случаю Рамазана и оласенія Армянъ съ сегодняшняго дня будутъ усилены караулы. Успокоенные жители разошлись по домамъ.

Черезъ полчаса даютъ знать что лавочники закрыли всѣ лавки, стали звонить въ колокола чтобы собирать народъ и что предъ домою архіепископа собралось нѣсколько тысячъ Армянъ, по всему городу большое движеніе. Выхожу на балконъ и вижу къ нашему дому стремится огромнѣйшая бушующая толпа, въ срединѣ едва замѣтенъ архіепископъ съ членами Армянскаго народнаго совѣта. Видимо они всѣ растерялись, вообразивъ что пришелъ ихъ конецъ. Архіепископъ съ представителями Армянъ вошелъ къ мужу; народъ заградилъ всю улицу. Новыя толпы какъ волны продолжали подкатывать. Я испугалась, не знала куда дѣться, особенно когда въ толпѣ, какъ разъ противъ нашего балкона, какой-то человѣкъ высоко поднялъ руку и взмахнулъ громаднымъ листомъ. (Послѣ оказалось что этотъ человѣкъ показывалъ пистолетъ архіепископу говоря ему „убей лучше меня тутъ же“.) Народъ говорилъ что пойдетъ вмѣстѣ съ нами, не уйдетъ отъ нашей квартиры пока ему не разрѣшатъ переселиться. „Лучше сейчасъ умремъ, чѣмъ будемъ убиты Турками“, кричали раздраженные Армяне. Мужъ долго говорилъ съ архіепископомъ и представителями народа. Они успокоились когда узнали что Русскіе не уйдутъ пока въ Эрзерумъ не вступятъ турецкія власти съ войсками и не примутъ на нашихъ глазахъ всѣ мѣры для строгаго порядка; они думали что мы уйдемъ и бросимъ ихъ на произволъ фанатиковъ мусульманъ и Кюрдовъ. Но не такъ легко было успокоить толпу, шумящую и жестикулирующую внизу. Архіепископъ и члены совѣта обратились къ народу съ утѣшительными словами. Полицеймейстеръ и другіе полицейскіе чины выйдя на улицу стали убѣждать народъ чтобъ онъ разошелся. Въ это время на площади вели двухъ арестованныхъ ночью Турокъ. Народъ съ озлобленіемъ бросился и чуть не разорвалъ ихъ; солдаты едва отстояли. Толпы по нашей улицѣ понемногу отхлынула за архіепископомъ и безъ особенныхъ происшествій разошлась. Весь день всѣ лавки и базары были закрыты. Я первый разъ въ жизни присутствовала при такомъ народномъ движеніи; мужъ отправился на главную площадь, куда пришли войска для усиленія карауловъ; по городу стали ѣздить разѣзды, въ самыхъ бойкихъ мѣстахъ поставлены взводы солдатъ. Вечеромъ мы нарочно проѣхались верхомъ по главнымъ улицамъ и базарамъ: это хорошо для успокоенія встревоженнаго народа.

1го сентября.

Съ утра лавокъ все еще не открывали. Мужъ долго ходилъ по базарамъ, успокоивая услугавныхъ Армянъ; понемногу стали они отворять лавки, и къ вечеру все вошло въ обычную колею. Но отголосокъ искуса дошелъ и до окрестныхъ деревень; около нашего дома опять собралась толпа—на этотъ разъ сельскихъ жителей; они пришли просить позволенія немедленно выселиться. Бѣдные такъ растерялись что дѣйствительно были готовы бросить все свое имущество и идти на неизвестность, лишь бы избавиться отъ ненавистнаго ига Турокъ. Вечеромъ, по обыкновенію, ловѣли кататься; христіане особенно усердно кланялись; значительно уменьшившійся лагерь пріятно мнѣ бросился въ глаза. Сегодня выступилъ Елисаветпольскій полкъ съ двумя батареями, остальные войска будутъ уходить черезъ день.

3го сентября.

Въ Англійскомъ магазинѣ просто нѣтъ прохода. Офицеры закупаются разными дорожными вещами. Цѣны на все сильно упали: на примѣръ бутылка шампанскаго, стоившая зимою 20 рублей, а потомъ 12, 10, 7 и 6, теперь продается за три рубля. Шампанскаго прежде въ Эрзерумѣ почти не привозили, послѣ же прихода Русскихъ многія лавки имъ наполнились. Офицеры, обрадовавшись дешевизнѣ, закулаютъ цѣлые ящики шампанскаго. Въ городѣ покойно. Получено извѣстіе что 5го числа пріѣдетъ турецкій губернаторъ, а вскорѣ послѣ него начальникъ штаба Азиатской арміи съ турецкими войсками. Измаиль-паша прислалъ строгое приказаніе мулламъ и другимъ представителямъ мусульманскаго населенія держать себя смирно въ отношеніи христіанъ. Лазаревъ прислалъ прокламацію Армянамъ, убѣждающую ихъ не переселяться, такъ какъ мѣста свободнаго въ Россіи для нихъ нѣтъ. Мужъ получилъ приказаніе, лишь только вступать въ городъ турецкіе караулы, тотчасъ выйти всѣмъ русскимъ офицерамъ и чиновникамъ въ лагерь. Я ни за что не выйду впередъ, а переѣду тоже въ палатку. Вечеромъ ѣздили выбирать мѣсто для нашего полевого дома.

4го сентября.

Турецкій губернаторъ Хаджи-Гуссейнъ-паша ночуетъ сегодня въ Илджѣ, завтра будетъ здѣсь. О назначеніи въ Эрзерумъ русскаго консула ничего не слышно. На Камсара-

кана выпала доля исправлять эту должность до прибытія консула, такъ какъ городъ невозможно оставить безъ русскаго агента; при немъ остаются Ерицевъ, Егеміи Азарлетовъ и Кузнецовъ—все женатые. Въ домѣ гдѣ живетъ Камсараканъ (бывшая квартира Геймана) будетъ центръ русской колоніи, туда переходятъ Ерицевъ и Янушъ, остающійся въ Эрзерумѣ пока не кончитъ постройки памятника и часовни.

6го сентября.

Въ девять часовъ утра пріѣхалъ Хаджи-Гуссейинъ-паша съ турецкимъ полицеймейстеромъ, другими лицами и эскадронъ суварі (драгунъ). Я собиралась ѣхать къ Тралезондскимъ воротамъ посмотрѣть на его вѣздъ, но опоздала,—его ждали въ двѣнадцать часовъ. Однакожъ Камсараканъ успѣлъ его встрѣтить. Остановился онъ недалеко отъ гауптвахты и въ одиннадцать часовъ пріѣхалъ со свитой къ мужу. Лошадь его осѣдлана какимъ-то необыкновеннымъ тигровымъ позолоченнымъ сѣдломъ; нѣсколько турецкихъ солдатъ и его адъютантъ *бѣжали* возлѣ его стремень. Видѣла я его съ балкона; это сгорбленный, сѣдой старикъ, съ безсмысленнымъ лицомъ. Мужъ отдалъ ему визитъ, но серьезнаго разговора съ нимъ не могъ вести, такъ какъ Гуссейинъ-паша, какъ истый мусульманинъ, отказался приниматься за что-либо до вечера—по случаю Рамазана. (Какъ успѣшно могутъ идти турецкія дѣла, если все сановники также ревностны къ службѣ.) Предъ вечеромъ пришелъ явиться турецкій полицеймейстеръ; оказалось что это тотъ самый майоръ Ибрагимъ-бей, который заставилъ въ Хнысѣ сѣсть салогі мальчика виновнаго въ разрытіи тѣла нашего драгуна. Армяне, особенно женщины, пріуныли, но я замѣтила что когда мимо нихъ проходитъ турецкій солдатъ, они быстро мѣняютъ выраженіе лица, стараясь казаться веселыми.

6го сентября.

Дня три уже разныя депутаціи приходятъ прощаться, выражаютъ свою глубокую признательность и симпатію Русскимъ. Многіе изъ туземцевъ (мусульманъ и христіанъ), исполнявшіе у насъ разныя должности, награждены подарками, медалями. Последнія къ сожалѣнію давно высланы почтой изъ Тифлиса, но еще не получены, и вмѣсто нихъ даются свидѣтельства. Собрались сегодня все городскіе залгіе,

до ста двадцати человекъ, всѣмъ имъ выдано жалованье по 15е сентября по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, и мужъ спрашивалъ ихъ все ли они получили, во избѣжаніе недоразумѣній послѣ нашего ухода. Всѣ они очень безпокоятся чтобы Турки не преслѣдовали ихъ за службу Русскимъ. Нѣкоторые христіане говорили: „Что дѣлать, видно судьба наша сава терпѣть иго Турокъ; благодаримъ Бога и за то что за пятьсотъ лѣтъ хоть разъ свободно вздохнули.“ Большая депутація Армянъ-Григоріанъ съ архіепископомъ во главѣ очень благодарила мужа за успокоеніе населенія въ послѣдніе тревожные дни. Депутація католиковъ со своимъ епископомъ, Грековъ — со своими священниками (митрополитъ уѣхалъ на Аббастуманскія воды) также приходили проститься. Были многіе мусульмане, но не изъ духовныхъ лицъ, и каждый отдѣльно, боясь вѣроятно чтобы ихъ прощальные визиты не имѣли вида общаго сожалѣнія мусульманъ по случаю ухода Русскихъ.

Къ вечеру всѣ управленія въ городѣ переданы Туркамъ. Шереметевъ со своимъ штабомъ перешелъ въ лагерь; въ городѣ остались только служащіе по управленію области. Распространился слухъ что извѣстный разбойникъ Мехрали, образовавшись передачъ города Туркамъ, послѣшилъ пріѣхать въ Эрзерумъ и свободно рассказываетъ по улицамъ.

7го сентября.

Съ ранняго утра началось въ городѣ большое оживленіе по случаю пріѣзда Мусса-пашы. Навстрѣчу ему выѣхалъ эскадронъ Тверскихъ драгунъ съ хоромъ музыки и комендантъ полковникъ Казбекъ. У квартиры Мусса-пашы былъ поставленъ почетный караулъ тоже съ музыкой. Народъ толпами двигался къ Трапезондскимъ воротамъ, на крышахъ усаживались женщины, преимущественно Турчанки съ закрытыми лицами. Въ десять часовъ отправились мы къ зданію военнаго турецкаго училища, взобрались на террасу, откуда далеко видна Трапезондская дорога; кругомъ насъ скоро образовалась толпа знакомыхъ и Турокъ. Наконецъ дали показалась пыль; всѣ насторожили уши, должно-быть турецкое войско; такъ и есть. Скоро можно было различить движущіеся ряды солдатъ. Вотъ они входятъ подъ Трапезондскія ворота, слышна музыка, впереди идутъ наши драгуны—вводятъ въ городъ турецкаго пашу, запыленного и

окруженнаго своею свитой, перемѣшавшеюся съ русскими офицерами, выѣхавшими также посмотреть на любопытный въѣздъ Турокъ. Какъ только Мусса увидѣлъ мужа, замахалъ рукой и крикнулъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ: „Ваше превосходительство, я жажду васъ видѣть.“ (Мусса, Осетинъ родомъ, воспитывался въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, нося фамилію Кундухова, долго служилъ и въ чинѣ генерала выселился въ Турцію.) Смотримъ, весь кортежъ остановился. Кундуховъ слѣзаетъ съ лошади и идетъ къ намъ. Подзоровавшись съ мужемъ быстрымъ шагомъ подходитъ ко мнѣ, на глазахъ тысячъ мусульманъ цѣлуетъ мою руку. Сѣлъ между мной и мужемъ, велѣлъ своимъ войскамъ идти далѣе. Выражалъ удовольствіе что я не уѣхала ранѣе его пріѣзда, говорилъ что слухъ о моемъ прибытіи въ Эрзерумъ облетѣлъ всю Анатолію, и что были случаи когда лѣнивымъ турецкимъ офицерамъ и солдатамъ ставили меня въ примѣръ. Однимъ словомъ распространялся въ любезностяхъ. Пролетѣвъ впередъ баталіонъ гвардейской турецкой пѣхоты, Мусса распростился съ нами и уѣхалъ далѣе. Когда вся пѣхота прошла, потянулася батарея; очень удивились мы увидя верхомъ возлѣ пушки стараго знакомаго нашего Максудъ-эфенди. Такъ странно было видѣть тѣ самыя турецкія войска, недавно сражавшіяся противъ Русскихъ, чинно отдающія теперь честь русскимъ начальникамъ. Впереди каждаго баталіона шли салеры, рослые и хорошо одѣтые, съ топорами (какъ я видѣла въ Парижѣ у французскихъ салеръ), только безъ бородъ и безъ фартуковъ. Всѣ солдаты имѣли бодрый видъ и шли стройно, но за то офицеры какіе-то сгорбленные старики. Съ обозами везли гаремы (офицеровъ и солдатъ) въ закрытыхъ арбахъ; одна изъ затворницъ женъ любопытствовала выглянуть изъ-подъ навѣса, но одинъ изъ солдатъ грубо толкнулъ ее за это. Сувары въ красивыхъ мундирахъ, расшитыхъ красною и желтою тесьмой, ѣхали на хорошо подобранныхъ по мастямъ лошадяхъ, огромная толпа уланъ шла со значкомъ Пророка, пѣла молитвы изъ Корана; ученики мусульманскихъ школъ, съ Кораномъ на головѣ у одного изъ нихъ тоже пѣли молитвы, другіе мусульманскіе мальчики громко кричали турецкія привѣтствія; они всегда косились когда армянскіе мальчики при каждомъ удобномъ случаѣ кричали русское *ура*, теперь пришла ихъ очередь.

Было условлено что турецкія войска тотчасъ смѣнятъ наши караулы. Мнѣ очень хотѣлось видѣть эту церемонію. Отправились мы на балконъ дома гдѣ жилъ Лазаревъ, какъ разъ противъ гаултахты, гдѣ должна была происходить смѣна главнаго караула. Пришлось долго намъ ожидать, наконецъ стали появляться турецкіе патрули; вотъ идутъ десять человекъ солдатъ съ чаушемъ размахивающимъ сломанною вѣткой: не можетъ быть чтобъ это былъ караулъ! Офицеръ нашего караула объявилъ имъ что такой неизвѣстной командѣ они не сдадутъ гаултахты. Черезъ нѣсколько времени пришелъ большой взводъ Турокъ съ нѣсколькими офицерами и комендантомъ (нашъ комендантъ также присутствовалъ при этомъ). Наши выстроились, отдали честь, турецкіе солдаты сами безъ команды сдѣлали на караулъ, потомъ одновременно повернулись, наши дали мѣсто Туркамъ, которые прямо потянулись въ караульный домъ, и городъ сталъ турецкимъ.

Съѣли обѣдать въ послѣдній разъ въ Эрзерумѣ, съ Шереметевымъ, Гельмерсеномъ и Егеші съ женой. Вдругъ слышимъ внизу шумъ. Пріѣхалъ съ визитомъ Мусса-паша, въ мундирѣ и орденахъ. Съ нимъ былъ турецкій полицеймейстеръ, но въ гостиную онъ не входилъ, а ждалъ въ столовой. Я изъ открытой двери видѣла какъ онъ, несмотря на Рамазанъ, набросился на черный хлѣбъ и выпилъ вина, пользуясь тѣмъ что паша его не видитъ. Послѣ обѣда мужъ отдалъ визитъ Мусса-пашѣ и быстро покончилъ съ нимъ свои дѣла. Затѣмъ подали намъ верховыхъ лошадей и мы выѣхали изъ города въ лагерь. Нѣсколько Армянокъ вышедшія насъ проводить плакали.

Неописанное чувство радости овладѣло мною при вѣздѣ въ лагерь; кончилась наша тяжелая эрзерумская жизнь. Мужъ совсѣмъ повеселѣлъ и успокоился. Наша палатка разбита на валу, вблизи отъ Бакинскаго лагеря. Сдѣлали лагерный визитъ полковому командиру Казбеку, потомъ напились чаю въ нашей палаткѣ. Когда стало смеркаться отправились верхомъ уже въ турецкій городъ, гостями, на обѣдъ къ Али-эфенди, куда были приглашены русскіе начальники и Мусса-паша со своими Турками. Когда мы подъѣзжали къ освѣщенному дому Али-эфенди, турецкій хоръ музыки грянулъ маршъ. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у подъезда; въ гостиной сидѣло много гостей. Мусса-паша подъ руку повелъ меня въ сто-

ловую, сѣлъ между мною и мужемъ и расточался въ любезностяхъ. Между прочимъ разказывалъ что набожный Измаиль-паша очень сердился слыша что я ѣзжу верхомъ по городу, не закрывая лица, вмѣстѣ съ мужемъ, говоря что это совсѣмъ собьетъ съ толку Армянокъ и мусульманокъ, произведетъ въ ихъ семьяхъ революцію. Подавали безчисленное множество блюдъ, лили за здравіе всѣхъ присутствовавшихъ. Турецкая музыка все время играла; сначала она поразила меня своею визгавостью, но если вслушаться въ національные мотивы, то привыкаешь къ ней, хотя все-таки что-то дикое, азиатское сказывается въ каждой нотѣ. На обратномъ пути въ лагерь насъ провожалъ взводъ щегольски одѣтыхъ суварі на сѣрыхъ лошадяхъ, съ фонарями въ рукахъ.

8го сентября.

Звуки трубъ и грохотъ барабановъ игравшихъ генераль-маршъ къ выстуленію разбудили меня. Странно было просыпаться слыша надъ собою дождь стукавшій о полотно палатки. Солдаты въ лагерь заколошились какъ муравьи, и черезъ четверть часа уже всѣ палатки были сняты. Бакинцы выстроились; полковой командиръ объѣхалъ ихъ ряды, поздравилъ съ походомъ домой. Солдаты сжигали все ненужное тряпье; сотни жителей какъ коршуны налетѣли на мѣсто гдѣ былъ лагерь и рылись въ дыму, собирая кто остатки сѣна, кто цыновки, словомъ разную брошенную и уцѣлѣвшую отъ огня рухлядь. Въ восемь часовъ пришли греческіе священники (русскихъ не оказалось) и начали служить молебнъ въ срединѣ полка; офицеры и чиновники составили хоръ пѣвчихъ. Сегодня день рожденія Великой Княгини Ольги Феодоровны; по этому случаю во время молебна дали двадцать одинъ выстрѣлъ изъ пушекъ нашей батареи, нарочно для этого подѣлѣвшей. Всѣ сѣли на коней и подъ звуки Бакинскаго хора двинулись къ Карсскимъ воротамъ. Еще до начала молебна мы слышали вдали турецкую музыку, это турецкій баталіонъ шелъ къ Карсскимъ воротамъ проводить русскія войска. Онъ выстроился вдоль дороги, и пока не прошла послѣдняя повозка русскаго обоза турецкіе солдаты держали на караулъ и музыка играла. Шереметевъ и мужъ остановились у воротъ, пропустили мимо себя войска; лишь только сталъ проходить обозъ, видимъ

идеть Мусса-паша со своею свитою и большимъ конвоемъ. Началось прощаніе русскихъ и турецкихъ властей и всѣ разѣхались въ противоположныя стороны. Народа кругомъ было много, все любознательныя Турки. Армяне боялись показываться, опасаясь чтобы имъ не досталось за это.

Насъ поѣхали провожать до Чифтлика всѣ остающіеся въ Русскомъ консульствѣ лица съ ихъ дамами, конечно верхомъ. Обгоняли мы всѣ войска, кавалькада наша была очень весела несмотря на дождь. Въ Чифтликѣ слѣзая съ лошадей, закусили чѣмъ Богъ послалъ и, распростившись съ нашими любезными спутницами и спутниками, поѣхали далѣе. Очень смѣялись мы видя впереди Полова, неистово скачущаго и махавшаго руками: онъ думалъ что мы уѣхали впередъ и ожидалъ догнать насъ; мы же изъ Чифтлика проѣхали немного выѣздя завидя приближающагося Казбека съ полкомъ; застали мы Полова въ Гассанъ-Кала совсѣмъ измученнаго. Остановились у окружнаго начальника Перумова. Остались здѣсь ночевать. Весь вечеръ мужъ былъ занятъ приготовленіемъ округа къ передачѣ Туркамъ. Умный Баба-эфенди, многіе члены меджлиса и старшины приходили проститься, всѣ выражая свою благодарности.

15го сентября.

Вотъ мы и въ Карсѣ. Всю дорогу изъ Эрзерума, двѣсти верстъ, ѣздили верхомъ въ четыре съ половиною дня; иногда на день приходилось болѣе пятидесяти верстъ. Я порядочно-таки утомилась и потому три дня не выходила изъ комнаты. Спутники наши какъ видно тоже устали: изъ Эрзерума выѣхали съ нами до тридцати офицеровъ и чиновниковъ, а до Карса доѣхали изъ нихъ лишь трое; прочіе на каждой станціи отставали, а нѣкоторые присоединились къ обозу.

Это выѣхали съ разсвѣтомъ. Около селенія Карачуки встрѣтилъ мужа хоросанскій окружной начальникъ Тиграновъ съ большимъ конвоемъ кюрдинскихъ всадниковъ, между ними особенно бросался въ глаза глава одного изъ племенъ, на великолѣпной бѣлой арабской лошади; онъ казался очень доволенъ тѣмъ что его земли отходятъ къ Россіи, хотя имѣніе его двухъ братьевъ осталось за Турціей. Хоросанскій округъ новою границей дѣлится на двѣ части, такъ что напримѣръ изъ пяти членовъ окружнаго меджлиса (суда) лишь одинъ

дѣлается русскимъ подданнымъ. Въ Зареѣ ночевали у Ти-гранова. Мужъ подробно объяснялъ мѣстнымъ жителямъ гдѣ будетъ новая граница между двумя государствами. Здѣсь полученъ отвѣтъ Великаго Князя на посланное поздравленіе со днемъ рожденія Великой Княгини и донесеніе объ окончательномъ очищеніи Эрзерума, весьма благосклонный съ благодарностію за усердную и полезную службу. Изъ туземцевъ и здѣсь, какъ въ Гассанъ-Кала, многіе получили подарки и свидѣтельства на медали. 10го сентября проѣхали до Еныкѣва съ долгимъ приваломъ въ Зивинѣ. Дорогой обогнали большой транспортъ съ армянскими переселенцами изъ Алашкерта и другихъ мѣстъ. Они, боясь Кюрдовъ, не слушая никого и ничего, собравъ послѣдніе свои ложитки, идутъ на полную неизвѣстность въ Карсъ. 11го на самомъ Саган-лугскомъ перевалѣ догнали 4й стрѣлковый баталіонъ; солдаты отдыхали, офицеры пѣли хоромъ. Кумъ мой и его товарищи угостили насъ кофеемъ, мы сидѣли съ ними на буркахъ, пока не заигралъ горнистъ и баталіонъ не тронулся далѣе. Въ Сарокамышѣ на поляхъ подъ сосновымъ лѣсомъ увидѣли цѣлый лагерь, здѣсь назначена постоянная штабъ-квартира Елисаветпольскому полку (не завидую ему), кромѣ нихъ стояли проходомъ салеры, артиллерія. Князь Тумановъ просилъ остаться пообѣдать. Къ ночи едва добрались до села Карагалеза; переѣзжали совсѣмъ въ темноту черезъ рѣчки, казавшіяся мнѣ морями (ихъ глубина четыре вершка). Въ Бегли-Ахметѣ увидѣли нѣсколькихъ жителей Армянъ въ фескахъ. На вопросъ почему они не замѣнили ихъ шалками, Армяне наивно отвѣчали что еще не увѣрены дѣйствительно ли они достались Россіи, а если Русскіе ихъ отдадутъ обратно, что тогда Турки съ ними сдѣлають увидя на ихъ головахъ шалки?

Карсъ очень измѣнился за послѣдніе мѣсяцы, всюду русскія вывѣски, на улицахъ слышенъ преимущественно русскій разговоръ, открылись гостиницы. Когда мы вѣзжали въ городъ въ ресторанъ Пьері играла музыка: выступающіе домой на другой день Волжскіе казаки давали обѣдъ и прощались со своими боевыми товарищами. Мы подѣхали къ гостиницѣ „Лондонъ“, и только-что пообѣдали, пріѣзжаетъ карсскій губернаторъ Франкини съ помощникомъ своимъ Шелковниковымъ и приступомъ беретъ насъ къ себѣ на квартиру, прося въ ней остаться до нашего отъѣзда изъ Карса. Его

квартира очень просторная, но безъ печей, ее недавно начали отапливать; въ этомъ домѣ помѣщался госпиталь; со стороны Карсъ-чая большой балконъ съ отличнымъ видомъ на цитадель.

Понемногу подѣхали отставшіе отъ насъ дорогой спутники. Сегодня Лазаревъ давалъ обѣдъ мужу и его управленію, я тоже была приглашена, но не могла быть по нездоровью.

Въ Карсѣ случайно я узнала что въ Эрзерумѣ напали на отрядъ Турокъ принадлежавшихъ къ тайному обществу „мстителей“, которые намѣревались въ случаѣ возобновленія войны измѣннически истребить всѣхъ русскихъ начальниковъ. Здѣсь уже получено извѣстіе что двое Армянъ выѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами изъ Эрзерума и отставшихъ отъ насъ дорогой среди была для убиты на пути въ Зивинъ; ѣхавшій съ ними бывший окружный эрзерумскій начальникъ долженъ былъ оставаться въ какомъ-то селеніи до прибытія войскъ съ которыми поѣхалъ далѣе.

17го сентября.

Изъ Карса въ Александрополь ѣхали въ экипажѣ. Бывшіе сослуживцы мужа по корпусному штабу и по управленію области пожелали проводить насъ. Многіе изъ нихъ верхами ѣхали возлѣ нашего экипажа до первой станціи селенія Мафра. Здѣсь мы были удивлены видя разбитыя палатки, хоръ музыки заигравшій когда мы подѣзжали. Мужу приготовленъ сюрпризъ: отпечатанный приказъ генерала Лазарева въ которомъ говорится объ отличномъ управленіи возвращеннаго Туркамъ края; онъ составленъ и отпечатанъ въ одну ночь. Угостили насъ великолѣпнымъ завтракомъ; много вспоминали про перенесенные труды и перечувствованные тяжелыя минуты за цѣлые два года со дня образованія дѣйствующаго корпуса. Слава Богу, теперь все кончено такъ хорошо что даже не вѣрится. Сколько, сколько людей не дожили до подобной минуты. Провели мы въ Мафра болѣе часу; меня очень тронуло это прощаніе, давшее случай высказаться многимъ чистымъ и теплымъ чувствамъ.

Въ Александрополѣ остановились въ томъ самомъ домѣ гдѣ я провела столько невыразимо тоскливыхъ дней.

Тотчасъ по пріѣздѣ уже въ сумерки пересѣли въ извозничій фаэтонъ и поѣхали на могилы нашихъ близкихъ знакомыхъ павшихъ жертвами этой ужасной войны. Могила Губскаго намъ указалъ попавшійся артиллерійскій солдатъ; она

у крѣпостной церкви, отмѣчена врытыми на половину въ землю гранатами въ видѣ креста. Гейманъ, генералъ Соловьевъ, Толстой и многіе другіе похоронены одинъ возлѣ другаго. Ни у кого изъ нихъ пока еще нѣтъ памятника; свѣжая насыль земли и деревянный крестъ, вотъ все что мы застали; надъ нѣкоторыми могилами нѣтъ даже надписи; сторожъ помогъ намъ разыскать нашихъ знакомыхъ. На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ выразить что было у меня на сердцѣ, когда мы уже поздно вечеромъ вернулись на квартиру. Но и тутъ каждая вещь, каждый уголъ воскрешаетъ новыя тяжелыя воспоминанія. Скорѣй, скорѣй отсюда, изъ этого города тоски, болѣзни и смерти, скорѣй на свѣтъ Божій, гдѣ люди живутъ для того чтобы жить.

20го сентября.

Послѣ двухъ дней дороги мы бросили якорь въ Тифлисъ.

В. ДУХОВСКАЯ.

О ДРАМѢ*

ОТДѢЛЪ IV

ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ТРАГЕДІИ

I.

Этическая цѣль трагедіи должна быть выведена изъ ея сущности.—
Постановка вопроса.—Какія именно страсти можетъ очищать трагедія.—Общее рѣшеніе вопроса объ очищеніи страстей.

Мы приступаемъ къ важнѣйшему отдѣлу нашего изслѣдованія, долженствующему составить какъ бы *вънецъ* всего предыдущаго, а именно къ разбору ученія *объ очищеніи* трагедіей возбуждаемыхъ ею страстей или аффектовъ; иначе, къ изученію этического или духовно-нравственнаго значенія трагического искусства. Такое значеніе трагедіи, если оно действительно существуетъ, должно какъ все предыдущее, какъ всѣ доселѣ выведенные ея законы и правила, вытекать непосредственно изъ самой ея сущности, быть органически съ нею связано, неотдѣлимо отъ ея художественныхъ достоинствъ. Ибо не будь этого, существованіе трагедіи какъ самостоятельнаго рода искусства ничѣмъ бы не оправдывалось. Мы должны, другими словами, разъяснить этико-художествен-

* См. *Русск. Вѣстн.* 1877. №№ 3, 5 и 8.

ную цѣль трагедіи, заключающуюся въ извѣстной духовно-нравственной пользѣ, которую ей свойственно приносить по самой ея сущности; цѣль нераздѣлимую отъ этой сущности. Цѣль эта не есть внѣшняя цѣль рѣшенія нѣкоторой внѣ трагедіи лежащей задачи, нравоучительной или иной, къ чему стремился бы трагическій поэтъ, подчиняя таковому стремленію свободу своего творчества; нѣтъ, она органически слита съ самымъ творческимъ процессомъ; истинный поэтъ исполняетъ ее независимо отъ того сознаетъ ли онъ ее или нѣтъ, независимо отъ степени ясности такого сознанія, независимо отъ того есть ли онъ человѣкъ только творчій, или же съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣкъ изучающій законы творчества. Нельзя однако не замѣтить что поэты, конечно, чаще думаютъ о сущности своего искусства, чѣмъ то обычно полагается на томъ основаніи что творчество бессознательно. Точно также зритель или читатель можетъ наслаждаться трагедіей или инымъ поэтическимъ произведеніемъ, чувствовать ихъ освѣжающее и цѣлящее душу дѣйствіе, не сознавая въ чемъ именно оно заключается и какимъ образомъ совершается. Подобно: всѣ знаютъ что воздухъ послѣ грозы становится чище, что груди тогда легче дышется и всѣ наслаждаются этимъ независимо отъ знанія или незнанія причины и сущности этихъ явленій. Дѣло науки уяснить какое именно дѣйствіе оказываетъ гроза на воздухъ, отъ чего послѣ нея вольнѣе дышется и т. д. Точно также научная теорія трагическаго искусства должна разъяснить въ чемъ именно заключается его духовно-нравственная польза, какіе бессознательные духовные процессы возбуждаетъ оно въ насъ, и къ чему ведутъ такіа возбужденія. „Всѣ роды поэзіи“, говоритъ Лесспигъ, „должны улучшать насъ; печально когда это приходится доказывать; еще печальнѣе когда встрѣчаются поэты въ этомъ сомнѣвающіеся. Но не всѣмъ родамъ свойственно улучшать все; по крайности, не всякому въ столь же совершенной степени, какъ другому; но что данное искусство улучшаетъ совершеннѣе другихъ, въ чемъ съ нимъ не можетъ сравниться никакой иной родъ, въ томъ единственно и состоитъ его настоящее назначеніе.“ * Намъ, стало-быть, предстоитъ показать истинное назначеніе трагедіи; уяснить какія „добрыя чувства“ можетъ „возбуждать лирой“ поэтъ

* *Hamb. Dram. St.* 77.

именно трагическій, и какимъ образомъ онъ именно можетъ быть полезенъ „живою прелестью стиховъ“.

Указаніемъ гдѣ именно слѣдуетъ искать пользы трагическаго искусства мы установили вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія. Обычная ошибка въ этомъ отношеніи заключается въ томъ что польза искусства вообще отыскивается не въ немъ самомъ, но полагается произвольно и притомъ *внѣ* предмета. Всякій, сообразно со своими склонностями, вкусами и воззрѣніями, требуетъ дабы искусство оказывало то именно вліяніе или дѣйствіе которое онъ считаетъ наипользѣйшимъ. Такъ моралистъ желаетъ чтобы искусство было нравоучительно, дѣйствовало изображеніемъ примѣровъ доблести и порока, не постигая что есть болѣе возвышенная точка зрѣнія, уясняющая этическое значеніе художественныхъ произведеній. Доктринеръ той или иной политической партіи сердится на искусство почему оно не проповѣдуетъ доктринъ ему любезныхъ. Не достаетъ чтобы агрономы и статистики рѣшили что искусство будетъ тогда только полезно, когда займется распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ или статистическихъ свѣдѣній. * Нелѣпость такихъ требованій очевидна; это все равно что сердиться на луну зачѣмъ она не грѣетъ. Ясно также что причина такихъ ошибочныхъ требованій коренится въ ненаучномъ отношеніи къ предмету.

Трагедія, какъ мы знаемъ, возбуждаетъ въ насъ страсти или аффекты страха и состраданія. Теперь предстоитъ вопросъ: безцѣльно ли такое возбужденіе или же оно заключаетъ само въ себѣ извѣстную цѣль? Аристотель, въ извѣстной уже намъ формулѣ, ** отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. „Трагедія“, говоритъ онъ, „есть такое подражаніе дѣйствию которое не

* Искусстве въ своихъ ложныхъ редахъ, въ своихъ блужданіяхъ, порой и оправдываетъ такіа требованія. Есть піесы нравоучительныя, историческія, этнографическія, даже просто географическія. Подобное видимъ и въ романѣ. Странно однако что въ наше время роману приписывается особое значеніе потому именно что въ немъ много родовъ. Не говоря о томъ что драма способна страдать и страдаетъ подобнымъ же обиліемъ родовъ, нельзя не замѣтить что процвѣтаніе родовъ какого-либо искусства свидѣтельствуетъ о забвеніи сущности и стало-быть о паденіи истиннаго искусства. Критика восхищающаяся преимущественно *родами* не отличается глубиной изслѣдованія; судить по признакамъ внѣшнимъ, искусственнымъ.

** Отд. I, гл. III.

т. сxxxviii.

разкъзомъ, но страхомъ и состраданіемъ совершаетъ очищеніе *этихъ и имъ подобныхъ* страстей“.

Итакъ, цѣль трагедіи ясна; она изображеніемъ извѣстнаго рода дѣйствій возбуждаетъ и страхъ, и состраданіе; мы видѣли * что всѣ правила хорошей трагедіи разчитаны именно на произведеніе высшаго впечатлѣнія, какое только возможно для трагическаго искусства; но цѣль трагедіи не ограничивается однимъ возбужденіемъ страха и состраданія; самымъ этимъ возбужденіемъ она должна очищать эти страсти, то-есть дѣлать ихъ болѣе чистыми и возвышенными; правила нами выведенныя изъ сущности трагедіи стало-быть имѣютъ еще другое, доселѣ не разсмотрѣнное нами, этическое значеніе; они разчитаны не только на сильнѣйшее возбужденіе извѣстныхъ страстей, но и на самое высокое ихъ очищеніе. Это новое важное значеніе выведенныхъ изъ сущности трагедіи правилъ и предстоитъ раскрыть въ предлагаемомъ отдѣлѣ.

Прежде всего слѣдуетъ твердо помнить что трагедія способна очищать именно возбуждаемые ею въ зрителѣ страсти, а не изображенныя въ дѣйствіи,—ошибка въ которую впалъ Корнель въ своемъ разъясненіи Аристотелевой теоріи; ошибка весьма важная, умаляющая значеніе трагическаго искусства. Именно, Корнель полагалъ что трагедія очищаетъ въ насъ посредствомъ страха и состраданія изображенныя въ ней страсти, то-есть любовь, когда герой погибаетъ отъ любви, или любопытство, если оно является причиной изображеннаго въ трагедіи злосчастія; другими словами, приписывалъ трагедіи только нѣкоторое нравоучительное значеніе. Въ письмѣ къ Николаи, отъ ноября 1756 года, Лессингъ ** дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, ведущихъ къ весьма наглядному опроверженію такихъ толкованій. Дабы трагедія могла очищать

* Отд. II и III.

** Письма къ Николаи и Моисею Мендельсону о трагедіи, писанныя за двѣнадцать лѣтъ до *Гамбургской Драматургіи*, весьма интересны для изученія исторіи развитія мыслей Лессинга о трагедіи. Въ письмахъ онъ еще во многомъ разнится отъ Аристотеля, вслѣдствіе неутѣрнаго пониманія „страха“ или „ужаса“, какъ онъ пишетъ въ нѣкоторыхъ письмахъ. Но Лессингомъ уже сдѣланъ важный шагъ къ правильному пониманію сущности трагедіи, а именно что она возбуждаетъ состраданіе, указана также важность такого возбужденія, затронутъ вопросъ объ идеализаціи трагическихъ и эпическихъ героевъ, и. т. п.

извѣстную страсть, эта страсть должна быть налицо, присутствовать въ зрителѣ. Но развѣ мы бываемъ гнѣвны, видя справедливый или капризный гнѣвъ Лира? Развѣ мы влюбляемся сами, будучи свидѣтелями любви Ромео и Джульеты? Правда, могутъ замѣтить что видя правдивое изображеніе страсти, зритель можетъ исправить свое понятіе о ней, получить понятіе болѣе правильное. Нельзя отвергать такого предположенія, какъ нельзя отрицать что въ данномъ частномъ случаѣ подобное изображеніе заставитъ человѣка строже смотрѣть за собой, или удерживаться отъ вслышекъ гнѣва, отчаянія, вообще страсти ведущей къ гибели трагическаго героя. Подобнымъ же образомъ, зритель можетъ порой научиться тому или другому въ трагедіи, ибо въ уста одного изъ лицъ могутъ быть вложены мысли здравыя, полныя житейской или государственной мудрости, или даже научныя истины; можетъ вывести извѣстное нравоученіе изъ изображеннаго въ трагедіи. Но такая польза приносимая трагедіей не составляетъ ея отличительнаго признака; нравоученіе напримѣръ гораздо проще, яснѣе, короче и удобозапоминаемѣе можетъ быть изложено въ формѣ басни, притчи или аполлага *; здравыя мысли въ формѣ разсужденія и т. д. Далѣе, художественное изображеніе не только личностей и характеровъ, но типовъ, даже отдѣльныхъ типическихъ чертъ также не лишено извѣстной доли поучительности. Но эта поучительность обща трагедіи съ эпосомъ, даже съ произведеніями писателей-наблюдателей, имѣющими съ поэзіей только внѣшнее формальное свойство. Въ трагедіи наконецъ могутъ встрѣчаться лица и сцены комическія, и смѣхъ, ими возбуждаемый, также имѣетъ свою пользу; стало-быть трагедія можетъ приносить, хотя конечно только отчасти, ту пользу которую свойственно приносить комедіи. Но опять-таки не въ этомъ ея истинное назначеніе.

Существенное обстоятельство трагическаго дѣйствія, его отличительный признакъ, оправдывающій особенность такъ-называемой драматической формы, есть, какъ мы знаемъ, *страданіе*. Возбуждаемые такимъ изображеніемъ *страхъ* и *состраданіе* суть именно тѣ страсти или аффекты которые сильнѣе чѣмъ другими родами поэзіи возбуждаются трагедіей; тутъ ея область, ея сила и власть. И въ этой-то области, а не въ иной, должно искать и нравственнаго значенія трагедіи.

* Ср. Лессинга: *Abhandlungen über die Fabel*.

Если трагедія способна очищать какія-либо страсти, то именно тѣ которыя возбуждаетъ въ зрителѣ наисильнѣйшимъ чѣмъ иные роды поэзіи образомъ. Аристотель прибавляетъ что кромѣ страха и состраданія трагедія способна очищать также страсти *и мѣ подобныя*. „Онъ говоритъ“, толкуетъ Лессингъ, „*эти* и *и мѣ подобныя*, а не просто *эти* (страсти), дабы показать что понимаетъ подъ состраданіемъ не только собственно такъ-называемое состраданіе, но вообще всѣ антропологическія ощущенія, также какъ подъ страхомъ не только непріятное чувство (Unlust) относительно предстоящаго злосчастія, но также всѣ родственныя ему непріятныя ощущенія, также скорбь о настоящемъ или предстоящемъ несчастіи, огорченія и печали.“ *

По мысли греческаго философа, человѣкъ достойный этого имени долженъ страшиться извѣстнаго рода несчастія, долженъ быть страшливъ, безъ чего онъ не можетъ быть сострадательнѣе. Къ такимъ страшливо-сострадательнымъ людямъ онъ причисляетъ людей высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, людей могущихъ разсудить въ чемъ истинное несчастіе и вѣрующихъ что есть на свѣтѣ честные люди; людей любящихъ своихъ семейныхъ и друзей. Желательно чтобы люди вообще, по мѣрѣ возможности, были таковыми; назначеніе трагедіи приближать ихъ къ сказанному идеалу, возбуждая въ нихъ тѣ именно „добрыя чувства“ которыя ей свойственно возбуждать.

Далѣе, по его опредѣленію, какъ страхъ, такъ и состраданіе есть нѣкоторая скорбь или соболѣзнующее чувство при видѣ зла болѣзненнаго или разрушительнаго. Въ изображеніи такого зла, и сопряженнаго съ нимъ страданія, заключается главная стихія трагедіи, и принимая ее во вниманіе можно опредѣлить трагедію какъ изображеніе въ дѣйствиіи страданія, но не ради его самого, а ради изображенія человѣческой и человѣчной личности. Только такое строго обусловленное изображеніе страданія возбуждаетъ въ насъ и страхъ, и состраданіе, въ томъ смыслѣ въ какомъ Аристотель разумѣетъ эти страсти или аффекты. Такимъ образомъ строго опредѣляется по истинѣ *достойное* страха и состраданія. Другими словами, трагедія только въ томъ случаѣ будетъ въ состояніи очищать возбужденныя ею страсти, когда будетъ

* *Hamb. Dramat. St. 77.*

возбуждать ихъ къ предметамъ того достойнымъ; тутъ сходятся требованія эстетическія съ требованіями этическими, художественныя понятія съ нравственными. Удовлетвореніе однихъ безъ удовлетворенія другихъ немислимо; данная трагедія явится постольку же произведеніемъ не художественнымъ поскольку она не будетъ отвѣчать этическому идеалу.

Лессингъ, въ перепискѣ о которой упомянуто выше, принимая во вниманіе только возбужденіе состраданія, приписываетъ трагедіи высокое значеніе, на томъ основаніи что „*наибольше сострадателный чловѣкъ есть чловѣкъ наилучшій, наиболье расположенный ко всякимъ общественнымъ доблестямъ, ко всяческому великодушію*“. Очищеніе состраданія состоитъ именно въ томъ что чловѣкъ подъ вліяніемъ трагедіи становится правильно сострадателенъ, становясь въ то же время правильно страшливымъ. Поэтому, въ приведенной сейчасъ формулѣ Лессинга слѣдуетъ сдѣлать поправку, замѣнивъ выраженіе *наиболье сострадателный* выраженіемъ *правильно сострадателный* *.

Остается прибавить что сказанное очищеніе страстей совершается не посредствомъ возбужденія размышленія, не нравоучительными примѣрами, не при помощи дѣйствія на какую-нибудь отдѣльную способность души чловѣческой, но на всѣ одновременно и нераздѣльно (чѣмъ и достигается очищающее дѣйствіе трагедіи на всѣхъ людей безъ различія какъ на мудрыхъ, такъ и на неодаренныхъ мудростью) и именно посредствомъ состраданія и страха возбуждаемыхъ созерцаніемъ поистинѣ достойнаго ихъ чловѣческаго злосчастія.

Таково общее рѣшеніе вопроса насъ занимающаго; теперь подвергнемъ егодробному анализу.

* Шекспиръ считалъ состраданіе неотъемлемымъ качествомъ хорошаго чловѣка. Какъ мы видѣли, злодѣй Ричардъ III хвалится тѣмъ что не знаетъ состраданія; въ Лирѣ оно просыпается подъ вліяніемъ страданія; Коріоланъ совершаетъ свой подвигъ подъ вліяніемъ словъ матери возбуждившихъ въ немъ состраданіе, и т. д.

II.

Программа Лессинга.—Частный разборъ перваго и втораго пункта его положеній.

Желающій вполне исчерпать этическое значеніе приписываемое Аристотелемъ трагедіи долженъ, по словамъ Лессинга, „показать раздѣльно какъ могутъ очищать и дѣйствительно очищаютъ: 1) трагическое состраданіе наше состраданіе, 2) трагическій страхъ нашъ страхъ, 3) трагическое состраданіе нашъ страхъ, 4) трагическій страхъ наше состраданіе“. Разъясняя эту программу, германскій критикъ прибавляетъ: „домогающійся составить себѣ правильное и полное понятіе объ Аристотелевскомъ очищеніи страстей увидитъ что каждый изъ этихъ четырехъ пунктовъ включаетъ въ себѣ два случая. Говоря кратко, такъ какъ это очищеніе состоитъ именно не въ чемъ иномъ какъ въ преобразованіи страстей въ добродѣтельный навѣкъ, а во всякой добродѣтели, по нашему философу, встрѣчаются крайности въ ту или иную сторону, между коими ея настоящее мѣсто,—то трагедія, дабы превратить наше состраданіе въ добродѣтель, должна смочь очистить насъ отъ обѣихъ крайностей состраданія; то же слѣдуетъ разумѣть и о страхѣ. Трагическое состраданіе, по отношенію къ состраданію, должно очищать души не только тѣхъ кто излишне сострадателенъ, но также и тѣхъ кто чувствуетъ мало состраданія. Трагическій страхъ, относительно страха, долженъ очищать не только души тѣхъ которые совершенно и вполне не боятся несчастія, но также и тѣхъ кого несчастіе, даже отдаленнѣйшее, даже неправдоподобнѣйшее, повергаетъ въ страхъ. Равнымъ образомъ, трагическое состраданіе, въ разсужденіи страха, должно не допускать ни излишка, ни скудости; точно то же долженъ исполнять трагическій страхъ относительно состраданія.“ *

Вотъ полная программа разбора ученія объ очищеніи страстей, которую намъ подъ руководствомъ Лессинга предстоитъ исполнить по мѣрѣ силъ. Предварительно замѣтимъ: 1) что трагедія всею своею совокупностью, всѣмъ своимъ

* *Hamb. Dram. Stück 78.*

строимъ и постепеннымъ ходомъ, своимъ мнѣемъ, какъ совокупленіемъ извѣстнаго рода дѣйствій и какъ лланомъ произведенія, должна производить дѣйствіе раздробленное Лессингомъ, для ясности и удобства анализа, на четыре пункта; что раздробленное въ изслѣдованіи на двѣ производитъ дѣйствіе какъ нѣчто цѣлое; 2) что достоодолжное очищеніе страстей невозможно безъ такового же возбужденія; что очищеніе совершается именно тѣмъ что страсти возбуждаются въ должной мѣрѣ; возбужденіе какой-либо изъ двухъ крайностей страха и состраданія, очевидно, не можетъ повести къ ихъ очищенію, а приведетъ къ результату противоположному, къ большому затемненію страсти, къ укорененію въ душѣ зрителя той или другой ея крайности. Въ этомъ-то смыслѣ Лессингъ и противопоставляетъ *трагическіе* страхъ и состраданіе *нашимъ*, то-есть свойственнымъ людямъ вообще, темнымъ, неочищеннымъ, неустойчивымъ и колеблющимся между двумя крайностями, часто подъ вліяніемъ чисто-физическаго ихъ возбужденія, свойственнаго не только людямъ, но и животнымъ. Ибо, какъ извѣстно, и животныя обнаруживаютъ паническій страхъ предстоящаго бѣдствія; обнаруживаютъ въ извѣстной стелени и состраданіе, напримѣръ собаки при видѣ больного хозяина тѣснятъ другъ къ другу, причемъ порой забывается инстинктивная враждебность къ животному иной породы (напр. собаки къ кошкамъ). Очищенная же страсть есть такая которая свойственна только людямъ; очищеніе трагедіей данныхъ страстей ведетъ къ укорененію понятія человечности въ истинномъ значеніи слова.

Теперь приступимъ къ раздѣльному разбору Лессинговыхъ пунктовъ.

Пунктъ первый: трагическое состраданіе должно очищать и дѣйствительно очищаетъ наше состраданіе.

Условіе хорошей трагедіи, выведенное изъ понятія состраданія, состоитъ въ томъ что страдающее лицо должно подвергаться злосчастію незаслуженно, не по дѣломъ. Эта незаслуженность отнюдь не означаетъ полной невинности страдальца: видѣть страданія совершеннаго праведника только тяжело и неспріятно; она обусловливается тѣмъ что злосчастіе превышаетъ вину страдальца, она состоитъ въ несоразмѣрности вины и причиняемаго ею бѣдствія.

Лицъ, безъ сомнѣнія, виновныхъ въ томъ что падокъ на лестъ и допускаетъ въ другихъ только угодное себѣ выраженіе чувства;

онъ не правъ лишая Корделію ея доли наслѣдства и изгоняя Кента; не правъ отвѣчая обидой на любовь. Злосчастіе однако безмѣрно превосходитъ его вину: онъ лишень не только того что оставилъ себѣ изъ прежняго богатства и могущества, но лишень крова; наконецъ, онъ лишается любимой дочери съ которой едва примирился, и въ ту минуту, когда для него остается одна надежда: быть утѣшителемъ ея въ темничномъ заключеніи. Отелло виновень въ излишней довѣрчивости къ Яго; убѣдиться въ коварствѣ друга благовременно было бы печально, но эту печаль можно считать равномѣрною винѣ; убѣдиться же въ этомъ когда зло причиненное довѣрчивостью велико и неисправимо, есть несчастіе превышающее заблужденія. Отелло виновень, кромѣ того, въ убійствѣ Дездемоны: соверши онъ этотъ актъ въ пылу ревности, въ одержаніи страстью, мученія изъ онаго проистекающія были бы равноцѣнны винѣ; но онъ пришелъ къ страшному дѣлу вслѣдствіе сдѣланого поклоненія чести, онъ принесъ кровавую жертву божеству которое чтить выше своего счастья, спокойствія, жизни; „ничего онъ не сдѣлалъ изъ ненависти, все изъ чести“; честь была его руководительницей, заставившею его отчасти забыть любовь, но не превратившею ее въ ненависть; онъ не теряетъ сознанія, замысливъ страшное дѣло. „Я долженъ плакать“, говоритъ онъ, „но то жестокія слезы; моя печаль божественна: она губить то что любить.“ Страданіе заключающееся главнымъ образомъ въ мучительномъ сознаніи что онъ погубилъ существо любившее его и предъ нимъ невинное, что онъ сослужилъ дурную и гнусную службу, думая совершить дѣло хотя жестокое, но справедливое,—вотъ злосчастіе превышающее вину. Борисъ виновень въ убійствѣ невиннаго младенца; открытіе убійства, казнь за него были бы бѣдствіями равными винѣ. Но сознавать что единое случайное лятво на совѣсти есть причина порождающая общее недовѣріе ко всѣмъ твоимъ дѣламъ и намѣреніямъ; видѣть что все добро которое ты думаешь дѣлать и дѣйствительно дѣлаешь обращается тебѣ же во зло; что даже несчастіе поражающее тебя какъ отца приписывается твоей злой волѣ; предвидѣть наконецъ возможность гибели дѣтей вслѣдствіе того же страшнаго дѣла, вотъ рядъ несчастій превышающихъ вину. Антигона нарушаетъ повелѣніе царя; наказаніе проистекающее изъ желанія оскорбить святость власти было бы равномѣрно преступленію; но ею руководить иное — любовь къ

погибшему брату, желаніе исполнить святой долгъ; ея проступокъ вслѣдствіе этого является несоразмѣрнымъ съ постигающимъ ее злосчастьемъ. Эдиль виновенъ въ убійствѣ отца и кровосмѣшеніи съ матерью; такое преступленіе, будь оно совершенно сознательно, заслуживало бы всякой кары; но оно совершенно невольнo и по невѣдѣнію, а потому Эдиль, павшій въ тяжкій грѣхъ и страдающій отъ признанія всей его громадности, заслуживаетъ состраданія.

Изъ этихъ примѣровъ, число коихъ легко можно было бы увеличить, ясно что условіе вытекающее изъ понятія состраданія соблюдается истинно-трагическими поэтами. Итакъ, наше состраданіе будетъ законно и правильно, когда мы будемъ сострадать при видѣ злосчастія превышающаго виновность страдальца. Такое состраданіе способно очищать какъ излишекъ, такъ и скудость нашего состраданія. Какимъ же образомъ?

Излишекъ состраданія заключается въ его неразборчивости; человекъ поражается простымъ фактомъ страданія, его родомъ или степенью, его вѣвшимъ значеніемъ; условіе же незаслуженности бѣдствія либо упускается изъ вида, либо принимается во вниманіе не въ достаточной мѣрѣ. Трагическое же искусство, поставая на видъ именно незаслуженность страданія, его несоразмѣрность съ виной страдальца, наглядно изображая примѣры этой несоразмѣрности, возбуждая закономѣрно состраданіе, тѣмъ самымъ исправляетъ излишекъ сострадательнаго чувства. Оно какъ бы говоритъ: „не всякое страданіе заслуживаетъ въ равной мѣрѣ нашего состраданія, злосчастье другаго достойно полнаго проявленія этого высокаго чувства только тогда когда превышаетъ вину страдальца“.

Скудость состраданія состоитъ въ противоположной крайности, а именно въ укоренившемся взглядѣ что всякое страданіе заслужено, что люди страдаютъ по дѣламъ или даже меньше чѣмъ того заслуживаютъ своею глупостью и злобой. Эта крайность очищается тѣмъ же способомъ какъ и предыдущая, то-есть изображеніемъ злополучія незаслуженнаго страдальцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіемъ вѣры что такое страданіе возможно, что сомнѣваться въ этомъ можетъ только нашъ самомнительный эгоизмъ, происходитъ ли онъ отъ того что мы считаемъ себя вполнѣ счастливыми или

несчастіе всѣхъ, а равно истекающее изъ онаго презрѣніе къ ближнимъ.

Такимъ образомъ, трагическое состраданіе является понятіемъ строго опредѣленнымъ, не допускающимъ уклоненія въ крайности; люди крайніе въ проявленіи состраданія въ томъ или иномъ смыслѣ, созерцая бѣдствія вполне достойныя высокаго соболѣзнующаго чувства, чувствуютъ состраданіе въ должной мѣрѣ и тѣмъ очищаются отъ сказанныхъ крайностей; это очищеніе происходитъ не при помощи разсужденія и не инымъ какимъ способомъ, а именно достодожнымъ, соразмѣрнымъ и цѣлесообразнымъ возбужденіемъ страсти.

Пунктъ второй: трагическій страхъ долженъ очищать и дѣйствительно очищаетъ нашъ страхъ.

Мы страдаемъ правильно, когда обнаруживаемъ это чувство при видѣ несчастія превышающаго вину страдальца. Чего же должны мы страшиться? Ибо, по мысли философа, идеаль отнюдь не въ полномъ безстрашіи, какъ и не въ излишествѣ страха. Онъ утверждаетъ что слѣдуетъ доказывать людямъ черезчуръ безстрашнымъ что и имъ есть чего бояться, что и они повинны страданію, что страдали люди и могущественнѣе, и лучше ихъ, и притомъ когда того не чаяли и отъ тѣхъ отъ кого не чаяли; доказывать, словомъ, что есть такіа несчастія которыхъ слѣдуетъ страшиться.

Изъ понятія страха выводится то правило хорошей трагедіи что трагическое лицо должно быть равно намъ или выше насъ по честности и правдивости *, чтобъ оно обладало честнымъ нравомъ; такое лицо вслѣдствіе грѣха, ошибки или заблужденія впадаетъ въ злосчастіе. И такое именно злосчастіе такого именно человека есть то чего мы должны страшиться для себя или для близкихъ намъ.

Разберемъ отдѣльно мотивъ равенства и мотивъ впаденія въ злосчастіе вслѣдствіе ошибки и т. п.

Во второмъ и третьемъ отдѣлѣ настоящаго разсужденія мы привели достаточное количество примѣровъ въ доказа-

* Неточное пониманіе въ чемъ должно состоять равенство какъ трагическаго лица породило ложный родъ искусства, такъ-называемую *мещанскую* трагедію. Равенство внѣшнее было выдвинуто на первое мѣсто, подобающее равенству внутреннему. Кто бы ни былъ героемъ трагедіи, царь или рабъ, онъ одинаково долженъ обладать извѣстными нравственными совершенствами.

тельство того что герои трагедіи обычно бываютъ равны или выше насъ по человѣческимъ достоинствамъ. Есть правда случай когда въ герой избирается лицо не вполне честнаго нрава; такова именно трагедія возбуждающая филантропическое чувство. Мы пока устранимъ изъ разбора этотъ случай *. Видя злосчастіе равнаго намъ по честности и правдивости человѣка, во всемъ намъ подобнаго, мы легче можемъ представить что подобное же можетъ случиться съ нами или близкими намъ, чѣмъ и пробудится въ насъ чувство страха. Если мы страдаемъ излишкомъ страха, то боимся всякаго несчастія, всякой скорби и огорченія; изображеніе страданій героя совершенно безупречнаго (не говоря объ отвратительности такого явленія) могло бы усилить этотъ недостатокъ: если полный праведникъ не изъять отъ несчастія, то мы подавно всякую минуту должны его опасаться. Страданія полнаго злодѣя также усиливали бы излишекъ страха, дѣлая его неразборчивымъ, обращая слишкомъ усиленное вниманіе на самый фактъ злосчастія. Подобное и по отношенію къ скудости страха. Созерцаніе страданій полнаго злодѣя укореняло бы этотъ недостатокъ: только для злодѣевъ де существуетъ возможность подвергнуться злосчастію, только имъ слѣдуетъ страшиться такой возможности; изображеніе страданій полнаго праведника также мало способно очистить скудость страха, всегда связанную съ невѣріемъ въ людей; можетъ ли въ такомъ разѣ пробудиться страхъ возможности злосчастія для себя у того кто не только не вѣритъ что полные праведники возможны, но вообще съ презрительнымъ сомнѣніемъ судить о достоинствахъ своихъ ближнихъ.

Мотивъ равенства или превосходства страдальца есть условіе непремѣнное для возбужденія страха, но оно ни чѣмъ не опредѣляетъ что именно достойно проявленія этого аффекта. Всякаго ли злосчастія человѣка намъ равнаго должны мы страшиться и для себя? Далеко нѣтъ. Опредѣляющее значеніе имѣетъ второй мотивъ: человѣкъ, равный намъ или лучшій чѣмъ мы, владаетъ во грѣхъ, заблужденіе или ошибку и тѣмъ навлекаетъ на себя бѣду. Трагически-страшно стало-

* См. ниже, глава III настоящаго отдѣла: добавленіе къ первому пункту.

быть не злополучіе само по себѣ или не одно оно, но и тотъ путь которымъ можетъ придти къ нему человѣкъ; страшна и причина злосчастія, коренящаяся въ винѣ страдальца, въ нарушеніи имъ законовъ Божескихъ или человѣческихъ; страшно самому быть виновникомъ собственного несчастья. Изображеніе этой вины, изображеніе грѣховнаго пути которымъ навлекается злосчастіе,—вотъ что можетъ возбудить трагическій страхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очистить нашъ страхъ.

Пояснимъ примѣрами преимущественно тѣхъ же трагическихъ лицъ о которыхъ говорили при разборѣ перваго пункта. Тамъ мы обращали вниманіе на несоразмѣрность вины съ несчастіемъ; теперь рассмотримъ самую вину. Отелло убійца изъ чести. Честь есть безспорно сокровище, которымъ слѣдуетъ дорожить, но не божество, ему же долѣтъ слѣпое поклоненіе. Отелло совершилъ убійство не изъ ненависти; но мало не ненавидѣть, надо любить; надо больше вѣрить въ чистоту другихъ. Предъ честью онъ не виновенъ, но ради ея онъ преступилъ болѣе важные законы Божескіе и человѣческіе. Трагически-страшенъ тотъ путь которымъ Отелло пришелъ къ убійству Дездемоны и проистекающимъ изъ него мученіямъ. Лишь навлекаетъ на себя несчастье гордымъ самолюбіемъ, тѣмъ что вышнее выраженіе любви и покорности къ себѣ цѣнитъ если не выше, то наравнѣ съ самими чувствами; трагически-страшно вслѣдствіе такой вины навлечь на себя бѣдствія. Причина несчастій Бориса „единое случайное пятно“; трагически-страшно не просто страдать, какъ онъ, но навлечь на себя несчастье подобнымъ же образомъ. Въ *Орлеанской Дѣвѣ* мы видимъ избранницу Небесъ впадающую въ несчастье въ силу невольнаго грѣха; подвигъ на который она призвана оказывается для нея тяжелъ: она полюбила врага своей родины, въ освобожденіи коей отъ враговъ и состоитъ ея призваніе. Любовь къ нему превозмогаетъ въ ней навремя всѣ другія чувства и помыслы; того не довольно: она переходитъ въ ролоть противъ Богоматери, избравшей ее на подвигъ. Трагически-страшно оказаться недостойнымъ избранія, дозволить человѣческой слабости, хотя навремя, побороть въ себѣ сознаніе святости долга и во имя ея ролтаться на то что волей Провидѣнія поставленъ на дѣло великаго служенія, и тѣмъ навлечь на себя бѣдствія. Антигона изъ любви къ брату

преступляетъ гражданскій законъ, волю царя; трагически-страшно быть вынуждену преступить постановленія власти, хотя бы по причинамъ весьма уважительнымъ, и тѣмъ навѣчь на себя злосчастіе. Наконецъ, въ *Эдинъ царь* трагически-страшно невольню и по невѣднію власть въ тяжкій грѣхъ и затѣмъ страдать и мучиться отъ сознанія его огромности. Два послѣдніе примѣра показываютъ, какое высокое понятіе имѣли язычники о трагическомъ страхѣ. Слѣдуетъ ли прибавлять что намъ, христіанамъ, стыдно быть позади ихъ въ этомъ отношеніи.

Сводя все сказанное къ одному, мы видимъ что подъ трагическимъ страхомъ разумѣется нѣчто весьма опредѣленное; достойна страха возможность нарушеніемъ, хотя бы порою невольнымъ и по невѣднію *, законовъ человѣческихъ и Божескихъ, власть во грѣхъ, заблужденіе или ошибку и тѣмъ навѣчь на себя злосчастіе.

Такой страхъ способенъ одновременно очищать обѣ крайности нашего страха. У людей трелещущихъ всякаго несчастья, даже мало вѣроятнаго, а равно у тѣхъ у кого слишкомъ скоро и неразборчиво пробуждается подобное страху непріятное чувство при видѣ, слухѣ или воспоминаніи о горѣ, — трагедія исправляетъ излишекъ страха тѣмъ что изображаетъ несчастья, происходящія по строгой необходимости или вѣроятію, привлекаетъ вниманіе къ тѣмъ путямъ и причинамъ которые могутъ сдѣлаться источникомъ нашего бѣдствія; причинамъ находящимся въ насъ самихъ, а не внѣ; ибо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ *Эдинъ царь*, грѣхъ обуславливающій злосчастіе произошелъ по невѣднію, источникъ страданія заключается въ сознаніи грѣха; мученія проистекаютъ не отъ того что внѣшнее горе обрушилось на страдальца, а въ его сознаніи тяжести грѣха. Не сознавая онъ этого, о чемъ бы онъ сталъ крушиться?

Людей воображающихъ что никакія бѣдствія для нихъ не страшны, потому ли что они пользуются великимъ счастьемъ, либо потому что извѣдали уже всѣ несчастья, трагедія очищаетъ отъ скудости страха изображеніемъ такого злосчастья которому можетъ подвергнуться всякій. Тѣмъ что человѣкъ владѣетъ благами міра или много видѣлъ горя никакъ

* Этимъ обстоятельствомъ конечно не слѣдуетъ злоупотреблять. У Софокла оно гармонируетъ съ огромностью грѣха.

не можетъ быть исключена возможность для него власть въ ошибку, заблужденіе или грѣхъ, и тѣмъ навлечь на себя зло-счастіе.

Элементъ страха, будучи необходимымъ ингредиентомъ состраданія, имѣетъ и независимо отъ того весьма важное значеніе въ трагедіи. Лессингъ, замѣчая что еслибъ Аристотель хотѣлъ насъ научить только тому какія страсти возбуждаетъ трагедія, то онъ, можетъ-быть, и поостерегся бы упомянуть отдѣльно о страхѣ, продолжаетъ такъ: „но онъ хотѣлъ въ то же время научить насъ какія страсти должны очищаться страстями возбуждаемыми въ насъ трагедіей, и потому-то долженъ былъ отдѣльно упомянуть о страхѣ. Ибо хотя по его мнѣнію аффектъ состраданія ни въ театрѣ, ни внѣ онаго не можетъ быть безъ страха за насъ самихъ; хотя страхъ есть необходимый ингредиентъ состраданія, но это неприложимо обратно, и состраданіе къ другому не есть ингредиентъ страха за насъ самихъ. Какъ только кончается трагедія, исчезаетъ и наше состраданіе и изъ всѣхъ испытанныхъ нами душевныхъ ощущеній въ насъ остается только вѣроподобный страхъ что то злосчастіе которому мы соболѣзновали возможно и для насъ самихъ. Это чувство уносимъ мы съ собою, и какъ раньше оно, будучи ингредиентомъ состраданія, помогало очищенію состраданія, такъ теперь, какъ продолжающаяся сама по себѣ страсть, помогаетъ очищенію самое себя. Конечно, для того чтобы показать что она можетъ совершать и дѣйствительно совершаетъ это, Аристотель счелъ необходимымъ упомянуть о ней отдѣльно.“ *

Замѣтимъ, во первыхъ, что впечатлѣнія испытываемыя зрителемъ въ театрѣ принадлежать къ числу весьма сложныхъ, причемъ возбужденіе страха является то отдѣльно отъ состраданія, то совмѣстно съ нимъ; эти простыя и совмѣстныя впечатлѣнія чередуются въ различныхъ сочетаніяхъ; далѣе, напряженіе всѣхъ этихъ впечатлѣній бываетъ различно, хотя, говоря вообще, къ концу трагедіи напряженіе должно увеличиваться. Говоря что трагедія возбуждаетъ страхъ и состраданіе, мы только указываемъ на основные мотивы возбуждаемыхъ ею впечатлѣній. Вовторыхъ, что хотя Лессингъ и правъ что по окончаніи трагедіи пробуждается чувство

* *Hamb. Dram. St. 77.*

страха (конечно, всякій въ большей или меньшей степени испытываетъ это на себѣ), но это уже страхъ которому предшествовало состраданіе, страхъ очищенный состраданіемъ. Поэтому-то мы думаемъ что высказанное германскимъ критикомъ положеніе требуетъ нѣкоторой оговорки, именно въ томъ смыслѣ что пробужденіе страха, несомнѣнное въ указанномъ имъ мѣстѣ, есть не единственное проявленіе этого аффекта. Состраданіе начинается при видѣ злосчастія трагическаго лица, при видѣ его мученій; оно достигаетъ однако полной зрѣлости только тогда когда злосчастіе превыситъ вину страдальца. Въ то же время когда злосчастіе только готовится, когда оно только грозитъ,—нѣтъ еще мѣста состраданію: тутъ область трагическаго страха.

Возьмемъ для примѣра послѣднюю сцену *Отелло* и для ясности рассмотримъ отдѣльно впечатлѣнія получаемыя отъ дѣйствій Отелло; на дѣлѣ къ нимъ присоединяются многія другія, на примѣръ впечатлѣнія отъ страданій Дездемоны и т. д., но, какъ уже замѣчено, впечатлѣнія переживаемыя нами въ театрѣ принадлежать къ числу сложнѣйшихъ. Мы беремъ въ примѣръ самого Отелло, потому что онъ до конца трагедіи есть все-таки средоточіе воихъ впечатлѣній и что возбуждаемыя его дѣйствіями душевныя движенія суть напряженнѣйшія; другія впечатлѣнія только усиливаютъ ихъ, входятъ въ нихъ какъ составныя части. Такъ, даже смерть Дездемоны въ планѣ трагедіи имѣетъ значеніе какъ причина сильнѣйшаго злополучія Отелло. Предъ нами спалъ; Дездемона спитъ; входитъ Отелло. Онъ готовится къ страшному дѣйствію, истекающему изъ ряда предыдущихъ дѣйствій какъ его самого, такъ и другихъ лицъ, главнѣйше Яго. Въ его первомъ монологѣ слышится правда отзвукъ страданія, но главное наше вниманіе обращено на то намѣреніе которое онъ готовится исполнить. Намъ страшно что онъ его исполнитъ; намъ страшно когда оно переходитъ въ дѣло; намъ страшно наконецъ самое совершеніе преступленія. Въ душѣ нашей нѣтъ еще ни калли состраданія къ Отелло, только одинъ страхъ. Или состраданіе существуетъ только какъ возможность, въ скрытомъ видѣ; оно подъ слудомъ страха, подавляется имъ. Въ такіе-то моменты трагедіи, когда впечатлѣнія страха если не всевластно, то преобладаетъ въ спальной степени, поэтъ и долженъ остерегаться переступить должныя границы, дабы не возбудить страхъ къ недостой-

ному, страхъ не способный очистить нашъ страхъ. Несомнѣнно что страхъ возбужденный сказанными дѣяніями Отелло въ послѣдствіи поможетъ созрѣть состраданію, но пока онъ властвуетъ надъ нами нераздѣльно. Страданія Отелло начинаются вскорѣ, раньше чѣмъ онъ узнаетъ о невинности Дездемоны, раньше даже чѣмъ входитъ Эмилія, но эти порывы страданія еще долго не овладѣютъ нашею душой: въ ней есть мѣсто и страху возбужденному раньше, и страху за будущую судьбу страдальца; страху еще не слившемуся съ состраданіемъ. Когда узнаніе кончено, когда одно страданіе остается въ Отелло; когда становится ясно что какъ ни велика его вина, страданія все-таки превышаютъ ее, тогда начинается состраданіе; къ этому моменту созрѣетъ вполнѣ и страхъ, но онъ уже перестаетъ проявляться самостоятельно; такой созрѣвшій страхъ не уничтожится, не перейдетъ въ состраданіе, какъ его ингредиентъ. Страхъ еще разъ на мгновеніе всецѣло овладѣетъ нашею душой въ моментъ самоубійства Отелло и затѣмъ уже ему нѣтъ мѣста до конца трагедіи.

Итакъ, страху есть мѣсто раньше окончанія трагедіи; а если есть мѣсто возбужденію аффекта, то есть мѣсто и его очищенію; ибо, по мысли Аристотеля, трагедія ни чѣмъ инымъ очищается въ насъ страхъ и состраданіе, какъ ихъ возбужденіями.

Посмотримъ же какъ въ дѣйствительности происходитъ такое очищеніе, чрезъ что еще нагляднѣе выяснится важность этого элемента въ трагедіи. Страшимся мы, по мысли Аристотеля, несчастія возможнаго для насъ самихъ. Но видя изображеніе страданія трагическаго лица, страшимся ли прямо и непосредственно за самихъ себя? Нельзя отрицать что порой это бываетъ; намъ приходилось наблюдать почти сознательное проявленіе такого чувства. Обычно однако страхъ за самихъ себя или близкихъ намъ присутствуетъ въ аффектѣ возбужденномъ трагедіей въ безсознательномъ, такъ-сказать скрытомъ видѣ. Последнее, впрочемъ, не даетъ права заподозривать основательность Аристотелева положенія, какъ то на примѣрѣ дѣлаетъ французскій переводчикъ *Пютики* г. Бартеlemi Сентъ-Илеръ. „Зритель“, говоритъ онъ „рѣдко совершаетъ это эгоистическое приложеніе къ самому себѣ, и онъ чувствуетъ страхъ предъ нѣкоторыми событіями, изображенными предъ его глазами, безъ мысли что онъ можетъ

подвергнуться когда-либо подобнымъ катастрофамъ“.* Подобное возраженіе слышится не рѣдко. Противъ него мы имѣемъ замѣтить слѣдующее: 1) что если зритель дѣлаетъ рѣдко приложеніе къ себѣ возможности того несчастія которое предъ нимъ изображается, то это еще не значитъ что онъ не дѣлаетъ этого никогда и возможенъ вопросъ: достигается ли въ случаѣ отсутствія такого приложенія трагедія своей цѣли; 2) отсутствіе сознательной мысли о сказанной возможности не исключаетъ ея существованія въ скрытомъ видѣ; если я считаю катастрофу возможною, то считаю ее возможною не для одного дѣйствующаго лица, а вообще для людей въ его положеніи, въ томъ числѣ и для себя; если я ощущаю при этомъ страхъ, то не страхъ того что такое злополучіе непременно постигнетъ меня, но страхъ его возможности для всѣхъ, а стало-быть и для себя; считай я данное злополучіе возможнымъ единственно для одного лица, я тѣмъ самымъ залодозривалъ бы его вѣроятность; но въ этомъ случаѣ я не страшился бы изображеннаго несчастія, какъ невозможнаго или слишкомъ мало вѣроятнаго; исключенія представляли бы только тѣ кто чрезмерно страшливъ, но для чрезмерно страшливаго и мало вѣроятное несчастіе страшно и для самого себя; 3) злитель эгоистическій, употребленный французскимъ переводчикомъ, какъ сейчасъ увидимся, совершенно неумѣстенъ.

Условіе страха—вотъ что забылъ возражатель Аристотеля—требуешь равенства трагическаго лица съ нами, или его превосходства надъ нами. Мы ощущаемъ страхъ когда Отелло готовится убить невинную жену, или когда наговоры Яго овладѣваютъ его душой. Мы страшимся, скажутъ, не за себя, а за Отелло, который при этомъ владаетъ въ несчастіе; когда же онъ владетъ въ несчастіе, то мы будемъ сострадать ему. Но для того чтобы страшиться за кого-либо и ощущать затѣмъ его страданія, необходимо какъ бы переживать то что онъ переживаетъ. Послѣднее, очевидно, не возможно пока мы мысленно, хотя и безсознательно, не поставимъ себя на его мѣсто; когда не увлечемся его судьбой настолько что онъ покажется намъ если не другимъ нашимъ я, то человѣкомъ намъ весьма близкимъ, своимъ. Но это возможно

* *Poétique d'Aristote*, traduite par J. Barthélemy Saint-Hilaire. Paris. 1858, стр. 66, въ примѣчаніи.

только въ томъ случаѣ когда онъ равенъ намъ, во всемъ намъ подобенъ. Только тогда мы станемъ страшиться за него, какъ за близкаго намъ человѣка; только тогда поймемъ или вѣрнѣе бессознательно почувствуемъ возможность такого же несчастья и для себя. И въ этомъ чувствѣ не будетъ ничего эгоистическаго, ибо мы страшимся того для себя чему въ другомъ сострадаемъ; страшимся для себя возможности того что страшно видѣть и въ другомъ. Не должно также забывать что несчастье не въ одной катастрофѣ, но и въ пути къ ней ведущемъ. Не всякое бѣдствіе трагически страшно, а то которое произошло вслѣдствіе грѣха, ошибки или заблужденія страдальца. Только та катастрофа трагически и страшна которая имѣла сказанныя причины. Голая катастрофа сама по себѣ не страшна въ трагическомъ смыслѣ, ибо страхъ ею возбуждаемый не способенъ очистить нашъ страхъ отъ крайнихъ проявленій. Точно также изображеніе одного впаденія въ грѣхъ, или заблужденіе, безъ сопровождающихъ его мученій и страданій, не страшно трагически по той же причинѣ. Что страхъ возбуждаемый трагедіей способенъ умѣрить, уравновѣситъ, словомъ очистить нашъ страхъ—показано выше. Это очищеніе состоитъ въ томъ именно что при созерцаніи истинно трагическаго бѣдствія мы становимся страшливы закономерно; при трагическомъ возбужденіи страха нѣтъ мѣста ни его избытку, ни его скудости; трагическій страхъ есть самъ по себѣ страхъ очищенный отъ крайностей; проявляясь въ насъ, онъ исключаетъ возможность проявленія крайностей, и въ этомъ исключеніи и заключается очищеніе нашего страха. Источникъ страха коренится въ свойственномъ человѣку благоговѣйномъ чувствѣ предъ судьбой или Промысломъ; въ такомъ же чувствѣ предъ святостью законовъ, волевыми, Божескими и, вовторыхъ, человѣческими.

III.

Разборъ третьяго и четвертаго пункта Лессинговой программы.—
Условія очищенія филантропическаго чувства.

Пунктъ третій: трагическое состраданіе должно очищать и дѣйствительно очищаетъ нашъ страхъ.

По опредѣленію греческаго философа, страшно то что случись съ другимъ или угрозой другому возбуждаетъ въ насъ

состраданіе *. Мы сейчасъ показали на примѣрѣ какъ въ теченіе трагедіи возбуждается въ насъ страхъ при видѣ бѣдствія еще не вполне совершившагося, но угрожающаго трагическому лицу; словомъ, при видѣ бѣдствія въ моментъ его становленія (Werden). Въ примѣрѣ нами выбранномъ, опасность бѣдствія близка и притомъ бѣдствія конечнаго; мы могли бы указать на другія сцены въ той же трагедіи гдѣ есть мѣсто страху; онъ просыпается, напримѣръ, когда Яго обнаруживаетъ впервые свои черные замыслы; онъ еще сильнѣе, когда Яго отъ намѣреній переходитъ къ дѣйствию, возбуждая въ душѣ Отелло сомнѣніе и ревность; когда въ душѣ зрителя возникаетъ вопросъ: повѣритъ ли благородный Мавръ наговорамъ своего пралорщика или нѣтъ? Онъ повѣрилъ, и душа его повергаась въ бездну отчаянія; въ насъ возбуждается состраданіе при видѣ его мученій. Страхъ, который мы недавно еще ощущали, сливается съ этимъ вновь возбужденнымъ чувствомъ, становится его ингредиентомъ. То же бываетъ, какъ замѣчено, и въ концѣ трагедіи; во всѣхъ случаяхъ гдѣ возбуждается страхъ, онъ долженъ быть возбужденъ закономѣрно; иначе онъ не будетъ способенъ очистить нашъ страхъ, не будетъ также въ состояніи помогать очищенію нашего состраданія, какъ укажемъ при разборѣ четвертаго пункта.

Трагедія окончена; катастрофа совершилась; мы перестали быть свидѣтелями трагического событія и въ душѣ нашей нѣтъ уже мѣста дѣятельному состраданію; оно замолкаетъ, ибо того что его возбуждаетъ, страданія, нѣтъ въ наличности. Лессингъ неоспоримо правъ указывая что въ это время пробуждается чувство страха. Хотя предметъ состраданія исчезъ и обо всемъ видѣнномъ осталось одно воспоминаніе, но оно слишкомъ еще свѣжо чтобъ уничтожиться сразу, ничѣмъ не отразась въ душѣ взволнованнаго зрителя. Это отраженіе и знаменуется новымъ пробужденіемъ страха. Оно разнится отъ предыдущихъ возбужденій того же аффекта не только по силѣ напряженія, ибо конечно возможность стать предметомъ состраданія сильнѣе возможности только становиться имъ, или другими словами: страшнѣе что бѣдствіе дѣйствительно обрушится чѣмъ только будетъ грозить; разнится не только потому что его именно, какъ вѣрно замѣтилъ

* Ср. Отд. I, гл. III.

Лессингъ, мы уносимъ изъ театра, между тѣмъ какъ предшествовавшія возбужденія терялись въ чувствѣ состраданія; оно разнится по своему качеству: мы назвали этотъ страхъ страхомъ очищеннымъ состраданіемъ, потому что на немъ отразилось уже непрѣмное условіе состраданія; мы видѣли уже что бѣдствіе превзошло вину страдальца. Могутъ сказать что это условіе состраданія должно соблюдаться въ теченіе всей трагедіи, что всякій разъ, какъ возбуждается въ насъ состраданіе, мученія трагическаго героя должны превосходить его вину. Безъ сомнѣнія такъ; иначе возбуждаемое состраданіе грозило бы власть въ крайность, не было бы трагично. И въ приведенной сценѣ III акта страданія Отелло превосходятъ его вину, насколько она въ этотъ моментъ обнаружилась въ дѣйстви. Онъ допустилъ только возможность нечистоты Дездемоны, и вотъ уже не видитъ ничего для себя въ будущемъ. Словами: „кончено дѣло Отелло“, то есть мнѣ больше ничего не остается дѣлать на землѣ изъ всѣхъ доблестныхъ дѣлъ, служенію которымъ я посвящалъ себя,—выражается вся глубина его отчаянія. Но это страданіе, превышающее наличную вину, не отражается на послѣдующихъ возбужденіяхъ, страха; они обнаруживаются всякій разъ при приближеніи новой опасности, при новой возможности для человѣка, не только намъ равнаго по честности и правдивости, но во многомъ лучше насъ, власть въ новую, тягчайшую прежней, вину и тѣмъ навлечь на себя новое тягчайшее злополучіе. Теперь же, по окончаніи трагедіи, такой опасности для Отелло уже не существуетъ. Остается только страхъ подобнаго злополучія для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ, и для близкихъ намъ; и именно страхъ власть въ злополучіе превышающее вину.

Вообразимъ навремя что послѣдняго обстоятельства не существуетъ: не страдалъ ли бы въ такомъ случаѣ возбужденный въ насъ трагедіей страхъ все еще нѣкоторою крайностію. Въ случаѣ положительнаго отвѣта мы должны будемъ признать его неспособнымъ очистить вполне нашъ страхъ. Дѣйствительно, онъ лгалъ бы излишекъ нашего страха тѣмъ что возможность *всякаго* несчастія, хотя и происшедшаго при опредѣляющихъ его значеніе обстоятельствахъ, полагалась бы достойнымъ полнаго проявленія нашего страха. Онъ способствовалъ бы, другими словами, уравниенію всѣхъ несчастій предъ страхомъ. Истинно-трагическій страхъ состои́тъ въ

возможности для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ, *стать предметомъ состраданія* и разумѣется состраданія въ полномъ смыслѣ слова. А такой страхъ обнаружится только тогда когда на немъ отразится условіе состраданія (незаслуженность бѣдствія); оно-то и будетъ способствовать окончательному очищенію все еще возможной крайности излишка нашего страха. Подобное и по отношенію ко скудости этого аффекта. Она, какъ разъяснено выше, очищается изображеніемъ такого злополучія которому повиненъ всякій, въ томъ числѣ и мнящій себя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, изъятый отъ бѣдствій. Теперь такимъ людямъ трагедія какъ бы говорить: „ты не только, какъ и всѣ, повиненъ страданію, но повиненъ ему въ стелени превышающей ту вину которая можетъ навлечь страданія“.

Чувство страха, пробуждающееся по окончаніи трагедіи, еще строже, еще опредѣленнѣе чѣмъ возбуждаемое въ теченіе ея. Страшно отдѣлаться самому предметомъ состраданія; но для того чтобы въ случаѣ постигнувшаго насъ злополучія мы могли стать вполне достойными состраданія, мы должны, волевыхъ, удовлетворять извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ; далѣе, при непремѣнномъ условіи обладанія сказанными достоинствами, страшно власть въ ошибку, заблужденіе, болѣе или менѣе тяжкій грѣхъ, и тѣмъ навлечь на себя злополучіе; наконецъ, при совмѣстной наличности обстоятельствъ проистекающихъ изъ обоихъ указанныхъ условій, страшно власть въ злополучіе превышающее нашу вину. Именно такой страхъ пробуждается въ насъ трагедіей; ясно что въ немъ нѣтъ мѣста эгоизму, который могъ бы питать которую-либо изъ крайностей аффекта. И этотъ-то страхъ, по словамъ Лессинга, уносимъ мы съ собою изъ театра послѣ хорошей трагедіи.

Пунктъ четвертый: трагическій страхъ долженъ очищать и дѣйствительно очищаетъ наше состраданіе.

Припомнимъ недавніе примѣры возбужденія страха въ теченіе трагедіи; возбужденія предшествующія проявленію состраданія. Какъ въ сценѣ третьяго акта, такъ и въ послѣдней сценѣ мы видимъ Отелло, вслѣдствіе нѣкотораго заблужденія или грѣха, владающимъ въ злосчастіе. Обстоятельство виновности, какъ мы знаемъ, есть одинъ изъ мотивовъ необходимыхъ для возбужденія трагическаго страха; другой же мотивъ заключается въ томъ чтобы лицо владающее такимъ обра-

зомъ въ бѣдствіе было равно намъ или превосходило насъ по нравственнымъ качествамъ. И этотъ мотивъ имѣется въ личности въ *Отелло*. Эти-то два мотива трагическаго страха, какъ предшествующіе проявленію состраданія, и должны послужить къ очищенію послѣдняго; дополнить то чего не достаётъ въ условіяхъ состраданія, выведенныхъ изъ понятія самого аффекта.

Оба мотива страха какъ наличность извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, такъ и наличность нѣкоторой виновности, сводятся къ одному—къ возможному приближенію героя къ намъ. И именно: требуется совокупность обоихъ мотивовъ; если будетъ присутствовать только одинъ изъ нихъ, то подобіе героя намъ, его равенство съ нами будетъ нарушено. А какъ показано при разборѣ третьяго пункта, возбужденіе страха за насъ самихъ или близкихъ намъ при видѣ бѣдствія угрожающаго герою, или его постигшаго, возможно только въ случаѣ сказаннаго равенства. То обстоятельство что герой можетъ быть выше насъ по нравственнымъ достоинствамъ не нарушаетъ равенства, ибо мы легко представляемъ себѣ высшую степенъ доблести, свойственной человѣку; болѣе, всѣ мы испытывали на себѣ, хотя бы временный, подъемъ нравственныхъ силъ, подъемъ духа. Отсутствіе же виновности, напротивъ, нарушаетъ условіе равенства. Всѣ мы повинны грѣху, и когда извиняемъ проступокъ другаго, то вспоминаемъ что „всѣ мы люди, всѣ человѣки“; другими словами, признаемъ возможность и для себя извиняемаго проступка. Праведность есть идеалъ къ коему человѣкъ обязанъ стремиться, но люди наиболѣе приближающіеся къ нему, конечно, первые не согласятся признать себя изъятыми отъ грѣха, ошибокъ или заблужденій; только самолюбивая пошлость готова считать себя непогрѣшимой.

При разборѣ перваго пункта мы показали, какъ состраданіе, обусловленное незаслужанностью бѣдствія, способно очищать крайности нашего соболѣзнующаго чувства. Такое узаконмѣренное состраданіе мы возьмемъ теперь за исходный пунктъ. Если привнесеніе условій страха способно содѣлывать его чище и возвышеннѣе, то конечно оно еще въ большей степеніи способно совершать то же относительно ничѣмъ не умѣреннаго чувства соболѣзнованія. Въ трагедіи мы имѣемъ дѣло не съ однимъ фактомъ злосчастія, но и съ личностью страдальца; выборъ его ограниченъ извѣстными

условіями и именно условіями вытекающими изъ понятія страха. * Поэтому, въ трагедіи не только нѣтъ мѣста состраданію безъ страха, но и тому очищенію состраданія которое изложено при разборѣ перваго пункта, безъ одновременнаго и совмѣстнаго очищенія его трагическимъ страхомъ. Приступая къ разбору Лессинговыхъ пунктовъ, мы повтому и оговорили что въ видахъ большей ясности придется раздроблять изслѣдованіе сложныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, намъ легче будетъ повять очищеніе трагическимъ страхомъ нашего состраданія, когда мы предположимъ послѣднее уже лишеннымъ грубыхъ крайностей, уже очищеннымъ трагическимъ состраданіемъ.

Припомнимъ вкратцѣ сказанное при разборѣ перваго и третьаго пунктовъ. При разсмотрѣніи какъ трагическое состраданіе очищаетъ наше чувство соболѣзнованія, главное вниманіе было обращено на несоразмѣрность между злополучіемъ постигающимъ трагическое лицо и его виновностью, на незаслуженность бѣдствія, или точнѣе на неполную его заслуженность. Будь злополучіе равно винѣ, оно было бы заслужено, оно стало бы простымъ наказаніемъ: изображеніе такого злосчастія, возбуждая соболѣзнованіе у людей чрезчуръ чувствительныхъ, литало бы именно его излишекъ, дѣлая его неразборчивымъ, полагая всѣ несчастія равно достойными состраданія. Но такъ какъ страхъ не только присутствуетъ въ состраданіи какъ его ингредиентъ, но и предшествуетъ его проявленію въ трагедіи, то въ то же время и подобнымъ же образомъ литался бы и излишекъ страха. Люди скудные состраданіемъ (а такіе скудны и страхомъ) при видѣ разбираемаго злополучія оставались бы холодны и укрѣплялись бы какъ въ этой холодности, такъ и въ скудости страха. Будь злополучіе менѣе вины, оно не достигало бы даже той степени когда достойно имени наказанія. При видѣ такого злополучія, какъ понятно безъ объясненій, у людей чрезмѣрно чувствительныхъ еще бы сильнѣе возбуждался излишекъ обоихъ аффектовъ какъ состраданія, такъ и страха; у людей холодныхъ еще бы сильнѣе литалась скудость проявленія обоихъ аффектовъ. При разборѣ перваго пункта показано какъ присутствіе условія незаслуженности

* Ср. Отд. II, гл. III.

въ изображаемомъ несчастіи умѣряетъ обѣ крайности проявленія состраданія; при разборѣ третьяго пункта—какъ то же условіе способствуетъ умѣренію обоихъ крайнихъ проявленій страха. Въ обоихъ случаяхъ одновременно умѣряются обѣ крайности; не будь этого, трагедія не достигала бы цѣли: вѣдь она одна для всевозможныхъ зрителей. И это умѣреніе или очищеніе производится ни чѣмъ инымъ какъ закономѣрнымъ возбужденіемъ аффектовъ, возбужденіемъ ихъ ко вполнѣ достойному ихъ полнаго проявленія.

Теперь представимъ себѣ случай гдѣ злосчастіе превосходитъ виновность страдальца, но самъ страдалецъ не равенъ намъ; положимъ онъ будетъ ниже насъ и если не полнымъ злодѣемъ, то человѣкомъ не честнаго нрава. Безъ сомнѣнія и въ этомъ случаѣ условіе способствующее очищенію нашего соболѣзнованія трагическимъ состраданіемъ останется въ силѣ, но возбужденное чувство не будетъ тѣмъ что Аристотель называетъ собственно состраданіемъ; при обнаруженіи его отсутствовалъ бы страхъ возможности подобнаго бѣдствія для насъ самихъ или намъ близкихъ. Какъ мы знаемъ, греческій философъ называетъ такое соболѣзнующее чувство филантропіей, жалостью по человѣчеству. И такъ, присоединеніе условій страха содѣлываетъ наше чувство соболѣзнованія вполнѣ достойнымъ имени состраданія, еще болѣе возвышаетъ его. Въ этомъ и заключается его очищеніе трагическимъ страхомъ.

Мы тогда легче всего поймемъ какъ трагическій страхъ способенъ очищать наше состраданіе, когда укажемъ какъ происходитъ это очищеніе. Предъ нами во всемъ подобный намъ, равный намъ человѣкъ; ему угрожаетъ нѣкоторая опасность, но не внѣшняя, а такая которую онъ навлекаетъ, или навлекъ уже самъ на себя ошибкой, заблужденіемъ или грѣхомъ. Мы чувствуемъ, хотя бы безсознательно, что опасность бѣдствія вслѣдствіе подобныхъ причинъ возможна и для насъ: это пробуждаетъ въ насъ страхъ. Но для себя и близкихъ намъ мы страшимся только *возможности* того что для трагического лица есть *наличность*. Еслибы такая наличность существовала для насъ, то очевидно намъ уже поздно было страшиться ея возможности; сознавая опасность, мы принимали бы мѣры для ея отвращенія. Далѣе, еслибы подобная опасность грозила намъ лично или кому-либо изъ

близкихъ насъ. то мы боялись бы *только* за себя или *только* за него и притомъ *только* въ данную минуту грозящей опасности. Опасность однако грозить не намъ лично; она обнаруживается только для человѣка равнаго намъ; страшась возможности ея для себя, мы страшимся не простаго повторенія для себя того что видимъ, но того что при подобныхъ обстоятельствахъ и мы вслѣдствіе подобнаго заблужденія, ошибки или грѣха можемъ навлечь на себя бѣдствіе. Еще: есаубы трагическое лицо видѣло также ясно какъ мы что ему грозить бѣдствіе, то и оно, конечно, постаралось бы предупредить его; страшна и для насъ возможность подобной немощи предупредить грозящую опасность. Но именно то обстоятельство что для насъ лично не представляется ни малѣйшей необходимости предупреждать опасность заставляетъ насъ не только страшиться возможности ея для себя, но ощущать страхъ и за судьбу трагическаго лица. Последнее однако было бы невозможно, есаубъ опасность коей подвергается трагическое лицо казалась намъ мало вѣроятною или даже вовсе невысказанною для насъ самихъ. Какъ скоро мы начинаемъ принимать къ сердцу опасность грозящую другому, очевидно мы обнаруживаемъ къ нему нѣкоторое любовное, братское отношеніе; къ его горю мы никакъ не останемся равнодушны; болѣе, оно отразится въ насъ въ высокой степени. За опасностью бѣдствія слѣдуетъ оно само; мы видимъ страданія трагическаго лица и сострадаемъ ему. Это состраданіе пробудилось въ насъ и возросло до значительной степени именно потому что мы сказаннымъ образомъ почувствовали страхъ за его судьбу. Не будь послѣдняго, наше соблазнующее чувство было бы холоднѣе. Но страхъ, который мы ощутили, былъ трагическій страхъ, то-есть законнѣрный, не допускающій проявленія ни излишка, ни скудости этого аффекта. И этотъ-то страхъ довелъ наше состраданіе до полной зрѣлости; онъ содѣлалъ его не только напряженнѣе, но и возвышеннѣе и чище; возвелъ его на степень братской любви въ томъ видѣ въ какомъ она можетъ проявляться при злосчастіи самыхъ близкихъ намъ людей, впавшихъ въ злосчастіе равноцѣнное изображенному въ трагедіи. Будь герой ниже насъ по нравственнымъ качествамъ, побудительною причиною состраданія была бы только незащищенность бѣдствія; теперь мы видимъ что такое бѣдствіе возбуждаетъ состраданіе въ полной степени только въ томъ

разѣ, когда постигаетъ лицо обладающее извѣстными нравственными качествами. Такимъ образомъ аффектъ трагическаго состраданія опредѣляется еще строже и съ тѣмъ вмѣстѣ проявленія крайностей нашего соболѣзнующаго чувства становятся еще менѣе возможны. Повторяемъ: по мысли Аристотеля только эта степень аффекта и достойна названія состраданія; привнесене условій страха разграничиваетъ его отъ того что онъ называетъ филантропией, отъ чувства высокаго и подобнаго состраданію, но менѣе теплаго и сердечнаго.

Выше мы замѣтили что въ случаѣ когда героемъ трагедіи является лицо лучшее чѣмъ мы, условіе равенства не можетъ считаться нарушеннымъ. Избраніе такого лица въ герои, какъ мы знаемъ *, есть одно изъ обстоятельствъ усиливающихъ трагическое впечатлѣніе; сюда же принадлежатъ избраніе въ герои человека пользовавшагося большимъ почетомъ или счастьемъ (Отелло, Лиръ, Эдипъ, Борисъ и т. д.), а равно внезапность злосчастія, заключающаяся въ томъ что люди подвергаются бѣдствіямъ чрезъ тѣхъ чрезъ кого не чаяли (напримѣръ Отелло чрезъ Яго, котораго считаетъ другомъ, или Лиръ отъ дочерей, которыхъ облагодѣтельствовалъ), или когда того не чаяли (напримѣръ Борисъ достигнувъ власти, когда никто не смѣлъ обвинить его виновности и кромѣ того чрезъ неожиданное имъ появленіе Самозванца, или Отелло въ ту минуту когда считаетъ себя полнымъ счастливецемъ), или когда злосчастіе, цѣлый рядъ бѣдствій постигаетъ человека уже много страдавшаго, напримѣръ Эдила въ *Эдипъ въ Колонѣ*, или Лира, послѣ ряда несчастій и т. д. Что эти обстоятельства могутъ способствовать наибольшему очищенію скудости нашего страха и сопряженной съ нимъ скудости состраданія, понятно безъ особыхъ толкованій. Въ самомъ дѣлѣ, такая скудость проявляется у людей воображающихъ себя изъятыми отъ бѣдствій, потому что они считаютъ себя либо наверху счастья, либо испытавшими всякое горе. Трагедія, изображая что люди и въ подобныхъ обстоятельствахъ не изъяты отъ горя, тѣмъ самымъ способствуетъ къ еще большому устраненію сказанной скудости. Но не могутъ ли названныя обстоятельства лутать излишекъ нашего страха и состраданія? Нѣтъ, потому что всѣ условія способствующія очищенію назван-

* См. Отд. III, гл. IV.

ныхъ страстей отъ излишка при этомъ нисколько не нарушаются. Нечаянность, на примѣръ, должна быть вѣроятна, а потому не можетъ пробудить страха къ злосчастью мало правдоподобному. Пусть герой трагедіи выше насъ и по нравственнымъ качествамъ, и по вѣшнему положенію,—мотивъ его виновности и послѣдующаго за нимъ бѣдствія превышающаго вину остаются въ полной силѣ. Страхъ попрежнему обращенъ на возможность быть причиной собственнаго несчастья; состраданіе на незаслуженность бѣдствія. Обѣ страсти въ подобныхъ трагедіяхъ возбуждаются только глубже и сильнѣе, ничего не теряя въ своей законмѣрности.

Но когда страдальцемъ явится полный праведникъ, условіе равенства будетъ нарушено. Предъ нами будетъ не живой человекъ; предъ нами будетъ нѣкоторое идеальное представленіе, лишенное плоти и крови. Но ошибка художника не ограничится этимъ; заставивъ страдать полнаго праведника, онъ произведетъ впечатлѣніе противоположное тому на которое разчитывалъ. „Тутъ нѣтъ ни страха, ни страданія, говоритъ Аристотель; это просто отвратительно“. Мы приводили толкованіе Лессинга на эти слова *. Ссылаясь на него, мы ограничимся теперь немногими замѣчаніями, имѣя въ виду преимущественно слѣдствія вытекающія изъ положенія Аристотеля.

Г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, на мнѣніе котораго относительно трагическаго страха мы обратили вниманіе при разборѣ третьяго пункта, старается слѣдующими доводами заподозрить основательность Аристотелева положенія. „Можно, впрочемъ“, говоритъ онъ, ** „ослабить справедливость этой мысли: и добродѣтель, какъ бы совершенна она ни была, владея въ злосчастьіе, можетъ еще вмѣстѣ (à côté) съ удивленіемъ возбудить состраданіе. Безъ сомнѣнія, такая отвратительная несправедливость возмущаетъ; но мы сочувственно относимся къ незаслуженнымъ страданіямъ.“

По мнѣнію возражателя, страданія полнаго праведника

* Отд. II, гл. III.

** *Poétique d'Aristote* etc., стр. 65, въ примѣчаніи. Къ сожалѣнію приходится замѣтить что почтенный переводчикъ Аристотеля въ этомъ случаѣ не столько руководствуется любовью къ истинѣ сколько заднею мыслію (не рѣдкою у французскихъ критиковъ) оправдать нѣкоторыя ошибки Корнеля или Расина.

возбуждаютъ въ насъ чувство сложное, въ которомъ есть однако мѣсто и состраданію. Если даже и согласиться съ нимъ, то все-таки придется замѣтить что такое состраданіе не есть трагическое: оно ни мало не способно устранить проявленіе крайности нашего соболѣзнующаго чувства. * Далѣе, въ сложномъ чувствѣ возбужденномъ разбираемымъ зрѣлищемъ, по мнѣнію возражателя, первое мѣсто принадлежитъ удивленію, состраданіе только сопутствуетъ ему. Къ сожалѣнію, возражатель не находитъ нужнымъ даже возбудить вопроса о томъ будетъ ли въ данномъ случаѣ удивленіе возбуждено въ надлежащей степени и дѣйствительно ли драматическая форма есть та при помощи коей поэтъ удобнѣе всего достигнетъ такого возбужденія. Въ дѣйствительности, чувство соболѣзнованія будетъ мѣшать полному обнаруженію удивленія. Мы удивляемся совершенству, но дабы наше удивленіе могло созрѣть, ничто не должно затемнять совершенства; въ данномъ же случаѣ мы призваны удивляться праведности и видимъ волюющую несправедливость: можно ли придумать вѣщую помѣху обнаруженію нашего удивленія? Волюющая несправедливость отвратительна, она возмущаетъ насъ; съ этимъ согласенъ и возражатель, но онъ какъ бы забываетъ что именно мысль что предъ нами совершается нѣчто отвратительное не дастъ созрѣть ни удивленію, ни состраданію; она осилитъ ихъ. Драматическіе авторы владающіе въ подобную ошибку какъ бы инстинктивно чувствуютъ что негодованіе возбудится въ чрезмѣрной степени, а потому и выставляютъ единственною причиною злочастія какого-либо неслыханнаго злодѣя, на котораго и обрушивается все негодованіе; не будь такого отвода, негодованіе обратилось бы на самаго автора, что было бы и справедливо.

Сказаннаго достаточно чтобы убѣдиться въ малой основательности возраженія противъ справедливости Аристотелева положенія; посмотримъ теперь на слѣдствія вытекающія изъ положенія. Невольно является мысль что для очищенія нашего состраданія или (что все равно) для возбужденія въ насъ состраданія поистинѣ трагическаго, необходима извѣстная соразмѣрность между величиной вины и величиной злочастія которое она навлекаетъ на трагическое лицо. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ малая вина, сопровождаемая непо-

* Сравни выше разборъ перваго пункта.

мѣрно огромнымъ страданіемъ, можетъ питать мысль что изображенное въ дѣйствіи почти что отвратительно. Съ другой стороны, слишкомъ большая вина, сопровождаемая слишкомъ ничтожнымъ злосчастьемъ, способна возбудить развѣ крайности состраданія. Весьма поучительно взглянуть какъ великіе поэты поступали въ случаяхъ близко подходящихъ въ сказаннымъ.

Вина Корделіи (нѣкоторая гордость предъ отцомъ) ничтожна въ сравненіи съ бѣдствіями которыя постигаютъ ея въ теченіе трагедіи; правда, эти бѣдствія не суть прямыя послѣдствія ея вины, они связаны съ нею только косвенно и суть какъ бы отраженія злосчастья отца, но тѣмъ не менѣе они существуютъ. Не возможно ли при зрѣищѣ ихъ пробужденіе мысли что изображено нѣчто отвратительно? Нѣтъ, и это избѣгнуто тѣмъ что въ теченіе трагедіи мы не видимъ Корделіи страдающей; въ первой сценѣ она слишкомъ увѣрена въ своей правотѣ чтобы чѣмъ-либо выразить свое огорченіе; притомъ несправедливость отца уравнивается любовью Французскаго короля; далѣе, она обращается только съ полуукоромъ къ своимъ сестрамъ. Вниманіе зрителя сосредоточено не на оскорбленномъ чувствѣ Корделіи, а на ~~смысл~~ самого Лира, на его грѣхѣ, изъ котораго проистекутъ его несчастія, а равно на пробужденіе страха что причиной такого несчастія будутъ именно облагодѣтельствованныя отцомъ дочери. Корделія огорчена поступкомъ сестеръ съ отцомъ, но ея огорченія мы не видимъ; мы слышимъ только разказъ о немъ джентльмена Кенту (д. IV, сц. III). Въ слѣдующей сценѣ мы видимъ ее заботящеюся объ отцѣ, грустною, но не страдающею въ трагическомъ смыслѣ. Сцена въ палаткѣ (д. IV, VII) есть сцена примиренія отца съ дочерью, сцена умиляющая зрителя. Въ сценѣ (д. V, III), когда предъ зрителями проводятъ лѣтними Лира и Корделію, она ни словомъ не выражаетъ страданія; вся сцена имѣетъ цѣлью показать какъ много душевной бодрости, какъ много любви въ душѣ Лира въ минуту несчастія. Затѣмъ Лиръ выноситъ трупъ Корделіи; предъ нами отецъ оплакивающий дочь, *его* страданіе: отстрадавшая дочь есть только поводъ къ выраженію *его* горя. Такимъ образомъ, во всей трагедіи нѣтъ ни одной сц. гдѣ бы Корделія непосредственно являлась предметомъ состраданія. И конечно Шекспиръ въ этомъ отношеніи руководился ничѣмъ инымъ, какъ художественно - этическимъ

чувствомъ; внѣшней преграды для написанія сценъ гдѣ страдала бы Корделія у него не было: онъ дробилъ актъ на столько отдѣльныхъ сценъ на сколько ему казалось необходимымъ, хотя бы сцена заключала въ себѣ не болѣе десяти строкъ.

Второй случай: злосчастіе почти не превышаетъ вины. Возьмемъ въ примѣръ *Макбета*. Говоря объ условіяхъ характера трагическаго лица мы сдѣлали очеркъ личности Макбета *. Его злодѣянія безспорно велики, но проявленіе состраданія въ зависимости не отъ однихъ страданій сопровождающихъ вину; оно обуславливается также и личностью страдальца. Въ началѣ трагедіи мы видимъ доблести Макбета; путь которымъ онъ приходитъ къ преступленіямъ изображенъ съ большою постепенностью; мы не остаемся холодны къ паденію доблестной души, паденію обусловленному прямымъ вмѣшательствомъ адскихъ силъ. Наконецъ, когда преступленія достигли своего алогей, поэтъ рисуетъ намъ пробужденіе хорошихъ качествъ Макбета не въ концѣ еще убитыхъ; послѣднимъ обстоятельствомъ несомнѣнно *оживляется* чувство нашего состраданія. Такой пріемъ, въ случаяхъ подобныхъ разбираемому, не рѣдокъ у трагическихъ поетовъ и онъ-то и способствуетъ въ высокой степени закономѣрному возбужденію состраданія. Вспомнимъ послѣдній актъ *Маріи Стюартъ*. Конечно, безъ сцены исповѣди наше состраданіе къ злополучію Шотландской королевы не было бы столь живо и чисто.

Добавленіе къ первому пункту: филантропическое чувство, возбуждаемое трагедіей, должно очищать и дѣйствительно очищаетъ наше филантропическое чувство.

При разборѣ Лессинговыхъ пунктовъ мы опускали тотъ случай когда трагическое лицо не равно намъ по нравственнымъ качествамъ, когда оно обладаетъ не вполне честнымъ нравомъ. Чувство возбуждаемое страданіями такого лица, какъ извѣстно, Аристотель называетъ филантропіей; мы соболевшемъ злосчастіемъ и такихъ страдальцевъ, но не въ столь сильной степени какъ когда герой равенъ намъ; это конечно зависитъ отъ того что намъ трудно поставить себя на его мѣсто, какъ бы переживать его страданія, страшиться за его судьбу, какъ за судьбу человека намъ близкаго. Трагедіи герои коихъ таковы не рѣдки; онъ однако только тогда будутъ заслуживать имени художественныхъ произведеній когда будутъ

* Отд. III, гл. II.

возбуждать филантропическое чувство въ законной мѣрѣ; иначе всякую пьесу гдѣ изображено злосчастіе злодѣя пришлось бы считать хорошею. Возбужденія жалости не должны быть грубы; они не должны способствовать проявленію какой-либо изъ крайностей этого чувства. Но гдѣ искать условій опредѣляющихъ правильное возбужденіе филантропіи? Условіе состраданія, то-есть незаслуженность злосчастія, здѣсь непримѣнимо или примѣнимо только условно; условіе страха также; герой и въ разбираемомъ случаѣ, конечно, можетъ владѣть въ грѣхъ, ошибку и заблужденіе, и тѣмъ навлекать на себя несчастіе, но этотъ мотивъ возбужденія страха, какъ мы видѣли, достигаетъ цѣли только въ соединеніи съ мотивомъ нравственнаго равенства.

Человѣкъ ниже средняго уровня по честности и правдивости можетъ быть, однако, равенъ, даже выше насъ, по другимъ человѣческимъ достоинствамъ: онъ можетъ обладать умомъ, храбростью, талантомъ, вообще качествами присутствіе которыхъ не исключается сказаннымъ недостаткомъ. Аристотель, указывая на примѣры трагедій разбираемаго вида, отнюдь не совѣтуетъ выбирать въ герои полного злодѣя; именно, какъ на примѣры подобающаго героя онъ указываетъ на человѣка умнаго, но не безъ подлости, попадающаго въ разставленныя имъ самимъ сѣти, и на человѣка храбраго, но несправедливаго *. Другими словами на людей, при отсутствіи нравственныхъ качествъ, обладающихъ извѣстными достоинствами. Человѣкъ вполне порочный и только порочный, чистый злодѣй, совсѣмъ не годится въ герои трагедіи; его страданія могутъ въ однихъ возбудить только излишекъ жалости, укрѣпляя въ то же время въ другихъ ея скудость. Изъ разбора вышеприведенныхъ примѣровъ, а равно трагедіи о Ричардѣ III, мы вывели правило что филантропическое чувство будетъ тѣмъ ближе къ состраданію, а стало-быть тѣмъ способнѣе очищать наше филантропическое чувство „чѣмъ сильнѣе будетъ возможность представить что тотъ же человѣкъ при иныхъ склонностяхъ или при обузданіи своихъ безчестныхъ (порочныхъ) склонностей могъ бы явить тѣ или иные положительныя доблести“ **.

Филантропическое чувство, при существованіи въ трагедіи

* Ср. Отд. III, гл. I.

** Ср. Отд. III, гл. III.

указаннаго условія, будетъ обращено на злосчастіе лица не лишеннаго извѣстныхъ достоинствъ; на лицо въ которомъ мы не откажемся признать человѣка, если не равнаго, то подобнаго намъ; оно станетъ такимъ образомъ опредѣленнымъ; съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлается возможнымъ проявленіе, если не страха въ Аристотелевскомъ смыслѣ слова, то чувства ему подобнаго; при видѣ злосчастія такого героя, въ насъ пробудится не столько желаніе видѣть его наказаннымъ за злыя дѣянія сколько желаніе возможности для него исправленія. Это чувство невольнаго участія къ судьбѣ героя и дастъ созрѣть истинной филантропіи, жалости по человѣчеству. Намъ станетъ жаль въ героѣ человѣка. Возбужденная трагедіей жалость по человѣчеству будетъ способна очистить объ крайности проявленія нашей жалости; излишекъ ея возбуждается простымъ видомъ страданія не только человѣка, но и животнаго: люди черезчуръ жалостливые слишкомъ неразборчивы въ проявленіи своей чувствительности; трагедія указываетъ имъ достойное воплощѣ человѣческой жалости: злополучіе человѣка, хотя и порочнаго, но въ которомъ мы ясно видимъ существо воплотѣ намъ подобное; жаль что оно погибаетъ неисправленнымъ отъ склонностей дѣлающихъ его намъ не равнымъ. Скудость жалости исправляется пробужденіемъ въры въ то что и въ своемъ паденіи человѣкъ все-таки остается существомъ достойнымъ во многомъ нашего сочувствія: совсѣмъ не жалѣть можно только воплотѣ недостойнаго.

Уяснимъ высказанныя соображенія примѣрами. Ричардъ III злодѣй. Сравнивая его первый монологъ съ монологомъ Эдмунда въ *Диръ* (*Природа мой богъ*), Лессингъ замѣчаетъ что въ послѣднемъ случаѣ онъ слышитъ дьявола, но въ образѣ свѣтлаго духа, а въ первомъ и слышитъ и видитъ дьявола въ такомъ образѣ который свойственъ только дьяволу *. Ричардъ дѣйствительно изъ всѣхъ извѣстныхъ въ художествѣ образовъ болѣе другихъ напоминаетъ дьявола. Нельзя отказать ему въ умѣ, но умъ его цѣликомъ направленъ на злое дѣло, воплотѣ подчиненъ злой волѣ. Сцена сновидѣній, подъ вліяніемъ коихъ Ричардъ чувствуетъ омерзѣніе къ себѣ, ко всему своему прошлому, заставляетъ насъ вспомнить что и онъ человѣкъ. Когда, кромѣ того, мы видимъ его храбрость въ такой моментъ когда и смѣлому есть причина расте-

* *Laokoön*, XXIII.

теряться,—то мы убѣждаемся что въ этомъ злодѣѣ есть качества высокія, свойственныя не многимъ изъ насъ. Отсюда жалость по человѣчеству при видѣ его страданій. Сравнимъ эти моменты возбужденія филантропіи съ таковыми же по отношенію къ леди Макбетъ. Еслибы мы стали искать въ этой женщинѣ чертъ приближающихъ ее къ намъ, то конечно увидѣли бы ихъ только въ любви къ мужу. Любовь сильная, страстная, но неразумная, слѣпая. Леди Макбетъ понимаетъ только внѣшнее вѣрчье и ея цѣль—видѣть мужа на высшей ступени такого величія какая только возможна для человека, какой можетъ позавидовать самое честолюбивое воображеніе. Для того чтобы добыть мужу тронъ, она ни предъ чѣмъ не остановится; тутъ она будетъ смѣла и храбра и превзойдетъ безстрашіемъ даже своего мужа. Итакъ, любовь къ мужу, къ чему бы она ни вела, есть черта заставляющая насъ видѣть въ леди Макбетъ существо намъ подобное; мы жалѣемъ что столь высокое и сильное чувство направлено столь превратно. Леди Макбетъ страдаетъ глубоко и сильно; мы свидѣтели этого страданія, сопровождаемаго укорами совѣсти, не дремлющей и во время сна страдальцы: новая человѣческая черта. Этотъ видъ страданій способенъ возбудить нашу жалость. Шекспиръ не идетъ дальше; онъ не рисуетъ намъ конечной гибели гордой женщины. Внѣшнихъ причинъ для этого у него не могло быть; въ его трагедіяхъ мы нерѣдко видимъ смерть нѣсколькихъ лицъ, нѣсколько труповъ одновременно лежатъ предъ нами. Должна быть внутренняя причина такой умѣренности великаго поэта, и она конечно заключается въ томъ что въ сценѣ сонambuизма наша жалость проявляется правильно; изображеніе же конечной гибели леди Макбетъ только бы возбудило его крайности: нашему филантролическому чувству не было бы достаточной пищи. Требовалось бы чтобы въ моментъ своей гибели леди Макбетъ обнаружила нѣкоторое достоинство, которое было бы способно оживить чувство нашей жалости. Проявленіе его, конечно, казалось великому поэту несомнѣннымъ съ самою личностью леди. Не то въ Ричардѣ III.

Ричардъ, какъ замѣчено, возбуждаетъ впервые филантролическое чувство въ той сценѣ когда подъ вліяніемъ страшнаго сновидѣнія въ немъ пробуждается отвращеніе ко всѣмъ своимъ мерзостнымъ дѣламъ, сознаніе что изъ всѣхъ людей на землѣ для него страшнѣе только онъ самъ, какъ злодѣй

и безчеловѣчный убійца. Сцена, по основному мотиву, имѣетъ подобіе со сценой сонамбулизма леди Макбетъ. Шекспиръ не оставляетъ однако Ричарда на этомъ моментѣ; онъ доводитъ его до конечной гибели. Почему же? развѣ этотъ моментъ, какъ подобный въ *Макбетъ*, не есть въ свою очередь самый удобный для правильного возбужденія чувства жалости по челоуѣчеству? Нѣтъ, есть моментъ когда Ричардъ возбудитъ его столь же правильно, но въ болѣе сильной степени. И то именно моментъ его смерти. Филантропическое чувство возбудится тогда въ должной мѣрѣ не самымъ фактомъ смерти, не болѣе сильною степенью страданія, но тѣмъ именно обстоятельствомъ что въ свой предсмертный часъ Ричардъ обнаружитъ нѣкоторую положительную доблесть, именно беззавѣтную храбрость. Будь наоборотъ, явись Ричардъ въ предсмертный часъ болѣе или менѣе трусомъ; не будь при этомъ возможна мысль что Ричарду мѣшаеь быть героемъ злое направленіе его воли, развязка трагедіи смертью была бы не художественна, трагедія была бы не способна очищать наше филантропическое чувство. Замѣтимъ кстати что такое возрастаніе энергіи въ Ричардѣ, въ минуту грозящей опасности, весьма вѣроятно по всему складу его личности; оно было бы несообразно съ женскою природою леди Макбетъ, какъ уже замѣчено при разборѣ Аристотелевыхъ положеній касательно изображенія характера. Вотъ новый случай убѣдиться какими тонкими и въ то же время неразрывными нитями связаны между собой всѣ правила теоріи, основанной на изученіи сущности трагическаго искусства.

Возьмемъ еще примѣръ. Въ послѣдней сценѣ *Отелло* мы зрители трехъ смертей: Отелло, Дездемоны и Эмилии. Мы подробно говорили о нихъ; * изображеніе конечной гибели этихъ лицъ вполне правильно возбуждаетъ наше состраданіе. Главный виновникъ всей катастрофы, Яго, остается живъ; Шекспиръ не торопится наказать его за злодѣяніе. Яго, правда, раненъ, но не сильно; онъ не страдаетъ отъ боли, а только выражаетъ радость что опасность счастливо миновалась. Онъ, пожалуй, наказывается, но не страданіемъ, а исключеніемъ изъ числа людей (слова Лудовико, заключающія трагедію). Такой приговоръ конечно не можетъ опеча-

* См. Отд. II, гл. II.

лать злодѣя, умѣющаго восхищаться своею преступною ловкостью. Всякое, даже малое страданіе Яго было бы не художественно; оно бы вело къ возбужденію крайностей жалости. Поэтъ, исключая его изъ числа людей, въ то же время изъесть его изъ числа достойныхъ возбудить въ насъ человѣколюбивое чувство.

IV.

Обзоръ предыдущаго.—Въ чемъ заключается удовольствіе получаемое отъ трагедіи.

Мы окончили разсмотрѣніе трагедіи въ существенныхъ ея частяхъ; оглянемся, на пройденный путь. Трагедія есть, волервыхъ, подражаніе дѣйствию; въ этомъ ея сходство не только съ родственными родомъ искусства, комедіей, но и съ эпосомъ. Условія эпоса и драмы въ этомъ отношеніи одинаковы. Оба изображаютъ жизнь человѣческую, но не какъ событія просто, а какъ дѣйствія людей. Такое изображеніе называется драматическимъ; сей эпитетъ, какъ мы видѣли, приложимъ не только къ комедіи и трагедіи, но и къ произведеніямъ эпическимъ. Еслибы поэты изображали одни событія, то они ничѣмъ бы не отличались отъ разсказчиковъ, повѣствующихъ о видѣнномъ и слышанномъ; событіе должно явиться какъ произведеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и внутренняго міра человѣка, которому приходится постулатъ такъ или иначе въ различныхъ столкновеніяхъ съ другими людьми. Изображеніе дѣйствія немыслимо безъ изображенія дѣйствующаго, между тѣмъ какъ событіе можетъ быть разказано, какъ совершившееся съ людьми вообще, причемъ мы не узнаемъ ничего о внутреннихъ побужденіяхъ этихъ людей или узнаемъ весьма мало. Люди различаются между собою по уму и характеру: оба эти качества должны быть изображены поэтомъ. Дѣйствія человѣческія зависятъ однако не отъ нихъ однихъ; тутъ важную роль играютъ чувства, страсти, различные впечатлѣнія, возбужденія и одержанія. Умъ и характеръ могутъ быть изображены независимо отъ дѣйствій человѣка, внѣ ихъ; можно описать или разказать что такой-то ученый обладалъ такимъ или инымъ умомъ, точно опредѣлить качества и особенности этого ума; подобное же можно сдѣлать и относительно характера, представивъ его

анализъ, что и дѣлается напримѣръ историками. Поэтъ ближе достигнетъ своей цѣли не тогда когда ясно изобразить особенности ума и характера того или иного человека, а когда хорошо изобразить его дѣйствія. Цѣль поэзіи вообще заключается въ законномѣрномъ возбужденіи чувствъ или аффектовъ. Положимъ, поэтъ желаетъ возбудить въ насъ восторгъ предъ храбростію. Онъ тогда достигнетъ своей цѣли когда изобразить избраннаго героя въ такомъ дѣйствиіи гдѣ ясно обнаружится сказанное качество; если при этомъ особенности ума или характера героя будутъ очерчены не особенно ясно и отчетливо, то цѣль все-таки будетъ достигнута; наоборотъ, безъ изображенія подобающихъ дѣйствій, при удивительномъ даже описаніи ума и характера, цѣль достигнута не будетъ. Поэтому-то изображеніе ума и характера лица должно быть подчинено изображенію дѣйствія; они должны быть изображены не непосредственно, но чрезъ дѣйствіе. * Правило это равно относится и къ эпосу и драмѣ. Въ частности мы указали на *Ромео и Юлію* какъ на трагедію гдѣ изображеніе характеровъ сравнительно слабо. Равно Эврипидъ и Шиллеръ не всегда отчетливо рисуютъ характеръ дѣйствующихъ, но ихъ трагедіи весьма достигаютъ цѣли, свойственной такого рода произведеніямъ, потому что дѣйствія въ нихъ изображенныя носятъ на себѣ всѣ признаки дѣйствій трагическихъ.

Изъ понятія дѣйствія выводятся правила о его единствѣ, вѣроятности или необходимости, о величинѣ произведенія, о важности *міоса* какъ плана произведенія и т. д. И эти правила общи для обоихъ родовъ поэзіи. Различіе собственно драмы и эпоса заключается въ томъ что драма изображаетъ дѣйствіе совершающимся какъ бы предъ глазами зрителя, его *становленіе*; эпосъ же повѣствуетъ о дѣйствиіи какъ о

* Замѣтимъ кстати что область поэзіи вообще есть изображеніе не только людей, но и предметовъ въ дѣйствиіи или движеніи. Такъ красота, напримѣръ, будетъ изображена нагляднѣе когда поэтъ изобразитъ ее въ движеніи, или то дѣйствіе которое она оказываетъ на другихъ, а не тогда когда поэтъ пустится въ дробное описаніе частностей. (Ср. Лессинга *Лаокоонъ*.) Лирическіе поэты также изображаютъ внутреннія движенія души человѣческой. Слово вообще способно къ такому именно изображенію; оттого-то поэзія, равно какъ музыка, и называются искусствами *во времени*, въ противоположность другимъ искусствамъ *въ пространствѣ*.

совершившемся. Поэтому-то въ драмѣ эпизоды или вставки менѣе допустимы; ими прерывалось бы теченіе дѣйствія. Дѣйствіе изображается въ драмѣ какъ непрерывно-становящееся, но въ преемственности не времени, а фазъ самого дѣйствія. Завязавшееся дѣйствіе можетъ повлечь за собою другія не тотчасъ же, но чрезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени.

Становленіе дѣйствія есть поэтому одинъ изъ признаковъ драмы вообще, то-есть и комедіи и трагедіи. Имъ обуславливается отчасти и самая форма этого рода произведеній. Но мало изобразить дѣйствіе какъ бы совершающимся предъ глазами зрителя; надо избрать для такого изображенія такое именно дѣйствіе которое по своимъ качествамъ требуетъ сказанной формы, которое, будучи изображено именно такъ, произведетъ не только наисильнѣйшее, но и наиболѣе довѣяющее впечатлѣніе.

Обстоятельства дѣйствія многообразны. Аристотель указываетъ на переломъ, узнаніе и страданіе какъ на главнѣйшія; два первые общи и эпосу и драмѣ вообще; послѣднее можетъ быть изображено и въ эпосѣ и въ трагедіи. Но изображенное въ трагедіи оно произведетъ большее впечатлѣніе, ибо и въ жизни непосредственное зрѣлище страданія производитъ впечатлѣніе сильнѣйшее чѣмъ разказъ о немъ. Страданіе поэтому есть непремѣнное обстоятельство трагическаго дѣйствія; изображеніемъ его въ становленіи объясняется удовлетворительно такъ-называемая драматическая форма, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность сценическаго представленія.

Такимъ образомъ, непремѣннымъ условіемъ трагическаго мѣста является изображеніе страданія, нѣкотораго зла болѣзненнаго и разрушительнаго, зрѣлище коего способно возбудить въ насъ и страхъ, и состраданіе. Страсти или аффекты вообще могутъ проявляться въ насъ въ своихъ крайностяхъ, то-есть страдать излишкомъ или скудостью; то же надо повторить и о страхѣ и состраданіи. Еслибы трагедія возбуждала ихъ крайности, она не имѣла бы никакого этического значенія; она *должна* возбуждать ихъ закономѣрно, то-есть къ предметамъ истиннѣ того заслуживающимъ. Такимъ возбужденіемъ она очищаетъ въ насъ названные аффекты именно тѣмъ что исключаетъ возможность возбужденія ихъ крайностей.

Какъ совершается такое очищеніе — сейчасъ показано.

Замѣтимъ что въ теченіе настоящаго изслѣдованія мы обращали равное вниманіе на возбужденіе и очищеніе какъ страха, такъ и состраданія. Условія трагическаго лица, какъ-то: его равенство намъ, его впаденіе въ ошибку, грѣхъ или заблужденіе, влекущіе за собою злосчастіе, а также честность его нрава выведены нами изъ понятія страха; равнымъ образомъ мы показали что возбужденіе чувства страха имѣетъ мѣсто въ теченіе трагедіи, что оно предшествуетъ обычно возбужденію состраданія; такой трагическій страхъ слѣдуетъ очищенію какъ нашего страха, такъ и послѣдующаго за нимъ состраданія, становясь ингредиентомъ послѣдняго. Въ этомъ мы нѣсколько расходимся съ Лессингомъ, полагавшимъ главнѣйшее значеніе трагедіи въ возбужденіи состраданія *. Наше объясненіе впрочемъ ни мало не противорѣчитъ Лессингову, оно только дополняетъ его; болѣе, мы были наведены на мысль о важности элемента страха въ трагедіи по преимуществу исполненіемъ программы германскаго критика относительно очищенія трагедіей возбуждаемыхъ ею страстей. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы возвратили полное значеніе Аристотелевой формулы трагедіи, гласящей что „трагедія есть такое подражаніе дѣйствию которое не разказомъ, но страхомъ и состраданіемъ (то-есть непосредственнымъ возбужденіемъ этихъ аффектовъ въ душѣ зрителя) очищаетъ эти и имъ подобныя страсти“. Отличіе трагедіи отъ эпоса заключается именно въ непосредственности возбужденія сказанныхъ аффектовъ и въ совмѣстномъ съ онымъ ихъ очищенію. Въ силу этой непосредственности трагедія и способна въ высшей мѣрѣ чѣмъ эпосъ возбуждать названные аффекты; въ этомъ ея особенность; во всемъ же остальномъ они вполнѣ между собою сходятся.

Особенность удовольствія получаемого отъ трагедіи состоитъ въ законномъ возбужденіи страха и состраданія; другіе аффекты, хотя и могутъ быть возбуждены ею, но присутствіе или отсутствіе ихъ не характерны для трагическаго искусства; присутствіе ихъ, конечно, содѣлаетъ трагедію разнообразнѣе и богаче впечатлѣніями, вообще прекраснѣе; но если, при всевозможномъ разнообразіи и богатствѣ впечатлѣній отъ данной трагедіи, она не будетъ способна очищать аффекты страха и состраданія, то и не достигнетъ

* Ср. Отд. II, гл. III.

своей цѣли, ничѣмъ не оправдываетъ своей формы и не доставитъ собственнаго ей удовольствія. Удовольствіе получаемое отъ поэзіи вообще заключается въ законмѣрности возбужденія того или иного аффекта; люди вообще ищутъ этой законмѣрности. Вообразимъ нѣсколько человѣкъ любующихся природою; всякому въ большей или меньшей степени кажется что онъ-то и восхищается въ должной мѣрѣ, а другіе либо слишкомъ холодны, либо черезчуръ ужъ чувствительны въ данномъ отношеніи. Мѣриломъ въ этомъ случаѣ полагается собственное чувство, личное и эгоистическое, быть-можетъ и правильное, но можетъ-быть страдающее излишкомъ или скудостью. То же и по отношенію къ возбужденію страха и состраданія; заслуга Аристотеля заключается въ томъ что онъ нашелъ истинное мѣрило трагическихъ впечатлѣній, выведя ихъ изъ образцовыхъ произведеній греческаго театра, изъ произведеній истинно-трагическихъ поэтовъ. Потому именно что онъ поступалъ научно, то-есть выводилъ законы явленій изъ самыхъ явленій, его теорія приложима не къ однимъ греческимъ трагедіямъ, а ко всѣмъ вообще: ею объясняются достоинства не только Эсхила, Софокла и Эврипида, но и Шиллера, и Гёте, и Пушкина, и Шекспира; ею объясняются и всѣ недостатки встрѣчаемые въ трагедіяхъ или подобныхъ произведеніяхъ. Его теорія оправдана всею исторіей трагическаго искусства. Въ теченіе изслѣдованія мы, говоря о трагедіи какъ о подражаніи дѣйствию просто, такъ и о подражаніи дѣйствию возбуждающему и страхъ, и состраданіе, постоянно указывали на обычныя отступленія отъ законовъ трагедіи или на ошибки противъ нихъ; если читатель теперь просмотритъ предыдущіе отдѣлы, то онъ убѣдится что при существованіи указанныхъ отступленій въ трагедіи невозможно очищеніе возбуждаемыхъ ею аффектовъ; они способствуютъ только возбужденію ихъ крайностей. Поэтому при сужденіи о трагедіи не достаточно принимать во вниманіе простое возбужденіе страха и состраданія; не боясь нисколько власти въ ошибку, можно сказать что всѣ пишущіе въ драматической формѣ стремятся произвести именно такое возбужденіе, но не всѣ возбуждаютъ ихъ въ законной мѣрѣ; возбуждаются именно крайности: безплодный ужасъ или страхъ предъ нарушеніемъ какого-либо предразсудка вмѣсто спасительнаго трагическаго страха, пошлый или гаулый сентиментализмъ вмѣсто человѣческаго и чело-

вѣчнаго состраданія. Ошибки подобныя указаннымъ существовали и въ греческомъ театрѣ, какъ видно изъ оговорокъ Аристотеля: и въ древней Греціи существовала не одна трагедія, но и произведенія подобныя современнымъ мелодрамъ или слезной комедіи.

Заключимъ: ученіе объ очищеніи трагедіей страстей ею возбуждаемыхъ есть вѣнецъ Аристотеле-Лессинговой теоріи: только оно даетъ истинное мѣрило художественности произведенія и его этического значенія нераздѣльнаго отъ художественнаго. Теорія, повторимъ сказанное во вступленіи, никого не научитъ писать трагедіи, но она есть вѣрный и заботливый другъ таланта, предохраняющій его отъ ошибокъ, способствующій его художественному самовоспитанію. Самонадѣянность свойственна художникамъ не менѣе чѣмъ остальнымъ смертнымъ; она ведетъ къ тому что художникъ ограничивается первыми болѣе или менѣе удачными опытами и затѣмъ начинаетъ подражать самому себѣ, чрезъ что впадаетъ въ собственную рутину. Отъ такого-то великаго несчастія, неправильно называемаго ладеніемъ таланта, и спасетъ его теорія.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

LXIX.

Гундуровъ медленными шагами поднялся опять по лѣстницѣ и направился въ комнату тетку. Онъ зналъ что она будетъ ждать его, не уснетъ не повидавшись съ нимъ.

Она еще не раздѣвалась, и въ своей robe feuille-morte de madame Cottin ходила по комнатѣ, часто и озабоченно пощипывая изъ своей маленькой золотой табатерки.

— А, вотъ ты! Ну, садись!... Не надолго, послѣшила она примолвить,—надо будетъ тебѣ пойти опять туда, ко веѣмъ....

Онъ сѣлъ—опустился въ большое готическое кресло, въ которомъ утромъ сидѣла Луна, и уронилъ руки на колѣни.

Она внимательно поглядѣла на него сбоку. Ей показалось что онъ даже похудѣлъ съ этого утра.

— Усталъ?

— Да, немножко, отвѣтилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Да, послѣ такой роли. Ты прекрасно игралъ, я даже удивилась.... И она въ свою очередь насилувано улыбнулась.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 6, 7, 8 и 10.

Сергѣй зналъ тетку, и эту ея привычку ходить по комнатамъ и торопливо нюхать когда она была чѣмъ-нибудь очень взволнована, и то что вслѣдъ за этими „лосторонними словами“ она разомъ приступить къ предмету озабочивавшему ее.

Онъ не ошибался.

— Чтò у тебя вышло съ княжной? спросила она ехъ абгупто, оборачиваясь на ходу и глядя ему прямо въ лицо.

Онъ ожидалъ почему-то этого вопроса, и все-таки смутился.

— Кто вамъ сказалъ что у насъ что-то вышло, и почему вы думаете....

— Никто мнѣ не говорилъ; но я знаю тебя съ пеленъ, и ее успѣла узнать достаточно въ это короткое время. Я поняла это изъ выраженія вашихъ лицъ тамъ, на сценѣ.... и поняла также что виноватымъ тутъ никакъ не можетъ быть она, строго примолвила Софья Ивановна.

Ему тѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ упрекъ чѣмъ громче слышался онъ ему въ его собственной совѣсти. Онъ, какъ говорится, повернулъ съ больной головы на здоровую.

— И поэтому, тетя, слегка раздраженнымъ тономъ сказалъ онъ,—вы сочли нужнымъ сообщить о....—онъ не находилъ слова—о... обо всемъ этой свѣтской графинѣ, которую я сейчасъ приводилъ и по словамъ которой я не могъ не понять что она знаетъ... Я не говорю, она прелестная, милая женщина, и была такъ внимательна ко мнѣ что я могу быть ей только чрезвычайно благодаренъ, тѣмъ болѣе что не знаю чѣмъ могъ я заслужить... Но, признаюсь вамъ, мнѣ нисколько не были пріятны намеки на то чтò, я думалъ, знаете только вы и.... и еще одна особа, договорилъ онъ черезъ силу.

— Ты думаешь? съ невеселымъ выраженіемъ шевельнувшихся губъ молвила она на это:—ты думаешь что ни у кого глазъ нѣтъ, слуха, что никто не въ состояніи видѣть, сообразить и вывести заключеніе?... Эта Аглая развѣ со своею невозможною глупостью ничего не замѣтила,—а кто же не видѣлъ что у васъ тамъ шли не роли, не заученный разговоръ актера съ актрисой, а разыгрывалось что-то настоящее, личное между вами!... Графиня,—она дѣйствительно прелестная женщина, не даромъ весь Петербургъ былъ у ея ногъ,—она съ первыхъ словъ поняла что въ тебѣ говорило настоящее отчаяніе, „un vrai désespoir“, какъ она выразилась, а что она, княжна, насилу на ногахъ держалась. Какое заключеніе съ умомъ ея, со свѣтскимъ опытомъ, могла она изъ этого

вывести? А мнѣ что же лгать ей было, клясться что ничего подобнаго нѣтъ? Повѣрила бы она мнѣ, да и къ чему было мнѣ лгать?... Или ты думаешь что этотъ петербургскій, выписанный Аглаей женихъ ничего не замѣтилъ? Такъ я угладѣла съ какимъ выраженіемъ лица слѣдилъ онъ за каждымъ словомъ вась обоихъ.... Или князь Ларіонъ? Вотъ его фраза мнѣ. Я его спросила нарочно, когда мы вернулись наверхъ послѣ театра, почему мы были лишены удовольствія слышать лѣніе княжны и вообще цѣлая ея сцена пропущена; а онъ мнѣ этимъ своимъ дипломатическимъ тономъ и явно со шпилькой по твоему адресу: „ей было не въ мочь, говорить, она слишкомъ серьезно, къ сожалѣнію, вошла въ свою роль Офеліи“.

— Онъ это сказалъ? воскликнулъ Сергѣй.

— Да, сказалъ, и я....

Онъ не далъ ей продолжать, вскочилъ:

— Отчаяніе, да, тетя, эта графиня была права, настоящее отчаяніе! вырвалось у него неудержимо изъ груди;—что я перечувствовалъ, перестрадалъ съ утра, вы не знаете!.. Я вообразать даже не могъ что изъ всего этого такая мука выйдетъ!.. И какіе-то враги, ненавистники, уколы... униженія, тета!.. Я будто виноватъ предъ нею, будто оскорбилъ ее тѣмъ что осмѣлился.... и всякій нахаль считаетъ себя въ правѣ вступаться за нее, слѣсъ съ меня сбить. Вы бы послушали что говорили тамъ при мнѣ, нарочно.... „Она цѣну должна себѣ знать“, она „не про московскихъ соловьевъ“.... Это я, вы понимаете, „соловей“, то-есть. я авантюристъ, прощальнаго, воруна залетѣвшая въ высокія хоромы.... Я едва... я бы кажется растерзалъ его на мѣтѣ, восклицалъ Сергѣй со сверкающими отъ негодованія глазами,—но то что говорить какой-нибудь Свищовъ, вѣдь это думаетъ и вашъ свѣтъ, то пресловутое общество которое вы называете „хорошимъ“.... а я кромѣ мерзости и гнуснаго разчета ничего, ничего въ немъ не вижу.... Скажите, ради Бога, этотъ пріѣзжій женихъ, вѣдь онъ ея не знаетъ, онъ лонять, оцѣнить ея не могъ.... Онъ ея не любитъ, не способенъ.... развѣ такіе люди могутъ!.. Онъ прямо пріѣхалъ схватить кушъ.... Онъ возьметъ ея деньги, а съ ними ужъ и ее въ придачу.... Я, тетя, вы знаете, думалъ ли я о ея деньгъ.... А выходитъ такъ что на его сторонѣ всѣ права.... сочувствіе къ нему, одобреніе.... а меня, меня, по ихъ мнѣнію, вытурить отсюда слѣдуетъ.... за мою продерзость... Что же это, скажите, что так....

Страстный молодой гнѣвъ ожигалъ его губы; будто спаленныя на половину, не доканчиваясь, лутаясь, обрываясь, падали изъ нихъ слова.... Онъ дрожавшею какъ въ лихорадкѣ рукой наполнилъ себѣ стакавъ воды изъ стоявшаго на столѣ графина, выпилъ его залпомъ, и упалъ снова въ кресло, порывисто дыша и судорожно моргая рѣсницами.

Софья Ивановна не прерывая слушала эту горячую вспышку. Она почти радовалась ей. „Все равно что у дѣтей корь, думала она, — высыпало, на половину сбыто.“ Но она сама была взволнована, не тѣмъ что заставляло негодовать племянника, а чѣмъ-то что она прозрѣвала въ немъ за этимъ негодованіемъ.

— Пошло, безобразно, отвѣчала она, садясь насупротивъ его, — но въ отчаяніе приходитъ отъ этого все-таки безумно. Ты долженъ былъ это предвидѣть заранѣе. Какъ ты до сихъ поръ ни поглощенъ былъ твоими книгами, но не можешь же ты не знать, въ какой строй сложилось, на какихъ понятіяхъ живетъ наше общество; тебѣ и по исторіи должно быть это наконецъ извѣстно.... Ну да, ты по происхожденію тотъ же Рюриковичъ что и Шастуновы, а дѣдъ этого Анисьева — выслужившійся Гатчинецъ, одной породы съ Аракчеевыми; въ другой странѣ съ понятіями о „naissance“, какъ это разумѣется тамъ, не могло бы и рѣчи быть, кто изъ васъ болѣе въ правѣ претендовать на руку княжны. Но у насъ, милый мой, этихъ взглядовъ нѣтъ, родовая наша знатность — миражъ, и всѣ знаютъ что за нимъ пустота одна и туманъ. Отсюда и складъ понятій соотвѣтствующій. Хорошо онъ или дурень, и почему не сумѣли мы выработать другаго, — иной вопросъ, но онъ логиченъ и его ты не перевернешь. Иллюзіи себѣ нечего намъ съ тобою дѣлать: въ глазахъ свѣта нашего, его огромнаго большинства во всякомъ случаѣ, этотъ флигель-адъютантъ — партія для княжны, а выходя за тебя она дѣлала бы „mésalliance“, потому что ты — ничего, кандидатъ какихъ сотни, а онъ — un personnage, въ милости, близокъ къ солнцу, предъ нимъ кар...

— Вотъ видите, вы тоже, вспыльчиво прервалъ ее еще разъ Гундуровъ, — вы тоже признаете за нимъ всѣ права, а за мной никакихъ!...

— Самое священное изъ нихъ, воскликнула его тетка: — она платитъ тебѣ взаимностью... Но самъ ты, говори по совѣсти, стоишь ли ты ея?... Послушай, Сережа, ты мнѣ съ дѣтства

никогда не лгалъ, говори,—и отъ понимавшаго ея волненія красныя пятна выступили на лицѣ Софьи Ивановны,—что ты сказалъ княжнѣ? Я все время тамъ слѣдила за твоимъ лицомъ: у тебя были нехорошіе глаза когда ты говорилъ съ ней, они были злѣе чѣмъ того требовала даже твоя роль; она видимо такъ страдала что на нее смотрѣть нельзя было безъ жалости. Не изъ-за одного же это утренняго разговора здѣсь? Было еще что-то потомъ, въ театрѣ? Что ты ей сказалъ?

Лицо Сергѣя поблѣднѣло:

— Я былъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ оскорбленій, того что сказано было... и предъ самымъ, какъ нарочно, выходомъ моимъ на сцену... Я... передалъ объ этомъ, чуть слышно договорилъ онъ.

— Счелъ нужнымъ сообщить ей то что говорилъ какой-нибудь Свищовъ!... Отлично! Что же дальше?

— Что „дальше“? переспросилъ онъ безцѣльно, не зная куда дѣться отъ неотступнаго взгляда тетקי, который онъ чувствовалъ и сквозь олутившіяся его вѣки.

— Отъ того что могъ говорить господинъ Свищовъ ей не могло быть ни тепло ни холодно, я въ этомъ увѣрена, рѣзко промолвила Софья Ивановна;—ты къ этому долженъ былъ прибавить своего чтобы довести ее до того что она не могла даже доиграть до конца?...

Въ душѣ Гундурова происходило въ эту минуту нѣчто подобное тому что испытываетъ человѣкъ стоящій на скалѣ надъ глубокою рѣкой и чувствующій что у него кружится голова, и онъ сейчасъ, сейчасъ упадетъ съ высоты въ эти темныя волны...

— Что могъ я сказать въ такомъ состояніи, проговорилъ онъ не своимъ, визгливымъ, чуть не плачущимъ голосомъ,—когда я видѣлъ что все противъ этого... когда она сама утромъ сказала что ея мать никогда... Я сказалъ...

Онъ словно захлебнулся.

— Что? Что сказалъ? настаивала Софья Ивановна, не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Я сказалъ что былъ сонъ... Онъ остановился опять.

— „Сонъ“, повторила она,—то-есть, то что ты любилъ и надѣялся—сонъ? Такъ?... Ну, а за этимъ что же?

— Что же послѣ сна? пылко, грубо воскликнулъ Сергѣй, понимая что скала обрушилась и онъ безнадежно летитъ въ воду:—послѣ сна пробужденіе...

Софья Ивановна перегнулась всею грудью черезъ столъ, какъ бы желая дотянуться глазами до самыхъ глазъ племянника, причемъ блонды ея челчика чуть не вспыхнули отъ пламени одной изъ стоявшихъ тутъ свѣчъ. Гундуровъ только успѣлъ схватить ее и отставить.

— Ты это сказалъ княжнѣ? Ты, значитъ, отказался... отказался отъ нея?...

Она такимъ же порывистымъ движеніемъ, упершись руками о столъ, встала на ноги:

— Сергѣй Михайлычъ Гундуровъ наплевалъ на ангела, котораго слѣды онъ не достоинъ цѣловать!... Что же мы здѣсь дѣлаемъ? Для чего я не у себя, въ Сашинѣ, а маюсь здѣсь и участвую во всемъ этомъ уродствѣ?.. Пошли мнѣ Маму! Я ни минуты не останусь здѣсь!.. Я какъ предчувствовала, боялась увидать княжнѣ послѣ этого театра... Я ее болѣе и не увижу никогда, мнѣ слишкомъ стыдно и больно было бы взглянуть ей въ глаза. Пошли мнѣ горничную!...

И съ дрожащею челюстью, схватившись за ручку кресла, она быстро сѣла, чувствуя что ноги не держатъ ея.

Гундуровъ всталъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, дрогнувъ отъ затылка до пятокъ, и съ судорожнымъ рыданіемъ повалился головой ей въ колѣни.

— Тетя, ради Бо-о-га! могъ только проговорить онъ.

Нѣкоторое время ничего не было слышно въ комнатѣ кромѣ этого нервнаго рыданія которое Сергѣй тщетно старался заглушить прижимаясь губами къ складкамъ знаменитой robe feuille-morte de madame Cottin; иногда только удалые звуки далекой мазурки врываются сюда на мгновеніе, когда какой-нибудь слуга отворялъ дверь корридора, соединявшаго эту часть дома съ его парадными комнатами, и замирали вновь какъ бы изъ уваженія къ этой безвластной надъ собою молодой скорби... Безучастною казалась къ ней Софья Ивановна; она не оттолкнула племянника отъ своихъ колѣнъ, но и не испугалась его отчаянія какъ испугалась бы во всякое другое время; она предоставляла его собственному его теченію, не пытаясь успокоить его словомъ участія, утѣшенія. Она еще сама не справилась съ собою, съ гнѣвомъ своимъ на это „балованное дѣтище“, на этого вынужденнаго, выхолощеннаго ею питомца своего, который теперь „совсѣмъ такъ какъ дѣлалъ онъ это ребенкомъ, когда чувствовалъ себя виноватымъ“, пряталъ голову въ складкахъ ея юбки. „Только

свѣтлые кудрявые волосики разсылаются по ней, бывало“, вдругъ вспоминала она невольно... „И цвѣтомъ они у него теперь точно у матери его покойницы, у бѣдной моей Сашки“, сказала она себѣ, опустивъ глаза на эти все также слегка вившіеся, желтоватые волосы... И неожиданнымъ для нея самой движеніемъ рука ея приподнялась и притронулась къ этимъ шелковистымъ волосамъ...

— Избаловала я тебя слишкомъ, проговорила она неестественно уже теперь строгимъ тономъ, испугавшись тутъ же этой невольной своей ласки,—ты эгоистъ сталъ, не деликатенъ...

— Тетя, пощадите, прошепталъ онъ, вставая на ноги и избѣгая ее взгляда,—у меня и такъ въ душѣ адъ!...

Ей вдругъ сдѣлалось неимоверно его жаль.

— Надо же однако рѣшить, Сережа. У насъ утромъ сегодня положено было что я завтра должна была говорить съ ея матерью, но если ты отка...

— Боже мой, прокричалъ онъ, отчаяннымъ жестомъ закидывая себѣ обѣ руки за затылокъ,—да скажите же себѣ сами, могу ли я, могу ли отъ нея отказаться!...

— Хорошо, сказала Софья Ивановна послѣ довольно долгаго молчанія наступившаго за этимъ,—я спрошу княжну, и если она все также согласна будетъ и теперь, я переговорю съ этою Аглаей.

— Она откажетъ! тоскливо выговорилъ Сергѣй.

— Кто?

— Княгиня.

— Лишь бы княжна не отказала.... Я бы на ее мѣстѣ навѣрное это сдѣлала послѣ твоей бессмысленной, не деликатной выходки! съ новымъ лыдомъ воскликнула Софья Ивановна. — Какъ ты хоть чутьемъ не понялъ, ужъ если сердца у тебя на это не хватило, какъ много обѣщала она тебѣ сегодня утромъ, и какъ безконечно счастливъ и благодаренъ долженъ бы ты ей быть за это?

Гундуровъ недоумѣло воззрился на нее.

— Она сказала, тетя, что не пойдетъ противъ воли матери...

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала что не пойдетъ за того... И не пойдетъ, не такая она дѣвушка! И этого тебѣ мало? И ты не понялъ до сихъ поръ сколько надеждъ подлетѣла она тебѣ этимъ, и на какую муку обрекаетъ себя въ предстоящей ей за это борьбѣ съ матерью, со

всѣмъ окружающимъ?... А ты про какія-то дурацкія свои „униженія“ толкуешь и плачешься о томъ что княгиня откажетъ... Ну да, откажетъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь... и отъ этихъ ягоекъ, торопливо промолвила Софья Ивановна, нервно развязывая ленты своего чепца, — отвѣдывать придется мнѣ, а не тебѣ... И что же изъ того что откажетъ? Или ты въ самомъ дѣлѣ до того ужъ набалована что вовсе не способна терпѣть и ждать? раздраженно добавила она, досадуя всею душой что онъ самъ „сердцемъ не понимаетъ“ и она должна „разжевать все это и ему въ ротъ положить“.

— Тетя... могъ только проговорить онъ.

Словно какимъ-то небеснымъ лучомъ озарило его. Его такъ и подмывало кинуться ей на шею, задушить ее въ своихъ объятіяхъ... Но онъ воздержался: онъ и такъ уже достаточно сегодня „показалъ себя ребенкомъ, мальчишкой“... Чувство стыда и вмѣстѣ съ нимъ какой-то безмѣрной отрады нажимало ему грудь, туманило глаза его. Онъ сѣлъ опять за столъ и упершись о него локтями закрылъ себѣ лицо обѣими ладонями...

Софья Ивановна долго, молча и не улыбаясь глядѣла на него.

— Ну, а теперъ ступай туда, покажись, сказала она наконецъ;—да лоди вотъ къ зеркалу, волосы пригладь и поправь галстукъ, онъ у тебя совсѣмъ на бокъ съѣхалъ...

LXX.

— Матап! тревожно вскрикнула Женни Карнаухова въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ своего *flirtation* съ Чижевскимъ; — отвернитесь скорѣе отъ меня и не смѣйте оборачиваться пока она здѣсь будетъ!

Княгиня Додо съ хозяйкой дома входили въ двери танцевальной залы съ конца ея прямо противоположнаго тому мѣсту которое, именно въ чашии этого, по указанію предвидчивой Женни, и было избрано дирижировавшимъ мазуркою кавалеромъ ея. Какъ ни увлекалась она своею полунѣжною, полунасмѣшливою болтовней съ нимъ, глаза опытной свѣтской дѣвицы то и дѣло поглядывали на эту дверь, изъ которой съ минуты на минуту могла выдти зубастая мамаша

и „въ случаѣ еслібъ она, Боже сохрани, что-нибудь замѣтила“, сдѣлать ей тутъ же „сцену“, или даже прямо, до ужина, увезти домой, „если только пала партію кончить“. А ей такъ было весело, и никогда еще Чижевскій не былъ „si amusant“ и не казался такъ влюбленъ въ нее какъ въ этотъ вечеръ. „Ухъ, какъ надо теперь ухо остро держать!“ говорила она себѣ все время.

— Nos matans! сочла она даже почему-то нужнымъ пред-варить княжну Лину, торопливо перегинаясь къ ней мимо золотыхъ очковъ маленькаго Духонина, давно давшаго ей за ея развязность прозваніе „Генечки Карнаухова“.

Чуть не испуганный тонъ ея голоса заставилъ Лину невольно обернуться. Не замѣтивъ ничего необыкновеннаго въ этихъ входившихъ „matans“, она перевела вопросительно глаза на Женни.

Но Женни, быстро, судорожно обмахивая себя широко раскинутымъ вѣеромъ, глядѣла теперь невиннѣйшимъ образомъ вверхъ, въ потолокъ, середку котораго занимало прекрасно писанное, въ широкой золотой рамѣ полотно, изображавшее „Торжество Амфитриты“; Чижевскій, съ своей стороны, казался весь поглощенъ разговоромъ съ соседкой своей слѣва, „образованною окружнѣ“, танцовавшею съ Петей Толбухинымъ, всегда скучавшимъ за танцами и который, съ легкимъ звѣкомъ на крульныхъ, добродушныхъ губахъ, думалъ въ это время, глядя на кончикъ своего салюга: „Еслибъ я у этого чорта Волжинскаго вчера, вмѣсто туза, поставилъ девятку, рутировавшую мнѣ весь вечеръ, я отыгрался бы!“...

Лина съ тою же вопросительною усмѣшкой перевела глаза на своего кавалера.

Онъ понялъ и засмѣялся:

— Она такъ налугана своею маменькой, сказалъ онъ, наклоняясь къ ней такъ чтобы Женни не могла слышать его словъ,—что предполагаетъ такой же страхъ въ каждомъ женскомъ существѣ en puissance de matan... Она и права отчасти: маменька ея на старыхъ и малыхъ наводитъ ужась.

— Почему такъ?

— Знаете ли вы, княжна, спросилъ вмѣсто отвѣта Духонинъ,—стихотвореніе Лермонтова *Тучки небесныя*?

— *Тучки небесныя, вѣчные странники*, прочла Лина,—конечно, знаю.

— Такъ позвольте мнѣ, въ видѣ объясненія, сообщить вамъ нѣкое подражаніе этому стихотворенію.

— Пожалуста!

Духонинъ началъ медленно и отчетливо, видимо смакуя каждое произносимое имъ слово (онъ былъ авторъ „подражанія“):

Дама московская, вѣчная сплетница,
Въ пору ненастную, пору туманную
Мчишься куда ты, послѣдняя вѣстница,
Съ дальней Остоженки, вверхъ, на Басманную?

Что тебя гонитъ? Души ли спасеніе,
Помощь ли тайная, думушка ль думная,
Или любви молодой увлеченіе,—
Жажда свиданья, иль ревность безумная?

Нѣтъ, ей слова надобли безплодные:
„Время-моль, время сыграть мнѣ въ открытую!“
Злобно смѣются черты благородныя,
Шепчутъ уста клевету ядовитую...

— О, какъ это зло! вскрикнула Луна,—и неужели...

Она не успѣла договорить.... За ея стуломъ очутилась въ эту минуту сама княгиня Додо.

— *Roétique Ophélie*, я просто молюсь на васъ, съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ кинула она, проходя, Ливъ, словно букетъ на сцену, и поплыла далѣе, къ дочери.

Женни все такъ же невинно глядѣла въ потолокъ, широко олаживаясь вѣтромъ.

— Нечего любоваться тамъ всякими *pudités*, могла бы приличнѣе себя держать! прошипѣла маменька, наклоняясь къ ея уху.

Дочка будто и не слыхала:

— Что, татап, кончилъ лапа свою партію? Мы могли бы уххатъ, громко выговорила она.

— Нѣтъ еще! отрѣзала княгиня. „И все лжетъ, все обманъ, говорила она себѣ удаляясь,—и только я уйду, начнется опять кокетство съ этимъ мерзкимъ фатимшкой. Никогда замужъ не выйдетъ! А Лоло до ужина и не говори объ отъѣздѣ. *Et mon mal de dos qui recommence...* Нѣтъ, это не жизнь, а каторга!...“

А другая маменька, хлопая глазами и улыбаясь заискивающей улыбкой, говорила въ это время графу Анисьеву:

— Вы не очень скучаете, *mon cher comte*?

— Можете ли вы предполагать, княгиня! живо возразилъ флигель-адъютантъ, любезно и почтительно наклоня голову предъ своею дамой:—развѣ возможно скучать въ такомъ обществѣ?

— Конечно, *sans doute*, пролѣла Аглая Константиновна,—*Olga a beaucoup d'esprit dans son genre: mais vous êtes habitué aux conversations du grand monde de la capitale...*

Она хотѣла что-то прибавить еще въ разъясненіе этого глубокомысленнаго размышленія, но почему-то воздержалась, уперлась круглыми глазами въ затылокъ не оборачивавшейся на ея голосъ Лины, и въ очевидномъ чаяніи что дочь усамыщтъ ея слова, промолвила громко и съ разстановкой:

— *Vous avez autant d'indulgence que d'esprit, mon cher comte.*

На счастье Анисьева гоготавшій какъ гусь на болотѣ „Сенька“ Водоводовъ подлетѣлъ къ нему въ эту минуту съ двумя дамами, надрываясь со смѣху отъ провинціальной невинности избранныхъ ими „qualités“:

— Тюльпанъ или гвоздика?

— Тюльпанъ.

И флигель-адъютантъ, откинувъ свой эполетъ, торопливо вскочилъ со стула и полетѣлъ по задѣ съ вылавшею ему на долю „лулларкой“ Еулапре.

— Ольга, ты не знаешь почему онъ не танцуетъ съ Линою? прошептала ей на ухо Аглая.

— Не знаю, коротко отвѣтила барышня; она сидѣла вся красная и разобиженная....

Княгиня глянула еще разъ въ затылокъ дочери, вздохнула такъ что при этомъ долнула одна изъ петлей ея шнуровки и направила стопы свои въ гостиную.

LXXI.

Только что успѣлъ вернуться на свое мѣсто графъ Анисьевъ какъ къ Ольгѣ подошелъ капитанъ Ранцевъ, держа за руку какую-то уже выбранную имъ блондинку. Онъ глянулъ избока на флигель-адъютанта, и протягивая съ поклономъ руку барышнѣ, проговорилъ скороговоркой:

— *Пержете дангаѣс пур калите!*

Ольга скорчила ужасную гримасу и съ видимою неохотою поднялась со стула:

— Ignorance! уронила она свысока, не глядя на него, и чуть притрогиваясь кончиками перчатки къ его раскрытой рукѣ.

— Connaissance! послѣшила сказать за нею блондинка, невѣдомо почему хихикнувъ при этомъ.

Бѣдный капитанъ поблговѣлъ какъ лѣонъ, и подавляя вздохъ повелъ ихъ къ Толѣ Карнаухову, танцовавшему съ прехорошенькою женой уѣзднаго лѣкаря, которую онъ видимо увлекалъ плясаньемъ своимъ на канатѣ напыщеннѣйшихъ романтическихъ фразъ.

— Скажите пожалуйста, по возвращеніи Ольги на мѣсто, спросилъ ея кавалеръ, — кто это васъ сейчасъ выбиралъ? Я его будто гдѣ-то уже видѣлъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, не правда ли?

— Да, герой даже, говорятъ. Ранцевъ его фамилія, капитанъ отставной, тѣмъ же пренебрежительнымъ тономъ отвѣчала она, — въ Венгрію отличился.

— Такъ, при Коморѣ, я его тамъ видѣлъ; онъ съ ротой, перебитою на половину, первый вошелъ въ городъ. Владимира съ бантомъ получилъ за это; очень храбрый офицеръ... И теперь во фракѣ! Какая же теперь его position sociale?

Ольга широко засмѣялась:

— Главная его position быть безъ памяти и безъ надежды влюбленнымъ въ меня, объявила она напруги.

Анисевъ наклонилъ голову и пустилъ въ ходъ свою многозначительную улыбку.

— Я полагаю что имѣющимъ то же положеніе имя легіонъ, сказалъ онъ, обнимая сдержанно-жаднымъ взглядомъ ея искрившіеся глаза, сверкавшіе зубы, ея матово-бѣлую, низко оголенную спину, и говоря себѣ мысленно: „Jour de Dieu, quel morceau de roi!“ — И другихъ занятій у него нѣтъ? продолжалъ онъ спрашивать.

— Нѣтъ. Да и чтѣ ему дѣлать: онъ богатъ!...

— Богатъ? повторилъ нѣсколько удивленно блестящій воинъ.

— Да. Ему съ неба просто свалилось огромное наследство. Былъ у насъ въ уѣздѣ помѣщикъ одинъ, страшный скупердай, холостой, бѣдѣтвый; онъ сорокъ лѣтъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, гроша на себя не тратилъ, а все скупалъ земли кругомъ и деньги копилъ. И вдругъ онъ умеръ отъ удара, не оставивъ никакого завѣщанія, и все это богатство

досталось этому Ранцеву, который приходился ему какимъ-то двоюроднымъ племянникомъ, и даже въ глаза его никогда не видалъ.

— И много досталось? заинтересовался ея кавалеръ.

— Очень много, всё говорятъ. Онъ самъ какъ-то разъ сказалъ при мнѣ что въ нынѣшнемъ году надѣется получить тридцать и даже сорокъ тысячъ дохода. У него тамъ всякія винокурни есть, заводы....

— И вы оставляете его „безъ на-деж-ды“? протянулъ, внимательно глядя ей въ глаза, Анисьевъ.

Она повела плечомъ и тутъ же взглянула на него въ свою очередь, какъ бы удивляясь его вопросу:

— Вѣдь онъ tout-à-fait impossible! Вы слышали какъ онъ говорить по-французски?

— Нѣсколько.... фантастично, не сплрю. Но....

— Что „но“?

— Сорокъ тысячъ дохода на полу не найдешь....

Въ богатой сообразительностью головь петербургскаго карьериста мелькалъ уже цѣлый планъ зданія, которое представлялось ему случай соорудить....

Пышныя губы барышни сложились еще разъ въ презрительную усмѣшку:

— Есть Жиды еще богаче, но вѣдь не выходятъ же за Жидовъ замужъ! Для жены не однѣ деньги.... У меня совсѣмъ другія мечтанія....

— Можно, sans indiscretion, спросить у васъ—какія?

Она чуть-чуть приостановилась отвѣтомъ.

— Вамъ.... я скажу, одному вамъ; вѣдь мы съ вами союзники, прошелтада она, подмигивая ему обоими глазами:— вотъ видите ли, у меня очень хорошій голосъ.... Ахъ, Боже мой, вдругъ вспомнила барышня, — неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете вѣхать завтра до спектакля, не услышите меня?

— Услышу въ Петербургѣ, надѣюсь, отвѣчалъ онъ такимъ же шепотомъ.

— Да, конечно; она вся загорѣлась отъ радужныхъ представлений, соединявшихся въ ея мысли со словомъ „Петербургъ“,—но развѣ надо такъ слѣшать?

— „Не откладывая на завтра то что можешь совершить сегодня“, вѣщаетъ древняя мудрость. Это у васъ вѣроятно въ прописяхъ въ институтѣ даже было? промолвилъ весело графъ Анисьевъ.

— Ахъ, да, поторопилась сообщить Ольга, — вамъ это, можетъ-быть, интересно будетъ знать. Я узнала, говорила она осторожно озираясь, — узнала навѣрное что l'oncle отговариваетъ ее насчетъ.... вы знаете о комъ я говорю....

— А, а! вырвалось невольно у Анисьева.

— И она сама съ нимъ сегодня на спектакль.... у нихъ что-то вышло.

— Querelle d'amoureux, ничего не значить! пропустилъ онъ сквозь зубы, откинувъ свой эпидетъ и примолкъ....

— Нѣтъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ, — я давно привыкъ вѣрить женскому инстинкту.... Какъ вы изволили приказывать, такъ мы и исполнимъ, — перемѣна декораціи, Петербургъ! домолвилъ онъ, шутиливо сообщая ей этими словами о безповоротномъ по этому предмету рѣшеніи.

— И вы, спросила она съ нѣкоторою задержкой, — такъ и уѣдете же.... не объяснившись ни съ кѣмъ?...

Флигель-адъютантъ нахмурился:

— Позвольте оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта.... И при этомъ осмѣляюсь просить васъ, добавилъ онъ, почти строго, чуть слышно пропуская слова подъ громъ мазурки и глядя въ сторону, — что бы вамъ обо мнѣ, послѣ моего отъѣзда, ни случилось услышать, отъ княгини ли, или отъ кого другаго, и виду не показывать что вамъ извѣстно что-либо еще помимо того что можетъ быть вамъ сказано.... Съ вашимъ умомъ вы, не сомнѣваясь, поймете что это въ вашихъ же интересахъ.

Ольга все это скорѣй угадала чѣмъ разслышала.

— Вы меня еще не знаете, сказала она: — Я могла rouler les secrets!... Да еще когда отъ этого зависитъ такое счастье... Я и не знаю, право, что я готова сдѣлать чтобы наши планы удались!...

Этотъ горячій взрывъ молодого желанія перенесъ нашего озабоченнаго Петербуржца къ строю помысленій болѣе игриваго свойства. Онъ устремилъ опять загорѣвшіеся глаза въ сіяющее лицо своей дамы:

— А, скажите пожалуйста, заговорилъ онъ прежнимъ шутивымъ тономъ: — что тянетъ васъ такъ страстно въ Петербургъ? Повеселиться хочется?...

— Веселье своимъ чередомъ.... Но у меня другое въ виду. Я вамъ начала говорить что у меня хорошій голосъ... Очень хорошій, всѣ даже говорятъ замѣчательный, поясняла Ольга, — и я поэтому дѣйствительно страстно желала бы...

— Поступить на сцену? первую мысль представилось ея собесѣднику.

— *Quelle horreur*, я, на сцену, Богъ знаетъ съ кѣмъ! вскрикнула барышня, вскинувъ на него полный упрековъ взглядъ, — можете ли вы это обо мнѣ думать!... Я совсѣмъ о другомъ думала.

— Простите великодушно, засмѣялся онъ, — я думалъ что вы стремитесь сдѣлаться второю *Madame Malibran*.... *Ce n'est déjà pas si mal!*

Барышня слегка надулась.

— Я вижу вы надо мной смѣетесь, и я конечно послѣ этого ничего уже не могу вамъ сказать.

— Напротивъ, все, бархатнымъ голосомъ наклоняясь на мигъ почти къ самому ея плечу пролустилъ Анисьевъ, — я весь слухъ, и весь преданность вашимъ желаніямъ.

Его быстрое, горячее дыханіе пробѣжало у нея по кожѣ. Она слегка вздрогнула, вспыхнула и не глядя на него протянула руку за вѣромъ своимъ, которымъ онъ небрежно игралъ все время.

— Я совсѣмъ не о сценѣ, начала она, — я думала что съ моимъ лѣніемъ я могла бы поласть... ко двору, домолвила она скороговоркой.

— Ко двору? повторилъ онъ. — Вы желали бы чтобы васъ пригласили туда лѣтъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ... словно проглотила барышня.

— Какъ „совсѣмъ“?

— Да-да... Вотъ какъ попала фрейлина Вер...

Она не договорила, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, прежде чѣмъ увидала она выраженіе его лица, поняла какимъ-то внезапно сказавшимся въ ней телерь чутьемъ что то о чемъ она сейчасъ говорила, тотъ планъ, который она съ такою любовью лелѣяла и носила такъ долго въ головѣ своей, что все это представляло собою нѣчто совершенно несбыточное и невозможное.

— Или это глупость, вы думаете? торопливо примолвила она тутъ же, оборачиваясь на него смущенно вопрошающими глазами.

Онъ старательно разглаживалъ свои прекрасные усы чтобы не дать ей замѣтить улыбки въ которую невольно складывались его губы.

— Я никогда не посмѣю назвать это такъ какъ вы, но смѣю думать что это принадлежитъ къ міру тѣхъ неожидан-

ныхъ и мгновенныхъ фантазій, которыя часто загораются и проходятъ въ женскихъ головкахъ... Вы позволите мнѣ говорить откровенно? спросилъ онъ уже болѣе серьезнымъ тономъ.

— Je vous prie, сказала Ольга, опуская глаза и усиленно дыша высокою грудью.

— Примѣръ на который высылаетесь—de l'histoire ancienne, и именно потому что онъ былъ, всѣ шансы противъ того чтобъ онъ повторился. Къ тому же тамъ и условія были другія, примовилъ какъ бы вскользь фангель-адъютантъ.

Но она поняла.

— Да, тамъ все-таки извѣстная, свѣтская, а я — уѣздная барышня, дочь исправника... „Исправника“, со злобнымъ отчаяніемъ повторяла мысленно Ольга, быстрымъ переходомъ, какъ это всегда случалось съ нею, чувствовавшая себя въ эту минуту настолько униженною и „презрѣнною“, насколько возносилась она надъ остальными смертными тому полчаса.

— На свѣтѣ, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, продолжалъ ея кавалеръ,—но насколько я могу судить, для того чтобы вы могли достичь желаемаго, нужна была бы цѣлая комбинація благоприятныхъ обстоятельствъ, на подготовку которыхъ,—протянувъ онъ,—требуется много такого что дается только многолѣтнимъ опытомъ и тонкимъ знаніемъ Петербурга... И къ чему, заговорилъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ,—стали бы вы тратить на это лучшие дни вашей молодости, идти на непріятности, отказы, когда вамъ стоить только руку протянуть чтобы получить положеніе гораздо болѣе прочное и блестящее чѣмъ то которое только издали, и въ ваши лѣта, можетъ казаться завиднымъ!

— Это про что же вы говорите? спросила недоумѣло Ольга.

Анисьевъ глядѣлъ на нее какъ будто отмѣчая въ своей памяти каждую подробность ея соблазнительнаго облика.

— Вы такъ хороши, говорилъ онъ,—въ васъ такъ много огня, вы чувствуете въ себѣ столько законныхъ правъ на наслажденіе жизнью, что вамъ душно, невыносимо въ захлаусты,—я разумѣю подъ этимъ и Москву, вставилъ онъ смѣясь,—васъ тянетъ туда, гдѣ представляется широкій просторъ для осуществленія вашихъ мечтаній, не такъ ли?

— О да, еслибы вы знали, воскликнула она неудержимо;—мнѣ всего, всего хочется!

— Вотъ видите, я угадалъ! Но для того чтобы достать рукой до этого „всего“ нуженъ пьедесталъ, лѣстница... Въ

наше время льедесталъ этотъ, прежде всего средства, деньги... А livelihoodу отъ васъ зависить....

— Это все олятъ калиташка? забѣгая впередъ его рѣчи вскакинула еще разъ барышня.

Воспитанный Петербуржецъ невольно поморщился отъ вульгарности этого выраженія. Ольга тотчасъ же замѣтила это, и смелка сконфузилась.

— Я такъ, шутя, называю... monsieur Ранцева, быстро промолвила она. — И вы бы мнѣ совѣтовали?...

Анисьевъ только утвердительно головой повелъ.

— Но онъ, вы видѣли, жалобнымъ тономъ сказала она, — онъ совсѣмъ простой... И потомъ деньги не все; въ Петербургѣ олятъ-таки нужно une position. А изъ него что же можно было бы сдѣлать? Тридцать лѣтъ—и отставной калитанъ! Куда меня съ нимъ примутъ?

Флигель-адъютантъ засмѣялся:

— А черезъ годъ, почетный членъ дѣтскихъ пріютовъ, на которые онъ пожертвуетъ лѣтъ-шесть тысячъ рублей, и камеръ-юнкеръ, а слѣдовательно для молодой красавицы жены право представиться ко двору и затмить на выходѣ въ Бѣлой Залѣ всѣхъ городскихъ дамъ магнифиценціей своего платья, а всѣхъ ихъ вообще свѣжестью и прелестью своей особы.

У барышни огни въ глазахъ запыгали. Она никогда объ этомъ не думала, не знала, и вдругъ цѣлый новый горизонтъ открывается предъ нею...

— И это въ самомъ дѣлѣ, сказала она съ воскресшимъ блескомъ въ глазахъ,—это можно было бы такъ скоро?

— Еслибы вамъ въ такомъ случаѣ угодно было поручить мнѣ ваши интересы, отвѣтилъ онъ, проникательно глядя въ эти глаза,—я могъ бы указать вамъ и, надѣюсь, спланировать всѣ надлежащія къ тому пути.

Ольга въ первую минуту и не подумала поблагодарить его за предложеніе. Она все еще не могла справиться внутренно съ такимъ неожиданнымъ для нея открытіемъ: то къ чему она стремилась и чего разчитывала достигнуть далекимъ—и она никогда не скрывала отъ себя это—труднымъ путемъ, это совершенно легко и просто могло быть ей доставлено тѣмъ самымъ, страстно влюбленнымъ въ нее человекомъ, котораго звала она „калиташкой“, отвергала самымъ рѣшительнымъ образомъ, всячески оскорбляла и огорчала!... „Черезъ годъ она можетъ быть въ Бѣлой Залѣ en robe de cour... Ранцевъ

камеръ-юнкеръ... и тогда ужъ разумѣется, далѣе и далѣе,— она ужъ тамъ сумѣетъ подвигать его“....

Мысли у барышни прыгали теперъ что альпійскія козы, перескакивая невѣроятныя пространства.

Она вдругъ засмѣялась и обернулась на Анисьева съ сияющимъ лицомъ.

— У меня ужасное воображеніе, расходится, нѣтъ конца!... Я чувствую что могу сдѣлать много глупостей, если у меня не будетъ вѣрный совѣтчикъ, который бы мнѣ все говорилъ что надо дѣлать, а я бы его ужъ такъ слушалась, такая была бы лаинька...

— И онъ могъ бы разчитывать дѣйствительно что вы были бы ему во всемъ послушны? быстро проговорилъ блестящій Петербуржецъ тѣмъ особымъ, вкрадчивымъ шептаніемъ которое Нѣмцы выражаютъ весьма удачнымъ звукоподражательнымъ „flüstern“.

Глаза его договорили ей что разумѣлъ онъ подъ этимъ „послушаніемъ“... Она засмѣялась олять, но не отвѣчала, и опустила вѣки.... Въ первый еще разъ въ этихъ „искоркахъ“, которыя привыкла она вызывать въ глазахъ каждаго мужчины, было, она чувствовала, что-то оскорбительное для нея. Это было не то что-то неудержимо страстное, захватывающее и сообщающееся что говорило во всемъ существѣ Ашанина, напримѣръ... „А гдѣ онъ однако скрывается? онъ не танцуетъ? какъ хорошъ онъ былъ въ своемъ костюмѣ! прыгали олять мысли Ольги.... А у этого точно торгъ какой-то, даже гадко...“

„И съ нимъ опасно, думала она далѣе; если только дать ему немножко взять себя въ руки, отъ него ужъ не вывернешься... И точно ли все такъ можно сдѣлать какъ онъ говоритъ, и только чрезъ него?... Главное, не надо слѣшить. Я уѣду съ княгиней въ Петербургъ, и все сама тамъ пойму. Капитанъ не уйдетъ, его только поманить, и онъ всегда будетъ тутъ, когда только я захочу...“

Чижевскій начиналъ новую, очень сложную какую-то фигуру въ четыре пары разомъ. Каждый кавалеръ долженъ былъ выбрать даму, дама кавалера.

Ольга медленнымъ шагомъ направилась въ конецъ залы, гдѣ скромно и уныло, рядомъ съ пуляркой Eulampe, сидѣлъ ея будущій камеръ-юнкеръ.

Она не подошла къ нему, а остановилась въ трехъ шагахъ

п. какъ намѣревалась мысленно, „ломанила“ его къ себѣ кончиками двухъ лалъцевъ.

Онъ всталъ и приблизился, темный какъ туча.

Она подала ему руку и глянула прямо въ глаза.

— Это что за лицо такое? Вы знаете что я этого не люблю! Я люблю когда оно у васъ хорошее, веселое, и я могу каждую минуту прочесть на немъ что вы думаете обо мнѣ.

— Для васъ, Ольга Елпидифоровна, особенное удовольствіе составляетъ конфузить меня при всякомъ случаѣ, пробормоталъ Ранцевъ черезъ силу, чувствуя теперь въ широкой ладони своей всю ея горячую и сквозь перчатку руку...

— А вы, отвѣчала она, тихо двигаясь съ нимъ по залу и глядя на него избока тѣмъ знакомымъ ему взглядомъ, отъ котораго всѣ волосы торчали у него на головѣ,—а вы и потерпѣть не можете?... А если я, положимъ, нарочно васъ мучаю, хочу испытать, вѣрно ли что вы меня такъ любите... Что тогда?...

— Для васъ все шутки, а для меня какво? едва могъ онъ договорить отъ волненія.

— Кто знаетъ! Поживете, можетъ-быть и увидите... Вы очень хорошо мазурку танцуете, я замѣтила; гдѣ вы это учились, въ Польшѣ? заключила она, становясь съ нимъ въ кругъ фигуры.

Еслибы нашъ храбрый калитанъ вмѣсто Владиміра получилъ за Коморнъ Георгія и даже изъ рукъ самого фельдмаршала, онъ конечно не былъ бы такъ безумно счастливъ какъ въ эту минуту....

LXXII.

— Messieurs, grande promenade avec vos dames! подхватывая первый свою даму подъ руку, крикнулъ на всю залу дирижеръ Чижевскій, которому Костя Подозеринъ, по порученію хозяйки, только что передалъ что партіи окончены и пора ужинаать.—Польскій! далъ онъ знакъ оркестру.

И до смерти усталыя, но все также оживленно двигавшіяся молодыя пары съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ потянулись за нимъ къ давно открытымъ для протока воздуха, но завѣшаннымъ отъ свѣта своими тяжелыми штофными лортьерами дверямъ залы, выходившимъ на балконъ со стороны сада.

— День, день! словно при видѣ чего-то совершенно нежданнаго, слышались возгласы въ веселомъ роѣ высылавшемъ на балконъ.

— И смотрите, какъ высоко ужъ солнце. Ужась! визжали пулярки.

— А вы думаете, который часъ? гаерничаль Шугаревъ.

— А который?

— Часъ купаться идти. Пойдемте!

Пулярки завизжали снова.

— Не смѣйте такъ *моветонничать*! крикнула, обернувшись на него Еулампре, шедшая предъ нимъ подъ руку съ капитаномъ, и треснула его вѣромъ по рукаву.

— Сломаете, я вамъ новаго не подарю! засмѣялся Шугаревъ.

— Очень мнѣ нужно! Я бы и не приняла! фыркнула она на это.

— А ты попробуй преподнести! хихикалъ сзади Свищовъ, — примутъ навѣрное!...

Чижевскій съ Женни и ближайше слѣдовавшія за ними пары уже сбѣгали по ступенямъ лѣстницы въ садъ.

— Останемся здѣсь, я не могу, устала, шепнула Лина своему кавалеру, роняя руки на перила балкона и глядя вдаль мигавшими отъ свѣта глазами. — Ахъ, какъ сладокъ этотъ чистый воздухъ!...

— Господа, mesdames, раздался голосъ выбѣжавшаго изъ залы Кости Подозерина, — куда вы? Княгиня проситъ сейчасъ же въ столовую, ужинать!

— Мы сейчасъ, сейчасъ! крикнулъ снизу Чижевскій; — мы пройдемъ туда садомъ кругомъ дома.

— Графъ Анисьевъ, графъ Анисьевъ!

Подозеринъ послѣшню сбѣжалъ къ нему.

— Васъ княгиня проситъ....

Флигель-адъютантъ сморщилъ брови.

— Что ей угодно?

— Она желаетъ чтобы вы повели ее къ столу.

— Но вы видите, я съ дамой...

— Идите, идите, графъ, сказала вполголоса Ольга, — а то мнѣ за это достанется....

— Въ такомъ случаѣ mille pardons!...

И онъ, посылая мысленно нашу княгиню къ чорту, отпра-
вился за Подозеринымъ вверхъ.

Ольга отошла въ сторону. Всѣ остальные пробѣжали мимо нея въ садъ... Она спустилась тоже...

Въ головѣ у нея стояло прежнее: этотъ разговоръ съ Анисимымъ, открывшій ей то о чемъ она и не догадывалась, собственный богатый домъ въ Петербургѣ, спера, рысаки, Бѣлая Зала, *toilette de cour*, мужъ—этотъ самый „капиташка“, въ золотомъ мундирѣ.... „И не будетъ онъ смѣшонъ? прыгала я мысли.... Онъ все же *mauvais genre*, говорить не умѣетъ... И эти усы щеткой, и онъ съ ними цѣловать меня позволяетъ. Брр...“

— Какъ же это вы одинъ?

Она вздрогнула... Предъ нею стоялъ Ашанинъ.

— Владимиръ Петровичъ! вскрикнула она;— гдѣ это вы скрывались?

— Я никогда не танцую, холодно отвѣтилъ онъ;— игралъ въ карты, потомъ вышелъ пройтись, утро, видите, какое... А гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Его потребовала княгиня... Дайте мнѣ вашу руку, вы будете моимъ кавалеромъ за ужиномъ.

Онъ съ раскрытыми широко глазами взглянулъ на нее.... Она чуть-чуть вздрогнула...

И въ то же мгновеніе какимъ-то внезапно, разомъ закипѣвшимъ въ обоихъ ихъ ощущеніемъ поняли они оба: онъ—что она опять въ его власти, она—что человѣкъ этотъ безконечно ей нравился и что никто не былъ въ состояніи вышить ей то что этотъ человѣкъ....

Они были одни въ аллеѣ. Сквозъ частую листву низкіе лучи солнца разбивались золотыми брызгами о розы ея вѣнка, о матовую гладь ея плечь и шеи....

Онъ закинулъ обѣ руки за ея станъ и привлекъ къ себѣ. Она не сопротивлялась....

— Ольга, могъ только проговорить онъ, отрываясь отъ ея губъ,—за что промучила ты меня сегодня такъ, за что?...

— Намъ пора... тамъ ужинаютъ... пойдемте, говорила она, едва въ свою очередь приходя въ себя... За что? повторила она, налегая на его руку и сдвигая его съ мѣста,—знаю ли я? Я говорила вамъ, я такая калпризная, безумная... Нѣтъ, знаю! воскликнула она вдругъ, какъ бы вспомнивъ, и остановилась.— Я когда васъ вижу... вы видите, совсѣмъ... безспальная. Она нажала свободною рукой грудь, ходившую горой подъ ея корсетомъ,—но этого не нужно болѣе никогда, никогда...

— Опять то же? Ольга, ради Бога! отчаянно вскрикнулъ Ашанинъ.—Ну, хорошо, хорошо, зашепталъ онъ тутъ же, не давая ей времени возразить, — я никогда ужъ болѣе, никогда не стану просить... но сегодня, я тебѣ говорилъ, изъ твоей комнаты, по маленькой лѣстницѣ, прямо въ корридоръ, гдѣ уборная... я буду ждать тебя...

— Теперь?.. Глядите — день, дрожащими устами пробормотала она, — мало вамъ что было вчера...

— Лѣстница темная... въ уборныхъ... вездѣ занавѣсы спущены... послѣ этого бала все, и слуги, будетъ спать мертвымъ сномъ... Я буду ждать... да?...

Она вся горѣла... О, этотъ человѣкъ съ его палящими глазами и этимъ голосомъ, проникающимъ, мягкимъ, неотразимымъ!... Тамъ, впереди, что еще будетъ? Тамъ — торгаша Ависьевы, мужъ „съ усами щеткой“, насильныя ласки, среди блеска неволя... А тутъ, сейчасъ... „Одинъ лишь мигъ!“ пронесся у нея вдругъ какимъ-то страстнымъ откровеніемъ мотивъ Гликинскаго романса....

— Послушайте... общайтесь... Клянитесь мнѣ, промолвила она вдругъ на низкихъ нотахъ своего густаго контральтоваго голоса, — клянитесь всѣмъ что вамъ дорого, что это — въ послѣдній разъ, что послѣ этого вы никогда не будете стараться видѣться со мной, будете избѣгать меня даже... Да, я васъ прошу, умоляю, мнѣ это необходимо чтобы не встрѣчаться съ вами болѣе, не видѣть....

— Я уѣзжаю отсюда совсѣмъ завтра въ ночь, послѣ вѣшешаго спектакля, какая еще клятва нужна послѣ этого, шепталъ прерывающимся голосомъ красавецъ, — но ты придешь, придешь?...

Она не отвѣчала и только вся внезапнымъ движеніемъ прижалась къ нему....

— Скорѣе, скорѣе, идемъ, тамъ могутъ замѣтить! вскинулась она разомъ за этимъ, увлекаая его съ собою по дорогѣ къ дому...

У дверей столовой, сверкавшей огнями зажженныхъ люстръ и канделябръ, на большихъ и малыхъ столахъ, за которые шумно размѣщалось теперь многочисленное и проголодавшееся общество Сущаго, ждалъ Ольгу калитанъ Ранцевъ... Онъ весь перемѣнился въ лицѣ, увидѣвъ ее подъ руку съ Ашанинымъ.

Она досадливо и строго подняла на него глаза:

— Что это вы?..

— Вы остались безъ кавалера, Ольга Елпидифоровна; такъ я....

— А вы только теперъ замѣтили? прервала она его смѣясь; — и я такъ бы за ужинъ одна и сѣла еслибы вотъ сейчасъ Владиміръ Петровичъ не встрѣтился... А ваша же дама гдѣ?

— Тамъ-съ, за особымъ столикомъ, ожидаетъ, указалъ капитанъ, — тамъ свободно, я два стула даже пригнулъ къ столу для отмѣтки что занято.

— Пригните три!.. Вамъ все равно гдѣ ужинать? обернулась она къ Ашанину.

— Гдѣ вамъ угодно! сказалъ тотъ, поводя плечами самымъ равнодушнымъ образомъ.

— Такъ пойдемте; я сяду между васъ двухъ, рѣшила барышня, взглянувъ еще разъ на капитана и при этомъ, замѣтно лишь для него одного, погрозила ему съ улыбкой пальцемъ.

Ранцевъ снова просіялъ душой и побѣждалъ впередъ ука- зывать имъ мѣста.

LXXIII.

Бѣдный капитанъ, онъ былъ такъ счастливъ за этимъ ужиномъ! Ольга сѣла подлѣ него, улыбалась... старалась улыбнуться каждый разъ когда онъ обращалъ къ ней рѣчь, и отвѣчала ему ласково—и разсѣянно... Она какъ-то механически сознавала что надо было обращаться съ нимъ съ этою ласковостью, надо было „не отталкивать его“. Но она старалась не глядѣть на него, не видѣть этихъ „щетиновыхъ усовъ“... и этихъ честныхъ, добрыхъ глазъ, устремлявшихся на нее съ такою безпредѣльною, простодушною любовью. Въ головѣ ея стоялъ туманъ, сердце билось ускоренно и сладко, все существо ея мѣло неодолимо охватывавшимъ ее предвкушеніемъ нѣги, счастья... „Одинъ лишь мигъ“, лѣлъ въ ней опять внутренній голосъ молодой, торжествующей страсти.... Но этотъ „мигъ“, она не въ силахъ отказаться отъ него, она извѣдаетъ до дна его сладость. Какъ говорила она наканунѣ Ашанину, она „свободная“, она „понимаетъ что такое жизнь, и хочетъ все, все испробовать въ ней“.... А онъ такъ хорошъ, и ни въ чьихъ уже болѣе другихъ мужскихъ глазахъ не прочтетъ она того что въ состояніи сказать ей эти глаза....

Онъ, онъ думалъ объ одномъ: „какъ только дожить до той минуты!“ Онъ уже теперь, заранѣе переживалъ ее... Она придетъ—вздумалось бы ей не придти, онъ на все готовъ, онъ ворвется къ ней, ухватить, унесетъ ее какъ левъ свою добычу, заглушая крикъ ея своими поцѣлуями,—она придетъ... И среди гула и смѣха трапезовавшей кругомъ толпы въ этой залитой огнями столовой ему слышался въ безмолвіи и тѣмѣ робкій, сдержанный скрипъ женской обуви, скользящей внизъ по ступенямъ узенькой лѣстницы, чувствовалось прикосновеніе, и благоуханіе, и трелетъ всей этой женской прелести, идущей къ нему, замирающей въ его объятіяхъ.... Онъ не глядѣлъ на нее, боялся обернуться въ ея сторону, чтобы глаза не измѣнили ему, не выдали того безумнаго чувства блаженнаго и нестерпимаго ожиданія которое владѣло имъ. Онъ не говорилъ съ ней—только кончикъ его бальной ботинки нажималъ слегка подъ столомъ ея бальной башмачокъ—и кровь горячечно билась о его виски, и онъ съ трудомъ осиливалъ дрожь, отъ которой то и дѣло принимались стучать его зубы... Онъ почти ничего не ѣлъ, какъ и не ѣла Ольга, и только отъ времени до времени отливалъ глотками изъ стакана холодную воду, въ которую вылилъ налитую ему рюмку шампанскаго.

— Давно ль въ водѣ ты горе сталъ толпить? продекламировалъ ему по этому случаю сидѣвшій насупротивъ его Свищовъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на него и не отвѣчалъ.

Свищовъ перегнулъ голову по направленію Ольги, между которою и имъ стояла большая японская ваза съ цвѣтами:

— Не скажете ли вы, Ольга Елпидифоровна, какое мрачное дѣло замышляетъ соедѣвъ вашъ съ лѣвой стороны?

Ваза и цвѣты помѣшали ему замѣтить яркую краску покрывшую мгновенно все лицо барышни....

Ашанинъ на сей разъ послѣшилъ отвѣтить:

— Я замышляю освистать первый балетъ который ты поставишь на сцену.

Кругомъ засмѣялись; засмѣялся даже капитанъ Ранцевъ, крѣпко недолюбливавшій Ашанина за его пассажъ съ Ольгой прошлую ночью, но которому Свищовъ еще болѣе претилъ своимъ нахальствомъ.

— Хорошо сдѣлаешь, отшучивался между тѣмъ со смѣхомъ тотъ,—потому что я намѣренъ изобразить въ этомъ балетѣ всякое твое коварство и безобразіе.

Дѣвица Еулампя, давно втайнѣ таявшая по московскомъ Донъ-Жуанѣ, почувствовала себя вдругъ ужасно обиженною за него такими словами.

— Можетъ-быть дѣйствительно и есть такіе, громогласно отпустила она,—которые въ самомъ дѣлѣ и коварные, и безобразные, только ужъ конечно не monsieur Ашанинъ!

Новый дружный смѣхъ отвѣчалъ на выходку пламенной „дулярки“. Свищову рѣшительно не везло...

Ашанинъ откинулся въ свое кресло, и изъ-за спины Ольги и капитана послалъ своей неожиданной защитницѣ глубокій благодарственный поклонъ, приложивъ при этомъ руку къ сердцу. Она вспыхнула до бровей, послѣшню схватила лежавшій подлѣ ея тарелки букетъ свой и погрузила въ него свое счастливое лицо....

Княгиня Аглая Константиновна, державшаяся того правила что за ужиномъ не должно быть хозяйскаго мѣста, предоставила гостямъ своимъ разсаживаться по собственному ихъ усмотрѣнію, а сама со своимъ блестящимъ петербургскимъ кавалеромъ, котораго, къ немалой его залости, предварительно долго таскала съ собою, нѣжно налегая на его руку своимъ грузнымъ тѣломъ, по всѣмъ угламъ столовой, какъ бы на показъ присутствующимъ, направилась къ небольшому столу у окна, за который, не чая грозы, помѣстилась Лина съ Духовичнымъ. Чижевскій сидѣлъ по другой рукѣ ея, рядомъ со своею дамою, Женни Карнауховой. Княгиня безцеремонно попросила ихъ передвинуться на два сосѣдніе свободные стула....

— Et nous nous mettrons là, en famille, шепнула она тириво на ухо Анисьеву,—vous serez entre ma fille et moi.

Онъ дорого бы далъ въ эту минуту чтобъ имѣть право крикнуть ей на всю залу: „Дура, непроходимая, зловредная дура!...“ Но дѣлать было нечего,—онъ отставилъ стулъ и скользя чтобъ уцѣлѣть, мимо Лины, нагибаясь предъ ней съ изысканною учтивостью и извиненіемъ...

Она безмолвно и послѣшню, не глядя на него, прижала рукою волны газа своей юбки, давая ему мѣсто пройти....

„Я ей внушаю отвращеніе, просто!“ заключилъ чуткій Петербуржецъ изъ одного этого торопливаго, нѣмаго, какъ бы гадаваго движенія; „je lui fais l'effet d'un cloporte,“ перевелъ онъ это себѣ по-французски, морщась и закусывая губу.

Онъ не привыкъ внушать такія чувства, и серьезно озлился на ту которую почиталъ ихъ главнымъ источникомъ.

— Какія порученія дадите вы мнѣ въ Петербургъ, княгиня? проговорилъ онъ отчетливо и громко, развертывая свою салфетку.

— Почему въ Петербургъ? тревожно спросила она, держа вилку надъ глазурною поверхностью подносимаго ей въ эту минуту блюда майонеза.

— Потому что я ѣду завтра и буду тамъ черезъ три дня спокойно отвѣчалъ онъ.

Тяжелая серебряная вилка выскользнула изъ рукъ Агнии и ударившись о край блюда съ грохотомъ упала на ея тарелку, растрескавъ ее на три большіе куса.

— Это говорятъ къ счастью, княгиня! невозмутимо улыбнулся графъ Анисьевъ, учтиво слѣдша обвинить своею обломки ея тарелки и передавая ихъ, вмѣстѣ съ виновною вилкой подобжавшему съ испуганнымъ лицомъ слугѣ.

Тарелка была саксонская, дорогая, съ рѣдкимъ, вѣнчанымъ королевскою короной вензелемъ А. Р. * на ея оборотѣ, но сиюминутно въ эту минуту и весь цѣнный сервизъ, къ которому принадлежала она, наша разчетливая княгиня осталась бы къ этому равнодушною. Она была совершенно уничижена.

— Comment, vous nous quittez, mon cher comte? могла она только вымолвить, растерянно воззрѣвъ на него.

— Къ сожалѣнію моему, обязанъ! отвѣчалъ онъ съ соотвѣтствующимъ пожатіемъ плечъ.

— Mais ce n'est pas du tout ce que j'ai cru comprendre dans notre conversation d'hier? вскрикнула она, переводя съ весьма недвусмысленнымъ для него и еще болѣе озлившимъ его намѣреніемъ круглые глаза свои съ него на затылокъ дочери, спокойно разговаривавшей въ это время со своимъ кавалеромъ.

— Я бы почелъ себя совершенно несчастливымъ, княгиня, отвѣчалъ ей опять по-русски Анисьевъ (въ досадѣ своей онъ какъ бы наказывалъ ее тѣмъ что не удостоивалъ ея французскую рѣчь отвѣтомъ на томъ же языкѣ),—еслибы вамъ угодно было искать въ моихъ словахъ то чего въ нихъ нѣтъ. Я уже потому не могъ говорить вамъ о продолжительномъ

* Augustus Rex, штемпель фарфора Мейсенской фабрики времени основателя ея Августа Iго.

пробываніи въ вашемъ прекрасномъ Сидкомъ что я, какъ вы знаете, принадлежу не себѣ....

Онъ не досказалъ и легкимъ движеніемъ руки указалъ на свои эполеты.

Она почтительно какъ бы испуганно взглянула на нихъ:

— Конечно, *mon cher comte*, если вы нужны à *Sa Majesté l'Empereur*....

— И къ тому же я жду изъ-за границы матушку на ближайшемъ пароходѣ, сказалъ онъ.

— *La comtesse votre mère!* воскликнула Аглая;—но въ послѣднемъ письмѣ, которое я получила отъ нея три недѣли назадъ, она обѣщала мнѣ *très catégoriquement* что какъ только вернется въ Россію, то пріѣдетъ непременно къ намъ сюда....

— Въ настоящую минуту, къ сожалѣнію, это будетъ для нея очень трудно сдѣлать, сухо возразилъ флигель-адъютантъ,—у нея дѣла, которыя на довольно долгое время задержатъ ее въ Петербургѣ.

„Да это отказъ! *Lina* l'a *degouté avec ses grands airs*, съ ужасомъ пронеслось въ головѣ нашей княгини;—мать найдетъ ему другую невесту въ Петербургѣ!..“

— Послушайте, *mon cher comte*, заговорила она вся красная и рѣшительнымъ тономъ,—я не довольствуюсь всѣмъ тѣмъ что вы мнѣ сказали; я желаю знать настоящее.... *les vraies raisons*, подчеркнула она,—которые заставляютъ васъ покидать насъ такъ скоро?

И она при этомъ еще разъ, многозначительно и гнѣвно, повела взглядомъ въ сторону княжны.

Lina все также, обернувшись къ нимъ своею увѣнчанною длинною гирляндой полевыхъ цвѣтовъ головкой, продолжала разговаривать съ Духовнымъ.... Разобиженной княгинѣ нашей рѣшительно было суждено въ этотъ вечеръ видѣть дочь только съ затылка...

Но тотъ изъ-за котораго она такъ негодовала на эту, равнодушную къ нему дочь взглянулъ на нее самую въ это время такимъ холоднымъ, чуть не враждебнымъ взглядомъ что она разомъ олтѣшила и смутилась.

— Вы думаете ѣхать завтра.... непременно? молвила она чуть не плача.

Онъ наклонилъ утвердительно голову.

— Вы зайдете ко мнѣ проститься? уже совсѣмъ робко пролепетала Аглая.

— Помилуйте, княгиня, можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, — это мой долгъ! вскрикнулъ онъ на это съ откровенною ли беззастѣнчивостью, кланяясь ей въ лобоборота...

— Я васъ буду ждать... одна, потому что намъ непременно нужно объясниться, добавила она съ новымъ взрывомъ решительности.

Онъ взглянулъ на нее загадочными глазами и чуть-чуть усмѣхался:

— Если вы этого непременно желаете, промолвилъ онъ скороговоркой и понижая голосъ... И тотчасъ же перемѣнилъ тонъ: — Матушка въ послѣднемъ письмѣ, началъ онъ, — много говоритъ мнѣ о маркизѣ Кампанари, которую вы, кажется часто видѣли у нея въ Римѣ....

Онъ говорилъ уже ей объ этомъ наканунѣ, — вспомнилъ, и отъ маркизы Кампанари перескочилъ послѣднѣе къ какому-то приключенію случившемуся съ нимъ самимъ въ саграппа di Roma четыре года тому назадъ. Онъ разказывалъ бойко и весело, и успѣлъ привлечь самое Лину къ разговору, обратившись къ ней съ какимъ-то вопросомъ объ Италіи, на который она не могла не отвѣтить, послѣ чего уже не представлялось для нея возможности уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды. Она говорила мало, но слушала его съ учтивою внимательностью, тихо улыбаясь когда случалось ему сказать что-либо остроумное или оригинальное... Онъ былъ гость ея матери, и она была слишкомъ благовоспитана чтобы не оказывать ему все то на что онъ въ этомъ качествѣ гостя имѣлъ право. Но это вниманіе и улыбки дочери дали цѣлебный бальзамъ въ растревоженную душу Аглаи Константиновны. Страхи ея стихали... „Je lui expliquerai tout demain!“ говорила она себѣ, возвращаясь мало-по-малу ко врожденному ей оптимизму, хотя весьма затруднена была бы сказать даже себѣ самой что именно полагала она нужнымъ „expliquer“ этому очаровательному, но мудреному „favori de la cour“, который вмѣсто ожидавшагося ею на завтра формальнаго предложенія ея дочери, такъ неожиданно объявилъ ей сегодня о своемъ отъѣздѣ.... „Онъ увидѣтъ, je le veux bien, но скоро вернется опять, et avec la comtesse sa mère!“ оскѣнило вдругъ ея многодумную голову, и она шумно и радостно вздохнула, найдя этотъ ключъ къ недавнейшей ей до этой минуты задачѣ....

LXXIV.

Откровение это такъ подняло настроеніе нашей княгини то она восчувствовала какой-то внезапный приливъ необычнаго благоволенія ко всему ея окружающему, и желаніе тутъ же выразить это на дѣлѣ... Гости ея дождались сладкое, танецъ кончался. Трапезные обычаи видѣнные ею въ незабвенномъ Шилмоунткэслѣ пронесли въ ея памяти... Она стала и широко озираясь кругомъ громко проговорила:

— *Messieurs les hommes, à l'anglaise, можете, когда уйдутъ дамы, оставаться здѣсь курить et boire du champagne кому тождо!*...

Среди грохота отодвигавшихся стульевъ послышались смѣхъ и возгласы одобренія со стороны „господъ мушницъ“. Сенька Зодоводовъ кинулся съ другаго конца столовой цѣловать ея ручку.

— Вы, княгиня, мать утѣхъ, радостей и всякаго человѣческаго благополучія! вопилъ онъ, надрываясь своимъ дикимъ припадкомъ хохотомъ;—позвольте жженку устроить!

— *Je ne sais pas ce que c'est, но позволяю!* величественно произнесла она;—если что нужно, *adressez vous à Vittorio.*

Дамы направлялись къ ней благодарить и прощаться.

— *Merci, merci, princesse,* за восхитительный день, который провели мы у ватъ сегодня! чуть не съ умиленіемъ, закатывая глаза и любовно пожимая ея руку, говорила княгиня Додо. И обращаясь къ стоявшему подлѣ графу Анисьеву (въ первый разъ въ теченіе всего дня):—Я понимаю что для этого можно, какъ вы, пріѣхать сюда нарочно съ края свѣта! отпустила она.—Женни, мы сейчасъ ѣдемъ! И она ловительно взглянула на дочь.

— *Et vous, ma poétique enfant* (это уже относилось къ Лину),—вы ужасно устали, *n'est-ce pas?*

— Да, очень, сказала невольнo княжна.

— Ахъ, Боже мой, что же вы тутъ стоите! Послѣ всего что вы должны были перечувствовать сегодня вамъ необходимо покой. *Mais renvoyez là donc, princesse,* вы видите какъ она блѣдна!

— *C'est vrai, vous êtes très pâle, Lina,* проговорила Аглая, только теперь замѣчая изнеможенный видъ дочери.

— Affreusement pâle! жалостливо заголосила олять княгиня Додо,—и при ея деликатномъ сложеніи... Стулайте, стулайте, моя прелестная, не съ нами же вы будете faire des¹ façons...

— Пойдемъ, Луна, я отведу тебя, я тамъ у тебя оставила всякое мое добро! вскрикнула Женни, кидаясь страстно обвинять ее; она вся еще была подъ обаяніемъ сладостныхъ вещей наговоренныхъ ей Чижевскимъ, и ей нуженъ былъ предметъ на который могла бы она теперь излить всю переполнявшую существо ея нѣжность.

— Вы, надѣюсь, не заставите насъ съ отцомъ дожидаться васъ? тутъ же выговорила ей княгиня Додо тѣмъ кислымъ тономъ съ которымъ неизмѣнно обращалась она къ дочери.

Луна простилась съ нею, съ матерью, и двинулась къ двери столовой рядомъ съ обвинившею ее за талію, крупною и блаженствовавшею Женни.

Онѣ подыались на лѣстницу... Надъ ними на площадкѣ, ярко озаренный бившимъ на него свѣтомъ люстры, показався Гундуровъ, выходившій со шляпой въ рукахъ изъ пустынныхъ теперь покоевъ бельэтажа.

Онѣ безсознательно остановились увидѣвъ княжну.

Женни быстро наклонилась къ ея уху:

— Lina dear, вѣдь это онъ, твой, правда?...

Луна не отвѣчала, и только рука ея тѣснѣе прижалась къ груди дубовыхъ перилъ, за которыя держалась она, всходя на лѣстницу, чтобы не упасть отъ усталости.

— Принцъ Гамлетъ, откуда вы, изъ Англіи? со смѣхомъ крикнула ему снизу Женни (Чижевскій успѣлъ представить его ей во время бала).

— Я искалъ свою шляпу, которую оставилъ здѣсь въ гостиной...

Обѣ добрались до площадки.

— Вы не ужинали? спросила Луна.

— Д-да... Конечно... ужиналъ, нѣсколько растерянно отвѣтилъ онъ.

— Я васъ не видѣла, робко проговорила она.

— Нѣтъ, я былъ тамъ... Я сидѣлъ далеко отъ васъ... но я васъ видѣлъ, княжна... Слова видимо съ трудомъ выпадали изъ его устъ...

„Ихъ надо оставить однихъ. Имъ уже вѣрно есть что сказать другъ другу“, великодушно рѣшила вдругъ въ головѣ своей Женни.

— Луна, ты устала, отдохни здѣсь, а я сейчасъ добуду у тебя мой бурнусъ и перчатки, *et je descends!*

Она разомъ прыгнула съ мѣста и понеслась вверхъ, въ третій этажъ.

Наши влюбленные остались одни, другъ противъ друга, оба съ опущенными отъ смущенія глазами, оба съ невыносимо трепетнымъ сердцемъ въ груди.

— Елена Михайловна, простите мнѣ! заговорилъ первый Гундуровъ. Онъ былъ полотно блѣднѣе...

— Я не сержусь на васъ, медленно промолвила она. И ея лазоревые глаза заискрились какъ двѣ загорающіяся звѣзды подъ ея поднявшимися на него рѣсницами.

— Вы не сердитесь? повторилъ онъ, погружаясь всѣмъ взглагомъ въ эти глаза, свѣтившіе ему теперь такимъ божественнымъ, всепрощающимъ пламенемъ;—вы забыли тѣ бессмысленныя слова которыя грѣшный языкъ мой произнесъ предъ вами тамъ, на сценѣ?... Какое-то безуміе охватило меня тамъ, княжна... Не даромъ видно дается близкое общеніе съ этимъ опаснымъ тиломъ Гамлета, промолвилъ Гундуровъ, чуть-чуть усмѣхнувшись,—невольнo заражаешься его нездоровьемъ, его сомнѣніями, его ожесточеніемъ... Вы не сердитесь, а я въ моемъ явленіи съ вами такъ грубо, дерзко, такъ субъективно передавалъ его жестокія слова... а потомъ... И вы... вы не были въ силахъ продолжать послѣ этого, доиграть роли... Не такъ ли?...

Она молча повела головой, продолжая глядѣть на него все съ тѣмъ же лучистымъ, всепрощающимъ пламенемъ глазъ.

— О, Елена Михайловна!...

Шаяла вылала у него изъ рукъ, и онъ, горя неодолимою краской стыда закрылъ себѣ ими глаза.

— Вы были взволнованы... предъ вами говорили такія вещи... Я понимаю что вы могли оскорбиться ими, сказала она какъ бы въ извиненіе его предъ нимъ самимъ.

— Да, слышалъ, вскрикнулъ онъ горячо,—слышалъ и непротестительно принималъ ихъ къ сердцу. А теперь готовъ былъ бы кажется съ радостію выслушать ихъ опять и казниться ими. Въ этихъ оскорбительныхъ словахъ есть правда, Елена Михайловна, жестокая для меня правда,—я не достоинъ васъ!...

Вѣки ея безпокойно и болѣзненно заморгали...

Онъ замѣтилъ это, и продолжалъ съ возрастающею горячностью:

— Недостойнъ вашего милосердія, вашего нравственнаго совершенства... Еслибы вы знали какъ гадокъ я кажусь себѣ предъ вами.

Она улыбнулась.. и какою улыбкой!..

— Это мнѣ знать, „гадки“ ли вы, прошептала она всзардѣвшись.

— Елена Михайловна, заговорилъ онъ задыхаясь,—я не знаю что ожидаетъ насъ, какія испытанія суждены мнѣ... и вамъ, но знайте что я сумѣю теперь перенести все, все сумѣю „терпѣть и не ролтать“ (это были ея слова ему наканунѣ). Я вашъ, вашъ, вашъ...

— Навсегда? промолвила Лина,—и все лицо ея озарилось выраженіемъ безмѣрнаго счастья.

— До послѣдняго моего вздоха!..

Она протянула ему руку... Онъ страстно прижался къ ней губами...

— Вотъ и я, вотъ и я! на голосъ Гунглевой польки лѣла на возвратномъ, луту Женни Карнаухова, спускаясь съ верхняго этажа.

Гундуровъ послѣшилъ поднять свою шляпу.

„Онъ вѣрно стоялъ сейчасъ предъ нею на колѣнахъ, рѣшила тутъ же мысленно крупная княжна;—ахъ, какъ жаль что я этого не видѣла!..“

— Ну, прощай, Лина, начала она цѣловаться съ нею,—спи хорошо, золотые сны видъ! Надѣюсь какъ-нибудь урваться олять къ тебѣ пріѣхать; I have so much interesting to tell you *, прошептала она ей на ухо.—Bon soir, prince Hamlet,—она подала Сергѣю руку,—и съ вами надѣюсь, до свиданія... Вы куда теперь, внизъ, въ столовую? Тамъ теперь идетъ, должно-быть, un léger кутежъ.

— Я до кутежей не охотникъ, сказалъ онъ.

— Фи, какъ стыдно! вскрикнула Женни;—это очень не хорошо когда мущина скроменъ какъ дѣвушка! Еслибъ я не была женщина...

— Вы были бы не хорошій мущина? засмѣялся Гундуровъ.

— Именно, именно!.. Да вы презлой,—я это очень люблю... Ну, пойдемте, довольно вамъ любезничать! Good night, Lina dear! Я увожу твоего кавалера до границы нашихъ маманъ,

* Я имѣю такъ много интереснаго сказать тебѣ.

а тамъ отлучу его кутить въ мушкетерское царство. Прикажи ему непременно de se donner une petite pointe въ честь твою и здравіе!..

— Прощайте, Сергѣй Михайловичъ, сказала Лина, счастливо улыбаясь всей этой болтовнѣ, — до завтра!..

Когда она вернулась въ свою комнату, ожидавшая ее Глаша вручила ей залечатавную записку:

— Генеральша приказала отдать вамъ предъ тѣмъ какъ зовоите спать ложиться.

Лина подошла къ столу и прочла:

„Милая княжна, — писала ей Софья Ивановна, — не знаю какъ увижу васъ завтра утромъ, а нужно мнѣ знать непременно. Ради Бога отвѣчайте просто, да или нѣтъ: то ли же все ваше расположеніе какъ нынче утромъ? Короче, могу ли я говорить съ вашею матушкой о чемъ вы знаете? Отвѣтъ, прошу васъ, пришлите сейчасъ же какъ прочтете, горничная моя будетъ ждать.

„С. П.“

Лина схватила перо, и подъ этими „С. П.“ начертила крупными буквами „Да, да и да,“ и подписалась полнымъ именемъ: „Елена Шастунова“.

— Отнеси сейчасъ горничной генеральши, она не спитъ, сказала она, залечатавъ, Глашѣ.

Глаша не успѣла повернуться, какъ княжна внезапно опустилась на стулъ, нажимая что есть силы грудь рукой и закусивъ губу чтобы не крикнуть отъ боли.

„Опять, опять, Боже мой! проносилось у нея въ головѣ: — этотъ докторъ въ Ниццѣ былъ правъ, у меня что-то въ сердцѣ: оно не въ состояніи переносить ни муки, ни счастья!..“

LXXV.

— А, Гундуновъ, гдѣ это вы скрываетесь, батюшка? воскликнулъ Духовинъ, завидѣвъ его въ дверяхъ столовой; — къ намъ сюда, скорѣе!

Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, уже слегка возбужденный выпитымъ имъ виномъ, и прелирался о чемъ-то со стоявшимъ насупротивъ его съ сигарой въ зубахъ дипломатомъ, прозваннымъ „больнымъ полугаємъ“ (онъ былъ какая-то родня Духовину). Кругомъ нихъ въ волнахъ табачнаго дыма

то показывались, то исчезали внимавшія лица Чижевскаго Факирскаго, Толбухина и Ранцева, безъ фраковъ, со стаканами въ рукахъ...

Дамы и пожилые люди всѣ уже разѣхались или разошлись по своимъ комнатамъ, вслѣдъ за княгиней Аглаей Константиновной, за которою послѣдовали и Зяблинъ съ Шигаревымъ, хранившіе себя отъ излишествъ. Слуги, кончали убирать со столовъ. На среднемъ, уже опростанномъ до-гола досокѣ столѣ, уставленномъ стаканами и опорожненными бутылками шампанскаго, въ большой серебряной кастрюлѣ варилась жженка. Толя Карнауховъ, взъерошенный и красный, рѣзалъ къ ней тонкими ломтями ананасъ, сопровождая свое занятіе какими-то нецензурными куплетами, которымъ подлѣивалъ вторымъ голосомъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Свищовъ. Кругомъ ихъ кучились молоденькіе офицеры артиллерійской батареи, которыхъ командиръ ихъ, красивый полковникъ Шнабельбергъ, представилъ наконецъ послѣ спектакля хозяйкѣ дома, и которые затѣмъ, отработавъ самымъ усерднымъ образомъ ногами въ танцахъ, чувствовали себя въ настоящую минуту, въ виду новой предстоящей имъ „сладости жизни“, въ самомъ счастливомъ расположеніи духа... Огромный кусокъ сахара, уложенный на лезвіяхъ двухъ перекрещенныхъ сабель, ронялъ съ гулкимъ шипѣніемъ свои золотистыя капли въ пылавшій подъ нимъ ромъ, могильно-фантастическій пламень котораго страннымъ образомъ отсвѣчивался на весело взиравшихъ на него молодыхъ, оживленныхъ лицахъ. Одинъ Костя Подозеринъ со своею стерляжьей фізіономіей, безмолвно и внушительно помѣщавшій въ кастрюлѣ большую суловою ложкой, походилъ на какую-то карикатуру Изидина жреца, совершающаго свои заклинанія при таинственномъ мерцаніи сіяющаго ему съ небесъ божества...

На противоположномъ мѣстѣ Духовина и друзей его концѣ стола помѣщалась другая грулла, центромъ которой состоялъ блестящій петербургскій флагель-адъютантъ... Онъ попытался было послѣ ужина ускользнуть незримо изъ столовой, но его замѣтили. Неугомонный Водоводовъ кинулся за нимъ. „Мон cher, мон cher, куда ты? хрипѣлъ и гоготалъ онъ, цѣпляясь за его рукавъ,—за компанію Жидъ удавился; тутъ, братъ, выпивка сейчасъ, и свои гвардейцы, Шнабельбергъ, Подозеринъ, я. Не чванься предъ старыми камрадами!..“

Анисьевъ безпрекословно вернулся назадъ. Онъ съ глубокимъ пренебреженіемъ относился въ душѣ вообще къ „камрадству“ и въ особенности къ этому „Сенькѣ пустой башкѣ“, товарищу его по выпуску, но далеко отставшему отъ него теперь по службѣ, и „фамиллярство“ котораго давно уже корбило его. Но тутъ былъ намекъ на „чванство“,—а этому, по его понятіямъ, „никакъ не надо было дать распространиться“... По выработанному Анисьевымъ ad usum suum кодексу житейской морали можно было утопить „тонкимъ путемъ“ служебное или общественное положеніе лучшаго друга, еслибъ этотъ другъ какимъ-либо образомъ сталъ тебѣ поперекъ дороги, но слѣдовало, рядомъ съ этимъ, держаться строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ приемовъ которыми обезпечивается званіе „добраго малаго“ и „товарища“, столь цѣнимое въ томъ свѣтско-военномъ кругу къ которому принадлежалъ Анисьевъ. Анисьевъ почиталъ себя вполне въ правѣ смотрѣть на каждого изъ сослуживцевъ своихъ какъ на лѣшку, годную лишь для комбинаціи того или другаго хода собственной его игры, но зазнаваться предъ ничтожнѣйшимъ изъ нихъ онъ не дозволялъ бы себѣ уже потому только, что въ этой чертѣ „ближе всего сказывается un рагвену“, а быть почитаемымъ за рагвену онъ боялся пуще грома небеснаго...

А потому, какъ ни мало расположенъ онъ былъ теперь лить въ этой компаніи людей, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать для себя никакой выгоды, ниже удовольствія, онъ сидѣлъ тутъ со Шнабельбергомъ, Сенькой, и присоединившимися къ нимъ всякими московскими свѣтскими господами и, разстегнувъ мундиръ, но сохраняя все то же сдержанное и изыщное выраженіе которымъ неизмѣнно отличалась его придворная особа, поливалъ шампанское изъ большаго стакана стоявшаго предъ нимъ, и повѣствовалъ, къ величайшей потѣхѣ своихъ собесѣдниковъ, недавнюю ликантную исторію нѣкоей Florenee, высланной изъ Петербурга за скандалъ учиненный ею въ одномъ изъ тамошнихъ театровъ.

— Гундуровъ, говорилъ въ то же время Чижевскій, зацѣпляя кончикомъ ботинки ножку софяннаго, не занятаго стула, и подвигая его къ подходившему къ нимъ герою нашему,—интересный споръ у насъ идетъ...

— О чемъ?

— О Венгерской кампаніи, промолвилъ Петя Толбухинъ

съ лѣниво-насмѣшливымъ пожатіемъ плечъ, говорившимъ: и чортъ ли въ ней!..

— Ну да, да, заговорилъ Духонинъ, кивая на стоявшаго насупротивъ его дипломата,—онъ вотъ доказываетъ... Повтори то что ты сейчасъ сказалъ: „Политика Россіи“...

Дипломатъ опустился на стулъ, закинулъ ногу за ногу и глядя на кончикъ своего салюга снисходительно повторялъ:

— Я говорилъ что политика Россіи въ концѣ прошлаго вѣка... создала между раздѣлившими Польшу державами традиционную солидарность, необходимымъ послѣдствіемъ которой является наше вмѣшательство въ дѣло возстанія Венгріи въ прошломъ году. *C'est une nécessité historique.*

— Мое почтеніе! Хороша историческая необходимость играть роль пугала, къ которому прибѣгаютъ чужеземныя правительства, когда оказываются сами не въ силахъ подавить исторически-законныя стремленія своихъ народовъ къ свободѣ, къ политической самостоятельности... За то и любятъ же насъ въ Европѣ, и возблагодарятъ насъ за нашу олеку при случаѣ!..

— Австріяковъ, дѣйствительно, не любятъ въ Венгріи, нѣсколько нежданно отозвался на это калитанъ Равцевъ, — а насъ по всей землѣ ихней, можно сказать, вездѣ отлучно-съ принимали, даже съ угощеніемъ.

Духонинъ не могъ не улыбнуться:

— Ну, а еслибы вы пришли въ эту землю сражаться не за „Австріяковъ“, а противъ нихъ, меньше или больше „угощали“ бы васъ тамъ, какъ вы полагаете?

Храбрый калитанъ нѣсколько олъвшилъ:

— Никаноръ Ильичъ, сказалъ ему смѣясь Гундуровъ, — а спросите-ка его въ вашу очередь, какъ онъ полагаетъ; еслибы вы помогали Венгерцамъ отстоять отъ „Австріяковъ“ ихъ „политическую самостоятельность“, лучше или хуже стало бы жить тѣмъ не-Венгерскимъ народностямъ которыя очутились бы подъ ихъ властью?

— Ну, само собою, кто о чемъ, а вы о Славянахъ,—и Духонинъ пожалъ плечами:—*vous êtes orfèvre, monsieur Josse!*

Гундуровъ взглянулъ на него ласково улыбающимися глазами:

— О Славянахъ, любезный другъ, все о тѣхъ же достойныхъ всякаго вашего презрѣнія Славянахъ, которые, въ силу, надо думать, своей исторической отсталости, отстаивали своего

государя-Нѣмца противъ возставшихъ на него Нѣмцевъ-подданныхъ.

— Съ чѣмъ ихъ и поздравляю! возгласилъ, къ общему хоту Духовникъ, комически разводя руками.

Дипломатъ, страдавшій катарромъ желудка, воспользовался случаемъ подняться съ мѣста, и торопливо, съ позеленѣвшимъ и смущеннымъ лицомъ, выскользнулъ изъ залы...

— А и хорошенькая женщина эта Floгепсе, говорилъ между тѣмъ на другомъ концѣ стола красивый полковникъ Шнабельбергъ,—я разъ съ ней ужиналъ, у Владзи Броницкаго...

— Съ Marcellin Любарскимъ? спросилъ съ улыбкой графъ Аписевъ.

— Ну да, ну да, расхохотался, словно ужасно обрадовался этому вопросу, Шнабельбергъ, очень дорожившій знакомствомъ съ людьми большого свѣта,—онъ ее безъ себя никуда не пускалъ, Marcellin, съ видимымъ удовольствіемъ повторилъ это имя полковникъ,—влюбленъ былъ можно сказать до сумасшествія...

Аписевъ небрежно качнулъ головой:

— Чего ужъ, коли рѣшился удрать за нею за границу безъ позволенія.

— Ну-у! Можетъ ли это случиться? вскрикнулъ Шнабельбергъ съ выраженіемъ совершеннѣйшаго ужаса на своемъ красивомъ и благочинномъ нѣмецкомъ лицѣ.

— Mon cher, mon cher, заготовилъ кидаясь къ нему „Сенька“ Водоводовъ,—неужели ты этого не знаешь?.. А, Аписевъ, до него не дошло, а!.. Удралъ, mon cher, въ бочкѣ... именно, именно, въ бочкѣ! Когда Floгепсе посадили въ часть, онъ сейчасъ же за паспортomъ. Ну, само-собою, не получилъ,—заранѣе приказано было. Онъ прямо въ Кронштадтъ, на американскій корабль который тутъ стоялъ...

— На американскій корабль... это ужасно! повторилъ разводя руками Шнабельбергъ.

— Его тамъ чтобы скрыть и посадили въ бочку... Я все это знаю подробно, хрипѣлъ, надрываясь хохотомъ, Водоводовъ,—а тамъ прежде скипидаръ былъ, и онъ чуть не задохся отъ вони... А, какъ ты находишь, mon cher, а! Ламуръ-то куда ведетъ, а?..

— Этто... этто даже совсѣмъ вѣрить нельзя, говорилъ все съ тѣмъ же благочиннымъ недоумѣніемъ Нѣмецъ-полковникъ,—чтобъ изъ такого государства какъ наше отечество можно

было удрать—онъ сильно наперъ на это слово:—безъ вида отъ начальства, и даже въ бочка, гдѣ былъ прежде терпентинъ. Пфу!..

— Господа, готово! громко возгласилъ Подозеринъ, зачерпывая своею ложкой горячую влагу жженки и медленно выливая ее олять въ кострюлю, въ которой послѣдними струйками ищѣ еще пробѣгали синеватые огоньки алкоголя.

— Наливай, наливай, я раздавать буду!.. отозвался „Сенька“, бросаясь къ нему съ мѣста,—а вы подавайте сюда стаканы! крикнулъ онъ Толѣ и Свищову...

Духовинъ не уgomонился между тѣмъ. Въ обыкновенное время онъ былъ всегда весьма сдержанъ, но вино возбуждало его къ спору и приставаію... Онъ вызвалъ Гундуrowa на новое преніе. Какъ ни логощенъ былъ нашъ герой своимъ личнымъ чувствомъ, но это самое чувство подымало всего его и несло на какихъ-то побѣдныхъ крылахъ. Въ противоположность тому что дано было ему прочувствовать предъ выступленіемъ его на сцену подъ траурнымъ плащомъ Гамлета, внутри его звучалъ теперь какой-то могучій мажорный аккордъ, возбуждавшій въ немъ никогда еще не испытанное имъ доселѣ въ такой степени сознаніе бодрости и силы... Неотступно стоялъ предъ нимъ обязательный образъ княжны, шепталъ въ глубинѣ его мозга ея тихій, провищающій голосъ—и все настойчивѣе просилась наружу, искала вѣшняго мотива эта тайная музыка счастья, переполнявшая его душу... Онъ до сихъ поръ уклонялся отъ серьезнаго препирательства съ Духовиннымъ, ограничиваясь, какъ мы видѣли, шутаивыми и поверхностными возраженіями. Но антагонистъ его коснулся основныхъ положеній той школы къ которой принадлежалъ Гундуrowъ, называя ихъ „произвольными“ и „крайне идеальными“, и Гундуrowу казалось внезапно что никогда еще эти положенія и этотъ самый „идеализмъ“, въ которомъ упрекали ихъ, не были такъ дороги и близки его душѣ... Онъ весь загорѣлся на защиту ихъ. Горячія слова полились красно и свободно изъ его устъ. Онъ заговорилъ о „призваніи“, объ историческихъ и бытовыхъ особенностяхъ „Русской земли“, о блестящемъ періодѣ до-татарской, Кіевской Руси; онъ доказывалъ что съ перваго момента нашей исторіи указанъ былъ Россіи путь совершенно иной чѣмъ государствамъ Запада...

— Вы съ этимъ не можете не согласиться, говорилъ Гундуrowъ, — не можете отвергать основательности нашихъ положеній...

— Это, то-есть, то что „Западъ гнѣтъ“, а мы цвѣтемъ и благоухаемъ яко кринъ сельный? спросилъ насмѣшливо Духонинъ.

— То, продолжалъ не смущаясь Сергѣй,—что въ основаніи западныхъ государствъ лежатъ — завоеваніе, вѣковая жизнь племенъ, побѣдившаго и побѣжденного, борьба церкви съ гражданскою властью; въ основаніи государства Русскаго — добровольно призванная народомъ власть, единство духа всей „земли“, и надъ „землею“ — непричастная дѣламъ мірскимъ церковь какъ любовь... Любовь, повторилъ онъ съ невольнымъ повышеніемъ голоса и усиленнымъ блескомъ въ глазахъ.

— И застои, и болото, и мертвечина! горячо возражалъ *западникъ* Духонинъ; — вся культура, вся цивилизація чело-вѣческая вышла изъ этой борьбы, отсутствіемъ которой у насъ вы такъ кичитесь. Въ вашемъ „единствѣ“, въ вашей „одинаковости“, въ вашей „святости“ нѣтъ мѣста чело-вѣку, развитію чело-вѣческой личности! Ваша „земля“, ваша „община“, ваша „любовь“ засасывали или душили эту чело-вѣческую личность въ продолженіе вѣковъ...

— Мы говорили въ дни Батыя

Какъ на поляхъ Бородина:

Да возвеличится Россія

И гибнуть наши имена! *

отвѣчалъ на это Гундуровъ цитатой изъ стихотворенія только что написаннаго тогда, и пользовавшагося большимъ сочувствіемъ въ лагерѣ къ которому принадлежалъ онъ. Смирное—сила, примолвилъ онъ, выражаясь словами сказанными ему Ливой въ первые дни ихъ знакомства, и счастливая улыбка пробѣжала при этомъ по его губамъ;—тотъ не пойметъ русской исторіи кто не разумѣетъ что сила эта легла въ основаніе жизни Русскаго народа, что она составляетъ субстанцію его духа, его историческаго бытія...

Его прервалъ гудящій гелось „Сеньки“ Водоводова, разносившаго стаканы со жженкой (слуги давно были всѣ отсланы):

— Мон cher, мон cher, господа, вкусите душеспасительнаго налитка!...

Калитанъ Ранцевъ воспользовался этимъ перерывомъ чтобы подойти къ нашему герою:

* *Разговоръ въ Кремлѣ, стихотвореніе К. К. Павловой.*

— Позвольте пожать вашу руку, молвилъ онъ восторженно сверкая глазами (у него также, у бѣдняги, лѣтъ въ этотъ вечеръ райскія птицы на душѣ); — никогда, могу сказать, не слышалъ-съ такихъ умныхъ словъ... а главное-съ, потому все правда... Смиреніе народа, любовь... „Святая Русь“, дѣйствительно-съ! заключилъ онъ, быстро смахивая рукавомъ сорочки слезу, неожиданно набѣжавшую ему на глаза.

Гундуровъ пожалъ ему крѣпко руку, поднявъ со стола стаканъ жженки и чокнулся съ нимъ, а затѣмъ съ Духовинымъ...

И снова загорѣлся споръ... Предметомъ его теперь былъ Петръ и „Петербургскій періодъ русской исторіи“, безъ чего не могло обойтись въ ту пору никакое подобнаго рода преніе. Кружокъ слушателей тѣмъ же пододвинулся къ нашимъ пріятелямъ. Примолкъ самъ „Сенька“, опустился на стулъ и сталъ слушать, но сидѣвшій въ немъ дьяволъ гама и суеты поднялъ его съ мѣста черезъ лять минутъ и перекинулъ на другой конецъ стола, гдѣ Шнабельбергъ, съ умиленіемъ въ чертахъ, доказывалъ оставшему Подозерину что еслибъ онъ остался во второй гвардейской батарее, онъ еще въ прошломъ году произведенъ былъ бы по линіи въ штабсъ-капитаны, а въ нынѣшнемъ, вслѣдствіе открывшихся неожиданно трехъ полковничьихъ вакансій, „снялъ бы звѣздочки съ рогожки зполетъ“, то-есть попалъ бы въ капитаны.

— Ну, mon cher, захрипѣлъ Водоводовъ, относясь къ Анисьеву,—такія ужъ тамъ умныя рѣчи ведутъ!..

— Кто это?

— А вотъ тамъ этотъ Гамлетъ, и другой вотъ съ нимъ... Д-да,—онъ вдругъ ни съ того ни съ сего, громчайшимъ образомъ вздохнулъ и принялся мрачно ерошить черные и лосквившіеся какъ смола волосы, росшіе густымъ лѣсомъ надъ его низколобымъ и узкоглазымъ татарскимъ лицомъ,—это не то что наше лагерное воспитаніе!

Анисьевъ поморщился:

— О чемъ же это они?

— О Петрѣ Великомъ, mon cher, и такъ это, знаешь, à fond, какъ по книгѣ... Когда вдругъ этакъ невзначай натолкнешься на этихъ... университетскихъ, ученыхъ, тутъ и поймешь всю нашу пустоту, ничтожество, невѣжество наше, mon cher... Вѣдь что мы всѣ, по правдѣ сказать?—онъ повелъ руками кругомъ,—de la chair à canon, больше ничего, mon cher...

— Parlez donc pour vous! досадливо трянувь эполетомъ проговорилъ на это флигель-адъютантъ, подымаясь съ мѣста.— А интересно послушать...

И онъ направился въ сторону Гундунова.

Всѣ такъ были заняты преніемъ что и не замѣтили какъ онъ присѣлъ на стулъ подлѣ Пети Толбухина, медленно, потокъ за глоткомъ, опоражнивавшего свой стаканъ жженки, и все шире и шире улыбавагося блаженною улыбкой, по мѣрѣ того какъ сладостная влага переливалась изъ этого стакана въ его горло.

Жженка производила свое дѣйствіе и не на одного его. Все звончѣ слышался въ столовой гулъ голосовъ и смѣха Свищовъ и Толя лили брудершафтъ съ артиллеристами подъ громкій аккомпаниментъ пѣсни „Наливай, братъ, наливай!“ Швабельбергъ зычно чмокался съ Подозеринымъ и перекинувь ему руку за плечо хлопалъ его широкою ладонью по спинѣ, приговаривая плачущимъ голосомъ: „Старый камадъ, старый камадъ!“ Вальковскій, съ самаго начала полочки забившійся въ уголъ съ пріятелемъ своимъ, режиссеромъ, декламировалъ ему стихи изъ *Бориса Годунова*, и Сенька Водоводовъ, очутившійся теперь подлѣ нихъ и услѣвшій уже откинуть въ сторону всякую заботу о своей дѣйствительной „пустотѣ и ничтожествѣ“, надрывался оглушительнымъ хохотомъ, глядя какъ „фанатикъ“, страшно выпучивая налитые кровью глаза и неистово стуча кулачищемъ своимъ по груди ревѣлъ какъ изъ бочки:

Тѣмъ Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла...

Самый споръ пріятелей нашихъ принималъ болѣе возбужденный, болѣе нетерпѣливый оттѣнокъ. Чаше слышались въ голосахъ ихъ крикливыя ноты, чаше перебивали они себя и не давали другъ другу договаривать...

— Ну да, извольте, восклицалъ Духонинъ,—Кіевская Русь я согласенъ... когда Норманскіе конунги бились на моряхъ во славу Русскихъ княженъ, когда Гаральды, Кануты... когда Французскіе короли посылали за ними сватовъ въ городъ, гдѣ чуть ли не болѣе было школъ чѣмъ въ тогдашнемъ Парижѣ... А не ваши собиратели-кулаки, не ваши Московскіе ханы!..

— Безъ нихъ не было бы Россіи, возражалъ Гундуровъ,— не было бы единственно свободного, самостоятельнаго славянскаго государства! Вы объ этомъ какъ бы знать не хотите, для васъ русская исторія словно начинается съ минуты основанія Русскимъ царемъ нѣмецкаго города на болотахъ Ингерманландіи.

— Именно, именно, вы не ошиблись, съ той минуты когда этотъ царь, эта вѣчная сила генія сплавляетъ олять звеня цѣли нашего общенія съ Европой, порванного четырьмя вѣками настоящей и московской татарщины...

— Какою цѣной, пылко молвилъ Гундуровъ,—какою цѣной? Измѣной землѣ, поруганіемъ народа, оторваннаго имъ отъ исконныхъ источниковъ его жизни... Онъ революціоннымъ путемъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева...

— Выраженіе, быть-можетъ, нѣсколько рискованное! слышался голосъ графа Анисьева.

— Чего-съ?..

И Духонинъ и Сергѣй одновременно обернулись на него, затѣмъ взглянули другъ на друга, и сочувственно усмѣхнулись... *Этотъ* голосъ разомъ мирилъ ихъ и прекращалъ ихъ разногласіе...

Блестящій флигель-адъютантъ улыбался въ свою очередь самымъ кроткимъ и любезнымъ образомъ, и слегка помаргивая глядѣлъ на нашихъ молодыхъ людей, растягивая во всю его длину свой изящный гвардейскій усъ.

— Извините, сказалъ ему Гундуровъ,—я не понималъ... Вамъ кажется, что-то изъ сказаннаго мною не понравилось... Что именно?

— Ахъ, помилуйте, воскликнулъ Анисьевъ,—я былъ бы совершенно несчастливъ еслибы вы такъ приняли слова мои... Вашъ разговоръ касается предмета столь интереснаго для всѣхъ насъ... русскихъ людей, подчеркнул онъ,—и я позволилъ себѣ вмѣшаться въ него...

— Да, такъ что же вы именно замѣтили?

— Маленькую неточность, если вы мнѣ позволите такъ выразиться... Говоря о Петрѣ Великомъ вы сейчасъ употребили слово „революція“, не такъ ли? Не находите ли вы сами это выраженіе, вырвавшееся у васъ, безъ сомнѣнія, нехотя, въ пылу разговора, не совсѣмъ идущимъ къ дѣлу?

— Почему такъ? воскликнулъ Духонинъ.

— Les Robespierres дѣлають *революціи*, но геніальный импе-

раторъ, каковъ былъ нашъ Великій Петръ, извлекавшій свой народъ изъ тьмы неѣжества и, какъ вы прекрасно выразились, связавшій звенья нашей цѣли съ Европой... Онъ произвелъ благотѣлнѣйшую реформу, можно сказать, а не... а не „ре-во-люцію“.

— Реформа совершенная путемъ насилія называется „ре-во-люціей“, отвѣчалъ на это, подчеркивая въ свою очередь Гундуровъ.

— Сверху ли, или снизу совершается она, все равно, прибавилъ Духонинъ.

Флигель-адъютантъ сложилъ губы въ ту же кроткую, но уже съ отбѣнкомъ многозначительности улыбку:

— Все зависитъ отъ того что мы будемъ разумѣть подъ „насиіемъ“, промолвилъ онъ, подымая глаза на Гундурова.

Сергій взглянулъ въ эти моргавшіе, холодные и лживые глаза, и почувствовалъ вновь приливъ неодолимаго отвращенія къ этому человѣку:

— На это, проронилъ онъ, — сторонники Софьи Алексѣевны, стрѣльцы, старовѣры и окончательно заквѣшанный Петромъ народъ Русскій могутъ послужить вамъ самымъ лучшимъ отвѣтомъ.

— Вы кажется большой поклонникъ русской старины, замѣтилъ на это съ изысканною учтивостью графъ Анисьева, — позвольте же вамъ замѣтить что Іоаннъ Грозный, на примѣръ, со своею опричиною гораздо болѣе жестокостей дѣлалъ чѣмъ Петръ Первый, не имѣя и половины его генія...

— Табеля о рангахъ почище опричины!

— Bravo! вырвалось у Факирскаго, жадно слѣдившаго за разговоромъ.

— Это точно-съ! захихикалъ за нимъ и калитанъ Рандевъ.

Анисьева поглядѣлъ на нихъ цскоса съ тутъ же сдержанною досадою во взглядѣ:

— Позвольте, какое же отношеніе?..

— Есть-то, есть! И Духонинъ смѣясь утвердительно качая головой.

— Такое отношеніе, счелъ нужнымъ пояснить Гундуровъ, — что то что въ художнической * натурѣ Ивана было дѣломъ страсти, порывомъ страшнымъ, но временнымъ, исходитъ изъ холоднаго ума Петра въ формѣ совершенно ясно опредѣленной,

* Извѣстное воззрѣніе К. Аксакова на Грознаго.

безплощадной регламентаціи. Регламентація эта нараждаетъ касту, цѣлое сословіе людей оторванныхъ отъ земли, съ теченіемъ поколѣній все болѣе и болѣе становящихся чуждыми ей, до потери ими наконецъ уже всякаго пониманія, всякаго чутія народности. Создается положеніе безобразное, воскликнулъ Сергій (вся одіозность вынесенныхъ имъ изъ Петербурга впечатлѣній заговорила въ немъ въ этотъ мигъ съ новымъ, ноющимъ раздраженіемъ):—сверху, эти оторванные отъ почвы, играющіе въ европейство высшіе классы, съ вашимъ петербургскимъ чиновничествомъ всякихъ наименованій во главѣ, правящіе землей какъ съ луны, презирующие ее за вѣрность ея своимъ исконнымъ преданіямъ; внизу—настоящій, крѣпкій отъ корня народъ, и за то самое подавленный, безгласный....

— Безправный, вернулъ Духонинъ.

— Какія же это „права“ желали бы вы ему предоставить? язвительно вырвалось на это у флигель-адъютанта.

— А самое простое, человѣческое право,—не состоять у насъ съ вами на положеніи вещи или скота, отвѣчалъ насмѣшливо московскій западникъ.

— Да-сѣ, протанулъ петербургскій дѣлецъ,—это конечно; желаніе весьма... человѣколюбивое, и вы мнѣ можете сказать что въ Европѣ давно... Но, къ сожалѣнію (онъ вздохнулъ), мы не Европа, и...

— И Русскій народъ долженъ вслѣдствіе этого остаться закрѣпощеннымъ на вѣки вѣковъ? вскрикнулъ весь покраснѣвъ отъ негодованія Гундуровъ.

— Я этого не говорю-сѣ; но позволяю себѣ думать что разсужденіе о такомъ серіозномъ предметѣ можно отложить до того времени когда мы будемъ... plus civilisés, договорилъ флигель-адъютантъ уже съ нѣскольکو строгимъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ну, конечно, горячо зазвучалъ голосъ Сергія,—изъ-за чего намъ безпокоиться! Какое намъ дѣло до этихъ милліоновъ нашихъ братій по Христу и крови, какое дѣло что ихъ рабство позоритъ насъ еще болѣе чѣмъ ихъ, и что при этомъ рабствѣ ваше „просвѣщеніе“ одинъ лишь звукъ ложный и пустой,—было бы только намъ хорошо, лишь бы на насъ лилась всякая земная благодать....

Онъ вдругъ сдержался, оборвалъ и отвернулся. „Не стоить!“ сказалось въ его мысли...

Графъ Анисьевъ обвѣжалъ быстрымъ взглядомъ окружающія его лица... На всѣхъ ихъ онъ прочелъ полное одобреніе и сочувствіе къ прослушаннымъ имъ сейчасъ рѣчамъ.

— Да онъ въ самомъ дѣлѣ преогласный, этотъ Гамлетъ изъ профессоршекъ! сказалъ онъ себѣ, хмурясь и закусывая кончикъ уса.

Онъ всталъ, выпрямляясь всѣмъ своимъ высокимъ, стройнымъ станомъ и глядя черезъ голову Гундурова:

— Вы мнѣ позволите уклониться отъ дальнѣйшаго разговора! выговорилъ онъ внушительнымъ тономъ.

Духонинъ вскочилъ съ мѣста въ свою очередь, и отвѣсилъ ему учтиво проницескій поклонъ, причемъ не совсѣмъ удачно шаркнулъ слабо уже повиновавшимися ему ногами.

— Мы должны тѣмъ болѣе сожалѣть объ этомъ, сказалъ онъ,—что сами мы вызывать васъ на разговоръ съ нами никогда бы не осмѣлились.

Петя Толбухинъ, ничего уже не слышавшій, но видѣвшій предъ собою подгибающіяся поджарыя колѣнки шаркающаго Духонина, уронилъ голову на свои скрещенныя на спинкѣ стула руки, и залюлся добродушнѣйшимъ смѣхомъ....

Блестящаго Петербуржца передернуло. Онъ повелъ кругомъ глазами съ невольнымъ смущеніемъ и какъ бы недоумѣвая какъ слѣдовало отнестись ему къ отвѣту этому, и къ этому смѣху....

Выручилъ Сенька Водоводовъ:

— Mon cher, mon cher, хрипѣлъ онъ уже съ трудомъ шевеля языкомъ, несясь къ Анисьеву, — умора!.. Пойдемъ, я тебѣ... покажу... Вотъ этотъ, вотъ (онъ тыкалъ рукой по направлению Вальковскаго, который, обнявъ пріятеля своего, режиссера, за шею, рыдалъ навзрыдъ, икалъ и причитывалъ: да, сорокъ тысячъ братьевъ тебя любить не могутъ такъ какъ я!) Готовъ, mon cher! Совсѣмъ... готовъ! Пойдемъ, я тебѣ....

— Пойдемъ спать, давно пора! громко вымолвилъ флигель-адъютантъ, отстраняя его рукой, и твердою поступью перекинувшись по пути нѣсколькими словами со Шнабельбергомъ и Подозеринымъ, вышелъ изъ столовой.

Шнабельбергъ, за которымъ поднялись и всѣ его артиллеристы, потянулъ за нимъ... Московскіе господа исчезли тоже... Зала стала пустѣть...

— Да развѣ все, что ли? завылъ вдругъ Сенька, кидаясь

къ кострюлѣ въ которой варилась жженка и погружаясь въ нее глазами.

— Все, все, отвѣчалъ ему Подозеринъ, тыкаясь туда же своимъ стерляжьимъ носомъ,—все, до калаи... вызюзили... А ты прѣзжай обѣдать... къ Шна... къ Шнабельбергу... въ городъ... Анисьева провожаютъ. Можно будетъ у... устроить опять... и бан... чашку...

— Mon cher, mon cher... что жъ онъ мнѣ, Нѣмчура проклятая, ничего... не сказалъ? Ъду... сейчасъ... сейчасъ... За нимъ...

И цѣлаясь за стулья и столы онъ побѣждалъ къ дверямъ...

— И меня возьми, и меня! крикнулъ ему всадъ Свищовъ, вскакивая изъ-за стола, у котораго сидѣли они съ Толей Карнауховымъ.

— И я, слабо пискнулъ за нимъ студентъ, у котораго голова совсѣмъ уже моталась на плечахъ.

— А ты спи, телецъ! захохоталъ Свищовъ, толкая его ладонью въ затылокъ.

Толя упалъ носомъ на столъ, и тутъ же заснулъ сномъ младенца.

— „Любимцы гвардіи, гвардейцы, гвардіонцы“, читалъ нараслѣвъ тѣмъ временемъ Духонинъ, подражая голосу актера Ольгима, игравшаго въ ту пору роль Скалозуба на Московской сценѣ.—А вѣдь хорошъ, Гундуновъ, а? хорошъ? захихикалъ онъ, подмигивая по направленію двери за которою исчезъ флигель-адъютантъ.

Гундуновъ разсѣянно повелъ плечомъ: его мысли были уже далеко отъ предмета о которомъ онъ сейчасъ такъ горячо спорилъ...

— А скажите пожалуйста, спросилъ онъ вспомнивъ вдругъ и озираясь,—что это Ашанина не видно, куда онъ дѣлся?

— А у него страшно голова разболѣлась, отозвался калитанъ Ранцевъ,—мы съ нимъ тутъ вмѣстѣ ужинали, ничего даже ѣсть не могъ: какъ встали, онъ спать ушелъ... Ольга Елипидифоровна Акулина, примолвилъ онъ съ засіявшимъ лицомъ,—„суркомъ“ его даже прозвали, потому онъ говорилъ что всѣ болѣзни у него сномъ проходятъ...

— Господа, заголосилъ вдругъ Духонинъ, подымаясь и тутъ же ладая опять на стулъ,—мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу...

— Погибъ на полѣ чести! расхохотался Чижевскій, помогая ему приподняться опять.—Отведите его за Нана, Гундуновъ, а мы съ калитаномъ остальныхъ убитыхъ приберемъ...

— Ничего-съ, отличнѣйшіе дебаты сегодня были! заключилъ Факирскій, подхватывая Духовина подъ другую руку...

Была шестой часъ утра; все въ домѣ уже спало мертвымъ сномъ... Только во флигелѣ, гдѣ помѣщался театръ, въ полутемномъ корридорѣ, въ концѣ котораго подымалась узенькая лѣстница въ верхній этажъ, слышался шелотъ двухъ молодыхъ голосовъ:

— Еще одинъ... послѣдній... на прощанье...

— Милый, довольно, пусти... Боже мой, что ты сдѣлалъ со мной! И я, безумная...

— О, прости, прости! Ты такъ хороша, я... Ты сердиться?

— Нѣтъ, не знаю, я... счастлива. Но ты помнишь, ты обѣщала... Ты удержишь?.. Не ищи, не соблазняй опять!.. Милый, да? Никогда, никогда больше?..

— Обѣщала... сдержу!.. А ты, ты меня забудешь?..

— „Тебя ль забыть“, * изнемогающими отъ вѣги звуками прозвенѣли у самаго уха счастливицы очаровательныя ноты груднаго контральто, и горячій, послѣдній поцѣлуй ожегъ его губы.

— Ольга, божество мое!..

Онъ схватилъ ея улругій, трелетавшій сквозь легкія ткани подъ его рукой станъ... Но она вырвалась изъ его объятія, — и легкій шумъ ея торопливыхъ шаговъ замолкъ чрезъ мигъ на поворотѣ лѣстницы...

* Известный цыганскій романсъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

LXXVI.

На цѣлый часъ поздне обыкновеннаго проснулась на другой день аккуратная княгиня Аглая Константиновна, и послѣ обычныхъ омовеній, облекшись въ широкій утренній леньюаръ, усѣлась причесываться къ зеркалу, и потребовала къ себѣ Витторіо со счетами. Италіанецъ явился съ вытянутымъ и строгимъ лицомъ, заранѣе предчувствуя бурю и готовясь къ ней... Дѣйствительно, княгиня такъ и ахнула взглянувъ на цифру поданнаго имъ расхода за минувшій день: на одинъ столъ съ винами истрачено было болѣе полуторы тысячи рублей, одного шампанскаго выпито до ста бутылокъ....

— *A la sampragne!* вскрикнула Аглая, ужасаясь почему-то что въ деревнѣ можно было пить столько же сколько въ городѣ,—*il n'y a que les Russes capables de ça!*

Прибавляя къ этому издержки на театръ, освѣщеніе и иные второстепенные расходы вчерашній день обходился ей въ четыре тысячи рублей саишкомъ.

— *Seize mille francs!* перевела она себѣ громко по-французски, воззрясь укорительно на безмолвно стоявшаго предъ нею Витторіо,—*c'est effrayant!*

— *Tout est cher dans ce pays,* проговорилъ съ достоинствомъ мажордомъ приподнимая плечи.

Началось слишкомъ знакомое ему и надоѣвшее ему до смерти кропотливое, сопровождаемое всякими взвизгиваніями и придирками перебирание княгиней каждой колѣвѣки его счетовъ, кончавшееся обыкновенно тѣмъ что выведенный изъ терпѣнія Италіанецъ объявлялъ ей что „если *madame la princesse* сомнѣвается въ его безкорыстіи и усердіи, онъ съ своей стороны готовъ сегодня же отойти отъ нея“, а *madame la princesse*, испугавшись этой угрозы, принималась улыбаться и тожно упрекать его за его „*mauvais caractère*“, послѣ чего брала перо и, съ неизмѣннымъ вздохомъ, подписывала ордеръ о полученіи имъ уплаты по счетамъ изъ ея конторы.

То же произошло и теперь, съ тою только разницею что въ виду значительности суммы княгиня вздохнула такъ какъ будто вздохъ этотъ исходилъ уже не изъ груди, а изъ самаго желудка ея, и молча, забывъ упрекнуть Витторіо въ его „дурномъ характерѣ“, подписала его счета и меню повара, и отпустила величественнымъ мановеніемъ руки.

Затѣмъ, оставшись одна со своими горничными, Аглая Ковстантиновна, поводя мелкимъ гребнемъ по своимъ густымъ „en arc de Cupidon“ бровямъ, стала разсуждать что дѣль рожденія Лины обошелся ей такъ дорого, что она затѣяла этотъ театръ и танцы изъ-за того только чтобъ имѣть предлогъ пригласить въ Сидкое „se jeune comte“, который такъ неожиданно вчера за ужиномъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ.... При этомъ воспоминаніи чередаховый гребешокъ тревожнѣе замахалъ по „arc de Cupidon“ Аглаиныхъ бровей; ее ужасала вся та экстраобычная умственная работа которая ожидала ее въ этотъ день... Ей предстояло непременно объясниться съ нимъ, „lui expliquer tout cela“... Но, къ несчастію, она до сихъ поръ никакъ не могла составить себѣ понятіе что именно это „cela“, которое должна она объяснить ему, а потому перешла къ соображенію о томъ, почему Лина не танцевала съ нимъ мазурки вчера и что можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть чтобъ этотъ „jeune comte, un si beau parti“, ей не нравился?... „Il faut aller au fond des choses“, съ вѣкоторою мрачностью говорила себѣ наша княгиня, предвидя что для этого надо поговорить серіозно съ дочерью,—чего она изъ какой-то инстинктивной боязни избѣгала всегда когда могла это сдѣлать... Внезапная мысль осянула вдругъ многотупую голову ея:

— Прежде всего надо спросить Ольгу. C'est une fine mouche, она навѣрное все знаетъ!...

И обратившись къ первой камеристкѣ своей „Lucrèce“, закалывавшей ей косу шпильками:

— Сходи сейчасъ къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ и попроси ихъ ко мнѣ! сказала она.

Горничная вернулась съ отвѣтомъ что „Ольга Елпидифоровна еще почиваютъ и не велѣли себя будить къ первому завтраку, потому очень устали отъ танцевъ и должны играть на театрѣ сегодня вечеромъ,—а въ *будуаръ* Надежда Федоровна и спрашиваютъ, могутъ ли видѣть ваше сіятельство?“

Княгиня слегка нахмурилась:

— Первый завтракъ я велѣла сервировать сегодня въ двѣнадцать часовъ; могла бы, кажется, подняться къ этому времени... А Надеждѣ Федоровнѣ скажи чтобы подождала,—а выйду, примолвила Аглая, допуская не всѣхъ къ тайнамъ своего туалета.—А мои шлейфы и прочее что я давала имъ двумъ надѣвать вчера для театра получила ты въ цѣлости?

— Въ аккуратъ, ваше сіятельство... И отъ Евгенія Владиміровича Зяблина брилліанты и все прочее сейчасъ все принесли по счету.

— Ну, у этого не пропадетъ ничего... И стоявшее предъ нею зеркало отразило не то счастливую, не то смущенную улыбку, заигравшую при этомъ имени на крутыхъ губахъ Аглаи.

— Первѣющій баринъ насчетъ всего-съ, протештала на это, даже прижмурившись отъ избытка чувства, насквозь видѣвшая свою барыню, невысокая, съ лаутовскимъ выраженіемъ курносаго, недурнаго лица и неломѣрно развитою грудью, прожженная что говорится „Lucrèce“...

— Что вамъ, ма сѣге? спросила затѣмъ, окончивъ свой туалетъ и входя въ будуаръ, княгиня ожидавшую ее тамъ Надежду Федоровну.—Ah, mon Dieu, что съ вами, вы больны? вскрикнула она даже, внезапно пораженная восковымъ цвѣтомъ губъ, желтизною лица и олухшими вѣками стоявшей предъ нею особы.

— Я двѣ ночи не спала и... извините, *princesse*... не могу стоять, разбитымъ голосомъ проговорила двѣца Травкина, бессильно падая въ кресло, съ котораго только что встала поклониться княгинѣ.

— Ah, mon Dieu, вы совсѣмъ, совсѣмъ больны, испуганно возгласила та,—надо скорѣй за докторомъ... Велите сейчасъ, *je vous prie*, залечь старую маленькую коляску, и послать за нимъ въ городъ. Ему надо непременно посмотреть васъ. *Vous avez peut-être quelque maladie contagieuse!*... И она всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ подалась назадъ, какъ бы собираясь бѣжать...

— Не тревожьтесь, княгиня, съ горько-проницательною улыбкой возразила Надежда Федоровна,—болѣзнь моя не заразитъ никого изъ счастливыхъ вашего дома... Я не тѣломъ, а душой больна, добавила она чуть слышно;—за докторомъ посылать бесполезно, но я была бы вамъ очень благодарна еслибы вы мнѣ дозволили велѣть залечь коляску... или какой вамъ угодно экипажъ, для меня собственно...

— Для васъ? Вы хотите вѣхать? Куда?

— До ближайшаго мѣста, гдѣ я могла бы взять почтовыхъ или нанять лошадей въ Москву...

— Въ Москву? *Mon Dieu, mais pourquoi?* ошеломленно спрашивала Аглая Константиновна.

Компаніонка приложила руку ко груди, вздохнула, низко опустила голову, и вскинувъ ее чрезъ мигъ оліять вверхъ, взглянула прямо въ глаза княгини, какъ бы желая не уступить ничего изъ того впечатлѣнія какое должны были произвести ея слова:

— Я пришла проститься съ вами, княгиня... проститься навсегда, повторила она подчеркивая.

— Проститься! *Vous nous quittez?*

— Да, я не могу... я должна, я обязана! торопливо повторяла дѣвица Травкина, какъ бы заранѣе протестуя противу всякаго уговариванія ея остаться.

— Я не понимаю се que vous entendez par là ma chère Надежда Федоровна, промолвила, надувъ губы княгиня—*j'ai toujours été très polie сѣ вами, жалованье ваше вы получали даже всегда впередъ, et deux fois l'an de très beaux cadeaux toujours...*

— Я вамъ очень благодарна, очень благодарна вамъ и всѣмъ вашимъ, прервала ее та,—и повѣрьте что рѣшеніе мое оставить васъ нисколько не происходитъ отъ того чтобы мнѣ было дурно здѣсь... Мнѣ многое здѣсь дорого было,—искреннее чувство зазвучало рыданіемъ въ голосъ бѣдой дѣвы,—я любила Лину какъ сестру... и никогда, никогда ее не забуду... А ваши подарки, какъ бы припомнила она съ новымъ взрывомъ горечи,—я ихъ оставляю, раздамъ въ вашемъ же домѣ... Тамъ, куда я иду, тамъ этого ничего не нужно...

— Не нужно? Княгиня даже вслыхнула вся.—Вы надѣетесь что вамъ будутъ давать тамъ больше чѣмъ я, et que vous pouvez faire fi de mes cadeaux?..

Надежда Федоровна не то печально, не то презрительно пожала плечами:

— Богъ дастъ то чего не въ состояніи дать никто изъ живущихъ, проговорила она, подымая съ нѣкоторою театральностью глаза въ потолокъ:—Онъ даетъ страждущей душѣ успокоеніе и миръ... Я иду въ монастырь, княгиня! заключила она какъ бы черезъ силу...

Круглые зрачки Аглаи Константиновны неломѣнно расширились:

— Въ монастырь! повторила она;—vous voulez entrer au couvent?..

Надежда Ѳедоровна молча повела головой сверху внизъ.

Та поглядѣла на нее, поглядѣла и вдругъ сообразила:

— C'est encore ce Hamlet, je suis sûre, который посылаетъ всѣхъ въ монастырь! вскрикнула она всплеснувъ руками;— Надежда Ѳедоровна, ma chère, я васъ считала всегда такою умною... Я даже не понимаю какъ слова d'un personnage какой-нибудь драмы,—des conseils très bêtes qu'il donne, я нахожу, quoique la pièce soit de Shakespeare, какъ это можетъ сводить васъ съ ума и заставляетъ дѣлать une bêtise comme cela!..

Какъ ни была мало расположена къ веселости Надежда Ѳедоровна, но эта комическая рѣчь вызвала неволью усмѣшку на ея поблеклыя губы.

— Гамлетъ никакого вліянія на меня не имѣлъ, княгиня, тихо промолвила она, тономъ горестной шутки,—въ немъ нѣтъ той любви которая заставляетъ принимать тѣ или другія слова человѣка на вѣру.

— Ah, mon Dieu, пронеслось теперь въ головѣ Аглаи новое умозаключеніе,—elle est amoureuse de ce monsieur Goundouroff!.. Она воззрѣлась участливыми глазами на сидѣвшую предъ ней перезрѣлую дѣвицу и заговорила тѣмъ мягкимъ, утѣшительнымъ голосомъ какимъ говорятъ съ больными или съ дѣтьми:

— Mais aussi ma chère Надежда Ѳедоровна, зачѣмъ же требовать невозможнаго?... Il faut être raisonnable! Вы хотите чтобы человѣкъ васъ любилъ. Mais songez donc, онъ гораздо моложе васъ et puis malheureusement у васъ гроша нѣтъ, ma chère...

Болѣзненнымъ, лихорадочнымъ румянцемъ покрылось все лицо бѣдной дѣвы. „Это объ Ашанинѣ; княгиня все знаетъ, Ольга передала ей все!“ поняла она...

Она поднялась на ноги:

— Пощадите меня, княгиня!... Упреки ваши бесполезны... Я покидаю вашъ домъ!..

— Mais ma chère, я васъ ни въ чемъ не упрекаю! растерянно возразила Аглая,—les sentiments sont permis à tout le monde... Если вы желаете впрочемъ непременно оставить меня,

перебила себя она, принимая снова обиженный видъ,—я васъ не могу удерживать насильно, Я только надѣюсь что вы останетесь пока я найду кого-нибудь замѣнить васъ?

— Ни одного дня, ни одного часа долѣе! пылко вскрикнула Надежда Федоровна;—если вамъ не угодно будетъ приказывать дать мнѣ сейчасъ лошадей, я лѣшкомъ убѣгу отсюда...

И шатаясь, невѣрными, но быстрыми шагами она вышла изъ будуара... Добравшись до лѣстницы она отъ изнеможенія должна была присѣсть на ступеньку:

— Смирения, Господи, о смирении молю Тебя, Отецъ небесный! прошептала она, сознавая что этого „смирения“, которое такъ красиво рисовалось предъ нею предъ входомъ въ будуаръ княгини, не хватило у нея на все теченіе предыдущаго разговора, и чувствуя вслѣдствіе того смертельную охоту заплакать... Но слезы не пришли на этотъ разъ:—она словно всѣ ихъ выплакала за эти два дня... Она встала и тяжело опираясь рукой на перила поднялась въ верхній этажъ. Она шла къ Ливъ—прощаться...

— L'amour lui a complètement tourné la cervelle! разудила княгиня, проводивъ глазами бѣдное созданіе, уходившее во мракъ кельи отъ жизни отъ которой ждала она дѣйствительно только „невозможнаго“ романа...—Mais quelle indécatesse! сказала себѣ затѣмъ Аглая,—оставить меня такъ, вдругъ, когда у меня еще никого нѣтъ въ виду на ея мѣсто... Надо будетъ сказать Ольгѣ чтобъ она теперь разливала чай et tout le reste... Но эта Ольга est une dormeuse et une étourdie, она никогда не будетъ такъ аккуратна... Только что встала я сегодня и уже двѣ такіа непріятности: ce gros compte de Vittorio и вотъ это опять...

И Аглая Константиновна раздумчиво сжавъ брови качала своею жирною, лоснившеюся головою... Несчастливая, она и не догадывалась что это все были одни цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками которыя ожидали ее въ этотъ день...

На низенькомъ столѣ у низенькаго дивана, обычнаго мѣста ея сидѣнья, вошедшій съ подносомъ личный камердинеръ ея сіятельства, имѣвшій одинъ изъ слугъ право проникать въ святилище ея внутреннихъ апартаментовъ, уставлялъ въ это время чайный приборъ со всѣми его принадлежностями. Княгиня машинально повела взглядомъ въ эту сторону—и набѣжавшія морщины на половину сгладились съ ея чела. Этотъ объемистый, круглый, сверкающій своею серебряною

гладью tea kettle *, съ весело пылавшимъ надъ нимъ въ кафоркѣ спиртовымъ огнемъ вызвалъ въ ней мысль о Зяблицѣ съ которыми неизмѣнно пила она чай въ эти часы.

— Il n'est pas encore là, подумала она, и только-что собралась приказать камердинеру „сходить за Евгениемъ Владиміровичемъ“ какъ дверь изъ будуара въ „ситцевый кабинетъ“ полуотворилась и кто-то выглянулъ изъ-за нея...

— Entrez, entrez! громко возгласила княгиня.

— Можно? спросилъ чей-то голосъ,—но это не былъ голосъ Зяблина.

Княгиня прищурилась—и привстала...

LXXVII.

Вошла Софья Ивановна Переверзина.

Легкая досада, а еще болѣе удивленіе сказались въ первую минуту на лицѣ Аглаи Константиновны. Но она тотчасъ же приняла радостно-любезный видъ и пошла на встрѣчу своей гостьѣ.

— Chère madame, какъ я рада васъ видѣть! Vous venez prendre le thé avec moi, n'est-ce pas?

— Я сейчасъ пила у себя, благодарю васъ, молвила въ отвѣтъ Софья Ивановна. Она была блѣдна и руки ея были холодны...

— J'espère que vous allez bien? замѣтивъ это, подавая ей руку, спросила тономъ участія и безпокойства хозяйка.

— Я здорова, спасибо вамъ!... Извините что обезломила васъ такъ рано, но я... мнѣ необходимо было видѣть васъ, выговорила съ видимымъ усиліемъ надъ собою госпожа Переверзина.

— Mais asseyez vous donc, chère madame, приглашала ее княгиня, усаживаясь сама за чайный столикъ;—мы, кажется, съ вами только однѣ въ домѣ на ногахъ въ этотъ часъ. Уже девять скоро, а всѣ, les dames et les messieurs, послѣ нашихъ вчерашнихъ удовольствій все еще въ постеляхъ. Nest-ce pas que cela a bien reussi hier... Les messieurs ont fait une жженка après souper... Вы впрочемъ ушли къ себѣ сейчасъ послѣ спектакля,—я такъ жалѣла! Le bal a été vraiment charmant. И графиня Воротынцова такъ рано уѣхала... Quelle femme charmante, n'est-ce pas?

* Чайный котелъ.

— Очень мила, коротко подтвердила Софья Ивановна.

— La bonne femme a décidément oublié son français, сказала себѣ Аглая, видя что ея гостья настойчиво отвѣчала русскою рѣчью на ея французскую болтовню.

Тѣмъ изумленнѣе была она, когда въ это же время гостья эта, взглянувъ на стоявшаго въ ожиданіи приказаній въ нѣкоторыхъ шагахъ отъ нихъ слуги, обратилась къ ней на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ со слѣдующими неожиданными словами:

— Я пришла, княгиня, переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ обстоятельстве, а потому буду просить васъ подарить мнѣ полчаса бесѣды *наединѣ*, подчеркнула она.— Я была бы вамъ очень благодарна еслибы на это время вы дали приказаніе чтобы намъ никто не помѣшалъ.

— C'est donc bien sérieux? съ нѣкоторымъ испугомъ спросила Аглая.

— Въ противномъ случаѣ я бы васъ не побеспокоила, отвѣтила гостья.

Хозяйка со вздохомъ обратилась къ камердинеру:

— Ты можешь идти, Олигенъ, и пока я не позволю, никого сюда не принимать!...

— Слушаю-съ, почтительно склонивъ голову проговорилъ слуга, двинулся нервнѣйшимъ шагомъ по направленію двери и не доходя до нея обернулся, въ видимомъ намѣреніи сдѣлать какой-то вопросъ.

Аглая поняла:

— Никого! повторила она, торопливо махнувъ ему рукой и слегка краснѣя... Ей показалось почему-то неудобнымъ чтобы предъ Софьею Ивановной произнесено было теперь имя Зяблина.

Онѣ остались вдвоемъ.

— Eh bien, chère madame? начала первая хозяйка, прерывая наставшее молчаніе.

Софья Ивановнѣ очевидно было трудно приступить къ разговору... Она медленно вытащила табатерку изъ-подъ своей шведской перчатки и дрожащими пальцами, уцѣлила въ ней щелотъ...

— Я пришла переговорить съ вами о моемъ племянникѣ, выговорила она внезапно съ рѣшимостью человека кидающагося въ студеную воду, выпуская табакъ изъ этихъ пальцевъ и судорожно захлопывая крышку табатерки.

Ah, mon Dieu, c'est pour ce sot amour de Надежда Федоровна, sans doute! тотчасъ же сообразила многотумная Аглая Константиновна. И принявъ игривый видъ:

— Она только что предъ вами ушла отъ меня, прошептала она, подмигивая и нагибаясь черезъ столъ къ Софѣ Ивановнѣ.

— Кто, княжна? недоумѣло воскликнула та.

— Ma fille? не менѣе недоумѣло воскликнула и Аглая.— Mais non, я говорю о Надеждѣ Федоровнѣ, ma demoiselle de compagnie, вы ее знаете...

— Чтѣ же общаго между вашею компаніонкой и моимъ племянникомъ? недовольнымъ тономъ быстро проговорила госпожа Переверзина.

— Vous ne savez pas? Она совсѣмъ съ ума сошла, cette pauvre Надежда Федоровна... Сейчасъ пришла мнѣ сказать qu'elle me quitte и идетъ въ монастырь, и когда я ее спросила, чтѣ заставляетъ ее faire cette bêtise, она мнѣ отвѣчала что le prince Hamlet никогда ее не любилъ... Вы понимаете, c'était monsieur Serge qui jouait le rôle...

— Княгиня, прервала ее Софѣя Ивановна,—все это похоже на дурную шутку, и если компаніонка ваша дѣйствительно говорила вамъ то чтѣ вы мнѣ передаете, она въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая... или ужъ черезчуръ лукава, примолвила тетка Сергѣя, вспоминая разговоръ свой съ Ашанинымъ о его жертвѣ.—Во всякомъ случаѣ вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, что племянникъ мой здѣсь ни при чемъ...

— Ah, mon Dieu, je sais bien что тутъ ничего не можетъ быть закивала Аглая,—она его гораздо старше, et puis elle n'a pas le sou, la malheureuse.

Какъ ни хотѣлось Софѣ Ивановнѣ приступить скорѣе къ „дѣлу“, она сочла нужнымъ возразить противъ этой послѣдней фразы.

— Я позволю себѣ замѣтить вамъ, княгиня, что соображеніе о деньгахъ не существуетъ для моего племянника; онъ въ нихъ, во первыхъ, не нуждается, а во вторыхъ...

Она оборвала вдругъ, поглядѣла на княгиню, погрузила еще разъ палыцы въ табакерку и еще разъ выпустивъ изъ нихъ табакъ:

— Я пришла вамъ сказать, быстро проговорила она—что онъ... что Сергѣй любить вашу дочь...

— Votre neveu? Il aime Lina, ma fille! съ ужасомъ пролепетаа Аглая, отчаянно хлопая глазами.

— Да, и я имѣю честь просить у васъ руки ея для него, заключила Софья Ивановна торопливо и рѣшительно, какъ бы говоря себѣ: перчатка брошена, а теперь посмотримъ!...

Аглая Константиновна поражена была до того что долго не могла собраться съ мыслями. Она уперлась глазами въ лицо своей собесѣдницы съ такимъ выраженіемъ будто старалась допытаться въ немъ, не въ шутку ли было сказано то что дано ей было сейчасъ услышать... И вдругъ, къ немалому изумленію Софьи Ивановны, поднесла ладоты къ собственному лицу, и громко всхлинула:

— Madame Pereverzine, тономъ глубокой обиды промолвила она,—j'ai été toujours si polie envers vous, что я вамъ сдѣлала pour que vous m'offensiez comme cela?

Софья Ивановна такъ и привскочила:

— Я оскорбляю васъ? Предложеніе мое вы принимаете за оскорбленіе!.. Не потрудитесь ли вы объяснить мнѣ что вы понимаете подъ этимъ, княгиня? добавила она спокойнѣе, сдерживаясь на сколько позволялъ ей только ея пылкій характеръ, между тѣмъ какъ багровыя пятна, обычные признаки внутренняго волненія въ ней, выступали на ея лицѣ.

— Вы должны сами знать, madame Pereverzine, отвѣчала Аглая тѣмъ же плачущимъ голосомъ,—что дочь моя, une princesse Schastounof, которой я даю пятьсотъ тысячъ—deux millions de francs, перевела она сквозь слезы,—въ приданое, кромѣ ея законной части въ имѣніи отца, что такая невеста peut faire un parti plus beau чѣмъ выходить за monsieur Гудурова.

— Этотъ „monsieur Гудуровъ“, обидчиво въ свою очередь воскликнула теперь его тетка,—ведетъ свой родъ отъ того же корня что и князя Шастуновы и не уступаетъ слѣдовательно дочери вашей по рожденію. Что же касается ея богатства, то я уже вамъ сказала что Сергѣй равнодушенъ къ деньгамъ и повѣрьте что и онъ и я мы были бы счастливы еслибъ онъ могъ получить княжну Лину безо всякаго приданого.

Княгиня ironically усмѣхнулась на это заявленіе и многозначительно затѣмъ повела головой:

— Permettez, chère madame Pereverzine, замѣтить вамъ что ma fille и monsieur Гудуровъ совсѣмъ не одно и то же. Elle est titrée et lui est un simple (она хотѣла сказать *простой*, то-

есть не титулованный дворянинъ; несмотря на свой неизмѣнный французскій языкъ у нашей княгини прорывались иной разъ такіе невѣроятные руссизмы)... Et puis у него нѣтъ никакого position dans le monde.... Потому что вы понимаете, chère madame, фыркнула она уже совсѣмъ высокомерно,—что я никогда не позволю чтобы дочь моя, la princesse Lina, сдѣлалась какою-нибудь Frau Professorin, comme on dit en Allemagne!..

„Я всего этого ожидала, и потому сердиться было бы смѣшно, тѣмъ болѣе что ужъ очень она забавна въ своей глупости“, молвила себѣ между тѣмъ Софья Ивановна, глядя на окончательно расходившуюся Аглаю и смирля такимъ разсужденіемъ клокотавшее въ ней самой чувство негодования противъ этой агрессивной, оскорблявшей ее глупости.... И громко:

— Все это очень можетъ быть, Аглая Константиновна, выговорила она это имя и отчество съ такимъ отгѣнкомъ интонаціи что та ёрзула на своемъ диванѣ, словно уколотая выѣзшею оттуда булавкой,—но мы съ вами дожили до того вѣка когда рѣшать судьбу дѣтей безъ ихъ спроса родителямъ уже не приходится.... Увѣрены ли вы что княжна Елена Михайловна раздѣляетъ ваше презрительное мнѣніе о профессорскомъ званіи?

— О, съ этой стороны я совершенно спокойна, воскликнула раздуть носдри княгиня,—Lina se sent trop bien née pour descendre à une mésalliance!...

Софья Ивановна помолчала.... То что приходилось ей сказать сейчасъ должно было, она знала, отозваться для княжны Лины, которая такъ дорога была ей, цѣлымъ рядомъ мучительныхъ дней борьбы, оскорбленій, слезъ.... Ея губы внезапно поблѣли и дрогнули.

— Вы повидимому, княгиня, не совсѣмъ точно знакомы съ понятіями и желаніями вашей дочери, сказала она съ невеликою усмѣшкой:—я должна вамъ сказать что я съ дозволенія княжны Елены Михайловны прошу у васъ ея руки для племянника моего Сергія Михайловича Гундузова...

Аглая и перепугалась и разгнѣвалась въ одно и то же время:

— Mais c'est affreux что вы мнѣ говорите!... Je n'aurais jamais crû cela de vous, madame Pereverzine! чуть не кричала она, вся красная....—Потому что я позволила моей дочери играть на сценѣ съ вашимъ племянникомъ il s'est imaginé,

и вы тоже, какъ я вижу, qu'il pouvait prétendre à sa main.... Вы воспользовались неопытностью,—de l'inexpérience et de la trop grande bonté de ma pauvre enfant, вслабнула она еще разъ при этомъ, чтобы выманить у нея какое-то согласіе....

— Княгиня, довольно! остановила ее Софья Ивановна, сама вся дрожа отъ сдержаннаго гнѣва;—вы забываете что вы у себя и что я ваша гостыя.... Оправдываться я предъ вами не стану,—вы бы не поняли меня, полагаю, проронила она съ вырвавшимся у нея помимо воли отгвѣнкомъ презрѣнія,—а способна ли я „выманивать“ и пользоваться чьею-либо „неопытностью“ можетъ вамъ сказать beau-frère вашъ, князь Ларіонъ Васильевичъ, къ которому я и пойду сейчасъ переговорить окончательно объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ дальнѣйшій разговоръ съ вами, княгиня, былъ бы, я вижу, по меньшей мѣрѣ бесполезенъ, докончила тетка Гундурова, вставая съ мѣста и, поклонившись хозяйкѣ, направилась къ двери:

Та вдругъ струхнула.... Тонъ Софьи Ивановны, перелиска ея „avec feu l'Impératrice mère,“ вчерашняя крайняя любезность съ нею графини Воротынцевой, и наконецъ перспектива „d'une scène affreuse avec Larion“ изъ-за нея,—все это разомъ награнуло въ многотумную голову нашей княгини и поразило ее вѣкимъ ужасомъ.... Она кинулась за своею гостыей:

— Mais ma chère madame Pereverzine, pourquoi est ce que vous vous fâchez? Я ничего обиднаго для васъ и вашего племянника не думала сказать.... Je vous respecte beaucoup tous les deux, но у меня для Лины совсѣмъ другая партія en vue....

Софья Ивановна остановилась:

— Я это знала, сказала она,—и если, несмотря на это, я пришла говорить съ вами сегодня, то это потому что мнѣ также извѣстно какъ смотреть Елена Михайловна на эту „партію“, которую вы „имѣете для нея въ виду“.

Аглая Костантиновна надулась вдругъ опять:

— Я вижу что ma fille vous dit tout et à moi rien! вслукнула она съ упрекомъ и досадою.

— А вы съ ней говорили объ этомъ? спросила просто Софья Ивановна.

Княгиня наша олъшила и не найдя отвѣта захололала растерянно глазами.

Госпожа Переверзина еще разъ поклонилась ей, и вышла изъ комнаты.

Княгиня тяжело и усиленно дыша олустилась снова на

диванъ и, захвативъ съ близъ стоявшаго столика, въ одну руку вѣеръ, а въ другую колокольчикъ, принялась одновременно и съ равною долей энергіи олаживать и звонить:

— Спроси у Люсгесе, приказала она въѣзжавшему камердинеру, — мои капли для нервовъ, и попроси сейчасъ сюда Евгенія Владиміровича!...

LXXVIII.

Князь Ларіонъ только что вернулся со своей обычной утренней прогулки, когда Софья Ивановна вошла въ его кабинетъ.

Онъ увидалъ ее изъ глубины покоя и пошелъ ей учтиво навстрѣчу.

— Вы вѣроятно удивляетесь моему визиту? сказала она ему съ насилуваною улыбкой.

— Очень радъ ему во всякомъ случаѣ, съ холодною любезностью промолвилъ онъ, провожая ее къ креслу у своего письменнаго стола.

Софья Ивановна опустила въ него... Онъ сѣлъ насупротивъ.

Она была „на полномъ ходу“, какъ выражала она сама возбужденное состояніе своего духа въ рѣшительныя минуты жизни, и начала прямо:

— Я сейчасъ отъ Аглаи Константиновны...

— Отъ умной женщины, протянулъ князь въ видѣ вводнаго предложенія, глядя на свои ногти.

— Умъ—Богъ съ нимъ! А вотъ побольше сердца можно было бы, дѣйствительно, кажется, ей пожелать, не могла не сказать на это Софья Ивановна.

Князь Ларіонъ чуть-чуть шевельнулъ плечьми, поднявъ на нее на мигъ свои словно какъ бы отяжелѣвшія вѣки и снова сталъ глядѣть на свои пальцы.

— Я была у нея просить руки княжны Елены Михайловны для моего племянника; отчетливо выговорила вслѣдъ за тѣмъ его собесѣдница.

— А! пропустилъ онъ только на это сквозь зубы, не пере-

мѣнная положенія,—но все тѣло его, показалось ей, дрогнуло за этимъ восклицаніемъ.—И она... началъ онъ вопросительно—и не договорилъ.

— Отказала мнѣ, досказала Софья Ивановна,—и при этомъ разгнѣвалась до слезъ, и до того что позволила себѣ упрекнуть меня будто бы я „воспользовалась неопытностью и добрымъ сердцемъ“ княжны чтобы „выманить“ у нея согласіе на это предложеніе... Я сказала ей на это что попрошу васъ, человѣка знающаго меня издавна, объяснить ей, способна ли я на что-нибудь подобное.

Князь откинулъ голову отъ спинки своего кресла и перегнулъ ее съ низкимъ поклономъ въ сторону Софьи Ивановны, какъ бы говоря: порученіе ваше будетъ въ точности исполнено.

И ни слова при этомъ... Онъ продолжалъ все также не глядѣть на нее.

Это показалось ей страннымъ:

— Я поэтому пришла переговорить съ вами, князь, чуть-чуть нетерпѣливо сказала она;—вѣдь вы все знаете!..

— Что именно? И онъ нахмурился.

— Все! Княжна мнѣ говорила: вы обѣщали ей ваше содѣйствіе, рѣзко вымолила тетка Гундурова.

Онъ помолчалъ:

— Когда говорила она это вамъ, можно полюбопытствовать? спросилъ онъ затѣмъ.

— Вчера утромъ.

— Да, сказалъ князь,—но со вчерашняго утра могли возникнуть обстоятельства за которыми сама Hélène быть можетъ... одумалась?..

— Я знаю на что вы намекаете, торопливо воскликнула Софья Ивановна:—то что было между ними въ театрѣ?.. Сергѣй былъ виноватъ, непростительно виноватъ, и я такъ хорошо понимала что его безумство могло измѣнить все расположеніе къ нему княжны что вчера же ночью послала ей вотъ эту записку, примолвила госпожа Перверзина, шаря въ карманѣ своей „robe feuille-morte... — Вотъ она! Прочтите! Вы увидите что я прямо ставила ей этотъ вопросъ о ея намѣреніяхъ на да или нѣтъ, — и ея отвѣтъ. Мнѣ принесли его въ четвертомъ часу утра, послѣ бала.... Они успѣли объясниться тамъ, все осталось попрежнему...

Князь Ларіонъ дрожавшею рукою взялъ протягиваемую ему записку, поднялся и отошелъ къ окну... „Да, да и да. Елена Шастунова“, начертанное крупнымъ почеркомъ Линою словно молніей ослѣпило ему глаза. Потухалъ послѣдній лучъ надежды,—онъ всю ночь напролетъ лелѣялъ себя ею,—это было полное „примиреніе между ними“... Безмолвно опустилъ онъ руки....

Онъ долго оставался такъ, недвижный и чѣмъ, погруженный въ глубокое, мучительное размышленіе.

— Что же князь? спросила наконецъ Софья Ивановна.

— Иди, значить, и дѣйствуй! иронически проговорилъ онъ вдругъ, какъ будто пробужденный этимъ голосомъ и воззрясь на нее загорѣвшимися зрачками;—вы *этого* хотите?

— А вы не хотите? живо возразила она,—и лицо ея все покраснѣло опять.

Онъ не отвѣчая прошелся мимо оконъ, разсѣянно глядя на дальнія вершины дубовой рощи за рѣкой, облитыя горячимъ золотомъ лѣтняго солнца....

— Она простила, она хочетъ, началъ онъ наконецъ, возвращаясь къ Софьѣ Ивановнѣ;—я бы не простилъ....

— Вы никогда, значить, молоды не были, вскрикнула она,—или забыли.... Вы забыли какъ чутко молодое сердце, какъ способно оно воспринимать самыя разнообразныя впечатлѣнія, и страдать, и мучиться ими....

— Молодое сердце не умѣетъ любить! почти злобно прервалъ ее князь Ларіонъ,—оно только ищетъ себя въ предметъ любимомъ, ищетъ въ немъ только своего отраженія, и туло, и жестоко - безжалостно угнетаетъ, по капризу своихъ личныхъ ощущеній, нравственную волю чужой души отдающей ему....

— Вы правы, я не спорю, заволновалась Софья Ивановна,—и не то еще я говорила Сережѣ... Но молодые души понимаютъ лучше другъ друга и снисходительнѣе другъ къ другу чѣмъ мы съ вами къ нимъ.

— А чѣмъ платится за это снисхожденіе знаете ли вы? крикнулъ онъ;—я бы вамъ показалъ ее тамъ вчера, въ уборной... Она изнемогала... Я не спрашивалъ,—я и знать не хочу, примолвилъ князь съ быстрымъ и презрительнымъ движеніемъ руки,—чѣмъ довелъ онъ ее до такого состоянія, но позвольте же мнѣ думать послѣ такого что онъ не тотъ именно идеалъ... супруга — и новая злобно-ироническая усмѣшка

пробѣжала по губамъ князя, — который можно было бы призывать въ мечтаніяхъ для такого существа какъ *Hélène*...

— Сергѣй... начала было Софья Ивановна... Но онъ не далъ ей продолжать. Глаза его засверкали, голосъ зазвучалъ неудержимою страстностью:

— Понимаетъ ли онъ *что такое* *Hélène*, чувствуетъ ли, какъ слѣдуетъ это чувствовать, каждымъ фибромъ своего существа что она одно изъ тѣхъ избранныхъ созданій, предъ душевнымъ совершенствомъ которыхъ преклоняться, благоговѣть надо!... Заслуживаетъ ли онъ любовь такого созданія, способенъ ли заслужить ее?

Софья Ивановна разсердилась:

— Что же князь, если всего этого не понимаетъ и не заслуживаетъ мой племянникъ, то заслуживаетъ, какъ видно, этотъ флигель-адъютантъ выписанный вашею невесткой изъ Петербурга. Не онъ ли и по вашему тотъ „идеаль супругъ“ о которомъ вы мечтаете для Елены Михайловны?

Страстное возбужденіе князя Ларіона какъ бы сразу соскочило съ него отъ этихъ словъ:

— Я не Аглая Константиновна, вы знаете, сказалъ онъ, слегка поморщившись и поникая взглядомъ, и примолкнувъ на мигъ заговорилъ опять:

— Я всегда видѣлъ въ васъ умную женщину, Софья Ивановна, и потому позволялъ себѣ говорить съ вами сейчасъ совершенно прямо и откровенно.... Я надѣялся что вы не разсердитесь, и поймете что руководить меня при этомъ.... Дѣло идетъ о всемъ будущемъ *Hélène*, моей племянницы. Вы знаете точно также какъ я на сколько въ этомъ отношеніи можно ожидать здраваго сужденія со стороны ея матери. Я поэтому стараюсь взвѣсить и обсудить все до этого касающееся такъ, какъ сдѣлалъ бы это отецъ ея, покойный братъ мой, еслибъ онъ живъ былъ въ эту минуту.

— Я знала князя Михайлу, какимъ-то строгимъ тономъ сказала на это Софья Ивановна;—онъ поступилъ бы не такъ какъ вы,—онъ судилъ бы спокойно и безпристрастно.

Угадала ли она почему не „безпристрастенъ“ онъ князь сказать себѣ не могъ, но вся кровь прилила ему мгновенно въ голову. Онъ отвернулся и быстрыми шагами заходилъ снова по комнатѣ.

Глаза Софьи Ивановны машинально слѣдили за нимъ....

— Я прошу васъ не томить меня долѣе! вскрикнула она наконецъ.—Какъ думаете вы поступить, князь?

— Какъ поступить? повторилъ онъ на ходу, и вернувшись къ своему креслу сѣлъ, уперся локтями въ колѣни, и глянулъ ей прямо въ глаза:—какъ поступили бы вы? Рѣшайте!

Въ его голосѣ было теперь что-то такое страдальческое что Софья Ивановна почувствовала себя глубоко тронутою она дѣйствительно начинала догадываться....

— Если вы требуете моего мнѣнія, начала она тихимъ, ласковымъ голосомъ,—такъ вотъ оно. Я на вашемъ мѣстѣ постаралась бы отрѣшиться ото всякихъ личныхъ впечатлѣній, забыть о всякихъ „взвѣшиваніяхъ“ и „обсужденіяхъ“... Вы говорите съ восторгомъ о вашей лаеманницѣ, о ея душевномъ совершенствѣ, и вы тысячу разъ правы, и никто не въ состояніи болѣе меня сочувствовать вамъ въ этомъ отношеніи. Повѣрьте же ей, этой душѣ, повѣрьте тому высшему чутью которое говоритъ ей что чувство ея право, что тотъ кого она любила заслуживаетъ ея любовь! Эти „избранныя созданія“,—вы это прекрасно сказали—не ошибаются, они не въ состояніи любить дурное, божественный смыслъ говорятъ въ нихъ сильнѣе, пронизательнѣе чѣмъ у обыкновенныхъ натуръ. Отдайтесь же не разсуждая ея инстинкту, поступите такъ какъ она желаетъ чтобы вы поступили!... И вы увидите, князь, примолвила какъ бы невольно Софья Ивановна, участливо остановившись на немъ взглядомъ,—вы увидите какъ у самихъ у васъ станетъ легко на душѣ!...

Все лицо его повело; онъ послѣднѣе всталъ и отошелъ, опять къ окну чтобъ она не замѣтила какъ покраснѣли его глаза отъ охватившаго его внезапно умиленія....

— Аглая Константиновна, спросилъ онъ съ мѣста, осиливъ себя, своимъ обыкновеннымъ, ровнымъ голосомъ,—говорила вамъ объ этомъ Анисьяевъ?

— Да, она мнѣ говорила что имѣть въ виду „партію“ для княжны,—разумѣется его, я поняла.

— Само собою... Одного поля ягодки, пропустилъ онъ, презрительно усмѣхнувшись.

— Но Елена Михайловна прямо сказала мнѣ что не пойдетъ за него.

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее и новелъ одобрительно головой:

— Онъ это, кажется, чувствуетъ самъ, и отказывается отъ

своихъ плановъ... или по крайней мѣрѣ откладываетъ ихъ на время. Я сейчасъ на прогулкѣ узналъ что онъ къ двумъ часамъ заказалъ себѣ лошадей.

— Онъ уѣзжаетъ! съ невольнымъ взрывомъ радости вскрикнула тетка Гундурова.

— Да... Но я или очень ошибаюсь, сказалъ раздумчиво князь,—или съ этимъ отъѣздомъ последнее слово его еще не сказано. Я эту породу людей знаю!..

— Но какъ старый дипломатъ, возразила она со слабою улыбкой,—знаете также, надѣюсь, какъ и вести съ ними борьбу?

Онъ повелъ губами:

— Отобьемся отъ одного, развѣ она не найдетъ другаго, по той же мѣркѣ скроеннаго!... Она въ конецъ измучаетъ ими Hélène!

— Но этого нельзя допустить... Вы должны вмѣшаться, у васъ же все авторитетъ есть... Но вы, кажется, вовсе говорить съ нею не умѣете, Ларіонъ Васильевичъ, съ какимъ-то отчаяніемъ промолвила Софья Ивановна.

— А вы умѣете? живо возразилъ онъ съ бессознательно-комическимъ оттѣнкомъ; — вѣдь надо быть господиномъ Забавнымъ чтобы стать на уровень ея пониманія и находить соответствующія ему слова... И какой прокъ оттого что ей скажешь? Вѣдь у нея натура раба, натура той кабацкой асы изъ которой она вышла:—струситъ и смолчить, и тутъ же солжетъ и обманетъ...

Онъ прервалъ себя вдругъ, провелъ рукой по лицу,—и, къ вѣкоторому удивленію Софьи Ивановны, взялъ пододвѣя ея руку и поцѣловалъ ее:

— Я вамъ даю честное слово, сказалъ онъ,—что скажу все что только можетъ, по моимъ понятіямъ, содѣйствовать желаніямъ Hélène и вашимъ,—и даже постараюсь „сумѣть говорить“ такъ чтобы меня послушали. Не взыщите, если потерплю крушеніе... Во всякомъ случаѣ, налаживаясь на шуточный тонъ и какъ бы обрывая примолвилъ онъ,—ваша маленькая сейчасъ проповѣдь безслѣдно не пройдетъ. Спасибо вамъ за нее!...

— Спасибо и вамъ за доброе обѣщаніе, сказала Софья Ивановна,—я не сомнѣваюсь что вы его исполните. Но признаюсь вамъ, я болѣе надѣюсь на время и на самую Елену

Михайловну чѣмъ на то что можетъ выйти изъ вашего разговора съ ея маменькой.

Онъ какъ бы сообразилъ что-то о чемъ не думалъ до сихъ поръ,—и наклонилъ утвердительно голову:

— Конечно... если только здоровье ея выдержитъ.

— Здоровье княжны?

— Да. У нея сердце нездорово... Я говорю въ буквальномъ, а не въ условномъ значеніи этого слова, пояснилъ онъ съ улыбкой, но въ этой улыбкѣ было столько муки и за нею, и своей собственной, что у Софьи Ивановны дыханіе сперлось....

— Что это? вскрикнулъ вдругъ князь Ларіонъ устремляя глаза на отворившуюся дверь кабинета:—Hélène и еще кто-то съ нею!

Это были дѣйствительно Лина и тяжело опиравшаяся на ея руку, блѣдная въ дорожной шляпкѣ съ полуопущенною вуалью, Надежда Федоровна.

LXXIX.

But who, alas, can love and when be wise?

Byron.

Князь Ларіонъ послѣдно подошелъ къ племянницѣ.

— Что случилось? Ты плакала, тревожно спросилъ онъ, замѣтивъ сразу влажные еще отъ слезъ глаза ея.

— Надежда Федоровна насъ покидаетъ, отвѣтила она,—она пришла съ вами проститься, дядя.

Онъ съ удивленіемъ перевелъ глаза на компаніонку...

— Да, князь, проститься, глухо повторила та, откидывая вуаль свою на шляпку, какъ бы для того чтобъ онъ могъ свободно рассмотреть ея „страданіемъ измѣтныя черты“.

— У васъ семейное несчастье? было его первою мыслью.

— У меня нѣтъ семьи, нѣтъ близкихъ, я одна на землѣ, проговорила она лѣтвучимъ голосомъ, поднося платокъ къ глазамъ.

— Но что же побуждаетъ васъ!...

— Не спрашивайте, князь, не спрашивайте! словно только и ждала этого вопроса, прервала его дѣвица Травкина, протирая руки впередъ,—это мое личное, никому неизвѣстное

горе, которое я и унесу съ собою... въ пустыню, договорила она уже съ рыданіемъ.

Князь недоумѣло повелъ глазами кругомъ; на лицѣ Софьи Ивановны, изъ глубины своего кресла пристально слѣдившей за этою сценой, онъ прочелъ какую-то странную смѣсь жалости и недовѣрія...

— Она идетъ въ монастырь, отвѣтила съ своей стороны шепотомъ на взглядъ его Лина.

— Но неужели,—онъ сморщивъ лобъ внимательно поглядѣлъ на „страдалицу“,—все это необходимо такъ скоро?... Вы кажется совсѣмъ, совсѣмъ собрались?

— Да, да, князь, сейчасъ!... Тутъ одна дама (она назвала „образованную окружную“) ѣдетъ въ городъ и беретъ меня съ собой... Я тамъ найду лошадей въ Москву... Позвольте сказать вамъ прости... „ein ew'ges Lebewohl“, невѣдомо къ чему примолвила она изъ Шиллера...

Князь Ларіонъ еще разъ пристально поглядѣлъ на нее:

— У меня правило уважать личную волю каждаго и не допытываться причинъ чужихъ поступковъ, какъ бы они ни были собственно иной разъ и ни казались странными или неосновательными. Вслѣдствіе того я въ настоящемъ случаѣ могу вамъ только выразить искреннее сожалѣніе что намъ приходится разстаться.

Будто ушатовъ холодной воды окатилъ онъ ее; она ждала (какъ сейчасъ было у нея съ княжной) допрашиваній, „увѣщаній дружбы“, возможности еще разъ порисоваться своимъ „неисходнымъ горемъ“,—а тутъ такъ просто, холодно, „безжалостно!“...

— Конечно, князь, я понимаю, еще разъ забывая о необходимомъ „смиреніи“, колко проговорила она,—сожалѣніе съ вашей стороны можетъ простираться лишь до той минуты когда вы найдете кого-нибудь вмѣсто меня читать вамъ газеты.

Уколъ пропалъ даромъ: князь Ларіонъ слегка усмѣхнулся и отвѣчалъ съ учтивымъ наклономъ головы:

— Замѣнить васъ въ этомъ отношеніи такъ трудно что я и искать не буду.

Лина между тѣмъ, замѣтивъ Софью Ивановну, лобѣжала къ ея креслу. Онѣ нѣжно поцѣловались.

— Мнѣ такъ жаль ее, бѣдную, прошептала княжна,—она

идеть съ отчаянія въ монастырь, отъ любви къ человѣку который ее не любитъ...

— Къ Сергѣю Михайловичу Гундурову, не такъ ли? до-
сладливо договорила Софья Ивановна.

— Да совсѣмъ нѣтъ! Кто это могъ вамъ сказать? И жи-
вой румянецъ заалѣлъ мгновенно на изумленномъ лицѣ
княжны.

— Она увѣрила въ этомъ вашу матушку, или та не такъ
поняла, но я отъ нея слышала.

— Отъ татаи? Вся краска также мгновенно сбѣжала
теперь съ ея щекъ. Вы уже были у нея?.. Не говорите! тутъ
же слѣшно промолвила Луна,—я знаю... я вижу по вашимъ
глазамъ какой данъ былъ вамъ отвѣтъ... И вы для этого
теперь у дяди?..

— Я говорила съ нимъ, предупреждая дальнѣйшіе вопросы,
слѣшила въ свою очередь сообщить Софья Ивановна, крѣпко
ложимая въ обѣихъ своихъ похолодѣвшую руку княжны и
любовно глядя въ самую глубь ея отуманенныхъ василько-
выхъ глазъ,—онъ за насъ, я имъ довольна... Но, милая, я не
скрываю отъ васъ, я боюсь... все это если должно быть, то
не скоро... А до того терпѣть сколько?..

Луна только головой качнула, но въ движеніи этомъ
Софья Ивановна прочла непоколебимое рѣшеніе...

— А здоровье, милая? тревожно зазвучалъ ея голосъ.

Черная тѣнь какъ бы легла на мигъ на черты дѣвушки...
Она подавила вздохъ, подняла глаза на окно, въ которое
горячею синью отливало высокое небо, и прошептала улы-
баясь:

— Богъ его дастъ если нужно...

— Луна, прощайте, я уйду! послышался голосъ Надежды
Федоровны, подходившей къ нимъ съ почтительнымъ издала
поклономъ Софьѣ Ивановнѣ.

— Сейчасъ, Надежда Федоровна, я васъ провожу, отозва-
лась княжна. И наклоняясь къ Софьѣ Ивановнѣ проговорила
ей на ухо:—мнѣ еще хочется поговорить съ вами; пожалуста,
зайдите въ первую гостиную, я ее сейчасъ провожу и приду
туда.

Проходя мимо дяди, вслѣдъ за Надеждой Федоровной, она
пріостановилась и подала ему руку:

— Merci, oncle, сказала она только, но князь Ларіонъ

бессознательно прижмурилъ глаза, какъ бы не выдержавъ сіянія взгляда, сопровождавшаго эти два слова...

На лѣстницѣ ждала Надежду Ѳедоровну готовая къ отъѣзду „образованная окружная“ съ двумя сынишками своими, изображавшими лажей во вчерашнемъ спектаклѣ (она отвозила ихъ въ городъ, съ тѣмъ чтобы возвратиться самой къ представленію *Льва Гурьча Синичкина*). Завидѣвъ свою слутницу, сопровождаемую княжной, она сочла своимъ долгомъ завздохать и закачать головой самымъ трогательнымъ образомъ, протягивая ей съ мѣста руку, какъ бы готовая поглотить ее въ своихъ обширныхъ объятіяхъ. Но дѣвица Травкина, какъ это часто случается, весьма склонная, какъ мы видѣли, къ утрировкѣ своихъ собственныхъ чувствъ, особенно чутко замѣчала и ненавидѣла ее въ другихъ, а потому на жестикуляцію образованной дамы отвѣчала лишь короткимъ „ѣдемте!“ и первая спустилась съ лѣстницы.

Не успѣла дойти она однако до послѣдней ступеньки, какъ неожиданное обстоятельство напало на нее вдругъ опять на тотъ рѣманическій строй понятій который составляла какъ бы субтрактъ всего ея существа. Къ ней кинулась толпа женскихъ прислужницъ Сидкаго, между которыми, какъ заявила она заранѣе княгинѣ, раздѣлила она на прощанье всякое свое добро, и принялась со всякими возгласами и причитаніями благодарности подходить къ ней къ ручкѣ... Въ воображеніи начитанной дѣвицы тотчасъ же зарисовалась сцена прощанья Маріи Стюартъ со своими женщинами. Рябая „Lucrèce“, стоявшая впереди всѣхъ, должна была натурально изображать собою вѣрную Анну Кеннеди, и она съ новымъ водопадомъ слезъ упала шляпкой на ея двухбашенную грудь...

Но это было еще не все. Покончивъ съ Кеннеди и К^о и расцѣловавшись окончательно съ княжной она выходила на крыльцо, у котораго въ ожиданіи ея сидѣла уже въ своей бричкѣ „образованная“ окружная какъ вдругъ между этою бричкой и ею какъ изъ земли выросъ стройный, чернокудрый, слишкомъ хорошо знакомый ей мужской обликъ....

Онъ стоялъ слиной къ ней и своимъ свѣжимъ, беззаботнымъ голосомъ громко спрашивалъ:

— Куда это вы собрались, Катерина Ивановна?

Окружная быстро нагнулась къ нему изъ экилажа и что-то зашептала.... Онъ также быстро обернулся на дверь.

Надежда Федоровна ухватилась за ея руку чтобы не упасть.... Они стояли въ двухъ шагахъ другъ отъ друга...

Онъ сдѣлалъ еще шагъ къ ней, заслоняя ее высокимъ станомъ своимъ отъ любопытныхъ глазъ сидѣвшей въ бричкѣ:

— Правда это? Вы хотите поступить въ мо.... Онъ не договорилъ; голосъ его дрожалъ слегка.

О, какъ загребло на сердцѣ у нея въ эту минуту, какія жестокія слова запросились у нея на языкъ.... Къ счастью, она на этотъ разъ вовремя вспомнила о „смиреніи“.... Къ тому же за ея спиной, тѣсняясь, стояла цѣлая женская арава, наровившая какъ бы скорѣе вылиться вслѣдъ за нею на крыльцо.... Она наклонила предъ нимъ голову, какъ дѣлаютъ это инокини съ тарелочками на церковь, и разбитымъ голосомъ проговорила:

— Простите, какъ и я вамъ прощаю!...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но она послѣднимъ движеніемъ опутивъ со шпалки вуаль и нажавъ его рукой къ лицу, скользнула мимо него, и вскочила въ бричку. Арава горничныхъ повадила изъ дверей чуть не сбивъ съ ногъ молодого человѣка въ усердіи провожанія „милой барышни“... Экипажъ тронулъ....

Ашанинъ, прищурившись, довольно долго глядѣлъ ему вслѣдъ: „Эхъ, врать! разсмѣялся онъ вдругъ, какъ бы выводъ мораль этой басни—искренняго тутъ ни фунта, а „хвантазія“ одна, какъ разказываетъ Акулинъ про своихъ хохловъ....

LXXX.

Alles Edle ist von stiller Natur und scheint zu
schlafen bis es durch Widerspruch herausgefordert ist.
Göthe.

— Милая моя, хорошая, говорила Софья Ивановна Перверзина въ пустой гостиной, держа обнявъ княжну Лиду, склонившуюся къ ней головой на плечо—что же дѣлать. Намъ съ нимъ придется уѣхать сегодня же, если Ларіонъ Васильевичъ не успеетъ склонить ее.

— А гдѣ онъ? тихо спросила Лина;—слитъ еще послѣ вчерашняго?

— Спать? Онъ всю ночь не спалъ, и послѣ этой ихъ жженки проходилъ по полямъ. Не успѣла я одѣться какъ онъ уже сидѣлъ у меня и логоялъ къ княгинѣ... Ждетъ— умираетъ тамъ, должно-быть.... Удивляюсь какъ не вздумалось ему придти сюда, узнать отъ меня скорѣе....

Въ сосѣдней залѣ слышались приближавшіеся къ нимъ шаги.

— Вотъ онъ! вскакнула дѣвушка.

Но это былъ не онъ, а Оиогенъ, камердинеръ Аглаи Ковстантиновны.

— Я васъ повсюду ищу-съ, ваше сіятельство, обратился онъ со внушительнымъ видомъ ко княжнѣ:—ихъ сіятельство княгиня проситъ васъ къ себѣ.

Лина поблѣднѣла чуть-чуть.

— Хорошо, скажи—я сейчасъ буду.

Слуга вышелъ.

Софья Ивановна потянула ее за обѣ руки:

— Голубка моя, дай перекрещу тебя!..

Онъ лапалъ въ объятія другъ другу.... Въ это же время портьера надъ дверью второй гостиной слегка колыхнулась, и изъ-за нея выглянуло блѣдное лицо Гундунова.

— Ну вотъ и хорошо что пришли, обратилась къ нему Лина съ насилуемъ веселостью,—легче будетъ... Меня требуютъ къ допросу, Сергѣй Михайловичъ! И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Довольно! тихо сказала она, вся заалѣвъ и высвобождая пальцы свои изъ его рукъ.

— Елена Михайловна, что же значать ваши слова?.

— Тетя вамъ все разкажетъ.... А я пойду! примолвила она вставая.

— Если найдете время до завтрака, торопливо сказала ей Софья Ивановна,—приходите ко мнѣ....

Гундуновъ растерянно, дрожа какъ въ лихорадкѣ, сдѣлалъ за нею нѣсколько шаговъ... Дойдя до дверей залы она оставилась, обернулась къ нему и глядя на него глаза въ глаза, вѣжно и твердо проговорила серебрянымъ голосомъ своимъ и съ какою-то восторженною улыбкой на устахъ:

— Я вамъ вѣрю, вѣрьте и мнѣ....

У княгини была компанія: Зяблинъ, князекъ ея сынъ и Англичанинъ-гувернеръ его. Еще изъ ситцеваго кабинета услыхала Лина говоръ ихъ голосовъ... „Не сейчасъ, значитъ, начнется“, промелькнуло въ головѣ ея... Она ошибалась.

Едва успѣла она войти въ будуаръ какъ на нее такъ и кинулся братишка ея. На странно уже опредѣлившихся для его лѣтъ чертахъ мальчика читалась настоящая злость,—ноздри его раздувались, глазенки неестественно расширились и сверкали....

— О, naughty, naughty Lina, восклицалъ онъ тоная ногою;— I'll n't allow you to marry a rogue of teacher! You must n't forget you are a princess. For shame! * Онъ очевидно повторялъ по-своему нѣчто сейчасъ имъ слышанное....

Княжна съ измѣнившимся лицомъ взглянула на него, на мать...

Аглая Константиновна сидѣла въ подушкахъ своего дивана, развязавъ, въ знакъ скорби душевной, ленты своего утренняго чепца, и терла глаза кружевнымъ платкомъ.

Англичанинъ, весь покраснѣвъ отъ досады, схватилъ воспитанника своего за локоть:

— Will you hold your tongue, bad fellow! ** крикнулъ онъ на него.

— Order him not to touch me, *** онъ хотѣлъ бить меня, заревѣвъ мальчикъ отбиваясь и руками и ногами отъ желѣзной руки гувернера.

— Monsieur Кнох, laissez le, je vous prie! залопотала маменька, махая ему съ мѣста словно развязочною рукой.

Но Англичанинъ не взирая на его визгъ и лягавья, потащилъ своего князька изъ комнаты.

— Ахъ, finissez, Basile, ne criez pas!... Я просто умру отъ всего этого сегодня! захныкала княгиня, локосившись на безмолвно стоявшую еще у дверей дочь, и какъ бы въ подтвержденіе такого рѣшенія, скинула окончательно челчикъ съ головы и схватила вѣеръ со столика.

Зябливъ, сидѣвшій противъ нея на низенькомъ креслѣ,

* О, дурная, дурная Лина, я не позволю тебѣ выходить за дрянъ учительшку, ты должна помнить что ты княжна! Стыдно тебѣ.

** Замолчите ли вы, скверный мальчишка!

*** Прикажи ему не трогать меня!

взглянулъ на нее, потомъ на княжну, и испустилъ глубокий вздохъ.

Лина подошла къ матери:

— Bonjour, maman, проговорила она еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, склоняясь надъ ея рукой.

Та отдернула ее....

— Asseyez vous! величественно промолвила она.

Княжна была неподалеку отъ Зяблина.

„Бригантъ“ еще разъ повелъ на нее своими воловьими глазами, откатилъ почему-то свое кресло нѣсколько назадъ, и еще разъ вздохнулъ.

— Mêmes votre jeune frère, начала сразу княгиня нервно обмахиваясь своимъ вѣеромъ,—и тотъ понимаетъ l'importance вашего поведенія.

Лина холодно и вопросительно подняла глаза на нее.

— Вы знаете о чемъ я говорю, фыркнула Аглая:—эта madame Pereverzine была у меня сейчасъ просить вашей руки pour monsieur son neveu, и сказала что это съ вашего согласія.... J'en ai été si saisie что до сихъ поръ не могу придти въ себя.

Княжна молчала.

— C'est donc vrai? Чтò же вы не отвѣчаете?

— Мы не одиѣ, маман, также холодно и не поворачивая головы промолвила она.

— Ça, c'est un ami, un vrai, указывая кивкомъ на Зяблина, возразила на это умная мамелька,—можете говорить при немъ, je ne lui cache rien.

Но самъ „бригантъ“ почувствовалъ какъ была глупа роль которую заставляла она его играть. Онъ послѣшно всталъ, и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Между матерью и дочерью третій всегда лишній; позвольте же мнѣ удалиться!

Княгиня проводила его нѣсколько растеряннымъ взглядомъ и заерзала на своемъ диванѣ:—въ присутствіи „vrai ami“, отъ котораго она повидимому ждала поддержки въ данныя трудныя минуты предстоявшаго ея объясненія съ дочерью, она чувствовала себя какъ бы болѣе въ ударѣ чѣмъ наединѣ съ нею теперь.

Лина сама теперь начала это объясненіе:

— Вы меня спрашивали, маман, съ моего ли согласія Софья Ивановна Переверзина просила у васъ моей руки для

своего племянника? Да, маман, я сказала ей да, и прошу васъ съ своей стороны позволить мнѣ выйти за него замужъ.

— Mais vous êtes folle, complètement folle! завизжала Аглая Константиновна не хуже сына своего сейчасъ,—я этого не хочу, не хочу даже слышать! Si vous avez oublié ce que vous devez à votre пом, величественно возгласила она,—я этого не забываю, я, ваша мать, votre mère qui vous a mis au monde; я знаю какая прилична для васъ партія... И когда вы сами знаете что тотъ кого я для васъ выбрала здѣсь и ждетъ, vous m'arrivez avec ce galopin de professeur manqué!

Княжна слабо усмѣхнулась:

— Я бы вамъ могла сказать, маман, что ничего этого мнѣ неизвестно, потому что вы мнѣ до этой минуты еще ни одного слова не сказали про этого... господина. Но я не могу никогда и скажу вамъ что дѣйствительно знаю что вы его выписали сватать меня... Но онъ мнѣ не по сердцу и я не могу идти за него....

Княгиня въ первую минуту опѣшила и отъ силы аргумента, и отъ того крайне спокойнаго тона съ которымъ говорила дочь. Она захолодела своими круглыми глазами, глядя на нее не то гнѣвно, не то недоумѣло.

— Я вамъ ничего не говорила, попробовала она вдругъ произизировать,—потому что не знала что у меня дочь—une républicaine. Я думала что вы... que vous avez les goûts qui conviennent à une demoiselle de votre rang, и выбрала такого и жениха для васъ... Я вижу что ошиблась!.. Вамъ другое надобно, извините mademoiselle la princesse, я этого не знала. Je vous offre ce jeune comte qui a tout pour lui... вы можете—быть не знаете что онъ un des plus brillants cavaliers et des plus en vue de Pétersbourg, и еро дядя premier favori, и самъ онъ intime à la Cour, карьера, bientôt général и непременно долженъ быть министромъ un jour, какъ мнѣ говорила la comtesse sa mère à Rome... Cette princesse Dodo qui est si méchante увѣряетъ что будто у него trois cent mille de dettes, но это неправда, elle ment, она это все изъ зависти, потому что сама она хочетъ l'attraper для своей Женни, une fille évaporée et qui n'a pas le sou... И вы, une princesse Schastounof, такому jeune homme distingué предпочитаете un petit monsieur de rien, sans position и которому, вы слышали, даже не позволили за границу вѣхать, потому что онъ,

j'en suis sûre, un sans-culotte, хотя madame sa tante и утѣряетъ qu'il descend du même roi Rurik какъ и наша фамилія...

Лина терпѣливо, не моргнувъ бровью, выслушала всю эту невѣроятную радею.

— Чтò же дѣлать, тихо сказала она только, когда мать кончила,—когда я его люблю, маман, а того нѣтъ?

Иронія не вывезла; Аглая принялась за драму:

— Вы любите! заголосила она уже рыдая,—противъ желанія матери, contre son gré! Вамъ все равно de me rendre malheureuse! У васъ, я вижу теперь, такой же характеръ какъ у вашего отца qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie... Я его любила, j'avais cette bêtise d'être amoureuse de lui, когда выходила за него замужъ, et après, и даже всегда... Я его спасла de la misère, потому что все ихъ имѣніе продавалось съ аукціона, и я все выкупила на свое имя чтобъ онъ не могъ se ruiner во второй разъ... А онъ сейчасъ же après notre mariage началъ съ этою lady Blackdale à Londres... и она мнѣ разъ dans le monde кинула даже апельсиною коркой въ лицо,—а онъ все-таки ее не оставилъ, а потомъ, когда она сама его кинула pour épouser son ténor, онъ нашелъ une actrice française qui avait de fausses dents, а потомъ была Беатриксъ, et puis la marquise Ruffo, une Italienne, et puis...

— Маман, ради Бога!.. воскликнула, пытаясь остановить ее, княжна.

Но та не слушала,—плотина была прорвана, вода уже неудержимо ладала на колесо мельницы...

— А я сама была молода, fraîche et bien portante... et de l'imagination... J'avais besoin d'amour!.. А онъ со мною ужасы дѣлалъ, il me dédaignait, онъ отъ меня заперался, не ночевалъ дома et d'autres horreurs comme cela... И это когда я ему принесла два милліона, huit millions, en assignats, de fortune... Bien des fois il m'a mis dans un tel désespoir что я даже два раза писала письмо à Sa Majesté l'Empereur—j'en ai encore les brouillons,—pour me plaindre de son aversion pour sa femme légitime, но мнѣ тогда сказали что онъ могъ чрезъ это мѣсто свое потерять, и я par noblesse de coeur ихъ не послала... Вотъ чтò ваша бѣдная мать вытерпѣла pendant quinze ans de sa vie!.. Il m'est revenu quand il ne valait plus rien, больной грудью, épuisé,—и вы сами видѣли какъ я за нимъ ходила, le soignant точно какъ будто онъ всегда былъ хорошій мужъ...

Все это лилось безъ остановки, сопровождаемое слезами, возгласами, драматическою икотой, сморканіемъ, утираніемъ глазъ и стукомъ въера по косточкѣ корсета, обнимавшаго дебелыя красы княгини... Луна закрыла ладонью глаза,—эти упреки, эти грубыя разоблаченія рѣзали ее по самому нѣжному, самому чувствительному мѣсту ея нравственнаго существа. Грязью закидывала циническая рука тотъ идеальный, изящный и скорбящій образъ отца который она такъ любовно, такъ свято хранила въ сердцѣ своемъ,—и рука эта была ея матери... Это было ей невыносимо больно!..

А та продолжала стонать и причитывать:

— Я ему все простила, il s'est repenti, pauvre Michel, que le bon Dieu ait son âme!.. Умирая онъ просилъ у меня прощенія comme un vrai pénitent... И при этомъ вы забыли, вы, sa fille bienaimée,—потому что онъ, не знаю почему, il n'a jamais aimé Basile, забыли что онъ говорилъ вамъ какъ вы не должны огорчать меня и...и...и должны стараться expier ses torts en-vers... envers... moi? договорила чувствительная вдова сквозь новое, истерическое рыданіе. Очень ужъ сильно завела она машину...

Луна невольнымъ движеніемъ поднялась съ мѣста:

— Богъ видитъ, со внезапною восторженностью выраженія во всемъ ея обликѣ проговорила она,—что не прошло дня съ тѣхъ поръ какъ его не стало чтобъ я не вспоминала этихъ словъ его и не старалась сообразовать съ ними мои поступки! Я прошу сказать васъ, маман, подавала ли я вамъ когда-нибудь поводъ къ огорченію?

— Parceque je ne vous ai jamais rien demandé, оставляла васъ до сихъ поръ дѣлать чтò вы хотѣли, заголосила Аглая Константиновна;—а теперь, quand il s'agit de votre bonheur, вы позволяете себѣ отвергать того котораго выбрала ваша мать, votre mère qui vous a mis au monde (фраза эта была особенно любима княгиней)... и даже вчера не танцовали съ нимъ мазурку (вдругъ вспомнила она), когда вы были къ этому обязаны уже изъ одной учтивости, comme fille de la maison.... Это вы называете исполнять волю de ce pauvre Michel, и не огорчать меня?

— Маман, сказала княжна, почти строго глядя ей въ глаза,—я не ребенокъ болѣе, я понимаю чтò могъ требовать мой отецъ и чего онъ никогда не потребовалъ бы отъ меня. Онъ върывалъ какъ и я.... Онъ не потребовалъ бы отъ меня

грѣха.... Если—голосъ ея задрожалъ—вы не захотите согласиться на выборъ моего сердца, въ которомъ единственно я могу найти счастье, какъ я его понимаю, я склоню голову и покорюсь, и вы никогда не услышите отъ меня упрёка, не увидите слезъ моихъ.... Но я, мама, я поступила бы въ противъ Христа и совѣсти еслибы рѣшилась обмануть человѣка, выходя за него замужъ безъ любви.... и даже съ отвращеніемъ....

Раскаталовская натура Аглаи—она почувствовала себя вдругъ глубоко оскорбленною словами дочери—выидлась тутъ же на полный просторъ:

— И склоняйтесь, и покоряйтесь, и плачьте, и убивайтесь, потому что я умру, а не соглашусь чтобы вы выходили за этого *monsieur de rien du tout!*... И вы отъ меня ни гроша не получите если не пойдете за графа Анисьева, предваряю васъ.... Базилю больше достанется, *cela sera un vrai prince lui!*...

— Князь Ларіонъ Васильевичъ прислалъ сказать что желаютъ повидаться съ вашимъ сіятельствомъ, доложилъ у дверей Оиногенъ,—такъ будете ли однѣ спрашиваютъ.

Какъ ни возбуждена была наша княгиня, но имя ея деверя прозвучало для нея въ родѣ Нелтуновскаго *Quos ego!* расходившимся не въ мѣру волнамъ. Она заметалась на своемъ диванѣ будто ища чего-то, потомъ вдругъ разомъ притихла и съежилась (искала она челчикъ, который тутъ же и вздѣла себя на голову).

— Скажи что прошу, отвѣтила она слугѣ на свой уже обычный, лѣтвучій ладъ, приведя себя такимъ образомъ во вѣшній и внутренний порядокъ.—Сейчасъ будутъ звонить ко второму завтраку, сказала она въ полоборота блѣдной и недвижной Линѣ,—я васъ прошу сойти *et présider à ma place*. Вы скажете всѣмъ что у меня голова болитъ, и что я къ завтраку не буду.

Княжна поняла: ея мать боялась чтобы дядя не засталъ ее тутъ, не угадалъ по ея лицу выдержанной ею бури.... Она поклонилась и вышла.

LXXXI.

Было ли то нервное возбужденіе, или сила воли возобладавшая надъ ея физическою слабостью, но Лина шла твердо, болѣе блѣдная чѣмъ обыкновенно, но съ тѣмъ же спокойною сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, которое быть можетъ

болѣе всего остальнаго раздражало княгиню Аглаю Константиновну въ теченіе переданнаго нами сейчасъ разговора ея съ дочерью.... „Нести надо“, какъ бы машинально шептала внутри себя Лина слово Писанія, давно обычное ея мысли. „И бороться“, припоминала она тутъ же отвѣтъ Сергѣя на это слово въ одну изъ первыхъ ихъ бесѣдъ.... Да, бороться,—и она началась теперь, эта борьба....

Она направлялась въ комнату Софьи Ивановны Переверзиной, разчитывая что успѣетъ до минуты когда позвонять къ завтраку передать ей и Гундурову о результатахъ объясненія съ матерью,—откинула полуслущенный портьеръ надъ дверью отдававшую первую гостиную отъ внутреннихъ комнатъ княгини.... и безсознательно остановилась....

Прямо навстрѣчу ей шелъ графъ Анисьевъ, изящный, расчесанный и продуренный отборно-тонкими духами, со своими свистими *à la grognard* эполетами и приподнятыми крючкомъ усами, щеголевато скользя по паркету салогами доснившимися какъ зеркало на небольшихъ, съ высокимъ подъемомъ, „аристократическихъ“ ногахъ.

Онъ чуть-чуть прищурился, узнавъ ее въ просвѣтѣ двери, и скользнулъ уже какъ по льду—тѣмъ разбѣгомъ съ какимъ кидаются за стуломъ своей дамы иные усердные юноши на первыхъ порахъ своихъ дебютовъ въ свѣтѣ—какъ бы съ тѣмъ чтобы не дать тяжелому штофному занавѣсу смять опускаясь легкія складки ея кисейнаго платья.

Она въ свою очередь послѣшила инстинктивно олустить за собою этотъ занавѣсъ чтобы не имѣть за чтò благодарить его.

Они глянули въ лицо другъ другу.... Онъ низко поклонился. Она отвѣчала такимъ же учтивымъ и холоднымъ поклономъ и хотѣла пройти мимо.... Онъ остановилъ ее вопросомъ:

— *Pardon, mademoiselle, puis-je vous demander si madame la princesse votre mère est visible? J'allais chez elle.*

— Она ждетъ сейчасъ дядю, князя Ларіона, отвѣтила княжна по-русски, и жалуется на головную боль. Она мнѣ даже поручила просить за нее извиненія у всѣхъ за то что не сойдетъ къ завтраку.

Онъ тотчасъ же перешелъ на русскій языкъ:

— Надѣюсь однако что въ этомъ нездоровьѣ нѣтъ ничего серьезнаго?

— Я не думаю, и она, по всей вѣроятности, приметъ васъ съ удовольствіемъ послѣ завтрака.

Лина еще разъ поклонилась ему съ тѣмъ чтобъ уйти... Онъ еще разъ остановилъ ее.

— Княжна, заговорилъ онъ голосомъ почтительнымъ до робости,—дозволите ли вы мнѣ воспользоваться неожиданнымъ случаемъ который даетъ мнѣ въ эту минуту судьба чтобы попросить у васъ пять минутъ аудіенціи?

„Боже мой, еще объясненіе съ нимъ“! подумала съ ужасомъ Лина.—Я право не знаю, графъ, что вамъ можетъ быть угодно отъ меня, пробормотала она смущенно и досадливо.

— Пять минутъ, не болѣе! сказалъ онъ, простирая къ ней руку умоляющимъ жестомъ;—и по истеченіи ихъ, я надѣюсь, добавилъ онъ какимъ-то нѣжно-меланхолическимъ тономъ, что вы не будете глядѣть на меня такъ враждебно какъ теперь!..

— Враждебно? повторила она невольно, съ невольнымъжатіемъ плечъ,—я ни къ кому вражды не чувствую, а къ вамъ...

— *Le mot est ambitieux*, я знаю, живо возразилъ онъ и чуть-чуть вздохнулъ:—внушать вамъ вражду была бы своего рода честь на которую я никоимъ образомъ не имѣю права.... Я долженъ былъ сказать „не благосклонно“, и съ глубокою скорбію долженъ сознаться что вы имѣете поводы смотрѣть именно такъ на меня.

— Я васъ не ловимаю! молвила Лина, дѣйствительно не ловимая куда онъ велъ....

— Есаибы вамъ угодно было присѣсть, княжна,—разговаривать стоя такъ неудобно,—я бы позволялъ себѣ вамъ это объяснить...

Онъ съ тѣмъ же почтительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и движеніяхъ указалъ ей на диванъ у стѣны, подлѣ двери... Она опустилась на него, рѣшившись выслушать его терпѣливо, такъ какъ другаго ничего не оставалось ей дѣлать.

Онъ сѣлъ на стулъ, сбоку, живописно провелъ по лицу красивую бѣлою рукой, съ крупнымъ сафиромъ en cabochon на мизинцѣ, и началъ:

— Княгиня, матушка ваша, и моя мать, какъ вамъ это извѣстно княжна, встрѣтившись въ позалпрошломъ году въ Римѣ, сошлись и очень подружились другъ съ другомъ... и какъ это часто случается съ матерями взрослыхъ дѣтей... *de deux sexes différents*, прибавилъ онъ, позволяя себѣ слегка усмѣхнуться,—стали строить насчетъ ихъ будущности всякіе заманчивые планы...

— О которыхъ мнѣ ничего не говорили и къ которымъ я никакъ не причастна, холодно и рѣшительно прервала его этими словами Луна.

Онъ вздохнулъ уже громче:

— Вамъ не надо было давать себѣ труда говорить мнѣ это, княжна:—съ первой встрѣчи нашей въ Сицкомъ я въ глазахъ вашихъ прочелъ какъ эфемерны были эти планы и какъ.... (онъ искалъ и не находилъ слова по-русски)—la réalité des choses, сказалъ онъ наконецъ,—давала мало надеждъ на ихъ осуществленіе... Я лично впрочемъ никогда и не давалъ имъ никакой цѣны!

Она взглянула на него полуудивленно, полунедовѣрчиво... Онъ какъ бы не замѣтилъ этого взгляда и продолжалъ, склонивъ голову на грудь, съ выраженіемъ красивой печали на чертахъ:

— Но я былъ бы истинно несчастливъ, еслибъ, уѣзжая отсюда,—я уѣзжаю сегодня же, княжна,—я долженъ былъ увезти убѣжденіе что съ именемъ моимъ соединяется для васъ понятіе о чемъ-то.... (онъ опять искалъ слова и не находилъ его)—que je vous fais l'effet d'un objet repoussant, досказавъ онъ, и заговорилъ затѣмъ уже сплошь по-французски, рѣшивъ мысленно что „отечественный языкъ est décidément trop rebelle à l'expression des choses délicates“:—Я ни за что не хотѣлъ бы оставить въ васъ это впечатлѣніе, княжна,—и это дало мнѣ смѣлость просить васъ выслушать меня... Я не хотѣлъ бы чтобы вы могли хотя одну минуту думать что пріѣздъ мой сюда былъ послѣдствіемъ... уговора нашихъ матерей, что это было для меня тотъ же какъ и для нихъ первый, такъ-сказать, эталъ заранее предначертаннаго и рѣшеннаго плана дѣйствій. Нѣтъ, княжна, я точно также какъ и вы „непричастенъ“ тому что предположено было другими безъ моего вѣдома.... Я только улыбался всегда сладкимъ мечтаніямъ моей бѣдной матери (aux doux rêves de ma pauvre mère) въ тѣхъ ея письмахъ изъ Рима въ которыхъ съ такими восторгамъ говорила она мнѣ о васъ... Но эти письма, я сознаюсь вамъ въ этомъ, возбудили во мнѣ горячее желаніе увидѣть васъ... И я увидѣлъ, понималъ... Это было прошлаго зимою въ Москвѣ, если угодно вамъ будетъ вспомнить... Я увезъ изъ этого перваго знакомства съ вами впечатлѣніе о которомъ не стану вамъ говорить, послѣдшилъ прибавить флигель-адъютантъ, и голосъ его весьма эффектно

задрожалъ произнося эти слова,—но при которыхъ уже трудно было мнѣ отвѣчать отказомъ на любезное приглашеніе княгини, матери вашей, пріѣхать сюда ко дню вашего рожденія...

Онъ передохнулъ тяжело, какъ бы подавленный избыткомъ вѣжныхъ чувствованій, и повелъ все такимъ же робкимъ взглядомъ на безмолвно-внимавшую ему княжну. Она сидѣла сложивъ руки и глядѣла на него своими лазуревыми глазами съ невольнымъ, какъ могъ онъ замѣтить, любопытствомъ.

— Никакихъ предвзятыхъ намѣреній, никакихъ расчетовъ, заговорилъ онъ опять,—не везъ я съ собою сюда, княжна. Я вѣхалъ съ мыслью... увидѣть васъ еще разъ, прожить нѣскольکو дней среди воздуха которымъ вы дышите, послѣ холода всякихъ скучныхъ служебныхъ дѣлъ отогрѣться немного душой въ сіяніи вашего свѣта („aux rayonnemens de votre lumière,“ удачно воспользовался онъ фразой вычитанною имъ недавно въ *Revue des deux mondes*)... Я претендовалъ никакъ не болѣе какъ на то чѣмъ вы дарите каждого изъ окружающихъ васъ... малѣйшаго изъ тѣхъ, напримѣръ, кто вчера участвовалъ съ вами въ представленіи *Гамлета*... Никакого дальнѣйшаго притязанія у меня не было въ мысли, точно также какъ въ убѣжденіи моемъ не было за мною никакихъ исключительныхъ правъ на ваше вниманіе... Къ несчастію моему,—голосъ его звучалъ теперь чуть уже не отчаяніемъ,—я долженъ былъ убѣдиться что съ первой же минуты моего появленія въ Цицкомъ вы составили себѣ самое невыгодное... самое оскорбительное для меня, смѣю сказать, понятіе обо мнѣ... Я вамъ представился, неправда ли, княжна,—онъ какъ бы сквозь слезы улыбнулся,—чѣмъ-то въ роли того невѣдомаго и ненавистнаго жениха котораго жестокій братъ навязываетъ Лучіи ди Ламмермуръ—когда ея сердце занято совершенно другимъ человекомъ, вставилъ совершенно невиннымъ тономъ Анисьевъ,—и который такъ слѣло и самодовольно улыбается на сценѣ въ своемъ бѣломъ атласѣ и кружевахъ?..

Она хотѣла отвѣтить какимъ-нибудь учтивымъ возраженіемъ—и не нашла: она именно видѣла въ немъ до сей минуты этого щеголя-жениха Лучіи, „невѣдомаго и навязываемаго“ ей...

Онъ горячо заговорилъ опять, сопровождая слова свои движеніями рукъ соответственнаго, благороднаго характера:

— Я это понялъ, княжна, и уѣзжаю сегодня чтобы не оставить въ васъ и тѣни сомнѣнія насчетъ неосновательности того что въ вашей мысли соединялось тяжелаго и непріятнаго съ моею личностью.... уѣзжаю чтобы вамъ опять было жить совершенно легко и свободно.... Я сейчасъ шелъ къ княгинѣ проститься, сказалъ онъ, помолчавъ и многозначительно отчеканивая каждое свое слово;—позвольте просить васъ отвѣтить мнѣ совершенно откровенно, предполагаете ли вы что, сообщивъ ей все то что я сейчасъ имѣлъ честь передать вамъ, я могу этимъ послужить тому полному душевному успокоенію вашему которое въ настоящую минуту составляетъ предметъ самаго горячаго моего желанія?

Лина почувствовала себя тронутою этимъ „рыцарствомъ“.

— „Послужите ли“—не знаю, отвѣчала она съ невеселой улыбкой,—но скажите во всякомъ случаѣ, и примите мою искреннюю благодарность за доброе намѣреніе.... и за прямоту вашихъ словъ.... Но, графъ, промолвила она ласково,—зачѣмъ же послѣ этого уѣзжать вамъ такъ скоро, если вамъ нуженъ отдыхъ, и Сидокое кажется вамъ пригоднымъ для этого мѣстомъ?

Блестящій Петербуржецъ глянулъ на нее страстнымъ взглядомъ и тотчасъ затѣмъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ, княжна, проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—это было бы выше силъ моихъ: уйти—можно; видѣть и молчать нельзя!

Лина заалѣла:

— На это я ничего сказать вамъ не могу, тихо промолвила она и встала съ мѣста.

Онъ послѣдшне всталъ тоже, и съ глубокимъ поклономъ и тѣмъ же какъ бы разбитымъ отъ сдержаннаго чувства голосомъ сказалъ ей:

— Мнѣ остается одно послѣднее слово, княжна: если приведетъ судьба встрѣтиться намъ опять, смѣю просить васъ видѣть во мнѣ человека для котораго ваше счастье будетъ всегда дороже его собственнаго, и который ничего такъ не желаетъ какъ имѣть случай доказать это вамъ на дѣлѣ!...

— Вы уже многое доказали сегодня, чего я не въ правѣ забыть! сказала въ мгновенномъ порывѣ благодарности Лина.

Онъ вздохнулъ уже телерь слышно, во всю грудь:

— Княжна, прошелталъ онъ,—я уѣзжаю отсюда съ сокрушеннымъ сердцемъ, но уношу съ собою слова ваши какъ

высшее утѣшеніе.... и лучшую награду за все что я... Онъ не договаривалъ, какъ бы уже безсильный побороть свое волненіе, низко наклонился еще разъ предъ нею и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной по направленію лѣстницы... Онъ уходилъ довольный собою такъ какъ еще рѣдко случалось ему быть въ жизни....

— Неужели все это искренно? спрашивала себя въ свою очередь Лина—и тихо закачала головой....

LXXXII.

Сцена другаго рода шла въ это время въ будуарѣ княгини Аглаи Константиновны между ею и ея деверемъ.... Князь Ларіонъ начиналъ терять терпѣніе:

— Вотъ уже битыхъ полчаса, говорилъ онъ,—какъ я вамъ объясняю что Hélène, что дочь ваша не бессловесное существо, не кукла, которую вы могли бы заставить садиться, лежать, ложиться или вѣнчаться съ такою же куклой, какъ дѣлають это дѣти, по вашему произволу.

Аглая сидѣла вся багровая и злая донельзя. Какъ ни рѣшительно намѣренъ былъ князь Ларіонъ, по обещанію своему Софьѣ Ивановнѣ, „постараться сумѣть“ въ разговорѣ съ любезною невесткой говорить съ ней такъ чтобы она „появля“ и послушала,—но онъ былъ дѣйствительно не Заблывъ: онъ не умѣлъ находить *подходящихъ* подъ ея пониманіе словъ, способныхъ произвести на нее впечатлѣніе и заставить ее уклониться отъ прямого предмета ея хотѣнія, къ которому она, какъ рогатая животная, неслась неизмѣнно головой внизъ, не видя ничего по сторонамъ и толча подъ ногами съ безжалостною тулостью четвероногаго все что ни попадалось ей при этомъ на пути. Въ каждомъ его даже самомъ спокойномъ, самомъ миролюбивомъ словѣ она инстинктивно чула нерасположеніе его, его глубокое пренебреженіе къ ней, къ ея понятіямъ, къ ея „породѣ“—и чувствовала себя глубоко оскорбленною имъ. Она его и боялась и ненавидѣла въ одно и то же время во глубинѣ своей, какъ выражался онъ, „рабской“ натуры—и цѣлялась тѣмъ упорнѣе за рѣшеніе свое выдать дочь за графа Анисьева что (какъ далъ это понять ей однажды „бригантъ“) общественное положеніе этого предполагаемаго будущаго зятя ея должно было быть настолько

же блестящимъ насколько и положеніе ея beau frère, и что это давало ей возможность не нуждаться въ немъ болѣе, уйти отъ его гнета, отъ того что, говоря о князѣ Ларіонѣ графинѣ Анисьевой въ Римѣ, она называла „l'insupportable tyrannie de son grand air“....

— Моя дочь упряма, отвѣчала она хныча на его слова, — et volontaire comme l'était feu vôtre frère Michel, qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie!..

— Ну, это еще неизвѣстно, кто былъ несчастнѣе, вы или мой братъ, такъ и вырвалось на это у князя Ларіона.

— Я, я, j'ai rendu Michel malheureux? возопила въ свою очередь Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своихъ подушкахъ; — докажите это, докажите!..

— Ничего я доказывать не стану, сказалъ онъ сдерживаясь—и готовъ даже признать что вы были несчастнѣею женщиной въ свѣтѣ и заслуживаете поѣтому всякой жалости и слезъ, участія если вамъ угодно.... Но, признавъ это въ ваше удовольствіе, я осмѣлюсь спросить васъ далѣе: то именно что вы были несчастны сами не должно ли оно внушать вамъ самое горячее желаніе уберечь отъ такого же несчастья дочь вашу?

Аглая не поняла и захлопала глазами:

— Но о чемъ же я думаю какъ не о ея счастьи, Larion?

— По-вашему, счастье для нея—этотъ флигель-адъютантъ, а по ней—это смерть и гибель; какъ не хотите вы это понять?

— Mais ce n'est qu'un caprice de sa part, Larion. Почему бы ей было не любить ce charmant jeune homme qui a tout pour lui?

— „Tout“, презрительно 'сказалъ онъ,—кромѣ того что нужно чтобы заговорило сердце такого созданія какъ Héléne.. Впрочемъ, дѣйствительно, вамъ этого не понять! проговорилъ онъ сквозь зубы, послѣдно вставая съ мѣста и принимаясь шагать по комнатѣ, какъ дѣлалъ онъ это всегда когда одолаживало его волненіе.

— И какъ она можетъ предпочитать ему ce petit monsieur de rien, продолжала не слушая Аглая,—qui n'a aucune position dans le monde, и за котораго она теперь вздумала вдругъ выходить замужъ!... Развѣ можно позволить ей faire une mésalliance comme cela, Larion?

Онъ быстро повернулъ на нее изъ противоположнаго конца комнаты съ какимъ-то внезапнымъ нервнымъ порывомъ:

— Ну да, ну да, отрывисто, черезъ силу пропускалъ онъ слово за словомъ на ходу,—предпочитаетъ, любитъ, обожаетъ!... И что же мы съ вами противъ этого сдѣлать можемъ!... Что противъ э-то-го сдѣлать можно? съ какою-то злобой отчеканивалъ онъ. — Никакого тутъ „*mésalliance*“ нѣтъ, все это вздоръ и лустаки ваши,—онъ и по рожденію свосму, и по воспитанію развѣ только въ вашихъ понятіяхъ не пара *Hélène*. Онъ молодъ, *не жила*,—вотъ единственное что можно развѣ сказать противъ него... Но будь онъ и не то что онъ есть, будь онъ негодяй, бездѣльникъ, отъявленный мерзавецъ, что же вы сдѣлаете, что сдѣлаете, повторялъ князь Ларіонъ естественнымъ, крикливымъ голосомъ,—когда она его любить... любить... понимаете ли вы, любить!

— *Elle ne doit pas l'aimer, Larion!* улершись какъ волъ въ стѣну, возглашала на это Аглая.

— „*Ne doit pas!*“ повторилъ онъ ея интонаціей, совершенно выходя изъ себя;—ну, подите, помѣшайте, улросите или заставьте ее не любить, не думать, не страдать по немъ!... Ну, какъ, какъ, хотѣлъ бы я посмотреть, взялись бы вы за это?... Я знаю, вы способны на многое... но что же изъ этого? Ну, вы ее убьете, въ гробъ положите, а все же она за вашего селадона-иезуита въ аксельбантахъ не выйдетъ, а умретъ съ именемъ этого Гундурова на устахъ и въ сердцѣ... Господи, какъ бы вдругъ ослѣпивъ себя, заговорилъ онъ другимъ, почти спокойнымъ и насмѣшливымъ тономъ, — да неужели все это не дается понять собственному вашему разсудку!... Ну, вы бы хоть на себѣ когда-нибудь испытали, легко ли сердце заставить отказаться отъ того что его влечетъ... Не велика сравнительно жертва, а попробуйте, напримѣръ, отказаться отъ удовольствія пить съ утра до вечера чай съ господиномъ Зяблицымъ вдвоемъ... Какъ вы это дѣлаете!

Этого Аглая не ожидала, и не въ силахъ была вытерпѣть; слова деверя били ее по самому, чтобы не сказать единственному, чувствительному мѣсту ея толстокожаго существа: они задѣвали ея чувство къ „бриганту“,—а „бригантъ“ не на шутку состоялъ уже теперь на положеніи кумира въ сердечномъ храмѣ нашей княгини. Князь Ларіонъ и не думалъ чтобы былъ такъ мѣтокъ нанесенный имъ ударъ... Она вся вдругъ облилась огнемъ и желчью:

— Я не позволяю вамъ говорить со мною такъ, князь Ларіонъ! Michel умеръ, и никто не имѣетъ права говорить мнѣ des impertinences... Je suis veuve и я могу дѣлать что хочу, pour vu qu'il n'y ait rien des scabreux... Я еще не старая женщина, и если захочу je puis me remarier à monsieur Zia-blinc et avoir d'autres enfanta, и тогда дѣтямъ вашего брата достанется только половина моего состоянія. Но я этого не хочу, parceque je ne veux pas changer de nom... Monsieur Зяблицъ est un vrai ami, и это правда что онъ всегда льетъ чай со мною, parce qu'il aime le чай comme moi, но между нами il n'y a pas du tout ce que vous créez, и вы это нарочно говорите чтобъ обижать меня, потому что сами вы, я знаю, amoureux fou de vōtre nièce, и не хотите чтобъ она выходила замужъ...

Она не успѣла договорить... и вдругъ вскрикнула и съ ужасомъ на лицѣ откинулась въ спилку своего дивана...

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею, наклонившись до уровня ея глазъ, и, блѣдный какъ смерть, съ исковерканными отъ гнѣва чертами, шилъ сквозь стиснутые зубы обрывающимся, бѣшенымъ голосомъ:

— Какъ смѣете это вы говорить! Кто сказалъ вамъ?... Это не ваше... Кто вамъ сказалъ?..

Она перелугана была такъ какъ никогда еще въ жизни:

— Au nom du ciel, Larion, забормотала она вся растерянная,—не сердитесь!.. Я ничего не хотѣла сказать вамъ... de désobligeant... Я только такъ, Larion...

— Кто вамъ сказалъ... Говорите! съ безумнымъ гнѣвомъ повторялъ онъ.

— Mon Dieu, Larion, за что вы такъ сердитесь!.. Vous aimez beaucoup Lina, это всѣ знаютъ... и если я даже сказала что вы немножко... il n'y a pas de mal... потому что уже мущины не могутъ, ils font toujours du sentiment... Это Ольга мнѣ сказала, Larion, вдругъ такъ и выпустила она, сама не вѣдая какъ, подъ вліяніемъ неодолимаго страха, который врѣзалъ онъ ей въ эту минуту.

— А! сказалъ онъ только, выпрямляясь во весь ростъ,—эта дѣвочка!..

Онъ нѣсколько минутъ затѣмъ, тяжело дыша и не слухая съ нея своихъ, полныхъ отвращенія и какой-то безконечной тоски, глазъ, оставался безмолвнымъ, какъ бы соображая что-то... Аглая, подъ тяжестью этого взгляда, не зная

съ своей стороны куда дѣвать глаза и металась грузнымъ тѣломъ своимъ по мягкому дивану не находя себѣ на немъ мѣста.

— Послѣ того что вы сказали, молвилъ онъ наконецъ,—мнѣ слѣдовало бы немедленно выѣхать изъ вашего дома, и никогда болѣе въ жизни не видать васъ... Я этого не сдѣлаю, не могу сдѣлать, потому что я нуженъ *Hélène*, дочери брата моего, подчеркнул онъ:—безъ меня вы ее дѣйствительно въ гробъ вгоните. А этого я вамъ не позволю, пока живъ!.. Но оставаясь здѣсь, вы понимаете что я не желаю встрѣчаться съ вашею... наущницей, съ этою презрѣнною дѣвчонкой... Вы попросите ее сегодня же выбраться отсюда,—а не то я самъ ей скажу!..

— *Mon Dieu, Larion*, залопотала отчаяннымъ голосомъ Аглая,—но какъ же это сдѣлать?.. Vous savez что она сегодня вечеромъ должна играть на театрѣ... *notre second spectacle*... и у насъ гости...

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было,—дѣлайте какъ знаете, а не то я самъ объ этомъ постараюсь,—хуже будетъ... А *Hélène*, разъ она этого не желаетъ, за вашего Анисьева не выйдетъ,—знайте это разъ навсегда!

Онъ выговорилъ это медленно, отчетливо, спокойно, тѣмъ рѣшительнымъ тономъ который какъ бы и не предполагаетъ возможности возраженія—Аглая и въ голову не пришло возражать,—и не глядя на нее обернулся и вышелъ изъ комнаты.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗИКИ

телефонъ, фонографъ, микрофонъ и ихъ приложения *

Исторія физики представляетъ намъ много примѣровъ того какъ иногда весьма важное и полезное открытіе въ началѣ остается какъ бы незамѣченнымъ и лишь въ послѣдствіи находитъ себѣ достаточную оцѣнку. Весьма рѣдко, напротивъ того, случается чтобы какое-либо изобрѣтеніе сразу обратило на себя всеобщее вниманіе, заставляло бы говорить о себѣ и ученыхъ, и неспеціалистовъ.

Спрашивается: что же было причиной громадной популярности недавно изобрѣтенныхъ: телефона, фонографа и микрофона, что способствовало тому что о нихъ заговорили повсюду, что каждый почти день печатъ приносить намъ новыя о нихъ извѣстія, разказы въ значительной степени преувеличенные? Причину этого слѣдуетъ искать какъ въ гениальности самыхъ изобрѣтеній и великой будущности пред-

* Читано (въ извлеченіи) въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы 3го октября 1878 года.

стоящей этимъ снарядамъ, такъ и въ томъ обстоятельствѣ что никогда быть-можетъ болѣе значительные, изумительные, можно сказать, результаты не были достигнуты болѣе простыми средствами. Но кромѣ того кажется что причину успѣха новыхъ изобрѣтеній слѣдуетъ искать и въ присущей нашему духу особенноти, заключающейся въ томъ что ближе всего и дороже всего человѣку—самъ человѣкъ. Такъ напримѣръ, какъ бы совершенъ ни былъ музыкальный инструментъ, какіе волшебные звуки мы бы изъ него ни извлекали, все же человѣческій голосъ привлекаетъ насъ всего болѣе и въ сравненіи съ нимъ ничтоженъ даже звукъ скрипки, обладающей наибольшою лѣтучестью, наибольшою музыкальною выразительностью. Это потому что между тѣмъ какъ музыкальные инструменты передаютъ намъ *тоны*, голосъ человѣческій передаетъ намъ *слова* и не одни только слова, не одну только интонацію голоса, но и мысль говорящаго и душевное его настроеніе въ данную минуту.

Мысль нашу уже давно, благодаря телеграфу, мы имѣемъ возможность передавать на громадныхъ разстояніяхъ съ быстротою почти молвіи; мало того, посредствомъ лантелеграфа Казелли имѣется возможность передать и почеркъ руки, даже портретъ; телефонъ же передаетъ живое наше слово, и вотъ что намъ всего дороже. Нашъ собесѣдникъ не только распознаетъ кто говоритъ съ нимъ посредствомъ телефона; ему понятно даже расположеніе духа говорящаго: его удовольствіе, когда слова передаются хорошо, его нетерпѣніе, если бесѣда не идетъ такъ плавно какъ бы желательно. Вотъ почему открытый Бостонскимъ профессоромъ Белломъ (Alexander Graham Bell) *телефонъ* обратилъ на себя всеобщее вниманіе публики и справедливо знаменитый В. Томсонъ уже на Филадельфійской Всемирной Выставкѣ (лѣтомъ 1876) назвалъ этотъ снарядъ чудомъ изъ чудесъ электрической телеграфіи.

Но не успѣла еще европейская публика достаточно ознакомиться съ изобрѣтеніемъ Белла, какъ въ началѣ января текущаго года американскія газеты принесли намъ вѣсть о еще болѣе чудесномъ, почти невѣроятномъ открытіи, сдѣланномъ Эдисономъ въ Нью-Йоркѣ. Снарядъ имъ придуманный и названный *фонографомъ* можетъ говорить человѣческимъ голосомъ, можетъ повторять сколько угодно разъ и спустя какой угодно промежутокъ времени произнесенныя предъ нимъ фразы и мелодіи. Въ маѣ же текущаго года

дошло до насъ извѣстіе о новомъ открытіи, сдѣланномъ Юзомъ (извѣстнымъ изобрѣтателемъ пишущаго электрическаго телеграфа), также въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (въ Louisville). Посредствомъ придуманнаго имъ *микрофона* можно передавать самые слабые звуки (напримѣръ бой карманныхъ часовъ и треніе другъ о друга ихъ зубчатыхъ колесъ) на значительное разстояніе; этого мало: недостижимые даже для человѣческаго уха звуки, напримѣръ движеніе мухи, также передаются этимъ снарядомъ.

Слухи объ этихъ чудесныхъ открытіяхъ приняты были сначала въ Европѣ весьма недовѣрчиво, и должно признаться что долгое время считали ихъ за одну изъ тѣхъ газетныхъ утокъ коими такъ изобилуетъ американская печать. Когда же удалось видѣть самые снаряды и воочию убѣдиться въ удивительныхъ ихъ дѣйствіяхъ, то прежній скептицизмъ уступилъ мѣсто безграничному удивленію, породившему въ скоромъ времени самыя фантастическіе разказы и анекдоты.

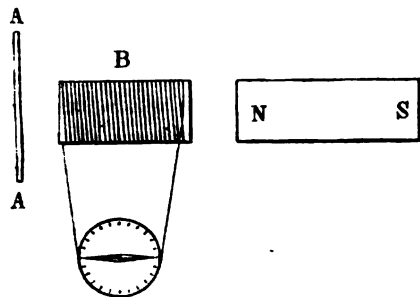
Мы намѣрены предложить нашимъ читателямъ описаніе этихъ снарядовъ, заслужившихъ въ столь короткое время такую популярность, а также теорію на которой основано ихъ устройство.

I.

Устройство *телефона* основано на слѣдующихъ теоретическихъ началахъ:

1. Вообразимъ себѣ мѣдную проволоку, локрытую шелкомъ или гуттаперчей (изолированную); проволока эта извивается улиткообразно. Если внутрь ея вложимъ брусокъ мягкаго желѣза и концы проволоки соединимъ съ полюсами гальванической батареи, то въ моментъ замыканія тока (то-есть прохожденія его по проволокѣ) брусокъ намагнитится и останется магнитомъ во все время прохожденія тока. При прекращеніи же тока магнетизмъ исчезаетъ, но проявляется вновь какъ скоро замкнемъ токъ. Итакъ мы видимъ что гальваническій токъ можетъ въ желѣзѣ возбудить магнетизмъ. Обратнo: если въ улиткообразную металлическую проволоку, концы которой соединены между собою или непосредственно, или же посредствомъ гальванометра (снаряда обнаруживающаго присутствіе тока), быстро вложимъ

магнитную полосу, то въ этотъ моментъ по проводокъ пробѣгаетъ токъ, именуемый *индуктивнымъ* или *наведеннымъ*. Появленіе этого тока лишь *мгновенное*, послѣ чего онъ прекращается и появляется лишь въ моментъ удаленія магнитной полосы, но также на мгновеніе и притомъ по направленію обратному первоначально появившемуся току. Въмѣсто вложенія и выниманія магнитной полосы достаточно мгновенно приближать или удалять ее отъ проволоки или же послѣднюю придвигать или отодвигать отъ магнита.

(фиг. 1)

2. Сдѣлаемъ еще шагъ: вообразимъ себѣ (фиг. 1) цилиндръ мягкаго желѣза *B*, обмотанный изолированной проволокой; это называется *бобиной*. Если концы проволоки соединены между собою и въблизи бобины находится магнитъ *NS*, то, несмотря на

то что подъ вліяніемъ послѣдняго желѣзо бобины также намагничено, въ проводокъ никакого тока не замѣчается. Но послѣдній появится тотчасъ, если быстро станемъ магнитъ къ бобинѣ приближать или же его быстро отодвигать. Въ обоихъ случаяхъ мгновенно появляются индуктивные токи, имѣющіе разное направленіе, ибо очевидно это все равно что еслибы мы въ проволоку быстро вложили или изъ нея быстро вынули магнитъ.

3. Вообразимъ себѣ наконецъ что магнитъ *NS* мы относительно бобины не двигаемъ; что все остается неподвижнымъ, но что мы внезапно, какимъ-либо образомъ, мгновенно измѣнили силу магнетизма магнита или бобины, то очевидно это все равно что внезапно приблизить или удалить другой магнитъ. Мы должны ожидать появленія индуктивныхъ токовъ, и дѣйствительно это такъ будетъ. Измѣнить же магнетизмъ бобины весьма легко, придвигая къ ней быстро даже весьма тонкую желѣзную пластинку *A*, а затѣмъ быстро отодвигая оную. При каждомъ приближеніи или удаленіи желѣзной пластинки *A* относительно бобины *B*, магнетизмъ бобины дѣйствуетъ на пластинку; послѣдняя при приближеніи магнитится и теряетъ свой магнетизмъ при удаленіи.

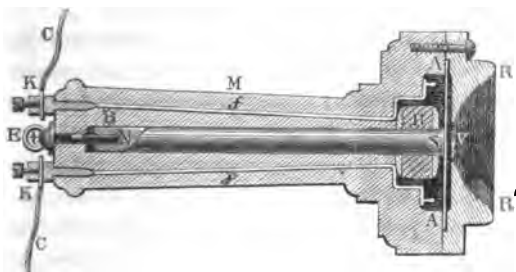
Въ свою очередь, магнетизмъ возбужденный въ пластинкѣ А оказываетъ взаимодействие на магнетизмъ бобины—усиливая или уменьшая его при послѣдовательномъ своемъ приближеніи или удаленіи, а слѣдствіемъ такого внезапнаго измѣненія магнетизма бобины, какъ уже видѣли прежде, будетъ появленіе индуктивнаго тока въ сомкнутой проволоцѣ.

На этотъ послѣдній случай просимъ читателя обратить особенное вниманіе: на немъ, какъ увидимъ тотчасъ, Белль основалъ свой телефонъ.

Когда въ 1837 году Педжъ (Page) замѣтилъ что длинный желѣзный брусокъ, обвитый изолированной металлическою проволокою, при быстро другъ за другомъ слѣдующихъ намагничиваніяхъ и размагничиваніяхъ его (слѣдствіе быстрыхъ замыканій и размыканій бѣгущаго въ проволоцѣ тока гальванической батареи), издаетъ звукъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ переходить въ музыкальный тонъ, то конечно не могла не возникнуть мысль—нельзя ли передать и человѣчскій голосъ на извѣстныхъ разстояніяхъ? На практикѣ однакоже это удалось сдѣлать лишь въ 1861 году Рейсу, учителю въ Фридрихсдорфѣ недалеко отъ Франкфурта на Майнѣ. Снарядъ его состоялъ изъ двухъ различныхъ частей: аппарата принимающаго звукъ (*récepteur*) и снаряда его передающаго (*transmetteur*). Первый главнымъ образомъ состоялъ изъ ящика, снабженнаго широкою трубкой къ которой прикладывалъ ротъ поющій. Пузырь, натянутый на одной сторонѣ ящика, отъ сотрясенія воздуха при пѣніи приходилъ въ колебаніе и посредствомъ прикрѣпленнаго въ центрѣ его металлическаго штифта замыкалъ или прерывалъ гальваническій токъ. На другой станціи находился снарядъ Педжа, который при быстрыхъ появленіяхъ и исчезаніяхъ тока издавалъ звукъ, соотвѣтственный звуку издаваемому лицомъ поющимъ на первой станціи. Таковъ былъ снарядъ Рейса, который не былъ въ состояніи передавать человѣчскій голосъ, а лишь мелодію и то весьма несовершенно. Очень недавно на улицахъ Парижа во множествѣ продавались такъ-называемые телефоны съ нитью (*téléphones à ficelle*), чрезвычайно простые и дешевыя игрушки, могущія на незначительныхъ разстояніяхъ довольно хорошо передавать не только мелодію, но и разговоръ. Телефонъ этотъ состоялъ изъ маленькой трубки, на одномъ концѣ

которой натягивался пергаментъ. Шелковый или нитяный шнурокъ, прикрѣпленный въ центрѣ переломки, другимъ концомъ своимъ прицѣплялся къ центру пергамена другого телефона. При *туго натянутомъ* шнуркѣ два лица, снабженные каждый телефономъ и говорящіе въ открытый конецъ трубки, могли хорошо и внятно переговариваться между собою на разстояніи ста и даже полтора-ста метровъ, благодаря сотрясенію пергамена и *механической* передачѣ этихъ сотрясеній пергамену другого телефона посредствомъ шнурка.

Не упоминая о различныхъ болѣе и менѣе удачныхъ попыткахъ устроить снарядъ могущій на значительныя разстоянія передавать голосъ человѣческій, * перейдемъ прямо

(Фиг. 2.)

къ описанію телефона Белла въ наиболѣе употребительной его формѣ (фиг. 2). Въ круглой на одномъ концѣ расширенной деревянной трубкѣ *М* находится магнитный брусокъ *NS*, прикрѣпленный съ одного конца своего къ трубкѣ посредствомъ винта *t*; винтъ этотъ, управляемый посредствомъ ручки *Е*, приводитъ или отодвигаетъ магнитный брусокъ *NS* отъ желѣзной тонкой пластинки *А, А*, вложенной въ лапкахъ трубки, но могущей совершать весьма малыя движенія взадъ и впередъ. На свободномъ концѣ магнита *S* насажена бобина *В*, состоящая изъ цилиндра мягкаго желѣза, обвитаго изолированной проволокой; два конца этой тонкой проволоки прикрѣплены неподвижно къ болѣе толстымъ проволокамъ *f, f* оканчивающимся клеммами съ винтами *К, К*, куда прикрѣпляются металлическіе проводники *С, С*, идущіе къ

* Наиболѣе удачная мысль принадлежитъ Грею въ Чикаго и это подадо поводъ къ спору послѣдняго съ Белломъ касательно первенства открытія. Даже патентъ взятъ ими въ одинъ и тотъ же день 14го (2) февраля 1876 года.

двумъ другимъ винтамъ другого такого же телефона, находящагося на другой станціи. Губы говорящаго въ телефонъ приближаются къ воронкообразному углубленію RR' телефона, имѣющему въ V отверстіе, вблизи коего находится пластинка AA . Последняя, вслѣдствіе колебанія воздуха говорящимъ въ воронку, приходитъ въ сотрясеніе и тѣмъ измѣняетъ въ каждое мгновеніе свое положеніе относительно бобины B . Вслѣдствіе этого, какъ мы уже видѣли выше, измѣняется магнетизмъ послѣдней, а это обстоятельство вызываетъ въ проволоку бобины индуктивный токъ, идущій чрезъ концы f, f , винты K, K и проволоки C, C къ другому телефону. Такимъ образомъ явленія происходящія въ обоихъ телефонахъ во время разговора представляются въ слѣдующей послѣдовательности: 1) сотрясеніе воздуха во время произнесенія словъ (или мелодіи) въ первомъ телефонѣ; 2) приближеніе или удаленіе вслѣдствіе этого его упругой пластинки A относительно ближайшаго къ ней полюса магнитнаго бруска и бобины B ; 3) возбужденіе индуктивнаго тока въ проволоку бобины B ; 4) этотъ токъ, проходя по проволоку бобины B телефона другой станціи, измѣняетъ магнетизмъ этой бобины; 5) вслѣдствіе этого измѣняется относительное положеніе ея упругой пластинки A' , приходящей вслѣдствіе этого въ колебаніе; 6) колебаніе пластинки обуславливаетъ колебаніе воздуха, а слѣдовательно и повтореніе словъ или тоновъ произносимыхъ на первой станціи.

Вглядываясь въ устройство и дѣйствіе телефона легко замѣтить особенности его, состоящія въ слѣдующемъ: 1) телефонъ дѣйствуетъ безо всякой гальванической батареи; 2) будучи разъ установленъ, онъ дѣйствуетъ неопредѣленное время, не требуетъ ни издержекъ, ни научной подготовки со стороны говорящихъ. 3) Между телефономъ принимающимъ депешу (*récepteur*) и передающимъ оную (*transmetteur*) нѣтъ ни малѣйшаго различія и каждый изъ нихъ очевидно можетъ служить для обоихъ цѣлей. Было бы неправильно сказать что слова и звуки *передаются* отъ одного телефона другому: передается лишь индуктивный токъ, а послѣдній уже *воспроизводитъ* все то что говорено было въ первый снарядъ.

Надлежало ожидать что телефонъ, предназначенный для всеобщаго употребленія, несмотря на весьма недавнее свое появленіе, обратитъ на себя общее вниманіе и вызоветъ многія

разновидности и усовершенствованія. Такъ и случилось; но намъ нѣтъ нужды уломинать о всѣхъ до сего времени появившихся системахъ телефоновъ. Мы ограничимся существенными усовершенствованіями, уже получившими практическое приложеніе:

1) Хотя для переговоровъ одной станціи съ другой необходимо, какъ мы уже видѣли, двѣ проволоки, идущія отъ обоихъ концовъ проволоки одного телефона къ таковымъ же другого (объ эти проволоки можно даже сплести вмѣстѣ, такъ какъ обѣ онѣ изолированы); но можно, подобно какъ въ электрическомъ телеграфѣ, довольствоваться одною только проволокой; роль же другой проволоки принимаетъ на себя земля. Для этого достаточно на каждой станціи погрузить въ землю мѣдный листъ, металлически соединенный съ однимъ изъ концовъ проволоки обмотанной вокругъ бобины. Этимъ расходъ на проложеніе телефонной линіи значительно сокращается.

2. Для усиленія звуковъ въ телефонѣ, вмѣсто магнитной лодосы, недавно стали употреблять магнитъ подковообразный, полюсами своими дѣйствующій на одну и ту же пластинку; благодаря этому сила звука въ значительной степени увеличивается.

3. Такъ какъ звуки передаваемые телефономъ доходятъ до другой станціи довольно слабо и большею частью слышны бываютъ лишь при приближеніи снаряда къ уху, то явилась необходимость въ устройствѣ особаго сигнала, который увѣдомлялъ бы принимающаго делати всякій разъ когда отправитель оной желаетъ съ нимъ бесѣдовать. Въ обыкновенномъ электрическомъ телеграфѣ это достигается весьма легко посредствомъ электрическаго звонка, приводимаго въ движеніе тѣмъ же гальваническимъ токомъ батареи который движетъ самый телеграфный аппаратъ. Въ телефонѣ же, гдѣ гальванической батареи нѣтъ вовсе, а индуктивный токъ чрезвычайно слабъ, устройство звонка представляетъ большое затрудненіе, если только мы не пожелаемъ придать къ телефону особенный электрическій звонокъ, что, съ одной стороны, обуславливало бы употребленіе батареи и требовало бы расходовъ и ухода за гальваническими элементами, а съ другой стороны лишило бы телефонъ самостоятельности и главное—простоты и дешевизны. Къ счастью, весьма недавно неудобство это устранено способомъ, придуманнымъ знаменитымъ Симен-

сомъ, столь же простымъ какъ и остроумнымъ—простымъ свисткомъ. Свистокъ этотъ (подобно гармоникѣ) основанъ на дрожаніи упругой пластинки вслѣдствіе вдуванія воздуха; дрожаніе приводитъ въ колебаніе маленькій металлическій лестикъ, прикасающійся къ пластинкѣ. Если свистокъ этотъ поставить въ отверстіе телефона, то лестикъ, по тяжести своей опускаясь, прикасается къ желѣзной пластинкѣ телефона и при вдуваніи воздуха въ свистокъ начинаетъ стучать объ эту пластинку и колебать ее. Происшедшій индуктивный токъ въ свою очередь заставляетъ колебаться желѣзную пластинку находящагося на другой станціи телефона. Это колебаніе сообщается лестикъ надѣтаго на этотъ телефонъ свистка и послѣдній немедленно даетъ знать присутствующему въ комнатѣ о желаніи находящагося на первой станціи собесѣдника начать переговоры.

Но какъ бы хорошъ ни былъ телефонъ, очевидно что первоначальная сила звука говорящаго должна много терять во время передачи именно вслѣдствіе того что часть ея потребляется на движеніе воздуха и обѣихъ пластинокъ, на возбужденіе тока и главнымъ образомъ на побѣжденіе сопротивленія представляемаго послѣднему проволоками по коимъ онъ проходитъ. Изъ опытовъ дознано что въ телефонѣ звукъ говорящаго ослабляется въ 2.000—8.000 разъ, и вотъ причины почему телефонъ въ большей части случаевъ долженъ быть подносить къ уху.

Любопытенъ вопросъ: какъ велика сила индуктивного тока воспроизводящаго въ телефонѣ человѣческой голосъ? Оказывается что она совершенно ничтожна, почти въ *милліоны* разъ менѣе силы тока дѣйствующаго въ обыкновенныхъ телеграфахъ, и по этой причинѣ обыкновенными нашими гальванометрами даже ощущаемъ быть не можетъ; одинъ лишь крайне чувствительный гальванометръ Томсона можетъ указать намъ на присутствіе тока въ телефонѣ. Ничтожность этого тока возбудила въ нѣкоторыхъ даже сомнѣніе: вслѣдствіе ли тока дѣйствуетъ телефонъ, не происходитъ ли тутъ простая *механическая* передача звука, подобно какъ мы видимъ это въ телефонѣ съ нитью? Неосновательность этого мнѣнія можно доказать просто тѣмъ что если одна изъ проволокъ связывающихъ оба телефона будетъ порвана, то телефонъ молчитъ, хотя бы другая проволока была совершенно цѣла. Кромѣ того, изъ опытовъ Зетче оказывается

что передача звука посредством телефона происходит гораздо скорѣе чѣмъ какъ надлежало бы ожидать, зная скорость механическаго распространенія звука чрезъ металлическую проволоку. А тѣмъ не менѣе ничтожная, какъ мы видѣли, сила индуктивнаго тока способствуетъ не только отчетливой передачѣ человеческого голоса, съ малѣйшими его модуляціями, но позволяетъ эту передачу даже на весьма значительное разстояніе. Изъ числа многихъ уже проложенныхъ телефонныхъ линій (въ одной Германской имперіи въ настоящее время около полтораста такихъ линій находятся въ дѣйствіи), наиболѣе длинная, между Бостономъ и Нью-Йоркомъ, имѣетъ протяженіе болѣе 400 километровъ. Весьма хорошо также дѣйствуетъ телефонъ посредствомъ подводнаго кабеля, проложеннаго между Дувромъ и Кале.

Замѣчательно что телефонъ позволяетъ переговариваться не только двумъ лицамъ, но и большому числу. Въ Нью-Йоркѣ пять лицъ были одновременно помѣщены въ цѣль связывающую двѣ станціи; каждое изъ нихъ снабженное телефономъ могло весьма явственно слышать все о чемъ между собою разговаривали остальные лица; перекрестные вопросы и отвѣты слышались совершенно явственно. Равнымъ образомъ два собесѣдника снабженные телефонами могли ясно слышать разговоръ передаваемый посредствомъ проволоки находившейся отъ ихъ проволоки на разстояніи пятидесяти сантиметровъ, причемъ весьма хорошо можно было различать даже тембръ говорящихъ лицъ.

Нѣкоторые ошибочно полагаютъ будто для болѣе успѣшной передачи рѣчи посредствомъ телефона, въ послѣдній нужно кричать. Слишкомъ громкій разговоръ заставляетъ пластинку телефона не только сотрясаться, но и звучать и издавать тонъ ей свойственный, вслѣдствіе чего самыя слова заглушаются. Всего лучше говорить членораздѣльно, ясно и стараясь чтобъ издаваемые звуки по возможности подходили къ тонамъ музыкальнымъ. Губы слѣдуетъ держать близко къ воронкѣ телефона, впрочемъ не касаясь къ пластинкѣ и не приближая рта слишкомъ близко къ послѣдней. Иногда удается передавать рѣчь даже шелотомъ; подобная передача произведена была успѣшно на протяженіи почти ста верстъ, между Лондономъ и Илсвичемъ. Лучше всего передаются гласныя буквы, хуже—согласныя, въ особенности: ж, к, м, н. Мелодія передается весьма хорошо и можетъ быть слышна

лицами находящимися отъ телефона на разстояніи даже 10—15 сажень.

Кромѣ приложеній въ практической жизни, телефонъ сумѣлъ уже сослужить службу и наукѣ: оказывается что онъ можетъ быть употребляемъ какъ самый чувствительный изъ гальваноскоповъ для узнаванія присутствія гальваническаго тока. Если въ предполагаемый токъ введенъ будетъ телефонъ и токъ этотъ будетъ прерываться посредствомъ приводимаго въ колебаніе камертона, то, несмотря на звукъ издаваемый послѣднимъ, въ телефонъ ничего не будетъ слышно. Если же токъ дѣйствительно пробѣгаетъ по проволоцѣ, то телефонъ звучитъ въ унисонъ съ камертономъ.

Благодаря своей чувствительности, телефонъ можетъ легко передавать звуки происходящіе вблизи его и весьма удобно можетъ быть употребляемъ во время войны для перехватыванія телеграфной депеши. Для этого надобно вблизи телеграфной проволоки, на тѣхъ же самыхъ столбахъ, проложить телефонный проводникъ (двѣ свитыя, но изолированныя другъ отъ друга проволоки) и соединить его съ телефономъ: послѣдній весьма ясно передаетъ уху депешу телеграфную. Общеупотребительный телеграфъ Морза передаетъ, какъ извѣстно, депеши посредствомъ сочетанія точекъ и черточекъ проводимыхъ на бумажной лентѣ остриемъ. Для этого на передающей депешу станціи, посредствомъ такъ-называемаго ключа, гальваническій токъ замыкается весьма короткое время для произведенія на лентѣ точки или же на время нѣсколько болѣе продолжительное — для черточки. Происходящіе отъ замыканія и размыканія тока послѣдовательные удары каюча о металлическую пластинку (tic-tac) весьма хорошо слышны будутъ посредствомъ телефона и, будучи переводимы также на бумагу, легко обнаруживаютъ передаваемую депешу. А такъ какъ эта передача телефономъ особенно хорошо удается ночью (по причинѣ отсутствія посторонняго шума и болѣе однородныхъ слоевъ воздуха) и въ это именно время особенно легко непріятелю проложить телефонную проволоку, то понятно что слѣдуетъ тогда быть особенно осторожнымъ.

Телефонъ можетъ съ пользою быть употребленъ въ крѣпостяхъ для передачи приказаній и командъ разнымъ частямъ войскъ и батареямъ, а также во время поднятія на воздушномъ шарѣ, съ цѣлью развѣдки непріятельской позиціи; къ

веревкѣ за которую удерживается шаръ (ballon captif) могутъ легко быть привязаны проволоки идущія отъ телефона и посредствомъ послѣдняго аэронавтѣ немедленно можетъ передавать свои наблюденія. Попытка употребленія телефона сдѣлана была въ русскихъ войскахъ во время послѣдней Турецкой компаніи. Проводъ длиной отъ четырехсотъ до пятисотъ саженъ легко былъ прокладываемъ однимъ человекомъ и звуки передавались ясно, несмотря на дурную погоду. Во время же сраженія шумъ и грохотъ орудій значительно прелятствовалъ яснотѣ передачѣ словъ и для уменьшенія этого вреднаго вліянія принуждены были голову переговоривавшихъ накрывать широкимъ башлыкомъ. Телефонъ оказываетъ отличную пользу при переговорахъ между собою стоящихъ на рейдѣ кораблей, а также во время погруженія человека на дно моря. Если въ непроницаемый для воздуха и воды головной уборъ, который надѣваетъ водолазъ (scaphandre) помѣстить телефонъ, то можно весьма легко переговариваться съ водолазомъ, и нѣтъ надобности вытаскивать его для этого на поверхность воды, какъ это вынуждены были дѣлать до сего времени.

Начиная съ осени 1878 года телефонъ употребляется въ Англіи и Сѣверной Америкѣ въ каменно-угольныхъ коляхъ. Теперь нѣтъ болѣе нужды пріучать рудокоповъ къ повиновенію телеграфныхъ знаковъ и передачѣ делешъ посредствомъ телеграфа, требующаго установки батареи и постоянного поддержанія оной въ исправности: всякій рудокопъ безъ труда можетъ переговариваться посредствомъ телефона какъ съ товарищами своими, находящимися въ отдаленной шахтѣ, такъ и съ лицами на поверхности земли находящимися. Послѣднія могутъ даже убѣдиться каждый разъ, происходитъ ли въ шахтѣ вентиляція съ желаемою правильностію: телефонъ, установленный вблизи вентилятора, передаетъ другому телефону, находящемуся въ рукахъ инженера, шумъ производимый вертушкой; какъ скоро вентиляторъ почему-либо пріостановился телефонъ также умолкаетъ.

На дняхъ газеты принесли извѣстіе о новомъ телефонѣ, изобрѣтенномъ г. Полларомъ (Pollard) и съ успѣхомъ испробованномъ г. Дю-Монселемъ. Если взять тетрадку бумаги и между ея листками положить листики оловянные, за тѣмъ верхній и нижній листикъ сообщить съ полюсами гальванической батареи и въ цѣль ввести извѣстную индуктивную

катушку Румкорфа и телефонъ, то если въ послѣдній станемъ лѣтъ, бумага, находящаяся въ значительномъ удаленіи отъ телефона, начнетъ также повторять лѣніе до того громко что оно можетъ быть слышно на всю комнату.

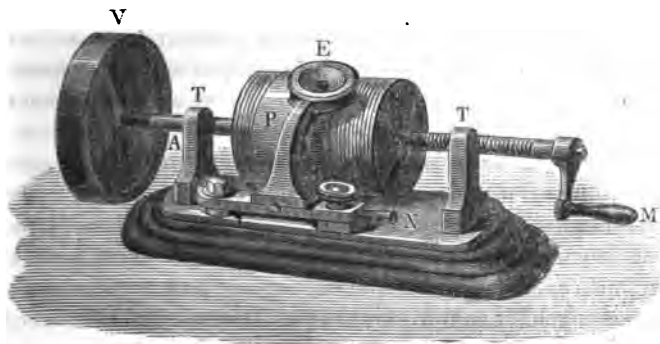
Уже прежде изъ опытовъ Дюбуа-Реймона и Ціона извѣстно было что индуктивный токъ телефона можетъ приводить въ сокращеніе нервы лягушки и, стало-быть, можетъ служить при фізіологическихъ изслѣдованіяхъ. Если проволоки телефона соединить съ нервомъ лягушки, то произнося въ телефонъ различные слова, и слѣдовательно производя въ телефонъ индуктивные токи разной силы, можно дѣйствовать ими на нервы и на мышцы лягушки, причемъ различныя гласныя буквы производить различное дѣйствіе: сильнѣе всего дѣйствуютъ *a, o, y*, слабѣе всего *и, e*. Поэтому если произносить въ телефонъ слова *zucke* или *wessisse*, то лапка лягушки сокращается, но остается въ покоѣ если произнесены будутъ слова: *liege* или *tranquille*.

II.

Еще не успѣла Европа достаточно ознакомиться съ телефономъ Белла, какъ 18го января новаго стиля 1878 года американская газета *Scientific American* принесла читателямъ слѣдующую поразительную новость: „Томасъ Эдисонъ, рассказываетъ газета, на дняхъ (15го января) пришелъ въ нашу контору, поставилъ на столъ маленькую машину, началъ вертѣть рукоятку, и машина спросила насъ: какъ ваше здорovie? нравится ли вамъ фонографъ? и въ заключеніе пожелала намъ спокойной ночи. Эти слова слышны были не только намъ (редактору), но и двѣнадцати другимъ лицамъ, стоявшимъ вокругъ стола. Они произнесены были маленькимъ приборомъ, коего описаніе и рисунокъ здѣсь прилагаются.“

Таково было первое извѣстіе о фонографѣ, которое можно было принять за совершенно фантастическій разказъ еслибы оно не было такъ категорически заявлено редакціей и вскорѣ подтверждено другими органами американской печати, въ томъ числѣ и весьма серіознымъ журналомъ *Engineering*. Когда же истина изумительнаго изобрѣтенія Эдисона стала внѣ всякаго сомнѣнія, то всѣ ожидали увидать снаряда

сложный, дорогой и громоздкій. Ожиданія эти оказались совершенно неосновательными: никогда болѣе изумительный результатъ не былъ достигнутъ болѣе простымъ снарядами, менѣе сложнымъ механизмомъ!..

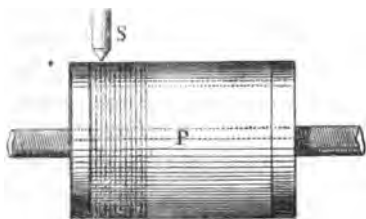

(Фиг. 3).

Вообразимъ себѣ (фиг. 3) металлическій цилиндръ Р, ось коего АА, опирающаяся на подставки ТТ, можетъ быть приводима во вращеніе посредствомъ ручки М, и подобно винту въ гайкѣ, благодаря винтовымъ нарѣзкамъ находящимся на оси, а также внутри ТТ цилиндръ Р при вращеніи ручки будетъ медленно подвигаться въ горизонтальномъ направленіи впередъ и назадъ, смотря по тому въ какую сторону происходитъ вращеніе ручки. Для большей равномерности самаго вращенія ось снабжена маховымъ колесомъ V. На поверхности цилиндра находятся точно такія же винтовые нарѣзки какъ на оси АА, слѣдовательно, при полномъ обращеніи ручки, цилиндръ поступитъ каждый разъ на длину винтоваго хода. Вблизи цилиндра находится стойка S, на концѣ которой укрѣплена металлическая воронка E. Дно воронки образуетъ или весьма тонкая, упругая металлическая пластинка, или же просто пергаментъ, туго натянутый, къ центру коего прикрѣплено маленькое стальное остріе, касающееся поверхности цилиндра. Такъ какъ стойка S съ воронкой внизу утверждена къ дощечкѣ, вращающейся около оси С, то ослабляя винты R и N, можно отодвинуть стойку отъ цилиндра и опять, придвинувъ ее къ нему, закрѣпить винтомъ R, для того чтобъ остріе пергамена постоянно касалось поверхности цилиндра. Вообразимъ себѣ что предъ опытомъ поверхность цилиндра покрыта была тонкимъ оловяннымъ

листомъ; воронка съ остриемъ придвинута къ цилиндру и цилиндръ приведенъ предварительно ручкой М въ такое положеніе что острие касается почти края цилиндра (тамъ гдѣ начинаются винтовые наръзки). Если острие попало разъ въ углубленіе наръзки, то оно во все время вращенія (а слѣдовательно и поступленія впередъ цилиндра) будетъ оставаться внутри наръзки и станетъ бороздить поверхность оловяннаго листа, проводя по немъ также винтовую борозду.

Но что будетъ, если во время вращенія цилиндра ручкой М, мы, прикладывая ладню ротъ къ воронкѣ Е, станемъ громко говорить? Каждый произносимый нами звукъ, каждый слогъ заставляетъ воздухъ въ воронкѣ колебаться, и колебанія эти послѣдовательно передаются острию. Очевидно что послѣднее на оловянной пластинкѣ станетъ чертить рядъ точекъ или линій, смотря по силѣ и продолжительности сотрясеній ему передаваемыхъ. Другими словами: произносимая нами фраза стенографировалась какими-то точками и

(Фиг. 4).

штрихами, то-есть азбукой изобрѣтенною какъ бы самимъ остриемъ и столь мелкою что глазъ едва можетъ усмотрѣть ее. (Фиг. 4 показываетъ цилиндръ и острие въ будущемъ видѣ.)

Итакъ, фонографъ отпечаталъ наши слова или мелодію, закрѣпилъ ихъ для прочтенія кому и когда угодно! Но какъ читать подобные іероглифы?

Заставимъ самъ фонографъ прочесть намъ громко имъ написанное. Ослабимъ винтъ R, отодвинемъ немного воронку и острие отъ цилиндра, послѣ чего станемъ вертѣть ручку М въ сторону обратную предыдущей, для того чтобъ опять, приблизивъ острие, оно попало въ то самое мѣсто, откуда оно начало чертить на пластинкѣ въ первый разъ. Что будетъ, если, приблизивъ опять острие къ цилиндру, станемъ вертѣть ручку попрежнему? Очевидно что острие пройдетъ по знакамъ имъ же самимъ начертаннымъ и попадая каждый разъ на точку или черточку оно, а также и пергамень придутъ въ сотрясенія и что послѣднія будутъ повторяться *въ томъ же*

самолъ порядкъ какъ прежде, во время произнесенія словъ (или мелодіи) въ фонографъ. Колебанія пергамена передаются посредствомъ воздуха нашему уху и послѣднее слышитъ тѣ же звуки какіе произнесены были прежде говорившимъ въ фонографъ; другими словами: мы слышимъ повтореніе сказаннаго и фонографъ читаетъ громко и человѣческимъ же голосомъ воспринимаемое имъ изъ устъ человѣческихъ! Голосъ или слово наше произвело на фонографъ извѣстное впечатлѣніе (начертило рядъ точекъ и линій); фонографъ, въ свою очередь, воспроизводитъ слово, передаетъ голосъ.

Всякое необычайное открытіе часто сопровождается разказами о случайностяхъ подававшихъ поводъ къ оному. Такъ и открытіемъ своего фонографа Эдисонъ обязанъ будто бы цилиндрической своей шляпѣ, въ которую случилось ему произносить слова, въ то время какъ руки его опирались на наружную сторону дна шляпы. Дрожаніе воздуха сообщалось послѣднему и пальцы могли ощущать большее или меньшее колебаніе, смотря по качеству произносимыхъ звуковъ. По другимъ разказамъ, Эдисонъ при опытахъ съ телефономъ, къ упругой пластинкѣ коего прикрѣплено было остріе, почувствовалъ сильный уколъ въ тотъ моментъ когда остріе, случайно касавшееся его пальца, пришло въ колебаніе отъ передачи разговора посредствомъ телефона. Если остріе подъ вліяніемъ человѣческаго голоса въ состояніи уколотъ палецъ до крови, сказалъ себѣ Эдисонъ, то оно конечно будетъ въ состояніи производить уколы на болѣе тонкомъ еще веществѣ чѣмъ кожа (напримѣръ на оловянной пластинкѣ), и слѣдовательно есть возможность передавать голосъ человѣческій! Какъ бы то ни было, несомнѣнно что Эдисонъ, коему всего тельерь тридцать одинъ годъ отъ роду и который давно уже извѣстенъ множествомъ своихъ изобрѣтеній (до сего времени взято имъ 157 привилегій), принадлежитъ къ числу величайшихъ геніевъ нашего времени по части механики, и много есть разказовъ какъ о его необычайной дѣятельности (онъ работаетъ около осьмнадцати часовъ въ сутки), такъ и о множествѣ различныхъ его изобрѣтеній въ области физики, механики и химіи. Замѣчательно что Эдисонъ, страдающій глухотой, сначала самъ не могъ разслышать звуковъ издаваемыхъ фонографомъ, и впервые показывая снаряда

своему пріятелю, просилъ выслушать фонографъ, который, по его мнѣнію, *долженъ говорить*. Впрочемъ, первоначальная мысль о снарядѣ могущемъ передать голосъ человѣческій высказана была французскимъ ученымъ г. Кро (Charles Cros). Въ залечатанномъ пакетѣ, переданномъ имъ Французской Академіи Наукъ 30го апрѣля 1877 года и вскрытомъ лишь 3го декабря того же года, изложена идея о приборѣ весьма похожемъ на нынѣшній фонографъ Эдисона: остроконечіе прикрѣпленное къ упругой пластинкѣ, подъ вліяніемъ человѣческаго голоса, рисуетъ на заколоченной стеклянной пластинкѣ разные знаки, которые потомъ переводятся рельефно (съ выуклостями и вогнутостями) на сталь, послѣ чего остріе, проходя по этимъ же знакамъ, воспроизводитъ человѣческую рѣчь.

Для полученія санкціи своего прибора отъ ученаго міра, Эдисонъ рѣшился представить его Парижской Академіи Наукъ. Никогда быть-можетъ знаменитое собраніе не отличалось большимъ оживленіемъ чѣмъ въ засѣданіи 11го марта 1878 года, когда посланный Эдисона, г. Паскесъ (Paskas) заставилъ говорить фонографъ. Громкія рукоплесканія, необычныя въ ученой корпораціи, раздались повсюду, но не надолго. Вскорѣ посылались ропотъ что Академія обманута г. Паскесомъ, обладающимъ будто бы искусствомъ чревоушанія (ventriloque) и что произноситъ слова не фонографъ, а онъ. На бѣду, академикъ Дюмениль, пожелавшій, для прекращенія сомнѣнія, самъ произвести опыты, оказался по непривычкѣ весьма неискusstvenнымъ; фонографъ не говорилъ, а издавалъ хрипъ, что еще болѣе укрѣпило въ мысли объ обманѣ. Прибѣгли наконецъ къ рѣшительному опыту: Паскеса заставили удалиться въ другую отдаленную залу и тамъ произнести слова въ фонографъ, послѣ чего послѣдній, *записавшись словами*, принесенъ былъ въ залу засѣданія и приведенъ во вращеніе. Блистательный успѣхъ разомъ прекратилъ всѣ сомнѣнія.

Читатели изъ описанія фонографа Эдисона могли убѣдиться въ удивительной простотѣ этого снаряда, не требующаго ни гальваническаго тока, ни иныхъ вспомогаельныхъ приборовъ и чрезвычайно простаго по идѣ. Тѣмъ не менѣе фонографъ въ настоящемъ своемъ видѣ еще весьма далекъ отъ совершенства и опыты съ нимъ требуютъ особой

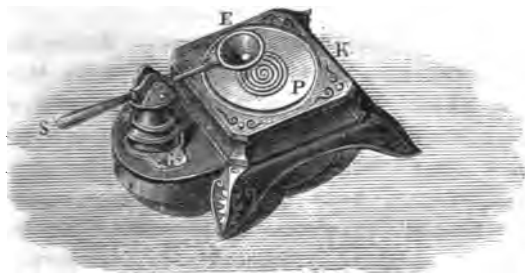
тщательности, безъ чего издаваемые имъ звуки, довольно глухие, слышимы бываютъ весьма слабо и не отчетливо. Весьма важно чтобы пластинка снабженная остриемъ обладала достаточною упругостью. Если вмѣсто металлической пластинки употребляется перепонка изъ искусственнаго пергамена (какъ дѣлается это въ фонографахъ изготовляемыхъ въ Москвѣ въ мастерской г. Швабе), то она должна быть тщательно выбираема, не имѣть жилъ и не заключать сырости, слѣдствіемъ которой бываетъ значительное ослабленіе упругости. Остріе должно быть неупругое, такъ какъ оно назначено лишь для передачи колебаній перепонки; съ этою цѣлью оно дѣлается довольно толстымъ сравнительно съ малою своею величиною. При началѣ опыта остріе должно быть тщательно установлено посредствомъ побочнаго винта, такъ чтобы оно попало въ винтовую нарезку, въ противномъ случаѣ оно не можетъ чертить углубленныхъ знаковъ. Прежде чѣмъ произносить слова, должно удостовѣриться достаточно ли глубока черта проводимая остриемъ на оловянномъ листкѣ; если глубина ея незначительна и слѣдовательно углубленія обозначающія разные звуки не ясны, то таково же будетъ и произношеніе фонографа. Въ такомъ случаѣ посредствомъ винта слѣдуетъ немного приблизить остріе къ цилиндру, наблюдая впрочемъ чтобы черты были не слишкомъ глубоки, въ противномъ случаѣ легко можетъ произойти разрывъ оловяннаго листа. Послѣдній лучше употреблять толстый чѣмъ тонкій; съ тонкими листами опыты удавались намъ хуже. Листъ долженъ быть обращенъ гладкою, полированной своею стороною къ острию, плотно облекать поверхность цилиндра, къ которому онъ краями своими прикрѣпляется лакомъ. Лакъ долженъ быть нанесенъ кистью весьма тонко, иначе малѣйшее отсюда происходящее въ одномъ мѣстѣ возвышеніе оловяннаго листка вредно отзывается на передачѣ звуковъ. Весьма важно соблюдать возможно-равномѣрное вращеніе во время обоихъ періодовъ опыта. Если желательно чтобы слова говорящаго или мелодія передаваемые были фонографомъ совершенно съ тою же высотой тона, тѣмъ же тембромъ и тѣми же модуляциями, то необходимо вертѣть ручку съ тою же скоростью какъ и во время произнесенія звуковъ въ отверстіе воронки. Если же вращеніе во второй періодъ опыта произведено

будетъ вдвое скорѣе чѣмъ въ первый, то произнесенная рѣчь или мелодія передана будетъ фонографомъ ясно, но октавой выше. Существенный вредъ оказываетъ неравномѣрное вращеніе, слова слышны бываютъ весьма неясно, а мелодія измѣняется до неузнаваемости. Хотя, благодаря маховому колесу, ошибки въ равномѣрности вращенія цилиндра уменьшаются, но очевидно что ошибки эти могутъ быть совершенно устранены лишь вращеніемъ цилиндра посредствомъ особаго часоваго механизма. По Эдисону наилучшая скорость вращенія фонографа—80 оборотовъ въ минуту. Говорить въ отверстіе воронки надлежитъ приближая губы къ самому отверстию; слова должны быть произносимы громко и отчетливо, причемъ полезно тотъ и нѣсколько разнообразить. Низшіе тоны (басъ) передаются болѣе отчетливо. Особенно хорошо передаются фонографомъ слова краткія и изобилующія буквами: а, о, у, въ особенности же р (напримѣръ: здѣрь-вѣ рѣбѣ-тѣ, нѣ-прѣ-вѣ, ѳ-рѣ, разъ, два, три и т. л.). Мелодіи передаются очень отчетливо если только вращеніе цилиндра равномѣрное.

Мы сказали что посредствомъ фонографа слова и звуки могутъ быть вновь воспроизведены сколько угодно разъ и черезъ произвольные промежутки времени. Еслибы дѣйствительно такъ было, то заставивъ, на примѣръ, знаменитую лѣвицу лѣтъ въ фонографъ, сохранивъ оловянный листокъ, навертѣвъ его олять на цилиндръ фонографа и вращая съ тою же скоростью какъ было во время лѣвня, мы слушая много лѣтъ могли бы наслаждаться дивными звуками сколько угодно разъ. Такъ выходитъ по теоріи, но иное на практикѣ. Оказывается что оловянный листокъ, при снятіи съ цилиндра, почти всегда рвется на куски и кромѣ того всѣ точки и черточки проведенныя на немъ остриемъ весьма скоро стираются и теряютъ свою рельефность, такъ что заставляя фонографъ повторять фразу или мелодію въ третій разъ, мы уже едва могли различить то что съ перваго раза снарядъ передавалъ весьма отчетливо. Кромѣ того, довольно трудно вертѣть ручку фонографа съ совершенно такою же скоростью какъ въ первый разъ.

Эти затрудненія недавно устранены отчасти Эдисономъ посредствомъ новаго устроеннаго имъ фонографа, въ коемъ остріе скользитъ не по винтовымъ нартзкамъ цилиндра, а по

таковымъ же, проведеннымъ на плоскомъ листѣ олова или тонкой мѣди. На фиг. 5й изображенъ этотъ листъ налагаемый на круглую пластинку Р, на которой находится спиральная наръзка; пластинка приводится во

(Фиг. 5).

вращеніе съ извѣстною скоростью посредствомъ часового механизма, находящагося внутри ящика К. Поверхъ листа находится рычагъ SE, снабженный при E воронкой съ упругою пластинкой и остриемъ, какъ въ обыкновенномъ фонографѣ. Если вообразимъ себѣ что тотъ же часовыи механизмъ который вращаетъ листъ Р сообщаетъ прямолинейное движеніе рычагу SE, притомъ такъ что при полномъ оборотѣ листа Р рычагъ поступаетъ впередъ лишь на ширину спиральной наръзки, то-есть на разстояніе равное разстоянію одного спиральнаго витка отъ другаго, то очевидно что при такомъ вращеніи листа совокупномъ съ движеніемъ рычага, остріе, будучи при началѣ опыта установлено въ центрѣ спирали, во время всего дѣйствія часоваго механизма будетъ прикасаться къ спиральнымъ наръзкамъ, а во время произнесенія словъ или лѣсни въ отверстіе воронки E будетъ чертить знаки. При повтореніи движенія, начиная отъ центра, остріе вновь принуждено будетъ двигатся по спиральной наръзкѣ, и передавать намъ начертанные имъ же прежде звуки.

При подобномъ устройствѣ фонографа листъ снимается съ него несравненно легче и знаки остаются на немъ долѣе. Кромѣ того, разъ полученный на листѣ отпечатокъ можетъ легко быть воспроизведенъ въ произвольномъ числѣ экземпляровъ посредствомъ гальваноластики и потому сохраняться сколько угодно времени. Равномѣрность вращенія во время опыта, благодаря часовому механизму, соблюдается совершенно, и очевидно что скорость этого вращенія весьма легко воспроизвести черезъ какое угодно время, если извѣстно

число колесъ, число зубцовъ на каждомъ и величина движущей силы.

Посредствомъ своего усовершенствованнаго фонографа Эдисонъ надѣется достигнуть того что можно будетъ *фонографически* печатать цѣлыя сочиненія, а потомъ заставлятъ фонографъ читать намъ ихъ. Такимъ образомъ мы болѣе не будемъ нуждаться ни въ типографскомъ наборѣ, ни въ чтецѣ, ни даже въ глазахъ, такъ какъ и слѣпые одинаково могутъ пользоваться чтеніемъ фонографа. Слышно что Эдисону удалось уже фонографически отпечатать на одной пластинкѣ повѣсть въ 50.000 словъ, причемъ на одномъ квадратномъ дюймѣ удобно помѣщаются 400 словъ. Эдисонъ разказываетъ что лаборантъ его могъ легко понимать нѣсколько столбцовъ газетной статьи, произнесенной въ фонографѣ въ его отсутствіи однимъ лицомъ, причемъ затруднялся только когда вопросъ касался произношенія этого лица. По мнѣнію Эдисона это не бѣда, такъ какъ фонографъ произносить рѣчь иногда лучше чѣмъ человекъ (!), ибо послѣднему не достаетъ часто зубовъ, а иногда и самъ языкъ не довольно поворотливъ и губы исполняютъ свою обязанность не совсѣмъ исправно.

Впрочемъ мы долгомъ считаемъ предостеречь нашихъ читателей отъ чрезмѣрно увеличенныхъ и подъ часъ совершенно фантастическихъ разказовъ о фонографѣ, коими изобилуетъ американская печать и отъ коихъ не совсѣмъ свободенъ даже мемуаръ самого Эдисона, помѣщенный въ *North-American Review* (май и июнь 1878 года). Если вѣрить этимъ разказамъ, то примадоннѣ нѣтъ болѣе нужды лично исполнить ангажементы, а достаточно ей прислать въ любую дирекцію оловянный листокъ на коемъ отчеканенъ ея дивный голосъ. По словамъ Эдисона, фонографъ можетъ служить учителемъ музыки; можетъ передать завѣщаніе долгое время послѣ смерти завѣщателя и его же голосомъ. Нынѣшнее наше произношеніе на разныхъ языкахъ, благодаря фонографу, передастся изъ рода въ родъ и не можетъ теряться подобно произношенію Грековъ и Римлянъ. Часы не станутъ болѣе тревожить насъ ударами колокола или звонка, но учтиво повѣдаютъ намъ человѣческимъ голосомъ который часъ и т. п. Все это можетъ быть со временемъ, но пока фонографъ требуетъ еще много усовершенствованій для того чтобы въ него не нужно было говорить почти крикомъ и чтобы произ-

носимыя имѣ слова были слышны ясно и не напоминали бы собою звуки лудьчинеля.

Эдисонъ прилагаетъ колебанія упругой пластинки не только къ воспроизведенію, но и къ передачѣ человѣческаго голоса на значительное разстояніе и притомъ чрезвычайно усиленно. Въ устроенномъ имѣ *аэрофонѣ* пластинка, вмѣсто того чтобы записывать слова наши на листкѣ, открываетъ и закрываетъ клапанъ паровой трубы и паръ воспроизводитъ громовымъ голосомъ слова произнесенныя въ аэрофонѣ даже тихимъ голосомъ и передаетъ ихъ на нѣсколько верстъ. Этимъ приборомъ Эдисонъ надѣется достигнуть того что оратору возможно будетъ держать рѣчь предъ множествомъ народа на открытомъ воздухѣ: для этого стоить лишь помѣстить близъ него малую паровую машину съ аэрофономъ. Съ судовъ возможно будетъ передавать громко приказанія; локомотивъ на полномъ ходу будетъ сообщать текуція новости и конечно громче всякихъ газетъ, и т. д.

На дняхъ журналы принесли намъ новое извѣстіе: Эдисонъ заставляетъ человѣческій голосъ производить механическое дѣйствіе, могущее въ свою очередь служить ему мѣрителемъ. Посредствомъ *фонометра*, состоящаго главнымъ образомъ также изъ воронки имѣющей на днѣ упругую пластинку, онъ заставляетъ волны звука нашего голоса производить вращеніе колеса. Вращеніе это, по словамъ Эдисона, во время произнесенія словъ, столь быстро что для остановки колеса придется употребить значительную силу, и механическая сила колеса столь велика что легко можетъ быть употребляема для просверленія дыры въ доскѣ.

III.

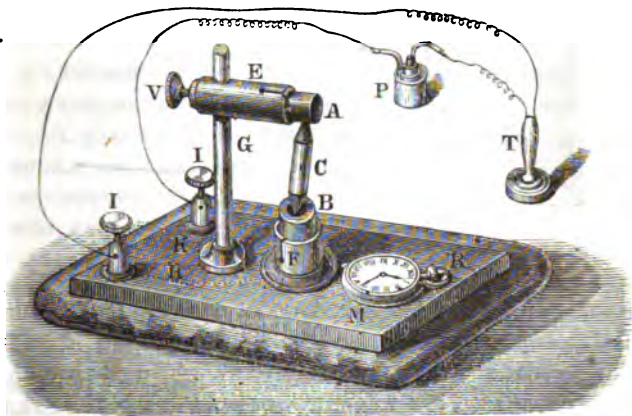
Изобрѣтеніемъ *микрофона*, которому, безъ сомнѣнія, предстоитъ столь же блестящая будущность какъ телефону и фонографу, мы обязаны изобрѣтателю печатающаго телеграфа Юзу (Hughes). Изобрѣтеніе это основано на одномъ явленіи, въ высшей степени интересномъ и важномъ, совершенно случайно подмѣченномъ имъ въ маѣ 1878 года. Уже давно извѣстно было что температура оказываетъ вліяніе на электрическую проводимость различныхъ тѣлъ. Замѣчено было также и вліяніе въ этомъ отношеніи лучей свѣта: такъ, бѣлая или меньшая степень освѣщенія куска селенія

(selenium) отзывается на способности этого вещества проводить гальваническій токъ. Такъ какъ, по современному учению, теплота, свѣтъ и электричество суть не что иное какъ разныя формы колебанія вещества (въсемой матеріи и невѣсогомаго эфира), то Юзу пришло на мысль испытать, не вліяетъ ли передача проволокой звуковыхъ волнъ на способность ея проводить гальваническій токъ. Если да, то измѣненіе силы тока должно бы дѣйствовать на телефонъ и послѣдній долженъ былъ бы передавать намъ звукъ. Долгое время опыты Юза съ туго-натянutoю проволокой оставались безуспѣшными; но къ счастью, по причинѣ сильнаго натяженія, проволока порвалась. Не желая пріостановить опытъ, Юзъ наскоро связалъ другъ съ другомъ порвавшіеся концы и къ удивленію своему замѣтилъ что послѣ перерыва проволоки телефонъ началъ передавать звуки гораздо лучше. Подробно изслѣдуя это явленіе, онъ скоро убѣдился что передача телефономъ звуковъ происходитъ всего лучше въ то время когда концы проволоки очень легко прикасаются другъ къ другу, а еще лучше когда они взаимно находятся даже въ нѣкоторомъ разстояніи, и между ними, *касаясь ихъ слегка*, находится другое вещество, хорошо проводящее электричество, напимѣръ, желѣзная или мѣдная пластинка или кусокъ угля. Малѣйшій звукъ или шумъ производимый близъ этого куска угля, заставляетъ естественно послѣдній колебаться (хотя колебанія эти для глаза и незримы). Слѣдствіемъ этихъ колебаній бываетъ большее или меньшее соприкосновеніе между собою проводниковъ тока, а потому послѣдній встрѣчаетъ въ цѣли различное сопротивленіе, а слѣдовательно и сила его мѣняется. Но, какъ мы уже объяснили выше, послѣднее обстоятельство вліяетъ на магнетизмъ бобины телефона, а потому пластинка послѣдняго передаетъ намъ даже такіе звуки кои человѣческимъ ухомъ не слышны (напимѣръ ходъ мухи, треніе между колесами карманныхъ часовъ, и т. д.) и передача эта можетъ совершаться на далекія разстоянія.

Изъ сказаннаго нами читатели поймутъ всю важность открытія Юза и вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрятъ что самъ микрофонъ долженъ представлять собою довольно простой и малоцѣнный приборъ, который всякій можетъ самъ устроить. Для этого стоить, напимѣръ, на два бруска угля (подобные тѣмъ кои употребляются для электрическаго освѣщенія) поло-

жить слегка третій брусокъ, и снарядъ готовъ. Остается каждый изъ первыхъ двухъ кусковъ угля соединить съ полюсами батареи (достаточно двухъ, трехъ элементовъ Бунзена или Лекланше) и въ цѣпь ввести телефонъ.

Несмотря на недавность изобрѣнія, мы имѣемъ нѣсколько системъ микрофоновъ. Ограничимся описаніемъ двухъ, наиболѣе употребительныхъ и дающихъ очень хорошіе результаты. Фигура 6 представляетъ микрофонъ сдѣланный Гефомъ

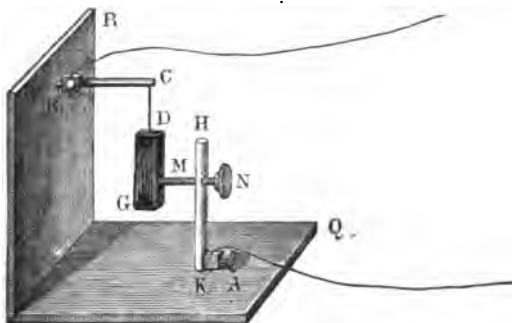

(Фиг. 6.)

(Gaiffe—парижскій механикъ). На деревянной дощечкѣ R устанавливается малый угольный цилиндръ B въ металлической трубкѣ F. Металлическая стойка G снабжена наверху металлическою трубкой E, въ которую вставляется другой кусочекъ угля A. Оба куска угля A и B имѣютъ маленькія углубленія, въ кои вставляется третій заостренный уголекъ C. Посредствомъ винта V, уголь A устанавливаются такимъ образомъ чтобы цилиндръ C слегка прикасался углемъ A и B. (Во время опыта легко узнается при какомъ наклонѣ угольного цилиндра C получается наилучшій результатъ.) Два металлическихъ винта I, I, соединенные такими же проволоками K и R съ металлическими стойками F, G, служатъ для проведенія электродовъ гальванической батареи P, соединенной также съ телефономъ T. Поставивъ предварительно микрофонъ на вату или войлокъ, на дощечку R можно положить карманные часы M, и если мы даже въ весѣмъ отда-

ленномъ мѣстѣ приблизимъ къ уху телефонъ Т, то не только весьма отчетливо услышимъ бой часовъ, но даже треніе ихъ колесъ.

Другой еще болѣе простой микروفонъ представляетъ на фигурѣ 7. Нижняя дощечка PQ снабжена металлическимъ

(Фиг. 7).

стержнемъ КН съ винтомъ NM. Къ другой вертикальной деревянной дощечкѣ PR прикрѣплена металлическая упругая лента BC (напримѣръ платиновая), на которой привѣшенъ угольной брусокъ DG. Къ клеммамъ A и B проводятся электроды батареи. При началѣ опыта винтъ NM устанавливается такъ чтобы конецъ его M слегка прикасался къ угольному параллелепипеду DG. При малѣйшемъ сотрясеніи микрофона (напримѣръ если провести слегка по дощечкѣ PQ бородкой пера или поставить на ней маленькій ящичъ въ космѣ залерта муха) уголь GD начинаетъ колебаться (хоть не видно для глаза) и стало-быть токъ начинаетъ испытывать разное сопротивленіе, обнаруживаемое звукомъ въ телефонѣ. Этого мало: малѣйшій шумъ (напримѣръ хожденіе человѣка возлѣ телефона и сотрясеніе пола) заставляетъ уголь GD колебаться, причиняетъ перерывъ тока, обнаруживаемый чуть видимыми искрами въ точкѣ перерыва M. Тѣмъ не менѣе этого уже достаточно чтобы телефонъ, помѣщенный въ значительномъ отъ микрофона разстояніи, издавалъ весьма рѣзкій звукъ, раздающійся на всю комнату и похожій на шумъ слышимый при кипѣніи воды въ паровомъ котлѣ, или же на звукъ который при зацѣплѣніи своемъ издають большія металлическія зубчатые колеса. Вообще же, касательно свойства передачи нашему уху малѣйшихъ звуковъ, микروفонъ играетъ ту же роль что

и микроскопъ для глаза, и по всѣмъ вѣроятностямъ, благодаря этому удивительному прибору, нашему органу слуха откроется сфера звуковъ о какихъ человѣкъ до сего времени не только не имѣлъ лонятія, но и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Уже зоологами высказана мысль изслѣдовать посредствомъ микрофона музыкальный органъ скорпіона, а ботаники намѣреваются услышать *травъ прозябаніе*! И все это—снарядомъ умищающимся на ладони!

Когда 23 мая нынѣшняго года опыты съ микрофономъ повторены были въ Лондонскомъ Телеграфномъ Обществѣ, и телефонъ находившійся въ отдаленной комнатѣ передавалъ весьма отчетливо слова произнесенныя тихо предъ микрофономъ, то присутствовавшій въ засѣданіи извѣстный лордъ Аргайль (Argyle), справедливо восхищаясь новымъ изобрѣтеніемъ, воскликнулъ: „Если снарядъ можетъ до такой степени быть чувствительнымъ, то онъ весьма опасенъ. Мы, напримѣръ, находимся въ Downing-Street и если теперь происходитъ засѣданіе министровъ въ кабинетъ ея величества и въ карманѣ одного изъ министровъ находится микрофонъ, то намъ отсюда легко могутъ быть слышны всѣ секреты и такимъ образомъ кабинетная тайна вскорѣ можетъ распространиться по всей Европѣ!“ Опытъ недавно произведенный въ Галифаксѣ какъ бы оправдываетъ опасенія благороднаго лорда: на кафедрѣ знаменитаго проповѣдника одной изъ церквей помѣщенъ былъ микрофонъ, соединенный посредствомъ проволокъ съ батареей и телефономъ, находившимся близъ постели больного; послѣдній могъ явственно разслышать не только проповѣдь, но и молитвы и пѣніе и это—на разстояніи почти трехъ верстъ! Въ швейцарскомъ городѣ Беллинзонѣ, на театрѣ коего, 19го іюня сего года, давалась опера *Don-Pasquale*, въ одной изъ ложъ бель-этажа, близъ сцены, помѣщенъ былъ микрофонъ, соединенный посредствомъ двухъ проволокъ 1½ миллиметра толщины съ четырьмя телефонами, находившимися въ одной изъ театральныхъ залъ, куда звуки со сцены проникнуть не могли; въ цѣль введены были лишь два малые гальваническіе элемента. Опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: лицамъ снабженнымъ телефонами не только совершенно явственно слышна была каждая нота издаваемая инструментами или пѣвицами, но и слова каждой аріи; послѣднія воспроизводились совершенно вѣрно и отчетливо, со всѣми отбѣнками *piano* и *forte* и, по заявленію участвовавшихъ въ

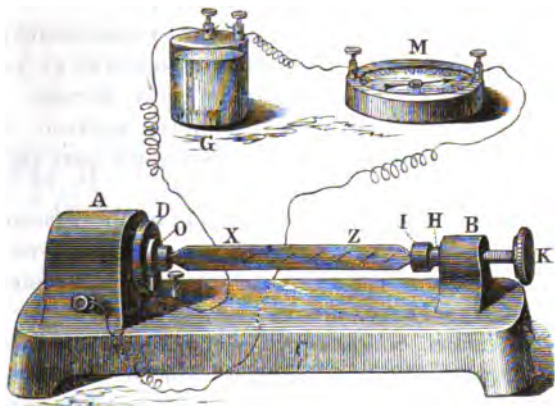
опытъ лицъ, музыкальныя красоты, достоинства голосовъ пѣвцовъ и пѣвицъ и вообще ходъ лѣсы они могли оцѣнить столь же хорошо, какъ и публика находившаяся въ залѣ гдѣ происходило представленіе.

Но этимъ не ограничивается примѣненіе микрофона. Весьма важныя услуги онъ можетъ оказать въ медицинѣ и хирургіи. Біеніе пульса, ритмическое біеніе сердца могутъ быть имъ передаваемы медику, находящемуся даже въ далекомъ разстояніи и послѣдній имѣетъ возможность сообщить посредствомъ телефона свои совѣты больному. Подобныя опыты недавно сдѣланы были въ Англіи докторомъ Ричардсономъ и самимъ Юзомъ, и хотя результаты были не вполне удачны, но нужно надѣяться что весьма чувствительный микрофонъ, спеціально для этого недавно придуманный парижскимъ механикомъ Дюкрете, приведетъ къ желаемой цѣли. Гораздо удачнѣе оказалось примѣненіе микрофона къ распознаванію каменной болѣзни и вообще присутствія въ тѣлѣ твердыхъ постороннихъ веществъ. Соединивъ зондъ съ микрофономъ, знаменитый англійскій хирургъ Генри Томпсонъ могъ узнать присутствіе въ мочевомъ пузырѣ малѣйшихъ даже песчинокъ. По опытамъ профессора Мааса во Фрейбургѣ, зондъ соединенный съ микрофономъ не только можетъ указывать на присутствіе въ организмѣ малѣйшихъ постороннихъ тѣлъ, но даже изъ какого вещества состоятъ эти тѣла: опытное ухо каждый разъ слышитъ различный звукъ, смотря по тому ударяется ли зондъ просто о стѣнки раны, или же о кость, камень, металлъ или стекло.

Въ заключеніе мы познакоимъ читателей съ весьма важнымъ снарядомъ, недавно изобрѣтеннымъ Эдисономъ и названнымъ имъ *микро-тазиметромъ* (измѣритель малыхъ давленій). Снарядъ этотъ обнаруживаетъ намъ малѣйшія измѣненія давленія, а посредствомъ ихъ и чрезвычайно малыя измѣненія температуры, совершенно недоступныя существующимъ нынѣ термометрамъ и даже термо-мультипликатору. Идею которою руководился Эдисонъ легко понять изъ вышесказаннаго измѣненія электрической проводимости разныхъ тѣлъ отъ дѣйствія теплоты. Но такъ какъ увеличеніе или уменьшеніе послѣдней производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе или сокращеніе въ тѣлахъ, то понятно что послѣднее свойство, въ свою очередь, обуславливаетъ измѣненіе въ электрической проводимости того вещества на которое оказы-

ваетъ давленіе другое тѣло, удлиняющееся вслѣдствіе нагрѣванія.

Устройство микро-тазиметра, наминающее собою микрофонъ, состоитъ въ слѣдующемъ (фигура 8): на подставкѣ С

Фигура 8.

утверждены неподвижно два металлическіе устоя А и В. Тонкій угольный кружокъ D придерживается плотно къ устою А посредствомъ цилиндрика О, снабженнаго гнѣздомъ, въ которое вкладывается одинъ конецъ того вещества XZ удлиненіе отъ теплоты коего мы хотимъ испытать. Другимъ своимъ концомъ тѣло улирается въ гнѣздо I, сдѣланное въ винтѣ НК, движущемся внутри устоя В. Винтъ этотъ устанавливаются такъ чтобъ испытуемое тѣло своими концами плотно улиралось въ оба гнѣзда О и I. Къ устою А и платиновому цилиндрику О идутъ проволоки отъ гальваническаго элемента G и кромѣ того въ токъ введенъ гальванометръ М. Какъ видно изъ чертежа, токъ вынужденъ проходить чрезъ угольный кружокъ D. Вообразимъ себѣ что при самомъ началѣ опыта, при извѣстномъ давленіи тѣла XZ на кружокъ D, гальваническій токъ имѣетъ извѣстное напряженіе, отклонившее магнитную стрѣлку гальванометра М на извѣстное число градусовъ. Легко видѣть что при малѣйшемъ измѣненіи длины тѣла XZ (вслѣдствіе измѣненія температуры или иныхъ причинъ) давленіе производимое имъ на угольный кружокъ D измѣнится. Слѣдствіемъ этого будетъ измѣненіе и электрической проводимости послѣдняго, обнаруживаемое передвиженіемъ магнитной стрѣлки. Какова чувствительность этого

снаряда можно видѣть изъ слѣдующаго: если между устоями положить кусокъ каучука и приблизить руку на разстояніи даже нѣсколькихъ дюймовъ, то стрѣлка отклоняется на нѣсколько градусовъ. Охлажденіе испытуемаго тѣла производить движеніе стрѣлки въ обратную сторону. Если же тазиметръ соединить съ отражательнымъ гальванометромъ В. Томсона, то приближенія руки къ положенному въ тазиметръ каучуковому бруску на разстояніи даже восьми дюймовъ достаточно чтобы такъ сильно отклонить зеркало гальванометра что лучъ свѣта совершенно выходитъ изъ предѣловъ скалы.

Эдисонъ надѣется примѣнить свой микро-тазиметръ къ измѣренію весьма малыхъ движеній и дать чрезъ это нашимъ барометрамъ, термометрамъ и гигрометрамъ небывалую до сего времени чувствительность.

Вообще телефонъ, микрофонъ и фонографъ, въ особенности же два первые, вводятъ насъ въ новую область изслѣдованій. Кромѣ практическихъ приложений имъ вѣроятно предстоятъ важныя научныя примѣненія къ распознаванію такъ-называемыхъ молекулярныхъ силъ.

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВНЫЙ*

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

IX.

Повѣдка ликникомъ съ Олжанекой и Аннетъ, съ Луховецкими и съ ихъ знакомыми вовсе не общала Безбѣдному такъ много удовольствія чтобъ изъ-за этого стоило ссориться съ Липочкой. Еслибъ она съ самаго начала попросила его отказаться, онъ вѣроятно уступилъ бы ея желанію. Но выходка Олжанской его озлобила, а тяжелые упреки Липочки раздражили его упрямство. Онъ не любилъ уступать когда отъ него требовали. Притомъ написать къ Олжанской такое письмо какого хотѣла Липочка значило бы навсегда потерять Аннетъ и разорвать съ ея отцомъ, съ этимъ миллионеромъ Каричемъ, которому молодой адвокатъ въ сущности былъ обязанъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Съ такими людьми не разрываютъ если не хотятъ сойти со сцены. Наконецъ самое требованіе представлялось Безбѣдному унижительною и онъ былъ того мнѣнія что одна подобная уступка навсегда испортитъ его положеніе.

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* №№ 11 и 12ѣ 1877 и 1, 2, 3, 5, 9 и 10ѣ 1878.

„Откуда у нея взялся такой характеръ? Эта несчастная идея выйти за меня замужъ положительно сведеть ее съ ума! думалъ онъ подъ впечатлѣніемъ только что разыгравшейся сцены.

Къ завтраку Лилочка не вышла и онъ увѣхалъ не повидавшись съ нею. Олжанская тотчасъ замѣтила что онъ не въ духѣ и догадалась что у него дома произошло непріятное объясненіе.

— Я не могу поблагодарить васъ за то что вы сдѣлали! сказалъ онъ ей сухо.—Я васъ просилъ не предпринимать безъ меня ничего для этого вашего проекта.

— Это выговоръ? сказала нѣсколько формализованная такимъ тономъ Олжанская; но тотчасъ улыбаясь прибавила:— Всегда немножко сердатся на доктора въ ту минуту какъ льютъ скверное лѣкарство. Послѣ вы скажете что я была права и что я спасла васъ. Но пожалуста не дѣлайте такого сурового лица, вы насъ всѣхъ заморозите своимъ видомъ.

Аннетъ, только что окончившая свой туалетъ, выбѣжала изъ уборной такая свѣжая и блистающая, точно сегодняшнее солнце сосредоточило на ней самые горячіе свои лучи. При видѣ нахмуреннаго лица Безбѣднаго она вдругъ громко расхохоталась.

— Что съ вами? Можно подумать что вы только что встрѣтились съ покойнымъ барономъ Грабенонъ! безжалостно бросила она ему.

Безбѣднаго передернуло. Онъ ужасно не любилъ намековъ на послѣднее его столкновеніе съ барономъ и не сомнѣвался что Аннетъ именно хотѣла наломнить ему о баронскомъ хлыстѣ. Онъ зналъ что несмотря на всѣ принятые имъ мѣры свѣдѣніе объ этомъ хлыстѣ проникло въ кружки его знакомыхъ и безъ сомнѣнія Аннетъ тоже кое-что слышала. Во всякомъ случаѣ онъ нашелъ ея шутку очень гаулою и неумѣстною.

— Нѣтъ, я съ нимъ не встрѣчался, отвѣтилъ онъ нѣсколько вызывающимъ тономъ.

Аннетъ сдѣлала гримаску губами.

— Ну, не будьте букой, сказала она.—Я ни за что не хотѣла бы чтобы вы мнѣ испортили сегодняшнюю прогулку. Еще въ первый разъ такой чудный день. Или можетъ-быть на васъ погода производить обратное дѣйствіе? Имѣйте въ

виду что вы берете меня къ себѣ въ шарабанъ, добавила она, улыбнувшись глазами и ямочками на уголкахъ рта.

Къ крыльцу подъѣхало великолѣпное ландо, изъ котораго вышла Полина, вся блистающая красотой и изяществомъ и „идеей“ своего необычайнаго дачнаго туалета (въ счетъ признанномъ ей модисткой такъ и стояло: *idée* 50 r.). Волынский, сидѣвшій визави и первый выскочившій изъ экипажа, съ нѣсколько преувеличенною деликатностью поддержалъ ее подъ локоть, тогда какъ Кокò, стоя на подножкѣ, отдавалъ кучеру какія-то сложныя приказанія на англійскомъ языкѣ. Онъ только наканунѣ нанялъ кучера-Англичанина и теперь его ужасно безлокоило чтобы рѣшительно всѣ и какъ можно скорѣе объ этомъ узнали. Держать кучера-Англичанина представлялось ему въ такой же степени высоко-фашионабельнымъ какъ и имѣть выѣзднаго негра.

— Ну, я не знаю зачѣмъ вы взяли съ собой этотъ макферланчикъ, процѣдилъ онъ сходя и зацѣпивъ ногой за длинный горохового цвѣта плащъ, который Волынский по привычкѣ опытнаго ревматика всюду возилъ за собою.

Кокò въ послѣднее время при всемъ своемъ благоговѣнн къ Волынскому сталъ обращаться съ нимъ съ нѣкоторою вольностью и даже позволялъ себѣ трунуть надъ простѣю его министерскихъ бакеновъ и надъ предосторожностями его противъ петербургскаго климата и невской воды.

— Вы меня совсѣмъ нынче забыли, Евгенийъ Саввичъ, сказала Полина, подавая руку Безбѣдному. — На васъ впрочемъ всѣ жалуются, вы никого не хотите знать. *Mais vous allez toujours bien?* добавила она, внимательно прищуривъ на него свои русалочные глаза.

Адвокатъ отвѣтилъ обычною фразой.

— А бѣдный баронъ какъ ужасно кончилъ! продолжали Полина. — Мнѣ говорили что его смерть произвела на васъ очень тяжелое впечатлѣнiе. Вѣдь это случилось почти на вашихъ глазахъ?

„Чего они всѣ хотятъ отъ меня съ этимъ барономъ?“ внутренно озлобляясь подумалъ Безбѣдный.

Ученый полковникъ, съ наглостью свойственною всѣмъ шибко-преуслѣвающимъ людямъ, опоздалъ на цѣлый часъ и заставилъ все общество ждать себя. Небрежно извинившись, онъ объяснилъ что долженъ былъ съѣздить въ городъ получить какія-то деньги, и въ доказательство вытащилъ изъ кар-

мана толстѣйшую пачку ассигнацій, вложенную въ книжку чековъ.

— Ахъ, сколько денегъ! восторженно сказала Олжанская и по лицу ея словно пробѣжали солнечные лучи. Она ужасно любила видѣть такія толстыя пачки.

— Пс! произнесъ Кокò, какъ-то безпокойно шевеля пальцами.

Ученый полковникъ, улыбаясь и чуть-чуть покачивая затянутымъ станомъ, медленно засовывалъ деньги назадъ въ карманъ.

Общество наконецъ разсѣлось въ экипажахъ. Полковникъ взялъ Олжанскую въ свою коляску, Аннетъ сѣла съ Безбѣднымъ въ тарабанъ, а въ ландо попрежнему размѣстились Полина съ мужемъ и Воыинскій. Такимъ образомъ Кокò оказывался какъ бы сверхъ комплекта и потому находилъ что все это очень скучно.

— Отчего ты не пригласила Дину Ловацкую? Elle est très bien, по крайней мѣрѣ мнѣ было бы съ кѣмъ разговаривать попрекнулъ онъ жену.

— Она носить трауръ по барону, возразила съ легонькимъ оттѣнкомъ злословія Полина.

Воыинскій только усмѣхнулся, представляя себѣ Кокò разговаривающимъ съ Диной.

— Въ другой разъ ты ужъ самъ позаботься приглашать для себя дамъ, сказала мужу Полина.

— Пс, стану я еще! процѣдилъ Кокò, толкая ногами лопы горохового макферланчика, который онъ кажется окончательно сегодня возненавидѣлъ.

Аннетъ и Безбѣдный ѣхали позади всѣхъ. Солнце лежало немилосердно, такъ что безъ зонтика было неудобно и Аннетъ бросила вожжи.

— Вы замѣтили туалетъ мадаме Луховецкой? спросилъ ее Безбѣдный.

— Не дурно, отвѣтила съ небрежною снисходительностью Аннетъ. Но въ сущности она была совсѣмъ поражена и раздражена элегантностью этого туалета и мысленно рѣшила непремѣнно шить тамъ же гдѣ шьетъ Полина. Она никакъ не хотѣла признать что тутъ много помогаютъ ростъ и талія Полины и приписывала все исключительно удачному выбору модистки.

— Я знаю отчего вы сегодня такъ не въ духѣ, пере мѣнила

она, разговоръ и сбоку взглянула на Безбѣднаго уголкомъ глаза.—Кто-то былъ очень недоволенъ что вы идете съ нами и сдѣлаетъ вамъ маленькую *scène du boudoir*...

— Я действительно очень не люблю никакихъ сценъ, отвѣтилъ Безбѣдный.

— И что жь, вамъ сильно досталось? продолжала съ задержаннымъ смѣхомъ Аннеть.

— Не знаю почему это можетъ васъ интересовать.

— Очень можетъ, потому что это опредѣляетъ вашъ характеръ. Теперь я знаю что женскіе капризы на васъ сильно дѣйствуютъ и что это хорошее средство держать васъ въ рукахъ, объяснила Аннеть.

Безбѣдный ничего не отвѣтилъ и подумалъ, не слишкомъ ли преждевременна такая предусмотрительность? Аннеть по этому молчанію сообразила что сегодня ей вовсе не сѣдуетъ дразнить молодого адвоката. Такъ какъ экипажи въ это время въѣхали въ тѣнистую аллею, то она опустила зонтикъ и чтобы сѣсть поудобнѣе выставила изъ-подъ юбки обѣ ножки, обутыя въ изящныя туфельки и розовые чулки.

— Я шучу, сказала она.—Я ненавижу женщинъ дѣлающихъ сцены. Мужчина женясь всегда нѣчто теряетъ, кругъ его личной жизни суживается, онъ имѣетъ право требовать по крайней мѣрѣ полная *bien-être* въ этомъ маленькомъ пространствѣ, отпущенномъ ему взамѣнъ холостой воли. Право, если я рѣшусь выйти замужъ, то только потому что могу предложить мужу очень сожженное вознагражденіе за то что онъ потеряетъ и сумѣю сдѣлать такъ что онъ потеряетъ очень не много.

— Я думаю что онъ очень много выиграетъ, возразилъ Безбѣдный.

Аннеть повела на него своимъ бархатнымъ взглядомъ.

— Да, кое-что... Богатство—это вѣдь что-нибудь значить? И характеръ очень удобный для того чтобы создать домашнее *bien-être*. Вамъ не кажется что я слишкомъ расхваливаю себя?

— Напротивъ, я нахожу что вы умалчиваете о самомъ главномъ: о вашей молодости и красотѣ, возразилъ Безбѣдный.

Аннеть переставила ножки повыше, на лакированный щитокъ шарабана.

— Я не замѣчала чтобы вы были высокаго мнѣнія о моей

красотѣ, сказала она. — Впрочемъ вѣдь ваше сердце уже не свободно...

— Такого рода свобода—очень относительная вещь, уклончиво отвѣтилъ Безбѣдный.

Аннетъ опять повела на него бархатными глазами.

— Развѣ ваша телерешная привязанность не совершенно серьезная? поставила она тотъ же вопросъ.

Безбѣдный въ смущеніи поглядѣлъ на развѣвающеся по вѣтру перо Полины, вѣхавшей вперед.

— Я вамъ опять скажу: все это очень относительно, отвѣтилъ онъ.—По-моему между бракомъ и другими отношеніями такая большая разница...

— Но когда любишь серьезно, развѣ можно думать о бракѣ съ другою женщиной? возразила Аннетъ, обнаруживая намѣреніе довести его такъ или иначе до опредѣленнаго отвѣта.

— Чтѣ значитъ любить серьезно? переставилъ вопросъ Безбѣдный.—Я не считаю своего чувства минутною прихотью, но бракъ соединяетъ такъ много другихъ существенныхъ условій что я не позволялъ бы себѣ жениться по указанію одного только чувства. Я слишкомъ разсудительный человѣкъ, какъ вы знаете, и немножко даже матеріальный.

Аннетъ сбоку посмотрѣла на него и одобрительно пошевелила головой.

— Я не могу сказать чтобъ очень близко васъ знала, Евгенийъ Саввичъ, но вы мнѣ внушаете довѣріе, сказала она съ легкимъ оттенкомъ застѣнчивости, съ какимъ обыкновенно молодыя дѣвушки высказываютъ очень искреннія, душевные вещи.—То-есть понимаете, именно мнѣ, въ томъ смыслѣ что мы на самое серьезное въ жизни смотримъ совершенно одинаково и кажется всегда будемъ въ состояніи понять другъ друга и довѣрять другъ другу.

— Я могу только благодарить васъ за такое отношеніе! отвѣтилъ тоже очень сердечнымъ тономъ Безбѣдный.

Ему это вниманіе хорошенькой Аннетъ въ самомъ дѣлѣ было очень пріятно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ замѣчалъ что она заставила его объясняться о такихъ вещахъ которыхъ ему еще не хотѣлось ставить на очередь. Онъ словно ощущалъ руку, тихо, но твердо подвигавшую его, и опять испытывалъ что-то жуткое и какъ будто радостно-возбуждающее...

Экипажи подъѣхали къ усадьбѣ, и все небольшое общество вышло въ ларкѣ. Ученый полковникъ, какъ всегда такъ и тутъ почувствовавшій потребность распоряжаться, тотчасъ послалъ за сливками и земляникой. Кокò въ сознаніи своего сверхкомплектнаго положенія очень долго оставался подавъ лошадей, но оскорбленный молчаливостью англійскаго кучера, отвѣчавшаго на всѣ его заговариванія какимъ-то односложнымъ свистомъ, вставилъ въ глазъ стеклышко и пожелалъ присоединиться къ остальному обществу.

Земляника была быстро съѣдена и „ликникъ“ разсыялся по ларку.

Х.

Полина подъ руку съ Волинскимъ шла дачною тѣнистою аллеей надъ рѣчкой. Несмотря на то что солнце почти не проникало сквозь разросшія верхушки липъ и березъ, въ аллеѣ было жарко, неподвижный воздухъ раздражалъ не остывая. Лицо Полины покраснѣлось, хотя она не переставала обмахиваться вѣеромъ. Впрочемъ не одна только жара вызвала краску на ея лицѣ: она была сегодня очень взволнована, потому что сознавала себя наканунѣ большого шага въ жизни.

Вчера Кокò, возвратясь изъ города, объявилъ что ему на дняхъ нужны будутъ значительныя деньги чтобы заплатить по нѣкоторымъ счетамъ. Полина удивилась, такъ какъ въ послѣднее время у Кокò постоянно были деньги. Она почти знала что онъ ихъ таскаетъ изъ акціонерной кассы и была отчасти смущена этимъ, отчасти даже какъ будто довольна: отношенія ея къ мужу уже настолько опредѣлились что ей чуть ли не даже не пріятно было узнать за нимъ всякія гадости, и возможность увидѣть его въ близкомъ будущемъ въ томъ самомъ грязномъ ящикѣ окружнаго суда откуда недавно выльзъ Каричъ—нуждала ее въ самой незначительной степени.

— Пс, какъ ты хорошо разсуждаешь! Ты, кажется, знаешь что лавочка закрылась и тамъ не выскребешь больше ни копѣйки, возразилъ Кокò, когда она выразила удивленіе по поводу его безденежья.—Мнѣ даже жалованье за этотъ мѣсяцъ не заплатили. Еще слава Богу что этотъ полоумный баронъ разmozжилъ себѣ голову: онъ собирался меня къ суду приваути.

— Вѣроятно было за что, замѣтила Полина.

— Ну, однако я еще цѣль, а онъ отправился прогуляться, возразилъ Кокко.— Впрочемъ это тебя не касается. Я бы лучше желалъ чтобы ты достала свое приданое у стараго князя. Пора наконецъ кончить съ этимъ фарсеромъ, j'en ai assez. А пока ты мнѣ выдай вексель.

— Что еще такое? удивилась Полина.

— Выдай мнѣ вексель, на всю сумму. Кажется ясно. Я не хочу больше чтобы всѣ эти долги были на мнѣ: въ одно прекрасное утро ко мнѣ можетъ явиться приставъ и позвать меня прогуляться. Я замѣчаю что сталъ слишкомъ часто объ этомъ думать и это вредно дѣйствуетъ на мое здоровье. У меня и сегодня какая-то горечь во рту. У насъ есть дома шампанское? Я хочу съ сельтерскою водою.

— Никакого векселя я тебя не дамъ, сказала Полина.

— А я не пущу тебя за границу, пригрозилъ очень находчиво Кокко.

Полина пожелѣла отъ досады.

— Очень глупо съ твоей стороны думать что я нуждаюсь въ твоёмъ разрѣшеніи! отозвалась она.

— А вотъ увидимъ, отвѣтилъ Кокко, зацѣпывая губами кончики усовъ.— Ты воображаешь что если Волинскій пообѣщавъ мнѣ какое-то мѣсто въ своей канцеляріи, такъ я ему буду въ ноги кланяться? Пс, я не такъ дешево цѣню себя. Мнѣ надо окупить мою обстановку.

Полина только посмотрѣла на него—и въ первый разъ въ своей брачной жизни проплакала всю ночь.

По поводу вотъ этого самаго вчерашняго объясненія у нея и шелъ теперь разговоръ съ Волинскимъ.

— Какой же онъ однако... дрянненькій господинъ; не удержался Волинскій, возмущенный ея разказомъ.— Разумѣется, нечего и думать выдавать ему вексель. Вамъ надо поскорѣе уѣхать.

Полина была такъ взволнована что должна была сильно опереться на его руку.

— Уѣхать... а потомъ? сказала она.

— На такой вопросъ никогда не бываетъ отвѣта, отозвался Волинскій.—Отъ сложившейся жизни уходить потому что нельзя и не зачѣмъ переносить ее, а что будетъ дальше, какой будетъ окончательный итогъ прибылей и убытковъ—этого никто не можетъ знать.

— Если уходить, то надо совѣмъ, сказала Полина и взглянула на него.

— Да, совѣмъ, повторилъ за нею Воыньскій.

На лицѣ его отразилось усиліе, какъ-будто онъ что-то перемогалъ въ себѣ.

— Я это уже давно рѣшилъ, сказалъ онъ.

Полина опять повела на него глазами и съ выраженіемъ почти злобы на лицѣ стиснула затянутыя въ перчатки руки.

— А какое право вы имѣли рѣшать? сказала она.

— По праву такого чувства какъ мое! отвѣтилъ Воыньскій съ нѣкотою принужденностью.

— Ахъ, это такъ трудно—знать цѣну своему чувству! вырвалось у Полины.

Она пошла скорѣе, лутаясь въ своемъ узкомъ платьѣ и цѣпляясь вѣромъ за бахрому. Мука несложившагося рѣшенія раздражительно тянула ей нервы и словно что-то ломало въ ней. Воыньскій сосредоточенно смотрѣлъ въ пустую глубину аллеи.

— Вамъ трудно? сказалъ онъ замѣтно дрогнувшимъ голосомъ.—А мнѣ труднѣе. Мнѣ потомъ ужъ ничего не останется.

— Чтò такое потомъ? чтò значитъ потомъ? съ оттѣнкомъ злобы бросила ему Полина.

— Потомъ—то-есть если окажется что мы оба ошиблись, что такого счастья какого я жду уже не можетъ быть, объяснилъ почти не разжимая губъ Воыньскій.

Полина обернула къ нему взволнованное лицо.

— Если мы оба ошиблись? Да, конечно.... Я не знала что вы объ этомъ думаете... проговорила она съ ядовитою ироніей.

— Я не могу объ этомъ не думать, потому что ваше счастье слишкомъ дорого для меня, возразилъ Воыньскій.

— Ахъ, не беспокойтесь пожалуйста о моемъ счастьѣ, потому что вы не можете знать чтò для него надо, и я сама не знаю! отвѣтила Полина, и повернувъ скоро-скоро по той же аллѣе назадъ. Лицо ея какъ будто остыло, и что-то страдальческое отражалось въ изгибъ ея гордыхъ губъ.

Между тѣмъ Кокò медленно и уединенно прохаживался на другомъ концѣ той же аллеи и уже порядкомъ соскучился. Онъ находилъ что вся эта поѣздка очень глупо устроена и что надо было предоставить ему самому вѣсѣмъ распорядиться. Тогда по крайней мѣрѣ было бы шампанское и все

такое. А теперь даже воды негдѣ напиться, надо идти по жарѣ чортъ знаетъ куда.

Онъ оглянулся, помахалъ тросточкой и сѣлъ на траву. Прямо подъ его ногами была рѣчка, а надъ нимъ старыя березы раскинули густую тѣнь. Кокѣ пришла счастливая идея выкупаться. Мѣсто было такое уединенное, вода глядѣла такъ соблазнительно что онъ рѣшился тотчасъ привести свою мысль въ исполненіе. Сойдя по невысокому оврагу онъ раздѣлся, тщательно сложилъ всѣ свои вещи и погрузился въ воду.

Онъ очень любилъ купанье въ такую жаркую пору и потому не торопился. Ему хотѣлось даже попробовать выйти на тотъ берегъ и пошекать мѣста поглубже, какъ вдругъ онъ замѣтилъ какую-то двигавшуюся между березками фигуру. Такъ какъ съ нимъ не было теперь монокля, то онъ могъ разглядѣть ее только когда она приблизилась къ тому мѣсту гдѣ онъ раздѣвался. Оказалось что это былъ мужикъ, довольно уже старенькій, лохматенькій и въ залатанномъ кафтаникѣ. Кокѣ услоукоился.

— Эхъ хорошо! вотъ хорошо-то! заговорилъ мужичокъ, прищуриваясь на него изъ-подъ обломаннаго козырька. — Вода-то здѣсь чистая-пречистая, словно на Иордани; испить можно, не то что искупаться.

Голосокъ у мужика былъ необыкновенно сладенькій, елеенный, и глаза у него глядѣли съ такимъ сахарнымъ выраженіемъ что Кокѣ даже почувствовалъ удовольствіе.

— А ты здѣшній? удостоилъ онъ спросить.

— Здѣшній, батюшка, здѣшній, самый здѣшній, отвѣтилъ нараспѣвъ мужичокъ. — Эхъ хорошо; не выльзъ бы кажется изъ воды! Мѣсто-то скромное, чистое... Иордань, повторилъ онъ еще слаще, и обвелъ глазами вокругъ. — Ишь пустыня какая, живой души не видать, человѣчьяго голоса не слышать. Хоть караулъ кричи, никто тебя не услышитъ.

Кокѣ, найдя наконецъ мѣсто поглубже, съ наслажденіемъ нырнулъ по самое горло. Но въ эту минуту нѣчто ужасное представилось его глазамъ: мужичокъ захвативъ въ охапку лежавшее на берегу платье, послѣднѣе удалялся по направленію въ поле!

Кокѣ позеленѣлъ и отъ неизобразимаго волненія даже присѣлъ въ водѣ. Онъ хотѣлъ крикнуть—въ груди не было голоса. А ужасъ положенія съ каждымъ мгновеніемъ все ярче и ярче рисовался уму. Самая вода вдругъ какъ будто похо-

лодыня, и въ тѣло его словно вонзились ледяныя иглы. Онъ выползъ на берегъ посмотрѣть что такое еще бѣдѣетъ на томъ мѣстѣ гдѣ онъ раздѣвался. Оказалось что мужичокъ не все захватилъ. Кокò нашелъ на травѣ свою соломенную шляпу, тросточку, монокль и даже нѣчто болѣе существенное—ботинки и жилетъ. Но хотя всѣ эти вещи могли прекрасно дополнить туалетъ, обойтись ими одними очевидно не представлялось возможности. Жилетъ въ особенности показался Кокò очень гаулою шуткой, и онъ въ первый разъ въ жизни задумался надъ цѣлесообразностью этой необходимой принадлежности гардероба. Затѣмъ онъ опять вѣзъ въ воду, инстинктивно предпочитая это положеніе пребыванію на открытомъ воздухѣ.

Невыразимая ярость наполнила все существо его, душила за горло. Онъ теперь сожалѣлъ что въ первое мгновеніе не бросился въ логово; положимъ онъ рисковалъ представить своимъ знакомымъ совершенно необыкновенное зрѣлище, но тѣмъ хуже для нихъ. Онъ вспомнилъ что вмѣстѣ съ платьемъ у него пропали часы, стоявшіе съ цѣлочкой почти пятьсотъ рублей, знаменитый золотой портсигаръ отъ Сазикова и рублей сто деньгами. Онъ опять почувствовалъ какъ тысячи ледяныхъ иголокъ вонзились ему въ тѣло.

— Брр! фыркнулъ онъ, стукнувъ зубами.

Однако надо было что-нибудь придумать. Онъ опять приподнялся изъ воды и загаянулъ вверхъ на берегъ. За деревьями ему мелькнуло чье-то свѣтлое платье. „Ахъ еслибы это жена!“ взмолился Кокò и вдругъ рѣшившись крикнулъ что было силы:

— Полина!

Свѣтлое платье остановилось.

— Полина! уже не крикнулъ, а завизжалъ Кокò, узнавъ жену.

Къ несчастью она была не одна, а съ Волинскимъ, который заслышавъ этотъ странный крикъ, пошелъ впередъ къ берегу. Кокò стыдливо нырнулъ въ воду.

— Для чего жь это вы такъ визжите? укоризненно послалъ ему Волинскій, чрезвычайно изумленный представившимся ему зрѣлищемъ.

Кокò чувствовалъ такой уладокъ духа что уже не могъ работиться скрыть свое положеніе.

— Меня ограбили, унесли все мое платье! простоналъ онъ,

чуть-чуть приподымаясь надъ водой.—Вонъ тамъ осталась одна жилетка. Я съ ума схожу, я уже полчаса въ водѣ.

Волынский даже не разсмѣялся—до того онъ былъ пораженъ этимъ пассажемъ, и только всплеснулъ руками и оглянулся на Полину.

— Придумайте же что мнѣ дѣлать! умоляющимъ голосомъ простоналъ Кокд.—Вѣдь не могу же я оставаться здѣсь пока мнѣ привезутъ изъ дома новое платье.

— Что жъ тутъ можно придумать? развелъ руками Волынский.—Развѣ дать вамъ мой плащъ? Онъ вамъ будетъ до самыхъ лятъ и вы отлично можете въ него задралироваться.

Полина наконецъ не выдержала, отвернулась и зажала ротъ платкомъ. Волынский дѣлалъ серьезное лицо.

— Гороховый макферланчикъ? Что жъ, это въ самомъ дѣлѣ можно, согласился съ нѣкоторымъ колебаніемъ Кокд.—И вы думаете что я въ немъ могу доѣхать домой?

— А вотъ прикиньте, убѣждалъ Волынский, развертывая макферланчикъ.

— Я пойду предупредить чтобы никто не ходилъ въ эту сторону, предложила Полина.

Кокдъ, уже порядкомъ продрогшій, не столько впрочемъ отъ холода сколько отъ нервнаго волненія, вытѣзъ изъ воды и кое-какъ оберся носовымъ платкомъ, любезно предложеннымъ Волынскимъ.

— Жарко, не простудитесь, успокоивалъ его тотъ, скромно отходя въ сторону.

Кокдъ сталъ одѣваться.

— Я думаю все-таки надѣть жилетку? посоветовался онъ.

— Надѣвайте, отвѣтилъ издали Волынский.

— Надо сознаться онъ чертовски мало мнѣ оставилъ, продолжалъ причитать Кокд.—Ужасно трудно безъ носковъ надѣвать ботинки. Положительно не можетъ быть ничего глупѣе жилетки. Я однако буду жаловаться. Вы угадали, макферланчикъ отлично меня костюмируетъ.

Онъ наконецъ вышелъ на дорожку, застегнутый по самое горло, съ поднятымъ воротникомъ и мрачно нахлобученною шляпой. Увы, это совсѣмъ не былъ прежній Кокдъ: онъ бояливо переступалъ ногами, пряталъ руки, глядѣлъ внизъ. На всей его внѣшности лежала печать сознанія что малѣйшее неосторожное движеніе можетъ обнаружить прискорбную недостаточность его туалета.

— Мы сейчасъ и поѣдемъ? жадно спросилъ онъ Воыньскаго.

— Чтѣмъ дѣлать, надо ужъ васъ везти! отвѣтилъ тотъ.—Я скажу что вы заболѣли.

Благодаря неожиданному приключенію съ Кокѣ, обратное путешествіе въ Павловскъ представляло нѣсколько странный видъ. Самъ Кокѣ, облеченный въ гороховый макферланчикъ, полулежалъ въ ландо, не смѣя пошевелить ни однимъ членомъ. Полина, отвернувшись въ сторону, щипала зубами платокъ и кусала губы. Воыньскій дѣлалъ серьезное лицо и тоже глядѣлъ по сторонамъ. Смѣшавшая Аннетъ нѣсколько разъ нагоняла ихъ чтобы освѣдомиться о здоровьи Кокѣ.

— Благодарю васъ, мнѣ все еще нехорошо, слабымъ голозомъ отвѣчалъ несчастный.

— Но зачѣмъ вы надѣли чужое ладто? неужели вамъ холодно? приставала Аннетъ, и тахавшіе въ ландо слышали какъ она поравнявшись съ Олжанской заливалась на нѣсколько минутъ неудержимымъ хохотомъ.

Полина почти до крови кусала себѣ губы.

XI.

До самой послѣдней минуты Липочкѣ все не вѣрилось что Безбѣдный уѣдетъ. Вѣдь долженъ же онъ понять что это не ссора, не сцена, что не могутъ же ихъ отношенія оставаться попрежнему послѣ того какъ онъ даже не далъ себѣ труда хоть обмануть ее чтобы разсвѣять самыя мучительныя ея подозрѣнія. Изъ окна своей комнаты она видѣла какъ закладывали шарабанъ. „И все-таки онъ не поѣдетъ“, повторяла она съ ощущеніемъ удушья въ груди.

Но онъ уѣхалъ. Она не вышла посмотреть, она по скрипу колесъ на шоссе и по особенной наставшей въ домъ тишинѣ догадалась что его нѣтъ. Чувство удушья сильнѣе стѣснило ей грудь, голова наполнилась тѣлостнымъ туманомъ. Въ этомъ туманѣ мысль лѣниво шаталась и билась, какъ птица бьется подъ грозой отяжелѣвшими крылами. Чтѣмъ же наконецъ будетъ?

Она нѣсколько минутъ ходила изъ угла въ уголъ по своей нарядно отдѣланной комнатѣ, испытывая странное облегченіе отъ физическаго усилія, требовавшагося чтобы преодо-

лѣтъ усталость. Но потомъ ноги перестали повиноваться, она присѣла на бочокъ дивана и прислонилась спиной къ стѣнѣ. Темные глаза ея глядѣли не мигая на что-то невидимое, какъ будто находившееся прямо предъ нею, а мысль все также лѣниво и туло шевелилась.

Ей припомнился одинъ вечеръ—самый скверный вечеръ въ ея жизни—когда она послѣ музыкальнаго завтрака у Безбѣднаго, оскорбленная и налуганная, вернулась въ свой крошечный номеръ въ гостиницѣ. Тамъ подъ окномъ, на запытой огнями улицѣ суетливо и радостно волновалась толпа, слышался гулъ напрягающейся жизни, а у нея въ сердцѣ болѣла рана, и эта рана казалась смертельною, и ей не хотѣлось умереть. Нѣтъ, нѣтъ, лишь бы не смерть! стоналъ ея внутренний голосъ, и въ каждомъ нервѣ, въ каждой каплѣ крови разгоралось сопротивленіе этой мысли о смерти. А теперь усталое чувство гнало ее внизъ и она вся была словно насыщена желаніемъ смерти. Ей не хотѣлось жить, не было силы жить. Въ этой нарядной комнатѣ, среди яркаго солнечнаго блеска, лежавшаго веселыми пятнами на атласѣ и бронзѣ, жизнь казалась ей неизмѣримо труднѣе, мучительнѣе и противнѣе чѣмъ въ нерамномъ номерѣ гостиницы. Умереть, перестать жить—это такъ хорошо!

Авениръ осторожно пріотворилъ дверь.

— Что вы хотите? точно сквозь сонъ спросила Липочка.

— Сергѣй Михайловичъ изъ города пріѣхалъ, доложилъ Авениръ.

„Кто такой Сергѣй Михайловичъ?“ удивилась Липочка, съ усиліемъ перебирая въ мысли цѣлую вереницу какихъ-то вдругъ сдѣлавшихся ей непонятными лицъ. „Ахъ, да вѣдь это Молостовъ“, припомнила она наконецъ и пошла къ нему на встрѣчу.

Съ самаго переѣзда на дачу она не видала его и даже не думала о немъ. Онъ остался въ городѣ наблюдать за нѣкоторыми неважными дѣлами, кое-какъ тянувшимися во время лѣтняго затишья. Въ этомъ положеніи онъ могъ дѣйствовать самостоятельно, и Безбѣдный выражался о немъ что онъ „начинаетъ привыкать“. Встрѣчались однако слѣшныя обстоятельства, по которымъ надо было лично переговорить съ адвокатомъ, и именно потому онъ пріѣхалъ сегодня въ Павловскъ.

Липочка разсѣянно протянула ему руку.

— Вы къ Евгению Саввичу? онъ уѣхалъ, сказала она.

Молоствовъ разглядывалъ ее своими любопытными, подозрительными глазами.

— Еслибы знать что онъ скоро вернется, я бы подождать. А можетъ-быть завтра онъ самъ въ городъ пріѣдетъ? Надо бы, дѣла есть! разсуждалъ онъ вслухъ.—Какъ же вы тутъживаете, Олимпиада Васильевна? добавилъ онъ со своимъ обычнымъ поживаньемъ плечами.

Лилочка не отвѣчая прилегла на кушетку.

— Хотите курить? предложила она.

Молоствовъ устлся, зажегъ папироску и продолжалъ поглядывать на Лилочку такими же подозрительными глазами.

— Похудѣли очень, и выраженіе у васъ явилось какое-то... нехорошее, сказалъ онъ.— Тамъ въ нумерахъ, когда я въ первый разъ имѣлъ честь быть у васъ и когда вы безпокоились насчетъ уроковъ, вы гораздо лучше смотрѣли.

— Больна я, Сергій Михайловичъ! отвѣтила Лилочка, конфузясь подъ его подозрительнымъ взглядомъ.

Молоствовъ лыхнулъ изъ папироски.

— Климатъ здѣсь скверный, не привыкнете пожалуй! сказалъ онъ.— Вамъ бы, Олимпиада Васильевна, домой вернуться...

Лилочка раздражительно вздрогнула головой.

— Вы все свое, Сергій Михайловичъ, молвила она.

— Да, все свое, все одно и то же... какъ же быть-то если лучшаго ничего не придумывается? возразилъ Молоствовъ.— Такъ ужъ жизнь складывается: нравится, не нравится, а выбирать не изъ чего. Очень не великъ выборъ-то, да и старо все.

— Я не вернусь въ Т*, Сергій Михайловичъ, сказала Лилочка.—Я умру.

Она такимъ страннымъ тономъ промолвила эти слова что Молоствовъ невольно вздрогнулъ.

— Вы такъ дурно себя чувствуете? спросилъ онъ быетро подходя къ ней съ того мѣста гдѣ сидѣлъ.—Но вы лѣчитесь? васъ видѣлъ докторъ?

Лилочка не отвѣчая глядѣла на него глубокими притихшими глазами. Ей припоминалось какъ она постоянно спорила съ нимъ и какое у нея было инстинктивное враждебное чувство къ нему. Теперь она не сознавала въ себѣ этого чувства, она только удивлялась почему онъ съ самаго начала

лучше и больше ея понималъ въ ея отношеніяхъ къ Безбѣ-
ному и какъ это она тогда не хотѣла объяснить себѣ его
точку зрѣнія. Мысль что можно было еще тогда, съ самаго
начала знать все мучительно переживаемое ею теперь, эта
мысль особенно безпокоила и раздражала ее. Неужели все
въ жизни такъ старо, такъ рутинно, такъ общеизвѣстно?

— Вы никогда не одобряли... моей петербургской жизни
сказала она.—Но вѣдь вы не могли знать. И я не знала.

— Я со стороны, Олимпиада Васильевна; со стороны вид-
нѣе, отвѣтилъ Молоствовъ.

— И что же вамъ было видно?

Молоствовъ какъ-то хихикнулъ сквозь зубы.

— Да вотъ это самое, проговорилъ онъ, взглянувъ на нее
въ упоръ своими сѣрыми, желчными зрачками.

— Что же дѣлать, Сергѣй Михайловичъ? Посоветуйте мнѣ,
я стала такая глупая, сказала она.

Молоствовъ пожалъ плечами.

— Если можете, уѣзжайте домой, отвѣтилъ онъ.

— А дальше?

— А дальше—ничего. Вамъ кажется что непременно надо
что-нибудь съ собой сдѣлать? Закончить романъ эффектною
развязкой? Такъ вѣдь этого только отъ авторовъ требуютъ,
а въ жизни обыкновенно все такъ бываетъ: пытаются, про-
буютъ выскочить изъ своего ничего и опять въ него возвра-
щаются. Вернетесь домой, будете потихоньку жить, вспоми-
нать, скучать. Спросятъ васъ: какъживаете? скажете: да
ничего. Это „ничего“ самая важная вещь на свѣтѣ, потому
что имъ миллионы людей живутъ. А потомъ, обтерпѣвшись,
можетъ-быть и замужъ выйдете, это тоже бываетъ.

Лилочка нетерпѣливо тряхнула головой.

— Вы не сознаете сколько злости въ томъ что вы гово-
рите! сказала она.

Молоствовъ опять поѣжился плечами.

— Сознаю. Только почему жъ я долженъ непременно безъ
злобы говорить? возразилъ онъ.—Къ вамъ я никакого злого
чувства не имѣю, ну а кое къ чему имѣю. Не могу же я
васъ успокоивать что-молъ потерпите немножко, Евгенийъ Са-
вичъ на васъ жевится. Или проповѣдывать вамъ о какой-то
борьбѣ: идите-молъ съ гордо поднятымъ челою, ищите
вознагражденія въ вашемъ артистическомъ призваніи, и такъ
дальше...

— Я ужь перестала и думать объ этомъ призваніи, сказала Липочка, и вдругъ закашлявшись вынула платокъ и обтерла губы. На платкѣ остались кровавыя пятна.

— И хорошо сдѣлали что перестали, подтвердилъ Молоствовъ.—Потому что какая же вы пѣвица? Вѣдь на сценѣ можно жить только когда царствуешь на ней, а иначе лучше бѣлошвейнымъ мастерствомъ заняться. Вы вотъ и показываєте очень скверно.

Липочка поставила локти на столъ и наклонивъ голову сжала пальцами холодные виски.

— Ахъ, оставьте меня, сказала она съ тоской.—Я умру.

Молоствовъ нахмурился.

— Если вы сами не хотите сластись, то никто не спасетъ васъ, сказалъ онъ.—Надо или оторваться отъ этой жизни, или примириться съ нею.

— Вамъ легко говорить, возразила Липочка сквозь сжатые на лицѣ руки.

— Что жъ я могу еще сдѣлать? я только и могу говорить, отозвался почти съ усмѣшкой Молоствовъ.—И скажите пожалуйста, что же тутъ во всемъ этомъ удивительнаго? продолжалъ онъ съ желчнымъ оживленіемъ.—Да въ каждомъ домѣ есть такая драма. Вѣдь бѣдности люди не умѣютъ сносить, имъ хоть сгорѣть да лишь бы на золотомъ огнѣ. О, много, много этихъ сгорающихъ жизней. Вы искали того что блеститъ, что тянетъ къ себѣ какъ сила—а что такое блеститъ, какая такая сила... Эхъ, о чемъ тутъ толковать! Ну жь вѣрно не дождусь Евгенія Саввича, оставляю ему записочку.

Онъ поднялся и взялъ со стола свою шляпу. Яркое солнце, проникая сквозь частую зелень березокъ, играло на его лицѣ желтыми пятнами. Липочкѣ показалось что онъ или больной какой-то, или ужь очень злой.

— Уходите? сказала она все съ тою же тоской въ голосъ.—Ну, прощайте.

Ей вдругъ стало страшно что она опять останется одна. За что? чѣмъ же она наконецъ такъ виновата предъ всѣми что никому, никому до нея нѣтъ дѣла? Она подняла голову.

— Сергѣй Михайловичъ, значить вамъ нисколько, нисколько не жалко меня? сказала она.

Молостова какъ будто передернуло.

— Какое жъ я имѣю право? И притомъ вы кажется никогда не интересовались моими чувствами къ вамъ, отозвался онъ натянуто.

— Вы когда-то говорили что я могу относиться къ вамъ какъ къ другу... что вы меня считаете такою хорошею, хорошею... Помните, тамъ, у Пелагеи Прохоровны? напомнила Лилочка.

— Помню, отвѣтилъ почти злобно Молоствовъ; — только зачѣмъ же мы будемъ теперь говорить объ этомъ?

Лилочка взглянула на него и вдругъ яркая краска обожгла ей лицо.

— Потому что я теперь стала гадкая? потому что я теперь не стою вашего участія? объяснила она его слова и улавъ головой на подушку закрыла лицо руками.

У Молостова губы pokrивились.

— Да нѣтъ же, Олимпиада Васильевна, сказалъ онъ горломятъ, не замѣчая что пальцы его обламываютъ лодыжки. — Вы гадкая? Да вы не можете быть гадкая, вы... Зачѣмъ вы объ этомъ говорите? Посмѣяться надо мной вамъ захотѣлось, или посмотреть какъ меня будетъ коверкать?

Лилочка съ удивленіемъ подвинула на него глаза. По лицу его въ самомъ дѣлѣ пробѣгала судорога, точно его „коверкала“.

— Богъ съ вами, Сергѣй Михайловичъ, что вы такое говорите? сказала она.

Онъ вдругъ свѣлъ на стулъ, довольно далеко отъ нея.

— Какъ же вы могли подумать? неужели вы въ самомъ дѣлѣ не поняли? Когда я чуть съ ума не сошелъ, когда у меня душа разрывалась—вы не знали? Вамъ и въ голову не приходило что я люблю васъ какъ только такіе дикіе, смѣшные люди какъ я и могутъ любить? говорилъ онъ страннымъ задыхающимся, плаксивымъ голосомъ. — И вдругъ бы я сталъ судить васъ... Да хоть бы вы въ самомъ дѣлѣ гадкая одѣлались, такъ мнѣ и тогда одно ваше ласковое слово было бы дороже жизни. Я злобствовалъ, я грызъ свою собственную душу, я можетъ-быть хотѣлъ бы васъ ногами растоптать—вотъ какія бывали минуты—и все-таки я не переставалъ любить васъ, и скажи вы одно слово... Да что тутъ говорить!

Онъ вдругъ замолчалъ и злобно обвелъ глазами комнату. Лилочка тихо поднялась съ кушетки и подошла къ нему. Глаза ея все еще сохраняли удивленное, но уже болѣе ласковое выраженіе.

— Сергѣй Михайловичъ, это такъ странно... Я въ самомъ дѣлѣ никогда не думала... Вы всегда такимъ заымъ тономъ говорили со мной, мнѣ скорѣе казалось что я возмущаю васъ... проговорила она смущенно.

— Я вѣдь еказалъ что мнѣ иногда хотѣлось бы ногами васъ растоптать! отвѣтилъ Молоствовъ тономъ почти бѣшенства.— Развѣ я съ первой минуты не видѣлъ что не долженъ любить васъ, что какая-то злая сила толкаетъ васъ туда гдѣ мы не могли больше встрѣтиться? Развѣ я не понималъ что вы презираете меня, что вы во мнѣ ничего не можете понять, потому что что же я для васъ такое? О, Евгенийъ Саввичъ другое дѣло. Онъ нагль, ему везетъ, онъ блистаетъ, онъ знаетъ средство владѣть людьми, развращая ихъ. Да, развращая, дѣлая изъ нихъ какую-то лапаль. Иныя хищныя животныя вѣдь только и питаются лапалью — особенная въ этомъ гастрономія есть! Ну и что же? Много вамъ далъ счастья вашъ блистающій герой? Легче вамъ среди этихъ атласовъ, ковровъ, кружевъ? Ахъ, простите что я съ такою злостью говорю объ этомъ, продолжалъ онъ какъ бы улавлившимъ голосомъ. — Вѣдь есть инстинктъ отомщенія съ которымъ человѣческая природа не въ силахъ совладать. Но я только злобствую, я не сужу васъ. Я знаю что вы жертва той мерзкой силы которая давить всѣхъ. Я все также люблю васъ. Для меня вы все такая же. Скажите одно слово, и я отдамъ вамъ мою жизнь, мое будущее, мои надежды, мою кровь. Вѣдь не ничтожество же я! вѣдь имѣю же какую-нибудь цѣну честная страсть, честное сердце. Я бѣденъ, но предо мной еще много впереди, я могу работать и не опасаюсь нужды.

Лилочка слушала его съ возрастающею тревогой, ясно выражавшеюся на ея блѣдномъ лицѣ. Для нея такую неожиданностью были эти злобныя и страстныя признакія, эти упреки, эта странная смѣсь обожанія съ циническою оцѣнкой ея увлеченій, что она не находила словъ. Она была удивлена и оскорблена, и невольна тронута жаромъ и искренностью чувства, слышавшагося въ безпорядочной рѣчи. Но что могла она дать за это чувство? Ея глаза печально улыбнулись въ отвѣтъ на смущенный, ожидающій взглядъ Молостова.

— Сергѣй Михайловичъ, для меня такъ ново то что вы сказали. Я напротивъ всегда думала что у васъ есть нѣчто въ родѣ антипатіи ко мнѣ... молвила она съ чувствомъ тайнаго состраданія.— Но зачѣмъ же вы... допускали себя любить меня, когда вы знали что я люблю другаго?

Молоствовъ только нервно покривилъ губами.

— Что же я могъ съ собою сдѣлать? сказалъ онъ послѣ

томительной паузы.—Я ждалъ. Я зналъ что вашъ праздникъ кончится, бенгальскіе огни погаснутъ, и у меня оставалась надежда. Теперь вы можете отнять ее, и тогда ничего не останется. Нѣтъ, останется опытъ жизни, боль, и можетъ быть немножко болѣе презрѣнія и отверженія...

Лилочка въ волненіи ожала руки.

— А моя любовь развѣ что-нибудь оставила мнѣ? Ахъ, Сергѣй Михайловичъ, какое это несчастіе что никто изъ насъ не имѣетъ власти надъ своимъ чувствомъ! молвила она съ тоской.—Я вамъ безконечно благодарна за ваше участіе, за то что вы не хотите безжалостно осудить меня, но подумайте же, развѣ я могу еще дать кому-нибудь то чувство котораго вы ждете отъ меня? Я вся изстрадалась, изныла, мнѣ кажется что я ужъ не живу больше.

Молоствовъ мрачно взглянулъ на нее блиставшими желчью глазами.

— Я ждалъ когда вы любилъ другаго; что для меня значить ждать когда вы уже свободны? возразилъ онъ.

Лилочка нетерпѣливо покачала головой.

— Нѣтъ, Сергѣй Михайловичъ, не ждите, этого не будетъ, не можетъ быть, отвѣтила она.—Забудьте, бросьте, не томите себя даромъ. Я васъ уважаю и цѣню больше прежняго, но я не стою васъ и я знаю—простите меня—я знаю что никогда не могу любить васъ.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру, опустилась на стулъ и отвернулась. Но лицу Молостова опять пробѣжала судорога, потому что оно приняло застывшее бронзовое выраженіе.

— Прощайте, сказалъ онъ съ безпомощнымъ хрипомъ въ голосъ.

Лилочка молча протянула руку. Все что она могла сказать было бы такъ ничтожно и мезужно въ эту минуту...

XII.

Безбѣдный остался у Олжанской обѣдать и вернулся домой очень поздно, а на другой день, когда Лилочка еще не выходила изъ своей комнаты, уѣхалъ въ городъ. Онъ еще наканунѣ обѣщалъ Аннетъ что будетъ у нихъ обѣдать, и упрямившись съ дѣлами поѣхалъ на Алтекарскій. У Каричъ его задержали весь вечеръ, такъ что возвращаться въ Павловскъ

было уже поздно и онъ почевалъ на своей городской квартирѣ.

Эти два дня Липочка прожила словно въ какомъ-то мучительномъ снѣ. Она чувствовала себя опять въ томъ страшномъ закоулкѣ гдѣ нельзя оставаться и откуда некуда выйти. Ничѣмъ не наполненные часы тянулись невыразимо долго, а когда она оглядываясь замѣчала что мысль ея все также безпомощно кружится около одной и той же задачи, ей казалось что время уходитъ съ безпощадною быстротой и что въ этой быстротѣ невозможно ничего сдѣлать, ни къ чему приготовиться. Она пробовала садиться къ роялю, но клавиши издавали какіе-то деревянные, бессмысленные звуки. Она вставала и въ продолженіе цѣлыхъ часовъ до усталости ходила взадъ и впередъ по пустымъ комнатамъ, не замѣчая что именно думала въ это время ея изнеможенная мысль. Часы уходили, Безбѣдный не возвращался. Съ вечера еще перваго дня она стала ждать съ безпокойнымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ и это нетерпѣніе все разросталось, какъ будто въ окружающей ее пустотѣ и мглѣ мерцало одно свѣтящееся пятно, призракъ надежды, раздражающій интересъ недосказаннаго слова... Что именно выражалъ этотъ призракъ? Она знала что все кончено, но пока этотъ призракъ мерцалъ предъ ея измученнымъ взоромъ, пока ей еще предстояло видѣть Безбѣднаго—она могла ждать.

Онъ пріѣхалъ только на третій день, за часъ до обѣда, и къ ужасу Липочки привезъ гостей. Одинъ былъ его собратъ по адвокатурѣ, а другой... другой былъ самъ великій Флютенгазъ! У Липочки и руки опустились, а Авениръ стремглавъ полетѣлъ на кухню.

Знаменитый пианистъ только что совершилъ маленькую экскурсію въ Эмсъ, гдѣ что-то такое сыгралъ предъ императоромъ Вильгельмомъ, но почувствовавъ въ воздухѣ запахи пороха и крови возвратился въ Петербургъ, непріятно недоумѣвая, отчего это всѣ вдругъ занялись какими-то совершенно посторонними музыкѣ интересами? Въ Петербургѣ воздухъ тоже показался ему тяжелымъ и неудобнымъ. Общество, придавленное вѣстями изъ-подъ Плевны, глухо волновалось, страдало и негодовало. Рояли Беккера и Шредера, таскаемые изъ одного концерта въ другой, стояли подъ чехлами въ пыльномъ углу залы. вмѣсто привычныхъ его слуху именъ Пятти, Котони, Таузига, слышались имена Радецкого, Скобелева, Гурко... Очевидно дѣлалось что-то совсѣмъ новое,

удивительное и крайне для него непріятное. Даже петербургскіе Жиды, которыхъ онъ такъ любилъ за ихъ музыкальность, толковали о какой-то саломной юфти, сухаряхъ и прессованномъ сѣнѣ и другъ за другомъ летѣли куда-то въ такія мѣста гдѣ несомнѣнно нельзя было организовать ни одного хорошенькаго концерта. Непріятность усиливалась еще тѣмъ что за границей Флютенталь могъ по крайней мѣрѣ ловить на каждомъ шагу отголоски бѣшеной ярости и злораднанаго смѣха, а тутъ въ Петербургѣ эта ярость и смѣхъ звучали робко и въ нихъ слышалась какая-то другая, больная нота. Случилось даже что когда Флютенталь сказалъ однажды то самое что столько 'разъ съ такимъ усилѣніемъ говорилъ за границей, у него чуть не вышла непріятность. Единственное приобрѣтеніе сдѣланное Флютенталемъ заключалось въ томъ что онъ вдругъ, въ нѣсколько дней понялъ какъ страстно и злобно ненавидитъ онъ Россію, русскую жизнь, русскихъ людей, русскіе интересы. Прежде онъ никогда не сознавалъ этого, онъ даже благодумствовалъ находя что хотя Россія ужасно отстала отъ Европы, но въ ней можно продавать билеты въ концертъ дороже чѣмъ гдѣ-нибудь. Теперь онъ вдругъ почувствовалъ что даже видъ Филипповскаго калача производить въ немъ нестерпимое раздраженіе, и по совѣту доктора сталъ принимать кремортартаръ. Въ такомъ угнетенномъ состояніи онъ охотно отозвался на приглашеніе Безбѣднаго, такъ какъ сфера званыхъ обѣдовъ въ той же степени для него сузилась какъ и сфера инструментально-вокальных концертовъ.

Липочка въ ужасѣ не знала что ей дѣлать. „Неужели онъ не понимаетъ что я не могу сидѣть съ его гостями, что я не могу здѣсь оставаться?“ спрашивала она себя, глубоко оскорбленная. Она хотѣла не выходить, залереться у себя въ комнату, но Безбѣдный послѣдно прошелъ къ ней и цѣлуя ея руку сказалъ радостно возбужденнымъ голосомъ:

— Пожалуста! у меня Флютенталь! докажите что вы умѣете быть любезны!

— Евгеній Саввичъ, я васъ ждала совсѣмъ не затѣмъ, возразила тономъ оскорбленнаго недоумѣнія Липочка.

— Нѣтъ, я васъ прошу! вѣдь это Флютенталь! повторилъ Безбѣдный и послѣдно вернулся къ гостямъ. На ходу ему пришла мысль что въ виду такого необычайнаго посѣщенія кстати будетъ пригласить также Олжанскую, и онъ тотчасъ отправилъ къ ней Аверина.

У Липочки голова шла кругомъ. „Не понимаетъ онъ, или ужъ до такой степени презираетъ меня?“ думала она, еще не зная о его послѣднемъ распоряженіи. А она два дня ждала этой минуты, ей казалось что ничего не могло быть важнѣе тѣхъ первыхъ словъ которыя они скажутъ другъ другу. Злоба сжала ей сердце „Не выйду, не пойду“, рѣшила она окончательно, и круныя, злыя слезы калая за калей побѣждали по ея блѣднымъ щекамъ.

Черезъ полчаса Авениръ тихонько постучалъ къ ней въ дверь.

— Что вамъ надо? спросила съ досадою Липочка.

— Евгений Саввичъ васъ просить, сейчасъ обѣдать будемъ, доложилъ Авениръ.

— Я не выйду, отвѣтила Липочка.

Авениръ за дверью переступилъ съ ноги на ногу.

— Евгениі Саввичъ приказали очень просить: Софья Александровна Олжанская здѣсь; такъ неловко если вы не пожелаете, объяснилъ онъ.

— Да не выйду же я! почти крикнула на него Липочка.

Извѣстіе что къ обѣду приглашена Олжанская совѣмъ ошеломило ее. Такъ онъ, значить, рѣшительно не придаетъ никакого значенія тому что произошло третьяго дня! Онъ не только не хотѣлъ оправдаться предъ нею, заступиться за нее по поводу нанесеннаго ей оскорбленія, но онъ даже не признаетъ никакого оскорбленія. Въмѣсто того чтобы разорвать знакомство съ этою женщиной, онъ приглашаетъ ее къ обѣду и требуетъ чтобы она же, Липочка, принимала ее...

Злое чувство все больше тѣснило ей грудь. Слезы высохли, и глаза мстительно горѣли. „Надо кончить, надо умѣть кончить“, припомнились ей слова Андрея. Сдвинувъ брови и сжавъ блѣдныя, нервно вздрагивавшія на уголкахъ губы, она ходила взадъ и впередъ по маленькому пространству отгороженному въ ея спальнѣ, и горькія, злыя мысли кружились въ горячей головѣ.

Незапертая дверь быстро отворилась.

— Да полно же пожалуста! сказалъ тономъ явнаго неудовольствія Безбѣдный, входя къ ней. — Тамъ Флутенталь, Олжанская—въ какое же глупое положеніе ты меня ставишь! Флутенталь хочетъ слышать твое лѣніе. Одѣвайся лоскорѣ.

Липочка смѣрила его съ головы до ногъ сверкнувшими глазами.

— Евгений Саввичъ, вы кажется все позабыли! сказала она задыхающимся голосомъ.

Безбѣдный нетерпѣливо дернулъ плечами.

— Ахъ, право теперь не время. Вѣдь я оставилъ ихъ однихъ. Перестань пожалуста, одѣнься и выходи поскорѣе, послѣ мы потолкуемъ, проговорилъ онъ торопливо.

Липочка чувствовала какъ лицо ея вспыхнуло сухимъ жаромъ.

— Я выйду къ обѣду только въ такомъ случаѣ если тамъ не будетъ Олжанской и если вы тутъ же, сейчасъ, торжественно дадите мнѣ ваше честное слово что не имѣете намѣренія жениться на mademoiselle Каричъ! проговорила она, становясь между нимъ и дверью.

— Ну полно же, повторилъ Безбѣдный, хмурясь и наклоняясь чтобы поцѣловать ея руку. Она злобно отдернула обѣ руки и спрятала ихъ за спиною.

— Я не шучу, не калризначую, Евгений, продолжала она срывающимся голосомъ, неровно дыша раздутыми, вздрагивающими ноздрями.—Я уже сказала что не пойду дальше тѣхъ жертвъ которыя принесла. Я оставила себѣ такъ мало что хочу сохранить эти остатки. Тебѣ кажется глупостью мое требованіе разорвать съ Олжанской? О, еслибы дѣло было въ Олжанской, ты не боялся бы потерять ее. Я не изъмщенія, а потому что разрывъ съ этою женщиной помѣшаетъ твоимъ разчетамъ, и я не имѣю другаго средства помѣшать имъ. Евгений, ты не уйдешь отсюда пока это не будетъ кончено. Или я буду знать что Олжанская клеветала на тебя, что ты вовсе не хотѣлъ жениться на Каричъ, или ты никогда больше не увидишь меня.

Безбѣдный внутренно бѣсился. Онъ ненавидѣлъ голосъ глухой, измученной страсти, все драматическое въ жизни дѣйствовало на него раздражающимъ образомъ. Притомъ мысль о Флютенталѣ неделикатно оставленномъ въ кабинетѣ не давала ему покоя.

— Я долускаю что вы любите трагическія сцены, но имѣйте же по крайней мѣрѣ выбрать для нихъ время! отвѣтилъ онъ съ нескрываемою досадою.—Если вы поставите меня въ смѣшное положеніе предъ обществомъ, я вамъ никогда не прощу этого. И что за нелѣпость: ты не хочешь подумать что тебѣ можетъ-быть никогда въ жизни не представится больше случая обѣдать съ Флютенталемъ! добавилъ онъ невольно смягчившимся голосомъ.

Лилочка сжала руки, такъ что тонкіе пальцы ея хрустнули.

— Евгений, да неужели же ты не понимаешь? простонала она, жмуря глаза отъ нестерпимой внутренней боли.

— Я понимаю что это становится нестерпимо, отвѣтилъ съ раздраженіемъ Безбѣдный, и сдѣлалъ шагъ къ двѣри.

Лилочка молча посторонилась чтобы дать ему дорогу и шатаясь подошла къ кушеткѣ. Силы совсѣмъ оставили ее, въ глазахъ прыгали какія-то красныя и синія лятна.

Прошло можетъ-быть съ четверть часа. Она стояла на козлыахъ на коврѣ, прижавшись лицомъ къ мягкой обивкѣ кушетки, пережидая боль, нестерпимо рвавшую ей грудь. Потомъ она съ усиліемъ поднялась на ноги, провела рукой по разстроенной прическѣ, обвела глазами комнату, отыскивая въ ней что-то. Вспомнивъ, она прошла за перегородку достала маленькій саквояжъ съ которымъ прѣѣхала въ Петербургъ, уложила кое-какія свои собственныя, привезенныя изъ дома вещи, надѣла шляпку и пальто и вышла на улицу.

Безбѣдный опять вернулся къ своимъ гостямъ и съ сокрушеніемъ объявилъ что у Лилочки сдѣлался ужаснѣйшій мигрень и что она должна лечь въ постель. Онъ былъ очень разстроенъ и злость и находилъ что поступилъ неосторожно, залутавшись въ такія отношенія изъ которыхъ всегда трудно выпутаться.

— Я пройду къ ней на минутку? предложила Олжанская, сразу догадавшаяся что дѣло совсѣмъ не въ мигрени.

— Она васъ не пуститъ, отвѣтилъ Безбѣдный, и пригласилъ всѣхъ въ столовую.

Несмотря на привычку къ самообладанію, онъ на этотъ разъ никакъ не умѣлъ пересидить въ себѣ дурнаго расположенія духа и во все время обѣда говорилъ очень мало и въ очень брюзгливомъ тонѣ. Огромный рыжій адвокатъ, привезенный Безбѣднымъ, тоже оказался не изъ самыхъ разговорчивыхъ. Онъ молча подошелъ къ столу, выпилъ сразу двѣ рюмки водки и не закусилъ, а только какъ-то дунулъ предъ собой, сложивъ губы трубочкой. Олжанская, замѣтивъ что Безбѣдный разстроенъ, старалась занять Флютенталя и вообще дѣлать какъ можно больше шума. Великій лѣнистъ не обращалъ впрочемъ ни на нее, ни на хозяина рѣшительно никакого вниманія и положивъ себѣ на тарелку значительное количество какого-то рыбнаго суфлѣ, старался прилечь гдѣ онъ вѣлъ это кушанье раньше.

— А знаете какъ въ Эмсъ одинъ знаменитый нѣмецкій генералъ объяснялъ мнѣ наши неудачи? обратился онъ наконецъ съ довольною улыбкой къ Безбѣдному.—Надо вамъ сказать что этотъ генералъ, какъ всѣ вообще Нѣмцы, чрезвычайно остроумный человѣкъ. Онъ говоритъ что Русскимъ недостаетъ четырехъ вещей, которыя всѣ начинаются съ буквы G: Geld, Geduld, Gelingen и Genie.

И онъ засмѣялся громкимъ, довольнымъ смѣхомъ.

— Это очень остроумно! отозвалась Олжанская.

— Чрезвычайно! подтвердилъ Флютенталь.—Вообще, вы знаете, за границей на нашъ счетъ не стѣсняются, и еслибъ я вамъ передалъ всѣ остроты которыя тамъ ходятъ... Говорятъ однако что второй штурмъ стоилъ намъ двадцать тысячъ? добавилъ онъ понижая голосъ.

— Ахъ какой ужасъ! воскликнула Олжанская.

— Ну, ужъ и двадцать тысячъ! усомнился рыжій адвокатъ.

— Говорятъ! подтвердилъ Флютенталь, сбрасывая себѣ въ тарелку какую-то завернутую въ тончайшій жиръ птичку.

— Чортъ знаетъ что такое! отозвался Безбѣдный, не поясняя относится ли это восклицаніе ко вранью великаго пианиста или къ нашимъ военнымъ неудачамъ.

Онъ собственно не интересовался ни тѣмъ, ни другимъ, а думалъ объ упрямствѣ Липочки и о томъ какъ она ему испортила весь день. Приглашая Флютенталю онъ заранѣе мечталъ что Липочка споетъ въ его присутствіи свою лучшую арію и что затѣмъ самого великаго пианиста можно будетъ просить сыграть что-нибудь, и изъ любезности къ хорошенькой лѣвицѣ онъ конечно не откажетъ. Теперь вмѣсто всего этого предстояло занимать гостей разговорами—задача особенно обременительная при томъ неспокойномъ и раздраженномъ состояніи духа въ какомъ онъ находился.

Послѣ хорошаго обѣда,—а его кормили только очень хорошими обѣдами,—Флютенталь имѣлъ привычку сказать что-нибудь пріятное хозяину.

— Прелестная дача, замѣтилъ онъ переходя изъ столовой въ кабинетъ;—сейчасъ видно когда дѣла идутъ блистательно!

— О, чортъ съ ними совсѣмъ, съ дѣлами! брюзгливо отозвался Безбѣдный.

Пианистъ сдѣлалъ удивленные глаза, а рыжій адвокатъ остановилъ въ нѣкоторомъ разстояніи ото рта рюмку съ ликеромъ./

— Да право, надѣдаетъ это, объяснилъ Безбѣдный.— Хочется наконецъ чего-то другаго. Очень можетъ быть что я скоро выйду изъ адвокатуры.

— Но вѣдь вы отъ этой адвокатуры имѣете такіа большія выгоды! удивился Флютенталь.

Безбѣдный загадочно повелъ глазами по карнизу.

— Правду сказать, я никогда не смотрѣлъ на нее какъ на окончательное призваніе, сказалъ онъ.— Это хорошо для насъ... Я думаю что съ нѣкоторою предстоящею мнѣ перемѣной въ жизни матеріальныя выгоды потеряютъ для меня значеніе и тогда я получу возможность удовлетворить другимъ потребностямъ. У меня есть другаго рода честолюбіе.

Флютенталь уже не слушалъ, тогда какъ рыжій адвокатъ напротивъ смотрѣлъ на Безбѣднаго совершенно сладкими, точно покрывшимися леденцомъ глазами.

— Я предполагаю искать карьеры на коронной службѣ, пояснилъ Безбѣдный.— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь надо помнить что мы живемъ въ Россіи, гдѣ человѣкъ какъ-то не полонъ если ему не говорятъ „ваше превосходительство“. Въ Европѣ я разумѣется искалъ бы политической роли, но честолюбіе русскаго человѣка должно двигаться по табели о рангахъ. Надо смотрѣть на вещи практически. У насъ на верху бюрократія; будемъ толкаться въ бюрократію! Будемъ ловить превосходительство!

— Да, да, въ Россіи... „ваше превосходительство!“ выговорилъ съ безсознательною улыбкой Флютенталь, отрываясь отъ процесса лицезаренія.

XIII.

Лилочка съ саквояжемъ въ рукѣ торопливо шла паркомъ. Покрытые слезъ глаза ея безо всякаго опредѣленнаго выраженія скользили по песку дорожки, какъ будто для нея еще не осмыслилось мучительное значеніе того что случилось. „Когда? какимъ образомъ?“ спрашивала она себя и не понимала. Когда же началось собственно то что заставило ее теперь бѣжать въ какую-то пустоту, гдѣ она не видѣла цѣли, куда она бѣжала только повинуваясь инстинктивному стремленію осластись изъ-подъ обломковъ чего-то рухнувшаго надъ нею?

Она старалась припомнить все съ самаго начала, весь

процессъ созиданія этого рухнувшего храма, и въ недоумѣннѣ видѣла только иллюзіи, призраки, ошибки. Словно вдругъ погасли обманчивые огни, и жалкая ветоть декорацій представлялась удивленному взгляду. Какъ могло случиться что она такъ долго искала своего счастья среди этихъ размалеванныхъ тряпокъ?

Она плала, и всѣ подробности пережитой драмы, весь жалкій путь обмана и ошибокъ приломились ея измученной мысли. Тамъ, дома, среди безлюдья и скуки провинціального прозябанія, ей такъ легко было увлечься его возбужденною рѣчью, постоянно звавшею впередъ, туда гдѣ вѣчно бьется, разрушая и творя, волна цивилизованной жизни, гдѣ люди борются, падаютъ и торжествуютъ. Когда онъ уѣхалъ, она не роптала, она знала что его мѣсто тамъ. Но если она любила его, развѣ могла она оставить его одного въ этомъ водоворотѣ, гдѣ каждый всплескъ волны относилъ его все дальше и дальше отъ нея? И она тоже уѣхала, унося очень мало положительныхъ надеждъ на новое счастье и очень много ненависти къ постылому провинціальному существованію, которое оставляла назадъ.

Дальше ей не хотѣлось вспоминать. Сердце ныло, чувство уязвленного самолюбія отравляло кровь. Все, все представлялось ей дѣтскою ошибкой, самонадѣянностью глупца, жалкимъ своеволіемъ страсти. Путь пройденъ до конца, путь обмана и ошибокъ, которыхъ неискулить безполезный поздній ропотъ.

Она и не заботилась объ искушеніи. Найти хоть какую-нибудь внѣшнюю форму жизни, хоть что-нибудь чѣмъ можно жить не возвращаясь къ прошлому, вотъ все чего она хотѣла. У нея было немного собственныхъ денегъ, оставленныхъ отцомъ, и больше ничего. Мѣсяцъ, другой она въ состояніи прожить, а тамъ, если эта внѣшняя форма не будетъ отыскана, если жить будетъ нечѣмъ... коробочка фосфорныхъ спичекъ или горшокъ съ горячими угольями, и всему конецъ. Да еще и нужно ли будетъ насиліе чтобъ оборвать истертую нитку жизни? Она чувствовала себя такъ дурако что ей казалось лишнимъ заглядывать за мѣсяцы впередъ.

— Въ городъ ѣдете? вдругъ услышала она надъ собой знакомый голосъ, и вздрогнувъ отъ неожиданности оглянулась. Подлѣ нея стоялъ баронъ Андрей. Онъ какъ и прошлый разъ точно изъ-подъ земли выросъ, и опять въ ту минуту когда она вся изнемогала отъ нестерпимой душевной боли.

— Я кажется испугалъ васъ, простите, извинился Андрей, идя съ ней рядомъ.—Позвольте-ка вамъ сакъ, вамъ должно-быть тяжело.

Липочка молча отдала ему свою нощу. Онъ заглянулъ ей въ лицо любопытными и какъ бы радостными глазами и чуть-чуть усмѣхнулся.

— Я тоже въ городъ, и должно-быть дня два тамъ промаюсь, продолжалъ Андрей.—У меня видите ли кузина есть, только давшая очень, съ матерью моею жила послѣднее время. Теперь, послѣ этого несчастнаго случая съ братомъ—вы вѣдь знаете?—все какъ-то разстроилось у насъ, точно никто мѣста себѣ не находитъ. Братъ впрочемъ былъ самое дѣятельное лицо въ семьѣ, поэтому и не мудрено. Такъ вотъ это кузина моя, mademoiselle Ловацкая, хлопочетъ теперь въ Петербургъ...

Онъ остановился и снова любопытными глазами взглянулъ на Липочку. Онъ очевидно говорилъ только для того чтобы занять время, такъ какъ по разстроенному лицу Липочки видно было что ей самой не подъ силу вести разговоръ.

— Этой кузинѣ моею вздумалось вдругъ получить какую-нибудь роль тамъ на Дунѣ... знаете, по госпиталамъ... продолжалъ Андрей. — Чтò жъ, вѣдь нужно, война, ужасы всякіе... Многія ужъ уѣхали. Ей тутъ дѣла никакого нѣтъ, и притомъ она... какъ бы вамъ сказать... у нея всегда было что-то отзывающееся сестрой милосердія. Барышня она хорошая, хотя по-моему... Ну, да пусть себѣ идетъ, тамъ вѣдь дѣло настоящее, не то что съ нашимъ братомъ тутъ возиться... спастись отъ нравственнаго паденія...

Онъ усмѣхнулся уголками своихъ толстыхъ губъ, какъ будто это воспоминаніе расшевелило въ немъ старое недрожжающее чувство къ Дунѣ.

— Она вѣроятно отличная дѣвушка, эта ваша кузина, сказала Липочка.

— Ну да, разумеется отличная, подтвердилъ Андрей. То-есть, собственно говоря, это вотъ тамъ видно будетъ, когда за настоящее дѣло возьмется. А такъ какъ я теперь въ семьѣ единственный мужчина, такъ и долженъ все это устроить, снарядить ее въ дорогу. Сама-то она еще вчера въ городъ перѣѣхала.

Они дошли до вокзала. Андрей купилъ билеты и усадилъ Липочку въ вагонъ. Дорогой онъ продолжалъ одинъ поддерживать разговоръ, но наконецъ изобрѣтательность его

изсякла и онъ замолчалъ. Липочка какъ будто даже рада была что не должна больше слушать не интересовавшія ея рѣчи, и отодвинувшись въ уголъ мрачно глядя на покрытыя болотною ржавчиной поля, мелькавшія мимо оконъ. Лицо ея приняло оцѣпенѣлое выраженіе, всѣ черты какъ будто выпрямились и заострились. Андрей нѣсколько минутъ молча вглядывался въ это полуживое лицо, и странное, злое и какъ будто радостно поднимающее и тревожащее чувство понемногу наполнило его и отразилось блескомъ въ глазахъ.

— Вы совсѣмъ уѣзжаете? вдругъ спросилъ онъ, глядя на нее этими блистающими глазами.

Липочка вздрогнула и съ удивленіемъ повернула къ нему голову. Но въ ту же минуту она почувствовала что ей совсѣмъ не будетъ трудно отвѣтить на его вопросъ.

— Да, сказала она.

Андрей продолжалъ глядѣть на нее, крутя пальцами конецъ широкой оконной тесьмы, на которой лежала ея рука.

— Какъ странно, сказалъ онъ,—въ ту ночь когда я увидалъ васъ въ первый разъ—помните, на балконѣ?—я подумалъ что вы непременно уѣдете и именно вотъ такъ какъ я теперь васъ вижу, съ саквояжемъ и въ одномъ поѣздѣ со мною. И до того живо мнѣ это представилось, и нѣсколько разъ, что я сталъ припоминать не видалъ ли все это во снѣ. Но что жъ вы будете дѣлать въ городѣ?

— Я найму комнату и потомъ буду искать какъ-нибудь устроиться... Мнѣ бы хотѣлось найти уроки или даже мѣсто какое-нибудь, объяснила Липочка, и вдругъ глаза ея наполнились слезами и лицо стало прозрачно какъ мертвое.

— Но есть ли у васъ кто-нибудь въ городѣ? вѣдь вы въ такомъ положеніи что вамъ невозможно оставаться безо всякой помощи! испугался за нее Андрей.

Липочка достала платокъ и молча прижала его къ губамъ. Она вспомнила о Молоствовѣ, но послѣ того что произошло между ними ни за что не рѣшилась бы обратиться къ нему.

— Если у васъ есть время, то помогите мнѣ найти комнату, сказала она.

Андрей охотно взялся поѣхать вмѣстѣ съ нею и повезъ ее прямо въ одинъ знакомый ему домъ, гдѣ какая-то чиновница, большая любительница чистоты и спокойствія, содержала меблированныя квартиры. Комнатка которую показали Липочкѣ ей понравилась и она тотчасъ оставила ее за собой. Андрей сталъ прощаться.

— Посидите если вамъ нечего дѣлать, предложила Липочка.

Онъ остался, удивляясь что въ первый разъ испытываетъ такое серьезное участіе къ „барышня“ которая въ сущности вѣроятно ничѣмъ не лучше всѣхъ этихъ кисейныхъ созданій, возбуждавшихъ въ немъ почти враждебное чувство. Непривычное, невольна сложившееся отношеніе къ Липочкѣ даже раздражало его. „Что мнѣ за дѣло до ея страданій? Обманули ее или сама она захотѣла быть обманутою—не все ли равно? Налетѣла на огонь, обожгла крышечки—ну и пускай. А пожалуй завтра же вернется къ нему и опять будетъ страдать, а тамъ привыкнетъ. Всѣ онѣ не дорогаго стоить!“

Липочка бросила на комодъ свой сакъ, облокотилась обѣими руками на столъ и подняла полные слезъ глаза. Андрею при встрѣчѣ съ этими глазами стало совѣстно своихъ презрительныхъ, злыхъ мыслей.

— Вы ужъ не вернетесь туда... въ Павловскъ? сказалъ онъ тономъ ласковой довѣрчивости.

— Если я бросила все, значить не вернусь. Это не такъ легко разорвать съ тѣмъ что составляло всю мою жизнь, отвѣтила Липочка.

— Но какъ вы могли довѣриться этому человѣку? продолжалъ думать вслухъ Андрей.—Я не очень близко его знаю, но мнѣ кажется что онъ не способенъ даже прикинуться человѣкомъ искренне чувствующимъ.

— Ахъ, развѣ можно въ этихъ случаяхъ добиться—какъ и почему? возразила Липочка.—Начинаешь понимать когда ужъ все кончилось. Но онъ не былъ такой. Я полюбила его три года назадъ, въ провинціи. Я была почти ребенкомъ, онъ былъ умнѣе, интереснѣе, образованнѣе всѣхъ кого я раньше встрѣчала. Его разговоры, его взгляды на жизнь, его стремленія показались мнѣ откровеніемъ...

Она закрыла лицо руками, охваченная трепетомъ воспоминаній.

— Вамъ трудно говорить, простите что я завелъ этотъ разговоръ, извинялся Андрей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу разказать вамъ все, я еще не могу ни говорить, ни думать ни о чемъ другомъ, отвѣтила Липочка.—Надо же хоть разъ кому-нибудь высказать все что давить душу. Эти муки которыя я перенесла... отъ нихъ

теряешь рассудокъ. Мнѣ иногда кажется что я такая дурная, гадкая женщина что не стою состраданія. Выслушайте, вамъ лучше судить...

И она, торопясь и волнуясь, разказала всю печальную исторію своей любви. Она не хотѣла цѣдить себя, ей какъ будто доставляло злою радость пережить въ этомъ страстномъ разказѣ всю горечь обиды, весь стыдъ обманутаго чувства.

Андрей какъ-то странно хмурился, кидалъ на нее короткіе безлокойные взгляды и водилъ рукой отъ затылка ко лбу и по лицу.

— Что жъ вы такъ все и будете волноваться? Кончили—ну и слава Богу, чего жъ еще на потухшихъ головешкахъ горѣть, проговорилъ онъ почти грубо.

Липочка невольно улыбнулась этому оригинальному сраженію.

— Ахъ, баронъ, вѣдь все что я вамъ разказала тутъ единственныя впечатлѣнія моей жизни. Я еще не жила никакою другою жизнію, сказала она.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло... какъ бы проворчалъ Андрей.— Жизнь зла, кого не надо она сводить, а тѣхъ которые можетъ были бы счастливы—тѣхъ разъединяетъ... Обыкновенное дѣло! Я даже замѣчалъ что хорошія женщины гораздо чаще влюбляются въ дурныхъ мужчинъ, а хорошіе мужчины въ дурныхъ женщинъ. Въ родѣ того какъ говорятъ что брюнетамъ чаще нравятся блондинки, а блондинамъ брюнетки. Только знаете ли что я думаю? Уѣзжали бы вы лучше отсюда куда-нибудь подальше... право лучше было бы, добавилъ онъ тѣмъ же какъ бы ворчливымъ тономъ.

Липочка съ тоской повела глазами.

— Некуда, сказалъ она.

Андрей только поглядѣлъ на нее и ничего не сказалъ. „Значить домой не вернется“, подумалъ онъ.

— Если вы хотите сдѣлать доброе дѣло, похлопочите нельзя ли мнѣ уроковъ найти, или мѣсто какое-нибудь.. попросила Липочка.

Андрей всталъ и прошелся по маленькому пространству комнаты.

— Найти разумѣется можно; только я думаю... А не рѣшились бы вы поѣхать съ моею кузиной сестрой милосердія? вдругъ предложилъ онъ.—По крайней мѣрѣ новыя мѣста, новое дѣло...

У Липочки эта мысль уже мелькала во время сегодняшняго разговора съ Андреемъ, но сама первая она не рѣшилась бы ее высказать. Лицо ея быстро оживилось.

— Но вѣдь я плоха очень, гождусь ли я для такого тяжелаго дѣла? возразила она.

— Пустяки, какъ вырветесь отсюда, да стряхнете съ себя всю эту дрянь, живо поправитесь, отвѣтилъ Андрей.—Если хотите я сейчасъ же скажу кузинѣ, она въ родѣ уполномоченной, отъ нея это и зависить. Въ одинъ день все вамъ устроимъ, вмѣстѣ и поѣдете. Для васъ это въ нѣкоторомъ родѣ даже противоядіемъ будетъ.

Липочка вопросительно взглянула на него.

— Да какъ же? Вѣдь вы тутъ что видѣли: жидовство, хищничество, мыльная пѣна носящаяся надъ поверхностью жизни, шарлатанство словомъ и дѣломъ... А тамъ кровь, русская кровь... Подъ русскимъ мундиромъ русскіе люди, русскія сердца... Смерть, страданія, ужасы—и нѣтъ такое чего мы не замѣчаемъ въ другое время, какая-то страшная сила ненавистная всему жидовствующему, лгущему, носящемуся надъ жизнью безъ здоровыхъ корней въ ней. Удивительные люди, спокойно умирающіе за чужое дѣло... и сознаніе чего-то вѣчнаго, неизмѣримо сильнѣйшаго всѣхъ нашихъ земныхъ интересовъ—вѣдь этого сознанія больше нигдѣ нѣтъ!

Андрей кажется самъ удивлялся своей горячности и съ застѣнчивымъ видомъ повторилъ свой любимый жестъ отъ затылка ко лбу. Липочка въ волненіи встала и глядя мимо него протянула руку.

— Такъ скажите вашей кузинѣ... Я поѣду! рѣшилась она.

XIV.

Дiana была дома. Весь день она провела въ хлопотахъ, и теперь, немножко усталая и немножко раздосадованная тѣми несносными затрудненіями съ которыми сопряжено всякое дѣло, ждала Андрея чтобы передать ему порученія на завтрашній день. Она была совершенно одна въ огромномъ необитаемомъ въ лѣтніе мѣсяцы домѣ, гдѣ только ея собственная комната представляла признаки хлопотливой дѣятельности: на полу стояли сундуки, огромные ящики казенной наружности, на диванахъ лежали килы еще не улако-

ванныхъ госпитальныхъ принадлежностей, письменный столикъ былъ весь покрытъ телеграммами, счегами, письмами на бланкахъ и безъ бланковъ. Комната, остававшаяся на лѣтнемъ положеніи, то-есть безъ ковровъ и драпировокъ, и заваленная всѣми этими разнообразными предметами, имѣла дѣловой, неуютный видъ. Но Дина очевидно не замѣчала этой неуютности, и забравшись съ ногами на единственную свободную кушетку, почти цѣлый часъ лежала въ бездѣйствіи со сложенными на груди руками и выраженіемъ спокойной задумчивости въ полузакрытыхъ синихъ глазахъ. Ей была нужна эта неподвижность тѣла, потому что она чувствовала физическую усталость и потому что не хотѣла нарушить тихое круженье мысли.

Она была рада что утѣшается. Ее занимало серьезное, нужное дѣло, за которое ей предоставляли взяться. Она испытывала неопредѣленное, но радостное облегченіе при мысли что черезъ день, черезъ два вся эта телерешная жизнь отойдетъ отъ нея—и отойдетъ такъ удобно, безъ разрыва, безъ ропота.

Когда стало совсѣмъ емеркаться, она спросила лампу, увидялась что Андрей все еще не пріѣхалъ, пересмотрѣла небольшое количество книгъ на столѣ и взяла одну изъ нихъ.

Когда наконецъ Андрей пріѣхалъ, она уже съ сожалѣніемъ оторвалась отъ заинтересовавшаго ее чтенія.

— Я ждала васъ раньше; вы вѣроятно не прямо изъ Павловска? спросила она.

Андрей вмѣсто того чтобы сѣсть принялся въ вѣкоторой ажитаціи ходить взадъ и впередъ предъ кушеткой на которой она лежала.

— У меня къ вамъ просьба. Тутъ есть одна дѣвушка, совсѣмъ несчастная. У нея былъ романъ съ Бездѣльнымъ. Вы можете-быть слышали? заговорилъ онъ несложно.

Дина съ удивленіемъ раскрыла на него глаза.

— Что-то такое слышала, сказала она.

— Ну да. Я ее почти не знаю, случайно какъ-то пришлось нѣсколько разъ заговорить, продолжалъ Андрей.—Но ее всю можно съ перваго взгляда понять. Дѣвушка съ горячимъ сердцемъ и какъ обыкновенно безо всякаго знанія жизни и людей. Влюбилась, думала замужъ выйти—однимъ словомъ извѣстная исторія. Кажется чахотку нажила; наконецъ рѣшилась бросить. Средства у нея разумѣется никакихъ,

вернуться домой къ отцу не хочетъ—пропадетъ тутъ со-всѣмъ, или того и гляди опять къ нему вернется. Я ей объ-щала съ вами поговорить—можетъ-быть вы ее въ Болгарію возьмете?

Дина приподняла голову и напряженно посмотрѣла на Андрея своими синими глазами.

— Вы думаете что больше ничего нельзя для нея сдѣлать? сказала она.

— Я думаю что самое лучшее поскорѣе увезти ее отсюда и занять какимъ-нибудь серіознымъ дѣломъ, отвѣтилъ Андрей.—А главное, пока я буду знать что она съ вами, я буду считать ее въ самыхъ лучшихъ рукахъ, въ какія только можно пристроить несчастную дѣвушку, добавилъ онъ застѣнчиво.

— Отчего вы не привезли ее прямо ко мнѣ? Завтра поутру проводите меня пожалуйста къ ней если это не стѣснить ее, предложила Дина.

Андрей подвинулся къ кузинѣ и съ какою-то ему одному свойственной неловкостью поцѣловалъ ея руку.

— Ну да, я вѣдь знаю что вы добрая, объяснилъ онъ.

Лицо Дины сохраняло печальную задумчивость и глаза глядѣли напряженно, какъ будто она чувствовала въ нихъ боль.

— Страданіе, горе, больные, несчастные—все одно и то же, одно и то же! сказала она.—Или такое веселье которое хуже несчастья, и такіе счастливыя которыхъ не хочется видѣть... Вы говорили у этой дѣвушки хорошая натура, горячее сердце?

— И натура, и сердце, и образованіе, и даже талантъ—она вѣдь лѣтнюю училась, на сцену думала поступить, отвѣтилъ Андрей, рѣшившись наконецъ поставить себѣ стулъ и сѣсть.—Но что жъ вы будете дѣлать? Пріѣзжаетъ она одна въ Петербургъ, попадаетъ прямо въ такую дѣйствительность гдѣ подъ часъ и опытный человѣкъ не сразу различить гдѣ добро, а гдѣ самая мерзость. Воздухъ отравленъ, онъ одура-етъ. Никто толкомъ не знаетъ куда идти, какимъ богамъ по-клоняться. Ищешь живой души, и видишь какую-то лапаль. Но эта лапаль хищничаетъ, развратничаетъ, гніетъ сама и заражаетъ другихъ, и безстыдно или наивно выкрикиваетъ тѣ самыя громкія фразы отъ которыхъ у молодежи голова кру-жится. О, я вѣдь всегда говорилъ что это мерзость и всегда ненавидѣлъ этихъ людей, это общество... Братъ за это почти

презиралъ меня—и пустилъ лулю себѣ въ лобъ. И другая жертва готова, и еще сотни, тысячи, можетъ-быть десятки тысячъ! Кто ихъ станетъ считать? Да и какую цѣну имѣетъ человѣческая жизнь, человѣческое счатіе? Какая жизнь, какое счатіе? Фальшивые чеки и векселя, рестораны и шлицъ-балы, газеты руководимыя отставными штыкъ-юнкерами, ко-котки, ломберные столы, уголовные процессы, банкирскія конторы.. Съ чѣмъ, скажите пожалуста, какая-нибудь Лилочка войдетъ въ эту жизнь? Въ головѣ сумбуръ, какіе-то сбоку стоящіе идеалы (дескать или мы упразднимъ дѣйствительность, или она насъ упразднитъ), въ нервахъ раздраженіе, въ крови напругающаяся сила молодости... Можетъ-быть „честныя идеи“ спасутъ? Да онѣ у любого плута съ языка не сходятъ, ими какъ цвѣтами вся лададь разукрасилась!

Андрей всталъ и потянулъ въ себя воздухъ. Онъ никогда такъ много и такъ горячо не говорилъ. Лицо его было красно, въ свѣрыхъ глазахъ блистали какія-то словно вспыхнувшія изъ-подъ пелла искры.

Дина молчала, только говорило печальное и ласковое выраженіе ея задумчивыхъ глазъ. Прошло можетъ-быть около минуты.

— Знаете чтò я читала когда вы пришли? сказала она наконецъ, отыскивая въ книгѣ страницу на которой остановилась.—Старая вещь, но сегодня на меня почему-то произвело особенное впечатлѣніе одно мѣсто. Прежде я не замѣчала его, оно какъ-то скрадено общемою шириной картины. При Неронѣ, на пиру у Деція, среди безобразной оргіи, адвокатъ восхищается прогрессомъ своего вѣка, величіемъ цезаря и говорить:

..... Прощай
 Лучи во вѣтъ концы земли,
 И гдѣ прощай—тамъ появилась
 Торговля, тога, циркъ и судъ—
 И вѣковѣчныя бѣгутъ
 Въ пустыняхъ римскія дороги.

Тогда встаетъ великій жрецъ и возражаетъ адвокату:

Все хорошо на первый взглядъ,
 Да вотъ бѣда: уходить боги!
 Вездѣ оракулы молчатъ!
 Вонъ въ Дельфахъ: лицею насильно
 Ввели въ святилище: молчать,

Блѣднѣетъ, льется потъ обильно,
 Всѣ ждуть—и вдругъ она бѣжитъ
 Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры
 И какъ упала—умерла!
 Въ боговъ умалилося вѣры,
 И боги покидаютъ насъ
 На произволъ судьбы *...

Вы понимаете почему я заговорила объ этихъ стихахъ? продолжала Дина.—Потому что вы повторили слова великаго жреца. „Уходить боги!“—развѣ это не то самое что вы сейчасъ сказали? Мнѣ представляется этотъ пустующій Олимпъ, это жалкое человѣческое стадо, покинутое безсмертными, и этотъ старый жрецъ, противопоставляющій восторгамъ адвоката свое безнадежное: „уходить боги!“ Гдѣ для него радость, гдѣ смыслъ жизни, если боги уходятъ? А вѣдь уходящіе боги—это идеалы культурно-нравственной жизни, это огонь низведенный съ неба Прометеемъ...

Она закрыла книгу и повела плечомъ, какъ будто почувствовала холодъ.

— Но вы обѣщали мнѣ на завтра вашу помощь, André, заговорила она совсѣмъ другимъ тономъ.—Я припасаю для васъ дѣловую массу порученій...

И разговоръ ихъ принялъ дѣловое направленіе.

Прежде чѣмъ лечь спать, Андрей по приобретенной имъ привычкѣ зашелъ въ маленькій и довольно скверненькій ресторанчикъ поужинать. Этотъ ресторанчикъ привлекалъ его, во-первыхъ, тѣмъ что тамъ никогда не бывало посѣтителей изъ ненавистнаго ему круга и, во-вторыхъ, тѣмъ что тамъ подавали какое-то необыкновенно густое и крѣпкое кахетинское, къ которому онъ въ послѣднее время пристрастился.

Сегодня онъ испытывалъ особенную жажду. Впечатлѣніе недавней встрѣчи съ Липочкой, ея разказъ, разговоръ съ Диною за которыми онъ такъ неожиданно увлекся и обнаружилъ не подозреваемую имъ самимъ горячность возмущеннаго, ненавидящаго чувства, все это взволновало и разожгло его. У него всегда были органическія, упрямые антипатіи; но онъ довольствовался тѣмъ что просилъ оставить его въ покоѣ, не мѣшать ему жить такъ какъ онъ хочетъ. Та другая жизнь какую жилъ его братъ была для него не понятна и не интересна. Она представлялась ему прежде всего въ формѣ

* *Два Мира*, лирическая поэма А. Майкова.

неудобнаго галстука, тѣсныхъ перчатокъ, барынь къ которымъ не знаешь какъ подойти изъ-за ихъ длиннаго шлейфа, и барышень которыхъ надо ангажировать на контрдансъ. Тамъ дальше, въ извилинахъ этой жизни, за этими перчатками и контрдансами существовало что-то нехорошее, но онъ лѣнился объ этомъ думать. Теперь, послѣ катастрофы съ братомъ, послѣ пережитой унижительной развязки собственного романа, послѣ скорбнаго разказа Лилочки, онъ находилъ въ себѣ гораздо болѣе серьезный и злой взглядъ на эту жизнь. Онъ чувствовалъ что ненавидитъ ее страстно. и что эта ненависть составляетъ одну изъ радостей его существованія.

Выливая маленькими глотками свое кахетинское, онъ думалъ о томъ что такое чувство должно связывать людей, что въ немъ есть такая же сила какъ въ любви. Оно требуетъ чтобъ его раздѣляли, и въ этой потребности заключается свойственное человеческой природѣ исканіе счастья, предчувствіе счастья. Онъ, Андрей, былъ счастливъ своимъ злобнымъ возбужденіемъ, потому что Лилочка и Дина—онъ сознавалъ это неотразимо и радостно—раздѣляли его возбужденіе. И онъ вдругъ почувствовалъ себя сильнѣе связаннымъ съ ними чѣмъ съ тѣми женщинами которыхъ любилъ.

XV.

Черезъ два дня въ вокзалъ Варшавской дороги собралось предъ отходомъ заграничнаго поѣзда довольно много народа.

Баронесса Ксенія Михайловна пріѣхала изъ Павловска чтобы проводить Дину. Въ короткій промежутокъ времени со смерти Поля она такъ постарѣла что была неузнаваема. Путаясь въ своемъ длинномъ траурномъ платьѣ она съ трудомъ прошла въ пассажирскую залу и опустилась на диванчикъ. Видъ суетливой, шумной толпы, озабоченно толкавшейся около платформы, былъ ей тягостенъ. Это движеніе, эти люди стремившіеся впередъ, вдаль, напоминали объ утраченной молодости и заставляли сильнѣе чувствовать остановившееся движеніе собственной жизни.

— Скоро? спросила она стоявшаго подлѣ нея Андрея.

На дебаркадерѣ ударилъ первый звонокъ. Дина наблюдавшая за установкой багажа (она хотѣла непременно сама все дѣлать и видѣть) вернулась въ залу. Ксенія Михайловна поцѣловала ее и перекрестила.

— Я ужъ не пойду на платформу: затолкаютъ... Ну, Господь да хранить васъ, моя дорогая, да и сами берегите себя. Я вѣдь любила васъ какъ родную дочь... проговорила старушка. Онъ еще разъ поцѣловались. Липо Ксеніи Михайловны было мокро.

— Когда будете молиться, не забывайте *его*... сказала она ставленнымъ голосомъ.

Андрей отвелъ ее подъ руку, посадилъ въ карету и бѣгомъ вернулся назадъ.

На другомъ концѣ залы Полина, одѣтая въ изящный полудорожный, полу-дачный костюмъ, показала глазами Воынскому на составленные подлѣ нея картонки.

— Велите же снести, вѣдь лора, сказала она тономъ нетерпѣнія.

Воынский, въ томъ самомъ гороховомъ макферланчикѣ который такъ пригодился Кокò, и въ какой-то странной мяконецкой фуражечкѣ съ прямымъ козырькомъ принялся нагружать артельщика. На лицѣ его лежало стыдливо озабоченное и вѣсколько смѣшное выраженіе, какое бываетъ иногда у жениховъ.

— Да скорѣе же! проводите же меня наконецъ въ вагонъ торопила Полина.

Воынский, котораго его странный костюмъ дѣлалъ похожимъ на извѣстную фигуру путешествующаго Англичанина, подаль ей руку. Въ другой онъ держалъ цѣлую коллекцію пледовъ и зонтиковъ.

— Пс, вы еще не успѣли! произнесъ Кокò, появляясь изъ буфета имъ навстрѣчу.

Онъ тоже отправлялся „вояжировать“. Это была внезапная, но блестящая идея. Со свойственною ему гениальностью онъ сообразилъ что Воынский, вѣдущій за границу при такихъ исключительныхъ условіяхъ, будетъ непременно тратить тамъ очень много денегъ, и что поэтому надо ходить около него и жены положительно стоить. Съ ликвидацией общества столичной ассенизаціи ничто больше не удерживало его въ Петербургѣ, дачная жизнь ему до смерти опротивѣла, а знакомыхъ онъ просто возненавидѣлъ за постоянные разспросы: отыскиались ли украденныя у него вещи? Всѣ эти обстоятельства усиливали въ немъ потребность пріятнаго и легкаго развлечения, и онъ рѣшился солгать женѣ. Онъ признавалъ немножко денегъ и

купила въ Англійскомъ магазинѣ удивительнѣйшій сакъ, на ремешкѣ черезъ плечо. Въ этомъ сакѣ были отдѣленія для сигаръ, для писемъ и газетъ, для золота и книжки чековъ, для бинокля и содовыхъ порошковъ, и кромѣ того спичечница, чернильница, записная книжка и револьверъ. Съ этимъ сакомъ можно было отправиться въ неизвѣстныя страны Африки на поиски Ливингстона. Кромѣ того въ томъ же Англійскомъ магазинѣ ему дали удивительнѣйшую фуфайку съ конскими и лесьими головами, какую носятъ на континентѣ члены Жокей-клуба. Снабженный этими необходимыми принадлежностями дорожнаго комфорта, Кокдъ съ чувствомъ счастливой обезпеченности съѣлъ нѣсколько пирожковъ въ буфетѣ вокзала.

— Пойдемте я вамъ покажу гдѣ лучше сѣсть. Зачѣмъ вы надѣли свой противный макферланчикъ? Вы хотите чтобы я и за границей постоянно помнилъ эту глупую исторію? провѣдиль онъ нѣсколько недовольнымъ тономъ.

Онъ вдругъ увидѣлъ барона Андрея, разговаривавшаго съ кѣмъ-то черезъ опущенное стекло вагона, и заглянувъ узналъ Дину и Липочку. На лицѣ его отразилось пріятное изумленіе.

— Ахъ да, вѣдь вы чѣмъ-то такимъ по эвакуаціи, вспомнилъ онъ вслухъ, раскланиваясь и поправляя свой удивительный сакъ.—Но это отлично что мы вмѣстѣ. Я не зналъ. Жена тоже ѣдетъ, и Волювскій. Мы предпринимаемъ втроемъ маленькую экскурсію, кажется въ Швейцарію. Ну, я разумѣется могу ихъ бросить если будетъ скучно.

Затѣмъ онъ подкинулъ монокаль и уставился на Липочку.

— Но гдѣ же Безбѣдный? вдругъ спросилъ онъ.

Липочка сдѣлала видъ что не слышала.

— Пс! произнесъ какъ-то загадочно Кокдъ.

На платформѣ дали второй звонокъ. Кокдъ приподнял свое шелковое кели, въ родѣ тѣхъ какія носятъ нѣмецкіе студенты, и отправился разыскивать жену, продолжая загадочно поводить глазами и губами.

А на другомъ концѣ поѣзда, въ вагонѣ втораго класса разсаживались тоже знакомыя намъ лица: Настенька Яничъ съ братомъ, Бадомутовъ, Зонненштрааль, Дыбаевъ и Попрукина. Они также ѣхали за границу, потому что въ Россіи, гдѣ все занято войной и славянскимъ движеніемъ, имъ рѣшительно нечего было дѣлать. Стышинъ уѣхалъ еще раньше и действительно звалъ ихъ. Хорошенькая Кронгольдъ тоже

должна была быть съ ними, но въ самую послѣднюю минуту измѣнила, увлекшись уланскимъ юнкеромъ.

Раздался послѣдній звонокъ.

— Прощайте, сказала Дина, протягивая черезъ окно руку Андрею.—Будете писать?

Лилочка, сидѣвшая дальше, встала и подошла къ окну.

— Прощайте, баронъ, сказала и она.—Если я вернусь жива и здорова, то этимъ я буду вамъ обязана!

— О, что это вы! возразилъ Андрей, и перегнувшись въ окно поцѣловалъ имъ обѣимъ руки. Въ глазахъ у него стояли слезы.

— Прощайте! сказали еще разъ съ обѣихъ сторонъ.

Поездъ тронулся, медленно выдвигаясь изъ-подъ полумрака дебаркадера.

Осенью того года нѣкоторый кругъ петербургскаго общества былъ очень заинтересованъ двумя свадьбами, послѣдовавшими скоро одна за другою: Каричъ женился на Олжанской, и Безбѣдный женился на Аннетъ Каричъ. Приглашенія на оба торжества разсылались въ огромномъ количествѣ и все было обставлено самымъ блестящимъ образомъ. По городскимъ слухамъ, Каричъ дѣйствительно далъ за дочерью около полумилліона, но можетъ-быть это не совсѣмъ вѣрно. Во всякомъ случаѣ Безбѣдный имѣетъ видъ очень богатаго человека. Онъ уже вышелъ изъ адвокатуры, и въ разговорѣ съ пріятелями любитъ вспоминать, съ нѣскольکو вольнодумною улыбкой на красивомъ лицѣ, восклицаніе великаго Флутенталя: „Да, да, въ Россіи... ваше превосходительство!“

Молодость еще въ томъ же году разошелся съ нимъ, разчитывая пріобрѣсти кое-какую самостоятельную практику. Что изъ него выйдетъ—неизвѣстно.

Неизвѣстно пока и многое другое... Но комедія жизни не даетъ отдыха актерамъ. Занавѣсъ спущенъ, но онъ взойдется опять, и лицедѣи снова наполнять сцену. Иные перемѣняютъ парики и костюмы, но мы узнаемъ ихъ въ толпѣ новыхъ лицъ—и можетъ-быть встрѣтимъ благосклонно, какъ ст арыхъ знакомцевъ.

А пока повѣствованіе наше кончено. Иного читателя не удовлетворитъ такая развязка—лубка все еще любитъ видѣть на послѣдней страницѣ книги торжествующую добродѣтель и наказанный порокъ. Ея нравственное чувство

хочетъ хоть этимъ путемъ возмѣстить неправду и ложь дѣйствительной жизни. Богатый, преуспѣвающій, благополучный Безбѣдный, „его превосходительство“ Безбѣдный—это не хорошо. Но, во первыхъ, авторъ думаетъ что нѣкоторая мораль заключается и въ той развязкѣ которую онъ смѣетъ предложить, а во вторыхъ.... развѣ Безбѣдный герой романа? Онъ „герой нашего времени“, герой дѣйствительной жизни; а въ этой жизни есть къ счастью нѣчто такое что никогда не примирится съ нею. Лицедѣи комедіи засломили это „нѣчто“, но оно существуетъ. Имъ живетъ настоящій герой романа и этотъ герой названъ въ заглавіи.

В. АВСѢНКО.

НА ГОРАХЪ*

Р А З К А З Ъ

LXXXIV.

Умалались люди Божьи отъ радѣльныхъ трудовъ. Солнце давно ужъ съ полднѣмъ своротило, а они все покоятся. Ду- ня прежде всѣхъ пробудилась. Тихо поднялась съ постели, опасаясь разбудить Вареньку, и не одѣтая сѣла на кровати.

Сидить и сновидѣнья вспоминаетъ... Вспоминаетъ и видѣ- ное въ Сіонской горницѣ. Мутится на умѣ и не можетъ она различить что видѣла во снѣ и что наяву...

Не того ждала она отъ Божьихъ людей. Не такіе обряды, не такое моленіе духомъ она до того представляла себѣ. Инаго она страстно желала, къ иному стремилась ея душа. Бѣшеная скачка, изувѣрное круженье, прыжки, пляска, то- поть ногами, дикіе воли и завыванья мушницъ, изступлен- ный визгъ женщинъ, неистовый ревъ дьякона, бессмысленные крики юрода казались ей необычными, странными и возбу- ждали сомнѣнье въ святости видѣннаго и слышаннаго. Ни о чемъ подобномъ въ мистическихъ книгахъ Дуни читать не

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 10й 1875; №№ 8 и 10й 1876; №№ 5, 6, 7, 9, 10й 1877 и №№ 1, 5 и 8й 1878.

доводилось. Говорили ей про тайные обряды и Марья Ивановна, и Варенька, но не думала Дуня что это будетъ такъ дико, неустово, безсмысленно.

„Не врагъ ли меня смущаетъ? всладеваетъ ей на мысль... Можетъ-быть хочется ему не допускать меня до общенія съ людьми Божьими? Такъ и Марья Ивановна говорила, и Варенька и всѣ... Хитрой, злобной силою ополчается онъ на меня... Прочь, лукавый!! Не смутить тебѣ меня, не снотворить... Помню Писаніе: „безумное Божіе премудрѣе челоувѣческой мудрости“.

А на сердцѣ болѣзненно. То сомнѣнья пронесутся въ отуманенной головѣ, то бывшая, давнишняя жизнь вдругъ ей всплмнится.

Вотъ завываетъ вьюга, закидало снѣгомъ оконныя стекла. Въ жарко натопленной кельѣ Манеены обительскія дѣвицы усѣвшись кругомъ стола въ строгомъ молчаньи слушаютъ мать казначею Таифу. Читаетъ она *Стоглазъ* и послѣ каждого „отвѣта“ * Манеена толкуетъ прочитанное. Всѣ за рукодѣльемъ, кто шьетъ, кто вяжетъ, Дуня кончаетъ бисерный голубой кошелекъ отцу въ подаренье. До того мѣста доходитъ Таифа гдѣ соборъ отцовъ хулить и порицаетъ ляску, скаканья, плещеванія руками, ножной топотъ и кличъ нелюдобный. „Все сіе отъ діавола, учительно говоритъ Манеена, сими кобями приводитъ онъ къ себѣ людей, дабы души ихъ въ вѣчной гибели мучились съ нимъ.“ И начнетъ бывало потомъ разказывать про адскія муки, уготованныя уловленнымъ въ сѣти врага Божія, отца лжи и всякаго зла. „Не то ль и у нихъ въ Сіонской гораицѣ?.. приходитъ въ голову Дунѣ. Не то ли же самое о чемъ въ *Стоглазѣ* говорится?“ И сильнѣе и шире растутъ сомнѣнья, колеблются мысли, и тяжелое разіумье нападаетъ на Дуню...

Вотъ она еще маленькая, ее только что привезли въ Комаровъ... Лѣто, въ небѣ ни облачка, вѣтерокъ не шелохнется, кругомъ кузнечики кричатъ, высокѣ въ поднебесьи заливаются лѣснами жаворонокъ, душно, знойно... Съ матерью Манееной да съ тетенькой Дарьей Сергѣевной идетъ Дуня по полю возлѣ Каменнаго Вражка. Пробираются онѣ въ перелѣсокъ

* *Стоглазъ* состоитъ изъ вопросовъ царя Ивана Васильевича и отвѣтовъ Московскаго собора.

на прохлада въ тѣни посидѣть... Вотъ яркая зеленая луговина, вся она устлана цвѣтами — тутъ и голубыя незабудки, и бѣлоснѣжные кувшинчики, и яркожелтыя кулавки, и пестрые одолѣны. Вскрикнула отъ радости маленькая Дуня, и въ дѣтскомъ восторгѣ вихремъ помчалась къ красивымъ цвѣточкамъ... Манеѣ не можетъ за нею бѣжать, Дарьѣ Сергѣевнѣ тоже не подъ силу догнать рѣзвого ребенка.... „Стой, Дуня, стой! кричить ей Манеѣ... Тутъ болото!.. Загрязнешь, утонешь!...“ И теперь только что вспомнить она про радные, голосъ Манеѣ ей слышится: „загрязнешь, утонешь!...“

„Отъ чего жь во время радныхъ такъ горѣло у меня въ горлѣ, отъ чего лылало такъ на сердцѣ? размышляетъ Дуня.... Отъ чего душа замирала въ восторгѣ? Марья Ивановна говорила, что благодать тогда меня озарила, святой Голубъ пречистымъ крыломъ коснулся души моей... Такъ ли?...“

И стали одно за другимъ вспоминаться ей только что оставившія ее сновидѣнья... Вотъ она въ какомъ-то чудномъ саду. Высокія, чуть не до неба лалымы, рощи банановъ, цвѣты орхидей и кактусовъ, да не такіе что цвѣтутъ въ Луловицкихъ теплицахъ, а больше, ярче, красивѣй, душистѣй. Бездна ихъ, бездна... Тутъ и диковинныя деревья—золотыя на нихъ яблоки, серебряныя груши, а на листочкахъ не капли росы, а все крупные брилліанты... И птицы на разные голоса распѣваютъ, и тихая музыка играетъ гдѣ-то вдали. А вотъ и усыпанная цвѣтами луговина, да не такими что видѣла она когда-то у Каменнаго Вражка, здѣсь все чудные, нигдѣ не виданные.... А какъ свѣтло, хоть солнышка и нѣтъ. Какъ тепло, хорошо... И вдругъ мракомъ все подернулось. Гремить несмолкаемый громъ, по всѣмъ сторонамъ сверкаютъ синелламенные молніи... Мчатся въ воздухъ крылатыя чудища, раскрыты ихъ ласти, высунуты страшные клыки, распущены острые когти, зелеными огнями сверкаютъ глаза. И по землѣ со всѣхъ сторонъ ползутъ седмиглавыя зми, пламенемъ пышутъ ихъ ласти, все вкругъ себя пожираютъ, громадными хоботами ломаютъ они кусты и деревья. А изъ-подъ земли, изъ-за кустовъ, изо всѣхъ овраговъ выбѣгаютъ какіе-то ужасные, невѣдомые люди,—дикіе крики ихъ трелетъ наводятъ, въ рукахъ топоры и ножи... Все на Дуню. Все кидается на беззащитную... Ножъ у груди, кто-то взмахнулъ топоромъ надъ ея головой... Хочетъ бѣжать—недви-

жимыноги, хочеть кричать—безгласны уста... И вдругъ—Петръ Степанычъ... Не то на землѣ онъ, не то на воздѣхъ... Недвижно стоитъ въ величавомъ покоѣ, свѣтлые взоры съ любовью смотрять на Дуню, проникая въ глубь ея сердца... Въ рукѣ у него пальмовая вѣтка. Разъ махнулъ—исчезли чудовища, еще разъ махнулъ—скрылись страшные люди... Олять свѣтло, олять дивный садъ, олять поють птички и слышится вдали упоительная, тихая музыка... Нѣтъ, это не музыка—это поють... Мужскіе голоса... Поють они стройно и громко. Страстью, любовью дышетъ ихъ лѣсня:

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой,
На бѣлую грудь цѣлочку,
На шеюшку жемчужокъ.
Ты гори, гори цѣлочка,
Разгорайся жемчужокъ!..
Полюби меня Дуняша,
Люби миленькій дружокъ!..

Замерло у Дуни сердце... Вспомнила лѣсню... Вотъ по сонной, широкой рѣкѣ, тихо лыветъ разубранная, расцвѣтѣнная лодка... Вечерѣтъ, темновишневыми пятнами стелятся тѣни облаковъ по зеркальному водному дону, разноцвѣтными переливами блистаетъ вечернее небо... Вотъ красавецъ собой, удалой молодецъ со стаканомъ „волжскаго кваса“... стоитъ передъ нею... Низко склоняется онъ и слышно Дунѣ перерывчатое, жаркое дыханье удалаго добра молодца... „Пожалуйте-съ! сдѣлайте такое ваше одолженіе!“ говоритъ онъ, глядя на нее лалючими глазами... Но гдѣ жъ онъ, гдѣ избавитель отъ страшныхъ чудовищъ, отъ ужасныхъ людей?... Исчезъ... „Да, онъ уѣхалъ, уѣхалъ“, вспадеетъ на умъ Дунѣ. „Покинулъ, къ Фленушкѣ уѣхалъ!.. Богъ съ нимъ!.. Не надо мнѣ его, не надо!“

И смѣняются воспоминанья сновидѣній воспоминанья о Манеиной кельѣ. Сидитъ игуменья среди дѣвицъ. Вотъ и бойкая, разбитая Фленушка, вотъ и задумчивая Настя, и сонливая Параша, и всѣмъ недовольная Марья головщица... Вотъ и сама Дуня съ бисернымъ кошелькомъ въ рукахъ. Перебирая лѣстовку, кротко, любовно, учительно говоритъ имъ игуменья: „Блюдитесь, дѣвицы, да не како лукавый кѣс-

нется вась своими наважденьями — тѣлесною страстью или душевнымъ бѣснованіемъ. Ежечасно, ежеминутно строить онъ, окаанный врагъ Божій, коби и козни, всякими способами соблазняетъ правовѣрующихъ, хотя отъ благочестія къ нечестію привести. Всякіе соблазны творить онъ — даже въ свѣтлую ризу ангеловъ облачается и яко бы ко спасенію ведетъ слабыхъ въ ровъ вѣчной гибели. Чудеса даже творить премерзкій, яко бы отъ Господа бываемыя — ложныхъ пророковъ воздвигаетъ, влагая въ уста ихъ словеса неправды яко бы слово Господней истины.“

Смущаютъ Дуню давно забытыя ею слова Манеѣы... „А ту пророчицу что мнѣ судьбу прорекала неужели и ее онъ воздвигъ?... Что если она отъ врага?... Но нѣтъ!... Ясно было, видимо наитіе свыше на Катеньку. Въ Духѣ была она, въ восторгѣ неизреченномъ, благодати была преисполнена... Лицо сіяло, огненные лучи лились изъ глазъ... Дрожа и мѣня, въ священномъ трелетѣ не свои слова она изрекала — Духъ вселившійся въ нее устами ея говорилъ... Никогда меня она не знавала, никогда слышать обо мнѣ не слыхала, а что говорила!.. Ровно по книгѣ читала въ душѣ моей!... Нѣтъ... Нѣтъ тутъ ни спора, ни сомнѣній... За чѣмъ же этотъ „ключъ неподобный“, за чѣмъ эти круженья, неистовые крики, бѣшенныя пляски? О! кто бы меня научилъ, вразумилъ!..“

И рѣшила Дуня въ мысляхъ своихъ Богу помолиться, и трижды по трижды прочесть псаломъ *Да воскреснетъ Богъ на отогнаніе супротивнаго*. „Тогда по вѣрѣ моей, Господь пошлетъ извѣщеніе гдѣ истина... тамъ ли откуда уйти хочу, тамъ ли куда иду... Пускай Онъ спасаетъ меня, какими знаетъ путями!.. Пожалѣетъ же Онъ Свое созданье!.. Долженъ же Онъ пожалѣть, долженъ вразумить, указать на путь истинный, правый!... Если нѣтъ — такъ что жъ за Богъ Онъ!...“ И вотъ Дуня еще такъ недавно стоя на молитвѣ говорившая въ сердечномъ сокрушеніи: „Не види въ судъ съ рабой Твоей“, теперь гордостно и высокомерно сама вздумала судить Бога Вышняго!...

Встала съ кровати чтобы стать предъ иконой и нечаянно задѣла стоявшій у изголовья столикъ. Онъ упалъ. Варенька отъ испуга проснулась.

— Что я надѣлала! подбѣгая къ ней вскрикнула Дуня.—Ты такъ крѣпко спала, а я разбудила!.. Господи!.. Да что жь это!.. Прости меня глупую, прости, Варенька, не опасливую.

— Полно, полно, потягиваясь и зѣвая на постелѣ говорила Варенька.—Вставать пора. Который часъ?

— Третій, отвѣтила Дуня.

— Вонъ какъ долго я нѣжилась, молвила Варенька.—А плоти вѣдь не надо угождать, не надобно нѣжиться, не надо въ лѣнкости пребывать, не то Марѳа какъ разъ поборетъ Марію.

И быстро слрыгнувши съ кровати стала надѣвать утреннее платье.

— А ты давно проснулась? спросила она.

— Давненько ужъ, отвѣтила Дуня.—Часа полтора.

— Видишь какая ты! улыбнувшись молвила Варенька.—Нѣтъ чтобъ разбудить меня сонливую, нерадивую. Что же ты дѣлала сѣдя одна?

— Все думала, чуть слышно проговорила Дуня.

— О чемъ?

— Да все о томъ... о вашемъ радѣньи...

— Что жь ты думала?

— Чудно мнѣ это, Варенька, прошелтала Дуня.

— Да. Ты правду сказала. Дѣла по истинѣ чудныя. Устами людей самъ Богъ говорить... При тебѣ это было. И чѣмъ говорилъ Онъ превѣчный, всесовершенный, всевысочайшій Разумъ? Тѣлесными устами ничтожнаго человѣка, снѣдью червей, созданьемъ врага!... По истинѣ тутъ чудное дѣло Его милосердыя къ душамъ человѣческимъ.

— Не про то я говорю, молвила Дуня.—То мнѣ чудно, то непонятно, за чѣмъ у васъ скачутъ, за чѣмъ кружатся, кричать такъ безчинно?

— Врагъ тебя соблазняетъ, строго сказала Варенька ставъ передъ Дуней.—Сколько разъ я тебѣ говорила, сколько и тетенька говорила тебѣ: чѣмъ ближе часъ привода тѣмъ сильнѣй лукавый строить свои козни... Ежели теперь, именно теперь напало на тебя невѣріе въ тайну сокровенную, явленную однимъ только избраннымъ—его это дѣло. Не хочется ему чтобы ты вышла изъ-подъ его злой и темной власти, жаль ему потерять рабыню грѣха. Всегда такъ бываетъ... Погоди не то еще будетъ. Тоску онъ на тебя нагонитъ, такую тоску, что хоть руки на себя наложить. Ему вѣдь польза отъ того, барышъ,

ежи руки на себя наложить... Къ нему тогда пойдешь...
 Лашее тогда ему козлице...

— Ахъ, Варенька! въ сильномъ смущеньи, всплеснувши руками вскрикнула Дуня.

И опустила на стулъ и закрыла лицо руками.

— Сама я, медленно продолжала Варенька, не глядя на Дуню,—сама я передъ самымъ приводомъ хотѣла съ тоски посягнуть на душу свою... Изъ летли вынули... Вотъ затѣсь, въ этой самой комнатѣ... Видишь крюкъ въ потолокъ, лампа тутъ прежде висѣла.. И быть бы мнѣ теперь въ работѣ лукаваго, быть бы вѣковѣчно въ его тѣмѣ кромѣшмой!.. Но избавлена была Богомъ бѣдная душа моя. Наблюдали тогда за мной, наши не отступали отъ меня... И я не отступаю теперь отъ тебя, ночи не буду спать сидючи надъ тобою.... И всѣ будутъ наблюдать чтобы врагъ не овладѣлъ тобою... Надо, скорѣй надо „привести“ тебя. Тогда наважденье врага какъ рукой снимется, и Святой Духъ освятитъ твою душу. Какъ дымъ исчезнуть тогда всѣ сомнѣнья, какъ восходящее солнце возвысится душа твоя во свѣтѣ, и посрамленный врагъ убѣжить... И съ того часа навсегда пребудешь ты въ неизглаголанномъ блаженствѣ, въ общеніи съ самимъ Творцомъ.

— Охъ ужъ не знаю я, Варенька, что и сказать тебѣ на это, съ отчаянной тоской отвѣчала ей Дуня.—Влечетъ меня сокровенная тайна. Но за чѣмъ же эти скаканья, за чѣмъ эти прыганья и круженья? Соблазняетъ... За чѣмъ кричать, за чѣмъ машутъ полотенцами?... Ей-Богу ровно пьяные...

— Правду ты сказала, сказала Варенька.—Не ты первая говоришь это.... Тысяча восемьсотъ лѣтъ, даже побольше того то же самое говорили язычники, увидавъ людей Божіихъ, когда сошелъ на нихъ Духъ Святой. Да, мы всѣ были пьяны, напившись духовнаго пива... Не гаумись!... Вспомни что сказано въ Писаніи о сошествіи Святаго Духа на апостоловъ? Невѣрные, глядя на нихъ, говорили что они пьяны. „*Ругающесе глаголаху, яко виномъ исполнены суть.*“ Не новое ты сказала, Дунюшка; восемнадцать вѣковъ тому назадъ... рабами лукаваго твое слово уже было сказано.

— Да вѣдь апостолы не плясали, не кружились? сказала Дуня.

— О томъ прямо въ Писаніи не говорится, но преданіе есть. А въ самомъ Писаніи нигдѣ нѣтъ отрицанья чтобы у апостоловъ не было тѣхъ самыхъ радѣній какія до насъ дошли,

сказала Варенька.—Говорится тамъ: „вселюся въ нихъ и похочу“. Вотъ Онъ и ходитъ въ Своихъ людяхъ, и тогда не своей волей они движутся, но волей Создателя душъ ихъ.... И прежде, гораздо прежде времени апостольскихъ бывало то же самое. Вспомни царя Давида, какъ ялясалъ онъ передъ кивотомъ. Что ты ни видѣла въ Сіонской горницѣ, что ни слышала тамъ—все это земное выраженіе небесной радости... Пока ты еще не можешь постигнуть священнаго таинства, поймешь его когда будешь приведена. Разверзутся тогда твои очи, и все непонятное станетъ тебѣ ясно какъ день... О!.. велика благодать постигнуть тайну сокровенную!

Задумалась Дуня. Спустилась съ ся плечъ сорочка, обнажилась бѣлоснѣжная грудь. Стыдливо взглянула она и торопливо закрылась.

— Что? На тѣло свое полюбовалась? съ усмѣшкой спросила ее Варенька.—Что?.. Хороша лица для могильныхъ червей? Красиво созданье врага? На темницу своей души залюбовалась!.. Есть чѣмъ любоваться!.. Что росинка въ морѣ-океанѣ, то жизнь земнаго тѣла въ вѣчности!.. Не замѣтишь какъ жизнь кончится и станешь ты прахомъ.... Гадко тогда будетъ живому человѣку прикоснуться къ твоей красотѣ... Презирай, угнѣтай, умерщвляй свое лакомное тѣло, одну душу блюди, ее возвышай, покорила бѣ она скверную плоть твою!.. Да будетъ тебѣ мерзка красота!.. Она отъ врага!.. Презирай, губи ее, губи ее гадкую, мерзкую!..

Такъ говорила дѣвушка въ полномъ цвѣтѣ молодости, пышная, здоровая, несмотря на давнее ужь умерщвленіе плоти.

Промолчала Дуня.

— Что жь однако это за тайна сокровенная? промолвила она послѣ недолгаго молчанья.—Сколько временъ слышу я про нее!.... Вотъ и на собраньи была, а тайны все-таки не узнала.. Гдѣ жь она, въ чемъ?... Не въ пляскѣ же, не круженьи, не въ безумныхъ рѣчахъ Софронушки, не въ дурацкомъ ревѣ дьякона...

— Тайна отъ вѣковъ сокровенная избраннымъ только открыта, строгимъ, не допускающимъ противорѣчія голосомъ, сядясь на диванъ проговорила Варенька.—Тайну отъ вѣковъ и родовъ сокровенную, нынѣ жь однимъ святымъ только открытую, которымъ восхотѣлъ Богъ показать еколь велико богат-

ство славы Его сокрытое отъ язычниковъ въ тайнѣ сей. * По-
няла?

Молчала Дуня.

— Ты внѣшній только образъ сокровенной тайны видѣла, продолжала Варенька,—и пока остаешься язычницей, не можешь принять „внутренняя“ этой тайны. Когда приведутъ тебя—все поймешь, все уразумѣешь. Тогда тайна покажетъ тебѣ богатство славы Господней... Помнишь что сказалъ Онъ тебѣ устами Катеньки?... Не колебли же мыслей, гони лукаваго прочь и будешь избраннымъ сосудомъ славы... Истину тебѣ говорю.

А Дуни голосъ Манеѣинъ слышится: „Болото!.. Загрязнешь, Утонешь!..“

— Не знаю что тебѣ сказать... молвила она Варенькѣ послѣ долгаго раздумья.—Сомнѣнье... чуть слышно она прибавила.

— А ты кто что споришь съ Богомъ? восторженно вскрикнула Варенька.—Господь тебя сотворилъ сосудомъ избраннымъ, а ты спорить смѣешь, сомнѣваться?.. Что Катенька сказала тебѣ?.. Не ея было то слово, слово Вышняго... „Дамъ тебѣ ризу свѣтлу, серафимскія крылья, семигранный вѣнецъ и тутъ милости моей не конецъ!...“ Вотъ слова Духа Святаго о тебѣ, а ты вздумала съ Богомъ бороться!.. Онъ тебя призываетъ, а ты врага слушаешь!.. Не внимай его кознямъ, паюнь на сулостата, отвернись отъ него, обратись къ Богу истинному.... Поцѣди свою душу, милая Дунюшка!

— Боюсь я... Страшно... послѣ недолгаго молчанья трепетнымъ голосомъ тихо промолвила Дуня.—Все у васъ такъ странно!.. Какъ же можно Богу пляской молиться?

— Боязнь твоя отъ лукаваго. Онъ вселяетъ въ тебя страхъ, сказала Варенька.—Не въ тѣлесныхъ движеньяхъ, не въ круженьяхъ, не въ пляскѣ Богъ силу являетъ, но въ открывеньяхъ... Наутіе Святаго Духа—вотъ цѣль радѣній... Инаго средства призвать Его сошествіе мы не знаемъ. Но такъ ли, этакъ ли привлечь Его на себя—не все ль равно?... Видѣла Катеньку? Какова была она въ святомъ восторгѣ?.. А не все ли равно какимъ путемъ благодать ни сошла на нее? Скаканьемъ ли, пляской ли, земными ли поклонами? Подумай

* Посланіе къ Колоссеямъ I.—26.

объ этомъ хорошенько, обсуди безъ пристрастья... Пойми что слава Божія, какимъ бы путемъ ни сошла она на избранныхъ—спасательна. Сомнѣнья твои—худа на Духа Святаго, а этотъ грѣхъ не прощается. И въ Писаніи такъ сказано... Помнишь?

— Не то я въ книгахъ читала, дрожащимъ голосомъ скорбно промолвила Дуня.

— А ты хочешь чтобъ сокровенная тайна въ книгахъ была открыта?... возразила Варенька.—Да вѣдь книгу-то всякій можетъ читать, а тайна Божія совершается тайно.... Нельзя ее всякому открывать—сказано „не мечите бисера передъ свиньями“.... Ты только тѣлесными очами видѣла, и тѣлесными ушами слышала какъ совершается тайна; но вѣдь ты еще не познала ея. Вотъ когда будешь приведена, тогда очи твоей души откроются, и уши ума твоего разверзутся. Тогда и въ прочитанныхъ тобой книгахъ все поймешь, сотканная врагомъ темная завѣса спадетъ тогда съ глазъ твоихъ и со слуха.

Молчала Дуня. Борьба вѣры съ сомнѣніями всю ее потрясала.... И къ тайнѣ влекло, и радѣльные обряды соблазняли. Чувствовала что разумъ мутится у ней. Послѣ долгаго колебанья сказала она Варенькѣ:

— Ни Марья Ивановна, ни ты мнѣ не говорили про то что видѣла и слышала я на радѣльныхъ. Я представить себѣ не могла чтобъ это было такъ изступленно, безъ смысла, безъ разума.

— „Безумное Божіе превъше человѣческой мудрости“. Кто сказалъ это? вскрикнула Варенька.—Да, ни я ни тетенька тебѣ всего не открыли, а сдѣлано это не безъ разума. Скажи мы тебѣ обо всемъ прежде времени, еще не такъ бы врагъ остилъ твою душу. Впрочемъ, я говорила что радѣльные обряды похожи на лаяску, на хороводы... Говорила я?

— Говорила, тихо промолвила Дуня.

— Говорила что въ минуты священнаго восторга Самъ Богъ вселяется въ людей и ходитъ въ нихъ по Писанію: „всаюся въ нихъ и захожду“! съ жаромъ продолжала Варенька.

— Говорила, чуть слышно отвѣтила Дуня.

— А про то говорила что въ эти минуты люди все забываютъ, землю покидаютъ, въ небесахъ пребываютъ? еще съ большей горячностью въ страстномъ порывѣ вскрикнула Варенька.

— Да, помню... Подъ пальмами ты это говорила, отвѣтила Дуня.

— Чтò дѣлають въ то время избранные люди они не знаютъ, не помнятъ, не понимаютъ.... Одинъ только Духъ Святой знаетъ, Онъ ими движеть. Угодно Ему—ауди Божьи скачуть и пляшуть, не угодно пребываютъ недвижны... Угодно Ему—они говорятъ, не угодно—безмолвствуютъ. Тутъ не человеческое дѣло, но Божіе. Страшись его осуждать, страшись изрекать хулу на Духа Святаго.... Сколько ни кайся потомъ—не будетъ прощенья.

— Нелостижно уму и страшно, тихо, чуть слышно промолвила Дуня.

— Вражья мысль!... вскрикнула Варенька.—Гони губителя душъ, гони отъ себя!... Безъ разсужденій вѣруй, безъ колебаній!... Вѣруй, вѣра твоя спасетъ тебя. На Господа возложи тревожныя думы—Онъ избавить тебя отъ сѣти ловчей и отъ словъ мятежныхъ.

Долго говорила съ Дуней Варенька. Одѣвшись онѣ пошли въ лапшовую теллицу и тамъ еще много говорили. Разсѣялись отчасти сомнѣнія Дуни.

LXXXV.

Идутъ дни за днями, идетъ въ Луловицахъ обычная жизнь своей чередой. На другой день послѣ радѣнья разошлись по домамъ и матросъ, и дьяконъ, уѣхали и Строинскій, и Кисловъ, Катенька осталась погостить. Остался на ласѣвкѣ и блаженный Софронушка; много было хлопотъ съ нимъ старому ласѣвичу Кириллѣ... Нѣтъ отбою отъ бабъ... Изъ за лятнадцати, изъ за двадцати верстъ старыя и молодыя гурьбами приходили въ Луловицы узнавать у юрода судьбу свою. Съ ласѣвки его никуда не пускали, бѣдѣ бы не натворилъ, потому Кириллина ласѣвка съ утра до ночи бывала въ бабьей осадѣ.

Катеньку помѣстили въ комнату возлѣ Вареньки и Дуни. Въ вечера дѣвушки втроемъ проводили въ бесѣдахъ, иной разъ зайдетъ бывало къ нимъ Марья Ивановна либо Варвара Петровна. А день почти весь гуляли дѣвушки по саду и просиживали въ теллицѣ; тогда изъ богадѣльни приходили къ нимъ Василиса съ Лукерьюшкой. Эти бесѣды совсѣмъ

почти утвердили колебавшуюся Дуню въ вѣрѣ людей Божиихъ и снова стала она съ нетерпѣньемъ ждать той ночи, когда примуть ее во „святѣй блаженный кругъ вѣрныхъ праведныхъ“. Тоска однако не покидала ее.

Груститъ, а сама не знаетъ о чемъ тоскуетъ. По отцѣ Дуня не соскучилась, къ Дарѣй Сергѣевичъ давно ужъ охладѣла, Груню забыла, забыла и скитскихъ пріятельницъ. „По разнымъ пошли мы дорогамъ, думаетъ она, за чѣмъ же думать объ нихъ? Имъ своя доля, мнѣ иная выпала...“ Не могла однако равнодушно вспомнить про Фленушку. Не знала Дуня чѣмъ кончилась поѣздка къ ней Самоквасова и хоть всячески старалась забыть все бывшее, но каждый разъ только что вспомнится ей Фленушка ревность такъ и закипитъ въ ея сердцѣ. И впадаетъ тогда ей на память либо сонъ что видѣлся послѣ радѣнья, либо катанье въ косной по Окѣ. Нѣтъ, нѣтъ и повлѣшится лѣсня гребцовъ удалыхъ:

Полюби меня Дунаша
Люби миленькій дружокъ.

„Да вѣдь не мнѣ была та лѣсня лѣта!...“ думаетъ она, а тоска щемитъ да щемитъ ей сердце. „Наташа замужемъ теперь, а онъ покинулъ... Не надо его, не надо!... Думать о немъ не хочу!“

А сама все думаетъ.

Разъ вдвоемъ съ Катенькой сидѣла Дуня въ тѣнистой аллеѣ цвѣтущихъ липъ. Тихо было, безмолвно въ прохладномъ и благоуханномъ мѣстечкѣ, только пчелы гудѣли въ верху, собирая сладкую добычу съ душистыхъ цвѣтовъ липы. Разговорились дѣвушки и обмолвилась Дуня, помянула про Самоквасова.

— Когда я въ первый разъ увидѣла тебя, Дуношечка, была тогда я въ Духѣ, и ничто земное тогда не касалось, ни о чемъ земномъ я не могла помышлять, сказала Катенька взявши Дуню за руку.—Но помню что какъ только я взглянула на тебя—увидѣла въ твоемъ сердцѣ не изцѣлѣвшія язвы страстей.... Знаю я ихъ, сама болѣла тѣми язвами, больше болѣла чѣмъ ты.

— Ахъ, нѣтъ, вѣдь я покинутая. Какъ мнѣ было горько, какъ обидно, низко склонивъ голову и зардѣвшись чуть слышно промолвила Дуня.

— Цѣловалъ онъ тебя?... Обнималъ? блѣднѣя и пылая глазами спросила Катенька.

— Какъ можно!... лучше прежняго зардѣвшись отвѣтила Дуня.—Развѣ бы я позволила.

— Говорила ему что полюбила его?

— Чтò ты?... съ ужасомъ почти вскрикнула Дуня.

— Такъ онъ одинъ говорилъ тебѣ про любовь?... Чтò жь онъ? Увѣрялъ, заклиналъ, что вѣкъ будетъ любить?... Сва-таался?... спрашивала Катенька.

А глаза такъ и лышутъ у ней, и трепетно поднимается высокая грудь. Едва переводить дыханье.

— Никогда того не бывало, потулившись отвѣчала Дуня.

— Вѣрно говорить?

— Вѣрно.

— Значить межъ васъ ничего и не было, молвила Катенька.—Не о чемъ и говорить—не язва у тебя на сердцѣ, а лустая царалипка.... Не то я испытала... Не то я перенесла....

— Ахъ, Катенька, не знаешь ты каково мнѣ было тогда... Изстрадалась тогда я совсѣмъ, крѣпко прижимаясь къ другому вскрикнула Дуня.—Даже и теперь больно какъ вспомню... Царалипка!... Не царалипка, а полсердца оторвалось, покой на вѣкъ рухнулъ, душа растерзана.

И махнувъ стремительно рукой, вперила на Катеньку страстно загорѣвшіяся очи.

— Слушай теперь мою исповѣдь, съ грустной улыбкой молвила Катенька.—Слушай, не пророни словечка, а потомъ и равняй себя со мной....

— Твоихъ лѣтъ я была, какъ спозналась съ любовью. Собою красавецъ, тихій, добрый, умница, скромникъ какихъ мало, богать, молодъ, со всей петербургскою знатью родня, военный, князь... Мнѣ бѣдной, незнатной, неученой въ голову не пришло бы что могу я понравиться такому человѣку.... А онъ ищетъ моей любви, открывается въ ней... И полюбила я его.... И какъ любила-то!... Присвадался... Батюшка съ матушкой, согласны, обо мнѣ и говорить нечего—себя не помнила отъ радости и счастья.... И не видала я какъ пролетѣли три мѣсяца, пролетѣли они ровно три минутки... Однѣ были у насъ съ нимъ чувства, однѣ думы, и ни въ чемъ желанья наши не расходились.... Страстенъ и пылокъ онъ былъ, но смиралъ порывы.... Предупреждалъ каждое мое желанье, а когда бывало по неумѣнью не такъ чтò скажу, научить такъ кротко, съ

такую любовью.... Наглядѣться на него не могла я.... Возненавидѣла ночи, нельзя было по ночамъ оставаться съ нимъ, жадно желала вѣнца, чтобы послѣ вѣнчанья ни на мигъ не разлучаться съ нимъ.... Пришла ему надобность быть въ Петербургѣ, поѣхалъ не надолго, и уговорились мы на другой же день послѣ его возврата вѣнчаться.... Сколько было слезъ на разставаньи, и онъ рыдалъ, плакалъ жгучими слезами, а я ужъ ничего и не помню, была въ ума.... Писалъ... Сколько счастья, сколько радостей письма его приносили!... Въ разлуку еще сильнѣй я его полюбила.... И вдругъ!... Женится на другой, уѣхалъ за границу.... Съ ума, слышь, сошла я ... Поднялъ меня Всемогушій Отецъ, возвратилъ потерянный разумъ, возвратилъ и память... Тогда возненавидѣла я князя.... Еслибы кажется попался онъ мнѣ а бѣ на куски его разтерзала.... Никому ни слова о немъ не говорила и думала что онъ у меня изъ памяти вонъ... Но я ничего не забыла... Все думала какъ бы зломъ за зло ему заллатить.... Не могла придумать... Писать къ нему, осѣлать проклятьями, но въ объятяхъ жены онъ и не взглянетъ на мое писанье, а ежели и прочтаетъ, такъ развѣ только насмѣется... Ъхать къ нему собралась было я, пощечиной думала его въ глазахъ жены осрамить, либо подкупить кого-нибудь чтобы его осрамила—на поѣздку средствъ не достаю... Да и то я разсудила—оплеуха женщины мушкетера не безчестье, они цѣлуютъ ударившую руку и потомъ всякому полперсичному разказываютъ объ этомъ и вмѣстѣ смѣются.... Станутъ говорить о тебѣ какъ о брошенной наложницѣ... Будь чиста, будь свята и непорочна—все-таки безчестье на тебѣ...

Съ каждымъ словомъ Катенька воспламенялась больше и больше. И вдругъ облокотившись на столикъ руками и закрывъ лицо ладонями она замолкла, сдерживая подступающія рыданья. Дуня ни слова.

Отвела руки отъ лица Катенька, гордо закинула назадъ красивую головку, сказала ровно отчеканивая:

— Чтò было то минуло. Отъ прожитаго ничего не осталось.

Глаза горѣли, но ужъ не попрежнему. Иной огонь, яркш и рѣзкш, блисталъ въ ея взорахъ,—то былъ огонь изступленья, огонь изувѣрства.

— Все сошло съ меня, все во мнѣ исчезло, восторженно она продолжала. — Утолились сердечныя боли, насталъ душевный покой. Новое счастье, ни съ чьимъ несравнимое,

познала я... Не можетъ разказать о немъ языкъ человѣческій... Самое полное счастье земной любви ничто передъ тѣмъ блаженствомъ небесной любви что ощущаешь въ себѣ во время нѣвѣстїа Святаго Духа. То мракъ, а это свѣтъ лучезарный, то земля полная горя и плача, а это свѣтлое небо, полное невообразимыхъ радостей, то блужданье во тѣмъ кромѣшной, это—паренье души въ небеса.

— Въ чемъ же то счастье? Въ чемъ блаженство? Я еще все не могу понять, послѣ короткаго молчанья спросила Дуня.

— Когда Духъ Святой спидетъ на тебя, и душа твоя и тѣло тогда обратятся въ ничто, сказала Катенька. — Ни тѣло тогда не чувствуетъ, ни душа. Нѣтъ ни мыслей, ни памяти, ни воли, ни добра, ни зла, ни разума, ни безумія... Ты парить тогда въ небесныхъ кругахъ и нѣтъ словъ разказать про такое блаженство.... Не испытавши его невозможно понять... Одно слово—съ Богомъ соединенье. Въ самомъ раю нѣтъ радостей и наслажденья больше тѣхъ, какія чувствуешь когда Духъ Святой озаритъ твою душу.

— А въ другое время? спросила подумавши Дуня.—Тоскуешь? Вѣдь ежели кто узналъ хорошее, и потомъ его нѣтъ, тутъ и скорбь, и грусть, и тоска.

— Душѣ коснувшейся огненнаго языка Святаго Духа, озаренной Его свѣтомъ, ни тоски нѣтъ, ни скорби, ни грусти. Нѣтъ для нея ни горя, ни печали, нѣтъ и грѣховныхъ земныхъ радостей... Безстрастна та душа—и бѣды, и счастье, и горе, и радость, и скорбь, и веселье не могутъ ее коснуться... Она безстрастна—нѣтъ для нея ни злобы, ни любви, ни желаній, ни стремленій... Она спитъ въ вѣчномъ невозмутимомъ покоѣ... Сердце умерло, страстей нѣтъ—сожжены онѣ огненнымъ языкомъ Святаго Духа, ихъ нѣтъ, и ничего нѣтъ что исходитъ изъ страстей: злобы, лжи, вражды, зависти, нѣтъ и добра, нѣтъ и любви, нѣтъ и заботъ о чемъ бы то ни было... Одна только забота, одно желанье — поскорѣй разбить темницу для души врагомъ построенную, умертвить грѣховную плоть.... Все остальное чуждо таинственно умершему и таинственно воскресшему.... Еслибъ передъ его глазами и земля и весь небесный сводъ разрушились, и тогда бы онъ съ полнѣйшимъ безстрастьемъ глядѣлъ безучастно на такое разрушенье. Оно бы его не коснулось, разрушилось бы только тлѣнное тѣло, но ему туда и дорога!

Еще долго говорила Катенька и совсѣмъ склонила Дуню на прежнее. И душой и сердцемъ стала она теперь стремиться къ „приводу“.

И ночь привода не замедлила.

LXXXVI.

Ровно черезъ недѣлю послѣ собора Божьихъ людей, также въ субботу лодъ вечеръ пріѣхали въ Дуловицы Кисловъ и Строинскій, пришли матросъ Фуркасовъ и дьяконъ Мемвонъ. Былъ назначенъ приводъ Дуни и Василисущки.

Смерклось и собрались Божьи люди передъ входомъ въ Сіонскую горницу. Когда Николай Александрычъ освѣтивъ ее отворилъ двери, прежде всѣхъ вошли Дуня съ Марьей Ивановной, Варенькой и Катенькой, а за ней Василисущка съ Варварой Петровной, съ Матренушкой и еще съ одной богадѣленной старушкой. Изъ Сіонской горницы онѣ тотчасъ пошли въ корридоръ. Тамъ въ одной комнатѣ Дуню стали одѣвать въ „бѣлыя ризы“, въ другой Василисущку.

Когда всѣ другіе Божьи люди облеклись въ „бѣлыя ризы“ другъ за другомъ пошли они въ Сіонскую горницу, а Дуня и Василисущка остались въ своихъ комнатахъ въ полномъ уединеніи.

— Углубись въ себя, Дунышка, помни какое время для души твоей наступаетъ, говорила ей передъ уходомъ Марья Ивановна.—Отложи обо всемъ попеченіе, о Богѣ только и о своей душѣ размышляй.... Близись ты къ свѣтозарному источнику благодати Святаго Духа—вся земля, весь міръ да будетъ скверной въ глазахъ твоихъ и во всѣхъ твоихъ помышленьяхъ. Оставь безъ сожалѣнья житейскія мысли, забудь все что было—новая жизнь для тебя наступаетъ.... Всѣмъ пренебрегай, презирай, возненавидь все мірское. Помни—оно отъ врага... Молись!!

Потѣловала Дуню, перекинула ей черезъ плечо „знамя“, а сама тихими шагами пошла въ Сіонскую горницу.

Долго оставалась Дуня въ одиночествѣ. Пока у Божьихъ людей было общее прощеніе, пока кормщикъ читалъ житія и говорилъ поученіе, она была въ пустой комнатѣ. И чего тогда, чего ни передумала.

Вспомнила наставленіе Марьи Ивановны—думать лишь о Богѣ и душѣ и стала молиться на стоявшій въ углу образъ.

Въ небреженьѣ тотъ образъ былъ—весь въ лаутинѣ.... Молилась Дуня, какъ съ дѣтства привыкла—съ крестнымъ знаменьемъ, съ земными поклонами....

Много разъ говаривала ей Марья Ивановна, говорила и Варенька что вступая на путь Божій должно отречься отъ міра, отъ отца съ матерью, ото всего рода, племени. Сказано вѣдь, думаетъ стоя на молитвѣ Дуня: „оставить человѣкъ отца своего и мать свою и грядетъ по Мнѣ“.... Ахъ тятя, тятя!... Ахъ ты милый мой, милый тятенька!... Какъ же мнѣ покинуть тебя, какъ забыть что я дочь твоя, рожденіе твое?... Притворяйся, намереніи говорила мнѣ Марья Ивановна, притворяйся чтобъ отецъ не замѣтилъ въ тебѣ перемѣны.... Не умѣю я, не смогу притворяться.... Вѣдь это значить лукавить.... А лукавить—лукавому служить, его волю творить.... А я бѣжать отъ него хочу Какъ же это?..“

Съ того времени какъ познакомилась Дуня съ Марьей Ивановной и начиталась мистическихъ книгъ, ко всѣмъ близкимъ своимъ, даже къ отцу она стала холодна и непривѣтлива. Не то чтобъ она разлюбила отца, но какъ-то, сама не понимая отъ чего, сдѣлалась она къ горячей, беззаветной любви его совсѣмъ равнодушною. Не заботили ее отцовскія заботы, не радовали его радости, не печалили его неудачи. А когда поддаваясь увлеченьямъ крутаго, вспыльчиваго нрава Марко Давылычъ оскорблялъ кого-нибудь, тогда Дуня его почти ненавидѣла. Охлажденіе росло съ каждымъ днемъ и особенно усилилось во время разлуки подъ вліяньемъ Марьи Ивановны и другихъ людей Божіихъ. По нѣсколькимъ днямъ отецъ ей даже на память не прихаживалъ.... И вдругъ передъ самымъ тѣмъ часомъ когда должна она навсегда разорвать сердечныя съ нимъ связи, въ ея душѣ воскресла прежняя любовь. Такъ бы вотъ вольной птичкой и полетѣла къ нему, такъ бы вотъ и бросилась въ его объятія, такъ бы и прижалась къ груди родительской.

Припоминаетъ Дуня ласки отцовскія, воспоминаетъ его доброту къ ней и заботливость, воспоминаетъ и тотъ день когда онъ подарилъ ей обручальное кольцо.... „Къ чему оно теперь?... Кому?..“ думаетъ Дуня, и вотъ передъ ея душевными очами встаетъ Петръ Степанычъ.... Неясные, однообразные звуки чтенія Николая Александрыча едва доносятся изъ Сіонской горницы, но вмѣсто ихъ Дунѣ лѣсенка слышится:

Я привезъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой....

Вздрыгнула она, перекрестилась.... „Искушеніе, подумала она, князь міра смущаетъ.... Отыди, исчезни!...“ Но не слышитъ князь міра ея заклинаній, попрежнему слышится ей:

На бѣлую грудь цѣлочку,
На шеюшку жемчужокъ,
Ты гори, гори цѣлочка,
Разгорайся жемчужокъ!..

„Господи, Господи! молится Дуня, взирая на подернутый лаутиною образъ. Запрети лукавому.... Къ Тебѣ иду.. Порази его, супротивнаго, Своей яростью!...“

А Петръ Стеланычъ все ровно живой стоитъ передъ ней. Вьются темнорусыя кудри, пышетъ страстью лицо, горятъ любовью искрометныя очи, гордо, отважно смотритъ онъ на Дуню; а гулъ чтенія въ Сіонской горницѣ кажется ей страстнымъ калѣвкомъ:

Полюби меня Дуняша,
Люби милемькій дружокъ!

Бросилась она на колѣни и опершись локтями на кресло закрыла руками лицо. Слезы ручьями текутъ по бѣлымъ щекамъ.

Звонъ на колокольнѣ—дѣвнадцать.

Тихо, безвучно дверь растворилась,—въ бѣлой радѣльной рубахѣ съ лавровой вѣткой въ рукѣ, съ пылающимъ взоромъ вошла Марья Ивановна.

— Молилась? Это хорошо! сказала она.—Идемъ.

И не выждавъ отвѣта, торопливо схватила Дуню за руку и повлекла въ Сіонскую горницу.

Тамъ сидѣли Божьи люди, у всѣхъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, пальмы лежали возлѣ. Стоя у стола Николай Александрычъ держалъ Крестъ и Евангеліе.

Дуня остановилась въ дверяхъ, рядомъ съ ней воспріемница ея Марья Ивановна. Божьи люди залѣли церковную гл҃съ: *Приидите поклонитися и припадете ко Христу*. Дьяконъ Мемнонь такъ и заливался во всю мочь богатырскаго горла.

— Зачѣмъ пришла ты сюда? строгимъ голосомъ спросилъ Дуню Николай Александрычъ.

Дуня смѣшалась. Забыла наставленья, изъ памяти вонъ что надо ей отвѣчать. Марья Ивановна подсказала и она олускалась на колѣни, слабымъ голосомъ отвѣтила:

— Душу сласти.

— Доброе дѣло, спасённое дѣло, сказалъ Николай Александрычъ.—Благо твое хотѣніе, дѣвица. Но безъ крѣпкой поруки мірскому войти во святой кругъ вѣрныхъ праведныхъ нельзя. Кого порукой дашь?

— Матушку Царицу Небесную, чуть слышно промолвила Дуня.

— Хорошо если такъ, сказалъ Николай Александрычъ.—Смотри же блюди себя опасно, не была бъ тобою поругана Царица Небесная.

— Всегда общаюсь пребывать въ заповѣдяхъ истинной вѣры, никогда не поругаю свою поручительницу.

— Доброй ли волей пришла въ сей освященный соборъ? продолжалъ Николай Александрычъ.—Не по страху ли, или по неволѣ, не отъ празднаго ли любопытства?

— Доброй волей пришла. Спасенье получить желаю, отвѣчала Дуня.

— А извѣстны ль тебѣ тягости и лишенія что тебя ожидаютъ? Не легко знать, не легко и носить 'утаенную отъ міра тайну, сказалъ Николай Александрычъ.—Иго тяжелое, неудобносімое хочешь ты возложить на себя. Размыслила ли объ этомъ? Надѣешься ли на свои силы?

— Размыслила, рѣшилась и надѣюсь на себя, подсказала Дуня Марья Ивановна, и та повторила.

— Должна ты отречься отъ міра и ото всего что въ немъ есть, продолжалъ Николай Александрычъ.—Должна забыть отца и мать, братьевъ, сестеръ, весь родъ свой и племя. Должна отречься отъ своей воли, не должна имѣть никакихъ желаній, должна все исполнять что бѣ тебѣ ни повелѣли, хотя бѣ и подумалось тебѣ что это зазорно или несправедливо... Должна ты даже не помышлять о грѣховной мірской любви, ничего не вспоминать, ни о комъ не думать. Должна избѣгать суеты, въ гости не ходить, на лирахъ не бывать, мяснаго и хмѣльнаго не вкушать, лѣсни лѣтъ только тѣ что въ соборахъ вѣрныхъ поются. Должна ты быть смиренною, изъ всѣхъ грѣховъ нѣтъ ни одного тяжелѣй гордости, это самый великій грѣхъ, за гордость свѣтлѣйшій архангелъ былъ

низвергнуть во адъ. Ничѣмъ не должна ты гордиться, ни даже своимъ цѣломудріемъ.... Еслибъ даже было тебѣ повелѣно лишиться его — не колеблясь должна исполнить сказанную тебѣ волю.... О тайнѣ же сокровенной, о святомъ служеніи Богу и Агнцу не должна никому сказывать: ни отцу родному, ни отцу духовному, ни царю и никому кто во власти.... Доведется пострадать за тайну, должна безропотно принять и гоненія, и всякія муки — огонь, кнутъ, плаху, топоръ, но тайны сокровенной никому не повѣдать.... Если же предашь ее — будетъ тебѣ одна участь съ Іудой. Исполнишь ли все что я говорю?

— Исполню, дрожа отъ волненья, прошептала Дуня.

— Поди сюда, сказалъ Николай Александрычъ.

Дуня подошла къ столу. Положивъ Крестъ и Евангеліе, кормицкъ взялъ ее за руку и трижды посылонъ обвелъ вокругъ стола. Марья Ивановна, шла за нею. Всѣ пѣли: *слицы отъ Христа въ Христа креститесь, во Христа облекостесь.*

Поставивъ Дуню передъ Крестомъ и Евангеліемъ, Николай Александровичъ велѣлъ ей говорить за собою:

— Пришла я къ Тебѣ, Господи, на истинный луть спасенія не по неволѣ, а по своей волѣ, по своему хотѣнью. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, про сіе святое дѣло никому не открыть даже предъ смертною казнью, въ чемъ порукою даю Царицу Небесную Пресвятую Богородицу. Обѣщаюсь я, Тебѣ, Господи на всякій день и на всякій часъ удаляться отъ міра и всѣхъ суеты его, и всего разврата его. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, не имѣть своей воли, во всемъ творить волю старшихъ, что бъ они ни повелѣли мнѣ — все исполнять, безо всякаго сомнѣнья.... Прости меня Господи, прости Владычица Богородица, простите ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся сила небесная!.. Прости небо, прости солнце, простите мѣсяцъ, звѣзды, земля, озѣра, горы, рѣки и всѣ стихіи небесныя и земныя!...

Послѣ того Дуня приложилась ко Кресту и Евангелію, и кормицкъ сказалъ ей:

— Въ сіе время Божій ангелъ сходилъ съ неба. Онъ стоялъ передъ тобой и записывалъ твои обѣщанья. Помни это.

По слову Марьи Ивановны Дуня перекрестилась обѣими руками и поклонилась въ землю Николаю Александрычу. Онъ тѣмъ же ей отвѣтилъ. Потомъ Марья Ивановна подво-

дила ее къ каждому изъ людей Божіихъ и на каждого она крестилась и каждому отдавала земной поклонъ. И они тѣмъ же ей отвѣчали, поздравляя съ обновленіемъ души, съ крещеніемъ Святымъ Духомъ. Поздравляли и другъ друга съ прибылью для ихъ корабля, съ приводомъ новой праведной души.

Подала Марья Ивановна Дунѣ бѣлый батистовый платокъ, пальмовую вѣтку и рядомъ съ собой посадила. Послѣ того былъ приводъ Василисущки. Затѣмъ обращаясь къ обѣимъ новымъ сестрамъ Божьи люди зашѣли „приводную пѣснь“:

Ай вы дѣвушки, дѣвицы,
Вы духовныя сестрицы,
Когда Богомъ занялись,
Служить ему задались—
Вы служите, не робѣйте,
Живу воду сами пейте,
На землю ее не лейте,
Не извольте унывать,
А на Бога уповать,
Рая въ небѣ ожидать.

Потомъ зашѣли—*Дай къ намъ Господи* и началось радѣнье. Сначала тихо и робко Дуня ходила въ женскомъ кругу, но потомъ стала прыгать съ увлеченьемъ, потрясая пальмой и махая батистовымъ покрывцемъ.

LXXXVII.

На другой день послѣ привода Дуни привезли къ Луловицкимъ почту изъ города. Между письмами было и къ Дунѣ отъ Марка Данилыча. Послано изъ Казани. Было въ немъ писано:

„Господи Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Любезной и дражайшей дочкѣ моей Авдотѣ Марковнѣ при семъ кланяюсь и посылаю родительское мое благословеніе, на вѣки нерушимое. Желаю ото всего моего родительскаго сердца знать про здоровье и благополучно ли ты доѣхала съ почтеннѣйшей и нами завсегда уважаемой госпожею Марьей Ивановной до своего мѣста. Потому отлиши безпремѣнно, единого дня не медля, на мое имя въ Саратовъ, въ гостиницу Голубова, для того что тамъ я располагаю пристать, а въ Саратовъ намѣреніе имѣю слыть изъ Казани на паро-

ходѣ послѣ завтрашняго числа. А еще болѣе того желаю знать каково тебѣ въ гостяхъ, ты еще николи не покидала родительскаго дома и для того мнѣ очень желательно знать какъ съ тобой господа обходятся, потому что ежели что не хорошее, такъ я свое рожденіе въ обиду не дамъ, и будь обидчикъ хоша разгенералъ, добромъ со мной не раздѣляется. Всего имѣнія и капиталовъ не пожалѣю, а до него доберусь и сдѣлаю надъ нимъ свое дѣло. Ты такъ и скажи господамъ Луловицкимъ и другимъ господамъ которы компанію съ ними водятъ, что молъ тятенька за какую ни на есть обиду полмилліона, а надо такъ и больше того не пожалѣть, а ужъ обидчика молъ дождетъ. Скажи имъ всѣмъ — потому они и поопасятся. Ежели какую хоша самую малую обиду отъ кого получила, отпиши безъ замедленія на мое имя въ Саратовъ, въ гостиницу Голубову, а я тѣмъ же часомъ сряжусь и прїѣду, и тогда обидчикъ милосердія и ожидать не могъ. А ежели тебѣ, дражайшая моя дочка Авдотья Марковна, житіе въ Луловицахъ хорошее и безобидное, то живи у Марьи Ивановны дольше того срока какой я тебѣ на прощаньи далъ, для того что я изъ Саратова сплыву въ Астрахань, а управившись тамъ, проѣду можеть-статься въ Оренбургъ по нѣкоему обстоятельству, а домой ворочусь развѣ къ Макарью. А потому или я самъ прїѣду за тобой или Дарью Сергѣевну съ Корнеемъ пришлю, а не то съ Васильемъ Ѳадѣевымъ, чтобы доставила тебя домой въ сохранности, когда Марья Ивановна заблагоразсудила долго гостить у сродниковъ. А мнѣ желательно по прошлогоднему свозить тебя на ярманку и потѣшить въ Нижнемъ, какъ было прошлаго года. А ежели, лаче чаянія, отпишешь ко мнѣ про обиды, тогда не токма въ Оренбургъ—и въ Астрахань не поѣду, Корнея за мѣсто себя пошлю, а самъ самолично прїѣду въ Луловицы и за зло воздамъ сторицею. Такъ они это и знай, такъ имъ и скажи. Очень мнѣ гребтить что ты, любезная дочка, возлюбленное мое рожденіе, отчуждена, живучи у господъ, отъ истинныя, святоотеческой древле-православной вѣры — смотри же у меня не вступай во дворъ козлицъ, иже имутъ дѣвное стояніе предъ Господомъ на страшномъ судѣ. Въ ихнюю церковь входить не дерзай и ото всякихъ ересей блюди себя опасно, дабы не погрѣшить и къ осужденнымъ на вѣчныя муки не быть солпитченной. А на счетъ рыбы дѣла плохія, одначе сего

не сказывай никому. Веденѣвъ съ Меркуловымъ все дѣло испортили. Убытковъ хоша не приму, а барышей и половины не дослѣю, супротивъ того какъ по веснѣ разчитывалъ. Одно только и есть утѣшеніе, что Орошину при такихъ цѣнахъ совсѣмъ не сдобровать и ежели явить Господь такую милость—такъ пожалуй ему по скорости придется и несостоятельнымъ объявиться. Очень вздонжили его Веденѣвъ съ Меркуловымъ—изо рта кусокъ вырвали. А здѣсь будучи въ Казани повстрѣчалась мнѣ въ Коровинской часовнѣ комаровская мать Таифа. Покамѣсть до Макарья лоѣхала за сборами на Низъ, сказывала она про подругъ твоихъ: Флема Васильевна благою часть избра, яже не отымется отъ нея—ангельскій чинъ приняла и постриженіе, и какъ надо полагать, по кончинѣ матушки Мансѣи сидѣть ей въ игуменьяхъ. А Патала Максимыча дочка Прасковья Паталовна тяжела, на сносяхъ, а зятъка ихняго Таифа не одобряетъ — былъ де архіерейскій посолъ, а сталъ собачій мосолъ — отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ. Такъ этими самыми словами и говоритъ. Аксиныя Захаровна, сказывали мать Таифа, очень скорбна, вся разболѣлась, на ладонь, слышь, дышетъ. Аграфена Петровна тоже, все не домогаетъ. Отъ Дарьи Сергѣевны третьяго дня письмо получилъ — въ домѣ у насъ все благополучно, только Василій Фадѣвъ веварокомъ ногу себѣ толпоромъ порубилъ. А здѣсь, въ Казани, въ Рыбнорядскомъ трактирѣ третьяго дня видѣлся съ Петромъ Степанычемъ съ Самоквасовымъ—можетъ не забыла, тотъ самый чтѣ въ прошедшемъ году у матери Мансѣи въ обители съ нами на Петровъ день кантовалъ,* а послѣ того у Макарья насъ съ Доровиными въ косной по рѣкѣ каталъ. Еще рыбу тогда ловили. Дѣвцо у него есть съ дядей по наследству. Хоша его дѣло и чисто, да у дяди надо думать рука сильна, не миновать слышь Петру Степанычу чтобъ до Московскаго Сената не дойти — послудятъ ли тамъ божески его дѣло — покамѣсть теперь закрыто. А Петръ Степанычъ ровно самъ не свой — „одинъ конецъ, говоритъ, въ омутъ головой!“ А на счетъ Коровинской часовни дѣла происходятъ не очень того чтобы ладныя; склоняются многіе на единоувѣріе. За симъ прекратя сіе письмо еще посылаю тебѣ, любезная дочка Авдотья Марковна, заочное мое родительское благословеніе на вѣки неруши-

* *Кантовать* — пировать, съ гульбой, съ ясынями.

мое, и ото всего моего сердца желаю тебѣ добраго здравія и всякаго рода благополучія, а за симъ остаюсь любящій тебя отецъ твой Марко Смолокуровъ. А отъ бояръ и ото всякихъ господъ мужеска пола всячески берегись, дражайшая моя дочка Авдотья Марковна, блюди себя во всякой сохранности, дабы не было безчестья, на то посылаю тебѣ строгій мой родительскій приказъ. Сколько ни люблю тебя и ни жалѣю, а ежели помилуй Богъ такой грѣхъ случится, тогда не токо ему треклятому, но и тебѣ, моей дочкѣ, съ плечъ голову сорву. Болѣе сего писать не предвижу и потому прекративъ сіе письмо посылаю тебѣ родительское благословеніе, на вѣки нерушимое.“

Равнодушно прочитала отцовское письмо Дуня. Тому лишь обрадовалась, что можно ей дольше гостить въ Луловицахъ. Что ей за дѣло до развѣздовъ отца, до Парашы, до Аксиньи Захаровны, до всѣхъ, даже до Груши. Иныя теперь мысли, иныя стремленія. Злорадно однако жь подумала она о постригѣ Фленушки....

„Ото всякихъ ересей блюди себя опасно...“ при первомъ чтеніи письма эти слова прошаи незамѣченными, но потомъ то и дѣло стали звучать въ ушахъ Дуни. Слышала она, ясно слышала, особенно въ ночной тиши, голосъ отца, тихій и ласковый, какимъ всегда онъ говаривалъ съ ней. И задумывалась Дуня, вспоминая гдѣ она теперь, куда ее привели... Всѣми силами старается прогнать тревожную мысль. „Вражье искушеніе! думаетъ, отецъ — человекъ плоти, надъ нимъ власть лукаваго. Онъ ему эти слова подсказалъ... Какая тутъ ересь?.. Служеніе Богу и Англу!“

А все-таки ни одной ночи не можетъ провести спокойно: то отцовскія слова звучать, то видится Петръ Степанычъ, скорбный, унылый... И становится ей жалко отца, жалко становится и Петра Степаныча.

Изъ писемъ къ Николаю Александрычу, одно всѣхъ породавало. Прислано было оно изъ Тифлиса племянникомъ Варвары Петровны Егоромъ Сергѣичемъ Денисовымъ. Ѣздилъ онъ за Кавказъ по какому-то порученію. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ:

„Дѣла подходятъ къ концу, скоро ворочусь въ Россію, сверну съ прямой дороги и заѣду къ вамъ въ Луловицы. Былъ въ Ленкоранѣ и вкрутъ Александрополя, видѣлъ, бесѣдовалъ, лично обо всемъ разкажу.“

Всѣ кромѣ не знавшей Денисова Дуки просіяли отъ его посыланія.

— Егорушка пріѣдетъ, Егорушка Денисовъ! радостно говоритъ Николай Александровичъ женѣ, брату, невѣсткѣ и племянницѣ. И тѣ также были въ восторгѣ.

Егоръ Сергѣевичъ Денисовъ вездѣ у хлыстовъ былъ великъ человекъ. Знали его и образованные люди Божьи, и монахи съ монахинями, и сестры женскихъ общинъ, приведенныя къ познанію тайны сокровенной, слышали о немъ по всѣмъ городамъ, по всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ только ни живутъ хлысты. Не радѣнями, не пророчествами достигъ онъ такой славы, а своими бесѣдами когда объяснялъ собратьямъ правила сокровенной вѣры, служеніе Богу и Агнцу. Былъ онъ еще молодой человекъ, съ небольшимъ тридцати лѣтъ. Былъ бы рѣдкимъ красавцемъ, еслибъ не мертвенная блѣдность истомленнаго лица, не видъ полуживаго человека. Зато черныя большіе глаза горѣли у него такимъ огнемъ и было въ нихъ такъ много жизни, что онъ смотря на человека казалось въ душу его проникалъ. Никто не могъ долго смотрѣть на Денисова, невольно потуплялись глаза, не выноса блеска его пронизательныхъ глазъ. Еще въ дѣтствѣ лишившись отца съ матерью, былъ онъ подъ опекой Луловицкаго. Въ ранней молодости служилъ морякомъ и тогда въ Кронштадтѣ хаживалъ въ „братское общество“ гдѣ ужъ тогда мало оставалось людей образованныхъ. Татаринovu изъ Петербурга ужъ выслали, одновѣрцевъ ея тоже разослали по монастырямъ.* Еще въ Луловицахъ, гдѣ жилъ онъ въ дѣтствѣ до поступления въ Морской Корпусъ, Денисовъ зналъ кое-что про людей Божіихъ, но былъ такъ еще малъ что ему не рѣшались показать радѣнья. Въ Кронштадтѣ онъ случайно узналъ что тамошнее „братское общество“ тѣ же Божьи люди, чтѣ и въ Луловицахъ. Сталъ онъ туда похаживать, но матросы не могли объяснить ему таинственной своей вѣры.

* Это было въ 1837 году. Татаринova сослана въ Кашинскій монастырь, тайный совѣтникъ Половъ въ Зилантовъ монастырь въ Казани, Федоровы мужъ и жена въ Новгородскіе монастыри и т. д.

Тогда рѣшился Денисовъ искать ея разъясненій по хлыстовскимъ кораблямъ. Разсудивъ что на морскомъ кораблѣ не доѣхать ему ни до какого корабля людей Божіихъ, вышелъ онъ въ отставку и въ гражданской службѣ занялъ должность не большую, но и не маленькую. То было ему дорого что она требовала дальнихъ разъѣздовъ. Сряду нѣсколько лѣтъ разъѣзжалъ Егоръ Сергѣичъ то по срединной Россіи, то по Волгѣ, то по Новороссіи, былъ даже въ Сибири и за границей въ Молдавіи. Вездѣ сводилъ онъ знакомство съ людьми Божьими, и теперь возвращался познакомившись съ „вѣденцами“, * извѣстными больше подъ именемъ „прыгунковъ“.

Съ нетерпѣньемъ ждали Луловицкіе Егора Сергѣича. Вѣдалъ онъ съ подошвы Арарата, съ верховьевъ Евфрата, изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ былъ земной рай и гдѣ, по вѣрованьямъ людей Божіихъ, вновь откроется онъ для блаженнаго пребыванія святыхъ праведныхъ, для вѣчнаго служенія Богу и Ангелу. Доходили до Луловицъ слухи что тамъ, гдѣ-то у подножія Арарата явился царь, пророкъ и первосвященникъ, что онъ торжественно короновался, что облачался въ порфиру и надѣвалъ корону съ другими отличіями царскаго сана онъ, подражая Давиду, съ гуслями въ рукахъ, радѣлъ среди многочисленной толпы на широкой улицѣ деревни Никитиной. ** Доходило до Луловицъ что царь Комаръ отричь плотской жены взялъ еще духовную, что у каждаго араратскаго святаго есть по одной, по двѣ и по три духовныя

* *Вѣденцами* (отъ слова *вѣдать*) они только сами себя зовутъ, утверждая что вѣдаютъ Духа Святаго. Зовутъ еще себя *духосими*. Посторонніе, за то что они радѣютъ какъ и хлысты, зовутъ ихъ *прыгунками*, *трясунами*, а потому что они увѣряютъ будто „вѣдаютъ Духа“—*духами*. Эта секта—смысь молоканства съ хлыстовщиной—возникла между сосланными за Кавказъ съ Молочныхъ Водъ молоканами. Она считаетъ своимъ основателемъ Лукьяна Соколова. Большая часть прыгунковъ живетъ въ деревнѣ Никитиной близъ Александрополя. Есть они и въ Эриванскомъ уѣздѣ, и въ Ленкоранскомъ и по другимъ мѣстамъ Закавказья. Преемникомъ Соколова былъ Максимъ Рудометкинъ или Комаръ—христосъ, пророкъ, первосвященникъ и царь духовныхъ. Онъ торжественно короновался въ деревнѣ Никитиной.

** Тутъ анахронизмъ. Комаръ коронованъ позже, именно 19 декабря 1857 года.

супруги. О духовныхъ супругахъ Луловицкіе имѣли самыя неясныя понятія. Читывали они про нихъ въ мистическихъ книгахъ, знали что тотчасъ послѣ паденія Бонапарта явились духовные супруги въ высшемъ прусскомъ обществѣ между придворными принявшими секту Мукеровъ, знали что есть духовныя жены у сектантовъ Америки, знали что изъ Пруссіи духовное супружество проникало и въ Петербургъ, но не могли понять какъ это ученіе проникло за Кавказскія горы, и какъ ссыльный крестьянинъ Комаръ могъ усвоить ученіе кенигсбергскаго архидіакона Эбеля, графини Грёбенъ, графини Финкенштейнъ и другихъ знатныхъ дамъ и государственныхъ людей Пруссіи.... „Денисовъ знакомъ съ царемъ Комаромъ, онъ все разъяснитъ“, думали Луловицкіе... Больше другихъ ожидала желаннаго гостя Марья Ивановна, ей хотѣлось хотьенько разузнать о духовныхъ супругахъ. Дуня съ перваго знакомства то и дѣло пристаивала къ ней съ вопросами о духовномъ супружествѣ, но старая дѣва не умѣла ей вполнѣ объяснить въ чемъ тутъ дѣло.

Управившись съ дѣлами въ Астрахани и раздумавши ѣхать въ Оренбургъ къ Субханкулову, Марко Данилычъ домой послѣдилъ. Дуня еще не возвращалась, и онъ написалъ къ ней письмо, съ приказомъ ѣхать скорѣе домой. „Макарій на носу, писалъ онъ, а мнѣ желательно тебя на ярманку свозить, и потѣшить по прошлогоднему.“

— Что жъ теперь дѣлать? спрашивала Дуня Марью Ивановну.

— Не ѣхать, отвѣтила та.

— Какъ же можно? возразила Дуня.—Вѣдь онъ ждать будетъ; а не дождется, самъ пріѣдетъ либо пришлетъ за мной....

— На ярманку что ли хочется? улыбувшись спросила Марья Ивановна.

— Что мнѣ до ярманки? презрительно промолвила Дуня.— Чего я тамъ не видала? Въ лодкѣ катанья, или театра?...

— Такъ вотъ что, сказала Марья Ивановна.—Пиши отцу что тебѣ на ярманку не хочется, а желаешь ты до осени прогостить въ Луловицахъ, а впрочемъ, молъ, полагаюсь на всю твою волю. Поласковѣй лиши, такъ лиши чтобъ ему не вслало какого подозрѣнья. Я тоже напишу.

Какъ сказано такъ и сдѣлано. Марья Ивановна писала

Марку Данилычу что Дуня у Макарья будетъ скучно, что дѣвушка она строгая, степенная, веселостей и развлеченій не любитъ. Изъ всего дескать видно, что она дочь благочестиваго отца и выросла въ истинно христіанскомъ домѣ.

Льстивыя слова знатной барышни понравились надмѣнному кулчинѣ. „Видите, Дарья Сергѣевна, говорилъ онъ, видите какъ знатные господа, генеральскія дѣти объ насъ отзываются! Спасибо Дунюшкѣ, спасибо голубушкѣ что такъ засадила у господъ Луловицкихъ!“ Онъ согласился оставить Дуню у Луловицкихъ до сентября. Дарья Сергѣевна была тѣмъ не довольна. Расплакалась даже.

А плакала она при Маркѣ Данилычѣ, такія слова приговаривая:

— Погубять ее! Съ толку собьютъ сердечную!.. Ея ли дѣло съ господами водиться? Не пристанетъ она къ нимъ, никогда съ ними не сравняется... Глядятъ на нее свысока—„ты дескать глаула ворона, залетѣла въ высокія хоромы“. А есть господа молодые—до грѣха не далеко.... Имъ ни по чемъ, а ей вѣкъ мучиться.

— Закаркала!... рѣзкимъ голосомъ, сурово вскрикнулъ Марко Данилычъ.—Чѣмъ бы радоваться что Дунюшка со знатыми людьми въ компаніи, она ни вѣсть что ллететь. Я на Марью Ивановну въ полной надеждѣ, она не допуститъ Дуню ни до чего худаго, да и Дуня не такая чтобы идти на дурныя дѣла.

— Дай Богъ чтобы было по вашему, Марко Данилычъ, съ тоской и рыданьями отвѣчала Дарья Сергѣевна.—А все-таки заботно, все-таки опасливо мнѣ за нее. Во снѣ ее то и дѣло я вижу, да все таково не хорошо: либо разодѣтую, разубранную въ шелкахъ, въ бархатахъ, въ жемчугахъ да въ золотѣ, либо мститса мнѣ что пляшетъ она съ какимъ-то бариномъ, а не то вижу всю въ цвѣтахъ какихъ-то диковинныхъ... Не къ добру такіе сны, Марко Данилычъ.

— Ужь вы пойдете, съ досадою промолвилъ Марко Данилычъ.... А самъ задумавшись послѣднѣе вышелъ изъ горницы.

Долго, еще долго плакала Дарья Сергѣевна по любимой воспитанницѣ. Причитаетъ въ горячѣхъ слезахъ, таки рѣчи приговариваетъ: „Не носила, не родила, не кормила я

тебя, Дунюшка, а любила завсегда и телерича люблю какъ родную дочь. Будь жива покойница Оленушка, и ей бы не любить такъ дочку свою рожоную да кормлённую.... Я растила тебя ненагадная, учила тебя доброму, на твою пользу душевную, сердце свое положила въ тебя, свѣтъ очей моихъ!... И всегда-то одну я завѣтную думушку думывала, какъ вырастешь ты, заневѣстись, да выйдешь замужъ за человека добраго, за хорошаго молодчика, изъ честнаго роду-племени.... А и думала я, горемычная, что на старости лѣтъ повожусь за твоими дѣточками, стану учить ихъ уму-разуму, наставлять въ Божьихъ заповѣдяхъ.... По грѣхамъ моимъ не такъ сталося - случилось, не по моимъ гаданьямъ дѣло содѣялось!... Умчали бѣлу лебедушку во чужіе люди во завистливые, что завистливые, гордые, высокоумные!... Счастливая была ты дѣвушка, счастливая, таланная: ни тяжелой работой не была ты огрѣжена, ни браннымъ словечкомъ огрѣблена!... Думала ль, гадала ль я что придетъ такое горе великое?... Думала ль я что придется жить безъ тебя въ тоскѣ, въ бѣдѣ, въ печаляхъ да въ горестяхъ?... Бьется сердце по тебѣ, убивается, а некому меня услокоить, утѣшить!.. Ни заѣмъ, ни залюю моего горя великаго!... Ты душа ль моя Дунюшка — была ты бѣлая голубушка бѣлымъ снѣгу бѣлаго, была ты румяная красавица румяной солнца краснаго, была ты свѣтъ зорюшка ясная милый мѣсяца серебрянаго!... Поднялись метели со снѣгами, расходились сизы тучи вьюгой грозною — унесли отъ насъ ненагадный цвѣтъ... Ахъ ты крошечка-малиновка, золотая моя рыбонька!... Воротись скорѣй подъ батюшкинъ кровъ, убѣги отъ людей недобрыхъ, прѣзжай въ свою свѣтлую горенку, во родительскій домъ бѣлокаменный!..“

И ни на мигъ не всломянулась горько плакавшей Дарья Сергѣевнѣ холодность къ ней Дуни.

LXXXVIII.

Первый Слась на дворѣ—къ Макарью пора. Собрался Марко Данилычъ безъ дочери, и поселился на Гребновской пристани въ своемъ караванѣ. Не хорошо попахивало, да Марку Данилычу это ни по чемъ—съ малыхъ лѣтъ привыкъ онъ съ рыбой возиться. Дня черезъ два либо черезъ три послѣ его

пріѣзда пришелъ на Гребновскую огромный рыбный караванъ. Былъ онъ „Зиновья Доронина съ зятьями“.

— Грому на васъ нѣтъ! стоя на своей лалубѣ вскричалъ Марко Данилычъ когда тотъ караванъ длиннымъ строемъ ставился по Окѣ.—Совсѣмъ завладели молокососы рыбной частью! ворчалъ онъ въ сильной досадѣ.—Что ни помню себя никогда такого большого каравана на Гребновской не бывало.... Не дай вамъ Богъ торговъ, не дай барышей!... Новости заводить затѣяли!... Дуй васъ горой!.. Умничать задумали, ровно мы старые послѣдвые рыбаки дураками до васъ жили набитыми.

А самъ дивуется. Стали баржи на мѣстѣ безъ руготни, безъ суетни, даже безъ лишнихъ криковъ, никого не задѣли, никого не задѣлили, никому выхода на плесъ не загородили. Много баржѣй пришло, а постановкой каравана только двое распоряжались, Меркуловъ съ Веденѣвымъ. На крайнихъ баржахъ подавали они сигналы свистками. Смѣялся на такое новшество Марко Данилычъ, но въ его смѣхѣ слышались зависть и злоба. Хотели по Гребновской и хозяева, и прикащики, и рабочіе. Не мало было и такихъ что досадовали и злились на тихую постановку каравана—никого не затронулъ онъ и не было ни брани, ни драки, ни свалки, а у иныхъ Гребновскихъ молодцовъ кулаки-то давно ужъ почесывались.

Сталъ караванъ и рабочіе отъ перваго до послѣдняго остались на мѣстахъ, никто не сбѣжалъ, никто ничего не укралъ, никто не заляпывалъ, все шло тихо и мирно. Много дивились тому.

Оба зятя Зиновья Алексича съ женами пріѣхали на ярманку, съ тестемъ и съ тещею. Пристали они въ той же гостиницѣ Бубнова, гдѣ и прошлаго года жили. Самъ Зиновій Алексичъ рыбнымъ дѣломъ не занимался, даже не взглянулъ на караванъ носившій его имя, но Меркуловъ съ Веденѣвымъ каждый день съ утра до сумерекъ по очереди бывали тамъ.

Едва успѣлъ установиться караванъ, на немъ, какъ водится, явились покупатели. Не настоящіе то были покупатели, а ищѣйки. Сами они ничего не покупаютъ, но локушники рыбнаго товара подсылаютъ ихъ разузнать цѣны, да посмотрѣть какова рыба. Рыбаки, особенно прикащики охотно принимаютъ ищескъ, хоть и знаютъ что ни одинъ изъ нихъ фунта не купитъ, но всего

товара имъ ни за что не покажутъ и прямыхъ цѣнъ сразу не скажутъ, а заломятъ неломѣрные. Явились ищетки и на баржи „Зиновья Доронина съ зятьями“. Тамъ имъ все показали, а Меркуловъ каждому сорту товара сказалъ настоящую цѣну. Подсильные подивились — очень низки ужь были объявленные цѣны. За то другая новинка смутила ихъ — въ кредитъ только третья доля товара отпущалась, за остальное наличныя деньги клади на столъ.

Вечеромъ въ Рыбномъ трактирѣ собрались и рыбаки и покупатели. Былъ тутъ Орошинъ, былъ Марко Данилычъ, лысый Сусалинъ и копѣй подобный богатырь, лискливый Иванъ Ермолаичъ Сѣдовъ. И другихъ рыбаковъ, большаго и малаго полета, было довольно тутъ. Сидѣли они въ круговую за столомъ уставленнымъ чайниками и мирно, благодушно опрастывали дюжины чашекъ съ отваромъ китайской травки. Только и рѣчи было у всѣхъ что про зятьевъ Доронина. Ругали ихъ ругательски, особливо Орошинъ, а покупатели подшучивали надъ рыбаками. Однако и они говорили что безъ отдачи рыбы въ кредитъ дѣло не можетъ идти.

— А все-таки Меркуловъ-отъ открылъ настоящія цѣны, и спасибо ему за то, съ усмѣшкой глядя въ упоръ на Орошина сказалъ маленькій, тщедушный старичокъ Лебякинъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ покупателей. — Теперича, примѣрно сказать, ужь нельзя будетъ хоть вашей милости, Описимъ, Самойлычъ, оченно-то высокѣ заламывать, потому что прамыя цѣны намъ ужь извѣстны.

— Мы свою цѣну знаемъ, надменно взглянувъ на Лебякина прошилѣлъ Орошинъ. — Хочешь дешево у нихъ купить, приласай больше наличныхъ. Мы свое возьмемъ, у насъ все будетъ по старинѣ — кредитъ какъ бывало, а цѣны какія межъ собой постановимъ.... Такъ али нѣтъ, Марко Данилычъ?

— Вѣстимо, пробурчалъ молчаливый на этотъ разъ Смолокуровъ.

— А ежели и мы со своей стороны войдемъ въ сговоръ? вскричалъ Колодкинъ Алексѣй Никифоровъ, широкоплечій, объемистый тѣломъ кулчина, съ богатырской головой обросшей рыжими курчавыми волосами. — Ежели значить и мы межъ собой свои цѣны установимъ и выше ихъ копѣйки не наку-

немъ? Куда тогда рыбу-то сбудете? Не въ Оку жь ее ловышвырять.

— Найдемъ мѣсто, сурово взглянувъ на Колодкина сквозь зубы промолвилъ Орошинъ.—Не одни вы покупатели.

— Олтовъе здѣсь всѣ на перечеть, сказалъ Лебякинъ.—Вы станете сговариваться, а мы глядя на васъ. Тогда хочешь не хочешь вся рыба-то у васъ на рукахъ и останется.

— Нешто по фунтикамъ станете продавать, ну тогда пожалуй расторгуетесь, со смѣхомъ подхватилъ слова Лебякина Колодкинъ.—Тогда можно будетъ васъ съ барышами поздравить.

— Развѣ только и свѣту въ окошкѣ что вы? насмѣшливо проицалъ подбоченясь Сѣдовъ.—Не фунтиками, а тысячами пудовъ продавать станемъ, и все распродадимъ безпремѣнно.

— Кому, кому распродать-то, Иванъ Ермолаичъ? поворотивъ къ Сѣдову громадную голову медленно проговорилъ Колодкинъ.—Развѣ по мелочнымъ лавочкамъ думаете рассовать, такъ у мелочниковъ ни денегъ, ни мѣста на то не хватитъ.

— Сыщутся люди и помимо мелочниковъ, проицалъ Сѣдовъ.—Будьте спокойны, мы тоже знаемъ что знаемъ: не вчера торговать-то зачали.

— Да кто сыщется-то? приставалъ Колодкинъ къ Сѣдову.—Нешто заимуете здѣсь, да морожену рыбу мужикамъ въ развозъ продавать *будете?

— А хоша бѣ и въ развозъ, пискнулъ Сѣдовъ.—А вы все-таки ни съ чѣмъ останетесь. Нешто кладъ выроете да наличными уплатите.

— И безъ клада Богъ поможетъ обойдемся, молвилъ Колодкинъ.

— Вотъ это такъ. Чтò дѣло, то дѣло.... Это какъ есть совершенно вѣрно, захохоталъ Сѣдовъ.—Ежели Богъ наличными поможетъ вамъ, ежели значить деньги на васъ съ неба свѣлятся, тогда можно вамъ и безъ клада обойтись.

— Не извольте беспокоиться, Иванъ Ермолаичъ—обернемся, это ужъ наше дѣло, задорно проговорилъ Колодкинъ и поднялся съ мѣста.—Счастливо оставаться! примолвилъ онъ.

И поклонясь честной компаніи вонъ пошелъ.

* Зимой торговые крестьяне, покупая въ Саратовѣ соленую и вяленую рыбу, развозятъ ее на продажу по базарамъ среднего и верхняго Поволжья. Это называется „торговать въ развозъ“.

За нимъ ушелъ Лебякинъ, а потомъ и всѣ остальные. Остались одни рыбаки. Молча поглядывали они другъ на друга.

— Что, братцы, дѣлать-то? послѣ долгаго молчанья, вытирая вслѣдствіе отъ чая лицо бумажнымъ платкомъ заговорилъ Стеланъ Ѳедорычъ Сусалинъ.

— По моему надо объ этомъ дѣлѣ посудить, молвилъ Марко Данилычъ.

— Надо безпремѣнно, подхватили и Сѣдовъ, и Сусалинъ, и другіе рыбаки.

— Только чуръ напередъ уговоръ, началъ долго молчавшій Орошинъ:—Ежели на чемъ порѣшимъ, каждую малость дѣлать сообща, по совѣту значить со всѣми. Другъ отъ дружки дѣлать не таить, другъ дружкѣ ножки не подставлять. Безъ того всѣмъ можно разориться, а ежели будемъ вести дѣла свои вкупѣ, тогда и барыши возьмемъ хорошіе и насмѣемся досыта и надъ Лебякинымъ, и надъ Колодкинымъ, и надъ зятями Доронина.

— Самъ-отъ только не сфинти, Описимъ Самойлычъ, мы-то будемъ за одно, насмѣшливо промолвилъ Марко Данилычъ.

— Чего мнѣ финтить-то? гордо взглянувъ на недруга, заносчиво воскликнулъ Орошинъ.

— Не знаю что будетъ напредки, а доселева еще ни одной ярманки не бывало чтобъ ты кого-нибудь не подкузмилъ, сказалъ ему на отвѣтъ Марко Данилычъ и захохоталъ на всю компанію.—На всѣхъ шлюсь, на всѣхъ сколько здѣсь насъ ни на есть, продолжалъ онъ.—Нечего узоры-то разводить, другъ любезный!... Всѣ достаточно тебя знаемъ. Всѣмъ извѣстно что ловокъ ты на обманы-то.

Замѣтно было что Смолокурову смертная охота пришла разозлить Орошина чтобъ ушелъ онъ изъ бесѣды. Орошинъ того не замѣчалъ.

— Что жъ? хихикнулъ онъ, окинувъ нахальнымъ взглядомъ собесѣдниковъ.—На войнѣ обманомъ города берутъ, на торгу веумѣлаго что лилку обдерутъ. Для того не плошай да не глазѣй, радись да оглядись, дѣло верши да не спѣши... Такъ-то, почтеннѣйшій Марко Данилычъ.

— Да полно вамъ тутъ! во всю мочь залищалъ Сѣдовъ.—Чѣмъ бы дѣло судить, они на брань лѣзутъ. У Бога впереди дней много, успѣете набраниться, а теперь надо рѣшать какъ дѣлу помогать. У Доронинскихъ зятѣвъ видѣли каковъ караванъ! Страсть!... Какъ имъ цѣня не сбить? Какъ разъ собьютъ, тогда и сиди мы у праздника!

Кой-кто присталъ къ Сусалину, и общими силами убѣдили Орошина со Смолокуровымъ на брань не лѣзть, а держать „разсужденіе“.

Молчать пріятеля, другіе рѣчей не заводять.

— Что жъ не зачинаете, пропищалъ Сѣдовъ.—Молчанкой дѣлу не пособить. Говори хоть ты, Марко Данилычъ.

— Пуцай Онисимъ Самойлычъ начинаетъ. Его дѣло большое, наше маленькое, сказалъ съ усмѣшкой Смолокуровъ.

— Маленькое! Хорошо маленькое! прошилъ Орошинъ.— А кто верховодить на Гребновской?.. Кто третьяго года у всѣхъ цѣны сбилъ?

— А кто нынѣшней весной въ Астрахани всю икру и всю рыбу хотѣлъ скупить?... А?... Ну-ка скажи! Да видно бодавой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Не то быть бы всѣмъ намъ у праздника, всѣмъ бы ты карманы-то на изнанку ловыворотилъ... Не выкинь Меркуловъ съ Веденѣвымъ своей штуки, всѣмъ бы намъ пришлось теперь по твоей милости зубы на полку класть.

— Да перестаньте Христа ради! вступился опять Сусалинъ. — Эдакъ толку никогда не дождаться. Услѣдете, говорю, набраться. Дѣло теперь не въ спорѣ, а въ сговорѣ. Говори что ли въ прямь, Онисимъ Самойлычъ.

И всѣ стали просить Орошина, сказалъ бы свое слово о томъ что надо дѣлать. Сидѣлъ Марко/Данилычъ молча сидѣлъ. Отвернувшись отъ Орошина, барабанилъ онъ по столу лухами, красными своими пальцами.

Поломался Онисимъ Самойлычъ, потому зачалъ рѣчь говорить:

— Если примѣрно будъ сказано теперича намъ сложиться наличными сколько у кого есть и скупить у Дорогинскихъ зятьевъ весь ихній товаръ, тогда бы ставъ покупатели цѣны какія хотять, луда никому изъ нихъ негдѣ будетъ купить. По неволѣ придуть къ намъ и заплащать сколько мы ни залросимъ. А куливши у Меркулова съ Веденѣвымъ весь караванъ по объявленной ими цѣнѣ какіе барыши мы получимъ!...

— Что жъ это такое будетъ? перебилъ Орошина Марко Данилычъ.—Складчина, компанія на акціяхъ, какъ новѣ стали называть?

— А хоша бъ и такъ, тряхнувъ окладистой бобровой съ

искрой бородой и нахмура брови молвилъ Онисимъ Самойлычъ слѣсиво поглядѣвъ на Смолокурова.

— Складчиной торгъ барышей не даетъ, отвернувшись отъ него сказалъ Марко Данилычъ.

Всѣ почти согласились со Смолокуровымъ. То было у всѣхъ на умѣ, что ежели складочныя деньги попадутъ къ Орошину, онъ охулки на руку не положитъ—возись послѣ съ нимъ, выручай денежки. И за то „слава Богу“ скажешь ежели свои-то изъ лапъ его вытянешь, а на счетъ барышей лучше и не думай... Марку Данилычу поручить складчину—тоже нельзя, да и никому нельзя. Кто себѣ врагъ?... Никто во грѣхъ не поставитъ зажить чужую копейку.

Зубами даже скрикнулъ Онисимъ Самойлычъ, вида что лакомой складчинѣ въ руки его не попасть. Замолчалъ.

— А вѣдь Онисимъ-отъ Самойлычъ говорить правду, нѣсколько помолчавъ, сказалъ Сусалинъ.—Ежели бы значить весь товаръ въ нашихъ рукахъ былъ, барышей столько бы пришлось что и вздумать нельзя. Ежели другъ дружку не подсигивать, рубль на рубль можно получить. Потому всѣ цѣны будутъ въ нашихъ рукахъ... Чтѣ захотимъ, то и возьмемъ.

„Рубль на рубль!“ подумалъ каждый изъ рыбаковъ. „Да вѣдь это золотое дно, сто лѣтъ живи такого случая въ другой разъ не выпадетъ. Только вотъ бѣда—складчину кому поручить?.. Кому ни поручи—всякъ надуется...“

Долго молчали, потомъ опять залищаль дородный Сѣдовъ.

— Хотя я давеча надъ покупателями и подтрунилъ, а вѣдь надо сказать правду они пожалуй наличными-то раздобудутся. Нонче вонъ эти банки завели чтѣ подъ закладъ товаровъ деньгами за малые проценты ссужаютъ.

— Да вѣдь товаръ-отъ надо прежде купить, безъ того банкъ денегъ не дастъ, промолвилъ одинъ рыбакъ мелкая сошка, человѣкъ небогатый.

— Нешто Доронински зятя на каку-нибудь недѣлю либо дѣнь на десятокъ не повѣрятъ. Векселя возьмутъ, сказалъ Сѣдовъ.

— Какъ не повѣрить?... Повѣрятъ, заговорили рыбаки.

— Тогда значить у насъ по усамъ текло, а въ ротъ не попало, продолжала та же мелкая сошка.—Бьемъ на барыши, а пожа-

луй получимъ голыши. * Безпремѣнно надо у нихъ перебить. А начинать тотчасъ—завтра же.

— Что правда, то правда, вступился Бѣлякинъ Евстрать Михайлычъ. Родомъ и жительствомъ былъ Костромичъ, рыбакъ не крупный, такая же мелкая сошка.—Дѣло тутъ самое слѣшное, сказалъ онъ,—товарищества на вѣрѣ составить намъ некогда, складочны деньги въ однѣ руки отдать нельзя, потому что въ смерти и въ животѣ каждого Богъ волѣнъ. Примѣромъ сказать поручили бы вы мнѣ свои капиталы. Не къ тому говорю чтобы въ самомъ дѣлѣ такое довѣріе вы мнѣ сдѣлали, человекъ я маховой и мнѣ этого ни въ какомъ разѣ нельзя ожидать. Единственно для ради примѣру говорю. Ну-съ вотъ вы мнѣ свои капиталы и прелоручили, чтобы я завтрашній день ранымъ-ранехонько сдѣлалъ покулку. Хорошо. А я пришедши отсюда, изъ Рыбнаго трактира, возьми да и ломери. Потому въ смерти и животѣ Богъ волѣнъ. Ну, вотъ я и ломеръ, а деньги-то ваши у меня налицо, а у васъ документовъ никакихъ на меня нѣтъ. Нешто вы думаете наслѣдники-то мои отдадутъ вамъ деньги?... Какъ же? держи карманъ... Ни въ какомъ разѣ! Припрячуть и вся недолга. И всякъ то же сдѣлаетъ до кого ни доведись... Сами не хуже меня знаете. Послѣ тамъ судись да возись, а денежки—лиши пропало... Потому какія у васъ доказательства?... Какіе документы можете вы въ судѣ предъявить?...

— Векселя можно взять, замѣтилъ Сусалинъ.

— Ладно-съ, очень даже хорошо-съ. Можно и векселя взять, сказалъ Бѣлякинъ.—Да вѣдь дѣло-то, Степанъ Федорычъ, завтра раннимъ утромъ надо покончить. Когда жъ векселя-то лисать? Ночью ни одинъ маклеръ не засвидѣтельствуетъ... А послѣ давишняго разговора съ Лебякинымъ да съ Колодкинымъ они завтра же пойдутъ умасливать Дорониныхъ зятѣвъ чтобы повѣрили имъ на недѣлю тамъ что ли... Вѣрно о томъ знаю, самъ своими ушами вѣчеръ слышалъ какъ они сговаривались.

Замолчали всѣ, а Марко Данилычъ ровно ото сна проснулся, и лѣниво зѣвая промолвилъ:

— Надо желѣзо ковать пока горячо.

* *Голыши*—твердый камешекъ, окатанный и оглаженный водою

Орошинъ словечка не выронилъ, другіе рыбаки, и тузы и мелкая сошка, тоже помалчиваютъ себя.

А Бѣлякинъ свое говорить:

— Къ примѣру я вамъ про себя говорилъ. А ежели бъ у меня своего капитала не тридцать тысячъ, а три милліона было, а вы векселей-то съ меня не взяли, тогда бы наследникамъ моимъ и прятать вашихъ денегъ не было надобности. „Татенькины“, да и дѣло съ концомъ. Вотъ оно что!

Всѣ молчали. Злобно смотрѣлъ Орошинъ на Бѣлякина.

— Что жъ дѣлать-то? спросилъ наконецъ, оглядывая собесѣдниковъ Сусалинъ.

Никто ни полслова. Немного подумавши молвилъ Сусалинъ:

— А по моему вотъ бы какъ. Складчины не надо, ну ее совсѣмъ!... Пуцай всякъ при своемъ остается. — Снекнемтека много-ль денегъ потребуется на закупъ всего каравана и сколь у кого наличныхъ. Можемъ ли собрать столько чтобы все закупить? Кто знаетъ чего стоитъ весь товаръ по заявленнымъ цѣнамъ?

— Тысячъ триста, пожалуй и больше, молвилъ Бѣлякинъ.

— Хорошо, сказалъ Сусалинъ и постучалъ ложечкой о чайную чашку. Стремглавъ вбѣжалъ половой, широко размахивая салфеткой.

— Вотъ что, любезный, сказалъ ему Сусалинъ, — попроси ты у буфетчика чистый листочекъ бумажки да перышко съ чернилкой. На минутку молъ.

— Сейчасъ-съ, отрывисто промолвилъ проворный половой и полетѣлъ изъ комнаты.

Подали бумагу, перо, чернила. Сказалъ Сусалинъ:

— Пуцай каждый подлишетъ сколько кто можетъ внести Дорогинскимъ зятямъ наличными деньгами. Когда подлишетесь, тогда и смѣкнемъ какъ надо дѣломъ орудовать. А по моему бы такъ: пуцай завтра пораньше ѣдетъ кто къ Меркулову, кто къ Веденѣву и каждый свою часть покупаетъ. Складчины тогда не будетъ, всякъ при своемъ останется, а товаръ весь цѣликомъ все-таки изъ нашихъ рукъ не уйдетъ, и тогда какія цѣны мы ни захотимъ, такія и поставимъ... Ладно ль придумано?..

— Ладно, ладно, заголосили всѣ опрочь Орошина, Марка Данилыча и Бѣлякина. У всѣхъ у троихъ было что-то свое на умѣ.

— Съ молодшихъ начинай, пролищаль Сѣдовъ.—Большаки добавятъ чего у мелкоты не хватить.

Бѣлянкинъ протянулъ руку за бумагой, примолвивъ:

— Слабѣй меня никого здѣсь нѣтъ.

И подписалъ. Листъ пошелъ въ круговую. Когда всѣ кромѣ первѣйшихъ тузовъ подписали его, листъ подали Орошину.

Надменно передвинулъ онъ его къ Смолокурову.

— Марко Давидычъ всегда говоритъ, будто я много его богаче, съ усмѣшкой сказалъ Онисимъ Самоѣлычъ.—Хоча это и не справедливо, да ужъ лучше будетъ по его. Уступаю... Пусть напередъ меня пишетъ.

Усмѣхнулся Марко Давидычъ, переглянувшись съ Бѣлянкинымъ. Не говоря ни слова взялъ онъ перо, сосчиталъ на сколько подписано и затѣмъ подписавшись на триста тысячъ, подвинулъ листъ къ Орошину.

Вздѣлъ очки Онисимъ Самоѣлычъ и весь посоловѣлъ взглянувъ на бумагу.

— Мнѣ-то что жъ осталось? злобно воскликнулъ онъ, глядя звѣремъ на Марка Давидыча?

Ни слова никто, а Онисимъ Самоѣлычъ больше да больше злобится, крѣпче и крѣпче колотить кулакомъ по столу. Двѣ чайныхъ чашки на полѣ слетѣло.

— Подписывайтесь, съ легкой усмѣшкой сказалъ ему Бѣлянкинъ.—Послѣ разверстки сдѣлаемъ.

— Убирайся ты къ чорту со своей разверсткой!... зарывалъ Орошинъ, бросая на столъ подписной листъ.—Ни съ кѣмъ не хочу дѣла имѣть. Завтра чѣмъ свѣтъ управляюсь одинъ... Меня хватить на это. Дуракъ я былъ что въ Астрахани всего не скулилъ у нихъ, да тогда они, подлецы, цѣны еще не объявляли.... А теперь Дорониной рыбы вамъ и позволять не дамъ.

И плюнувъ, скорыми шагами пошелъ изъ комнаты вонъ.

Рыбники [кроме Марка Давидыча да Бѣлянкина] головы повѣсили... „Рубль на рубль въ двѣ-три недѣли и вдругъ ни гроша!“ думали они. Злобились на Орошина, злобились и на Марка Давидыча.

Взялъ Смолокуровъ подписной листъ и громко сказалъ честной компаніи:

— Себѣ я возьму этотъ листъ. Каждый изъ васъ отъ меня получить за наличныя деньги товару на сколько кто под-

писался. Только чуръ уговоръ—чтобъ завтра же были деньги у меня въ карманъ. Пуцай Орошинъ хоть сейчасъ ѣдетъ къ Меркулову съ Веденѣвымъ—ни съ чѣмъ оглобли поворотить... Я ужь купилъ весь караванъ... Извольте разсматривать.

— Только, господа, деньги безпремѣнно завтра сполна, сказалъ Марко Данилычъ, когда рыбаки рассмотрѣли документъ.—Кто опоздаетъ, на себя пеняй—фунта не получить. Согласны?

— Согласны, согласны, закричали рыбаки и каждый отъ усердія старался всѣхъ перекричать.

Поднялись благодарности Марку Данилычу. Заказали ужинъ, какой только можно было состряпать въ Рыбномъ трактирѣ. Холодненькаго выпили. Пили за здоровье Марка Данилыча, за здоровье Авдотьи Марковны, на рукахъ качали благодѣтеля, „многолѣтіе“ ему пѣли. Долго на весь Рыбный трактиръ раздавались радостно пьяные голоса:

Еще дай Боже, еще дай Боже!

Еще дай Боже, еще дай Боже!

Здравствовать!

Господину, господарю,

Господину, господарю

Нашему!...

Свѣтъ ли Марку, свѣтъ ли Марку,

Свѣтъ ли Марку, свѣтъ ли Марку

Даниловичу!

Еще дай Боже, еще дай Боже!

Еще дай Боже, еще дай Боже!

Многая, многаз,

Многая лѣта!

Многая лѣта!

Благодушно улыбался Марко Данилычъ, глядя на почетъ ему воздаваемый. А больше всего тѣмъ былъ счастливъ онъ, тѣмъ доволенъ что подставлялъ подножку Онисиму Самойлычу. „Лопнетъ съ досады лезъ смердящій! въ радостномъ восторгѣ думалъ Марко Данилычъ; передернетъ его всего какъ услышитъ что весь караванъ я скупилъ.“

LXXXIX.

А обработалъ Марко Данилычъ это дѣльцо тайкомъ и со-
всѣмъ невзначай. Не онъ товара искалъ, самъ товаръ при-
вадилъ къ нему.

Узнавъ что Марко Данилычъ живетъ на караванѣ, Мерку-
ловъ улучилъ минутку чтобъ по прежнему знакомству лови-
даться съ нимъ, узнать про Авдотью Марковну, и справить
ей поклоны отъ жены, отъ тещи и свояченицы.

Не очень привѣтливо встрѣтилъ его Смолокуровъ, но какъ
обычаеъ рушить нельзя, тотчасъ велѣлъ Василью Оадѣву
чайку собрать, мадерцы подать, водочки, и разныхъ соленыхъ
и сладкихъ закусокъ.

— Ну что? Каково тестюшка поживаетъ? спросилъ гостя
Марко Данилычъ.

— Помаленьку, отвѣчалъ Меркуловъ.—Здѣсь теперь, у Ма-
карья. Съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ.

— Вотъ какъ! А я и не зналъ... Гдѣ онъ на квартирѣ-то
присталъ?

— Да тамъ же все въ той же гостиницѣ, что и въ прош-
ломъ году.

— Надо будетъ навѣстить стараго пріятеля, безпремѣнно
надобно. Да вотъ все дѣла, да дѣла, говорилъ Марко Дани-
лычъ.—А Татьяна Андревна тоже пріѣхала?

— Здѣсь, отвѣчалъ Меркуловъ.

— А вы съ супругой?

— Какъ же, и Дмитрій Петровичъ съ Натальей Зиновь-
евной. Всей семьей пріѣхали.

— Вотъ какъ! Весело значить всѣмъ-то, не скучно въ
чужомъ городѣ.

— Конечно, замѣтилъ Меркуловъ.—А вы Авдотьи-то Мар-
ковны видно не привезли?

— Нѣтъ, не привезъ, сухо отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Что жъ такъ?

— Да не случилось.

— Какъ она въ своемъ здоровьѣ?

— Ничего, слава Богу здорова.

— Жена много ей кланяется и Татьяна Андревна, и На-
талья Зиновьевна. Надѣялись повидаться съ ней, молвила

Меркуловъ.—Что жь это она?... Такъ и не прѣдетъ вовсе на арманку?

— Такъ и не прѣдетъ, сказалъ Марко Данилычъ.—Въ гостяхъ теперь гостить.

— У сродниковъ?

— У гослодъ Луловицкихъ въ Рязанской губерніи, съ важностью приподнявъ голову, съ разстановкой проговорилъ Марко Данилычъ.—Люди они съ большимъ достаткомъ, знатные, генеральскіе дѣти — наши хорошіе знакомые... Ихняя сестрица Алымова сосѣдка намъ будетъ. Съ нашимъ городомъ по сосѣдству имѣнье купила. Дунюшку она очень подлюбила и выпросила ее у меня погостить покуда я буду на арманкѣ.

— Алымова? Марья Ивановна? спросилъ удивленный Меркуловъ.

— Такъ точно, подтвердилъ Марко Данилычъ.

— Не та ли что прошлаго года въ той же гостиницѣ жила, гдѣ и вы и батюшка тестъ останавливались?...

— Она самая, отвѣтилъ Марко Данилычъ.—А что?

— Нѣтъ... такъ ничего, съ недоумѣньемъ молвилъ Меркуловъ.

— Знакомы что ли съ ней? спросилъ Марко Данилычъ.

— Нѣтъ. Въ прошломъ году на одномъ пароходѣ съ ней вѣхалъ, отвѣтилъ Никита Федорычъ.

— Хорошая барышня, замѣтилъ Марко Данилычъ,—разумная такая и ласковая. А ежели взять ее на счетъ доброты, такъ лучше и не надо. И хоща знатная, а ни слѣси, ни гордости въ ней ни на капельку.

Пересталъ разспрашивать Меркуловъ, а самъ про себя думаетъ: „Съ какой стати связалась Авдотья Марковна съ фармазюшкой? Вотъ наши-то удивятся, какъ узнаютъ.“

— Ну что какъ дѣла пошли? немножко погоды спросилъ Марко Данилычъ.—Караванище-то какой пригнали вы на Гребновскую!... Сколько ни торгую такого у Макарья не выдывалъ. Теперь вы у насъ изъ рыбаковъ самыя первыя....

— Да вѣдь тутъ не я одинъ, сказалъ Меркуловъ.—Дѣло общее: тутъ и мой капиталъ, и женнинъ, и Дмитрія Петровича, и его жены, и батюшки Зиновья Алексѣвича доля есть.

— Значить и онъ въ рыбаки записался, съ добродушной

успѣшкой молвилъ Марко Данилычъ. —А бывало какъ вздумаешь уговаривать его рыбой заняться такъ—„ни за что на свѣтѣ“ говорить.

— Онъ и теперь не входитъ въ эти дѣла, сказалъ Меркуловъ.—Капиталомъ только участвуетъ.

— Такъ, протянулъ Марко Данилычъ:—Продали сколько ни на есть рыбки-то?

— Гдѣ жъ еще! отозвался Меркуловъ.—Рано. Кажется ни съ одного каравана не было еще продажъ.

— Опрочь мелочей точно что не было, подтвердилъ Смолокуровъ.—Какъ же вы на счетъ цѣнъ располагаете? Заодно со всѣми будете улавлять, аль особнякомъ дѣло поведете.

— У насъ напередъ все разчитано, сказалъ Меркуловъ.—Сегодня отдадимъ объявленіе о цѣнахъ печатать и объ нашихъ условіяхъ, наклеимъ на столбахъ, разошлемъ по рыбнымъ покупателямъ, въ газетѣ напечатаемъ.

Повернулся на стулѣ Марко Данилычъ. „Всю торговлю вверхъ дномъ повернуть хотятъ, проклятые. Эки штуки откалываютъ!“ подумалъ онъ.

— Не сходишь ли будетъ вамъ, Никита Ѳеодорычъ, келейно съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться? умильнымъ голоскомъ заговорилъ Марко Данилычъ.—А то эти объявленія да газеты!... Перво дѣло —расходы, а другое, что васъ же могутъ на смѣхъ поднять.

— Расходы пустячные, сказалъ Никита Ѳеодорычъ,—а станутъ смѣяться такъ мы за обиду того не поставимъ. Смѣйся на здоровье, коль другого смѣха нѣтъ.

— Такъ вы не будете цѣнъ таить? спросилъ Марко Данилычъ, зорко глядя въ глаза Меркулову.

— И не подумаемъ, тотъ отвѣчалъ.

— И условій таить не станете?

— Да какъ же таить-то ихъ, Марко Данилычъ, ежели на фонарныхъ столбахъ объявленія объ нихъ приколотимъ?.. Отвѣчалъ смѣясь Никита Ѳеодорычъ.—Вотъ наши условія, читайте.... Въ кредитъ на двѣнадцать мѣсяцевъ третья доля, а двѣ трети получаемъ наличными здѣсь на ярманкѣ при самой продажѣ.

— Тяжеленьки условія, Никита Ѳеодорычъ, очень даже тяжеленьки, покачивая головой говорилъ Марко Данилычъ.—Эдакъ чего добраго пожалуй и покупателей вамъ не найти.... Вѣрьте моему слову — люди мы бывалые, рыбное

дѣло давно намъ за обычай. Еще вы съ Дмитріемъ-то Петровичемъ на свѣтъ не родились, а я ужъ давно всю Гребновскую и вдоль и поперекъ зналъ.... Изстари на ней по всѣмъ статьямъ повелось что безъ кредита дѣла нельзя сдѣлать. Смотрите не пришлось бы вамъ товаръ-отъ у себя на рукахъ оставить.

— Ну и оставимъ, равнодушно сказалъ Никита Ѳедорычъ.— Анбары наймемъ, зима придетъ—рыбу гужомъ повеземъ на продажу.

— Въ накладѣ останетесь, Никита Ѳедорычъ, съ притворнымъ участиемъ, покачивая головой сказалъ Марко Данилычъ.—За анбары тоже вѣдь платить надо, гужевая перевозка теперь дорога, по неволѣ цѣны-то надо будетъ повысить. А кто станетъ покупать дороже базарной цѣны? Да еще за наличныя... Не разчетъ, право не разчетъ. Дѣло видимое: хоть по всей Россіи развезите — фунта никто не купитъ у васъ.

— Купятъ, да какъ еще раскупятъ-то!... Съ руками оторвутъ, спокойно улыбаясь, сказалъ Меркуловъ.

— Какъ же это такъ? съ недоумѣньемъ спросилъ Марко Данилычъ.—Развѣ тайна какая?

— Нашу тайну черезъ три либо четыре дня на фарновыхъ столбахъ можно будетъ читать... А вамъ пожалуй сію же минуту открою ее. Вотъ она, сказалъ Меркуловъ, подавая Марку Данилычу приготовленное къ печати объявленіе о цѣнахъ.—Извольте читать.

Глазамъ не вѣрить Марко Данилычъ—по каждой статьѣ цѣны поставлены чуть не въ половину дешевле тѣхъ что въ тотъ день Гребновскіе тузы собрались установить за чаемъ въ Рыбномъ трактирѣ.

— Никакъ съ ума вы сошли, Никита Ѳедорычъ! вскочивъ со стула вскричалъ Марко Данилычъ.—По міру хотите насъ пустить?... Ограбить?... И себя разорите и насъ всѣхъ!... Хорошее ли дѣло съ ближними такъ поступать?

— Съ какими жъ это ближними, Марко Данилычъ? спокойно спросилъ Меркуловъ.

— Съ нами значить, со всѣми съ нами, съ Гребновскими рыбаками!... кричалъ Смолокуровъ.

— Не одни рыбаки, Марко Данилычъ, наши ближніе, отвѣчалъ Никита Ѳедорычъ, оглядывая Смолокуровскую каяту.

— Да вамъ-то какая тутъ польза? горячился Марко Данилычъ.—Вѣдь вы десяти копѣекъ на рубль не получите.

— Не получимъ, Марко Данилычъ, отвѣчалъ Меркуловъ.— Мы только на пять разчитали. По этому разчету и цѣны назначили. Пять процентовъ право довольно. Мы вѣдь за скорой наживой не гонимся. За границей кулцы-то много лобогаче насъ, а довольствуются и меньше чѣмъ лятью процентами.

— Да ну ее ко псамъ вашу границу-то! вскричалъ во всю мочь Марко Данилычъ.—Вы должны вести дѣла по-русски, а не по-басурмански?... А то всѣхъ разорять... Грабить!

И вдругъ стихъ Марко Данилычъ. Вдругъ прояснилось его мрачное лицо. Блеснула мысль: „А не скулить ли весь караванъ цѣакомъ? Тогда по ихней дурости какіе можно барыши взять!“

— На сколько у васъ въ караванъ-то, Никита Ѳеодорычъ?... кротко и ласково спросилъ онъ Меркулова.

— Тысячъ на триста по нашей разцѣнкѣ, отвѣтилъ тотъ.

— Покупатели предвидятся?

— Пока еще нѣтъ, сказалъ Меркуловъ.—Приходили вчера, имъ цѣны и условія сказали и товаръ показали весь. Да это не настоящіе покупатели,—ищетки.

— А если бъ изъ рыбаковъ кто предложилъ вамъ купить весь караванъ до-чиста. Продали бы? нѣсколько подумавши спросилъ Марко Данилычъ.

— Отъ чего жъ не продать? отвѣтилъ Меркуловъ.

— И уступочка будетъ?

— Ни копѣйки.

— Хотя бы процентикъ одинъ, прикинувшись казанскимъ сиротой молвилъ Марко Данилычъ.— Важная вещь копѣйка въ рубль! Пустое дѣло, плюнуть не на что.

— Сейчасъ вы сами говорили, Марко Данилычъ, что наши лять процентовъ чуть не смертный грѣхъ, а теперь хотите чтобы мы взяли четыре, съ ясной усмѣшкой отвѣтилъ Никита Ѳеодорычъ.

— Да вы все шутите!... Балагуръ вы эдакій!... Ей-Богу балагуръ... съ веселымъ смѣхомъ заговорилъ Марко Данилычъ.— Скиньте процентикъ-отъ... Право надобно скинуть.

Меркуловъ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Тогда Марко Данилычъ на цыны штуки поднялся, говорить ему:

— Такъ хоша условіица-то посмягчите. Третью бы долю

наличными послѣ слуска флаговъ получить вамъ, а двѣ трети на предбудущей ярманкѣ.

— Ни отъ единой буквы условій не отступимъ. Ни отъ единой буквы, сказалъ Меркуловъ.

— Такъ вотъ что, Никита Федорычъ, молвилъ Марко Давилычъ, подойдя къ Меркулову и дружески положивши ему на плечо увѣсистую руку.—Съ батюшкой съ тестемъ вашимъ, какъ сами знаете, мы старинные пріатели.

— Нельзя, нельзя, ни по какой причинѣ нельзя мѣнять условій, Марко Давилычъ, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Меркуловъ.

— Послушайте меня старика, почтеннѣйшій Никита Федорычъ, продолжалъ Марко Давилычъ, положивъ и другую руку на плечо Меркулова.—Хоча для того облегчите условія насчетъ наличныхъ, что я завсегда любилъ и уважалъ вашу супругу Лизавету Зиновьевну. Ей-ей любилъ не меньше чѣмъ свою Дунюшку. И теперь люблю, ей Богу. Мнѣ не вѣрите, Богу повѣрьте... Сдѣлайте такое ваше одолженіе—сейчасъ же бы заключили мы съ вами условіе: третью долю наличными тутъ же вы бы съ меня получили, другую по вашему условію оставили бы до предбудущей ярманки, а третью потерлите мѣсяцовъ шесть — на Ростовской бы съ вами полный расчетъ учинилъ...

— Нельзя, Марко Давилычъ, никакъ нельзя, сказалъ Меркуловъ. — Мы положили іоты одной не опускать изъ условій.

— Я бы записъ особую далъ... Неустойку назначьте... Какую хотите такую и назначьте.

— Нельзя, Марко Давилычъ.

— Хоть на мѣсяць....

— Нельзя.

— На три недѣли?

— Нельзя.

— На двѣ?

— Нельзя.

— Дѣнь на десять.

— Нельзя, нельзя и нельзя, Марко Давилычъ. Лучше и не говорите... Лучше совсѣмъ оставимъ это, сказалъ вставая Меркуловъ.—Прощайте... Засидѣлся я у васъ—давно ужъ пора кой-куда съѣздить.

— Послушайте, крѣпко ухватившись за руку Никиты

Федорыча задыхающимся почти голосомъ вскричалъ Смолокуровъ.—Хоть на три дня!... Всего только на три денька!... Въ три-то дня вѣдь пятой доли товару не свезти съ вашего каравана.... Значить не выйду изъ вашихъ рукъ... На три дня, Никита Федорычъ, только на три денечка!... Будьте милостивы, при случаѣ самъ заслужу.

Подумалъ Меркуловъ и согласился, но съ тѣмъ что ежели Смолокуровъ черезъ три дня не уплатитъ до послѣдней копѣйки всего что слѣдуетъ, то условіе уничтожается и Марко Данилычъ заплатитъ неустойку въ двадцать тысячъ.

Рѣшились и поѣхали къ маклеру условіе писать.

Возвращаясь отъ маклера на баржу Марко Данилычъ увидалъ на Гребневской Бѣлякина. Садился тотъ въ лодку на свою тихвинку ѣхать.

— Евстратъ Михайлычъ! Куда, другъ, слѣшишь? крикнулъ ему Смолокуровъ.

— До своей до тихвинки, снималъ картузь и почтительно кланяясь рыбному тузу, отвѣчалъ Бѣлякинъ.

— Что за слѣхъ такой приспѣлъ? весело спросилъ у мелкой рыбной сошки тузистый рыбакъ Марко Данилычъ.

— Самый важнѣйшій слѣхъ, шутиво отвѣчалъ Бѣлякинъ.—На всемъ свѣтѣ больше того слѣху нѣтъ—ѣсть, сударь, хочу, обѣдать пора.

— Охота ѣсть одному!... Скучно. Айда ко мнѣ на баржу—пообѣдаемъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ. У меня щи знатныя изъ свѣжей калусты, щецъ похлѣбаемъ, стерлядку въ разварѣ съдвимъ, барашка пожуемъ, винца малу тоаику выпьемъ.

— Да мнѣ право какъ-то совѣстно, Марко Данилычъ, говорилъ Бѣлякинъ, смущенный необычной привѣтливостью слѣсиваго и надменнаго Марка Данилыча. Прежде Смолокуровъ и шалки передъ нимъ не ломалъ, а теперь вдругъ обѣдать зоветъ.

Схвативъ Бѣлякина за руку, Марко Данилычъ безъ дальнихъ разговоровъ увезъ его въ своей косной на баржу.

За обѣдомъ разказалъ Смолокуровъ про сдѣлку съ зятьями Дорониными... Бѣлякинъ даже ротъ разинулъ отъ удивленья.

— Говори ты мнѣ, Евстратъ Михайлычъ, прямо, на чистоту, безо всякой значить утѣхи, наливая рюмку диковинной вишневки сказалъ ему Смолокуровъ. — Сколько у тебя наличныхъ?

— Какія у меня деньги, Марко Данилычъ! смиренно отвѣчалъ Бѣлянкинъ. — Вѣдь я человѣкъ маленькій. Есть конечно невеликая сумма — кой-чего для дома въ ярманкѣ надо испустить... А товаръ еще Богъ знаетъ когда продамъ.

— Да сколько, спрашиваю я, наличныхъ то теперь у тебя? сказалъ Марко Данилычъ.

— Тыщенки двѣ наберется, смиренно промолвилъ Бѣлянкинъ.

— Хочешь третью нажить, а можетъ и четвертую? пристально глядя на Бѣлянкина, спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ не хотѣть, Марко Данилычъ? съ веселой улыбкой отвѣтилъ Евстратъ Михайлычъ.

— Такъ вотъ что: парень ты рѣчистый, разговоры водить мастеръ. — Такого мнѣ теперь и надо, сказалъ Марко Данилычъ. — Сегодня вечеромъ приходи въ Рыбный трактиръ, тамъ будутъ всѣ наши. А дѣло будетъ тебѣ вотъ какое...

И подробно разказалъ что надо дѣлать и что говорить. Зятѣя Марка Данилыча вполне удалась.

На другой день послѣ сидѣнья рыбниковъ въ Рыбномъ трактирѣ, чуть не на разсвѣтѣ Орошинъ подѣхалъ въ лодкѣ къ каравану зятѣевъ Доронина. Ему сказали что они еще не бывали. Спросилъ гдѣ живутъ, и погналъ извозчика на Нижний Базаръ. Ровно молоденькій вбѣжалъ онъ на лѣстницу Бубновской гостиницы, спрашиваетъ Меркулова, а ежели его дома нѣтъ, такъ Веденѣва.

— Еще почиваютъ, ему отвѣчали.

Досадно, а нечего дѣлать. Пришлось обождать. Ему, никому выше себя не признававшему, пришлось теперь дожидаться слезышкова, молокососова!... За то никто изъ рыбниковъ раньше его съ зятѣями Доронина не увидится, никто не перебьетъ лакомага кусочка. А все-таки жутко надѣянному гордецу дожидаться... Да еще пожалуй кланяться придется, улашивать. Что дѣлать? Выпадетъ случай — и свинѣ въ ножки поклонисься.

Ходитъ по гостиницѣ Описимъ Самоилычъ, а самъ

такъ и лютуетъ. Чаю спросилъ чтобъ безъ дѣла взадъ и впередъ не бродить. Полусонный половой подалъ чайный приборъ и, принимая Орошина за какую-нибудь дрянъ, утѣлся по другую сторону столика, гдѣ Онисимъ Самойлычъ принялся было чаи расливать. Положивъ руки на столъ, склонилъ половой на нихъ сонную голову и тотчасъ захрапѣлъ. Взорвало Орошина, толкнулъ онъ полового, крикнулъ на всю гостиницу:

— Нѣтъ что ли тебѣ другого-то мѣста?

— А ты, братъ, не больно толкайся, нахально отвѣчалъ половой.

Вскочилъ Орошинъ, схватилъ его за шиворотъ и прочь отпихнулъ.

— Мотри ты, проходимецъ! закричалъ Ярославецъ.—Тронька еще, попробуй. Половины зубовъ не досчитаешься.

Онисимъ Самойлычъ вышелъ изъ себя, поднялъ палку. Быть бы непременно побоищу, еслибъ вошедшій прикащикъ Доронина не сказалъ что господа проснулись.

Бросилъ Орошинъ деньги за чай, молча погрозилъ палкой половому и пошелъ вслѣдъ за прикащикомъ.

Встрѣтилъ его Веденѣевъ. Онисимъ Самойлычъ не видалъ его съ того вечера какъ у нихъ въ Рыбномъ трактирѣ вышла маленькая схватка изъ-за лисьма о тюленѣ.

— Онисимъ Самойлычъ!... привѣтливо встрѣтилъ его Дмитрій Петровичъ.—Какими судьбами?... Да еще въ такую рань?... Садитесь пожалуйста.... Чаю скорѣе, прибавилъ онъ, обращаясь къ приведшему Орошина прикащику.

Угрюмо и мрачно молчалъ Онисимъ Самойлычъ. Маленькіе хитрые глазки его такъ и прыгали. Помолчавъ, на прямки повелъ онъ рѣчь къ Веденѣеву.

— Наслышанъ я, Дмитрій Петровичъ, что вы на свой товаръ цѣны лустили въ объявку. Нахожу для себя ихъ подходящими. И о томъ наслышанъ что желаете вы двѣ трети уплаты теперь же наличными получить. Я бы у васъ весь караванъ купилъ. Да чтобы не тянуть останной уплаты до будущей ярманки, сейчасъ же бы отдалъ всѣ деньги сполна... Вотъ извольте—тутъ на триста тысячъ билетовъ. Только бы мнѣ желательно чтобы вы сейчасъ же поѣхали со мной въ маклерскую, потому что мнѣ неотложная надобность есть завтра же дѣнь на десятокъ въ Москву отлучиться.

— Не можемъ продать вамъ, Онисимъ Самоѣлычъ, пожавъ плечами сказалъ Веденѣевъ.

— Отъ чего жь это? повысивъ голосъ, промолвилъ озадаченный Орошинъ.

— Продано все, отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Какъ?... Кому?... Да когда жь это вы успѣли? вскочивъ со стула, заговорилъ Онисимъ Самоѣлычъ и голосъ его задрожалъ отъ волненья.

— Вчера подписано условіе и деньги получены.

— Да кому? Кому, я спрашиваю. Цѣлый караванъ!... Нѣтъ такого челоѣка въ ярманкѣ чтобы могъ все купить.... Кто, говорю, купилъ, кто?

— Кому ни продано, Онисимъ Самоѣлычъ, Сидору ли, Карпу ли, не все ли равно? улыбаясь отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Тайности что ли у васъ тутъ какія?... Сказывайте—вѣдь все одно, не сегодня такъ завтра узнаю, задыхающимся отъ злобы голосомъ вскричалъ Орошинъ.

— Никакихъ тайностей нѣтъ у насъ, да и быть не можетъ. Мы со своякомъ дѣла ведемъ въ открытую, на чистоту. Скрывать намъ нечего, молвилъ Дмитрій Петровичъ.—А если ужь вамъ очень хочется узнать кому достался нашъ караванъ, такъ я пожалуй скажу—Марку Данилычу Смолокурову.

— Чортъ!.... Дьяволъ!.... Издохнуть бы ему! неистово вскрикнулъ Онисимъ Самоѣлычъ, хвативъ изо всей мочи кулакомъ по столу. Схватилъ картузъ, и надѣвъ его въ комнатѣ кивнулъ головой Веденѣеву и вонъ побѣжалъ.

— Чайку-то, Онисимъ Самоѣлычъ? сказалъ ему вслѣдъ Дмитрій Петровичъ, увидя прикащика вошедшаго съ чайнымъ приборомъ.

— Ну его къ чорту! крикнулъ взбѣшенный Орошинъ и скрылся.

XC.

Только что проснулся Марко Данилычъ, опрометью вскочилъ съ постели, и Богу не молясь, чаю не налившись, неумывкой послѣдшилъ ко вчерашнимъ собесѣдникамъ. Къ первому Бѣлянкину подѣхалъ въ косной. Тотъ еще не просыпался, но племянникъ его, увидавъ такого важнаго гостя, стремглавъ бросился въ казенку дядю будить. Минуты черезъ двѣ,

протирая глаза и пошатываясь съ просонья, Евстратъ Михайлычъ стоялъ передъ козырнымъ тузомъ Гребневской пристани.

— Здорово, дружище, протягивая руку, молвилъ ему Марко Данилычъ.—Спасибо за вчерашнее. Ловко сварганилъ, надо тебѣ чести приписать. Заслушался даже я какъ ты лопелъ вѣлять. За то и мною вполнѣ доволенъ останешься. Пойдемъ въ казенку, лютолкуемъ.

Бѣлянкинъ повелъ гостя въ грязную, неприглядную казенку. Все тамъ было невзрачно и неряшливо: у одной стѣны стояла не прибранная постель, на ней весь въ луху дубленый тулупъ, у другой стѣны хромой на трехъ ножкахъ столъ, и на немъ давно не чищенный, и совсѣмъ почти позеленѣвшій самоваръ, немывыты чашки, растрепанные счетныя книги, засиженные мухами счеты, засохшія корки калача и рѣшетнаго хлѣба, порожніе полуштофы и косушки тутъ же и приготовленное въ портомойну грязное бѣлье. Обмахнувъ лолой совсѣмъ почти развалившійся деревянный некрашеный стулъ, Бѣлянкинъ просилъ присѣсть Марка Данилыча.

Присѣлъ тотъ. Предложилъ было ему Бѣлянкинъ чайку напиться, но Марко Данилычъ отказался наотрѣзъ, хоть и говаривалъ при всякомъ приглашеніи: „отъ чаю, отъ сахару отказовъ у меня нѣтъ.“

— На двѣ тысячи подлисалъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, Марко Данилычъ, отвѣчалъ Бѣлянкинъ.

— Давай.

Замаялась мелкая сошка. Самъ ни слова, только вздыхаетъ да суется изъ угла въ уголъ.

— Чего сталъ? Не ждать тебя! нахмуривъ брови и повышая голосъ, сказалъ Марко Данилычъ.

— Да я ей Богу... Марко Данилычъ.... не знаю.... Сами изволите знать... въ смерти, въ животѣ Богъ волѣнъ, робко заговорилъ Бѣлянкинъ, увидавъ что Смолокуровъ даже побагровѣлъ весь отъ досады.

— Чтò тутъ еще? крикнулъ тотъ.—Деньги!... Не задерживай!.. Много васъ, надо ко всѣмъ поспѣть.

— Да помилуйте, Марко Данилычъ, вѣдь тутъ весь мой наличный капиталъ... дрожа отъ робости, чуть слышно проговорилъ Бѣлянкинъ.

— Украду что ль я твои двѣ тысячки? вскинулся на него Марко Данилычъ.—Зажилу?... Сегодня вечеромъ получаю товаромъ, а теперъ—задерживать не смѣю!

— Въ смерти и животѣ Богъ волѣнъ... шелталъ Бѣлянкинъ.
— Да говори тоакомъ, чего тебѣ надо?.. зарычалъ Марко Данилычъ. Бѣлянкинъ въ уголъ со страха прижался.

— Векселекъ.... потому въ смерти и животѣ.... забормоталъ онъ, а самъ ровно въ лихоманкѣ трясется.

— Дуракомъ родился, дуракомъ и помрешь, грозно вскрикнулъ Марко Данилычъ, и плюнулъ чуть не въ самого Бѣлянкина. — Чтò жь, съ каждымъ изъ васъ мнѣ къ маклеру ѣздить?... Вашего брата цѣла орава — однимъ днемъ со всѣми не управисься.... Вотъ вѣдь какія въ васъ душонки-то, какъ посмотришь, сидятъ... Имъ добро дѣлаешь, рубль на рубль предоставляешь, а они: „векселекъ“!... Честно по твоему, благородно?.. Давай бумаги да черниль, расписку налужи, а ты по ло ней хоть сейчасъ товаромъ получай. Яви прикащику на караванъ и бери съ Богомъ свою долю.

Покорно исполнилъ Бѣлянкинъ приказанье Марка Данилыча. Смолокуровъ сталъ писать, выговаривая вслухъ каждое слово:

— Предъявителю сего... Перо-то какое анаѣемское! вовсе не пишеть... приказа... По Костромѣ что ли въ гильдіи?

— По Пареевьеву посаду, подати тамъ маленько полегче, перебирая пальцами, отвѣтилъ Бѣлянкинъ.

— Пареевьева посада... купцу... По которой гильдіи пишеться?

— По третьей, Марко Данилычъ, мы вѣдь люди маленькіе, чуть концы съ концами сводимъ, проговорилъ Бѣлянкинъ.

— Третьей гильдіи... Евстрату Михайлову сыну... Бѣлянкину... отпустить лодъ собственноручную... его расписку безъ промедленія!... Видишь какія тебѣ милости: „безъ промедленія“... изъ купленного мною отъ господъ Меркулова и Веденѣева... рыбнаго... каравана слѣдующее: Сказывай чтò требуется.

Бѣлянкинъ сталъ говорить, а Марко Данилычъ писалъ. Наконецъ приказъ былъ подписанъ и Евстратій Михайлычъ обмѣнялся двумя тысячами на тотъ приказъ со Смолокуровымъ.

— Прощай, Евстратъ Михайлычъ, сказалъ Марко Данилычъ, выходя слѣшными шагами изъ казенки. — Разжуйся съ моей легкой руки! А это, братъ, не похвально, что мнѣ не довѣряешь.

Цѣлый почти день разѣвзжалъ Марко Данилычъ взадъ и

впередъ по Гребновской, а все-таки подписныхъ денегъ не собралъ. И Сѣдовъ и Сусалинъ половину только отдали, а ихъ подписки были самыя крупныя. Посчиталъ собранныя деньги Марко Данилычъ, тридцати тысячъ нѣтъ. Что дѣлать, какъ извернуться? Въ банкѣ товаръ заложить, да когда-то еще изъ банка-то прїѣдутъ его смотрѣть, а деньги нужны черезъ двое сутокъ. Поѣхалъ по должникамъ — двадцать пять тысячъ должны они были ему выплатить, но до срока платежа еще цѣлый мѣсяцъ оставался. Христомъ Богомъ просить, молить ихъ, кланяется, унижается, чуть не плачетъ и всѣми святыми закликаетъ полатиться раньше срока. На скидки даже пошелъ—платъ, потомъ десять копѣекъ съ рубля скидывалъ, только ради Господа уплатите... И рады бы должники идти на такую сдѣлку, да нѣтъ ни у кого въ сборѣ наличныхъ. Пустились должники рыскать по ярманкѣ денегъ искать, нашли самую малость. Ярманка была безденежная, только-что начиналась, платежей никто не получалъ, свободныхъ денегъ ни у кого не было. Измучился Марко Данилычъ, измучились и должники его, а все-таки не доставало на расплату съ зятьями Доронина.

На другой день рано поутру подплылъ Марко Данилычъ къ Доронинскому каравану и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Есть ли кто изъ хозяевъ?

— Есть, отвѣчалъ рабочій съ палубы.

— Который?

— Дмитрій Петровичъ.

„Этотъ будетъ помягче, скорѣй Меркулова отсрочку дастъ, подумалъ Марко Данилычъ. Онъ же лоды не забылъ какъ мы въ прошломъ году съ нимъ кантовали здѣсь на ярманкѣ, и ужинали бывало вмѣстѣ и по рѣкѣ катались, разоѣтъ согрѣшили — въ театръ даже съѣздили... Обласканъ онъ былъ у меня... Дастъ чай вздохнуть, согласится на маленьку отсрочку!... Охъ, вынеси Господи!“ сказалъ онъ самъ про себя вѣзая на палубу.

А на баржѣ снялъ шалку и три раза набожно перекрестился.

Въ просторной каютѣ, по убранству во всемъ походившей на торговую контору, Веденѣевъ радушно встрѣтилъ Марка Данилыча.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Какъ поживаете? Авдотья Марковна какъ въ своемъ здоровьи?

И засыпалъ Марка Данилыча вопросами, усадилъ его въ мягкое кресло, чаю приказалъ подать, былъ любезенъ съ гостемъ какъ нельзя больше.

Отлегло отъ души у Марка Данилыча. „Съ этимъ Богъ дастъ сладимъ“, подумалъ онъ.

— Такъ вы нашимъ покупателемъ стали, Марко Данилычъ, подавая стаканъ лясина, съ веселой улыбкой сказалъ ему Веденѣвъ.— Да еще покупатель-отъ какой?... Главный!... Единственный даже!...

— Привелъ Господь и съ вами, Дмитрій Петровичъ, дѣлшки завести, потирая руки, отвѣчалъ Марко Данилычъ.— Напредку просимъ не оставить. А я ото всей души и во всякое время желаю вашимъ покупателемъ быть... Условія только стѣснительны. Такъ я думаю, что сколько ни стоитъ Макарьевска ярманка такихъ условій на ней никогда еще не бывало...

— Чѣмъ же тяжелы-то? спросилъ Веденѣвъ.

— Какъ же? Помилуйте! Слыхано ль по всей нашей коммерціи чтобы двѣ трети платежа наличными сейчасъ на столъ выкладывать? сказалъ Смолокуровъ.

— А слыхано ли, Марко Данилычъ, чтобы рыбу гдѣ-нибудь такъ дешево покупали? молвилъ Веденѣвъ.

— Это особливый разчетъ, Дмитрій Петровичъ. Въ цѣнѣ воленъ хозяинъ, а въ торговыхъ порядкахъ воли ему нѣтъ, замѣтилъ Марко Данилычъ.

— Дѣло добровольное: хотите берите, не хотите—просить не станемъ, съ улыбкой молвилъ Веденѣвъ.

— Конечно, въ этомъ спору быть не можетъ, сильно нахмурясь отозвался Марко Данилычъ. — Только послушайте вы меня, Дмитрій Петровичъ. Жизнь моя, сами вы знаете, не коротенькая. Чего живучи на свѣтѣ я не навидѣлся, вотъ ужъ именно какъ пословица молвится: „и въ людяхъ живаль, и топоръ на ногу обуваль и топорщикомъ подлоясывался“. Такъ я по моей старости и по олытности скажу вамъ, Дмитрій Петровичъ: старые обычаи преставають не годятся — наши отцы, дѣды, прадѣды не гаупте насъ были, а заведенныхъ порядковъ держались крѣпко. Съ умомъ значить дѣлали. И по Писанію то же выходить. Сказано: „горе народу иже отеческая преданія преставають.“ Гдѣ,

сударь Дмитрій Петровичъ, новизна, тамъ и кривизна. Повѣрте мнѣ—не даромъ дожилъ я до сѣдыхъ волосъ.

— Да нельзя же вѣдь, Марко Данилычъ, и старымъ-то однимъ жить, сказалъ Веденѣевъ.—Времена и лѣта переходчивы. Чтò въ старъ бывало хорошо, то въ новы зачастую никуда не годится.

— А все-таки не слѣдъ ломать старое, молвилъ Марко Данилычъ.—Крой кафтанъ, да къ старому почаще прикидывай, а то пожалуй не въ пору сошьешь.

Ничего не отвѣтилъ Веденѣевъ. Смолокуровъ межъ тѣмъ вынулъ узелокъ изъ кармана, развязалъ его и подалъ лачку ассигнаціи.

— Должокъ прилась, сказалъ онъ.—Извольте сосчитать и росписочку какъ водится.

— Какой вы послѣдшій! улыбнувшись молвилъ Веденѣевъ.—Срокъ-отъ вѣдь завтра еще...

— Не опоздано значить, сказалъ Марко Данилычъ, смакуя лянсинъ.—Чаякъ-отъ новый видно купили? спросилъ онъ.

— Гдѣ жъ еще новаго теперь достать? развязывая лачку сказалъ Дмитрій Петровичъ.—У кяхтинскихъ дѣла еще не начинались. Это чай прошлогодній, а не дурень, нынѣшній, говорятъ, будетъ поллоше, а все-таки дороже.

— Не слыхалъ, промолвилъ Марко Данилычъ, и снова принялся за стаканъ. Веденѣевъ продолжалъ деньги считать.

— Семьдесятъ пять тысячъ? сказалъ Дмитрій Петровичъ, вопросительно посмотрѣвъ на Смолокурова.

— Семьдесятъ пять, подтвердилъ тотъ.

— Двадцать пять завтра додадите?

— Постараюсь, сказалъ Марко Данилычъ.—Признаться въ наличности такихъ денегъ теперь при себѣ не имѣю, да не знаю буду ли и завтра имѣть, дружески улыбаясь прибавилъ онъ.—Телерича не то что двадцати пяти тысячъ — ста рублей во всей ярманкѣ не сыщете на самый короткій срокъ. Такое безденежье, что просто хоть волкомъ вой...

— Да, сказалъ Веденѣевъ.—Денегъ на ярманкѣ въ самомъ дѣлѣ недостаточно.

— Такъ я ужъ вамъ векселя принесъ, кладя на столъ три векселя, сказалъ Смолокуровъ.—Водопьянова на десять тысячъ, Столбова на пять, Сумбатова на пять. Останныя пять тысячъ до слуска флаговъ пожалуста обождите.

Взглянулъ Веденѣевъ на векселя и сказалъ Смолокурову.

— Мы съ Никитой Ѳеодорычемъ рѣшили вести дѣла безо всякаго кредита, на чистыя. Сами не будемъ векселей давать и отъ другихъ не станемъ брать. Нѣтъ спора, что эти векселя надежныя — и Столбовъ, и Сумбатовъ люди крѣпкіе, объ Васильѣ Васильичѣ Водольяновѣ нечего и говорить, да вѣдь уплата-то по ихъ векселямъ послѣ спуска флаговъ.

— Да какъ же вы съ меня-то на сто тысячъ векселей получили?... прищутивъ правый глазъ спросилъ съ усмѣшкой Марко Данилычъ.

— Ошиблись. Въ другой разъ этого не будетъ, сказалъ Веденѣевъ.—Еслибъ знали мы, что на другой же день какъ съ вами мы закончили явится другой покупатель и всѣ триста тысячъ на столъ выложить, не такъ бы распорядились, не согласились бы отдать вамъ третью долю товара на векселя...

Побагровѣлъ Марко Данилычъ. Спрашиваетъ Веденѣева:

— Кто жь это былъ у васъ?... Триста тысячъ разомъ на столъ!... Шутка сказать!... При такомъ-то безденежьи!... Куется что ли онъ деньги-то?...

— Орешинъ Онисимъ Самойлычъ, отвѣчалъ Веденѣевъ.

— Такъ и есть, проворчалъ себѣ подъ носъ Смолокуровъ и въ досадѣ вскочивъ со стула прошелся раза три взадъ и впередъ по каютѣ.

Потомъ остановился и закинувъ руки за спину сказалъ Веденѣеву:

— Такъ какъ же будетъ у насъ, Дмитрій Петровичъ?

— Завтра въ полдни будемъ васъ ждать съ полной уплатой, съ равнодушнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ Веденѣевъ.

— Надо обождать, Дмитрій Петровичъ, перебирая пальцами сказалъ Смолокуровъ.

— Нельзя. На то условіе. А въ немъ что? Извольте-ка посмотрѣть.

— И вынуть условіе, прочелъ:

„По уплатѣ всей суммы сполна, я, Смолокуровъ, немедленно вступаю во владѣніе купленнымъ у насъ, Меркулова и Веденѣева, товаромъ; если же паче чаянія вся сумма сполна мною, Смолокуровымъ, къ назначенному сроку уплачена не будетъ, условіе сіе уничтожается, при чемъ мы, Меркуловъ и Веденѣевъ, повинны уплатить мнѣ, Смолокурову, деньги съ меня ими полученныя немедленно, за вычетомъ двадцати тысячъ неустойки.“

Холодный потъ выступилъ на широкомъ, совсѣмъ побавнѣвшемъ лицѣ Марка Данилыча. Такъ и растерзалъ бы онъ въ ту минуту на клочки Орошина.

— Кстати, сказалъ Веденѣевъ.—Приходили къ намъ на караванъ кой-кто изъ рыбаковъ съ вашими приказами на счетъ рыбы. Имъ не отпустили.

— Отъ чего жъ такъ?... вспыхнувши весь вскрикнулъ Марко Данилычъ.—Нешто я, ста тысячъ рублей вамъ не заладилъ?.. Не што я на другую сотню тысячъ векселей вамъ не выдалъ?.. На что жъ это похоже, сударь мой?..

— А въ условіи-то, Марко Данилычъ, что написано? хладнокровно отвѣчалъ Веденѣевъ расклятившемуся Смолокурову. Извольте-ка читать: „по уплатѣ же всей суммы сплона согласно сему условію я, Смолокуровъ, вступаю во владѣніе товаромъ.“ Значить какъ отдадите вторые сто тысячъ сплона, тогда и будете хозяиномъ купленного вами товара, а до тѣхъ поръ хозяева мы.

— Да вамъ бы, почтеннѣйшій Дмитрій Петровичъ, еи Богу не грѣшно было по дружески со мной обойтись, мягко и вкрадчиво заговорилъ Смолокуровъ.—Хоть попомнили бы какъ мы съ вами въ прошломъ году жили здѣсь у Макарья. Опять же въ вѣкъ я не забуду вашей милости какъ вы меня отъ большихъ убытковъ избавили, — помните показали въ Рыбномъ трактирѣ письмо изъ Петербурга. Завсегда помню ваше благодареніе и во всякое время желаю заслужить...

— Въ дѣлѣ я не одинъ, Марко Данилычъ. Со мной Никита Федорычъ, сказалъ Веденѣевъ.

Передернуло Смолокурова. Вспомнилъ какъ хотѣлъ онъ въ прошломъ году Меркулова на тюленѣ разорить... Однако не смутился.

— Вотъ вамъ расписка въ семидесяти пяти тысячахъ рублей, а двадцать пять тысячъ ожидаемъ завтра въ поддень, сказалъ Дмитрій Петровичъ, написавши расписку и подавая ее Смолокурову.

— А ежели не исправлюсь? спросилъ Марко Данилычъ.

— Тогда условіе будетъ нарушено. За вычетомъ неустойки, тогда вы сто пятьдесятъ пять тысячъ и векселя получите обратно, а мы караванъ продадимъ Онисиму Самойлычу. Онъ и вчера вечеромъ и сегодня чѣмъ свѣтъ присылалъ развѣдать совсѣмъ ли мы локончили съ вами, сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ не будетъ милости? сумрачно спросилъ Смолокуровъ.

— Что за милостя?... Помилуйте, Марко Данилычъ! сказалъ Веденѣвъ.

— Въ такомъ разѣ прощенья просимъ, сказалъ Смолокуровъ и послѣднѣю ушелъ.

Ругаетъ мысленно Марко Данилычъ Веденѣва за его неговорчивость, злобится на Орошина что того и гляди выхватить онъ у него изъ рукъ такое выгодное дѣло, какого на Гребновской еще никогда не бывало, а лучше всего свирѣлѣть на Сѣдова, на Сусалина и на другихъ рыбаковъ что не дали ему столько денегъ на сколько подписались. Не править и себя Марко Данилычъ, на себя досадуетъ, самъ съ собой разсуждая. „Какъ это я обмашурился?... На такое условіе согласился. Заживо себѣ гробъ сколотилъ... своей волей отдалъ себя недругамъ!... Конечно—не уганешь * гдѣ уладешь, гдѣ лотонешь, на всякъ часъ ума не напасешься, а все-таки обидно... Молокососы, слетышки обѣхали стараго воробья!... Видно старъ становлюсь.... Одурѣлъ годами—пустобородые мальчишки загнали въ тенѣта травлѣннаго волка.“

А тутъ какъ нарочно Сѣдовъ. Пищитъ Иванъ Ермолаичъ на всю Гребновскую, обманщикомъ, мошенникомъ Марка Данилыча обзываетъ.

— Чужой товаръ облыжно за свой выдавать!... Обманомъ денежки изъ насъ вытягивать!... Вотъ твой приказъ! смѣются только надъ нимъ.—Бери его, деньги назадъ подавай, не то въ полицію.

Сусалинъ тоже подходитъ, ругается, въ драку даже лѣзетъ.

Другіе рыбаки собираются и всѣ съ яростью кидаются на Марка Данилыча. Одинъ Бѣлякинъ одалъ стоитъ. Самъ ни слова, слезы дрожатъ на рѣсницахъ: „Пропали кровныя, годами нажитыя денежки!“ Такую горькую думу онъ думаетъ.

Закричалъ во всю мочь Марко Данилычъ на рыбаковъ:

— Эй вы, остолопы!.. Черти этакіе!... Дичь необразованная!... Чего полусту горла-то дерете? Слушай что хочу говорить.

Полюбились ли, не полюбились ли рыбакамъ такіа рѣчи Марка Данилыча, но онъ добился своего. Безъ ругани, безъ крику, безъ шуму выслушали его рыбаки. А сказалъ онъ имъ вотъ что:

* Вмѣсто „угадаешь“.

— Глядите: вотъ расписка въ моихъ ста тысячахъ, что внесъ третьего дня. Вотъ расписка въ семьдесятъ пять тысячъ рублей, что съ васъ собралъ. Двадцати пяти тысячъ не хватаетъ, а завтра въ полдень надо ихъ уплатить. Есть у меня векселей на двадцать на пять тысячъ — смотрите — люди вѣрные: Водопьяновъ, Столбовъ, Сумбатовъ, а Веденъевъ ихъ за грошъ не принимаетъ. А если завтра къ полднямъ оставшихъ двадцати пяти тысячъ не уплачу — все дѣло шиши пропало. Орошинъ перебьетъ — онъ имъ сполна триста тысячъ на столъ кладетъ... И ежели мы завтра всѣхъ денегъ не внесемъ — всѣмъ убытокъ.... Орошинъ завладеетъ рыбнымъ дѣломъ и каждого изъ насъ подъ свой ногой подогнетъ... То-то будетъ издѣваться надъ вами!... То-то заважничаетъ!... Да и покупатели и сторонніе люди вдоволь надъ вами насмѣются!... Хотите того?... Ахъ не охота сраму такого принимать?

Крики осиплыхъ голосовъ, вопли, гамъ, даже дикія завыванья раздались по Гребновской. Ругательства, проклятья, угрозы, стоны и оханья съ каждой минутой усиливались...

— Да что жъ вы ровно лсы только воете да лаетесь? Пугнаго слова видно отъ васъ не дожидаться? въ источникъ голосъ закричалъ Марко Данилычъ и покрылъ всѣ голоса. — Хотите барышей, такъ нечего галдѣть — двадцать пять тысячъ гдѣ хотите добывайте, а если вамъ барыши ни по чемъ, въ такомъ разѣ орите, ругайтесь, покамѣстъ леченка не лопнула... А если жалко заведеннаго дѣла, ежели не охота вамъ вѣрныхъ барышей лсу смердящему Орошину подъ хвостъ метать — такъ галдѣть тутъ нечего.... Хотя изъ земли копайте, а завтра къ полудню двадцать пять тысячъ чтобъ были у меня въ рукахъ.... Вотъ вамъ векселя на Водопьянова, на Столбова, на Сумбатова... Давайте за нихъ чистоганомъ, а я на васъ векселя переведу.... Чего еще вамъ?... Тутъ главное дѣло чтобъ трекаятаго Орошина одурачить... Не то онъ, лесь трекаятый, и барыши-то одинъ заграбастаетъ, и дѣломъ-то всѣмъ на Гребновской завладеетъ и надо всѣмъ надъ нами насмѣется: „было дескать у собачонокъ мясо во рту, да проглотить не удалось щенкамъ.“ А щенки то кто? Вы, вы, Гребновскіе рыбаки!

Примолкли рыбаки — кто въ затылкѣ чесать, кто бороду гладить. Будто и не бывало въ нихъ ни ярости, ни злобы на Марка Данилыча. Тузы призадумавшись молчали, но изъ мелкой сошки пные покрикивали:

— Отъ чего жь намъ по твоимъ распискамъ не выдаютъ товару?

— Такъ поди вотъ съ ними толкуй! кроткимъ, обиженнымъ голосомъ, вздохнувъ даже отъ глубины души, отвѣчалъ имъ Марко Данилычъ.—Тогда, говорить Веденѣвъ, будешь хозяиномъ въ караванъ, когда все до копѣйки заплаатишь.

— Съ чего жь они бѣсовы угодники такъ взбѣленились? Съ роду на Гребновской такъ не водилось, кричала мелкая сошка, кромѣ Бѣлянкина. Тотъ молча столбомъ стоялъ.

— Поди вотъ съ ними! говорилъ Марко Данилычъ.— Сколько ни упрасивалъ, сколько ни уговаривалъ,—все одно что къ стѣнѣ горохъ. Самъ не знаю какъ быть теперь. Ежели сегодня двадцати пяти тысячъ не добудемъ — все прахомъ пойдетъ, а Орошинъ цѣны какія захочетъ, такія и уставишь, потому будетъ онъ тогда сила, и мы всѣ съ перваго до послѣдняго въ ножки тогда ему кланяйся, милости проси у него. Захочетъ миловать — помилуешь, не захочетъ — хоть въ гробъ ложись.

Призадумалась и мелкая сошка. Стали рыбаки совѣтоваться.

— Чтò же намъ дѣлать-то? пролищаль наконецъ Сѣдовъ Марку Данилычу.

— Двадцать пять тысячъ добывать! Вотъ чтò надо дѣлать! сказалъ Марко Данилычъ.—Берите векселя мои на Водопьянова, на Столбова, на Сумбатова. Останнныя пять тысячъ собирайте какъ знаете.... Чтò?.. И на пять-то тысячъ видно силенки нехватить у васъ?... А еще торговцы Гребновскіе!.. Молчака вы поганая, а не торговцы—вотъ чтò!.. На Гребновской у всѣхъ милліона на три рыбныхъ товаровъ стоитъ, а левыхъ пяти тысячъ не могутъ достаты!.. Эхъ вы!.. Не рыбой бы вамъ торговать, а лапти плести — да и на тотъ промыселъ врядъ ли сгодитесь!

Толковали, толковали рыбаки. Наконецъ Сѣдовъ, Сусааниъ еще двое-трое согласились купить векселя у Марка Данилыча и тутъ же деньги ему выложили. А пяти тысячъ все-таки нѣтъ.

Въ Рыбный трактиръ пошли. Тамъ за московской селянкой, да за плодовыми лирогами дѣло сладили.

Чуть свѣтъ на другой день кинулись къ ростовщикамъ. Этого народа у Макарья всегда бываетъ довольно. Подъ залогъ чего ни лолато—пять тысячъ добыли.

Къ полудню всѣ собрались на Гребновской. Шумно вели разговоры, и когда Марко Данилычъ ползлылъ къ каравану, молча съ напряженнымъ вниманьемъ слѣдили за нимъ пока онъ не спустился въ каюту.

И Онисимъ Самойлычъ то же глядѣлъ со своей палубы. Невольно у него сжимались кулаки.

Мало погодя появился Марко Данилычъ. Весело махнулъ онъ картузомъ рыбакамъ. У всѣхъ нахмуренныя лица прояснились.

Волкомъ взглянулъ на нихъ Орошинъ, плюнулъ и тихо спустился въ каюту свою.

ХСІ.

Веселъ радостенъ Марко Данилычъ по каютѣ похаживаетъ. Хоть и пришлось ему безъ малаго половину дешевой покупки уступить товарищамъ, а все - таки остался онъ самымъ сильнымъ рыбакомъ на всей Гребновской. Установилъ по своему хотѣнью цѣны и на рыбу, и на икру, и на клей, и на тюленя. Властвовалъ на пристани, и какъ ни вертѣлся Орошинъ, долженъ былъ подчиниться недругу.

„Вѣрныхъ семьдесятъ тысячъ, не то и побольше приплѣну отъ этой покупки, размышляетъ Марко Данилычъ. Дураки же, да какіе еще дураки лустобородые зятя Дорогина!.. Сколько денегъ зря улупостили, все одно что въ печь, сожгли. Вотъ они и торговцы на новый ладъ!.. Вотъ и новые порядки!.. Бить-то васъ некому!.. Да пускай ихъ — у Дунышки теперь лишнхъ семьдесятъ тысячъ—это главное дѣло!“

Съ Сусалинымъ встрѣтился. Тотъ говоритъ:

— Слышалъ, Марко Данилычъ, новости какія? Меркуловъ да Веденѣвъ только-что получили наши деньги въ другую коммерцію пустились. Красный товаръ закулаютъ, и все безъ кредита, на чистоганъ. А товаръ все такой что къ Киргизамъ да къ Калмыкамъ идетъ — красные лисы, позументы, бахту, бязь, и разное другое по этой же самой части.

— Рыбой промыслять видно не хотятъ, съ насмѣшливой улыбкой молвилъ Марко Данилычъ.

— Кто ихъ знаетъ, сказалъ Сусалинъ.—Только слышалъ я отъ вѣрнаго человѣка что красного товара они тысячъ на двѣсти накупили, и завтра, слышь, хотятъ на баржу грузить, да и на Низъ.

Въ самомъ дѣлѣ Меркуловъ съ Веденѣвымъ на выру-

ценныя деньги тотчасъ накупили азiятскихъ товаровъ, а потомъ быстро распродали ихъ за наличныя Калмыкамъ и по Киргизской степи и въ какіе-нибудь три мѣсяца оборотили свой капиталъ. Вырученныя деньги въ степяхъ же остались—тамъ они накупили пушнаго товара, всякаго сырья, а къ Рождеству распродали скупленное по заводамъ. Значить еще оборотъ.

А рыбаки сѣются надъ ними, да потѣшаются. „Всякой всячиной торговать зачали, говорятъ они. Обожди маленько—избойной, да лареной рѣлой, да грушевымъ квасомъ займись торговать.“ Но по скорости зятъевъ Доровина считали въ двухъ милліонахъ, опрѣчь того что получаютъ они послѣ теста.

Чего ни хотѣлось Марку Данилычу—все исполнилось. Рыбой въ томъ году торговали бойко, къ Ивану Постному на Гребневской все до послѣдняго фунта было раскуплено, и кромѣ того, были сдѣланы большіе заказы на будущій годъ. Покончивъ такъ удачно дѣла, Смолокуровъ домой собрался, а оттуда думалъ въ Луловицы за дочерью отправиться. Сильно соскучился онъ по Дуни, совсѣмъ истосковался, и востѣ и на яву только у него и думъ что про нее. Ходить по лавкамъ, покушаетъ ей гостинцы — брилліанты, жемчуга, дорогую шубу чернубурой лисицы и другіе подарки... „Все годится на приданое... Охъ, поскорѣй бы оно понадобилось!... Тогда бы много заботъ у меня съ плечъ долой“, думаетъ онъ. Марья Ивановна въ благодарность за Дуню тоже хорошую шубу купила. „Совсѣмъ исправился, завтра домой“, рѣшилъ онъ наконецъ, и сталъ укладываться.

Тутъ только вспомнилъ онъ про брата полонянника, да про Татарина Субханкулова. Въ ярманочныхъ хлопотахъ они совсѣмъ у него изъ ума и памяти вонъ, а ежели когда и вспоминалъ о Мокеѣ, такъ каждый разъ откладывалъ въ долгій ящикъ — „успѣю да успѣю“. Такъ дѣло и затянулось до самаго отъѣзда.

„Надо будетъ повидать Татарина, подумалъ Марко Данилычъ, укладывая дорогіе подарки купленные для Дуни... Дорого запроситъ собака!.. Хлябинъ говорить меньше тысячи цѣлковыхъ нельзя!... Шутка сказать!... На улицѣ не подынешь!... Лучше бѣ на эту тысячу еще что-нибудь Дунюшкѣ купить. Ну да такъ ужъ и быть—пойду Махметку искать.“

Въ темномъ углу каюты стоялъ у него небольшой деревянный ящикъ, весь закиданный хламомъ. Открывъ его Марко Данилычъ вынулъ бутылку вишневки и сунулъ ее въ карманъ сибирки. Отправляясь на ярманку, вспомнилъ онъ какъ выходецъ изъ полону ему сказывалъ что Махметъ Субханкуловъ русской наливкой Хивинскаго царя лопить, потому и велѣлъ на всякій случай уложить въ дорогу три дюжины бутылокъ. А вишневку у Смолокурова Дарья Сергѣевна такую дѣлааа, что такой по другимъ мѣстамъ и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Надѣясь соблазнить Татарина наливкой, Марко Данилычъ тихимъ, ровнымъ шагомъ пошелъ съ Гребневской въ казенный гостинный дворъ.

Тамъ въ Бухарскомъ ряду скоро отыскалъ онъ лавку Субханкулова. Богатый, именитый Татаринъ, почитавшійся потомкомъ Тамерлана, былъ тоже на отъѣздѣ. Передъ лавкой его стояло десятка полтора роспусковъ, * нанятыхъ для отвоза товара на пристань, вся лавка была заставлена тюками. Человѣкъ шесть, либо семь сергачскихъ Татаръ, сильныхъ, крѣпкихъ, съ широкими плечами и голыми жилистыми руками улаковывали макарьевскіе товары накупленные Субханкуловымъ для развоза по Бухарѣ, по Хивѣ, по Киргизскимъ степямъ. Другіе Татары слегка побрякивая перетаскивали на богатырскихъ своихъ спинахъ задѣланные тюки на роспуски. Возни было много, но не было слышно ни шуму, ни криковъ, ни ругани, столь обычныхъ въ ярманочныхъ лавкахъ русскихъ торговцовъ когда у нихъ грузятъ или выгружаютъ товары. Въ сторонѣ въ углу за грязнымъ деревяннымъ столикомъ сидѣлъ старый Татаринъ въ полиняломъ, засаженномъ архалукѣ изъ аладжи и всѣмъ распоряжаясь. По сторонамъ сидѣло еще двое Татаръ прикащиковъ; одинъ что-то записывалъ въ толстую, засаженную книгу, другой на счетахъ клалъ.

Пробираясь между тюками подошелъ Марко Данилычъ къ старому Татарину и немножко приподнявъ картузь сказалъ ему:

— Мнѣ бы надо хозяина повидать.

— Махметъ Бактемирычъ на верхъ пошла. У лаватка, отвѣчалъ Татаринъ, оглянувъ съ ногъ до головы Смолокурова.— Айда на верхъ!

Вошелъ Марко Данилычъ на верхъ въ домашнее помѣще-

* Дороги для возки клади.

нѣ Субханкулова. И тамъ короба да тюкѣ, готовые къ отправкѣ. За легкой перегородкой съ растворенной дверью сидѣлъ самъ бай * Махметъ Бактемирычъ. Былъ онъ въ архалухѣ изъ тармамамы, съ толстой золотой часовою цѣлочкой по борту, на головѣ сіяла золотомъ и бирюзами расшитая тюбетейка, и чуть не на каждомъ пальцѣ было по дорогому перстню. Изъ себя Субханкуловъ широко былъ въ плечахъ и дородень, съ важнымъ видомъ крутнаго богача. Широкое, скулистое лицо было какъ въ маслѣ, а узенькіе, черные, быстро бѣгавшіе глазки изобличали человѣка хитраго, умнаго и такого плута, какихъ мало на свѣтѣ бываетъ. Бай сидѣлъ на низенькихъ нарахъ, крытыхъ персидскимъ ковромъ и подушками въ поаушелковыхъ чехлахъ. Передъ нимъ на столѣ стоялъ кунганъ съ горячей водой, чайникъ, банка въ вареньемъ и принесенныя изъ татарской харчевни кабартма, куштыма и баурсакъ. ** Бай пилъ чай и завтракалъ.

— Салъ маликамъ, *** Махметъ Бактемирычъ! сказалъ Марко Данилычъ подходя къ Субханкулову и протягивая ему руку.

— Алейкюмъ селямъ, знакомъ! **** обѣими руками принимая руку Смолокурова и слегка приподымаясь на нарахъ, отвѣчалъ Субханкуловъ.—Какъ зовутъ?

— А я буду купецъ Смолокуровъ, Марко Данилычъ, рыбой въ Астрахани и по всему Низовью промышляемъ, и на морѣ у меня свои ватаги есть. Сюда къ Макарью рыбу продавать вожу.

Кивнулъ головой Субханкуловъ и пристально сталъ разглядывать Марка Данилыча, но въ отвѣтъ ему не сказалъ ни слова.

— Дѣльдо до тебя у меня есть, Махметъ Бактемирычъ, немножко помолчавъ заговорилъ Марко Данилычъ.—Покалять надо съ тобой.

— Караша, садісь, калякай, сказалъ Субханкуловъ подвиг-

* Бай—богачъ, сильный, вліятельный человѣкъ.

** Татарскія печеня къ чаю: *кабартма* въ родѣ нашихъ пышекъ, *куштыма*—то же что у насъ хворосты или розыны, *баурсакъ*—куски пшеничнаго тѣста варенные въ маслѣ.

*** Въмѣсто *эсселямъ алейкюмъ*—обыкновенное татарское привѣтствіе при встрѣчѣ, то же что наше „здравствуй“. *Алейкюмъ селямъ*—отвѣтное привѣтствіе.

**** Татары всякаго и преимущественно незнакомыхъ обыкновенно зовутъ „знакомъ“.

гаясь на нарахъ и давая мѣсто Марку Данилычу.—Чай пить хочешь?

— Чашечку хлебну пожалуй, молвилъ Смолокуровъ.

Тяжело поднявшись съ наръ Субханкуловъ подошелъ къ стоявшему въ углу шкалчику, отперъ его, досталъ чайную чашку и повернувъ назадъ голову съ масляной широкой улыбкой молвилъ черезъ плечо Марку Данилычу.

— Арышь-маи хочешь?

— Какой такой арышь? не понимая словъ бая спросилъ Смолокуровъ.

— Ржано масло, пояснилъ Махметъ Бактемирычъ, и чтобъ гостю было еще понятнѣй, вынулъ изъ шкалчика бутылку со сладкой водкой и показалъ ее Марку Данилычу.

Улыбнулся Марко Данилычъ и сказалъ что не прочь отъ рюмочки ржаного масла.

Заваривъ свѣжаго чаю Субханкуловъ налилъ двѣ рюмки водки и поставилъ одну передъ гостемъ.

— Хватымъ! трянувъ головой и принимаясь за рюмку сказалъ веселый бай Марку Данилычу.

Выпили. Махметъ Бактемирычъ пододвинулъ къ гостю тарелку съ кабартмой, говоря:

— Кусай, кусай. Караша.

— А нѣшто можно это употреблять тебѣ, Махметушка? съ усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ, показывая на водку.— Кажись бы по вашему татарскому закону не слѣдовало.

— Законъ вино не велитъ, сказалъ бай, такъ прищурившись что совсѣмъ не стало видно его узенькихъ глазокъ.—Вино не велитъ; „арышь-маи“ можно. Вотъ тебѣ чай, кусай, караша, три рубля фунтъ.

Принялся за чай Марко Данилычъ, а Субханкуловъ, развалясь на подушкахъ, сказалъ ему:

— Калякай, Марка Данылышъ, калякай!

Откашлянувшись Марко Данилычъ и сталъ про свое дѣло разказывать, но не сразу заговорилъ о полоняникѣ, издаелѣка повелъ разговоръ.

— Въ Оренбургѣ проживаешь? спросилъ онъ.

— Аранбургъ, такъ—Аранбургъ, отвѣчалъ бай.—Перва гильда купса, три меналя на шея, съ важностью отвѣчалъ Татаринъ.

— А торговлю, слыхалъ я, въ стеляхъ больше ведешь? продолжалъ Марко Данилычъ.

— Киргизка степь торгумъ, Бухара торгумъ, Коканъ торгумъ, Хива торгумъ, вездѣ торгумъ, съ важностью молвилъ Татаринъ и подвигая къ Марку Данилычу тарелку съ куштылай, ласково примолвилъ:—Кусай куштылай, Марка Данылышъ—болна караша.

— Такъ впрямь и въ Хивѣ торгуешь? сказалъ Смолокуровъ.—Далеко слышь это Хивинско-то царство.

— Далека, болна далека, отвѣчалъ бай.—Съ Макаръ на Астрахань дорога знать?

— Какъ не знать? Хорошо знаю, сказалъ Марко Данылычъ.

— Два дорога, три дорога, четыре дорога—Хива, сказалъ Субханкуловъ пригибая палецъ за пальцемъ правой руки.

— Ой, ой, даль какая! покачавъ головой отозвался Марко Данылычъ.—А правду ль говорятъ, Махметушка, что въ Хивинскомъ царствѣ наши русскіе полоняники есть?

— Много есть, очинна много на Хива русска кулъ *, даволна много есть, сказалъ Субханкуловъ.

— Что жь? Такъ имъ и нѣтъ возвороту? спросилъ Марко Данылычъ.

— Не можна.. Ни-ни! жмурия глаза и трясая головой сказалъ Субханкуловъ.—Кулъ бѣгалъ—бай ловилъ, кулу—такъ.

И чтобъ пояснить Марку Данилычу что значитъ это „такъ“, стукнулъ себя по затылку ребромъ ручной кисти.

— А выкупить можно? немного помолчавъ спросилъ Марко Данылычъ.

— Можна, очинна можна, отвѣчалъ Субханкуловъ.—Я болна многа купалъ, очинна даволна. Нашъ ампаратаръ золоту мендаль съ парсуной ** давалъ, красна лента на шея. Гляди!

И вынувъ изъ шкапчика золотую медаль на аннинской лентѣ, показалъ ее Марку Данилычу.

— А какъ цѣна за русскаго полоняника? спросилъ Марко Данылычъ, разглядывая медаль и не поднимая глазъ на Субханкулова.

— Разна цѣна—болша бывать, мала бывать, отвѣтилъ Субханкуловъ.—Караша кулъ—много деньга, худъ кулъ—мала деньга.

* Кулъ—рабъ.

** „Парсуна“—персона, царскій портретъ.

— У меня бы до тебя просьбица была, Махметушка, хотѣлось бы мнѣ одного полоняника изъ Хивы высвободить.... Не возьмешься ли?...

— Можно, болна можна, сказалъ бай, и узенькіе его глазки, чуя добычу, вспыхнули. А ты куштаначи * кусай, Марка Данылышъ, кусай — вотъ тебѣ баурсакъ, кусай — караша. Друга рюмка арышъ-маи кусай!...

И наливъ двѣ рюмки водки одну самъ на лобъ хлопнулъ, другую Марку Данылычу подаль.

— Видишь ли, Махметушка, надо мнѣ нѣкоего полоняника высвободить, выливъ водки и закусивъ вкусной кабартмѣй молвилъ Марко Данылычъ.—Годовъ двадцать лять какъ онъ въ полонъ попалъ. А живетъ, слышь, теперь у самого Хивинскаго царя во дворцѣ. Можно ль его оттуда высвободить?

— Можно, болна можна, отвѣчалъ Субханкуловъ.—Толко дорога кулъ. Ханъ дорога за кула бралъ, очинна дорога.

— А не случилось тебѣ, Махметушка, у самого у ихняго царя полоняниковъ выкупать? спросилъ Марко Данылычъ.

— Купалъ, многа купалъ русска кула.... Купалъ у мяхтыра, купалъ у кушъ-бека **, у хана купалъ, поднявъ самодовольно голову отвѣчалъ Субханкуловъ.—А ты кусай баурсакъ, Марка Данылышъ—болна караша баурсакъ, сладка.

— А что бѣ ты взять съ меня, Махметушка, чтобъ того полоняника высвободить? спросилъ Марко Данылычъ.—Человѣкъ онъ ужъ старый, моихъ этакъ лѣтъ, ни на каку работу сталъ не годенъ, задаромъ только царскій хлѣбъ ѣсть. Ежели бы царь-отъ Хивинскій и даромъ отпустилъ его, изъяну его казнѣ не было бы, потому зачѣмъ же лонапрасну лопить-кормить человѣка? Какая по твоѣму, Махметушка, тому старому полонянику цѣна будетъ?

— Тысяча тилле и болше тысячи тилле ханъ за кула бралъ.... Давай пять тысячъ рублей хану, тысячу минъ!... Шестъ тысячъ цалкова, Марка Данылышъ.

— Чтѣ ты, Махметушка? Въ умѣ ли, почтенный? вскаликнулъ Марко Данылычъ. Хоть и думалъ онъ что бай оренбургскій заломить неломѣрную цѣну, но не ожидалъ такою запроса.—Экъ, какое слово сказалъ ты, Махметъ Бактемирычъ!... Вѣдь этотъ кулъ и съ молоду-то ста рублей не сто-

* *Куштаначъ*—гостинецъ.

** *Мяхтыръ*— знатный вельможа. *Кушъ-бекъ*—министръ.

илъ, а ты вдругъ его стараго старика ни на какую работу не годнаго въ шесть тысячъ цѣлковыхъ цѣнишь!... Ай, ай, не хорошо, Махметушка, ай, ай, больно стыдно!

— Шесть тысячъ, крѣлко прищурясь, сказалъ Субханкуловъ.—Дешева не можна. Кулъ у хана—дешева не можна.

— А какъ же ты, Махметушка, Махрушева-то, астраханскаго кулца Ивана Филипыча у царя за семьсотъ съ чѣмъ-то цѣлковыхъ выкупилъ?... сказалъ Марко Давилычъ, вспоминая слова Хлябина.—А Махрушевъ-отъ вѣдь былъ не одинъ, съ женой да съ двумя ребятками. За что жъ ты съ меня за одинокаго старика такую непомянутую цѣну хочешь взять? Побойся Бога, Махметъ Бактемирычъ, вѣдь и тебѣ тоже придется помирать и тебѣ Богу отвѣтъ надо будетъ давать. За что жъ ты меня хочешь обидѣть?

— Кто калякалъ Махрушева я купалъ? встрепенувшись весь спросилъ Субханкуловъ.

— Слухомъ земля полнится, Махметушка, съ усмѣшкой молвилъ Марко Давилычъ.—И про то знаемъ мы какъ ты лѣтшній годъ солдатку Палагею Аванасьевну выкупалъ, взялъ меньше двухсотъ цѣлковыхъ, а за мѣщанина города Енонтаевска за Илью Гаврилыча всего на все триста рублей.

— Кто калякалъ? смущаясь отъ словъ Смолокурова спрашивалъ бай.

— Да ужъ кто бы тамъ ни калякалъ, а ты самъ знаешь что говорю не облыжно, отвѣчалъ Марко Давилычъ, глядя пристально на прищуренные глазки Татарина.

Субханкуловъ что-то пробормоталъ самъ съ собой потатарски.

— Такъ какъ же у насъ дѣло-то будетъ, Махметушка? спросилъ Марко Давилычъ.

Не съ разу отвѣтилъ Татаринъ. Подумалъ, подумалъ онъ, на пальцахъ посчиталъ и наконецъ сказалъ:

— Давай, Марка Данылышъ, пять тысячъ цалкова. Вывезу кула. Весна—получай.

— Не многонько ль будетъ, Махметушка? усмѣхнувшись молвилъ Смолокуровъ.—Слушай: хоть тотъ кулъ и старикъ, а Махрушевъ молодой, да къ тому жъ у него жена еще съ ребятками, да ужъ такъ и быть, не хочу обижать — получай семьсотъ цѣлковыхъ и дѣло съ концомъ.

— Не можна, Марка Давылышъ, не можна, горячо заговорилъ Татаринъ.—Не можна семьсотъ цалкова. Четыре тысяча.

— Не дамъ, сказалъ Смолокуровъ и вставши съ наръ взялся за картузъ.—Дѣла намъ съ тобой не сдѣлать, видно Махметушка, прибавилъ онъ.—Вотъ тебѣ мое послѣднее слово—восемьсотъ цѣлковыхъ, не то прощай. Согласенъ—деньги сейчасъ, не хочешь, какъ хочешь... Прощай.

— Не хады, Марка Данылышъ, не хады, схвативъ за руку Смолокурова торопливо заговорилъ Субханкуловъ.—Караша дѣла—караша сдѣламъ. Три тысячи дай.

— Не дамъ, рѣшительно сказалъ Марко Данилычъ, выдерживая свою руку у Субханкулова. — А чтобъ дольше еще съ тобой не толковать, такъ и быть даю тысячу, а больше за хочешь, такъ я и калякать съ собой не хочу....

— Калякай, Марка Данылышъ, пажалыста калякай, перебилъ Субханкуловъ хватая его, за обѣ руки и загораживая дорогу. Слушай — караша дѣла: тащи съ карманъ два тысяча.

— Жирно будетъ, Махметушка — водой обольешься! Сказано тысяча—мѣдной колѣйки не прикину. Прощай — недосугъ мнѣ, некогда съ тобой балы-то точить, молвилъ Марко Данилычъ, вырываясь изъ жилистыхъ рукъ Татарина.

— Тысяча?... Караша. Еще палтысяча, умильно, жалобно даже не сказалъ, а пропѣлъ Субханкуловъ.

— Сказано: колѣйки не прибавлю, молвилъ Марко Данилычъ.—А какъ вижу я что ты человекъ хорошій, такъ я отъ усердія моего дюжину бутылокъ самой лучшей вишневки тебѣ подарю. Наливка не покулная. Нигдѣ такой въ продажѣ не сыщешь, хоть всю Россію исходи. Домашняго налива — густая ровно масло, и такая сладкая, что ежели не поопишешься, языкъ проглотишь.

У Татарина глазки запрыгали. Зачмокалъ даже.

— Такой тебѣ, Махметъ Бактемирычъ, наливки предоставляю, что Хивинскій царь за все со всѣхъ твоихъ товаровъ колѣйки пошанинъ не возьметъ. Вѣрь слову—не лгу, голубчикъ.... Говорю тебѣ какъ передъ Богомъ.

Субханкуловъ только рѣдкую бородку свою пощипываетъ. „У, какой Урусъ,* думаетъ онъ!... Какъ онъ узналъ?... Мулла скажетъ—ай, ай.... ахунъ узнаетъ—бѣда...“

— Ни калякай, ни калякай, Марка Данылышъ, тревожно заговорилъ онъ.—Не можна калякать! Пажалыста ни калякай.

* Урусъ—Русскій.

— Что мнѣ калякать? Тебѣ одному сказываю, добродушно усмѣхаясь весело молвилъ Марко Данилычъ.—За чѣмъ до времени вашимъ абызамъ сказывать что ты, Махметушка, вашей вѣры царя наливкой слаиваешь.... Вотъ ежели бы въ цѣмъ не сошлись, тогда иное дѣло—молчать не стану. Всѣмъ абызамъ, всѣмъ вашимъ мулламъ и ахунамъ буду разказывать, какъ ты, Махметушка, Богу своему не вѣруешь, и бусурманскаго вашего закона царей вишневкой отъ вѣры отводишь.

— Малшѣ, лажалыста малшѣ, тревожно сталъ улаживать Татаринъ Марко Данилыча.

Не на шутку боялся бай чтобъ служители Аллаха не провѣдали про тайную его торговлю. Тогда бѣда, со свѣта сживуть, а въ стеляхъ чего добраго, и подъ пулю Киргизовъ либо подъ саблю Трухменъ попадешь.

— А доведется тебѣ, Махметушка, съ царемъ вашей вѣры бражничать, да поподчуешь ты его царское величество моею вишневкой, такъ онъ—вѣрь ты мнѣ, хорошій человекъ—бутылку-то на изнанку выворотить да всю ее и вылижетъ, подзадоривалъ Субханкулова Марко Данилычъ.

— Съ ханомъ не можнѣ наливка лить, чинно и сдержанно отвѣтилъ Татаринъ.—Ханъ балшой человекъ. Одинъ льетъ, никакъ не глядитъ. Не можнѣ глядѣть—ханъ голова руби, шея на веревка, ножъ на горла.

— Экой грозный какой! усмѣхаясь, шутливо молвилъ Марко Данилычъ.—А ты полно-ка, Махметушка, скрытничать, я вѣдь слава Богу не вашего закона. По мнѣ цари вашей вѣры всѣ хоть до одинаго передохни, либо перетолпясь въ винѣ, залъ въ иное хмѣльномъ поилѣ. Намъ то не обидно. Стало-быть, умный ты человекъ—со мной тебѣ можно обо всемъ калякать по правдѣ и по истинѣ.... По-наль, Махметка?... А ужъ я бы тебя такой вишневкой наградиъ что вѣкъ бы сталъ хорошимъ словомъ меня поминать. Да на-ка вотъ попробуй....

И съ этимъ словомъ Марко Данилычъ вытянулъ изъ кармана бутылку вишневки и налилъ ее въ рюмки. У бая такъ и разгорѣлись глазенки, а губы въ широкую улыбку растанулись.

— На-ка, Махметка, отвѣдай, да отвѣдавши и скажи по правдѣ, пивалъ ли ты когда такую, привозилъ ли когда эдакую Хивинскому царю.

Отвѣдалъ Субханкуловъ и ровно котъ зажмурилъ глаза.

— Якши, болна якши! * промолвилъ онъ внѣ себя отъ удовольствія.

И осушивъ рюмку послѣдшнею протянулъ ее къ Марку Данилычу говоря:

— Якши!... Давай!... Ешто давай!... Болна караша.

— Чтò жь молчишь, Махметка? Говори—ливалъ ли такую? спрашиваетъ Марко Данилычъ, а самъ другую рюмку наливаетъ.

— Ну... молвилъ Субханкуловъ принимая рюмку. И дрожала рука Татарина отъ удовольствія и волненія.

— Идетъ что ли дѣло-то? спросилъ Марко Данилычъ, держа въ рукѣ бутылку и не наливая вишневки въ рюмку подставленную баемъ.—Тысячу рублевъ деньгами да этой самой наливки двѣнадцать бутылокъ.

— Ладна.... Пошла дѣла!... Хлопай рукамъ!...

И ударили по рукамъ. Татаринъ тотчасъ же протянулъ рюмку, говоря:

— Ешто, Марка Данылышъ, пажалыста ешто давай!

Покончили бутылку. Грустно вздохнулъ Махметъ Бактемирычъ глядя на порожнюю посудину.

— Какъ кула звать? спросилъ онъ, вынимая изъ шкапчика бумажки клочокъ.

— Мокей.... Мокей Даниловъ, сказалъ Смолокуровъ.

Не назвалъ брата по прозванью, не въ догадку было бы Татарину что полоняникъ братомъ ему доводится. Узнаетъ некрещеный лобъ, такую пожалуй цѣну заломить, что только ахнешь.

— Давно въ Хивѣ? продолжалъ разспросы свои Субханкуловъ, записывая на бумажкѣ отвѣты Марка Данилыча.

— Лѣтъ двадцать пять, сказалъ Смолокуровъ.—Съ первоначалу Трухмени Зерьяну Худяеву его продали, отъ Худяева къ царю поступилъ. Высокой такой, рослый, чернявый.

— Зерьянъ Худяевъ, знакомъ, кунакъ до меня, сказалъ Субханкуловъ.—Якши купса, болна караша.

Дѣло сладилось. Марко Данилычъ на прощанье съ баемъ даже маленько пошутить.

— Слушай, Махметъ Бактемирычъ, сказалъ онъ ему,—хоть ты и некрещеный, а все-таки я тебя полюбилъ. Каж-

* Якши—хорошо.

дый годъ стану тебѣ по дюжинѣ бутылокъ этой вишневки дарить.... Вотъ еще что: любимая моя сука ценна — самого хорошаго кутенка Махметкой прозову, и будетъ онъ завсегда при мнѣ, чтобъ мнѣ не забывать что кажды ярманку надо пріятелю вишневку визить.

Ни мало на то не обидѣлся Субханкуловъ. Ослабился даже, головой потряхивая. Наливка-то ужъ очень хороша была.

Выдавъ Марку Данилычъ деньги, а вишневку обѣщалъ на другой день привести. Субханкуловъ далъ расписку. Было въ ней писано что ежели Субханкулову не удастся Мокея Давилова выкупить, такъ ловиненъ онъ на будущей ярманкѣ деньги Марку Данилычу отдать обратно.

Разстались. Развалясь на подушкахъ Махметъ Бактемирычъ думалъ о томъ, какъ угодить онъ хану рѣдкостной наливкой, за десятокъ бутылокъ Мокея выкупить, а тысячу рублей себѣ въ карманъ положить.

А Марко Данилычъ шагая на Гребновскую такъ размышлялъ: „Тысяча цѣлковыхъ бритой плѣши!... Лбу некрещеному!... Легко сказать!... Дувюшкѣ изъязъ — вотъ оно главное дѣло!“

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ.

МОЛИТВА

Изобилѣя, славы, знанья
Всѣ тебѣ желаютъ Русь!
И—да сбудутся желанья!
Но—повѣтъ—еще молюсь:

Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
Что тебѣ въ дни бѣдъ народныхъ
И хранило и спасло;

Чтобы ты была готова —
Сердце чисто, духъ великъ —
Встать на судище Христова
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотою,
Богоносица Святая,
Міръ влекла бы за собой

Въ свѣтъ, къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты.

А. МАЙКОВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Исторія средних учебных заведеній въ Россіи. Е. Шмида. Переводъ съ нѣмецкаго А. Нейгаусова, съ дополненіями по указанію автора.

Авторъ этой книги, Нѣмецъ по происхожденію, давно уже находится въ русской службѣ. Трудъ его появился сначала на нѣмецкомъ языкѣ въ *Encyclopaedie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens*, издаваемой его отцомъ, извѣстнымъ педагогомъ г. Шмидомъ, а теперь онъ переведенъ по-русски, но съ такими дополненіями и измѣненіями что многія его части представляются въ совершенно новомъ видѣ.

Любопытная и поучительная книга! Она содержитъ исторію тѣхъ мытарствъ чрезъ которыя проходило наше бѣдное учебное дѣло пока наконецъ въ самое послѣднее время было оно поставлено съ невѣроятными усиліями на твердую почву. Россія поздно стала заботиться объ учрежденіи у себя сколько-нибудь правильныхъ школъ; въ XVIII вѣкѣ было у насъ собственно только три училища носившія названіе гимназій; не прежде какъ съ начала нынѣшняго столѣтія распространяются они мало-по-малу въ Имперіи; слѣдовательно

среднія учебныя заведенія, безъ которыхъ немислимы успѣхи просвѣщенія, существуютъ у насъ всего три четверти вѣка. Но если мы поздно взялись за дѣло, то хоть бы по крайней мѣрѣ вели его правильно и разумно. Къ несчастію этого-то и не видимъ. Въ правительственныхъ сферахъ встрѣчалось мало людей отличавшихся яснымъ сознаніемъ условій необходимыхъ для успѣшнаго хода истиннаго образованія, и эти люди, не находя сочувствія ни въ своей средѣ, ни въ массѣ публики, упорно сторонившейся отъ науки, осуждены были на тяжкую и часто неблагоприятную борьбу. Собственно уставъ 1828 года пытался поставить наши гимназіи на одинаковый уровень съ существующими въ Европѣ. Задача эта была выполнена имъ далеко не надлежащимъ образомъ,—между тѣми и другими замѣчалось лишь отдаленное сходство,—но все-таки сравнительно съ прежнимъ это былъ значительный шагъ впередъ. Изъ книги г. Шмида читатели могутъ убѣдиться какого труда стоилъ этотъ подвигъ. Честь его преимущественно принадлежитъ С. С. Уварову, а Уваровъ много былъ обязанъ академику Х. Ф. Грефе, человѣку отличавшемуся глубокою ученостію и явившемуся у насъ поборникомъ здравыхъ педагогическихъ понятій. Была минута, когда стараніямъ Уварова и Грефе угрожала полнѣйшая неудача: все настойчивѣе слышались голоса что благоразумнѣе было бы усилить преподаваніе новѣйшихъ языковъ, главнымъ образомъ французскаго, исключитъ вовсе языкъ греческій, а латинскій хотя и удержать, но въ возможно скромныхъ размѣрахъ. „Всякую науку, писалъ по этому поводу Грефе, можно свести къ курсу съ большими или меньшими предѣлами; этотъ курсъ можно выучить наизусть и издали покажется что наука постигнута,—вѣдь наши экзамены, какъ ихъ обыкновенно производить, служатъ печальнымъ тому доказательствомъ. Относительно же древнихъ языковъ это не можетъ имѣть мѣста даже для вида. Даже если выучить наизусть слово въ слово всю грамматику со словаремъ, то это ни къ чему не повело бы безъ продолжительнаго упражненія въ чтеніи и письмѣ. Къ языку слѣдуетъ относиться съ живою самодѣятельностію; только такимъ образомъ можно усвоить его себѣ, такъ-сказать сродниться съ нимъ. Если въ комитетѣ восторжествуетъ противный взглядъ, то я прошу поручить это дѣло другому лицу, для

котораго древніе языки имѣютъ менѣе значенія чѣмъ для меня....“ Противникамъ раціональной реформы удалось было даже расположить въ свою пользу императора Николая Павловича. На протоколахъ комитета была поставлена государемъ резолюція: „Я считаю что греческій языкъ есть роскошь, когда французскій—родъ необходимости, а потому на это (введеніе въ учебный курсъ греческаго языка) согласиться не могу и требую подробнаго изложенія причинъ.“ Трудъ разъяснить эти причины предпринялъ знаменитый Сперанскій. Справедливо замѣтилъ онъ въ началѣ своей записки, что если дѣло идетъ о роскоши, то именно усиленные, въ ущербъ основнымъ предметамъ, занятія новѣйшими языками способны породить своего рода роскошь—„роскошь полупознакій“. Вообще записка Сперанскаго верхъ совершенства съ начала до конца, и императоръ высокимъ умомъ своимъ тотчасъ же оцѣнилъ всю силу содержащихся въ ней аргументовъ.

Дѣло было сдѣлано, хотя только на половину, и оставалось заботиться чтобъ оно принесло по возможности добрые плоды. Опять не легкая задача! Хорошихъ учителей не было, надлежало готовить ихъ, но учительское званіе казалось весьма мало привлекательнымъ въ виду презрительнаго отношенія къ нему массы полудикой лублики. „Учитель“ было что-то среднее между лакеемъ и чиновникомъ. Трудно теперь повѣрить этому, а между тѣмъ это такъ. Не задолго до устава 1828 одинъ директоръ училищъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ въ официальной бумагѣ положеніе учителей: „Въ чиновныхъ людяхъ иначе нельзя снискать благосклонности какъ частыми по праздникамъ визитами и поздравленіями. Но учителямъ трудно располагаться на такое исканіе съ ихъ пѣшеходствомъ, когда всякій чиновникъ то на той, то на другой улицѣ, разлегшись въ какомъ-либо экипажѣ, обгоняетъ учителей, шагающихъ въ грязи въ мундирахъ со шлагами...“ Средства были скудны. Чтобы нѣсколько помочь злу одинъ директоръ предлагалъ такое средство: „Замѣчено что учителя женатые болѣе дорожатъ своимъ званіемъ, болѣе имѣютъ основательности и постоянства какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ своихъ, болѣе прилично и наставительно обходятся съ дѣтьми чѣмъ холостые, и потому не благоугодно ли будетъ высшему правительству для побужденія учителей вступать въ брачное состояніе назначать женатымъ учителямъ

жалованье одною третью болѣе нежели холостымъ?“ Начальство старалось возбудить самодѣятельность учителей, расположить ихъ къ научнымъ занятіямъ, требовало отъ нихъ письменныхъ работъ, но не всѣ педагоги могли удовлетворить этимъ требованіямъ. Большею частью ссылались они на недостатокъ времени, а одинъ въ началѣ уже сороковыхъ годовъ оправдывался тѣмъ что „не приобьѣзъ скоро и легко изливать мысли свои на бумагу“ и продолжалъ повторять это даже когда директоръ объявилъ ему что „будетъ представлено о немъ куда слѣдуетъ не яко о неспособномъ чиновникѣ, но яко о постушающемъ вопреки приказаніямъ начальства.“ Тѣмъ болѣе велика заслуга Уварова что онъ умѣлъ преодолѣть трудности и подготовилъ учителей изъ которыхъ многіе и теперь могли бы съ честью и пользой занимать мѣсто въ средѣ учительской корпораціи.

Сознавая недостатки устава 1828 года, Уваровъ заботился о томъ чтобы по крайней мѣрѣ уставъ этотъ, въ томъ видѣ въ какомъ онъ прошелъ, былъ огражденъ отъ вредныхъ на него посягательствъ. Тщетныя усилія! Книга г. Шмидта показываетъ намъ какимъ образомъ министр—конечно съ сокрушеніемъ сердца—вынужденъ былъ отступать шагъ за шагомъ. Противодѣйствіе обнаружилось прежде всего со стороны дворянскаго сословія, которое, будучи ограждено отъ житейскихъ невзгодъ крѣпостнымъ правомъ, относилось къ наукѣ весьма равнодушно и желало чтобы наука, если ужъ она нужна, подносилась его дѣтямъ въ возможно легкой формѣ. Черезъ пять лѣтъ послѣ утвержденія устава возникла попытка обойти его учрежденіемъ наряду съ гимназіями такъ-называемыхъ дворянскихъ институтовъ—и попытка эта увѣнчалась успѣхомъ. Сначала появился дворянскій институтъ въ Москвѣ, съ латью классами, затѣмъ шестиклассный институтъ въ Вильнѣ, такіе же институты въ Пензѣ и Киевѣ, Нижегородскій Александровскій институтъ и преобразована С.-Петербургская гимназія: отличительною чертой всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній было то что ученье было въ нихъ менѣе продолжительно чѣмъ въ гимназіяхъ и греческій языкъ исчезъ изъ учебнаго ихъ курса (въ нѣкоторыхъ дворянскихъ институтахъ, какъ напримѣръ въ Московскомъ, онъ былъ преподаваемъ желающимъ). Цѣлью подобнаго отступленія отъ устава было „подготавливать однихъ изъ дѣтей дворянъ къ

дальнѣйшему образованію въ университетѣ, а другимъ доставлять достоточныя свѣдѣнія въ домашнемъ и общественномъ быту.“ Министръ полагалъ что такая мѣра будетъ „сильно содѣйствовать къ успокоенію умовъ какъ учащихъ, такъ и ихъ родителей.“ „Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Шмидъ, классически образованному министру суждено было нанести тяжелый ударъ классическому образованію.“ Что онъ самъ ясно сознавалъ весь вредъ допущенныхъ имъ преобразованій—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; это видно изъ тѣхъ неловкихъ, запутанныхъ и бездоказательныхъ объясненій которыя печатались въ офиціальномъ органѣ министерства и принадлежали бойкому перу И. И. Давыдова. Чего только ни писалъ этотъ педагогъ когда требовались его услуги! Съ одинаковымъ одушевленіемъ и восхвалялъ онъ классическую систему, и привѣтствовалъ почти каждое уклоненіе отъ нея, и наконецъ прогнѣлъ ей надгробную плѣсь въ 1849 году...

Кромѣ необходимости содѣйствовать „успокоенію умовъ“ родителей, Уваровъ долженъ былъ дѣлать уступки различнымъ вѣдомствамъ, которыя принимали на себя задану радѣть объ успѣхахъ отечественнаго просвѣщенія, хотя это и не входило прямо въ ихъ обязанность. Въ сороковыхъ годахъ лоборникомъ распространенія такъ-называемыхъ реальныхъ свѣдѣній въ Россіи былъ тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ. Дѣло это было конечно полезное, но для осуществленія его требовались особы реальныя училища. Гимназіи тутъ были ни при чемъ. Онъ преслѣдовалъ свою опредѣленную задачу, а между тѣмъ господствовало желаніе возложить именно на нихъ содѣйствіе цѣли не имѣвшей ничего общаго съ ихъ дѣйствительнымъ назначеніемъ. Въ 1836 году Канкринъ сообщилъ Уварову что вслѣдствіе всеподданнѣйшаго его доклада о средствахъ къ усиленію и умноженію фабрикъ и къ развитію чрезъ то полезныхъ отраслей промышленности въ Россіи, состоялось высочайшее повелѣніе объ устройствѣ при гимназіяхъ реальныхъ отдѣленій. Это дало толчокъ. Отсюда возникла третья реальная гимназія въ Москвѣ, реальныя отдѣленія въ Тулѣ, Курскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Г. Шмидъ справедливо указываетъ на губительное вліяніе этихъ нововведеній: тилъ гимназій началъ искажаться, а большинство публики, литав-

шей отвращеніе къ солидному европейскому образованію, задавало себѣ вопросъ: съ какой стати считать классическое образованіе единственно рациональнымъ, когда само правительство какъ бы склоняется къ противоположному воззрѣнію? Если приходилось дѣлать уступки графу Канкрину, то дѣлаемы были онѣ также и военному вѣдомству. Въ 1843 году возникъ вопросъ: могутъ ли ученики гимназій быть увольняемы отъ изученія латинскаго языка если они намѣреваются поступить по окончаніи курса въ военную службу? Министръ нашелся вынужденнымъ допустить и это, хотя не иначе какъ съ разрѣшенія полечителей округовъ и по особенно уважительнымъ причинамъ.

Очевидно, всеми подобными уступками Уваровъ рассчитывалъ спасти сущность дѣла, но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Наступилъ 1848 годъ, событія коего въ Западной Европѣ отозвались у насъ коренною и пагубною ломкой учебныхъ заведеній. Такъ какъ зрѣлая и самостоятельная мысль — явленіе весьма рѣдкое въ нашемъ обществѣ, то неудивительно что всякій самый неслѣпый парадоксъ сбиваетъ насъ съ толку. Г. Шмидъ упоминаетъ между прочимъ что сильнѣйшее впечатлѣніе въ высшихъ петербургскихъ сферахъ произвелъ памфлетъ французскаго аббата Гома (Gaume): „*Le ver rongeur des sociétés modernes ou le paganisme dans l'éducation.*“ По истинѣ печально что самъ графъ Уваровъ счелъ возможнымъ наложить руку на зданіе надъ которымъ такъ много трудился онъ. Нельзя читать иначе какъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія тѣ доводы которыми онъ пытался оправдать новую злополучную реформу. Главнымъ аргументомъ былъ тотъ что послѣ двадцатилѣтняго своего существованія классическая система „уже достаточно упрочилась“ въ нашемъ обществѣ, что русская публика вполнѣ сознаетъ необходимость общаго образованія (!) и что наступилъ моментъ „съ болѣею опредѣлительностью перейти отъ общаго образованія къ спеціальному...“ „По истинѣ трагическимъ представляется, говоритъ г. Шмидъ, тотъ фактъ что государственному человѣку, который еще въ 1811 году, когда дѣятельность его ограничивалась не столь обширною сферой, заботился объ утвержденіи у насъ классическаго образованія, суждено было теперь вырвать съ корнемъ плоды, сѣмена коихъ были по-

съяны его же рукою. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе прискорбенъ что человѣкъ столь свѣтлаго ума, столь многосторонняго и глубокаго образованія, какимъ безспорно былъ Уваровъ, не могъ не сознавать всѣхъ послѣдствій совершеннаго имъ дѣла. Реформой 1849 года онъ задержалъ успѣхи народнаго просвѣщенія на цѣлые десятки лѣтъ.

Послѣ Уварова дѣло разгрома учебныхъ заведеній пошло еще быстрее. Любопытны записки которыя представлялъ по этому поводу новый министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ доказывалъ что древнѣе языки могли бы быть съ пользою замѣнены естественными науками и это по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому что означенныя науки, „составляя потребность современнаго образованія, преподаются въ сокращенномъ объемѣ не только въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но даже и въ состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы институтахъ для воспитанія дѣвицъ“, а во-вторыхъ потому что „естественными науками довершилась бы полнота образованія молодыхъ людей намѣреющихся поступить изъ гимназій въ гражданскую службу“. Взглядъ князя Ширинскаго-Шихматова на значеніе греческаго языка для науки выразился между прочимъ въ томъ что онъ предложилъ удержатъ преподаваніе этого языка въ гимназіяхъ Нѣжинской, Кішиневской и Таганрогской, ибо значительная часть торговаго населенія означенныхъ городовъ состоятъ изъ природныхъ Грековъ! Вообще же на всю Россію сохранено было лишь девять классическихъ или вѣрнѣе псевдоклассическихъ гимназій...

Въ заключеніе нѣсколько словъ о статистическихъ свѣдѣніяхъ сообщаемыхъ авторомъ разбираемой нами книги. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1847 году, всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній было у насъ 84; въ настоящее время находится ихъ 264, въ томъ числѣ классическихъ 205 и реальныхъ училищъ 59. Громадное увеличеніе это произошло въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, ибо при предшественникѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, въ 1863 году, было лишь 94 среднихъ учебныхъ заведеній. Любопытно что губительныя послѣдствія реформы предпринятой въ 1849 году отразились не только на достоинствѣ учебныхъ заведеній, но и на численности ихъ: вмѣсто 84 оказалось ихъ въ 1854 году только 77. Учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ

было тридцать лѣтъ тому назадъ 22.730, а въ настоящее время число это простирается до 65.765 (впрочемъ и эта цифра менѣе дѣйствительной, ибо г. Шмидъ извлекъ ее изъ отчета министра народнаго просвѣщенія лишь за 1876 годъ). Какъ извѣстно, мы имѣемъ право гордиться нынѣ не обиліемъ только нашихъ гимназій, но и вполне рациональною внутреннею ихъ организаціей: громадный результатъ этотъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, но читатели оцѣнять его еще болѣе, ознакомившись изъ книги г. Шмида, какимъ путемъ, послѣ сколькихъ недоразумѣній, колебаній и волнующихъ ошибокъ былъ онъ наконецъ достигнутъ....

II.

Книга доктора Буша о Бисмаркѣ. Dr. Moritz Busch. *Graf Bismarck und Seine Leute während des Kriegs mit Frankreich*. Nach Tagebuchblättern. Leipzig, Grunow, 1878, 2 Bände.

Книга Буша о князѣ Бисмаркѣ едва успѣла появиться въ свѣтъ какъ возбудила громадный интересъ, по газетнымъ извлеченіямъ сдѣлалась извѣстною всему читающему міру и выйдетъ скоро вторымъ изданіемъ. Газеты принесли намъ также извѣстіе о впечатлѣніи произведенномъ этими выдержками изъ дневника, о вызванныхъ ими недоразумѣніяхъ, и непріятностяхъ, о предположенныхъ даже будто бы нѣкоторыми лицами процессахъ противъ князя Бисмарка за то или другое изъ употребленныхъ имъ выраженій, за ту или другую изъ его характеристикъ. Впечатлѣніе это становится весьма понятнымъ послѣ того какъ читатель одолѣетъ около восьмисотъ страницъ мелкой убористой печати заключающихся въ двухъ томахъ книги Буша. Дневникъ его дѣйствительно даетъ чрезвычайно полную и многостороннюю характеристику князя Бисмарка, этого политическаго дѣятеля возбуждающаго теперь почти такой же интересъ какъ тотъ съ которымъ Европа прислушивалась прежде ко всему что касалось Лудовика Наполеона. Читатель чувствуетъ необыкновенную правдивость разлитую во всемъ разказѣ Буша, чувствуетъ что авторъ ничего не прикрасилъ, что на каждой

страницъ дѣйствительно встрѣчаются подлинныя выраженія, мысли и мнѣнія Бисмарка о событіяхъ, предметахъ и людяхъ. и съ-невольною улыбкой долженъ по временамъ сознаться что сужденія германскаго канцлера о разныхъ лицахъ не таковы чтобы могли особенно польстить тому кого они касаются. Такихъ сужденій, впрочемъ, немного, хотя разумѣется было совершенно достаточно и ихъ чтобы взволновать тѣ или другіе кружки и партіи въ Германіи. Въ виду интереса возбужденнаго книгой, мы постараемся по возможности подробно познакомить съ нею читателей и передадимъ въ извлеченіи тѣ мѣста дневника которыя заключаютъ наиболѣе характеристичныя сужденія, взгляды и разказы князя Бисмарка. Читатели полагающіе быть-можетъ что вся книга состоитъ только изъ болѣе или менѣе глубокомысленныхъ или сатирическихъ сужденій канцлера о людяхъ, скоро убѣдятся что это представленіе ошибочно. Книга Буша дѣйствительно *дневникъ*, въ которомъ рядомъ съ описаніями мѣстностей, природы и военныхъ событій Франко-Прусской войны, почти изо дня въ день записаны разговоры ведшіеся за столомъ въ квартирѣ канцлера, разказы его самого и его гостей, собственныя занятія автора, слухи, отрывки изъ газетныхъ статей. Впечатлѣніе полученное при чтеніи газетныхъ извлеченій изъ книги Буша значительно видоизмѣняется при чтеніи самого дневника. Мы постараемся чтобы нашъ разказъ, сосредоточиваясь преимущественно на характеристикѣ князя Бисмарка, въ то же время могъ дать понятіе объ общемъ тонѣ въ которомъ написана книга. Придерживаясь хронологіи дневника, группируя въ другихъ случаяхъ разбросанные по немъ матеріалы, мы будемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передавать и тѣ общія картины которыя рисуетъ авторъ.

Такою жанровою картинкой открывается книга Буша. „31 іюля 1870 года, въ половинѣ шестаго часа вечера, канцлеръ выѣхалъ изъ своего дома на дебаркадеръ желѣзной дороги чтобы отправиться вмѣстѣ съ королемъ сначала въ Майнцъ, а потомъ на театръ войны. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ пріобщился Святыхъ Тайнъ у себя на дому. Его провожали жена и дочь; нѣсколько совѣтниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, секретарь центрального бюро, два шифрера и три-четыре канцелярскихъ саужителя назначены были отправиться вмѣстѣ съ канцлеромъ. Мы, остающіеся, сопро-

вождали его только нашими пожеланіями, въ то время какъ онъ съ каской на головѣ сходилъ по лѣстницѣ и садился въ карету. Я также уже помирился съ мыслию слѣдить за войной лишь по газетамъ и картамъ. Случилось иначе. 6го августа вечеромъ въ министерствѣ была получена телеграмма о побѣдѣ при Вёртѣ. Черезъ полчаса я принесъ это не остывшее еще извѣстіе нѣсколькимъ знакомымъ, ожидавшимъ новостей въ ресторанѣ на Потсдамской улицѣ. Всѣмъ извѣстно *какъ* любить праздновать нѣмецкій человекъ добрую вѣсть. Эта вѣсть была очень добрая и потому ее отпраздновали усердно, нѣкоторые даже быть-можетъ саишкомъ усердно; во всякомъ случаѣ празднованіе затянулось очень долго. На слѣдующее утро я еще не вставалъ съ постели когда явился разсыльный и вручилъ мнѣ копію съ телеграммы въ силу которой я долженъ былъ въ этотъ же день отправиться въ главную квартиру.

Въ теченіи семи мѣсяцевъ Бушъ находился при канцлерѣ въ качествѣ одного изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. „Я имѣлъ при этомъ случай“, говоритъ онъ, „не только присутствовать при нѣкоторыхъ рѣшительныхъ военныхъ дѣлахъ, но также въ непосредственной близости видѣть и слышать многія другія важныя событія. Предъ моими глазами совершался процессъ имѣющій всемірно - историческое значеніе. Не менѣе драгоценны и важны были тихіе и трезвые часы усиленнаго труда, въ продолженіи которыхъ можно было заглядывать въ тайникъ откуда исходила значительная часть этого процесса, въ которомъ взвѣшивались, обсуждались и прилагались къ дѣлу результаты сраженій и побѣдъ.“ Находясь при канцлерѣ, авторъ ежедневно видѣлъ, особенно въ Ферьерѣ и Версаи, людей пользующихся всеобщею извѣстностью, коронованныхъ особъ, принцевъ, министровъ, генераловъ, всевозможныхъ посредниковъ, представителей различныхъ партій рейхстага, множество людей интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи. „Само собою разумѣется что въ настоящее время не можетъ быть сообщена значительная часть того что я могъ бы сообщить. Многое изъ того что я разказываю или описываю покажется, быть-можетъ, мелочнымъ и внѣшнимъ. Мнѣ кажется что мелочи нерѣдко позволяютъ яснѣе нежели громкіе подвиги узнать существо человека и настроеніе въ к-

торомъ онъ находится. Самыя незначительныя вещи и положенія могутъ послужить поводомъ для такихъ ассоціацій идей, для такихъ всплышекъ мысли которыя оказываются въ будущемъ плодотворными и обильными своими послѣдствіями. Во время великихъ событій малое кажется еще меньшимъ. Въ послѣдующія затѣмъ эпохи отношеніе измѣняется: великое становится еще бѣльшимъ, то что казалось не имѣющимъ значенія дѣлается многозначущимъ. Тогда часто сожалѣютъ что нельзя составить себѣ о тѣхъ или другихъ событіяхъ и личностяхъ живаго представленія, что недостаетъ нужнаго матеріала, не записаннаго и не собраннаго въ свое время подъ предлогомъ отсутствія въ немъ какой-либо важности. Кому было бы не интересно знать теперь подробности о важныхъ и великихъ дняхъ и минутахъ въ жизни Лютера, даже еслибы подробности эти состояли лишь въ самыхъ невинныхъ и незначительныхъ обстоятельствахъ, отношеніяхъ, чертахъ? Черезъ столѣтіе князь Бисмаркъ займетъ въ сознаніи Германскаго народа мѣсто рядомъ съ Виттенбергскимъ докторомъ богословія. Пусть тотъ или другой говоритъ что я въ моемъ разказѣ касаюсь преимущественно внѣшности: быть - можетъ въ послѣдствіи мнѣ будетъ позволено сдѣлать скромную попытку изобразить князя Бисмарка съ его внутренней, духовной стороны; быть-можетъ изображеніе это будетъ отличаться нѣсколькими новыми чертами. Въ настоящее время я собираю крохи для того, чтобы ничего не пропало. Основаніемъ для моего разказа служить дневникъ, въ который я по возможности подробно и вѣрно вносилъ событія и разговоры происходившія въ моемъ присутствіи въ то время когда я находился въ непосредственномъ общеніи съ канцлеромъ. Послѣдній вездѣ стоитъ на первомъ планѣ и вокругъ него группируются остальные лица. Первоначально моею задачей было отмѣчать для меня самого какъ держалъ себя канцлеръ во время великой войны, какъ онъ жилъ и работалъ во время похода, какъ онъ судилъ о современныхъ событіяхъ, что онъ разказывалъ за обѣдомъ, за чаемъ и при другихъ случаяхъ о прошломъ. Мнѣ помогало при выполненіи этой задачи, во первыхъ, мое вниманіе изощренное какъ глубокимъ личнымъ уваженіемъ къ канцлеру, такъ и моими предшествовавшими служебными отношеніями къ нему, восторгахъ, ламать развившаяся на службѣ

до такой степени что я могъ удерживать ея даже довольно длинныя рѣчи князя вплоть до той минуты когда являлась возможность ввѣрить ихъ бумагѣ. Впрочемъ всѣ записи моего дневника дѣлались почти безъ исключенія не позднѣе какъ черезъ часъ послѣ слышаннаго мною, а бѣлая часть изъ нихъ—тотчасъ же. Кто помнитъ стиль канцлера въ его домашнихъ бесѣдахъ, тотъ сейчасъ же его узнаетъ въ моемъ разказѣ.“

Сотрудники канцлера жили по его распоряженію во время похода по возможности въ одномъ домѣ съ нимъ, считались какъ бы домашними людьми и обѣдали за его столомъ. Князь былъ весьма нетребователенъ относительно помѣщенія. Въ то время какъ въ Версали полковники и майоры занимали иногда цѣлый рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, квартира канцлера въ продолженіи его лятимѣсячнаго пребыванія въ этомъ городѣ состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, изъ которыхъ одна служила въ то же время кабинетомъ и спальней; въ нижнемъ этажѣ у него была, кромѣ того, небольшая и очень простая пріемная. Разъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней не имѣлъ во время остановки въ какой-то деревнѣ даже постели и спалъ на полу. Когда во время похода главная квартира гдѣ-нибудь останавливалась, хотя бы на одну только ночь, князь немедленно приказывалъ приступить къ устройству канцеляріи; неутомимо работая самъ, онъ до поздней ночи давалъ занятія своимъ подчиненнымъ. Почти сверхчеловѣческая (*übermenschlich*) способность канцлера къ работѣ и къ разрѣшенію самыхъ трудныхъ задачъ по мнѣнію Буша никогда не выражалась съ такою изумительною неистощимостью какъ въ это время. Особенно изумительнымъ кажется ему то обстоятельство что князь Бисмаркъ при такой усиленной дѣятельности возстановлялъ свои силы лишь самымъ непродолжительнымъ сномъ. Если какое-нибудь предстоящее сраженіе не призывало его съ разсвѣтомъ къ войскамъ и къ королю, канцлеръ обыкновенно вставалъ поздно, по большей части около десяти часовъ утра. Но за то онъ не спалъ цѣлыя ночи и ложился лишь когда первые утренніе лучи начинали ладать чрезъ окна. Едва поднявшись, часто не успѣвъ даже одѣться, онъ уже опять принимался читать дѣлаши и газеты, дѣлать инструкціи, предлагать вопросы, ставить самыя разнообразныя задачи, ли-

сать, диктовать. Затѣмъ слѣдовали приемы или доклады королю, потомъ опять чтеніе делешъ, изученіе ландкартъ, исправленіе сдѣланныхъ по его порученію работъ, писаніе писемъ, отправка телеграммъ, составленіе проектов и плановъ, указанія на то какъ должны быть редактированы тѣ или другія сообщенія въ газеты. Въ промежуткахъ между этими занятіями нужно было по необходимости иногда опять принимать посѣтителей. Въ три часа канцлеръ давалъ себѣ отдыхъ и предпринималъ верхомъ прогулку по окрестностямъ. Послѣ прогулки опять слѣдовала работа продолжавшаяся до пяти или шести часовъ, вплоть до самаго обѣда. Черезъ полтора часа послѣ этого канцлеръ опять уже сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и часто полночь заставляла его еще за чтеніемъ или письмомъ. Какъ въ отношеніи сна, такъ и въ отношеніи къ личѣ онъ держался своеобразнаго порядка. Утромъ онъ выпивалъ чашку чая и иногда съѣдалъ пару яицъ, и затѣмъ ничего не ѣлъ до самаго обѣда. Такимъ образомъ князь Бисмаркъ, собственно говоря, питался только одинъ разъ въ продолженіи сутокъ, но за то, по примѣру Фридриха Великаго, любилъ плотно пообѣдать. „У насъ въ семьѣ всѣ ѣдуны“, шутилъ Бисмаркъ, „и еслибы въ Пруссіи было много такихъ, то государству нельзя было бы существовать.“ Обѣды князя были всегда хороши, иногда роскошны, особенно въ Версали. Сервизъ состоялъ изъ оловянныхъ тарелокъ; кружки и чашки были изъ какого-то серебристаго металла и вызолочены внутри. Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ похода изъ Германіи присылалось канцлеру въ подарокъ множество разныхъ гастрономическихъ припасовъ, дичь, рыбы, фазаны, пироги, превосходное пиво, дорогое вино и различныя тому подобныя вещи. Впрочемъ канцлеръ отзывался неодобрительно о распространившейся привычкѣ къ потребленію пива и говорилъ что объ этомъ слѣдуетъ сожалѣть. „Пиво дѣлаетъ человека глупымъ, лѣнивымъ и безсильнымъ (*impotent*). Оно виной демократической болтовни про политику; болтовня эта всегда завязывается когда усядутся пить пиво. Хорошая хлѣбная водка заслуживала бы предпочтенія.“

До прибытія главной квартиры въ Версаль, дневникъ Буша часто прерывается описаніемъ мѣстностей и военныхъ событій. Оставляя въ сторонѣ эту часть книги, хотя и она пред-

ставляетъ много интересныхъ подробностей,—въ одномъ городкѣ автору пришлось, напримѣръ, жить въ комнатѣ наполненной разными этнографическими рѣдкостями въ числѣ которыхъ висѣли русскіе образа (*moskovitische Heiligenbilder*) и, въ рамкѣ подъ стекломъ, листъ французской газеты со статьей зачерненной русскою цензурою,—мы постараемся собрать здѣсь нѣсколько выдержекъ относящихся въ первыхъ восьми главахъ собственно къ личности князя Бисмарка.

Какъ относится германскій канцлеръ къ свободѣ вѣроисповѣданій? По разказу Буша, князь Бисмаркъ очень опредѣленно высказался по этому вопросу во время разговора зашедшаго о мормонахъ и ихъ многоженствѣ. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ вѣротерлимости, но прибавилъ что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ быть совершенно безпристрастнымъ. „Каждый долженъ имѣть возможность спасаться на свой образецъ. Я какъ-нибудь подвину этотъ вопросъ, и рейхстагъ навѣрное выскажется въ мою пользу. Церковныя имущества разумѣется должны остаться за тѣми кто пребываетъ въ лонѣ прежней, пріобрѣтшей ихъ церкви. Кто выступаетъ изъ этого лона, тотъ долженъ быть въ состояніи принести жертву своимъ убѣжденіямъ, или вѣрѣ, своему невѣрію. Если католикъ строгъ въ своей вѣрѣ, на это изъясняется мало претензіи, если Еврей—всякая претензія исчезаетъ. Претензіи въ этомъ отношеніи изъясняются только на лютеранъ, имъ это качество ставится въ большую вину, и только и слышны постоянные упреки въ страсти къ гоненію, если лютеранская церковь отвергаетъ тѣхъ кто не строго исповѣдуетъ ея правила. Напротивъ то обстоятельство что въ жизни и въ печати преслѣдуютъ строгихъ приверженцевъ лютеранской церкви считается совершенно въ порядкѣ вещей.“

По поводу разговора о мифологіи, князь Бисмаркъ объявилъ „что никогда не могъ терпѣть Аполлона. Онъ изъ самолюбія и зависти содралъ кожу съ Марсія и по тѣмъ же лобужденіямъ застрѣлилъ дѣтей Ніобеи. Аполлонъ—истинный Француз: не можетъ вынести чтобы кто-нибудь игралъ на флейтѣ лучше его или также хорошо какъ онъ. Не нравится мнѣ и то что онъ былъ на сторонѣ Троянцевъ.“ Честный Вулканъ былъ за то по душѣ канцлеру; но еще боѣе

правился ему Нептунъ, „быть-можетъ за его *Quos ego!*“ прибавляетъ Бушъ, „но этого онъ не сказалъ“.

Во время кавалерійской атаки при Марсѣ-ла-Турѣ старшій сынъ канцлера, графъ Гербертъ, былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу. Бисмаркъ нашелъ его лежащимъ въ числѣ другихъ раненыхъ на одной мызѣ. Главный докторъ не успѣлъ достать для больныхъ воды и не рѣшался употребить въ лицу для раненыхъ бѣгавшихъ по двору индѣекъ и куръ. „Онъ говорилъ что не смѣетъ сдѣлать этого,“ разказывалъ канцлеръ, „и никакія представленія не въ состояніи были на него подѣйствовать. Тогда я пригрозилъ ему сначала что изъ револьвера перестрѣляю куръ, а потомъ далъ ему двадцать франковъ на которые онъ долженъ былъ купить пятнадцать штукъ изъ бѣгавшихъ по двору птицъ. Наконецъ я вспомнилъ что я вѣдь тоже прусскій генералъ и приказалъ ему взять куръ: тутъ онъ послушался. Воду пришлось мнѣ отыскивать самому и затѣмъ велѣть доставить ее въ бочкахъ.“ Канцлеръ вообще заботился о томъ чтобы солдаты были сыты. Какъ-то разъ ему вздумалось спросить у часового стоявшаго предъ его квартирой, хорошо ли ихъ кормятъ, и онъ узналъ что бѣднякъ не ѣлъ цѣлые сутки. Бисмаркъ немедленно самъ пошелъ въ кухню, отрѣзалъ огромный ломъ хлѣба и вынесъ его солдату.

Интересны взгляды Бисмарка на Альзасъ и Лотарингію, и на положеніе французскихъ провинцій. Идеаломъ его—онъ признавался самъ въ неисполнимости своихъ предположеній—„было бы образованіе на французской границѣ нейтральнаго государства съ населеніемъ въ восемь или десять милліоновъ, вѣчто въ родѣ германской колоніи. Въ государствѣ этомъ не было бы конскрипціи, и налоги его поступали бы въ пользу Германіи. Такимъ образомъ Франція лишилась бы мѣстностей откуда она беретъ своихъ лучшихъ солдатъ, и стала бы безвредною.“ „Намъ нужны Мецъ и Страсбургъ, крѣпости, вотъ что намъ нужно и что мы себѣ возьмемъ. Альзасъ—это профессорская идея.“ „Альзасцы и Лотарингцы поставляютъ Франціи множество хорошихъ людей, въ особенности для арміи, но Французы ни во что не ставятъ ихъ и рѣдко даютъ имъ въ государственной службѣ видныя должности; Парижане рисуютъ на нихъ каррикатуры и всячески издѣваются надъ ними. Впрочемъ то же самое дѣлается

и по отношенію къ другимъ французскимъ провинціаламъ, хотя и не въ такой степени. Франція распадается какъ бы на двѣ націи: на Парижанъ и провинціаловъ, и послѣдніе вступили въ добровольное рабство къ первымъ. Кто изъ провинціаловъ надѣется что онъ можетъ чѣмъ-нибудь сдѣлаться, тотъ переселяется въ Парижъ, вступаетъ тамъ во владычествующую касту, и въ свою очередь принимаетъ участіе въ правленіи (*herrscht mit*). Удастся ли намъ въ наказаніе навязать имъ царя (*einen Sträfkaiser*)? Это возможно. Поселане не хотятъ находиться подъ тиранніей Парижа. Франція—нація нулей, стадо. У нихъ есть деньги и изящество, но у нихъ нѣтъ лицъ, нѣтъ индивидуальнаго самосознанія: оно существуетъ только въ массѣ.“ Когда зашла рѣчь о жестокостяхъ Французовъ, князь Бисмаркъ сказалъ: „если съ такого Галла снять его бѣлую кожу, подъ нею окажется *un turco*“.

Сигара сама по себѣ очень неважная вещь, но когда ее однажды закурилъ Бисмаркъ, обстоятельство это сдѣлалось событіемъ въ дипломатическомъ мірѣ Германіи. „При засѣданіяхъ военной комиссіи“, разсказываетъ канцлеръ, „когда Роховъ былъ представителемъ Пруссіи, курила одна только Австрія. Роховъ былъ страстный любитель куренія и охотно сталъ бы также курить, но не отваживался этого сдѣлать. Когда я вступилъ въ комиссію, мнѣ захотѣлось покурить и такъ какъ я не видѣлъ почему бы мнѣ этого не сдѣлать, то и попросилъ у предсѣдателя огня. И онъ, и всѣ остальные члены съ удивленіемъ и неудовольствіемъ взглянули на этотъ постулокъ. Очевидно что это было для нихъ событіемъ. На этотъ разъ курили только Австрія и Пруссія. Но остальные члены сочли это настолько важнымъ что уведомили свои правительства. Дѣло требовало серіознаго обсужденія; прошло почти полгода, въ продолженіи котораго курили только великія державы. Затѣмъ Шренкъ, баварскій посланникъ, также началъ соблюдать достоинство своего положенія и тоже закурилъ сигару. Представитель Саксоніи, Ностицъ, очевидно весьма желалъ сдѣлать то же самое, но вѣроятно еще не имѣлъ разрѣшенія отъ своего министра. Когда онъ увидалъ, однако, въ слѣдующее засѣданіе что ганноверскій уполномоченный, Ботмеръ, разрѣшилъ себѣ куреніе, онъ вѣроятно столковался съ предсѣдателемъ и также задымилъ. Теперь оставались только представители Виртем-

берга и Дармштадта, но тѣ вообще не курили. Однако честь и значеніе ихъ государствъ настоятельно требовали куренія. На слѣдующее засѣданіе Виртембержецъ вынулъ сигару, — а еще теперъ ее вижу: длинная, тонкая, свѣтложелтая — и выкурилъ ее почти до половины, какъ жертву сожженія на алтарѣ отечества.“

За обѣдомъ зашла однажды рѣчь о Евреяхъ. Канцлеръ заявилъ что въ нихъ есть „что-то общеевропейское, космополитическое, скитаальческое. Только у Жидовъ простаго класса существуетъ нѣчто въ родѣ любви къ отечеству; между ними же встрѣчаются хорошіе, честные люди. У насъ въ Помераніи былъ одинъ такой Жидъ который торговалъ кожами и тому подобными вещами. Дѣло у него должно-быть не пошло; онъ сдѣлался несостоятельнымъ. Приходитъ онъ ко мнѣ и просить чтобы я его пощадилъ и не предъявлялъ моей претензіи; я, говорить, вамъ улачу по возможности, мало-по-малу. По старой привычкѣ я согласился, и онъ дѣйствительно мнѣ все заплатилъ. Когда я уже былъ посланникомъ во Франкфуртъ, онъ все еще продолжалъ мнѣ свои платежи, и я думаю что если я что-нибудь и потерялъ въ этомъ дѣлѣ, то менѣе нежели другіе. Такихъ Жидовъ теперь вѣроятно осталось немного. Впрочемъ и у Евреевъ есть свои добродѣтели: увѣряютъ что у нихъ существуетъ почтеніе къ родителямъ, супружеская вѣрность и благотворительность.“ По поводу зашедшаго какъ-то разговора о кушварномъ искусствѣ, Бушъ сообщаетъ, между прочимъ, что какъ Бисмаркъ, такъ и Мольтке оказались изобрѣтателями въ этой области. Канцлеръ объявилъ что онъ въ молодости оказалъ жителямъ Ахена такую же услугу какую Церера оказала роду человѣческому изобрѣтеніемъ земаедѣлія: онъ научилъ ихъ *жарить устрицы*. „Если я хорошо понялъ“, замѣчаетъ Бушъ, „устрицы нужно посыпать сухарями и пармезаномъ и жарить ихъ потомъ вмѣстѣ съ раковинами на угольяхъ“. Что касается до Мольтке, то онъ придумалъ въ Версали новый родъ пунша составленнаго изъ шампанскаго, горячаго чаю и хереса. Канцлеръ разказывалъ потомъ что Мольтке храбро одолевалъ этотъ пуншъ и что онъ вообще сталъ веселѣе чѣмъ когда-либо. „Все это происходитъ отъ войны. Она его ремесло. Я помню что когда загорѣлся испанскій вопросъ, Мольтке сейчасъ помолодѣлъ на десять лѣтъ.

Когда я сказалъ ему что принцъ Гогенцоллернскій отказался отъ испанскаго престола, онъ тотчасъ же сдѣлался совсѣмъ старымъ и утомленнымъ. А когда Французы этимъ отказомъ не удовольствовались, Молътке вдругъ опять сталъ свѣжимъ и молодымъ.“

Зашла рѣчь о томъ что въ Германскомъ народѣ существуетъ сознаніе того что умереть за честь и за отечество прекрасно даже и безъ признательности за этотъ подвигъ. Указавъ на то что это сознаніе распространяется въ народѣ все болѣе и болѣе, канцлеръ продолжалъ: „унтеръ-офицеръ имѣть у насъ, Нѣмцевъ, въ сущности тѣ же воззрѣнія и тѣ же чувства какъ поручикъ и полковникъ. Это явленіе проникаетъ у насъ вообще очень глубоко чрезъ всѣ слои націи. Французы—масса которую очень легко посадить подъ одну шалку, и тогда эта масса дѣйствуетъ очень могущественно. У насъ—каждый имѣетъ свое мнѣніе. Если какое-либо мнѣніе раздѣляется значительнымъ количествомъ людей,—съ Нѣмцами можно много сдѣлать. Они были бы всемогущи, еслибы всѣ были одного мнѣнія. Французы не имѣютъ того чувства долга, въ силу котораго человѣкъ можетъ позволить застрѣлить себя въ темнотѣ и въ одиночествѣ. Это все происходитъ отъ того что въ нашемъ народѣ есть остатокъ вѣры, отъ того что я знаю что меня Нѣкто видитъ даже и тогда когда меня не видитъ начальство.“

— Вы полагаете что они объ этомъ думаютъ? спросилъ канцлера его собесѣдникъ.

„Нѣтъ, не думаютъ. Это чувство, настроеніе, инстинктъ, называйте какъ хотите. Когда они начинаютъ думать, они утрачиваютъ это чувство (*kommen sie darüber hinweg*). Они тогда сами разубѣждаютъ себя. Я не понимаю какимъ образомъ возможна упорядоченная общественная жизнь безъ вѣры въ откровеніе и религію, безъ вѣры въ Бога который хочетъ добра, безъ вѣры въ высшаго Судію и будущую жизнь, не понимаю какъ можно безъ такой вѣры исполнять свои обязанности и воздать каждому свое. Еслибы я не былъ христианиномъ, я часу не остался бы болѣе на моемъ мѣстѣ. Еслибы я не надѣялся на Бога, я бы навѣрное не ставилъ ни во что земныхъ владыкъ. Я довольно знатенъ и имѣлъ бы чѣмъ жить. Зачѣмъ мнѣ надрываться и безъ усталости работать на этомъ свѣтѣ, подвергать себя затрудненіямъ и

неприятностямъ, если во мнѣ не существуетъ сознанія что я обязанъ предъ Богомъ исполнять свой долгъ? Еслибъ я не вѣровалъ въ Божественное Провидѣніе предназначившее Германскую націю къ великимъ и добрымъ дѣламъ, я бы сейчасъ отказался отъ ремесла дипломата, даже и со-всѣмъ бы за него не брался. Ордена и титулы меня не прельщаютъ. Твердость которую я въ продолженіи десяти лѣтъ обнаруживалъ противъ всѣхъ возможныхъ несправедливостей (*Absurditäten*) я почерпалъ только изъ моей непоколебимой вѣры. Отнимите у меня эту вѣру—и вы отнимете у меня отечество. Еслибъ я не былъ твердо-вѣрующимъ христианиномъ, есаубъ я не имѣлъ удивительной почвы религіи, вы никогда не имѣли бы такого союзнаго канцлера (*Bundeskanzler*). Создайте мнѣ преемника съ такою почвой и я сейчасъ уступлю ему мое мѣсто. Но я живу между язычниками. Я не хочу дѣлать этими словами прозелитовъ, но я чувствую потребность исповѣдать свою вѣру. Какъ охотно оставилъ бы я свою должность! Я люблю сельскую жизнь, лѣсъ, простоту. Отнимите у меня общеніе съ Богомъ—и я завтра уложусь, укачу въ Фарцинъ и примусь сѣять овесъ.“

Въ другой разъ разговоръ опять коснулся вопроса о вѣротерпимости и канцлеръ опять высказался въ ея пользу. „Свободно мыслящіе (*die Aufgeklärten*)“, сказалъ онъ, „также не отличаются терпимостью. Они преслѣдуютъ вѣрующихъ, правда не кострами, телерь этого нельзя, но насмѣшками и глумленіемъ въ печати; народъ, поскольку въ немъ есть невѣрующіе, также не далеко ушелъ отъ прежняго времени.“ Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ что по Боклю Гугеноты были рьяными реакціонерами и что это замѣчаніе относится вообще къ реформатамъ того времени. „Они были не реакціонерами,“ отвѣтилъ канцлеръ, „но маленькими тиранами. Каждый пасторъ считалъ себя палой въ миниатюрѣ.“ Разговоръ перешелъ на празднованіе воскресенья въ Англіи. Князь припомнилъ что когда онъ въ первый разъ былъ въ Англіи и въ Гулѣ засвисталъ въ воскресенье на улицѣ, то одинъ знакомый Англичанинъ сказалъ ему чтобъ онъ этого не дѣлалъ; это такъ его разсердило что онъ сейчасъ же взялъ билетъ на пароходъ отходившій въ Эдинбургъ. „Я ничего не имѣю противъ того чтобы чтить воскресный день“, продолжалъ канцлеръ. „Напротивъ, какъ помѣщикъ, я изъ всѣхъ силъ стараюсь объ этомъ. Я только не

хочу чтобы людей принуждали. Каждый долженъ самъ знать какъ ему лучше приготовить себя къ будущей жизни. Я не рѣшился бы оговорить въ контрактахъ съ моими арендаторами чтобы они не смѣли по воскресеньямъ возить съ поля сѣно или рожь. Нужно было бы позаботиться только о томъ чтобы по воскресеньямъ не работали вблизи церквей люди занимающіеся шумными ремеслами, на примѣръ, кузнецы и т.п.“

Дойдя въ своемъ дневникѣ до перенесенія главной квартиры въ Версаль, Бушъ посвящаетъ цѣлую главу описанію житья-бытья канцлера въ этомъ городѣ, его квартиры, въ которой подписано было перемиріе съ Французами, порядка занятій и пр.

„Въ свѣтлыя лунныя ночи на дорожкахъ парка видѣлась высокая фигура канцлера въ бѣлой фуражкѣ. Она выступала по временамъ изъ тѣни кустовъ на мѣста освѣщенныя луной и медленно двигалась далѣе. О чемъ думалъ онъ въ продолженіи своихъ бессонныхъ ночей? Какія мысли вращалъ онъ въ своей головѣ во время одинокой прогулки? Какіе планы зарождались или созрѣвали въ полуночной тиши? Совсѣмъ иное впечатлѣніе возбуждалъ другой любитель нашего сада, вѣчно юный Абекенъ, когда онъ по вечерамъ, далеко не мелодическимъ голосомъ декламировалъ здѣсь строфы изъ греческихъ трагиковъ или стихи Гёте. Впечатлѣніе становилось почти комическимъ когда этотъ древній лѣтами юноша сентиментально искалъ утромъ по землѣ между сухими листьями цвѣты которые отсылалъ затѣмъ въ Берлинъ къ тайной совѣтницѣ, своей супругѣ. Мнѣ, впрочемъ, не слѣдуетъ внутренно улыбаться надъ нимъ. Я долженъ сознаться что зараженный его примѣромъ, я самъ послалъ моей женѣ нѣсколько цвѣтковъ и тѣмъ доставилъ ей большое удовольствіе.“ Впрочемъ, не одни служащіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ искали цвѣты. Бушъ разказываетъ что подъ выстрѣлами Французовъ нѣмецкіе солдаты нарвали букетъ розъ и поднесли его канцлеру. Другой подарокъ съ ихъ стороны состоялъ въ блюдѣ шампиньоновъ, которые они отыскали въ какомъ-то погребѣ и принесли князю. Домъ въ которомъ канцлеръ вмѣстѣ съ своею канцеляріей жилъ въ Версали принадлежалъ госпожѣ Жессе. Въ числѣ другихъ предметовъ въ гостиной канцлера стояли старинныя столовые часы, украшенные бронзовымъ изображеніемъ какого-то крылатого демона кусавшаго себѣ палець. Когда

канцлеръ уѣзжалъ въ Германію, гжа Жессе предложили ему купить у ней эти часы какъ воспоминаніе о происшедшихъ въ его квартирѣ историческихъ событіяхъ. Она запросила за нихъ лять тысячъ франковъ. Бисмаркъ отклонилъ предложеніе говоря что не хочетъ лишать ее предмета съ которымъ, въ образѣ очевидно семейнаго портрета, вѣроятно связаны воспоминанія дѣлающія эти часы столь дорогими.

Читателямъ безъ сомнѣнія извѣстны уже отзывы канцлера о прусскомъ посланникѣ графѣ Гольцѣ, о Жюль-Фаврѣ и т. д. Отзывы эти были помѣщены во всѣхъ газетахъ и едва ли нуждаются въ повтореніи. Но можетъ-быть не многимъ извѣстно какъ князь Бисмаркъ избавилъ отъ опасности княгиню Орлову. „Однажды“, разказываетъ онъ, „я находился въ южной Франціи у Point de Gage съ цѣлымъ обществомъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ были Орловы. Point de Gage—это древній водопроводъ изъ римской эпохи, идущій въ нѣсколько этажей черезъ долину. Княгиня Орлова, очень живая женщина, предложила идти вверху по водопроводу. Устроено тамъ это такъ: глубокая каменная труба, подлѣ нея очень узкій проходъ, фута въ полтора, не болѣе, а по другую сторону олять стѣна выложенная плитами. Дѣло было рискованное, но я не могъ же допустить чтобы женщина была смѣлѣе меня. Мы вдвоемъ предприняли этотъ фокусъ, а Орловъ пошелъ съ другими внизу, по долинѣ. Нѣсколько времени мы хорошо шли по плитамъ и по узкому краю, съ котораго можно было глядѣть внизъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ. Но затѣмъ оказалось мѣсто гдѣ плиты обвалились: пришлось идти прямо по узкой стѣнѣ. Нѣсколько далѣе олять пошли плиты, но затѣмъ снова явилась оласная стѣна съ ея узкими камнями. Я собрался съ духомъ, быстро подошелъ ко княгинѣ, обхватилъ ее одною рукой и спрыгнулъ съ нею въ трубу имѣвшую четыре или лять футовъ глубины. Тѣ которые шли внизу ужасно испугались не видя насъ болѣе, и успокоились только когда мы появились олять на другомъ концѣ водопровода.“ Разказовъ о приключеніяхъ съ канцлеромъ встрѣчается нѣсколько въ дневникѣ Буша. Бисмаркъ разказывалъ что онъ разъ лятьдесятъ ладалъ въ своей жизни съ лошадей. „Со мною случилось разъ замѣчательное происшествіе, показывающее до какой степени мышленіе челоѣка находится въ зависимости отъ физическаго состоянія его мозга. Я возвращался домой вмѣстѣ съ братомъ и

мы скакали во весь галопъ. Вдругъ братъ, вѣхавшій нѣсколько впереди, слышитъ сильный трескъ. Это моя голова стукнулась объ шоссе. Лошадь моя испугалась. фонарей кареты вѣхавшей на встрѣчу намъ, опрокинулась назадъ вмѣстѣ со мною, и я ударился головой. Я потерялъ сознание, и когда пришелъ въ себя, то сознание вернулось ко мнѣ лишь на половину, то-есть: одна половина моей мыслительной способности была совершенно въ порядкѣ и совершенно ясна, а другая половина совсѣмъ исчезла. Я осматривалъ мою лошадь и замѣтилъ что сѣдло сломалось. Тогда я позвалъ рейткнехта, взялъ его лошадь и поѣхалъ домой. Когда наши собаки съ радостнымъ визгомъ бросились ко мнѣ на встрѣчу, я счелъ ихъ за чужихъ, разсердился и началъ ихъ бранить. Потомъ я объявилъ что рейткнехтъ упалъ вмѣстѣ съ своею лошадыю, велѣлъ послать за нимъ носилки и очень горячился когда, по знаку моего брата, меня не послушали. Неужели же вы хотите оставить бѣдняка лежать на дорогѣ? кричалъ я. Я не зналъ что все это случилось со мною самимъ, что я дома. Я былъ и самимъ собою и рейткнехтомъ. Потомъ я попросилъ ѣсть, легъ спать и на другой день всталъ совершенно здоровымъ. Это былъ удивительный случай. Я изслѣдовалъ сѣдло, велѣлъ дать себѣ другую лошадь и такъ далѣе, слѣдовательно я дѣлалъ все практически нужное. Въ этомъ отношеніи ладеніе не вызвало лутаницы въ намѣреніяхъ. Это любопытный примѣръ того что въ мозгу скрываются различныя духовныя силы; только одна изъ нихъ была на болѣе продолжительное время притуплена ладеніемъ.“ Въ доказательство того какъ природа помогаетъ сама себѣ безъ помощи врачей, канцлеръ разказалъ что онъ однажды совсѣмъ больной участвовалъ на охотѣ устроенной въ имѣніи какого-то герцога. „Мнѣ не помогли ни два дня движенія, ни постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ. На слѣдующій день я пріѣхалъ въ Бранденбургъ, къ кирасирамъ, которые только что получили въ подарокъ новый кубокъ по случаю празднованія юбилея. Я первый долженъ былъ изъ него выпить, а потомъ уже кубокъ предназначался идти въ круговую. Въ немъ помѣщалась почти цѣлая бутылка. Я сказалъ свою рѣчь, выпилъ кубокъ и поставилъ его на столъ пустымъ, что очень ихъ удивило, ибо они не ожидали этого отъ человѣка проводящаго свою жизнь въ кабинетныхъ занятіяхъ. Но это было еще воспоминаніемъ студенческаго времени въ Гёттингенѣ. Любопытно или, ско-

рѣе, весьма естественно что я цѣлый мѣсяцъ послѣ этого чувствовалъ себя такъ хорошо какъ никогда. Потомъ я пытался опять дѣлать себя такимъ же слособомъ, но такой успѣшный результатъ уже болѣе не повторялся. Я помню еще что разъ, во время придворной охоты, нужно было выпить кубокъ особаго устройства изъ временъ Фридриха - Вильгельма I. Кубокъ былъ сдѣланъ въ формѣ оленьихъ роговъ. Въ него входило около трехъ четвертей бутылки; отверстіе нельзя было приблизить прямо къ губамъ, а между тѣмъ уговоръ былъ не продлить ни капли. Я выпилъ кубокъ, хотя въ немъ было налито шампанское холодное какъ ледъ, и на моемъ бѣломъ жилетѣ не оказалось ни одной капельки вина. Всѣ вытирали глаза, а я сказалъ: налейте-ка мнѣ еще. Но король закричалъ: нѣтъ, этого не будетъ,—и на этомъ дѣло остановилось. Прежде такіе фокусы составляли необходимое требованіе дипломатическаго ремесла. Дипломаты подлаивали своихъ слабоголовыхъ товарищей до тѣхъ поръ пока они не сваливались подъ столъ, выспрашивали у нихъ то что имъ хотѣлось узнать и заставляли ихъ соглашаться на такія дѣла на которыя тѣ не были уполномочены. Ихъ заставляли тутъ же подписываться, и лотомъ, отрезвившись, они не могли понять какимъ образомъ на бумагахъ оказывалась ихъ подпись.“

Интересенъ приводимый разговоръ о Польшѣ. Рѣчь шла о побѣдахъ одержанныхъ на Востокѣ Великимъ Курфюрстомъ и о его союзѣ съ Карломъ X, королемъ Швеціи, союзъ обѣщавшемъ Курфюрсту большія выгоды. Канцлеръ выразилъ сожалѣніе что отношенія къ Голландіи воспрепятствовали Курфюрсту развить свои планы и воспользоваться дружбой Швеціи. „Ему предстояла возможность распространить свою власть на западную Польшу.“ Когда Дельбрюкъ возразилъ на это что Пруссія не осталась бы въ такомъ случаѣ нѣмецкимъ государствомъ, канцлеръ возразилъ: „Ну, до этого бы не дошло. Впрочемъ и это была бы не бѣда, тогда на сѣверѣ существовало бы нѣчто въ родѣ того что Австрія представляетъ на югѣ. Что для Австріи Венгрія, тѣмъ сдѣлалась бы для насъ Польша.“ Канцлеръ прибавилъ къ этому что онъ совѣтовалъ наследному принцу учить своего сына по-польски и что, къ сожалѣнію, этого не сдѣлали. Мысль эта повидимому весьма интересовала германскаго канцлера. Когда наследный принцъ обѣдалъ разъ въ Версали у князя Бисмарка,

послѣдній зашелъ разговоръ на эту тему. Онъ разказалъ какъ обрадовались раненные солдаты изъ польскихъ провинцій когда онъ, во время посѣщенія лазарета, заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Затѣмъ канцлеръ прибавилъ:

— Можетъ-быть хорошо было бы, еслибъ ихъ полководецъ могъ разговаривать съ ними.

— Бисмаркъ, вы опять пристааете ко мнѣ съ тѣмъ что уже нѣсколько разъ мнѣ говорили, улыбаясь возразилъ наследный принцъ. — Нѣтъ, я не стану, я не хочу телерь учиться по-польски.

— Но вѣдь они хорошіе солдаты и честные люди, ваше высочество, возразилъ канцлеръ. — Намъ враждебны только бѣольшая часть духовенства, дворянство съ ихъ поденщиками и то что группируется вокругъ нихъ. Польскій дворянинъ, который самъ ничего не имѣетъ, кормить множество людей состоящихъ у него въ услуженіи. Они тоже шляхтичи, но исполняютъ у него должность саугъ, управителей, писцовъ. Они да поденщики, комораики, стоятъ на сторонѣ дворянства. Свободные поселане не пойдутъ съ нимъ, даже если ихъ начнетъ поджигать духовенство которое всегда противъ насъ. Мы видѣли примѣръ этому въ Познани. Польскіе полки только потому должны были быть оттуда выведены что слишкомъ жестоко обращались со своими соотечественниками. Я помню что недалеко отъ нашего помѣстья, въ Помераніи, была разъ ярмарка. Во время торга вышелъ споръ изъ-за того что Нѣмецъ сказалъ Кашубу: я не продамъ тебѣ корову, ты Полякъ. Кашубъ очѣнь на это обидѣлся. Ты говоришь что я Полякъ, а я такой же Прусакъ какъ ты, отвѣтилъ онъ. Въ дѣло вмѣшались другіе Поляки и Нѣмцы, и кончилось большою дракой.

И пользуясь этою нитью разговора, канцлеръ прибавилъ еще что Великій Курфюрстъ говорилъ по-польски также хорошо какъ по-нѣмецки и что послѣдующіе за нимъ короли также говорили по-польски. Только Фридрихъ Великій не занимался польскимъ языкомъ. Но за то онъ говорилъ по-французски лучше чѣмъ по-нѣмецки.

— Все это прекрасно, сказалъ наследный принцъ, — но я не хочу учиться по-польски. Поляки должны учиться нѣмецкому языку.

На этомъ разговоръ кончился.

Любопытна сдѣланная Бисмаркомъ характеристика Берлинцевъ и населенія большихъ городовъ вообще. „Берлинцы счи-

тают своимъ долгомъ всегда составлять оппозицію и поступать непремѣнно на основаніи собственныхъ воззрѣній. У нихъ есть много хорошихъ сторонъ, заслуживающихъ поданаго уваженія; они хорошо дерутся, но сочли бы себя не достаточно умными, еслибы не знали все лучше чѣмъ правительство. Этотъ недостатокъ принадлежитъ не однимъ Берлинцамъ. Онъ существуетъ во всѣхъ большихъ городахъ, въ нѣкоторыхъ даже еще въ болѣе степеніи. Населеніе большихъ городовъ вообще непрактичнѣе нежели деревенское населеніе, ближе прикасающееся къ жизни, находящееся въ непосредственномъ сношеніи съ природою; эти два обстоятельства вызываютъ болѣе естественныя сужденія, приспособленныя къ дѣйствительности, принимающія въ соображеніе возможность пракческаго осуществленія идеи. Тамъ гдѣ живетъ другъ подлѣ друга громадное множество людей, индивидуальность легко исчезаетъ. Индивидуальности сливаются. Изъ воздуха, изъ слуховъ заражается повтореніе разнаго рода чужихъ мнѣній, мало или совсѣмъ не основанныхъ на фактахъ. Эти мнѣнія распространяются газетами, собраніями, разговорами за ливомъ, и затѣмъ устанавливаются и дѣлаются неискоренимыми. Является вторая, фальшивая природа, стоящая рядомъ съ дѣйствительною, возникаетъ вѣра массы, суевѣріе толпы. Люди приходятъ къ убѣжденію въ томъ что на самомъ дѣлѣ не существуетъ, считаютъ за долгъ и обязанность оставаться при такихъ убѣжденіяхъ, воодушевляются пошлостями и нелѣпостями. Такъ происходитъ во всѣхъ большихъ городахъ: въ Лондонѣ, гдѣ *sokneys* составляютъ совсѣмъ другую расу нежели остальные Англичане, въ Коленгагенѣ, въ Нью-Йоркѣ, и въ особенности въ Парижѣ. Парижане со своими политическими суевѣріями составляютъ во Франціи совершенно особый народъ, упорный и ограниченный въ своихъ представленіяхъ превращающихся въ священныя преданія, а въ сущаости состоящія только изъ фразъ и взора.“

Какое изъ европейскихъ государствъ могло бы дать пріютъ папѣ, еслибы послѣдній принужденъ былъ бѣжать изъ Рима? По мнѣнію германскаго канцлера государство это—Германія. Когда зашла рѣчь о занятіи Квиринала Итальянцами, и возбудился поставленный выше вопросъ, Бисмаркъ заявилъ что папа уже спрашивалъ можетъ ли Германія доставить ему убѣжище. „Я ничего не имѣю противъ того

чтобъ онъ поселился въ Кельнѣ или въ Фульдѣ. Это было бы неслыханнымъ поворотомъ судьбы, но онъ можетъ имѣть свое объясненіе. Для насъ было бы чрезвычайно полезно если бы мы предстали глазамъ католиковъ тѣмъ что мы въ дѣйствительности, то-есть единственною въ настоящее время державой (*Macht*) которая можетъ и хочетъ оказать защиту высшему владыкѣ ихъ церкви. Всякій предлогъ для оппозиціи ультрамонтановъ немедленно бы исчезъ — въ Бельгіи, въ Баваріи. Люди съ преобладающимъ развитіемъ фантазіи, въ особенности женщины, могутъ почувствовать въ Римѣ, при видѣ торжественной обстановки служенія и папы прелюдующаго среди дыма кадилаицы благословеніе съ своего трона, склонность перейти въ католичество. Въ Германіи, гдѣ всѣ видѣли бы въ папѣ старца ищущаго помощи, добраго старика епископа который подобно всѣмъ другимъ вѣстъ и пьетъ, нюхаетъ табакъ и пожалуй даже курить сигары, опасность эта была бы не велика. Ну да еслибы, наконецъ, въ Германіи нѣсколько человекъ стали бы опять католиками — я католикомъ не сдѣлаюсь, — это было бы не важно: пусть бы только они были вѣрующими христианами. Дѣло не въ исповѣданіяхъ, а въ вѣрѣ.“ Эту тему канцлеръ развивъ въ чрезвычайно интересныхъ подробностяхъ, которыя не могутъ быть однако сообщены, замѣчаетъ по этому поводу Бушъ.

Между записанными Бушемъ разказами князя Бисмарка находится много интересныхъ воспоминаній о лицахъ и событіяхъ прежняго времени и много чертъ изъ личной жизни канцлера. Къ числу такихъ воспоминаній относится разказъ про Александра Гумбольдта. „При жизни нашего покойнаго государя“, разказываетъ Бисмаркъ, „я былъ единственною жертвой когда Гумбольдтъ вечеромъ по-своему занималъ общество. Онъ обыкновенно читалъ — часто по цѣлымъ часамъ — жизнеописаніе какого-нибудь французскаго ученаго или архитектора, не интересовавшее никого кромѣ его самого. Онъ имѣлъ при этомъ обыкновеніе стоять и держать рукопись подлѣ самой лампы. По временамъ Гумбольдтъ опускалъ бумагу и начиналъ распространяться въ ученыхъ замѣчаніяхъ. Никто его не слушалъ, но говорить предоставлялось все-таки ему. Королева вышивала и навѣрное не слушала его лекцію. Король разсматривалъ картины, гравюры и политалажи, съ шумомъ перевортывалъ листы, вѣроятно съ тайною цѣлью ничего не слышать. Молодые люди не стѣсняясь

разговаривали между собою, смѣялись и совершенно заглушали чтение. А Гумбольдтъ, не останавливаясь, журчалъ точно ручеекъ. Герлахъ обыкновенно сидѣлъ на маленькомъ кругломъ стулѣ и спалъ. Разъ король даже разбудилъ его: Герлахъ! да не храпите же! Я былъ единственный терпѣливый слушатель, притворялся будто слушаю чтение, а самъ думалъ про себя разныя разности, пока наконецъ не наступало время ужинать. Старику всегда бывало очень досадно, если ему нельзя было говорить. Я помню что разъ кто-то завладѣлъ бесѣдой, потому что очень мило умѣлъ разказывать про вещи которыя всѣхъ интересовали. Гумбольдтъ былъ внѣ себя. Онъ надулся и наложилъ себѣ на тарелку вотъ какую кучу — канцлеръ показалъ рукой — страсбургскаго лаштета, рыбы и разныхъ другихъ трудно перевариваемыхъ вещей, словомъ цѣлую гору: удивительно, сколько старикъ могъ съѣсть. Когда ему уже ничего болѣе не шло въ душу, онъ не могъ остаться спокойнымъ и попытался овладѣть разговоромъ. „На вершинѣ Полокательтля“, началъ онъ. Но разказчикъ не давалъ себя перебить. „На вершинѣ Полокательтля, на высотѣ семи тысячъ туазовъ“ — опять никакого толку, разказчикъ все говоритъ далѣе. „На вершинѣ Полокательтля, на высотѣ семи тысячъ туазовъ надъ уровнемъ моря“, заговорилъ Гумбольдтъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ, но и это не удалось. Разказчикъ продолжалъ свою рѣчь и общество слушало только его. Это было несслыханною вещью, преступленіемъ! Гумбольдтъ въ бѣшенствѣ сѣлъ и погрузился въ размышленіе о неблагодарности людей, даже при дворѣ. Либералы его очень цѣнили, считали его своимъ. Но онъ былъ человѣкъ чувствовавшій себя хорошо только при лучахъ придворнаго солнца. Это впрочемъ не мѣшало ему разсуждать потомъ съ Варнгагеномъ про дворъ и разказывать ему о немъ весьма неблагоприятныя исторіи. Варнгагенъ на основаніи этихъ разказовъ писалъ книги, которыя я себѣ тоже купилъ. Они ужасно дорого стоятъ, когда подумаешь что на страницѣ всего нѣсколько строчекъ крупной печати. Въ частности онѣ не имѣютъ большого значенія, но въ общемъ служатъ выраженіемъ берлинскаго сарказма той эпохи когда ничего не было (*wo est nichts gab*). Въ то время всѣ разговаривали съ этимъ ядовитымъ безсиліемъ. Если кто самъ не видалъ этого времени, тотъ не можетъ себѣ представить его безъ помощи такихъ книгъ. Я помню,—

дѣло было должно-быть въ 1821 или 1822 году, я былъ еще тогда совсѣмъ маленькимъ, — министры считались тогда очень важными птицами (*sehr grosse Thiere*), на нихъ смотрѣли съ любопытствомъ, они казались чѣмъ-то таинственнымъ. “Канцлеръ не докончилъ разказа, который, по видимому, приходилъ ему на умъ, и снова возвратился къ Гумбольдту. „Гумбольдтъ“, продолжалъ онъ, „разказывалъ впрочемъ наединѣ много интересныхъ вещей изъ времени Фридриха-Вильгельма III, и въ особенности изъ времени своего перваго пребыванія въ Парижѣ. Такъ какъ онъ благоволилъ ко мнѣ за то что я всегда внимательно его слушалъ, то я узналъ отъ него не одинъ любопытный анекдотъ. Со старикомъ Меттернихомъ было то же самое. Разъ я прожилъ съ нимъ недѣли двѣ въ Йоганнисбергѣ. Тунъ говорилъ мнѣ потомъ: не знаю что вы сдѣлали со старымъ княземъ, но онъ считаетъ васъ сокровищемъ и говоритъ что уже если васъ не оцѣнятъ, такъ никого не сумѣютъ оцѣнить.— Я вамъ это объясню, отвѣтилъ я Туну. Я спокойно слушалъ исторію которая онъ мнѣ разказывалъ и время отъ времени подталкивалъ его точно колокольчикъ, чтобъ онъ продолжалъ звенѣть далѣе. Такимъ старикамъ, охотникамъ до разказовъ, это очень нравится.”

Бисмаркъ вспоминаетъ свое дѣтство и случившійся въ это время пожаръ Берлинскаго театра:

„Мнѣ было тогда года три. Родители мои въ то время жили на Моренъ-Штрассѣ, на углу противъ *Hôtel de Brandenburg*, въ бельэтажѣ. Я не помню видѣлъ ли я самъ пожаръ. Но какъ этоистъ я помню,—быть-можетъ также и потому что мнѣ потомъ часто напоминали про это,—что я влѣзалъ на окна (передъ ними была стуленька и на ней стояли стулья и рабочій столикъ моей матери) и прикладывалъ руку къ стекламъ. Стекла были горячія и руку приходилось сейчасъ же отдергивать. Потомъ я подходилъ къ другому окну и дѣлалъ то же самое. Я помню еще что разъ убѣжалъ изъ дома потому что меня обидѣлъ братъ. Я добѣжалъ до улицы *Unter den Linden*, и тутъ меня поймали. Собственно меня нужно было бы наказать, но за меня заступились.” Потомъ канцлеръ разказалъ что онъ съ шести до двѣнадцати лѣтъ учился въ Берлинѣ въ институтѣ Пламанна; это было учебно-воспитательное заведеніе устроенное по системѣ Песталоцци и Яна. У князя остались непріятныя воспоминанія объ этомъ

заведеніи. Но его словамъ тамъ господствовало „искусственное спартанство“. Ни разу онъ не бывалъ за все это время сытъ, за исключеніемъ отпусковъ. Говядина была здѣсь „эластичная“, не то чтобы совершенно жесткая, „но зубами нельзя было съ нею управиться. А морковь! Сырую я ее ѣлъ охотно, но тутъ подавали вареную, а въ ней четырехугольные куски твердаго картофеля.“

Въ Геттингенѣ молодой Бисмаркъ долженъ былъ изучать минералогію. „Мои родители вѣроятно вспоминали при этомъ про Леопольда фонъ-Бухъ; имъ вѣроятно представлялось какъ будетъ для меня хорошо сдѣлать себѣ карьеру подобно Буху и молоточкомъ отбивать камни со скаль. Ну да случилось иначе. Лучше было бы если меня послали бы въ Боннскій университетъ; тамъ я нашелъ бы земляковъ. Въ Геттингенѣ у меня ихъ не было, и я не прежде встрѣтился съ моими знакомыми по университету какъ уже въ рейхстагъ, гдѣ заседали нѣкоторые изъ нихъ.“

Во все время своего пребыванія въ непосредственной близости канцлера, Бушъ имѣлъ случай только одинъ разъ внести въ свой дневникъ отзывъ князя Бисмарка о произведеніяхъ беллетристики. Канцлеръ прочиталъ романъ Шпильгагена *Problematische Naturen* и отозвался о немъ довольно одобрительно, но прибавилъ: „во второй разъ я его разумѣется не стану читать. Случается, впрочемъ, что министръ заваленный дѣлами возьметъ иногда въ руки такого рода книгу и часа на два прильнетъ къ ней, прежде чѣмъ опять приниматься за свои дѣловые бумаги.“ Совѣтникъ Абекенъ, принимавшій живое участіе въ этомъ разговорѣ, замѣтилъ что онъ также не можетъ два раза перечитать какой-либо изъ современныхъ романовъ, и что большая часть современныхъ сочинителей написали только по одной хорошей книгѣ. „Ну, послушайте“, возразилъ канцлеръ, „изъ вашего Гёте я вамъ тоже уступаю три четверти. Объ остальномъ я не говорю. Если изъ его сорока томовъ выбрать семь или восемь,—съ ними я согласился бы прожить нѣсколько времени на необитаемомъ островѣ.“ Кто-то уломянулъ про Фрица Рейтера. „Да“, сказалъ канцлеръ, „его рассказы изъ 1813 года очень хорошая вещь, но только это не романъ.“ Назвали другое сочиненіе Рейтера, *Stromtid*. „Гм.“, сказалъ князь, „это — дѣйствительно романъ. Въ немъ есть и хорошія и посредственныя вещи; но какими изображены въ немъ крестьяне, таковы они на самомъ дѣлѣ.“

Сынъ канцлера былъ прикомандированъ къ генералу Матейфелю. Канцлеръ сказалъ что въ его время такое назначеніе было бы невозможно для восемнадцатилѣтняго юноши и по этому поводу опять вспомнилъ про старину.

„Я помню, мнѣ разказывали что прежде были вотъ какіе порядки. Офицеры въ полкахъ обѣдали вмѣстѣ, кухня была на рукахъ полковника. За обѣдомъ къ музыкантамъ на хоры являлось человѣкъ пять-шесть драгунъ и во время тостовъ они стрѣляли изъ своихъ карабиновъ. Въ то время вообще были странные обычаи. Существовалъ, на примѣръ, въ родѣ наказанія деревянный осель съ острыми краями. На немъ должны были сидѣть драгуны въ чемъ-нибудь провинившіеся, а сидѣть приходилось иной разъ часа два, что было очень больно. Всякій разъ въ день рожденія полковника, а также и другихъ лицъ, солдаты отправлялись на мостъ и съ него кидали этого деревяннаго осла въ рѣку, но всякій разъ являлся опять новый осель. Ословъ этихъ перемѣняли по крайней мѣрѣ штукъ сто.“

Оказалось что почти всѣ предки князя Бисмарка сражалась противъ Французовъ; въ числѣ ихъ былъ одинъ котораго самъ канцлеръ называетъ *оригинальнымъ человекомъ*. „У меня еще сохранились его письма къ шуринамъ, въ которыхъ встрѣчаются, на примѣръ, такія выраженія: если господинъ мой шуринъ утверждаетъ такія вещи, то я надѣюсь, буде Господь Богъ продлитъ намъ обоимъ жизни, такъ его проучить что ему не поздоровится. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: я изстратилъ на полкъ двѣнадцать тысячъ талеровъ и надѣюсь, если съ Божіею помощію проживу, со временемъ выбрать ихъ путемъ полковаго хозяйства.— Вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этимъ „выбираниемъ“ существовавшую въ то время манеру полковыхъ командировъ брать отъ казны деньги на людей находившихся въ отлучкахъ и вообще не состоявшихъ въ полку. Да! тогда полковые командиры иначе были поставлены чѣмъ теперь.“ Кто-то замѣтилъ что то же самое повторялось и въ послѣдствіи, когда полки набирались, обмундировывались и содержались своими командирами, которые только отдавали ихъ въ наемъ государямъ; быть-можетъ старые порядки въ полковомъ хозяйствѣ встрѣчаются кое-гдѣ и теперь. На это канцлеръ отвѣтилъ: „Да, въ Россіи, на примѣръ, въ большихъ конныхъ полкахъ на югѣ, гдѣ полкъ имѣетъ иногда шестнадцать эс-

кадроновъ. Тамъ существовали и вѣроятно существуютъ еще и теперь особые доходы. Мнѣ разказывалъ одинъ Нѣмецъ что когда онъ получилъ полкъ, кажется въ Курскѣ или Воронежѣ, словомъ гдѣ-то въ этихъ богатыхъ губерніяхъ, то къ нему явились мужики съ возами сѣна и соломы: не будетъ ли, батюшка, милость ваша принять. Тотъ не понималъ чего они хотятъ, сказалъ чтобъ они оставили его въ покоѣ и убирались. Мужики начали улашивать, говорили что прежній начальникъ довольствовался этимъ, что они бѣдные люди и не могутъ дать болѣе. Нѣмцу это наконецъ надоѣло, особенно когда мужики стали на колѣни и начали приставать; онъ ихъ прогналъ. Но когда вслѣдъ за тѣмъ явились другіе мужики съ возами овса и пшеницы, тогда онъ понималъ въ чемъ дѣло и взялъ, какъ брали другіе. А когда первые мужики опять вернулись и привезли еще болѣе сѣна, то онъ объяснилъ имъ что они его прежде не понимали, что съ него довольно и того что они привозили въ первый разъ, чтобъ остальное они везли назадъ. Такимъ образомъ онъ каждый годъ наживалъ тысячу двадцать рублей, ставя овесъ и сѣно на счетъ казны. Это онъ разказывалъ открыто и при всѣхъ въ одной петербургской гостиной“, прибавилъ канцлеръ, „и я былъ очень удивленъ.“

Въ книгѣ Буша встрѣчаются еще нѣсколько другихъ воспоминаній и отзывовъ Бисмарка о Россіи. „Обыкновенно полагаютъ что русская политика особенно хитра, что она исполнена увертокъ, уловокъ, крючковъ. Это неправда. Еслибы Русскіе не были честны, они не стали бы дѣлать никакихъ заявленій (разговоръ зашелъ по поводу русской ноты касательно одной части трактата 1856 года), а спокойно строили бы себѣ корабли въ Черномъ Морѣ и ждали бы пока ихъ спросятъ что это значитъ. Тогда они отвѣтили бы что ничего не знаютъ, что они наведутъ справки, и такимъ образомъ дѣло бы затянулось. При русскихъ порядкахъ (*bei russischen Verhältnissen*) затяжка могла бы продолжаться очень долго и наконецъ къ этому бы привыкли.“

„Въ Лондонѣ,“ сказалъ канцлеръ при другомъ разговорѣ, „не хотятъ прямо согласиться на предложеніе отдать Россіи и Турціи обратно Черное Море и полное господство надъ его берегами. Они боятся общественнаго мнѣнія Англіи, и Россель все возвращается къ тому что можно было бы найти эквивалентъ. Онъ спрашивалъ не присоединимся ли мы,

напримѣръ, къ соглашенію 16 апрѣля 1856 года. Я возразилъ что Германія не имѣетъ въ немъ дѣйствительныхъ интересовъ. Или не обяжемся ли мы оставаться нейтральными, если тамъ когда-нибудь дойдетъ до столкновенія. Я сказалъ ему что не люблю политику предположеній (*Conjectural-Politik*), къ области которыхъ относится такое обязательство; все зависитъ отъ обстоятельствъ. Пока мы не видимъ основанія принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, и этого пусть будетъ съ него довольно. Далѣе я сказалъ ему что не раздѣляю мнѣнія будто бы благодарность не можетъ имѣть мѣста въ политикѣ. Нынѣ царствующій Государь всегда оказывался къ намъ дружественнымъ и благорасположеннымъ, Австрія напротивъ была до настоящаго времени не надежна и иногда очень двусмысленна, а что касается Англіи, то она сама знаетъ чѣмъ мы ей обязаны. Дружба Императора есть остатокъ старыхъ отношеній, частію основанныхъ и на родственныхъ связяхъ, но она олируется также и на сознаніи что наши интересы не приходятъ въ столкновеніе съ его интересами. Каково будетъ это отношеніе въ будущемъ, этого знать нельзя, а слѣдовательно нечего про это и говорить. Наше положеніе теперь не то что прежде. Мы единственная держава имѣющая основаніе быть довольною. Намъ нѣтъ надобности оказывать одолженіе кому-либо о комъ мы не знаемъ, окажетъ ли онъ намъ въ свою очередь услугу. Россель все возвращался къ эквиваленту и наконецъ спросилъ, не предложу ли я ему какого-нибудь. Я сталъ говорить про открытіе Дарданеллъ и Чернаго Моря для всѣхъ націй. Это было бы пріятно Россіи, потому что она могла бы тогда выходить изъ Чернаго Моря въ Средиземное, было бы также пріятно Турціи, такъ какъ она имѣла бы сейчасъ лодъ рукой своихъ друзей, было бы пріятно и Американцамъ, у которыхъ черезъ это удовлетворялось бы одно изъ желаній соединяющихъ Американцевъ съ Русскими, а именно—желаніе безпрепятственно плавать на своихъ корабляхъ по всѣмъ морямъ. Русскимъ, впрочемъ, не слѣдовало предъявлять такихъ умѣренныхъ требованій, имъ нужно было требовать большаго. Тогда они безъ всякихъ затрудненій уладили бы какъ имъ хотѣлось съ Чернымъ Моремъ.“

По отношенію къ воззрѣніямъ князя Бисмарка на политику вообще, интересенъ разговоръ который германскій канцлеръ

имѣлъ за столомъ въ Версали въ присутствіи Фавра и нѣсколькихъ другихъ Французовъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что послѣдовательность въ политикѣ часто превращается въ недостатокъ и упрямство. Нужно измѣняться приспособительно къ фактамъ, къ положенію вещей, къ возможности; нужно принимать въ соображеніе обстоятельства и служить отечеству сообразно съ ними, а не съ своими мнѣніями, которыя часто бывають предразсудками. Когда канцлеръ въ первый разъ вступилъ на политическое поприще неопытнымъ и юнымъ, его мнѣнія и цѣли были совершенно иныя нежели теперь. Но разсудивъ хорошенько, онъ измѣнился и не побоялся частію или и совсѣмъ пожертвовать своими желаніями потребностямъ дѣла для того только чтобы принести пользу. Не слѣдуетъ навязывать отечеству свои склонности и желанія, прибавилъ онъ и заключилъ словами: *La patrie veut être servie et pas dominée*. Это изреченіе произвело большое впечатлѣніе (разумѣется болѣе по своей формѣ, замѣчаетъ Бушъ) на Французовъ, и Фавръ сказалъ: *C'est bien juste, monsieur le comte, c'est profond!* Другой Французъ также съ энтузіазмомъ сказалъ: *oui messieurs, c'est un mot profond*. Но Французы, на которыхъ главнымъ образомъ была разчитана рѣчь канцлера, не оставили однако безъ возраженія высказаннаго имъ основнаго правила политической мудрости. Жюль-Фавръ заявилъ что *néanmoins c'est un beau spectacle de voir un homme qui n'a jamais changé ses principes*. Другой изъ французскихъ гостей замѣтилъ что принципъ „*la patrie veut être servie et pas dominée*“ сводится къ подчиненію гениальной личности волѣ и мнѣнію большинства, а большинство всегда имѣетъ мало разума, мало знанія дѣла и мало характера. Въ отвѣтъ на это возраженіе канцлеръ остановился на своей отвѣтственности предъ Богомъ, какъ на одной изъ своихъ путеводныхъ звѣздъ, и противопоставилъ праву гениальности (*droit du génie*) долгъ, какъ нѣчто высшее и болѣе могущественное.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Бисмаркъ получалъ двадцать пять тысячъ талеровъ содержанія и восемь тысячъ талеровъ на наемъ помѣщенія. „На эти деньги я имѣлъ“, разказываетъ онъ, „такой большой и прекрасный домъ какъ любой дворецъ въ Берлинѣ. Но мебель въ немъ была старая, полинявшая, оборванная, а если считать починки и другія мелочи, то мнѣ это обошлось бы въ годъ тысячу

въ девять талеровъ. Я нашелъ что вовсе не обязанъ тратить болѣе того сколько мнѣ отпускалось, и вышелъ изъ затрудненія рѣшивъ не дѣлать пріемовъ. Французскій посланникъ получалъ триста тысячъ франковъ содержанія и кромѣ того могъ ставить на счетъ своего правительства всѣ пріемы которые ему угодно было считать за официальные.

— Но вамъ вѣдь не нужно было платить за дрова, а расходъ на топливо въ Петербургѣ составляетъ въ годъ порядочную сумму, замѣтилъ ему одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ, позвольте, возразилъ канцлеръ,—за дрова я также долженъ былъ платить. Дрова, впрочемъ, стоили бы не дорого еслибы чиновники (*die Beamten*) не поднимали ихъ цѣны. Я помню что разъ увидалъ прекрасныя дрова на какой-то финской лодкѣ. Спрашиваю у мужиковъ про цѣну; цѣна очень дешевая. Но когда я рѣшилъ купить дрова, они спросили, для казны это или нѣтъ. Я былъ такъ неостороженъ и отвѣтилъ что не для казны, а для Прусскаго посольства. Что же вы думаете? когда я опять пришелъ чтобы велѣть взять дрова, мужики всѣ разбѣжались. Еслибъ я далъ имъ адресъ купца, съ которымъ между тѣмъ могъ бы стовориться, я получилъ бы дрова за третью часть той цѣны которую я обыкновенно платилъ. Прусскій посланникъ очевидно представлялся мужикомъ чиновникомъ отъ казны и они думали: нѣтъ, какъ дойдетъ дѣло до расплаты, онъ скажетъ что дрова у насъ краденныя и велитъ насъ засадить пока мы не отдадимъ ихъ ему даромъ.“ Въ другой разъ канцлеръ разказалъ ту же исторію съ нѣкоторыми добавленіями. вмѣсто мужиковъ продавцомъ является купецъ. „Когда я сказалъ ему что покупаю дрова для Прусскаго посольства, купецъ очевидно былъ озадаченъ. Онъ спросилъ не для казны ли дѣлается эта покупка, и не русская ли губернія эта Пруссія. Я сказалъ что нѣтъ, но что посольство имѣетъ дѣло съ казной. Съ моей стороны это было неосторожно, недипломатично и очевидно мой отвѣтъ не удовлетворилъ купца, хотя я тутъ же хотѣлъ отдать ему деньги. На другое утро онъ не явился.“

— Разкажи-ка исторію про Жида въ разорванныхъ сапогахъ, которому всыпали двадцать лятей розогъ, крикнувъ черезъ столъ двоюродный братъ канцлера, Бисмаркъ-Болень.

И канцлеръ началъ разказывать:

„Да; дѣло это было такъ. Разъ приходитъ къ намъ въ канцелярію посольства Жидъ и проситъ переправить его въ

Пруссію. Онъ былъ весь отрепанный; въ особенности плохи были у него салюги. Ему сказали что его переправятъ. Но онъ требовалъ сначала новыхъ салюговъ, говорилъ что имѣть на это право и велъ себя такъ дерзко и нагло, такъ кричалъ и бранился, что служащіе не знали что съ нимъ дѣлать. Даже прислуга не рѣшалась къ нему подступить. Наконецъ, когда уже онъ очень разбезобразничался, позвали на помощь меня, въ надеждѣ на мою физическую силу. Я сказалъ ему чтобъ онъ не шумѣлъ, а не то я велю его посадить подъ арестъ. Онъ мнѣ дерзко отвѣтилъ: „вы не можете этого сдѣлать, вы не имѣете на это права въ Россіи.—Посмотримъ, говорю я. На родину я долженъ васъ переправить, но салюговъ я вамъ не обязанъ давать, хотя можетъ-быть и далъ бы, еслибы вы не вели себя такъ непристойно. Послѣ этихъ словъ я открылъ окно и махнулъ городовому который стоялъ неподалеку на посту. Жидъ продолжалъ кричать и браниться, какъ вошелъ городской, высокій, здоровый мужчина. Я сказалъ ему.... (тутъ канцлеръ произнесъ нѣсколько русскихъ словъ, которыя Бушъ не умѣетъ передать) и высокій городской увелъ маленькаго Жидъ и посадилъ его подъ арестъ. На слѣдующее утро приходитъ мой Жидъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ и объявляетъ что готовъ ѣхать безъ новыхъ салюговъ. Я спросилъ какъ онъ провелъ время со вчерашняго дня.—Плохо, говоритъ, провелъ, очень плохо.—Спрашиваю что же съ нимъ сдѣлали.—Да что, говоритъ, сдѣлали, что сдѣлали? тѣлесную, говоритъ, мнѣ боль причинили.—Я выразилъ ему сожалѣніе по этому поводу и спросилъ не хочетъ ли онъ жаловаться. Но онъ предпочелъ скорѣе уѣхать, и я болѣе о немъ не слышалъ.“

Въ виду проникавшихъ въ печать слуховъ объ участіи Бисмарка въ разнаго рода биржевыхъ спекуляціяхъ, интересны отзывы его касательно отношенія между биржей и политическими дѣятелями. Канцлеръ отрицалъ чтобы при всегда ограниченной возможности предугаданія политическихъ событій спекуляція биржевыми бумагами представлялась вообще болѣе легкою и вѣрною для людей политическихъ сравнительно съ другими. Событія только въ послѣдствіи оказываютъ вліяніе на биржу; нельзя предвидѣть день когда это случится. „Другое дѣло если было бы возможно вызывать пониженіе бумагъ посредствомъ искусственнаго устройства событій (*durch Einfüdelung solcher Dinge*); но это было бы безцѣстно.

Французскій министръ Г. поступалъ такимъ образомъ, какъ мы недавно разказывали. Онъ удвоилъ этимъ свое состоянiе; можно даже сказать что и война начата съ этою цѣлю. Если кто захочетъ пользоваться своимъ положенiемъ, то это можно устроить такимъ образомъ чтобы биржевыя телеграммы со всѣхъ биржъ присылались вмѣстѣ съ политическими делешами при посредствѣ чиновниковъ посольствъ. Политическiя телеграммы прежде другихъ пересылаются телеграфомъ, и такимъ образомъ можно выгадать двадцать или тридцать минутъ. Затѣмъ нужно имѣть проворнаго Жида который извлекалъ бы практическую пользу изъ такого преимущества. Говорятъ, есть люди которые такъ и поступали. Такимъ способомъ можно ежедневно получать 'барышъ' отъ полутора до пятнадцати тысячъ талеровъ, и года въ два составить себѣ порядочное состоянiе. Но мой сынъ не долженъ сказать о своемъ отцѣ чтобы онъ сдѣлалъ его богатымъ человѣкомъ посредствомъ такого способа или подобныхъ ему. Онъ можетъ, если ужъ это нужно, разбогатѣть другимъ путемъ. Прежде, когда я былъ только союзнымъ канцлеромъ, мое положенiе было лучше нежели теперь. Меня разорили дотаціей. Теперь я чувствую себя стѣсненнымъ. Прежде я смотрѣлъ на себя какъ на простаго провинціальнаго дворянина; теперь я принадлежу до нѣкоторой степени къ перамъ, требованiя возрастаютъ, а помѣстья не приносятъ того что нужно." Въ дневникѣ Буша нѣсколько разъ встрѣчаются указанiя на то что канцлеръ особенно любитъ деревенскую жизнь и что онъ лучше всего чувствуетъ себя въ лѣсу и въ полѣ. Очевидцы разказывали автору что въ Фарцинѣ князь часто говоритъ во время прогулки тому или другому изъ своихъ гостей: „я знаю что насъ ждутъ обѣдать, но мы все-таки пройдемъ еще далѣе: я вамъ покажу прекрасный видъ". „Повѣрьте мнѣ, говорила Бухеру княгиня Бисмаркъ, моего мужа рѣла интересуется болѣе всей вашей политики." Канцлеръ разказывалъ еще, что въ прежнее время онъ много игралъ въ карты. Его интересуется только большая игра, „но теперь это не пристойно для отца семейства."

Мы далеко не исчерпали подробностей для характеристики князя Бисмарка, во множествѣ разсыланныхъ въ книгѣ Буша. Было бы конечно преждевременнымъ выводить на основанiи этого дневника какiя бы то ни было окончательныя заключенiя о лицѣ составляющемъ главный предметъ разказа; по-

этому мы старались отмѣтить только наиболѣе крупныя черты его воззрѣній, выдѣляющіяся изъ массы подробностей и фактовъ. Окончательные выводы были бы тѣмъ болѣе невозможны что по различнымъ соображеніямъ Бушу часто приходилось про многое умалчивать и замѣнять черточками тѣ или другія мысли и слова канцлера. Чтобы познакомить читателей съ самымъ способомъ изложенія автора, мы приведемъ въ заключеніе почти цѣликомъ страницу дневника.

„31 января, вторникъ. Утромъ я телеграфировалъ о различныхъ мелкихъ побѣдахъ одержанныхъ въ юго-восточныхъ департаментахъ, на которые перемиріе еще не распространяется. Шведскій король произнесъ воинственную троякую рѣчь. Къ чему, о боги? Я написалъ по порученію шефа двѣ статьи, а потомъ и третью, въ которой указывается на бѣдствія перенесенныя во время осады нѣсколькими невинными нѣмецкими семьями по различнымъ причинамъ оставшимися въ Парижѣ, а также и на заслуги посланника Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ участи этихъ несчастныхъ. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ въ этомъ направленіи много заслуживающаго полной признательности, а подчиненныя ему лица усердно ему содѣйствовали въ этомъ.

„Господа Парижане опять у насъ въ дому, въ томъ числѣ Фавръ, который телеграммой настоятельно проситъ Гамбетту уступить. Можно оласаться что тотъ этого не сдѣлаетъ. По крайней мѣрѣ Марсельскій префектъ беретъ очень высокій тонъ и отвѣчаетъ бѣдному Фавру патріотическою фразою: *Je n'obéis le capitulé de Bismarck. Je ne le connais plus.* Очень гордо и самостоятельно; стрѣляетъ, находясь самъ внѣ выстрѣла. О Бурбаки еще нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній, застрѣлился ли онъ или только ранилъ себя; но съ его арміей дѣло очевидно плохо. Вѣроятно она не лучше остальныхъ твореній диктатора въ Турѣ.

„Французы опять обѣдаютъ съ шефомъ. Я обѣдалъ съ Вольманомъ въ отелѣ Резервуаровъ, гдѣ обѣдала также маркиза дела-Торре. Она бѣлокурая, высокая, худоцавая, сильно помятая жизнь (*stark verlebte*) дама, которую я вмѣстѣ съ ея собаками уже нѣсколько разъ встрѣчалъ на улицѣ и въ паркѣ. Она пріѣхала изъ Лондона и служить въ обществѣ Краснаго Креста.

„У насъ опять нѣсколько градусовъ холода. За чаемъ Бухеръ рассказываетъ мнѣ что шефъ за столомъ опять гово-

рилъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ про Гарибальди, этого стараго фантазера, когда Фавръ объявилъ что считаетъ его героемъ. Послѣ десяти часовъ министръ сошелъ съ верху и присѣлъ къ намъ. Сначала онъ заговорилъ опять про непрактичность Французовъ которые работали съ нимъ въ продолженіи этихъ дней. Два министра—Фавръ и пріѣхавшій сегодня съ нимъ министръ финансовъ Маненъ—мучились съ полчаса надъ телеграммой. Затѣмъ онъ перешелъ къ сужденію о Французахъ и Латинской расѣ вообще, и къ сравненію ихъ съ Германскими народами. „Нѣмецкая, Германская раса“, сказалъ онъ, „есть, такъ-сказать, мужское начало проходящее по Европѣ,—начало оплодотворяющее. Кельтическіе и Славянскіе народы женскаго рода. Германское начало идетъ до Нѣмецкаго Моря и черезъ него переходитъ въ Англію.“ Я позволилъ себѣ замѣтить: „Оно идетъ до Америки, проникаетъ на западъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ наши люди образуютъ лучшую часть населенія и вліяютъ на нравы остальныхъ.“— „Да“, отвѣтилъ онъ, „это дѣти, это плоды Германіи. Правда, Нѣмцы безъ помѣси (*ungemischt*) тоже не Богъ вѣсть что такое. Такъ на югѣ и на западѣ, когда они были предоставлены самимъ себѣ, только и было что имперскіе рыцари, имперскіе города и имперскія деревни; каждый зналъ только себя, все шло врозь. Нѣмцы хороши когда они объединены принужденіемъ или гнѣвомъ. Тогда они превосходны, неотразимы, непобѣдимы. Нѣтъ этого, — и всякій хочетъ дѣлать по-своему. Собственно говоря, благонамѣренный, справедливый и разумный абсолютизмъ есть лучшая форма правленія. Гдѣ нѣтъ хоть частицы его, тамъ все идетъ врозь, одинъ хочетъ одно, другой—другое, и происходитъ вѣчное колебаніе, вѣчныя задержки. Но у насъ нѣтъ уже настоящихъ абсолютистовъ — — —. Они исчезаютъ, этотъ сортъ вымираетъ — — —.“ Я позволилъ себѣ разказать что ребенкомъ я представлялъ себѣ короля такимъ какъ онъ изображается на картахъ, въ коронѣ, горностаевой мантии, со скипетромъ и державой, постоянно одинакимъ и находящимся все въ одномъ и томъ же положеніи; я былъ очень разочарованъ когда нянька свела меня разъ въ проходъ между Дрезденскимъ дворцомъ и католическою церковью и тамъ показала короля Антона, маленькаго, дряхлаго старичка. Шефъ сказалъ: „Да, крестьяне у насъ тоже имѣли удивительныя представленія. Говорили что нѣсколько изъ насъ, молодыхъ людей, сидѣли

будто бы гдѣ-то въ общественномъ мѣстѣ, и что-то сказали тамъ про короля, который неузнанный сидѣлъ тутъ же. Вдругъ онъ, будто бы, всталъ, распахнулъ плащъ и показалъ звѣзду на своей груди. Другіе испугались, но я будто бы не обратилъ на это вниманія и грубо обошелся съ нимъ. За это меня посадили на десять лѣтъ въ тюрьму и не позволяли бриться. Дѣйствительно, я носилъ въ то время бороду, привыкнувъ къ этому въ 1842 году во Франціи, гдѣ это было въ то время модой, и вотъ крестьяне говорили что каждый годъ ко мнѣ является въ ночь подъ первое января лапачъ и брѣшетъ мнѣ бороду. Разказывали это богатые и совсѣмъ не глупые крестьяне; они говорили это не потому чтобъ имѣли что-нибудь противъ меня; напротивъ, все это говорилось очень добродушно, и они чувствовали большое состраданіе къ моей молодости."

III.

Новая исторія культуры въ Греціи и Римѣ. Jakob von Falke: *Hellas und Rom, eine Kulturgeschichte des classischen Alterthums*. Stuttgart, Verlag von Spemann, 1878.

Требуется ли какого-либо оправданія появленіе новой исторіи культуры у народовъ классической древности?

Поставивъ этотъ вопросъ, авторъ и издатель новаго изданія, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей, отвѣчаютъ на него слѣдующимъ образомъ.

Преимущество всѣхъ твореній оставленныхъ этими народами заключается въ ихъ вѣчныхъ неизмѣнныхъ достоинствахъ, независимыхъ отъ смѣны вѣковъ. Пока челоѣчество будетъ стремиться къ культурѣ, къ облагороженію своей духовной жизни, классическая древность будетъ содѣйствовать достиженію этой цѣли. Придутъ времена, и они уже близки, когда художественные вкусы примутъ болѣе реальное направленіе, когда естественныя науки и техника съ могучею силой выступать впередъ; они будутъ оспаривать почву у классической литературы, они ограничатъ вліяніе греческаго искусства, но имъ никогда не удастся совершенно устранить какъ то, такъ и другое. Могутъ настать времена войнъ, завоеваній, переворотовъ, эпохи въ которыя міръ

ловидимому погрузится обратно въ варварство. Когда эти эпохи минуютъ, культура съ новымъ блескомъ будетъ восстановлена классическою древностью. Такимъ образомъ какъ эта древность, такъ и литература занимающаяся ею и ея исторіей всегда спокойно будутъ идти своимъ путемъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ свою теоретическую точку зрѣнія, авторъ и издатель излагаютъ планъ практическаго осуществленія ихъ предпріятія. Они надѣются что новое сочиненіе тѣмъ болѣе найдетъ себѣ мѣсто между массою однородныхъ трудовъ что оно появляется „въ новой и своеобразной формѣ“. Форма эта столько же соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ, сколько сдѣлалась возможною лишь вслѣдствіе усовершенствованія современной иллюстраціи и, спеціально, картографіи. „Нашъ трудъ, разчитанный на самый широкій кругъ образованныхъ людей, примыкаетъ къ тѣмъ сочиненіямъ которыя поставили себѣ задачей передавать массѣ результаты науки. Мы не довѣряемъ одному только слову. Мы не хотимъ только разказывать про жизнь Грековъ и Римлянъ, про созданія ихъ рукъ и ихъ духа. Мы хотимъ пробудить въ душѣ читателя ясныя, живыя и свѣтлыя представленія которыя прочно останутся въ его памяти и будутъ дѣйствовать съ цивилизующею силою.“

Для достиженія этой цѣли новое сочиненіе прибѣгаетъ къ помощи иллюстрацій въ формѣ политипажей и отдѣльных рисунковъ; иллюстраціи эти отчасти будутъ представлять копіи подлинныхъ античныхъ произведеній, отчасти составлять оригинальныя композиціи художниковъ вложивъ знакомыхъ съ древностью. „Мы дадимъ читателю изображенія предметовъ служившихъ для жизненнаго обихода и картины самой жизни, мы будемъ изображать людей и окружавшія ихъ вещи. Изображая произведенія искусства, мы, по возможности, будемъ давать также изображенія ихъ творцовъ. Мы будемъ изображать мѣста на которыхъ развивалась античная культура, и портреты людей снискавшихъ себѣ славу среди этихъ мѣстностей; мы дадимъ картины природы и городовъ и, насколько возможно, воссоздадимъ послѣдніе изъ ихъ развалинъ. Мы думаемъ что представленіе получаемое читателемъ изъ реставраціи свѣдающаго художника одареннаго въ то же время поэтическимъ воображеніемъ живѣе и ближе къ правдѣ нежели то которое мы можемъ составить себѣ при видѣ развалинъ. Мы хотимъ знать не то положеніе въ которомъ телера

находятся эти предметы, но то въ которомъ они находились въ минувшія времена, въ эпоху полнаго и роскошнаго цвѣта жизни. Для насъ важны не столько начало и конецъ, неразвитое и искаженное, сколько изображеніе законченнаго и совершеннаго, изображеніе цвѣтущей жизни, развитой культуры и ея произведеній. Не теряя изъ вида историческаго развитія античной культуры, мы въ особенности остановимся на времени ея процвѣтанія.“

Согласно этой программѣ, Фальке предполагаетъ раздѣлить матеріалъ на три части. Какъ по отношенію къ Грекамъ, такъ и по отношенію къ Римлянамъ онъ намѣревается предположить въ широкихъ и крупныхъ чертахъ обзоръ ихъ политическаго исторіи. Обзоръ это должно служить введеніемъ, помочь воспоминаніямъ читателя и выдвинуть на первый планъ исторію государственнаго развитія, какъ весьма существенный культурный элементъ. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ будетъ посвященъ изображенію античнаго человѣка, мужчинъ и женщинъ, ихъ внѣшняго вида, одежды, воспитанія и обученія, ихъ игръ, праздниковъ, нравовъ и обычаевъ, воззрѣній, вѣрованій, мышленія, частной и общественной жизни. За изображеніемъ человѣка послѣдуетъ въ третьемъ отдѣлѣ изображеніе его твореній, являющихся плодами культуры въ области религіи, искусства и литературы.

Новое сочиненіе Фальке, имя котораго слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ интересующимся исторіей искусства и его культурнымъ значеніемъ въ жизни человѣка чтобы нуждаться въ какихъ-либо объясненіяхъ, должно выходить выпусками и будетъ заключать въ себѣ 300 большихъ листовъ текста, 50 большихъ рисунковъ Альма-Тадемы, Фридриха Преллера, Ансельма Фейербаха, Книлле, Гоффмана и другихъ лучшихъ художниковъ, равно какъ значительное количество политическаго въ самомъ текстѣ. Всѣхъ выпусковъ предполагается 30 и каждый будетъ стоить только полторы марки. Цѣна эта, замѣчательно недорогая по себѣ, становится особенно невысокою при ближайшемъ ознакомленіи съ тѣмъ что получаетъ за нее читатель. Предъ нами лежитъ первый выпускъ, заключающій въ себѣ краткое обзоръ миѣческой эпохи Греціи и начало эпохи образованія государствъ. Не касаясь пока текста, къ которому мы надѣемся возвратиться когда онъ будетъ представлять собою законченный отдѣлъ, мы остановимся только на рисункахъ и внѣшнемъ видѣ изданія

и должны сознаться что намъ еще не приходилось встрѣчаться съ такою художественно задуманною и выполненною иллюстраціей древняго міра въ его природѣ и бытѣ. Представьте себѣ нѣчто въ родѣ роскошныхъ современныхъ французскихъ иллюстрированныхъ изданій путешествій и вы получите приблизительное понятіе о томъ что можно получить за *полторы марки* по отношенію къ наглядной картинѣ древней Греціи. Два превосходно выполненныхъ большихъ рисунка изображаютъ намъ Аѳинскій Акрополисъ, по реставраціи Тирша, и Олимпійскія игры, воспроизведенныя карандашомъ Книлле. Въ текстѣ помѣщены художественныя политажы представляющіе видъ на Аѳины съ Елевзинской дороги, Парнасскіе дубы, мѣстоположеніе Додоны, долину Темпе съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ, равнину Трои въ настоящемъ ея положеніи, панораму Шлимановскихъ раскопокъ Микены, видъ острова Итаки, изображеніе микенскихъ и кипрскихъ сосудовъ, площадь въ Спартѣ, гимнастическія упражненія спартанскаго юношества. Особенно интересными кажутся намъ рисунки художественно воспроизводящіе ландшафты, виды природы и реставраціи древняго быта. Мы болѣе или менѣе имѣемъ понятіе о той или другой подробности античной жизни, намъ предносятся довольно опредѣленныя понятія о щитахъ, кольяхъ, сосудахъ, колонахъ, одеждѣ. Но представленія эти не связаны въ цѣлостную, общую картину и, въ особенности, не приурочены къ опредѣленному мѣсту, къ природѣ, къ почвѣ, къ ландшафту. Они носятъ въ формѣ отрывочныхъ образовъ, находящихся внѣ связи между собою и съ окружающимъ реальнымъ міромъ людей, земли, воды и воздуха. Сочиненіе Фальке должно, повидимому, въ значительной степени содѣйствовать установленію связующаго начала въ нашихъ представленіяхъ объ античномъ мірѣ. Достаточно взглянуть хотя бы на рисунокъ изображающій долину Темпе съ рѣкой Пенеемъ для того чтобы безсодержательныя имена облеклись посредствомъ художественнаго представленія въ реальный образъ поэтическаго ландшафта, глубоко врѣзывающагося въ память. Излишне было бы прибавлять что бумага, печать и вся современная роскошь украшеній типографскаго искусства не оставляютъ желать ничего лучшаго. Сочиненію Фальке предстоитъ, кажется намъ, почетное мѣсто въ ряду лучшихъ пособій при изученіи античнаго міра. Чтобы нѣ-

сколько познакомить читателей съ тѣмъ горячимъ убѣжденіемъ въ неизмѣнномъ художественномъ значеніи античнаго міра которое питаетъ авторъ, мы окончимъ нѣсколькими строками изъ его введенія:

„Послѣдуй за нами, читатель, въ страну и къ народу вѣчной красоты, въ тѣнистыя рощи Элады и на ея горы озаренныя солнцемъ, на ея обитаыя свѣтомъ берега и острова. Послѣдуй за нами къ народу который, давно погибнувъ подъ лятою варваровъ, тѣмъ не менѣе является предназначеннымъ снова и снова выносить нашу культуру въ міръ идеала не давая ей погрязать въ материализмъ. Два или три раза Греція уже выполнила это призваніе и выполнила его не въ послѣдній разъ. Изумительное совершенство ея твореній служить намъ ручательствомъ въ томъ; оно ручается намъ и за то что въ наше время перевѣса матеріальныхъ интересовъ и реального направленія культъ прекраснаго также не погибнетъ.“

Прекрасное не погибаетъ. Но чувство прекраснаго слабѣетъ и мельчаетъ, извращается подъ исключительнымъ господствомъ „матеріальныхъ интересовъ и реального направленія“. Нельзя не пожелать успѣха труду который ставитъ себя цѣлью поддержать, развить и укрѣпить это чувство.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20го ноября 1878 года.

Требуется чтобы постановленія Берлинскаго конгресса были исполнены. Зачѣмъ же стало дѣло? Порѣшила ли Турція вопросъ объ испрвленіи греческой границы? Нѣтъ. Отдала ли Турція все что присуждено конгрессомъ Персіи въ Азіи и Черногоріи въ Европѣ? Нѣтъ. Обезпечила ли она безопасность христіанскихъ населеній въ очищенныхъ русскими войсками мѣстахъ? Нѣтъ; безчинства и злодѣйства надъ Армянами, Греками, Болгарами продолжаются полпрежнему, и въ послѣдніе дни приняли ужасающіе размѣры: тысячу двѣсти душъ Болгаръ перерѣзано! Указала ли Турція на время и способы уплаты Россіи хотя бы малѣйшей части контрибуціи или издержекъ на содержаніе ея плѣнныхъ, вознагражденіе прибрежныхъ жителей и другихъ русскихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ ея дѣйствій во время войны? На непрерывающіяся вооруженія и уплату американскимъ оружейнымъ заводамъ изыскиваетъ же она однако средства и при этомъ продолжаетъ упражняться въ обычныхъ интригахъ, въ наглыхъ и оскорбительныхъ извѣстахъ на русскія войска, въ писаніи нотъ и циркуляровъ направленныхъ къ возбужденію повсюду враждебнаго настроенія къ Россіи и къ славянскимъ племенамъ. Гдѣ же ея готовность *въ точности* исполнить постановленія конгресса?

Предположимъ однако что Турція рѣшается наконецъ исполнить въ точности постановленія Берлинскаго кон-

гресса, постановленія, о „буквѣ и духѣ“ коихъ такъ настойчиво твердитъ лордъ Беконсфилдъ и, подражая ему, графъ Андраши. Да есть ли возможность исполнить неисполнимое? Имѣетъ ли Турція достаточно нравственной и матеріальной силы справиться съ Курдами, Черкесами, Зейбеками и всякимъ инымъ сбродомъ, заставивъ ихъ прекратить истязанія и истребленія своихъ христіанскихъ подданныхъ? Можетъ ли она сломить сопротивление Албанцевъ и отдать присужденныя Черногоріи земли? Можетъ ли она не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ ввести реформы обезпечивающія жизнь, собственность и религію христіанскаго населенія, когда это противно вѣрѣ, вѣковымъ преданіямъ и привычкамъ ея самой и всѣхъ мусульманскихъ жителей, на силѣ коихъ зиждется ея жалкое, предсмертное существованіе? Нѣтъ, не можетъ, иначе она перестала бы быть Турціей, а султанъ калифомъ, главою мусульманства. Общати извольте все что хотите, пока лезвее ножа у горла; но какъ только ножъ отнять, ближайшая опасность миновала, Турокъ становится опять Туркомъ, и христіанинъ для него гяуръ, невѣрный, собака, рабъ, истребленіе коего богоугодное дѣло.

Это могутъ не понимать господа дипломаты или, вѣрнѣе, этого они не хотятъ понимать по своимъ циническимъ расчетамъ; но тѣ несчастныя христіанскія населенія Турціи, на долю коихъ выпала ужасная судьба лять вѣковъ выносить турецкій гнетъ, которыя очень хорошо знаютъ что такое обѣщанія Порты, что такое, наконецъ, гарантіи и опеки западныхъ христіанскихъ правительствъ, эти племена, еще не опомнившіяся отъ ужасовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, не могутъ вѣрить ни въ обѣщанія, ни въ бумажныя гарантіи; они видятъ что съ первымъ поворотомъ назадъ русскаго войска прежніе палачи вырастаютъ какъ изъ земли и, разсвирѣпѣвъ отъ только-что испытанныхъ пораженій, съ яростію кинутся вымещать на нихъ весь запасъ своей безплощадной злобы. Все забалканское христіанство, особенно Болгары, столь ненавистные не только Туркамъ, но и представителямъ высоко цивилизованныхъ націй, очень хорошо понимаетъ какая участь предстоитъ имъ съ устройствомъ Восточной Румеліи, съ возвращеніемъ назначенныхъ изъ Константинополя губернаторовъ, каймакамовъ, заптиевъ и жандармскихъ офицеровъ, хотя бы на бумагѣ и ограниченныхъ разными якобы представительными и т. л. условіями, наконецъ съ возвращеніемъ турецкихъ войскъ на Балканы,

которыя при помощи просвѣщенныхъ западныхъ друзей будутъ укрѣплены наилучшимъ образомъ, населенію этому вполне основательно представляется перспектива, отъ которой невольно морозъ по кожѣ пробѣгаетъ... И неужели можно допустить что оно добровольно подчинится такой участи, особенно послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ другой жизни, проведенной подъ покровительствомъ нашей арміи, что оно безъ сопротивленія пойдетъ опять подъ батацкіе ножи Шевкетовъ и К^о? А когда начнется наше отступление и раздается общія стонъ и вопль, развѣ мы въ состояніи будемъ безмолвно продолжать нашъ маршъ, умывая руки?... Развѣ сердце русскаго человѣка сможетъ равнодушно заткнуть уши отъ этихъ стоновъ и воплей или подобно англійскимъ политикамъ сказать: „не важность если нѣсколько тысячъ этихъ непокорныхъ рабовъ, не умѣющихъ цѣнить отеческаго правленія султана и заботъ Европы, будутъ зарѣзаны?“ Мы представляемъ русскимъ людямъ отвѣчать на эти вопросы.

А Австрія развѣ можетъ и захочетъ отказаться отъ захваченнаго куска, послѣ столькихъ *славныхъ побѣдъ* своихъ армій, послѣ издержанныхъ полутора ста милліоновъ гульденовъ? Мало того, захочетъ ли она еще удовольствоваться только этимъ кускомъ и не воспользоваться первымъ удобнымъ предлогомъ для *расширенія сферы своего могущества* (хорошее это выраженіе...) по направленію къ Салоникамъ? Положимъ, дѣло это произвело внутренній переполохъ въ разношерстной имперіи, министерскіе кризисы, разныя демонстраціи оппозиціонныхъ правительству или вѣрнѣе мадярскому премьеру партій, финансовыя затрудненія и пр., но въ концѣ концовъ все обойдется благополучно, оппозиція удовольствуется тѣмъ что ей удалось покричать и погрозить кулакомъ въ карманъ.... Не революцію же въ самомъ дѣлѣ сочинять изъ-за этого? Прекрасно; только при чемъ же тутъ *духъ и буква* Берлинскаго трактата?

Лордъ Беконсфильдъ выказываетъ ужасъ при одномъ намекѣ на раздѣлъ Турціи. „Еслибы меня поставили на высокой горѣ и показали множество прекрасныхъ владѣній съ богатѣйшими городами, сказавъ: все это будетъ твоимъ, только согласись на раздѣлъ Турціи я отвергъ бы съ негодованіемъ такое предложеніе. Я отправился въ Берлинъ чтобы возстановить могущество, обезпечить цѣлость и независимость лучшаго друга Англіи, Турецкаго султана.“ Это слова

самого правителя Англіи. И въ то же время Кипръ былъ у него уже въ карманѣ, какъ и постепенный захватъ Малой Азіи подъ видомъ протектората, а Австрію отдавались Слица и двѣ провинціи, съ негласнымъ позволеніемъ сдѣлать шагъ и еще къ кое-чему дальнѣйшему. При этомъ прибирали къ рукамъ Египеть... О, дружба, это ты!

„Духъ и буква“ Берлинскаго трактата, по плохо скрывае-
мому толкованію англійскаго и мадьярскаго графовъ (въ чемъ повидимому соглашаются и большинство другихъ диплома-
товъ, даже пожалуй и самъ честный маклеръ), заключается въ томъ чтобы Россія удовольствовалась Батумомъ и Кар-
сомъ, отступила въ назначенный срокъ за Дунай и отложила
бы затѣмъ разъ навсегда всякое дальнѣйшее попеченіе о Бал-
канскомъ полуостровѣ, о разрѣшеніи Восточнаго вопроса,
которымъ ихъ сіятельства уже займуться сами. Въ удобный
моментъ они заявятъ своему другу въ Константинополѣ что
на немъ лежитъ непомерное бремя, отъ котораго они и же-
лаютъ освободить его, избавивъ уже кстати и отъ кредито-
ровъ. Одинъ присоединитъ всю западную часть полуострова
до Салоникъ, а Сербію, Черногорію и Болгарію благотвори-
тельству включеніемъ въ сферу своего вліянія, своимъ высо-
кимъ покровительствомъ даровавъ имъ военно-торговую кон-
венцію и сѣтъ желѣзныхъ дорогъ съ какимъ-нибудь Гиршемъ
во главѣ; другой окажетъ великодушную щедрость Грекамъ,
бросивъ имъ подачку въ видѣ клочка Эпира или Фессаліи, а
можетъ и Критъ, вступить во владѣніе Дарданеллами и Босфо-
ромъ съ Константинополемъ включительно. Для успокоенія
Франціи и Италіи найдутся какія-нибудь подходящія мѣста въ
Сиріи, Тунисѣ или еще гдѣ-нибудь. Вотъ и рѣшеніе Восточнаго
вопроса къ общему удовольствію и успокоенію Европы отъ не-
скончаемаго кошмара именуемаго панславизмомъ, угрожаю-
щаго ея „свободѣ и цивилизаціи“!...

Но Россіи вѣдь, чего добраго, не понравится такой выгод-
ный исходъ изъ запутаннаго дѣла. На этотъ случай нужно
принять мѣры. Прежде всего чтобы она не могла обезпечи-
ть Англію въ щекотливомъ мѣстѣ, въ Индіи, гдѣ двѣсти
миліоновъ благодѣтельствованныхъ жителей, въ непредѣль-
ной преданности своей императрицѣ, при одномъ приближе-
ніи сильнаго врага могутъ возстать и причинить нѣкоторое
безпокойство,—необходимо обезпечить себя *научною* грани-
цей съ сѣверо-западной стороны—единственно доступной

для вторженій. На этой границѣ сидитъ Афганскій эмиръ, грубый азіатскій обладатель нѣсколькихъ милліоновъ горцевъ, не умѣвшій оцѣнить ни вѣжливыхъ предложеній на счетъ пріема къ себѣ англійскихъ резидентовъ, ни предложенныхъ ему подарковъ, и осмѣлившійся не принять даже экстреннаго посольства, хотя оно было съ умысломъ такъ послано чтобы его не впустили. Долготерпѣніе правительства ея величества истощилось и особенно въ виду принятія дерзновеннымъ эмиромъ русскаго посольства оно вынуждено прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ: нѣсколько генераловъ съ 35 тысячами войска двигаются въ Афганистанъ, и если имъ удастся разбить эмира (въ чемъ едва ли можетъ быть сомнѣніе), они распорядятся устроить *научную* границу; послѣ чего, какъ игриво выразился Беконсфильдъ за обѣдомъ лорда-мера, онъ надѣется жить въ дружбѣ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ—Ширъ-али, а можетъ-быть и *съ дальнимъ*... (Россіей).

Война противъ Афганистана открыта и начало ея увѣнчалось якобы блестящими успѣхами; форты падаютъ одинъ за другимъ, Афганцы бросаютъ свои лагеря, пушки, оружіе, припасы и спасаются бѣгствомъ; англійскія колонны уже приблизились къ Желалабаду, а эмиръ Ширъ-Али собирается бросить свою столицу Кабулъ и ретироваться въ Гератъ, куда за нимъ должно будто бы послѣдовать и русское посольство... Мало этого, если вѣрить послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ, то и Персія производитъ какую-то военную демонстрацію во вредъ несчастному эмиру, слѣдовательно въ пользу вездѣсущей Англіи. Почему сопротивление эмира оказывается такимъ ничтожнымъ, почему Англичанамъ такъ легко достаются почти безкровныя побѣды и занятія мѣстъ которыя при мало-мальски энергической защитѣ могли бы стоить имъ большихъ жертвъ, неизвѣстно; измѣна ли подвластныхъ эмиру племенъ, трусость ли его войскъ, недостатки ли вооруженія, или все вмѣстѣ? Но если такъ продлится еще нѣсколько дней, то пожалуй Англичане очутятся въ Кабулѣ, и владычеству Ширъ-Али конецъ. На его мѣсто посадятъ другаго, можетъ-быть нелокорнаго сына Якубъ-хана, отъ Кабула до своей индійской границы займутъ нѣсколько лучшихъ позицій своими укрѣпленіями и гарнизонами; англійскіе агенты засядутъ прочно и откроютъ дѣйствія по известной системѣ, и Британія не только обезлечитъ свою сѣверо-западную индійскую границу чтобы не чувствовать оттуда никакой тревоги,

во и сама еще станетъ въ угрожающее положеніе къ русскимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ, первое важнѣйшее дѣйствіе всего плана будетъ исполнено и можно будетъ приступить къ слѣдующимъ частямъ; а между тѣмъ Россія держитъ за Балканами армію, а Турція усиливаетъ укрѣпленія вокругъ Константинополя и увеличиваетъ боевыя силы до внушительныхъ размѣровъ...

Но такъ или иначе, мы твердо убѣждены что какъ ни многочисленъ, какъ ни хитеръ, богатъ и силенъ врагъ Россіи, какъ ни небрежливы средства его борьбы, ему все же не удастся осуществить всѣ свои фантазіи и окончательно насмѣяться надъ нами. Мы убѣждены что „*giga bien qui giga le dernier*“, а кто будетъ послѣдній еще весьма трудно рѣшить.. „Цыплятъ по осени считаютъ“, говоритъ наша поговорка, а можетъ-быть ее знаетъ и эмиръ Афганскій....

Да нужно сказать и то что даже въ случаѣ полнѣйшей удачи, занятія и укрѣпленія Англичанами всѣхъ этихъ проходовъ Хайберскихъ, Баланскихъ и т. д., научно обезпеченной границы создать имъ не удастся если они будутъ продолжать вражду къ намъ и вынуждать насъ на отплату. Хайберы и Джелалбады также не помогутъ какъ не помогали Дунай и Балканы и Карсскія твердыни; для человѣческаго генія, его предпріимчивости и изобрѣтательности нѣтъ предѣловъ; что казалось плодомъ болѣзненной фантазіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то сегодня стало фактомъ. Отвратить опасность отъ Индіи можно прекращеніемъ притиводѣйствія Россіи въ довершеніи ея неизмѣнныхъ стремленій, а не завоеваніями въ Афганистанѣ.

У насъ двѣ цѣли: освободить всѣ христіанскія племена Балканскаго полуострова отъ мусульманскаго владычества и обезпечить себя въ Черномъ Морѣ отъ всякихъ помысловъ непрощенныхъ гостей. Для Россіи, какъ государства, это жизненные вопросы, послѣ удовлетворительнаго разрѣшенія коихъ никакихъ дальнѣйшихъ притязаній у нея быть не можетъ. Если же она, кромѣ того, дѣлаетъ шаги въ направленіи къ Индіи, то это есть не болѣе какъ репрессалія, вынужденная оборонительная мѣра противъ слѣпой, упорной враждебности Англіи. Англія, напротивъ, силится увѣрить и своихъ, и чужихъ что всѣ ея дѣйствія на Востокѣ, до поработенія Болгаръ и поддержки „гауснаго“ турецкаго правительства включительно, только мѣры къ обезпеченію.

Индіи, которой угрожаетъ Россія. Но это ложь: еслибы Англія не являлась постоянно со своею заклятою враждебностью къ Россіи, происходящею изъ убѣжденія что Россія главнѣйшая помѣха ея алчнымъ стремленіямъ захватить и Черное Море и лутѣ въ Персію и повсюду стать единственною силою на моряхъ, единственною обладательницею торговыхъ оборотовъ на дальнихъ восточныхъ рынкахъ, куда съ выгодой можно сбывать все что будетъ произведено ея населеніемъ, почти исключительно существующимъ фабричною работою,—еслибы не эта упорная, говоримъ мы, вражда, парализовавшая результаты войны 1828—29 годовъ, возбуждившая Крымскую войну и истребленіе нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ Морѣ, проявляющаяся вездѣ съ постоянствомъ и дьявольскою изобрѣтательностью, то никакихъ угрозъ Индіи съ нашей стороны и въ поминъ бы не было. Британскіе министры понимаютъ однако что откровеннымъ заявленіемъ своихъ цѣлей возбудишь неудовольствіе большинства благоразумнаго англійскаго населенія, что оно откажетъ въ деньгахъ нужныхъ для дѣйствія, и потому постоянно прибѣгаютъ къ изношенному, но сохраняющему свою силу средству: возбуждать руссофобію изъ страха предъ грозящими Индіи опасностями.

Мы, со своей стороны, остаемся при неоднократно уже сказанномъ мнѣніи: сила обстоятельствъ оказывается сильнѣе всѣхъ самыхъ сильныхъ міра сего. Благоразуміе требуетъ быть вполнѣ готовыми и обезпеченными ото всякихъ неожиданностей; необходимо обставить себя со всѣхъ сторонъ прочными рогатками, чтобы не только чаемый непріятель, но и *другъ сердечный* не появился вдругъ гдѣ-нибудь на флангѣ, въ тылу или на единственномъ пути сообщенія. Вотъ и Варна еще до сихъ поръ въ рукахъ Турокъ, ободряемыхъ присутствіемъ англійскаго военнаго судна, съ дерзкимъ нахальствомъ расположившагося въ Черномъ Морѣ для надзора за нами.

Начатая Англичанами война съ Афганистаномъ давала бы очень удобное средство перемѣнить наконецъ тонъ рѣчей нашихъ съ надменными лордами. Можетъ-быть поѣздка генерала Столѣтова въ Кабулъ въ апрѣлѣ 1877, или и еще раньше, принесла бы совсѣмъ иные результаты; но и тѣмъ которые являются послѣ телерешнаго его путешествія можно воспользоваться не безъ успѣха. Противъ зазнавагося нахальства—мягкость и уступчивость едва ли подходящая система.

Изъ только что обнаруженной въ Лондонѣ переписки по Афганскому вопросу оказывается что насъ все запрашиваютъ, отъ насъ требуютъ отчета, объясненій, а мы не то оправдываемся и извиняемся, не то избѣгаемъ прямыхъ отвѣтовъ. Почему же, когда Англичане въ 1875 году, безо всякаго благовиднаго предлога, заняли Кветту, мы не обратились къ нимъ съ запросами и требованіями объясненій? Заключивъ въ 1873 году конвенцію о „нейтральной полосѣ“, конвенцію гораздо болѣе полезную Англіи чѣмъ намъ, мы однако не настаивали на ея точномъ исполненіи; а теперь, когда вслѣдствіе явно враждебнаго образа дѣйствій Англіи, бывшаго и причиною послѣдней кровопролитной войны, и уменьшенія результатовъ ея, когда наконецъ ежеминутно должно было ожидать прямого разрыва съ нею, Россія вынуждена была сдѣлать шагъ въ направленіи этой „нейтральной полосы“, отъ насъ не только требуютъ отчета, но и прямо нарушили конвенцію открывъ войну подъ такими предлогами что ч. тая, напримѣръ, обвинительный актъ британскаго министра колоній Кранбрука противъ эмира Ширъ-Али не знаешь чему больше удивляться: беззащитности предъ своею собственною публичкой, въ числѣ коей есть такіа компетентныя лица: какъ лорды Лоренсъ и Норткотъ, не говоря о массѣ умныхъ и добросовѣстныхъ людей, которыхъ такими измышленіями нельзя же провести, или же, выражаясь мягко, легкости съ коею въ такой анти-конституціонной странѣ можно начинать войны...

Неужели не на нашей сторонѣ теперь право и предъявить запросъ, и потребовать объясненій, и поставить дѣло категорически, ребромъ? Когда у нашего врага, поставившаго себя задачей вредить, ослаблять, истощать и унижать насъ всеми возможными способами, есть единственный слабый пунктъ, слѣдуетъ направить на него таранъ и бить насколько силъ хватить. Такъ намъ, не мудрствующимъ дипломатически, кажется, и такъ дѣйствуютъ вездѣ тѣ же Англичане, ловкости и энергіи коихъ мы удивляемся. Намъ многіе „свои“ конечно сейчасъ скажутъ: вы *прежде* подумайте о своихъ внутреннихъ дѣлахъ, устройте ихъ такъ чтобы имъ удивлялись и пр., а теперь вы только шовинисты на подкладкѣ кваснаго патріотизма; куда вамъ восвать, да другихъ освободать! и все тому подобное, достаточно извѣстное изъ нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Здѣсь не мѣсто вступать по этому поводу въ пространныя препирательства, да и едва ли мы другъ

друга убѣдимъ: мы заговорили объ этомъ только именно съ цѣлью намекнуть читателямъ, что не взирая на наладки не „шовинистовъ“ и приводимые ими доводы, мы продолжаемъ стоять на своемъ: на крѣпкомъ, до послѣдняго человѣка и до послѣдней колѣнки, стояніи за честь, за достоинство и интересы Россіи *какъ государства*, а не какъ артели, имѣющей единую заботу о своихъ экономическихъ дѣлахъ. Мы ни чуть не отвергаемъ важности экономической стороны, и всего что ведетъ къ возможному внутреннему улучшенію, благосостоянію матеріальному, мы говоримъ только что заняты этимъ *прежде* мы могли бы тогда есдибы враги сказали намъ: ну, хорошо, займитесь вашими внутренними дѣлами, устройте все такъ чтобы вы были и богаты, и просвѣщенны, а тогда мы начнемъ противъ васъ дѣйствовать; это дѣйствительно было бы хорошо и можетъ-быть министерство финансовъ, вмѣсто отсылки за границу ста милліоновъ рублей золотомъ для поддержки вексельныхъ курсовъ (бывшихъ тогда 325 франковъ за рубль и упавшихъ послѣ до 240), нашло бы возможнымъ залести вдобавокъ другихъ двѣсти милліоновъ. Можетъ-быть мы бы и лучшую интендантскую систему изобрѣли, и армію танцевыми инструментами снабдили бы, и много, много кое-чего другаго хорошаго устроили бы. Но горе въ томъ что противники не такъ наивны и не ждутъ, а слѣдовательно теперь не о томъ говорить надо что слѣдовало дѣлать *прежде*, а о томъ что нужно дѣлать *сейчасъ*, чтобы спастись свои кровные государственные интересы. А всѣ эти іереміады, страдающія обыкновенно крайнею преувеличенностью, могли бы быть оставлены на послѣ, когда „враги не у дверей“. Да если посмотрѣть внимательно, вѣдь и у другихъ внутреннее экономическое положеніе не Богъ знаетъ уже насколько болѣе блестяще нашего, а между тѣмъ что же мы видимъ: Англія или Австро-Венгрія занялись *прежде* этими недугами, а послѣ уже возьмутся за *шовинистскія* дѣйствія и преслѣдованіе своихъ цѣлей? Нѣтъ, они давно за нихъ взялись, и не взирая ни на что, ни даже на оппозицію, у нихъ вполне законную, рвутъ и мечутъ лишь бы только не допустить Россію достигнуть ея цѣлей, лишь бы причинить ей гдѣ и какъ можно наибольшій вредъ. Ну, а вѣдь ихъ-то намъ и ставятъ въ предметъ удивленія и подраженія....

А ЗИССЕРМАНЪ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1879 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1879 въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1879 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1879 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 копѣекъ, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 копѣекъ, съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 копѣекъ.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ Бульварѣ.

СКИЙ ВЪСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1878

ДЕКАБРЬ

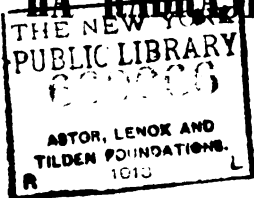
2
110

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. БРАТЯ ПОТЕМКИНЫ НА КАВКАЗЪ. Гл. IV—VII.
Н. О. Дубровина.
- II. МАРИЯ-АНТУАНЕТА И ГРАФЪ ФЕРЗЕНЪ. Р.
- III. ЗАБЫВАЕМЫЙ ПОЭТЪ - СОВРЕМЕННИКЪ. И. Н.
Павлова.
- IV. ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ. Правдивая исторія. Окон-
чаніе. В. М. Маркевича.
- V. НА НИЗОВЬЯХЪ ДУНАЯ. А. Д. Сатина.
- VI. ИГРУШКА СУЛТАНА. (Изъ Барбье.) Стихотвореніе.
К. Н. III—на.
- VII. ДОВЗЖАЧІЙ. Разказъ. А. Молчанова.
- VIII. ПОРТУГАЛЬСКИЙ ТЕАТРЪ. ИНЕСА ДЕ-КАСТРО.
Трагедія въ пяти актахъ. Сочиненіе Гомеса. Переводъ
съ португальскаго. Н.
- IX. ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО ВЧЕРА. Дневникъ вспомога-
тельной больницы Общества Краснаго Креста въ 1877 го-
ду. Дежурной братницы.
- X. НЫНѢ И ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ. П. Щ.
- XI. ГЕРМАНСКІЯ ПАРТІИ И НОВЫЙ ЗАКОНЪ ПРО-
ТИВЪ СОЦІАЛИСТОВЪ. К. Г—на.
- XII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОВОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

БРАТЯ ПОТЕМКИНЫ НА Кавказѣ *

IV.

Соломонъ, царь Имеретинскій, ищетъ покровительства Россіи.—Посыла въ Имеретію полковника Тамары и его переговоры съ царемъ.—Прошеніе Имеретинъ.—Кончина Соломона.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Борьба партій.—Провозглашеніе Давида Георгіевича царемъ Имеретіи.—Потѣшка Бурнашева и ея послѣдствія.—Князь Попуна Церетели и его интриги.—Князь Абашидзе какъ претендентъ на Имеретинскій престолъ.—Намѣреніе Турокъ вторгнуться въ Имеретію.—Подложное письмо царя Давида.—Имеретинскіе послы въ Петербургъ.—Инструкціи нашему посланнику въ Константинополь.—Вторженіе Турокъ въ Грузію.—Отраженіе непріятеля.—Внутреннія дѣла въ Имеретіи.

Переговоры о покровительствѣ, веденные царемъ Иракліемъ II съ Русскимъ правительствомъ, возбудили зависть въ Имеретинскомъ царѣ Соломонѣ. Человѣкъ искренно преданный Россіи, Соломонъ давно желалъ подчиниться верховной власти Русскихъ императоровъ и настолько любилъ Россію что одно слово о ней производило въ немъ „нѣкоторое особенное чувство“. Посылаемыхъ къ нему русскихъ чиновниковъ Имеретинскій царь принималъ всегда съ особымъ почетомъ, уваженіемъ и нѣкоторымъ подобострастіемъ. Подъ видомъ сообщенія заграничныхъ извѣстій, Соломонъ весьма часто

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

присылалъ своихъ посланныхъ на линію съ письмами къ генералъ-поручику Потемкину, присылалъ ему подарки * и вообще всѣми силами старался выказать свою преданность Россіи.

Зависимость Имеретіи отъ Порты по Кучукъ-Кайнарджі-скому трактату лишала насъ возможности приступить къ немедленному исполненію желаній царя Соломона. Хотя князь Потемкинъ и находилъ шагъ принятія Имеретіи подъ покровительство Россіи до времени весьма скользкимъ, ** тѣмъ не менѣ Русское правительство старалось поддержать расположеніе царя Соломона и обѣщало принять Имеретію подъ свое покровительство при первой возможности.

„Ея императорскому величеству благоугодно, писалъ князь Потемкинъ, *** что послаъ сего знаменитаго для имперіи Россійской дѣла (принятія подъ покровительство Грузіи) примѣру царя Карталинскаго и Кахетинскаго могъ подражать и царь Имеретинскій Соломонъ, котораго расположенія согласуютъ уже сей высочайшей волѣ. Но какъ нѣкоторая зависимость его отъ Порты Оттоманской заставляетъ удержаться произведеніемъ сего въ дѣйство, пока не откроются удобныя обстоятельства, то и нужно не упускать всего того что только можетъ способствовать утвржденію преданности къ Россійскому престолу Имеретинскаго владѣтеля и его подданныхъ.“

Руководствуясь этимъ наставленіемъ, генералъ-поручикъ Потемкинъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Соломономъ, просилъ его чаще присылать извѣщеніе о состояніи дѣлъ въ Имеретіи и Турціи, и наконецъ обнадеживалъ царя въ постоянномъ расположеніи къ нему Русской императрицы. Взаимныя сношенія эти не имѣли серьезнаго характера до тѣхъ поръ пока Соломонъ не узналъ что трактатъ съ Грузіей

* Царь Соломонъ прислалъ генералу Потемкину сначала двухъ мальчиковъ, а потомъ и дѣвushку „для услуженія“. Потемкинъ благодарилъ царя и писалъ что принимаетъ мальчиковъ только потому что желаетъ ему сдѣлать угодное, но въ услугахъ ихъ никакой нужды не имѣетъ. Дѣвushку же возвратилъ обратно и при этомъ послалъ царю въ подарокъ зрительную трубу, кусокъ матеріи и нѣсколько пудовъ желѣза, въ которомъ Соломонъ нуждался для покрытія церковной крыши.

** Письмо князя Потемкина А. А. Безбородко 5го сентября 1786 г.

*** Въ ордерѣ П. С. Потемкину 3го апрѣля 1783 года. Государств. Архивъ XXIII, № 13, карт. 45.

уже подписанъ, но лишь только извѣстіе о семъ дошло до Имеретіи, царь тотчасъ же отправилъ письмо П. С. Потемкину, въ которомъ просилъ принять и его подъ покровительство Россіи, на такомъ же точно основаніи на какомъ принята Грузія. * Потемкинъ послалъ Соломону подарки ** и просилъ прислать довѣренное лицо съ которымъ бы можно было переговорить объ условіяхъ подданства ***.

Между тѣмъ, не ожидая присылки такого лица, князь Потемкинъ воспользовался отправленіемъ въ Грузію полковника Тамары со знаками инвентуры и поручилъ ему, по окончаніи всѣхъ празднествъ въ Тифлисѣ, отправиться въ Кутаисъ, для переговоровъ съ царемъ Имеретинскимъ. Тамара долженъ былъ увѣрить Соломона въ искреннемъ расположеніи къ нему императрицы и свѣтлѣйшаго князя Потемкина и предложить ему отправить въ Петербургъ за подписью всѣхъ сословій народа на высочайшее имя прошеніе, проектъ котораго былъ переданъ полковнику Тамарѣ. Въ этомъ прошеніи царь долженъ былъ заявить что главнѣйшую причину, побуждающую его искать покровительства Россіи, составляютъ частые и весьма трудные болѣзненные припадки, опасеніе оставить Имеретію въ рукахъ малолѣтнихъ и неопытныхъ наслѣдниковъ и наконецъ желаніе избавиться отъ набѣговъ Турокъ, ихъ грабежей и разоренія его отечества. Эти три пункта, долженствовавшіе служить основаніемъ прошенія, не были приняты Соломономъ. При томъ неограниченномъ самовластіи которымъ пользовался царь надъ своими подданными, ему трудно было сознаться публично въ своей неспособности къ правленію хотя бы и вслѣдствіе тяжелой болѣзни; точно также по его понятію несовмѣстно было съ его достоинствомъ видѣть вмѣстѣ со своею подписью подписи его подданныхъ, и наконецъ по характеру азіатскаго населенія опасно было заявлять о малолѣтствѣ и неопытности своихъ наслѣдниковъ. Основываясь на этомъ Соломонъ говорилъ что прошеніе должно быть подписано имъ однимъ и основано единственно на личномъ его желаніи вступить подъ покровитель-

* Письмо Соломона генералу Потемкину 6го сентября 1783 года. Государств. Архивъ XXIII, № 13, карт. 45.

** Часы золотые англійскіе съ релетицей, табатерку, соболій и горностаевый мѣхъ, нѣсколько бумагъ, сургучу и календарь.

*** Письмо П. С. Потемкина Соломону 24 сентября 1783 года.

ство Россіи. Упорство Соломона и несогласіе его исполнить наше требованіе задержали Тамару въ Имеретіи и онъ долженъ былъ прожить тамъ три недѣли чтобы добиться какого-либо отвѣта. Царь долгое время не высказывалъ окончательнаго рѣшенія и тѣмъ затягивалъ дѣло.

Человѣкъ безусловно храбрый, рѣдкихъ правилъ, обладавшій особою способностью управлять своимъ народомъ, Соломонъ былъ малограмотенъ, умѣлъ только читать и къ сожалѣнію предавался въ сильной степени пьянству, убивавшему въ немъ всякую дѣятельность мысли. „Несчастливая склонность къ вину, доносила Тамара, * которая въ немъ кажется умножилась послѣ того какъ былъ яздѣсь въ первый разъ, прелятствуетъ объясненіямъ. Рѣдко такой часъ случается въ который поговорить съ нимъ можно по надлежащему.“

Послѣ долгихъ усилій полковнику Тамарѣ удалось наконецъ уговорить Соломона написать прошеніе отъ имени всего народа и поводомъ къ исканію покровительства выставить вторженія Турокъ въ Имеретію. Въ Кутаисѣ были собраны представители всѣхъ сословій, которые послѣ взаимнаго совѣщанія сами составили прошеніе и подписали его 4го марта 1784 года.

„Всему свѣту извѣстна великая самодержица, писали Имеретины, ** милосердіе и неусыльное попеченіе твое о всѣхъ единоувѣрныхъ тебѣ народахъ, какъ бы оныя отдалены ни были, Богомъ данная десницѣ твоей сила возстановляетъ народы кровію Христовою искуленные и вѣру его исповѣдующіе.

„Въ числѣ тѣхъ народовъ и народъ сея земли, непобѣдимымъ твоимъ оружіемъ защищенный, предъ очима враговъ стоитъ и привлекаетъ на себя ненасытный взоръ ихъ и сердце жаждущее нашей гибели... Отдѣли, всемилостивѣйшая государыня, хотя малую частицу этого вѣчно славы исполненнаго времени твоего на выслушаніе по дѣлу вѣры и совѣсти приносимаго къ престолу твоему отъ толликихъ христіанъ прошенія.

„Положеніе наше въ разсужденіи ближайшей незаконной Турецкой державы не можетъ быть ни твердо, ни спокойно,

* Потемкину въ рапортѣ отъ 6го марта. Государств. Архивъ XXIII, № 13, карт. 47.

** Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

пока не будемъ мы подѣ защищеніемъ вашего императорскаго величества. Чувствованія народа сего къ намъ ложны; ихъ желаніе—отмстить намъ междоусобіемъ, порабощеніемъ и поруганіемъ; время часто открываетъ глубину ихъ сердецъ.“

Высказавъ что Турки всегда были непримиримыми врагами христіанства и перечисливъ всѣ разоренія претерпѣвшаго Имеретіей отъ нихъ въ послѣднее время, подписавшіеся просили защиты и покровительства. Припадая „съ преклоненіемъ головъ“ къ престолу Всероссійскому, царь Соломонъ, его наслѣдникъ, князья, архіереи, начальники, служители и весь народъ Имеретинскій „повергали себя навѣки подданными и рабами“ Русской императрицы.

„Помилуй, великая монархиня, говорили они, толикое множество единовѣрныхъ тебѣ, христіанъ, и, ограждая насъ навсегда силою своею, буди вѣчною избавительницей нашею; даруй намъ, землѣ, народамъ и потомкамъ нашимъ,—желающимъ быть вѣчно твоими подданными,—отнынѣ навсегда покровительство твое и преемниковъ престола твоего, прими на себя имя покровительницы нашей и государыни и возложи на насъ долгъ и званіе подданныхъ твоихъ, да будетъ то извѣстно врагамъ нашимъ, чтобы прекратилось въ нихъ, одинъ разъ навсегда, желаніе господствовать надъ нами...“

„Не менѣе другихъ трудилась земля сія и народъ для защищенія вѣры христіанской, а съ тѣхъ временъ какъ озарилъ насъ свѣтъ покровительства твоего, болѣе пролито здѣсь крови и болѣе претерпѣлъ непріятель. Не нужны и не полезны мы, государыня, ни тебѣ, ни преемникамъ твоимъ, но христіанскаго закона ради, который равно какъ и Грузины исповѣдаютъ, просимъ быть приняты на равномъ съ ними основаніи подѣ сильное покровительство твое.“

„Даруй, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ и преемникамъ моимъ ту же самую защиту которая дарована тобою Карталинскому и Кахетинскому царю Ираклію и свѣтлѣйшаго дома его наслѣдникамъ. Сохрани равно въ лицѣ моемъ и наслѣдниковъ моихъ права и преимущества прежнихъ царей Имеретинскихъ. Лучъ милости и самодержавія твоего, всемилостивѣйшая государыня, да просвѣтитъ наконецъ царство сіе, настоящаго онымъ владѣтеля, князей, воинство и народъ. Всѣ въ сердцахъ своихъ суть рабы, всѣ единогласно желаютъ быть подѣ защитой освященнаго твоего престола, всѣ отвергаемъ въ лицѣ всего свѣта всякую власть надъ нами“

кого-либо другаго, кромѣ Всероссійскаго престола и сіе всеподданнѣйшее наше прошеніе подтверждаемъ подписаніемъ и печатами нашими.“ *

Прошеніе это не достигло еще до С.-Петербурга когда въ Имеретіи произошла перемѣна въ правительствѣ. Въ два часа пополудни, 23го апрѣля, Соломонъ скончался апоплексическимъ ударомъ. Утромъ въ день Св. Георгія, онъ всталъ совершенно здоровымъ, и по отправленіи утренней молитвы, хотѣлъ одѣваться, но едва надѣлъ половину одного чулка какъ упалъ и лишился языка. Находившійся при царѣ Соломонъ докторъ Виттенбергъ, посланный въ Имеретію нашимъ правительствомъ, хотя и принималъ всевозможныя мѣры ко спасенію, но усилія его остались напрасными. **

За три дня до своей смерти царь Соломонъ отправилъ было депутатами въ Россію своего шурина князя Зураба Церетели и князя Христова, но кончина царя остановила ихъ въ Имеретіи. Вопросъ о томъ кто будетъ преемникомъ скончавшагося царя живо интересовалъ депутатовъ и всю Имеретію. Соломонъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола и потому скоролостижная кончина его поставила въ недоумѣніе первѣйшихъ людей Имеретіи. Не зная на что рѣшиться, они отправились къ доктору Виттенбергу и спрашивали, что имъ дѣлать?

— Вы, какъ мужи разумные, отвѣчалъ тотъ,—лучше меня знаете пользу отечества своего.

Послѣ взаимныхъ совѣщаній представители власти положили, по окончаніи церемоніи погребенія царя, избрать ему преемника, и тѣхъ же депутатовъ съ письмами покойнаго и вновь избраннаго царя отправить въ Россію.

Въ Имеретіи въ то время были два претендента на престолъ и оба они имѣли имя Давида; одинъ изъ нихъ былъ

* Прошеніе подписали: царь Соломонъ, два царевича Давыда: одинъ двоюродный братъ царя, другой племянникъ его, сынъ Арчила брата Соломона и внукъ царя Ираклія; затѣмъ подписали внукъ царя Соломона, владѣтель Гуріи князь Георгій со своими сыновьями: Симеонъ и Вахтангомъ, князья, митрополиты, архіереи и многіе дворяне.

** Рапортъ доктора Виттенберга Потемкину 25го апрѣля 1784 года.

двоюродный братъ умершаго, * лѣтъ тридцати отъ роду, а другой племянникъ—одинадцатилѣтній юноша. ** Оба они имѣли сторонниковъ и располагали большими или меньшими партіями своихъ преверженцевъ. Еще при жизни Соломона царь Иракій старался примирить его съ двоюроднымъ братомъ Давидомъ Георгіевичемъ и настаивалъ на томъ чтобы наследникомъ Имеретинскаго престола былъ внукъ его царевичъ Давидъ Арчиловичъ. Соломонъ уступилъ желанію Иракія, дозволилъ Давиду Георгіевичу возвратиться въ Имеретію и отдалъ принадлежавшія ему деревни, а одинадцатилѣтняго племянника Давида Арчиловича призналъ своимъ наследникомъ. Признаніе это не имѣло однакоже никакого значенія и послѣ смерти Соломона произошла обыкновенная борьба партій. Одни желали возвести на престолъ племянника, другіе—двоюроднаго брата ***.

— Намъ надобенъ такой царь, говорили приверженцы послѣдняго,—который могъ бы владѣть саблею и защищать свою землю, со свѣхъ сторонъ окруженную непріателемъ.

Споры и борьба партій продолжались до тѣхъ поръ пока сардаръ (фельдмаршалъ) князь Палуна Церетели, пользовавшійся большимъ уваженіемъ соотечественниковъ, не провозгласилъ царемъ своего шурина царевича Давида Георгіевича. Женатый на родной сестрѣ послѣдняго, князь Церетели надѣялся что по родству и содѣйствію къ возведенію на престолъ онъ пріобрѣтетъ при новомъ царѣ еще большія преимущества, вліяніе и значеніе. Предложеніе князя Палуны Церетели было принято большинствомъ, и 27го апрѣля Давидъ Георгіевичъ былъ объявленъ царемъ Имеретіи. На слѣдующій день онъ торжественно присягалъ и обязался защищать права своихъ подданныхъ, править ими по законамъ и

* Отецъ Давида царь Георгій былъ младшій братъ отца Соломона. Этотъ царевичъ Давидъ за сопротивленіе Соломону былъ изгнанъ изъ Имеретіи и жилъ въ Тифлисѣ, на содержаніи царя Иракія его родственника. Супруга Давида Анна Матвѣевна, урожденная княжна Орбеліани, была внучкой княгини Анны Теймуразовны Орбеліани, родной сестры царя Иракія. (Репортъ Бурнашева Потемкину 7го мая, № 34, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.)

** Молодой человѣкъ этотъ былъ сынъ Арчила роднаго брата Соломона и внукъ царя Иракія и царицы Дарьи.

*** Репорты Виттенберга Потемкину 25го и 26го апрѣля. Госуд. Арх. XXIII, № 13и, карт. 47.

быть вѣрнымъ подданнымъ Русской императрицы. Давидъ Георгіевичъ тотчасъ же увѣдомилъ о своемъ вступленіи на престолъ генералъ-поручика Потемкина и полковника Бурнашева, причемъ отправилъ къ обоимъ прошеніе духовенства, князей и народа, въ которомъ они просили исходатайствовать вновь избранному царю утвержденіе Русскаго правительства. Съ своей стороны царь Давидъ, высказывая желаніе идти по стезямъ своего предшественника и отправить посольство къ высочайшему двору, съ изъясненіемъ нуждъ и желаній Имеретинскаго народа, просилъ сохранить къ нему ту довѣренность которую Русское правительство имѣло къ покойному *.

Между тѣмъ устранимый отъ престолонаслѣдія царевичъ Давидъ Арчиловичъ, по совѣту своихъ приверженцевъ, обратился къ Ираклію, своему дѣду, съ просьбой защитить его право основанное на торжественномъ признаніи его покойнымъ царемъ Соломономъ наслѣдникомъ престола **. Эта просьба царевича Давида и борьба партій готовы были породить междоусобіе въ Имеретіи, гдѣ раздѣльность интересовъ имѣла мѣсто гораздо болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Лишь только скончался царь Соломонъ какъ владѣтель Мингреліи князь Дадіанъ, въ послѣднее время отложившійся отъ власти Имеретинскаго царя, желая пріобрѣсти еще болѣшую самостоятельность и независимость, сталъ интриговать противъ Имеретіи, стараясь усилить борьбу партій и произвести всеобщее волненіе. Дадіанъ отправилъ нарочнаго къ изгнанному изъ Имеретіи князю Абашидзе, призывая его въ Имеретію и обнадеживая своею помощію. Ходили слухи что точно такой же посланный отправленъ былъ Дадіаномъ и въ Константинополь съ увѣдомленіемъ что Соломонъ скончался и что Портъ представляется теперь самый удобный случай привести къ покорности народъ Имеретинскій.

Интриги Дадіана не остались безслѣдными. Князь Абашидзе прибылъ въ Трапезонду съ намѣреніемъ пробраться въ Имеретію и произвести тамъ волненіе. Солейманъ-паша Ахалцыхскій, узнавъ о вступленіи на престолъ Давида,

* Письма царя Давида генералу Потемкину 1го мая 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

** Репортъ Бурнашева П. С. Потемкину 7го мая 1784 года, № 34й. Тамъ же.

требовалъ чтобъ онъ по зависимости Имеретіи отъ Порты отправилъ въ Константинополь посольство съ просьбой объ утвержденіи его на престолѣ.

Опасаясь чтобы Турецкій дворъ не воспользовался неизбежнымъ волненіемъ при перемѣнѣ правленія въ Имеретіи, наше правительство признавало необходимымъ какъ можно скорѣе упрочить власть царя Давида, и потому Ираклію внушено было не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Имеретіи и признать установившійся тамъ образъ правленія. Ираклій хотя и считалъ себя оскорбленнымъ за то что престолъ вопреки обѣщанію покойнаго Соломона не перешелъ ко внуку его Давиду Арчиловичу, согласился однакоже признать законнымъ избраніе Давида Георгіевича. „Опасаясь какого-либо безпорядка или междоусобія въ Имеретіи, писалъ Ираклій П. С. Потемкину, * я въ настоящее время уклонился отъ моего права и далъ свое согласіе на признаніе Давида Георгіевича царемъ, но когда мой внукъ придетъ въ совершенный возрастъ, тогда судьба его будетъ зависеть отъ императорскаго двора.“

Грузинскій царь просилъ чтобы Русское правительство обязало царя Давида отдать во владѣніе его внука всѣ тѣ имѣнія которыми владѣлъ отецъ его Арчилъ, чтобы царь Давидъ призналъ своего племянника наслѣдникомъ по немъ и чтобы кромѣ имѣній уступилъ ему двѣ вооруженныя крѣпости со всѣми принадлежащими къ нимъ землями. Для болѣе успѣшнаго достиженія желаемого Ираклій старался соединить свое требованіе съ видами политическими и говорилъ что такая уступка крѣпостей необходима въ случаѣ уклоненія царя Имеретинскаго отъ интересовъ Россіи, ибо тогда онъ можетъ быть ослабленъ противодѣйствіемъ царевича Давида Арчиловича **. Въ сущности же Грузинскій царь главнымъ образомъ хлопоталъ о томъ чтобы внукъ его могъ безопасно жить въ Имеретіи, такъ какъ опасался чтобы люди услужливые, изъ угожденія новому царю, не отравили его.

Образованіе государства внутри государства не могло быть допущено нашимъ правительствомъ, какъ вещь крайне вредная,

* Въ письмѣ отъ 3го мая 1784 года. Тамъ же.

** Письмо Иракліа полковнику Бурнашеву 12го мая 1784 года Тамъ же.

и потому требованія Иракліа остались неудовлетворенными. Во избѣжаніе же взаимной вражды между членами царскаго дома и возможнаго междуусобія, генераль-поручикъ Потемкинъ поручилъ полковнику Бурнашеву отправиться въ Имеретію и устроить тамъ дѣла царства. Бурнашевъ пригласилъ ѣхать съ собою имеретинскаго католикаса Максима, давно оставившаго свое отечество и жившаго въ Грузіи *.

Максимъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Имеретіи, гдѣ его присутствіе, какъ человека преданнаго Россіи, могло быть весьма полезно, не только для нашихъ интересовъ, но для подкрѣпленія царя Давида и удержанія знатнѣйшихъ лицъ отъ взаимной вражды и своеволія. Царь Давидъ, сознавая то огромное вліяніе которое имѣлъ Максимъ на его подданныхъ и нуждаясь въ его содѣйствіи, также приглашалъ его въ Имеретію. Максимъ и на этотъ разъ отказывался ѣхать, но принужденъ былъ уступить настоянію полковника Бурнашева. **

„Одна только всеподданнѣйшая вѣрность къ ея императорскому величеству, говорилъ онъ, и повиновеніе на коимъ я въ бытность въ Россіи присягалъ, заставляютъ меня туда слѣдовать. Если угодно великой всемилостивѣйшей государынѣ, то я готовъ и жизнью пожертвовать.“ 1го іюня полковникъ Бурнашевъ вмѣстѣ съ католикосомъ Максимомъ выѣхали изъ Тифлиса. Непроходимость рѣкъ, вслѣдствіе бывшихъ предъ тѣмъ сильныхъ дождей, задержали ихъ путешествіе, и только 9го іюня достигли они до резиденціи Давида селенія Цха-цхоро, находившагося по Сурамской дорогѣ, верстахъ въ сорока отъ Кутаиса. Царь, духовенство, князья и множество народа выѣхали версты за три отъ селенія на встрѣчу прибывшимъ. „Я нашелъ ихъ всѣхъ, доносилъ Бурнашевъ, *** вооруженныхъ лартіями, съ примѣтнымъ безпокойствомъ, какъ будто въ ожиданіи отъ пріѣзда моего своего успокоенія. Всякъ жаждалъ слушать слова обнадеживающія

* Поводомъ къ удаленію Максима изъ Имеретіи было несогласіе его на бракосочетаніе сына царя Соломона, царевича Александра, желавшаго вторично жениться при живой женѣ оставленной имъ въ Тифлисѣ. Покойный царь Соломонъ нѣсколько разъ предлагалъ Максиму возвратиться въ Имеретію, но тотъ, зная непостоянство соотечественниковъ, оставался въ Грузіи.

** Репортъ Бурнашева Потемкину отъ 25го мая № 44.

*** Репортъ полковника Бурнашева Потемкину 13го іюня № 51.

ихъ въ высочайшей милости и покровительствѣ Екатерины Великой.“

Всегда предупредительные къ Русскимъ, Имеретины на этотъ разъ казалось хотѣли превзойти себя. Нуждаясь теперь болѣе чѣмъ когда-либо въ покровительствѣ и поддержкѣ Россіи, царь, вельможи и даже простой народъ заискивали въ полковникѣ Бурнашевѣ. Они опасались чтобы со смертію царя Соломона не прекратилось и расположеніе Русской императрицы къ Имеретіи. Ихъ успокоивало только присутствіе католикоса. Максима, прибытіе котораго въ Имеретію объясняли тѣмъ что страна эта вѣроятно не лишилась еще покровительства Россіи. Максимъ былъ принятъ съ особеннымъ восторгомъ какъ царемъ, такъ и всѣми его подданными. Давидъ тотчасъ же возвратилъ ему всѣ права, имѣнія и въ своемъ письмѣ П. С. Потемкину * называлъ Максима украшеніемъ страны; народъ же смотрѣлъ на своего католикоса какъ на святаго человѣка и единственнаго примирителя всѣхъ партій враждебныхъ другъ другу **.

Причина безпокойнаго настроенія Имеретинъ скоро выяснилась: оно происходило отъ непрочности новаго правительства, отъ недовѣрчивости другъ къ другу и отъ неопредѣленности положенія каждаго изъ присутствовавшихъ. Бурнашевъ замѣтилъ среди собравшихся двѣ партіи если не вполне враждебныя, то по крайней мѣрѣ не вошедшія въ соглашеніе другъ съ другомъ: одна болѣе многочисленная поддерживала сторону царя, другая—царевича Давида Арчиловича. Последняя состояла изъ толпы вооруженныхъ, но бѣдныхъ и ничтожныхъ людей, преимущественно изъ тѣхъ у коихъ отняты были имѣнія покойнымъ царемъ Соломономъ. Терять имъ было нечего, а поддерживая царевича, они надѣялись въ случаѣ успѣха улучшить свое состояніе.

Обѣ партіи смотрѣли на полковника Бурнашева какъ на лицо присланное Русскимъ правительствомъ установить въ Имеретіи правленіе, а слѣдовательно и спокойствіе. Въ ожиданіи такого рѣшенія всѣхъ занималъ вопросъ о томъ, какое участіе будетъ принято въ судьбѣ царевича Давида

* Письмо Давида Потемкину отъ 13го іюня 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13ѣ, карт. 45.

** Письмо ему же безъ числа отъ всѣхъ сословій народа. Тамъ же, карт. 47.

Арчиловича, и если вновь избранный царь будетъ оставленъ на престолѣ, то удержать ли свою власть и чины тѣ лица которыя были при покойномъ царѣ Соломонѣ? До окончательнаго разъясненія этого вопроса обѣ партіи не сходились другъ съ другомъ.

„Необычайно видѣть сіи толпы вооруженныя, писалъ Бурнашевъ *; каждый бояринъ имѣетъ свою немалую за собою свиту таковыхъ людей. Хотя они и всѣ стекаются подъ единое покровительство всеавгустѣйшей нашей государыни, но безпокойство отъ незнанія своей участи и недоувѣрчивость между собою содержала ихъ въ крайнемъ мыслей кутлвнн. Не имѣя страха къ строгости царя Соломона, считаютъ они, какъ кажется, новаго своего царя яко по милости ихъ избраннаго и не сильнаго сдѣлать имъ никакого прещенія.“

При содѣйствіи католикоса Максима полковнику Бурнашеву удалось примирить враждовавшія партіи и возстановить спокойствіе въ Имеретіи. Царь Давидъ рѣшился дать письменное обязательство, въ которомъ высказалъ будущія отношенія къ своимъ подданнымъ. Онъ объявилъ непремѣнное желаніе отправить посольство въ Россію, съ просьбой о покровительствѣ; обѣщалъ обезпечить царевича Давида и поручилъ его олектъ католикоса Максима, какъ его крестнаго отца. Князей и дворянъ царь обѣщалъ оставить при занимаемыхъ ими должностяхъ и званіяхъ и во всемъ поступать по сущей справедливости. Съ своей стороны князья, духовенство и дворяне письменно обязались быть вѣрными царю и исполнять всѣ его повелѣнія безпрекословно **.

Бурнашевъ уѣхалъ изъ Имеретіи, но спокойствіе въ ней не установилось. Сардарь князь Палуна Церетели первый подалъ поводъ къ новымъ замѣшательствамъ. Провозглашая своего шурина царемъ Имеретинскимъ, Церетели разчитывалъ на многія преимущества, но къ сожалѣнію замѣтилъ что Давидъ не оказываетъ ему никакихъ предпочтеній предъ другими. Онъ надѣялся быть первымъ лицомъ въ Имеретіи, но увидѣлъ что царь обращается за совѣтами къ Бурнашеву и католикосу Максиму, какъ человѣку наиболѣе свѣдущему и опытному. Палуна Церетели возненавидѣлъ этихъ

* Генералу Потемкину отъ 18го іюня № 51.

** Репортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 26го іюня, № 52.

лицъ и рѣшился противодѣйствовать царю во всемъ что не исходило изъ его совѣтовъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда полковника Бурнашева онъ подговорилъ князя Боро Цилукидзе и другихъ знатнѣйшихъ лицъ заявить что они несогласны на отправленіе посольства въ Россію, и когда царь сталъ настаивать на этомъ, то партія Церетели и Цилукидзе рѣшилась оставить Давида. Покинувъ царскую резиденцію они разѣхались по домамъ. Удивленный такимъ поступкомъ Давидъ послалъ спросить ихъ о причинѣ удаленія и требовалъ чтобы всѣ князья оставались при немъ до отправленія посольства.

— Мы о посольствѣ ничего не знаемъ, отвѣчали князья посланнымъ,—и если царь хочетъ, то можетъ самъ ѣхать въ Россію, а изъ насъ никто не поѣдетъ.

Пріѣхавъ самъ въ Кутаисъ и зная что источникомъ всѣхъ волненій князь Палуна Церетели, царь Давидъ просилъ бывшаго при немъ доктора Виттенберга узнать о причинѣ неудовольствій.

— Отчего вы такъ послѣшво оставили царя, спросилъ Виттенбергъ Палуну Церетели,—вы который содѣйствовали возведенію его на престолъ?

— Намъ досадно было, отвѣчалъ тотъ,—что царь переговаривался съ полковникомъ Бурнашевымъ безъ нашего согласія.

— Но вѣдь вы всѣ тутъ были и также съ Бурнашевымъ говорили.

— Правда, мы съ нимъ говорили, но мы просили царя чтобы онъ съ нимъ никакого дѣла не имѣлъ, а царь дѣлалъ все это намъ въ досаду.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать? спросилъ Виттенбергъ.

— Возведемъ на престолъ малолѣтняго Давида, отвѣчалъ Церетели.

Это извѣстіе встревожило Давида тѣмъ болѣе что не упрочивъ еще за собою власти онъ получалъ неусложнительныя извѣстія изъ Турціи. Порта объявила царемъ Имеретіи находившагося въ изгнаніи князя Кайхосро Абашидзе, искавшаго престола, обѣщавшаго Турецкому правительству платить дань и посылать ежегодно въ Константинополь 190 мальчиковъ и дѣвочекъ *. Князь Абашидзе отправилъ письма къ

* Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 10го октября, № 461.

первѣйшимъ князьямъ Имеретіи, въ которыхъ сообщалъ что Порта обѣщала дать ему двѣнадцать тысячъ войска и что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ явится въ Имеретію.

— Мы получили письмо изъ Турціи, говорилъ загадочно князь Зурабъ Церетели лѣкарю Виттенбергу,—и скоро въ Имеретіи произойдетъ нѣчто новое.

Виттенбергъ зналъ на что намекаетъ Зурабъ, зналъ что дѣло идетъ о прокламаціяхъ князя Абашидзе и потому старался представить князю Зурабу Церетели то бѣдствіе въ которое будетъ вовлечена Имеретія, если опять подпадетъ подъ власть Турокъ, и при этомъ замѣтилъ что Россія не придетъ уже тогда вторично къ ней на помощь.

— Конечно, говорилъ Виттенбергъ,—Россіи до Имеретіи очень мало нужды, но вспомните что потомки ваши будутъ оплакивать это несчастіе.

— Я всею душой радъ бы былъ, отвѣчалъ Зурабъ,—и желаю чтобы Россія приняла Имеретію подъ свое покровительство, но что мнѣ сдѣлать, когда братъ и Бери Цилукидзе не хотятъ чтобы послы были посланы въ Россію.

— Уговорите вашего брата, оставьте Цилукидзе и обратитесь къ царю; Цилукидзе одному нечего будетъ дѣлать.

Совѣтъ Виттенберга подѣйствовалъ и князья Церетели пожирились съ Давидомъ *. Царь хотѣлъ воспользоваться этимъ примиреніемъ и наказать князей Цилукидзе. Онъ приказалъ окружить домъ ихъ въ Кутаисѣ, съ намѣреніемъ захватить всю фамилію въ свои руки. Въ то время одна изъ дочерей князя Цилукидзе была сговорена уже за царевича Вахтанга, сына царя Ираклія, и женихъ долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени пріѣхать въ Кутаисѣ. Узнавъ объ опасности угрожающей фамиліи князей Цилукидзе, царевичъ Давидъ Арчиловичъ, какъ родственникъ царевича Вахтанга, собралъ толпу вооруженныхъ и отправился на выручку осажденныхъ. Оласаясь кровопролитія, а главное вмѣшательства Ираклія II, царь Давидъ оставилъ свое намѣреніе захватить Цилукидзе и, чтобы задобрить царевича Давида, рѣшился уступить ему, въ области Рачъ, крѣпость Минау, со всѣми принадлежащими къ ней домами и вотчинами **.

* Письмо доктора Виттенберга генералу Потемкину отъ 9го августа 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 138, карт. 47.

** Письмо царевича Давида царю Ираклію безъ числа. Госуд. Арх. XXIII, № 138, карт. 47.

Князя Циаукидзе примирились съ царемъ и присягнули быть ему вѣрными, а Давидъ не только простилъ ихъ, но въ послѣдствіи ходатайствовалъ даже одному изъ нихъ, и именно сардарю, награду отъ щедротъ императрицы *. Царевичъ Давидъ Арчиловичъ приобрѣлъ своимъ поступкомъ большое значеніе въ Имеретіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерасположеніе царя и всей преданной ему партіи. „Мы и Давидъ племянникъ нашъ, писалъ царь полковнику Бурнашеву **, спокойны не будемъ и между нами согласіе и любовь совершенна быть не можетъ, да и жизнь наша благополучна. Для того просимъ донести его высочеству царю (Ираклію), дабы онъ дозволялъ сего молодого человѣка воспитать порядочно и приказалъ непостоянныхъ людей отдать на малое время для вашей общей пользы.“

Имеретинскій царь видѣлъ въ царевичѣ Давидѣ опаснаго себѣ соперника и потому естественно искалъ случая или ослабить его, или вовсе удалить изъ Имеретіи. Возникшая между ними вражда, какъ увидимъ, была поводомъ ко многимъ волненіямъ въ странѣ и безъ того отличавшейся полнѣйшимъ безначаліемъ, въ странѣ, гдѣ власть царя не была еще упрочена, гдѣ князья и народъ привыкли къ своеволю, гдѣ каждый искалъ случая ловить рыбу въ мутной водѣ и обогатиться насчетъ ближняго. Только участіе Россіи, которое принимала она въ единоувѣрномъ ей народѣ, удерживало Имеретію отъ разложенія и конечной гибели.

Зная о покровительствѣ Россіи, владѣтель Мингреліи князь Дадіанъ оставилъ свои проски и призналъ надъ собою верховную власть царя Имеретинскаго; его примѣру послѣдовалъ и владѣтель Гуріи. На взаимномъ свиданіи царь Давидъ и оба эти владѣльца постановили жить въ мирѣ, содѣйствовать другъ другу во всемъ что касается спокойствія и цѣлости Имеретіи и въ особенности дѣйствовать единодушно противъ вѣрныхъ враговъ, которые готовы уже были вторгнуться въ Имеретію.

Владѣтель Гуріи и Дадіанъ Мингрельскій получили по вѣсколку писемъ отъ князя Кайхосро Абашидзе, увѣдомлявшаго о скоромъ прибытіи въ Батумъ со многочисленнымъ

* Письмо царя Давида князю Потемкину 7го сентября 1784 года. Госуд. Арх. XV, 210.

** Въ письмѣ отъ 1го іюля, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 47.

турецкимъ войскомъ и призывавшаго ихъ на соединеніе съ нимъ, если не желаютъ своей гибели. *

Въ маѣ князь Кайхосро Абашидзе прибылъ къ анатолийскому пашѣ Аджи-Алию и вручилъ ему фирманъ Порты, повѣляющій пашѣ собрать тридцать тысячъ челоѣкъ войска и отправиться съ ними, послѣ праздника Байрама, въ Имеретію для возведенія князя Абашидзе на престолъ Имеретинскій.

— Самъ-то я не поѣду и изъ ближнихъ своихъ чиновниковъ тоже никого не отправлю, говорилъ паша одному изъ нашихъ чиновниковъ; **—а пошлю кого-нибудь изъ постороннихъ. Если Россія или Грузія вступятся за Имеретію, то не принимая въ томъ участія, буду смотрѣть на это дѣло какъ челоѣкъ посторонній.

Не смѣя ослабѣть повелѣній Порты Аджи-Али-паша отправилъ въ Потіи нѣсколько судовъ съ провіантомъ и приготовлялъ войска для отправленія туда же.

Получивъ свѣдѣнія о намѣреніи князя Абашидзе вторгнуться въ Имеретію съ турецкими войсками, царь Давидъ сталъ готовиться къ оборонѣ. Онъ собиралъ войска и чтобы подвинуть услѣшнѣе дѣло защиты отечества прибѣгнулъ къ хитрости. Царь составилъ подложное письмо, будто бы присланное къ нему генераломъ Потемкинымъ, и прочелъ его въ собраніи знатныхъ вельможъ и народа. Выслушавъ содержаніе письма, въ которомъ обѣщалась помощь Россіи въ томъ случаѣ если Имеретины будутъ дѣйствовать единодушно противъ общихъ враговъ отечества, всѣ собравшіеся клялись защищаться до послѣдней капли крови и постановили отправить немедленно посольство въ Россію ***.

* Письмо князя Кайхосро Абашидзе къ Гуріелю. Госуд. Архивъ XVIII, № 13, лал. 47.

** Посланному съ письмомъ пашѣ отъ генералъ-поручика Потемкина. Тамъ же.

*** Письмо Виттенберга генералу Потемкину отъ 9го августа 1784 года. Вотъ переводъ письма написаннаго царемъ Давидомъ отъ имени П. С. Потемкина и читаннаго въ собраніи. „Извѣстіе о приближеніи Турокъ до меня дошло и равно я слышалъ что идутъ напасть на васъ и на вашу земаю. Имъ предводитъ одинъ изъ Имеретинцевъ именемъ Абашидзе Кайхосро, которому обѣщано царство Имеретинское. Съ нимъ идутъ двѣнадцать тысячъ Турокъ воцарить его, за обѣщаніе султану поставить Имеретію, какъ она прежде была въ рабствѣ и съ непрѣмнною платой отроками обогнѣть“

Въ составѣ посольства были назначены католикосъ Максимъ, сирдаръ и салтъ-ухуцесъ князь Зурабъ Церетели, первый маванъ-бегъ князь Давидъ Квенухидзе и князь Бессаріонъ Габаловъ. Въ концѣ августа послы оставили Имеретію и отправились въ Петербургъ, куда и прибыли въ день Рождества Христова, 25го декабря.

На третій день послѣ пріѣзда посольство было принято княземъ Потемкинымъ, величественный видъ и веселое лицо котораго, по выраженію католикоса Максима *, „объщали намъ покровительство“. Свѣтлѣйшій обладежилъ ихъ милостию императрицы, которая пожаловала посланнымъ 8.000 руб. ** и 29го декабря удостоила ихъ своею аудіенціей. Послы были въ восторгѣ отъ привѣта великой монархини, отъ ея обладеживаній и наконецъ самой церемоніи съ которою производилось ихъ представленіе императрицѣ.

Въ то время когда въ Петербургѣ для посольства праздники сѣдовалъ за праздникомъ, въ Имеретіи происходили другаго рода событія: тамъ вторгнувшіеся Турки грабили и разоряли страну.

Въ половинѣ сентября князь Кайхосро Абашидзе дѣйствительно пріѣхалъ въ Батумъ, куда вмѣстѣ съ нимъ прибыла и часть турецкихъ войскъ; другая часть высадилась въ Поті. Новый претендентъ на Имеретинскій престолъ разсылалъ повсюду письма, приглашая Имеретинъ принять его сторону.

Половъ. Но кто смѣетъ напасть на ту землю которую защищаетъ императорское величество. Можетъ-быть они не вѣдаютъ что императорское величество покровительствуетъ Имеретіи и что Имеретинъ наивѣрнѣйшіе подданные императорскаго трона.

Покойный царь Соломонъ давно уже находился подъ сѣнію щедрой десницы всеавгустѣйшей государыни. Ваша свѣтлость, дайте сѣмъ вѣдать что ежели Турки приблизятся къ Имеретіи, я имѣю повелѣніе имъ воспрепятствовать не только разорять, но и входить въ оную. Какъ скоро вы о томъ извѣстите, я приму надлежащія мѣры; войска здѣсь готовы и никто не можетъ имъ противостать. Имѣю повелѣніе никого не пускать и нынѣ будьте вы осторожны храбры. Извѣщайте обо всемъ меня и присылайте пословъ, дабы мы увидѣли величіе и великолѣпіе высочайшаго двора.“ (См. Госуд. архивъ XV, № 210.)

* Госуд. Арх. XV, № 210.

** Католикосу 2.000, князьямъ Церетели и Квенухидзе по 1.500 р., вѣтъ 1.000 и на столъ 2.000.

Князь Абашидзе сначала предлагалъ Гуріелю и Дадіану союзъ и дружбу, но не успѣвъ склонить ихъ на свою сторону сталъ требовать аманатовъ. *

Не нарушая трактатовъ и мирныхъ постановленій съ Пертою, наше правительство могло оказать Имеретіи только косвенно помощь и содѣйствіе противъ замысловъ Турокъ. Генераль-поручикъ Потемкинъ отправилъ къ царю Давиду нѣкоторую сумму денегъ на военныя потребности; для привлеченія къ нашимъ интересамъ Дадіана Мингрельскаго и подъ видомъ засвидѣтельствованія сестры его царицы Дары объ усердіи Дадіана къ Россіи, императрица Екатерина II пожаловала ему, 18го ноября, орденъ Св. Александра Невскаго съ жемчужною звѣздой, штуку лентъ и десять звѣздъ безъ украшеній. При этомъ владѣльцу Мингреліи сообщено что если онъ сохранитъ расположеніе къ Россіи и останется вѣрнымъ ей, то можетъ разчитывать и на большія милости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица поручила своему посланнику въ Константинополѣ Булгакову настоять у Порты чтобы она оставила всякія покушенія на Имеретію и Грузію. Булгаковъ уполномоченъ былъ заявить Турецкому правительству что Россія, вступаясь за единовѣрные ей народы и избавляя ихъ отъ угнетеній, дѣлала это съ тою цѣлью чтобы они навсегда были обезпечены совершенною безопасностью и имѣли собственное правленіе и что Русское правительство не можетъ смотрѣть равнодушно на новыя бѣдствія „имъ приготавлиаемыя“. Желая сохранить дружбу и доброе согласіе съ Портою Оттоманскою, Русское правительство будетъ крайне сожалѣть, если держава эта подастъ поводъ къ новымъ расправамъ своими дѣйствіями, клонящимися на угнетеніе народа единовѣрнаго Россіи. Оставляя народъ Имеретинскій въ настоящемъ его состояніи, подъ управленіемъ нынѣшняго царя избраннаго народною волей и по указанію покойнаго Соломона, Порты сохранить тишину въ томъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ докажетъ свое миролюбіе, тогда какъ напротивъ всякое покушеніе противъ Грузіи и Имеретіи Петербургскій дворъ не можетъ принять иначе какъ за непріязненное дѣйствіе противъ Россіи.

Въ послѣднее время, и именно по принятіи Грузіи подъ

* Письмо царя Давида католикосу Максиму 26го сентября. Раш. Потемкина князю Таврическому 10го октября, № 461.

покровительство Россіи, пограничныя съ нею турецкія пашы, стараясь вредить царю Ираклію, рассылали къ Лезгинамъ возмутительныя письма „съ выраженіями непристойными“ для Россіи, а потому чтобы „министерство турецкое отнюдь не думало что можетъ оно мало-по-малу производить въ дѣйствиѣ вредныя намъ ихъ намѣренія“, императрица поручила Булгакову спросить Порту, по ея ли повелѣнію рассылаются подобныя возмутительныя воззванія или по своему волю пашей? Въ первомъ случаѣ дать ей почувствовать что дальнѣйшая рассылка подобныхъ воззваній можетъ произвести неприятыя послѣдствія, а во второмъ, то-есть если Турецкое правительство сложить всю вину на пограничныхъ пашей, требовать строгаго съ нихъ взысканія, какъ подающихъ поводъ къ нарушенію мира и добраго согласія между двумя союзными державами. *

„Быть-можетъ, писала императрица Екатерина въ другомъ рескриптѣ Булгакову, ** что министерство турецкое станетъ говорить о народѣ Имеретинскомъ что оный есть подданный Порты Оттоманской и присвоить потому право перемѣнять тамъ владѣтелей по своей волѣ, но таковой перемѣны мы никоимъ образомъ полустить не можемъ, а ежели бы вы не могли успокоить Порту до такой степени чтобы она оставила всякое движеніе въ томъ краѣ безъ дальнѣйшихъ изъясненій, то позволяемъ вамъ обратитъ дѣло сіе въ негоціацію, настоя однако жь непремѣнно, чтобы до окончанія сихъ переговоровъ, никакое прелятствіе не дѣлано было нынѣшнему царю Имеретинскому въ его правленіи и чтобы войска въ сію землю и противъ оной посылаемы не были. Что же принадлежитъ до царя Карталинскаго и его земель и вообще до дѣла въ Персіи, въ томъ никакой вопросъ со стороны Порты встать не можетъ.“

Инструкціи эти не достигли до Булгакова, когда Турки 30го октября въ числѣ 6.000 человекъ вторглись въ Персію. Дойдя до Озургетъ, они разграбили и выжгли семь селеній, разсѣяли жителей, но въ плѣнъ захватить ни одного не могли, ибо Гурійцы, узнавъ о приближеніи непріятеля, заблаго-

* Рескриптъ Булгакову отъ 7го октября. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, карт. 49.

** Рескриптъ отъ того же числа. Тамъ же.

временно скрылись въ безопасныя мѣста *. Царь Давидъ, собравъ до 4.000 Имеретинъ, выступилъ съ ними изъ Кутаиса и 3го ноября прибылъ въ селеніе Саджевахъ, въ которомъ и остановился на нѣсколько дней чтобы выждать прибытія къ нему новыхъ войскъ. Онъ отправилъ нарочнаго къ генерал-поручику Потемкину, прося помощи и увѣряя его что всѣ собравшіеся подъ его знамя Имеретины горятъ желаніемъ сразиться съ непріателемъ **.

На послѣднемъ переходѣ, наканунѣ предполагаемаго сраженія къ Давиду прибылъ нарочный съ письмомъ отъ генерала Потемкина. Царь воспользовался этимъ и просилъ посланнаго объѣхать его войска, причемъ приближенные Давида распустили слухъ будто нѣсколько русскихъ полковъ отправлены съ Кавказской линіи для подкрѣпленія Имеретинъ, и что посланный опередилъ ихъ только для того чтобы поторопиться доставить это извѣстіе въ лагерь имеретинскихъ войскъ. Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но они ободрили христіанское ополченіе настолько что въ послѣдствіи Давидъ сожалѣлъ что ему не пришлось сразиться съ Турками ***.

Зайдя въ тылъ непріателю и занявъ всѣ пути отступленія царь Давидъ намѣренъ былъ въ ночь на 12е ноября атаковать Турокъ, но „къ оскорбленію моему, писалъ онъ ****, невѣдомо кто изъ нашего общества предостерегъ враговъ моихъ“. Терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи, Турки какъ только услышали о мнимомъ приближеніи русскихъ войскъ и узнали что путь отступленія имъ отрезанъ и что Имеретины намѣрены атаковать ихъ, не выжидали нападенія. Разсѣявшись въ разныя стороны, они небольшими партіями перебрались въ Потю, оставивъ въ добычу Имеретинамъ весь свой лагерь, обозъ, тяжести, аммуницію, 1.400 ружей и даже

* Письмо царя Давида католикосу Максиму въ декабрѣ безъ числа. Госуд. Арх. XV, № 210.

** Письмо Давида генералу Потемкину 3го ноября. Госуд. Арх. XXIII № 13, карт. 48. Репортъ Бурнашева ему же, отъ 8го ноября. Тамъ же карт. 47.

*** Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 22го января 1785 года № 6. Письмо Давида Потемкину безъ числа. Госуд. Арх. XXIII, № 13, пап. 49 и 50.

**** Въ декабрѣ католикосу Максиму. Госуд. Арх. XV, № 210.

навьюченныхъ лошадей *. Предводитель Турокъ и виновникъ бѣдствія своего отечества князь Кайхосро Абашидзе бѣжалъ въ Трапезонтъ, откуда болѣе не возвращался.

Давидъ торжествовалъ. „Ваше превосходительство, писалъ онъ Потемкину, подтверждаете намъ о соединеніи мелкоколебимомъ; я имѣю честь уведомить что единодушіе нынѣ столь твердо что какъ будто сердца всѣхъ составляли единое. Всѣ единодушно готовы защищаться; всѣ единогласно молятъ Бога за августѣйшую нашу государыню.“

Съ удаленіемъ Турокъ Имеретія вздохнула свободнѣе отъ внѣшнихъ враговъ, но не избавилась отъ внутреннихъ безпорядковъ. Царь Давидъ для управленія народомъ не имѣлъ тѣхъ слобностей какія имѣлъ покойный царь Соломонъ, не умѣлъ поставить себя относительно своихъ подданныхъ и потому постоянно враждовалъ съ вельможами. Наиболѣе уважаемые Имеретинами, князья Церетели, Цилукидзе и другія лица, не пользуясь довѣренностію царя, отказались отъ чиновъ и, удалившись въ свои имѣнія, не принимали никакого участія въ управленіи страной. Простой народъ своевольничалъ; не слушалъ ни царя, ни поставленныхъ имъ правителей, избранныхъ большею частію изъ числа лицъ не заслуживавшихъ уваженія. Всѣми дѣлами царства управлялъ бѣжавшій изъ Грузіи князь Элиздаръ Эристовъ, женившійся на дочери покойнаго царя Соломона, но мало слобный къ управленію государственными дѣлами. Царь Давидъ по безграмотности, по неопытности въ дѣлахъ и наконецъ по слабости характера только залутывалъ дѣла и обыкновенно слѣдовалъ первому совѣту кого-либо изъ окружающихъ, набранныхъ изъ людей бѣдныхъ и безлокойныхъ. Пользуясь безхарактерностію царя, его приближенные обкрадывали Давида, претерпѣвавшаго крайнюю бѣдность и бывавшаго часто безъ хлѣба. Царь принужденъ былъ, въ началѣ 1785 года, для собственнаго пропитанія наложить на народъ новые налоги, но Имеретины отказались платить ихъ и послѣ народнаго собранія, постановили давать царю съ каждаго двора по червонцу, по 60 копѣекъ вмѣсто барана, по 6 лудъ гѣми, по 15 ведеръ вина, а за тѣмъ болѣе ничего не давать.

Примирившись съ Дадіаномъ Мингрельскимъ, царь Давидъ

* Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 22го января 1785 года, № 6.

считалъ его самымъ близкимъ себѣ другомъ и до того поддалъ подъ его вліяніе что безъ совѣта Дадіана не рѣшался предпринять ничего сколько-нибудь важнаго ни по дѣламъ внѣшнимъ, ни по внутреннимъ *. Онъ отдалъ въ управленіе Дадіана до 700 дворовъ, доходы съ которыхъ предоставилъ въ его пользу, но Дадіанъ, въ знакъ благодарности, старался усилиться насчетъ царя и поддерживалъ постоянные раздоры въ Имеретіи **.

V.

Положеніе Грузіи относительно сосѣдей.—Внутреннее состояніе страны.—Намѣреніе Ираклія подчинить своей власти хана Ганджинскаго.—Вторженіе Лезгинъ и отраженіе ихъ русскими войсками.—Интриги Порты и ихъ послѣдствія.

Введенные въ Грузію два егерскіе баталіона не могли одни защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ со всѣхъ сторонъ ея окружавшихъ и не могли оказать большаго вліянія на внутренній порядокъ или скорѣе безпорядокъ бывшій тогда въ Грузіи. Подданные магометанскаго закона дурно или вовсе не повиновались царю, а карталинскіе Татары были готовы къ бѣгству. Въ Адербеджанѣ, послѣ усилія Хойскаго хана, Ираклій потерялъ свое прежнее вліяніе и лишился подарковъ которые получалъ прежде; Ганджа почти отложилась отъ него; Эриванскій ханъ не платилъ дани и, поддерживаемый ханомъ Хойскимъ и лашой Ахалцыхскимъ, не признавалъ надъ собою власти царя Грузинскаго. Давишній союзникъ Ираклія Ибраимъ ханъ Шутинскій (Карабахскій) также сталъ уклоняться отъ союза, а сосѣдніе съ Грузіей Лезгины грабили и опустошали страну, отгоняя скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Защита страны находи-

* Вскорѣ послѣ возвращенія своего изъ похода въ Кутаисъ Давидъ напелъ тамъ посланнаго съ письмомъ отъ Солейманъ-лаши Ахалцыхскаго. Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо лаши, Давидъ отправился за совѣтомъ къ Дадіану, имѣлъ съ нимъ свиданіе на рѣкѣ Цхенисъ-Цхали и только по возвращеніи отправилъ посланнаго съ отвѣтомъ.

** Репортъ Бурнашева генералу Потемкину 19го августа 1785 года, № 34.

лась въ рукахъ наемниковъ худо радѣвшихъ о пользѣ Грузинъ. Усилить число своихъ войскъ Ираклій не находилъ возможнымъ, и на предложеніе генерала Потемкина платить своимъ войскамъ жалованье и давать продовольствіе отъ казны царь отвѣчалъ что это не въ обыкновеніи въ ихъ землѣ. „Если сію плату, писалъ Ираклій *, будемъ производить нашему народу, то невозможно будетъ умножать нашихъ войскъ другими народами и потому содержимъ наши войска безъ платы, а на сіи деньги умножаемъ ихъ число другими народами.“

Несмотря на свое безсиліе, Ираклій пытался возстановить потерянное имъ вліяніе въ Адербеджанѣ и упрочить свою власть въ Эриванѣ и Ганджѣ. Собравъ свои войска онъ отправилъ ихъ къ Ганджѣ подъ начальствомъ бывшаго въ Ганджѣ губернаторомъ князя Андроникова и Шамшадильскаго Али-султана. Ганджинцы встрѣтили Грузинъ въ садахъ окружающихъ городъ, но послѣ непродолжительной перестрѣлки принуждены были залереться въ крѣпости. Этотъ незначительный успѣхъ подалъ надежду Ираклію что Ганджинцы покорятся и безъ содѣйствія русскихъ войскъ, если только Фетъ-Али-ханъ Дербентскій не помѣшаетъ Ибраимъ-хану Шуминскому прислать свои войска въ помощь Грузинамъ. Опасаясь чтобы вражда возникшая между Дербентскимъ и Шуминскимъ ханами не помѣшала Ибраиму оказать содѣйствіе въ покореніи Ганджи, Ираклій просилъ Фетъ-Али оставить свои непріязненныя дѣйствія противъ Карабага. Посланный царя мирза Мисаилъ встрѣтилъ Дербентскаго хана на пути къ Карабагу, въ мѣстѣхъ Сальянахъ, гдѣ онъ принужденъ былъ остановиться со своими войсками по недостатку въ запасахъ продовольствія. Почти въ одно время съ мирзой Мисаиломъ прибылъ къ Фетъ-Али-хану посланный лаши Ахалцыхскаго, его казначей съ тремя тысячами червонныхъ, собольею шубой и часами усыпанными брилліантами. Посланный лаши увѣрилъ Дербентскаго хана въ непремѣнной помощи со стороны Турецкаго двора и передалъ ему письмо возбуждающее его къ дѣйствіямъ противъ Россіи.

„Милости и обогащеніе Карталини со стороны Россійскаго двора, писалъ Солейманъ, имѣють ту наклонность чтобъ

* Въ письмѣ П. С. Потемкину 29го декабря 1784 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 49.

обладать всѣмъ Ираномъ. Предувѣдомляемъ васъ заблаговременно о томъ; будьте готовы къ начатию (военныхъ дѣйствій) сего дѣла, а я вамъ отвѣчаю казною. Вы отъ тѣхъ мѣстъ начнете свое дѣло, а мы отсюда наладимъ на Грузію. Советую вамъ соединить всѣ свои силы; въ противномъ случаѣ расквитесь и скоро, когда ослабѣютъ всѣ ваши члены.“

Фетъ-Али-ханъ хотя и не вѣрилъ всѣмъ этимъ обѣщаніямъ, но хотѣлъ извлечь возможную пользу отъ такой присылки. Онъ отправилъ къ генералу Потемкину своего чиновника Садыкъ-мирзу съ извѣщеніемъ что къ нему прибылъ посланный отъ турецкаго паши съ подарками, которыхъ онъ не только не принялъ, но и письма не читалъ, что посланный отправился потомъ въ Карабагъ къ Ибраимъ-хану, который принялъ его съ особенными почестями, лущечною пальбой и въ присутствіи всѣхъ надѣлъ на себя халатъ присланный ему въ подарокъ.

„Вы изволите всегда мнѣ писать, говорилъ Фетъ-Али-ханъ въ письмѣ своемъ П. С. Потемкину *, что Ибраимъ-ханъ состоитъ подъ покровительствомъ ея величества и чтобъ его не притѣснять, но увѣряю васъ что онъ посылаетъ къ Турецкому султану посланниковъ съ секретными переписками и за то получаетъ себѣ подарки и вмѣшивается въ непристойныя дѣла, а я и поднесъ состою въ вѣрности ея величеству.“

Надѣясь получить одобреніе за мнимую преданность къ Россіи, Фетъ-Али-ханъ вмѣсто того получалъ отъ генерала Потемкина выраженіе сожалѣнія что отпустилъ посланнаго, П не задержалъ его въ своихъ владѣніяхъ, какъ бы слѣдовало поступить человѣку преданному Россіи **. Ошибійся въ расчетахъ Дербентскій ханъ видѣлъ что интрига его противъ Ибраимъ-хана Шушинскаго также не удалась. Онъ сознавалъ что военныя его предпріятія противъ Ибраима не могутъ быть успѣшны, такъ какъ большая часть его войскъ, не имѣя средствъ къ пропитанію, расходилась по домамъ, а между тѣмъ жители Карабага оставивъ селенія со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ и семействами, удалились въ горы и засѣвъ въ крѣпкихъ мѣстахъ, готовы были встрѣтить непріятеля.

* Отъ 10 января 1785 года, Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 49.

** Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину отъ 22го января, № 7й. Тамъ же.

Затруднительное положеніе въ которомъ очутился Фетъ-Али-ханъ было причиной что онъ встрѣтилъ посланнаго Ираклія съ особою предупредительностью. Онъ утвѣрялъ мирзу Мисаила что желаетъ сохранить съ царемъ Иракліемъ дружбу и доброе согласіе и, не имѣя никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Грузіи, не можетъ однако же примириться съ Ибраимъ-ханомъ. Дербентскій ханъ предлагалъ раздѣлить Карабагъ на двѣ части,—одну взять себѣ, а другую предоставить Ираклію, но съ тѣмъ чтобы въ этомъ раздѣлѣ Русскіе не имѣли никакого участія.

— Намъ нужно, говорилъ Дербентскій ханъ мирзѣ Мисаилу,—утвердить союзъ съ царемъ Иракліемъ присягой, аманатами или свиданіемъ. Я не требую отъ его высочества большого числа войскъ, а только пятьсотъ человекъ для завоеванія Карабага. Когда я возьму и разорю Шушу, я поселю жителей на равнинѣ. Татарскую орду принадлежащую Грузіи возвращу, а остальныхъ раздѣлимъ между нами, или такъ: Армяне достанутся его высочеству, а магометане мнѣ. Буде царю угодно будетъ, то сдѣлаемъ брата Ибраимъ-хана начальникомъ Карабага: пусть онъ намъ обоимъ служить. Если мои предположенія исполнятся, я не хочу имѣть никакого участія въ дѣлахъ Ганджи и тогда вся область перейдетъ къ царю.

— Его высочество, отвѣчалъ на это Мисаилъ,—находится подъ покровительствомъ Россійской императрицы и безъ совѣта русскаго начальника ни въ какія дѣла входить не станетъ.

Отвѣтъ этотъ не нравился Фетъ-Али-хану, желавшему отклонить отъ союза съ Ибраимъ-ханомъ.

— Коронованъ былъ вашъ царь? спросилъ Фетъ-Али-ханъ, какъ бы перемѣняя разговоръ.

— Корона въ родѣ нашихъ царей не новость, отвѣчалъ Мисаилъ;—они съ давнихъ временъ были всегда коронованы. Остановка въ семь произошла отъ того что свѣтаѣйшій князь (Потемкинъ) намѣренъ прибыть въ Моздокъ, а оттуда въ Карталинію, чтобы короновать царя при себѣ.

— Царь и предъ симъ ввелъ Россіянъ въ свое отечество, замѣтилъ Фетъ-Али-ханъ,—но никакого прока отъ нихъ не видалъ.... Чего вы отъ нихъ теперь ожидаете?

— Такія слова простительно говорить кому-нибудь другому, а не вамъ, когда вы существуете единственно поддержкой Россіи.

— Я не намѣренъ, отвѣчалъ Фетъ-Али-ханъ, — имѣть какое либо дѣло съ Русскими и дѣлать ихъ соучастниками въ моихъ поступкахъ. Если его высочество содержитъ нѣсколько войскъ російскихъ для своей стражи, пусть съ ними и совѣтуется, а я усиленно стараться буду завладѣть Карабагомъ.

Спустя нѣсколько дней Фетъ-Али-ханъ дѣйствительно пошелъ къ Карабагу. Ибраимъ вышелъ на встрѣчу непріателю и расположившись въ четырехъ миляхъ отъ него, въ одной изъ своихъ крѣпостей, просилъ помощи Ираклія. * Не имѣя въ своемъ распоряженіи свободныхъ войскъ, Грузинскій царь принужденъ былъ послать приказаніе Али-Султану и князю Андроникову чтобъ они, снявъ осаду Ганджи, слѣдовали на соединеніе съ Ибраимъ-ханомъ.

Ганджинцы торжествовали, тѣмъ болѣе что получили увѣреніе со стороны Фетъ-Али-хана что онъ употребитъ всѣ свои силы къ освобожденію заключеннаго хана и возвращенію ему владѣній. Чтобы скорѣе достигнуть желаемого и поддержать Фетъ-Али-хана, Ганджинцы стали склонять на свою сторону подданныхъ Ираклія Шамшадльскихъ и Шамхорскихъ Татаръ, которые, видя временный успѣхъ Ганджинцевъ, намѣрены были также отложиться отъ власти царя. Ираклій обратился тогда къ помощи русскихъ войскъ. Онъ просилъ полковника Бурнашева поддержать его въ экспедиціи противъ Ганджи. Бурнашевъ приказалъ тремъ ротамъ Горскаго баталіона слѣдовать въ селеніе Муганлу; одной ротѣ Бѣлорусскаго полка изъ Сурама и тремъ изъ Кизиковъ прибыть въ Тифлисъ, съ тѣмъ чтобы выступить оттуда вмѣстѣ съ грузинскими войсками. Общее соединеніе обоихъ нашихъ отрядовъ было назначено на рѣкѣ Алгетѣ. Въ Грузіи остались только три роты Горскаго егерскаго баталіона, расположенныя въ Сурамѣ и необходимыя для защиты страны отъ Лезгинъ, производившихъ набѣги со стороны Ахалцыха. **

Не оставая своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Грузіи, Солейманъ-паша содержалъ Лезгинъ на своемъ жалованьи и давая имъ пріютъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, направлялъ

* Письмо мирзы Мисаила князю Герсевану Чавчавадзе 7го марта 1785 года. Госуд. Архивъ XV, № 197.

** Репортъ Бурнашева Потемкину 22го февраля № 7. Госуд. Архивъ XXIII, № 18, лалка 49.

ихъ отъ времени до времени въ Грузію. На требованіе Потемкина чтобы лапа не держалъ у себя Лезгинъ, Солейманъ отвѣчалъ что онъ не имѣетъ возможности воспретить имъ приходить въ свои владѣнія и сваливалъ всю вину на Ираклія и его подданныхъ.

„Для чего Грузины, писалъ онъ, * пропускаютъ ихъ чрезъ свое отечество и не воспретятъ проходъ имъ въ Кахетію и Карталинію, чрезъ которыя они выходятъ и ко мнѣ. Какимъ образомъ мнѣ воспретить имъ входъ? тѣмъ болѣе что Леки (Лезгины) съ нами одного закона, по которому взаимная вражда и брань воспрещается. Не безызвѣстно также вамъ и то что Дагестанъ по своему положенію составляетъ ближайшее сосѣдство Грузіи и удаленіе отъ меня; что народу сему издревлѣ какъ Персія, такъ Ахалцыхъ и Карталинія не въ силахъ были въ отечества свои возбранить проходы. Довольно видно изъ сего что не я причиной и что я безсиленъ между двумя великими государями нарушить миръ нынѣ существующій.“

Солейманъ писалъ что не онъ нарушаетъ миръ, а Ираклій, который, вторгаясь въ турецкія владѣнія, выводитъ жителей въ Карталинію и что такимъ способомъ переселилъ къ себѣ нѣсколько сотъ крестьянъ.

Солейманъ считалъ себя въ правѣ поступать точно такимъ же образомъ и потому собралъ въ своихъ владѣніяхъ довольно значительную толпу (до четырехъ тысячъ) Лезгинъ и Ахалцыхскихъ Турокъ, которые, какъ „заподлинно извѣстно, писалъ князь Потемкинъ - Таврическій **, вызваны были въ сей походъ публичными крикунами“.

Въ апрѣлѣ 1785 года сборище это вторгнулось въ Карталинію, разорило три деревни и увлекло въ плѣнъ болѣе 600 человекъ жителей. Находявшійся въ Сурамѣ майоръ Сенненбергъ, по полученіи свѣдѣній о вторженіи въ Грузію значительной толпы хищниковъ, взялъ 200 егерей съ однимъ орудіемъ и бросился ихъ преслѣдовать. 16го апрѣля онъ достигъ ихъ на Ахалцыхской дорогѣ, въ семи верстахъ отъ Сурама, прижалъ къ лѣвому берегу рѣки Куры, и послѣ четырехъ

* Въ письмѣ П. С. Потемкину 12го марта 1785 года. Госуд. Архивъ XV, № 192.

** Въ ордерѣ П. С. Потемкину 22го мая № 146. Госуд. Арх. XXIII, № 135 папка 49.

часоваго сраженія разбилъ ихъ наголову. Болѣе 1.300 человекъ непріятелей погибло въ этомъ сраженіи; многіе изъ нихъ, спасаясь отъ русскихъ пуль и штыковъ, бросались въ Куру и тонули будучи не въ силахъ достигнуть до противоположнаго берега; множество тѣлъ плыло по рѣкѣ Курѣ до самаго Тифлиса. Наибольшая потеря пала на долю Турокъ, изъ коихъ 200 человекъ было взято въ плѣнъ *. Побѣда была полная и ее торжествовали въ Грузіи и Имеретіи. „Опыты храбрости нашихъ войскъ, писалъ Потемкинъ по поводу этой побѣды полковнику Бурнашеву **, и всегдашнее сокрушеніе Лезгинъ дерзающихъ противустоять храбрымъ нашимъ войскамъ, послужатъ въ доказательство царю и всѣмъ Грузинамъ, сколь велико для нихъ благополучіе быть подъ щитомъ руссійскаго воинства.“

Скоро Ираклій долженъ былъ самъ сознать справедливость словъ Потемкина, ибо Лезгины и Турки, желая отомстить пораженіе нанесенное имъ Сенненбергомъ, 27го мая, снова вторгнулись въ Грузію въ числѣ 1.200 Лезгинъ и 500 человекъ Турокъ. Выйдя ночью изъ Ахалцыха и спустившись внизъ по рѣкѣ Курѣ они опустошили нѣсколько селеній. Тотъ же майоръ Сенненбергъ взялъ 300 человекъ егерей, 125 Грузинъ и три орудія и выступивъ изъ Сурама пошелъ на встрѣчу хищникамъ. 28го мая обѣ стороны встрѣтились другъ съ другомъ. Непріятель со стремительною бросился на Грузинъ, смялъ ихъ и атаковалъ егерей. Послѣ часоваго, весьма упорнаго сраженія, майоръ Сенненбергъ, несмотря на замѣшательство Грузинъ, разсѣялъ непріятеля, оставившаго на полѣ 300 человекъ убитыми и 63 человека плѣнными ***.

Хотя Турки и Лезгины потерпѣли вторичное пораженіе, тѣмъ не менѣе поступки Солейманъ-паша заставили наше правительство требовать отъ Порты полного удовлетворенія, въ ожиданіи котораго Потемкину поручено было отправить къ сераскиру Хаджи-Али-пашѣ своего посланнаго „съ жалобой и настоять чтобы съ Солейманъ-пашой поступлено было яко съ нарушителемъ мирныхъ постановленій и чтобы пресѣчена была впредь навсегда подобная дерзость“.

* Репорты Бурнашева Потемкину 22го и 24го апрѣля, за №№ 18 и 19.

** Въ ордерѣ отъ 2го іюля № 30.

*** Государств. Арх. XX, № 263.

Письмо это точно также какъ и представленія нашего посланника въ Константинополь оставались безо всякаго исполненія. Турецкое правительство равнодушно смотрѣло на пребываніе нашихъ войскъ въ Грузіи и втайнѣ не только одобряло поведеніе пашы Ахалцыхскаго, но и старалось возмутить противъ Грузіи сосѣднихъ владѣльцевъ, не щадя для того ни денегъ, ни подарковъ. По всему Закавказью подъяли лутешественниковъ и торговцевъ развѣзжали посланные турецкимъ правительствомъ лица, стараясь убѣдить все магометанское населеніе что Россія обѣщала Ираклію покорить всю Персію. Какъ ни нелѣпы были эти толки, но они оказывали свое дѣйствіе и въ особенности когда лѣтомъ 1785 года въ Закавказьѣ появился Калиджи-баши развозившій фирманы султана, призывавшіе правовѣрныхъ къ сопротивленію замысламъ Россіи.

Правовѣрные принимали посланныхъ съ подобающимъ почетомъ, вѣрили въ широкое обѣщаніе Порты содѣйствовать имъ деньгами и войсками и ополчались противъ Грузіи. Въ августъ Ираклій получалъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о сборѣ на его границахъ многочисленныхъ враговъ: въ Ахалцыхѣ собирались Лезгинны и Турки, подстрекаемые и набираемые Солейманъ-пашой; Омаръ-ханъ Аварскій соединяясь съ Джаро-Бѣлоканцами, также приготавливался ко вторженію въ Грузію; магометанскіе подданные царя Ираклія волновались, переговаривались съ Лезгинами и обѣщали отложившись отъ царя присоединиться къ нимъ. Казахи дали даже слово съ появленіемъ Лезгинъ схватить жившаго среди нихъ царевича Георгія и передать въ ихъ руки. Посланные въ Дагестанъ лазутчики приносили каждый день все болѣе и болѣе угрожающія извѣстія и совѣтовали Грузинамъ заблаговременно сыскать для своихъ женъ и дѣтей убѣжища и скрыть въ безопасныя мѣста свое имущество *. Опасаясь болѣе всего вторженія Омаръ-хана, силы котораго простирались до 15.000 человекъ, Ираклій хотя и призывалъ къ себѣ на службу Ингушей и Осетинъ, обѣщая имъ хорошее жалованье, но считая свое положеніе безвыходнымъ, не думалъ уже объ оборонѣ границъ, а приказалъ жителямъ собираться въ четыре главные пункта, отстаивать которые и былъ намѣренъ. Пунктами

* Репорты подполковника Квашнина-Самарина Бурнашеву 3го и 17го августа 1785 года.

этими были города: Гори, Тифлисъ, Телавъ и Сигнахъ. Приказаніе это осталось далеко неисполненнымъ. Въ то время въ Грузіи не было единства и многіе изъ князей и дворянъ, предпочитая сѣдывать собственнымъ интересамъ, остались въ своихъ маленькихъ замкахъ *. Положеніе страны было критическое; Грузины собирались на защиту отечества медленно, вяло и неохотно, такъ что на услѣхъ отраженія непріятеля разчитывать было трудно.

„Долгомъ поставляю представить, писалъ полковникъ Бурнашевъ ** что по испытанію моему черезъ два года худую я имѣю надежду на Грузинъ, причины сему не мѣсто теперь объяснять. Не имѣю я конныхъ войскъ и для разѣздовъ, то нужно хотя бы сколько-нибудь имѣть оныхъ на сей случай; нужно и для того чтобы присланіемъ сикурса ободрить отъ унынія упавшихъ здѣшнихъ жителей, а непріятелямъ вперить страхъ умноженіемъ нашихъ силъ.“

Грузины находились дѣйствительно въ большомъ смятеніи, тѣмъ болѣе что Лезгины со стороны Ахалцыха, не ожидая Омаръ-хана Аварскаго, разсѣялись по всей Грузіи небольшими партіями, грабили и опустошали страну. Чрезвычайные жары изсушили всѣ рѣки, такъ что переправа черезъ нихъ не представляла никакихъ затрудненій и почти не было дня чтобы Лезгины не похищали гдѣ-нибудь скота, или людей, или не сжигали хлѣба, до котораго до сихъ поръ они никогда не касались.

Ираклій, не надѣясь на собственную защиту, повторялъ свою просьбу о присылкѣ русскихъ войскъ въ Грузію и доставленіи ему заимообразно 200 пудовъ пороху. Полковникъ Бурнашевъ сосредоточилъ въ Тифлисъ восемь ротъ своихъ баталіоновъ, съ тѣмъ чтобы двинуться съ ними противъ непріятеля, когда узнаетъ дѣйствительное направленіе которое онъ возьметъ при вторженіи въ Грузію. ***

Въ то время Потемкинъ не могъ оказать Ираклію никакой помощи, ибо всѣ войска расположенныя на Кавказской линіи были заняты усмиреніемъ волненій произведенныхъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа появившимся въ Чечнѣ пророкомъ.

* Репортъ Бурнашева 4го октября, № 42.

** Репортъ Бурнашева Леонтьеву 17го августа, № 38.

*** Реп. Бурнашева Потемкину 19 августа, № 33.

VI.

Пророкъ въ Чечнѣ и его ученіе о газаватѣ или священной войнѣ. — Неудачное дѣло полковника Піерра съ Чеченцами. — Волненія въ Кабардѣ. — Налаженіе горцевъ на Каргинскій редутъ и на Григоріопольскъ.

Въ началѣ 1785 года въ Чечнѣ явился пророкъ, по имени Мансуръ, * начавшій проповѣдывать новое ученіе. Уроженецъ селенія Алтыкабака, ** ластухъ званіемъ, Мансуръ принадлежалъ къ самымъ бѣднымъ жителямъ аула и имѣлъ въ то время около двадцати лѣтъ отъ роду.

— Отецъ мой, говорилъ онъ, *** — именовался Шебессе; онъ умеръ, но изъ братьевъ моихъ еще двое въ живыхъ. Я бѣденъ, все мое имѣніе состоитъ изъ двухъ лошадей, двухъ быковъ и одной хижины. Въ первые годы своей юности пасъ я овецъ, а возмужавъ упражнялся въ земледѣліи; грамотѣ не ученъ, читать и писать не умѣю, а выучилъ наизусть повседневныя пять молитвъ и узналъ основные догматы религіи. Я видѣлъ что соотчичи мои какъ простой народъ, такъ ученые и духовенство уклонились отъ путей закона, впади въ различныя заблужденія и отринувъ должное къ Богу почтеніе, постъ и молитву, стали жить развратно, утопая во всѣхъ родахъ злодѣяній. Мнѣ извѣстно было что съ давняго времени народъ нашъ слѣдуетъ дурнымъ обычаямъ воровать, убивать безо всякаго сожалѣнія нашихъ ближнихъ, и вообще ничего иного не дѣлать кромѣ зла; и самъ я поступалъ такимъ же образомъ. Но вспомнивъ смертный часъ и вѣдая что за неисполненіе закономъ повелѣнныхъ обязанностей долженъ буду дать отвѣтъ Богу на страшномъ судилищѣ, я вдругъ освѣтился размышленіемъ о родѣ жизни мною провозжаемомъ и усмотрѣлъ что онъ

* Дѣйствительное имя его было Учерманъ, передѣланное нами сначала въ Ушурму, а потомъ въ Мансура. Въ послѣдствіи и самъ пророкъ называлъ себя этимъ послѣднимъ именемъ.

** Такъ самъ Мансуръ называлъ то селеніе въ которомъ онъ родился. На нашихъ картахъ оно извѣстно подъ именемъ Алды.

*** Въ своихъ показаніяхъ Шешковскому и другимъ. Госуд. Арх. VII, № 2.777; XXIII, № 13, карт. 50—52.

совсѣмъ противенъ нашему святому закону. Я постыдился своихъ дѣяній и рѣшился не продолжать болѣе такой варварской жизни, а сообразить свое поведеніе съ предписаніями священнаго закона. Я далъ себѣ твердый зарѣкъ не слѣдовать худымъ примѣрамъ своихъ соотчичей, жить возможно и никогда не отставать отъ поста и молитвы. Я покался о грѣхахъ своихъ, умолялъ о томъ же другихъ, и ближайшіе мои сосѣди повиновались моимъ совѣтамъ.

Небольшое число послѣдователей новаго ученія не удовлетворяло однако же Мансура. Одаренный отъ природы гибкимъ умомъ и сильною волей, онъ умѣлъ вкрадываться въ довѣренность другихъ и, горя нетерпѣніемъ выйти изъ круга обыкновенныхъ людей, рѣшился для привлеченія къ себѣ бѣльшаго числа учениковъ прибѣгнуть къ хитрости и указать на себя какъ на посланника великаго Пророка. Однажды жители селенія Алды узнали что Мансуръ видѣлъ сонъ, доказывающій несомнѣнно что онъ избранникъ Божій.

— Во снѣ видѣлъ я, говорилъ Мансуръ его окружающимъ, — что пріѣхали ко мнѣ на дворъ два человѣка на лошадяхъ и звали меня къ себѣ. Я приказалъ женѣ выйти посммотрѣть и узнать: кто они и откуда? Жена, увидя верховыхъ лошадей, удивилась какъ могли они поласть на дворъ, ворота котораго были залепты накрѣлко.

Возвратясь къ мужу она объявила что на дворѣ дѣйствительно стоятъ два всадника, но кто они и откуда явились она не знаетъ. Тогда Мансуръ самъ пошелъ на дворъ. Пріѣхавшіе привѣтствовали его словами: селямъ алейкумъ, на которыя хозяинъ отвѣтилъ обычнымъ привѣтомъ, и вслѣдъ за тѣмъ услышалъ отъ гостей необычайныя слова.

— Повелѣніемъ Бога нашего, говорилъ одинъ изъ нихъ, — Магометъ пророкъ его прислалъ насъ къ тебѣ сказать что народы ваши всѣ пришли въ заблужденіе и не исполняютъ совсѣмъ закона даннаго имъ отъ Магомета. Увѣщевай народъ и передай ему наши слова, дабы онъ оставилъ свои заблужденія и шелъ по пути данному намъ закономъ.

— Народъ нашъ, отвѣчалъ будто бы Мансуръ, — не послушаетъ меня бѣднаго человѣка; да и не смѣю я сказать ему объ этомъ.

— Не бойся, говори, Господь тебѣ поможетъ и народъ повѣритъ всему что ты станешь проповѣдовать.

Всадники исчезли. Мансуръ три дня провелъ въ постѣ и

молитвъ и затѣмъ передалъ свое сновидѣніе братьямъ. Онъ говорилъ имъ что безвѣріе, закоренѣлые пороки, склонность къ грабежамъ и убійствамъ губятъ Чеченцевъ и готовятъ имъ осужденіе въ будущей жизни; что онъ по власти данной ему Богомъ можетъ исправить пороки своихъ соотечественниковъ, научить ихъ истинному закону и тѣмъ отвратить отъ ожидающаго ихъ бѣдствія. Братья приняли этотъ разказъ за бредъ воспаленнаго воображенія и запретили Мансуръ видѣнный имъ сонъ передавать постороннимъ.

— Люди тебѣ не повѣрятъ, говорили они,—а намъ будетъ стыдно.

Спустя два дня Мансуръ снова обратился къ братьямъ съ просьбой дозволить ему объявить сонъ народу.

— Приключеніе это тѣснить меня, говорилъ онъ со слезами,—и такъ мнѣ тягостно что если не объявлю народу, то долженъ умереть.

Послѣ такихъ словъ братья принуждены были согласиться. Мансуръ взошелъ, по обычаю, на крышу своего дома, закрылъ уста рукавомъ и тихимъ голосомъ сталъ созывать односельцевъ. „Какъ тихо ни луцалъ онъ свой голосъ, говорили въ послѣдствіи Алдидцы, но жители въ ту же минуту всѣ къ нему сбѣжались.“ *

Разказавъ собравшимся сновидѣніе, Мансуръ сталъ требовать покаанія.

— Оставьте взаимныя ссоры, убійства, кровомщеніе и простите другъ друга, говорилъ онъ народу.—Не курите табаку, не пейте ничего что изъ солода готовится и не прелюбоудѣйствуйте. Имѣніе телерешнее, какъ неправильно собранное и накопленное, истребите, хлѣба не сѣйте, ибо вмѣсто него каждый будетъ имѣть отъ Бога посланное. Именемъ Бога и его пророка Магомета улашиваю васъ послушайте меня, а если не исполните сіи заповѣди и не послушаете моихъ сказаній, то въ скорости подвергнетесь гнѣву Божію.

По выходѣ изъ мечети Мансуръ приказалъ зарѣзать двухъ барановъ и мясо ихъ роздалъ собравшимся. На слѣдующій день изъ двухъ воловъ, составлявшихъ все его имущество, онъ взялъ одного, обвелъ его, по обычаю, три раза вокругъ

* Показаніе Кайтуки Бакова 1го марта 1785 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 49.

кладбища и за тѣмъ зарѣзавъ раздѣлилъ мясо его, пополамъ: одну часть отдалъ бѣднымъ, а другую малолѣтнимъ учащимся въ школѣ. Благотворительность эта, на которую разчитывалъ и самъ Мансуръ, привлекла ему многихъ приверженцевъ. Безкорыстіе не въ характерѣ Чеченцевъ, и народъ, видя что Мансуръ раздаетъ бѣднымъ послѣднее свое имущество, преклонялся предъ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ видѣлъ въ бѣдномъ пастухѣ избранника пророка Магомета, подражать которому Мансуръ старался на каждомъ шагѣ. Одержимый подобно Магомету ладухими приладками,—по понятію магометанъ признаками вдохновенія,—Мансуръ часто притворялся ослабѣвающимъ и больнымъ. Онъ обыкновенно изнемогалъ и падалъ предъ слушателями, которые относили его въ другую комнату, гдѣ пролежать часа съ три, какъ бы въ безчувственномъ состояніи, онъ возвращался къ собравшимся съ разными пророческими предсказаніями.

— Потерпите немного, говорилъ онъ имъ,—и повѣрьте что увидите чудеса отъ Бога сотворенныя.

— Какія они будутъ? спрашивали нѣкоторые скептики изъ числа собравшихся.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ и не далѣе какъ черезъ три недѣли, отвѣчалъ онъ,—будетъ гласъ съ неба. Принявшіе мое ученіе возрадуются возвышенію о мнѣ; не принявшіе—поразятся скорбію и умственнымъ разстройствомъ, отъ котораго будутъ исцѣлены мною не прежде какъ по чистосердечномъ раскаяніи.

Зная наклонность своихъ соотечественниковъ ко грабежамъ и хищничеству и желая удовлетворить народной страсти Мансуръ сталъ проповѣдывать о необходимости войны противъ невѣрныхъ, придавая ей значеніе богоугоднаго дѣла.

— Волею Божіей, говорилъ онъ,—предстоитъ намъ идти на обращенія народовъ въ законъ магометанскій, сначала къ Карабулакамъ и Ингушамъ, потомъ въ Кабарду и наконецъ въ русскіе предѣлы, для истребленія христіанъ. Когда наступитъ то время, тогда мнѣ приказано свыше взять знамя, латку и выѣхать на Чеченскую равнину *. Туда соберется къ мнѣ со всѣхъ сторонъ столько войска что едва въ состояніи

* Равнина эта извѣстна подъ именемъ Красной Поляны, находится между рѣками Челхой и Аргунью.

будетъ оно на той полянѣ помѣститься. Я устрою изъ него стражу на девяти разныхъ мѣстахъ, по десяти тысячъ человѣкъ на каждомъ. Потомъ мы двинемся впередъ и тѣ кони не будутъ имѣть лошадей пойдутъ за нами лѣхими. Когда мы дойдемъ до Карабулаховъ и Ингушей, то встрѣтятъ насъ три бѣлые лошади съ полнымъ уборомъ. Пѣшіе обрадуются и бросятся ихъ ловить; каждый поймаетъ себѣ лошадь, а тѣ три бѣлые останутся свободными, пока всѣ лѣшіе не обзаведутся лошадьми. Слѣдуя по горамъ, мы станемъ обращать всѣхъ невѣрныхъ въ нашъ законъ и достигнемъ до рѣки Кумы, гдѣ присоединится къ намъ столь же большое войско изъ Стамбула.

Общая своимъ послѣдователямъ все что по понятію Чеченца составляетъ прелесть жизни, то-есть хищничество, соединенное съ богоугоднымъ дѣломъ обращенія невѣрныхъ на истинный путь, Мансуръ грозилъ карой тѣмъ кто не послѣдуетъ его ученію и совѣтамъ.

— Кто не повѣритъ моимъ словамъ, говорилъ онъ,—и останется въ прежнемъ заблужденіи, тотъ не удостоится быть среди войска. Таковые принуждены будутъ возвратиться въ свои дома, гдѣ встрѣтятъ ихъ малолѣтнія дѣти, станутъ укорять ихъ и плевать въ глаза. Пристыженные дѣтьми пойдутъ они за войскомъ, но не найдутъ его, точно также какъ не сыщутъ и своихъ домовъ. Оставшись безъ крова они будутъ искать убѣжища въ казацкихъ городкахъ. Отъ рѣки Кумы я пойду по русскимъ селеніямъ, и каждый изъ моихъ послѣдователей долженъ имѣть съ собою небольшой мѣдный кувшинъ чтобы въ пути по землѣ Русской черпать имъ воду изъ рѣкъ которыя отъ того пересохнутъ, а зачерпнувшій будетъ имѣть воды для себя и для лошади на цѣлый мѣсяцъ. Когда настанетъ время сражаться, тогда каждый изъ васъ получить отъ меня по небольшому ножу, который при взмахѣ противъ христіанъ будетъ удлиняться, колоть и рубить невѣрныхъ, а противъ магометанъ скрываться. Ни пушки, ни ружья невѣрныхъ не будутъ вредить намъ, а выстрѣлы ихъ обратятся на нихъ самихъ. Всѣ жители русскихъ селеній послѣдуютъ нашему закону. Скрывшіеся у Русскихъ наши единовѣрные принуждены будутъ также слѣдовать новому ученію, ибо тѣ кони сего не исполнять будутъ разрублены нами надвое, причемъ одна половина тѣла обратится въ собаку, а другая—въ свинью.

Суетворные до крайности Чеченцы вѣрили предсказаніямъ, тѣмъ болѣе что случившееся вскорѣ послѣ начала пророчества землетрясеніе принято было народомъ за чудо предсказанное ихъ новымъ учителемъ. Во второмъ часу дня 12го и въ ночь на 13е февраля, на протяженіи Кавказской линіи слышенъ былъ подземный гулъ и ощущалось колебаніе земли, слѣдовавшее по направленію отъ горъ на плоскость. Колебаніе это было настолько сильно что вода въ рѣкѣ Терекѣ волновалась какъ бы отъ жестокой бури. Землетрясеніе ощущалось въ Моздокѣ, Наурѣ, Григоріополискѣ, Екатериноградѣ, въ Павловской, Маріинской и Георгіевской крѣпости. Охвативъ значительное пространство, оно навело ужасъ на все туземное селеніе. Чеченцы видѣли въ немъ гнѣвъ Божій, исполненіе предсказаній Мансура, число послѣдователей котораго послѣ этого происшествія значительно увеличилось. Жители селенія Алды рѣшили разрядить ружья въ доказательство готовности ихъ прекратить кровомщеніе, перестали курить табакъ, лить бузу, стали одѣваться такъ какъ одѣвался самъ Мансуръ, въ платье турецкаго покроя, и составили вокругъ него особую стражу простиравшуюся до пятидесяти человѣкъ. Изъ этого числа двадцать человѣкъ занимали караулъ у воротъ, пятнадцать человѣкъ находились постоянно на дворѣ дома и пятнадцать въ сѣняхъ. Сверхъ того Алдинцы постановили оберегать всѣ пути сообщенія со стороны Россіи *.

Вполнѣ положившись на слова предсказателя, многія деревни стали готовиться къ походу, шили знамена и говорили что пойдутъ съ Мансуромъ къ Ингушамъ для обращенія ихъ въ магометанство и отысканія какого-то древняго Корана, будто бы хранящагося у Ингушей. Алдинцы увѣряли что Омаръ-ханъ Аварскій прислалъ Мансору письмо, въ которомъ, высказывая сочувствіе пророку, писалъ ему что получилъ отъ Порты въ подарокъ шубу и саблю при требованіи чтобъ онъ, собравъ войска, соединился со всѣми единозаконными. Омаръ-ханъ обѣщалъ черезъ двѣ недѣли самъ побывать въ Алдахъ и условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

* Показанія разныхъ лицъ приложенныя къ рапорту генерала Леонтьева П. С. Потемкину отъ 13го марта 1785 года. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 49.

Проществіе въ селеніи Алды скоро стало извѣстнымъ и въ сосѣднихъ аулахъ. Чеченцы съ разныхъ концовъ слѣдшили побывать въ Алдахъ сначала изъ любопытства, съ намѣреніемъ провѣрить ходившіе слухи, а въ послѣдствіи чтобъ удостоиться видѣть самого пророка. Послѣдній скрылся въ покояхъ своего дома и рѣдко показывался народу. Въ дни общественныхъ молитвъ или праздниковъ онъ выходилъ не иначе какъ одѣтый въ бѣлое платье и подъ покрываломъ. Любопытство прибывшихъ по большей части оставалось неудовлетвореннымъ и не видавъ пророка они обращались съ разспросами о немъ къ лицамъ его окружавшимъ и имъ избраннымъ. Естественно что въ интересахъ послѣднихъ было разказывать о своемъ учителѣ какъ о человѣкѣ необычайномъ и отмѣченномъ перстомъ Божиимъ. Придавая каждому слову и движенію таинственное значеніе и допуская къ себѣ лишь немногихъ, преимущественно тѣхъ свиданіе съ которыми могло принести ему нѣкоторую пользу, Мансуръ весьма успѣшно шелъ къ предположенной цѣли. Разказы о его святой жизни, его предсказаніяхъ и тому подобное, быстро распространялись, видоизмѣнялись, преувеличивались и скоро про Мансура стали разказывать необычайныя вещи. Одни говорили что пророкъ видѣлъ во снѣ будто онъ упалъ съ небесъ и оттого такъ сильно закричалъ что вся деревня то слышала; другіе увѣряли что онъ былъ мертвъ и потомъ воскресъ, и что это обстоятельство онъ самъ предсказалъ своимъ братьямъ.

— Сегодня я умру, сказалъ онъ имъ однажды,—но вы меня не хороните до другаго дня, и ежели я въ этотъ срокъ не возстану отъ мертвыхъ, то тогда погребите.

Притворившись мертвымъ Мансуръ имѣлъ терпѣніе пролежать цѣлыя сутки безъ движенія, а потомъ возсталъ къ удивленію своихъ ближайшихъ родственниковъ. Разказъ о его смерти и воскресеніи быстро разнесся по чеченскимъ селеніямъ и жители стали распространять про Мансура такія небылицы о которыхъ не подозрѣвалъ и самъ пророкъ. Чеченцы говорили что онъ иссушилъ источникъ и потомъ снова наполнилъ его водой; что однажды проснувшись нашелъ въ головахъ своихъ колья длиной въ четыре аршина, и потомъ объявилъ что если пойдетъ съ этимъ кольемъ противъ христіанъ, то станетъ оно длиннѣе шестьдесятъ аршинъ, а если противъ магометанъ, то сохнетъ и не станетъ колоть. Слава

о Мансурѣ распространился далеко за предѣлы Чечни; о немъ говорили на Кумыкской равнинѣ, въ горахъ и въ вѣд-рахъ Дагестана.

Лжелпророкъ старался воспользоваться такимъ всеобщимъ настроеніемъ.

Принявъ названіе шейха, * онъ сталъ требовать безусловнаго къ себѣ повиновенія. Въ послѣдствіи взятый въ плѣнъ и привезенный въ Петербургъ, онъ увѣрялъ что не присваивалъ себѣ никакихъ названій, но не отказывался отъ титуловъ будто бы данныхъ ему соотечественниками и другими горскими народами.

— Я ни эмиръ, ни пророкъ и никогда таковымъ не назывался, говорилъ онъ, ** но не могъ воспрепятствовать чтобы народъ меня таковымъ признавалъ, потому что образъ моихъ мыслей и жизни казался имъ какимъ-то чудомъ. Въ уединеніи своемъ я не зналъ что слухъ о моемъ раскаяніи распространился и я извѣстился только о томъ чрезъ посѣщеніе многихъ приходившихъ слушать мои наставленія объ исполненіи долга по закону. Сіе приобрѣло мнѣ названіе шейха и съ того времени почитали меня человѣкомъ чрезвычайнымъ, который могъ отречься отъ столь прибыточныхъ приманокъ, каковы воровство и грабежъ... Каждое слово мое было выслушиваемо съ жадностью и каждыя уста разказывали объ ономъ различно по своему уму, способности или надеждѣ отличиться... Слухъ обо мнѣ разсѣялся повсюду и у отдаленныхъ народовъ дали мнѣ титулъ пророка. Мнѣ приносили подарки деньгами, овцами, быками, ящцами, лошадьми, хлѣбомъ и плодами. Не имѣя при умѣренной жизни большой въ томъ надобности, я немедленно раздавалъ все получаемое и такимъ образомъ литаъ я бѣдныхъ послѣдователей закона Божія, которые съ своей стороны наставляли народъ не знающій донынѣ ни повиновенія, ни порядка.

Заручившись, при помощи благотвореній и подкула, значительнымъ числомъ послѣдователей и сознавая свое значеніе и силу, Мансуръ не остановился на полулутѣ, но зашелъ уже слишкомъ далеко. Онъ провозгласилъ себя имамомъ и смѣло объявилъ что великій Пророкъ Магометъ предвидѣлъ

* Въ официальной перепискѣ онъ былъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Шиха.

** Шешковскому 17го октября 1791 года. Госуд. Архивъ VII, № 2777.

появленіе такого имама и даже предсказалъ это въ одной обрядовой магометанской книгѣ, извѣстной подъ именемъ Зогратъ (?) и содержащей въ себѣ молитвы на каждую недѣлю.

— Есть, говорилъ Мансуръ, — магометанская книга называется Зогратъ. Въ ней написано ясно въ какое время явится имамъ Мансуръ. Объ этомъ читается по волѣ Божіей въ молитвахъ нашихъ. Теперь исполнилось пророчество: я — предвозвѣщенный Мансуръ имамъ. Кто мнѣ не повѣритъ тотъ беззаконникъ, и будетъ проклятъ. Помните что этотъ пръ есть преходящій, и мнѣ, Мансуру, предоставлено судьбой быть наставникомъ въ правилахъ Корана и указать надежный путь къ будущему блаженству. Если Богъ возлюбитъ кого изъ рабовъ своихъ, того осѣняетъ своею благодаію. Промысломъ и помощью Господа всемогущаго Мансуръ свергнетъ беззаконниковъ въ ровъ погибели. Богъ милостивъ, наставникъ заповѣдей Его терпѣливъ, а дѣла терпѣливыхъ всегда увѣнчиваются успѣхами.

Признавая за собою право, по званію имама, толковать догматы религіи, Мансуръ не стѣснялся тѣмъ что, какъ человекъ неграмотный, онъ не читалъ Корана и не зналъ даже главнѣйшихъ его основаній. Онъ прежде всего хлопоталъ о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ горскихъ народовъ и съ этою цѣлью требовалъ прекращенія кровомщенія, какъ обычая служившаго къ разьединенію общества. Затѣмъ онъ требовалъ строгаго соблюденія заповѣдей Магомета, раздачи милостыни, прекращенія грабежей и воровства, конечно между своими,* и наконецъ самонадѣянно объявилъ что ѣздить въ Мекку вовсе не нужно, а что всѣ тѣ кои придутъ къ нему на поклоненіе получатъ наименованіе хаджей. **

Не имѣя образованія и никакого знакомства съ догматами религіи, Мансуръ въ подробностяхъ своего ученія владалъ въ самыя грубыя ошибки и противорѣчія. Онъ позволялъ себѣ такіа уклоненія въ обрядахъ которыя явно противорѣчили основнымъ законамъ Магомета и потому на первыхъ же порахъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны ученыхъ

* Воровство и грабежи у горцевъ считались проступленіемъ только когда произведены были между своими.

** Рал. П. С. Потемкина князю Потемкину 2го октября, № 2, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

муллѣ, считавшихъ себя оберегателями чистоты магометанской религіи.

Дозволеніе данное Мансуромъ женщинамъ совершать молитву во время обыкновенныхъ ихъ болѣзней и запрещеніе пить бузу произвело большое впечатлѣніе среди чеченскаго духовенства. Нѣсколько ученыхъ муллѣ пріѣхали въ селеніе Алды и требовали отъ пророка объясненій, говоря что и разрѣшеніе имъ данное и запрещеніе совершенно противны Корану, написанному самимъ Магомтомъ. Муллы доказывали Мансору что запрещеніе приготовить солодъ и варить бузу лишаетъ народъ возможности одѣться, ибо выдѣлываніе овчины безъ солоду невозможно. Послѣ долгихъ споровъ Мансуръ принужденъ былъ сознаться въ несостоятельности своего ученія и разрѣшить какъ приготовленіе бузы, такъ и солода. Уступка Мансура уронила его въ глазахъ муллѣ вынесшихъ о немъ лонаніе какъ обманщика, пользующемся легковѣріемъ народа, но съ другой стороны возбудила въ самомъ Мансурѣ глубокую ненависть ко всему мусульманскому духовенству. Ненависть эта была настолько сильна что пророкъ рѣшался нарушить законы страны и презрѣть обычаемъ гостепріимства, священнымъ для каждаго Чеченца. Опасаясь однако же чтобы духовенство своимъ вліяніемъ не отклонило отъ него народъ, Мансуръ пустился на новую хитрость, на новый обманъ. Въ Шалинской деревнѣ жилъ братъ его жены, котораго онъ избралъ орудіемъ для исполненія своихъ намѣреній. Мѣсяца три спустя послѣ начала пророчествъ самого Мансура, Чеченцы узнали что въ Шалинской деревнѣ явился новый пророкъ, девятилѣтній мальчикъ Юсуфъ, сынъ Батырханна, который, не обучавшись грамотѣ, читаетъ Коранъ, пишетъ, проповѣдуетъ, даже исцѣляетъ больныхъ и въ особенности бѣснующихся. Люди любопытные отправлялись въ Шалинскую деревню и возвращались оттуда съ убѣжденіемъ что нѣчто высшее руководитъ Юсуфомъ во всѣхъ его поступкахъ и порученіяхъ.

— Однажды ночью, такъ разказывала поствителемъ мать Юсуфа, — сынъ мой сталъ читать сквозь сонъ молитвы. тѣ самыя которыя отправляются обыкновенно при намазѣ. Удивясь такому происшествію, я разбудила сына, но онъ просилъ меня не безлоконить его болѣе и олять заснулъ. Въ теченіе всего сна онъ не переставалъ читать молитвы, и

когда всталъ поутру, то не былъ веселъ, какъ бывалъ прежде, а скорѣе печаленъ. Такъ прошло время до полудня, и когда наступилъ часъ для отправленія намаза, то Юсуфъ исполнилъ его при всѣхъ своихъ родственникахъ съ такою точностію съ какою можетъ исполнить только ученый мулла. Въ тотъ же день вечеромъ онъ въ сопровожденіи своихъ односельцевъ пошелъ въ мечеть, гдѣ отправилъ богослуженіе, читалъ Коранъ и поучалъ народъ.

Сначала Шалинцы считали Юсуфа за волшебника, но въ послѣдствіи, руководясь разказами матери, признали его человѣкомъ святымъ.

— Когда Юсуфъ ложится спать, говорила его мать своимъ односельцамъ,—тогда является къ нему неизвѣстный человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ и въ красной чалмѣ и вынимаетъ изъ него духъ, оставляя въ тѣлѣ вмѣсто его какую-то трубочку. Вынувъ духъ онъ возводитъ его на небо въ особый покой, гдѣ сидящій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, одѣтый въ зеленое платье и красную чалму, на подобіе эфенди, разспрашиваетъ о людяхъ оставшихся на землѣ. Юсуфъ отвѣчаетъ что теперь магометане законъ отправляютъ какъ должно и живутъ въ тишинѣ, а сидящій человѣкъ научаетъ его чтенію Корана, обѣщая ему дать и самый Коранъ.

Въ такомъ состояніи, по словамъ матери, Юсуфъ находился часа по два, но не всякую ночь, а иногда черезъ одну, иногда черезъ двѣ ночи.

Одинъ изъ числа бывшихъ въ Шалинской деревнѣ Чеченцевъ, Али-Солтанъ Тыевъ, чистосердечно увѣрялъ бригадира Вишнякова что самъ видѣлъ какъ Юсуфъ отправлялъ намазъ и читалъ молитвы по-арабски. Тыевъ говорилъ что Юсуфъ пользуется большимъ уваженіемъ жителей, повинующихся вполнѣ его постановленіямъ, состоящимъ въ томъ чтобъ исполнять законъ какъ предписано въ Коранѣ, избѣгать воровства, кровомщенія, а главное имѣть полное повиновеніе къ алдинскому пророку Шихъ-Мансуру.

Послѣдній пріѣзжалъ въ Шалинскую деревню, видѣлся съ Юсуфомъ, котораго называлъ своимъ духовнымъ сыномъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Юсуфъ оказывалъ ему почтеніе и уговаривалъ всѣхъ слѣдовать его ученію.

Сколько ни старалось чеченское духовенство выставить

несостоятельность ученія Мансура, оно не могло отвратить народа отъ хитро-сплетенныхъ свѣтей и только навлекло на себя ненависть лжепророка. Видя со стороны духовенства противоудѣйствіе своимъ видамъ, Мансуръ сторонился мультъ, не вступалъ съ ними ни въ какія объясненія, отказывалъ въ ночлегѣ въ своемъ домѣ и наконецъ не удержался отъ того чтобы въ одной изъ своихъ проповѣдей не предсказать имъ въ будущей жизни самыя жестокия мученія. Говоря о скоромъ появленіи антихриста Мансуръ увѣрялъ что тогда наступитъ время, когда всѣ народы побѣгутъ въ ужасномъ смятеніи въ Тифлисъ.

— Тамъ, продолжалъ онъ,—отъ великаго стеченія людей послѣдуетъ голодъ и люди будутъ пожирать платье и тетиву отъ луковъ. Почти всѣ погибнутъ и немногіе лишь останутся. Въ то же время выйдутъ изъ земли полчища Даджала (антихриста) многочисленныя какъ трава и умножатъ бѣдствія рода человѣческаго. Потомъ явится пророкъ Иса и убьетъ Даджала, легіоны же его будутъ совершенно истреблены ядовитыми червями. Смердъ ихъ смоетъ трехдневный дождь, каждая капля котораго будетъ величиной со сливу. Останется разбросаннымъ на землѣ одно оружіе Даджала и народъ нашъ будетъ толить имъ леги триста лѣтъ. Во все это время будетъ царствовать пророкъ Иса для блага народа, а потомъ наступитъ преставленіе свѣта. Кто словамъ моимъ не вѣритъ, тотъ будетъ проклятъ въ этой жизни и въ будущей, особенно же адскому мученію подвергнутся нынѣшніе учителя изъ духовенства.

Какъ ни нехотѣли были всѣ проповѣди Мансура и его пророчества, но въ глазахъ суевѣрныхъ Чеченцевъ они имѣли значеніе полной достовѣрности. Большинство слушателей и послѣдователей проповѣдника были убѣждены что въ недалекомъ будущемъ должно совершиться торжество Ислама, и что всѣ страны куда ни пойдетъ пророкъ со своими учениками, покорятся ему и послѣдуютъ закону правовѣрныхъ.

Враждебное отношеніе Мансура ко всему населенію не исповѣдующему магометанской религіи, а главное стремленіе его соединить всѣхъ горцевъ въ одно цѣлое не могли быть оставлены безъ вниманія начальствомъ Кавказской линіи. Соединившись вмѣстѣ горцы могли образовать весьма значительную силу. По исчисленію генералъ - поручика П. С. Потемкина, въ случаѣ единодушнаго возстанія, Кумыки

(Андреевцы и Аксаевцы) могли легко выставить до 5.000 человекъ вооруженныхъ ружьями, Чеченцы до 4.000, обѣ Кабарды до 10.000, а съ присоединеніемъ къ нимъ мелкихъ племенъ, все ополченіе горцевъ могло достигнуть до 25.000 человекъ. Цифра эта была весьма велика, если вспомнить что число русскихъ войскъ разбросанныхъ по всему протяженію Кавказской линіи не превышало 27.000 человекъ, обязанныхъ защищать весьма обширную границу. Въ то время командующаго войсками не было на Моздокской линіи. Вызванный еще въ декабрѣ 1784 года въ Петербургъ, по вопросу объ открытіи Кавказскаго намѣстачества, генералъ - поручикъ П. С. Потемкинъ возвратился на линію не прежде конца сентября 1785 года. Командовавшій за его отсутствіемъ войсками генералъ-поручикъ Леонтьевъ не безъ опасенія смотрѣлъ на волненіе происходившее въ Чечнѣ и предписалъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ имѣть всю военную осторожность, приготовиться на случай нечаяннаго нападенія и всѣми мѣрами стараться захватить Мансура въ свои руки. Находившійся въ крѣпости Св. Маріи генералъ-майоръ Пеутлингъ, получивъ такое распоряженіе и имѣя извѣстіе что пророкъ намѣренъ прежде всего напасть на Карабулаховъ и Ингушей, усилилъ войсками ближайшіе къ Чеченцамъ пункты. Онъ отправилъ двѣ гренадерскія роты во Владикавказъ и 100 егерей въ Григоріополисъ чтобы на всякій случай быть въ лучшемъ оборонительномъ положеніи *.

Вслѣдъ за тѣмъ посты эти были еще болѣе усилены.

„Повторяемая извѣстія съ Кавказа, писалъ князь Потемкинъ ** о появившихся тамъ желпророкахъ и народномъ отъ сего волненіи сколь ни темны и ни обстоятельны, тѣмъ не менѣе требуютъ однако уваженія. Ваше превосходительство, не оказывая впрочемъ наружной заботы, могущей послужить къ ободренію мятежниковъ, прикажите сблизить нѣкоторое число войскъ на рѣкѣ Сунжѣ, гдѣ главное сколище желпророческое. Единный страхъ таковымъ движеніемъ произведенный будетъ удобенъ къ разогнанію сей сволочи.... Страхъ наказанія и надежда мзды имѣютъ въ тѣхъ народахъ всегда сильное дѣйствіе.“

* Письмо Пеутлинга П. С. Потемкину 17го марта 1785 году. Госуд. Арх. XXIII № 13, лал. 49.

** Въ ордерѣ генералу Потемкину отъ 26го апрѣля 1785 года.

П. С. Потемкинъ еще до полученія этого распоряженія приказалъ отправить во Владикавказъ баталіонъ пѣхоты на усиленіе тамошняго гарнизона и сосредоточить на рѣкѣ Сунжѣ, подъ начальствомъ генералъ-майора Шемякина, особый довольно сильный по тому времени отрядъ. Въ составъ послѣдняго были назначены два полка пѣхоты, одинъ баталіонъ егерей, нѣсколько эскадроновъ драгунъ и полкъ Уральскихъ казаковъ. Генералу Шемякину поручено было избрать позицію по своему усмотрѣнію и дѣйствовать рѣшительно, дабы усмирить волненіе въ самомъ началѣ и „не дать самой малой искрѣ произвести пламень“. * Вмѣстѣ съ тѣмъ П. С. Потемкинъ призналъ полезнымъ отправить къ горскимъ народамъ прокламацію, въ которой просилъ ихъ не вѣрить Мансуру и не слѣдовать его ученію.

„Къ неудовольствію моему извѣщенъ я, писалъ Потемкинъ въ своей прокламаціи Чеченцамъ и прочимъ горскимъ народамъ, ** что въ предѣлахъ Чеченскаго народа явился нѣкто изъ бродягъ, возмущающій живымъ прельщеніемъ спокойствіе народа. Называя себя пророкомъ, коего жи никто изъ разумныхъ вѣрить не можетъ и не долженъ, привлекаетъ ослѣпленныхъ суевѣровъ и обманываетъ ихъ. Таковое происшествіе не можетъ мною оставлено быть безъ надлежащаго разсмотрѣнія, а какъ я вскорѣ отъ высочайшаго ея императорскаго величества двора отправлюсь лаки въ кавказскіе предѣлы, симъ предварительно повелѣваю всѣмъ народамъ отнюдь не вѣрить лжепророчеству сего обманщика. По прибытіи моемъ, я скоро изобличу его обманы, его ложь и докажу народамъ что онъ не есть пророкъ, но лстецъ и обманщикъ, а дабы ослѣпленные его ложью не пострадали, то объявляю всѣмъ и каждому не вѣрить его прельщеніямъ и отъ него удалиться; если за симъ моимъ объявленіемъ послѣдуетъ кто обманщику, таковыя возчувствуютъ гнѣвъ и наказаніе.“

Объявленіе это, разосланное въ Чечню, Аксай и Эндери, не имѣло никакихъ послѣдствій и партія приверженцевъ лжепророка быстро возрастала. Съ каждымъ часомъ усиливавшійся Мансуръ сталъ проповѣдывать газаватъ или священную войну, и его ученіе, теряя мало-по-малу чисто религіозный

* Ордеръ П. С. Потемкина генералъ-поручику Леонтьеву 2го апрѣля № 20.

** Отъ 2го апрѣля № 21. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, папка 50.

характеръ, обращалось въ политическое стремленіе весьма для насъ опасное. Сознавая необходимость подавить волненіе Чеченцевъ въ самомъ его началѣ, князь Потемкинъ поручилъ лично извѣстному ему по своей энергіи полковнику Піери взять Астраханскій полкъ съ нѣсколькими орудіями артиллеріи и быстрымъ движеніемъ въ самое мѣсто сборища лжепророка стараться захватить его въ свои руки. Для поддержанія Піери приказано было отряду генерала Шемякина придвинуться къ Амиръ-хановой деревнѣ, а Московскій лѣхотный полкъ отправленъ къ Григоріополису. * Прибывъ къ мѣсту назначенія, Піери долженъ былъ требовать выдачи лжепророка, и если послѣдуетъ какое-либо сопротивленіе, то силой возстановить въ томъ краю спокойствіе.

„Полковнику Піери, писалъ князь Потемкинъ, ** прикажите по прибытіи къ сборищу дать знать прельщеннымъ отъ лжепророка что единое средство къ отвращенію предстоящаго имъ бѣдствія есть выдача сего обманщика, безъ сомнѣнія подосланнаго отъ противной стороны, и что въ случаѣ упорства подвергнуть они себя всей тяжести наказанія. Весьма желательно чтобы дѣло сіе было окончено безъ пролитія крови.“

Къ сожалѣнію первыя попытки наши въ этомъ отношеніи были неудачны. Полковникъ Піери слишкомъ увлекся, преибрегъ непріателемъ и не дождавшись посланнаго для его поддержки отряда бригадира Апраксина двинулся противъ Чеченцевъ, былъ окруженъ ими и потерпѣлъ пораженіе. Дѣло происходило такъ.

4го іюля между Науромъ и Калиновскою станціей собрались войска назначенныя для экспедиціи полковника Піери. Въ составъ отряда вошли: весь Астраханскій лѣхотный полкъ, баталіонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ гренадерскія роты Томскаго лѣхотнаго полка и сотня казаковъ Терскаго войска. Около четырехъ часовъ полудни полковникъ Піери выступилъ въ походъ, по направленію къ селенію Адды, до котораго считалось верстъ около пятидесяти. Пройдя всю ночь, онъ достигъ до береговъ рѣки Сунжи, отъ которой до селенія Адды оставалось не болѣе пяти верстъ. Путь къ селенію пролегалъ по густому и почти сплошному лѣсу. Желая застать жителей врасплохъ и воспользоваться всѣми

* Ордеръ П. С. Потемкина генералу Леонтьеву 10го мая, № 23. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, папка 50.

** П. С. Потемкину 6го мая, № 136. Тамъ же, папка 49.

преимуществами нечаяннаго нападенія, Піери рѣшился слѣдовать налегкѣ. Онъ оставилъ близъ переправы черезъ рѣку Сунжу весь обозъ и для его прикрытія мушкатерскія роты Астраханскаго полка подъ начальствомъ полковника Тамары. Переправившись съ остальными войсками черезъ рѣку Сунжу Піери вскорѣ вступилъ въ лѣсъ, по которому пролегла весьма извилистая дорога и до такой степени узкая что по ней едва могли проходить рядомъ только четыре человека. Близъ селенія Адды отрядъ встрѣтился съ тремя Чеченцами, изъ коихъ два были убиты, а третій успѣлъ дать знать лжелороку и его односельцамъ объ угрожающей имъ опасности. Несмотря на то Піери настигъ жителей врасплохъ, и въ десять часовъ утра, 6го іюля, зажегъ домъ Мансура и все селеніе Адды, состоявшее изъ четырехсотъ дворовъ. Лжелорокъ успѣлъ скрыться и селеніе было разграблено нашими гренадерами. Цѣль экспедиціи была достигнута и въ часъ полудни Піери предпринялъ обратное движеніе къ рѣкѣ Сунжѣ, но это-то движеніе и было гибельнымъ для нашего отряда. Разбѣянные Аддинцы успѣли собраться въ лѣсу, и соединившись съ жителями сосѣднихъ селеній, совершенно окружили небольшой отрядъ полковника Піери. Всегда горячіе при отступленіи непріятеля Чеченцы съ необыкновеннымъ увлеченіемъ насаждали на нашихъ егерей и почти уничтожили весь отрядъ. Командиръ Кабардинскаго егерскаго баталіона майоръ Комарскій предлагалъ остановиться на одной изъ полянъ и выждать прибытія отряда бригадира Апраксина, но Піери не принялъ этого предложенія и продолжалъ движеніе. Солдаты отступали мужественно, шагъ за шагомъ, но на половинѣ пути Піери былъ убитъ, а вслѣдъ затѣмъ и майоръ Комарскій смертельно раненъ. Потеря двухъ начальниковъ произвела совершенное разстройство въ отрядѣ. „Тутъ видно, доносилъ генералъ-поручикъ Потемкинъ, * что наши егеря совершенно побѣждали, ибо Чеченцы ихъ рѣзали безъ оборонныхъ, послѣ брали шатающихся по лѣсу въ плѣнъ.“ Успѣвшіе достигнуть до рѣки Сунжи бросились въ ея воды, нѣкоторые изъ нихъ утонули, другіе же достигли противоположнаго берега и соединились съ прикрытіемъ обоза. При отступленіи отрядъ потерялъ два орудія, отбитыя Чечен-

* Князю Потемкину отъ 8го ноября № 323. Госуд. Архивъ XXIII, № 13, карт. 50.

цами, лишился восьми человекъ офицеровъ убитыми и пяти сотъ семидесяти шести человекъ нижнихъ чиновъ,* изъ коихъ четыреста четырнадцать человекъ было убито. **

„Происшествіе за Сунжей, писалъ князь Потемкинъ***, тѣмъ сожалительнѣе что принатіе мѣръ надлежащихъ улучено. Я уже не говорю о томъ что покойный полковникъ Піери не обезпечилъ своей переправы и погорячился идти на Чеченцевъ, не дождавшись бригадира Апраксина къ своему подкрѣпленію, но удивляюсь что самъ генералъ-поручикъ (Леонтьевъ) не сталъ прежде въ близости сего мѣста станомъ чтобы наблюсть точность исполненія моихъ предписаній. Полковникъ Піери тутъ бы конечно не оставилъ требовать отъ Чеченцевъ лже-пророка или лучше сказать орудіе присланное отъ Турокъ и по отказѣ слѣдовать въ то селеніе гдѣ онъ находился. Тогда бы знали Чеченцы за чѣмъ идутъ къ нимъ и можетъ-быть предпочли бы выдать злодѣя нежели за него драться и подвергнуть себя мщенію.“

Полковникъ Піери былъ дѣйствительно оставленъ безо всякой поддержки, ибо бригадиръ Апраксинъ только 6го іюля получилъ приказаніе Леонтьева приблизиться къ Адигинской переправѣ, отъ которой находился не ближе двадцати вестрѣ. Хотя онъ тотчасъ же выступилъ по назначенію, но участь отряда Піери была уже рѣшена. Апраксинъ наткнулся на толпу Чеченцевъ, преслѣдовалъ ихъ до Алхановой деревни, сжегъ ее и возвратившись въ Малую Кабарду, написалъ лышное донесеніе о подвигахъ своего отряда.

„Если то были одни скрывшіеся жители деревни Алхановой, писалъ князь Потемкинъ, недовольный донесеніемъ Апраксина****, то о преимуществѣ одержанномъ надъ ними столь

* Изъ Астраханскаго полка выбыло 110 человекъ нижнихъ чиновъ; изъ баталіона Кабардинскаго егерскаго полка 402 человека и изъ двухъ гренадерскихъ ротъ Томскаго полка 64 человека. Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину 31го іюля № 36. Тамъ же.

** Остальные 162 человека были взяты въ плѣнъ и потомъ въ разное время выкуплены; точно также Чеченцы возвращали намъ обѣ пушки, изъ коихъ за одну взяли сто рублей.

*** Въ ордерѣ П. С. Потемкину, отъ 1го августа. Государствен. Архивъ XXIII, № 13, карт. 49.

**** Въ ордерѣ П. С. Потемкину 5го августа. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 49.

знатными силами можно было сказать короче. Достоинво однакоже примѣчанія что нѣсколькими ядрами, коихъ всѣхъ пущено только двадцать шесть, погибло въ одной схваткѣ сто семьдесятъ человѣкъ и что еще однимъ выстрѣломъ повалено болѣе половины толпы,—искусство артиллеристовъ чрезвычайное. Но менѣе удачи въ профилахъ: снятый съ мертвого патронташъ, нѣчто похожее на барабанъ, и таковое жъ знамя могли бы быть преданы молчанію, особливо когда уже и отданы казакамъ...”

„Я желаю, писалъ свѣтлѣйшій въ другомъ своемъ ордерѣ,* чтобы ваше превосходительство вперили всѣмъ начальникамъ отрядовъ, дабы избѣгать пушками и пугать, но употреблять выстрѣлы тамъ гдѣ артиллерія вредить можетъ, ибо я увѣренъ что всѣ горскіе жители, соединясь вмѣстѣ, не выдержатъ живаго огня нашихъ батарей.“

Увлеченіе полковника Піери имѣло гибельныя послѣдствія. Первый успѣхъ Мансура надъ русскими войсками народъ приписалъ его чудесамъ и исполненію пророчествъ. Значеніе пророка возвысилось не только въ глазахъ его соотечественниковъ, но и между сосѣдними народами. Кабардинцы волновались и готовы были пристать къ чеченскимъ хищникамъ. Побѣды бригадира Алраксина, о которыхъ онъ доносилъ съ такою подробностью, не испугали горцевъ и не ослабили ихъ приверженности къ Мансуру. Съ разныхъ мѣстъ и цѣлыми толпами шли они подъ знамена лжепророка и черезъ шесть дней послѣ сожженія Алхановой деревни напали на наши передовые посты. Мансуръ пріобрѣлъ теперь столь большую власть надъ народомъ что по собственному усмотрѣнію лишалъ жизни преступниковъ и вопреки ученію Магомета ввелъ обрядъ обрѣзанія. Чеченцы, не исключая стариковъ и жевщицъ, слѣдили исполнить этотъ обрядъ, судившій блаженство въ будущей жизни, и по неискусству операторовъ нерѣдко платились за это жизнью. Вся Чечня безпрекословно подчинилась Мансуру, но онъ, не довольствуясь этимъ, простиралъ виды еще далѣе. Лжепророкъ хотѣлъ привлечь подъ свои знамена все магометанское населеніе и обратить въ Исламъ и другія горскія племена не исповѣдававшія до сихъ поръ магометанства. Его ученики—эмиссары появились у Осетинъ и Ингушей и старались склонить ихъ на свою

* П. С. Потемкину отъ 1го августа 1785 года.

сторону. Осетины отказались слѣдовать ученію чеченскаго пророка, а Ингуши отправили нарочнаго къ подполковнику Матцену, находившемуся съ отрядомъ у Владикавказа.

— Будемъ ли мы блаженны, совершивъ обрѣзаніе? спрашивалъ посланный.

— Еслибъ отъ обрѣзанія могло произойти какое-либо чудо, отвѣчалъ Матценъ,—то я первый совершилъ бы его.

Ингуши отвергли предложеніе Мансура и остались въ недопоклонствѣ. Несмотря на эти неудачи, лжепророкъ не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ торжественно объявлялъ что въ скоромъ времени пойдетъ къ Кизляру и въ іюлѣ напалъ на Каргинскій редутъ находившійся верстахъ въ пяти отъ этого города. Хотя весь гарнизонъ редута состоялъ изъ одного оберъ-офицера и нѣсколькихъ человѣкъ рядовыхъ, но Чеченцы, несмотря на свою многочисленность, не могли овладѣть укрѣпленіемъ и принуждены были зажечь близъ лежащія строенія. Распространившійся огонь достигъ до пороховаго погреба и укрѣпленіе съ храбрыми его защитниками взлетѣло на воздухъ *.

Шихъ-Мансуръ торжествовалъ новую побѣду и честнымъ словомъ увѣрялъ своихъ легковѣрныхъ послѣдователей что Кизляръ точно также падетъ къ ногамъ правовѣрныхъ. Жители города были въ большомъ страхѣ. Командовавшій войсками на линіи, за отсутствіемъ П. С. Потемкина, генералъ-поручикъ Леонтьевъ самъ отправился въ Кизляръ чтобы усилить его войсками и принять мѣры къ его защитѣ. Въ Кизлярѣ онъ нашелъ два полка, Томскій и Астраханскій, причемъ двѣ роты послѣдняго находились на Очинской пристани для охраненія провіанта. Считая эти войска недостаточными для защиты такого пункта, Леонтьевъ просилъ астраханскаго губернатора прислать къ нему двѣ тысячи Каамаковъ, ** и приказалъ бригадиру Алраксину съ его отрядомъ слѣдовать къ рѣкѣ Малкѣ съ цѣлью не допустить Кабардинцамъ соединиться съ Чеченцами, а подполковника Вреде съ баталіономъ мушкетеръ отправилъ на усиленіе Григоріополиса.

Между тѣмъ находившійся въ крѣпости Григоріополисъ

* Репортъ Леонтьева П. С. Потемкину 16го августа. Госуд. Арх. XXIII, № 135, карт. 49.

** Репортъ Леонтьева Потемкину 16го августа, № 140.

майоръ Жильцовъ донесъ подполковнику Вреде что 26го іюля поутру прискакалъ къ нему владѣлецъ Малой Кабарды князь Джембулатъ и объявилъ что князь Дола со своими подвластными перешелъ на сторону Мансура; что жители подвластные князю Дола, опасаясь наказанія, приготовляются къ побѣгу, и что лжелпророкъ, по соединеніи съ Кабардинцами, намѣренъ напасть на Григоріополись. Получивъ эти свѣдѣнія, подполковникъ Вреде выслалъ тотчасъ же развѣздъ изъ тридцати пяти человѣкъ Донскихъ казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Павлова. Отвѣхавъ версть пятнадцать отъ укрѣпленія, развѣздъ нашъ наткнулся на небольшую партію Чеченцевъ, которую хотя и преслѣдовалъ версть пять, но настичь не могъ. Поутру 27го числа Павловъ отправленъ былъ олять для открытія непріятеля, имѣлъ съ нимъ перестрѣлку и донесъ что значительная партія Чеченцевъ вступила уже во владѣнія Малой Кабарды. Пріѣхавшій въ тотъ же день князь Джембулатъ сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Онъ говорилъ что Мансуръ со значительною толпою Чеченцевъ и своихъ приверженцевъ прибылъ въ селенія князя Дола и расположился въ его домѣ: что пророкъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ князей и владѣльцевъ Малой Кабарды и требовалъ чтобъ они съ нимъ соединились. Недовольные своими владѣльцами уздени и простой народъ съ радостію приняли предложеніе Мансура, надѣясь при его посредствѣ избавиться отъ деспотическаго правленія своихъ князей. Еще ранѣе появленія пророка въ предѣлахъ Кабарды уздени нѣсколько разъ обращались съ жалобой на притѣсненія владѣльцевъ и просили о дозволеніи переселиться въ предѣлы Россіи. Они писали что князя въ противъ ость обычаемъ и законамъ захватываютъ у нихъ барановъ, быковъ и употребляютъ въ пищу; что они берутъ лошадей и вѣзятъ на нихъ не спрашивая дозволенія хозяйскаго; берутъ деньги взаймы подъ поручительство узденей и не отдають ихъ, а заставляютъ платить поручителей; безъ разрѣшенія хозяина входятъ въ домъ и, отобравъ отъ родителей хорошенькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, уводятъ въ свои дома, гдѣ держатъ сколько вздумается. * Такой произволъ и вообще жестокое обращеніе владѣльцевъ со своими подвластными заставили

* Прошеніе кабардинскихъ узденей генералъ-майору Пейтлингу 21го марта 1785 года.

узденей просить Русское правительство или ограничить произволъ князей, или дозволить имъ выселиться изъ Кабарды и перейти на другое мѣсто. Уздени находили свое положеніе столь невыносимымъ что намѣрены были разбрестись въ разныя стороны если не получатъ удовлетворенія. Появленіе Мансура привлекло ихъ вниманіе и большинство изъявило готовность стать подъ его знамена. Владѣльцы были поставлены между двухъ огней: съ одной стороны они не рѣшались открыто присоединиться къ Мансуру, опасаясь наказанія со стороны Русскаго правительства, съ другой боялись быть разоренными своими же подвластными. Первое время они не давали никакого опредѣленнаго отвѣта Мансуру, но когда увидѣли что большинство населенія ихъ ненавидѣвшаго перешло на сторону пророка, то признали болѣе выгоднымъ послѣдовать общему теченію, но такъ чтобъ оставить себѣ нѣкоторый путь отступленія. Они уполномочили Джембулата отправиться въ Григоріопольскъ, уведомить Русскихъ о происхожденіи и увѣрить начальника гарнизона что кабардинскіе владѣльцы, по силѣ данной ими присяги, остаются вѣрными Русскому правительству, но просятъ разрѣшенія отправить женъ, дѣтей и имущество къ сторонѣ Барсуковъ и Анзоровыхъ Кабаковъ, съ тѣмъ что все взрослое населеніе останется на своихъ мѣстахъ.

— Оставшись налегкѣ въ Кабардѣ, говорилъ Джембулатъ, — мы будемъ въ случаѣ нападенія развратника защищать себя и свои селенія.

Джембулатъ просилъ дать ему нѣсколько воловъ для перевозки своего имущества и обѣщалъ тотчасъ же возвращать ихъ. Подполковникъ Вреде отговаривалъ Кабардинцевъ отъ такого переселенія и, не будучи въ силахъ запретить, требовалъ чтобы тѣ изъ владѣльцевъ кои захотятъ переселиться прислали предварительно своихъ сыновей въ аманаты. Взявъ двѣ пары воловъ, Джембулатъ отправился въ Кабарду съ обѣщаніемъ исполнить требованіе русскаго начальника, но кабардинскіе князья аманатовъ не прислали, хотя изъ Григоріопольска видно было какъ длинные обозы ихъ съ имуществомъ покидали селенія.

Поутру 29го іюля въ укрѣпленіи замѣтили что въ близъ лежащемъ лѣсу собирались толпы вооруженныхъ людей; что по временамъ нѣсколько чеченскихъ всадниковъ со значками и знаменами показывались изъ лѣсу; что на встрѣчу имъ

изъ Кабардинскаго лѣса вызвало точно также нѣсколько всадниковъ со значками. Не трудно было убѣдиться что Кабардинцы дѣйствовали заодно съ Чеченцами и что обѣщаніе ихъ остаться вѣрными Русскому правительству было сдѣлано съ цѣлью усилить бдительность нашихъ начальниковъ и успѣть удалить свое имущество.

Видя что толпа горцевъ все усиливается, подполковникъ Вреде отправилъ къ нимъ переводчика съ приказаніемъ спросить зачѣмъ они собираются. Въмѣсто отвѣта собравшіеся стали бранить Русскихъ и хотѣли встрѣтить выѣхавшаго выстрѣлами. Переводчикъ принужденъ былъ возвратиться въ укрѣпленіе, къ оборонѣ котораго и были приняты мѣры. Стоявшія лагеремъ войска были введены въ укрѣпленіе и расположены вдоль прикрытаго пути. Наиболѣе слабыя мѣста этого послѣдняго были заставлены провіантскимъ обозомъ, причемъ промежутки между фурами были забраны досками, бревнами и другими лѣсными матеріалами, имѣвшимися подъ руками. Казенныя лошади и волы, загнанные внутрь укрѣпленія, были размѣщены въ различныхъ строеніяхъ и во рву, а частный скотъ, по тѣснотѣ укрѣпленія, оставленъ былъ подъ лущеными выстрѣлами, за валомъ, въ бывшихъ близъ укрѣпленія землянкахъ Селенгинскаго полка; двери и окна этихъ землянокъ были наскоро заложены.

Около двухъ часовъ пополудни горцы подошли къ Григоріополису и почти со всѣхъ сторонъ окружили укрѣпленіе; толпами и въ одиночку они разѣзжали по горамъ и лощинамъ, стараясь пресѣчь всякое сообщеніе. Одна изъ такихъ партій наткнулась на семь человекъ казаковъ, конвоировавшихъ переводчика Цыганкова, ѣхавшаго изъ Владикавказа съ письмами и конвертами. За версту отъ укрѣпленія казаки были окружены толпой горцевъ, открывшихъ по нимъ весьма частый огонь. При первыхъ выстрѣлахъ подполковникъ Вреде отправилъ на помощь атакованнымъ хорунжаго Павлова съ нѣсколькими казаками, который хотя и выручилъ Цыганкова, но будучи самъ окруженъ скопившимся непріателемъ принесть его на своихъ плечахъ къ укрѣпленію. Толпа Кабардинцевъ и Чеченцевъ, спустившись въ овраги окружающіе укрѣпленіе, стреножили своихъ лошадей и открыли огонь по укрѣпленію; ихъ поддерживала еще большая толпа всад-

никовъ, посреди которыхъ виднѣлся одѣтый въ бѣломъ плащѣ самъ пророкъ.

Перестрѣлка, начавшаяся съ двухъ часовъ пополудни, продолжалась до самыхъ сумерекъ. Не надѣясь взять укрѣпленіе открытою силой, горцы зажгли сараи, конюшни и прочія строенія принадлежавшія Астраханскому лѣхотному полку. Подъ прикрытіемъ густаго дыма они ближе подошли къ укрѣпленію и усилили огонь, укрываясь сами въ лоцидахъ и за закрытіями. Чтобы выманить ихъ на открытое мѣсто, подполковникъ Вреде употребилъ довольно удачно слѣдующую хитрость: зная алчность горцевъ и ихъ склонность къ грабежу и хищничеству, Вреде сталъ выпускать изъ крѣпости скотъ по одиночкѣ; горцы цѣлыми толпами бросались на добычу, а ихъ поражали картечью. Такой маневръ удавался довольно долгое время, и тринадцать штукъ скота, выпущеннаго разновременно, дорого стоили горцамъ все еще литавшимъ надежду овладѣть укрѣпленіемъ, гарнизонъ котораго сталъ ощущать недостатокъ въ водѣ.

Стояли жаркіе дни; вода которою успѣли заластись до осады была почти вся израсходована и потому подполковникъ Вреде рѣшился произвести вылазку и выгнать непріятеля изъ овраговъ и засадъ. Восемьдесятъ человекъ охотниковъ и сто казаковъ, подъ прикрытіемъ огня крѣпостныхъ орудій, съ крикомъ бросились съ разныхъ сторонъ изъ укрѣпленія. Ошеломленный непріятель отступилъ, зажегъ бывшіе на равнинѣ стоги сѣна и скрылся въ Чеченскихъ лѣсахъ.

Осада Григоріополуса была неудачна для горцевъ; они потеряли много убитыми и ранеными, не причинивъ намъ большаго вреда; вся наша потеря состояла изъ девяти убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: одного офицера и шестнадцати рядовыхъ. *

* Донесеніе полковника Вреде отъ 31 июля 1785 года.

VII.

Нападеніе Кабардинцевъ на нашъ отрядъ при рѣкѣ Малкѣ и Шугъ-Мансура на Кизляръ.—Хищничество на линіи.—Дѣятельность Мансура и преслѣдованіе его нашими войсками.—Прокламаціи П. С. Потемкина.—Бой у Татаргула.

Отступая отъ Григоріополиса Чеченцы хотя и видѣли несбыточность предвѣщаній Мансура, будто выстрѣлы русскихъ пушекъ обратятся на самихъ стрѣляющихъ, но довольствовались тѣмъ что успѣли привлечь на свою сторону Кабардинцевъ. Бѣольшая часть жителей Малой Кабарды покинули свои селенія и страшась наказанія разсѣялись въ разныя стороны. Князь Долъ со своими подвластными и нѣкоторыми другими владѣльцами поселился въ вершинахъ рѣки Сунжи, въ сосѣдствѣ съ Ингушами; другая часть жителей Малой Кабарды удалилась къ верховьямъ рѣки Терека и лишь немногіе возвратились въ свои селенія и просили помилованія *.

Жители Большой Кабарды были также скорѣе враждебны чѣмъ покорны намъ. Вся Кабарда дѣлилась въ то время на три партіи: первая и самая сильная доброжелательствовала Мансуру, снабжала его толпу продовольствіемъ, готовилась присоединиться ко джелпроку и приглашала его въ свои владѣнія. Вторая партія подъ руководствомъ Мисоста Бамадова оставалась въ нерѣшимости и скрытно сочувствуя Чеченцамъ, наружно показывала видъ будто бы не довольна приближеніемъ Мансура къ ихъ владѣніямъ. Наконецъ, третья партія, составлявшая меньшинство, подъ руководствомъ фамилій князей Касаевыхъ и Хамурзиныхъ, была чистосердечно предана Россіи, но оласяась преслѣдованія большинства, была въ самомъ непріятномъ положеніи. Не было никакого сомнѣнія что если Мансуръ вступитъ въ Кабарду, то и эта послѣдняя партія, вынужденная силой обстоятельствъ, принуждена будетъ перейти на сторону противниковъ Россіи **.

Между тѣмъ волненіе въ Кабардѣ съ каждымъ днемъ все

* Госуд. Арх. XXIII, № 13 карт. 49.

** Репортъ генерала П. С. Потемкина князю Потемкину 21 ноября, № 362. Тамъ же.

болѣе усиливалось. Поддерживая постоянныя сношенія съ закубанскими Черкесами и Чеченцами и получая возбуждающія къ возстанію письма Мансура, большинство Кабардинцевъ продавали свое имущество, скоть и на вырученныя деньги покупали оружіе и лошадей. Подстрекаемые Портой, обманивавшю ихъ своею помощію, Кабардинцы соединившись съ закубанскими Черкесами, вторгались въ наши предѣлы, грабили, уводили въ плѣны жителей и, наконецъ, послѣ взаимныхъ совѣщаній, собравшись въ значительномъ числѣ, произвели безуспѣшныя, впрочемъ, нападенія на Константиновскъ, селеніе Нино и даже на крѣпость Георгіевскую.

Получивъ свѣдѣніе что главное скопище Кабардинцевъ находится на рѣкѣ Малкѣ, генералъ-майоръ Шемякинъ собралъ наскоро отрядъ съ намѣреніемъ разогнать собравшихся. Версты за четыре отъ рѣки Малки, 4 августа, около шести часовъ пополудни, Кабардинцы встрѣтили нашъ отрядъ тремя толпами, численность которыхъ простиралась до тысячи человекъ. Они требовали чтобы русскія войска вернулись назадъ и кричали что не позволяютъ имъ расположиться лагеремъ на рѣкѣ Малкѣ. Считая подобное требованіе до крайности дерзкимъ, Шемякинъ приказалъ чрезъ переводчика Вилковского объявить собравшимся чтобъ они, оставя свою наглость, немедленно разошлись по домамъ. Въмѣсто изъясненія покорности Кабардинцы атаковали нашъ отрядъ, но были отражены и прогнаны за Малку *. Остановившись на мѣстѣ сраженія Шемякинъ просилъ генералъ-поручика Леонтьева прислать ему подкрѣпленія для наказанія Кабардинцевъ, но просьба эта не могла быть удовлетворена, за неимѣніемъ свободныхъ войскъ, занятыхъ въ то время дѣйствіями противъ Мансура, успѣвшаго собрать весьма значительную толпу хищниковъ.

Въ началѣ августа кизлярскій комендантъ бригадиръ Вишляковъ донесъ что бѣлая часть Аксаевскихъ владѣльцевъ съ ихъ узденями присоединились къ Мансуру, который намѣренъ прежде всего напасть на Очинскую пристань, гдѣ онъ надѣялся захватить провіантъ и тѣмъ пріобрѣсти средство къ пропитанію своего сборища. Кромѣ значительнаго запаса провіанта, привлекавшаго на себя вниманіе ажелпрока, Очинская пристань имѣла въ глазахъ Мансура то

* Репорты Шемякина генералу Леонтьеву 4 и 5 августа. Тамъ же.

важное значеніе что овладѣвъ ею онъ прерывалъ сообщеніе Кизляра съ Астраханью и со станицами Гребенскаго и Семейнаго войскъ. Предоставленный собственнымъ средствамъ, Кизляръ казался горцамъ легкою добычей и они, обнадѣженные обѣщаніями лжелпророка, вполне были увѣрены въ успѣхѣ. Охотники до всякаго рода поживы, туземцы толпами стекались съ разныхъ сторонъ подъ знамена Мансура. Здѣсь были Чеченцы, Кабардинцы, Лезгинны различныхъ племенъ и поколѣній, жители Шамхальства Тарковского и главнѣйшимъ образомъ Кумыки, составлявшіе основаніе толпы. Иягуши вовсе не участвовали въ возмущеніи, а изъ Костюковцевъ лишь немногіе находились въ толпѣ Мансура. Костюковский владѣлецъ Хамза, имѣвшій чинъ калитана, оставался непоколебимымъ ко всемъ внушеніямъ лжелпророка и своимъ примѣромъ удержалъ многихъ отъ вступленія въ толпу хищниковъ. Андреевскій владѣлецъ старикъ Темиръ, съ тремя сыновьями, оставался вѣрнымъ Россіи; другой такой же старикъ Муртуза-Аліи также выказывалъ свое усердіе, но сынъ его Чалаловъ былъ главнымъ пособникомъ Мансура *. Большая часть владѣльцевъ Малой Кабарды держали сторону лжелпророка и въ особенности князь Долъ, который былъ главнымъ его орудіемъ въ собираніи толпы и въ распространеніи всякаго рода несбыточныхъ слуховъ о святости Мансура.

Поддержанный столь вліятельными лицами, приведшими къ нему своихъ вооруженныхъ подвластныхъ, чеченскій имамъ рѣшился напасть на Кизляръ. Пользуясь обмѣлчивіемъ рѣки Терека и возможностью перейти его во многихъ мѣстахъ въ бродѣ, Мансуръ, 19 августа, около 11 часовъ утра, сталъ переходить на лѣвый берегъ рѣки, верстахъ въ пятнадцать ниже Кизляра. Послѣ переправы все скопище, численность котораго, по донесенію бывшихъ на ликетахъ Гребенскихъ казаковъ, простиралась до 10.000 тысячъ человекъ, подошло къ урочищу Буйвалы, находившемуся верстахъ въ семи отъ Кизляра и расположилось въ садахъ окружающихъ городъ. Добравшись до садовъ нестройная толпа хищниковъ не не внимала уже голосу своего предводителя и не слѣдовала его указаніямъ идти прямо на приступъ. Горцы видѣли предъ собой добычу и вмѣсто того чтобы слѣдовать далѣе преда-

* Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину отъ 8 ноября, № 323.

лись грабежу. Весь день 20 августа непріятель опустошалъ сады, жегъ находившіяся тамъ строенія и только ночью, желая ворваться въ городъ, пытался налестъ на ретраншаментъ возведенный вокругъ форштадта *.

Медленность съ которою непріятель приготавлился къ нападению на Кизляръ дозволила бригадиру Вишнякову приготовиться къ его встрѣчѣ. Оборона ретраншаменты была раздѣлена на двѣ части: правая его половина, прикрывавшая дома Татаръ, была поручена защитѣ Терскаго войска капитана князя Бековича-Черкаскаго, а лѣвая, съ домами Грузинъ и Армянъ—лацъ-майора Бояркина. Для защиты города былъ назначенъ отрядъ въ 2.500 человекъ, въ составъ которыхъ находились: двѣ роты Астраханскаго и Кизлярскаго полковъ, Гребенскіе и Терскіе казаки и ополченіе, составленное изъ Грузинъ, Армянъ и Калмыковъ. Гарнизонный баталіонъ оставленъ былъ въ крѣпости, въ резервѣ, а въ ретраншаментѣ стоялъ лагеремъ Томскій пѣхотный полкъ въ числѣ 720 человекъ, подъ начальствомъ полковника Лунина **.

Вечеромъ 20го августа, какъ мы уже сказали, непріятель пытался овладѣть ретраншаментомъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ орудій бывшихъ въ укрѣпленіи. Засѣвъ во рву ретраншаменты горы до пяти разъ бросались на штурмъ и продолжали нападеніе до тѣхъ поръ пока слустившіеся въ ровъ защитники не выбили ихъ оттуда штыками. Видя неудачу, Мансуръ отступилъ къ урочищу Буйвалы, захвативъ съ собою и всѣ тѣла убитыхъ.

На слѣдующій день непріятель, оставивъ намѣреніе овладѣть укрѣпленіемъ, атаковалъ Томскій пѣхотный полкъ, который построившись въ каре встрѣтилъ его батальнымъ огнемъ. Но ни этотъ огонь, ни выстрѣлы съ крѣпости не могли первое время остановить горцевъ, дравшихся отчаянно; скрываясь въ ямахъ и лощинахъ, засѣвъ за разными закрытіями, они производили бѣглый огонь по каре, въ которомъ находилось только 720 человекъ нижнихъ чиновъ. Видя многочисленность непріятеля и не желая терять напрасно людей, полковникъ Луинъ построилъ изъ каре треугольникъ и одною изъ

* Репортъ астраханскаго губернатора П. С. Потемкину 2 сентября, № 104. Госуд. Арх. XVI, № 910. Репортъ Леонтьева П. С. Потемкину 30 августа, № 172, тамъ же XXIII, № 13, карт. 49.

** Репортъ Вишнякова генералу Леонтьеву 27 августа, № 766. Тамъ же.

вершинъ его сталъ отступать въ укрѣпленіе. Горцы хотя насѣдали на отступающихъ и старались окружить ихъ, но всюду встрѣчались лицомъ къ лицу и несли огромныя потери. При каждомъ натискѣ непріятеля полковникъ Лунинъ останавливался и принималъ его въ штыки и тѣмъ наносилъ жестокое пораженіе противнику. Съ отступленіемъ Томскаго полка въ ретраншаментъ горцы были встрѣчены огнемъ изъ всѣхъ бывшихъ на укрѣпленіи орудій и принуждены отступить. Они оставили на мѣстѣ восемь значковъ и до 70 тѣлъ убитыхъ, которыхъ не успѣли захватить съ собой. При зарываніи ихъ было найдено сверхъ того много труповъ въ кустахъ забросанныхъ хворостомъ.

Свидѣтельствуя о заслугахъ всего Кизлярскаго гарнизона, полковникъ Лунинъ доносилъ что особенно храбро защищались слѣдующіе: Гребенскіе казаки съ ихъ атамомъ Петромъ Сехинымъ, Терское войско, бывшее подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, и всѣ жители за исключеніемъ Калмыковъ. „Они суть совершенные трусы, доносилъ Лунинъ,* за всѣми покушеніями и побоями, никакъ не могъ довести дабы вслѣдъ за бѣгущими бросились или въ сраженіи въспомоществованіе чинили, а только стояли дрожа.“

Отраженное отъ Кизляра скопище переночевавъ на рѣкѣ извѣстной подъ именемъ Новаго Терека, въ двадцати верстахъ отъ Кизляра, чуть свѣтъ 22го августа поднялось всѣмъ своимъ станомъ, и раздѣлившись на три части, разошлось въ разныя стороны: одна часть двинулась по дорогѣ пролегавшей по морскому берегу, другая къ кумыкскому селенію Эндери и наконецъ третья—въ чеченскія селенія.

Неудача подъ Кизляромъ сильно подѣйствовала на сообщниковъ Мансура, теперь ясно видѣвшихъ что предсказанія его не сбываются и его послѣдователи терпятъ лишь однѣ неудачи. Чеченцы рѣшили оставить своего имама, который принужденъ былъ покинуть родину и скрыться въ кумыкскихъ селеніяхъ. Кавказское начальство не сумѣло воспользоваться этимъ охлажденіемъ и Мансуръ снова усилился. Тамъ гдѣ нужно было употребить силу, представители нашей власти употребляли убѣжденіе, совѣты и тратили напрасно время въ безполезныхъ переговорахъ. Горцы понимали что поступки ихъ достойны наказанія и ожидая его, Андреевцы

* Генералу Леонтьеву 27го августа. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 49.

и Аксаевцы покидали свои дома и со всѣмъ имуществомъ удалялись въ горы. Такъ-называемые аульные Татары (осѣдлые Ногайцы), возбужденные старшинами, также поднялись со своихъ мѣстъ чтобы присоединиться ко лжелороку, но были остановлены полковникомъ Савельевымъ, подослѣвшимся съ Моздокскимъ казачьимъ полкомъ и занявшимъ всѣ переправы по Старому Тереку. * Генералъ-поручикъ Потемкинъ поручилъ Леонтьеву уговорить Кумыковъ и Ногайцевъ оставаться на мѣстѣ и принести чистосердечное раскаяніе. „Милосердіе Великой Екатерины, писалъ онъ, ** не отринетъ и ихъ раскаяніе, если оно будетъ чистосердечно.“

Вмѣсто того чтобы дѣйствовать скоро и рѣшительно, Потемкинъ откладывалъ всѣ дѣйствія до своего возвращенія на линію и поручалъ только кизлярскому коменданту бригадиру Вишнякову заготовить продовольствіе для четырехъ полковъ пѣхоты, пяти эскадроновъ и тысячи человекъ казаковъ.

Распоряжаясь издали, теряя напрасно время въ перепискѣ, улуская благоприятныя обстоятельства и связывая руки стоявшему у дѣла ближайшему начальству, Потемкинъ хотѣлъ устрашить горцевъ однимъ своимъ именемъ. Онъ приказалъ распустилъ слухъ что какъ только онъ прибудетъ на линію, то весь собранный отрядъ будетъ обращенъ для наказанія послѣдователей лжелорока. ***

Послѣдній, найдя себѣ пріютъ въ селеніи Эндери, не терялъ еще надежды на лучшую будущность и вербовалъ себѣ новую толпу хищниковъ. Всѣ искатели приключеній находили у него пріютъ и выслушивали хвастливыя обѣщанія. Жители селеній Казанишъ, Губдень, Хунзаха, Эрпели, Карабудаскентъ, Каякентъ и пр. партіями и по одиночкѣ стекались къ имаму; нѣкоторые кумыкскіе князья также приняли его сторону и выдали аминатовъ, но считали своею обязанностью увѣрить русское начальство что, будучи сами искренно преданы Россіи, не могутъ справиться со своими подвластными, которые несмотря на запрещеніе уходить въ толпу лжепророка. ****

* Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 2го октября, № 92 Государств. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

** Въ ордерѣ бригадиру Вишнякову 9го сентября, № 54. Тамъ же.

*** Ордеръ бригадиру Вишнякову 9го октября, № 54.

**** Показаніе Татарина Килакаева. Государств. Арх. XXIII, № 13, карт. 49.

Въ началѣ сентября Мансуръ явился въ Горячевское селеніе, подвластное князьямъ Аксаевскимъ, и утѣрялъ всѣхъ что ожидаетъ прибытія къ себѣ чеченскихъ войскъ и что послѣ совѣщаній съ Андреевцами и Аксаевцами пойдетъ опять на Кизляръ, или на Калиновскую станицу.

— Кумыки просятъ меня идти на Кизляръ, говоритъ имамъ,—а Чеченцы желаютъ налечь на Калиновскую станицу. Послѣ совѣта мы рѣшимъ куда идти.

Совѣщаніе это однако же не состоялось, и Мансуръ не дождавшись прибытія обѣщанныхъ имъ чеченскихъ войскъ отправился на рѣчку Ярыкъ-су, гдѣ и водрузилъ свое знамя. Съ нимъ прибыло нѣсколько человѣкъ Кабардинцевъ и кумыкскіе князья: Чапаловъ, Арсланъ-Гирей и Али-Солтанъ, изъ коихъ послѣдній, обѣщаясь доставить продовольствіе, отправилъ его въ лагерь джелпрока на большомъ числѣ арбъ *. Провіантъ этотъ, какъ единственный источникъ для продовольствія послѣдователей Мансура, число которыхъ простиралось до 500 человѣкъ, былъ весьма скоро израсходованъ и потому большинство собравшихся на рѣчку Ярыкъ-су принуждено было разойтись по домамъ **. Остатки сборища вмѣстѣ съ имамомъ отправились къ деревнѣ Костюкамъ и не доходя верстѣ десяти расположились лагеремъ. Здѣсь Мансуръ думалъ устроить себѣ постоянное пристанище и укрѣпиться *** чтобы въ случаѣ преслѣдованія нашими войсками имѣть убѣжище гдѣ можно бы было защищаться до послѣдней крайности.

Видя охлажденіе къ себѣ Чеченцевъ, имамъ отправилъ къ нимъ родъ окружнаго посланія, въ которомъ высказывалъ свое сожалѣніе о томъ что при немъ находятся всего только девять человѣкъ Чеченцевъ. Онъ призывалъ ихъ къ себѣ, говоря что послѣ Курбанъ-Байрама всѣ собравшіеся вокругъ него увидятъ посреди себя святаго человѣка, при покровительствѣ котораго легко овладѣютъ Кизляромъ и будутъ имѣть во всемъ удачу. Мансуръ писалъ что если и на этотъ разъ слова его окажутся несправедливыми, то готовъ предать себя сожженію ****. Чеченцы приняли это посланіе съ

* Показаніе Андреевскаго владѣльца Казія Темирова. Тамъ же.

** Показаніе узденя Салатъ-Гирея. Тамъ же.

*** Показаніе Костюковского владѣльца капитана Хамзы-Муртазы-Алія.

**** Показаніе Кайтуки Бакова 29го сентября. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 50

крайнею недовѣрчивостію и большинство не откликнулось на его приглашеніе. Мансуръ принужденъ былъ ѣздить по деревнямъ и собирать себѣ приверженцевъ по одиночкѣ, стараясь для того возстановить простой народъ противъ ихъ владѣльцевъ. Онъ посѣтилъ Качкалыковъ, Аксаевцевъ, Кабардинцевъ, былъ нѣсколько разъ въ селеніи Эндери, съ цѣлью пригласить всѣхъ жителей этихъ деревень идти съ нимъ на Кизляръ, гдѣ обѣщала богатую добычу *. Хотя при всѣхъ своихъ усиліяхъ лжепророкъ успѣлъ собрать себѣ шайку не болѣе какъ человекъ въ сто, но намѣреніе Мансура сдѣлать вторичное нападѣніе на Кизляръ заставило Потемкина принять мѣры къ тому чтобы не допустить его до города. Онъ приказалъ полковнику Лунину, въ случаѣ движенія непріятеля къ Кизляру, взять всѣ свободныя команды и выйдя изъ города разбить горцевъ въ полѣ **. Къ Кабардинцамъ же командующій войсками отправилъ воззваніе призывавшее ихъ къ порядку и повиновенію. Онъ просилъ ихъ опомниться, не навлекать на себя наказанія и быть увѣренными что „оказавшійся ложный имамъ Мансуръ не спасетъ обманными чудесами отъ грома и стрѣлъ которыя поразятъ преступниковъ“.

Майоръ князь Ураковъ, которому поручено было объявить это воззваніе, самъ отправился въ Кабарду и собравъ князей и владѣльцевъ въ домѣ Мисоста Баматова, прочелъ имъ воззваніе, но собравшіеся, вмѣсто покорности, требовали возвращенія ихъ холоповъ, вышедшихъ изъ Кабарды и поселившихся на линіи. Безусловная уступка требованію кабардинскихъ князей могла бы послужить для нихъ признакомъ нашей слабости и повлечь за собою новыя требованія, а потому П. С. Потемкинъ не призналъ возможнымъ тогда же удовлетворить желаніе Кабардинцевъ, но не отказывался исполнить его въ будущемъ, если князья и владѣльцы останутся вѣрными Русскому правительству. „Никогда подчиненные, писалъ онъ *, не дерзали начальнику дѣлать требованіе, но каждую нужду покорно представляютъ и просятъ.

* Рапортъ бригадира Вишнякова П. С. Потемкину отъ 4го октября, № 896. Тамъ же палка 96.

** Ордеръ П. С. Потемкина полковнику Лунину 1го октября. № 77, Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

*** Листъ Кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и народу 11го октября, № 167. Тамъ же.

Вѣрные рабы сѧ императорскаго величества всегда отличены будутъ: холопыя принадлежащія владѣльцамъ вѣрнымъ отданы были бѣ. Но сей милости должно сдѣлаться достойными.“

Не удовлетворенные въ своемъ желаніи Кабардинцы не считали нужнымъ исполнить волю командующаго войсками и попрежнему продолжали свои сношенія со лжелпророкомъ.

Владѣлецъ Малой Кабарды князь Дола, переселившись къ Кавказскимъ горамъ, собралъ себѣ шайку болѣе 700 человекъ, съ которыми и разбойничалъ въ окрестностяхъ Владикавказа. Онъ нападалъ на всѣхъ проезжающихъ, прерывалъ сообщеніе съ Грузіей, и когда въ октябрѣ была послана изъ крѣпости наша команда за сѣномъ, онъ напалъ на нее и захватилъ въ свои руки сѣно, въ виду всего владикавказскаго гарнизона. Бывшій во Владикавказѣ подполковникъ Матценъ выслалъ противъ хищниковъ 200 человекъ егерей и въ то же время послалъ сказать жившимъ вблизи крѣпости Ингушамъ чтобъ они ударили на шайку князя Дола. Ингушевскій старшина Чошъ собравъ въ полчаса 150 человекъ, подошелъ съ ними къ нашимъ егерямъ и вмѣстѣ съ ними заставилъ князя Дола бросить захваченное имъ сѣно *.

Князь Дола скрылся, но не оставилъ своихъ разбойническихъ дѣйствій. Соединясь съ другими кабардинскими владѣльцами, онъ производилъ безпрестанныя вторженія въ наши границы. Сынъ князя Мисоста Баматова, вскорѣ послѣ прочтенія въ домѣ его отца воззванія П. С. Потемкина, собралъ до 30 человекъ узденей, съ которыми и отправился къ чеченскому имаму съ тѣмъ чтобы пригласить его придти въ Кабарду со своимъ ополченіемъ. Подъ предлогомъ того что намѣренъ въ скоромъ времени идти къ Кизляру, а въ дѣйствительности опасаясь попасть въ наши руки, Мансуръ отказался исполнить предложеніе князя Мисоста, зная что среди Кабардинцевъ есть еще лица намъ преданныя. Онъ вручилъ прибывшимъ свое знамя и просилъ Кабардинцевъ производить по возможности частыя нападенія на различные пункты Кавказской линіи и въ особенности беспокоить Русскихъ

* Репортъ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 24го октября, № 233. Въ поощреніе на будущее время подобныхъ поступковъ П. С. Потемкинъ выдалъ Чошу 100 червонцевъ, брату его 50 и обоимъ на платье по 5 аршинъ сукна. Всѣмъ же остальнымъ Ингушамъ съ нимъ бывшимъ было выдано по 4 аршина сукна на каждаго.

въ то время, когда онъ приведетъ въ исполненіе свое предпріятіе на Кизляръ *. Кабардинцы съ восторгомъ приняли знамя присланное Мансуромъ и обѣщали исполнить желаніе чеченскаго имама **. Они вошли въ сношенія съ закубанскими народами и согласились съ ними дѣйствовать единодушно. Будучи всегда готовы на хищничество, Закубанцы тѣмъ охотнѣе слѣдовали внушеніямъ Кабардинцевъ что надѣялись на помощь Порты. Въ то время по всему Закубанью прошелъ слухъ будто бы Турецкое правительство, всегда враждебное Россіи, прислало къ Мансору письмо, въ которомъ говорилось что если ему нужны деньги, знамя, пушки и войско, то все это будетъ доставлено. Услужливые люди увѣряли даже что деньги и знамя уже присланы и находятся у Ахалцихскаго пашы ***. Хотя всѣ эти слухи и были ложны, но имѣли большое вліяніе на все горское населеніе праваго фланга Кавказской линіи: оно дѣйствовало смѣлѣе и съ большею настойчивостію. Такъ 2го октября Кабардинцы и Закубанцы одновременно напали на редуты Невинный и Кубанскій ****, а девять дней спустя, 11го октября, партія Кабардинцевъ, въ четыреста человѣкъ, напала на селеніе Нино, гдѣ успѣла отогнать пятьсотъ лошадей и восемьсотъ барановъ; другая такая же партія, человѣкъ въ пятьсотъ, пробравшись на линію выше Константиногорска, разграбила нѣсколько селеній и захватила тридцать одного человѣка поселенцевъ вѣхавшихъ на линію †.

Между тѣмъ джелпророкъ, не считая себя достаточно сильнымъ чтобы напасть на Кизляръ, увѣрялъ своихъ единомышленниковъ что не идетъ къ этому городу только потому что Качкалыки и Аксаевцы приглашаютъ его вторгнуться въ русскіе предѣлы между Шелкозаводскою и Щедринскою станицами, разорить селенія и отогнать табуны. Мансуръ говорилъ что движеніе его и направленіе удара будетъ зависѣть отъ того числа войскъ которое соберется подъ его знамена, а между тѣмъ чтобъ удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ собравшихся, занять ихъ и не оставлять праздными, джелпророкъ

* Репортъ князя Уракова генералу П. С. Потемкину 5го октября.

** Репортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 6го октября, № 127.

*** Репортъ его же отъ 13го октября, № 178.

**** Репортъ его же отъ 13го октября, № 175.

† То же отъ 13го октября, № 176.

отправилъ партію человекъ въ четыреста для нападенія на Каргаинскую станицу. Предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ и горцы были разогнаны прежде чѣмъ успѣли переправиться черезъ рѣку.

Въ такомъ положеніи были дѣла когда генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ, возвращаясь изъ Петербурга на Кавказскую линію, прибылъ въ Георгіевскъ 30го сентября. Онъ нашелъ что вся наша граница, начиная отъ Каспійскаго до Чернаго Моря, была одинаково подвержена нападенію хищниковъ. „Обстоятельства здѣшнія въ крайнемъ замѣшательствѣ, доносилъ онъ *; лжепророкъ лаки собирается напасть на Кизляръ и на всѣ наши селенія. Всѣ Кумыки, Чеченцы и прочіе горцы, даже часть Дагестанцевъ, стекаются къ нему для нападенія на наши предѣлы.

Наканунѣ пріѣзда П. С. Потемкина въ Науръ къ этому мѣстечку подходило до тысячи человекъ Чеченцевъ, покушавшихся переправиться черезъ рѣку Терекъ; другая такая же партія появилась у Моздока, но была прогнана. Партію кабардинскихъ хищниковъ вторгались въ наши границы. производили грабежи, отгоняли скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Примѣру ихъ слѣдовали почти всѣ племена закубанскихъ Черкесовъ. Хищническіе набѣги горцевъ были тѣмъ удачнѣе что войска наши, состоявшія преимущественно изъ пѣхоты, не могли воспрепятствовать прорыву партіямъ кавказскихъ, дѣлавшихъ быстрые и неожиданные перемѣны съ одного пункта на другой. Находившіеся на линіи кавалерійскіе полки были въ плохомъ состояніи: при некомплектѣ въ людяхъ они имѣли еще болѣе недостатка въ лошадяхъ, въ разное время отогнанныхъ горцами и не пополненныхъ. Пѣхотные полки были разбросаны по всей линіи небольшими частями, и потому чтобы собрать сколько-нибудь значительный отрядъ для наказанія волнующихся требовалось довольно значительное время. Все это заставило генералъ-поручика П. С. Потемкина стянуть войска къ главнѣйшимъ пунктамъ и образовать три самостоятельные отряда: первый противъ Кумыковъ, Чеченцевъ и Дагестанцевъ, второй противъ Большой и Малой Кабарды и наконецъ третій противъ Закубанцевъ. Сообразно съ этимъ, для дѣйствія

* Въ рапортѣ князю Потемкину 2го октября, № 89. Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

противъ Мансура и его скопищъ, былъ расположенъ на рѣкѣ Терекѣ отрядъ подъ начальствомъ генераль-майора Шемякина *; противъ Большой и Малой Кабарды былъ сосредоточенъ другой отрядъ подъ начальствомъ генераль-поручика Потемкина ** и наконецъ третій отрядъ *** подъ начальствомъ бригадира Апраксина, расположившись у Невиннаго Мыса, долженъ былъ оберегать все пространство отъ Прочнаго окопа до Константиногорска.

Не желая открывать военныхъ дѣйствій не испытавъ всѣхъ средствъ къ увѣщанію, П. С. Потемкинъ разослалъ повсюду прокламаціи, въ которыхъ требовалъ повинности и покорности. Кабардинцы, какъ мы видѣли, въ отвѣтъ на это требовали возвращенія ихъ подвластныхъ, выселившихся на линію. Жители селенія Большой Атаги увѣряли что они преданы Россіи, никакихъ жалостей не производили, а только выселились изъ своего селенія при приближеніи русскихъ войскъ, шедшихъ для наказанія Мансура. Старшины селенія Адаы отвѣчали Потемкину что имамъ ихъ не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, что онъ прославляетъ только магометанскую религію, подтверждаетъ вѣрно соблюдать законъ,

* Въ составъ этого отряда вошли Томскій и Астраханскій пѣхотные полки, два гренадерскіе баталіона (одинъ изъ двухъ ротъ Кабардинскаго и двухъ Селегинскаго; другой изъ двухъ ротъ Астраханскаго и двухъ Томскаго полковъ), два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, казаки, тысяча Калмыковъ и восемь орудій полевой артиллеріи.

** По шести ротъ отъ полковъ: второго Московскаго, Казанскаго, Кабардинскаго и Куринскаго; три гренадерскіе баталіона (первый изъ двухъ ротъ Казанскаго и двухъ Куринскаго; второй—двухъ ротъ второго Московскаго и двухъ ротъ Владимірскаго; третій—двухъ ротъ Ладожскаго и двухъ Бутырскаго полковъ), четыре роты Свияжскаго егерскаго полка, сто пятьдесятъ человекъ Кабардинскаго, четыре эскадрона Таганрогскаго, три эскадрона Астраханскаго драгунскаго полковъ, полкъ Уральскихъ, два полка Донскихъ казаковъ, Волгскіе казаки и двѣнадцать орудій полевой артиллеріи.

*** Изъ Бутырскаго и Ладожскаго пѣхотныхъ полковъ, четырехъ эскадроновъ Таганрогскаго, четырехъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полковъ, двухъ Финскихъ полковъ, Хоперскихъ казаковъ, тысяча Калмыковъ и шести орудій полевой артиллеріи (Репортъ Потемкина князю Таврическому 2го октября, № 89. Госуд. Арх. XXIII, № 13ѣ, карт. 50).

убиваетъ и вѣшаетъ воровъ. Старшины откровенно признавались что безъ разрѣшенія Мансура ни въ какіе переговоры съ нашимъ правительствомъ вступать не могутъ и не смѣютъ. „Мы находимся, писали они, * въ точномъ послушаніи имама Мансура; что онъ прикажетъ, то и дѣлаемъ. Онъ есть удостоенный и избранный отъ Бога, человекъ добрый и справедливый. Онъ не велитъ обижать христіанъ и другихъ беззаконниковъ, приказываетъ наблюдать законъ магометанскій. Къ сторонѣ вашей убытку не дѣлалъ (?) и не желалъ; да и нынѣ что онъ прикажетъ, то исполнять будемъ, а къ сторонѣ вашей убытку не желаемъ.“

Еслибы Потемкинъ вмѣсто безполезныхъ увѣщаній сталъ дѣйствовать рѣшительно, то онъ успѣлъ бы усмирить волненія, ибо въ это время дѣла лжепророка были въ довольно плохомъ состояніи. Костюковцы на приглашеніе его отказались къ нему присоединиться, а Чеченцы, которыхъ онъ ожидалъ, призывали его къ себѣ. Они говорили что Кизляръ хорошо укрѣпленъ и имѣетъ довольно войскъ для своей защиты, селенія же по рѣкѣ Терекъ защищены слабо, что нападеніе на эти селенія обѣщаетъ большій успѣхъ чмѣ нападеніе на Кизляръ. Мансуръ готовъ былъ исполнить просьбу своихъ соотечественниковъ, но удержанъ былъ Дагестанцами, составлявшими большинство его ополченія.

— Рѣка Терекъ, говорили Дагестанцы,—вверху гораздо глубже и быстрее; идти намъ въ чеченскія селенія далеко, да мы не имѣемъ и провіанта. Мы готовы сдѣлать къ Кизляру, но въ чеченскія селенія не пойдемъ и разойдемся по домамъ. **

Опасаясь лишиться послѣднихъ средствъ, Шихъ-Мансуръ долженъ былъ уступить желанію Дагестанцевъ.

Оставивъ свой лагерь 12го октября, онъ потянулся къ Аксаю и подойдя къ Нижнему Яру сталъ готовиться къ переправѣ черезъ рѣку Терекъ. Неподалеку отъ избраннаго горцами мѣста переправы, и именно у Старогладковской станицы, находился полковникъ Савельевъ со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ баталіона гренадеръ, двухъ мушкетерскихъ ротъ и всѣхъ казачьихъ войскъ расположенныхъ по рѣкѣ Терекъ. Какъ только полковникъ Савельевъ получилъ свѣдѣніе о движеніи непріятеля онъ тотчасъ же взялъ

* Госуд. Арх. XXIII, № 13, карт. 50.

** Показаніе Андреевца Али-Алханова, 12го октября 1785 года.

эскадронъ Моздокскаго казачьяго полка, 100 человекъ Гребенскихъ казаковъ съ однимъ орудіемъ и поскакалъ съ ними къ мѣсту переправы. Густой лѣсъ прикрывалъ движеніе Савельева и непріятель не замѣтилъ его приближенія. Спокойно расположивъ свой станъ по берегу рѣки Терека, горцы заготовляли слуски и лодки для переправы. Полковникъ Савельевъ слѣдилъ за казачьими разъѣздами и разсылавъ ихъ по опушкѣ лѣса, приказалъ открыть огонь. Бѣглый ружейный огонь и десять выстрѣловъ изъ орудія заставили горцевъ поспѣшно удалиться отъ мѣста переправы; они поднялись выше по Тереку и прикрылись лѣсомъ. Дождавшись присоединенія къ себѣ пѣхотныхъ частей отряда, Савельевъ въ тотъ же вечеръ двинулся вверхъ по противоположному берегу рѣки и на утро заставилъ горцевъ отступить еще выше. * Лазутчики донесли что Мансуръ намѣренъ ворваться на линію между Щедринскою и Червленною станциями и потому полковникъ Савельевъ со своимъ отрядомъ пошелъ параллельно движенію непріятеля. Подойдя къ рѣкѣ Сунжѣ скопище лжепророка остановилось въ лѣсу близъ Брагунской деревни. Отрядъ Савельева также остановился у Щедрина и расположившись на противоположномъ берегу, продолжалъ слѣдить за непріятелемъ. **

Между тѣмъ Мансуръ, оставивъ свое ополченіе у Брагунскаго лѣса, отправился въ селеніе Алды чтобъ уговорить Чеченцевъ присоединиться къ нему. Собравъ съ разныхъ мѣстъ до 6.000 человекъ, имамъ около одиннадцати часовъ утра 22го октября переправился черезъ рѣку Сунжу и потянулся вверхъ по рѣкѣ Тереку съ намѣреніемъ соединиться съ Кабардинцами и дѣйствовать заодно съ ними.

По мѣрѣ того какъ скопище Мансура подвигалось къ Кабардѣ, оно входило въ районъ наблюденія двухъ отрядовъ. Изъ Щедрина за нимъ слѣдилъ полковникъ Савельевъ, а изъ Шадрина полковникъ Лукинъ, въ отрядѣ котораго находились: Томскій полкъ, гренадерскія роты Астраханскаго полка, два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка и нѣсколько орудій полевой артиллеріи. Считая такое движеніе Мансура весьма удобнымъ для нанесенія ему окончательнаго пораженія, генералъ-поручикъ Потемкинъ приказалъ полковнику

* Репортъ Савельева генералу Потемкину 14го октября.

** Репортъ его же отъ 17го октября.

Нагелю отправиться въ Моздокъ, принять тамъ начальство надъ войсками и если представится необходимымъ и возможнымъ, то присоединить къ себѣ отряды полковниковъ Лукина и Савельева. Сформировавъ себѣ самостоятельный отрядъ, полковникъ Нагель долженъ былъ дѣйствовать наступательно чтобы воспрепятствовать соединенію Мансура съ Кабардинцами, а еслибы такое соединеніе не состоялось, то отрѣзать ему путь отступленія. * Самъ П. С. Потемкинъ, съ отрядомъ въ 5.000 строевыхъ чиновъ, ** двинулся къ Бештовымъ горамъ и 21го октября расположился на Малкѣ. Онъ все еще пытался возстановить спокойствіе одними убѣжденіями и отправилъ Кабардинцамъ объявленіе въ которомъ старался выставить обманъ и шарлатанство желпророка.

„Богъ всемогущъ, писалъ Потемкинъ кадіямъ, духовенству и всему народу ***, всемогущъ, премудръ и безконеченъ, устроилъ

* Ордеръ полковнику Нагелю 25го октября, № 235.

** Отрядъ этотъ былъ въ слѣдующемъ составѣ:

	Офиц.	У.-оф. и капра- ловъ.	Рядов.	Нестр.	Итого
Кабардинск. пѣхотн. п..	17	56	666	104	843
Куринскій.....	14	30	422	87	553
Казанскій.....	7	24	221	54	306
Свияжскій егерск. батал.	11	35	352	56	454
Кабардинскій.....	3	19	114	15	151
Гренадерскій баталіонъ изъ 6 соединенныхъ ротъ	12	40	595	68	715
Полевой артиллеріи и фурштата.....	10	25	237	127	399
Итого...	74	229	2.607	511	3.361
Таврогского драг. полка 8 эскадроновъ.....	19	57	712	90	878
<i>Казачьи полки.</i>					
Федора Грекова.....	—	—	426	—	426
Михаила Грекова.....	—	—	175	—	175
Уральскаго полка.....	1	—	297	—	298
Калмыковъ.....	—	—	500	—	500
Всего...	94	286	4.717	601	5.698

(Рапортъ Потемкина князю Таврическому 30 октября, № 275).

*** Листъ Кабардинцамъ отъ 23 октября, № 221.

небеса, міръ и непремѣнное теченіе природы. Для блага человѣкъ силою Духа Своего поставилъ законодателей, изъ коихъ первый былъ Моисей, потомъ Іисусъ Христосъ и наконецъ вся Азія чтитъ Магомета третьимъ избраннымъ пророкомъ Божиимъ. Коранъ гласитъ что послѣ сихъ трехъ установителей законовъ не будетъ болѣе пророчества.

„Откуда взялся имамъ Мансуръ? Почему вѣрятъ слѣпо народы, невѣжествомъ полные, не зная ни силъ закона, ниже зная писанія Корана.

„Лъстецъ и обманщикъ Шихъ, пользуясь ослѣпленіемъ людей, обѣщалъ имъ чудеса, но сдѣлалъ ли хоть единое? Обнадежилъ народы проліять въ бубны звукъ во всѣ концы вселенныя—кто слышалъ звукъ сей? Обѣщалъ спустить гласъ съ небесъ, ослѣпить и оглушить цновѣрныхъ,—кто слышалъ гласъ небесный, кто видитъ глухихъ и ослѣпленныхъ?

„Невѣжественный народъ, не внемля обману, продолжаетъ еще ожидать чудесъ; немые, привыкнувъ къ воровству, подъ предлогомъ мнимаго имама, пускаются на грабежи и разбои. Но вы, духовные богослужители, вы знаете писаніе Магомета, вы точно должны вѣдать что Шихъ не пророкъ, но лъстецъ и обманщикъ, не отъ Бога посланный, но отъ дьявола явившійся на гибель здѣшнихъ народовъ.

„Когда вспомняете вы прошлые годы, въ какомъ благодѣствіи была Кабарда; когда помыслите что я, будучи установленъ отъ престола всеавгустѣйшей монархини вашей начальникомъ и повелителемъ здѣшнихъ странъ, утвердилъ было миръ, тишину и правосудіе, которыя продолжались до моего отъѣзда, представьте и сравните тѣ времена съ настоящими: повсюду проливается кровь и кровь сія воліетъ о мщеніи; повсюду грабежи и зло разсѣяно и Богъ Всемогущій накажетъ злодѣевъ.

„Пусть скажутъ мнѣ какое было именно утѣшеніе Кабардинцамъ: утѣснялись ли они въ исповѣданіи магометанскаго закона? Нѣтъ. Всеавгустѣйшая императрица позволяетъ свободное каждому исповѣданію вѣръ и требуетъ только вѣрности, которую Кабардинцы троекратно нарушали. Богъ самъ, видя клятвеннопреступниковъ, можетъ ли взирать на нихъ милосерднымъ окомъ? Пусть скажутъ мнѣ какое отъ войскъ российскихъ чинимо было угнетеніе Кабардинцамъ: дерзость и буйство ихъ возбудило въ нихъ духъ измѣны; они начали

впадать во всѣ мѣста, рѣзали людей проезжающихъ и слабо вооруженныхъ, грабили селенія и отгоняли скотъ.

„Нынѣ, возвратясь я на линію, хочу обратить вѣренное мнѣ оружіе въ наказаніе дерзкихъ преступниковъ. Духовенство да будетъ увѣрено что не коснусь я ихъ закона; народъ да будетъ увѣренъ что оставаю я всѣхъ вѣрныхъ въ покое и приему ихъ подъ покровъ императорскаго оружія; преступниковъ же буду гнать, разить и карать доколѣ не придутъ они съ раскаяніемъ и ладутъ къ ногамъ просить помилованія.“

Получивъ такого рода объявленіе и видя что весьма значительный отрядъ русскихъ войскъ находится уже на рѣкѣ Малкѣ, Кабардинцы считали неудобнымъ выказывать сопротивление. Представители преданной намъ партіи тотчасъ же явились въ лагерь, просили защиты и оставались среди русскихъ войскъ до тѣхъ поръ пока они не оставили Кабарды. Нѣкоторые князья изъ враждебной намъ партіи также явились въ русскій лагерь съ повинною и увѣреніемъ въ своей преданности Россіи. П. С. Потемкинъ объявилъ имъ что требуетъ выдачи лѣвыхъ, возвращенія всего награбленнаго имущества и плату за убитыхъ. Князья обѣщали исполнить требованіе, и хотя по этому поводу созывали собраніе, но видно было что хотѣли только протянуть время, ибо одновременно съ совѣщаніемъ они отправляли въ горы свои семейства, подвластныхъ, скотъ и имущество. * Повидимому совѣщавшіеся ожидали прибытія въ Кабарду скопища джепророка и тогда намѣрены были дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Получая ежедневно свѣдѣнія что Мансуръ дѣйствительно намѣренъ соединиться съ Кабардинцами и что толпа его весьма значительна, Потемкинъ присоединилъ къ себѣ бригадира Апраксина съ его отрядомъ, состоявшимъ изъ Владимирскаго полка, численность котораго вмѣстѣ съ его грендерскими ротами не превышала 500 человекъ, изъ пяти эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка и 400 казаковъ Донскаго Кутейникова полка. ** Присоединеніе къ себѣ этого отряда командующій войсками признавалъ необходимымъ

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 30 октября, № 275.

** Предписаніе П. С. Потемкина бригадиру Апраксину 31 октября, № 277.

для того чтобы въ случаѣ появленія лжелпророка въ Кабардѣ быть настолько сильнымъ чтобы нанести ему конечное пораженіе.

Желаніе П. С. Потемкина не исполнилось, такъ какъ предполагаемое соединеніе не состоялось. Худоба лошадей и недостатокъ въ продовольствіи парализовали всѣ движенія Мансура и принудили его просить Кабардинцевъ чтобы они прислали для его ополченія съ cadaго двора по коровѣ и по мѣшку муки. * Въ ожиданіи этой присылки и пріисканія средствъ къ продовольствію, лжелпророкъ остановился близъ Червленной ставицы и расположился лагеремъ на противоположномъ берегу рѣки Терека. Онъ пытался было переправиться на нашу сторону, но былъ прогнанъ выстрѣлами изъ орудій слѣдившаго за нимъ отряда полковника Лунина. ** Простоявъ нѣсколько дней на одномъ и томъ же мѣстѣ, Мансуръ двинулся далѣе, но на пути совершенно для него неожиданно встрѣтился съ отрядомъ полковника Нагеля.

Имѣя приказаніе дѣйствовать наступательно, полковникъ Нагель собралъ въ Моздокѣ отрядъ, въ который вошли: второй Московскій полкъ, гренадерскій баталіонъ изъ ротъ Кабардинскаго и Селенгинскаго полковъ, два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, Моздокскій казачій полкъ, 150 человекъ Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ и 150 человекъ Донскихъ казаковъ. Желая воспрепятствовать соединенію лжелпророка съ Кабардинцами, Нагель торопился выступить изъ Моздока и едва только сталъ подниматься на первые гребни горъ какъ встрѣтилъ уже непріятеля, занявшаго весь лѣсъ и ущелья между Григоріополисомъ и Малою Кабардой. По мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ горцы зажигали всѣ опустѣвшія селенія Малой Кабарды и постепенно окружали отрядъ полковника Нагеля. Русскія войска видѣли какъ отдѣльныя группы всадниковъ, скрывая главныя свои силы, вертѣлись предъ ними не смѣя приблизиться. Горцы думали заманить насъ въ лѣсъ и ущелья, но видя что желаніе ихъ не исполняется, съ разсвѣтомъ 30 октября атаковали отрядъ полковника Нагеля съ разныхъ сторонъ. Отбитые они засѣли въ ущельяхъ и открыли живой огонь по

* Репортъ подполковника Матцена генералу Потемкину 30 октября.

** Репорты Потемкину полковника Савельева отъ 23 октября, и полковника Лунина отъ 24 октября.

нашимъ войскамъ. Полковникъ Нагель вызвалъ охотниковъ, и подкрѣливъ ихъ Гребенскими казаками и гренадерскими ротами Московскаго и Кабардинскаго полковъ, приказалъ выгнать непріятеля изъ закрытій. Послѣ пятичасоваго самаго ожесточеннаго штыковаго боя горцы принуждены были отступить и скрылись въ лѣсу, оставивъ на полѣ сраженія много убитыхъ и раненыхъ *.

Насчитывая въ своихъ рядахъ до двадцати тысячъ человекъ Мансуръ рѣшилъ повторить атаку, надѣясь что второе нападеніе будетъ удачнѣе перваго. Онъ отправилъ къ Кабардинцамъ ихъ соотечественника князя Дола съ объявленіемъ что не придетъ въ Кабарду будто бы потому что намѣренъ уничтожить отрядъ полковника Нагеля, который окруженъ имъ со всѣхъ сторонъ. На самомъ же дѣлѣ онъ отложилъ намѣреніе идти на соединеніе съ Кабардинцами оттого что получилъ извѣстіе о переправѣ черезъ рѣку Малку части отряда генерала Потемкина, который приступилъ къ этому съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе Кабардинцевъ и не дозволить имъ соединиться со джелпрокомъ. Послѣдній поручилъ князю Долу пригласить Кабардинцевъ къ нему на помощь и увѣрить ихъ что онъ или разобьетъ отрядъ полковника Нагеля, или, отведя воду, принудитъ его къ сдачѣ. Дѣйствительно горцы затрудили нѣсколько горныхъ рѣчекъ и тѣмъ заставили Нагеля перемѣнить мѣсто лагеря и придвинуться къ мѣстечку извѣстному подъ именемъ Татартупа.

Переходъ нашихъ войскъ въ другой лагерь былъ принятъ Мансуромъ за отступленіе и потому, около семи часовъ утра 2 ноября, онъ вторично атаковалъ полковника Нагеля всѣми своими силами. Подкрѣпленное прибытіемъ владѣльцевъ Большой и Малой Кабарды съ ихъ сообщниками, скопище Мансура наступало на нашъ отрядъ одновременно съ разныхъ сторонъ: справа дѣйствовали лучшіе кабардинскіе наѣзники подъ руководствомъ князя Дола, съ тылу—Кумыки подъ начальствомъ самого Мансура, слѣва—Тавлинцы и наконецъ съ фронта—главное скопище, состоявшее изъ Чеченцевъ и прочихъ мелкихъ племенъ. Самая отчаянная атака была произведена Тавлинцами, сражавшимися лѣшими; Чеченцы же и прочіе народы держались вдалекѣ, прятались за разнаго рода закрытіями и ограничивались одною пере-

* Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 4 ноября, № 306.

стрѣлкой. Отбивъ атаку Таваинцевъ Нагель перешелъ въ наступленіе, выгнавъ Чеченцевъ изъ лощинъ и принудилъ ихъ отступить. Въ это время Мансуръ, ободряя Кумыковъ, самъ бросился въ атаку. Кумыки наступали подъ прикрытіемъ 50 щитовъ, сдѣланныхъ горцами въ защиту отъ огня нашей артиллеріи. Сколоченные изъ двухъ рядовъ бревенъ, съ насыпавною между ними землею, щиты эти имѣли по два колеса и катились довольно легко и свободно. Нагель встрѣтилъ наступающихъ штыками, овладалъ щитами и разсѣлалъ непріятеля. Горцы искали спасенія въ бѣгствѣ и самъ Мансуръ былъ однимъ изъ первыхъ оставившихъ поле сраженія. *

Торопясь укрыться отъ преслѣдованія, непріятель оставилъ въ ущельяхъ все свое имущество, такъ что въ послѣдствіи проходившія по этимъ мѣстамъ наши команды находили много котловъ, разнаго рода платья и въ особенности бурокъ. „Число убитыхъ у злодѣевъ весьма велико, доносили П. С. Потемкинъ. ** Знамена ихъ взятыя не почелъ я достойными лоднести вашей свѣтлости, а обругавъ ихъ при собраніи тѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ кои у меня въ стану находятся, черезъ профоса сжечь приказалъ.“

Разсѣянные въ разныя стороны горцы находились въ самомъ печальномъ положеніи. Кумыки, какъ ближніе, вернулись въ свои дома, а Дагестанцы, не имѣя пропитанія, скитались по деревнямъ, прося милостыни. Многіе изъ нихъ отдавали за безцѣнокъ лошадей, оружіе и даже платье чтобы получить за нихъ небольшой кусокъ хлѣба. Жители селеній расположенныхъ по рѣкѣ Сунжѣ пользовались этимъ, обирали скитальцевъ, захватывали ихъ въ плѣнъ и отвозили на продажу. ***

Послѣ одержанной побѣды полковникъ Нагель не преслѣдовалъ бѣгущихъ, ибо его кавалерія была въ очень плохомъ состояніи. Четыре дня не кормленные лошади заставили Нагеля не только отказаться отъ преслѣдованія, но отступить ближе къ Моздоку и просить о присылкѣ подкрѣпленія. **** Генералъ Потемкинъ тотчасъ же отправилъ къ нему на помощь

* Репортъ полковника Нагеля генералу Потемкину 1 и 2 ноября.

** Репортъ Потемкина князю Потемкину 4 ноября, № 306й.

*** Показаніе капрала Ясноводскаго. Репорты П. С. Потемкину бригадира Вишнякова отъ 3го ноября, и полковника Нагеля отъ 8го ноября.

**** Репортъ Нагеля генералу Потемкину отъ 2го ноября.

двѣ гренадерскія роты Ладожскаго и Бутырскаго полковъ, двѣсти егерей Кабардинскаго полка, сто человекъ Волжскихъ и семьдесятъ человекъ Семейныхъ казаковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полагая что пораженіе нанесенное Мансуру и его скопищу образумитъ Чеченцевъ, Кумыковъ и прочихъ народовъ съ нимъ бывшихъ, командующій войсками олять обратился къ нимъ съ новымъ воззваніемъ, призывающимъ ихъ къ slokoйствію, покорности и выдачѣ Мансура.

„Настало время, писалъ онъ, * чтобы все народы, ослаблясь обманами извѣстнаго злодѣя и развратника, дерзнувшаго назвать себя ложно священнымъ именемъ пророка и принявшаго имя имама Мансура, нынѣ скинуть мракъ съ ослабленныхъ очей прозрѣли и обманъ сего злодѣя и преступленія свои.

„Да воспомянуть владѣльцы, старшины и народъ что злодѣй Шихъ, принявъ ложно имя имама, многократно обманывалъ народъ, обѣщалъ имъ показать чудеса, ниспослать гласъ съ небесъ и проліять оный во всѣхъ концахъ вселенной; обѣщалъ ударить въ бубны и звукомъ оныхъ оглушить себя противныхъ; обѣщалъ что ни орудія, ни ружья руссійскаго воинства не будутъ дѣйствовать, но кто видѣлъ чудеса его? кто слышалъ гласъ небесный? кто оглушенъ отъ звука бубновъ? а онъ злодѣй со всеми скопищами къ нему прилѣпившимися опроверженъ, пораженъ оружіемъ воинства руссійскаго, и сводочъ его бѣжала отъ руки побѣдителей, яко прахъ вѣется отъ лица вѣтровъ.

„Я призываю владѣльцевъ, старшинъ и народъ: да опамятуются они въ своемъ недоумѣніи, да познаютъ ложь и обманъ злодѣя Шиха, да вразумятся что не пророкъ онъ, но разбойникъ и обманщикъ.

„Народы, узнавъ его обманы, видятъ его оставленнымъ отъ своихъ, скитаются, и дабы искоренить виновника толикой гибели ослабленныхъ людей, дабы пресѣчь язву сію, родившуюся на гибель его послушниковъ, обѣщаю что если народы Кумыкскіе, Чеченскіе, обратятся на путь истины, принесутъ раскаяніе и, поймавъ сего развратника, выдадутъ его въ руки мои, то будутъ во всемъ прощены, оставлены въ покоѣ и дано будетъ тѣмъ кто приведетъ его живаго три

* Всѣмъ Кумыкскимъ, Чеченскимъ и прочимъ народамъ, 6го ноября, № 319.

тысячи рублей; голову жь отъ мертвѣго—лѣтъсотъ рублей. Но если и за сѣмъ народы не раскаются или лаки къ нему прилѣпляться будутъ, тогда подвину я громъ оружія и мечъ острый на пораженіе преступниковъ.“

Объявленіе это, какъ появившееся тотчасъ послѣ поразенія Мансура, въ первое время хотя и испугало горцевъ, но зараженные ложнымъ фанатизмомъ, они не рѣшались однако же посягнуть на личность лжелпророка и потому требованіе о выдачѣ его не было исполнено. Страшась наказанія за неисполненіе нашего требованія и не надѣясь на успѣхъ при сопротивленіи, они въ большинствѣ слѣдовали обыкновенному своему правилу—покидали дома и скрывались въ горы со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Тѣ же которые остались въ своихъ селеніяхъ готовились къ оборонѣ. Жители деревни Эндери рыли вокругъ селенія ровъ и строили укрѣпленія. Алдинцы, собравшись къ своему кадію и явившись вмѣстѣ съ нимъ къ Мансуру, спрашивали его что имъ дѣлать.

— Ты много прежде обѣщаль намъ, говорили они,—но ничего не исполнилъ и подвергъ только насъ мщенію Русскихъ. Что теперь ты намъ скажешь: оставаться ли намъ на зиму въ деревнѣ или разойтись и скрыться въ горахъ?

— Я не князь вашъ, отвѣчалъ Мансуръ,—дѣлайте что хотите. *

Такой отвѣтъ раздражилъ Алдинцевъ и сгоряча они хотѣли отобрать отъ своего учителя подаренныя ему вещи, но были удержаны кадіемъ. Довѣріе къ Мансуру значительно уменьшилось, тѣмъ болѣе что около этого времени въ Чечнѣ и Дагестанѣ явилось письмо одного изъ табасаранскихъ муллъ, въ которомъ отрицалось право Мансура на присвоенное имъ званіе имама. „Всевышній Господь Богъ, писалъ мулла, списывая благодать свою на рабовъ возлюбленныхъ, являетъ чрезъ нихъ чудеса и знаменія, а по сему самому и мы, яко рабы недостойные, должны святыхъ чудотворцевъ и угольниковъ Божіихъ неизреченно любить и почитать; чудеса же истинныя почитать свято и должное чинить чудотворцамъ почтеніе и послушаніе. Любить ихъ мы обязаны потому что чудотворцы суть угольники Божіи; въ нихъ почиваетъ Божія

* Репортъ полковника Нагеля П. С. Потемкину 13го ноября. Объясненіе извѣстій полученныхъ въ лагерь 13го ноября.

благодать. Еслибы проявившійся въ Чечнѣ имамъ былъ изъ таковыхъ же прелюбодѣльныхъ, въ коихъ почиваетъ благодать Божія, то великое бы произвелъ въ родѣ мусульманскомъ утѣшеніе и счастье. Но чудотворцы и угодники Божіи, оставляя всѣ мірскія прихоти, отвращаются уже ото всего до саму ихъ не приличнаго; ищущіе душеспасенія заото и серебро почитаютъ какъ нѣкое бремя, похвалою не возносятся и поношеніе пріемлютъ они за благо. Отъ неимѣющихъ же такового набожнаго свойства ожидать чудесъ не можно. Пишу я сіе не въ поношеніе Шиха, но заключаю что дѣянія угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ сами по себѣ доказываютъ свое достоинство.

„О подвигахъ и дѣлахъ назвавшагося имамомъ слышно что они противны закону и святому нашему писанію: 1) что опущеніе поста и богослуженія довершаютъ онъ уже возвращаетъ; 2) Богослуженіе отправляетъ онъ не такъ какъ по закону слѣдуетъ; 3) чинить лоборы съ народа и пріемлетъ подарки. Народъ же, не считаясь тѣмъ, по непросвѣщенію своему ожидаетъ отъ него чего-либо полезнаго, но когда не сбудется отъ него ожидаемое въ надеждѣ коего народъ его теперь почитаетъ, то и пріобрѣтенное имъ отъ народа не будетъ ему въ душеспасеніе, но въ лагубу.

„Истинныхъ угодниковъ Божіихъ любить и почитать есть не что иное какъ любить и почитать самого Бога, но какъ вы со стороны своей принять описанное здѣсь изволите не оставьте своимъ увѣдомленіемъ, дабы могли мы слѣдовать подобно здравому разсужденію вашему, иначе же не пострадавъ бы непросвѣщенный народъ своимъ Шиху послушаніемъ и не могъ бы обмануться. Долгъ бо есть просвѣщенныхъ наставлять заблуждающихся на путь истинный, ведущій къ тишинѣ и общему спокойствію.“

Письмо это оказало свое дѣйствіе и большая часть приверженцевъ джелпрока искала прощенія и помилованія. Переправа черезъ рѣку Малку отрада генерала Потемкина и движеніе его въ Кабарду убѣдило населеніе въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Какъ только, 13го ноября, наши войска явились на рѣкѣ Баксанѣ, Кабардинцы сейчасъ же отправили въ лагерь своихъ представителей. Генералъ-поручикъ Потемкинъ принялъ ихъ ласково, но потребовалъ чтобы Кабардинцы немедленно возвратили все награбленное, заладили ленью за убитыхъ родственниковъ и избрали бы депутатовъ для отправленія ихъ съ просьбой о помилованіи

сначала къ князю Потемкину, а потомъ въ Петербургъ къ высочайшему двору. Кабардинцы объявили что готовы исполнить всѣ требованія русскаго начальства, но отправить депутатовъ въ Петербургъ скоро не могутъ. Потемкинъ отвѣчалъ что не согласенъ давать имъ болѣе времени на разсужденія, что онъ ожидаетъ ихъ отвѣта въ тотъ же день, и если не получить его, то силою оружія заставить Кабардинцевъ исполнить свои требованія *. „Объявите имъ, писалъ онъ князю Уракову, ** что я до сей поры хотѣлъ только вывести ихъ изъ заблужденія и привести въ покорность, но упрямство ихъ будетъ причиною ихъ разоренія.“ Кабардинцы созвали собраніе, на которомъ большинство хотя и готово было просить помилованія, но не рѣшалось высказать этого, опасаясь преслѣдованія сильныхъ и вліятельныхъ владѣльцевъ. Воспользовавшись настроеніемъ большинства князь Мисостъ Баматовъ, какъ старшій владѣлецъ, предложилъ исполнить наше требованіе безпрекословно. Онъ указалъ противникамъ мира и покорности что несогласіе ихъ навлечетъ странъ многія бѣдствія, что мостъ черезъ рѣку Баксанъ уже построенъ Русскими, что войска готовятся къ переправѣ и что конечно вслѣдъ за отказомъ послѣдуетъ разореніе ихъ селеній и потеря имущества. Собравшіеся выбрали четырехъ представителей и отправили ихъ въ русскій лагерь. Депутаты привезли съ собою письма на имя императрицы и князя Потемкина, дали обязательство исполнять всѣ требованія русской власти и возратить все захваченное и награбленное. Именемъ императрицы генералъ-поручикъ Потемкинъ даровалъ прощеніе Кабардинцамъ и объявилъ имъ что отправляетъ депутатовъ и письма князю Потемкину, что назначаетъ приставомъ въ Кабарду майора князя Уракова, которому и поручаетъ принять отъ Кабардинцевъ взятыхъ ими въ плѣнъ людей, все награбленное имущество и леню за убитыхъ по 250 барановъ за cadaго. Въ обезпеченіе же точнаго исполненія нашего требованія Кабардинцы должны были выдать аманатовъ отъ каждой фамиліи по одному узденю ***. Въ концѣ ноября депутаты отправи-

* Ордеръ князю Уракову отъ 13го ноября, № 352.

** Въ ордерѣ отъ 13го ноября, № 353.

*** Листъ Кабардинцамъ, 15го ноября, № 358. Рапортъ Потемкина князю Потемкину 21го ноября, № 362.

лись въ Россію, причемъ командующій войсками просилъ князя Потемкина назначить ежегодныя пенсіи наиболѣе преданнымъ намъ владѣльцамъ. Онъ полагалъ что при жадности Кабардинцевъ къ деньгамъ, это былъ бы самый лучший способъ для привлеченія ихъ къ видамъ и покорности Россіи*.

Подаривъ князю Мисосту Баматову перстень съ бриллиантами ** и отправивъ такой же подарокъ Андреевскому владѣльцу Муртаза-Алію, Потемкинъ поручилъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ распустилъ слухъ между горцами что Кабардинцы страшась наказанія просили пощады и покорились Русскому правительству ***. Вместе съ тѣмъ, чтобы устроить жителей лѣваго фланга и самого Мансура, былъ собранъ подъ начальствомъ полковника Нагеля довольно сильный отрядъ, въ который вошли: Астраханскій, Томскій и Московскій полки, три баталіона гренадеръ ****, 8 полковыхъ орудій и всѣ казачьи войска Гребенскія, Семейныя и Моздокскія. Полковнику Нагелю приказано было стараться захватить желпророка въ свои руки, обѣщать помилованіе всѣмъ покорившимся подобно Кабардинцамъ и изслѣдовать путь къ селенію Эндери, узнать о положеніи и числѣ его жителей и гдѣ пасутся ихъ стада; точно такія же свѣдѣнія собрать о деревняхъ Аксаевской и Брагунской.

Наступившее осеннее время и недостатокъ въ продовольствіи заставляли отложить военныя дѣйствія до болѣе благопріятнаго времени, но для устрашенія жителей и привлеченія ихъ къ покорности приказано было строить три переправы черезъ рѣку Терекъ. Приготовительныя работы эти оказали свое дѣйствіе и горцы мало-по-малу покидали желпророка. Послѣдній, видя охлажденіе къ себѣ Чеченцевъ и въ особенности своихъ односельцевъ, оставилъ селеніе Алды и удалился къ брату своей жены въ деревню Шалинскую. Тамъ вы-

* Репортъ Потемкина князю Потемкину 29го ноября, № 386.

** Письмо Потемкина князю Баматову 15го ноября.

*** Ордера бригадиру Вишнякову и прочимъ начальникамъ отъ 18го ноября.

**** Баталіоны Мансурова (2 роты Кабардинскаго и 2 Селенгинскаго полковъ); Кривцова (2 роты Томскаго и 2 Московскаго полковъ) и Раціуса (двѣ роты Астраханскаго, одна Ладожскаго и одна Бутырскаго полковъ).

просилъ онъ себѣ у жителей мѣсто для построения дома и намѣренъ былъ поселиться навсегда, хотя и не отчаивался еще въ приобрѣтеніи прежняго вліянія на народъ. Мансуръ отправилъ письма ко всемъ Закубанскимъ народамъ и Татарскимъ ордамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему или дѣлать частыя владенія въ русскія владѣнія. Своимъ новымъ односельцамъ и небольшому числу оставшихся посѣдователей онъ разказывалъ что предвидѣлъ всѣ случившіяся бѣдствія, радуется нанесенному горцамъ пораженію, въ которомъ народъ долженъ видѣть гнѣвъ Божій за ослабленіе вѣры, взаимное несогласіе и неисполненіе Его наставленій.

— Но если вы впредь будете мнѣ послушны, говорилъ Мансуръ,—то убитые на полѣ брани, по предстательству моему, будутъ приняты въ царствіе небесное, а оставшіеся въ живыхъ на будущую весну будутъ очень обрадованы.

На вопросъ какая радость ожидаетъ ихъ въ будущемъ Мансуръ отказался отвѣчать, но готовилъ знамя, украшая его серебромъ и золотомъ.

— Для кого это знамя? спрашивали Мансура его приверженцы.

— Для того кто явится черезъ два мѣсяца, отвѣчалъ онъ загадочно,—и тогда я открою вамъ многія чудеса.

— У меня будетъ войска несравненно болѣе прежняго, говорилъ Мансуръ однажды сыну кумыкского владѣльца Чалалову, прежде бывшему главнымъ его сторонникомъ.

— Откуда у тебя можетъ быть войско? спрашивалъ Чалаловъ.—Дагестанцы отъ тебя отстали: они побиты, ограблены или залоподаны, Чеченцы тебя презируютъ, Кабардинцы покорились, а наши просятъ пощады.

— Войско у меня будетъ сильное, повторилъ лжелпророкъ,—но его никто не увидитъ.

Чалаловъ засмѣялся и уѣхалъ отъ своего бывшаго наставника *.

Н. ДУБРОВИНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* Репортъ подполковника Матцена генералу Потемкину отъ 22го ноября. Госуд. Арх. XXIII, № 13й, карт. 50.

МАРІЯ-АНТУАНЕТА И ГРАФЪ ФЕРЗЕНЪ

Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits de ses papiers, publiés par le baron de Klincksowström, 2 vol.

I.

При Лудовикѣ XVI, точно также какъ при его предшественникѣ, блестящій Версальскій дворъ привлекалъ къ себѣ массу знатныхъ иностранцевъ изъ всѣхъ концовъ Европы. Жизнь представляла здѣсь столько разнообразныхъ и изящныхъ удовольствій, нравы при всей ихъ распущенности отличались такою утонченностью что многіе изъ нихъ, пріѣзжая во Францію на короткое время, оставались въ ней по цѣлымъ годамъ и дѣлали изъ нея второе свое отечество. Между этими иностранцами было не мало и Шведовъ. Они такъ сроднились съ гостепріимною для нихъ страной что Французы привыкли считать ихъ своими. Еще С.-Симонъ помѣстилъ о нихъ такой отзывъ въ своихъ *Мемуарахъ*: „Сердце у этихъ людей чисто французское, они отлично воспитаны, никому не уступаютъ въ храбрости и при всемъ томъ пріятно поражаютъ своею сдержанностію и скромностію“. Въ настоящее время въ Версальской картинной галлерей можно видѣть превосходные портреты знатныхъ Шведовъ, игравшихъ тогда болѣе или менѣе видную роль при Версальскомъ дворѣ, — портреты, писанные Ларжильеромъ и другими извѣстными

художниками: то были или люди составившіе себѣ почетную репутацію подѣ французскими знаменами въ Семилѣтней войнѣ, или участвовавшіе вмѣстѣ съ Французами въ войнѣ за независимость Американскихъ колоній, или же наконецъ служившіе въ полку извѣстномъ подѣ названіемъ Королевско-Шведскаго полка (Royal-Suédois). Особенно три Шведа обращали на себя вниманіе при дворѣ Лудовика XVI: одинъ изъ нихъ—баронъ Стедингкъ, бывшій въ послѣдствіи посланникомъ въ Россіи, другой—Сталь-Гольштейнъ, которому удалось жениться на дочери Неккера, прославившейся затѣмъ своими литературными трудами, и наконецъ графъ Аксель Ферзенъ, le beau Fersen, какъ называли его въ Версалѣ, сынъ извѣстнаго государственнаго человѣка Швеціи, долго стоявшаго во главѣ „партіи шалоковъ“.

Ферзенъ пріѣхалъ во Францію когда ему еще было только девятнадцать лѣтъ и тотчасъ же сдѣлался любимцемъ французскаго общества. Много способствовала этому его наружность, дѣйствительно въ высшей степени привлекательная, сколько можно судить по портрету приложенному къ появившимся нынѣ его мемуарамъ: художавое лицо, чрезвычайное тонкія черты, большіе глаза и какая-то задумчивость во взглядѣ. Другой портретъ его, когда уже минуло ему за пятьдесятъ лѣтъ, находимъ мы въ книгѣ Жефруа: *Gustave III et la cour de France*. Здѣсь Ферзенъ изображенъ въ мантии съ цѣлью ордена Серафимовъ на груди,—красота несмотря на вемолодые годы сохранилась въ полномъ блескѣ. Но умъ и нравственныя качества этого человѣка были также не изъ дюжинныхъ. При первомъ появленіи его въ Версали шведскій посланникъ Крейцъ писалъ о немъ королю Густаву III: „Изъ всѣхъ Шведовъ посѣщавшихъ Францію на моихъ глазахъ, Ферзенъ имѣлъ наиболѣе успѣха въ высшемъ обществѣ. Королевская фамилія оказываетъ ему особую благосклонность. Поведеніе его отличается рѣдкимъ благородіемъ и знаніемъ приличій. Съ его умомъ и съ его изящною наружностью онъ не могъ конечно не имѣть успѣха, и дѣйствительно успѣхъ его былъ громадный. Въ его образѣ мыслей много благороднаго и возвышеннаго.“ Извѣстно что клевета не щадила королеву Марію-Антуанету, что она всегда и даже безъ сколько-нибудь достаточнаго повода готова была очернить ее, а потому не слѣдуетъ удивляться что при дворѣ очень скоро распространились слухи будто бы королева

питаетъ нѣжное чувство къ молодому Шведу. Увѣряли что госпожи Ламбаль и Полиньякъ нарочно устраиваютъ у себя интимные вечера съ цѣлю доставить имъ возможность свиданій, что свиданія эти происходятъ также на балахъ Оперы, старались подмѣтить каждый взглядъ Марию-Антуанеты, говорили что она съ особеннымъ выраженіемъ пѣла арію изъ оперы *Дидона*:

Ah, que je fus bien inspirée
Quand je vous reçus dans ma cour,

и не могла при этомъ скрыть своего смущенія смотря на Ферзена. Подобные слухи были распространены такъ сильно что даже Крейцъ отчасти вѣрилъ имъ. Въ 1779 году, когда Ферзенъ готовился ѣхать на войну въ Америку, шведскій посланникъ доносилъ Густаву III: „Я долженъ сообщить вашему величеству что замѣтная благосклонность королевы къ молодому Ферзену возбудила здѣсь не мало толковъ. Признаюсь, я самъ не могу не вѣрить что королева питаетъ къ нему влеченіе: въ этомъ не позволяютъ мнѣ сомнѣваться слишкомъ ясные признаки. Но нельзя не отозваться съ похвалою о той удивительной скромности и сдержанности которыя обнаружилъ въ этомъ случаѣ Ферзенъ, особенно же о принятомъ имъ намѣреніи отправиться въ Америку. Удаляясь отъ двора, онъ этимъ самымъ устраняетъ всякія опасности, но чтобъ удалиться—нужна была твердость характера, не совсѣмъ обычная въ его годы. Въ послѣднее время королева почти не отводила отъ него глазъ; глаза ея были наполнены слезами. Прошу ваше величество сохранить это въ тайнѣ ото всѣхъ и между прочимъ отъ отца молодого человека. Когда узнали о предстоящемъ его отъѣздѣ, фавориты были въ восторгѣ. Герцогиня Фицъ-Джемсъ сказала Ферзену: „Какъ, вы уѣзжаете, вы рѣшаетесь отказаться отъ своей побѣды?“—„Еслибъ я одержалъ побѣду, отвѣчалъ онъ, то не отказался бы отъ нея; я удаляюсь не связанный никакими узами и, увы, даже не оставляя по себѣ никакихъ сожалѣній.“ Ваше величество должны согласиться что это достойный всякой похвалы отвѣтъ въ устахъ столь молодого человека.“

Было ли въ отношеніяхъ королевы Марию-Антуанеты къ графу Ферзену что-нибудь похожее на любовь—вопросъ этотъ долженъ остаться неразрѣшеннымъ, главнымъ образомъ

потому что еслибъ и любили они другъ къ другу подобное чувство, то Ферзенъ былъ вовсе не такой человѣкъ чтобы чѣмъ-нибудь проявить его. Герцогъ Левисъ выразился о немъ что онъ „походилъ на героя романа, но ужь никакъ не романа французскаго, ибо для этого у него не доставало ни самоуверенности, ни страстнаго увлеченія“. Ферзенъ былъ постоянно серіозенъ, холоденъ въ обращеніи и съ молодыхъ лѣтъ привыкъ даже въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ тщательно скрывать свои ощущенія. Онъ никогда ни словомъ, ни взглядомъ не обнаружилъ ничего что могло бы подтвердить распространенные о немъ слухи. Остается судить по догадкамъ. Догадки не прекращаются даже и теперь: такъ, напримѣръ, нѣкоторые критики находятъ весьма подозрительнымъ что въ обнародованныхъ нынѣ документахъ Ферзена издатели сочли нужнымъ очень часто выпускать въ письмахъ къ нему королевы по нѣскольку строкъ, заминая ихъ точками. Но это еще не оправдываетъ уломянутыхъ предположеній, ибо тѣ же издатели настойчиво утверждаютъ что Ферзенъ не былъ влюбленъ въ Марію-Антуанету, что въ то самое время когда наиболѣе толковали объ этомъ въ Версали онъ сватался за одну знатную свою соотечественницу и былъ не прочь даже вступить въ бракъ съ дочерью Неккера, но отказался отъ этого намѣренія узнавъ что у него есть два соперника—Сталь, который потомъ и женился на ней, и знаменитый англійскій министръ Питтъ младшій. Къ тому же графъ Мерси - Аржанто, повѣренное лицо Маріи-Терезіи, не забывавшій сообщать императрицѣ самыя ничтожныя мелочи касавшіяся ея дочери, не преминулъ бы конечно уломянуть объ отношеніяхъ ея къ Ферзену, еслибъ онъ придавалъ имъ какое-нибудь значеніе, а онъ ни слова не говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ, обнародованныхъ Арнетомъ. Впрочемъ нельзя отрицать что у людей улорно желающихъ предполагать романъ тамъ гдѣ, быть-можетъ, не было никакого романа, всегда останется сильный аргументъ: если Ферзена не одушевляло чувство любви къ Маріи - Антуанетѣ, то чѣмъ объяснить ту беззаветную преданность которую онъ оказывалъ ей, чѣмъ объяснить что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, до самой трагической ея кончины, онъ жилъ вдали отъ отечества, не хотѣлъ слушать увѣщаній отца, разстроилъ свое состояніе

только для того чтобъ оградить несчастную королеву отъ окружавшихъ ее опасностей?

Дѣйствительно, самоотверженіе обнаруженное имъ въ этомъ случаѣ представляетъ нѣчто необычайное. По возвращеніи своемъ изъ Америки онъ поселился въ Парижѣ и только одинъ разъ ѣздилъ въ Швецію для того чтобы принять участіе въ войнѣ Густава III противъ Россіи. Онъ былъ свидѣтелемъ первыхъ событій французской революціи: сначала отнесся онъ къ ней съ сочувствіемъ, ибо подобно многимъ другимъ лицамъ тогдашней знати отличался вообще либеральнымъ образомъ мыслей и въ 1771 году даже нарочно заѣзжалъ въ Ферней чтобы поклониться Вольтеру. Но по мѣрѣ того какъ развивалась революція, она приводила его въ ужасъ. Въ письмахъ его къ отцу мы находимъ нѣсколько замѣчаній которыми не пренебрегъ бы конечно воспользоваться г. Тенъ для извѣстной своей книги. Вотъ напримѣръ что писалъ Ферзенъ въ концѣ 1789 года: „Авторитетъ короля совершенно потрясенъ; въ странѣ нѣтъ ни законовъ, ни порядка, ни юстиціи, ни религіи; всѣ связи порваны и трудно догадаться какимъ путемъ можно было бы возстановить ихъ... Само Національное Собраніе трелещетъ предъ Парижемъ, а Парижъ трелещетъ предъ 40 или 50.000 бандитовъ, предъ всякимъ сбродомъ, нашедшимъ себѣ пристанище въ Монмартръ и Пале-Рояль. Въ провинціяхъ народъ ольяненъ мыслью которую проповѣдывали философы о томъ что всѣ люди равны; отрицая феодальныхъ правъ, такъ либерально провозглашенная Собраніемъ въ теченіе трехъ часовъ, убѣдила народъ что не слѣдуетъ платить никакихъ податей. Повсюду предается онъ страшнымъ неистовствамъ противъ дворянскихъ замковъ, сожигаетъ, разрушаетъ ихъ и истязуетъ владѣльцевъ...“ А вотъ что говоритъ Ферзенъ, находившійся самъ во французской военной службѣ, о настроеніи арміи: „Нѣсколько полковъ взбунтовалось; многіе изъ нихъ позволили себѣ насилія даже противъ своихъ начальниковъ. У насъ въ гарнизонѣ (въ Валансьенѣ) дѣло не доходило до этого, но все-таки солдаты выломали городскія ворота и цѣлые три дня бродили по деревнямъ, пьянствуя и совершая страшныя безчинства. Затѣмъ они вознамѣрились сжечь городъ; къ счастью удалось обуздать ихъ съ помощью милиціи. Странно что то же самое происходитъ во всѣхъ гарнизонахъ, что повсюду солдаты отказываютъ въ повиновеніи.“

Ферзенъ велъ аккуратно свой дневникъ, начиная съ 1780 года, но къ сожалѣнію первая половина этого дневника была уничтожена изъ страха подвергнуться обыску барономъ Францемъ, получившимъ ее для сохраненія; осталась только вторая часть за 1791 и 1792 годы, но слѣдуетъ замѣтить что хотя въ дневникѣ Ферзена можно найти не мало интересныхъ подробностей, главный интересъ обнаруженныхъ нынѣ бумагъ заключается не въ немъ, а въ письмахъ автора и дипломатическихъ документахъ прошедшихъ чрезъ его руки. Ферзенъ, вынужденный сласаться бѣгствомъ изъ Франціи по той причинѣ что онъ главнымъ образомъ подготовилъ неудавшееся бѣгство королевской семьи въ Вареннъ, продолжалъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ Лудовика XVI и Маріи-Антуанеты. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ королевой; чрезъ него же поддерживала она корреспонденцію съ главнѣйшими своими совѣтниками и приверженцами въ Европѣ; въ дипломатическихъ переговорахъ между державами онъ служилъ главнымъ орудіемъ короля Густава III и ѣздилъ съ секретными порученіями отъ него къ императору Леопольду. Брюссель, гдѣ онъ утвердилъ свое мѣстопробываніе, былъ какъ бы одною изъ главныхъ квартиръ партіи поставившей себѣ задачей борьбу съ революціей. Много было уже писано о ней, но бумаги Ферзена проливаютъ новый и весьма любопытный свѣтъ какъ на главнѣйшихъ ея дѣятелей, такъ и на одушевлявшіе ея замыслы.

I.

Всѣ европейскія правительства, за исключеніемъ развѣ Ангійскаго, которое въ началѣ поглощено было мыслью лишь о томъ какъ бы извлечь возможно болѣе выгодъ изъ страшныхъ смутъ взволновавшихъ Францію, одинаково желали сласти Лудовика XVI и его семейство, но относительно способа достигнуть этой цѣли между ними не было согласія. Еще менѣе указаній на этотъ счетъ можно было ожидать отъ самой несчастной королевской семьи. Король и его супруга безпрерывно мѣняли планы, но лишь одна забота никогда не покидала ихъ — забота оградить себя отъ людей которые обнаруживали наиболѣе ревностную готовность возстановить потрясенный престолъ. Мы говоримъ объ эмигран-

тахъ, дѣйствовавшихъ въ Кобленцѣ, Вормсѣ и Туринѣ подъ руководствомъ принцевъ королевскаго дома графа Прованскаго и графа Артуа. Извѣстно что Лудовикъ XVI и королева и въ прежнее время не могли похвалиться отношеніями къ нимъ этихъ родственниковъ. Рознь еще усилилась съ тѣхъ поръ какъ принцы удалились за границу. Въ письмахъ Маріи-Антуанеты къ Ферзену непрерывно выражается тревога о томъ что партія образовавшаяся вокругъ нихъ отважится на какой-нибудь рискованный и легкомысленный поступокъ который только ухудшитъ положеніе короля. Если въ Парижѣ считали нужнымъ скрывать свои планы и надежды отъ вожakovъ революціи, то отнюдь не менѣе необходимымъ казалось это относительно эмиграціи. Подобная предосторожность была отнюдь не излишняя. Эмигранты не обладали средствами дѣйствовать такъ какъ имъ хотѣлось бы, но за то не было у нихъ недостатка въ крайней самоувѣренности и заносчивости. Они задались мыслью что Лудовикъ XVI не обладаетъ надлежащею свободою и что нужно поэтому принимать тѣ или другія мѣры не соображаясь съ его желаніями; не рѣдко слышалось даже что лучше пожертвовать королемъ, лишь бы спасти престолъ. Отъ графа Прованскаго требовали чтобъ онъ принялъ титулъ регента и самъ онъ очень сочувствовалъ этому намѣренію; въ Кобленцѣ привыкли во всемъ обвинять короля, его нерѣшительность; считали его главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ и доказывали необходимость идти на проломъ не стѣсняясь ничѣмъ. Энергія проявлялась впрочемъ только на словахъ, но за то нигдѣ не было такъ много болтовни какъ при дворѣ принцевъ. Ферзенъ постоянно умолялъ Марію-Антуанету чтобъ она не довѣрила своихъ плановъ кому-нибудь изъ ихъ приверженцевъ, ибо „это значило бы что завтра весь городъ будетъ знать о нихъ, — такъ мало эти господа привыкли и считаютъ нужнымъ скрывать тайну“. Императоръ Леопольдъ писалъ сестрѣ своей, правительницѣ Австрійскихъ Нидерландовъ: „Отдѣляйтесь отъ эмигрантовъ вѣжливостію и обѣдами, но не давайте имъ ровно ничего — ни войскъ, ни денегъ. Я сожалею о судьбѣ ихъ, но они поглощены лишь своими романтическими затѣями, своими личными интересами и жаждой мести; принцы полагаютъ что всѣ обязаны приносить имъ себя въ жертву и окружены они какъ нельзя хуже.“ Главнымъ ихъ совѣтникомъ былъ Калоннъ, уже причинив-

шій не мало зла Франціи своимъ управленіемъ финансами, лустой и ничтожный болтунъ. „Бесѣдовать съ нимъ истинная мука, говоритъ Ферзенъ: онъ не слушаетъ васъ, изрѣдка только прерываетъ разговоръ восклицаніями: ахъ, мнѣ пришла въ голову великолѣпная мысль, но можно знать заранее что это какая-нибудь новая глулость....“ Если не разъ высказывалось предположеніе что Лудовикъ XVI и Марія-Антуанета дѣйствовали въ тѣсномъ союзѣ съ эмиграціей, то бумаги Ферзена окончательно подтверждаютъ что не только не было между ними согласія, но что ихъ раздѣлялъ непримиримый антагонизмъ.

Несмотря на свою крайнюю самонадѣянность партія принцевъ сознавала необходимость прибѣгнуть къ помощи европейскихъ государей. Приѣмъ который она встрѣтила у нихъ былъ—какъ увидимъ ниже, весьма различенъ, но по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ государей оказывалъ ей съ самаго начала пламенное сочувствіе. То былъ шведскій король Густавъ III. Личность эта представляла въ тогдашнее время весьма интересное явленіе. Въ умѣ нельзя было отказать Густаву; онъ отличался замѣчательною начитанностью; у него было много великодушныхъ, благородныхъ порывовъ, но все это складывалось столь страннымъ образомъ что не приносило никакихъ плодовъ. Объяснять это нужно повидимому тѣмъ что Густавъ никогда не хотѣлъ оставаться въ тѣхъ границахъ въ которыхъ его дѣятельность могла бы принести существенную пользу, что всякое полприще казалось ему недостаточно широкимъ для его талантовъ: могъ ли онъ довольствоваться скромными заботами о благосостояніи Швеціи, когда внутренній голосъ говорилъ ему что онъ призванъ наполнить блескомъ своего имени всю Европу! Онъ не сомнѣвался что былъ предназначенъ совершить что-то великое, онъ хотѣлъ чтобы весь міръ говорилъ о немъ, не соображая того въ состояніи ли была тогдашняя Швеція послужить ему пьедесталомъ для подобной роли. Но если не хватало у нея для этого средствъ, то нужно было найти эти средства въ видѣ субсидій со стороны другихъ государствъ, съ которыми Густавъ готовъ былъ ополчиться въ самыя отважныя предпріятія, лишь бы отведено ему было при этомъ видное мѣсто. Одинъ историкъ * очень вѣрно замѣтилъ что въ теченіе

* Gœffroy, *Gustave III et la cour de France*, 1867.

своего царствованія Шведскій король былъ постоянно терзаемъ одною заботой—добиться какъ можно больше денегъ и какъ можно больше славы. Увѣренность въ самомъ себѣ не покидала его ни на минуту, а крайняя впечатлительность натуры заставляла его увлекаться съ одинаковымъ пыломъ противоположными стремленіями XVIII вѣка: въ началѣ является онъ поклонникомъ философовъ, а затѣмъ становится мистикомъ, иллюминатомъ; онъ вступаетъ на престолъ съ намѣреніемъ осуществить въ своемъ управленіи идеи предъ которыми преклонялось современное ему общество, а кончаетъ тѣмъ что проповѣдуетъ такую реакцію которую преслѣдовали лишь кобенцкіе эмигранты. Г. Гротъ въ прекрасномъ очеркѣ своемъ *Екатерина II и Густавъ III* * высказываетъ глубоко вѣрное замѣчаніе, проводя параллель между Шведскимъ королемъ и Русскою императрицей: „Нельзя сказать чтобы между Екатериной и Густавомъ вовсе не было сходства; напротивъ, по своему образованію и вкусамъ, по одинаковому во многомъ положенію и наконецъ по самому существу своему они представляли нѣкоторыя общія черты; оба, напримѣръ, равно дорожили властью и славой, любили блескъ торжествъ и шумъ похвалъ, привыкли къ расточительности, но какъ мѣтко выразился одинъ изъ приближенныхъ Густава (графъ Ульрихъ Шефферъ, министръ иностранныхъ дѣлъ), общія имъ слабости, по странной игрѣ природы, въ Екатеринѣ принимали мужской характеръ, а въ Густавѣ женскій. Густавъ хотѣлъ только блистать и блистать всѣмъ чѣмъ могъ, даже драгоценными камнями; Екатерина, напротивъ, стремилась къ дѣйствительной силѣ, хотѣла посредствомъ ея господствовать и управлять.“ Происходило это отъ того что Екатерина дѣйствительно обладала великимъ государственнымъ умомъ, а Густавъ былъ не болѣе какъ артистомъ на престолѣ; Екатерина среди шума удовольствій, среди расточаемой ей лести никогда не уклонялась отъ практическихъ ея плановъ, а Густавъ легко измѣнялъ свои планы, сообразуясь лишь съ тѣмъ въ какой мѣрѣ тотъ или другой изъ нихъ удовлетворялъ его непомѣрное тщеславіе.

Начало его царствованія было ознаменовано впрочемъ важнымъ и обѣщавшимъ породить благотворныя послѣдствія событіемъ. Шведская конституція была олигархическою въ

* Приложение къ XXX тому *Записокъ Импер. Академіи Наукъ.*

самоѣ дурномъ смыслѣ слова; королевская власть находилась въ совершенномъ упадкѣ; непрерывная борьба партій, воодушевляемыхъ эгоистическими интересами, осуждала страну на позорное безсудіе. Густавъ былъ основательно убѣжденъ что если продлится такой порядокъ вещей, то Швеціи угрожаетъ гибель. Получивъ извѣстіе о первомъ раздѣлѣ Польши онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Анархія и растлѣніе нравовъ—вотъ что погубило Польшу; такая же участь ожидаетъ и насъ если не будутъ немедленно приняты энергическія мѣры“,—и онъ рѣшился испровергнуть ненавистную конституцію 1720 года, возникшую среди несчастныхъ для Швеціи обстоятельствъ, подъ конецъ продолжительной войны съ Россіей, и которую Россія гарантировала по Нимштадтскому миру. Для будущихъ своихъ дѣйствій Густаву не надо было однако забывать кого слѣдовало главнымъ образомъ винить въ томъ что могла возникнуть подобная конституція: Карлу XII нельзя было пожаловаться на недостатокъ власти, но онъ самъ подорвалъ ея авторитетъ, истощивъ силы страны въ предпріятіяхъ бесполезныхъ для его подданныхъ и въ которыхъ онъ искалъ только славы. Вотъ что долженъ былъ имѣть въ виду Густавъ, совершивъ въ августѣ 1772 года свой знаменитый государственный переворотъ, но по послѣдствіямъ видно что указанія такого рода пропали для него даромъ. Изъ бумагъ его, обнародованныхъ нѣсколько времени тому назадъ шведскимъ профессоромъ Гейеромъ, и изъ документовъ найденныхъ Жефруа въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, оказывается что въ упомянутомъ переворотѣ принимала самое ревностное участіе Франція и что цѣли ея при этомъ не имѣли ничего общаго съ дѣйствительнымъ благомъ Шведскаго народа. Французское правительство желало воспользоваться Швеціей какъ своимъ орудіемъ среди тогдашнихъ политическихъ событій; оно глубоко скорбѣло о томъ что эта страна, бывшая союзницей Франціи со временъ Густава-Адольфа, утратила въ XVIII вѣкѣ всякое значеніе, не въ состояніи была принять участія въ Семилѣтней войнѣ, „не была способна, по выраженію Шуазеля, ни къ какой наступательной демонстраціи“ (était devenue incapable de toute démonstration offensive). Съ этою цѣлью правительство Лудовика XV очень содѣйствовало упроченію въ Швеціи королевской власти и согласилось дать Густаву значительныя субсидіи для осуществленія

его плановъ. Оно жаждало переворота и требовало чтобы переворотъ былъ совершенъ какъ можно скорѣе. Въ 1769 году Шуазель писалъ французскому посланнику въ Стокгольмъ: „Олять пропущенъ удобный моментъ для революціи! Франція дѣлаетъ все что можно, она отвлекала вниманіе Россіи къ Польшѣ и къ Турціи, но всѣ эти благопріятныя обстоятельства пропадають для короля даромъ. Объявите напрямикъ что если революція не совершится черезъ мѣсяць, мы не дадимъ ни колѣйки денегъ...“ Съ этой минуты тонъ Тюильрійскаго кабинета становится все настойчивѣе и даже раздражительнѣе. Онъ негодуетъ что король Густавъ „изощряетъ свой умъ въ оправданіи себя какими-то небывалыми затрудненіями“. Наконецъ переворотъ совершенъ къ великой гордости самого Густава и къ вящему удовольствію Французскаго правительства, полагавшаго что теперь облегчится ему возможность дѣлать полезныя для него диверсіи на Востокъ.

Сочувствіе французской публики было одною изъ лучшихъ наградъ для Густава. Онъ испытывалъ непреодолимое влеченіе къ Франціи. Все его плѣняло тамъ и прежде всего блескъ и роскошь Версальскаго двора, какъ нельзя болѣе соответствовавшіе его вкусамъ. Онъ любилъ предаваться удовольствіямъ, забывая въ эти минуты все въ мірѣ, съ какимъ-то опьяненіемъ. Гжа Кампанъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ что въ дѣтствѣ ее одѣвали иногда купидономъ съ колчаномъ, стрѣлами и золотыми крылышками и что по нѣсколькимъ днямъ сряду она не покидала этого костюма; точно также и Густавъ, участвуя въ какомъ-нибудь придворномъ театральномъ представленіи, не рѣшался разстаться по окончаніи его съ дѣяніемъ въ которомъ онъ выступалъ въ своей роли. Надписывать своею рукою приглашительные билеты—иногда не менѣе лятисотъ!—распредѣлять роли, дирижировать релетиціями, все это служило для него неизсякаемымъ источникомъ наслажденій. Понятно, следовательно, то чувство восторга съ которымъ онъ два раза посѣщалъ Версальскій дворъ, при Лудовикѣ XV и при его преемникѣ, но если онъ восхищался старою Франціей, доживавшею свой вѣкъ въ обольстительномъ чадѣ непрерывно смѣнявшихся празднествъ, то живой, блестящій, хотя и не глубокій умъ заставлялъ его не менѣе сильно увлекаться идеями предвѣщавшими новый порядокъ вещей. Онъ

хотѣлъ заслужить репутацію „короля-философа“; онъ поставилъ себѣ задачей занимать мѣсто наряду съ Екатериной, Фридрихомъ и Иосифомъ; онъ поддерживалъ близкія сношенія съ представителями тогдашняго умственного движенія, преимущественно съ дамами, въ салонахъ которыхъ собиралось все что носило громкое имя въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Онъ были въ восторгѣ отъ Густава и возлагали на него громадныя надежды. Густаву, по мнѣнію ихъ, суждено было осуществить идеалъ о которомъ мечталъ XVIII вѣкъ; гжа Эгмонтъ писала ему, послѣ совершеннаго имъ переворота, что „болѣе счастливый и болѣе благоразумный, но не менѣе великодушный чѣмъ Карлъ XII, онъ призванъ возстановить поколебленное равновѣсіе Европы...“ Заботы ихъ о томъ чтобы Густавъ какъ-нибудь не уклонился отъ пути предначертаннаго ему самою судьбой выражались даже въ совѣтахъ о томъ какое чтеніе онъ долженъ избирать для себя. „На той высотѣ славы на которой вы теперь находитесь, государь,—говорила гжа Буффлеръ въ обширномъ трактатѣ, озаглавленномъ ею: *Effets du despotisme s'il s'établit en Suède*—не всякое чтеніе можетъ быть одинаково для васъ пригодно. Вы должны предаваться только такому которое способно поддержать въ васъ благородный энтузіазмъ и отказаться отъ книгъ проповѣдующихъ что добродѣтель есть дѣло случая и этимъ самымъ внушающихъ къ ней отвращеніе...Преимущественно чтеніе древнихъ классиковъ по предмету исторіи и морали, а также нѣкоторыхъ произведеній французской литературы XVII вѣка способно укрѣпить въ возвышенной душѣ стремленіе къ истинной славѣ,—стремленіе присущее вамъ и долженствующее сдѣлать дорогимъ потомству ваше имя.“ Густавъ старался оправдать составленную ему репутацію. „Постараюсь, писалъ онъ Мармонтелю, чтобы мое царствованіе сдѣлалось царствованіемъ истинной философіи, той философіи которая, уважая все что заслуживаетъ уваженія, ведетъ непримиримую войну съ предразсудками, поучаетъ царей ихъ обязанностямъ и указываетъ народамъ въ чемъ должно заключаться ихъ благополучіе.“ Первыя его реформы отличались либеральнымъ характеромъ. Онъ расширилъ свободу печати, отмѣнилъ пытку въ уголовныхъ процессахъ, пытался ослабить въ своемъ королевствѣ религіозную нетерпимость. О всѣхъ этихъ преобразованіяхъ онъ извѣщалъ Вольтера и достигъ того что Вольтеръ написалъ

въ честь его похвальную оду, которая начиналась словами:

Jeune et digne héritier du grand nom de Gustave....

Но медовый мѣсяцъ прошелъ очень скоро для Густава и начались невзгоды. Онъ не былъ способенъ для упорной, послѣдовательной, осторожной и благоразумной политики которая могла бы залѣчить раны нанесенныя Швеціи прежнею системою управленія, онъ мечталъ о блестящихъ вѣнскихъ предпріятіяхъ, ему нужны были огромныя средства для удовлетворенія его страсти къ роскоши, а это вызывало необходимость увеличенія налоговъ. Популярность Густава была сильно поколеблена когда онъ отмѣнилъ право свободного винокуренія и присвоилъ его коронѣ: эта мѣра послужила одною изъ главнѣйшихъ причинъ нерасположенія къ нему народа. Между тѣмъ вѣчныя поиски за субсидіями оказывались неудачными. Мы видѣли что государственный переворотъ 1772 года совершенъ былъ при содѣйствіи Французскаго правительства, но отношенія между Франціей и Швеціей значительно измѣнились со вступленія на престолъ Людовика XVI: участіе въ войнѣ за независимость Америки истощило Францію и внутри ея начиналось броженіе, въ виду коего Тюльрійскому кабинету было не до вѣнскихъ пріятій. Онъ заботился теперь о томъ чтобъ обуздать пыль своего союзника. Министръ иностранныхъ дѣлъ Верженнъ писалъ французскому посланнику въ Стокгольмъ: „Существенная задача короля Густава должна была бы состоять въ томъ чтобъ увеличить источникъ богатства въ своихъ владѣніяхъ; всякій другой путь, еслибы даже то былъ путь славы, приведетъ его лишь къ бѣдствіямъ. Старайтесь внушить ему мысль что онъ достаточно обезпечить себѣ значеніе въ Европѣ заботясь о томъ чтобы какъ можно лучше управлять своимъ государствомъ.“ Не имѣя возможности разчитывать на Францію Густавъ вошелъ въ виды Англіи и Пруссіи для того чтобъ объявить войну Россіи, войну которая не принесла ему ровно ничего.

Одновременно съ этою войною вспыхнула французская революція. Подъ опасеніемъ послѣдствій того неудовольствія которое обнаруживалось противъ него въ Швеціи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней впечатлительности своей натуры Густавъ сдѣлался самымъ отчаяннымъ врагомъ революціоннаго движенія. Онъ готовъ былъ идти на этомъ пути далѣе чѣмъ какой-либо другой изъ европейскихъ государей.

Онъ круто отвернулся ото всего предъ чѣмъ привыкъ преклоняться до тѣхъ поръ. Лыбылтно напрымъръ что императрица Екатерина, хотя и относившаяся съ ужасомъ къ перевороту постигнутому Францію, до послѣдней минуты не хотѣла допустить мысль чтобы существовала какая-нибудь связь между этимъ переворотомъ и ученіями восхищавшихъ ее философовъ. „Повидимому, писала она Гримму въ 1792 году *, подъ конецъ XVIII вѣка считается достоинствомъ умерщвлять людей и вдругъ мнѣ говорятъ будто Вольтеръ проповѣдывалъ это. Вотъ какъ отваживаются клеветать на людей! Я полагаю что Вольтеръ предпочелъ бы остаться тамъ гдѣ его похоронили чѣмъ очутиться въ Св. Женевьевѣ, въ компаіи съ Мирабо.“ Для Густава, напротивъ, Вольтеръ готчасъ же сдѣлался предметомъ ненависти. „Это полезный урокъ для насъ, восклицалъ онъ: вотъ что значитъ допускать фамиліарность съ людьми которые по ремеслу своему не созданы для нашего общества. Намъ нечего бояться знатныхъ; ихъ всегда можно привлечь къ себѣ наградами или страхомъ кары, но съ литераторами въ родѣ Вольтера близость никуда не годится.“ Екатерина настаивала на вооруженномъ вмѣшательствѣ во французскія дѣла, но великимъ умомъ своимъ она сознавала невозможность возвратиться безусловно къ прежнему порядку вещей, не сдѣлавъ въ немъ ювно никакихъ перемѣнъ. Густаву были чужды подобныя воображенія. Вотъ между прочимъ письмо Таубе, одного изъ довѣренныхъ лицъ короля, въ которомъ, по повелѣнію его, онъ сообщалъ Ферзену какую задачу должны имѣть въ виду союзники, если дѣйствія ихъ противъ революціонеровъ увѣняются успѣхомъ: „объявить членовъ Національнаго Собранія нѣ закона, предоставить каждому право погони за ними *congratulations*), возстановить духовенство во всѣхъ его прежнихъ привилегіяхъ, возстановить раздѣленіе по сословіямъ въ средѣ генеральныхъ штатовъ, не вступать въ сдѣлку съ кѣмъ и съ чѣмъ бы то ни было относительно смѣшаннаго правленія, но упрочить королевскую власть совершенно такую какою она была до 1789 года, навсегда покинуть

* *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.* Томъ XXIII. Для цитатъ изъ писемъ императрицы Екатерины мы пользуемся часто переводомъ этихъ писемъ появившимся въ *Русскомъ Архивѣ*, 1878, н. 9 и 10.

Парижъ и обречь на гибель этотъ притонъ злодѣевъ, ибо до тѣхъ поръ пока Парижъ будетъ существовать, процвѣтаніе монархіи ничѣмъ не обезпечено“ и т. д. Очень понятно что подобная программа приводила въ восторгъ эмигрантовъ, а Густавъ ручался что онъ исполнитъ ее безъ труда. Ему нужны были только субсидіи, да нужна была нѣкоторая помощь войскамъ, хотя и незначительная. Но главнѣйшимъ условіемъ ставилъ онъ чтобъ ему предоставлено было мѣсто во главѣ предпріятія. Тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше и онъ увѣнчаетъ свое чело новыми лаврами.

III.

Для субсидій и для вспомогательнаго отряда войскъ Шведскій король разчитывалъ прежде всего на императрицу Екатерину. Хотя нельзя предполагать чтобъ онъ былъ очень расположенъ къ ней, но сознавалъ ея высокія качества и даже—высшая похвала съ его точки зрѣнія—приравнивалъ ее къ самому себѣ! Въ разгаръ революціи онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Еслибы Екатерина сидѣла на французскомъ престолѣ, сколько великихъ дѣлъ совершили бы мы съ нею...“ Въ этомъ отношеніи императрица отнюдь не платила ему взаимностью. Изъ писемъ ея къ Гримму, обнародованныхъ недавно почтеннымъ академикомъ Я. К. Гротомъ въ *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, видно что она всегда смотрѣла свысока на Густава, не цѣнила способностей которыми по его мнѣнію онъ былъ одаренъ природою. Когда возгорѣлась война между Россіей и Швеціей, то ненависть ея къ нему не знала предѣловъ—Густавъ становится героемъ сочиненной ею шуточной оперы *Горе-Богатырь*, для него нѣтъ другаго названія какъ фуфлыга донъ-Густавъ, сэръ-Джонъ Фальстафъ,—но и прежде, точно также какъ послѣ, Екатерина въ своихъ письмахъ отзывалась о немъ не иначе какъ съ насмѣшкой или презрѣніемъ: „это самый лживый изъ людей“, говоритъ она. „Знаете ли, пишетъ она къ Гримму въ 1778 году, что продѣлываютъ Американцы? Они захватываютъ у меня купеческіе корабли, выходящіе изъ Архангельска; они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ юлѣ и августѣ, но обѣщаютъ что первый изъ нихъ кто покусится на такой же подвигъ будущимъ

лѣтомъ, заплатитъ мнѣ дорого. Я—не братъ Густавъ; мнѣ нельзя безнаказанно утереть носъ; съ Густавомъ они могутъ дѣлать что угодно, но не со мною, если не хотятъ чтобъ у нихъ были откусаны лалыцы.“ Шведскій король предпринялъ путешествіе въ Петербургъ чтобы личнымъ свиданіемъ укрѣпить дружественныя отношенія съ императрицей, но и при этомъ она не измѣнила къ нему своихъ чувствъ. Еще до этой встрѣчи писала она госпожѣ Бьельке: „Предвижу что онъ будетъ страшно скучать со мной; онъ Французъ съ головы до ногъ, подражаетъ во всемъ Французамъ и даже усвоилъ себѣ весьма скучный этикетъ Французскаго двора; я же почти во всемъ составляю совершенную противоположность ему: сроду я не могла терпѣть подражанія, и ужъ если выразиться прямо, то я такой же оригиналъ какъ самый истый Англичанинъ. Я не въ состояніи круглый годъ заниматься стихами и лѣсными или щеголять островами; у всякаго, какъ видите, своя фантазія; ни тотъ, ни другой изъ насъ не перемѣнится и изъ всего этого слѣдуетъ что навѣрное Шведскій король соскучится со мной“ *. А въ послѣдствіи мы находимъ въ письмѣ Екатерины къ Гримму слѣдующій отзывъ о вторичномъ ея свиданіи съ Густавомъ, происходившемъ въ 1783 году во Фридрихсгамѣ: „Что бы тамъ ни говорилъ про меня графъ Гага, ** для него я прескучная особа, скучная до смертельной зѣвоты, но онъ не смѣетъ въ этомъ признаться, потому что у насъ есть страстишка придавать цѣну тому что цѣнятся другими, а сами мы въ сущности остаемся ко всему безучастны и потому еще что мы вовсе не то чѣмъ хотимъ казаться. Во Фридрихсгамѣ мы считали нужнымъ каждый день, съ четырехъ часовъ до шести, проводить время одинъ на одинъ съ вашею покорнѣйшею слугой, Богъ знаетъ для какой радости; кажется для того только чтобы другіе видали. Ужъ мы, бывало, говоримъ, говоримъ; а, бывало, забывъ что онъ зѣваетъ и желая положить конецъ болтовнѣ, какъ скоро слышу что есть какая-нибудь человѣческая душа въ пріемной, отворяю дверь чтобъ избавить ихъ Шведское и Россійское величества отъ этихъ скучныхъ и нелѣпыхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ. Отъ этого я смерть какъ

* *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, т. XIII.

** То-есть Шведскій король, принявшій это имя во время своего заграничнаго путешествія.

потѣла, что не мало споспособствовало тому что я простудилась прошлымъ лѣтомъ, такъ какъ это продолжалось цѣлыхъ шесть дней.“ Вотъ еще замѣтка о королѣ: „Хотите чтобы онъ зѣвалъ? говорите ему о дѣлахъ серьезныхъ и вызывайте на разсужденія дѣльныя. Хотите заслужить полное его расположение? Станьте, повернувъ спину, предъ зеркаломъ и говорите съ нимъ про стихи, лѣсны, комедию, уборы, и тогда, глядясь въ зеркало, онъ долго не уйдетъ отъ васъ.“

Мы имѣемъ не мало свѣдѣній о томъ какъ относилась императрица ко французской революціи, но нигдѣ взгляды ея не выразились такъ подробно и опредѣленно какъ въ упомянутыхъ нами письмахъ ея къ Гримму. Она старалась уразумѣть отдаленныя причины этого событія, и любознательно что уже тогда усвоила себѣ воззрѣніе которое лишь поздѣе было развиваемо нѣкоторыми французскими писателями, между прочимъ Буленвиалье. Она хотѣла видѣть въ грозномъ переворотѣ реакцію Галловъ противъ ихъ завоевателей—Франковъ. Еще замѣчательна та геніальная проицательность которую обнаружила Екатерина въ сужденіи своемъ о послѣдствіяхъ революціи. Проицательность эта почти граничила съ пророческимъ даромъ: „Злодѣи захватили власть и превратятъ скоро Францію въ Галлію временъ Цезаря. Но Цезарь ихъ усмирить. Когда же придетъ Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь; онъ появится.“ При извѣстіи о созваніи генеральныхъ штатовъ императрица выражала сочувствіе предстоящей ихъ дѣятельности, ибо она не допускала мысли чтобы при высокой степени просвѣщенія которымъ отличалась тогдашняя Франція, не нашлось въ ней достаточно элементовъ для того чтобы довести дѣло широкихъ реформъ до благополучнаго конца. Правда, обстоятельства были крайне трудны, но она, судя по самой себѣ, имѣла право утверждать что нѣтъ такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ которыхъ нельзя было бы преодолѣть. Все зависитъ тутъ отъ яснаго сознанія цѣли, отъ непреклонной рѣшимости достигнуть ея *, тогда эта энергія увлекаетъ ихъ и другихъ. На закатѣ своихъ дней Екатерина выражала въ слѣдующихъ словахъ эту истину: „По моему мнѣнію во

* Je suis ordinairement douce, говорятъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, mais par état je suis obligée de vouloir terriblement ce que je veux.

всякомъ государствѣ найдутся люди и искать ихъ нечего; нужно только употребить въ дѣло тѣхъ кто подъ рукою. Про насъ постоянно твердятъ что у насъ неурожай на людей; однако несмотря на это дѣло дѣлается. У Петра I были такіе люди которые и грамотѣ не знали, а все-таки дѣло шло впередъ. Стало-быть неурожая на людей не бываетъ, ихъ всегда многое множество; нужно только ихъ заставить дѣлать что нужно, и какъ скоро есть такой двигатель, все пойдетъ прекрасно. Была бы добрая воля, такъ всѣ дороги открыты..“ Примѣняя это соображеніе не къ самой только себѣ, но и къ другимъ, Екатерина не могла конечно предполагать что дѣла во Франціи получать столь гибельное направленіе. Когда же тотчасъ по созваніи генеральныхъ штатовъ оказалось что королевская власть все болѣе и болѣе уступала, потому что она была безсильна руководить чѣмъ бытовни было, императрица не скрываетъ своего негодованія. Уже въ 1789 году она лишаетъ Гримму: „Признаюсь, не люблю я этихъ безчинствъ, этой юстиціи безъ юстиціи, этой варварской расправы при помощи уличныхъ фонарей“. „До сихъ поръ думала, замѣчаетъ она, что слѣдуетъ вѣшать всякаго кто замышляетъ гибель своей родины, а вотъ теперь это дѣлаетъ цѣлая нація или лучше сказать тысяча двѣсти представителей націи.“ Съ теченіемъ времени тонъ ея становится все рѣзче. Съ мрачнымъ чувствомъ смотритъ она на разыгравшуюся драму и на ея послѣдствія для Европы. „Какъ будто миръ покинулъ землю“ (on dirait que la tranquillité a quitté la terre), восклицаетъ она.

Главное зло въ Тюильри—вотъ мысль которую не переставала повторять императрица. Зло заключалось, по ея мнѣнію, въ слабости, нерѣшительности короля, въ неумѣньи его привлечь къ себѣ людей. Составивъ себѣ далеко не выгодное мнѣніе о Лудовикѣ XVI какъ государѣ, она искренно однако сочувствовала бѣдствіямъ которыя онъ испытывалъ со своимъ семействомъ. „Никто болѣе меня, говоритъ она, не принимаетъ участія въ страданіяхъ королевы; я привязана къ ней какъ къ нѣжно любимой сестрѣ.“ Въ послѣдствіи, когда начала угрожать опасность свободѣ королевской семьи, она восклицаетъ: „Нужно предположить что у вашихъ Галловъ каменные сердца. Чѣмъ объяснить что эта королева, которая, со слезами на глазахъ, не смѣетъ никому промолвить слова; этотъ лѣнивый король, котораго заставляютъ

писать и обнародовать пошлости (platitudes) лишенные всякаго достоинства, заявленія, унижающія какъ его, такъ и всю націю,—чѣмъ объяснить что они не находятъ спасителей, избавителей, что нѣтъ сѣрдобольныхъ людей которые извлекли бы ихъ изъ этого гадкаго Тюильри, построеннаго Екатериной Медичисъ? Пусть вырвутъ ихъ изъ Парижа: вотъ о чемъ должна бы была помышлять вся Франція...“ Соболезнуя о Лудовикѣ XVI и Маріи-Антуанетѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ политическомъ отношеніи составивъ себѣ о нихъ далеко не высокое мнѣніе, императрица Екатерина вполнѣ сочувствовала такъ-называемой партіи принцевъ, образовавшейся изъ эмигрантовъ. Мы уже замѣтили сейчасъ что она считала самого короля главнымъ виновникомъ обрушившихся на него золь: „Имъ слѣдовало, говорила она, усвоить себѣ прямой, открытый и строго честный образъ дѣйствій; они избавились бы отъ опасностей только этою твердою и непреклонною прямою, а не тѣмъ что мѣняли свой образъ дѣйствій по двадцати разъ на день. Удивительно, до какой степени люди бываютъ не рѣдко лишены принциповъ!“ Другое дѣло—партія эмигрантовъ. Она обнаруживала, къ сожалѣнію лишь на словахъ, необычайную энергію; она похвалялась тѣмъ что не отступить отъ своихъ принциповъ ни на шагъ—и эта стойкость не могла не нравиться Екатеринѣ. Императрица ободрялась мыслью что у этихъ людей есть опредѣленная программа и что для осуществленія ея они готовы принести всякія жертвы. Къ тому же чрезъ своихъ агентовъ въ Петербургѣ они постоянно старались расположить ее въ свою пользу, тогда какъ о положеніи дѣлъ съ которымъ приходилось бороться Лудовику XVI имѣлись свѣдѣнія далеко не ладныя, особенно послѣ того какъ Русское правительство, подобно почти всѣмъ европейскимъ правительствамъ, отозвало своего посланника изъ Парижа. Среди такихъ обстоятельствъ императрица сильно негодовала что король Лудовикъ, не умѣвъ самъ ничего сдѣлать для своего спасенія, прелютствовалъ въ томъ и своимъ братьямъ. Ее возмущали слухи что между Тюильри и Кобленцомъ господствуетъ непримиримый разладъ. „Не люблю я, писала она осенью 1791 года, этого различія между партіей королевы и партіей принцевъ; я желала бы видѣть только одну партію,—партію короля, но никакихъ другихъ; къ сожалѣнію этотъ несчастный государь (Лудовикъ) слишкомъ слабъ чтобы сфор-

мировать ее". „Что бы тамъ ни толковали, замѣчаетъ она нѣсколько позднѣе, принцы болѣе чѣмъ кто-нибудь заинтересованы въ возстановленіи королевской власти.“ Особенно усилилось раздраженіе императрицы послѣ того какъ сдѣлалось извѣстнымъ что Лудовикъ принялъ конституцію 1791 года. „Что же это такое? восклицаетъ она. Лудовикъ XVI подписываетъ сумасбродную конституцію, слѣдуетъ дать присягу, а самъ ни мало не желаетъ ее выполнить. Кто же эти безтолковые люди которые заставляютъ его дѣлать такіа глупости? Вѣдь это подло и низко! Словно они забыли и вѣру, и нравственность, и честь. Я страшно рассердилась, толкнула даже ногой когда прочла про всѣ эти гадости.“ Въ другомъ письмѣ императрицы мы читаемъ слѣдующія строки: „Зло коренится въ Тюильри, и между нами будь сказано, исключительно тамъ. Къ чему эти двойные, тройные, четверные ходы? Къ чему противорѣчивыя письма? Чего они хотятъ, чего не хотятъ, я право не знаю, да и никто ничего тутъ не понимаетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то, по словамъ своей половины, онъ даетъ согласіе, то опять отрекается. Не говорите объ этомъ никому, но это сущая правда...“

Екатерина заявляла что она „ни шагу не сдѣлаетъ безъ тѣхъ кому покровительствуетъ (то-есть безъ принцевъ) и безъ французскаго дворянства“. Принцы очень хотѣли воспользоваться услугами Густава; отсюда вытекало желаніе Шведскаго короля сблизиться съ Русскою императрицей для возстановленія французскаго престола. Онъ только что окончилъ войну съ Россіей. Въ войнѣ этой онъ надѣялся увѣнчать себя лаврами насчетъ Екатерины, а теперь—когда надежды не сбылись—хотѣлъ попытать счастья на другомъ полприцѣ въ союзѣ съ нею. Можно было предвидѣть однако что изъ этого не выйдетъ ничего. Несомнѣнно что императрица желала сласти Лудовика XVI и поставить оплотъ разливу революціонныхъ страстей, но должна ли была она жертвовать для этого интересами своего государства и забывать о великихъ цѣляхъ которыя были намѣчены для Россіи ея политикой? Подобная роль была пригодна Густаву; онъ всегда былъ готовъ ололчиться въ какой угодно крестовый походъ, обольщавшій его призракомъ славы, но Екатерина оставалась чужда увлеченіямъ такого рода. Еслибъ она и

хотѣла, то не могла бы усвоить себѣ иной образъ дѣйствій, ибо ея сосѣди, все вниманіе коихъ было сосредоточено на Восточномъ и Польскомъ вопросахъ, вынудили бы ее вспомнить объ ея обязанностяхъ, а между тѣмъ они несравненно болѣе чѣмъ Екатерина были заинтересованы во французскихъ событіяхъ: Пруссія потому что не слѣшкомъ большое пространство отдѣляло ее отъ Франціи, Австрія потому что государь этой страны былъ блюстителемъ интересовъ Германіи и связанъ былъ близкими родственными узами съ Французскою королевскою семьей. Нареканія Лудовика XVI, Маріи-Антуанеты, Густава и эмигрантовъ на всю Европу были слѣдовательно менѣе всего основательны по отношенію къ Екатеринѣ, а между тѣмъ она подвергалась этимъ нареканіямъ. Любопытно что даже сочувствовавшіе ей люди, какъ напримѣръ Гриммъ, не одобряли ея политику, какъ видно изъ слѣдующаго замѣчательнаго письма, съ которымъ обратилась императрица въ маѣ 1792 года къ своему корреспонденту: „Скажите пожалуйста, съ какой стати думаете вы что польскія дѣла не заслуживаютъ стоять на одной линіи и совместно съ дѣлами французскими? Повидимому вамъ неизвестно что Варшавская якобинщина находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Парижскою, что тѣ же Маццеи, которые устроили одну, устраиваютъ и другую, что никто иной какъ Піатоли сочинили знаменитый манифестъ Ванъ-деръ-Нота въ Брабантѣ, что они руководятъ и королемъ и теле-решнымъ сеймомъ. Они стерли съ лица земли мою старинную союзницу—Польскую республику, уничтожили всѣ трактаты заключенные ею съ Россіей, и въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ не перестаютъ наносить Россіи всякія оскорбленія и обиды какія только могутъ быть измышлены ими, до такой степени что въ послѣднюю нашу войну съ Турками они отправили уполномоченнаго въ Константинополь для заключенія съ Портой оборонительнаго и наступательнаго союза. Еслибъ у меня въ рукахъ не было доказательствъ, никогда не повѣрила бы я чтобы Польскій король былъ такъ неблагодаренъ и неразумителенъ какъ высказался онъ въ эти четыре года. Надо предположить что имъ управляютъ другіе или что онъ отупѣлъ если допускаетъ вовлекать себя въ дѣйствія столь вредныя для Польши и несогласныя съ ея благомъ, съ честностью и признательностью. Они вообра-

или что Россія находится въ крайности, ерго его Польское величество дозволилъ себѣ нарушить утвержденныя его присягой *pacta conventa*, по которымъ въ случаѣ ихъ нарушенія, онъ позволялъ своимъ подданнымъ не повиноваться ему.... Словомъ, якобинцы стараются произвести повсюду смѣшеніе языковъ, ибо всѣ теперешнія нововведенія Поляковъ также идутъ къ существующимъ у нихъ законамъ какъ—по русской пословицѣ—къ коровѣ сѣдло. И вы хотите чтобъ я пренебрегла моими интересами, а также интересами моей союзницы республики и моихъ друзей республиканцевъ чтобы заниматься исключительно Парижскою якобинщиной? Нѣтъ, я буду бороться съ нею и нанесу ей поражение въ Польшѣ, но при всемъ томъ я буду не менѣе заниматься французскими дѣлами и помогу разбить скопища санкюлотовъ, совершенно также какъ сдѣлаютъ это и другіе, но ни въ какомъ случаѣ помимо принцевъ и французскаго дворянства, ибо я хочу чтобы дворянство это сохранило свое существованіе, хочу чтобы каждый французскій дворянинъ зналъ что я считаю его олорой трона и королевской власти. Что же, права я или нѣтъ?”

IV.

Ошибка какъ Лудовика XVI, такъ и эмигрантовъ состояла въ томъ что они были убѣждены будто вниманіе всѣхъ европейскихъ правительствъ сосредоточивалось исключительно на событіяхъ происходившихъ во Франціи, будто правительства эти только и помышляли объ опасностяхъ которыя съ этой стороны угрожали Европѣ. Въ бумагахъ Ферзена, вышедшихъ изъ-подъ пера разныхъ лицъ, нѣтъ почти и намека на то что у тогдашнихъ государей могли быть другія заботы кромѣ заботъ объ интересахъ Французскаго королевскаго дома. Эти люди готовы были объяснять нерѣшительностью характера и вообще всякими случайными причинами колебанія въ дѣйствіяхъ державъ, а у короля Густава было еще и другое объясненіе, какъ нельзя болѣе льстившее его самолюбію: если государи не отвѣчали послѣдшнею на призывы его о крестовомъ походѣ противъ революціи, то происходило это отъ зависти къ нему, такъ какъ въ этомъ предпріятіи онъ отводилъ себѣ одно изъ главныхъ мѣстъ.

„Изъ Вѣны я получаю уклончивые отвѣты, писалъ онъ Ферзену, ибо тамъ до сихъ поръ не могутъ еще забыть о временахъ Густава - Адольфа и не хотятъ чтобы Швеція въ другой разъ разыграла такую же славную роль“, а посланникъ его въ Петербургѣ Стедингкъ, зная конечно чѣмъ можно было угодить королю, утѣшалъ его что Екатерина затягиваетъ переговоры о союзѣ съ Швеціей противъ Франціи единственно по той причинѣ что она „не желаетъ доставить вашему величеству случай увѣнчать себя новыми лаврами“. Только при полномъ самообольщеніи и крайней непроницательности можно было однако не замѣтить что на Востокѣ Европы существовало тогда такое положеніе дѣлъ которое должно было приковывать къ себѣ все вниманіе Россіи, Австріи и Пруссіи.

Если отъ кого-нибудь Лудовику XVI слѣдовало ожидать помощи, то конечно отъ Австріи. И по родственнымъ связямъ и по политическимъ интересамъ, ибо французскія событія угрожали прежде всего отразиться на Германіи, Австрійскій государь, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ Германскимъ императоромъ, былъ призванъ обуздать революціонный потокъ. Въ 1790 году умеръ Іосифъ II и мѣсто его занялъ Леопольдъ. Конечно несравненно болѣе чѣмъ Густавъ, котораго ставятъ иногда на ряду съ Екатериной, Фридрихомъ и Іосифомъ, имѣлъ онъ право быть причисленнымъ къ замѣчательнѣйшимъ правителямъ своего времени. Въ немъ не было такъ много блеска, онъ не заставлялъ такъ много говорить о себѣ, но всѣ его дѣйствія обнаруживаютъ тонкій политическій умъ и стремленіе сообразоваться съ общественными потребностями. Управляя въ теченіе двадцати лѣтъ, до вступленія своего на австрійскій престолъ, великимъ герцогствомъ Тосканскимъ, Леопольдъ явился однимъ изъ лучшихъ представителей такъ-называемой системы просвѣщеннаго деспотизма,—отмѣнилъ инквизицію, произвелъ не мало полезныхъ реформъ въ церковномъ законодательствѣ, поощрялъ промышленность, торговлю и земледѣліе. Съ огромными затрудненіями приходилось бороться ему послѣ Іосифа II: съ одной стороны онъ старался укрѣпить политическій организмъ Австріи, распатанный отважными преобразованіями его предшественника, а съ другой—и во вѣншей своей политикѣ считалъ сообразнымъ со своими интересами усвоить другое направленіе. Вскорѣ послѣ кончины Іосифа II

Екатерина писала о немъ Гримму: „Касательно моего покойнаго задумшевнаго друга я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ, будучи созданъ, рожденъ, воспитанъ для своего званія, съ умомъ, дарованіями и свѣдѣніями, онъ ухитрился управлять такъ плохо! Мало того что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, но еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ. Преемникъ его держится другихъ правилъ: онъ—единственный человѣкъ которому я прощаю его игру. Если онъ обманываетъ насъ, я его поздравляю; если же нѣтъ, то мнѣ его жаль. Но вѣроятно онъ достигнетъ своей цѣли и тогда на долю его выпадетъ блестящая и славная роль. Если только въ него не вселится дьяволъ, то онъ останется другомъ друзей своего покойнаго брата“... Последнее предположеніе не осуществилось. Если императрица считала Иосифа II лучшимъ своимъ другомъ (*mon meilleur ami Joseph II*, выражается она о немъ въ одномъ изъ своихъ писемъ), то никакъ не могла сказать того же самаго о Леопольдѣ. По Польскому вопросу онъ дѣйствовалъ въ разрѣзъ съ русскою политикою; онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ конституціи 3го мая 1791 года въ Польшѣ и ему же принадлежала мысль о томъ чтобы по провозглашеніи польской короны наследственною упрочить обладаніе ею въ Саксонскомъ домѣ. Онъ хотѣлъ чтобы Польша служила преградой между Австріей и Россіей, но въ сущности, при глубокомъ ея разложеніи, она была бы только орудіемъ всякихъ интригъ направленныхъ противъ нашего отечества. Для успѣшнаго осуществленія всѣхъ этихъ плановъ Леопольду не доставало впрочемъ содѣйствія Прусскаго правительства: въ послѣдніе годы предъ вторымъ раздѣломъ Польши Фридрихъ-Вильгельмъ преслѣдовалъ свои особыя цѣли, клонившіяся къ тому чтобъ одинаково обойти и Россію и Австрію, побудить Поляковъ добровольно уступить ему Данцигъ и Торнъ. Въ то же самое время вопросъ о Баварскомъ наследствѣ грозилъ вызвать большія замѣшательства. Все это со дня на день предвѣщало возможность продолжительной войны. Россія должна была готовиться къ ней въ то самое время когда войска ея дѣйствовали на югъ противъ Турціи и на сѣверъ противъ Швеціи; Пруссія старалась всячески пользоваться ея затрудненіями, что вызвало раздражительное замѣчаніе Екатерины въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму: „Конечно я не забыла что я имѣла честь въ 1762 году возвратить Фридриху II Прусское его

королевство и часть Помераніи; не сомнѣваюсь нисколько что если г. его племянникъ будетъ продолжать (дѣйствовать такъ какъ онъ дѣйствовалъ), то онъ рискуетъ потерять болѣе чѣмъ рисковалъ потерять г. его дядя, которому, несмотря на весь его геній, стоило много трудовъ чтобы выпутаться изъ бѣды.“ Леопольдъ слѣдилъ поправить у себя дѣла внутри чтобы быть въ готовности вступить въ состязаніе со своими соперниками, и въ эту-то самую минуту Версальскій дворъ, во имя родственныхъ чувствъ, обращался къ нему съ неотступными просьбами о внимательствѣ во французскія дѣла. Ничто не могло быть для него затруднительнѣе этого при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Начать борьбу съ революціей значило отвлечь свое вниманіе отъ другихъ интересовъ гораздо болѣе существенныхъ для Австріи; борьба могла затянуться, но еслибы даже окончилась скоро и съ успѣхомъ, то какую выгоду извлечь бы изъ этого Леопольдъ? Отъ Франціи онъ не въ состояніи былъ ожидать никакого содѣйствія своимъ планамъ, ибо—такъ разсуждалъ онъ—все въ ней было поставлено вверхъ дномъ и много времени потребовалось бы ей чтобы оправиться отъ постигшаго ее переворота. Во всякомъ случаѣ нельзя было идти одному, ибо что стануть въ это время дѣлать сосѣди? Ужъ если внимательство окажется неизбѣжнымъ, то необходимо чтобы оно было внимательствомъ коллективнымъ, необходимо привлечь къ нему другія державы и прежде всего Пруссію. Но установить соглашеніе между Австріей и Пруссіей, при крайнемъ антагонизмѣ ихъ интересовъ, было дѣло нелегкимъ, какъ доказало между прочимъ личное свиданіе между Леопольдомъ и Фридрихомъ - Вильгельмомъ II, въ Пильницѣ, въ августѣ 1791 года. Концертъ рѣшительно не удавался. Вотъ почему Леопольдъ тревожно обращалъ свои взоры ко Франціи — не удастся ли тамъ дѣла такимъ образомъ чтобы не пришлось прибѣгать къ угрозамъ противъ Національнаго Собранія, чтобы установилось наконецъ соглашеніе между нимъ и королемъ, чтобы возникъ тамъ сколько-нибудь нормальный порядокъ вещей. Изъ Версаля непрерывно призывали его на помощь, а онъ по необходимости отвѣчалъ совѣтами о благоразуміи, умѣренности, совѣтами Людовику XVI примѣниться къ существующимъ обстоятельствамъ. Ему хотѣлось развязать себѣ руки для рѣшенія Польскаго и Баварскаго вопросовъ.

V.

Обратимся теперь къ Лудовику XVI и Маріи-Антуанетѣ, посмотримъ какіе планы и намѣренія питали они для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, которое подрывало всѣ основы вѣковаго порядка вещей во Франціи. Объ этихъ планахъ мы можемъ составить себѣ вѣрное понятіе по обширной корреспонденціи Ферзена. Онъ былъ едва ли не самымъ довѣреннымъ лицомъ королевы. Еще до 1791 года, когда вынужденъ былъ онъ спасаться бѣгствомъ изъ Франціи, ему было предоставлено право распечатывать секретныя депеши адресованныя на имя короля и мнѣніе его требовалось непременно во всякомъ важномъ вопросѣ. Затѣмъ изъ Брюсселя продолжалъ онъ вести дѣятельную переписку съ королевскою семьей. Для писемъ почти всегда употреблялся шифръ, пересылались они чрезъ вѣрныхъ людей, а въ послѣдствіи, когда король и королева были повсюду окружены врагами, они были доставляемы въ ящикахъ съ печеньемъ, съ чаемъ, зашитыя въ шпатель или въ подкладку какого-нибудь платья. Иногда королева и Ферзенъ прибѣгали для той же цѣли къ газетамъ, печатая объявленія, смыслъ коихъ былъ доступенъ только для нихъ.

Корреспонденція Ферзена начинается съ той минуты когда было задумано бѣгство въ Вареннъ. Лудовикъ XVI убѣдился въ совершенной невозможности достигнуть чего-либо оставаясь въ Парижѣ и признавалъ необходимость отважныхъ рѣшеній. Предстоялъ выборъ между двумя планами: съ одной стороны самъ король хотѣлъ удалиться изъ столицы въ лагерь, находившійся подъ начальствомъ маршала Булье, и при нравственномъ или даже матеріальномъ содѣйствіи державъ начать борьбу съ революціонною партіей; съ другой—принцы убѣждали его потерпѣть немного до той минуты пока удастся имъ во главѣ эмигрантовъ и опираясь на нѣсколько чужеземныхъ отрядовъ вторгнуться во Францію. Но этотъ послѣдній планъ возбуждалъ сильное отвращеніе въ Лудовикѣ XVI, преимущественно же въ Маріи-Антуанетѣ. И это не потому чтобъ они считали его неудобосполнимымъ,—напротивъ, успѣхъ пугалъ ихъ гораздо болѣе чѣмъ неудача. При глубокомъ разладѣ который господствовалъ въ королевской

семьѣ, Лудовикъ особенно заботился о томъ чтобы не быть чѣмъ-нибудь обязаннымъ своимъ братьямъ. „Рѣшено ускорить бѣгство, писалъ Ферзенъ барону Таубе, ибо иначе принцы отважатся пожалуй на какую-нибудь попытку, и если счастье будетъ благопріятствовать имъ, воспользуются всѣми плодами и честью этого предпріятія, привлекутъ къ себѣ дворянство, всѣхъ недовольныхъ теперешнимъ порядкомъ вещей, захватятъ власть и станутъ ломать даже особами ихъ величествъ.“ Въ рѣшительную минуту графъ Прованскій и графъ Артуа еще разъ обратились къ королю съ настоячивою просьбой чтобы онъ поспѣшилъ и развязалъ имъ руки. По этому поводу мы читаемъ въ другомъ письмѣ Ферзена къ тому же Таубе: „Король находитъ что еслибы послушался онъ подобныхъ совѣтовъ, то разыгралъ бы слишкомъ страдательную роль и очутился бы въ невыносимой зависимости отъ своихъ братьевъ; онъ намѣренъ поэтому держаться собственнаго плана; получивъ свободу онъ постарается воспользоваться добрымъ расположеніемъ къ нему державъ и прибѣгнетъ къ ихъ содѣйствію.“ Впрочемъ настроеніе одной державы, а именно Англіи, возбуждало большія сомнѣнія. Отъ нея требовали только нейтралитета,—не болѣе этого, но и нейтралитетъ свой въ предстоявшихъ событіяхъ она считывала продать дорогою цѣной. Еще до бѣгства въ Варенъ много разсуждали о томъ чѣмъ можно было бы удовлетворить ея алчность. Маршалъ Буль совѣтовалъ уступить ей всѣ французскія владѣнія въ Индіи. Лудовикъ XVI не отвергалъ положительно этой мысли, но находилъ только что для переговоровъ будетъ еще достаточно времени когда онъ вырвется изъ когтей революціонеровъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ убѣжденъ заравѣ что для обезпеченія нейтралитета Англіи необходимо будетъ „предложить ей благоразумныя выгоды и пожертвованія“ (*pour obtenir sa neutralité il faudra lui offrir des avantages et des sacrifices raisonnables*).

Къ сожалѣнію, какъ замѣчено выше, дневникъ Ферзена до 1792 года былъ уничтоженъ,—иначе мы почерпнули бы изъ него вѣроятно много интересныхъ свѣдѣній о томъ какъ Ферзенъ устраивалъ бѣгство королевской семьи изъ Парижа,—бѣгство, для котораго принесены были имъ значительныя денежныя пожертвованія. Онъ занялъ тогда у двухъ дамъ (изъ коихъ одна была Русская—гжа Корфъ) 296.000 ливровъ, присоединилъ къ нимъ 100.000 ливровъ своихъ, и эти суммы никогда не были возвращены ему.

Предпріятіе, какъ извѣстно, не имѣло успѣха и только ухудшило положеніе Лудовика XVI. Именно съ этой минуты является онъ лѣнникомъ въ рукахъ революціонеровъ. Неусыпный и оскорбительный надзоръ учрежденъ былъ за нимъ и за всѣми членами его семейства. Событіе о которомъ говоримъ мы возбудило въ партіи принцевъ отчасти даже удовольствіе, такъ какъ она полагала что теперь ей предстоитъ выступить на первый планъ. Въ первое время, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ отчаянія, даже самъ Лудовикъ XVI считалъ необходимымъ предоставить полную свободу дѣйствій своимъ братьямъ. „Не остается ничего болѣе, писалъ ему Ферзенъ, какъ облечь полномочіемъ графа Прованскаго“, и король подписалъ это полномочіе. Текстъ его сохранился въ бумагахъ Ферзена, но одновременно съ тѣмъ Марія-Антуанета умоляла друзей своихъ за границей принять всѣ мѣры чтобъ эмигранты не вторгнулись во Францію съ оружіемъ въ рукахъ. Не трудно предугадать, говорила она, гибельныя послѣдствія подобнаго шага съ ихъ стороны: „несомнѣнно что лишь только какая-нибудь вооруженная сила появится въ предѣлахъ страны, масса черни, давно уже снабженная оружіемъ, обратитъ всю свою ярость противъ гражданъ которыхъ привыкли считать нашими приверженцами“. По мнѣнію королевы, самымъ лучшимъ средствомъ было бы устроить конгрессъ европейскыхъ державъ, который постарался бы подѣйствовать на общественное мнѣніе во Франціи, обратился бы съ угрозами къ Національному Собранію и обнаруживалъ бы готовность въ случаѣ нужды поддержать эти угрозы силой. Планъ такого рода болѣе чѣмъ всякій другой возбуждалъ сочувствіе императора Леопольда, именно потому что отстранялъ необходимость болѣе энергическихъ дѣйствій. Леопольдъ относился недоброжелательно къ бѣгству въ Ватерлоо, страхась что въ случаѣ удачи оно повлекло бы за собою сначала междоусобную войну во Францію, а затѣмъ, быть-можетъ, войну европейскую, и теперь когда опасность миновала онъ былъ особенно расположенъ держаться своей выжидательной политики. Но принципами овладѣло совершенное отчаяніе. Они утѣшали себя мыслию, что наконецъ дѣла примутъ рѣшительный оборотъ, уже самъ Лудовикъ XVI не отказывалъ имъ въ полномочіи и вдругъ возникала ненавистная имъ мысль о какомъ-то конгрессѣ, который могъ лишь на неопредѣленное время затормозить все дѣло. Не менѣе

принцевъ волновался и король Шведскій. Онъ послѣшилъ отправить въ Вѣну Ферзена съ порученіемъ, сущность коего заключалась въ слѣдующемъ: конечно, долженъ былъ говорить Ферзенъ, конгрессъ не совершенно безполезенъ, но нужно опредѣлить заранее съ какими именно требованіями обратится онъ ко французскимъ властямъ; необходимо настаивать чтобы Лудовику XVI прежде всего была обезпечена полная свобода, чтобы онъ могъ безпрепятственно переѣхать въ какой ему угодно изъ городовъ Франціи по своему выбору и взять съ собою туда известное число войскъ для огражденія своей особы; необходимо назначить Національному Собранію самый краткій срокъ для удовлетворенія этихъ требованій Европы, и еслибы оно отвѣчало отказомъ, прибѣгнуть къ дѣйствіямъ. Густавъ заявлялъ готовность произвести высадку и просилъ Леопольда о поддержкѣ. Но изъ всего что сказано нами выше легко предугадать что подобные планы не могли разчитывать на успѣхъ въ Вѣнѣ. „Я пріѣхалъ въ Вѣну, писалъ Ферзенъ Маріи-Антуанетѣ, съ предложеніемъ моего короля двинуться въ походъ съ шестнадцатью тысячами войска и съ просьбой о томъ чтобы для флота, который перевезетъ эту армію, былъ открытъ доступъ въ Остенде; для избѣжанія проволочекъ король снабдилъ меня бланками чтобы тотчасъ же заключить конвенцію съ императоромъ. Отъ него самого и отъ его министровъ я слышалъ лишь уклончивые отвѣты; необходимо, говорили мнѣ, подождать что скажетъ Испанія; затѣмъ нужно отложить дѣло до предстоящаго свиданія съ Прусскимъ королемъ (въ Пильницѣ); потомъ вывѣдать намѣренія Россіи—и такимъ-то образомъ переговоры безплодно тянулись со дня на день“...

Рыцарское благородство Ферзена и готовность его жертвовать собой не подлежатъ никакому сомнѣнію, но онъ не могъ быть проникательнымъ и опытнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей которые съ беззавѣтною отвагой слобовны исполнять планы составленные другими, но не пригодны руководить самостоятельно какимъ-либо дѣломъ. Читая обширную его переписку трудно уяснить, чего собственно хотѣлъ онъ? Съ одной стороны Ферзенъ ненавидѣлъ партію принцевъ, которая платила ему конечно тою же монетою и распускала о немъ самые неблаговидные слухи. Клеветы ея оставляли по себѣ слѣды, какъ можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующаго замѣчанія императрицы Ека-

терины въ письмѣ ея къ Гримму отъ 10го мая 1791 года: „Сказать между нами, нѣкоторые люди увѣряютъ будто чрезъ посредство графа Ферзена можно было бы обратиться къ королевѣ со словами утѣшенія, но вы сами знаете до какой степени ненадеженъ этотъ путь и съ какою осторожностью слѣдуетъ пользоваться имъ: къ тому же я полагаю что Ферзенъ принадлежитъ къ клубу Якобинцевъ.“ Ферзенъ относился съ крайнимъ раздраженіемъ къ императору Леопольду; онъ далеко не раздѣлялъ всѣхъ увлеченій Густава. Взоры его были исключительно обращены на Тюильрійскій дворецъ, но вмѣсто того чтобы подавать совѣты Маріи-Антуанетѣ, онъ самъ по большей части ждалъ отъ нея указаній. Въ письмахъ своихъ онъ постоянно обращается къ ней съ вопросами что же слѣдуетъ предпринять среди тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, какъ будто несчастной королевѣ была по силамъ подобная задача....

Мы видѣли что конгрессъ не удавался, а между тѣмъ осенью 1791 года Лудовикъ XVI вынужденъ былъ утвердить конституцію выработанную Національнымъ Собраніемъ. Леопольдъ принялъ съ явнымъ удовольствіемъ извѣстіе объ этомъ событіи: онъ разчитывалъ что послѣ того какъ новый порядокъ вещей получилъ организацію, послѣ того какъ король обязался содѣйствовать развитію конституціонныхъ учреждений, политическое движеніе во Франціи утратитъ мало-по-малу свой насильственный характеръ: такимъ образомъ болѣе чѣмъ когда-нибудь возникала надежда устранить отъ внимательства. Слишкомъ обманчивые расчеты! Имъ не суждено было оправдаться, во первыхъ, потому что конституція, о которой идетъ рѣчь, представлялаеь чистою невозможностью, сама въ себѣ носила задатки своей недолговѣчности, а во вторыхъ, по той причинѣ что Лудовикъ XVI лишь подъ угрозами выразилъ на нее свое согласіе. О томъ какъ дѣйствительно относился онъ къ ней, показываетъ слѣдующее письмо Маріи-Антуанеты: „Вслѣдствіе принятія королевѣ конституціи мы очутились въ совершенно новомъ положеніи; было бы несравненно болѣе благородно отвергнуть ее, но мы не могли отважиться на это въ томъ положеніи въ которомъ находимся. Сумасбродныя выходки принцевъ и эмигрантовъ вынудили этотъ шагъ съ нашей стороны, ибо главное дѣло состояло въ томъ чтобы принявъ конституцію разсѣять сомнѣнія на нашъ счетъ. Я убѣждена что лучшее

средство возбудить отвращеніе ко всему что совершается здѣсь, это—показывать видъ будто идешь вмѣстѣ съ другими; вскорѣ всѣ увидятъ что никуда идти нельзя...“ Леопольдъ смотрѣлъ на принятіе конституціи Лудовикомъ XVI какъ на благоприятное себѣ событіе среди тогдашнихъ обстоятельствъ, а Марія-Антуанета радовалась что Густавъ отказался видѣть въ этомъ выраженіе свободной воли ея супруга. „Король Шведскій, писала она Ферзену, возвратилъ официальное извѣщеніе о принятіи конституціи отказавшись даже распечатать его; я желала бы чтобъ и всѣ другіе государи поступили такимъ же образомъ.“ Вообще видно что королева окончательно упала духомъ среди своихъ тяжкихъ испытаний; она ждала чего-то, но сама не отдавала себѣ отчета въ томъ, откуда должно придти избавленіе; попрежнему разчитывала она на чужеземную помощь, но во всѣхъ своихъ письмахъ къ Ферзену не переставала говорить о необходимости избѣгать всякихъ рѣзкихъ дѣйствій. „Боюсь очень, писала она, чтобы взбалмошныя головы не увлекли вашего короля, чтобъ онъ не предпринялъ чего-либо что могло бы компрометировать его самого и слѣдовательно насъ.“ Чувство весьма понятное если вспомнить о тѣхъ ужасныхъ сценахъ которыя происходили тогда въ Парижѣ и во всей Франціи, о тѣхъ опасностяхъ которыя безпрерывно угрожали королевской семьѣ! Но эмигранты не хотѣли ничего этого принимать въ расчетъ. Утвержденіе конституціи Лудовикомъ XVI привело ихъ въ неописанную ярость, и ярость эта главнымъ образомъ изливалась на Марію-Антуанету. Королева, слышалось въ ихъ лагерѣ, виновна въ томъ что дѣла приняли столь несчастный оборотъ; она не переставала интриговать противъ принцевъ и она же обнаруживала по всему вѣроятію губительное вліяніе на своего брата, императора Леопольда. Еслибъ не она, то эмиграція давно уже отважилась бы на какое-нибудь предпріятіе при содѣйствіи Швеціи, Испаніи и, быть-можетъ, Россіи. Дѣло устроилось бы и безъ Леопольда, еслибъ онъ продолжалъ до конца относиться съ равнодушіемъ къ судьбѣ своихъ родственниковъ. Съ этихъ поръ въ интимной перепискѣ эмигрантовъ и ближайшихъ содѣйственниковъ Шведскаго короля для Леопольда нѣтъ другаго названія какъ „проклятый Флорентіецъ“. Принцы отваживались обращаться къ нему съ такими рѣчами какихъ не приходилось слышать ему ни отъ кого. „Національное Собраніе

влекло на себя общее презрѣніе, писалъ ему графъ Прованскій; страшное разстройство финансовъ предвѣщаетъ банкротство; нѣтъ никакого порядка, никакой власти въ государствѣ; враги наши видятъ разверзающуюся предъ ними пропасть, но они закоренѣли въ преступленіяхъ, и къ тому же—зачѣмъ не сказать правды?—загадочный образъ дѣйствій (*la conduite mystérieuse*) вашего величества поддерживаетъ ихъ надежды и заставляетъ ихъ вѣрить въ успѣхъ ихъ кровавыхъ замысловъ.“ Въ то же самое время и королевъ Маріи-Антуанетъ, къ довершенію всѣхъ ея несчастій, суждено было подвергаться жестокимъ нападкамъ со стороны лицъ которыя выставляли себя самыми ревностными ея поборниками. Это были не укоризны, а почти проклятія. Вотъ, напримеръ, что читаемъ мы въ письмѣ Густава Шведскаго къ Ферзену отъ 11 ноября 1791 года: „Двусмысленное поведеніе императора и его безпрерывныя колебанія доказываютъ что онъ хотѣлъ лишь одного—ломать другимъ державамъ дѣйствовать, заставивъ ихъ потерять дорогое время; въ этомъ случаѣ постыдный образъ дѣйствій (*la conduite honteuse*) короля Людовика XVI какъ нельзя лучше соответствовалъ его видамъ. Вообще политика Французскаго двора превзошла въ трусости и безчестіи (*a surpassé en lâcheté et en ignominie*) все чего можно было ожидать отъ нея. Унизивъ до послѣдней стелени свое достоинство король имѣетъ еще духъ прелятствовать своимъ братьямъ придти къ нему на помощь, и все это лишь потому что королева предпочитаетъ лучше подвергнуться опасностямъ, окружающимъ ее теперь чѣмъ очутиться въ какой-нибудь зависимости отъ принцевъ. Постарайтесь объяснить ей страшный вредъ происходящій отъ того не только для общаго дѣла, но и для нея самой, ибо она навлекаетъ на себя ненависть со стороны всѣхъ кто желалъ бы придти ей на помощь...“ Нареканія такого рода очевидно дѣйствовали и на Ферзена, несмотря на всю его привязанность къ Маріи-Антуанетъ, потому что онъ тщательно старался доводить о нихъ до ея свѣдѣнія. „Здѣсь толкуютъ, писалъ онъ ей, что главнымъ образомъ вы противитесь всякому смѣлому предпріятію; что вы готовы подчиниться конституціи лишь бы не обязываться принцамъ; что съ этой точки зрѣнія вы согласитесь скорѣе довести государство до гибели; все дворянство усвоило себѣ подобный взглядъ и даже люди вполне вамъ приверженные начинаютъ склоняться къ нему...“

Мы уже замѣтили выше что для французскихъ эмигрантовъ не существовало ничего въ мірѣ кромѣ Франціи, но если это было совершенно понятно въ ихъ положеніи, то нельзя не удивляться что и король Шведскій готовъ былъ смотрѣть на все ихъ глазами. Они и не допускали и мысли о томъ что у императора Леопольда могли быть какіе-нибудь интересы не позволявшіе ему вступить въ борьбу съ революціей; все что совершалось тогда на Востока Европы для нихъ не существовало. Вотъ почему въ письмахъ Густава, Ферзена, графа Прованскаго, графа Артуа и другихъ, Леопольдъ, этотъ „проклятый Флорентіецъ“ (se maudit Florentin), выставляется не иначе какъ человѣкомъ слабымъ, ничтожнымъ, находящимся въ самой жалкой зависимости отъ своихъ министровъ, которые пререкаются между собою и только сбиваютъ его съ толку, а Марія-Антуанета, съ своей стороны, изъ недоброжелательства къ братьямъ своего супруга, поощряетъ его бездѣйствіе. Пониманіе общаго характера европейскихъ событій того времени было вполнѣ чуждо людямъ старавшимся сласти Французскій престолъ и они готовы были видѣть личныя лобужденія и интригу тамъ гдѣ были несравненно болѣе глубокія причины.

VI.

Весной 1792 года умеръ императоръ Леопольдъ. Это событіе имѣло громадную важность среди тогдашнихъ обстоятельствъ, и какъ партія Маріи-Антуанеты, такъ и партія принцевъ считали его весьма благопріятнымъ для своего дѣла. „Вчера, писалъ Ферзенъ королевѣ, пришло сюда (въ Брюссель) извѣстіе о кончинѣ императора; полагаю что теперь наступитъ счастливая для васъ перемѣна.“ Леопольдъ упорно отстранялъ возможность столкновенія съ Франціей, но старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Не задолго до его смерти революціонная партія принудила Лудовика XVI объявить войну германскимъ государямъ, открывшимъ у себя пристанище эмигрантамъ, и императоръ Германіи не могъ оставаться безучастнымъ въ виду этого рѣшительнаго поворота дѣла. Вмѣшательство его влекло за собою и вмѣшательство Пруссіи. Событія принимаютъ новый характеръ, но для насъ интересно только то что обнаруженные нынѣ бумаги

Ферзена какъ нельзя убѣдительнѣе подтверждаютъ тому которую развивалъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи знаменитый нѣмецкій историкъ Зибель: никакой дѣйствительной опасности не угрожало Франціи со стороны державъ; державы эти не шли далѣе интимизаціи и охотно избѣжали бы войны; если тѣмъ не менѣе война вспыхнула, то отвѣтственность за нее падала на революціонную Францію, которая подъ предлогомъ самообороны прибѣгла къ нападению.

Одновременно съ императоромъ Леопольдомъ сошелъ въ могилу и другой видный дѣятель описываемаго времени — король Шведскій Густавъ III. До послѣдней минуты не покидала его мысль объ экспедиціи противъ Франціи и повидному онъ уже близился къ исполненію своихъ завѣтныхъ желаній. Ему удалось заключить съ Россіей союзъ, по которому Россія обязывалась помогать ему, хоть и не въ значительныхъ размѣрахъ, сухопутнымъ войскомъ и флотомъ. Густавъ имѣлъ наивность думать что онъ увлечъ за собою Екатерину, но на дѣлѣ этого не было. Въ виду усложнявшихся событій императрица считала полезнымъ направить вниманіе его въ другую сторону чтобъ онъ не могъ служить орудіемъ въ рукахъ ея соперниковъ или враговъ. Еще предъ окончаніемъ второй Турецкой войны она выражалась, какъ видно изъ дневника Храповицкаго, такимъ образомъ: „Дайте мнѣ кончить съ Турками, и тогда я со Шведскимъ королемъ раздѣляюсь; я рада что на время могла его занять французскими дѣлами.“ Тѣмъ же лобужденіемъ руководилась она подписывая союзный договоръ заключенный съ нимъ въ Дротнинггольмѣ. На это явно указываютъ между прочимъ сѣдующія слова которыми она извѣщала Гримма объ упомянутомъ событіи: „Несмотря на 100.000 рублей потраченныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ на укрѣпленія въ Финляндіи, я получила третьяго дня извѣстіе о союзномъ трактатѣ между мною и Густавомъ III. Итакъ желаніе ваше исполнилось,—онъ совершенно вырванъ теперь изъ когтей Вильгельма“ (то-есть Фридриха-Вильгельма, короля Прусскаго). Густавъ въ послѣднихъ своихъ письмахъ къ Ферзену часто повторяетъ что онъ вполне доволенъ императрицей, что она какъ нельзя лучше вошла въ его планы, что приходится даже умѣрять ея рвеніе,—но отзывы самой Екатерины далеко не оправдывали это самообольщеніе: „Новый союзникъ, говорила она Гримму въ томъ же письмѣ, въ которомъ сообщала ему

о Дротингольмской конвенціи, не постыдился выразитъ желаніе пріѣхать сюда, но мы дѣлаемъ все что только человѣчески возможно чтобъ отклонить его отъ этого. Какъ вы хотите чтобъ я вѣрила ему свои войска! Онъ не сумѣетъ руководить ими"... Увѣренность въ своемъ вліяніи на Ектерину Густавъ умѣлъ однако внушить и своимъ приближеннымъ, и уже поздно, сѣтуя на то что она не усвоила себя безъ оглядки его планы относительно Франціи, Ферзенъ выражался такимъ образомъ: „Интересъ къ французскимъ дѣламъ былъ возбужденъ въ ней нашимъ покойнымъ несчастнымъ государемъ и умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Несмотря на приписываемый ей геній она не хотѣла взглянуть на положеніе Франціи такъ какъ слѣдовало бы истинно великому человѣку; она не обсуждала его съ точки зрѣнія общаго опасенія, слѣдовательно съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, а старалась лишь извлечь выгоды для своей политики по Польскому вопросу...“

Судьба Густава была въ высшей степени печальна. Мы уже говорили выше объ отличительной чертѣ его характера братья съ увлеченіемъ за всякое дѣло, но не доводить его до конца, дорожить преимущественно тѣмъ что обѣщало блескъ и славу и упускать изъ виду существенное только потому что оно требовало постоянного, упорнаго труда, эти печальныя наклонности обнаружились между прочимъ въ внутреннемъ его управленіи. Царствованіе его обѣщало съ самаго начала очень много, но не оправдало этихъ надеждъ. Онъ умѣлъ нанести ударъ своимъ противникамъ, но не примирялъ ихъ съ собою и давалъ имъ основательные поводы возбуждать противъ себя народъ. Съ теченіемъ времени все рѣзче проявлялись его нетерпимость, его раздражительность и самовластіе. Недовольство было всеобщее: аристократія сожалѣла объ отнятыхъ у нея правахъ, въ среднемъ сословіи распространялись идеи французской революціи, которыми и сама аристократическая партія сильно потворствовала изъ ненависти къ Густаву, духовенство считало его главнымъ виновникомъ невѣрія проникшаго въ публичку, низшіе классы вопили противъ обременительныхъ налоговъ. Помня успѣхъ своего знаменитаго государственнаго переворота, король былъ убѣжденъ что насиліе единственное средство для отстраненія всѣхъ этихъ золъ, но насильственные его мѣры только раздражали общественное мнѣніе. Почти наканунѣ своей

смерти задумалъ онъ лишить дворянство послѣдняго участія въ дѣлахъ и захватить всю правительственную власть въ свои руки; этотъ планъ долженствовалъ быть исполненъ на сеймѣ созванномъ въ Гёфле, но волненіе умовъ было такъ сильно что у Густава не хватило для этого духа. Нерѣшительность обнаруженная имъ только придавала смѣлости недовольнымъ, между которыми Анкарштрёмъ, Горнъ и Риббингъ отважились на злодѣйскій противъ него умыселъ. Ночью 16го марта король отправился въ театральнѣйшій маскарадъ; прежде чѣмъ сойти въ залу гдѣ происходили танцы, онъ ужиналъ въ зданіи же театра съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, барономъ Эссеномъ. Пока они сидѣли за столомъ, подано было ему написанное по-французски карандашомъ анонимное письмо, въ которомъ содержались довольно подробныя свѣдѣнія о заговорѣ. Авторъ письма умолялъ короля не появляться на балъ. Предостереженіе это не подействовало однако на Густава, онъ молча перечелъ его нѣсколько разъ, окончилъ ужинъ и пошелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ чтобы надѣтъ домино. Тутъ только сообщилъ онъ барону Эссену о содержаніи полученной имъ записки. Тщетно умолялъ его тотъ не подвергать себя опасности,—вмѣстѣ со своимъ слутникомъ Густавъ вступилъ въ залу, гдѣ публика тотчасъ же узнала его. Онъ направился въ фойе, прошелся тамъ нѣсколько разъ и уже хотѣлъ выйти оттуда какъ вдругъ былъ окруженъ заговорщиками, одѣтыми въ черное домино, изъ которыхъ одинъ, графъ Горнъ, обратился къ нему со словами: „здравствуй, прекрасная маска“. Это было условленнымъ знакомъ. Въ ту же минуту Анкарштрёмъ выстрѣлилъ въ короля изъ пистолета. Сцена невыразимаго ужаса распространилась въ залѣ, всѣ бросились бѣжать, но выходныя двери были немедленно заперты и полиціи не стоило большого труда открыть убійцу, хотя въ первую минуту всеобщаго смятенія имъ и удалось укрыться въ толпѣ. Кажется уже было извѣстно на кого должно падать подозрѣніе. По крайней мѣрѣ когда Анкарштрёмъ подошелъ къ начальнику полиціи и самоувереннымъ тономъ сказалъ сказалъ ему: „Надѣюсь, вы меня не подозреваете?“ тотъ отвѣчалъ ему: „Напротивъ, васъ-то я и подозреваю.“

Со смертью Густава III и съ тѣхъ поръ какъ началась война прекращается дѣятельная роль Ферзена. Ему оставалось только быть свидѣтелемъ совершавшихся событій, за кото-

рыми слѣдилъ онъ попеременно или съ зарождавшимися въ немъ надеждами, или съ глубокимъ отчаяніемъ. Средства къ жизни совершенно истощились; отецъ отказывалъ ему въ помощи если не возвратится онъ въ Швецію, но Ферзенъ не рѣшался покинуть Брюссель, гдѣ онъ могъ по крайней мѣрѣ быстро получать всѣ интересовавшія его свѣдѣнія. „Охотнѣе обреку я себя на нищету, писалъ онъ Марию-Антуанетѣ; конечно, отецъ мой можетъ склонить къ своимъ видамъ герцога * и тогда мое положеніе еще улучшится, но я все-таки не подчинюсь ихъ приказаніямъ. У меня есть кое-какія вещи, можно будетъ ихъ распродать и жить на вырученную сумму.“ Ферзенъ продолжалъ съ прежнимъ рвеніемъ заниматься различными планами для спасенія королевской семьи,—планами которые доказываютъ только что онъ не зналъ настоящаго положенія дѣлъ въ Парижѣ. Такъ напримѣръ изъ его писемъ къ барону Бретёлю видно что осенью 1792 года обольщалъ онъ себя мыслью о возможности совершить переворотъ съ помощью какого-то Аклока (Acloque), ливовара въ предмѣстьи Сень-Марсео, увѣрявшаго будто бы онъ пользуется огромнымъ вліяніемъ на народъ и можетъ разогнать клубъ Якобинцевъ. Если уже Аклокъ возбуждалъ надежды, то что же когда распространилась вѣсть о томъ что одинъ изъ главныхъ начальниковъ французской арміи, генералъ Дюмурье, порвалъ связи съ революціонною партіей и задумалъ возстановить королевскую власть! Всѣ приверженцы Людовика XVI и Марию-Антуанеты перешли вдругъ отъ глубокаго уладыка духа къ безграничному восторгу, услыхъ казался имъ несомнѣннымъ, но письмо съ которымъ именно въ эту минуту обратился Ферзенъ къ королю въ служить доказательствомъ какія мелкія побужденія руководили ими среди тогдашнихъ грозныхъ обстоятельствъ. „Положеніе ваше, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, будетъ все-таки затруднительно, ибо вы будете много обязаны бездѣльнику, который окажетъ вамъ услугу, хотя въ сущности онъ поступитъ такъ по необходимости, не имѣя возможности дѣйствовать иначе. Какъ бы то ни было онъ полезенъ и нужно эксплуатировать его. Бретель хлопочетъ тутъ о сформированіи министерства; онъ желаетъ все сосредоточить

* Герцогъ Зюдерманландскій, братъ Густава III, который послѣ его смерти былъ провозглашенъ регентомъ королевства.

въ своихъ рукахъ чтобъ избѣжать различныхъ противорѣчій; военное министерство отдаетъ онъ Галиссоньеру, морское—Мутье, юстиціи—Барантену, иностранныя дѣла—Бомбелю: извѣстите меня какъ можно скорѣе, одобряете ли вы эти назначенія?“ Грустною проніей отзывались всѣ подобныя заботы въ то время когда королевская семья испивала послѣднія капли униженія и горя! Сама Марія-Антуанета старалась образумить своихъ доброжелателей: „Время-ли теперь, отвѣчала она Ферзену, среди столькохъ опасностей думать о выборѣ министровъ? Нужно сосредоточить всѣ помыслы лишь на томъ чтобъ ускользнуть отъ кинжаловъ и разстроить происки людей которые хотятъ во что бы то ни стало ниспровергнуть престоль. Они не скрываютъ уже своего намѣренія погубить всѣхъ насъ. Если помощь не придетъ немедленно, то одно только Провидѣніе можетъ спасти короля и его семейство.“ Еще не исполнилось то чего такъ страстно желалъ Ферзенъ, еще не былъ извѣстенъ въ точности исходъ переговоровъ начатыхъ генераломъ Дюмурье съ главною квартирою непріятельской партіи, какъ при первомъ слухѣ объ этихъ переговорахъ регентъ Швеціи слѣшилъ навазать Ферзену въ высшей степени ненавистную для него роль. „Вамъ извѣстно, писалъ онъ, что покойный король не щадилъ расходовъ для своихъ плановъ на пользу Франціи. Употребите всѣ усилія, чтобы по возстановленіи прежняго порядка вещей въ этой странѣ они были возмѣщены намъ. Это очень важно для Швеціи, ибо вамъ извѣстно незавидное положеніе ея финансовъ. Какою славой покроетесь вы если успеете улучшить благоденствіе своего отечества“....

Но надежды и расчеты рушились очень скоро и дѣла неудержимо стали приближаться къ гибельной развязкѣ. Неудачу Австрійцевъ и Прусаковъ, низверженіе Лудовика XVI, трагическую судьбу его и королевы—все это суждено было пережить Ферзену. Послѣднее письмо къ нему Маріи-Антуанеты, почти наканунѣ заключенія ея въ Тамплъ, содержитъ лишь нѣсколько словъ: „Я еще существую, говоритъ она,—и это великое чудо. *Прощайте*,—жестокое слово“....

VII.

Люди относящіеся съ сочувствіемъ къ французской революціи прошлаго вѣка и привыкшіе во всемъ обвинять королевскую власть не найдутъ въ бумагахъ Ферзена почти ничего что служило бы подтвержденіемъ подобныхъ нареканій. Вполнѣ откровенныя письма Маріи-Антуанеты, адресованныя ею къ людямъ пользовавшимся безграничнымъ ея довѣріемъ, доказываютъ что она постоянно противилась вооруженному вѣншательству во французскія дѣла. Другое дѣло какія побужденія руководили ею при этомъ, но самый фактъ несомнѣненъ. Въ корреспонденціи, съ содержаніемъ коей мы познакомили нашихъ читателей, находятся конечно вещи которыми можно воспользоваться изъ желанія опорочить память королевы: мы видимъ что въ то время когда война началась, она сообщала Ферзену о планахъ французскихъ генераловъ, о передвиженіи французскихъ войскъ, но надо принять въ разчетъ среди какихъ обстоятельствъ отважилась она на этотъ шагъ. Королевской семьѣ приходилось отстаивать свою жизнь; спастись бѣгствомъ было невозможно; единственною надеждою представлялась посторонняя помощь: великодушно ли позорить супругу Людовика XVI за то что она прибѣгала въ эту критическую минуту къ самымъ отчаяннымъ средствамъ самосохраненія, и не падаетъ ли вина на революціонную партію, которая поставила ее въ такое безвыходное положеніе?

Въ заключеніе нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Ферзена. Отношенія его къ новому правителю Швеціи были далеко не дружественны. Регентъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій не имѣлъ по своему характеру ничего общаго съ Густавомъ III, хотя и онъ былъ такимъ же отчаяннымъ мистикомъ, какимъ сдѣлался покойный король въ послѣдніе годы своей жизни. Вотъ портретъ его, начертанный искуснымъ перомъ французскаго историка *: „Герцогъ Зюдерманландскій, — тотъ самый который принялъ въ свои руки управленіе Швеціей за малолѣтствомъ Густава IV, а потомъ сдѣлавшійся королемъ вслѣдствіе революціи 1809 года, оказалъ нѣсколько услугъ своей странѣ командуя флотомъ

* *Geffroy, Gustave III et la cour de France, II, 261.*

въ войнѣ 1789—1790 годовъ. Но вообще то былъ человекъ крайне презрѣнный: недовѣрчивый ко всѣмъ и коварный, постоянно со слезами на глазахъ и съ наклономъ подозрѣвать всѣхъ и каждого, съ непоколебимымъ хотя и ребяческимъ честолюбіемъ, ума недалекого, воплощенное слабоуміе—это была личность какъ нельзя болѣе пригодная для спиритовъ и магнетизеровъ: отличнѣйшій медиумъ, какъ выражались бы о немъ въ наше время. Сдѣлавшись главой одной масонской ложи онъ любилъ облекаться въ какой-то небывалый костюмъ, въ которомъ преобладали красный и голубой цвѣта, и появлялся иногда въ немъ даже на улицѣ; за нимъ постоянно слѣдовали его друзья по масонству. Ночью проводили они часто время въ какомъ-нибудь заброшенномъ домѣ, въ какомъ-либо церковномъ зданіи среди пустынной мѣстности; тамъ заклинаніями вызывали духовъ, ожидали появленія огней на могилахъ, предсказывали будущее. Карлъ очень вѣрилъ во сны и велъ подробный протоколъ ихъ. Одинъ изъ такихъ протоколовъ дошелъ до насъ; онъ гласилъ что ночью—не задолго до кончины Густава—одинъ изъ ближайшихъ друзей герцога, Рейтергольмъ, вдругъ входитъ къ нему въ комнату, всю обитую чернымъ, и говорить ему: „все кончено“, т.-е. что Густава уже нѣтъ на свѣтѣ. А вслѣдъ за Рейтергольмомъ главные чины государства появляются въ той же комнатѣ и умоляютъ Карла принять титулъ регента...“ Носился слухъ будто бы даже герцогъ Зюдерманландскій былъ не совсѣмъ чуждъ катастрофѣ постигшей его брата. Слухи такого рода не могли не доходить до Ферзена и конечно усиливали его нерасположеніе къ новому правителю. Самъ регентъ не замедлилъ выразить ему свое неудовольствіе: открытъ былъ заговоръ, составленный барономъ Армфельдомъ съ цѣлью провозгласить юного Густава-Адольфа совершеннолѣтнимъ, и возникло подозрѣніе будто заговорщики встрѣтили одобреніе своимъ планамъ въ Русскомъ правительствѣ. Императрица Екатерина съ негодованіемъ отрицала всякое участіе съ своей стороны въ этомъ дѣлѣ. Она подробно говоритъ о немъ въ одномъ изъ обнародованныхъ г. Гротомъ писемъ своихъ къ Гримму: „Герцогъ Зюдерманландскій, котораго наши матросы послѣ двухъ морскихъ сраженій при Кальскерѣ и подъ Ревелемъ (гдѣ онъ оказался большимъ трусомъ) прозвали въ насмѣшку Сидоромъ Ермолаевичемъ, вздумалъ прилечь къ никогда не

существовавшему заговору Неаполитанскій дворъ и меня. Мое имя открыто уломинается въ его писаніяхъ и даже произносится на судебныхъ слѣдствіяхъ. Но еслибы дѣйствительно былъ заговоръ и я въ немъ участвовала, то ручаюсь вамъ что онъ удался бы. Армфельда, въ противность завѣщанію короля, изгнали изъ совѣта регента за приверженность къ монархической власти, а на мѣсто его хотѣли посадить отъявленнаго якобинца Рейтергольма. Армфельдъ уговорилъ покойнаго короля заключить миръ въ Верелѣ * и самъ составлялъ условія и подписывалъ вмѣстѣ съ Ингельштромомъ, что и послужило къ его сближенію съ нами послѣ несчастной кончины покойнаго короля. Онъ былъ страстно къ нему привязанъ и теперь перенесъ всю свою любовь на молодаго короля; онъ зналъ что покойникъ, умирая, поручилъ мнѣ своего сына, зналъ что и прежде этого я открыто принимала сторону ребенка противъ всѣхъ его враговъ, что я говорила и покойному королю и всѣмъ кто хотѣлъ только слушать что если отецъ признаетъ ребенка за своего сына, то никто уже не имѣетъ права оспаривать, тѣмъ болѣе что король имѣетъ болѣе власти чѣмъ всякій другой отецъ. ** Онъ видѣлъ что всѣ дѣйствія регента шли въ разрѣзъ какъ съ убѣжденіями покойника, такъ и съ интересами короля, и утѣхалъ изъ Швеціи. Но онъ писалъ слишкомъ откровенныя письма къ своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, а потомъ къ этому еще присоединилась страсть регента къ двѣмъ Руденскіюльдъ, любовницѣ Армфельда; по свѣту ходятъ два любовныя его письма къ ней. Изъ ревности регентъ вздумалъ приказать чтобъ ее высѣкли, велѣлъ везти ее на эшафотъ, а потомъ залепъ ее въ смиренномъ домѣ, вѣроятно за то что она предпочитала Армфельда его королевскому высочеству. Кромѣ того регенту вездѣ мерещатся заговорщики, а доказать существованіе заговоровъ онъ не можетъ. Убіица короля былъ только одинъ наказанъ за свое преступленіе.

* Верельскій миръ съ Россіей 3го августа 1790 года.

** Густавъ III никогда не былъ въ ладахъ съ своею супругой Софіей-Магдалиной, дочерью Фридриха V короля Датскаго. Говорили что онъ не хотѣлъ признавать законнымъ своего сына отъ нея, будущаго короля Густава IV, и призналъ его лишь вслѣдствіе того что Софія-Магдалина добровольно согласилась на разводъ съ нимъ. Въ послѣдствіи она тайно вступила въ бракъ съ Мункомъ.

но при этомъ многіе подвергались заточенію, другіе безъ всякаго суда были отставлены отъ должности. Неаполитанскому двору онъ объявлялъ войну, а къ намъ придирается безпрестанно изъ-за лустаковъ. Мы конечно все равно; еще неизвестно кто будетъ въ проигрышѣ. Регентству скоро наступитъ конецъ, и еслибъ я только вмѣшалась въ дѣло, то оно покончилось бы еще скорѣе, но въ Швеціи всѣ думаютъ, какъ и я, что изъ-за гулца не стоить заводить шуму.“ Въ переваченныхъ письмахъ Ферзена къ Армфельду нашлись кое-какія выраженія не совсѣмъ лестныя для регента и это послужило достаточнымъ поводомъ для того чтобы лишить его дипломатическаго поста который онъ занималъ въ Брюсселѣ.

Ферзенъ не жаловался на свою судьбу, ибо послѣ столькихъ разочарованій, послѣ всего пережитаго имъ начиная съ 1789 года, онъ нуждался въ глубокомъ спокойствіи. Къ тому же онъ былъ богатъ, потому что въ это время умеръ его отецъ оставивъ ему обширное наслѣдство; онъ былъ независимъ и радъ былъ отстраниться отъ своего правительства, которое совершило непростительный въ его глазахъ грѣхъ признавъ въ 1795 году Французскую республику. Онъ удалился въ уединеніе со своими горькими воспоминаніями. Впрочемъ когда прекратилось регентство Ферзенъ при Густавѣ IV получилъ возможность возобновить свою дѣятельность, которая на этотъ разъ отличалась чисто военнымъ характеромъ. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1805 года; молодой король былъ сначала очень расположенъ къ нему, но это расположеніе продолжалась не долго, ибо Ферзенъ не умѣлъ льстить и высказывалъ такія истины которыя не могли нравиться ни Густаву, ни его ближайшимъ совѣтникамъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій онъ былъ вынужденъ, хотя и съ почетомъ, удалиться отъ двора.

Въ 1810 году произошла страшная катастрофа, стоившая ему жизни. Чтобы уяснить ее, нужно обратить вниманіе на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Швеціи. Густавъ IV вынужденъ былъ въ 1809 году отказаться отъ престола въ пользу своего дяди Карла XIII, того самаго который съ титуломъ регента уже управлялъ страной въ его малолѣтство, но новый государь былъ старъ, не имѣлъ потомства, и заботы политическихъ партій были сосредоточены на вопросѣ кого назначить его преемникомъ. Выборъ палъ на Христиана-Августа, герцога Зондербургъ-Августенбургскаго. Черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ послѣ прибытія своего въ Швецію этотъ принцъ умеръ внезапно отъ апоплексическаго удара. Тревожный вопросъ о престолонаслѣдіи возникалъ снова, возбуждая въ обществѣ крайнее раздраженіе страстей. Многочисленная партія отличавшаяся своими симпатіями ко Франціи заботилась главнымъ образомъ о томъ чтобы шансы не склонились въ пользу сына низверженнаго Густава IV; она страшилась что въ такомъ случаѣ не избѣжить возмездія, ибо была главною виновницей паденія этого государя. Всего лучше казалось ей отстранить вовсе прежнюю династію, посадить на престолѣ иностранца, а для успѣха подобнаго плана она считала не безполезнымъ какимъ-либо ударомъ устроить своихъ противниковъ. Такъ какъ оппозиціи слѣдовало ожидать преимущественно со стороны аристократіи, то ударъ долженствовалъ быть направленъ противъ нея. Въ рядахъ высшаго сословія одно изъ первыхъ мѣстъ по знатности, богатству и общему къ нему уваженію принадлежало тогда Ферзену; все прошлое его доказывало что это такой человекъ съ которымъ невозможны никакія сдѣлки относительно того что онъ считалъ своимъ долгомъ; онъ сохранялъ самое признательное воспоминаніе о Густавѣ III, ревностно саужилъ Густаву IV, хотя тотъ и не умѣлъ оцѣнить надлежащимъ образомъ его заслугъ и не захотѣлъ бы конечно пожертвовать правами послѣдняго потомка династіи Вазы. Поэтому участь его была рѣшена. Всѣ усилія были употреблены на то чтобы очернить его въ общественномъ мнѣніи; для этого была пущена въ ходъ клевета,—распускали слухъ будто герцогъ Августенбургскій былъ отравленъ Ферзеномъ, и хотя слухъ этотъ поражалъ своею очевидною нелѣпостью, такъ какъ смерть бывшаго наслѣдника престола произошла на глазахъ у всѣхъ, въ ту минуту когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, тѣмъ не менѣе онъ производилъ впечатлѣніе на толпу.

Правительство было кажется предупреждено что противъ Ферзена готовится что-то нехорошее, но оно не хотѣло или не сочло нужнымъ принять какія-либо мѣры. Карлу XIII приписываютъ даже слѣдующія слова: „было бы весьма не дурно еслибъ этотъ надменный господинъ получилъ урокъ“.... Наступило 20е іюня—день назначанный для перенесенія тѣла герцога Августенбургскаго въ Стокгольмъ. Въ числѣ другихъ и Ферзенъ слѣдовалъ за печальною колесницей въ каретѣ запряженной шестерикомъ. Липъ только процессія вступила

въ городъ, поднялись волли, и камни полетѣли со всѣхъ сторонъ въ экипажъ Ферзена. Въ одной изъ главныхъ улицъ отгнели его отъ кортежа и отпрагли лошадей; несчастный успѣлъ выскочить и броситься въ ближайшей домъ, но толпа нагнала его тамъ, осыпала ударами, рвала за волосы и все это почти на глазахъ войска разставленнаго шпалерами на всемъ пути процессіи. Солдаты не оказали даже ни малѣйшаго сопротивленія когда мимо ихъ повлекли Ферзена изъ дома, гдѣ онъ надѣялся укрыться, въ городскую ратушу. Тамъ на минуту дали ему роздыхъ,—онъ сѣлъ на скамью, попросилъ стаканъ воды, но неистовства тотчасъ же возобновились еще съ большимъ ожесточеніемъ. Ферзена буквально заколотили до смерти. Когда онъ убѣдился что нѣтъ спасенія, то сталъ на колѣни и послѣднія слова его были: „Боже призывающій меня къ Себѣ, молю за моихъ мучителей, которыми я прощаю.“

Можно быть различнаго мнѣнія о способностяхъ Ферзена какъ государственнаго человека, но нельзя не удивляться его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ. Справедливо выразился о немъ одинъ французскій писатель: „Ферзенъ не былъ только однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей дворянскаго сословія; это былъ рыцарь въ настоящемъ смыслѣ слова.“*

Р.

* Альбертъ Сорель, въ критическомъ отзывѣ о разсмотрѣнной нами книгѣ въ *Revue critique d'histoire et de littérature*, 1878, № 42.

ЗАБЫВАЕМЫЙ ПОЭТЪ-СОВРЕМЕННОИЪ

Недавно на нашу сцену поставлена драма *Посадникъ*, и вотъ опять повторяется странное явленіе, которое можно наблюдать всякій разъ когда мы очутимся лицомъ къ лицу съ произведеніемъ искусства выходящимъ изъ дюжиннаго уровня. Между безотчетнымъ, такъ-сказать инстинктивнымъ чувствомъ лубрики и ея теоретическими понятіями обнаруживается рѣзкое противорѣчіе. Театръ полонъ; вы видите въ ложахъ и креслахъ лица весьма рѣдко тутъ встрѣчающіяся; всѣ внимательнѣе, серіознѣе обыкновеннаго, словно собрались не для развлечения только; не слышится даже въ антрактахъ привычной болтовни; каждый какъ будто выведенъ неизвѣстною силой изъ вседневнаго настроенія и какъ будто радъ этому. Слава Богу, говорятъ иные, наконецъ-то не такая ліеса какія намъ даютъ постоянно. На другой день является въ газетахъ неизбѣжный „отчетъ“. Тутъ вы читаете напечатанныя даже курсивомъ для большей вразумительности слѣдующія изреченія: „мы можемъ художественно изображать только то что критика—въ лицѣ лубрики и специалистовъ—въ состояніи провѣрить посредствомъ своего знанія той дѣйствительности какую мы изображаемъ предъ ней“. * Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе въ которомъ подобные же глубокомы-

* *Русскія Вѣдомости* № 267.

сказанные афоризмы перемѣшиваются съ выписками изъ учебника, и которое сводится къ тому что видѣнное вами вчера не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ, что вовсе не то и не такъ слѣдуетъ изображать. Увы! Въ нашемъ усердномъ стремленіи къ просвѣщенію мы не безъ робости смотримъ на листъ газеты, хотя бы сѣрый и плохо отпечатанный. Самоуверенно сказанная безсмыслица ставитъ насъ въ тулукъ. Встрѣчая такія слова какъ „требованія современной критики“, „правда художественнаго изображенія“, мы рѣдко позволяемъ себя разбирать кстати ли, съ толкомъ ли употреблены они. И вотъ вынесенное изъ театра впечатлѣніе испорчено. Намъ становится стыдно что мы не безъ удовольствія смотрѣли на піесу не соответствующую современнымъ требованіямъ, мы обѣщаемъ себѣ впередъ быть осторожнѣе, не довѣряться собственному чувству, а выждать приговоръ специалистовъ лишущихъ фельетоны. Публика охладѣваетъ къ осужденному критикой произведенію, и *Тетерева*, *Мертвого Петли*, попрежнему царятъ на нашей сценѣ, хотя въ сущности они всѣмъ намъ ужъ очень надоѣли и всѣмъ намъ хотѣлось бы видѣть въ театрѣ не тѣ же самыя дразги съ которыми внѣ театра приходится довольно возиться. Чтѣ дѣлать! Специалисты говорятъ что въ изображеніи именно этихъ дразгъ состоитъ задача современнаго искусства, и мы съ покорностью добровольныхъ учениковъ ходимъ по вечерамъ любоваться какъ маменьки ловятъ выгодныхъ жениховъ, какъ ухаживаютъ свѣтскіе юноши за богатыми старушками, какъ лагутъ адвокаты и подрядчики, какъ кутить блестящая молодежь—всею этою хорошо знакомою намъ дѣйствительностью, и провѣряемъ, по предписанію, вѣрно ли она изображена. Не будь нашей такъ-называемой критики, вкусъ публики, не сбиваемый старательно съ толку, отвергъ бы самъ собою тѣ уродливыя произведенія которыя насъ заставляютъ находить хорошими, самъ собой распозналъ бы живопись отъ снимка, талантъ отъ дерзости, правду отъ фальши. Какъ ни жалятся на необразованность и невоспріимчивость нашего общества, оно все-таки стоитъ гораздо выше самозванныхъ специалистовъ, считающихъ себя въ правѣ поучать его; присущее человѣку чувство красоты, потребность идеальнаго не совсѣмъ еще подавлены въ немъ, несмотря на ихъ старанія; и на зло своимъ учителямъ, наперекоръ принятымъ теоріямъ, оно съ

невольною радостью встрѣчаетъ художественное произведеніе, не изображающее только знакомую намъ дѣйствительность. Тѣмъ сильнѣе такое произведеніе озлобляетъ нашихъ критиковъ. Писатель который попробуетъ уклониться отъ заявляемыхъ ими требованій осылается площадною бранью, грубыми насмѣшками, или уязвляется презрительнымъ пренебреженіемъ. А такъ какъ мы привыкли составлять мнѣнія по газетнымъ отзывамъ, такъ какъ мы рѣдко заглядываемъ въ подлинникъ, довольствуясь нѣсколькими, произвольно вырванными, иногда искаженными цитатами, то нѣтъ аллегоріи на судъ критиковъ. Произнесенный надъ писателемъ приговоръ повторяется даже тѣми которые сказали бы совсѣмъ другое, еслибы только прочли не однѣ выписанныя строки. Чего нельзя доказать цитатами? Я могу привести прекрасные стихи Третьяковского и очень плохіе стихи Пушкина; я могу подобрать цѣлый рядъ стихотвореній Гёте сочиненныхъ для торжественныхъ случаевъ при Веймарскомъ дворѣ; я могу выписать изъ драмъ Шекспира такія несообразныя нелѣпости, такія вычурныя и ласкія остроты которыя показались бы странными на балаганной сценѣ. Какъ вѣрно будетъ сужденіе основанное на такихъ выпискахъ! А на такихъ именно выпискахъ основываются слишкомъ часто наши сужденія. Чуть не всѣ наши литературныя свѣдѣнія получаютъ не изъ вторыхъ даже, а изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Начиная со школы, гдѣ подъ именемъ образцовъ насъ знакомятъ съ отрывками не имѣющими ни смысла, ни связи, которые составитель хрестоматіи почему-то считаетъ образцовыми, мы привыкаемъ замѣчать въ литературѣ только то что другой кто-нибудь заблагоразсудитъ показать намъ, изъ извлеченіями, сокращеніями, передѣлками, отчетами, совершенно теряемъ изъ виду самые подлинники, забываемъ вовсе объ ихъ существованіи. Не говоря уже объ иностранной литературѣ, не говоря о далекой старинѣ, изъ нашихъ русскихъ, современныхъ намъ писателей, даже выдающихся, какъ ни ограниченно число ихъ, мы многихъ не знаемъ въ подлинникъ. Любопытныхъ примѣровъ такого незнанія недалеко искать. Вотъ играютъ у насъ драму *Посадникъ*. Выходя изъ театра всѣ думаютъ что видѣли произведеніе графа А. К. Толстаго, какъ значится на афишѣ. То же думаетъ и критикъ, опредѣляющій въ газетѣ значеніе и условія исторической драмы. Никто не подозреваетъ что значительная часть

видѣннаго нами никогда въ голову не приходила Толстому, что построеніе пьесы измѣнено, что словомъ *Посадникъ*, въ томъ видѣ какъ даютъ его, былъ бы для самого автора такою же новостью какъ и для насъ. Специалистъ „изучавшій театръ, его прошедшее и настоящее“ серіозно говорить что „два первыя дѣйствія и главное, *второе въ домѣ Посадника*, лишены движенія.“ Да вѣдь первое-то дѣйствіе не существуетъ. Вѣдь то что вы считаете вторымъ дѣйствіемъ есть самое начало драмы Толстаго, которая открывается сценой въ домѣ Посадника, между его женой и старою боярыней, а все предыдущее для сцены полагать надо сочиненная приставка, не имѣющая ничего общаго съ подлинною драмой. Вѣдь еслибы вы заглянули въ оглавленіе сочиненій Толстаго, вы увидѣли бы что имъ написано было только три, а не четыре дѣйствія неоконченной драмы *Посадникъ*. Критикъ, однако, первому, не существующему въ подлинникѣ дѣйствію, отдаетъ предпочтеніе предъ вторымъ. Еслибъ онъ только передавалъ и обсуждалъ видѣнное въ театрѣ, говорилъ о бенефисѣ гослужки Талановой, его не въ чемъ было бы упрекнуть. Представляютъ четыре дѣйствія; я, зритель, имѣю полное основаніе, очевидный поводъ судить о каждомъ изъ нихъ, не спрашивая откуда оно взялось. Но тотъ кто пускается въ разсужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ драмъ Толстаго, долженъ бы по крайней мѣрѣ прочесть эти драмы. Это одинъ примѣръ, ихъ можно набрать десятки. Вотъ какъ, стало-быть, цѣнимъ мы нашихъ писателей. Случайно попадаетъ намъ на глаза какая-нибудь передѣлка, какой-нибудь отрывокъ; критикъ, самъ не читавшій подлинника, произноситъ въ газетѣ окончательный приговоръ не допускающимъ возраженія тономъ—и вопросъ рѣшенъ, поднимать его снова несомненно; интересъ общества поглощенъ сегодняшнимъ днемъ, вчерашнее старо и избито. Счастливъ писатель, если и публикѣ и критикѣ понравится то что попалось имъ на глаза. Это бываетъ обыкновенно съ такими произведеніями которыя не требуютъ, да и не выдерживаютъ серіознаго анализа, которыя отвѣчаютъ ходячимъ понятіямъ, соглашаются съ принятыми привычками, производятъ эффектъ при бѣгломъ взглядѣ, но потеряли бы много если вглядѣться въ нихъ внимательнѣе.

Что отступаетъ отъ обычнаго образа, что не подлаживаетъ подъ обстоятельства дня, подъ господствующее настроеніе. что разчитано не для минутнаго эффекта, не для поверхностнаго просмотра, то встрѣчаетъ иногда можетъ-быть безотчетное сочувствіе въ публикѣ, но не находитъ пощады у нашей критики. Она съ непоколебимою настойчивостью съ неуклонною послѣдовательностью преслѣдуетъ одну цѣль: ограничить искусство возможно точною копировкой того что встрѣчаемъ мы въ окружающей насъ, доступной вѣрнымъ чувствамъ дѣйствительности, то-есть, другими словами, уничтожить искусство въ самомъ существѣ его. Это называется у насъ реализмъ, или еще болѣе моднымъ теперь словомъ—натурализмъ. Выводите на сцену лица съ какими мы сталкиваемся въ гостиныхъ, въ трактирахъ, въ судахъ, въ вагонахъ, на биржѣ, одѣвайте ихъ такъ какъ они дѣйствительно одѣваются, заставляйте ихъ говорить такимъ именно языкомъ какой привыкли мы слышать, со всеми свойственными каждому особенностями; если вы лишаете портретъ, передайте съ фотографическою вѣрностью ничтожнѣйшія морщинки, малѣйшія бородавки и латнышки на кожѣ, отдѣляйте со всевозможною тщательностью сукно сюртука или мѣховой воротникъ—и вы будете признаны великимъ художникомъ. Но горе вамъ если вы захотите изобразить не ту дѣйствительность которая бросается въ глаза каждому, а ту которая скрывается подъ наружною оболочкой, если вы попытаетесь воспроизвести не смазные салоги, не долгополые сюртуки, не вицмундиры, не бѣлыя перчатки и модные фраки, а черты составляющія фizioномію челоvѣка независимо отъ его костюма, пріеморъ и образа жизни. Васъ обзовутъ идеалистомъ, и не будетъ конца гаулаженію надъ вами.

Цѣль неуклонно преслѣдуемая такою критикой достигается успѣшно. Реализмъ царитъ въ нашей литературѣ. Въ романахъ и повѣстяхъ, въ комедіяхъ, драмахъ, сценахъ, очеркахъ, въ стихахъ и въ прозѣ съ удивительною точностью представляется намъ то самое что видимъ мы каждый день и цѣлый день; разговоры какіе мы слышимъ и сами ведемъ, какъ будто стенографированные невидимою рукой, пересказываются намъ отъ слова до слова. Тѣ самые общественные дѣятели съ которыми вы сидѣли рядомъ за обѣдомъ, тѣ самые сановники къ которымъ вы утромъ являлись съ просьбой,

тѣ самые ростовщики отъ которыхъ плакался вашъ знакомый, тѣ самые извозчики которые чуть не вывалили васъ въ грязь, являются предъ вами если вы послѣ дневныхъ хлопотъ откроете литературное произведеніе или заглянете въ театр. Васъ это радуетъ, не правда ли? Во всякомъ случаѣ это радуетъ нашихъ критиковъ. Стало-быть надо думать что это хорошо. Не всѣ однако такъ думаютъ. Находятся люди рѣшающіеся плыть „противъ теченія“, какъ ни сильно оно. Къ числу такихъ людей принадлежалъ покойный графъ А. К. Толстой. Вотъ почему и дороги намъ его произведенія, и хотѣлось бы привлечь на нихъ болѣе серіозное вниманіе, добиться для нихъ болѣе справедливой оцѣнки, предохранить ихъ отъ роковой забывчивости, съ какою относимся мы къ самому близкому прошлому. Мы очень скоро и безъ разбора забываемъ. Люди и вещи, промелькнувъ предъ нами, исчезаютъ для насъ безъ слѣда. Многіе ли помнятъ тѣхъ даровитыхъ людей, характеристическихъ представителей своего времени, подъ вліяніемъ которыхъ развивались еще живущія теперь поколѣнія? Многіе ли знаютъ поэтовъ стихи которыхъ съ увлеченіемъ повторялись всѣми два-три десятка лѣтъ тому назадъ? Мы не сохраняемъ преданій, не держимся связи съ прошедшимъ, мы не дорожимъ ни чѣмъ что досталось намъ по праву наслѣдства. Какъ избалованные, пресыщенные богачи, мы небрежно отворачиваемся отъ многого что берегли бы заботливо, чему рады были бы другіе. А вѣдь въ сущности мы вовсе не такъ богаты. Едва ли кто станетъ утверждать что у насъ литература процвѣтаетъ лучше чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, что мы стоимъ на болѣе высокой ступени развитія чѣмъ всѣ западные народы. Вездѣ однако такіе таланты какъ Батюшковъ, Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ цѣнились бы высоко, составляли бы часть общаго, всѣмъ дорогаго достоянія. У насъ современный читатель, смутно помнящій что-то о нихъ по наслышкѣ, улыбается презрительно при этихъ именахъ. Можно бы назвать не мало и другихъ, еще болѣе близкихъ къ намъ по времени. Кто знаетъ рано и трагически погибшаго поэта къ которому другой поэтъ обращался нѣкогда съ такимъ привѣтствіемъ:

Ты пѣлъ, и Обь, Иртышъ и Лена
 Въ степяхъ вилась передо мной;
 Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
 Лѣса чернѣли надъ водой.
 Ты пѣлъ, и подъ крыломъ бурана
 Ревѣла степь и гнулся боръ,
 И прорѣзая зыбь тумана
 Вставали груды дикихъ горъ;
 Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
 И тайны и видѣній полнъ —
 А лѣсъ твой звучала свято,
 Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Чего мы знать не хотимъ, то тщательно изучается на Западѣ, когда доходитъ туда хотя бы въ отрывкахъ. Наши критики удивились бы еслибы вѣдали какъ высоко ставятъ въ Германіи, Франціи и Англіи русскія произведенія которыя мы пропускаемъ безъ вниманія, съ какимъ сочувствіемъ признаютъ русскія имена которыя для насъ не болѣе какъ пустой, ничего не говорящій звукъ, или предметъ нападокъ и насмѣшекъ.

Не одни только высшія, совершеннѣйшія творенія искусства стоять уваженія и памяти; не одни только первенствующие гении достойны признательности и любви. Такія творенія рѣдки, такіе гении возникаютъ вѣками. Чтобъ явились они, нужна почва уже подготовленная, нуженъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ, неисполненныхъ задачъ, неосуществленныхъ стремленій. Правда и красота долго являются лишь проблесками, то тутъ, то тамъ, сказываются отрывочно, мелькаютъ въ отдѣльныхъ чертахъ среди уклоненій, ошибокъ и погрѣшностей, прежде чѣмъ воплотятся въ цѣльномъ художественномъ созданіи. И самого этого созданія не поймемъ, не оцѣнимъ мы вполнѣ, не зная пути который привелъ къ нему, элементовъ изъ которыхъ оно сложилось, не прослѣдивъ среди темноты то ярко, то блѣдно вспыхивающихъ лучей свѣта, которые съ разныхъ сторонъ слились наконецъ въ одномъ сияющемъ средоточіи. Недостатки присущи человѣческимъ произведеніямъ; спрашивается: какого рода эти недостатки? Состоятъ ли они въ безсиліи выразить красоту, или въ желаніи выразить безобразіе, въ неполномъ уразумѣніи правды, или въ довольствѣ ложью? Въ чемъ хотя среди неясныхъ и фальшивыхъ звуковъ слышится живая струна,

въ чемъ просвѣчиваетъ идея сквозь неосиленный матеріалъ, что затрогиваетъ не одни только прихотливые нервы, а истинное, человеческое чувство—то составляетъ всегда цѣнный вкладъ въ умственную казну народа. Потому-то и дороги намъ забываемые наши поэты. У нихъ много слабаго, недодѣланнаго, ложнаго, но есть у нихъ и искренніе звуки, художественныя черты, доли красоты и правды, которыя радуютъ и согреваютъ душу. Потому-то дороги намъ и произведенія графа А. К. Толстаго. Мы не думаемъ отрицать ихъ недостатковъ, но это недостатки свойственные работѣ художника. Между исполненіемъ и замысломъ, между тѣмъ что видитъ, что чувствуетъ поэтъ, и тѣмъ что высказываетъ онъ словами, всегда остается болѣе или менѣе далекое разстояніе. Стремленіе къ цѣли недостижимой вполнѣ составляетъ сущность искусства. Иногда созданное творческою фантазіей какъ будто само собою облекается въ желаемую форму: слова, полныя силы и выразительности, послушно слагаются въ стройныя созвучія;

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возникнетъ въ тѣмъ ночной
Вся роскошь чуднаго созданья
Передъ восторженной душой,
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ —
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.

Жаръ творчества остываетъ внезапно. Неожиданное безсміе послѣ избытка силы раздражаетъ, мучитъ поэта. Онъ хочетъ преодолѣть его, продолжать, додѣлать начатое, хочетъ насильно вызвать ускользающіе образы, заставить непокорный языкъ ловиноваться себѣ—и на мѣсто искусства является искусственность, простота смѣняется натянутостью, увлекающая гармонія изысканными сочетаніями словъ. Иногда художникъ злоупотребляетъ своимъ умѣньемъ и производитъ одну только форму безъ содержанія. Иногда въ шутиливомъ, насмѣшливомъ настроеніи онъ сочиняетъ карикатуры, не

имѣющія ничего изыскаго. Иногда онъ поддается постороннимъ искусству вліяніямъ, выходитъ изъ своей сферы. У многихъ ли изъ художниковъ не встрѣчается такихъ недостатковъ? Они встрѣчаются, конечно, и у Толстаго. Не трудно найти у него мелкія стихотворенія ничего не значація, не трудно указать нескладныя мѣста, неудачныя подражанія, изысканныя сравненія и слова. Но онъ дорогъ намъ тѣмъ что смотрѣлъ на искусство не такъ какъ большею частью смотреть на него въ наше время. Онъ видѣлъ въ поэзіи неисполненный свыше человеку великій даръ въ мѣняющемся прозрѣвать неизмѣнное, во временномъ вѣчное, въ разнообразіи улавливать единство, въ разногласіи гармонию. Лучшую отраду находилъ онъ въ сознаніи идей безъ которыхъ жизнь не имѣла бы значенія, и этою отрадой онъ старался насколько могъ дѣлиться съ другими. Я употребляю слова безсмысленныя въ глазахъ нашихъ современныхъ критиковъ. Для нихъ не имѣютъ смысла и произведенія Толстаго. Потому-то и нравятся намъ эти произведенія что они не нравятся нашимъ критикамъ. Потому нравятся они и той части общества которая знаетъ ихъ не съ чужихъ словъ, не по короткимъ отрывкамъ, и не даетъ сбить себя съ толку фельетонными приговорами. Благодаря московской артисткѣ рѣшившейся поставить въ свой бенефисъ *Посадника*—и мы искренно благодаримъ ее за это—вниманіе пубрики опять привлечено, по крайней мѣрѣ временно, на забываемаго уже, хотя еще такъ недавно скончавшагося поэта. Воспользуемся этимъ случаемъ, постараемся нѣсколько серьезнѣе остановить это вниманіе.

Кромѣ *Посадника*, оставшагося неоконченнымъ и не отдѣланнымъ, Толстой написалъ три драмы, служащія какъ бы продолженіемъ одна другой, составляющія трилогію: *Смерть Иоанна Грознаго*; *Феодоръ Ивановичъ*; *Царь Борисъ*. Лучшею изъ нихъ кажется намъ послѣдняя. Предъ вами цѣльная, послѣдовательно развивающаяся трагедія, катастрофа которой является неизбежною, давно постепенно подготовлявшеюся, роковою развязкой. Главныя дѣйствующія лица живые, ярко очерченные характеры, и между ними со всѣмъ трагизмомъ само себя сокрушившаго величія выдается мрачное, но непреодолимо привлекательное лицо Бориса. Интересъ на немъ сосредоточенный при всемъ разнообразіи

явленій постоянно возрастаетъ; вы видите борьбу могучаго духа съ неотразимыми послѣдствіями злаго дѣянія, не искушаемаго высокою цѣлью. Вы свидѣте съ невольнымъ, болѣе и болѣе напряженнымъ участіемъ, какъ мало по-малу озлобляется, падаетъ этотъ благородный духъ, какъ все грозѣе встаютъ со всѣхъ сторонъ враждебныя карающія силы, какъ одна за другой рушатся опоры; и когда наступаетъ конецъ, вы признаете и справедливость судьбы, и достоинство человѣка, по своей винѣ погибшаго. Подражая можетъ-быть Шекспиру, можетъ-быть передавая разнообразіе самой жизни, авторъ мѣняетъ складъ рѣчи съ переменною цензъ. Свѣжею поэзіей вѣетъ отъ словъ Датскаго королевича, когда онъ разказываетъ Ксеніи какъ полюбилъ онъ ее, какъ провелъ свою первую молодость:

Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды
И крутизна, гдѣ замокъ нашъ повисъ.
Ребенкомъ тамъ, въ мечтаньи одинокомъ
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ,
И разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпращивалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдалѣ меня манили приключенья....
.....Ты мнѣ предстала тою
Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою..
Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольно взоры—
И въ шумъ битвы, въ пылу кипящихъ силъ,
Я рыцаря заслуживая шпоры
Тебѣ, царица, мысленно служилъ!

Въ другомъ покоѣ дворца ведутся другія рѣчи между царицей Марьей, дочерью Малаюты Скуратова, и Воло-

ховой, бывшею мамкой Дмитрія царевича, предавшею его убицамъ.

ЦАРИЦА.

...Развѣ

Своихъ князей-то не было? Не то
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посватать!

ВОЛОХОВА.

А еще бы!

Еще бъ не радъ!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ Нѣмчина Богъ вѣсть
Отколь выписывать!

ВОЛОХОВА.

Ахъ, свѣтъ-царица!

-Сказать ли правду? Какъ узнала я
Что Нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:

Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно что не спроста, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаанный,
Приворожилъ царевну. И царя
Съ царевичемъ должно-быть обошелъ....

ВОЛОХОВА.

Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услышала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ приворотъ!

ЦАРИЦА.

А какъ по-твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
 Какъ не помочь? Развѣдать только надо:
 Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
 И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
 Дай вынуть мнѣ, и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
 Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

Не встаетъ ли предъ вами, темный міръ котораго слѣ-
 пая суевѣрная злоба безмысленно и безжалостно пода-
 вляетъ при самомъ началѣ новую, непонятную ему жизнь?
 Силами этого темнаго міра пользовался Борисъ чтобы достиг-
 нуть высокой, манящей цѣли. Достигнувъ ея онъ отъ него
 отрекается, хочетъ порвать съ нимъ всякую связь. Онъ го-
 воритъ въ сознаніи своей славы, своего могущества:

Свершилося! Въ вѣдѣхъ и въ бармахъ я.
 Держу бразды Россійскія державы!
 Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
 Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ—
 И побѣдилъ. Кто можетъ осудить
 Меня теперь что не прямой дорогой
 Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня
 Что чистотой души не усумнился
 Я за Руси величье заплатить?
 Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
 Проклятіе за то бы мнѣ изрекъ
 Что для ея защиты и спасенья
 Не пожалѣлъ ребенка я отдать
 Единаго? Мнѣ на душу не разъ
 Ложилося камнемъ темное то дѣло,
 И думалъ я: что, если не достигну
 Чего хочу? Что, если грѣхъ тотъ даромъ
 Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
 Не выдаде! Я съ совѣстію счеты
 Сегодня свелъ, и не боюсь поставить
 Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
 Могу теперь идти стезею чистой!
 Прочь отъ меня притворство и обманъ!
 Черезъ пропасти и смрадные болота

Къ престолу днесъ меня приведшій мостъ
 Ломаю я! Разорвана отнынѣ
 Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
 Кромѣшней тьмы! Сіяетъ солнце снова—
 И держитъ скульптъ для правды и добра
 Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Но связь съ прошедшимъ не разрывается произвольно. Годуновъ продолжаетъ существовать въ царѣ Борисѣ, и темный міръ, разъ наложившій на него клеймо свое, не выпускаетъ, тянетъ его къ себѣ.

Мало-по-малу возникаютъ затрудненія, столкновенія.

Отмѣна Юрьева дня производитъ неудовольствіе въ народѣ. Бояре интригуютъ противъ царя. Семенъ Годуновъ совѣтуетъ крутыя мѣры, то же совѣтуетъ и князь Шуйскій, желающій втайнѣ чтобы царь пытками и казнями подорвалъ свою популярность.

Не трогать никого,

говоритъ Борисъ.

Вѣдь страху-то ни въ комъ

Не будетъ такъ,

возражаетъ ему Шуйскій.

Борисъ отвѣчаетъ:

Надѣюсь, не будетъ.

Не страхомъ я, любовію хочу

Держать людей. Прослыть боится слабымъ

Лишь тотъ кто слабъ; а я силенъ довольно,

Чтобъ не бояться милостивымъ быть.

Но слишкомъ еще близки были времена Іоанна Грознаго, слишкомъ привыкла Россія къ страху. Подданные не въ состояніи были понять высокія цѣли и оцѣнить благія намѣренія царя. Благородная увѣренность въ силу добра, въ дѣйствиіи справедливости, благости, великодушія на грубое, испорченное общество обманывается Бориса. Все начатое имъ усердно для блага страны кончается неудачей, обращается лишь ему во вредъ, потому что онъ слишкомъ выше стоитъ тѣхъ людей которымъ такъ искренно желаетъ добра, считаетъ ихъ лучшими нежели они оказываются на дѣлѣ. Этотъ истинно трагическій мотивъ проведенъ съ большимъ искусствомъ. Въ немъ - то и заключается художественное значеніе этой драмы. Злодѣй, послѣ временнаго успѣха наказываемый за преступленіе, совершенное съ корыстною цѣлью, не есть

предметъ для трагедіи. Не есть предметъ для нея и безвинно гибнущій, нравственно безупречный человѣкъ. Кара постигающая злодѣя, удовлетворяя чувству справедливости, представляя наглядно лежащій въ природѣ вещей вѣчный законъ, производитъ, правда, эстетическое впечатлѣніе; но если лицо на которомъ этотъ законъ проявляется ничѣмъ не возбуждаетъ нашего сочувствія, если его слова и дѣла не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны для насъ, а служатъ только къ замедленію или ускоренію исключительно интересующаго насъ конца, то дѣйствіе остается вѣшнимъ, мы не сознаемъ связи между совершающимся на сценѣ и тѣмъ что существуетъ въ насъ самихъ; мы не видимъ тѣхъ колебаній, тѣхъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, того спора слабости съ твердостью, хорошихъ побужденій съ дурными наклонностями, изъ которыхъ слагается наша собственная жизнь, жизнь всякаго человѣка; предъ нами не выступаютъ во всей полнотѣ сокровенныя силы рѣшающія нашу судьбу точно также какъ и судьбу созданнаго поэтомъ лица. Участь злодѣя законна и естественна; но насъ она не касается. Мы одобряемъ показанный намъ примѣръ правосудія, и остаемся холодными. И такого холоднаго одобренія не вызываетъ у насъ гибель невиннаго. Напротивъ, она оскорбляетъ, возмущаетъ насъ, какъ нѣчто незаконное, неестественное. Это впечатлѣніе противуэстетическое. Причина возникновенія искусства, его *raison d'être* именно въ томъ заключается что видимая дѣятельность не удовлетворяетъ потребности присущей человѣческому духу, потребности правды, добра, красоты. Подавить въ себѣ эту потребность мы не можемъ, какъ бы ни старались. Мы не можемъ, еслибъ и хотѣли, отказаться отъ вѣры что существуютъ правда, добро, красота. Мы чувствуемъ ихъ присутствіе, испытываемъ ихъ дѣйствіе, но во очію не видимъ ихъ. Показать ихъ намъ призвано искусство. Оно нравится намъ, радуетъ насъ, возвышаетъ, улучшаетъ насъ умственно и нравственно потому только что наглядно представляетъ строй міроустройства, общую гармонию, которую не нарушаютъ частныя диссонансы. Воспроизводить эти диссонансы, не разрѣшая ихъ, изображать зло, не давая чувствовать его ничтожество, его призрачность въ общемъ порядкѣ вещей—противоположно самому смыслу, самому существу искусства. Не усиливать раздраженіе вызванное въ насъ противорѣчіемъ того что есть тому что

должно быть — составляет его задачу, и пробуждать и укрѣплять въ насъ сознаніе что это противорѣчіе только кажущееся, что законы управляющіе нашимъ духомъ управляютъ точно также и внѣшнимъ, окружающимъ насъ міромъ. Ничѣмъ не заслуженное страданіе столько же не художественно сколько несправедливо и неразумно. Драма возвращающаяся на такомъ мотивѣ была бы рядомъ раздражающихъ нервы, но не имѣющихъ смысла сценъ и оставила бы въ зрителѣ лишь утомленіе и неудовольствіе. За этимъ право не стоило бы ходить въ театрѣ. Внутренній голосъ говоритъ намъ что нѣтъ на свѣтѣ случайности, что все имѣетъ достаточную причину. Если въ томъ мірѣ въ которомъ живемъ мы эта причина часто отъ насъ скрывается, то въ созданномъ нами самими мірѣ искусства мы хотимъ ясно видѣть ее. Отказаться отъ этого требованія значитъ насиловать свою природу, наперекоръ себѣ производить то что сами мы находимъ нелѣпымъ. Мы можемъ не ловить разума царящаго въ окружающей насъ необъятной дѣйствительности и безропотно преклоняться предъ нимъ, но намѣренны сочинять непонятное человѣческому разуму — странная, неестественная причуда. Именно законность, разумность дѣйствительности, познаваемую, требуемую внутреннимъ чувствомъ, но ускользающую отъ внѣшнихъ чувствъ, и должно осязательно представлять намъ искусство и тѣмъ мирить насъ съ этою дѣйствительностью, устранять раздраженіе, озлобленіе, страданіе вызываемое случайностями, явленіями, причинами и цѣли которыхъ мы не въ силахъ уразумѣть. Вводить въ область искусства такія явленія значитъ отраду человѣка обращать на горе ему, сгущать произвольно темноту изъ которой непреодолимая потребность влечетъ насъ къ свѣту. Къ такимъ именно явленіямъ принадлежитъ встрѣчающаяся въ жизни, но недопускаемая нашимъ разумомъ и внутреннимъ чувствомъ побѣда зла надъ добромъ, гибель невиннаго. Такая случайность не имѣетъ въ себѣ ничего художественнаго, слѣдовательно ничего трагическаго. Трагизмъ заключается не въ борьбѣ со слѣпою, бессмысленною силой, не въ судьбѣ неизвѣстно какъ и за что овладѣвшей человѣкомъ, а въ неизбежныхъ, необходимыхъ послѣдствіяхъ его собственныхъ свободныхъ дѣйствій. Если человѣкъ своею волею нарушаетъ познаваемый имъ самимъ нравственный законъ, если онъ наперекоръ своей совѣсти совершаетъ злое дѣло, хотя

бы въ надеждѣ достигнуть благихъ, высокихъ цѣлей, тогда только онъ подпадаетъ подъ власть вызванной имъ самимъ неотра-
зимою уже судьбы. Неудачи, враждебно слагающіяся обстоя-
тельства и конечная гибель не болѣе какъ проявленіе, есте-
ственное слѣдствіе внутренняго разстройства, болѣзни вне-
сенной въ душу преступленіемъ. Роковое развитіе этой бо-
лѣзни, искажающей первоначальную красоту организма, при-
чиненный сознаниемъ виновности разладъ душевныхъ силъ,
сказывающійся въ неслѣдовательности, нецѣлесообразности
дѣйствій, которыя вмѣсто желаемой пользы приносятъ вредъ,
вызываютъ бѣдствія—вотъ настоящее содержаніе трагедіи.
Чтобы производить въ насъ тотъ подъемъ духа какой чув-
ствуемъ мы предъ истинно-художественнымъ произведеніемъ
чтобы дѣйствительно быть трагическимъ, лицо созданное
поэтомъ должно являться не безвинною жертвой, которой ги-
бель возмущала бы насъ, и не злодѣемъ, въ которомъ мы не
могли бы принимать никакого участія. Мы должны видѣть
преступленіе, нарушеніе нравственнаго закона, влекущее
за собой справедливую, необходимую кару; преступленіе это
должно быть совершено свободною волей, отumanенною, со-
блазненной понятными намъ побужденіями, и зло, ярко пред-
ставляющееся предъ нами, должно лишь наглядно свидѣтель-
ствовать о вѣчномъ благѣ. Эту задачу трагедіи хорошо
понялъ и исполнилъ Толстой. Высокія цѣли, могучія дарова-
нія срались съ дурными побужденіями чтобы привести
Бориса къ преступному дѣлу. Сознавая свое превосходство надъ
окружающимъ обществомъ, чувствуя въ себѣ искреннее же-
ланіе добра народу, страданій котораго былъ долго свидѣте-
лемъ, Борисъ приучилъ себя къ мысли что какимъ бы лу-
темъ ни достигъ онъ престола его воцареніе будетъ сча-
стіемъ для Россіи; увѣрилъ себя что для Россіи, а не
изъ личныхъ побужденій совершаетъ онъ преступленіе.
Совершивъ его, достигнувъ цѣли, онъ хочетъ забыть о немъ,
хочетъ чтобы никому не приходило въ голову заподозрить
чистоту царя. Но ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ
глазахъ другихъ ему не удастся стереть пятно лежащее
на его совѣсти, разсвѣтъ тѣнь омрачающую блескъ его ве-
личія. Онъ искренно отдается весь заботамъ о благѣ своей
страны; онъ не допускаетъ чтобы личныя соображенія
въ чемъ-либо вліяли на общественныя и государственныя
дѣла. Но общество не понимаетъ его намѣреній; его побу-

жденія перетолковываются; тайные враги пользуются его кротостью и великодушіемъ чтобы возбуждать противъ него неудовольствіе; бояре между собой смѣются надъ нимъ, мутятъ почти открыто народъ. Въ сознаніи своей силы, своей искренности, Борисъ пренебрегаетъ неразумными толками, недоброжелательными рѣчами, затаенною злобой. Чрезмѣрная увѣренность въ себя, побудившая его когда-то рѣшиться на преступленіе, и теперь отуманиваетъ его умъ, лишаетъ его собственной ему проницательности. Онъ не хочетъ видѣть накопляющихся опасностей, бесплодности своихъ стараній. Вотъ проносится слухъ что царевичъ Димитрій живъ. Борисъ не выходитъ изъ себя, не теряется мгновенно, какъ у Пушкина, лишь только слухъ этотъ коснулся его ушей. Вопросъ государственный и тутъ является ему прежде личнаго вопроса: онъ видитъ въ нелѣпой молвѣ злостный умыселъ, намѣреніе подорвать любовь къ нему Россіи: этого допустить онъ не хочетъ; этого онъ себя считаетъ и въ правѣ терпѣть. Пока Семень Годуновъ уговариваетъ его принять строгія мѣры противъ бояръ, онъ говоритъ про себя:

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть. Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ сватына
Она жила.

Затѣмъ, обращаясь къ Семену Годунову:

... Если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться—
Въ тюрьму его!

Оставшись одинъ Борисъ ищетъ оправданія той строгости къ которой считаетъ себя обязаннымъ прибѣгнуть, и въ дѣйствіи которой не сомнѣвается:

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но и не Федоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть что съ дороги
Отклонитъ насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею,
Имъ гнѣвъ явить и кару я сумѣю.

Увѣренность въ себя не покидаетъ его. Лишь незамѣтно лчныя побужденія: досада, тревога, боязнь за себя, примѣшиваются къ государственной необходимости, оправдываются, прикрываются ею. Разъ отклонившись отъ дороги которою хотѣлъ идти, Борисъ все болѣе и болѣе отъ нея отклоняется. Онъ уже хочетъ внушить тотъ страхъ который въ началѣ считалъ нужнымъ, изъ кроткаго онъ становится грознымъ, милости смѣняются казнями, дурныя чувства все болѣе берутъ въ немъ верхъ надъ хорошими, внутренняя тревога усиливается и вмѣстѣ съ тѣмъ все растетъ опасность, которую онъ надѣялся легко уничтожить. Борисъ видитъ что врагъ сильнѣе чѣмъ онъ думалъ, онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ совершающуюся перемѣну, уже шевелится въ немъ мысль, не на заблужденіи ли основалъ онъ свою дѣятельность, не даромъ ли совершилъ преступленіе. Но онъ подавляетъ въ себѣ эту мысль, онъ старается увѣрить себя что побѣда надъ этимъ врагомъ все-таки несомнѣнна, что перемѣна эта только временная.

Возможно ль?—

говорить онъ себѣ:—

Меня бродяга измѣнить заставить
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ жъ свѣтъ тотъ лучезарный
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ
Когда къ нему я темной шелъ стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

И опять, въ виду свирѣпствующаго голода, живое состраданіе къ бѣдствующему народу, благородный порывъ сказывается въ этой смущенной душѣ вмѣстѣ съ умнымъ расчетомъ. Борисъ говоритъ Семену Годунову:

Когда вѣнецъ мой царскій я пріялъ,
Я общалъ послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать чѣмъ допустить чтобъ былъ
Кто-либо нищъ или бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну

И раздавать народу: царь де помнитъ
 Чтѣ обѣщалъ. Когда казны не станетъ,
 Онъ серебро и золото отдастъ,
 Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
 Свою отдастъ—но чтобъ лухихъ людей
 Не слушали; чтобъ ловили всѣхъ
 Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
 Произнести.

Но ни жестокость, ни доброта, ни тонкій умъ не отвратятъ уже неизбѣжной судьбы. Тѣни сгущаются вокругъ Бориса и въ немъ самомъ. Разладъ изъ общественной жизни проникаетъ въ домашнюю жизнь. Носящіеся всюду слухи доходятъ до Ѳедора и Ксеніи. Они видятъ волненіе въ народѣ, видятъ перемѣну въ отцѣ, и тяжелое горе, мучительное сомнѣніе закрадывается въ ихъ душу. Движимые горячею любовью къ отцу, они съ безпощадностью невѣдѣнія затрогиваютъ затаенную его рану. До самой глубины потрясается виновная совѣсть Бориса. Ѳедоръ проситъ чтобъ его послали встрѣтить грозящую Россіи опасность, и когда Борисъ отвѣчаетъ что опасности нѣтъ, что не царевичу сражаться съ темнымъ воромъ, онъ спрашиваетъ, зачѣмъ же посылаютъ противъ этого вора князя Мстиславскаго, зачѣмъ велѣно хватать всѣхъ кто произноситъ имя покойнаго Дмитрія, зачѣмъ, если нѣтъ опасности, строгія мѣры? За Ѳедоромъ приходитъ Ксенія.

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь какъ будто ты какую
 Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
 Ты молвилъ правду—понесла утрату
 Я страшную! Не я одна, мы всѣ,
 Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
 Утратили мы всѣ—ты сталъ не тотъ!
 Куда твоя дѣвалась благость? Ты ли,
 Ты ль это предо мною? Когда бывало
 Народу ты показывался—радость
 Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
 Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ;
 Теперь же—о какая перемѣна!
 Теперь со страхомъ смотрятъ на тебя!
 Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепетъ;

Ужь были казни; о доносахъ шепчуть,
 Которые ты награждать ведаешь.
 Москва дрожить. Такъ было, говорятъ,
 Во времена царя Ивана.

БОРИСЪ.

Ксенья!

КСЕНИЯ.

Ты сталъ жестокъ.

БОРИСЪ.

Опомнись, Ксенья! Ты
 Меня довольно знаешь. Если я,
 Котораго терпѣнїе тебѣ
 Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать,
 То стало-быть я не могу иначе!
 Ты то пойми.

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, этого понять
 Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
 Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
 Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
 Ты чистъ какъ день! Презрѣнїемъ лишь долженъ
 Ты отвѣчать на эту клевету.

Что долженъ чувствовать убійца при этихъ словахъ дочери? Не должно ли мучительное смятеніе охватить его душу? А снаружи опасность растетъ и растетъ. Является Шуйскій. „Что? утихаютъ толки?“ спрашиваетъ Борисъ.

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужь и не знаешь право
 Кого хватать, кого не трогать. Всѣ
 Одно наладили. Куда ни сунься,
 Все та же лѣсня: царь Борисъ хотѣлъ де
 Димитрія Царевича извести,
 Но Божиимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
 И будетъ скоро...

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!

Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня
 Что много ихъ? Но если бъ сотни тысячъ
 Меня въ глаза убійцей называли—
 Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться

Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я жь его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винятъ упорно?
Такъ я жь упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ кто изъ насъ устанетъ прежде!

Вотъ какъ оказалось уже сознаніе превосходства надъ
окружающимъ. А вотъ что между тѣмъ говорятъ бояре в
домъ Ѳедора Никитича Романова.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ (*наливая вина*).

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разумчиво ужь больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А если такъ,
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Ну-те жь:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нозъ покорить!

СИЦКІЙ,

А ужь не мало

Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКИЙ

Ты о Татарахъ что ли?

РЕПНИНЪ.

Аль можетъ о Татаринъ?

СИЦКИЙ.

Нѣтъ, этотъ

Еще крѣпокъ!

АЛЕКСѢЙ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взять.

Входитъ Шуйскій. Ѳеодоръ Никитичъ спрашиваетъ его:
"Ты сверху?"

ШУЙСКИЙ.

Былъ наверху.

ѲЕОДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну что жъ?

ШУЙСКИЙ.

Все слава Богу.

Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКИЙ.

Что ты? Кому?

СИЦКИЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКИЙ.

Да вѣкъ кто скажетъ

Что Дмитрія извелъ онъ, аль что Дмитрій

Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ же быть?

ЧЕРКАССКИЙ.

Что жъ надо говорить?

ШУЙСКИЙ.

А то что было

При Ѳеодорѣ приказано: что Дмитрій

Въ недугъ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно

Ужъ онъ чиниться пересталъ. Да развѣ

Онъ казнями кого переувѣритъ?

ШУЙСКИЙ.

Пуškai казнитъ; мѣшать ему не надо.

СИЦКИЙ.

Какъ не смекнетъ онъ что когда къ Москвѣ
Подступитъ тотъ, ему не одобровать?

ШУЙСКИЙ.

На каждого на мудреца довольно
Есть простоты. Когда жъ мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видить что обчелся,
Тутъ и пошелъ лаутать.

Острое оружіе ломается въ рукахъ Бориса; сила его сама себя лишь истощаетъ безплодно; увѣренность въ ней покидаетъ его. Онъ чувствуетъ себя осужденнымъ судьбой, чувствуетъ что не одолѣетъ ея, но не хочетъ однако признать ея справедливости, хочетъ бороться съ нею до конца. Лишенный сна, въ полубреду, преслѣдуемый грозными видѣніями, бродитъ онъ ночью по своему дворцу. Вотъ престольная палата. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу. Двое часовыхъ стоятъ у дверей. Имъ жутко въ обширной, пустой, блѣднымъ мерцаніемъ озаренной комнатѣ. Они вполголоса говорятъ о томъ какъ страшно измѣнились въ послѣднее время наружность царя. Слышится шорохъ, скрилъ двери, шаги. „Кто идетъ?“ восклицаетъ въ испугѣ одинъ часовой. „Молчи, молчи! онъ самъ!“ шепчетъ ему другой.

Борисъ (въ рубахѣ, ловерхъ которой накинута плащевъ входитъ ихъ не замѣчая).

„Убить, но живъ“!

Меня съ одра все тотъ же призракъ гонитъ.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покою находитъ,
Въ ростъ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя! Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ и день и ночь
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется
Кружась безъ отдыха.... „Убить, но живъ“!
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятыя даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я—
Когда онъ живъ—зачѣмъ же я, какъ Каинъ,

Брожу теперь? Безвинностью моею
 Я заплатилъ за эту смерть, душою
 Её купилъ! Я требую чтобъ торгъ
 Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату—
 Такъ пусть же мой противникъ вправду сгинетъ,
 Иль пусть опять безвиненъ буду я!

(Осматривается)

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
 Гдѣ въ день вѣнчанья моего я въ блескѣ
 Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ.
 Онъ мой еще! Съ помазанной главы
 Тѣнь не сорветъ вѣнца!

(Подходитъ и отступаетъ въ ужасъ)

Престолъ мой занять!

(Приходитъ въ себя)

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ....
 Безумный бредъ! Все та же мысль! Рожденье
 Безсонницы!... Но нѣтъ, я точно вижу....
 Вновь что-то тамъ колеблется, какъ дымъ—
 Сгущается и образомъ стать хочетъ!
 Ты—ты! Я знаю чѣмъ ты хочешь стать!
 Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами.

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говорить?

(Увидѣвъ часовыхъ)

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
 Подслушивать?

ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ.

Великій государь—

Наряжены мы теремъ караулить...

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ же ваши очи?
 Смотри туда! Что на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь.... я ничего не вижу!

БОРИСЪ.

Такъ подойди жь и бердышемъ своимъ
Ударь въ престолъ. Чего дрожишь? Иди!
Ударь въ престолъ!

(Часовой подходит къ престолу)

Стой! Воротись! Не надо!

Я надъ тобой смѣялся. Развѣ ты
Не видишь, трусь, что это мѣсяцъ свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и не вѣсть что
Почудилось!

Болѣзнь достигла полного развитія, ясно уже чувствуется близость катастрофы. И катастрофа совершается въ такую минуту когда никто не ждетъ ея. На пиру въ честь Басманова Борисъ, указывая боярамъ на сына своего Федора, какъ на того кто окончитъ начатое отцомъ,—лодымаеть за него заздравный кубокъ, вдругъ мѣняется въ лицѣ, шатается, ему дѣлается дурно. „Ахъ Господи,“ восклицаетъ царица, — „не и роста случился грѣхъ! Знать тутъ была отрава!“

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Отравленъ царь.

БОРИСЪ.

Нѣтъ, не было отравы!

Иль мните вы, безсильна скорбь одна
Разрушить плоть?

Тутъ только, любѣжденный, умирая, признаетъ онъ несокрушимость вѣчнаго нравственного закона:

....Господь караетъ ложь!

Отъ зла лишь зло родится; все едино:

Себѣ ль мы имъ хотимъ служить, иль царству,
Оно ни намъ, ни царству въ прокъ нейдетъ!

Мы старались выписками, можетъ-быть слишкомъ длинными, показать ходъ и развитіе драмы. Но выписки, какъ ни длинны онѣ, могутъ дать лишь слабое понятіе о цѣломъ. Не торопливо, съ любовію долженъ работать художникъ чтобы воллотить виднѣющуюся ему красоту, и не торопливо съ любовію должны мы взглядѣться въ художественное произведеніе чтобы вся красота его предстала намъ. Не разсѣянно просмотрѣть три-четыре дѣйствія въ театрѣ, между обѣдомъ и ужиномъ, не бѣгло прочесть надо драму, на которую были потрачены можетъ-быть годы труда, чтобы откры-

лось намъ все ея содержаніе, чтобъ она дала намъ все что можетъ дать. Кто удѣлялъ не разъ по нѣскольку свободныхъ спокойныхъ часовъ *Царю Борису*, тотъ, мы увѣрены, не жалѣетъ объ этихъ часахъ.

Самое извѣстное можетъ-быть изъ произведеній графа А. К. Голицына лирическая поэма *Іоаннъ Дамаскинъ*. Тутъ затрогивается струна всего живѣе и глубже отзывающаяся въ душѣ самого автора: любовь художника къ своему искусству, потребность поэзіи для поэта. Теплая искренность слышится въ просьбѣ Іоанна уволить его отъ несродныхъ ему государственныхъ дѣлъ, отъ милостей не имѣющихъ для него цѣны. Блага завидныя другимъ тяготятъ поэта который мечтаетъ объ уединеніи, гдѣ онъ могъ бы

Двора волненія забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.....
И тяжкой душой обуянъ,
Тоска въ душѣ и скорбь на лицѣ,
Вошелъ правитель Іоаннъ
Въ чертогъ Дамасскаго владыки:
— О, государь, внимли! Мой санъ,
Величье, пышность, власть и сила—
Все мнѣ несносно, все постыло!
Инымъ призваніемъ влекомъ,
Я не могу народомъ править!
Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ;
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружинъ
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все бодрѣ —
О, отпусти меня калифъ!
Дозволь дышать и лѣтъ на волю!

Калифъ предлагаетъ ему полцарства, но и это не лѣняетъ того

Кому Господь дозволялъ взглядъ
Въ то сокровенное горнило,
Гдѣ первообразы кипятъ,
Трепещутъ творческія силы.

Іоаннъ повторяетъ свою просьбу:

О, отпусти меня, кааифъ!

Дозволь дышать и лѣтъ на волѣ!

Найдемъ ли мы въ этихъ строкахъ вѣрный мотивъ, глубокое чувство, или покажутся онѣ намъ пустымъ наборомъ словъ—это зависитъ отъ того считаемъ ли мы поэзію, искусство вообще, серіознымъ дѣломъ, которому въ правѣ всецѣло предаться человѣкъ, или прелпровожденіемъ времени, которымъ позволительно только развлекаться между другими занятіями. Къ этому вопросу, говоря о поэтѣ, поневолѣ постоянно возвращаешься: имъ обусловливается оцѣнка всякаго художественнаго произведенія. Но вопросъ этотъ такого рода что никогда не рѣшится для всѣхъ одинаково, потому что онъ не можетъ быть рѣшенъ однимъ разсужденіемъ. Цѣль искусства, говорятъ, удовольствіе. Спрашивается: что доставляетъ намъ удовольствіе? Очевидно то что согласуется съ нашею природой, содѣйствуетъ такъ или иначе нашему благосостоянію, удовлетворяетъ какой-нибудь нашей потребности. Не это ли же цѣль другихъ нашихъ дѣлъ и работъ? Можно ли представить себѣ чтобы человѣкъ охотой посвятилъ себя чему-нибудь что доставляло бы ему неудовольствіе, уменьшало бы его благосостояніе, противорѣчило бы его природѣ? Если мы трудимся не жалѣя себя, если мы подвергаемся лишеніямъ, опасностямъ, то не потому ли что благо котораго мы достигаемъ цѣннѣе для насъ тѣхъ благъ которыми мы жертвуемъ; не потому ли, другими словами, что удовольствіе доставляемое намъ трудомъ, лишеніями, опасностями, перевѣшиваетъ причиняемые имъ непріятныя ощущенія? Ясно что блага доступныя человѣку, а слѣдовательно и доступныя ему удовольствія, имѣютъ разныя степени. Есть такія которыя онъ раздѣляетъ съ животными, есть такія которыя принадлежатъ ему одному. Вкусная пища, удобное житье, всѣ воспринимаемыя лѣтѣ чувствами пріятныя ощущенія, не составляютъ исключительной принадлежности человѣка, но ему одному принадлежитъ испытывать удовольствіе отъ того что не воспринимается внѣшними чувствами: отъ справедливости, отъ самоотверженія, отъ истины. Ему принадлежитъ способность такимъ неосозаемымъ благамъ придавать осязательную форму, создавать предметы показывающіе наглядно все что есть луч-

шаго вокругъ него и въ немъ самомъ. Это дѣлаетъ искусство. Почему же будемъ мы отрицать его пользу? Почему, если все что намъ полезно тѣмъ самымъ доставляетъ намъ удовольствіе, и наоборотъ, будемъ мы считать искусство менѣе серіознымъ занятіемъ нежели другія занятія, удовлетворяющія различнымъ потребностямъ человѣка?

Все это хорошо; бѣда только въ томъ что я отрицаю самую исходную точку этого длиннаго и казалось бы послѣдовательнаго разсужденія. Мнѣ искусство не доставляетъ удовольствія. Глядя на строеніе, на статую, на картину, слушая музыку, читая стихотвореніе, я не испытываю ощущенія болѣе пріятнаго чѣмъ когда гляжу на обои, на кресло, на лампу, слушаю бой часовъ, читаю *Полицейскія Вѣдомости*. Стало-быть я не могу признать искусство серіознымъ дѣломъ, не вижу пользы какую оно приноситъ. На такое возраженіе нечего отвѣчать. Красота опредѣляется чувствомъ и не существуетъ помимо его. Нельзя доказать умозрительно, логическимъ разсужденіемъ, что извѣстное сочетаніе линій, красокъ и звуковъ пріятно. Если я не ощущаю этого, то этого нѣтъ для меня. Я въ правѣ отрицать для себя пользу искусства, но не въ правѣ отрицать ее для другихъ. Изъ того что я не бросилъ бы дворъ калифа для стелмой глуши не слѣдуетъ чтобъ Іоаннъ Дамаскинъ не долженъ былъ бросить его.

Живая, свѣтлая радость наполняетъ душу поэта, когда раздавъ казну свою бѣднымъ, замѣнивъ богатый уборъ простою одеждой, онъ съ посохомъ и сумой выходитъ изъ стѣнъ дворца въ широкое приволье лѣсовъ и полей:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищій я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами елтъ!

О, еслибъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу закаючить!

Иоаннъ идетъ въ пустынную обитель. Тамъ среди простыхъ набожныхъ отшельниковъ онъ надѣется свободно и сецѣло отдаться своему призванію, словами и звуками возвѣщать и славить вѣчную правду.

И вотъ, спускаясь по скаламъ,
При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
Подходитъ странникъ къ воротамъ.
— Тебя привѣтствую, пустыня!
Къ тебѣ стремился я всегда!
Будь мнѣ убѣжищемъ отъ мнѣ,
Пріютомъ плѣсень и труда.
Всѣ полеченія мірскія
Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
Приноситъ вамъ, отцы святыя,
Свой даръ и гуслаи новый братъ.

Но вмѣсто желанной свободы поэтъ встрѣчаетъ неволь болѣе тяжкая чѣмъ та отъ которой ушелъ онъ. Не всѣмъ понятна тѣсная связь искусства съ вѣрой, не всѣ сознаютъ что воспроизводитъ рѣзцомъ, кистью, звуками и словами вѣчную красоту Божіихъ твореній, значить тоже служить Творцу. Односторонній аскетизмъ видитъ въ Божьемъ дарѣ соблазнъ, въ мечтахъ поета грѣховную гордость.

Держать посты уставы намъ велятъ,
Служенья жъ мы не вѣдаемъ иного,
говорить суровый старецъ Иоанну.—
Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню
Умѣй мечты житейскія попрасть,
И на уста, смиливъ свою гордыню,
Ты наложи молчанія печать.

Нежданннй приговоръ какъ громъ поражаетъ плѣвца.

И неподвижно долго онъ стоялъ,
Безмолвно опустивъ на землю очи,
Какъ будто бы отвѣта онъ искалъ—
Но отвѣчать не доставало мочи.
И тихо началъ онъ:—Всю бодрость силъ,
И мысли всѣ, и всѣ мои стремленья
Одной я только цѣли посвятилъ:
Хвалить Творца и славить въ плѣснопѣньи.

Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать—
 Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ;
 Весельемъ сердце не разыграетъ боль,
 Уста сомкнеть молчанія печать.
 Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
 Чтò я не разъ въ молитвахъ обѣщалъ!
 Моей отрадой было пѣ斯科пѣнье—
 И въ жертву ты, Господь, его избралъ.
 Настаньте жь дни томленія и муки!
 Прости, мой даръ! Ложись на гуси прахъ!
 А вы, въ груди взлетѣнные звуки,
 Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!

И вотъ Іоанна охватываетъ безмолвіе суровой, слаленной
 пустыни.

Въ глубокомъ ущельи,
 Какъ гнѣзда стрижей
 По желтымъ обрывамъ темнѣютъ пустынные кельи,
 Но рѣчи не слышно ницѣй.
 Все тихо, пока не сберется къ служенью
 Отшельниковъ рой,
 И вторить тогда ихъ обрядному пѣнью
 Одинъ отголосокъ глухой.
 А тамъ надъ краями долины,
 Безлюдной пустыни царить торжество,
 И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
 Все пусто кругомъ и мертво.
 Какъ жгучее бремя,
 Такъ небо усталую землю гнететъ,
 И кажется будто бы время
 Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полетъ.
 Порой отдаленное слышно рычанье
 Голоднаго льва;
 И снова наступитъ молчанье,
 И снова шумить лишь сухая трава,
 Когда изъ-подъ камней змѣя выползая
 Блеснетъ чешуей...

Наконецъ предъ смиреніемъ, предъ усердіемъ, предъ нрав-
 ственною силой Іоанна колеблется самоувѣренность стараго
 монаха: въ немъ пробуждается сознаніе что не гонимый имъ
 пѣвецъ, а самъ онъ грѣшенъ въ гордости, что поэтический
 даръ кажется ему безплоднымъ, ненужнымъ, потому только что
 самъ онъ имъ не обладаетъ. Ему является видѣнье. „Почто ты
 гонишь Іоанна?“—говорить оно:—

Его молитвенные звуки
 Какъ голосъ неба для земли
 Въ сердца послушныя текуи,
 Врачуя горести и муки.
 Почто жъ ты, старецъ, заградилъ
 Нещадно тотъ источникъ сильный,
 Который міръ бы напоилъ
 Водой цѣлебной и обильной?
 На то ли жизни благодать
 Господь послалъ своимъ созданьямъ,
 Чтобъ имъ безплоднымъ истязаньемъ
 Себя казнить и убивать?

Но радость поэта которому ничто уже не мѣшаетъ жить для поэзіи не такъ удалось Толстому выразить какъ горе причиненное непониманіемъ; можетъ-быть оттого что последнее чувство было ему знакомѣе перваго. Въ концѣ *Іоанна Дамаскина* мы видимъ ту искусственность которая показываетъ что авторъ старается произвести на читателя такое впечатлѣніе какого самъ не испытываетъ въ то время какъ пишетъ.

Между стихотвореніями А. К. Толстаго значительное мѣсто занимаютъ такъ-называемыя былины. Лучшими изъ нихъ кажутся намъ: *Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь*, *Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославѣ*, *Канутъ*, *Знѣ Тугаринѣ*, *Сватовство*. Это старыя сказанія, пересказанныя языкомъ старающимся приблизиться къ старому народному. Можно спорить о достоинствѣ этого рода произведеній, этого языка. Тутъ, несомнѣнно, много искусственнаго. Трудно возсоздать воображеніемъ богатырскій бытъ; трудно даже напомнить складъ рѣчи временъ Владиміра. Но эпитетскій міръ такъ полонъ могучей свѣжей поэзіи что и блѣдное отраженіе его дѣйствуетъ на насъ обаятельно. Въ этой далекой, полузабытой старинѣ чувствуется намъ что-то близкое, родное, и любовь къ ней поэта заставляетъ забыть неисполнимость его задачи. Лица очерчены слабо и произвольно, событія переиначены, но существенные мотивы схвачены вѣрно. Пусть Корсунъ былъ взятъ не такъ какъ разказывается въ пѣснѣ Толстаго, но переломъ совершившійся въ душѣ Владиміра подъ вліяніемъ христіанства выраженъ ярко. Мы видимъ грознаго воина возвращающагося съ похода другимъ человекомъ.

Плаваетъ и священства и дьяконства хоръ
 Съ ладьею Владиміра рядомъ;
 Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
 Они оглашаютъ днѣпровскій просторъ
 Уставнымъ дѣтствомъ ладомъ.
 Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
 Запѣвъ начинаютъ дружины,
 И громко докочется съ разныхъ сторонъ
 Завѣтные пѣски минувшихъ временъ
 И дней богатырскихъ быliny.
 Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
 Плаваютъ ихъ ладей вереницы;
 И вотъ, передъ ними, на лѣвой рукѣ,
 Все выше и выше растетъ вдалекѣ
 Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.
 Владиміръ съ княжаго сѣдалища всталъ—
 Прервалось весельщиковъ пѣнье,
 И мигъ тишины и молчанья насталъ,
 И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
 Открылося новое зрѣніе.
 Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
 Почуялась правда Господня,
 И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
 И мнится Владиміру, въ первый онъ разъ
 Свой городъ увидѣлъ сегодня...
 И палъ на дружину Владиміра взоръ—
 „Вамъ, други, до нынѣ со мною
 Стяжали побѣду лишь мечъ да топоръ;
 Но время настало, и мы съ этихъ поръ
 Сильны еще силою иною.“

Краски картины принадлежать фантазіи, а не исторіи, но краски эти теплы и живы. Не то что отжило изобразилъ намъ поэтъ, а то что и теперь живетъ въ насъ. Не разстояніе отдѣляющее насъ отъ прошедшаго представляется намъ, а внутренняя, тѣсная связь съ нимъ, не порванная временемъ и событіями. Вотъ правда, искушающая все что есть ложнаго въ этихъ „былинахъ“, дающая имъ, несмотря на всѣ недостатки, художественную цѣну. На языкъ ихъ стоить обратить вниманіе. Онъ отступаетъ отъ принятаго у насъ такъ-называемаго литературнаго языка. Гдѣ только представляется случай, поэтъ употребляетъ старыя слова, замѣняетъ книжные обороты рѣчи народными или разговорными.

Дворъ твой, княже, мнѣ не диво,
сердито ворчитъ Илья Муромецъ,

Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!...
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ,
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ.
Душно въ Кіевѣ, что въ скрынѣ,
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!
Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою—
Ну же, ну, шагай, чубарый!
Уноси Илью!

Жена пишетъ Кануту:

....Супругъ мой и князь!
Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
Похалъ въ Роскильду, въ багрець нарядясь,
На Магнуса ты приглашенье.
Багрець твой сталъ кровью въ его терему,
Супругъ мой! Молю тебя слезно:
Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
Любимый, желанный, болѣзненный!

Я городъ Мессину въ разорѣ разорилъ,
говорить Гаральдъ Ярославу.

Непривычныя выраженія и сочетанія словъ встрѣчаются поминутно. Въ нихъ почитатели книжной рѣчи конечно усмотрятъ недостатокъ, но по нашему мнѣнію они составляютъ существенное достоинство, не малую заслугу. Нашъ русскій, богатый и сильный языкъ, бѣднѣетъ и слабѣетъ подъ вліяніемъ выдуманныхъ правилъ, произвольныхъ стѣсненій, неразумнаго подлаживанья подъ чужіе языки. Выучившись иностраннымъ грамматикамъ, мы наложили готовые рамки на живой, еще слагающійся, не выработавшійся вполнѣ организмъ, и все что не входило въ эти рамки отбросили какъ ненужное, негодное. Такимъ образомъ мы искусственно остановили естественное развитіе языка, намѣренно отняли у него то именно въ чемъ

заключается его отличительный характеръ, его такъ-сказать индивидуальная жизнь. Отъ такого насилія потускнѣли краски свойственныя здоровью, пропала свободная гибкость, движеніе замѣнилось застоємъ, оскудѣли формы, предназначенныя вмѣщать все обиліе разнообразнаго, безпрестанно мѣняющагося содержанія. Кто давалъ себѣ трудъ сравнить внимательно русскій переводъ французскаго, нѣмецкаго или англійскаго литературнаго произведенія съ подлинникомъ, тотъ не могъ не замѣтить какъ безцвѣтно, тяжело и вяло выходить въ переводѣ то что въ подлинникѣ полно легкихъ, тонкихъ, игривыхъ оттѣнковъ. Помочь причиненной нами самими бѣдности языка—одно средство: сойти наконецъ съ ложнаго пути на который вступили мы по недоразумѣнію, сбросить оковы добровольно на себя наложенныя, обратиться къ живымъ источникамъ, еще не изсякшимъ въ нашемъ народѣ, къ забыванной намъ стариной сокровищницѣ, слишкомъ долго уже остававшейся въ пренебреженіи. Областной говоръ, памятники древней русской рѣчи полны и теперь той силы, той выразительности которой недостаетъ нашему такъ-называемому литературному языку. Не чуждаться ихъ долженъ онъ, а съ любовью и смысломъ принимать отъ нихъ; перерабатывать, развивать все самородное, первобытное, своеобразное. Этимъ только путемъ можно достигнуть того обогащенія котораго мы напрасно ожидаемъ отъ присвоенія иностранныхъ словъ. Внося въ языкъ безъ разбору чужое, несвойственное, несродное ему, мы не усиливаемъ, а ослабляемъ, искажаемъ его. Можно, конечно, въ случаѣ надобности, заимствовать у другихъ то чего намъ недостаетъ, но безъ нужды обращаться къ чужой помощи, брать непринадлежащее намъ, не желая знать того что наше по праву—странно и неразумно. Откажемся только отъ исключительности ни на чемъ не основанной, впомнимъ то что почему-то учили насъ забывать, рѣшимся вводить въ письменную рѣчь слова и обороты вышедшіе изъ употребленія, или не употреблявшіеся еще до сихъ поръ, и нашъ литературный языкъ оживится новою, полною, свѣжею жизнью. Всякій кто дѣлаетъ шагъ въ этомъ направленіи оказываетъ нашей литературѣ серіозную, существенную услугу. Такую услугу оказалъ ей графъ А. К. Толстой, не усомнившись пользоваться русскими выраженіями не встрѣчающимися въ образцахъ русской словесности.

На остальныхъ его произведеніяхъ не будемъ останавливаться. Драматическая поэма *Донъ-Жуанъ*, какъ показывается уже посвященіе ея памяти Моцарта и Гюфмана, написана подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма и представляетъ талантливыя сцены прерываемыя слишкомъ длинными утомительными монологами, проблески юмора перемѣшанные съ отвѣченными разсужденіями, поэтическіе порывы заглушаемые замысловатою искусственностью. Это одна изъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ въ которыхъ не выяснились мысли тѣснившіяся въ умѣ поэта, не очертились отчетливо образы носившіеся предъ его воображеніемъ, изъ отрывковъ, мѣстами прекрасныхъ, не создалось художественное цѣлое.

Мелкія стихотворенія Толстаго выражаютъ, какъ бываетъ обыкновенно, временное, мѣняющееся настроеніе: иныя изящно и ярко, другія неопредѣленно и сбивчиво. Во многихъ изъ нихъ содержаніе не уложилось въ форму, поэтъ не сказалъ того что хотѣлъ сказать. Часто замѣтна склонность къ разсужденію, нѣкоторая придуманность, нѣкоторая изысканность въ образахъ, но встрѣчаются легко набранныя картины на которыхъ глазъ отдыхаетъ, звуки которыхъ гармонія западаетъ въ душу.

Мы хотѣли напомнить поэта, не цѣнимаго, какъ намъ кажется, по достоинству, побудить читателя еще разъ заглянуть въ книгу находившуюся въ рукахъ у многихъ, но слишкомъ небрежно перелистываемую, слишкомъ рано отложенную въ сторону. Если горячая любовь къ искусству, серьезное пониманіе его задачи и добросовѣстное стараніе исполнить ее по мѣрѣ силъ, если талантъ, укрѣпляемый, отрезвляемый трудомъ, живая чуткость не къ минутнымъ только, а къ постояннымъ интересамъ общества и твердая вѣра въ силу идей заслуживаютъ вниманія и памяти, графъ А. К. Толстой не долженъ быть забытъ. Въ его произведеніяхъ можно найти не мало недостатковъ, но въ нихъ чувствуется всегда та высота духа, та нравственная чистота, которая составляетъ существенную черту истиннаго искусства и отсутствіе которой не вознаграждается даже гениальностью; въ нихъ чувствуется убѣжденіе автора что красота неразлучна съ правдой и добромъ.

И. ПАВЛОВЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

LXXXIII

Никогда еще такъ угрюмо не проходилъ завтракъ въ Сицкомъ какъ въ этотъ день. Отыгранный *Гамлетъ* словно унесъ съ собой и весь тотъ духъ оживленія и веселости которымъ дышало до сихъ поръ молодое общество нашихъ лицедѣевъ. Всѣ они какъ бы полпріуныли, какъ бы поопустились. Слѣды вчерашней усталости читались на ихъ лицахъ, вмѣстѣ съ ощущеніемъ какой-то пустоты и того необъяснимаго, но неизбѣжнаго безлокоиства которое овладѣваетъ каждымъ изъ потороннихъ лицъ въ домѣ, гдѣ между хозяевами происходитъ что-то неладное, какъ бы ни скрыто оно было отъ чужихъ глазъ.... А этимъ чѣмъ-то неладнымъ такъ и лахло теперь въ Сицкомъ. Непонятный отъѣздъ Надежды Ѳедоровны, о конечной цѣли котораго стало тотчасъ же извѣстнымъ во всѣхъ углахъ дома, отсутствіе княгини за завтракомъ, тоскаливое настроеніе княжны Лины и ея дяди, сквозившее сквозь ихъ обычную привѣтливость и спокойный видъ, лустыя

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 6, 7, 8 10, и 11.

наконецъ мѣста за столомъ (многія изъ пріѣзжихъ дамъ еще обрѣтались въ объятіяхъ сна, а московскіе женпремьеры, какъ оказывалось, уѣхали съ ранняго утра въ городъ, проводить къ Шнабельбергу, съ тѣмъ чтобы вернуться вечеромъ къ театру), все это вмѣстѣ взятое претворялось въ нѣчто тяжелое, гнетущее впечатлѣніе чего каждый чувствовалъ на себѣ, и чего никто какъ бы не имѣлъ силы страхнуть и сбросить съ себя.... Разговоръ не клеился, начинаемыя рѣчи тутъ же обрывались и смакались.... Одинъ, неизмѣнно все тотъ же, „фанатикъ“, ничего никогда не видѣвшій и въ умѣ не державшій кромѣ „театрика“ и участія своего въ немъ, жадно пожиралъ блюдо за блюдомъ, и мысленно улыбался чаемому услѣху своему въ роли Синичкина, да услѣвшій прослаться послѣ половки Толя Карнаухова усердно олохмѣлялся портвейномъ, таратора въ интервалахъ съ полусоннымъ еще дипломатомъ, промаявшимся все утро со своимъ катарромъ желудка.

Софья Николаевна Переверзина и Гундуровъ не сходили къ завтраку; Ашанинъ, явившійся къ нему ранѣе всѣхъ, въ надеждѣ поймать пріятеля и переговорить съ нимъ (онъ упрекалъ себя за то что какъ бы позабылъ со вчерашняго вечера о его сердечныхъ интересахъ), сидѣлъ теперь между Духовниковымъ и Факирскимъ, внимательно наблюдая за всѣмъ что происходило кругомъ него. Онъ съ особымъ прилежаніемъ слѣдилъ за игрой физіономій княжны Лины и блестящаго флигель-адъютанта, и ничего не зная разумѣется о происшедшемъ у нихъ объясненіи замѣчалъ не съ малымъ удивленіемъ что между ними какъ бы вдругъ перемѣнились отношенія: она глядѣла на Анисьева почти ласково каждый разъ когда онъ обращалъ къ ней рѣчь (ихъ отдѣляла тридцатилѣтняя московская княжна, занимавшая почетное мѣсто о десную хозяйки, представительницей которой была теперь Лина), сама нѣсколько разъ первая заговаривала съ нимъ.... „Что же это значить?“ спрашивалъ себя Ашанинъ, съ невольною тревогой за Сергѣя, отсутствіе котораго здѣсь еще болѣе увеличивало его безлокойство....

Уже всѣ сидѣли за столомъ когда въ комнату влетѣла Ольга Акулина, громко извиняясь.... Калитанъ Ранцевъ, сидѣвшій какъ на иголкахъ въ ожиданіи ея, распустилъ все лицо свое въ широкую улыбку, повернувъ его къ ней бѣдотподсолнечникъ къ дневному свѣтлу.... Ашанинъ послѣднимъ опустил глаза въ тарелку.

Проходя мимо князя Ларіона, Ольга, по обыкновенію, почтительно пристѣла предъ нимъ. Онъ отвѣтилъ ей такимъ холодно-короткимъ поклономъ, что у нея и у Апанина одновременно заглохнуло сердце... „Боже мой, неужели онъ какъ-нибудь узналъ!“ пробѣжала у обоихъ та же мысль, и оба они мгновенно покраснѣли до ушей.

Ранцевъ покраснѣлъ тоже отъ негодованія за даму своего сердца. Онъ повелъ злобнымъ взглядомъ по направлению князя и перекинувъ его тотчасъ на барышню:

— Не прикажете ли, Ольга Еллидифоровна? промолвилъ онъ своимъ густымъ басомъ, двинувъ порошнй подлѣ него стулъ.

Предложеніе оказалось неудачнымъ: точно, показалось ей, хотѣлъ онъ заявить о своемъ покровительствѣ ей послѣ этого обиднаго отвѣта князя Ларіона на ея учтивость, и ей лучше отъ того стало обидно.

— Не каждый день праздникъ! проговорила она высокомерно, скользя по немъ сердитымъ взглядомъ, и пройдя мимо опустила на свободный стулъ по другой сторонѣ графа Анисьева.

— Можно? спросила она его, сопровождая вопросъ соответствующимъ „газенапомъ“.

— Помилуйте!.. вскинулся онъ, учтиво кланаясь и улыбаясь.

Бѣдный капитанъ такъ и заглохъ отъ тоски и ревности....

— А гдѣ же татап, Луна? громкимъ голосомъ произнесла барышня, обращаясь къ княжнѣ (у нея скребли кошки на душѣ, и тѣмъ болѣе старалась она скрыть это подъ своимъ самоувѣреннымъ тономъ).

— У нея голова болитъ, она не сойдетъ.

— Я такъ заспалась сегодня, послѣ бала, не успѣла зайти къ ней предъ завтракомъ.... А вы рѣшительно таки ѣдете сегодня, или перемѣнили? полушелономъ спросила своего сосѣда Ольга, развертывая салфетку.

— Ъду, въ два часа, сказалъ флигель-адъютантъ.

— Какъ вамъ лисать, еслибъ это потребовалось? еще тише пропустила она.

— Потомъ! чуть слышно и торопливо отвѣтилъ онъ, приглашая ее взглядомъ къ молчанію.

Она замолчала, прищурившись оглянула столъ кругомъ и обратилась къ сидѣвшему по другой ея сторонѣ Шугареву:

— Что это насъ такъ мало сегодня? Куда вся вчерашняя компанія дѣвалась?

— Кто у Соликова, а кто у Храповицкаго, а кто въ отъѣзжій полкъ, въ Удиральскую роту записался, отвѣчалъ шутъ.

— Ахъ, какъ это старо! уронила свысока барышня, поморщившись,—вы бы что-нибудь новое выдумали!

— Нельзя, отвѣтилъ онъ, вытягивая естественно-длинное лицо,—послѣ насталъ, послѣ кутежа—кутья.

Она засмѣялась:

— Вотъ это правда; такія у всѣхъ лица сегодня будто за помѣнальнымъ обѣдомъ.... Надѣюсь что не такія они будутъ сегодня вечеромъ, на нашемъ торжествѣ съ вами, а?... Иванъ Ильичъ, крикнула она черезъ столъ Вальковскому,—будетъ у насъ утротъ релетидія?

— Непременно сварганимъ! отпустилъ въ отвѣтъ тотъ, отваливая себѣ полную тарелку грибовъ.

У самаго уха барышни зашепталъ въ эту минуту таинственно докладывавшій голосъ:

— Ихъ сіятельство княгиня Аглая Константиновна приказали просить васъ, какъ изволите откусать, немедленно пожаловать къ нимъ.

Ольга невольно вздрогнула и отъ неожиданности, и отъ новой тревоги; та же мысль что ея свиданіе съ Ашанинымъ могло быть кѣмъ-нибудь доведено до хозяевъ дома ходунотъ заходила теперь въ ея головѣ.... Но она никому не дала замѣтить своего смущенія, улыбнулась, сказала черезъ плечо слугѣ „хорошо сейчасъ буду“, и повернувъ голову ко флигель-адъютанту сказала ему шутливо:

— Княгиня рѣшительно безъ меня жить не можетъ,—сейчасъ прислала просить къ себѣ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, живо сказалъ тотъ,—позвольте мнѣ просить васъ узнать отъ княгини когда дозволить она мнѣ придти къ ней проститься.

— Непремѣнно, графъ, и приду съ отвѣтомъ.... Луна, pardon, я ухожу къ вашей маман, сказала она, подымаясь тутъ же.

Ашанинъ, едва кончился завтракъ, побѣжалъ на верхъ, къ Софѣ Ивановнѣ.

LXXXIV.

— Милочка моя, княгинюшка, прелесть моя, вбѣгая въ будуаръ княгини, щебетала Ольга Еллидифоровна обычные ей ласкательные эпитеты по адресу своей покровительницы, стараясь придать голосу своему и наружности выраженіе полной беззаботности и веселости,—вы за мной посылали! Какъ вамъ не стыдно! Неужели вы думаете что я бы сама... Но я ужасно заспалась сегодня, не услѣла еще... Княгинюшка моя, голубушка!...

И она съ разбѣга кинулась обнимать и лобызать ее.

Цѣлованья эти приходились повидимому по вкусу Аглаѣ Константиновнѣ: она только подставляла подъ свѣжія губы барышни то одну щеку, то другую, прищуривая при этомъ одинъ за другимъ круглые глаза свои и отвѣчая на каждый получаемый ею звонкій поцѣлуй не менѣе звонкимъ вздохомъ.

— Голубушка моя, княгинюшка, вскрикнула Ольга,—вы рѣшительно нездоровы! У васъ голова болитъ, — да?... Вы такъ вздыхаете... Что съ вами?..

— Ты меня спроси какъ я еще на ногахъ держусь послѣ всего что я вынесла! забывая даже сказать это по-французски,—такъ глубоко сидѣло въ ней огорченіе, — отвѣтила на это княгиня.

— Боже мой, что же такое случилось?

— *Lina et mon cher beau-frère ont décidé de me faire mourir de chagrin!...* И Аглая разразилась слезами....

Послѣдовало объясненіе,—объясненіе подробное, безтолковое, нестерпимое, со вставкой въ него всякихъ аховъ, возгласовъ и постороннихъ подробностей, въ которомъ на одномъ и томъ же планѣ стояли, какъ величины равномѣрныя, и „*désobéissance*“ Луны, которую „*cette madame Pereverzine et son neveu qui est un sans-culotte*“ совѣмъ съ ума свели, и огромный счетъ въ *douze mille francs* за вчерашній день, и воспоминанія объ „*infidélités*“ князя Михайлы, и „*trois cent mille de dettes*“ (то-есть, *trois cent mille roubles*), приписываемые „*au jeune comte par cette princesse Dodo qui est si méchante*“, и „*cette folle de Надежда Федоровна*“, влюбившаяся на старости лѣтъ въ Гундунова и на мѣсто кото-

рой Аглая теперь не знаетъ кого взять, и наконецъ „Larion“, который наговорилъ ей такихъ „impertinences“ за то что она любитъ „prendre le thé avec monsieur Зяблицъ“ какихъ она въ жизнь свою никогда еще не слыхала, и даже „il y avait un moment“ когда она „совсѣмъ“ думала что онъ приѣдетъ ее“...

Ольга слушала, старательно изображая на лицѣ своемъ вниманіе самаго сочувственнаго свойства, и говоря себѣ мысленно въ то же время что на мѣстѣ князя Ларіона она дѣйствительно „поколотила бы эту несносную дуру“, отъ разказовъ и жалобъ которой у нея начинало уже нестерпимо выть подъ ложечкой.... Но во всемъ этомъ было то хорошо что о ней и объ Апанія въ не было рѣчи, что опасенія ея такимъ образомъ оказывались неосновательными....

Какъ же выразить изумленіе и ужасъ нашей барышни, когда въ заключеніе слезнаго повѣствованія Аглаи Константиновны о ея горестяхъ услышала она слѣдующія слова:

— И онъ (то-есть князь Ларіонъ) прямо, en toutes lettres объявилъ мнѣ уходя что онъ не хочетъ чтобы Луиза épouse le jeune comte, что онъ этого мнѣ не позволитъ... понимаешь ты это? не позволитъ à moi, sa mère, qui l'ai mise au mo de!.. и также то что ты должна уѣхать отсюда.

Ольга въ первую минуту не повѣрила ушамъ своимъ:

— Чтò вы сказали? Я... уѣхать?...

— Да, сегодня же, il l'exige, ma chère! повторила утирая глаза княгиня.

„Все знаютъ!“ громовымъ ударомъ отозвалось у барышны въ самой глубинѣ ея существа....

Но она не склонила головы подъ этимъ ударомъ, она надменно подняла ее напротивъ, и глядя на хозяйку во все глаза:

— За чтò же наносится мнѣ это оскорбленіе? твердо проговорила она,—чѣмъ я провинилась, можно узнать?

— Это онъ за то возненавидѣлъ тебя, ma chère, захныкала та ей въ отвѣтъ,—что ты говоришь про него что онъ amoureux fou de sa pièce....

Ольга такъ и вскочила, всплескивая руками:

— Но кому же, кому же я когда-нибудь это говорила?... Вѣдь никому на свѣтѣ, кромѣ вамъ одной... изъ моей преданности къ вамъ... Кто же могъ сказать это ему?

Аглая захлопала глазами, какъ бы удивляясь такому вопросу:

— Я, Ольга, c'est moi qui le lui ai dit; онъ требовалъ непременно чтобъ я сказала ему кто мнѣ сказалъ про это, я и сказала...

— Вы! вы рѣшились!... Такъ вы забыли что я умоляла васъ не говорить... что это можетъ повредить мнѣ, отцу моему... и вы клялись, божились на образа что никто не узнаетъ... И вы теперь...

— Mon Dieu, Olga, comme tu es drôle, перебила ее недовольнымъ тономъ Аглая Константиновна,—конечно je t'ai juré что я ему не скажу, но я тебѣ говорю что онъ былъ такой злой что я думала un moment qu'il allait me battre; я ему и сказала.

Ольгѣ стало вдругъ такъ гадко что потокъ упрековъ готовый сорваться съ ея языка мгновенно стихъ и замеръ на ея устахъ. Она пристально и враждебно взглянула еще разъ на эту тулую и бессердечную женщину, и засмѣялась язвительнымъ, недобрымъ смѣхомъ:

— Я, конечно, не останусь ни часу долѣе въ вашемъ домѣ, княгиня, но вы знаете что я должна была играть вечеромъ на театрѣ, что изъ-за этого у васъ до сихъ поръ здѣсь гости, публика. Какъ же вы ведите мнѣ отвѣчать—вѣдь всѣ спрашивать станутъ,—почему этого спектакля не будетъ и отчего я уѣзжаю? Можетъ-быть, такъ и говорить всѣмъ прикажете что князь Ларіонъ Васильевичъ выгоняетъ меня отсюда потому что онъ влюбленъ въ свою племянницу, и употребляетъ всѣ средства чтобъ она не выходила замужъ, что я это замѣтила и предварила васъ объ этомъ изъ дружбы, а вы послушали выдать меня ему, испугавшись что онъ васъ приберетъ за то что вы любите пить чай съ господиномъ Зяблинымъ? Вѣдь изъ того что вы мнѣ сказали такъ, кажется, выходитъ?..

Не одинъ „Калабрскій бригадъ“ умѣлъ, какъ видно, говорить съ нашею княгиней: слова барышни доняли ее, что называется, до живья. Ей сразу представилось что изъ всего этого можетъ выйти „une histoire affreuse“, слетная, говоръ, скандалъ, который можетъ дойти „jusqu'à Pétersbourg“, что князь Ларіонъ, „qui n'est plus en faveur, mais qui a toujours une grande position dans le monde“, захочетъ тогда оправдаться и отомстить ей, и можетъ въ такомъ случаѣ написать „une lettre confidentielle à sa Majesté l'Empereur“ про отношенія ея къ Зяблину,—словомъ ужасы неописанные!..

Она отчаянно замахала обѣими руками:

— Чтò ты, чтò ты, Ольга, mais tu es tout-à-fait folle! Ты! ты хочешь всѣмъ разказывать! Развѣ ты не знаешь что dévoiler des secrets de famille—c'est un crime, Olga!

Злое чувство засверкало въ глазахъ барышни, ей было хотѣлось этимъ испугомъ который внушала она своей „предательницѣ“...

— Это ваши тайны, а не мои, хихикнула она,—мнѣ-то изъ-за чего ихъ хранить? Меня выгоняють отсюда; какъ же мнѣ отвѣчать когда спросятъ меня за чтò? Солгать чтò ли на себя самую, поклесть какой-нибудь взвести, сказать что я въ вашемъ домѣ неприличное что-нибудь сдѣлала, не это ли еще прикажете? дерзко промолвила она, совершенно успокоенная теперь насчетъ собственной тайны, и почерпая въ этомъ необыкновенную смѣлость:—ужь не пожертвовать ли вамъ, въ благодарность за поступокъ вашъ со мною, моею репутаціей de jeune personne comme il faut?

Аглая захныкала въ десятый разъ съ утра:

— Mais, mon Dieu, Olga, ты очень хорошо знаешь что это не я, а Larion, что я тебя, au contraire, всегда любила, потому что ты une fille d'esprit et aimable... И я ему говорила что ты сегодня должна играть et qu'on ne peut pas te renvoyer aujourd'hui, но онъ ничего слышать не хочет!

— Очень вамъ благодарна за такое представительство, отвѣтила тѣмъ же язвительнымъ тономъ барышня,—и очень жалѣю что оно ни къ чему не повело; вы видите поэтому что мнѣ ничего не остается какъ разказывать все какъ есть.

— Mais c'est impossible, Olga, tout-à-fait impossible! вскрикнула Аглая Константиновна;—чтò будутъ говорить про меня... и про всѣхъ... et puis Larion мнѣ бы этого никогда не простилъ... Послушай, Ольга, вдругъ осянула она блестящею мыслью,—я знаю что ты une pauvre fille, и что когда ты не будешь жить у меня ты много потеряешь... pour la toilette et le reste чтò я тебѣ давала. Но я тебя не оставляю... я готова даже сейчасъ... j'irai jusqu'à mille roubles ma chère! съ внезапнымъ азартомъ выговорила Аглая,—только найди средство d'éviter le scandale!..

— Деньги! вскрикнула Ольга, вся задрожавъ отъ негодованія,—вы предлагаете мнѣ деньги, „mille roubles!..“ Да скажите пожалуйста, княгиня, за кого же вы меня почитаете?.. Я могла

принимать отъ васъ все, когда я была у васъ въ домѣ своя, un enfant de la maison,—я себя по крайней мѣрѣ почитала такою. А вы меня предали и гоните теперь вонъ какъ соба-ченку какую-нибудь, и чтобъ я не говорила за что—вы мнѣ судите деньги... Знаете, княгиня, это мнѣ просто смѣшно,—и она дѣйствительно захохотала нервнымъ, пронзительнымъ смѣхомъ,—у меня черезъ мѣсяцъ у самой будетъ сорокъ тысячъ дохода, такъ вотъ мнѣ что ваши „mille roubles“! Можете ихъ отдать кому угодно... хоть тому самому съ кѣмъ вы пьете чай съ утра до вечера; ему, можетъ-быть, они нужны, а мнѣ не надо!..

Аглая Константиновна была до того поражена этою неожиданною выходкой что ничего даже сообразить не могла. Это было нѣчто совершенно невѣроятное для нея и по смыслу рѣчей, и по дерзости ихъ. „La fille de l'исправникъ!“ несмѣшно бормоталъ только языкъ ея...

А у нея, у этой „fille de l'исправникъ“ были козыри въ рукѣ,—и она это понимала. Изгнаніе ея изъ Суцкаго рѣшало ея судьбу... Она могла колебаться, откладывая до этой минуты; теперь же все было кончено и рѣшено въ ея живой и сообразительной головѣ, планъ начертанъ, исполненіе въ ея волѣ... Она заговорила коротко, рѣзко, чуть не повелительно:

— Вы, княгиня Шастунова, насплетничали на бѣдную дѣвушку, и теперь боитесь чтобъ она вамъ не надѣлала скандала... „mille roubles“ готовы дать чтобъ его не было... Извольте, скандала не будетъ... и рубли ваши въ карманѣ у васъ останутся, презрительно примолвила Ольга.—И не для васъ я это дѣлаю, прямо говорю, а для отца моего, на службѣ котораго это могло бы отозваться... Да и то!—И она высоко-мѣрно качнула головой.—Однимъ словомъ, скандала не будетъ, потому что я не хочу. Но для этого вы должны сдѣлать то что я вамъ скажу.

Аглая Константиновна продолжала глядѣть на нее непо-мѣрно расширивъ зрачки и рѣшительно не чувствуя себя въ состояніи понять, какъ эта „дѣвчонка“, состоявшая у нея на побѣгущкахъ, „une autre Надежда Федоровна сомме position“,—какими чудесами преобразилась она вдругъ въ эту дерзкую, рѣшительную, „командующую ей“ особу!.. И эти „сорокъ тысячъ дохода“ о которыхъ она говорить... откуда

это, что?.. „Во снѣ это или на яву я слышу?“ проносилося въ головѣ Аглаи.

А въ то же время она чувствовала себя въ полной власти этой особы... Ей бы слѣдовало окрыситься, протестовать противъ этой „insolence“, смутно сказывалось въ ея сознаниі, слѣдовало „remettre cette donzelle à sa place...“ А она, безпомощно ворочая зрачками и не отводя ихъ отъ барышня, могла только выговорить робко и покорно:

— Что же я должна сдѣлать, Ольга?..

— Скажитесь больной не на шутку, лягьте въ постель, „закомандовала“ тотчасъ та,—прикажете даже чтобы послали за докторомъ въ городъ,—онъ самъ въ постели второй мѣсяцъ и не будетъ,—все равно, всѣ будутъ знать... Вы скажете что вамъ очень хочется видѣть нашъ спектакль, но такъ какъ вы не можете на немъ быть, то вы просите отложить его на нѣсколько дней... Съ гостями вашими жениться вамъ очень не для чего: изъ важныхъ ужъ никого нѣтъ, нѣкоторые мушкетеры только... вашъ молодой графъ увѣзжаетъ сегодня утромъ, я знаю... Я съ своей стороны скажу что охрипла, и что мнѣ нужно съ отцомъ въ городъ дня на два. А въ это время и остальные отсюда разъѣдутся... да и мнѣ самой будетъ уже не до спектакля, многозначительно протянула Ольга;—такимъ образомъ никто ничего не будетъ знать, и мы разойдемся съ вами какъ порядочные люди.

—Mais, Olga, ma chère, жалобнымъ голосомъ пискнула вдругъ Аглая Константиновна,—мнѣ очень скучно будетъ лежать въ постели, si je t'écoute!...

— Вы предпочитаете „скандалъ“? коротко отрѣзала на это барышня.

Аглая испуганно заерзала на своемъ диванѣ:

— C'est vrai что я сегодня въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ, совсѣмъ больна ото всѣхъ этихъ сценъ, заговорила она какъ бы вслѣдствіе вдругъ, и тутъ же взялась за платокъ—утирать чаемые слезы, —le repro me fera du bien... Mais, Olga, ma chère, я не могу никого не принимать, мнѣ нужно... Le jeune comte, par exemple, долженъ быть ко мнѣ проститься.

— Да, сказала Ольга,—онъ меня даже просилъ сказать вамъ и ждетъ когда я приду съ отвѣтомъ... Этому я сама скажу что нужно... А если monsieur Зяблинъ будетъ приходить къ вамъ чай пить,—она взглянула на княгиню и свысока улыбнулась,—такъ это тѣмъ лучше: онъ выходя отсюда будетъ

такъ усердно испускать вздохи что напугаетъ каждого насчетъ вашего здоровья.

Аглая опустила глаза не то стыдливо, не то самодовольно. Страхъ „скандала“ нисколько не мѣшалъ тому сюсюкающему чувству вѣжнаго томленія которое неукоснительно испытывала сорокалѣтняя барыня при одной мысли о страсти къ ней „бриганта“...

— А теперь прощайте, княгиня, молвила вставая Ольга,— примите мою благодарность за всѣ ваши ко мнѣ милости, прошедшія и *настоящія*, подчеркнула она съ короткимъ, проническимъ смѣхомъ.— Лину поцѣлуйте, если я ее увижу... ей теперь не до меня, я знаю!... А князю Ларіону Васильевичу посоветуйте поостыть немножко,—въ его годы юношескій жаръ никуда не годится...

— Olga, ma chère, воскликнула на эти слова какъ бы внезапно проснувшись Аглая Константиновна,—il doit t'être arrivé quelque chose de très heureux что ты вдругъ стала говорить теперь avec tant d'assurance?

— Можетъ-быть... Не увидите, такъ услышите! громко засмѣялась на это барышня, поклонилась и вышла.

LXXXV.

Въ первой гостиной застала она графа Анисьева; онъ опустивъ голову и крутя усы въ раздумьи ходилъ, въ ожиданіи ея, по комнатѣ.

— Княгиня одна, можете идти къ ней, графъ, сказала Ольга съ порога.

— Какой сеансъ у васъ былъ продолжительный! молвилъ онъ, подходя и улыбаясь.

— Да, отвѣтила она, улыбаясь тоже,—продолжительный... и рѣшительный, для меня по крайней мѣрѣ.

— А что?

— Я уѣзжаю отсюда.

— Уѣзжаете!...

— Съ тѣмъ чтобы никогда сюда не возвращаться.

На лицѣ флигель-адъютанта изобразилось изумленіе и какое-то безлокойство.

— Что же это.... ссора? проговорилъ онъ уже шелотомъ.

Ольга помолчала чуть-чуть, глянула ему въ лицо....

— Я вамъ скажу, потому что это вамъ, я думаю, пригодиться можетъ, начала она озираясь затѣмъ;—моего отъѣзда требуетъ этотъ противный старикашка князь, дядя Лины... Онъ, надо вамъ сказать, препламенный... онъ и за мою одно время ухаживалъ... Только главная его страсть—княжна... вы можете вообразить, родная племянница!... И онъ теперь рветъ и мечетъ, и всякія средства употребляетъ чтобъ она ни за кого не вышла замужъ, ни за васъ, ни за этого Гундурова... Я это давно замѣтила, и когда княгиня начала мнѣ говорить о васъ—еще далеко до вашего пріѣзда сюда—я ее предварила объ этомъ, и что онъ навѣрное будетъ отсовѣтывать и возбуждать Лину противъ васъ. Все это, разумеется, я говорила ей подъ величайшимъ секретомъ и она клялась и божилась не выдавать меня... И вдругъ по своей непроходимой глупости и трусости,—вы, я думаю, сами поняли что это за женщина!—она возьми да и бухни все это прямо въ лицо князю, который сказалъ ей что-то насчетъ этого ея *protégé*, Зяблина, лукаво подчеркнула барышня,—и тутъ же испугалась, и выдала меня руками и ногами... Онъ само собою разсвирѣлѣлъ... И вотъ я какъ Агарь,—кажется ее Агарью звали, эту которую прогнали, вы знаете, въ Священномъ Писаніи?—удаляюсь теперь въ пустыню...—И Ольга Елпидионовна весело засмѣялась.—Да, вотъ еще: Гундуровъ этотъ чрезъ свою тетку просилъ сегодня руки княжны, но ему самымъ рѣшительнымъ образомъ отказали... Впрочемъ старуха вамъ это, навѣрное, все сама подробно расскажетъ... А я передаю вамъ главное для того чтобъ вы на всякій случай взяли къ свѣдѣнію...

— Возьмемъ-съ, возьмемъ-съ.... какъ бы про себя проговорилъ петербургскій воинъ, прослушавшій весь этотъ разговоръ сжимая, то разжимая брови, согласно съ тѣми соображеніями какія вызывалъ онъ въ его хитродумной мысли;—а теперь... началъ было онъ, подымая на барышню вопросительный и какъ бы вдругъ просвѣтлѣвшій взглядъ...

— А теперь, подхватила она налету, —вашъ адресъ въ Петербургъ?

— Моховая, домъ Слатвинскаго....

— Вы позволите мнѣ, когда я буду въ Петербургъ, прислать вамъ сказать что я пріѣхала?

— Помилуйте, я буду счастливъ... Но развѣ вы думаете...

Она взглянула еще разъ ему въ глаза своимъ долгимъ, возбуждающимъ взглядомъ:

— Я думаю поступить по вашему совѣту, медленно выговорила она.

Онъ въ первую минуту не вспомнилъ....

— Вчера, въ мазуркѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ!..—Глаза его внезапно загорѣлись.—Что же, это прелестно, Ольга Елпидифоровна, умно....

Она встряхнула плечами:

— „Прелестно“—не знаю... „умно“—вѣроятно... когда другого пути нѣтъ, проронила она, подавая вздохъ.—Во всякомъ случаѣ, за совѣтъ спасибо! И она ему протянула руку.

Онъ, какъ вчера, быстро и осторожно оглянувшись, схватилъ обѣими своими эту полную, свѣжую, красивую руку и прижалъ къ ней выше кисти горячими и жадными губами...

— Совѣтнику всегда къ вашимъ услугамъ, прошепталъ онъ;—можетъ ли разчитывать онъ и впередъ на подобныя награды?

— Какъ знать чего не знаешь! смѣясь отвѣтила Ольга довольно вульгарною фразой, отъ которой изящнаго флигель-адъютанта чуть-чуть покорило опять.—А вотъ что, графъ, сказала она, отымая у него свою руку и кивая головой черезъ плечо на алпартаментъ княгини,—эта умная женщина ужасно боится чтобъ я не разказала всѣмъ этихъ ея „secrets de famille“; такъ мы положили такъ что она скажется боляною, ляжетъ даже въ постель, сегодняшній спектакль будетъ отмененъ, и я подъ этимъ предлогомъ уѣду домой безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ.... Вы поняли?

— Совершенно! многозначительно улыбнулся на это смѣливый Петербуржецъ:—вернувшись отъ княгини я скажу всѣмъ что нахожу ее весьма серьезно занемогшею и что не дурно было бы послать за докторомъ....

— Ахъ, какой вы умный, право, прелесть! воскликнула барышня,—я только-что объ этомъ именно хотѣла просить васъ сейчасъ... Ну, прощайте, графъ, мы съ вами вѣроятно здѣсь болѣе не увидимся,—я ранѣе васъ отсюда уѣду.

— Но въ Петербургъ? спросилъ онъ тихо, не отрываясь глазами отъ ея соблазнительнаго облика.

— Тамъ непременно.

— Скоро?

— Осенью, къ открытію Италіанской оперы, сказала она, какъ вещь порѣшенную.

— Надо бы вамъ пораньше.... устроиться.... Напишите

когда соберетесь,—мы постараемся соорудить вамъ un petit coin de paradis terrestre....

Онъ наклонился было еще разъ къ ея рукѣ, но она быстро откинула ее отъ него за спину, присѣла предъ нимъ большимъ, официальнымъ, институтскимъ реверансомъ—и со словами „хорошенькаго лонеможку!“ выбѣжала, не оглядываясь на него, изъ гостиной.

Она слускалась съ лѣстницы, когда снизу раздался грубый голосъ „фанатика“:

— Что это вы тамъ балуетесь лусто, ждате васъ только приходится всегда! На релетицію ужъ всѣ!..

— Релетиція тю-тю! засмѣялась на это Ольга, прыгнувъ черезъ ступеньку.

— Что-о?!..

— И спектакль — фюитъ! свистнула она, прыгая черезъ другую.

Вальковскій однимъ прыжкомъ очутился на ступени рядомъ съ барышней.

— Вы меня морочить, аль что! Говорите толкомъ! забормotalъ онъ шипящимъ голосомъ.

— Безъ шутокъ, княгиня заболѣла, въ постели, сойти не можетъ, спектакль отменяется.

— До коихъ поръ?

— А когда выздоровѣетъ, должно-быть.

— Такъ она, можетъ, въ постели-то и Богъ знаетъ сколько проваляндаться вздумаетъ! рывкнулъ „фанатикъ“.

— А этого ужъ я не знаю, равнодушно проговорила Ольга Елпидифоровна, сходя въ сѣни.

Онъ очутился опять рядомъ съ нею.

— Такъ вѣдь до того развѣдуются всѣ... Безъ публики играть что ли будемъ!..

Она только плечами пожала, и вышла на крыльцо.

Онъ звѣрски глянулъ кругомъ себя, какъ бы ища предмета на которомъ могъ бы сорвать свою злость, и не найдя ничего, ловидимому, швырнулъ на полъ фуражку которую держалъ въ рукѣ, и бѣшено, съ какимъ-то дикимъ, волчьимъ рычаніемъ принялся топтать ее ногами...

— Бабы—куриный народъ! можно было только разслышать.

— Что тамъ такое? быстро обернулись на этотъ вой Духовинъ и Факирскій, стоявшіе на крыльцѣ, любясь только

что въѣхавшею во дворъ лихою, подобранною статъ ко стати тройкой гнѣдыхъ въ золоченыхъ и звенящихъ бляхахъ лошадицъ, запряженною въ щегольской съ иголочки небольшой тарантасъ, съ молодымъ русобородымъ кучеромъ въ грешневикѣ набекрень, убранномъ лавиными перьями, и черной плисовой безрукавкѣ на красной шелковой рубахѣ навывпускъ...

— А это Левъ Гурычъ Синичкинъ собственною особою лавициду себѣ поетъ, отвѣтила на вопросъ расхохотавшись Ольга, между тѣмъ какъ Вальковскій ни на кого не глядя проносился мимо нѣтъ съ лихорадочно блуждавшими глазами, направляясь къ театральному флигелю...

Барышня передала двумъ пріятелямъ о болѣзни княгини, объ отмиѣнѣ спектакля.

— Я очень рада этому, что меня касается, промолвила она:—вообразите, выходя отъ княгини сейчасъ, я попробовала сдѣлать руладу, и ни-ни, совсѣмъ голоса нѣтъ... Это Чижевскій вчера, послѣ мазурки, вздумалъ въ садѣ всѣхъ повести, въ сырость,—нетрудно простудиться... Хорошо бы я пѣла сегодня вечеромъ!.. Я хочу воспользоваться этимъ и къ себѣ въ городъ съѣздить... Что, отецъ мой здѣсь?

— Нѣтъ, его я не видѣлъ, сказалъ Духонинъ;—вѣдь онъ графа провожать поѣхалъ.

— И говорилъ мнѣ что вернется сегодня къ завтраку, сказалъ въ свою очередь Факирскій;—задержали, видно...

— А это чьи лошади? спросила Ольга, прищурившись на гремѣвшую бубенцами своими и бляхами тройку на дворѣ:—пріѣхалъ кто или уѣзжаетъ?

— Это Ранцева тройка, отвѣтилъ студентъ, продолжая любоваться;—предесь запряжка, не правда ли, Ольга Елпифоровна?

— Калитана? протянула она,—куда же это онъ?

— Къ себѣ, въ Рай-Никольское.

— Для чего такъ?

— Не знаю. Послѣ завтрака разомъ собрался и велѣлъ запрягать.

Барышня громко разсмѣялась опять.

— Это онъ съ досады на меня за то что я не хотѣла сѣсть подлѣ него за столомъ. Уморительный!.. А онъ мнѣ именно теперь нуженъ, сказала она тутъ же серьезнымъ тономъ.—Семень Петровичъ, будьте такъ добры, сходите за

нимъ, и скажите ему чтобъ онъ сейчасъ же приходилъ въ садъ; я буду ждать его тамъ у фонтана.

— А если онъ спроситъ для чего, засмѣялся Факирскій,— какъ отвѣтитъ: для головнойки, или для поощренія?

Ольга засмѣялась тоже:

— Скажите только что раскаиваться не будетъ!

LXXXVI.

Какъ будто чуетъ жизнь двойную,
И ей обвѣяна она.†

Фетъ.

Хорошо было въ саду, подъ развѣсистымъ кленомъ, на той каменной скамьѣ у фонтана на которой, глубоко задумавшись, сидѣла теперь наша барышня, въ ожиданіи капитана... Калпризными, перебѣгающими узорами ложились кругомъ не свѣтъ и тѣни на красный песокъ дорожекъ, на густую зелень нескошенныхъ травъ; полуденные лучи, будто играя и радуясь, разбивались радужными брызгами въ лыли высоко бившаго предъ нею водомета. По горячей лазури неба бѣжали веселыя бѣлыя облачка, съ опаловыми отливами краевъ... Природа ласкала, нѣжила, убаюкивала, словно звала она все живущее уйти въ безбрежную ширь божественной красоты своей и покоя....

Ольга сидѣла охваченная неожиданно этою таинственною, обаяющею силой... Мысль какъ бы замерла въ ней. Она знала что ей надо было думать о чемъ-то очень для нея рѣшительномъ и важномъ,—и не могла... Нервы ея, крайне возбужденные чрезмѣрнымъ расходомъ энергіи только что потраченной ею, какъ бы распускались теперь въ ощущеніи какого-то страннаго самоотчужденія. Предъ нею бѣжали картины, воспоминанія едва пережитой ею дѣйствительности, и это была для нея теперь будто чья-то посторонняя дѣйствительность, чей-то давно прочтенный, не интересный для нея романъ. Сцена съ княгиней, минувшая ночь съ извѣстными ею впервые безумными ласками, погромъ надеждъ которыми долго жила она, новая, возникающая предъ нею будущность,—все это сливалось во что-то, чего значеніе было какъ бы чуждо и не нужно ей, и проносилось мимо нея какъ

случайная лѣтна струя уносимой теченіемъ... И ново, и жутко, и сладко было для нея это внезапное ощущеніе безучастія, отвлеченія личной жизни, и будто цѣлая вѣчность, казалось ей, уже успѣла пройти между этимъ и тѣмъ чѣмъ-то мимо-бѣгущимъ и „ненужнымъ“...

Заскрипѣвшіе по леску шаги пробудили ее на половину... Она медленно, неохотно повернула голову...

Калитанъ Равцевъ робко приближался къ ней, облеченный въ свѣтлыя лѣтнія ткани и голубой галстукъ, и въ фуражкѣ съ краснымъ военнымъ околышемъ надъ гладко причесанными висками.

Все разомъ вернулось въ голову Ольги... „Вотъ она опять жизнь!“ Она глубоко вздохнула и провела по лицу рукой.

Но помириться съ такимъ пробужденіемъ она въ первую минуту была не въ силахъ. Неблагодаренъ былъ взглядъ которымъ взглянула она на своего пламеннаго обожателя.

— Вы опять въ этой фуражкѣ! встрѣтила она его этими словами;—сколько разъ говорила я вамъ что одно изъ двухъ, или военное, или штатское, а что при партикулярномъ платьѣ носить эту штуку на головѣ—въ высшей степени mauvais genre!

— И не ношу никогда-съ, окромя въ вояжъ, если ѣхать куда-нибудь, конфузливо и печально отвѣтилъ на это онъ, стоя предъ нею съ опущенными глазами.

— А вы хотите ѣхать?... Да, я слышала.... И это изъ-за меня? насмѣшливымъ голосомъ спросила она, помолчавъ.

Онъ помолчалъ тоже, и проговорилъ затѣмъ какъ бы со внезапною рѣшимостью:

— Такъ что жъ, Ольга Елпидифоровна, ужъ лучше совсѣмъ не видѣть чѣмъ такія муки терпѣть!

Она засмѣялась:

— Это потому что я сказала вамъ что не каждый день праздникъ?

— Это-съ..... и прочее, одно къ одному.... Потому съ вами, Ольга Елпидифоровна, не знаешь никакъ когда милость, когда гнѣвъ, и угодить вамъ чѣмъ можно.... То-есть, просто подойти какъ къ вамъ не знаешь, ей Богу.... А ужъ что бы далъ, кажется, дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ калитанъ,—чтобъ успокоить васъ, чтобы не гнѣвались вы и не рѣзали понапрасну! Каждое слово ваше для меня безцѣнно, малѣйшій то-есть калрызъ вашъ былъ бы счастливъ исполнить, лишь бы настоящее съ вашей стороны поощреніе....

Ольга взглянула на него опять и какъ будто въ первый разъ увидѣла глаза его, темные, глубокіе, съ мужественнымъ очеркомъ бровей и выраженіемъ почти дѣтскаго простодушія и доброты....

— Вы меня очень любите, Никаноръ Ильичъ? проговорила она съ медленною улыбкой.

— Онъ весь вспыхнулъ:

— Отвѣчать даже на это бесполезно, вскрикнулъ онъ, — потому сами, кажется, довольно должны это видѣть! Въ воду сейчасъ по первому вашему знаку кинусь, и за счастье почту!

— Это такъ и слѣдуетъ когда любишь, одобрила Ольга. — А помните ли что я сказала вамъ вчера въ мазуркѣ?

— Это, то-есть, что я выучился ее въ Польшѣ танцовать? спросилъ онъ наивно....

— Нѣтъ, а что я испытываю васъ, хочу знать навѣрное, насколько я могу разчитывать на вашу любовь?

— Какъ не помнить! И онъ вздохнулъ всею грудью.

Она еще разъ примолкла на минуту:

— Испытаніе кончено, выговорила она затѣмъ, — я вамъ вѣрю. Берите!... И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее, недоумѣло, испуганно глянулъ ей въ лицо....

— Берите, повторила она, слабо усмѣхаясь, — совсѣмъ!...

Онъ вскрикнулъ, зашатался, схватился за розовый кустъ, у котораго стоялъ, накололъ себѣ имъ пальцы и упалъ на скамью подлѣ Ольги, зарывавъ рыданіемъ безмѣрнаго, невыносимаго счастья....

— Совсѣмъ? Это навѣрное, не пережѣните? могъ только произнести онъ, судорожно прижимая руку ея къ своимъ губамъ.

Ольга была тронута.... И вдругъ все лицо ея залилало нежданною краской: ей вспомнились огненные глаза Ашанина, его жгучіе поцѣлуи....

— А вы держите крѣпко!... надо мною воля нужна! почти безсознательно вырвалось у нея... Но она тотчасъ же вернулась къ иному: — Слушайте, Никаноръ Ильичъ, послѣдшю заговорила она, — я не люблю ничего откладывать: свадьбу... Ахъ, я и забыла, въ этомъ мѣсяцѣ ужъ нельзя, — Петровскій постъ...

— Двадцать девятаго числа кончается... Черезъ три недѣли ровно можно... Онъ глядѣлъ на нее между тѣмъ и гово-

рилъ себѣ мысленно: „Господи, дай только чтобъ это не было совѣтъ!...“

— Я согласна, сказала Ольга;—и на свадьбѣ никого, никакого парада, и прямо изъ церкви къ вамъ въ Рай-Никольское. У васъ вѣдь тамъ хорошо, вы говорили?

— Хоть сейчасъ вамъ вѣхаться! Потому я, какъ по вашему общанію, все ожидалъ что вы пріѣдете ко мнѣ съ Елпидифоръ Павлычемъ на денекъ, на два, такъ у меня все заово отдѣлано; кабинетъ для васъ даже особый и фортепьяно новый, прямо изъ Петербурга, даже никто еще пальцемъ не притрогивался...

— И садъ, не правда ли, большой, тѣнистый? спросила она со внезапнымъ возвратомъ задумчивости.

— На десяти десятинахъ, старѣющій, дубы въ два обхвата человѣческіе; еще съ прошлаго года вылаанировалъ я его вновь и въ порядокъ привелъ, потому у покойнаго владѣльца въ полномъ запущеніи оставленъ былъ...

— И я буду уходить туда когда мнѣ вздумается, и мнѣ никто мѣшать не будетъ, промолвила какъ бы про себя Ольга;—я вотъ тутъ сидѣла сейчасъ совсѣмъ одна... и такъ хорошо было, точно уносило куда-то... Со мною это бывало иной разъ когда я пою... точно собою перестаешь быть... Только это опять еще другое чувство...

Калитанъ глядѣлъ на нее, безконечно любуясь ею и откликаясь всею душой на произнесенныя ею слова. Онъ не подозревалъ въ нихъ тайнаго смысла; онъ съ радостнымъ біеніемъ сердца говорилъ себѣ что она, она будетъ ходить по этому его старому саду въ Никольскомъ, куда, бывало, уязвленный или осмѣянный ею, уѣзжалъ онъ отъ нея и тоже „переставалъ быть собою“, лежа въ травѣ по цѣлымъ часамъ, вздыхая, плача и мечтая о ней до одурѣнія..

Но новымъ опять вѣтромъ тянуло уже въ подвижномъ воображеніи его возлюбленной:

— А на зиму въ Петербургъ! выговорила она коротко и рѣшительно.

— Въ Петербургъ? изумленно повторилъ онъ.

— Да, непрѣмьно! Нечего намъ съ вами гнить въ провинціи, ничего не дѣлая. Вы еще молодой человѣкъ, имѣете состояніе... Я хочу чтобы вы служили, придворнымъ сдѣлались...

— Я придворнымъ! даже перепугался калитанъ;—гдѣ же мнѣ, помилуйте!

— Ничего не „гдѣ же мнѣ“! передразнила она его,—будете какъ всѣ. Только слушайте меня всегда, во всемъ; я дурного вамъ не посоветую. Вѣдь у насъ теперь все общее должно быть, одни интересы... Какъ это говорить посаовица? мужъ, жена—одна сатана! Она расхохоталась и какъ бы обняла его всего при этомъ мгновеннымъ взглядомъ, ласковымъ чуть не до нѣжности...

— Ольга Елтидифоровна... Ольга! вскрикнулъ онъ загораясь весь,—мы теперь перво-наперво женихъ и невѣста, такъ ужъ позвольте!...

Онъ потянулся къ ней.

Она отклонила голову на сторону и уперлась рукой въ его губы:

— Послѣ, послѣ, современемъ!... А теперь слушайте! Я ни часу больше не хочу оставаться здѣсь. Княгиня заболѣла, вы слышали; спектакль отложенъ... да и врядъ ли когда будетъ. Дѣлать здѣсь нечего, надоѣло!... Я хочу сейчасъ домой. Отца нѣтъ,—да если онъ и пріѣдетъ, я съ нимъ въ его скверномъ тарантасѣ не поѣду. А у васъ лошади готовы... Это у васъ новая тройка? Вы все на сѣрыхъ ѣздили прежде?...

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Она вскочила съ мѣста:

— Погодите меня здѣсь десять минутъ! Я сбѣгаю къ себѣ въ комнату взять свое главное необходимое,—за остальнымъ всѣмъ пришло потомъ — и вернусь сейчасъ. Вы повезете меня на своихъ гнѣдыхъ въ городъ... Сами мы господа, не уступимъ всякимъ князьямъ здѣшнимъ! вскрикнула она во мгновенномъ порывѣ, такъ что ли, *mon capitaine*?

— Ни единой царицѣ не уступить вамъ, красавица моя неолисанная! отвѣтилъ онъ на это, пожирая ее страстными глазами.

Она вскинулась и побѣждала:

— „Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“ зазвенѣла она на ходу громкимъ смѣхомъ, передразнивая похоронный голосъ которымъ Ранцевъ произносилъ эти слова въ тѣ первые дни когда навязана ему была ею роль Тѣни въ *Гамлетѣ*...

Она давно уже исчезла за дверями дома, а калитанъ все еще улыбался ей какою-то словно пьяною отъ блаженства улыбкой... Онъ всталъ со скамьи, поднялъ глаза къ небу, ловель ими затѣмъ кругомъ себя, улыбнулся еще разъ, уже съ видомъ человека которому цѣлый міръ теперь обязанъ

завидовать и покланяться, и разставивъ свои длинныя лѣхотныя ноги въ формѣ буквы А, а руки стремительно опустивъ въ карманы брюкъ, внезапно залѣвъ фальшивымъ, но внушительнымъ басомъ:

Сладивъ бригантину султана,
Я въ морѣ врага утопилъ,
И къ милой съ турецкою раной
Какъ съ лучшимъ подаркомъ приплылъ.

Это былъ куллетъ изъ „Молодаго Грека“, не то чувствительнаго, не то бравурнаго романса, пользовавшагося большою популярностью въ средѣ тогдашней арміи, и принадлежавшаго, какъ видитъ читатель, къ тому спеціальному репертуару вокальной музыки, который, сохраняясь и понынѣ, можетъ по преимуществу быть названъ офицерскимъ....

LXXXVII.

Quibuscumque viis....

— Ah, cher comte! заметалась вскрикивая Аглая Константиновна на своемъ диванѣ, завидѣвъ входящаго Анисьева, — неужели вы въ самомъ дѣлѣ пришли проститься?...

— Непремѣнно, княгиня....

Онъ сѣлъ, поглядѣвъ на нее съ учтивою улыбкой и при-
мѣсью къ ней извѣстной доли печали во взглядѣ, и примолвилъ:

— Я слышалъ что вы себя нехорошо чувствуете (разговоръ само собою шелъ теперь сплошь по-французски, и мы будемъ стараться передать его въ наиболѣе близкомъ къ оригиналу переводѣ).—Позвольте мнѣ выразить вамъ глубокое соболѣзнованіе мое по этому поводу.

Она растерянно воззрилась на него, вспомнила что ей нужно было „expliquer“ что-то ему, не нашла что именно, и вмѣсто „explication“ откинулась въ свои подушки и всхлинула, закрывая глаза себѣ платкомъ:

— Дорогой графъ (cher comte), я ужасно несчастна!

Онъ холодно поглядѣвъ на нее, не проговорилъ, къ нѣкоторому ея удивленію, ни единого слова въ утѣшеніе ея, и какъ бы, напротивъ, не желая дать ей распространяться на тему ея „несчастья“, поспѣшилъ заговорить самъ:

— Я имѣлъ честь видѣть княжну, дочь вашу, и разговаривать съ нею, добавилъ онъ, напирая на это слово.

Тонъ рѣчи, выраженіе его лица словно хаеетнуали нашу княгиню. Она перекинулась изъ глубины дивана къ столу раздѣлявшему ихъ, и глядя на него какъ будто намѣревалась вскочить ему въ самые глаза:

— О чемъ же былъ разговоръ этотъ, графъ? спросила она встревоженно.

Онъ передалъ его подробно, отчетливо, кругло, въ однихъ почти и тѣхъ же выраженіяхъ, съ тѣми же благородными жестами и оттѣнками голоса.

Аглая не смѣла прерывать его, но всю ее дергало и подмывало въ теченіе его разказа. Она этого никакъ не ожидала.

„Рыцарство“ его, произведшее въ нѣкоторой мѣрѣ впечатлѣніе на дочь, прошло для маменьки незамѣченнымъ. Она во всемъ этомъ видѣла предъ собою одинъ голый, ужасающій ее фактъ—отказъ его отъ руки Лины...

— Но, Боже мой, испуганно вздрогнула она, когда онъ кончилъ,—для чего же сказали вы ей все это, дорогой графъ! Развѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите съ вашей стороны того о чемъ мы такъ дружно и горячо мечтали и хлопотали съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ?

— Не хочу? вскрикнулъ онъ въ отвѣтъ, самымъ эффектнымъ образомъ вскидывая при этомъ глаза къ потолку;—да я почелъ бы себя избраннымъ между избранными (*élu entre les élus*) еслибы могъ надѣяться... Но для этого, къ несчастію, персбилъ онъ себя съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи,—не достаточно моего желанія... ни даже вашего, княгиня... Я счелъ нужнымъ сказать княжнѣ то что я сказалъ ей, потому что всякое иное мое слово внушило бы ей окончательное отвращеніе ко мнѣ, оскорбило ее въ чувствѣ, которое другой, болѣе счастливый чѣмъ я, умѣлъ внушить ей... Утѣшая отсюда съ растерзаннымъ сердцемъ (голосъ его послушно задрожалъ на этомъ мѣстѣ), я хотѣлъ по крайней мѣрѣ увести съ собою уваженіе княжны, вашей дочери...

Аглая захныкала:

— Я вижу, графъ, что вы все узнали...

— Я понялъ это съ первой минуты моего пріѣзда въ Сицкое, сказалъ онъ, приподнявъ плечи.

— Нѣтъ, я, признаюсь вамъ, я ничего не знала объ этомъ, и не повѣрила бы этому никогда, еслибы господа Переве-

зана—эта ужасная женщина! добавила Аглая, вздымая въ свою очередь глаза въ потолокъ,—не имѣла дерзости явиться ко мнѣ сегодня просить руки Лины для этого своего племянника... И вы повѣрьте, графъ, все это она надѣлала!.. Моя дочь, княжна Шастунова, не можетъ серьезно любить этого ничтожнаго господничка (*ce petit monsieur de rien*), и желать сдѣлаться какою-нибудь Frau Professorin! Ее сбили съ толку дурные совѣты, и когда она придетъ въ себя, разсудить, ей станетъ стыдно за свое увлеченіе и глупость (*son entraînement et sa bêtise*): она пойметъ что ея мать (*sa mère qui l'a mise au monde*) не могла согласиться на ея вздоры... Я разумѣется отказала этой барынкѣ наотрѣзъ. Линѣ это теперь можетъ быть непріятно, но повѣрьте, она очень скоро образумится, оцѣнитъ меня, и васъ оцѣнитъ, милый графъ, я вамъ ручаюсь...

Онъ глубоко вздохнулъ и недовѣрчиво закачалъ головой.

— Легко сказать, трудно ожидать на самомъ дѣлѣ! Княжна полюбила...

— Она разлюбитъ, дорогой графъ, клянусь вамъ! перебила его Аглая слезнымъ голосомъ, и умоляющимъ жестомъ простерла къ нему руки.

— Не вижу почему, княгиня! сказалъ флигель-адъютантъ съ новымъ проницательнымъ оттѣнкомъ... особенно, примолвилъ онъ какъ бы про себя,—при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ она находится здѣсь.

— Вы хотите сказать, пока эта змѣя и ея племянникъ тутъ?.. Но я надѣюсь что они выберутся отсюда (*qu'ils déguerpissent d'ici*) сегодня же!..

— Разлука такъ же мало можетъ помѣшать княжнѣ думать о нихъ... о немъ, какъ не помѣшаетъ она мнѣ скорбѣть о ней и о моихъ потерянныхъ надеждахъ, театрално вздохнувъ еще разъ возразилъ на это Анисьевъ.

— Не теряйте ихъ, милый графъ, не теряйте, ради Бога! Я приму всѣ мѣры чтобы прекратить между ними какого бы ни было рода сношенія! заявляла княгиня, грозно насуливая брови.

Но онъ словно задалъ себѣ задачей разбивать одну за другою иллюзіи чувствительной маменьки:

— Другими словами, княгиня, подвергнете дочь вашу надзору, контролю... шпіонству, наконецъ,—извините меня за выраженіе! Но этимъ вы лишь достигнете результатовъ

совершенно противоположныхъ вашему желанію, вы оскорбите княжну и, сколько я могъ понять ея характеръ, укрѣпите только этимъ преслѣдованіемъ тѣ чувства которыя влекутъ ее... къ этому молодому человѣку...

— Но какъ же быть, графъ! вскрикнула Аглая, багровѣя отъ досады;—я не желаю, я не хочу позволить ей выходить за этого господина!.. Я ей это сказала, и сдержу мое слово... Вы, милый графъ, избранникъ мой для нея (*l'homme de mon choix pour elle*), и еслибъ она продолжала не желать выйти за васъ, она отъ меня ничего не получитъ...

Фангель-адъютантъ невозмутимо слушалъ, скрестивъ руки на груди и слегка моргая пристально направленными на нее глазами.

— Я столько же польщенъ сколько и тронутъ вашимъ милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ, княгиня, сказалъ онъ, наклоняя голову въ знакъ благодарности,—но смѣю продолжать думать что избранный вами луть не приведетъ къ желанной вами цѣли.... Въ какой мѣрѣ права княжна, сдѣлавъ выборъ не соотвѣствующій видамъ вашимъ, насколько, съ другой стороны, вы, ея мать, правы, отказывая утвердить согласіемъ вашимъ этотъ выборъ ея сердца,—объ этомъ я говорить не буду.... Въ этомъ случаѣ я въ нѣкоторой мѣрѣ сторона, примолвилъ онъ съ грустною улыбкой,—и потому не могъ бы здѣсь быть вѣроятно вполне безпристрастнымъ судьей. Я позволю себѣ поэтому указать вамъ только на положеніе вещей, каково оно есть въ настоящую минуту. Княжна желаетъ выйти замужъ.... за господина Гундузова; вы не согласны на это. Чѣмъ болѣе будете вы употреблять усилій чтобы заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, тѣмъ упорнѣе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, будетъ она, по всей вѣроятности, укрѣпляться въ немъ.... Такъ можетъ продолжаться до безконечности....

— Я не уступлю! взвизгнула Аглая,—она будетъ вашею женой, или ничьею!...

Лицо Анисьева приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства:

— Позвольте замѣтить вамъ, княгиня, промолвилъ онъ холодно и строго,—что несмотря на все то глубокое чувство которое внушаетъ мнѣ княжна, я не согласился бы никогда получить ея руку путемъ насилія!

Княгиня перепуганно запрыгала въ своихъ подушкахъ:

— Боже мой, вы не понимаете меня, милый графъ!... Я говорю что она должна васъ полюбить, непременно должна! И почему бы она не полюбила васъ? Вы соединяете въ себѣ все что должно нравиться порядочной дѣвушкѣ (à une jeune fille bien née)!

Онъ скромно опустилъ глаза, и качнулъ головой.

— Я почелъ бы себя счастливымъ и тѣмъ, вздохнулъ онъ, — еслибы княжна могла убѣдиться въ моей безкорыстной и безпредвѣрной преданности ей, могла бы увидѣть ближе какимъ пламеннымъ чувствомъ можетъ исполнить она сердце даже отверженнаго ею.... Но для этого, — примолвилъ онъ опять какъ бы про себя, — нужны были бы другія обстоятельства, другая обстановка... Онъ приостановился вдругъ, какъ бы не желая договаривать.

Аглая недоумѣло захлопала глазами.

— Что хотите вы сказать, графъ?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ будто нехотя, — въ той рамкѣ жизни которая окружаетъ княжну, мысли ея трудно оторваться отъ предметовъ занимающихъ ее теперь, и мысль эта должна роковымъ образомъ (fatalement) обращаться все въ томъ же неизбежномъ кругу...

Онъ взглянулъ на свою собесѣдницу, и какъ бы вдругъ вспомнивъ что никакой превыспренности рѣчи она одолѣть не въ состояніи, заключилъ просто.

— Пока вы въ Сидкомѣ, княгиня, вамъ нечего надѣяться на переѣзду въ чувствахъ и намѣреніяхъ княжны.

Она сразу поняла, завздохала и таинственно заморгала ему своими круглыми глазами:

— Повѣрьте, милый графъ, я бы завтра же въ Петербургъ переѣхала, еслибы не любезный мой деверь, который объ этомъ слышать не хочетъ... — Она оглянулась невольнымъ движеніемъ и примолвила шепотомъ: — я должна вамъ сказать что онъ же главнымъ образомъ и поддерживаетъ Лину въ ея упрямствѣ.

Анисьевъ чуть-чуть повелъ углами губъ, какъ бы желая выразить что онъ объ этомъ знаетъ, и медленно проговорилъ въ отвѣтъ:

— Могутъ случиться обстоятельства которыя заставятъ князя переѣздить образъ его мыслей.

Аглая вопросительно уставилась на него.

— Какія же это обстоятельства, графъ? Ларіонъ ненави-

дуть Петербургъ и согласился бы жить тамъ только по нуждѣ, еслибы поступилъ опять на службу... Но онъ ужасно гордъ и ни за что не станетъ просить объ этомъ!

— Можетъ сдѣлаться и безъ его просьбы, словно уронилъ флигель-адъютантъ, пуская въ ходъ свою многозначительную улыбку.

Фарфоръ, хрусталь и серебро стоявшаго еще на столѣ чайнаго сервиза внезапно затрясались и зазвенѣли отъ напора дебелыхъ прелестей княгини, нажавшейся всѣмъ тѣломъ на поднось, въ избыткѣ охватившаго ее волненія. Она вся съѣхала съ дивана, и протягивая черезъ столъ руку къ своему собесѣднику, залопотала прерывающимся отъ радости и нетерпѣнія голосомъ.

— Ради Бога, дорогой графъ, не томите меня,—вы вѣрно знаете что-нибудь! Его хотятъ опять пригласить на службу, да?...

Улыбка мгновенно сбѣжала съ его губъ, лицо приняло обычное ему, холодное, сдержанное выраженіе.

— Я ровно ничего не знаю, княгиня, сказалъ онъ офиціальнымъ тономъ:—я выразилъ одно мое, лично мнѣ принадлежащее предположеніе, основывающееся единственно на блестящей репутаціи князя, девера вашего, какъ государственнаго человѣка, которую оставилъ онъ по себѣ въ Петербургѣ... и о которой не было бы ничего удивительнаго еслибы вдругъ вспомнили въ высшихъ сферахъ сегодня или завтра... Я осмѣлюсь покорнѣйше просить васъ ничего далѣе этого простаго соображенія не искать въ моихъ словахъ.

Она закачала недовѣрчиво головой.

— О нѣтъ, милый графъ, я увѣрена что вы знаете что-нибудь болѣе положительное,—вы такъ хорошо поставлены при дворѣ (*vous êtes si bien en cour*)!

— Повторяю вамъ, княгиня, что я ничего не знаю, досадливо, почти рѣзко отвѣчалъ онъ на это,—и мнѣ приходится очень сожалѣть что вамъ угодно непремѣнно давать словамъ моимъ произвольное... и позвольте мнѣ прибавить—непріятное для меня толкованіе.

Но Аглая уже неслась головой внизъ и никакихъ отговорокъ принимать не хотѣла.

— Я вижу, милый графъ, что вы не хотите мнѣ сказать, потому что я женщина, и вы боитесь моего язычка. Но вы меня еще не знаете, я умѣю молчать какъ могила, когда

нужно,—и вотъ вамъ самое лучшее, кажется, доказательство: то о чемъ мы сговорились съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ, я сумѣла сохранить въ тайнѣ цѣлые полтора года и не сказала ни Линѣ, ни Ларіону, и онъ даже теперь узналъ объ этомъ не чрезъ меня, а чрезъ пріятеля своего, графа, которому писалъ вашъ дядя.

Анисьевъ пристально глядѣлъ на нее все время... Осторожность его сдалась на убѣдительность этого аргумента:

— И все-таки я ничего не скажу вамъ, княгиня! засмѣялся онъ... По принципу, по принципу! добавилъ онъ такъ же весело,—я никогда ничего не говорю ненужнаго. А это пока не нужно! Вамъ будетъ достаточно пока знать что „перемѣна жизни“, какъ говорятъ гадалыщицы (онъ сказалъ это, смѣясь, по-русски)—вещь для васъ возможная въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени... Но знать это должны вы только про себя, молвилъ онъ, принимая опять видъ озабоченный и строгій;—еслибы князь Ларіонъ провѣдалъ какъ-нибудь что вамъ что-либо извѣстно, онъ бы тотчасъ же заподозрилъ насъ съ вами въ заговорѣ, принялъ бы пожалуй съ своей стороны какое-нибудь неожиданное рѣшеніе.... а это могло бы скомпрометтировать и не меня одного! досказалъ фангель-адъютантъ, сопровождая эти слова такимъ мрачно-значительнымъ взглядомъ что Аглая Константиновна отъ испуга прижалась къ сидѣнью своему, какъ будто намѣревалась продавить его до самаго дна.

Она уже не смѣла ничего дальше спрашивать, и гаухо повторила только:

— Я могла для секретовъ, графъ, могила, могила....

Онъ учтиво наклонилъ голову и продолжалъ олять:

— Смѣю думать что, въ виду того что можетъ случиться, вамъ можно было бы, княгиня, принять по отношенію ко княжнѣ, дочери вашей, образъ дѣйствій выжидательный, такъ-сказать, и примирительный; другими словами, какъ бы забыть о ея.... забыть о причинахъ вашего недовольства ею, не напоминать ей о нихъ, и не вызывать ее такимъ образомъ на новыя... пренія съ вами. Княжна слишкомъ благовоспитана чтобы предпринять что-либо серьезное противъ вашей воли, и вамъ поэтому особенно безлокоиться нечего.... Еслибы однако, послѣдшилъ онъ прибавить чуть-чуть сморщивъ брови,—вы замѣтили какіе-нибудь угрожающіе симптомы (quelques symptômes alarmants), то вы всегда найдете хоро-

шій совѣтъ у моей матушки... Вѣдь вы, надѣюсь, будете продолжать переписываться съ нею?

— О, непременно!.. А что лучше было бы, милый графъ,— это, разъ она уже въ Петербургѣ, еслибъ она могла сама пріѣхать телеръ сюда?

— Я объ этомъ думалъ одну минуту, возразилъ онъ раздумчиво,—но нахожу это положительно непрактичнымъ. Матушка, кажется, никогда не сходилась съ княземъ, деверемъ вашимъ, и пріѣздъ ея сюда тотчасъ же возбудилъ бы его подозрѣнія. А этого надо положительно избѣгать.... Нѣтъ, княгиня, будемъ ждать лучшаго отъ времени и перемѣнъ мѣста... Быть-можетъ и ждать долго не придется! примолвилъ онъ со мгновенно блеснувшимъ взглядомъ. — А затѣмъ позвольте проститься съ вами, сказалъ онъ вставая и обходя столъ чтобы поцѣловать ея руку.

Она вскочила съ мѣста.

— Милый графъ, позвольте обнять васъ.... какъ сына, шепнула она ему на ухо, закидывая ему руку за шею и припадая къ его плечу.

Онъ приложился раздушенными усами къ жирной ея длани, изобразилъ на лицѣ своемъ нѣкое подобіе сердечнаго умиленія, и направилась къ двери.

— Я провожу васъ до лѣстницы, объявила Аглая, идя за нимъ.

— Что вы, что вы, княгиня! вскрикнулъ онъ, оборачиваясь и вспоминая рекомендацію Ольги Елпидифоровны:—вы забыли что вы больны; вамъ не на лѣстницу, а въ постель надо... Непременно въ постель, я вамъ совѣтую....

И онъ исчезъ за портьерой.

Она закивала головой ему вслѣдъ, вернулась къ своему дивану и торопливо зазвонила. Явившемуся Финогену она отдала приказаніе принести новый чайникъ съ киляткомъ и „сейчасъ, сейчасъ отыскать и просить къ ней Евгенія Владиміровича“....

LXXXVIII.

Ольга Елпидифоровна объ руку съ блаженствовавшимъ калитаномъ выходила изъ сада въ большія сѣни дома, когда увидѣла предъ собою вваливавшееся изъ противоположныхъ дверей, со стороны двора, громоздкое туловище почтеннаго своего родителя. Елпидифоръ Павловичъ, покрытый пылью,

съ загорѣвшимъ докрасна отъ солнца и вѣтра лицомъ, несъ впередъ свой огромный животъ съ какимъ-то необыкновенно торжественнымъ и радостнымъ видомъ.... Завидѣвъ дочь онъ заковылялъ къ ней послѣдшю своими коротенькими ножками, махая ей еще издали руками....

— Что вы такъ повдво? крикнула она ему.

— Сто двадцать верстъ безъ малаго отмахалъ со вчерашняго вечера, отвѣтилъ онъ, отдаваясь все съ тѣмъ же торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ, и подходя къ ней.

— Это для чего же сто двадцать верстъ? спросила съ изумленіемъ Ольга.

— Въ чужой уѣздъ заѣхалъ, до самаго Подольска проводилъ его сіятельство, пояснилъ онъ со смѣхомъ, вопросительнымъ и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ обнимая дочь и ея кавалера, и протягивая послѣднему руку. Ранцевъ съ радости пожалъ ее такъ что Акулинъ чуть не крикнулъ отъ боли.

— Ну, дочурка, сказалъ онъ, тряхнувъ ладьями выдернутыми имъ изъ этой медвѣжьей лапы, — въ Бѣлокаменную собирайся!

— Это какъ?

— Назначеніе получаю.

— Полицеймейстеромъ въ Москву? вскрикнула Ольга.

— Пониже маленечко, да посытитѣ пожалуй! И жирная улыбка раздула еще разъ необъятныя ланиты Елдицифора.

— Что же это такое „пониже“? спросила она хмурясь и радувая губы.

— А что пониже полицеймейстера бываетъ, и не слышали, можетъ, никогда? спросилъ онъ въ свою очередь, передразнивая голосъ ея и мину.

— Частный приставъ есть, сердито отвѣчала она; — такъ развѣ вы согласитесь пойти въ частные пристава?

Онъ разсмѣялся во всю мочь, уткнувъ руки въ бока и насмѣшливо глядя ей въ лицо своими лукаво подмигивавшими глазками.

— Въ Городскую-то часть? Да какой же, съ позволенія вашего сказать, лѣнтяхъ и оселъ не пойдетъ на такое мѣсто!

— Частный приставъ, протянула брезгливо и свысока Ольга, — какая гадость!

— А исправникъ не гадость? протянулъ и онъ, передразнивая ее еще разъ. — Имѣлъ уже я честь, матушка моя, Ольга

Елпидифоровна. докладывать вамъ не разъ что званіе—звукъ пустой, и что ни къ чему человѣку честь, коли нечего ему вѣсть.... Спроси-ка вотъ Никанора Ильича, какъ онъ про это скажетъ?...

— Извѣстно, Ольга Елпидифоровна, послѣдшія подтвердитъ тотъ,—званіе безъ средствъ тягость одна-съ...

— Колибъ я продолжалъ по военной лямкѣ тянуть, заговорилъ опять Акулинъ,—я, по товарищамъ судя, въ настоящую пору въ родѣ превосходительнаго лѣтучка глотку бы дралъ предъ бригадой, а за усердіе мое получалъ бы содержанія столько что на одну вотъ на статью на эту (онъ треснулъ себя рукой по животу) доходовъ бы не хватало, не говоря о другомъ прочемъ... А тутъ и не казиста съ виду должность, а какъ ежели, бѣдно, бѣдно, лятнадцать тысячъ цѣлковенькихъ получать съ нея ежегодно, такъ пожалуй съ низостью-то званія помириться можно, какъ вы полагаете, Никаноръ Ильичъ?

Капитанъ промывалъ что-то, не то сконфуженно, не то нѣжно поглядѣлъ на будущаго тестя, и слегка покраснѣвъ и ухмыльнувшись опустилъ глаза.

— Это то-есть, съ кулцовъ взятки брать? громко и откровенно хватила за то Ольга.

Елпидифоръ Павловичъ и не подумалъ разсердиться; онъ только плечами пожалъ.

— И безо всякихъ взятокъ, и даже отцомъ-благодѣтелемъ всякій называть станетъ... потому матерію эту мы насквозь прошли, не сомнѣвайтесь, дочка моя достолюбезная... И какъ вы тамъ ни на есть *грандамъ*, а какъ ежели захотите въ Благородное Собраніе, или къ самому графу на балъ туалетомъ блеснуть, такъ къ тому же отцу-частному пристаю за презрѣннымъ металломъ отъявитесь, и *мерси боку* скажете что есть у него таковаго достаточно чтобы никогда вамъ въ немъ отказу не знать...

— Будьте покойны, возгласила на это Ольга,—никогда я за деньгами къ вамъ приходить не буду, и не вы, а мужъ мой будетъ платить за мои туалеты... Неправда ли, *mon capitaine*? И она улыбнувшись подняла на Ранцева свои зажигательные глаза...

Онъ не успѣлъ отвѣтить... Все огромное тѣло Елпидифора Павловича всколыхнуло вдругъ, словно двѣнадцативесельный барказъ подъ внезапнымъ набѣгомъ вала морскаго, маленькіе

глазки запрыгали, отвислая щека раздуалась мгновенно, и также мгновенно опали...

— Да что же это такое? едва былъ онъ въ состояніи про-
извести,—что же вы не говорите?.. Конечно у васъ что ли?..

— Рѣшено и подписано! расхохоталась на это Ольга, между тѣмъ какъ калитанъ безъ словъ, но весь мокрый отъ слезъ, хлынувшихъ тутъ же у него изъ глазъ, кидался на шею дебелаго ея родителя.

— Голубчикъ... затѣкъ ты мой любезный... Никанорумка! въ избыткѣ радости шепелявила тотъ, чмокая калитана влаж-
ными губами во всякое мѣсто воинственной его физиономіи.

— Вотъ видите, продолжала хохотать барышня,—и слѣ-
шить вамъ не къ чему было мѣсто принимать... И надѣюсь
что вы не поступите раньше чѣмъ насъ обвиняютъ... Мы
ужъ порѣшили,—тридцатаго, безо всякаго парада, и сейчасъ
же къ нему, въ Рай-Никольское...

Она оборвала вдругъ... Кто-то быстрыми шагами спускался
съ лѣстницы... Она обернулась—и увидала Аписьева.

— Ахъ, графъ, это вы... Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, повторилъ, онъ смѣясь и сбѣгая къ ней,—
сейчасъ заходилъ къ князю проститься...

Онъ еле замѣтно поморщился, замѣтивъ ея собесѣдни-
ковъ, но принялъ тотчасъ же любезный видъ, и учтиво по-
клонился имъ общимъ поклономъ.

Ольга сочла нужнымъ представить ихъ ему, и при этомъ
съ замѣтнымъ отгвѣткомъ, коротко, словно проглатывая
слова, назвала Акулина: „отецъ мой“, и тутъ же отверну-
лась отъ него.

— А калитана, сказала она,—вы мнѣ говорили вчера, графъ,
что знаете его еще съ прошлаго года, въ Венгріи?.. Никаноръ
Ильичъ Ранцевъ, отчетливо прибавила она.

Флигель-адъютантъ протянулъ ему руку, изобразивъ на
лицѣ любезнѣйшую изъ своихъ улыбокъ.

— Не знаю, помните ли вы меня, но мы съ вами встрѣти-
лись въ Коморнѣ, куда я привозилъ награды за дѣло въ
которомъ вы приняли такое блестящее участіе...

— Я что же-съ... исполнять долженъ, конфузиво пробормо-
талъ на это калитанъ,—а рота у меня, дѣйствительно,
отличная была-съ... Покорнѣйше благодарю за вниманіе! при-
молвилъ онъ коротко, какъ бы не желая продолжать разго-
вора на эту тему.

— Скромень какъ всѣ герои! расхохоталась Ольга.

— Совершенно справедливо! послѣдшилъ примолвить Анисью, наклоняя утвердительно голову.

Никаноръ Ильичъ растерянно повелъ на нихъ глазами.

— Не смущайтесь, cher capitaine, возгласила съ новымъ смѣхомъ барышня, — а просите лучше графа не оставить васъ своимъ знакомствомъ, когда вы будете въ Петербургѣ!

— Помилуйте, очень радъ, если только позволите, послѣдшилъ сказать петербургскій воинъ, протягивая ему свою руку.

Онъ при этомъ взглянулъ на Ольгу, какъ бы спрашивая ее глазами, слѣдуетъ ли ему поздравить ее съ предстоящимъ бракомъ.

Она чуть-чуть приподняла плечи въ отвѣтъ, будто говоря „не стоитъ труда!“ и обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Когда же вы ѣдете? Сейчасъ?

— Сейчасъ, подтвердилъ онъ.

— И мы тоже... Ёдемте, mon capitaine!..

— Куда это, куда? вскрикнулъ изумленный Акулинъ.

— Домой, въ городъ... Вѣдь и вы туда же, графъ? Выѣдете и выѣдемъ...

— Такъ какъ же это? продолжалъ недоумѣвать родитель, — а спектакль сегодняшній?

Она разсмѣялась.

— Никакого спектакля нѣтъ, княгиня больна... Собирайтесь вояси!

— Да у меня и лошадей нѣтъ, озадаченно молвила она, — прѣхалъ я на почтовыхъ, а своимъ велѣлъ только къ завтрашнему утру прибыть...

— Я могу, если прикажете, довести васъ до города, обязательно предложилъ Анисью, лобуждаемый къ такой небезопасности тѣмъ все болѣе и болѣе возбуждающимъ впечатлѣніемъ которое производила на него Ольга.

Исправникъ былъ чрезвычайно польщенъ предложеніемъ.

— Почту себя счастливымъ, пробормоталъ онъ, — если только не обезпокою васъ, графъ...

— Нисколько, засмѣялся тотъ, — коляска у меня просторная, мѣшать другъ другу не будемъ.

Всѣ они вмѣстѣ вышли на крыльцо.

Уже вся уложенная, запряженная почтовою четверкой коляска флигель-адъютанта, съ камердинеромъ его въ военной

ливрей у дверцы, стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, готовая подать. За нею, на козлахъ калитанскаго тарантаса видѣлось румяное лицо его молодого кучера, сердито поддерживавшаго вожжами отъ скуки ожиданія и самолюбія, оскорбленнаго надменнымъ тономъ съ которымъ слуга Анисьева приказалъ ему осадить чтобы дать проѣхать впередъ экипажу своего барина.

Онъ крайне возликовалъ повтому, когда самъ этотъ „чужой баринъ“ отдалъ первымъ дѣломъ приказаніе коляскѣ своей отѣхать назадъ и дать мѣсто тарантасу, въ которомъ должна была занять мѣсто хорошо знакомая калитанскому возницѣ „исправникова дочка“. Онъ подобралъ разомъ вожжи, натянулъ, тряхнулъ головой такъ что гречневикъ съѣхалъ ему прямо на правый глазъ и ухореки, будто едва сдерживая рвущихся коней, подкатилъ къ самымъ ступенькамъ крыльца.

— Образцовая упряжка! возгласилъ одобрительно флигель-адъютантъ, глядя на нее знатокомъ и цѣнителемъ.

— Ольга Елпидифоровна, что же это такое, вы въ самомъ дѣлѣ увѣжаете, и никому не сказать! раздались голоса съ одной изъ висячихъ галлерей, огибавшихъ домъ съ обѣихъ сторонъ, и на которыхъ любила во всякое время собираться молодежь Сидкаго курить и болтать, лежа на расположенныхъ тамъ широкихъ турецкихъ диванахъ.

Толъ Карнауховъ мигомъ перекинулъ оттуда ноги за перила, ухватился за водосточную трубу, и спустившись по ней благополучно внизъ, кинулся къ тарантасу, въ который только что подсадилъ калитанъ Ольгу.

— Розалинда безумной мечты, зашепталъ онъ ей, подбѣгая со стороны противоположной крыльцу, пока она усаживалась, а калитанъ дрожащими отъ счастья руками подкладывалъ ей подъ ноги какую-то подушку, — вы вслаправду такъ и укатите въ тетатетъ съ христолюбивымъ воинствомъ?

— Не правда ли какъ жалко что не съ вами! громко фыркнула она въ отвѣтъ повернувшись къ нему спиной, уткнулась въ уголъ экипажа и подняла голову.

Всѣ они были тамъ и глядя на нее жадно и удивленно, — и Чижевскій, и Шигаревъ, и Духонинъ съ Факирскимъ, и „стралчій“ Маусъ, и... и Ашанинъ, нѣсколько люблѣннѣвшій, показалось ей, — Ашанинъ, съ его искристыми, „насквозь прожигающими“ глазами и не то злою, не то насмѣшливою улыбкой на устахъ...

Что-то въ родѣ сожалѣнія или раскаянія промелькнуло нея въ душѣ... О чемъ, къ кому,—она сказать бы себѣ и могла... да и не такова она была чтобъ останавливаться долга на разборѣ своихъ ощущеній... Она на мигъ прижмурилась, открыла опять глаза, остановила ихъ на калитанѣ, роко заносившемъ ногу на подложку экипажа, и проговорилъ вѣтерливымъ тономъ:

— Да садитесь же скорѣе наконецъ!...

Онъ заторопился, сѣлъ... Она еще разъ подняла голову, обвѣла взиравшихъ на нее съ галереи какимъ-то вызывающимъ взглядомъ, и звонко, своимъ густымъ, контральтовымъ голосомъ, крикнула имъ, кивнувъ на Ранцева:

— Господа, честь имѣю представить вамъ моего жениха! И тутъ же обернувшись къ кучеру, закомандовала уже поному госпожой и хозяйкой:—А ты трогай, и лошади!...

Тройка дружно рванула, загремѣла, понеслась...

Фангель-адъютантъ многозначительно улыбнулся изъ-под прикрученныхъ усовъ, степенно утѣлся съ исправникомъ Акулинымъ въ поданную ему коляску, и коротко отдалъ ащикъ своему приказаніе „не отставать“.

— О, калитане, калитане, загаерничалъ имъ вслѣдъ Шугревъ,—о герой Венгерскій, ходишь тебѣ на четверенькахъ быть тебѣ въ ярмѣ!...

— А я тебѣ вотъ что скажу, съ засверкавшими глазами обернувшись на него Ашанинъ,—это единственная женщина изъ всѣхъ какихъ я знаю, которая способна не надоесть тебѣ до конца жизни!

— Еще бы! засмѣялся Чижевскій,—она тебя до этого десять разъ успѣетъ разжевать и выплюнуть...

— Въ этомъ-то и прелесть, живо возразилъ московскій Донъ-Жуанъ,—въ этомъ-то и прелесть, какъ ты этого не понимаешь!...

Бѣдный Маусъ ничего не сказалъ. Онъ съ высоты своихъ правовѣдскихъ правъ и нѣмецкой крови такъ долго привыкъ презирать своего русскаго и непривилегированнаго рива, что неожиданное объявленіе побѣды Ранцева надъ нимъ кивнуло его въ жаръ и подкосило ноги... Онъ повалился на диванъ безпомощно и безсильно, и надменные его воротнички, смоченные выступившимъ у него лихорадочнымъ потомъ, повисли внезапно жалкою тряпкой кругомъ его длинной, худой, съ большимъ напередѣ желвакомъ, нѣмецкой шеи...

LXXXIX.

Черезъ нѣсколько минутъ Апанинъ всталъ и ушелъ съ галереи.

„Что дѣлать теперь здѣсь?“ думалъ онъ. Для него лично все уже было кончено; съ отъѣздомъ Ольги и этою „забавною помолвкой“ ея съ однимъ изъ „ея фюфановъ“ изсякала для него всякій интересъ, всякій поводъ дальнѣйшаго пребыванія въ Сидкомѣ. Онъ сегодня же уѣхалъ бы въ Москву съ Чижевскимъ, который уже послалъ за лошадьми и предлагалъ ему мѣсто въ своемъ экипажѣ, еслибы не Гундуровъ... Нашъ Довъ-Жуанъ сердечно интересовался романомъ пріятеля, но, занятый самъ любовными похождениями своими, не имѣлъ случая говорить съ нимъ со вчерашняго вечера, и послѣднія страницы этого романа были ему невѣдомы. Онъ, какъ мы видѣли, тотчасъ послѣ завтрака отправился къ Софьѣ Ивановнѣ, которую засталъ вдвоемъ съ Сергѣемъ, но немедленно вслѣдъ за нимъ вошла княжна Лина, и по первому взгляду кинутому ею на Гундунова, на его тетку, Апанинъ понялъ что въ теченіе утра произошло для нихъ нѣчто важное и рѣшительное, о чемъ должно было идти между ними совѣщаніе, при которомъ онъ оказывался лишнимъ. Онъ послѣдшилъ уйти...

Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе часа. „Они вѣроятно успѣли ужъ теперь передать другъ другу все нужное“, разсуждалъ Апанинъ, направляясь опять къ покоямъ занимаемымъ госпожой Переверзиной. „Дѣло идетъ у нихъ очевидно о послѣднемъ шагѣ,—просить руки княжны у ея матери... И почти несомнѣнно что она откажетъ, и тогда придется имъ сегодня же уѣхать въ Сашино... Сережа будетъ съ ума сходить и Богъ знаетъ чѣмъ все это можетъ кончиться... Его оставить нельзя, бѣдной! Софьѣ Ивановнѣ съ нимъ одной не справиться... Я уѣду съ ними во всякомъ случаѣ“, рѣшилъ онъ.

Проходя черезъ первую гостиную, онъ услышалъ шаги за собой, и машинально обернулъ голову.

Это былъ князь Ларіонъ. Апанинъ остановился.

— Вы не къ Софьѣ ли Ивановнѣ Переверзиной? спросилъ его тотъ.

— Такъ точно-съ...

т. сxxxviii.

Князь замедлилъ шаги, и на лицѣ его какъ бы пробѣжающее легкое выраженіе досады.

— Не знаете, у себя она... и одна ли? примолвилъ онъ какъ бы нехотя.

— Теперь не знаю, а съ часъ тому назадъ, когда я былъ тамъ, у нея былъ Гундуrowъ и...

Онъ какъ-то безсознательно пріостановился.

— И кто же еще, развѣ это секретъ? нетерпѣливо вырвалось у князя, и онъ строгими глазами глянулъ на молодого человека.

— Нисколько, отвѣтилъ нѣсколько смущенно улыбаясь Ашанинъ:— была княжна Елена Михайловна....

— А!...

Князь Ларіонъ остановился какъ бы въ раздумьи.

— Вы мнѣ можете оказать услугу, сказалъ онъ помолчавъ.

— Какую прикажете, князь?

— Я бы хотѣлъ поговорить съ пріелемъ вашимъ... Сейчасъ Михайловичемъ Гундуrowымъ. Если увидите его, благоводите передать это ему и сказать что я буду ждать его у себя въ кабинетѣ.

— Сію же минуту, князь!

Они разошлись.

Лина была еще у Софьи Ивановны...

Гундуrowъ сидѣлъ блѣдный какъ и она, и какъ она стараясь казаться спокойнымъ. Софья Ивановна ходила по комнатѣ, судорожно погружая то и дѣло пальцы свои въ табатерку, и каждый разъ просылая табакъ прежде чѣмъ донести его до ноздрей...

Они дѣйствительно давно уже успѣли передать другъ другу все что представляло для нихъ взаимный интересъ княжна—разговоръ свой съ матерью и встрѣчу съ графомъ Анисевымъ, Софья Ивановна—объясненіе съ княземъ Ларіономъ... На фактъ подтвердилось то что заранѣе предвидѣлъ, предчувствовалъ каждый изъ нихъ: княгиня отказывала наотрѣвъ, впереди стояла разлука, неизбежная, непереносимая разлука... Правда, нельзя еще было назвать все потеряннымъ: князь Ларіонъ самымъ формальнымъ образомъ обѣщалъ вступить, поговорить... Но никто изъ нихъ въ глубинѣ души не вѣрилъ въ успѣхъ этого предпріятельства...

А между тѣмъ, всѣ трое они, невольно прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ сосѣднемъ корридорѣ, безмолвствовали въ тревожномъ ожиданіи вѣсти объ исходѣ этого обѣщаннаго княземъ рѣшительнаго разговора съ невѣсткой, и чѣмъ долѣе тянулось время, тѣмъ мучительнѣе становилось это ожиданіе...

Въ эту минуту слышались слѣшныя шаги въ корридорѣ, и кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите! вскрикнула Софья Ивановна.

Вошелъ Ашанинъ.

— Сережа, тебя князь Ларіонъ Васильевичъ желаетъ видѣть, сказалъ онъ.

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Тетка его и Луна съ измѣнившимися лицами глянули другъ на друга. У всѣхъ на минуту сперлось дыханіе.

— Не знаешь для чего? вырвалось безсознательно у Сергѣя.

— Не знаю..

Ашанинъ передалъ разговоръ свой съ княземъ.

— Стулай скорѣе, Сергѣй! заторопила его Софья Ивановна.

Луна подошла къ нему.

— И что бы ни было, прошелтада она вся заалѣвъ,—не теряйте спокойствія духа!

Она протянула ему руку.

— Можно? спросилъ онъ, наклоняясь надъ ней и насильно улыбаясь:—на счастье?

Она чуть-чуть кивнула печальною головкой. Онъ прикоснулся губами къ ея вѣжнымъ пальцамъ и вышелъ, сопровождаемый Ашанинымъ.

— Послушай, Сережа, молвилъ ему тотъ, шагая съ нимъ рядомъ по пустыннымъ параднымъ комнатамъ,—ты понимаешь что не изъ пустаго любопытства спрашиваю я тебя; скажи, на чемъ стоитъ въ эту минуту дѣло у васъ съ княжной?

— Тетѣ княгиня отказала... Вся надежда теперь на то что могъ сдѣлать тамъ князь, проговорилъ отрывисто Гундуровъ.

У Ашанина болѣзненно защемило на сердцѣ.

— Ну, Сережа, голубчикъ, вскрикнулъ онъ,—ты знаешь, денегъ у меня никогда не бываетъ, а только вотъ мое клят-

венное обѣщаніе: если ты теперь отъ князя выйдешь женихомъ, я прямо же отсюда въ Москву, и хоть послѣднее пальто заложу, а за тебя лудовую свѣчу Сласу у Воротъ поставлю!

Онъ довелъ пріятеля до покоевъ князя Ларіона, а самъ утѣлся на лавкѣ въ передней, въ ожиданіи его возвращенія.

XC.

Гундуровъ входилъ въ кабинетъ князя Ларіона въ первый разъ со дня того разговора съ нимъ внутренній смыслъ котораго заключался въ желаніи князя удалить молодого человека отъ княжны. Видъ покоя, съ его величавыми свидѣтельствами минувшаго и чѣмъ-то внушительнымъ и строгимъ вѣявшимъ отъ его лоблекло-роскошнаго убранства, сразу наломилъ этотъ разговоръ нашему герою, и вызвалъ въ немъ тяжелое ощущеніе. Въ этихъ стѣнахъ, казалось ему, не суждено тебѣ услышать слова надежды и радости...

Онъ былъ правъ.... на половину.

Князь разбиралъ какія-то бумаги за столомъ и такъ погруженъ былъ, казалось, въ это занятіе что замѣтилъ Гундурова лишь когда тотъ стоялъ уже въ двухъ шагахъ отъ него.

— А, Сергѣй Михайловичъ, проговорилъ онъ послѣднее, вставая и закрывая лалку съ бумагами,—милости просимъ!

Онъ отошелъ отъ стола къ дивану у противоположной стѣны, сѣлъ, и указалъ молодому человеку кресло подлѣ себя...

Прошло долгое молчанье.

— Вы знаете вѣроятно чрезъ тетюшку вашу, началъ наконецъ съ видимымъ усиліемъ князь,—что я долженъ былъ переговорить съ Аглаей Константиновной.... относительно сдѣланнаго ей сегодня утромъ Софьей Ивановной.... предложенія?

— Знаю, князь, глухо промолвилъ Сергѣй.

— Сломить я ее не могъ, заговорить тотъ опять послѣ новаго молчанія;—есть стѣны которыхъ ничѣмъ, никакимъ тарзаномъ не прошибешь, добавилъ онъ съ презрительною усмѣшкой.

Гундуровъ любѣдѣлъ какъ полотно, несмотря на всю приготовленность его къ принатію такого удара.

Князь внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Ничѣмъ, повторилъ онъ, — кромѣ какъ терпѣніемъ... Способны ли вы на него?

— Князь, вскрикнулъ Гундуровъ, — долженъ ли я понимать изъ этого что надежда еще для меня не потеряна?

— На это, сказалъ князь Ларіонъ со страннымъ движеніемъ губъ, — можно было бы отвѣтить вамъ вопросомъ: насколько сами вы надѣетесь на себя... и на особу — онъ какъ бы не находилъ соотвѣтствующаго выраженія, — отвѣчающую вамъ взаимностью? досказалъ онъ наконецъ, хмурясь и глядя въ сторону.

— Не знаю, пылко выговорилъ на это молодой человѣкъ, — насколько заслуживаю я вѣры въ вашихъ глазахъ, но знаю что княжна не сомнѣвается во мнѣ... А я, я какъ въ Богѣ увѣренъ въ ней!

— Да, какъ бы про себя, тихо и печально сказалъ дядя Лины, — ей вѣрить можно, она не измѣнитъ... не измѣнится... Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, началъ онъ вдругъ, откидываясь отъ стѣнки дивана и облокачиваясь о стоявшій предъ нимъ столъ, — я буду говорить съ вами откровенно... Я не Аглая Константиновна, и вы должны понимать что я не признаю ни одного изъ тѣхъ основаній въ силу которыхъ она отказываетъ вамъ... Напротивъ, то какъ вы были воспитаны и какъ смотрите на задачи жизни — отвѣчаетъ вполне моему понятію о томъ какой человѣкъ можетъ быть желателенъ для такой дѣвушки какъ... моя племянница... Князь пріостановился на мигъ и продолжалъ:

— Но, признаюсь, мнѣ все же не хотѣлось этого брака... Я не довѣрялъ вамъ, — не довѣрялъ вашей молодости... Вы увлечены Нелѣне, околдованы, влюблены... вы ее любите, не сомнѣваюсь, послѣдшилъ добавить онъ въ отвѣтъ на движеніе Гундурсва, ссбравшагося, показалось ему, протестовать противъ недостаточности первыхъ его выраженій, — но въ ваши годы кто же не любитъ? Весь вопросъ въ томъ: кого и какъ любятъ!... Вы провели теперь три недѣли въ ея обществѣ, могли оцѣнить ея наружную и душевную прелесть. Но вы ея еще всю не знаете, не знаете всей цѣны этой чуткой, нѣжной, глубокой души... Полюбить она — до могилы, отдастъ себя безъ

остатка, for better and worse, какъ говорятъ Англичане... Та-кую душу—я говорилъ это вамей тетукѣ—заслужить надо, всю жизнь заслуживать, Сергѣй Михайловичъ! протянулъ дрогнувшимъ голосомъ князь Ларіонъ.—Заслуживать и беречь, промолвилъ онъ, еще разъ, не давая нашему герою возможности вставить слова, не такъ какъ поступили вы съ нею вчера...

— Князь, вскрикнулъ Гундуговъ со мгновенно проступившими на глазахъ слезами,—я отдалъ бы десять лѣтъ жизни чтобы вычеркнуть эти минуты безумія! Повѣрьте...

Невольная горечь послышалась въ голосъ его собесѣдника:

— Извиняться бесполезно, она вамъ простила... и я напомнилъ вамъ это для очистки совѣсти, такъ-сказать... Ваша тетушка права, промолвилъ онъ, проводя рукой по лицу и какъ бы остановившись на окончательномъ рѣшеніи:—такія существа какъ Нелѣне прозрѣваютъ внутреннимъ чутьемъ и дальше, и глубже чѣмъ наше старая мудрость и опытность... Она васъ избрала; мнѣ остается отложить въ сторону всякія мои личныя сужденія и... протянуть вамъ руку. Да будетъ ея воля!...

Слова замирали въ горлѣ Гундугова; онъ схватилъ эту протягиваемую ему руку и горячо пожалъ ее обѣими руками...

— И вамъ, и ей предстоитъ тяжелый и долгій быть-можетъ искусь, заговорилъ снова князь Ларіонъ, — его надо будетъ имѣть силу выдержать. Съ княгиней Аглаей Константиновной справиться не легко... а безъ материнскаго согласія ни Нелѣне, ни вы, я полагаю, не допускаете возможности брака?... Остается поэтому — ждать. Годъ, два, быть-можетъ, если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, которое все измѣнить можетъ... Въ настоящую минуту выиграно, по крайней мѣрѣ, то что этотъ графъ Анисьевъ отложилъ, повидимому, намѣренія свои на время, а въ настоящую минуту должно-быть уже и уѣхалъ отсюда...

— Онъ положительно отказывается отъ всякихъ притязаній, послѣдно сказалъ Сергѣй:—онъ это сказалъ княжѣ.

— Вотъ какъ! Онъ объяснялся съ нею?

Гундуговъ передалъ сообщенное ему Ливой.

— За этимъ цѣлый échafaudage интриги! внимательно прослушавъ, пропустилъ сквозь зубы его собесѣдникъ;—вы понимаете что, еслибъ онъ дѣйствительно хотѣлъ отказаться,

онъ этихъ чувствительныхъ словъ не далъ бы себѣ труда говорить, а уѣхалъ бы какъ уѣзжаютъ въ подобныхъ случаяхъ, безъ разговоровъ и безъ рисовки... Все равно (глаза князя блеснули), что бы они тамъ ни затѣвали, пока я живъ,—я это объявилъ Аглаѣ Константиновнѣ,—Нелѣне насильно замужъ не выдадутъ!... А когда меня не будетъ, съ загадочною улыбкой договорилъ князь Ларіонъ,—вы, я надѣюсь, будете уже ея мужемъ...

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста.

— Князь, у меня нѣтъ словъ сказать вамъ все что я чувствую, выразить вамъ мою благодарность, мое благоговѣніе къ вамъ... Я сознаю, вы имѣли право почитать меня недостойнымъ того счастья на которое указываете вы теперь мнѣ... Вы говорите вѣрно, счастье это слѣдуетъ заслужить... заслужить годами терпѣнія, покорности, мукъ. И я вынесу, выдержу, заслужу, клянусь вамъ Богомъ... Что всѣ эти искусы и муки предъ тѣмъ что можетъ ждать меня!...

„О, молодость!“ слушая его безысходною тоской сжималось сердце князя Ларіона. Онъ опустилъ глаза чтобы не видѣть выраженія этихъ молодыхъ надеждъ на этомъ счастливомъ молодомъ лицѣ...

Сергѣй оборвалъ вдругъ:

— А теперь, князь, что же, проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ,—намъ надо уѣзжать съ тетушкой?

— Я полагаю что самимъ вамъ въ настоящую минуту было бы неловко оставаться... послѣ отвѣта Аглаи Константиновны тетушкѣ вашей... Она все же хозяйка дома...

— И не видать болѣе княжны, не встрѣчаться съ нею... До какихъ же поръ? еле слышно прошепталъ молодой человекъ.

— Пока я въ Сицкомѣ, не сразу отвѣчалъ князь,—я буду очень радъ если вамъ отъ времени до времени вздумается навѣщать меня... Вы можете встрѣтиться съ Нелѣне... „Чтобы гусей не раздражить“, добавилъ онъ усмѣхаясь черезъ силу,—спѣшить не надо! Положимъ, наприимѣръ, срокъ первому визиту въ концѣ этого мѣсяца.

— И за то великое спасибо, князь! вздохнулъ подумавъ Гундуровъ.

Послѣдовало новое, продолжительное молчаніе.

Сергѣй остановилъ глаза на князѣ. Его поразилъ его разстроенный лихорадочный видъ.

— Вамъ какъ-будто нездоровится, князь?

Тотъ поднялъ глаза, будто съ просонковъ.

— Усталъ, сплю плохо... Года, что же дѣлать! примолвилъ онъ, пытаюсь еще разъ вызвать улыбку на лицо, но молодому человѣку стало вдругъ жутко отъ вида этой улыбки.

— Надо будетъ пойти проститься съ княгиней, сказалъ онъ, возвращаясь къ предмету личной своей заботы;—не знаю, приметъ ли она насъ?

— Она сказывается больною, не выходила къ завтраку, отвѣтилъ князь Ларіонъ,—вѣроятно не приметъ... и избавить васъ такимъ образомъ отъ личной непріятности... Пошлите ее спросить во всякомъ случаѣ.

— А теперь, князь, молвилъ черезъ мигъ Гундуровъ,—мнѣ остается только выразить вамъ еще разъ мое глубокое сердечное спасибо и проститься съ вами... до послѣднихъ чиселъ іюня, не такъ ли?...

Хозяинъ всталъ въ свою очередь.

— Да, да!... До свиданія, Сергѣй Михайловичъ!... А къ тебѣ вашей я самъ сейчасъ зайду пожелать ей добраго пути.

Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ.

„Что же“, оставшись одинъ, спросилъ себя князь Ларіонъ,—„легче ли мнѣ стало теперь, какъ обѣщала эта добрая женщина?.. Нѣтъ, все то же!“ глухо вырвалось у него изъ груди, и онъ откинулся опять въ глубь дивана, нажимая глаза себѣ рукой.

XCI.

Les myrtes sont flétris, les roses mortes.

Nadaud.

На небо взглянулъ я, и тучи

Увидѣлъ я черныя тамъ.

Плещеевъ.

Читатель, если не даромъ прошла ваша молодость, и на разсвѣтъ ея выпало вамъ на долю счастье любви,—первой, чистой, благословенной любви, съ ея волшебною дѣйствительностью и золотыми снами, если вы подъ сѣдывами сохранили память о свѣтломъ существѣ въ которомъ въ тѣ дни соединялись для васъ вся прелесть, все добро, весь свѣтъ и

Красота человѣческой жизни,—для васъ понятно будетъ все что происходило въ душѣ Гундунова въ минуту разставанія съ княжной... Онъ походилъ на человѣка ошеломленнаго ударомъ грозы, хотѣлъ говорить—и не могъ, искалъ собрать мысли — и лучше терялся.... Тутъ были Софья Ивановна, князь Ларіонъ, Ашанинъ,—но онъ не видѣлъ никого, не отвѣчалъ ни на чьи рѣчи, не слышалъ ихъ. Онъ только растерянно глядѣлъ на Лину, и чувствовалъ въ груди, въ сердцѣ словно тысячу иголокъ разомъ коловшихъ его и не позволявшихъ ему сознавать никакого иного ощущенія, кромѣ этой острой, нестерпимой боли. Онъ пробормоталъ что-то въ послѣднюю минуту, и ушелъ вслѣдъ за теткой, слотыкаясь на каждой ступенькѣ лѣстницы... Уже въ коляскѣ, у крыльца, вспомнилъ онъ что не сказалъ и сотой доли того что готовился сказать ей, внезапно, къ ужасу тетки, выскочилъ стремглавъ изъ экипажа, кинулся обратно въ домъ, догнавъ княжну въ гостиной, куда она, проводивъ отъѣзжавшихъ до лѣстницы (Софья Ивановна упросила ее не идти далѣе), любѣжала взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ изъ окна, схватилъ ее руку, попытался что-то выговорить—и не могъ, а судорожно прижалъ губами къ этой рукѣ,—и такъ и замеръ.... Ашанинъ прибѣжалъ за нимъ весь въ тревогѣ.

— Сережа, что ты дѣлаешь? Увидать люди, узнаеть весь домъ, княгиня....

— Что жъ такое, пусть знаютъ! неожиданно для него говорила Лина, блѣдная какъ мраморное изваяніе и сіяя такимъ блескомъ широко раскрытыхъ глазъ, какого въ нихъ еще никогда не видывалъ никто.

— Ради Бога, уходите, княжна! вскрикнулъ испуганно пріятель Гундунова,—иначе его не уведешь, не избѣжишь скандала... И сами вы, глядите, едва на ногахъ стоите!...

— Сейчасъ уйду, логодите минуту! сказала она... И тихо отнявъ руку отъ прильнувшихъ къ ней устъ Сергѣя, она скинула съ шеи возвращенную имъ послѣ вчерашняго представленія старинную кружкокольчатую золотую цѣпочку съ портретомъ отца ея, отомкнула, сняла съ нея медальонъ и протянула ему ее.

— Возьмите и носите на рукѣ, пусть всѣ знаютъ что это отъ меня и что вы мой навсегда!..

Ашанинъ чуть не силой увелъ нашего героя.

— Ну, слава Богу! перекрестилась даже Софья Ивановна подъ своимъ бурнусомъ, когда выѣхали они изъ Сидкаго.

Ѣхали они втроемъ съ Ашанинымъ, на котораго тетка Гундунова глядѣла теперь глубоко признательными глазами; она безконечно рада была предложенію его ѣхать съ ними въ Сашино и „остаться тамъ пока его не прогонять“. Его присутствіе крайне облегчало тяжесть предстоявшей ей задачи „возиться съ этимъ сумашедшимъ“, говорила она себѣ, поглядывая искоса на сидѣвшаго противъ нея съ опущенною головою племянника: „изныла бы я совсѣмъ одна-то съ нимъ“.... И тутъ же съ просящимися на глаза слезами всплывало Софѣ Ивановнѣ какъ, въ минуту прощанія, нѣжно охвативъ ей шею рукой и крѣпко прижавшись золотистою головкой своею къ ея плечу, прошептала ей на ухо Лина: „тетя, берегите его!“

Быстро мчали ихъ добрыя караковыя лошадки. Сидкое скрылось за пригоркомъ; потянули поля съ желтоватою зеленою ржи, словно легкимъ туманомъ подернутою золотистою пылью цвѣтенія.... Вотъ и лѣсъ за границей Шастуновскихъ владѣній.... О, такимъ ли видѣлъ его Гундуровъ въ тотъ незабвенный полдень, послѣ первой встрѣчи съ княжной? Онъ не узнавалъ его: гдѣ тѣ краски, гдѣ тѣ волшебные переливы свѣта и тѣней? Погода съ утра успѣла измѣниться, надъ вершинами березъ низко проносились темнолиловыя тучи. Непривѣтно смотрѣла лѣсная чаща, птицы замолкли, весенніе ландыши отцвѣли давно.... Безцвѣтно и уныло, какъ и въ его душѣ, было теперь подъ густою сѣтью нависавшихъ надъ ними вѣтвей, и лишь шумъ плюскавшихъ по листьямъ капель зашавшаго дождя, да нидѣ гуакій стукъ дрозда о стволъ древесный доносились до его слуха, вмѣсто тѣхъ неисчислимыхъ голосовъ что привѣтствовали его здѣсь на зарѣ его счастья.

Счастія.... Да развѣ закрылось оно для него навсегда, развѣ не ждетъ оно его впереди, развѣ все это не временная мука, не „искусъ“, о которомъ говорилъ ему князь Ларіонъ, и который самъ онъ такъ торжественно обѣщалъ „выдержать, вынести“.... Гундуровъ внезапно поднялъ голову, оглянулъ своихъ спутниковъ, ощущалъ на лѣвой рукѣ обмотанную о кисть ея цѣпь Лины, и улыбнулся мгаовенною, безсознательною улыбкой.

— Дождь пошелъ, сказала ему Софья Ивановна, не покидавшая его взглядомъ,—садись съ нами подъ верхъ, усядемся всѣ трое.

— Спасибо, тетя, отвѣчалъ онъ, скидывая шляпу,—пусть калаеетъ, головѣ свѣжѣе.

— Дождь—къ счастью! проговорилъ на это Ашанинъ съ такою комическою серіозностью что Софья Ивановна засмѣялась.

Но Сергѣй уже снова впалъ въ свою задумчивость.

И много дней должно было пройти прежде чѣмъ сталъ онъ въ состояніи перемочь себя и внести извѣстную ровность въ душевный овой обиходъ, много дней, въ теченіе которыхъ онъ то проводилъ по цѣлымъ часамъ залершись въ своей комнатѣ, уткнувъ голову въ руки, недвижный и безмолвный, то пропадалъ до поздней ночи въ поляхъ и оврагахъ, возвращаясь истомленный домой, будилъ Ашанина, и заставлялъ его до зари выслушивать страстные рѣчи о княжнѣ, объ обѣщаніяхъ князя Ларіона, о „случайностяхъ“ которыя могли бы заставить Аглаю Константиновну измѣнить свое рѣшеніе.... Ашанинъ терпѣливо выслушивалъ его, утѣшалъ, напоминалъ о терпѣніи, и не разъ при этомъ посылалъ внутренно къ чорту пріятеля, прерывавшаго сонъ, въ которомъ онъ держалъ въ объятіяхъ своихъ Ольгу Акулину,—Ольгу Акулину надолго, если не навсегда, потерянную для него теперь, но о которой каждый день думалъ московскій Донъ-Жуанъ.

— Мнѣ просто не въ мочь ждать до конца этого мѣсяца, говорилъ ему съ отчаяніемъ Гундуровъ черезъ недѣлю послѣ отъѣзда ихъ изъ Суцкаго,—хотя бы на мигъ, издалека взглянуть на нее!

— Только раздражить себя больше, возражалъ Ашанинъ;—и гдѣ же это такъ взглянуть на нее чтобы не увидѣли другіе, не пошли толки, сласки?

— Но какъ же жить такъ, безо всякихъ извѣстій! Она нездорова, можетъ-быть, заболѣла отъ непріятностей, отъ преслѣдованій матери....

— Объ этомъ узнать можно, сказалъ подумавъ красавецъ:—я поѣду въ Суцкое.

— Ты?...

— А что же? Я—сторона, никакой у меня размолвки съ княгиней не было, и благоволила она ко мнѣ всегда. Поѣду къ ней съ визитомъ, навезу ей скоромныхъ анекдотцевъ коробъ цѣлый. Она предовольна будетъ.

— Но она узнаетъ что ты отъ насъ, изъ Сашина...

— И не полюболытствуетъ! А узнаетъ, такъ что же такое! Если она заговоритъ о тебѣ, я тебя ругать стану! засмѣялся Ашанинъ:—скажу что ты ужасно гордишься и важничаешь своею Рюриковскою кровью и почитаешь поэтому что чортъ тебѣ не братъ. Это на ея Раскаталовщину произведетъ самое внушительное впечатлѣніе.... А княжну я тѣмъ временемъ увижу, переговорю, узнаю все....

— Володя, я напишу, передай ей! вскрикнулъ, блеснувъ взглядомъ Гудуровъ.

— Хорошо.... Нѣтъ пусть лучше напишетъ Софья Ивановна: и мнѣ передавать и княжнѣ получать будетъ этакъ ловчѣе... Гудуровъ кинулся ему на шею.

XCII.

Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды недавнихъ слезъ.

Жуковский.

А въ Сицкомъ.... Какое безмолвіе, какая тоска свили себѣ въ немъ теперь гнѣздо послѣ недавняго гама, смѣха, праздничнаго сіянія! Какъ пустынно и угрюмо глядѣли эти пыльные хоромы, по лощенымъ паркетамъ которыхъ кое-когда лишь развѣ безшумно проходилъ теперь полусонный дежурный офиціантъ, посланный бдительнымъ Витторіо слустить занавѣсы отъ солнца или смести насѣвшую на мебель пыль... Изъ гостей оставался одинъ лишь Зяблинъ, каждый день впрочемъ заявлявшій о своемъ ближайшемъ отъѣздѣ, но изо дня въ день продолжавшій все также пить чай съ очарованною имъ хозяйкой. Сама она выходила изъ своихъ внутреннихъ апартаментовъ лишь въ часы завтрака и обѣда; въ одни лишь эти часы видѣлась она съ деверемъ и дочерью. Невеселы и тяжелы для всѣхъ были эти трапезы, за которыми каждый сидѣлъ глядя въ свою тарелку, часто ни единымъ словомъ во все продолженіе ихъ не обмѣнявшись со своими сосѣдами, и прислушивался отъ нечего дѣлать къ ребяческой болтовнѣ князька „Базиля“ съ его невозмутимымъ Англичаниномъ. Аглая Константиновна не то дулась, не то конфузилась, не смѣя поднять глазъ на князя Ларіона, и отворачивая ихъ отъ Лины. Изъ-за стола вставали всѣ

послѣшню, какъ бы отбывъ обременительный долгъ, и тотчасъ же расходились каждый въ свою сторону. Князь Ларіонъ усиленно ходилъ, читалъ, ѣздилъ верхомъ. Лина гуляла до усталости и заигрывалась по вечерамъ Бахомъ и Марчелло, строгія вдохновенія которыхъ ладились съ невеселымъ настроеніемъ ея духа.... Между дядей и племянницей отношенія какъ бы вдругъ совершенно порвались; они не сходились, не видѣлись, кромѣ какъ въ часы общихъ трапезъ, тяжелыхъ и безмолвныхъ. Какое-то взаимное недоразумѣніе лежало между ними. Онъ, послѣ того разговора съ ея матерью, наружно какъ бы столько же боялся возобновленія прежней интимности своей съ Линою, сколько внутренно жаждалъ и томился по ней. Онъ ждалъ что она „подойдетъ“ сама, сама почувствуетъ потребность тѣхъ прежнихъ, близкихъ, дружескихъ отношеній, „заставитъ его“ возобновить ихъ. „Не пожертвовалъ ли онъ себя весь“, не подарилъ ли себя, не общалъ ли „избранному ея“ полное содѣйствіе и покровительство?... Княжна, въ свою очередь, чувствовала себя исполненною къ нему искреннѣйшей благодарности, и томилась желаніемъ выразить ее ему. Но какъ? Онъ казался ей мраченъ до суровости, онъ удалялся, не искалъ случая разговора съ нею. Она боялась сказать ему слишкомъ мало, или слишкомъ много,—все то же внутреннее чутье подсказывало ей что горячее выраженіе этой благодарности ея способно было только растравить ту рану которую, она знала, носилъ онъ въ себѣ съ первой почти минуты появленія Гуадурова въ Сицкомъ... Она не старалась углубиться въ разгадку двигавшихъ его побужденій, она останавливалась на тѣхъ объясненіяхъ которыя самъ онъ далъ ей по этому поводу: онъ одинокъ, привыкъ, привязавъ къ ней, онъ видѣлъ въ ней свой „*bâton de vieillesse*“, ему тяжела мысль потерять ее, разстаться съ существомъ близкимъ ему по крови, по чувствамъ, по симпатіямъ... „Онъ добръ, дядя, благороденъ, онъ это доказалъ намъ теперь, разсуждала Лина,—но въ немъ, какъ во всѣхъ старыхъ людяхъ, есть своя доля эгоизма: онъ рѣшился теперь стать прямо на нашу сторону, но все же простить мнѣ это онъ сразу не можетъ“...

Итакъ шли дни, и какъ бы все далѣе и далѣе расходились они, „и какъ враги избѣгали свиданія и встрѣчи“...

Не весело, но и не мятежно было на душѣ Лины. Она вѣрила,

она умѣла вѣрить. Тяжко было для нея отсутствіе любимого человека, и слезы невольно текли о немъ изъ ея глазъ, но она знала что онъ думалъ ежечасно о ней, какъ и она ежечасно думала и молилась о немъ, знала что она его увидитъ черезъ извѣстный промежутокъ времени, и терпѣливо считала дни отдѣлявшіе ее отъ этой минуты. О болѣе дальнемъ будущемъ она загадывать не смѣла, но и не отчаивалась въ немъ,—она была увѣрена и въ себя, и въ Сергѣя.— „да и не грѣхъ ли отчаяніе?..“ Забвеніе въ которомъ она была какъ бы оставлена окружающими ее не тяготило ея, въ настоящую минуту оно было дорого ей, напротивъ: ей были дороги это царствовавшее кругомъ ея людское безмолвіе и ничѣмъ не стѣсняемая свобода долгихъ размышленій, и одинокія прогулки по межамъ засѣянныхъ полей, куда обыкновенно направляла она шага, исчезая какъ птичка среди высокихъ хлѣбовъ, и эта тишь, и ширь, и простота волнующихся линій русской, еще новой для нея, природы, о которой съ дѣтства мечтала она на чужбинѣ и которая такъ близка, такъ родна была ея тихой душѣ. Ей слаще всего было именно здѣсь, среди этой природы, думать, вспоминать о Гундуровѣ... „Тамъ, за границей, такъ узко все, а здѣсь какимъ-то безбрежьемъ лахнетъ“, сказала она ему какъ-то однажды въ разговорѣ. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ этого выраженія. „Надо, я вижу, горячо отвѣтилъ онъ на это,—быть какъ вы Европейкой по воспитанію, княжна, чтобы умѣть чувствовать русскую родину такъ какъ вы.“ И она каждый день теперь повторяла мысленно эти слова, и говорила себѣ, глядя влажными глазами на убѣгавшую предъ ней безконечную даль, что полюбить могла она никого иного какъ сына этой ея бѣдной, темной, но съ юныхъ лѣтъ неотразимо манившей ее къ себѣ своимъ „безбрежьемъ“ родины...

Она возвращалась какъ-то домой съ одной изъ такихъ своихъ прогулокъ (былъ третій часъ полудни), какъ вдругъ увидѣла на дворѣ предъ крыльцомъ знакомую ей четверку каравыхъ. Сердце забилося у нея. „Неужели онъ“?..

— Кто это пріѣхалъ? спросила она насколько ей было возможно спокойно, входя въ сѣни.

— Господинъ Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣчалъ слуга.

— Къ кому?

— Къ ея сіятельству княгинѣ.

Лина поднялась въ первый этажъ.

А Донъ-Жуанъ нашъ сидѣлъ тѣмъ временемъ въ ситцевомъ кабинетѣ княгини и потѣшалъ ее, какъ общался Гундурову, всякими разказами легкаго содержанія. „Il est vraiment charmant, ce monsieur Ашанинъ!“ повторяла она, покатываясь и одобрительно относясь съ этими словами къ неизбежному Зябину, сидѣвшему тутъ же, и на необычно оживленномъ лицѣ котораго изображалось не менѣе одобренія, а удовольствія вдвое, за то неожиданное развлеченіе котораго пріѣздъ Ашанина вносилъ въ его безконечный tête-à-tête съ этою умною женщиной.

Ашанинъ сообразилъ совершенно вѣрно. Аглая Константиновна даже не „полюбопытствовала“ узнать—кто тѣ „друзья въ ея сосѣдствѣ“, у которыхъ, на ея вопросъ при его появленіи „сткуда вы?“, онъ отвѣчалъ что „поселился на время“. Какое было ей до этого дѣло? Ее интересовало въ жизни единственно то что касалось ея лично, да и въ этомъ лично касающемся ея она никакими дальнозоркими вопросами не задавалась. Ей и въ голову не пришло что визитъ молодаго человѣка могъ имѣть какое-либо отношеніе къ тому что она на своемъ живописномъ французскомъ діалектѣ называла „ce bête d'amour de ma fille pour un monsieur de rien du tout“.

— А княжны я не увижу? самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Ашанинъ, исчерпавъ до дна свой запасъ анекдотовъ.

— Она гуляетъ, должно-быть; это ея обыкновенный часъ, отвѣчалъ Зябинъ.

— Вы увидите ее за обѣдомъ, промолвила хозяйка;—вѣдь вы съ нами обѣдаете?

— Извините, княгиня, не могу!..

— Pourquoi donc? Вы можетъ-быть боитесь que le dîner sera mauvais, потому что мы одни, безъ гостей? полуигриво, полюбидчиво отпустила Аглая.

— Помните! засмѣялся Ашанинъ,—я знаю что вы съ гостями и безъ гостей обѣдаете какъ обѣдалъ одинъ только покойный Лукуль.

Она недоумѣло вперила въ него свои круглыя очи..

— Ah oui, Lucullus, ce général de Rome qui avait un si bon cuisinier, вдругъ вспомнила она бывые уроки madame Crébillon, и расхохоталась, несказанно обрадованная.—И а

toujours le mot pour rire! примодвила она, подмигивая все тому же Зябину.—Такъ отчего же вы не хотите manger un bon dîner? долытывалась она олять у своего молодого госта.

— Мнѣ надобно еще въ городъ отъ васъ, объяснилъ онъ:—мнѣ поручено привезти оттуда ящикъ книгъ, присланный моими друзьями...

— И ужь вѣрно не книги, съ новою игривостью зачала головою Аглая,—а quelque affaire de femme?.. Ахъ, я знаю вскрикнула она,—вамъ хочется, je suis sûre, увидѣть Olga Akouline; вы, кажется, были немножко amoureux d'elle?.. Только опоздали, она выходитъ замужъ за monsieur Рандева.

— Это не новость, княгиня. Она это намъ всѣмъ громко объявила, уѣзжая съ нимъ отсюда, въ одинъ день что и всѣ мы, когда разстроился *Левъ Гурвичъ Синичкинъ*.

— Нѣтъ, я это узнала недавно, вотъ чрезъ него!—И Аглая олять кивнула на „бруганта“.—C'est une jolie fille, et de l'esprit, mais très impertinente n'est-ce pas? спросила она его.

Зябинъ нѣжно покосился на нее, и испустилъ глубокий вздохъ.

— И какое ей счастье! Il se trouve что этотъ monsieur Рандевъ очень богатъ, говорятъ...

Ашанинъ послѣшнѣ всталъ со своего кресла. Произнесенное имя Ольги внезапно пробудило въ немъ съ новою силой помыслъ о ней, желаніе увидѣться съ нею. Онъ, дѣйствительно, по просьбѣ Гундунова, взялся захватить въ городъ за ящикомъ книгъ высланныхъ по почтѣ изъ Москвы его пріятелю и говорилъ себѣ теперь что вѣдь „Ольга тамъ, и что кто чего сильно хочетъ тотъ того непремѣнно достигаетъ...“

— Позвольте подѣловать вамъ ручку, княгиня, проговорилъ онъ,—мнѣ пора!

— Vous avez voulu voir Lina? молвила она, не безъ извѣстнаго внутренняго удовольствія касаясь жирными губами своими наклонившагося къ ней горячаго лба красавца.

— Я постараюсь найти ее на прогулкѣ...

— Надѣюсь, до свиданія, если вы останетесь въ нашихъ странахъ?

— Надѣмъ еще вамъ моими посѣщеніями, княгиня, будьте покойны! смѣялся онъ, прощаясь.

Онъ вышелъ. Зябинъ пошелъ проводить его.

Внезаяная мысль блеснула по пути въ сообразительной головѣ Ашанина.

— Евгений Владиміровичъ? спросилъ онъ, когда очутились они вдвоемъ въ пустой и полутемной отъ спущенныхъ занавѣсъ гостиной, глядя во всѣ глаза на своего спутника:— скажите пожалуйста, долго ли будетъ упорствовать княгиня въ намѣреніи выдать дочь противъ ея воли за этого петербургскаго флигель-адъютанта?

„Бригантъ“ никакъ не ожидалъ этого, и пришелъ въ первую минуту въ конфузъ.

— Я, право, не знаю... и почему вы это меня спрашиваете? пробормоталъ онъ своимъ глухимъ, сдобнымъ голосомъ.

— Ахъ, полноте, засмѣялся красавецъ,—будто я не знаю какъ вы дружны со здѣшней хозяйкой!

— Чтò же... дружень... пролепеталъ еще болѣе смущаясь и хмура брови Зяблинъ.

— Ну да, невиннѣйшимъ тономъ пояснялъ тотъ,—у всѣхъ бываютъ друзья, и несомнѣнно что вы болѣе близки съ княгиней чѣмъ всѣ мы вотъ, жившіе здѣсь такъ долго... И я совершенно понимаю васъ: она премилѣйшая женщина... Упряма немножко,—чтò дѣлать, у всѣхъ свои недостатки... Но вотъ я именно и думаю что обязанность настоящихъ друзей употреблять свое вліяніе на тѣхъ кого они любятъ и кто вѣрить имъ чтобы предотвращать ихъ отъ ложныхъ поступковъ... особенно же когда съ этимъ соединяется и ихъ собственная невыгода, подчеркнул Ашанинъ.

Зяблинъ насторожилъ уши.

— Это, то-есть чья же невыгода?...

— Невыгода друзей, послѣвшихъ объяснить Ашанинъ.

— Какъ же это вы понимаете?

— Очень просто! Согласись княжна выйти замужъ за того кого желаетъ мать, она уѣдетъ съ мужемъ въ Петербургъ, а за нею и сама княгиня, и мы такимъ образомъ лишимся дома, въ которомъ, и въ Москвѣ, и здѣсь, всѣ мы, а вы первый, находили столько удовольствія бывать... Объ этомъ стоить подумать!

— Княгиня не обязана вѣхать за дочерью, промямлилъ Зяблинъ, искоса поглядывая на своего собесѣдника,—она можетъ и въ Москвѣ остаться.

— Съ кѣмъ это, и для кого? вскрикнулъ недовѣрчиво Ашанинъ;—чтò ее здѣсь можетъ удержать?

„Я“, могъ бы себѣ, пожалуй, сказать „бригантъ“... Но онъ не сказалъ этого себѣ,—много уже воды успѣло примѣшаться

въ послѣднее время къ вину его первоначальныхъ иллюзій. Онъ въ глубинѣ души своей долженъ былъ сознаться что эта „тулая тетѣха“, которую онъ въ первую пору ихъ отвошеній думалъ, въ силу своихъ прежнихъ Печоринскихъ усѣховъ, держать „подъ ногами“, держала его въ дѣйствительности „при себѣ“, и нисколько не расположена была пока отдать ему верховенство надъ собою. Онъ мирился, скрѣпя сердце, съ этимъ положеніемъ, надѣясь добиться все-таки своего со временемъ, но понималъ насколько положеніе это было до сей минуты шатко, и какъ невозможно было бы ему и вовсе сохранить его въ случаѣ переселенія княгини въ Петербургъ. Въ качествѣ чего послѣдовалъ бы онъ за нею туда? (Евгеній Владиміровичъ Зяблинъ дорожилъ наружнымъ своимъ гоноромъ.) Слова Ашанина заставили его призадуматься.

— Вы, конечно, таинственно пропустилъ онъ,—все это на пользу пріятеля вашего, Сергѣя Михайловича Гундунова говорите?

— Непремѣнно, засмѣялся еще разъ Ашанинъ;—прежде всего въ виду его, а потомъ „на пользу“ и насъ съ вами.

Зяблинъ помолчалъ.

— У этого Анисьева, все такъ же таинственно прошелталъ онъ затѣмъ,—большое количество долговъ, говорить... Но княгиня до сихъ поръ не хочетъ этому вѣрить.

— А на то, вотъ я и говорю, друзья, живо молвилъ на это красавецъ,—чтобъ умѣть убѣдить ее въ этомъ... а при томъ и намъ не мѣшать, примолвилъ онъ, многозначительно устремляя взглядъ на „бриганта“.

— Это само собою, будьте увѣрены! отвѣтилъ, осторожно озираясь кругомъ, тотъ, и протянулъ ему руку.—Ахъ да вотъ и княжна; я ретируюсь! послѣшно выговорилъ онъ, исчезая тутъ же за портьерой двери отдѣлявшей парадные локои отъ интимныхъ апартаментовъ княгини.

Ашанинъ устремился на встрѣчу дѣйствительно показавшейся въ дверяхъ слѣдующей комнаты княжны.

— Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ, какъ я рада васъ видѣть! молвила она;—откуда вы, изъ Сашина?..

— Изъ Сашина, княжна... Я имѣю къ вамъ письмо, сказалъ онъ, засовывая руку въ боковой карманъ.

— Письмо? повторила она, невольно вся заалѣвъ.

— Отъ Софьи Ивановны Переверзиной...

— Ахъ, давайте, давайте!...

Оно заключалось лишь въ нѣсколькихъ задушевныхъ строкахъ. Софья Ивановна поручала Атанасу передать княжнѣ все что могло бы интересовать ее въ „Сашинскомъ ихъ житьѣ-бытьѣ“, а ее просила „писать о себѣ, о своемъ здоровьѣ какъ можно подробнѣе...“ „Вы съ нами мысленно и душевно, и днемъ и ночью,—услышите ли Богъ ваши молитвы, чтобы въ явѣ совершилось то что такъ пламенно призываемъ въ мечтаньяхъ?“ говорилось въ концѣ записки.

Лина усадила подателя ея около себя на диванъ, жадно и умиленно глядя ему въ глаза, засылая его вопросами. Онъ отвѣчалъ горячо и пространно, съ нѣжнымъ, братскимъ какимъ-то чувствомъ любясь на нее, любясь сердечною прелестью сквозившею сквозь каждое слово, каждый взглядъ ея, вызывая не разъ смѣхъ на ея уста намѣреннымъ комизмомъ передачи иныхъ разговоровъ своихъ о ней съ Гундуровымъ и тѣхъ якобы попытокъ которыя заставляють его переносить пріятель, рѣшившій де окончательно уморить его посредствомъ лишения сна....

— А теперь все, княжна, хоть выжмите, ни капельки не осталось! закончилъ онъ. Мнѣ остается только дожидаться теперь отвѣта вашего на это письмо, и затѣмъ ѣхать...

— Я пойду, напишу сейчасъ, сказала подымаясь Лина.

— Отлично, а когда кончите, пошлите за мною къ Факирскому. Я у него ждать буду.

— Его нѣтъ здѣсь, вскрикнула княжна:—у него въ Москвѣ заболѣла опасно мать, и онъ третьяго дня уѣхалъ къ ней.

— Жаль! сказалъ раздумчиво Атанасъ.—Я, признаюсь вамъ, княжна, думалъ было устроить чрезъ него постоянныя сношенія съ Сидкомъ. Намъ въ Сашинѣ всего мало, промолвилъ онъ смѣясь,—мы бы желали имѣть тамъ о васъ ежедневныя, ежечасныя свѣдѣнія, и Факирскій съ этой стороны могъ служить для насъ живымъ дневникомъ... Нечего дѣлать, какъ-нибудь иначе устроимъ! договорилъ онъ какъ бы про себя.—Пойду прогуляться въ садъ въ ожиданіи вашего отвѣта... Вы скоро пишете, княжна?

— Да! А что?

— Часа вамъ будетъ довольно на письмо? спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Постараюсь, отвѣчала она тѣмъ же.

— Такъ я черезъ часъ приду сюда за нимъ.

Онъ довелъ ее до дѣтницы. Она поднялась къ себѣ. Онъ собирался спуститься, когда услышалъ шумъ шаговъ бѣжавшихъ по параднымъ комнатамъ, и чей-то звавшій его голосъ.

— Господинъ... Мусью... Мусью Ашанинъ!..

Онъ повернулъ назадъ.

Къ нему бѣжала, вся залыхавшись, первая камеристка княгини, обильногрудая и неимоверно перетянутая въ талии „Lucrèce“, съ плетеною корзиночкой, укрытою широкими кленовыми листьями.

— Это вамъ-съ ихъ сіятельство, княгиня, изволили вишни прислать на дорогу, чтобы ѣхать вамъ было не скучно-съ, доложила она сюсюкая и устремляя на него свои живые, мышиные глазки.

Ашанинъ воззрился на нее.

„Какія монументальныя красы! подумалъ онъ:—ничего подобного, кажется, и не было до сихъ поръ въ моей коллекціи. И новое соображеніе мелькнуло тутъ же въ головѣ его.

— Искреннѣйше поблагодарите отъ меня княгиню за вниманіе, сказалъ онъ громко, помаргивая владѣлицѣ этихъ „монументальныхъ красотъ“ своимъ искусительнымъ Донъ-Жуанскимъ взглядомъ,—только у меня такая привычка что я фруктовъ никакъ въ одиночествѣ ѣсть не могу, а чтобы была у меня при этомъ пріятная компанія.

— Это то-есть какже-съ понимать надо-съ? принялась тотчасъ же поджиматься и скалить крупные бѣлые зубы опытная „Lucrèce“.

— А я вотъ сейчасъ въ садъ иду, такъ мы можемъ съ вами тамъ, въ укромномъ уголку, опорожнить эту корзинку вдвоемъ.

„Lucrèce“ сочла нужнымъ на первый разъ выразить извѣстнаго рода оппозицію.

— Извините, мусью, я такой променажъ не слишкомъ предпочитаю. Потому далеко идти. Можно и совсѣмъ свое спокойствіе духа потерять.

— Напрасно! сказалъ невозмутимо Ашанинъ, приподымая двумя пальцами покрывавшіе корзинку листья:—вишни преслѣзлыя и превкусныя, надо быть.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Чтò же мнѣ съ ними дѣлать-то? молвила она ему вслѣдъ:—взять ихъ не желаете?

— Въ саду, не иначе! отвѣтилъ онъ не оборачиваясь.

— Такъ гдѣ же васъ тамъ найдти? уже шепоткомъ промолвила на это дебелая красавица.

— Въ гротъ, надъ рѣкой. Знаете мѣсто?

— Бывала-съ...

ХСІІІ.

Черезъ полчаса послѣ этого, подъ темнымъ и низкимъ сводомъ таинственно заросшаго кустами грота, въ корзинѣ стоявшей на широкой дерновой скамьѣ, между „монументальною Лусгесе“ и московскимъ Донтъ-Жуаномъ, оставались отъ вишенъ однѣ косточки, а разговоръ принялъ въ нѣкоторомъ родѣ характеръ трогательной интимности.

— И ужъ доподлинно можно сказать, говорила жирная Церлина,—что на нашу сестру вы самый какъ ни на есть лонкій, самый жестокій господинъ.

— Да, я ужасно жестокъ на женщинъ! пресеріозно молвилъ шамунъ, чиркая спичкой о скамью и закуривая лалиросу.

— Потому главное, ужасный вы насмѣшникъ, продолжала она, примазывая рукой свои жесткіе растрепавшіеся волосы,—а которая себя чувствуетъ, очень для нея это обидно бываетъ, и даже иной разъ лучше совсѣмъ со свѣта сойти... Вотъ, хоть бы сказать, Надежда Ѳедоровна наша въ монашенки телерича пошла, примолвила Лусгесе усмѣхаясь съ самымъ рѣшительнымъ лукавствомъ,—чьихъ это рукъ дѣло, не знаете?

— Я чужими дѣлами не интересуюсь, хладнокровнѣйшимъ тономъ отвѣчалъ онъ.

Она фыркнула во весь ротъ.

— Не интересуетесь? Безсовѣстный вы, прямо сказать!... А исправникова-то барышня, въ садъ сюда, ночью на свиданье къ кому ходила, можетъ тоже не знаете?

„О, всевидящее око переднихъ, кто уйдетъ отъ тебя!“ съ нѣкоторымъ ужасомъ произнесъ мысленно Ашанинъ.

— И все это вы вздоръ несете, милая моя, воскликнулъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ,—ничего подобнаго не бывало никогда!

— Ска-а-жите по-о-жалуста! медленно и гнусливо выговорила она, насмѣшливо закачавъ головой направо и налево.—Ну, а если васъ спроситъ телерича, для чего вы сегодня къ намъ пріѣхали? молвила она, чуточку помолчавъ предъ этимъ.

— Какъ для чего? Съ визитомъ прѣѣхалъ къ княгинѣ.

— Та-акъ! И больше ничего?

— Чего же еще больше?

— Съ княжной нашею, съ Еленой Михайловной, не видались?

— Видѣлся...

Лускѣсе осторожно потянулась головой ко входу грота и вполголоса спросила:

— Письмо ей привозили?

Онъ тотчасъ же сообразилъ что отрицаніе было бы совершенно бесполезно.

— Привозилъ, отъ генеральши Переверзиной.

Лускѣсе сочувственно повела головой сверху внизъ.

— Сидиная, такъ надо сказать, барыня эта генеральша! внушительно произнесла она.

— Вы одобряете? не могъ не засмѣяться Ашанинъ.

— А вы такъ полагаете, нѣсколько обидчиво воскликнулъ на это его новая жертва,—что мы, люди, всю эту коммерцію про господъ распознать не въ состояніи, кто *настоящій* есть, а кто только что, тѣпъ-лялъ, по-французскому обучень, а самъ или сама, изъ того же хамства произошли? Очевно вы ошибаетесь, потому мы можемъ лучше васъ самихъ до тонкости насчетъ этого самого понимаемъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на нее.

— Я вижу, красавица моя, проговорилъ онъ,—что щедрая природа надѣлила васъ такимъ же умственнымъ какъ и тѣлеснымъ обиліемъ, а потому прямо васъ спрошу такъ: какъ вы насчетъ княжны полагаете?

Она подняла на него глаза.

— Чтò про княжну говорить? Святая барышня, всему дому, и даже каждому чужому извѣстно.

— Ну-съ, а маменька ея, повелительница ваша?...

Лускѣсе такъ и прыснула (очень ужъ понравилось ей это выраженіе).

— „Повелительница“, повторила она, — это ужъ точно!... Ишь вѣдь вы бѣдовый какой, а еще меня спрашиваете! Чтò же это вамъ про нихъ знать нужно?

Тонкій Ашанинъ сообразилъ тотчасъ же изъ этихъ отвѣтовъ что могъ смѣло приступить къ дѣлу.

— А вотъ чтò, достопрекрасная...

— Лукерья....

— По батюшкѣ какъ?

— Ильинична-съ.

— Такъ вотъ что, восхитительная Лукерья Ильинична, впервыхъ, я желалъ бы продолжать съ вами столь пріятно начатое знакомство...

— Что же, это можно-съ, прошептала она, признавъ при этомъ необходимымъ стыдливо олуścić рѣсницы.

— А воторыхъ, я очень любопытенъ, а потому весьма желательно было бы мнѣ знать всякую штуку какая у васъ затѣсь можетъ происходить.

Церлина лукаво подмигнула ему.

— Сами-то вы, мусью Ашанинъ, штука, у, какая тонкая! Это вамъ, значить, нужно знать все и прочее?

— Вы сказали, моя прелесть! расхохотался онъ, — именно такъ: „все и прочее“!

— И это можно, рѣшила она, — потому я у Французинки въ Москвѣ шесть лѣтъ въ обученіи находилась, и все, даже до послѣдняго почти слова, понять могу, и даже съ мусью Витторіо всегда по-ихнему говорю, и кромѣ того, все знаю насчетъ этого петербургскаго графа, что за него княжна не хочетъ идтить, а онъ все надѣется, потому княгиня имъ очень протежируетъ, и даже съ ихнею матушкой у нихъ перелиска постоянно идетъ...

— Ну вотъ, ну вотъ, все это намъ знать и нужно! вскрикнулъ радостно Ашанинъ, — если какое-нибудь новое письмо получится, и что они затѣвать будутъ...

— Читать я сама по-французскому не училась, возразила Лисгрёсе, — а что княгиня безпремѣнно стануть объ этомъ съ мусью Зяблинымъ разговаривать, и я всегда это слышать могу.

— Прелестно! А вотъ еще что, моя красавица, еслибы нужно было, напримѣръ, княжнѣ олять письмо доставить, или отъ нея получить?

Красавица подумала.

— Отчего же, вновь рѣшила она затѣмъ, — и доставить, и получить олять-таки въ нашихъ рукахъ.

— Только при этомъ такъ надо было бы устроить чтобы княжна не знала что это вы.

— И не будутъ знать. Глаша ихняя безграмотная, а я всегда захожа въ ихъ комнаты, и могу имъ письмо на столь положить, или взять ихнее, если напишутъ.

— Вы просто богъ Меркурій въ юлкѣ, очаровательная Лукерья! еще разъ вскрикнулъ Ашанинъ;—ну, а теперь какъ же намъ собственно съ вами-то сообщеніе устроить, если увидаться или послать что нужно?

И на этотъ предметъ нашлось въ умственномъ запасѣ бывалой Лисгёсе подходящее рѣшеніе.

— А у меня тутъ на селѣ родной братъ живетъ, Федоръ Ильинъ прозывается, потому я сама здѣшная, Сидковская; третья его изба справа, если изъ города примѣрно ѣхать. Такъ если что нужно, только къ нему пошлите, велите Ваську спросить: шустрый этто у него мальчикъ есть, племянникъ мой. Онъ это все сорудуетъ, если мнѣ что отъ васъ, или къ вамъ отъ меня послать... Къ вамъ въ Сашино, въ Гундуrowsкое посылать?

— Да, я тамъ, у Гундуrowа...

— Ахъ, какъ этотъ самый вашъ господинъ Гундуrowъ прекрасно Гамлета представляетъ! неожиданно воскликнула она;—очень даже, могу сказать, обожаю ихъ за это, скажите имъ! Когда онъ этто про мать свою говорилъ что она башмаковъ еще не износила, а за другаго вышла, а самъ въ слезы, а даже убѣжала, потому у самой-то такъ и текутъ у меня, такъ и текутъ, а лакеишки-дурачье смотреть и смѣются... Ужъ потомъ пришла смотрѣть опять когда это они съ нашею княжной: „въ монастырь, говорить, ступай, въ монастырь!“ А пошла-то не она, а Надежда Федоровна наша, безмозглая. Стоить! И Лисгёсе, поведя насмѣшливо взглядомъ въ сторону нашего Доянъ-Жуана, прыснула еще разъ со смѣху. — А что они, пріятель-то вашъ, въ княжну нашу очень вѣззались? спросила она тутъ же,—какъ вы скажете, мусью?

— Не мало, Лукерья Ильинична, не мало!...

— И сейчасъ видать что настоящее это у нихъ, а не изъ за приданого какъ у того, у петербургскаго-то. Хоть и холопка я, а понимать могу... Такъ вы имъ такъ и скажите, разсмѣялась она,—что отъ сердца даже желаю чтобы высватали они себѣ нашу княжну, потому ужъ очень они чувствительно этого самаго Гамлета умѣютъ играть.

„Господи, сказалъ себѣ мысленно Ашанинъ, — даже любовью къ искусству лылають „сіи огромные сфинксы!“

— Восхитительная Лукерья, возгласилъ онъ, обнимая ея козноподобныя плечи, — добродѣтели ваши достойны всякихъ наградъ!...

— Бадовникъ вы, бадовникъ! задепетала она, зажмуривая отъ удовольствія свои пластоватые и сластолюбивые глазки....

XCIV.

Княжна встрѣтила Ашанина въ гостиной съ письмомъ въ рукѣ.

— Не поручите ли вы мнѣ передать *имъ* еще что-нибудь на словахъ? спросилъ онъ, принимая письмо и опуская его въ карманъ.

— Я написала, молвила она съ тихою улыбкой, — но вы скажите *имъ* какою вы нашли меня сами... Я спокойна, здорова пока, какъ видите, думаю и не отчаиваюсь, примолвила она опуская вѣки. — Да, скажите *имъ* что я получила вчера письмо отъ графини Воротынцевой... Мы должны были ѣхать къ ней съ татан, но она вдругъ очень скоро собралась за границу и написала мнѣ очень милое, симпатичное письмо на прощанье, въ которомъ также проситъ *меня* передать много очень дружескаго Софьѣ Ивановѣ.... и Гамлету.... Она не знала что мы уже... не видимся... заключила Лина слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Княжна, сказалъ Ашанинъ, — княгиня Аглая Константиновна весьма любезно пригласила меня посѣщать ее въ Царскомъ, пока я „въ здѣшнихъ странахъ“, какъ выразилась она (о томъ гдѣ эти „страны“ она не справлялась, и едва ли, кажется, знаетъ что живу я именно въ Сашинѣ). Приглашеніемъ ея, я, само собою, не премину воспользоваться, и на будущей недѣлѣ пріѣду сюда опять. Но до этого, и вообще въ интервалахъ между моими пріѣздами сюда, могутъ случиться какія-нибудь обстоятельства о которыхъ вы сочтете быть-можетъ нужнымъ извѣстить немедленно... Софью Иванову. Какъ думаете вы это сдѣлать?

— Какъ сдѣлать? повторила нѣсколько удивляясь вопросу Лина: — еслибы что-нибудь такое нужное случилось, я напишу и пришлю.

— Съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ-нибудь изъ слугъ.

— Это можетъ быть доведено до свѣдѣнія княгини.

— Такъ что жъ такое? съ гордою интонаціей въ голосѣ проговорила княжна, — я не скрываю своихъ дѣйствій; никто

не можетъ находить преступнымъ что я лишу такой высокопочтенной женщины какъ Софья Ивановна Переверзина.

— Да, молвилъ Ашанинъ,—но увѣрены ли вы что не подвергнете гнѣву княгини того кого вы пошлете съ письмомъ?.. Увѣрены ли вы, примолвилъ онъ понижая голосъ, — что не дано какого-нибудь приказанія по дому насчетъ такихъ *возможныхъ* писемъ вашихъ въ Сашино?...

Лина не отвѣчала, и все лицо ея покрылось краской стыда отъ мысли что ея мать дѣйствительно была способна отдать „по дому“ подобныя приказанія...

— Я нашелъ средство, княжна, продолжалъ между тѣмъ уже нѣсколько таинственно Ашанинъ,—избавить васъ отъ всякой заботы относительно доставки вашихъ писемъ, если понадобится вамъ писать.

— Что такое? Она внимательно глянула на него.

— Очень просто: напишите, положите письмо въ конвертъ съ адресомъ и оставьте на вашемъ столѣ. Оно будетъ доставлено по назначенію въ тотъ же день.

— Какимъ же образомъ? недоумѣло спросила княжна.

Онъ засмѣялся:

— Это мой секретъ, секретъ романа, примолвилъ онъ весело.

Она слегка нахмурилась и закачала головой.

— Я романовъ и всѣ эти таинственные средства не люблю, сказала она,—и надѣюсь что не буду въ необходимости прибѣгать къ нимъ.

— Но не забудьте ихъ въ случаѣ надобности, отвѣтилъ на это Ашанинъ, кланаясь и протягивая руку проститься съ нею.

— Прощайте, Владиміръ Петровичъ... Вы дядю не видали? спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, мнѣ говорили, онъ уѣхалъ верхомъ...

— Я его совсѣмъ не вижу, кромѣ какъ за столомъ, словно вырвалось у нея. Она тутъ же умолкла и слабо улыбулась...

Ашанинъ поклонился еще разъ и вышелъ.

— А теперь въ городъ! сказалъ онъ кучеру, садясь въ Гундуховскую коляску, предовольный тѣмъ какъ успѣлъ онъ „устроить почту“ между Сацкимъ и Сашинымъ и отвѣсть „бриганта“ отъ союза съ „противною стороною“. Все это великолѣпно устроилось, говорилъ онъ себѣ, и мысли его обратились теперь опять къ предмету личной его заботы—

Ольгѣ Акулиной и къ шансамъ увидаться съ нею въ городѣ.

Добравъ туда онъ прежде всего велѣлъ себя везти въ почтовую контору, гдѣ долженъ былъ получить по довѣренности посылку съ книгами на имя Гундунова, и первое лицо съ которымъ встрѣтился онъ тамъ на крыльцѣ былъ Вальковскій.

— Ты какъ сюда попалъ? вскрикнулъ онъ въ изумленіи.— И что съ тобой? спросилъ онъ тутъ же, замѣтивъ блѣдное, сильно разстроенное лицо „фанатика“.

— Маргоренька къ гусару ушла, сейчасъ отъ Васи Тимофеева письмо получила! могильнымъ голосомъ проговорилъ тотъ, звѣрски ловодя глазами и показывая грязно-исписанный листокъ почтовой бумаги который держалъ въ рукѣ.

Ашанинъ померъ со стѣха (Маргоренька была та рябая швея которую Вальковскій готовилъ на сцену, на роли Седименъ).

— „Маргоренька къ гусару ушла!“ повторилъ онъ перерывивая его,—плачь русскій театръ, плачь!

— Дуракъ! фыркнулъ ему на это „фанатикъ“.

— Само собою! продолжалъ хохотать Ашанинъ;—а ты все же объясни мнѣ какъ ты очутился здѣсь?

— А такъ очутился, сердито молвилъ Вальковскій,—что ухали вы оттуда, изъ Сицкаго-то, съ Сережей, ничего мнѣ не сказавъ....

— Не до тебя было, братъ, не взыщи!

— *Льва-то Гурьча* къ тому же похоронили... Золъ я былъ какъ чортъ; въ виду ничего, а въ карманѣ ни гроша, въ Москву не съ чѣмъ вернуться... Ну и всломилъ я что туша эта, Еллидифоръ, звалъ меня къ себѣ сюда, говорилъ какъ-то что *театрикъ* можно будетъ здѣсь сварганить. А тутъ, вечеркомъ, подвода отъ него пришла за всякимъ тамъ скарбомъ что оставила Ольга Еллидифоровна. Ну, я не долго думавъ, въ телѣгу, и съ юлками ея и прикатилъ къ нимъ.

— Ты у нихъ и живешь? вскрикнулъ радостно московскій Донъ-Жуанъ.

— У нихъ... Славнымъ виномъ поить онъ меня, толстоузый этотъ,—и Вальковскій облизнулся,—только надулъ подлецъ, никакого *театрика*...

— Вотъ что, Ваня, прервалъ его Ашанинъ,—я тутъ сейчасъ сбѣгаю въ контору посылку получить, а ты погоди минуточку, отсюда пойдемъ вмѣстѣ.

— Куда это?

— Къ нимъ, къ Акулинымъ.

— Да его нѣту. Съ утра уѣхалъ. Свадьба вѣдь эта у нихъ затѣялась...

— Такъ что же?

— Ну, вотъ тамъ всякіе у нихъ сборы. Къ зятю будущему уѣхалъ въ Рай-Никольское.

— Съ дочерью?

— Нѣтъ, она дома.

— Одна?

— Стало-быть одна, коли ни отца, ни жениха нѣтъ.

У Донъ-Жуана отъ радости въ глазахъ завожилось.

— Сейчасъ, Ваня, сейчасъ!..

Минуть черезъ двадцать полученная имъ тяжелая посылка уложена была на козлахъ коляски, и Ашанинъ, сѣдя въ ней съ „фанатикомъ“, диктовалъ ему свои инструкціи.

— Ты, говоришь, застрялъ здѣсь потому что денегъ нѣтъ?

— Не было, хихикнулъ вдругъ Вальковский, — а теперь будутъ; ты дашь.

— У самого въ обрѣзъ, а у Сережи найдемъ.

— Я и то думалъ завтра у Елпидифора лошадей просить, къ нему ѣхать.

— Сегодня же поѣдемъ... Только ты слушай, Ваня: придемъ мы теперь къ Акулинымъ, ты сейчасъ же войди, и скажи ей что вотъ я нарочно за тобою сюда пріѣхалъ увести къ Гундурову, и что ты сейчасъ же пойдешь укладываться, а когда войду я, ты тутъ же убирайся къ себѣ и собирай свои пожитки, а меня оставь одного съ нею.

— На что это тебѣ? угрюмо отвѣтилъ, ломочавъ „фанатикъ“:—вѣдь она невеста, чортъ ты этакій!

— А это не твоего ума дѣло! Не разсуждай, а дѣлай что тебѣ говорятъ! Есть тутъ гостиница какая-нибудь?

— Есть, на почтовой станціи, пропустилъ сквозь зубы тотъ.

— Ну вотъ и прекрасно! Уложишь ты свой чемоданъ, и тутъ же, къ намъ не заходя, смотри! велишь его вынести въ коляску, самъ въ нее сядешь и прикажешь ѣхать на станцію. Тамъ скажи кучеру отпречь и лошадямъ корму дать, а намъ на двухъ закажи обѣдъ. Далеко отъ Акулинскаго-то дома до станціи?

— Недалеко, черезъ улицу...

— Такъ я приду къ тебѣ туда лѣшкомъ,—а ты меня жди тамъ!

Вальковскій помолчалъ опять глянулъ сбоку на товарища.

— Володка!...

— Чего тебѣ?

— Большой руки ты лакостникъ!

— Совершенно справедливое сужденіе имѣете вы въ мысляхъ, Иванъ Ильичъ! невозмутимо молвилъ на это красавецъ, смѣясь;—а ты все-таки дѣлай то что тебѣ говорятъ!

Коляска ихъ между тѣмъ подѣвжала къ одноэтажному, чистенькому, веселаго сѣраго цвѣта домику, съ необыкновенно свѣтлыми, широкими и раскрытыми въ эту минуту, окнами, выходившими по улицѣ въ садикъ обнесенный низенькою, свѣжеокрашенною зеленою рѣшеткой, и въ которомъ пышно распускавшіеся кусты лилей и столбиственныхъ розъ несомнѣнно свидѣтельствовали о развитости вкуса къ изящному у обитавшихъ здѣсь лицъ. (Толстый Елпидифоръ называлъ себя не даромъ „артистомъ“.)

— Тутъ! притрогиваясь къ спинѣ кучера, указалъ Вальковскій.

Изъ оконъ домика лились волной звуки свѣжаго женскаго голоса...

— Стой! остановилъ Ашанинъ лошадей шагахъ въ десяти не доѣзжая до крыльца;—стой и не трогайся!...

Онъ выскочилъ изъ коляски, побѣжалъ къ калиткѣ, замѣченной имъ въ углу сада, отворилъ ее, вошелъ и подкравшись къ одному изъ оконъ, жадно погрузился въ него глазами.

Вальковскій, съ сумрачнымъ лицомъ, прошелъ въ домъ въ ворота чернымъ ходомъ.

Ольга была одна, и лѣла, аккомпанируя себѣ на „новомъ“ выпланномъ Ранцевымъ фортепіано, о которомъ говорилъ онъ ей въ Сидкомѣ, и которое теперь, до свадьбы ихъ, велѣлъ перевезти къ ней изъ Рай-Никольскаго.

— Я помню чудное мгновенье,

Передо мной явилась ты

Какъ мимолетное видѣнье,

Какъ геній чистой красоты!

лѣла она опять волшебный Глинкинскій романсъ, поднявшій въ душѣ Ашанина все обаяніе первыхъ встрѣчъ его съ нею, и самую ее всю понимало ея лѣніе, сама она словно вся

выливалась въ тѣ горячіе звуки что излетали изъ ея груди. Въ сильныхъ мѣстахъ она приподымала свои великолѣпныя, сквозившія сквозь кисею платья плечи, длинныя рѣсницы прикрывали на половину блестящіе зрачки карихъ глазъ, губы пылали какъ тѣ алыя розы что цвѣли тутъ подъ ея окномъ, — и вся она сама была и страсть, и нѣга, и вдохновенье...

Она ничего не слышала, не видѣла, — ни шума колесъ подъѣхавшей коляски, ни этой чернокудрой головы красавца подымавшейся надъ уровнемъ открытаго окна, прямо насупротивъ табурета на которомъ сидѣла она, ни вошедшаго Вальковского, который въ ожиданіи когда она кончитъ стоялъ теперь въ дверяхъ комнаты, глядя себѣ подъ ноги съ видомъ звѣря которому непременно хочется укусить кого-нибудь.

Она кончила и какъ бы устало уронила руки на колѣна. „Фанатикъ“ передвинулъ стульями. Она подняла глаза.

— А, Иванъ Ильичъ, лѣнливо-проговорила она, — что скажете?

— А я пришелъ сказать вамъ, пропустилъ онъ въ отвѣтъ своимъ грубымъ тономъ, — что за мною Володька пріѣхалъ.

— Кто такой?

— Володька Ашанинъ, къ Гундурову съ нимъ ѣхать...

— Гдѣ онъ? громко вскрикнула Ольга.

— А во, въ окно глядите! И онъ ткнулъ пальцемъ по тому направленію. — А я ужъ пойду собираться. Прощайте, за хлѣбъ за соль вашу спасибо, вамъ и батькѣ вашему! промывая онъ, трогаясь съ мѣста и уходя, пока она съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и засверкавшими глазами оборачивалась на то окно.

— Вы! Здѣсь? могла она только вымолвить отъ волненія.

— Я, Ольга, я! можно войти? отвѣтилъ Ашанинъ торопливо и страстно...

— Къ чему? Чего вы хотите?...

Онъ оторопѣлъ весь.

— Ольга, что съ тобою? Ольга! пробормоталъ онъ.

— Зовите меня Ольга Еллидифоровна, зовите какъ сидитъ! Какъ вы смѣете! подбѣгая къ окну, крикнула она на него такъ что онъ съ невольнымъ страхомъ обернулся на улицу, по которой къ счастью никто не проходилъ въ эту минуту.

— Я хотѣлъ... началъ было онъ.

— А я не хочу! взвизгнула она, топая ногой, — не хочу, не хочу васъ видѣть!

— Извольте, Ольга Еллидифоровна, извольте! молвилъ онъ.

дачный Ловеласъ, тщетно стараясь прикрыть видомъ про- ни то неодолимое смущеніе которое овладѣло имъ въ эту минуту,—благоволите только объяснить мнѣ за что вы такъ разгнѣвались?...

— Вы безчестный, скверный человѣкъ! говорила она пони- зивъ голосъ и свѣшиваясь къ нему слегка изъ окна,—вы кля- лись не искать меня, избѣгать со мною встрѣчи... А вы теперь дерзко, нахально смѣете являться сюда!... Зачѣмъ? Вы знаете что я невѣста... Женихъ мой добрый, честный, благо- родный человѣкъ... Что же вы думаете про меня, на что надѣетесь?...

Глазъ ея, показалось ему, становились все злѣе, все безпо- щаднѣе... И тѣмъ соблазнительнѣе, тѣмъ желаннѣе была она для него въ эту минуту...

— Ольга Лалидифоровна, позвольте... попытался онъ было уговорить ея, но она не дала ему на это времени.

— Вы мнѣ противны, отвратительны! Уходите, а не то я погублю себя и васъ, скандалъ надѣлаю, расскажу все калита- ну, отцу!... Этого ли вы хотите?...

— Я удаюсь, сударыня, проговорилъ онъ, послѣ нѣсколь- кихъ секундъ колебанія, съ желчною улыбкой на побѣлѣвшихъ губахъ,—ни чьей гибели я не желаю. Успокойте ваши нервы, сдѣлайте милость!...

И онъ быстрыми и невѣрными шагами вышелъ изъ лали- садника.

Она вскинулась съ мѣста, пробѣжала черезъ весь домъ въ свою комнату, и бросившись тамъ на постель разрыдалась въ подушку неудержимыми слезами:

— Противный, мерзкій, говорила она себѣ сквозь эти сле- зы,—хорошо что онъ стоялъ тамъ, за окномъ!... Будь онъ въ комнатѣ, я бы пожалуй, дура, подъ конецъ не выдержала, на шею ему кинулась...

Ашанинъ прошелъ изъ лалисадника во дворъ дома, встрѣ- тилъ тамъ какого-то мальчика-слугу въ куцомъ фракѣ, ме- тавшаго камешками въ сосѣдній заборъ, прервалъ его полез- ное занятіе пославъ его сказать Вальковскому собираться скорѣе, а самъ, отдавъ кучеру приказаніе пріѣхать съ Ива- номъ Ильичемъ на станцію, направился туда, или вѣрнѣе направился самъ не зная куда, по улицамъ незнакомаго ему города, пытаясь заглушить усиленнымъ движеніемъ каюко- тавшее въ душѣ его бѣшенство... О, что бы онъ далъ теперь

чтобы сломить, смять, задушить это „своеправное, заое... и очаровательное созданіе“, задушить эту злость безконечными, безумными поцѣлуями...

„Фанатикъ“ давнымъ давно уже поджидалъ его на каменномъ крыльцѣ большой двухэтажной станціи, изучая тѣмъ временемъ „подходцы и складку“ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ какого-то ямщика-ухоря съ наглымъ и льянымъ лицомъ („типъ“ этого ухора онъ тутъ же порѣшилъ „воспроизвести“ въ піесѣ *Ямщики, или какъ гуляетъ старостѣ Семенъ Ивановичъ*, которую давно уже жаждалъ поставить на „благородномъ театрикѣ“), когда нашъ Донъ-Жуанъ, все такъ же злой, но успѣвшій уже порядочно устать, появился предъ нимъ.

— Гдѣ это ты шатался? Обѣдъ давно готовъ, пробурчалъ онъ,—у меня въ животѣ барабанчики съ часъ ужъ времени зорю бьютъ.

— Тебѣ бы жрать все! злобно отрѣзалъ въ отвѣтъ Ашаникъ, ядымаясь къ нему по ступенямъ крыльца.

— Ну, а что у тебя тамъ, подмигнувъ ему Вальковский съ нескрываемымъ злорадствомъ въ тонѣ и усмѣшкѣ, сопровождавшей эти слова,—сорвалось, видно? И въ комнату то-есть не пустили даже?...

— Молчи, болванъ! прошипѣлъ на него красавецъ, сверкая загорѣвшимися новымъ бѣшенствомъ глазами.

— Работа! крикнулъ въ это же время сидѣвшій подлѣ „фанатика“ ямщикъ, кидаясь съ мѣста внизъ подъ шумъ колесъ подѣзжавшей къ станціи дорожной кареты и, огибая крыльцо, побѣжалъ къ лошадямъ своимъ въ конюшню.

Городъ стоялъ на большомъ Московско-Курскомъ шоссе; проѣздъ былъ огромный, къ станціи съ громомъ колокольчиковъ и гукомъ ямщиковъ, то и дѣло подѣзжали и отрѣзали отъ нея экипажи всякихъ родовъ и видовъ.

Изъ подкатившей теперь къ ея крыльцу кареты вышла молодая, маленькая и худенькая барыня съ полуболѣзненнымъ, полуликантнымъ выраженіемъ блѣднаго и капризнаго лица. Она держала въ одной рукѣ дорожный мѣшокъ и, чуть-чуть приподнявъ другою спереди платье, безгаииво принялась всходить по пыльнымъ ступенямъ на самыхъ кончикахъ крохотныхъ ножекъ, обутыхъ въ ботинки бронзовой кожи.

— Зинаида Васильевна! вскрикнулъ, уставясь глазами на эти ножки отверженный искуситель Ольга Акулиной.

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ! отвѣтила она такимъ же восклицаніемъ, моргнувъ съ видимо радостнымъ видомъ недурными, быстрыми, темными глазами, — здравствуйте! Какъ вы здѣсь?

— Прѣздомъ. А вы куда и откуда?

— Изъ Москвы въ деревню къ татамъ, которая должна прислать сюда за мною лошадей. И вообразите (личико ея при этомъ все сморщилось какою-то очень милою жалобною гримаской), горничная моя, какъ нарочно, заболѣла вчера горячкой, я должна была отправить ее въ больницу, а сама уѣхала *fine seule*, и если теперь лошади отъ татамъ не пришли, я принуждена буду ожидать одна здѣсь, въ этой отвратительной гостиницѣ, — я ее давно знаю...

— Можно сейчасъ провѣдать, сказалъ Апанинъ: — Ваня, сходи тутъ, спроси, нѣтъ ли лошадей и посланнаго изъ деревни Маріи Николаевны Котанской?

Вальковскій глянулъ злобнымъ взглядомъ на него и на говорившую съ нимъ даму, поднялся однако молчаливо съ мѣста и отправился исполнять порученіе.

— А у матушки вашей имѣніе тутъ не подалеку? сказалъ Апанинъ, продолжая стоять на крыльцѣ съ прѣзжемъ.

— Ахъ нѣтъ, еще цѣлыхъ тридцать верстъ, и отвратительной дороги...

— Ну, мужъ вашъ что? не давъ ей продолжать спросилъ онъ опять.

Она искоса глянула на него, и слегка приподняла плечи.

— Все то же: въ клубъ, въ Паркъ, у Цыганъ, *est-ce que je sais?*

Онъ все внимательно глядѣлъ на нее.

— А вы все такъ же милы, другъ мой! тихо пропустилъ онъ на бархатныхъ нотахъ своего голосоваго репертуара.

Лицо молодой особы сложилось опять въ жалобно-забавную гримаску; маленькіе, бѣлые, ровные зубы сверкнули промежъ раскрывшихся, заалѣвшихъ губъ.

— Стара стала, третій годъ замужемъ, не шутка! молвила она улыбаясь.

— Опытъ пріобрѣли за то! проговорилъ онъ самымъ серьезнымъ тономъ.

Она еще разъ подняла на него глаза, и страннымъ упрекомъ зазвучала ея голосъ:

— Для этого не нужно было и замужъ выходить. Вы чему не научите!

— Ахъ, Зиночка, для чего вы такія жестокія слова говорите! расхохотался на это откровеннѣйшимъ образомъ московскій Донъ-Жуанъ.

Она... она засмѣялась тоже...

Вальковскій вернулся къ нимъ съ отвѣтомъ, что „никого и никакихъ лошадей нѣтъ, и не бывало.“

— Боже мой, какая скука! вскрикнула молодая женщина, — какво мнѣ будетъ теперь ждать, быть-можетъ, до ночи въ этой saleté!...

— Нечего дѣлать, пойдемте, предложилъ ей тутъ же Ашанинъ, — можетъ-быть найдемъ номеръ почище!

— Юлошвикъ проклятый, тьфу! чуть не громко крикнулъ имъ въ слѣдъ „фанатикъ“, плюнулъ, и отчаянно махнулъ рукой.

„Барабаники“ все неотразимѣе „били зорю въ его желудкъ“, — а Ашанинъ какъ ушелъ съ пріѣзжею дамой, такъ и пропалъ... Вальковскій отправился отыскивать его наверхъ, въ гостиницу, и не нашелъ. Онъ рѣшилъ наконецъ не ждать его, и велѣлъ подавать себѣ „обѣдъ“, состоявшій изъ миски щей, какой-то котлеты, безлощадно посланной петрушкой, и двухъ бутылокъ пива, которыя „фанатикъ“, съ досады на пріятеля, выпилъ одну за другою.

Онъ ковчалъ, когда явился наконецъ улизнувшій красавецъ, неся на лицѣ свое обычное, не то насмѣшливое, не то побѣдное выраженіе, давно и хорошо знакомое Вальковскому.

— А ты, уродина, смѣялся онъ, — такъ и не дождался меня?..

— А то какъ еще? буркнулъ тотъ: — околѣвать изъ-за тебя?..

— Ну, и прекрасно сдѣлалъ... Принеси, братецъ, что-нибудь поѣсть! обратился Ашанинъ къ слугѣ.

Онъ торопливо принялся за поставленныя предъ нимъ все тѣ же щи.

— Съ кѣмъ это ты теперь въ прятки вздумалъ? все тѣмъ же звѣремъ прохрипѣлъ Вальковскій.

— А ты не знаешь?... Зиночка Котанская бывшая, за Смараглова вышла... Не помнишь развѣ, три года назадъ, я тебѣ подробно разказывалъ...

— Не мало твоихъ такихъ сказовъ было, обо всѣхъ не вспомнишь... А ты вотъ скажи, когда лошадей-то запрагать?

Давно выкормили, седьмой часъ въ исходѣ. До Гундурова-го, сказываютъ, цѣлыхъ двадцать пять верстъ отсюда, вѣдь за-свѣтао не дождемъ.

Ашанинъ дождь, вскочилъ.

— А ты погоди маленько, Ваня, голубчикъ, заговорилъ онъ вдругъ вѣжненькимъ кошачьимъ, ласкательнымъ голосомъ,— дождемъ, непременно дождемъ, прелесть моя. Ты только потеряли немножко, потерли, Ваня, я сейчасъ, сейчасъ!...

Ваальковскій не успѣлъ открыть рта какъ онъ уже исчезъ изъ комнаты.

Часы летѣли, лошади за „Зиночкой“ все не приходили. Ашанинъ все также продолжалъ играть съ нею „въ прятки“... Желчныя лятна успѣли за это время покрыть все угреватое лицо „фанатика“...

Глубокая ночь стояла уже на дворѣ когда, наконецъ ругательски ругаясь, полѣзъ онъ въ подавную имъ коляску, вслѣдъ за Ашанинымъ, хохотавшимъ до упаду отъ его гнѣва, ви отъ веселаго воспоминанія только что пережитаго имъ новаго эпизода въ своей безконечной любовной злопелѣ....

ХСV.

Es denkt der Mensch die freie That zu thun,—
Umsonst..

Schiller. *Wallensteins Tod.*

Недѣли три послѣ представленія *Гамлета* въ Суцкомъ, въ одно прекрасное утро доложили князю Ларіону что къ нему пріѣхалъ исправникъ „съ порученіемъ“, и просить дозволенія явиться.

— Проси, сказалъ князь нахмурясь, вспомнивъ невольнаго объ этомъ представленіи и о той „презрѣнной дѣвчонкѣ“.

Толстый Еллидифоръ вошелъ съ видомъ серьезнымъ и холоднымъ (выходъ его дочери замужъ за богатаго человека и завоеванное имъ личное расположеніе къ нему его прямого начальства чрезвычайно подняли въ немъ чувство собственнаго достоинства), отвѣсилъ хозяину официальный поклонъ, и вынувъ изъ кармана письмо, залечатанное большою гербовою печатью, положилъ его на столъ предъ княземъ.

— Получилъ въ казенномъ пакетѣ, съ приказаніемъ лично

доставить вашему сіятельству, проговорилъ онъ съ отъѣздомъ намѣренной сухости въ интонаціи (безъ того-молъ ты, конечно, меня у себя бы не видалъ!).

— Очень вамъ благодаренъ! еще суше отрѣзалъ князь. Еллидифоръ поклонился еще разъ, обернулся со свойственною грузному тѣлу его прыткостью, и вышелъ тутъ же изъ комнаты.

Письмо было отъ графа и поразило князя Ларіона неожиданностью своего содержанія:

„Поздравляю тебя, *любѣзный Ларіонъ* (писалъ ему его старый пріятель), *псли* только *признаешь* что есть съ чѣмъ поздравлять? Получилъ *сейчасъ извѣщеніе* изъ *Петербурга* что *назначаются* ты *членомъ* Государственнаго Совѣта *о чомъ* выйдетъ указъ 1 іюля. Не знаю *будешь* ли доволенъ потому *конечно почтъ* а власти никакой и только непріятности *псли* противъ министра *какова* очень спорить. Я ожидаю что тебѣ дадутъ постъ *настоящій* а тутъ съ твоими способностями только болтать безъ толку или подписывать *большинствомъ*. Впрочемъ это можетъ-быть только первый шагъ *назначенію*. Онъ (то-есть, сильный человекъ дядя Анисьева) *ничего* далѣе не лишеть а только лишеть *мне* оказать тебѣ *штовъ* ты былъ въ *Петербургъ* 1го іюля потому *этого жскаютъ* (послѣднее слово было подчеркнуто въ подлинникѣ). Вхвать тебѣ полагаю надо. Потому иначе не хорошо. *Советую* и надѣюсь когда чрезъ Москву *пройдешь* увидаться съ тобою. Поклонись своимъ *што милая дѣтя* племянница твоя. Обнимаю тебя.“

Князь Ларіонъ прочелъ письмо разъ, и два, останавливался на каждой строчкѣ, но разбирая не ихъ, а то что-то что скрывалось за сообщаемою ему въ нихъ вѣстью. Лицо его становилось все раздраженнѣе и мрачнѣе, желчная усмѣшка кривила его тонкія губы, и огонь глубокаго внутреннего негодованія горѣлъ въ темной впадинѣ его глазъ.

„Впрочемъ это можетъ-быть только первый шагъ къ назначенію“, прочелъ онъ еще разъ, и швырнулъ письмо на столъ презрительнымъ жестомъ!

„Утѣшить меня хочетъ, а и самъ не вѣритъ! Старикъ умный, чрезъ него шли ихъ предложенія, онъ долженъ понимать, какъ и я, что *назначенію* не бывать пока я... О безстыдныя интриганы, какъ ловко подвели мину!... Не удалось въ первый разъ, такъ теперь новое: надѣтъ на меня логре-

мушки почета, чтобъ вызвать меня насильственно въ Петербургъ, а со мною ихъ, и тамъ... тамъ она склонится, думаютъ они, а меня будутъ водить все тою же перспективной портфеля, пока окажется что и безъ меня обойтись можно... можно будетъ оставить меня навѣки въ моемъ государственномъ бездѣйствіи... Ловко, удивительно ловко!..“

И князь Ларіонъ, какъ бы нежданно для себя самого, застѣялся вдругъ короткимъ и злымъ смѣхомъ.

— Но они *я* не знаютъ.... И меня не знаютъ! примолвилъ онъ, вставая и принимаясь шагать по своему огромному кабинету. Волненіе его все росло, и слова гнѣвно и обрывисто вырывались уже слышно изъ его устъ.—Я скажу... мнѣнія мои могутъ быть *пріятны* или *непріятны*, но не уважать... они не могутъ меня.... Я служилъ Россіи, государямъ моимъ вѣрно... и съ пользою... имя оставилъ! Они должны знать, понимать. Пусть тогда какъ прежде... дѣлаю... А *ты*—нѣтъ!... Дѣлаю, а не... а не „болтать безъ толку“, повторилъ онъ выраженіе стараго своего друга.—А *я* не видать имъ тамъ... не видать! вырвалось у него съ новою силой,—а оберегу ее... до конца... *До конца!* повторилъ онъ съ какимъ-то вдругъ страннымъ движеніемъ губъ, и съ не менѣе страннымъ выраженіемъ глазъ направилъ ихъ и остановилъ на одномъ изъ угловъ лѣкоя. Тамъ стоялъ старинный шкафъ изъ чернаго дерева, драгоценный образецъ италіанской работы XVІІ вѣка, украшенный превосходными изображеніями ладовъ изъ *pietra dura*; князь хранилъ въ немъ свои деньги, семейные документы и бумаги.

Но онъ черезъ мигъ отвелъ отъ него глаза, подошелъ къ висѣвшему у стѣны шнурку колокольчика и позвонилъ.

— Сходи къ княжнѣ, приказалъ онъ камердинеру,—и скажи что мнѣ нужно переговорить съ нею, такъ не сойдетъ ли она сюда сейчасъ, если не занята... А затѣмъ распорядись уложить мои чемоданы, и чтобъ лошади были подъ коляску часамъ къ восьми. Я еду сегодня въ Петербургъ.

Лицо камердинера все заходило отъ удивленія и любопытства, но, встрѣтись глазами со строгимъ взглядомъ князя, онъ немедленно же покинулъ ими долъ и поспѣшно вышелъ исполнить данное ему приказаніе.

Не менѣе удивлена и нѣсколько встревожена была и мнѣ Лина (она только что вернулась къ себѣ съ прогулки), когда о немъ сообщено было ей. Она немедленно сошла къ дядѣ.

Онъ все такъ же ходилъ взадъ и впередъ мимо длиннаго ряда оконъ своего кабинета, отъ времени до времени подымая голову, какъ бы невольно заглядываясь на сиявшую сквозь эти окна горячую красу лѣтнаго дня. Онъ обернувся на шумъ ея шаговъ, неторопливо пошелъ къ ней на встрѣчу, и указывая ей на кресло у стола:

— Садись, сказалъ онъ,—и прочти! И онъ подкинулъ ей письмо графа.

Княжна принялась читать, по временамъ чуть-чуть улыбаясь примитивному правописанію „дядинаго пріятеля“, или сжимая слегка брови когда полнѣйшее отсутствіе запятыхъ въ его посланіи дѣлало на первый разъ читаемое не совсѣмъ понятнымъ. Но дойдя до конца его она внезапно побѣднѣла: послѣдствія того что сообщалось здѣсь совершенно ясно выступали предъ ней.

— Это, значитъ, намъ надо въ Петербургъ переезжать, дядя? вскрикнула она.

— Значитъ! подтвердилъ онъ проницескимъ тономъ:—они на это очевидно разчитываютъ, подчеркнул онъ.

Она пристально воззрилась на него:

— Вы полагаете что это все.... не договорила она.

— Все та же интрига, договорилъ за нее князь Ларіонъ;— я тебѣ тогда не говорилъ: мнѣ уже были сдѣланы предложенія изъ которыхъ истекало что меня можетъ ждать высокое положеніе, но что за это я долженъ заплатить содѣйствіемъ моимъ браку твоему съ этимъ.... Анисьевымъ. Ихъ комбинація, презрительно молвилъ князь, — не увѣнчалась успѣхомъ; этотъ петербургскій Макиавель изъ кавалеристовъ имѣлъ возможность лично убѣдиться что ничѣмъ подобнымъ меня не возьмешь.... Они это и придумали теперь (онъ кивнулъ на письмо), заставить меня жить въ Петербургѣ, зная что твоя мать только объ этомъ и мечтаетъ, что она тотчасъ же перетащится туда за мною.... что ты будешь у нихъ подъ руками, разчитывая что имъ тамъ будетъ легче купить насъ съ тобою. Тамъ у нихъ готовые, неотразимые, въ ихъ понятіяхъ, соблазны: свѣтъ, дворъ, обаянія власти, тѣлеславія.... Предъ этимъ, увѣрены они, не выдержитъ никто, изменить всякое убѣжденіе, склонится самая гордая голова.... Хочешь ли испробовать все это на себѣ, Нелѣне? спросилъ онъ съ легкою усмѣшкой, между тѣмъ какъ глаза его съ какою-то безконечною любовью и тоской останавливались на мигъ на ея наклоненной золотистой головкѣ....

Она подняла ее и отвѣчала его улыбка такую же тихую, веселою усмѣшкой:

— Нѣтъ, дядя, не нужно—я въ себѣ увѣрена.

— Я это зналъ заранее, сказалъ онъ,—и согласно съ этимъ и поступаю.

— Согласно съ моимъ желаніемъ? проговорила она съ замѣшательствомъ:—но, дядя, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ вы должны спросить себя, а не меня, какъ вамъ лучше поступить. Если служба ваша еще нужна, если вы опять можете приносить ту пользу которую вы всегда приносили, основательно ли было бы вамъ отказываться.... изъ-за меня? Меня въ это постоянно мучило, дядя!...

Онъ улыбнулся еще разъ.

— Напрасно мучилась бы, другъ мой! Я въ этомъ случаѣ не могу похвалиться даже тѣмъ что приношу тебѣ жертву. Служба моя, какъ оказывается изъ этого (онъ опять указалъ кивкомъ на письмо), никому не нужна, меня просто намѣрены, въ виду личныхъ соображеній, посадить почетнымъ образомъ въ *Hôtel des Invalides*.

— А вы не на это годны, дядя, сказала княжна, — съ вашимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ....

— Ну, возразилъ онъ,—на что я годенъ теперь, право трудно сказать (и странное движеніе еще разъ передернуло его губы), но, какъ ты видишь, далеко не всѣ раздѣляютъ твое лестное мнѣніе обо мнѣ, примолвилъ онъ, наслушавъ себя на веселый тонъ. — Такъ или иначе, молвилъ князь Ларіонъ по минутномъ молчаніи, — надо отправляться *туда* чтобъ остановить все это... если еще не поздно, или распорядиться en conséquence въ противномъ случаѣ. Я выѣду сегодня вечеромъ чтобы попасть къ поезду въ Москву завтра утромъ.

Онъ какъ бы вдругъ вспомнилъ:

— Что у насъ сегодня? 26е число? *Hélène*, онъ долженъ былъ не сегодня, завтра быть у меня... Я лишаю тебя теперь моимъ отъѣздомъ случая увидѣть его. Прости меня, другъ мой!

И голосъ его зазвенѣлъ нотой какой еще никогда не доводилось слышать въ немъ Лизѣ. Она поднялась съ мѣста съ глазами полными слезъ.

— Дядя, воскликнула она,—вы такъ добры, такъ благородны!... Я, вы знаете, не умѣю говорить, а вы, дядя, вы еще какъ будто сами отстраняли меня отъ себя въ послѣднее время... Я не смѣла подходить къ вамъ... Но теперь пред-

ставляется случай, я хочу вамъ сказать... какъ я вамъ благодарна, какъ я чувствую все... Я узнаю въ васъ лапа, моего милаго, незабвеннаго.....

Онъ не далъ ей продолжать, подошелъ, взялъ ее обѣими руками за голову, и прикоснулся губами къ ея матово-блѣдному лбу.

— Слasiбо за это, Hélène! Научишься и отцомъ быть на краю гроба, примолвилъ онъ нежданно тономъ шутки.

— Это что же такое „на краю гроба“? промолвила она, глядя на него тѣмъ не менѣе нѣсколько встревоженнымъ взглядомъ: — До этого еще далеко, дядя!

— Я сейчасъ и не собираюсь... Не умру пока тебѣ нуженъ! отвѣтилъ онъ, и уже громко разсмѣялся. — А о причинахъ моего отъѣзда, — тутъ же перемѣнилъ онъ разговоръ, — лучше чтобы... Агала Константиновна и этотъ перерѣзанный франтъ съ разбойничьею физиономіей (разумѣлся злополучный „бригантъ“ Зябликъ) ничего не знали.

— А если папаша спроситъ? молвила Лина.

— Спроситъ меня, я скажу: нужно, и только... Она къ своимъ короткимъ отвѣтамъ привыкла, какъ бы уронилъ князь; — а спроситъ тебя, ты скажешь: не знаю. Вѣдь и не знала бы еслибъ я тебѣ не сказала?

— Это долго не можетъ остаться отъ нея скрытымъ, замѣтила княжна: — ей непременно напишетъ про это графиня Анисьева, если какъ вы говорите все это ихъ „интрига“.

— По всей вѣроятности (онъ повелъ утвердительно головою)! Пусть чрезъ нее и знаетъ, а намъ съ тобой не для чего давать заранѣе разыгрываться ея пылкому воображенію! домолвилъ князь Ларіонъ съ тою злою пронырою которая неизмѣнно прорывалась у него каждый разъ когда говорилъ онъ о своей невѣсткѣ, и которую не въ силахъ онъ былъ преодолѣть и теперь, несмотря на все его нежеланіе оскорбить дочернее чувство племянницы.

Лина только вздохнула.

XCVI.

Аглая Константиновна такъ и привскочила, когда по окончаніи обѣда, вставая изъ-за стола, князь Ларіонъ не глядя на нее, а какъ бы относясь ко всѣмъ тутъ бывшимъ, проговорилъ равнодушнымъ голосомъ и какъ о чемъ-то не имѣющемъ ни для него, ни для другихъ никакого особеннаго значенія:

— Я думаю сегодня вечеромъ въ Петербургъ ѣхать.

— Въ Петербургъ! вскрикнула она со мгновенно расширившимися зрачками своихъ круглыхъ глазъ, и даже губы ея вздрогнули отъ изумленія и любопытства;—*et pourquoi cela rigisse Larion?* (Со времени знаменитаго объясненія своего съ нимъ она просто „Larion“ перестала его называть.)

Онъ повелъ взглядомъ черезъ ея голову.

— А тамъ, вы можете слышали, Исакіевскій храмъ строится; такъ я взелануть хочу.

— И какъ скоро думаете вы вернуться? спросила опять княгиня, несмотря на далеко не вызывавшій на новые вопросы сухой и насмѣшливый тонъ этого отвѣта.

— Не загощусь долго, не безпокойтесь! еще рѣзче отвѣтилъ онъ теперь, и тутъ же вышелъ изъ комнаты.

Она послѣдила въ свою очередь уйти къ себѣ наверхъ, пригласивъ взглядомъ Зяблина слѣдовать за ней.

— Oh, il y a quelque chose, il y a quelque chose! заголосила она, всплескивая руками, какъ только очутились они вдвоемъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ.

— Что такое? спросилъ „бригантъ“.

— *Ce départ* Ларіона Васильевича, *il ment* говоря что онъ на какой-то храмъ тамъ хочетъ смотрѣть, *il a assez vu de ces vieux temples en Italie!* Онъ нарочно, *pour me piquer* такъ отвѣтилъ; тутъ я увѣрена, совсѣмъ другое. Мнѣ *Vittorio* говорилъ предъ обѣдомъ что у него былъ *ce gros homme d'исправникъ*, и я сейчасъ же подумала...

— Почта-съ! проговорилъ въ эту минуту Финогенъ, личный камердинеръ ея сіятельства, входя съ письмами и газетами на серебряномъ поднось.

— *Une lettre de la comtesse!* взвизгнула Аглая, узнавая знакомый почеркъ на одномъ изъ конвертовъ; — а теперь *nous allons savoir, je suis sûre!*

Она отослала слугу движеніемъ руки, торопливо сорвала обложку съ письма, и погрузилась въ него глазами.

— C'est cela, c'est cela! крикнула она черезъ мигъ, мечась отъ радости и подпрыгивая на своемъ диванѣ словно карась на сковородѣ, — я вамъ говорила!... Онъ назначенъ... Laron получилъ мѣсто! Читайте, lisez vous-même! восклицала она, протягивая Зяблину листокъ исписанный круною, почти мужскою рукой графини Анисьевой.

„Une nouvelle que je Vous communique en toute hâte et très confidentiellement. chère princesse (прочелъ онъ громко). Votre beau-frère doit être nommé pour le 1 Juillet membre du Conseil de l'Empire. C'est magnifique, n'est ce pas, et tout-à-fait exceptionnel, car le prince est en retraite et n'a jusque là exercé des fonctions de ministre que temporairement, sans jamais en avoir porté le titre effectif; mais mon excellent frère a levé toutes les difficultés. Je lui en suis pour ma part chaleureusement reconnaissante, car nous allons grâce à cela Vous posséder enfin ici, chère amie. Je saute de joie d'avance à l'idée de reprendre avec Vous nos bonnes conversations de Rome....“

— Не правда ли, какъ она пишетъ deliciosément, cette chère comtesse? C'est un véritable génie pour la correspondance! голосила Аглая, взявъ обратно письмо изъ рукъ Зяблукы и принимаясь снова за его чтеніе.—Дальше она мѣтъ говорить про своего сына, какъ онъ влюбленъ въ Лину. Pauvre jeune homme, онъ такой интересный!.. Et tant d'esprit! Какъ онъ это хорошо устроилъ cette nomination Laronна, n'est-ce pas?.. Ну, я надѣюсь теперь, молвила она уже таинственно, подмигивая безстрастно слушавшему ее „бригантъ“, — когда мы будемъ въ Петербургѣ, les choses iront tout-à-fait autrement, et Lina...

— Вы полагаете что въ Петербургѣ она непременно должна переимѣниться и полюбить графа Анисьева? протянулъ Зяблинъ своимъ глухимъ и тягучимъ голосомъ.

— Конечно, должна! самымъ убѣжденнымъ тономъ подтвердила она;—c'est un jeune homme qui a tout pour lui... И потомъ, главное, тамъ je serai soutenue, за меня будетъ la comtesse, и братъ ея qui est si puissant; у меня будетъ такимъ образомъ l'appui de la Cour, примолвила Аглая уже шепотомъ,—а тутъ я одна et tout-à-fait impuissante противъ Laronна... А онъ будетъ тамъ занять службой, и ему некогда будетъ даже знать et commenter mes actions... Да онъ и не

посмѣетъ là-bas, не посмѣетъ me faire les scènes affreuses которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать мнѣ здѣсь! воскликнула она, окончательно торжествуя.

— Сколько мнѣ извѣстно, заговорилъ опять „бригантъ“, сопровождая, по привычкѣ, слова свои глубокимъ вздохомъ,— въ Государственномъ Совѣтѣ служба болѣе почетная чѣмъ обременительная, и даже нѣкоторые его члены вовсе не засѣдаютъ, и живутъ даже не въ Петербургѣ.

Аглая даже въ лицѣ перемѣнилась.

— Вы думаете что Larion можетъ такъ устроить чтобы не жить à Pétersbourg?..

— Ничего не могу думать, потому что не знаю, возразилъ онъ,—а только полагаю что если другіе...

Она не дала ему кончить, раздула ноздри и ёрзнула по своему сидѣнью съ видомъ внезапной, охватившей мысль ея рѣшимости.

— Cela m'est égal! Если онъ не согласится жить въ Петербургѣ, я туда переселюсь и безъ него. Avec mon nom, ma fortune, у меня тамъ не послѣдній домъ будетъ, и съ поддержкой графини и ея брата, всё ко мнѣ пріѣдутъ, всё même la Cour!..

— Князь олекулъ и полечитель вашихъ дѣтей, замѣтилъ насупливаясь Зяблинъ.

— Братъ графини можетъ такъ устроить что Ларіона смѣнять! фыкнула совсѣмъ ужъ расходившаяся барыня.

„Бригантъ“ помолчалъ.

— Вы рѣшились? спросилъ онъ затѣмъ.

— Чтò?

— Переехать въ Петербургъ во всякомъ случаѣ?

— Конечно! воскликнула она.—Я ни за чтò ужъ другой зимы dans ce trou de Moscou не проведу.

Онъ вздохнулъ еще разъ, уже съ особою значительностью.

— Мнѣ очень жаль! пропустилъ онъ точно изъ желудка.

— Почему вамъ жаль, mon ami? пожелала она узнать, сентиментально и съ нѣкоторою тревогой воззрѣвъ на него.— Развѣ вы также туда не переедете?

— Зачѣмъ? И онъ отвернулъ глаза къ окну.

— Зачѣмъ? повторила тономъ нѣжнаго упрека, впрягая круглые зрѣчки свои, Аглая.—Такъ я ужь... je ne suis plus rien pour vous... Eugène?..

„Eugène“ вздохнулъ въ третій разъ.

— Я давно привыкъ къ битвамъ и обманамъ жизни, заговорилъ онъ, *разочарованно* улыбаясь и воскрешая въ лицѣ своемъ и складѣ рѣчи весь лошадь своего бываго Печоринства,—давно знакомъ съ женскимъ сердцемъ и знаю какъ ничего, ему не стоить ставить въ вину другаго свою собственную измѣну... или прихоть, извините меня княгиня! Вы приглашаете меня слѣдовать за вами на берега Немы...

— Mais pourquoi n'y viendriez vous pas, mon ami!

Онъ остановилъ ее рукой.

— Я знаю этотъ городъ! И я когда-то былъ на этой сценѣ, въ этомъ вихрѣ, который зовется петербургскимъ свѣтомъ... И я не прошелъ тамъ незамѣченнымъ, смѣю сказать, мои успѣхи... Но къ чему упоминать объ этомъ! Я всегда другаго искалъ... Мнѣ скоро олостыли эти „образы бездушныхъ людей, приличьемъ стаявуты маски“... Я уѣхалъ въ страну гдѣ однѣ горы и жужжаніе вражьихъ лулъ, уѣхалъ на Кавказъ... Судьба перенесла меня затѣмъ „dans ce trou de Moscou“, какъ вы презрительно выражаетесь, хотя именно тутъ, въ этой ямѣ суждено было встрѣтиться нашимъ двумъ жизнямъ...

Никогда еще такъ много—но и внушительно же какъ за то!—не говорилъ „бригантъ“, и Аглая Константиновна глядѣла на него съ глубокимъ восхищеніемъ; она гордилась счастливымъ выборомъ своего сердца...

— Comme vous parlez bien, mon ami! вздохнула она, устремляя глаза въ потолокъ.—Но вы можете tout aussi bien жить въ Петербургѣ какъ и въ Москвѣ! настаивала она на своемъ.

Горечь челоуѣка познававшего тщету земныхъ обольщеній изобразилась вторично на лицѣ „бриганта“.

— Княгиня, началъ онъ опять, и уже нѣсколько въ носъ, — я мечталъ о неразрывномъ союзѣ этихъ двухъ жизней нашихъ, о тихой пристани, гдѣ послѣ бурь сердце мое могло бы отогрѣться у сердца любящей женщины. А вы меня въ Петербургъ зовете, гдѣ одна суета тщеславія, гдѣ посреди вѣчнаго „шума мірскаго“ такъ легко забыть преданное сердце друга...

— Забыть васъ, Eugène? визгнула въ отвѣтъ Аглая, — oh, jamais, mon ami, jamais!

— Мнѣ не зачѣмъ въ вашъ Петербургъ, княгиня, язвительно заключилъ Зяблицъ,—для меня нѣтъ тамъ роицъ, нѣтъ положеній! Я отсталъ отъ всякихъ служебныхъ отацій... и наконецъ, самыя средства мои... Онъ провелъ трагическимъ

жестомъ рукой по лицу: — оставьте же меня одинокимъ въ моемъ углу долить до дна чашу страданій!...

И съ этими словами „бригантъ“ поднялся со своего кресла и направился къ двери.

— Куда же это вы, mon ami, куда? крикнула ему вслѣдъ Аглая.

— Нѣтъ, ужъ позволяйте, отвѣтилъ онъ въ полоборота, — разговоръ этотъ саишкомъ взволновалъ меня!..

И онъ исчезъ за портьерой.

Аглая Константиновна озабоченно качала головой и задумалась.

— Il faudra payer ses dettes, а иначе я рискую de le perdre pour toujours! заключила она вслѣдъ за этимъ размышленіемъ, и вздохнула уже такъ что что-то опять крикнуло въ ея корсетъ. — Только бы ужъ не саишкомъ много было у него этихъ долговъ! тутъ же сказала себѣ разчитавшая барыня, и съ новою озабоченностью на многотумномъ лицѣ принялась усиленно олаживать себя вѣромъ.

А княжна Луна, простившись съ дядей (онъ уѣхалъ въ назначенный имъ часъ), и вернувшись затѣмъ въ свою комнату, долго раздумывала какимъ способомъ извѣстить скорѣе „Сашинкиныхъ друзей“ объ этомъ обстоятельствѣ. Послать кого-либо изъ людей съ письмомъ она, послѣ того что говорилъ ей Ашанинъ по этому поводу, не рѣшилась, — а теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, имѣя въ виду что за отъѣздомъ князя Ларіона ничто уже не могло помѣшать ея матери принимать мѣры къ недопущенію ея переписки съ Софьей Ивановной. Прибѣгать, съ другой стороны, къ тѣмъ „романическимъ“ средствамъ сообщенія о которыхъ ей говорилъ другъ Гундунова ей очень не хотѣлось: въ этомъ, въ ея понятіяхъ, было что-то не совсѣмъ честное, „неправдивое“, какъ выражалась она. Самого Ашанина она не ждала такъ скоро: онъ пріѣзжалъ уже третій разъ въ Сидкое гдѣ княгиня принимала его все съ тою же любезностью съ письмами изъ Сашина къ Линѣ, и былъ тутъ не далѣе какъ за два дня предъ этимъ; пройдетъ непременно пять, шесть дней пока онъ пріѣдетъ опять.... А между тѣмъ итѣ надо было извѣстить какъ можно скорѣе объ отъѣздѣ князя Ларіона чтобы Сергѣй не пріѣзжалъ понапрасну, и чтобы такой пріѣздъ его не подавалъ повода ничего не знающей, объ уговорѣ его съ княземъ Аглаѣ Константиновнѣ къ обвиненію его, пожалуй, въ

дерзости или желаніи нанести ей неспріятность... Но какъ же быть въ такомъ случаѣ?

Лина колебалась очень долго... Боязнь подвергнуть гнѣву матери, державшей домъ свой на очень строгой ношѣ, того изъ слугъ кого она послала бы съ письмомъ въ Сашино, взяла верхъ наконецъ надъ другими ея соображеніями. Предъ тѣмъ какъ отойти ко сну она написала Софьѣ Ивановнѣ о случившемся, сообщивъ при этомъ изъ разговора своего съ дядей все что могло успокоить ея друзей, залечатала конвертъ, надписала адресъ, и оставила письмо на своемъ письменномъ столѣ.

— Любопытно что изъ этого выйдетъ! невольно сказала она себѣ при этомъ.

На другой день, проснувшись (она долго не смыкала глазъ въ эту ночь), первая ея мысль была объ этомъ. Еще не одѣтая, въ утреннемъ пеньюарѣ, она послѣдила изъ спальни своей въ кабинетъ, подошла къ столу, устремила взглядъ на мѣсто на которомъ оставила макануть письмо. Его тамъ уже не было.

— Что это вы изволите искать, княжна? спросила ее горничная ея Глаша, идя за нею.

— Я тутъ, кажется, письмо одно оставила, отвѣтила Лина, глядя ей въ глаза.

Но Глаша такъ искренно и равнодушно проговорила на это: „Не знаю-съ, не видала“, глядя, въ свою очередь, съ вѣкоторымъ изумленіемъ на вопрошавшую ее „какъ-то странно“ княжну что та тотчасъ же должна была придти къ заключенію что молодая ея прислужница никоимъ образомъ не могла состоять на должности агента въ устроенной Ашанинымъ таинственной „почтѣ“ между Сидкимъ и Сашинимъ.

Въ ту же пору, черезъ сутки, княжна одѣвалась въ своей спальнѣ, когда Глаша, вышедшая за чѣмъ-то въ кабинетъ, вернулась оттуда съ залечатымъ конвертомъ въ рукѣ.

— Вотъ-съ вы вчера какое-то письмо искали, такъ не это ли?

— Гдѣ ты его нашла? вскрикнула Лина.

— Да на столѣ же-съ. Не запримѣтила, должно-быть, ах сунули куда-нибудь предъ тѣмъ...

Княжна тревожно кинула на него глаза... Но это было не ея письмо, а уже отвѣтъ на него Софьи Ивановны Перевезиной.

— Удивительно! невольно сказала она себѣ опять, улыбаясь.

Она вѣроятно удивилась бы еще болѣе еслибъ узнала что почтамономъ для этой корреспонденціи служила горничная ея матери, та самая „Lucrèce“, Лукерья Ильинична, которую Глаша называла „аспидомъ“ и „ехидною“, и весь домъ почиталъ „шлювкой“ княжны и клеветомъ ненавидимаго за его взыскательность „Тальянда Виторія“, и которая, ревнуя пламенно о вѣщемъ „продолженіи знакомства“ своего съ „жестокимъ“ московскимъ Донъ-Жуаномъ (почитавшимъ, съ своей стороны, священнѣйшимъ своимъ долгомъ, каждый разъ, когда бывалъ въ Сашинѣ, посвящать извѣстное время на чау съ нею вишень въ пустынномъ гротѣ, надъ рѣкой), каждое утро, подымаясь съ зарей, когда Луна и сама Глаша еще спали, прокрадывалась о-босу ногу въ кабинетъ княжны „навѣдаться“ и „исповѣть“, буде есть что“...

XCVII.

Setz' einen Spiegel in's Herz mir hinein
Und der Spiegel wird weisen: es ist nichts darin
Als Liebe und Treue und ehrlicher Sinne.

Volkslied.

Въ Сашинѣ полученное отъ княжны письмо произвело въ первую минуту очень тревожное впечатлѣніе. Гундуровъ, собиравшійся ко князю именно въ тотъ день когда получено было оно, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Свиданіе съ Ливой, по которому онъ томился съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, все болѣе отлагалось такимъ образомъ вновь на неопредѣленное время, и къ этому присоединялся еще Дамокловъ мечъ возможности переселенія всей семьи Шастуновыхъ въ Петербургъ, а „тамъ она пропала для меня навсегда!“ говорилъ себѣ съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца Сергѣй... Софья Ивановна старалась утѣшить его, успокоить, ссылаясь на сообщавшійся Ливой разговоръ ея съ дядей, изъ котораго было очевидно что онъ не жаждетъ поступать обратно на службу, не хочетъ жить въ Петербургѣ. Но въ душѣ тетка Гундурова была сама далеко не спокойна. „Онъ былъ всегда честолюбивъ, думала она о князѣ Ларіонѣ,

всегда былъ въ дѣлахъ, привыкъ ко власти; онъ разстался съ нею добровольно, но не можетъ не томиться теперь своимъ бездѣйствіемъ; онъ не доволенъ въ настоящую минуту что его посадили въ Совѣтъ, а не сдѣлали министромъ, но вѣдь, быть-можетъ, и сдѣлаютъ,—ясно что о немъ вспомнили, что вернули ему милость, а самъ онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, соблазнится, останется"... Софья Ивановна не жене племянника волновалась мысляю о томъ какой жестокий ударъ могъ быть нанесенъ его надеждамъ переездомъ Шастуновыхъ изъ Москвы. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Вхвать и ему въ Петербургъ, поступить на службу (какое положеніе для молодого человѣка въ Петербургѣ внѣ службы), пойти по извѣстной колѣѣ свѣтскаго чиновничества, отъ котораго она всю жизнь свою мечтала уберечь его?... Софья Ивановна воспитана была, провела всю свою молодость на Невскихъ берегахъ, ей вѣдомъ былъ тотъ „нравственный воздухъ которымъ живутъ тамъ люди“, тотъ строй взглядовъ и понятій что царилъ тамъ неумолимымъ деспотомъ въ тѣ времена. Она знала что „съ московскою, да еще студентскою, какъ она выражалась, независимостью Сергѣя“ онъ такъ же мало былъ способенъ помириться съ „казенщиной“ петербургской канцеляріи, какъ и съ „казенностью“ петербургскаго большаго свѣта, что онъ или обратитъ тамъ „откровенностью своихъ сужденій“ вниманіе на себя—вещь весьма опасная въ ту пору, или раздражится, вовсе не станетъ вѣздить въ то общество гдѣ единственно представлялся бы ему шансъ встрѣчаться съ княжной Линой. Да и наконецъ, говорила себѣ Софья Ивановна, еслибъ онъ и подчинился всему этому, рѣшился терпѣливо вынести все что такъ противно было тамъ и природѣ его, и воспитанію, еслибъ онъ и обратился въ „приличнаго молодого человѣка съ хорошимъ служебнымъ будущимъ,“—насколько въ глазахъ этого свѣта прибавилось бы ему правъ отъ этого на руку одной изъ первыхъ по имени, богатству и красотѣ невѣстѣ въ Россіи? Не такъ же ли все и вся завопило бы о неслыханной дерзости его „претензій“, еслибы чувство его къ княжнѣ стало тамъ извѣстно?.. А сама она, Елена Михайловна, не подверглась ли бы она пересудамъ и толкамъ самаго злобнаго свойства за „поощреніе этого чувства, за такой *amour indigne d'elle*,“ какъ сказали бы эти люди? „Не измаялась ли бы она въ концѣ, сердечная, не истаяла ли бы, милая, подѣ

плетомъ неустанныхъ намековъ, уколовъ, упрековъ, среди этого неумолимаго, безлощаднаго безсердечія и пустоты?..“

Такъ разсуждала тетка Гундурова, и въ обнимавшей ее тревогѣ мысль о племянникѣ не отдѣлялась отъ мысли о княжнѣ; она сама не могла сказать себѣ теперь, кто изъ нихъ былъ дороже, былъ ближе ея душѣ... „Какъ она будетъ въ состояніи вынести все это“, озабочивало Софью Ивановну даже гораздо болѣе чѣмъ то какія послѣдствія „все это“ могло имѣть на жизнь, на всю судьбу Сергѣя.

Но у Софьи Ивановны, какъ и у глубоко родственной ей по душѣ княжны Лины, была одна великая внутренняя сила: она вѣрила! „Не унывай и борись до конца, а тамъ да будетъ воля Мудрѣйшаго насъ!“ Въ этихъ словахъ находила она неизмѣнно то „окрыляющее“, по выраженію ея, чувство, при которомъ бодрѣлъ ея духъ и яснилъ помыселъ въ самыя трудныя минуты жизни, и которое невольною властью своей подчиняло себя и всѣхъ ее окружавшихъ. (И счастливъ въ этой жизни тотъ кому суждено испытать надъ собой „окрыляющее“ вліяніе такой вѣрящей, любящей и не клонящей головы своей лодъ грозой жевачины!...)

И теперь произошло то же самое. „Никто какъ Богъ!“ сказала себѣ Софья Ивановна послѣ долгаго передумыванья всякихъ тяжелыхъ мыслей и ни къ чему не приведшихъ соображеній возбужденныхъ въ ней полученнымъ изъ Цуцкаго извѣстіемъ. И она какъ-то вдругъ успокоилась и ободрилась, и вернувшуюся къ ней ясность духа сообщила и „ютившимся лодъ ея материнскимъ крыломъ птенцамъ несмыслящимъ“, какъ называлъ въ шутку себя съ пріятелями Ашанинъ. Всѣмъ имъ, включая сюда и Гундурова, какъ бы вдругъ стало очевиднымъ что не изъ чего приходитъ заранѣе въ отчаяніе, что тонъ письма княжны былъ гораздо болѣе успокоительнаго чѣмъ устрашающаго свойства, и что сама она наконецъ не принадлежала къ числу тѣхъ созданій чья зыбкая воля клонится по прихоти всякой перемѣны вѣтра: „ее не сломить никакому Петербургу!“ подумалось всѣмъ имъ.

Оба пріятеля Гундурова одинаково ото всего сердца желали ему успѣха, хотя и руководились при этомъ не совсѣмъ одинаковыми побужденіями. Донельзя распущенный въ нравственномъ отношеніи, но искулавшій свои слабости дѣйствительно „золотымъ“, какъ говорила Софья Ивановна, лылкимъ и великодушнымъ сердцемъ, Ашанинъ не имѣлъ ничего иного

въ виду при этомъ какъ счастье друга, котораго онъ любилъ какъ брата и глубоко уважалъ, какъ человека. Искренній „фанатикъ“ театральнаго искусства, Вальковскій тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ своею, весьма часто намѣренною, грубостью не мало что говорится „хитростцы“ и практическаго разчета. Онъ любилъ Гундунова по-своему, за „охоту и талантъ“ его ко сценѣ, и въ бракѣ его съ дѣвушкой, имѣвшею привести мужу въ приданое такое огромное состояніе какъ княжна, видѣлъ прежде всего ту выгоду которую самъ онъ, Вальковскій, въ случаѣ такого приращенія земныхъ благъ у пріятеля, могъ извлечь для себя какъ по части устройства всякихъ будущихъ „театриковъ“, такъ и относительно грядущаго размѣра тѣхъ вспоможеній всякаго рода которыми онъ искони привыкъ пользоваться со стороны обоихъ своихъ лапсѳонскихъ товарищей... На этомъ основаніи онъ гораздо болѣе Ашанина волновался заботой объ „исполненіи желаній“ Гундунова, и очень часто, самъ не подозревая того, оскорблялъ нашего героя въ его чистомъ и благоговѣйномъ чувствѣ какимъ тотъ исполнялъ былъ по отношенію къ Лизѣ.

— Послушай, братъ, говорилъ онъ ему озабоченно на другой день послѣ полученія ея письма въ Сашинѣ,—я всю ночь продумалъ о твоихъ обстоятельствахъ, и пришелъ къ тому что нечего намъ тутъ всѣмъ киснуть, когда настоящее дѣло дѣлать треба!

— Какое это такое „настоящее дѣло“? спрашивалъ Сергѣй.

— А такое что колибъ эта лядящая фря, княгиня, захотѣла дочь силой въ Питеръ везти, такъ вѣдь и мы можемъ ей такой камуфлетъ подлустить... Я все сообразилъ подробно: на козлахъ ямщикомъ я! весь этотъ аллюръ ихній знаю я теперь до тонкости, то-есть въ самомъ настоящемъ видѣ изображу, не отличишь; Володька—лакеемъ. Мы же и свидѣтели. Подкатываемъ ночью къ саду, она тамъ ждетъ. Живо, въ коляску, ваяя въ Анцыферово, село тутъ есть, двадцать верстъ, все это разузналъ я до ниточки, а въ селѣ-то полтъ Гаврило, пролоцца и шельма изумительнѣйшая, за сто цѣлакшей козла съ козой обвѣнчать готовъ, говорятъ, а не то что....

— Ты самъ не знаешь что говоришь, Вальковскій! вскакинулъ весь вспыхнувъ Гундуновъ.

— Экая дубина, экая безобразина! расхохотался тутъ же бывшій Ашанинъ;—и вѣдь изъ того онъ это все изобрѣлъ въ дурацкой головѣ своей чтобъ ему ямщикомъ молодцомъ на козлахъ сидѣть, въ клыкъ свой кабаній соловьемъ свистать... А что, Ваня, „Маргоренька-то къ гусару ушла“? закончилъ онъ вопросомъ, которымъ преслѣдовалъ его съ утра до вечера, съ самаго дня встрѣчи ихъ въ городѣ.

Вальковскій, емо собою ругнулъ его, плюнулъ и отошелъ.

А вечеромъ сидѣли они опять всѣ трое за вечернимъ чаемъ у стола, за которымъ Софья Ивановна, въ круглыхъ очкахъ на носу, вязала какое-то одѣяло и восторгалась *Ромео и Юлией*, въ появившемся въ ту пору въ одномъ изъ повременныхъ изданій переводѣ этой драмы на русскій языкъ. Такія чтенія Шекспира, начатыя по мысли тетки Гундунова, видѣвшей въ этомъ лучшее средство развлекать Сергѣя отъ муки и тревогъ его личныхъ помысловъ, соединяли каждый вечеръ Сашинское общество, и часто заставляли засиживаться его далеко за полночь. Сама Софья Ивановна, сохранившая подъ сѣдыми волосами всю горячую впечатлительность молодости, увлекалась до слезъ геніальными красотами поэта и просила чтеца продолжать, забывая первая что обычный часъ ея отхода ко сну давно отзвонилъ во всѣхъ комнатахъ дома. Гундуровъ, душевное состояніе котораго такъ близко подходило къ тому страстному возбужденію коимъ исполнено все существо молодого Веронца Шекспира, находилъ для передачи его рѣчей звуки глубоко потрясавшіе его слушателей и отъ которыхъ самъ онъ иной разъ льянѣлъ и замиралъ въ неизъяснимомъ восторгѣ или растрогивался до рыданія въ горлѣ. Послѣ каждой нѣскольکو значительной сцены начинались толки, комментаріи, споры. „Фанатикъ“ сжималъ кулаки и зубы чтобы не ругнуться отъ избытка восхищенія въ присутствіи импонировавшей ему Софьи Ивановны. Ашанинъ, неустанно тѣшившійся имъ и преслѣдовавшій его все тѣми же незлобивыми насмѣшками, всячески поджигалъ и вызывалъ его энтузіазмъ на какую-нибудь забавную выходку.

— Да, говорилъ онъ однажды,—Ромео несомнѣнно первая изъ первыхъ молодыхъ ролей какія только существуютъ на театрѣ!

— Первѣющая! подтвердилъ Вальковскій,—сія неломѣнно раскрытыми глазами.

— Вотъ бы тебѣ попробовать себя когда-нибудь на ней Ваня? невиннѣйшимъ тономъ продолжалъ за этимъ красавецъ.

— Вѣдь ты не дашь, Володенька? возразилъ на это тотъ голосомъ исполненнымъ такого страстнаго внутренняго желанія, униженной мольбы и страха за отказъ что все кругомъ разразилось неудержимымъ хохотомъ.

— А вотъ вы, въ самомъ дѣлѣ, возьмите, прочтите намъ что-нибудь изъ роли Ромео, Иванъ Ильичъ, молвила Софья Ивановна, принимая тутъ же серьезный видъ и грозя пальцемъ Ашанину:—Владиміръ Петровичъ не одинъ здѣсь судья!

„Фанатикъ“ жадно потянулъ къ себѣ книгу, лежавшую предъ Гундуровымъ, остановившимся на первой сценѣ Ромео съ Лоренцо, и съ первыхъ же словъ загудѣлъ такимъ звѣремъ что Ашанинъ, ухватившись за бока, вскочилъ, выбѣжалъ въ гостиную и повадился тамъ на диванъ, надрываясь новымъ истерическимъ смѣхомъ. Гундуровъ уронилъ голову на столъ и задился тоже.

— Да, рѣшила Софья Ивановна, укалывая себя до боли слюней въ подбородокъ, чтобы не заразиться ихъ примѣромъ,—мнѣ кажется, дѣйствительно, Иванъ Ильичъ, что для васъ годятся роли... менѣ пламеннаго характера...

Вальковскій надулся, но только на этотъ вечеръ. Ему слишкомъ удобно жилось въ Сашинѣ, онъ слишкомъ хорошо тамъ ѣлъ, пилъ и спалъ, чтобы расходиться съ его гостеприимными хозяевами изъ-за какой-нибудь „рольки“, какъ выражался онъ своими обычными уменьшительными обозначеніями. Чтенія Шекспира продолжались полрежнему, и неудачная попытка „фанатика“ передать эту молодую „рольку“ не оставила малѣйшаго слѣда въ строѣ общаго добраго согласія, царствовавшего въ тихой сѣни стараго Сашинскаго дома.

Такъ прошло болѣе недѣли. Съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе ждали теперь наши друзья новыхъ извѣстій изъ Сицкаго, отъ княжны. Но извѣстій не приходило....

XCVIII.

Готовься съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ!

Бара тынскій.

Волшебный лѣтній вечеръ лежалъ надъ заснувшими дилами Сашина. Нараждавшійся мѣсяцъ инадъ сверкалъ тонкимъ серебрянымъ очеркомъ сквозь темную сѣть ихъ многолиственныхъ вѣтвей, и нѣжный залахъ политыхъ къ вечеру цвѣтовъ неся провищающими струями на низенькій балконъ дома, двумя-тремя стульями спускавшійся въ садъ. Свѣтъ высокой лампы и свѣчей въ стеклянныхъ коллакахъ, стоявшихъ на столѣ на этомъ балконѣ, добѣгалъ до разбитой лодъ вимъ каумбы, и какъ бы вынырнувшая изъ ближайшаго ея куста большая бѣлая роза чуть-чуть дрожала на невидимомъ стеблѣ своемъ, вся облитая и вся зачарованная словно этимъ нежданнымъ и незнакомымъ ей свѣтомъ...

Вкругъ стола сидѣлъ „Сашинскій квартетъ“, какъ выражалась Софья Ивановна въ веселыя минуты. Они только-что отпили чай. Предъ Гундуrowымъ лежалъ томъ Пушкина, открытый на *Каменномъ Гостѣ*, котораго собирався онъ читать вслухъ. Но онъ медлилъ приняться за книгу и глядѣлъ прищуренными глазами въ садъ, охваченный тишью и красотою ночи.

— Какъ хорошо! проговорилъ онъ ни на кого не глядя.

„Что за ночь, за луна, когда“... вспомнилось Ашанину тутъ же одно изъ любимѣйшихъ его стихотвореній.

— Нѣтъ, вы посмотрите на эту розу, молвила въ свою очередь Софья Ивановна,—какъ она выдѣляется изъ темноты, и точно глядитъ на насъ!

— Я давно на нее люблюсь, сказалъ Ашанинъ,—точно глядитъ и стыдится, прелесты!... Сережа, не наминаетъ она тебѣ....

— Офелію? И Гундуrowъ съ засверкавшимъ взглядомъ обернулся на него.

— Именно, именно! Вотъ что называется симпатіа душъ, засмѣялся красавецъ,—мнѣ это сейчасъ пришло въ голову! она такъ...

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль, прерванный восклицаніемъ Софьи Ивановны:

— Кого это Богъ даетъ!

Всѣ разомъ примолкли. Изъ-за саду, мимо котораго шла дорога въ усадьбу, доносился звонъ колокольчика.

Гундуровъ вздрогнулъ отъ невольнаго нервнаго ощущенія. Колокольчикъ такъ живо напоминалъ ему прїѣздъ Анисьева въ Сидкое, трепетъ Ливы, всю пережитую ими тогда муку.

— Кто это, въ самомъ дѣлѣ? пробормоталъ онъ.

— Ужъ не за мною ли начальство шлетъ? У меня вторая недѣля какъ отпускъ просроченъ, заявилъ съ мгновеннымъ смущеніемъ Вальковскій.

Ашанинъ расхохотался:

— Станетъ оно еще давать себѣ трудъ посылать за тобой! Просто выкаючить если къ сроку не явился.

„Не изъ Сидкаго ли что?“ подумалось одновременно и Сергѣю, и его теткѣ; они переглянулись.

— Нѣтъ, тогда бы безъ колокольчика! сказала она громко въ отвѣтъ угаданному обоими ими вопросу, и усложненно улыбнулась ему.

Толпотъ лошадей между тѣмъ уже явственно слышался на дворѣ. Кто-то подѣвжалъ ко крыльцу.

— Исправникъ! доложилъ, вслѣдъ за этимъ, выходя изъ комнаты, старикъ Федосей, камердинеръ Гундурова.

— Что ему нужно? невольно вскрикнула Софья Ивановна.

— За мною, вѣрно за мною!... радостно возгласилъ „фанатикъ“,—театрикъ, должно-быть, устраивается, такъ онъ за мною, толстолапъ, прикатилъ!...

И онъ со всѣхъ ногъ кинулся съ балкона.

— Они Сергѣя Михайловича спрашиваютъ! угрюмо явучимъ голосомъ промолвилъ Федосей, не трогавшійся съ мѣста.

— Меня?... Проси! сказалъ Сергѣй, взглянувъ на тетку.— Не попался ли въ чемъ кто-нибудь изъ нашихъ крестьянъ? объяснилъ онъ.

— Сюда!... сюда проси! торопливо добавила Софья Ивановна...

Въ гостиной уже раздавался скрипъ салоговъ входившихъ, и на балконѣ черезъ мигъ, слегка споткнувшись о его порогъ, но сейчасъ же оправившись и молодцовато выставивъ грудь впередъ, появился Елпидифоръ Павловичъ Акулинь во всей внушительности своей громоздкой фигуры и съ такою же

внушительностью на неулыбавшемся и какъ бы чѣмъ-то чрезвычайно озабоченномъ лицѣ. Вальковскій шелъ за нимъ опустивъ голову и поводя излоблѣя кругомъ какъ бы нѣсколько сконфуженными глазами. Прїѣздъ „толстопуза“ очевидно не имѣлъ цѣлью театрикъ.

— *Madame la générale!* проговорилъ исправникъ, подходя къ хозяйкѣ и шаркая съ ловкостью бывалого гвардейца.

— Здравствуйте, *monsieur*. Акулинь, проговорила Софья Ивановна, внимательно глядя на него:—не угодно ли присѣсть? примолвила она черезъ мигъ, указывая на кресло.

Елицифоръ отблагодарилъ поклономъ, тяжело опустился въ это кресло, протянулъ и перекинулъ одна на другую толстыя свои ноги и, уложивъ фуражку на колѣняхъ, а голову опустивъ на грудь, принялся съ намѣренною какъ бы неторопливостью стаскивать съ рукъ перчатки.

Софья Ивановна съ невольнымъ волненіемъ слѣдила за всѣми его движеніями.

— Да неуждно ли вамъ чаю? спросила она, вспоминая свою обязанность хозяйки, и поставила чайникъ на канфорку еще не потухшаго самовара.

— Если позволите... полстаканчика... Некогда больше! примолвилъ онъ, подымая глаза и останавливая ихъ на ней.

— А развѣ вамъ еще куда-нибудь отъ насъ нужно? проговорила она, скрывая подъ равнодушнымъ тономъ вопроса серьезное безлокойство которое начинало овладѣвать ею.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ исправникъ, принимая видъ человѣка который обязанъ, но весьма неохотно исполняетъ это, объявить другому непріятную вѣсть:—я имѣю дѣльце... къ Сергѣю Михайловичу...

— Какое такое? спросилъ Гундуровъ, хмуря брови.

— Вотъ, если позволите на минуточку... къ вамъ въ кабинетъ, немедленно выговорилъ исправникъ, протягивая руку къ налитому ему хозяйкой стакану чая,—мы съ вами переговоримъ...

— Отчего же не здѣсь, не сейчасъ? сказала выпрямляясь въ своемъ креслѣ Софья Ивановна,—у Сергѣя нѣтъ никакихъ тайнъ... и никакихъ *дѣлъ*, подчеркнула она,—о которыхъ нельзя было бы говорить громко, при всѣхъ!...

Елицифоръ повелъ любезно головой внизъ.

— Отъ всей души готовъ вамъ вѣрить, *madame la générale*... тѣмъ болѣе что мнѣ лично ничего неизвѣстно... И даже

повѣрьте (онъ счелъ нужнымъ вздохнуть), почитаю для себя возложенное на меня порученіе весьма тяжкимъ... Еще такъ недавно подвизались мы съ Сергѣемъ Михайловичемъ какъ собратья по искусству въ *Гамлетъ*... котораго передалъ онъ намъ съ такимъ совершенствомъ... И вдругъ я, такъ-сказать во всемъ атрибутѣ моихъ полицейскихъ обязанностей...

— Да говорите, сдѣлайте милость, перебила его тетка Гудурова,—какое у васъ порученіе?

Акулинъ чуточку помолчалъ, затѣмъ развелъ руками, уперся въ нее взглядомъ, и выпустилъ словно изъ ружья:

— Извините меня, ваше превосходительство, я обязанъ доставить племянника вашего къ его сіятельству, графу, въ Москву.

У Софьи Ивановны сверкнули глаза и побѣлѣли губы; Ашанинъ вскочилъ съ мѣста, глядя на исправника какъ будто не довѣрялъ ушамъ своимъ. Вальковский какъ-то мгновенно исчезъ въ неосвѣщенной сторонѣ балкона.

— „Доставить“! повторилъ весь вслыхнувъ Сергѣй. — Что ему отъ меня нужно?

— Это ужъ имъ извѣстно, отвѣтилъ исправникъ съ легкой улыбкой потягивая чай изъ своего стакана,—а я тутъ, какъ говорится, не что иное какъ слѣпой исполнитель. Получилъ предписаніе-съ!

И онъ все такъ же медлительно откинулся спиной въ кресло, отстегнулъ двѣ луговицы своего форменнаго сюртука и полѣвъ рукой подъ бортъ его въ карманъ (онъ видимо наслаждался производимомъ имъ тревогой: онъ зналъ какъ не лестно было о немъ мнѣніе хозяевъ Сашина, и не могъ простить этого имъ).

— Самого меня, говорилъ онъ тѣмъ-временемъ,—чрезвычайно это какъ разстраиваетъ. Дочь мою единственную, какъ это можетъ вамъ извѣстно (онъ повелъ неопредѣленно глазами кругомъ), только что выдалъ за товарища же нашего по спектаклю, Никанора Ильича Ранцева. Третій день всего какъ свадьбу сыграли, и я, признаюсь, надѣялся поотдохнуть у нихъ недѣлки двѣ, порадоваться на нихъ.... Любо, вѣдь, дорого смотрѣть, не натѣшатся другъ другомъ, не наивѣжатся...

„Поздравляю ихъ обоихъ!“ злобно подумалъ и чуть громко не отпустилъ Ашанинъ, на которомъ какъ бы невзначай остановились въ эту минуту глаза Акулина.

— И вдругъ это меня отрываютъ, продолжалъ расписывать тотъ,—и даже для исполненія такихъ непріятныхъ обязанностей.... Вотъ-съ, не угодно ли взглянуть? заключилъ онъ, дошарившись до нужнаго въ своемъ карманѣ и протягивая Гундурову сложенный вчетверо по-казенному листъ бумаги.

Сергѣй быстро пробѣжалъ его про себя и передалъ теткѣ.

— Я кандидатъ университета, а не.... какъ тамъ сказано, сказалъ онъ только съ презрительною улыбкой.

Бумага гласила что по приказанію его сіятельства исправникъ такой-то „имѣетъ извѣстить проживающаго во вѣренномъ ему уѣздѣ неслужащаго дворянина, бывшаго студента Московскаго университета, Гундурова явиться, для личнаго объясненія, къ его сіятельству, въ Москву, во вторникъ, 6го іюля, въ 9^{1/2} часовъ утра“.

Софья Ивановна прочла ее тихо, затѣмъ вслухъ, останавливаясь черезъ слово: она старалась добратъся того непонятнаго для нея смысла который могъ заключаться въ словахъ: „для личнаго объясненія“. Какія нужны ему объясненія съ Сережей, о чемъ?...

Исправникъ привсталъ съ мѣста и потянулся къ ней черезъ столъ съ устремленнымъ впередъ указательнымъ пальцемъ:

— Собственноручную приписку извольте замѣтить.... сбоку-съ, сбоку....

Она прочла прибавленныя на полѣ бумаги крулкою рукой московскаго владыки два слова: „привезти самому“.

Елипидифоръ олустился опять въ кресло, и еще разъ вздохнулъ.

— „Самому“, это то-есть маѣ.... везти!...

— Ахъ ты шельмецъ этакой, шельмецъ! сказалъ себѣ Ашанинъ, чувствуя въ эту минуту неодолимое желаніе помять отвислыя жабры бывшаго Полонія.

— Во вторникъ, 6го іюля, перечла Софья Ивановна.—Что у насъ сегодня? Понедѣльникъ, лятое.... Это, значить, ему надо завтра утромъ быть въ Москвѣ!

— Такъ точно-съ, подтвердилъ Акулинь, опираясь обѣими руками въ ручки кресла, чтобы поднаться окончательно на ноги;—девятисто шесть верстъ, Сергѣй Михайловичъ, обратился онъ къ нашему герою, который молча, сжавъ неестественно губы, прислушивался къ этому чтенію и разговору, какъ бы рѣшившись не принимать въ немъ никакого участія,—да проселкомъ до города, верстъ двѣнадцать; только къ утру доѣхать успѣемъ.... Собирайтесь бы вамъ надобно....

Всѣ примолкли на мигъ.

— Что же, Сережа.... какъ ты думаешь? заговорила первая его тетка, подымая на него глаза.

Онъ пожалъ плечами.

— Собираться мнѣ не долго.... Хоть сію минуту!..

— Ты когда думаешь.... вернуться? не совсѣмъ твердо спросила она его опять.

— Да завтра же объ эту пору, я полагаю.

— Весьма бы желательно-съ, весьма! промолвилъ на это исправникъ съ интонаціей голоса злое намѣреніе которой не ускользнуло отъ Софьи Ивановны.

Багровыя пятна выступили у нея на лицѣ. Она взглянула на него такимъ негодующимъ взглядомъ что Елпидифоръ смутился и кашлянулъ въ руку чтобы скрыть это смущеніе,—и встала изъ-за стола.

— Вы мнѣ позволите васъ оставить одного пока племянникъ мой будетъ укладываться. Пойдемъ, Сережа!

— И я съ вами! послѣшно сказалъ Ашанинъ.

Они ушли втроемъ.

Вальковскій внезапно выскользнулъ изъ своего темнаго угла подошелъ озираясь къ исправнику и шепоткомъ проговорилъ:

— Не знаешь, братъ, для чего онъ требуется: дѣло въ самомъ дѣлѣ какое; или согрѣшилъ чѣмъ?

Тотъ глянулъ на него черезъ плечо.

— Слышалъ, сказано: „привезти самому“, значитъ, чтобы не утекъ. Не по головкѣ гладить, стало-быть! фыркнулъ онъ, доставая палироску изъ сигарочницы, и наклонясь съ нею къ одной изъ свѣчей стоявшихъ на столѣ.

„Фанатикъ“ опустилъ голову и словно съежился весь.

— Скажи мнѣ, ради Бога, Сережа, говорила тѣмъ временемъ его тетка, уведя молодыхъ людей въ кабинетъ племянника,—не знаешь ли ты за собой чего-нибудь изъ-за чего могли бы тебѣ выйти неприятности?

Онъ засмѣялся даже.

— Что же могу я знать такого за собою, тетя? Все что я дѣлалъ и дѣлаю вамъ точно такъ же извѣстно какъ и мнѣ самому.

— И почему вы думаете, заговорилъ съ живостью Ашанинъ,—что Сережу должны ждать какія-нибудь „неприятности“ отъ нашего воеводы московскаго? Я такъ совсѣмъ на-противъ того думаю. Князь Ларіонъ Васильевичъ въ Спцкомъ,

при насъ же всѣхъ, такъ лестно и горячо рекомендовалъ ему Сережу, и вѣроятно теперь, проѣздомъ черезъ Москву, повторилъ это ему, что старцу, я увѣренъ, пришла въ голову блестящая мысль пригласить Сережу къ себѣ на службу. Онъ и вызываетъ его чрезъ исправника, какъ знающаго гдѣ его найти.

— Такъ такъ было бы и сказано, я полагаю, возразила Софья Ивановна,—а то *привезти*, точно арестанта какого-то, преступника.... Это просто оскорбительно!...

— А этого старецъ нашъ не понимаетъ, комическимъ тономъ объяснилъ Ашанинъ,—онъ по простотѣ: нужно ему кого-нибудь, ну и подавай его такъ или иначе. Вы на него не обижайтесь, генеральша; у лапшей турецкихъ, говорятъ, еще простѣе обычаи бываютъ!...

Софья Ивановна невольно усмѣхнулась, но глаза ея глядели все также невесело и озабоченно.

— Этотъ исправникъ, сказала она,—со своими какими-то прозящими намеками....

— Ну, вотъ эту толстую шельму я охотно бы поколотилъ! воскликнулъ пріятель Гундунова.—Вѣдь вы понимаете, генеральша, что онъ ровно ничего не знаетъ для чего вызывается Сережа къ графу, и знать не можетъ. А строитъ онъ эти угрожающія хари въ отместку вамъ за то что вы его къ себѣ въ домъ какъ знакомаго не пускали, а Сережа, когда мы въ Царскомъ играли, ему, кромѣ реллику, слова не сказалъ никогда. Такъ не тревожиться же вамъ въ самомъ дѣлѣ изъ-за его рожи воронья пугала!...

Ашанинъ говорилъ тономъ такого глубокаго убѣжденія, и то что онъ говорилъ имѣло за собою притомъ такъ много правдоподобности что Софья Ивановна въ эту минуту какъ-то вдругъ успокоилась. Она все время слѣдила за выраженіемъ лица Гундунова и осталась имъ довольна; ни малѣйшаго волненія, ниже суеты, а лишь та невольная брезгливость съ какою смотрѣлъ бы порядочный человѣкъ по ошибкѣ посаженный въ часть.

Онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и безсознательно перебиралъ пальцами по его сукну.

— Къ *нему* вѣдь во фракъ явиться нужно, Сережа, сказала ему тетка,—не забудь взять!

— Возьму... И бѣлый галстукъ тоже нужно? спросилъ онъ насмѣшливо и чуть-чуть надменно улыбаясь.

— Само собою.... А что ты ему однако скажешь, Сережа?

молвила черезъ мигъ Софья Ивановна, если онъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ предложить служить у него?

— Поблагодарю за честь, и откажусь... „Пашамъ“ я не слуга! промолвилъ онъ, повторяя выраженіе Ашанина.

Она помолчала.

— Однако вотъ что, другъ мой, начала она затѣмъ:—даю тебѣ два дня; если по истеченіи ихъ ты не вернешься въ Сашино, я поѣду въ Москву.

— Къ чему это, тетя? вскрикнулъ онъ.

— Я буду безлокоиться... у насъ всего ожидать можно...

— А позвольте мнѣ, милѣйшая моя генеральша, заговорилъ опять Ашанинъ все тѣмъ же, обычнымъ ему, шутавымъ и веселымъ тономъ,—позвольте сдѣлать вамъ слѣдующее предложеніе: я поѣду теперь съ Сережей въ Москву, и еслибы что-нибудь дѣйствительно задержало его тамъ, даю вамъ честное слово что черезъ два дня, то-есть послѣзавтра, буду у васъ здѣсь съ извѣстіемъ.

— Отлично, Володя, спасибо! воскликнулъ, вставая съ мѣста Гундуновъ.—Мнѣ совѣстно было просить тебя, а я только что объ этомъ думалъ. Тетя будетъ спокойна, а меня ты избавишь отъ единственной непріятности во всемъ этомъ: вхвать бокъ-о-бокъ цѣлую ночь съ этимъ господиномъ. Вы согласны, тетя?

— Хорошо, сказала она;—спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!.. А вотъ и Федосей! Собирай барина!..

— Слышалъ-съ, проговорилъ угрюмо старый слуга, дѣйствительно слышавшій весь разговоръ изъ сосѣдней съ кабинетомъ спальни Гундунова,—у меня готово,

— Такъ вели въ старую коляску разгонныхъ четверку сейчасъ же! приказалъ Сергѣй.

— Да и его возьми съ собою! молвила ему тетка.

— А то развѣ отпущу я ихъ однихъ! уже совѣмъ сердитъ отрѣзалъ старикъ, и даже дверью хлопнулъ уходя.

Всѣ невольныо улынулись.

— А теперь я васъ оставляю, сказалъ Ашанинъ:—пойду крошечку надъ Елиидифоромъ потѣшиться.

Онъ вернулся на балконъ, на которомъ Акулинъ, развалившись по-хозяйски въ креслѣ, пускалъ кольца дыма изъ недвижный воздухъ, а „фанатикъ“, опустивъ голову и сложивъ руки крестомъ на груди, шагаль отъ перилъ до перилъ съ видомъ трагика обдумывающаго свой монологъ латаи дѣйствія.

— Что же вашъ пріятель? спросилъ исправникъ, обращаясь ко входившему;—пора ѣхать!

Ашанинъ развелъ широко руками, въ подражаніе тому какъ разводилъ своими исправникъ въ разговорѣ съ Софьей Ивановной, и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ушелъ! Нѣту!

— Что-о? не понялъ въ первую минуту тотъ.

— Вы спрашиваете про Гундукова?

— Про него!

— Я вамъ и говорю, нѣтъ его, ушелъ! повторяя то же движеніе руками, подтверждаалъ шалуна.

Вся прыткость, вся юркость Елпидифора вернулись къ нему въ одно мгновеніе. Онъ привскочилъ съ кресла съ легкостью резиннаго мячика, и кинулся къ молодому человеку.

— Удралъ? прохрипѣлъ онъ, и безконечныя щеки его мгновенно поблѣднѣли и залпыгали,—верхомъ?.. потому ко-
лесъ слышно не было...

— Нѣтъ, лѣшкомъ, отвѣчалъ Ашанинъ съ самою невозмутимою серіозностью.

— Такъ далеко еще не успѣлъ... Въ какую сторону?

— Недалеко, дѣйствительно:—въ сторону конюшни.

— За лошадей?

— За лошадьми;—приказалъ запрягать подъ коляску, ѣхать къ графу, въ Москву.

— Эхъ, чтобъ васъ! махнулъ со злостью рукой исправникъ,—я вѣдь подумалъ и въ самомъ дѣлѣ!.. И наши чѣмъ шутить!..

— Я и не шучу,—вы спрашиваете, я даю отвѣты. Я не виноватъ что вы ихъ толкуете по-своему, по-полицейски.

Акулинъ надулся.

— И къ чему это ему коляску еще свою! Я думалъ его въ своемъ тарантасѣ везти...

— Не имѣете права! возгласилъ Ашанинъ.

— Чего это?

— Можете подъ уголовную отвѣтственность попасть!

— Да что это вы мнѣ расписываете! фыркнулъ исправникъ, все сильнѣе гнѣваясь.

— Вамъ предписано „привезти“ Гундукова къ графу для личнаго объясненія, значитъ привезти живаго, такъ какъ съ мертвымъ объясненія бываютъ обыкновенно нѣсколько затруднительны. Если же онъ бы съ вами сѣлъ рядомъ въ

экипажъ, вы бы его, надо полагать, при Богомъ вамъ давномъ преизобиліи тѣлесномъ, на первой же колесъ придавили до смерти. Во избѣжаніе чего мы и порѣшили съ нимъ оставить васъ ѣхать въ одиночествѣ, а самимъ ѣхать въ его коляскѣ.

— Однако позвольте вамъ сказать, милостивый государь. началъ и не договорилъ уже весь красный отъ злости исправникъ.

— Чтò сказать? съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ спросилъ тотъ, укладывая локти на столъ и глядя ему прямо въ глаза своими большими черными глазами.

Взбѣшенный, но осторожный Елпидифоръ вспомнилъ время что этотъ черноглазый красавецъ, глядѣвшій на него такимъ вызывающимъ взглядомъ, былъ вхожъ „въ домъ его сіятельства“ и даже, какъ слышалъ онъ, пользовался особымъ расположеніемъ къ нему этого „дома“, и что поэтому размовка съ нимъ была бы очевидно съ его стороны неразчетомъ.

— На васъ, конечно, сердиться нельзя, Владиміръ Петровичъ, повернулъ онъ неожиданно на шутливый тонъ, — мы привыкли съ дамами къ веселому разговору...

— А вамъ какого же угодно? протянулъ Ашанинъ, продолжая глядѣть ему въ глаза.

Неизвѣстно (что нашелъ бы отвѣтить исправникъ, но въ эту минуту „фанатикъ“, сосредоточенно прислушивавшійся къ пренію, трагически шагнулъ къ пріятелю.

— Это какъ же ты съ Гундуровымъ въ Москву собрался? А я?

— Чтò ты?

— Мнѣ чтò же оставаться-то здѣсь безъ васъ?..

— Мы вернемся завтра или послѣзавтра утромъ.

— А если какъ не вернетесь? мрачно промывчалъ Вальковскій.

Ашанинъ уперся ему въ лицо пронизательнымъ взглядомъ.

— Ты гауль, Иванъ Неломныйцй, подчеркнул онъ: — еслибы то чтò ты предполагаешь должно было случиться, тѣмъ менѣе, кажется, слѣдовало бы тебѣ думать удирать телеръ изъ этого дома!

„Фанатикъ“ яонялъ и, покраснѣвъ до ушей, быстро отошелъ отъ него, и зашагалъ опять по балкону.

На порогъ его показались хозяева. Digitized by Google

— Лошади готовы; если вамъ угодно, можемъ ѣхать, какъ бы уронилъ Сергѣй, глядя черезъ голову исправника.—Федосей твои вещи уложилъ, сказалъ онъ Ашанину.

— Спасибо!

Красавецъ отвелъ Софью Ивановну въ сторону.

— Вы извѣстите княжну? спросилъ онъ ее шепотомъ.

— Къ чему? выразила она:—это могло бы только ее встревожить, а вы надѣетесь, говорите, быть здѣсь послѣзавтра съ Сережей... или безъ него, примолвила она чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ,—всегда успѣемъ.

— Вѣрно, генеральша, вѣрно! согласился Ашанинъ:—позвольте ручку поцѣловать на прощанье.

Со двора доносился грохотъ выѣхавшихъ экипажей.

Всѣ прошли туда черезъ садъ.

— Какъ вамъ удобнѣе наблюдать чтобы мы отъ васъ какънибудь не „ударали“, Елпидифоръ Павлычъ? громко и со смѣхомъ спросилъ исправника Ашанинъ, выходя на дворъ,—намъ ли ѣхать впередъ, или вамъ?

Въ толпѣ дворовыхъ собравшихся у крыльца смотрѣть на неожиданный отъѣздъ молодого барина послышалось вызванное этими словами сочувственное и дружное хихиканье.

— Ахъ, сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно! отвѣтилъ съ досадою исправникъ (онъ чувствовалъ себя сильно не въ авантажѣ), направляясь къ поданному первымъ своему тарантасу. — Вашему превосходительству честь имѣю кланяться! сухо промолвилъ онъ, снимая на ходу фуражку предъ господжою Переверзиной, и заковылялъ далѣе.

— Ну, Богъ съ тобою, Сережа! говорила она тѣмъ временемъ, остановившись съ племянникомъ въ темномъ углу у забора,—знаю что вздоръ, а сердце не на мѣстѣ, такое ужъ гаулое оно у меня...

Она подняла руку и трижды оцѣнила его крестнымъ знаменіемъ.

Тройка исправника уже выѣзжала за ворота. Молодые люди послѣшили къ своей коляскѣ.

— Ваня, будь умникъ, крикнулъ изъ нея Ашанинъ Вальковскому, безмолвно и угрюмо глядѣвшему на нихъ съ крыльца,—и отучись подбирать съ тарелки горошекъ ножомъ, вилкой гораздо удобнѣе...

Среди дворовыхъ лискнулъ чей-то новый сочувственный смѣхъ... „Фанатикъ“ лягнулъ, и ушелъ въ домъ подъ толотъ тронувшихъ лошадей.

XCIX.

Увѣшанная картинами угольная красная комната, предшествовавшая кабинету графа и выходившая четырьмя окнами на Тверскую площадь, въ бойкую пору года полная обыкновенно народа, была теперь, по случаю лѣтняго времени и еще ранняго часа дня, почти пуста. Приѣмъ просителей—для чего графъ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ въ городъ изъ своей подмосковной—былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. Въ красной комнатѣ поэтому въ ту минуту когда вошелъ въ нее Гундуровъ, за которымъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ исправникъ Акулинь, находились только дежурный чиновникъ канцеляріи, длинный и худой молодой человекъ, глядѣвшій въ окно съ видомъ смертельной скуки, и такой же дежурный военный чиновникъ особыхъ порученій, лысый майоръ Чесмиль *, растянувшійся съ ногами на покрытомъ чехломъ, по-лѣтнему, какъ и вся мебель, диванѣ.

Услыхавъ шумъ шаговъ майоръ полуоткрылъ сонные глаза и спустилъ ноги съ дивана.

— А! Вы зачѣмъ къ намъ? лѣнливо вымолвилъ онъ, узнавая нашего героя, съ которымъ встрѣчался въ одномъ знакомомъ имъ обоимъ домѣ въ Москвѣ.

— Вызвали! отвѣтитъ Гундуровъ съ невольнымъ пожатіемъ плечъ. (Онъ вѣхалъ всю ночь, только что успѣлъ обмыться и переодѣться, а лицо его носило видимые слѣды бессонницы и утомленія.)

— Вотъ какъ! зѣвнулъ Чесмиль, указывая ему мѣсто подлѣ себя на диванѣ;—а на что вы ему нужны? (майоръ никогда иначе какъ этимъ мѣстоименіемъ не обозначалъ своего начальника, съ которымъ состоялъ въ самыхъ оригинальныхъ, брюзгливо-нѣжныхъ отношеніяхъ.)

— Это я у васъ хочу спросить, молвилъ хмурясь молодой человекъ:—живу я преспокойно у себя въ деревнѣ, пріѣзжаетъ вдругъ ко мнѣ вчера вечеромъ исправникъ...

— Вотъ эта туша, перебилъ его майоръ, кивая на Акулина, подошедшаго въ эту минуту къ длинному чиновнику, стоявшему у окна и затѣвавшему съ нимъ шепотомъ какой-то разговоръ.

* См. *Титы Прошлаго*.

— Онъ самый.

— Слышалъ! Дочь, говорятъ, красавица и голосъ чудный... Въ любимчики за то попалъ (майоръ мигнулъ теперь по направлению кабинета графа); переводить онъ его сюда частнымъ приставомъ въ Городскую часть... все равно что тысячу душъ подарилъ, примолвилъ онъ своимъ хрилящимъ и насмѣшливымъ голосомъ. — И про васъ слышалъ. Вы тамъ съ нашимъ Чижевскимъ у Шастуновыхъ на сценѣ отличались!... И княжна играла, да?... Божественная особа! прохрипѣлъ опять Чесминъ, вздыхая, и сентиментально закатывая глаза подъ свой нескончаемый лобъ.

Гундуровъ отвернулся чтобы не дать прочесть ему на своемъ лицѣ волненіе вызванное въ немъ уломинаніемъ о княжнѣ.

— Не долго сегодня Федоръ Петровичъ... проговорилъ въ эту минуту длинный чиновникъ, оборачиваясь отъ окна къ щелкнувшей замкомъ двери кабинета.

Дверь распахнулась, и изъ нея вышелъ довольно высокаго роста мужчина съ крестомъ на шеѣ и чрезвычайно привѣтливымъ и открытымъ лицомъ, управляющій графскою канцеляріей. Онъ передалъ вынесенную имъ килу только что доложенныхъ бумагъ послѣдшившему къ нему за ними чиновнику, и быстрыми шагами подошелъ къ окну, у котораго въ почтительной позѣ, переминаясь на толстыхъ ногахъ, стоялъ Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ.

— Господинъ исправникъ *** уѣзда? съ учтивою улыбкой проговорилъ онъ.

— Точно такъ, ваше —ство!

— Графъ васъ просить!

Исправникъ, прижавъ шлягу въ колымажку и вздрагивая всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, понесся на кончикахъ ногъ по направлению кабинета.

— Что онъ сегодня надолго пріѣхалъ, Федоръ Петровичъ? спросилъ съ мѣста Чесминъ.

— Въ два часа, окончивъ съ просителями, уѣзжаетъ обѣдню въ Покровское, отвѣтилъ, подходя къ нему, правитель канцеляріи, повелѣлъ, слегка поклонившись, на сидѣвшаго рябомъ Гундурова бѣглымъ и какъ бы сочувственнымъ взглядомъ, лодалъ майору руку, и вышелъ обычнымъ ему, торопливымъ шагомъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ васъ, думаете, вызвалъ? захрипѣлъ опять Чесминъ, оставшись вдвоемъ съ Гундуровымъ.

— Говорю вамъ, не знаю...

— И я не знаю, а догадываюсь.

— Скажите пожалуйста, если такъ!

— Онъ вѣдь былъ у Шастуновыхъ, когда вы тамъ съ Чижевскимъ лицедействовали?

— Былъ.

— Видѣлъ васъ на сценѣ?

— Да.

— Ну вотъ! У него тоже театръ въ его Покровскомъ. Прослышали его барыни про новый талантъ — мало у нихъ своихъ-то всякихъ ломакъ! промышалъ Чесминъ, — и загорѣлось видно, подавай молъ намъ его, да и только!... А онъ у насъ все что хотятъ онъ, то и...

Онъ не успѣлъ договорить, какъ изъ кабинета бочкомъ выползъ пространный Акулинъ съ сіяющимъ отъ удовольствия лицомъ, скользнулъ черезъ всю комнату съ гвардейскою ловкостью, и какъ бы робѣя и смущаясь, между тѣмъ какъ на губахъ его играла самая плутоватая улыбка, подошелъ къ Чесмину.

— Извините меня, началъ онъ, — если такъ... не имѣю чести быть вамъ знакомымъ... но его сіятельство приказали мнѣ звать... а кого именно — я не понялъ...

— Господина Гундурова? указалъ майоръ на молодаго человека, — такъ вы вѣдь его знаете!

— Нѣтъ-съ, Сергѣй Михайловичъ не подходитъ къ тому слову... промямлилъ Елпидифоръ.

— Къ какому слову? Какъ онъ вамъ сказалъ?

— А они сказали: „Пошли ко мнѣ плешандаса!“ объяснилъ исправникъ, стыдливо опуская глаза и закусывая въ то же время губу чтобы не расхохотаться.

— Вѣдь вотъ — на лоди! буркнулъ майоръ, сердито подымаясь съ мѣста, — самъ до пятокъ дысь, а туда же насчетъ другихъ прохаживается!...

И онъ лѣвино разваливаясь на ходу, какъ дѣлалъ это самъ графъ, съ которымъ Чесминъ имѣлъ и этотъ пунктъ схождения, отправился къ нему въ кабинетъ.

— Здравствуй, плешандасъ! тѣмъ же словомъ привѣтствовалъ его изъ самой глубины длинной и довольно темной комнаты голосъ начальства.

Графъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, въ большихъ серебряныхъ очкахъ на носу, и перебиралъ бумаги.

— А вамъ очень нужно, затворяя за собою дверь и дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ, отгрызся Чесминъ,—очень нужно обращать меня въ смѣшки предъ каждымъ встрѣчнымъ?

— Не сердись, майоръ! залѣлъ со смѣхомъ графъ, не оборачиваясь къ нему, и продолжая искать въ своихъ бумагахъ.

— И откуда вы такого слова добыли? Насилу къ вамъ въ двери влѣзъ!

— Слоны, а распорядительный! Я такихъ люблю!... И на театрѣ пресмѣшно играетъ!...

— На что я вамъ нуженъ? спросилъ Чесминъ за наставшимъ послѣ этихъ словъ молчаніемъ.

— Хотѣлъ спросить: у чьихъ ногъ лежишь теперь? (это была стереотипная шутка которою старецъ долекалъ влюбчиваго майора чуть не каждый день.)

— Только за этимъ и звали! фыркнулъ тотъ.

— За этимъ! продолжалъ смѣяться графъ.—Тамъ есть одинъ молодой человѣкъ?

— Есть.... Гундуровъ?

— Да, Гундуровъ.... Отца зналъ! Въ Клястицкомъ гусарскомъ полку служилъ. Какъ ты, майоръ былъ, веселая голова!..

— Ну, а его, сына-то, вы зачѣмъ теперь къ себѣ вызвали?

— Мое дѣло, а не твое! залѣлъ опять „московскій воевода“.—Зови его сюда!

Чесминъ повернулся и вышелъ.

Нашему герою было не по себѣ: и усталость, и чувство человеческого достоинства оскорбленнаго безцеремонностью вызова его и „доставленія“ сюда, и перспектива объясняться съ этимъ московскимъ „лашой“ въ качествѣ актера, какъ предсказывалъ ему Чесминъ,—все это мучило его и раздражало.... Съ угрюмымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица вошелъ онъ въ кабинетъ графа.

— Дверь за собой закройте! едва успѣвъ переступить порогъ его услышалъ онъ голосъ хозяина.

Сергѣй сдѣлалъ шагъ назадъ, потянулъ незатворенную имъ при входѣ дверь....

— Подойдите, продолжалъ голосъ.

Онъ подошелъ къ самому столу.

Графъ засыпалъ пескомъ только-что подписанную имъ бумагу, излупивъ песку ссылаясь обратнѣ въ песочницу,

свѣтъ очки, вложилъ ихъ аккуратно въ футляръ, и только теперь взглянувъ на молодого человѣка, указалъ ему кивкомъ на стоявшій противъ него у стола стулъ:

— Садитесь!

Гундуровъ молча опустился на него.

— Ну, что же вы теперь дѣлаете? началъ „паша“, помогая и уставившись на него.

„Какъ же я это ему объясню?“ сказалъ себѣ нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ Сергѣй.

— Я жилъ теперь у себя въ деревнѣ.... отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Хозяйствомъ занимаетесь?

„На что это все ему?“ продолжалъ думать молодой человѣкъ.

— Нѣтъ.... я въ хозяйствѣ мало смыслю. У меня.... тетюшка воспитавшая меня.... и которая продолжаетъ управлять моимъ имѣніемъ....

— Какъ зовутъ?

— Меня.... или тетюшку? нѣсколько оторопѣло спросилъ Сергѣй.

— Ваму тетюшку!

— Софья Ивановна Переверзина.

— Переверзина! Мужъ служилъ по интендантской части? Генералъ-майоръ? Онуфрій Петровичъ звали?

— Да-съ.

— Знаю! И ладони графа поднялись вверхъ:—добрый человѣкъ былъ, только слабый! Мошенники окружили, подъ судъ попалъ. Хорошо что умеръ, въ солдаты бы разжаловали!

„Къ чему это все, къ чему?“ спрашивалъ себя, ничего не понимая, Гундуровъ.

— Зачѣмъ не служите? услышалъ онъ новый ех абсурто вопросъ.

— Я готовилъ себя къ ученой карьерѣ, отвѣчалъ онъ, — имѣлъ въ виду занять кафедру въ здѣшнемъ университетѣ, и для этой цѣли думалъ съѣздить въ славянскія земли....

— Не пустили, знаю! прервалъ его голосъ,—все знаю! Сами виноваты! Зачѣмъ ѣздили въ Петербургъ? Должны были явиться ко мнѣ, какъ главному здѣшнему начальнику! Я бы отпустилъ.

— Я.... очень жалѣю.... въ такомъ случаѣ, пробормоталъ Сергѣй.

— Жалѣть поздно! А тамъ неосторожао себя вели, кричали, обратили на себя вниманіе!

— Я не кричалъ, сказалъ Гундуровъ,—а удивлялся и стараясь узнать тѣ поводы которыми я могъ бы себѣ самому объяснить этотъ отказъ мнѣ въ паспортъ за границу, когда цѣль моей поездки была прямо и ясно прописана въ моемъ прошеніи...

— Нечего было удивляться, и прописывать нечего было! прервалъ его опять голосъ,—сами виноваты!... И до сихъ поръ не унялись, всякій вздоръ мелете!..

Герой нашъ вспыхнулъ весь, и отъ рѣзкости выраженія, и отъ неожиданности самаго обвиненія.

— Позвольте узнать.... ваше сіятельство, неловко какъ-то примолвилъ онъ, вспомнивъ что надо было хоть разъ употребить этотъ титулъ въ разговорѣ съ „воеводой“,—что же я говорилъ такого вздорнаго?

Ладони поднялись.

— Императора Петра Перваго браните! Пьяницъ мужику, говорите, надо волю дать! О Славянахъ какихъ-то болтаете!

Сергѣя покоробило опять, но глядя на добродушное лицо сидѣвшаго противъ него старца онъ не могъ не сознавать внутреннимъ чутьемъ что въ словахъ его не было никакого обиднаго намѣренія, и что все очевидно это говорилось имъ такъ, потому что онъ иначе говорить не умѣлъ. Гундурову и досадно было, и смѣяться хотѣлось.... „Но какъ же объяснить ему цѣлую теорію, цѣлую историческую школу?“ думалъ онъ.

— Мы, сказалъ онъ безсознательно, разумѣя именно всю ту „школу“ къ которой принадлежалъ онъ (и противъ которой, объясняя онъ себѣ, московскій правитель почиталъ почему-то нужнымъ ратовать въ его лицѣ)—Петра Перваго не бранимъ, а упрекаемъ его въ томъ что онъ все русское незаслуженно подавлялъ, а все иностранное не въ мѣру возвышалъ.

— И иностранцы есть хорошіе и полезные слуги! пропѣлъ графъ;—князь Барклай-де-Толли Нѣмецъ былъ, и его дураки у насъ измѣнникомъ считали, и я самъ видѣлъ что почтенный человѣкъ плакалъ отъ этого! А онъ лучше cadaго Русскаго служилъ государству, и съ нашими войсками въ Парижъ вошелъ!

Сергѣй могъ только смолкнуть на этотъ неожиданный аргументъ.

— И опять вы про мужиковъ, продолжалъ не останавливаясь лѣтъ свой акаеистъ графъ,—что ихъ надо отлупить

на волю. Вы хотите разбойниковъ наладить, Россію вверхъ дномъ поставить!

— Не разбойниковъ, а вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ Россіи и ея государя чаемъ мы видѣть въ освобожденномъ Русскомъ народѣ, отвѣтилъ нѣсколько рѣзко. задѣтый за живое Гундуновъ, — и, какъ извѣстно, примолкъ онъ, приводя доводъ который по его мнѣнію долженъ былъ имѣть наибольшее вѣса въ глазахъ его собесѣдника, — мысль эта существуетъ! самого правительства, и оно уже два раза пыталось...

— Знаю! перебилъ его графъ, вознося горѣ свои ладони: — и что было бы хорошаго? Одинъ вредъ! Потому распустить легко, а потомъ и остановить нельзя!

— Мы полагаемъ напротивъ, графъ...

— Что вы мнѣ говорите „мы“! вскрикнувъ вдругъ тотъ раздосадованный недостаточною почтительностью тона съ которымъ объяснялся съ нимъ молодой человекъ, — я про васъ говорю, а не про другихъ! Все отъ того что нечего вамъ дѣлать! Отъ того и болтаете пустяки!... Я получилъ изъ Петербурга.. сказать вамъ чтобъ вы опредѣлились на службу! неожиданно заключилъ онъ.

„Насильно заставляютъ, значить!“ воскликнулъ мысленно Гундуновъ, и все лицо его вспыхнуло вновь.

— О васъ уже писано оренбургскому генералъ-губернатору! заплѣлъ опять старецъ, не давъ ему времени произнести слова, — вы, я знаю, хорошо учились, можете быть тамъ полезны!

— Въ Оренбургъ! Что же это, ссылка!..

Гундуновъ вскочилъ съ мѣста. Громовой ударъ павшій у его ногъ не поразилъ бы его такъ какъ эта „невозможная вѣсть“.

— За что же это, графъ? Что я сдѣлалъ!.. Вѣдь это насмѣха! Я никогда не готовилъ себя къ административной службѣ, я посвящалъ себя ученымъ занятіямъ....

— Можете заниматься и тамъ! возразилъ невозмутимо старецъ; — а вы дворянинъ, должны служить!

— Противъ воли, противъ призванія? Кто имѣетъ право дѣлать это съ неповиннымъ ни въ чемъ человекомъ!... Это гибель всѣхъ надеждъ моихъ, всего моего будущаго!..

Ладони вознеслись еще разъ.

— Неправда! Будущее все отъ васъ зависитъ! Василій Ас-

испытать * умный человѣкъ, любить образованных! Можете у него карьеру сдѣлать!

— Но я не хочу карьеры, я ѣхать не согласенъ! вскрикнулъ Гундуровъ, безсильный сдержать негодованіе свое и волненіе.

— О согласіи вашемъ не спрашиваютъ! Я васъ отправлю съ жандармомъ!

Сергѣй глянулъ на него во всѣ глаза, глянулъ на этого „лашу“, сидѣвшаго предъ нимъ въ наглухо застегнутомъ военномъ сюртукѣ безъ злометъ, съ мясистыми подбородкомъ и щеками, подпертыми высокимъ чернымъ галстукомъ, и все такъ же добродушно выпяченною впередъ нижнею губой, словно смѣявшаеся надъ строгостью налущенной ея властью на всѣ остальные черты его широкаго, оголеннаго лица, и понималъ что протестовать, что возражать было бы бесполезно, что цѣлый міръ лежалъ между его понятіями и тѣмъ строемъ воззрѣній среди которыхъ выросъ, дѣйствовалъ и благодушествовалъ этотъ старецъ такъ жестоко располагавшій теперь его судьбой, и что поступая съ нимъ такъ, старецъ этотъ поступалъ безъ малѣйшей злобы, какъ и безо всякой тѣни сомнѣнія въ законности своего права и правдыности своего рѣшенія.

„Что же съ этимъ подѣлаешь!“ подумалъ несчастный. Онъ стиснулъ зубы и смолкъ.

Графъ остался видимо очень доволенъ впечатлѣніемъ произведеннымъ грозой его словъ. Онъ уже почти ласково взглянулъ на молодаго человѣка.

— Вы не должны огорчаться на то что для вашей же пользы дѣлается! Послужите, вернетесь назадъ—все будетъ позабыто! Я первый готовъ буду тогда оказать вамъ содѣйствіе!

„Что позабыто, что я сдѣлалъ!“ говорилъ себѣ Сергѣй, все такъ же не понимая какъ могъ пасть на него этотъ ударъ.

— Гдѣ вы остановились здѣсь? спрашивалъ его между тѣмъ „московскій воевода“.

— Въ собственномъ домѣ, въ Денежномъ переулкѣ.

Графъ взялъ со стола карандашъ, и записалъ на бумажкѣ.

* Перовскій, тогдашній генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края.

— Даю вамъ три дня на сборы. А потомъ отправляйтесь съ Богомъ! пропѣлъ онъ,—о васъ въ Оренбургъ уже писано, а вамъ сказалъ. Я велю полиціи набѣясти чтобы вы черезъ три дня выѣхали!

Гундуровъ поднялъ глаза.

— Я говорилъ вамъ, графъ, что у меня тетюшка; она меня воспитала замѣсто матери... Я не могу не повидаться съ нею; она осталась въ деревнѣ... позвольте мнѣ (какъ странно, обидно звучало въ его ухахъ это произнесенное имъ сейчасъ слово „позвольте“) съѣздить къ ней!

— Совсѣмъ не нужно вамъ самимъ! Тетюшка ваша можетъ сюда прѣхать, наложите ей!

— Но на это пройдетъ двое сутокъ, пока она получитъ извѣщеніе, пока прѣдетъ! Я не успѣю переговорить...

— Въ сутки можно обо всемъ переговорить! пропѣлъ графъ, не допуская чтобы могло найтись какое-либо возраженіе тому что въ головѣ его было уже разъ рѣшено и подписано.

Гундуровъ хотѣлъ что-то сказать, но старецъ не далъ ему на это времени. Онъ всталъ и поклонился.

— Я вамъ все сказалъ. Прощайте!.. Поѣзжайте на Нижній! Тамъ теперь по Волгѣ пароходы внизъ ходятъ! уже совсѣмъ добродушно говорилъ онъ черезъ мигъ, идя къ двери вслѣдъ за уходившимъ героемъ нашимъ.

— Акулинъ! крикнулъ онъ, высовывая лысину свою въ красную гостиную.

Исправникъ, стоявшій тамъ въ ожиданіи у окна, понесся стремглавъ на этотъ зовъ.

— О какихъ это государственныхъ тайнахъ толковали вы съ нимъ такъ долго? прохрипѣлъ Чесминъ, подымаясь съ дивана на встрѣчу Гундурова.

Тотъ остановился, взглянулъ растерянно на вопрошавшаго и проговорилъ мгновенно блеснувъ глазами:

— Меня ссылаютъ!..

— Куда? И брови майора отъ удивленія приподнялись чуть не поверхъ лба.

— Въ Оренбургъ на службу...

— За что!

Гундуровъ руками развелъ.

— Ничего не понялъ!.. Про мои славянофильскія мнѣнія говорилъ... про то что я будто „кричалъ“ когда мнѣ отказали

въ Петербургѣ въ заграничномъ паспортѣ... Но послѣ этого отказа я цѣлые полгода прожилъ тамъ, и никто ко мнѣ не придирался, а мнѣнія мои тѣ же самыя которыя съ дозволенія цензуры печатаются въ *Москвитянинѣ*, въ *Бесѣдѣ*... Словомъ, придрались чтобы сдѣлать со мною нѣчто совершенно невозможное, неслыханное!

— И не то совсѣмъ! промывчалъ майоръ, внимательно выслушавъ и глядя на него изподобья,—онъ у насъ въ этомъ отношеніи либералъ, за такой вздоръ не преслѣдуетъ... Не отсюда это вышло! пояснилъ Чесминъ, кивая на кабинетъ.

— Онъ мнѣ говорилъ что получалъ что-то изъ Петербурга, вспомнилъ Сергѣй.

— Ну вотъ!.. Тамъ и ищите! произнесъ многозначительно „пешандасъ“.

— Но отчего же, рассуждалъ Гундуровъ,—меня тамъ не думали преслѣдовать, а теперь здѣсь...

— А зачѣмъ вы Гамлета такъ хорошо играете? помолчавъ и подымая на него еще разъ глаза, пропустилъ вполголоса тотъ.—А впрочемъ знаете чтò, примолвилъ онъ, подумавъ,—разчетъ плохой: долго васъ тамъ держать нельзя, а вернетесь вы—герой!

— А пока—изгнанникъ! выговорилъ съ неудержимою горечью Сергѣй.

— Счастливецъ, и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь! Поверьте, я понимаю, отвѣтилъ Чесминъ съ глубокимъ вздохомъ, и повалившись снова на диванъ вздѣлъ нѣжно очи свои къ потолку.

„Изгнанникъ“ поглядѣлъ на него съ невольнымъ изумленіемъ, но охваченный вновь сознаніемъ „павшаго на него удара“, послѣдно вышелъ изъ комнаты, забывъ и проститься съ чувствительнымъ и милѣйшимъ майоромъ.

С.

Будетъ буря,—мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Языковъ.

Nunc animis opus, nunc pectore firmo!

Virg.

Ашанинъ, пріѣхавшій съ Гундуровымъ въ домъ московскаго правителя и ожидавшій въ швейцарской окончанія его „объясненія“, выскочилъ оттуда въ сѣни, увидавъ быстро проходившаго по нимъ ко крыльцу пріятеля.

— Ну, что? съ жаднымъ любопытствомъ спросилъ онъ. И самъ весь перемѣнился въ лицѣ, вглядѣвшись въ лицо его.

— Потомъ, потомъ! глухо только проговорилъ тотъ,—поѣдемъ скорѣе!

Они сѣли на извозчика, какъ изъ дверей дома выбѣжалъ весь залыхавшій толстый Елпидифоръ и кинулся къ нимъ.

— Позвольте узнать, Сергѣй Михайлычъ, куда вы направляетесь ѣхать въ настоящую минуту?

— А вамъ это очень любопытно? пронычески вскрикнулъ въ отвѣтъ Ашанинъ.

— Я не изъ любопытства, а по долгу-съ, позвольте вамъ замѣтить! отрѣзалъ ему на это въ свою очередь Акулинъ.

— Я къ себѣ домой, сказалъ насколько могъ хладнокровнѣе Гундуровъ,—а гдѣ, это вы знаете, такъ какъ доѣзжали туда сегодня утромъ вслѣдъ за нами. Трогай, любезный! молвилъ онъ извозчику.

Онъ молчалъ во все время луты. Молчалъ и его пріятель, какъ ни были въ немъ безпокойство и любопытство; онъ понималъ что вышло что-то очень серьезное, о чемъ не объясняться же тутъ, за спиной извозчика.

Они пріѣхали, вошли въ гостиную. Гундуровъ какъ бы безсильно опустился въ большое кресло у окна, и оставался такъ съ минуту недвижимъ, но поднявъ затѣмъ вдругъ голову и сказавъ: „а теперь слушай!“ передалъ все Ашанину.

Тотъ слушалъ, попеременно то блѣднѣя, то краснѣя, сверкая своими большими черными глазами и прерывая раз-

казъ восклицаніями глубокаго негодованія, вырывавшимися у него противъ воли изъ горла:

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое, вѣдь этому повѣрить нельзя! Нашъ старецъ совсѣмъ съ ума слетѣлъ!

Гундуровъ закончилъ разговоромъ своимъ съ Чесминымъ.

— Ну вотъ, это такъ! вскрикнулъ тутъ же красавецъ,— это изъ Петербурга идетъ, несомнѣнно! А лапа нашъ только... Послушай, Сережа, перебилъ онъ себя,—вѣдь это отлпарировать можно, передѣлать! Надъ нимъ барыни его всевластны; а сейчасъ лоскачу къ нимъ въ Покровское, подыму ихъ, возмущу, разкажу какой ты актеръ превосходный, а тебя ссылатъ хотятъ... Какъ подымутся онъ на него ополченіемъ...

— Нѣтъ, голубчикъ, остановилъ его Сергѣй,— къ барынямъ его вѣхать я тебя не уполномочиваю, а коли ты не усталъ, поѣзжай не теряя времени въ Сашино извѣстить обо всемъ и привезти сюда тетюшку. Самому мнѣ туда вѣхать, какъ видишь, не позволяютъ... а черезъ три дня мнѣ надо выѣхать... въ Оренбургъ...

— Да, да, ты правъ, Софью Ивановну прежде всего надо! Я сейчасъ въ путь!... Сережа, а княжна!... вырвалось у Ашанина.

Гундуровъ безъ словъ закрылъ себѣ лицо руками...

-- Ахъ ты мой бѣдный, бѣдный! вскрикнулъ Ашанинъ съ полными слезъ глазами.—Да это не можетъ быть, я не вѣрю, все это устроится! прерывалъ онъ себя еще разъ.—Вѣдь вотъ, какъ нарочно, князя Ларіона нѣтъ! Онъ бы ужъ конечно нашелъ средство помѣшать этому. Отсутствіемъ его видимо и воспользовались... Но теперь некогда объ этомъ говорить... И онъ выбѣжалъ въ переднюю.

Черезъ часъ времени онъ скакалъ въ коляскѣ Гундурова по Московско-Курскому шоссе, давая по рублю на водку ямщикамъ, которые и мчали его „по-курьерски“ въ волнахъ удушающей пыли лѣтняго дня.

Онъ въ осьмомъ часу вечера былъ уже въ Сашинѣ.

— Вы одни! Что случилось? было первымъ словомъ Софьи Ивановны, вышедшей на крыльцо при первомъ донесеніи до нея звука его колокольчика.

— Пойдемте къ вамъ, я вамъ все разкажу, отвѣтилъ онъ.

Она увела его къ себѣ въ комнату, заперла дверь и спокойно промолвила, сдерживая нервную дрожь которая всю пронимала ее:

— Говорите! Что съ Сережей?

— Нѣчто противъ чего надо скорѣе дѣйствовать....

Она выслушала его разказъ все такъ же спокойно, вливъ въ него неподвижно глаза, и ни единымъ мускуломъ лица своего не изобличая того что происходило въ душѣ ея. Особенность характера Софьи Ивановны сказывалась здѣсь еще разъ: она волновалась пока неслышная еще гроза только чувалась ею въ воздухѣ,—но „громъ ударилъ“, и она снова обрѣтала всю свою твердость, всю силу духа для борьбы съ „несчастьемъ“....

— Какъ онъ это принялъ? спросила она когда Ашанинъ кончилъ.

— Онъ бодръ... пока... Раненые, говорятъ, въ первую минуту никогда не чувствуютъ всей боли своей раны, примолвивъ печально пріятель Гудурова.

— Не даромъ говорило мнѣ предчувствіе, проговорила тихо Софья Ивановна,—какъ только пріѣхалъ этотъ исправникъ... Вы казались мнѣ тогда правы объясняя это просто и въ добромъ смыслѣ, и я все время старалась себя успокоить... Но я тогда же говорила, я знала—у насъ все возможно.. Смысла Сережи—это басня Волка и Ягненка. Привязались теперь къ тому что онъ въ Петербургѣ, послѣ отказа ему въ паспортѣ, могъ сказать неосторожнаго... рѣзкаго, пожалуй; онъ горячъ, не спорю, но принимать противъ него такія мѣры....

Она встала вдругъ съ кресла.

— Но все это пустыя слова! Надо ѣхать!

— Я предложилъ Сережѣ... началъ и не кончилъ Ашанинъ.

— Что предлагали?

Онъ передалъ о намѣреніи своемъ ѣхать въ подмосковную графа, „ополчить“ на него его „барынь“ и добиться чрезъ нихъ отмѣны его распоряженія относительно Гудурова.

Софья Ивановна вся покраснѣла даже.

— Сережа не согласился, надѣюсь?

— Нѣтъ!

— И вамъ, конечно, сказала она,—могла придти эта мысль лишь сгорая, въ первую минуту, въ добромъ желаніи помочь Сережѣ... Но не этими путями, Владиміръ Петровичъ, не этими! Сергѣй виноватъ, или не виноватъ. Въ первомъ случаѣ, пусть несетъ онъ наказаніе, во второмъ, съ нимъ поступать такъ нельзя! Ему не протекція, а оправданіе нужно!.. Я его воспитала, знаю съ пеленъ,—онъ не рабъ, но и не

революціонеръ; онъ вѣрнопосланный своего государя и сынъ родины своей!.. Не въ его подмосковную, а въ Петербургъ надо ѣхать... И я поѣду; меня тамъ еще помнятъ, я найду доступъ... еслибы нужно было я кинусь къ ногамъ самого государя!..

Ашанинъ схватилъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Вы всегда и тысячу разъ правы, милая генеральша! Само собою что этотъ путь безо всякаго сравненія достойнѣе и васъ, и Сережи.. Но это потребуетъ времени; вы, надѣюсь, выхлопочете что его вернуть оттуда, а ѣхать ему туда все-таки надо. У меня же, дѣйствительно, въ первую минуту одна только мысль была: добиться чтобы нашъ старецъ тутъ же отменилъ свое рѣшеніе, чтобы Сережа не увѣжалъ вовсе: потому что ссылка его произведетъ потрясающее дѣйствіе на княжну, на Елену Михайловну... А я, признаюсь вамъ, столько же о ней, сколько о немъ думалъ въ ту минуту!

Софья Ивановна, въ свою очередь, схватила руку молодого человѣка.

— А я теперь болѣе еще о ней думаю чѣмъ о немъ!.. Еслибы не она, я бы такъ же негодовала на поступокъ съ Сергѣемъ, но помирилась бы легко съ самымъ фактомъ отъѣзда его на службу въ Оренбургъ. Разъ каедреда для него вещь невозможная въ настоящее время, пусть онъ ужъ лучше постарается принести посильную помощь тамъ, на окраинѣ Россіи, гдѣ образованные люди нужны, и гдѣ онъ самъ можетъ многому научиться среди живой и новой дѣйствительности... Но она, милая моя, дорогая, для нея этотъ отъѣздъ его—гибель! Она изкоетъ, исчахнетъ ло немъ, мучась еще при томъ мыслью что онъ страдаетъ изъ-за нея, потому что ей... точно такъ же какъ мнѣ, невольна должна придти въ голову мысль что ссылка Сережи—дѣло людей имѣющихъ интересъ удалить его отъ нея многими тысячами верстъ...

— И она будетъ права такъ же какъ и вы! вскрикнулъ Ашанинъ:—Чесминъ, котораго вы знаете, прямо говорилъ Сережѣ что все это затѣяно не въ кабинетѣ графа, а въ Петербургѣ!

Софья Ивановна помолчала.

— Гадко объ этомъ думать, сказала она затѣмъ съ безразличнымъ движеніемъ губъ,—да и не для чего пока!.. Теперь надо прежде всего написать Еленѣ Михайловнѣ, предупредить ее и успокоить, а затѣмъ слѣшнить въ Москву... и далѣе. Пошлите мнѣ мою горничную Машу, Владиміръ Петровичъ!..

Ашанинъ вышелъ исполнить порученіе. Въ гостиной онъ наткнулся на „фанатика“, который со скрежещящими на груди руками и страшно взъерошивъ ворохъ волосъ своихъ на головѣ прохаживался по комнатѣ съ совершенно растерзанною фizioноміей. Увидавъ пріятеля, онъ остановился на ходу, обернулся и пропустилъ какъ изъ подземелья:

— Ну что, по моему вышло?

— Что это „по-твоему“?

— Сережу-то въ узилище ввергли?

Ашанинъ, невольно засмѣявшись этому библейскому выраженію, прошелъ мимо него не отвѣчая, отыскавъ горничную Софью Ивановну и, отправивъ ее къ барынѣ, вернулся въ гостиную, по которой Вальковскій продолжалъ расхаживать со своимъ растерзаннымъ видомъ провинціального трагика.

— Пойдемъ-ка въ садъ, сказалъ онъ ему, — коли хочешь узнать обо всемъ.]

Они ушли въ садъ на скамьѣ.

„Фанатикъ“ слушалъ, и все мрачнѣе становилась его фizioномія. Его недавнія розовыя мечты разлетались какъ дымъ, уносились какъ „тѣнь бѣгущая отъ дыма“. Гундуровъ, этотъ пріятель, котораго онъ и любилъ по-своему, и на блестящую женитьбу котораго онъ такъ разчитывалъ для устройства будущихъ „театриковъ“ и своихъ собственныхъ благъ, этотъ пріятель оказывался теперь „опальнымъ лицомъ“, ссыльнымъ, не только не имѣющимъ уже болѣе возможности „поддержать товарища при случаѣ“, но и уносящимъ съ собою лучшія условія. Вальковскаго на эти чаявшіеся имъ въ будущемъ театрики, „потому теперь ты-тю, съ отчаніемъ говорилъ онъ себѣ, на первыя драматическія роли некого рѣшительно поставить!“

— Оренбургъ, вѣдь это къ Азіи ближе, а, чортъ ихъ возьми! вопросительно промычалъ онъ, когда договаривалъ Ашанинъ.

— Къ Азіи, точно! подтвердилъ тотъ съ новою невольною усмѣшкой.

— Это, значить, то самое мѣсто откуда „въ три года ни до какого государства не дойдешь“, куда „воронъ костей не заноситъ“?...

— Да въ этомъ родѣ.

— Это въ тартары, значить, упрячутъ бѣднягу? продолжалъ живописать Вальковскій.

Красавецъ не отвѣчалъ.

— Ну, а съ княжной-то что же? началъ олять тотъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— А съ княжной, молвилъ Ашанинъ, быстро поднимая свою опустившуюся было подъ вліяніемъ невеселаго разговора кудрявую голову,— то что ты ей завтра отвезешь письмо отъ Софьи Ивановны.

— Я!!!... А ты же самъ что!

— Я не услѣю; мы съ Софьей Ивановной сейчасъ въ Москву ѣдемъ.

— А я-то когда же туда уѣду? вскакинулъ Вальковский.

— Когда исполнишь порученіе въ Цицкомъ.... Я приѣду за тобой сюда олять, какъ только съ Сережей простимся. Мнѣ необходимо повидать княжну, узнать какъ это все будетъ ею принято, какъ она рѣшитъ.... Но я могу приѣхать никакъ не раньше какъ черезъ три дня, а ее надо извѣститъ по возможности скорѣе чтобъ объ отъѣздѣ Гундурова не дошло раньше изъ Москвы въ Цицкое въ такомъ видѣ что она страшно перелутаться можетъ. Ты поэтому долженъ немедленно ѣхать туда завтра утромъ.

— Да, вѣдь, у тебя же, ты говорилъ, „почта“ устроена...

— Есть, только вѣрнѣе будетъ если ты лично передашь письмо княжнѣ, и при томъ для меня важно то что когда я приѣду сюда я буду имѣть возможность узнать сейчасъ черезъ тебя о томъ какое впечатлѣніе произвела на нее эта вѣсть и что затѣмъ слѣдовало.... Но слушай, Ваня, добавилъ Ашанинъ:—ты долженъ вести себя тамъ крайне умно. Во-первыхъ, какъ приѣдешь, не спрашивай сразу о княжнѣ, а вели о себѣ доложить княгинѣ. Она тебя, по всей вѣроятности, приметъ, но долго не продержитъ,—разговоры у тебя для нея интересныхъ нѣту: она тебя, надо полагать, сама скоро отошлетъ къ дочери, а нѣтъ, такъ ты ее спроси, можно ли тебѣ засвидѣтельствовать почтеніе княжнѣ, простись и уходи. Еслибъ она тебя спросила: откуда вы къ намъ приѣхали? ты отвѣчай какъ я ей всегда отвѣчалъ на это: живу молъ, въ окрестностяхъ, у знакомыхъ. Понялъ?

— Да ужъ не расписывай, самъ знаю какъ говорить! премычалъ „фанатикъ“ недовольнымъ тономъ.

Ашанинъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ продолжать.

— Когда же ты будешь съ княжной наединѣ, сдѣлай ты мнѣ милость, никакихъ твоихъ собственныхъ заключеній о

происшедшемъ ей не передавай, и перепуганныхъ твоихъ рождъ предъ нею не строй, а просто-на-просто вытаци письмо изъ кармана и отдай ей, сказавъ что велѣно передать, и ни полслова болѣе! Если же она тебя начнетъ спрашивать о какихъ-нибудь подробностяхъ, говори что я буду въ Сидкомѣ черезъ два дня, и все объясню ей лично, а что ты ничего не знаешь, кромѣ того что Софья Ивановна и я уѣхали въ Москву, и что оба мы нисколько не теряемъ духа и надѣемся на добрый конецъ...

— Ну, извѣстно, что же мнѣ больше-то говорить ей! про-бурчалъ еще разъ Вальковскій, одобрительно качнувъ головой.

— Еще вотъ, послѣднее,—надо все предвидѣть! Въ случаѣ еслибы какъ-нибудь ты не добился увидаться съ княжнѣю наединѣ и не могъ ей такимъ образомъ передать письмо, надо тебѣ будетъ прибѣгнуть къ содѣйствію моему „почты“... Живя въ Сидкомѣ, молвилъ красавецъ, чуточку помолчавъ,—ты вѣрно видалъ и знаешь съ лица старшую горничную княгини Аглаи Константиновны?

— Лукерьюшку... Лукерью Ильинишну, поправился „фанатикъ“, и утратившее лицо его осклабилось широкою и самодовольною улыбкой,—знаю!

— А-а! протянулъ Ашанинъ, пристально глядя ему въ глаза и покатился со смѣху.—Ваня, ты удивительно хорошъ бываешь когда заходитъ рѣчь о твоихъ любѣдахъ! Точно самооблазы-вающийся кабанъ какой-то!.. Такъ ты „Лукерьюшку“ знаешь!.. Гдѣ же позналъ ты ее, Ловеласъ ты этакой непроходимый? Въ гротѣ надъ рѣкой, что ли?

— Нѣтъ, въ театрикъ она ко мнѣ хаживала, вечеркомъ, на сцену... когда я тамъ устраивалъ, отвѣчалъ Валковскій, пофыркивая отъ пріятнаго воспоминанія.

— Вишни ѣсть съ дружкой?

— Гдѣ же вишни тогда, еще не послѣли! Малину носила она мнѣ... Очень я эту ягоду люблю!.. пресеріозно объяснилъ „фанатикъ“.

Ашанинъ долго не могъ придти въ себя отъ проявившаго его новаго хохота.

— Ну, такъ вотъ, сказалъ наконецъ онъ,—постарайся, еслибы не удалось тебѣ лично передать княжнѣ письмо, пригласить опять „Лукерьюшку“ на малину въ укромное мѣстечко, и передай его ей отъ меня,—она доставитъ...

— Владиміръ Петровичъ! раздался съ балкона голосъ Софьи Ивановны.

Онъ послѣдилъ къ ней.

Она увела его опять въ свою комнату.

— Вотъ что я пишу княжѣ, сказала она;—какъ вы находите? „Вслѣдствіе недоразумѣнія которое, я надѣюсь, скоро разъяснится, племянникъ мой обязанъ уѣхать изъ Москвы на вѣкоторое время. Я сама уѣзжаю изъ деревни въ Москву и вѣроятно въ Петербургъ. Полагаю вернуться дней черезъ десять и тогда напишу вамъ подробно, дорогая моя Елена Михайловна. Не повѣрите какъ хотѣлось бы увидать самую васъ, обнять и обо многомъ, многомъ переговорить. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни повернули обстоятельства, я молюсь о васъ ежедневно и нахожу душевное успокоеніе въ томъ что если Отецъ нашъ Небесный посылаетъ намъ испытанія, то Онъ же во благодати своей даетъ намъ и силу переносить ихъ, и часто уготовляетъ намъ неожиданный и счастливый послѣдствіями своими исходъ изъ такихъ даже обстоятельствъ которыя по слѣпотѣ нашей принимаются нами за конечную гибель. Знаю что и вы такъ же чувствуете и вѣрите. Потерпимъ же, милая княжна, храня себя лаче всего отъ увѣнія и ропота, и надѣясь на Него, всевѣчнаго Покровителя, Утѣшителя и Устроителя нашего. Прижимаю васъ мысленно къ сердцу и остаюсь до могилы горячо васъ любящая С. Перверзина.“

— Прекрасно, милая генеральша! сказалъ прочтя Ашанинъ,—только прибавьте къ этому что я черезъ три дня буду въ Спцкомъ, и сообщу ей устно все что вы не почитаете нужнымъ или возможнымъ передать ей въ настоящую минуту письменно.

— Это хорошая мысль, спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ! Софья Ивановна приписала, запечатала письмо и протянула ему.

— Какъ вы его отправите, какъ въ первый разъ?

— Нѣтъ, его отвезетъ завтра Вальковскій и вручитъ самой княжѣ.

Она чуть-чуть нахмурилась и закачала головой.

— Боюсь чтобы онъ бѣдную Елену Михайловну не напугалъ своимъ похороннымъ выраженіемъ, сказала она осторожно озираясь;— онъ на меня этимъ съ утра самого тоску нагналъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ усмѣхнувшись Ашанинъ,—ему на этотъ счетъ даны мною строжайшія инструкціи: просто отдать

ей письмо въ руки, и при этомъ никакихъ объясненій, и никакихъ рожъ.

Черезъ часъ послѣ этого сборы Софьи Ивановны были кончены, чемоданы ея уложены, и сама она въ дорожныхъ плащѣ и шляпѣ выходила на балконъ, по пути къ садовой калиткѣ, у которой стояла запряженная четверкой коляска.

Она повела кругомъ себя послѣднимъ хозяйскимъ взглядомъ, и глаза ея остановились на лышной бѣлой розѣ въ клумбѣ подъ балкономъ, которая словно магла вся и трепетала подъ обливавшимъ ее багрянымъ лучемъ заходящаго солнца.

— Поглядите, сказала Ашанину тетка Гундунова. — Эта самая которую такъ любовался онъ въ ту минуту когда прѣхалъ... за нимъ... этотъ исправникъ... Я ее отвезу ему, — ему ужъ не видать въ этомъ году Сашинскихъ розъ...

Она потребовала ножницы, срѣзала цвѣтокъ, осторожно опустила его стебель въ какой-то флаконъ съ водой, и ухвативъ кругомъ всего листъ газетной бумаги коллакомъ, отправилась съ его розой въ экипажъ, въ сопровожденіи Ашанина.

СІ.

На другой день утромъ они втроемъ съ Гундуровымъ пили чай въ его хорошенькомъ домикѣ, въ Денежномъ переулкѣ, въ Москвѣ.

Сергѣй почти не смыкалъ глазъ въ теченіе предшествовавшей ночи, но бодрился и всячески старался не обнаружить предъ теткой свидавшей душу его муки.

Онъ и жаждалъ, и боялся свиданія съ нею, боялся увидать ее испуганною, встревоженною, больною ото „всего этого“, пожалуй.

Онъ ошибся. Софья Ивановна была спокойна, спокойнѣе чѣмъ онъ на видъ, говорила ровно, отчетливо, не торопясь... Только глаза ея какъ будто расширились и горѣли не совсемъ обычнымъ въ нихъ блескомъ, и рука чаще опускалась въ карманъ за табатеркой, чаще просыпала захваченную изъ нея щепоть табаку не донося ее до назначенія.

— Чтò же, спрашивала она, помѣшивая ложечкой сахаръ въ своей чашкѣ, — онъ тебя такъ и отправить „съ жандармомъ“, какъ грозилъ тебѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гундуровъ, насильно улыбаясь:—одумался, или уговорили, не знаю, только вчера, часу въ третьемъ, пріѣзжалъ ко мнѣ отъ него добрякъ этотъ Чесминъ сказать что если я готовъ дать честное слово выѣхать въ положенный срокъ, а до того времени, замѣтите, не ѣздить мнѣ къ себѣ въ деревню, то онъ мнѣ позволитъ отправиться одному, безъ казеннаго провожатаго.

— И ты далъ слово?

— Дааъ.

— Хорошо сдѣлалъ!...

— Чесминъ сказалъ мнѣ даже, продолжалъ Сергѣй,—что я могу „не торопиться пріѣздомъ къ мѣсту назначенія“, какъ выражался онъ смѣясь.... И при этомъ передалъ мнѣ странную фразу, примолвилъ, замолкнувъ предъ тѣмъ на мигъ, молодой человѣкъ.

— Какую? Софья Ивановна живо отвела глаза свои отъ чашки и устремила ихъ на племянника.

— „Скажи ему“, приказалъ онъ Чесмину сообщить мнѣ, „что полутешествовать по Россіи будетъ ему полезно.“

— То-есть то самое что говорилъ тебѣ тогда въ первое наше время въ Сицкомъ князь Ларіонъ Васильевичъ? воскликнулъ Ашанинъ.

— Да... Оттого это и поразило меня, молвилъ раздумчиво, какъ бы про себя его пріятель.

Всѣ какъ-то разомъ замолчали.

„Неужели это его штуки?“ сказалось мысленно Софья Ивановна, но она тутъ же отогнала эту „нехорошую“ мысль и громко отвѣтила на нее себѣ самой.

— Не можетъ быть!...

— Что „не можетъ быть“? повторилъ съ удивленіемъ Сергѣй.

Она слегка покраснѣла.

— Нѣтъ, я думала... Развѣ князь Ларіонъ видѣлся съ нимъ пріѣздомъ въ Петербургъ? послѣшила она спросить тутъ же.

— Нѣтъ; я нарочно узнавалъ у Чесмина: онъ говоритъ что они не видѣлись, что графъ былъ у себя въ подмосковной когда проѣхалъ князь черезъ Москву, а въ подмосковную онъ къ нему не заѣзжалъ. Чесминъ это навѣрное знаетъ, потому что самъ тамъ былъ въ это время.

— Онъ долженъ вернуться на дняхъ, мнѣ надо застать его въ Петербургѣ, не развѣхаться съ нимъ! проговорила вдругъ

Софья Ивановна, вся выпрямляясь въ своемъ креслѣ.—Я сегодня же уѣду!

— Сегодня, тетя? невольно вырвалось у Гундунова.

— Да, молвила она рѣшительнымъ тономъ.— Лишнія сутки намъ утѣшенія не принесутъ; только лучше размаешься, а время дорого!.. Я уѣду сегодня, а ты отправляйся завтра же, совѣтую, не ожидая даннаго тебѣ срока... Разлука наша долго не продолжится: я добьюсь чтобы тебя вернули, добьюсь справедливости!.. Если жь нѣтъ, какъ продамъ хлѣбъ, прїѣду къ тебѣ осенью въ Оренбургъ. А пока, благо соизволили разрѣшить тебѣ „не слѣзть“, остановись по пути во Владимірѣ у родныхъ нашихъ Паншиныхъ, и жди отъ меня письма изъ Петербурга. А какъ осмотрюсь тамъ, увидаюсь съ кѣмъ нужно, сейчасъ же напишу тебѣ.

На этомъ было порѣшено. Изъ сарая выкатили на дворъ старый, объемистый дормезъ Софьи Ивановны, сохранявшійся у нея еще отъ временъ мужа и оказавшійся прочнымъ и годнымъ для проѣзда въ Петербургъ и обратно. Племянника она отправила съ Ашанинымъ за подорожной, а сама принялась съ горничной перекладывать въ ваги дормеза привезенныя въ чемоданахъ изъ Сашина бѣлье и платья. Ей, видимо, хотѣлось отвлечь себя этою внѣшнею возней отъ гнодавшихъ ее внутренне тяжелыхъ и возмущенныхъ мыслей,—ей хотѣлось скорѣе уѣхать, скорѣе вступить за нарушенныя права безвиннаго племянника, а до тѣхъ поръ ей было невыносимо больно видѣть его, оставаться съ нимъ, потому что она за себя не ручалась, потому что „не выдержу какъ-нибудь“, говорила она себѣ, „разольюсь слезами, доведу его до отчаянія, Боже сохрани!..“

Покочивъ со своими дорожными сборами, она перешла въ кабинетъ Сергѣя, пересмотрѣла весь его гардеробъ, составила, съ помощью Федосея, реестръ вещамъ предназначеннымъ ему въ дорогу, передала старику, постоянному приходорасходчику своего молодого барина, деньги привезенныя ею на этотъ предметъ, и, не чувствуя наконецъ ногъ подъ собою отъ усталости, присѣла на минуту на диванъ, и тутъ же мгновенно заснула послѣ сорока восьми часовъ мучительной бессонницы.

Отдыхъ этотъ,—ее разбудилъ часамъ къ четыремъ звонъ колокольчика вернувшихся молодыхъ людей,—подкрѣпилъ ее

тѣсно, придавъ новую бодрость ея духу. Лошади, по ея инструкціи Ашанину, были заказаны въ шесть часовъ, и въ ожиданіи ихъ сѣли за обѣдъ, принесенный изъ какого-то ближайшаго трактира и оказавшійся очень плохимъ. Но никому и такъ вѣсть не хотѣлось, и Софья Ивановна была очень рада случаю взвалить вину за это насчетъ „поварихи, изъ-за красотъ которой, увѣряла она, по всей вѣроятности Владиміръ Петровичъ Ашанинъ счелъ нужнымъ заказать ей, а не въ порядочномъ ресторанѣ эти невозможныя брашна“. Она все время старалась поддерживать этотъ шутаивый тонъ, далеко не обычный ей, и отклонять всякіе зачатки разговора о томъ что единственно стояло теперь въ головѣ у нея и сердцѣ... На Сергѣѣ она старалась вовсе не останавливать взгляда, боясь прочесть въ его глазахъ то что нестерпимо вышло на днѣ ея собственной души. Тѣмъ прилежнѣ занималась она его пріателемъ и „приставала“ къ нему. Прозорливый Ашанинъ угадывалъ до тонкости двигавшія ее побужденія, и помогалъ ей, вызывая все новыя шутки съ ея стороны всякими подходящими разказами, признаніями и намеками... Гундуровъ въ свою очередь, чтобъ не отстать отъ нихъ, наладилъ себя на притворное оживленіе. Этотъ прощальный обѣдъ близкихъ другъ къ другу лицъ, разлучавшихся Богъ вѣсть на какое время, прошелъ почти весело.

Въ условленный часъ пришли лошади. Почтовая шестерка подкатила старый дормезъ подъ крыльцо дома. Софья Ивановна послѣвшила облечься въ дорожный плащъ свой и шаллу, затѣмъ сѣла. За нею сѣли остальные: Гундуровъ, Ашанинъ, горничная Маша, старикъ Федосей. Посидѣли молча и сосредоточенно минуты съ три, встали, обернулись къ иконѣ въ углу, набожно крестясь и склоняя голову.

— Ну, прощай, Сережа! прервала всеобщее молчаніе Софья Ивановна, простирая руки къ нему.

Онъ кинулся къ ней.

— Мы васъ проводимъ до Триумфальныхъ воротъ, сказалъ Ашанинъ.

— А и то! молвила она на это, прикасаясь вскользь губами ко лбу племянника, и торопливымъ шагомъ направилась къ сѣнямъ.

— Не съѣсть ли мнѣ съ вами, тетя, до заставы, а Маша доѣхала бы съ Ашанинымъ? спросилъ Гундуровъ.

— Нѣтъ, что тамъ олять пересаживаться! Поѣзжай съ Вла-

диміромъ Петровичемъ! послѣшила отвѣтить она, заноса ногу на первую ступеньку своего бесконечно высокаго экипажа.

Она избѣгала оставаться съ нимъ глазъ на глазъ, она по-прежнему отводила взглядъ свой отъ него.

Только у Триумфальныхъ воротъ, когда онъ, въ свою очередь, полѣзъ къ ней прощаться по бесконечнымъ ступенькамъ стараго дормеза, она охватила его шею рукой, припала головой къ его плечу—и такъ и замерла...

Она отпустила его всего облитая ея слезами и наклоняясь къ нему въ открытыя дверцы трижды перекрестила его сверху, шепча:

— Надѣйся на Бога и не унывай, а думай о насъ съ нею!

Это было первое и единственное слово относившееся ко княжнѣ, произнесенное ею съ минуты пріѣзда ея изъ Сашина.

СII.

Mais elle était du monde où les plus belles choses
Ont le pire destin...

Malherbe.

Вальковскій, оставшись одинъ въ Сашинѣ на положеніи хозяина, заказалъ себѣ прежде всего въ тотъ же вечеръ ужинъ съ поросенкомъ и варениками, которые онъ, вѣрный своему хохлацкому происхожденію, предпочиталъ всѣмъ тончайшимъ яствамъ на свѣтѣ, наѣлся по горло, залегъ спать, и проснулся на слѣдующій день чуть свѣтъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Совершивъ свои омовенія, онъ вздѣлъ на плечи оставленный Гундуровымъ старыи бухарскій халатъ, и въ этомъ костюмѣ, въ туфляхъ обутихъ на босую ногу, вышелъ во дворъ, къ немалому скандалу попавшейся ему на встрѣчу старой экономки Софьи Ивановны, привыкшей къ чинности домашняго обихода своихъ господъ, и которой онъ весьма величественно отдалъ приказаніе принести ему крынку молока.

— На то, батюшка, есть среди мужскаго пола кому приносить вамъ... въ этомъ видѣ, а меня ужъ, старуху, увольте! фыркнула она ему въ отвѣтъ, съ цѣломудреннымъ негодованіемъ отворачивая взоръ отъ зрѣлища нижняго бѣлья, откровенно выстулавшаго наружу изъ-подъ развѣвавшихся лопъ его халата и послѣшно отходя отъ него.

Вальковскій все такъ же величественно залахнулъ халатъ, и пошелъ въ конюшню, которую нашелъ залертою, а оттуда въ кучерскую избѣ, гдѣ засталъ всѣхъ спящими, за что, разбудивъ виновныхъ, прочелъ имъ строгую нотацию, и повелѣлъ чтобы къ девяти часамъ „была у него готова, смотри! четверка карачовыхъ подъ новую коляску, вѣхать въ Сидкое.“

Вернувшись затѣмъ въ комнаты „фанатикъ“, чтобы убить какъ-нибудь время до отъѣзда, закусилъ остатками вчерашняго поросенка, залпилъ его огромнымъ кувшиномъ молока, и перечелъ цѣлая двѣ драмы изъ коллекціи театральныхъ піесъ которую неизмѣнно возилъ съ собою въ чемоданѣ, куда бы онъ съ нимъ ни отправлялся.

Въ девять часовъ невстудно сѣлъ онъ въ щегольскую „выѣздную“ коляску Гундунова, развалился въ углу ея и сказавъ себѣ мысленно: „а славно, чортъ его возьми, пропріетеромъ быть, въ собственномъ экипажѣ разъѣзжать!“ велѣлъ „катить къ Шастуновымъ“. Онъ разчитывалъ попасть туда прямо къ чаю перваго завтрака.

Но застоявшаяся въ конюшнѣ за послѣднее время добрая молодая четверка карачовыхъ помчала его такъ рѣзво по гладко наѣзженной лѣтней дорогѣ что большіе часы висѣвшіе подъ угломъ фронтона Сидковского дома только что отзвонили половину десятаго когда Вальковскій подѣзжалъ подъ ворота.

По случаю отъѣзда князя Ларіона, офиціальныи breakfast въ столовой былъ вовсе отмѣненъ распоряженіемъ Аглаи Константиновны: его замѣнилъ русскій, полпросту, „чай“, сервировавшійся въ ситцевомъ кабинетѣ ея внутреннихъ ал-партаментовъ и на который сходились утромъ, въ десятомъ часу, двѣ княгини и неизбѣжный другъ, наперсникъ и со-ѣтникъ ея, Зяблинъ.

Чай этотъ теперь только что былъ отлитъ, князекъ со своимъ Англичаниномъ уже поднялись и ушли совершать свою обычную гигиеническую прогулку, а Лина собиралась послѣдовать ихъ примѣру, когда вошедшій Финогенъ громко возгласилъ у дверей:

— Иванъ Ильичъ Вальковскій!

— Кто такой? переспросила княгиня, въ числѣ другихъ прирожденныхъ ей духовныхъ даровъ имѣвшая необыкновенную способность перезабывать всѣ имена и фамиліи.

— Monsieur Вальковскій, тамаш, который устраивалъ у

насъ театрѣ, молвила княжна Луна съ невольнымъ появленіемъ въ голосѣ: она знала по разказамъ Ашанина что „фанатикъ“ гостилъ въ Сашинѣ, и объяснила себѣ тотчасъ же его пріѣздъ въ Суцкое тѣмъ что онъ привезъ къ ней оттуда извѣстія.

— Ah oui! возгласила Аглая Константиновна, глядя на Зяблина,—ce monsieur qui est si mal élevé et si glouton aux geras!.. Проси! обернулась она, подумавъ и слегка нахмурясь, къ ожидавшему у дверей камердинеру.

„Фанатикъ“ вошелъ самоувѣренно и развязно („откатавъ“ въ полчаса времени пятнадцать верстъ на „своихъ“ лошадахъ, въ щегольскомъ экипажѣ, высаживать его изъ котораго кинулось изъ стѣнъ этого „княжескаго дома“ съ подлюжины слугъ, Вальковскій чувствовалъ себя болѣе чѣмъ когда-нибудь независимымъ пропріетеромъ, которому что говорится „чортъ не братъ“).

— Доброго утра, княгиня! сказалъ онъ, кланяясь ей и Луиѣ, пожалъ руку Зяблину и не ожидая приглашенія хозяйки, которая на его пріѣздъ отвѣчала довольно сухимъ поклономъ, опустился въ стоявшее противъ нея кресло, улыбаясь и оглядывая съ видомъ знатока отянутыя стѣны ея кабинета, въ который входилъ онъ въ первый разъ въ жизнь, такъ какъ въ пору пребыванія его въ Суцкомъ она его въ святилище внутреннихъ своихъ апартаментовъ не допускала.

— Прекрасный ситецъ у васъ, княгиня! проговорилъ онъ баскомъ и тономъ любезной снисходительности.

Аглая Константиновна съ нѣкоторымъ удивленіемъ повела взглядомъ на Зяблина, потомъ на дочь, какъ бы спрашивая ихъ „что это за жамръ?“ и проговорила въ свою очередь тономъ высокоумной насмѣшливости:

— Vous trouvez?

— Чего-съ? спросилъ Вальковскій.

„Il ne comprend pas même le français!“ съ глубокимъ презрѣніемъ сказала себѣ мысленно княгиня. И громко:

— Вамъ нравится мой ситецъ?

— Д-да, произнесъ все такъ же снисходительно онъ, — со вкусомъ выбранъ... Вы гдѣ его локулали?

— Изъ Парижа выписала, коротко и раздуть ноздри отвѣтила она.

— Только даромъ деньги кидать, отрѣзалъ на это про-

прітеръ,—потому у насъ теперь ситцы ничѣмъ не хуже чѣмъ у Французовъ дѣлаются...

И онъ тутъ же вспомнивъ о письмѣ имѣвшемся у него въ карманѣ, обернулся въ сторону княжны, поднявъ неестественно брови ко лбу и глядя на нее такъ какъ глядитъ актеръ на публику готоваясь сказать „въ сторону“ тайну которая въ дѣйствительности должна быть услышана всѣми находящимися съ нимъ въ эту минуту на сценѣ.

Лиза съ своей стороны тревожно глядѣла на него, чувствуя что онъ непременно, вотъ-вотъ, скажетъ что-нибудь неподходящее, вызоветъ ее мать на неприличную выходку, или скомпрометируетъ „друзей“ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. „Онъ привезъ мнѣ письмо, навѣрно, говорила она себѣ,—но отчего онъ, а не Владиміръ Петровичъ? не случилось ли чего-нибудь особеннаго?..“ И она чувствовала что сердце ея начинаетъ биться учащеннымъ болѣзненнымъ біеніемъ... „Его надо скорѣе увести отсюда, думала она,—но какъ?..“

Она опустила глаза чтобы заставить его, по крайней мѣрѣ, отвести отъ нея эти „такъ неловко и бесполезно“ вылученные глаза его.

Онъ ихъ отвелъ, дѣйствительно, и перевелъ на княгиню.,

— А вы ужъ чай отпили? спросилъ онъ ее.

— Да... А вы еще нѣтъ? небрежно промолвила она, подставляя нехотя остывшій чайникъ подъ кранъ стоявшаго предъ нею серебрянаго англійскаго „чайнаго котла“.

— Я, признаться вамъ, молвилъ на это игриво Вальковскій, поросеночкомъ сегодня хоть уже и закусилъ, только давно этому, а теперь, послѣ дороги, чашечку съ бутербродцемъ (онъ кивнулъ на стоявшую на столѣ тарелку съ сэндвичами) пропустить невреднымъ считаю.

— А гдѣ же это ужъ вы услѣли поросеночка „пропустить“? спросилъ подсмѣиваясь Зяблинъ.

— Да у себя, въ Сашинѣ, сорвалось съ устъ „фанатика“.

— Сашино, attendez donc! возгласила, неожиданно вспомнивъ вдругъ княгиня!—je crois savoir ce que c'est!.. Это имѣніе этой генеральши... de cette madame Pereverzine, n'est ce pas?..

— Д-да, Гундуrowsкое, то-есть, племянника... пробормоталъ онъ, почувствовавъ вдругъ что „залѣзъ въ болото“.

— А вы тамъ теперь, у нихъ, живете? протянула Аглая

Константиновна, такъ и уставившись на него круглыми и грозными, показалось ему, глазами.

Вальковскій обозвалъ себя мысленно „дурнемъ“, пришелъ въ конфузъ, и разчитывая „поправиться“, послѣдовалъ возразить:

— Я тамъ совершенно одинъ теперь... А *Левъ Гурычъ Синичкинъ* такъ у насъ и провалился, княгиня? заговорилъ онъ тутъ же, въ надеждѣ „покончить съ тѣмъ разговоромъ“.

Зябливъ, угадывая его смущеніе и боясь съ своей стороны продолженія бесѣды на тему Сашина въ виду находившейся тутъ княжны, тотчасъ же отозвался на этотъ вопросъ:

— Да, очень жаль что тогда болѣзнь княгини помѣшала: вы были превосходны въ этой роли... А ваша водевильная дочка, засмѣялся онъ слегка,—Ольга Едлидифоровна Акулина, замужъ успѣла выйти съ тѣхъ поръ?

— Какъ же, какъ же, окрутила! хихикнулъ Вальковскій.

— Une personne bien impertinente! фыркнула, услышавъ непріятное для нея имя барышни, хозяйка.

— Это то-есть вы насчетъ ея бойкости? продолжалъ смѣяться онъ, предовольный тѣмъ что рѣчь перешла на этотъ предметъ;—что говорить, юнкеръ въ юлкѣ! Только ужъ и ума, бестія!..

Аглая Константиновна изобразила на лицѣ презрительную гримасу, продолжая все такъ же глядѣть на него недовольными и подозрительными глазами. Она, обыкновенно ничего не замѣчавшая и не предвидѣвшая, озарилась теперь вдругъ какимъ-то неожиданнымъ свѣтомъ: неосторожно выслушанное Вальковскимъ слово о его пребываніи въ Сашинѣ приводило ее къ убѣжденію что его пріѣздъ теперь былъ подсылъ со стороны этой „ужасной *madame Pereverzine*“ и ея лаеманика, что они задумали, „*qu'ils fomentent quelque affreuse intrigue*“ противъ нея съ цѣлю поддержать Лину въ ея непослушаніи матери, „*de sa mère qui l'a mise au monde*“... Аглая Константиновна была настроена на подозрѣніе во вражескомъ умыслѣ всѣхъ и каждого противъ задуманныхъ плановъ своихъ и расчетовъ. Недалѣе какъ наканунѣ получила она изъ Петербурга письмо отъ друга своего, графини Авицѣвой, въ которомъ сообщались „*des choses incroyables*“ насчетъ деверя ея, князя Ларіона. „*Mon excellent frère*“, говорилось въ этомъ письмѣ, *n'y comprend rien. Le prince a été reçu ici avec une grâce, une attention, dirais je-*

toute particulière, mais il y semble plus qu'indifférent et sous prétexte de maladie prétend tout haut se voir obligé de décliner l'honneur de siéger au Conseil"... Quant à nos projets, говорилось въ заключеніи, il s'y déclare tout-à-fait hostile, ainsi qu'il l'annonce très péremptoirement à mon frère. Je ne Vous en dis pas davantage"... Съ другой стороны „бригады“, которому она „дала понять“ что если онъ согласится переѣхать за нею въ Петербургъ, „une main amie pourra racheter tous ses vécus“, принявъ этотъ великодушный намекъ очень холодно, и отвѣтилъ что „это не дастъ ему въ Петербургъ того общественнаго положенія которымъ онъ всегда пользовался въ Москвѣ, и надѣется пользоваться пока душевныя страданія не сократятъ его дней“.... А теперь этотъ „подсылъ“ изъ Сашина „de ce monsieur si mal élevé!“ О, надо отъ него все вывѣдать, все!...

— Вы говорите что вы тамъ одни, въ этой деревнѣ? огорчила она вновь „фанатика“, возвращаясь этимъ вопросомъ къ предмету бесѣды отъ котораго онъ думалъ было счастливо „улизнуть“.

— Одинъ совершенно! повторилъ онъ, стараясь не глядѣть на „допрощицу“.

— А гдѣ же сами они, les maîtres de la maison?

— То-есть, это кто-съ?

— Эта madame Pereverzine и ея племянникъ? фыркнула презрительно Аглая.

— Въ Москву уѣхали.

— Въ Москву? C'est très drôle! промолвила недовѣрчивымъ тономъ княгиня;—даже невѣроятно!...

— Да что жь, я вамъ лгать что ли буду, княгиня? огрызся Вальковскій.

Она свысока усмѣхнулась:

— Je ne dis pas cela, а только удивляюсь: кто же посреди нѣта изъ деревни въ городъ уѣзжаетъ?

— Поѣдешь и лѣтомъ коли надобность! сказалъ онъ, не находя другаго возраженія.

— Какая же „надобность“?

„Ишь долекаетъ-то какъ!“ подумалъ Вальковскій, и вдругъ злился, какъ всегда это бывало съ нимъ когда чувствовалъ онъ себя припертымъ къ стѣнѣ.

— Вызвали, ну и поѣхали! крикнулъ онъ почти.

Но она продолжала „долекать“ его: къ ея подозрѣніямъ

примѣшивалась теперь еще бѣлая доля женскаго, назойливаго, неотступнаго любопытства.

— Вызвали? повторила она:—что же такое? Какія-нибудь дѣла?

Онъ помялся на мѣстѣ, не отвѣчая и сердито изпод лобья озираясь.

Но она хотѣла знать непременно, во что бы ни стало.

— Un procès, или что-нибудь другое?

— Не „просе“,—графъ! буркнулъ онъ со злости—„на; вотъ молъ, отважись!“ и невольно покосился въ сторону Лины.

Она сидѣла, ни жива, ни мертва, съ широко раскрытыми вѣками недвижныхъ, словно застывшихъ, глазъ.

— C'est très drôle! вскакинула еще разъ Агала Константиновна,—графъ „вызвалъ“ къ себѣ madame Pereverzine?

— Да не ее же, его! визгнулъ, уже весь красный отъ досады, „фанатикъ“.

— Его?... Вы, то-есть, говорите про ея племянника... de ce monsieur Hamlet? пояснила она съ злорадною усмѣшкой:—для чего же его вызвали?

Вальковскій не выдержалъ и, окончательно выходя изъ себя, ляпнулъ, что говорится, во всю:

— Ну, исторія тамъ какая-то вышла, неосторожность, чортъ ихъ тамъ знаетъ!... а только его, бѣднягу, въ Оренбургъ ссылаютъ, коли желаете знать! прохрипѣлъ онъ словно давясь и глядя на нее глазами озлобленнаго волка.

— Княжна, что съ вами? крикнулъ вдругъ Заблѣвъ, съ перепуганнымъ лицомъ вскакивая съ мѣста.

Лина, ухватившись рукой за сердце, безъ вопля, безъ слова, валилась съ кресла своего на полъ.

СІІІ.

Въ Москвѣ, въ тотъ же день раннимъ утромъ, Ашанинъ съ дрожащими на рѣсницахъ слезами прощался съ Гундузовымъ на крыльцѣ его дома, къ которому уже подана была его со всѣмъ снаряженная въ путь коляска.

— Ты сейчасъ же, сейчасъ отсюда въ Суцкое? говоришь ему герой нашъ.

— Будь покоенъ, ни минуты не помедляю. Лошади мои сейчасъ придутъ сюда.... Еслибъ я могъ предвидѣть что ты

цѣлыми сутками ранѣе уѣдешь, я бы не поручилъ Ваальковскому отвезти письмо Софьи Ивановны княжѣ, а самъ уѣзжалъ бы это сдѣлать прежде чѣмъ какіе-либо слухи могли дойти къ нимъ отсюда.

— Ты ее увидишь, вырвалось чуть не стономъ изъ груди Сергѣя,—скажи ей что я все выдержу, все вынесу, безъ ропота, безъ....! какъ сказалъ ей... Она пойм... Дыханіе его сперлось, онъ былъ не въ силахъ продолжать.

— Знаю, голубчикъ, знаю что ей сказать!.. А ты живи себѣ спокойно во Владимірѣ и жди дня черезъ два-три письма отъ меня. Еслибы что-нибудь особенное приключилось, я самъ къ тебѣ туда буду.

— Смотри же! вскрикнулъ Гундуновъ,—а иначе, ссылай они меня потомъ хоть въ Камчатку, я прискачу оттуда въ Сибирское.... О, Боже мой, хоть бы издали, мелькомъ, взглянуть мнѣ на нее!..

— Увидишь, скоро, я увѣренъ въ этомъ! твердилъ успокоивая его Ашанинъ....

Они еще разъ обнялись, поцѣловались... Гундуновъ сѣлъ въ коляску рядомъ со старикомъ Федосеемъ. Экипажъ тронулъ.

— Стой, стой! раздался крикъ съ дрожекъ вѣзжавшихъ въ эту минуту на встрѣчу имъ во дворъ. Ямщикъ откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ осадилъ свою четверку.

— Позвольте узнать, куда это вы изводите отправляться? прохрипѣлъ, юрко соскакивая съ дрожекъ и подбѣгая къ коляскѣ, слонообразный исправникъ Акулинъ.

Гундуновъ отвернулся.

— Покажи ему подорожную, Федосей! сказалъ онъ.

Елиидифоръ, разобиженный этимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ старика слуги свѣже бѣлый еще казенный листъ, и полугромко принялся читать:

... Въ городъ Оренбургъ, съ будущимъ, подѣ собственнѣйшій экипажъ....—Но его сіятельству графу угодно было дать вамъ дозволеніе пробыть три дня въ Москвѣ? смущенно проговорилъ онъ.

— А если мнѣ не угодно воспользоваться этимъ дозволеніемъ, сказалъ Сергѣй,—а угодно не завтра выѣхать, а сегодня?.. Или вы можетъ-быть почитаете себя въ правѣ заставить меня оставаться здѣсь лишніа сутки?..

Исправника передернуло; онъ не отвѣчая отвелъ глаза отъ молодого человѣка.

— Такъ ужъ позвольте мнѣ отправляться съ Богомъ, сказалъ тотъ тѣмъ же презрительнымъ тономъ.— Трогай ямщикъ!.. Прощай Ашанинъ! обернулся онъ къ нему послѣднимъ кивкомъ уже выѣзжая за ворота дома.

— Прощай, Сережа, до свиданія, до скорого! крикнулъ въ отвѣтъ, подчеркивая, красавецъ.

Онъ стоялъ на крыльцѣ въ трехъ шагахъ отъ Акулина и глядѣлъ на него своимъ лукаво-невиннымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: „ну, что взялъ, старый шельмецъ?..“

Тотъ, какъ бы мгновенно сообразивъ что-то, шагнулъ къ нему.

— Такъ, повѣрите, непріятны подобныя порученія, заговаривалъ онъ вдругъ,—и даже совсѣмъ къ прямымъ обязанностямъ моимъ не относящіяся... Сами понимаете, что я могу имѣть противъ Сергѣя Михайлыча, а между тѣмъ и онъ и вы, Владиміръ Петровичъ, какъ мнѣ кажется, почитаете что тутъ съ моей стороны какъ будто что-нибудь...

— А, вотъ и лошади мои пришли! вскрикнулъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ.

На дворъ въѣзжала тройка подъ почтовою телѣгой.

— Заворачивай, братъ, заворачивай, да сѣна спроси тутъ у дворника побольше. А я сейчасъ готовъ!

Онъ побѣждалъ въ домъ и тутъ же вернулся со своимъ дорожнымъ чемоданомъ и кожаной подушкой.

Акулинъ не трогался съ мѣста: ему видимо хотѣлось довести свое объясненіе до конца.

Но пріятель Гундунова въ свою очередь никакъ не хотѣлъ доставить ему этого удовольствія. Онъ принялся возиться съ убивкой сѣна подъ сидѣнье, потребовалъ веревку для устройства себѣ переплета, уложилъ подушку, сунулъ чемоданъ подъ мѣсто ямщика, и когда все это было кончено, живо вскочилъ въ телѣгу и, усѣвшись; огорошилъ Еллидифора слѣдующимъ неожиданнымъ вопросомъ:

— Такъ такъ и прикажете сказать графу? Я къ нему въ Покровское ѣду.

— Что это „сказать“? вскрикнулъ растерянно исправникъ.

— Что вы находите очень „непріятными“ порученія которыя онъ возлагаетъ на васъ?

Акулинъ, мгновенно лобѣдявѣвъ, подбѣжалъ къ его телѣгѣ.

— Да что вы это, Владиміръ Петровичъ, Богъ съ вами! Да развѣ это можно говорить! перелуганнымъ шелотомъ пробормоталъ онъ.

— Почему же? засмѣялся Ашанинъ:

Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣрайся въ дружбѣ!
Не ссорься, а поссорившись будь твердъ!...

— Да что это вы мнѣ говорите? Къ чему? прервалъ его съ отчаяніемъ въ голосъ Еллидифоръ.

— А вы ужь и забыли? Да это изъ вашей же роли Полонія,—напутственная его рѣчь Лаерту. Вы еще такъ прелестны были въ этомъ мѣстѣ... Вотъ увижу Чижевскаго въ Покровскомъ, вѣроятно... припомнимъ мѣстѣ... Прощайте, Еллидифоръ Павлычъ!...

— Но, Владиміръ Петровичъ, позвольте вамъ сказать...

— Некогда, Полоній Павлычъ, некогда, слѣшу!

И несканзанно тѣшась перелугомъ изображавшимся на всѣхъ чертахъ толстаго представителя благочинія, красавецъ съ громкимъ смѣхомъ выѣхалъ за ворота.

Къ обѣду, то-есть часу въ пятомъ въ началѣ, онъ былъ въ городѣ знакомомъ уже нашему читателю, черезъ который лежала ему прямая дорога въ Суцкое, гдѣ онъ разчитывалъ застать еще Вальковскаго („не увидѣть же онъ отъ хорошаго обѣда“, говорилъ себѣ Ашанинъ), и переговоривъ съ княжной Линой, уѣхать къ вечеру съ „фанатикомъ“ на Гундуровскихъ лошадяхъ въ Сашино.

Но едва услѣлъ онъ подѣхать ко крыльцу гостиницы станціи, какъ со скамьи у этого крыльца поднялся съ поклономъ по его адресу степеннаго вида мущина въ лѣтнемъ армякѣ и полярковой шляпѣ, въ которомъ онъ узналъ хорошо ему знакомаго кучера Гундурова.

— Ты какъ здѣсь, Павелъ? вскрикнулъ онъ изумившись, выскакивая изъ телѣги.

— Съ лошадьми, отвѣчалъ лѣвучимъ и какъ бы недовольнымъ тономъ тотъ.

— Съ какими лошадьми?

— Да съ молодыми, съ нашими... Господина Вальковскаго привезъ, примолвилъ онъ уже видимо хмурясь.

— Онъ здѣсь?

— Нѣтути... Уѣхали! Почтовыхъ взяли.

— Куда?

— А тутъ верстъ за двадцать, Шатилово село есть...

— Ничего не понимаю! вскрикнулъ еще разъ Ашанинъ;— откуда вы сюда пріѣхали?

— А мы, значить, перво-наперво въ княжое, въ Сущкое выѣхали...

— Ну?..

— А оттуда—и съ полчася тамъ не пробыли—выскочили они опять, съѣли, велѣли сюда въ городъ гнать... во всю, тоись, мочь, не жалѣючи... Лошади, сами знаете, молодые, по пятому году, долголь испортить? Не годится такъ дѣлать господину! Я имъ, хоша и гнѣваться, знамо, стали на меня за это, не хорошо, говорю, баринъ, не ваши лошади, а я въ отвѣтъ завсегда должонъ быть, потому господа мои уѣхали, а я завсегда тутъ... Такъ и не согласенъ я сталъ съ ними дальше ѣхать, въ село въ это самое, потому зарѣзать лошадей надо...

— Да зачѣмъ ему въ это село? нетерпѣливо прервалъ красавецъ резонера возницу.

— За дохтуромъ, стало-быть, поскакали, потому онъ туда, слышно, съ вечера еще уѣхалъ...

— За докторомъ? повторилъ Ашанинъ. У него похолодѣли руки. Онъ какъ-то разомъ, чутьемъ угадалъ что докторъ понадобился для Лины и что въ этомъ виноватъ „фанатикъ“, а болѣе всего онъ самъ, отправившій въ Сущкое этого „воака безобразнаго“.

— Это тамъ въ княжемъ... заболѣлъ кто-нибудь? проговорилъ онъ невѣрнымъ, словно соскакивавшимъ съ мѣста языкомъ и не рѣшаясь поднять глазъ.

Павелъ принялъ тотъ дипломатическій видъ на который были такъ ладки пожилые дворовые старыхъ временъ.

— Я опять вамъ, баринъ, про этотъ самый предметъ въ точности объяснить не могу, потому, сами знаете, наше дѣло—на козлахъ сиди, да вожжами орудуй... А только такъ понять что барышня... княжна тоись тамошная, договорилъ онъ уже шепотомъ.

— И доктора нѣтъ... Онъ поѣхалъ за нимъ? растерянно спрашивалъ Ашанинъ, проклиная мысленно и себя, и Вальковского, и замирая отъ тревоги.

По площади на углу которой стояла станція шелъ въ это время сѣдой, но бодро выступавшій старичокъ въ форменной съ синимъ бархатнымъ околышемъ фуражкѣ и съ суковатою палкой въ рукѣ. Онъ направлялся къ сосѣдней улицѣ, но проходя мимо станціи поднималъ глаза и замѣтивъ разговаривавшихъ, остановился вдругъ, приподнявъ свободную

руку къ глазамъ отъ солнца чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, и пошелъ прямо на Ашанина.

— Извините меня, имѣлъ несчастіе позабыть фамилію вашу, вы изволили участвовать въ представленіи *Гамлета* на домашнемъ спектаклѣ у княгини Шастуновой... и даже именно исполняли роль Гораціо?~

— Такъ точно, молвилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Тутъ сейчасъ былъ одинъ изъ вашихъ товарищей по спектаклю...

— Вальковскій? Ради Бога, скажите, не видѣли ли вы его?

— Я потому именно осмѣлился подойти къ вамъ не имѣя чести быть вамъ знакомымъ, заговорилъ торопливо старичокъ:—товарищъ вашъ заѣзжалъ ко мнѣ, такъ какъ мы имѣли случай встрѣчаться съ нимъ въ пору его кратковременнаго пребыванія въ нашемъ городѣ, заѣзжалъ справляться насчетъ доктора Фералонтова...

— Да, да, я объ этомъ знаю, прервалъ его Ашанинъ,—тамъ, въ Сицкомъ, заболѣла княжна Елена Михайловна, не правда ли?..

Старичокъ поднялъ глаза къ небу.

— Вамъ это, быть-можетъ, покажется удивительнымъ, и такъ-сказать, даже невѣроятнымъ, только повѣрьте что я, совершенно незнакомый въ вашемъ обществѣ индивидуй, пораженъ былъ этою вѣстью такъ что съ той минуты просто, что говорится, мѣста себѣ не нахожу... Я имѣлъ счастье видѣть княжну въ роли Офеліи, и послѣ того обмѣняться съ нею нѣсколькими словами...

— Вы господинъ Юшковъ, смотритель здѣшняго училища? вскрикнулъ красавецъ,—мнѣ о васъ недавно говорила княжна, она васъ помнитъ, интересуется вами...

— Небесное созданіе эта дѣвушка! перебилъ его въ свою очередь Юшковъ;—отъ того такъ и страшно за нее, физическая оболочка-то у этихъ созданій очень ненадежна всегда бываетъ...

— Да что случилось съ нею? разкажите мнѣ ради Бога.

— Ничего обстоятельнаго отъ вашего товарища добиться я не могъ; самъ онъ очень былъ разстроенъ и напуганъ. Прибѣжалъ онъ ко мнѣ спросить куда уѣхалъ Фералонтовъ, такъ какъ у того на квартирѣ ни до какого отвѣта добиться онъ не могъ, а только указали на меня, потому что докторъ у меня, дѣйствительно, засидѣвшись вчера вечеромъ поздно,

остался ночевать, а утромъ за нимъ прислали изъ Шатилова лошадей къ больному ѣхать. Я это господину Вальковскому такъ и передалъ, а онъ услѣлъ мнѣ только сообщить что Офелія наша безподобная вдругъ, посреди разговора, лишилась чувствъ, и въ теченіе того времени пока былъ тамъ вашъ товарищъ, никакими средствами въ сознаніе приведена быть не могла. Матюшка ея и всѣ домашніе потеряли голову, суетня пошла, стоятъ по всему дому, а пользы никакой. Наконецъ надоумило ужъ кого-то за докторомъ послать. Онъ и поскакалъ, и вотъ когда-то еще найдетъ...

— Вѣдь пожалуй до ночи не успеетъ привезти... И никого другого здѣсь нѣтъ? спрашивалъ съ отчаяніемъ Ашанинъ.

— Одинъ врачъ на весь городъ! молвилъ пожимая плечами смотритель.—Не знаю, догадались ли они, примолвилъ онъ въ раздумьи,—руки и ноги ей въ теплую воду положить? Такой продолжительный обморокъ очевидно аменію сердца или мозга обозначаетъ... Компрессы холодной воды на сердце были бы также полезны, полагаю...

— А вы разумѣете нѣсколько по части медицины?

— Три года медицинскимъ студентомъ былъ, отвѣтилъ Юшковъ,—только залаху кадаверовъ, признаюсь, никогда переносить не могъ,—перешелъ на филологію.

— Послушайте, вскрикнулъ молодой человѣкъ, схвативъ его за руку,—поѣдьте сейчасъ въ Цицкое! Вы можете принести ей хоть какую-нибудь помощь...

У старичка блеснули глаза.

— Сказать вамъ поистинѣ, самъ я объ этомъ думалъ что все же могу, вспомнивъ старую науку, кое-какими указаніями послужить до пріѣзда доктора... да не рѣшался съ барамы съ этими, знаете, не ровень часъ, какъ это еще принято быть можетъ!..

— Я беру все на себя, скажу что привезъ васъ, уговорилъ. Поѣдте!.. Павелъ, обратился Ашанинъ къ молча стоявшему тутъ же и внимавшему кучеру Гундурова,—лошади у тебя отдохнули, кормлены? Можешь сейчасъ же залечь и ѣхать. А за Вальковскимъ и докторомъ сейчасъ же вышлемъ экипажъ изъ Цицкаго.

— Сею минутой готово будетъ, Владиміръ Петровичъ отвѣтилъ тотъ съ видимымъ сочувствіемъ и разумнѣмъ правильности принятаго теперь „господами“ рѣшенія, и любилъ къ своимъ лошадямъ.

— А вы захватите съ собою бѣлья, сказалъ старику смотрителю предвидчивый Ашанинъ,—придется намъ, можетъ-быть, ночевать тамъ...

— Вы полагаете? молвилъ Юшковъ, какъ бы вѣскольکو испугавшись этой перспективѣ ночевать въ „барскихъ хоромахъ“, какъ выражался онъ мысленно.

— Конечно, если докторъ, задержанный своимъ больнымъ, не прїѣдетъ ранѣе чѣмъ завтра утромъ.

— Это точно... Такъ я сейчасъ, живу тутъ по близости, заберу узелокъ, и сюда... Офелія-то наша, Офелія божественная, не дай Господи! бормоталъ про себя старикъ, громко вздыхая и сбѣгая со ступенекъ съ торопливостью двадцатилѣтняго юноши.

CIV.

Два дня спустя послѣ того что сейчасъ передано нами читателю, въ кабинетъ къ графу, прїѣхавшему въ Москву изъ своего Покровскаго по случаю какого-то праздника, въ девятомъ часу утра входилъ только что вернувшійся изъ Петербурга князь Ларіонъ Шастуновъ.

— Здравствуй, здравствуй, Ларивонъ, очень радъ тебя видѣть! заголосилъ старецъ, быстро идя ему на встрѣчу изъ любимины комнаты;—давно ли прїѣхалъ?

— Сейчасъ, и....

Графъ не далъ ему продолжать.

— Ну, садись, рассказывай! Когда проѣзжалъ не заѣхалъ ко мнѣ, ничего про тебя не знаю! Что жъ, какъ ты тамъ былъ принять?

— Очень милостиво и....

Графъ поднявъ свои ладони прервалъ его опять:

— Знаю, писалъ мнѣ (все тотъ же петербургскій сильный ругъ графа) что даже обрадовались искренно видѣть тебя, о что ты все отпрашивался, „въ лѣсъ глядишь“, не хочешь въ Петербургъ жить, отъ нездоровья будто бы?

— Все это совершенно справедливо, молвилъ послѣднѣе князь Ларіонъ съ видомъ человѣка которому хочется скорѣе тѣлѣться отъ непріятнаго и скучнаго для него разговора,—приняли прекрасно, но серіознаго дѣла очевидно дать мнѣ амѣренны не были, а „болтать безъ толку“, какъ вы совер-

шенно основательно выразидись въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, не представляеть для меня заманчивой перспективы.

— Способныхъ людей надо на дѣло настоящее употребить! пропѣвъ на это акаѳистомъ старецъ;—какъ же ты устроишь? Будешь ѣздить въ Совѣтъ?

— Тамъ вакантъ телерь, что же ѣздить! молвилъ на это его собесѣдникъ съ отгѣнкомъ нетерпѣнія въ интонаціи.

— Осенью начнется опять.

— До осени еще долга лѣсна! проговорилъ оквозъ зубы князь Ларіонъ,—но Петербургъ меня болѣе не увидить.... если только вы, подчеркнувъ оное, пристально и съ какимъ-то укоромъ въ глазахъ воззрившись въ лицо стараго своего пріятеля,—если вы не заставите меня сегодня же уѣхать туда обратно.

— Я? воскликнулъ въ величайшемъ изумленіи графъ,—что это ты говоришь?

— Вотъ что....

Князь вдругъ примолкъ, провелъ рукой по глазамъ, какъ бы съ тѣмъ чтобы удобнѣе сосредоточиться внутренно, и началъ затѣмъ, медленно и вѣско роная слова свои одно за другимъ:

— На подорогѣ изъ Петербурга встрѣтился я на стациіи съ хорошою знакомой моею, теткой того молодого человека, Гундунова, котораго я вамъ представилъ когда вы у насъ были въ Сибирѣ....

— Знаю, звалъ графъ,—вдова покойнаго Онуфрія Петровича Переверзина, который подъ судомъ умеръ въ тысячѣ восемьсотъ....

Князь продолжалъ не слушая его.

— Она ѣхала въ Петербургъ для того чтобы кинуться къ ногамъ государя просить за „безвинно“, говорить она, сосланнаго вами въ Оренбургъ племянника ея. Я не повѣрилъ чтобы вы могли это сдѣлать безъ настоящихъ, уважительныхъ на то причинъ, и просилъ ее не подымать дѣла прежде чѣмъ не повидаюсь съ вами. Мы порѣшили что она дождеться въ Петербургъ, но ни къ чему не приступить прежде чѣмъ получить отъ меня обстоятельное объ этомъ письмо. Я съ своей стороны далъ ей слово вернуться тотчасъ же на сдѣйствіе ей въ Петербургъ, если ссылка Гундунова рѣшена тамъ, а не здѣсь, въ вашемъ кабинетѣ. Я едва успѣлъ пріѣхать, переодѣться, и, какъ видите, прямо къ вамъ.... През

варяю васъ что имѣю самыя серіозныя причины интересоваться этимъ молодымъ человѣкомъ, и прошу васъ именемъ нашей почти сорокалѣтней пріязни сказать мнѣ всю истину. За что онъ сосланъ?

— Онъ всякій вздоръ болталъ, возгласилъ старецъ.

— Да кто вамъ сказалъ, откуда вы это знаете?

— Я тебѣ покажу, на бумагахъ!...

И графъ, отомкнувъ ключомъ одинъ изъ ящичковъ своего письменнаго стола, въ которомъ хранились „конфиденціальныя“ бумаги и письма, отыскалъ въ кучѣ одно изъ нихъ, и передалъ его сидѣвшему противъ него князю Лариону.

— Вотъ что онъ (все тотъ же сильный человѣкъ) пишетъ мнѣ за нумеромъ!

Въ письмѣ сообщались всѣ тѣ лункты виновности Гундурова которые въ разговорѣ съ нимъ пересчиталъ ему „московскій воевода“; напиралось въ особенности на „высказываемыя Гундуровымъ мнѣнія о необходимости будто бы освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей надъ ними власти“, — мнѣнія, „распространеніе которыхъ могло бы повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія“. Въ заключеніе письма говорилось слѣдующее: „Считая необходимымъ о такомъ предномъ направленіи неслужащаго дворянина Сергія Гундурова поставить ваше сіятельство въ извѣстность, а съ другой стороны принимая во вниманіе что его неосторожныя и капризныя рѣчи могутъ быть отвесены столько же къ его еще очень молодымъ лѣтамъ, сколько къ праздности въ которой онъ проводитъ жизнь со времени его выхода изъ мѣста ученія, полагаю на ваше усмотрѣніе: не признаете ли ваше сіятельство полезнымъ склонить кандидата Гундурова на поступленіе на службу въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ онъ, при полученномъ имъ въ Московскомъ университетѣ прекрасномъ образованіи, о чемъ правительству извѣстно, могъ бы принести несомнѣнную пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ отдаленіи отъ центровъ опасныхъ умственныхъ увлеченій, имѣлъ бы возможность достичь большей зрѣлости въ образѣ мыслей и приготовить изъ себя въ послѣдствіи вполне способнаго, благонадежнаго и опытнаго чиновника? За случай еслибы мѣра сія признана была вашимъ сіятельствомъ сообразною необходимости, присемъ препровождаю надлежащее письмо къ оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору.“

Князь Ларіонъ, съ избороздившими весь лобъ его морщинами, недвижно и сосредоточенно дочелъ это письмо до конца.

— Любезный графъ, сказалъ онъ затѣмъ, подымая на него невольно сверкнувшіе глаза,—что же вы дѣйствительно убѣдили, „склонили“ этого молодого человека ѣхать въ Оренбургъ?

— Да, самымъ наивнымъ образомъ подтвердилъ тотъ,—я ему сказалъ чтобъ онъ ѣхалъ; онъ и отправился.

— Вы поняли что этого именно требовало отъ васъ это письмо? молвилъ князь съ едва скрываемою желчною ироніей, передавая ему черезъ столъ „конфиденціальный“ документъ;—а знаете что изъ этого выйдетъ? Тетка Гундунова далеко не дюжинная женщина, это натура энергическая и настойчивая. Ее притомъ въ Петербургѣ знаютъ, помнятъ: она была одна изъ любимыхъ воспитанницъ покойной императрицы Маріи Феодоровны въ Смольномъ Монастырѣ, у нея много въ свѣтѣ старыхъ подругъ и связей... Она своего добьется, дойдетъ, будетъ жаловаться...

Ладони графа возмеслись горѣ.

— Пусть жалуетса!

— Да, но вслѣдствіе этой жалобы пожелаютъ узнать сущность дѣла. Писавшій вамъ это сообщеніе откажется отъ всякой личной ответственности за послѣдовавшее, скажетъ что онъ все передалъ на ваше усмотрѣніе, что вы распоряжались какъ знали, и говоря съ полною откровенностью, какъ я тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ привыкъ говорить съ вами, вы, человекъ и добрый, и умный, окажетесь тутъ разомъ и жестокимъ—и ободненнымъ...

— Что такое? Объясни, говори откровенно! залѣлъ старецъ, видимо пораженный и смущенный внутреннео этими словами.

— Объясненіе не долго, сказалъ князь:—услать Гундунова подальше потребовалось въ надеждѣ обегчить этому Анисьеву, котораго вы знаете, путь къ рукѣ, или вѣрнѣе къ приданому моей племянницы. А обдѣлали это такъ что въ случаѣ чего отвѣтчикомъ за это являетесь вы и „произволь“ вашъ, и никто больше.

Графъ внимательно выслушалъ и затѣмъ, слегка перегнувшись черезъ столъ, зорко глянулъ въ глаза пріятелю.

— Да вѣдь и тебѣ же это „требовалось“, молвилъ онъ,—и признаюсь, для тебя я это больше и сдѣлалъ: когда я былъ

у васъ въ деревнѣ ты меня просилъ чтобъ ему выхлопотать паспортъ за границу, а что пока ты ему совѣтовалъ проѣхать по Россіи? Я его и отправилъ, пусть поѣздитъ.. Думалъ ты будешь радъ!

Князь Ларіонъ смутился въ свою очередь теперь.

— Да, проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—я действительно думалъ тогда.. тогда это еще не было слишкомъ поздно, и не этимъ насильственнымъ путемъ во всякомъ случаѣ... А теперь... Я прямо долженъ сказать вамъ, любезный графъ: племянница моя любитъ этого молодого человѣка, и если вѣсть о случившемся дойдетъ... или дошла уже можетъ-быть до нея, это произведетъ на нее самое потрясающее впечатлѣніе. Съ ея не сильнымъ здоровьемъ всего можно бояться въ этихъ случаяхъ... Вы не хотѣли бы быть ея падакомъ, не правда ли? вскрикнулъ князь со свойственною ему страстностью, и глаза его загорѣлись мгновеннымъ, лихорадочнымъ пламенемъ.

— Зачѣмъ? Милое дитя! Я не зналъ! протянулъ, раскидывая даши свои вѣромъ, его старый пріятель, сочувственно глядя на него.

— Вы его сослали въ силу этого письма... Но вы могли и не дѣлать этого, могли ограничиться наставленіемъ, если ужъ въ самомъ дѣлѣ „мнѣнія“ этого молодого человѣка кажутся имъ тамъ такими „опасными“, примолвилъ князь съ ловкою пронырскою усмѣшкой,—а мнѣнія эти, долженъ я вамъ сказать между прочимъ, составляютъ ученіе цѣлой у насъ школы, такъ-называемыхъ „славянофиловъ“...

— Знаю! возгласилъ графъ.

— Совершенно благонадежной въ политическомъ отношеніи, продолжалъ князь Ларіонъ,—которая съ дозволеніемъ цензуры печатаетъ эти мнѣнія, и имѣетъ даже для этого здѣсь, въ Москвѣ, два весьма почтенные журнала...

— Я всѣхъ этихъ глупостей не читаю! объявилъ старецъ.

— Да, съ невольною усмѣшкой возразилъ князь,—но вы согласитесь что совершенно неосновательно было бы подвергать человѣка наказанію за то что онъ выражаетъ устно то самое что безнаказанно и съ согласія правительства говорится печатно?

— Я противъ него ничего не имѣю, объяснилъ графъ, причемъ его нижняя губа съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ выпятилась впередъ,—я для его же пользы думалъ сдѣ-

лать, я не зналъ что у васъ дѣло такъ стоитъ!... И что же невѣстка твоя, согласна она?

— Разумѣется, нѣтъ! Князь дернулъ плечомъ.

— Она неумная! засмѣялся старецъ.

— Скажите: непроходимая! вскрикнулъ князь Ларіонъ;—не будь тутъ я, она давно вогнала бы въ гробъ несчастную дочь моего брата!... Послушайте, почтенный другъ мой, вамъ нужно поправить эту... ошибку, поправить какъ можно скорѣе! примолвилъ онъ настоятельно, замѣтивъ какъ бы какое-то колебаніе въ выраженіи лица графа.

— Надо подождать! сказалъ тотъ,—я уже написалъ въ Петербургъ что онъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія.

— Такъ что же такое, развѣ это можетъ васъ стѣснять? Онъ выѣхалъ, а вы его вернули. Вамъ предоставлено поступить „по вашему усмотрѣнію“; я полагаю что вы такъ и поступили, а не по командѣ изъ Петербурга, добавилъ старый дипломатъ, давно и хорошо разумѣвшій слабыя струйки пріятеля.

Графъ гордо поднималъ вверхъ голову и руки.

— Никто не можетъ мнѣ командовать, окромя моего государя!... Хорошо, я полагаю чтобъ онъ вернулся! рѣшилъ онъ тутъ же.

Онъ быстро всталъ съ мѣста, направляясь къ двери своей раскачивающагося походкой, и просунувъ въ нее голову киннулъ дежурнаго чиновника.

— Федоръ Петровичъ здѣсь?

— Здѣсь, съ бумагами, ваше —ство! доложилъ тотъ.

— Просить ко мнѣ!

Управляющій канцеляріей вошелъ съ портфелемъ и учтивымъ поклономъ по адресу князя.

— Скажите, когда отправлено письмо объ этомъ Гундуровъ, вы знаете? спросилъ его „московскій воевода“.

— Оно не отправлено, ваше сіятельство, отвѣчалъ Федоръ Петровичъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—вы его изволили удержать у себя, желали послать вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ къ...

— Точно! забылъ! пролѣзъ графъ:—началъ писать къ нему и не успѣлъ! Осталось, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня, въ Покровскомъ... Ну, твое счастье! обратился онъ, смѣясь и подмигивая, къ князю Ларіону.—А вы, Федоръ Петровичъ, пошлите сейчасъ казака за этимъ толстякомъ котораго я назначилъ въ Городскую часть частнымъ приставомъ... Исправникъ

вашъ бывшій, еще у васъ на театрѣ такъ хорошо игралъ, и дочь хорошенькая! пояснилъ онъ обернувшись еще разъ къ князю.

— Онъ у меня въ канцеляріи теперь, доложилъ Федоръ Петровичъ,—ему какая-то справка тамъ оказалась нужна.

— Пошлите скорѣй ко мнѣ!

Черезъ пять минутъ еще дышавшій отъ усердія съ которымъ неся онъ на коротенькихъ ножкахъ своихъ изъ канцеляріи черезъ дворъ и по лѣстницѣ Елпидифоръ Акулинъ предсталъ предъ очи начальства, почтительно остановившись у дверей.

— Здравствуй, толстякъ! Въ должность вступилъ?

— Нѣтъ еще, ваше —ство, завтра, надѣюсь, совсѣмъ.

— Нѣтъ, пропѣлъ графъ,—и не завтра! Пузо свое порастрати еще тебѣ надо! Сейчасъ поѣзжай!...

— Куда прикажете, ваше —ство?

— Догнать Гундунова, ты знаешь котораго ты привозилъ ко мнѣ. Когда онъ, бишь, уѣхалъ?

— Третій день, ваше —ство.

— Ну, еще не очень далеко стало-быть! Я ему позволилъ не слѣзнуть... Догони и скажи что я его простилъ, что онъ можетъ ѣхать себѣ домой, въ деревню!

— Слушаю, ваше —ство.

— Сейчасъ отправляйся!... А что дочь?

— Замужъ вышла, ваше —ство...

— Вотъ какъ! За кого?

Князь Ларіонъ поднялся съ мѣста.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, любезный графъ, и поблагодарить васъ, промолвилъ онъ тихо и какъ бы нехотя, и взялся за шпалу.

— Зачѣмъ слѣзешь? молвилъ графъ;—мнѣ еще время! А въ одиннадцать часовъ ѣду въ Воспитательный Домъ; князь Сергій Михайлычъ Голицынъ пригласилъ туда на молебствіе.

— Нѣтъ, я слѣзшу, домой скорѣе хочется... Я вамъ говорю что имѣю основанія безпокоиться... не договаривалъ князь.

— Да, да, знаю! Ничего, пустяки! Милое дитя! голосилъ старецъ, обнимая пріятеля и провожая его до дверей.—Когда ко мнѣ въ Покровское будешь?

— Постараюсь быть непременно, непременно, машинально повторилъ князь Ларіонъ, нисколько не думая исполнить обѣщаніе и отвѣчая разсѣяннымъ головнымъ кивкомъ на низкіе поклоны прижавшагося къ окну чтобы дать ему свободно пройти въ дверь и какъ-то непріятно дышавшаго при этомъ всюю громоздкою фигурой своею Елпидифора.

CV.

Князь Ларіонъ остановился въ гостиницѣ Дрезденъ, въ двухъ шагахъ отъ казеннаго дома въ которомъ жилъ графъ. Переходя отъ него черезъ площадь, онъ замѣтилъ что къ крыльцу гостиницы подѣхали дрожки съ какимъ-то сидящимъ въ нихъ молодымъ человѣкомъ въ сѣрой шляпѣ на кудрявыхъ черныхъ волосахъ, обликъ котораго показался ему знакомымъ. Обмѣнявшись какими-то словами со стоявшимъ на крыльцѣ швейцаромъ, молодой человѣкъ быстро обернулъ голову, увидалъ князя и, спрыгнувъ съ дрожекъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Князь узналъ Ашанина.

— Я къ вамъ, ваше сіятельство, началъ тотъ какимъ-то смущеннымъ, показалось князю, голосомъ,—я сейчасъ былъ у васъ на дому и засталъ вашего камердинера; онъ сказалъ мнѣ что вы остановились здѣсь.... Я изъ Оуцкаго....

— Чтò тамъ? послѣдшне спросилъ князь Ларіонъ, глядя на него тревожнымъ взглядомъ.

— Вы теперъ къ себѣ? молвилъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ

— Да.

— Такъ позвольте зайти къ вамъ; я вамъ все разкажу...

— Пойдемте!..

— Недобрыя вѣсти, а? съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ проговорилъ князь, едва вошли они въ его номеръ.

— Богъ дастъ ничего не будетъ, молвилъ молодой человѣкъ,—она пришла въ себя....

— Она, Нелѣне? прервалъ его князь Ларіонъ, воззрѣвъ ему прямо въ лицо.

— Да...

— Она узнала что... вашего пріятеля отравили въ Оренбургъ?

— Именно!..

— Я сейчасъ отъ графа. Гундузова послано вернуть обратно. Все это кончилось ничѣмъ... Но чтò случилось, разказывайте! Я встрѣтился на дорогѣ съ Софьей Ивановной Переверзиной. Она передала мнѣ что писала къ Нелѣне, и

письмо вы послали съ пріятелемъ вашимъ господиномъ Ваальковскимъ?

— И этого я простить себѣ не могу, князь! воскликнулъ Ашанинъ, съ отчаяніемъ схватывая себя за голову:—я подлагалъ лучше сдѣлать, вышло не въ примѣръ хуже. Его княгиня Аглая Константиновна принялась допрашивать, онъ не сумѣлъ найтись, сконфузился и бухнулъ объ этомъ прямо при княжѣ...

— Какъ это было и что произошло затѣмъ? обрывисто спрашивалъ князь Ларіонъ.

Ашанинъ передалъ ему все что онъ зналъ объ этомъ по разказу очевидца происшествія, Зяблина. Княжна упала въ обморокъ, изъ котораго ни одно изъ употребленныхъ затѣмъ домашнихъ средствъ не могло ее вывести. Она лежала съ судорожно сжатыми конечностями, полуоткрытые глаза глядѣли недвижно какъ у восковыхъ фигуръ, и только учащенное, но чрезвычайно слабое біеніе сердца свидѣтельствовало что жизнь еще не совсѣмъ ее покинула. Въ этомъ катаклизмическомъ состояніи застали ее Ашанинъ и привезенный имъ съ собою старикъ смотритель, прискакавшіе въ Сидкое въ седьмомъ часу вечера, то-есть, восемь часовъ послѣ перваго момента обморока. Въ домѣ всѣ потеряли голову. Ваальковскій ускакалъ за докторомъ. Княгиня, въ ожиданіи его, лежала пластомъ у себя на диванѣ и голосила во все горло: „ma fille est morte, je n'ai plus de fille“ не умѣя ничего придумать лучшаго и приличнѣйшаго въ эту минуту. Въ ладъ барынѣ шелъ вой и стонъ женской дворни съ верху до низу дома.... Юшковъ, импровизованный докторъ, велѣлъ принести теплой воды и льду: въ воду погружали руки и ноги княжны, а ледъ приложили въ пѣзырь къ теменю. Минуть черезъ двадцать конечности отошли, а вскорѣ затѣмъ княжна пришла въ себя. Она открыла глаза, но весьма долго какъ бы никого не узнавала и глядѣла на всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ. На вопросы матери она не отвѣчала и, повидимому, не понимала ихъ... Ее до того времени услѣли только, поднявъ съ полу, перемести на ближайшій диванъ ситцеваго кабивета княгини, подложивъ ей подушку подъ голову и раслустивъ шауровку ея корсета. Ей было видимо неловко на этомъ короткомъ и узкомъ диванѣ. Княгиня отдала приказаніе принести сверху ея кровать съ

постелью, говоря при этомъ что желаетъ „чтобы дочь ея осталась тутъ, поближе къ ней“... Больная вдругъ застонала и на лицѣ ея изобразилось страданіе, но говорить была она еще не въ состояніи. Когда же принесена была кровать и ее уложили на нее, она черезъ силу прошептала: „домой, до...“ „Тебѣ будетъ лучше здѣсь, *mon enfant*“, старалась ее увѣрить мать,—„я за тобой ходить буду“. Она чуть-чуть задвигала головой и слезы закапали изъ ея глазъ. Старикъ смотритель замѣтилъ шелотомъ Аглаѣ Константиновнѣ что „желанія и даже прихоти больныхъ должны быть вообще исполняемы“, и что въ настоящемъ случаѣ было бы даже и весьма опасно противорѣчить имъ. Онъ подошелъ ко княжнѣ и наклонившись къ ней спросилъ, желаетъ ли она чтобы перенесли ее въ ея спальню. Она чуть-чуть улыбнулась приподнявъ на него глаза съ удивленнымъ и довольнымъ видомъ и послѣднѣю проговорила „да, да!“ Княгиня замѣтно поморщилась, но должна была согласиться. Княжну, какъ была она, въ кровати, перенесли въ ея спальню. Тамъ горничная ея Глаша съ помощью „*Licèrèe*“ переодѣла ее и уложила „на ночь“... Но она спать не хотѣла или не могла и долго металась съ боку на бокъ. Затѣмъ притихла и укладываясь щекой на руку тихо, но внятно проговорила: „Гдѣ старичокъ?“ Ее сначала не поняли, но Аглая Константиновна догадалась наконецъ и выйдя изъ ея спальни, обратилась съ досаждливо-высокомѣрною улыбкой къ Юшкову, усѣвшемуся съ Ашанинымъ въ кабинетъ княжны, сказавъ ему: „Она васъ кажется требуетъ!“ послѣ чего, не возвращаясь уже къ дочери, сошла въ свои апартаменты, приказавъ чтобы, „въ случаѣ она будетъ нужна, прислать ей сказать“. Она очевидно, забывъ какъ за часъ предъ этимъ ревѣла что „*ma fille est morte*“, думая теперь на больную и на этого „старичка“, котораго потребовала дочь „когда она тутъ, *sa mère qui l'a mise au monde*“, и на Ашанина, привезшаго его, и заставъ въ своемъ ситцевомъ кабинетѣ ожидавшаго ее тамъ Заблуда, фыркнула: „*Je ne sais pas vraiment ce que c'est que ce vieux drôle que monsieur Ашанинъ nous a colloqué!...*“

А княжна видимо обрадовалась „старичку“. Она указала ему взглядомъ стулъ противъ нея. Онъ подвинулъ его и сѣлъ. Она, не перемѣняя положенія, долго глядѣла на него съ легкою улыбкой на блѣдныхъ губахъ и наконецъ прогово-

рила: „Я васъ... узнала... вы... добрый!“ — „Постарайтесь заснуть, милая княжна!“ сказалъ онъ въ отвѣтъ. Она послушно закрыла глаза и принялась дремать. Но вѣки ея то и дѣло раскрывались, и она каждый разъ устремляла на него взоръ полный какой-то тревоги, какъ бы боясь чтобъ онъ не ушелъ, не пересталъ охранять ее... Онъ такъ и просидѣлъ всю ночь у ея изголовья. Посылать за княгиней не оказалось нужнымъ, а сама она сочла бесполезнымъ приходить навѣдываться: „не присылаютъ, значитъ я не надобна!“ разсуждала она весьма логично и весьма глѣвно... На зарѣ княжна наконецъ уснула спокойнымъ и крѣпкимъ сномъ.

На другой день, только часу въ десятомъ утра, пріѣхали Вальковскій съ докторомъ Фералонтовымъ.

Длинный, несуразный, изъ бурсаковъ, похожій на Донъ-Базилю, уѣздный врачъ произвелъ на княжну своимъ *фатальнымъ* видомъ и не совѣмъ чисто вымытыми руками которыми ощупывалъ онъ ей пульсъ довольно оттаалкивающее впечатлѣнiе. Она послѣ подкрѣпившаго ее сна находилась въ полномъ сознаніи и говорила безъ труда, къ великому горю старика-смотрителя (она его потребовала опять къ себѣ какъ только покончила съ утреннимъ умываньемъ и туалетомъ), который страдалъ и за нее и за пріятеля своего Фералонтова, извѣстнаго ему за недурнаго практиканта и добраго, хотя неотесаннаго человѣка. Тотъ съ своей стороны произведя діагностъ княжны по всѣмъ правиламъ тогдашнихъ медицинскихъ пріемовъ и способовъ опредѣленія, какъ бы смутился вдругъ, и долго безмолвно глядѣлъ на нее, насулившись и соля сквозь не въ мѣру расширившіяся ноздри. Юшковъ въ свою очередь глядѣлъ на него во всѣ глаза, въ страхъ за возможность какого-нибудь „неловкаго“ слова. Но докторъ никакого слова не произнесъ. Заговорила сама больная.

— Мнѣ сегодня хорошо, усталость одна, но я бы хотѣла встать, сѣсть въ кресло... Можно, докторъ?

— Если чувствуете себя въ силахъ, почему же?..

— Такъ я встану? (Ей хотѣлось чтобъ онъ скорѣе ушелъ отъ нея.)

— Какъ угодно!

Онъ вышелъ въ кабинетъ съ Юшковымъ, и все также, молча, закачалъ головой. У старика задвоилось въ глазахъ...

Въ то же время являлась сюда княгиня со всякими вопросами, вздохами и неестественнымъ ворочаньемъ круглыхъ глазъ, нисколько впрочемъ не точившихъ тѣхъ слезъ которыя она, повидимому, ожидала отъ нихъ теперь. Докторы отвѣчали неопредѣленными и немногосложными фразами... Онъ сказалъ что вчерашнее каталептическое состояніе княжны свидѣтельствуешь очевидно объ *анеміи мозга* (княгиня услышавъ этотъ невѣдомый ей научный терминъ захолола глазами лучше прежняго, но ей и въ голову не пришло спросить что именно долженъ былъ означать онъ), и что вмѣстѣ съ тѣмъ по общимъ указаніямъ организма слѣдуетъ предлагать извѣстное пораженіе въ полости сердца

— Ah, mon Dieu, воскликнула на это княгиня, — мнѣ уже объ этомъ говорилъ докторъ Чилпріани въ Ниццѣ, qu'elle a un défaut au coeur, но я думала что это у нея совсѣмъ прошло.... И это очень опасно, докторъ? возгласила она такъ громко что Юшковъ кинулся притворять дверь спальни, испугавшись что больная могла услышать эти слова.

— Конечно-съ, отвѣтилъ помолчавъ Фералонтовъ, — еслибы такіе припадки возобновились... Тутъ необходимо постоянное наблюдение врача... притомъ главное условіе — полное душевное спокойствіе больной; въ этихъ случаяхъ психія играетъ весьма существенную роль...

Княгиня еще разъ не поняла, и спросила:

— А лѣкарство вы ей дадите?

— Успокоительную микстурку прописать можно-съ.

Онъ подошелъ къ письменному столу Лины прописать рецептъ.

— А впрочемъ, молвилъ онъ, расчеркиваясь, — осмѣлился бы предложить вашему сіятельству адресоваться въ Москву съ приглашеніемъ къ себѣ спеціального врача для пользованія княжны, такъ какъ я уже выразилъ вамъ о необходимости постоянного наблюденія; я же его принять на себя не могу, въ виду обязанностей моихъ по больницѣ въ городѣ...

— Ah, mon Dieu, я сегодня же пошла, сегодня же! заговорила Аглая Константиновна, и поллыла сообщать объ этомъ дочери.

— А... Василій Григорьевичъ, послѣдшне проговорила на это, вспоминая вдругъ имя и отчество старика-смотрителя, Лина, — онъ останется?

— На что онъ тебѣ, *chère enfant*? вѣжнѣйшимъ голосомъ молвила ей маменька,—вѣдь онъ не докторъ!

— Мнѣ... лучше когда онъ тутъ, тихо сказала княжна.

Аглая Константиновна повела плечомъ.

— *Caprice de malade!*.. И вернулась опять въ кабинетъ, гдѣ Фералонтовъ съ фуражкой въ рукѣ, готовая уѣхать, переговаривался вполголоса съ Юшковымъ.

— Она вотъ илъ все просить! сказала она доктору, кивая на смотрителя.

— Василия Григорьевича? улыбнулся тотъ;—что же, это хорошо-съ! Онъ наше дѣло мараетъ не хуже другаго иного, только что стелеми надлежащей не имѣтъ... Честъ имѣю казаться вашему сіятельству.

Вальковскій, все время поджидавшій его выхода въ аппаратъ Зяблина (куда забился онъ тотчасъ по прїѣздѣ, во избѣжаніе Ашанина, съ которымъ страшно боялся встрѣчи, предвидя всѣ тѣ улреки которыми тотъ не преминулъ бы осыпать его), выскочилъ на дворъ, едва слышавъ скрипъ колесъ подаваемого тарантаса доктора.

Онъ кивнулъ къ сидѣвшему уже въ немъ Фералонтову.

— И я съ вами, погодите!

Въ то же время изъ стѣнъ выскочила полногрудая Lucrèce и быстро сбѣжавъ по ступенькамъ крыльца, передала доктору незалечатаемый бумажный конвертъ.

— Отъ ея сіятельства княгини.

— Здравствуйте, Лукерья Ильинишна! молвила, скаля зубы по ея адресу, „фанатикъ“, влѣзавшій къ своему попутчику въ тарантасъ.

Она даже не взглянула на него и, проговоривъ сухо: „здравствуйте-съ!“ обернулась и побѣжала въ домъ.

Лошади тронули. Докторъ, державшій въ олущенной на коѣнни рукѣ переданный ему пакетецъ, полюбопытствовалъ, какъ только выѣхали они за ограду, узнать о количествѣ содержимаго въ немъ и, олутивъ надъ нимъ глаза, осторожно вытащилъ изъ него на половину двѣ красныя бумажки, которыя тотчасъ же и сунулъ обратно.

— Мзда приличная, а? тутъ же полюбопытствовалъ узнать „фанатикъ“, подмѣтившій это движеніе и услѣвшій уже сойтись съ Фералонтовымъ на самую короткую дружескую ногу.

— Извѣстно, люди богатые могутъ! промывчалъ тотъ, — а

только я все же предпочелъ отклонить дальнѣйшее получение таковой, добавляя онъ съ выраженіемъ грубоватой бурсацкой ироніи.

— Что такъ?

Докторъ помолчалъ.

— Баре большіе! Съ ними и говорить-то какъ не знаешь... Да и субъектъ очень ужъ нѣжный, принимать на свою ответственность тоже штука оласная можетъ быть! какъ бы неохотно пояснилъ онъ наконецъ.

Валковскій глубоко вздохнулъ. Онъ по-своему искренно любилъ князю, и желалъ ей всякаго блага, что не мѣшало ему уѣзжать теперь въ Москву изъ боязни ответственности предъ Ашанинымъ за то что чуть не уморилъ ее на мѣстѣ, и изъ желанія поскорѣе отдѣлаться отъ самой мысли о ней въ затѣяхъ какого-либо новаго „театрика“, хотъ бы въ Земоскворѣчьи, у того же знакомаго ему кулца Телятникова у котораго устраивалъ таковыя „за полтораста щѣлкашей“. Таковы люди!...

А Лину, между тѣмъ чувствовавшую себя еще силькомъ слабою чтобы подняться на ноги, перекатили въ большомъ креслѣ изъ спальни въ кабинетъ, къ открытому въ садъ окну, куда она просила подвезти ее и гдѣ вскорѣ очутилась одна со старикомъ-смотрителемъ. (Аглая Константиновна, никогда а теперь тѣмъ менѣе не умѣвшая находить предметы разговора съ дочерью, и которую, къ тому же давно ждали и чай, и Зябливъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ, отправилась туда почти тотчасъ вслѣдъ за отъѣздомъ доктора.)

— Вамъ не тяжело оставаться со мной, скажите? начала дѣвушка,—а я, примолвила она, не ожидая отвѣта,—мнѣ бы хотѣлось чтобы вы всегда оставались тутъ, со мною...

Онъ поднималъ на нее свои большіе голубые глаза.... Она мгновенно подернулась влажнымъ туманомъ, и онъ въ перелугъ чтобы не испугалась она, отвернулася смущенный и безмолвный.

Лина провела рукой по лицу.

— Какъ удивительно Богъ все устраиваетъ... Мы съ вами разъ только видѣлись и говорили, а между тѣмъ есабы меня вчера когда я совсѣмъ пришла въ себя послѣ этого обморока, есабы меня спросили чье лицо было бы мнѣ всего пріятнѣе видѣть подлѣ себя, я бы, кажется, прямо указала на васъ... И вдругъ именно вы! Скажите, какимъ чудомъ вы здѣсь?

Онъ ей разказалъ свою встрѣчу въ городѣ, сначала съ Вальковскимъ, отъ котораго узналъ о случившемся съ нею, потомъ съ Ашанинымъ, предложившимъ ему ѣхать съ нимъ въ Сидкое, на что онъ согласился, зная что Фералонтовъ можетъ пріѣхать не скоро, и полагая что онъ, имѣя кое-какія медицинскія свѣдѣнія, могъ на первыхъ порахъ оказать ей нѣкоторую помощь.

— Да, сказала она, тихо улыбаясь, — и привели меня въ чувство... Помните когда мы съ вами познакомились, вы мнѣ сказали что, если вы мнѣ будете нужны, вы всегда явитесь... И вотъ явились! И больше никого не надобно, промолвила она страннымъ тономъ.

Юшковъ недоумѣло поглядѣлъ на нее.

— Матап хочетъ посылать въ Москву за докторомъ? продолжала она черезъ мигъ.

— Да.

— Онъ мнѣ не поможетъ.

— Почему вы думаете, княжна?

Она поглядѣла вдаль, въ садъ съ его зелеными вершинами, по которымъ играли золотые лучи солнца, обернулась задѣвъ къ нему какъ бы для отвѣта... но не отвѣтила, а спростила:

— Владиміръ Петровичъ... Ашанинъ здѣсь? Или я во снѣ видѣла вчера?

— Здѣсь, подтвердилъ старикъ, — онъ тутъ рядомъ въ комнатѣ до утра пробылъ, пока вы не заснули и я отъ васъ не ушелъ.

— И онъ добрый... очень добрый, прошептала Луна и приподняла... Какая-то глубокая, внутренняя тоска выразилась вдругъ въ чертахъ ея лица.

— Василиій Григорьевичъ, неожиданно проговорила она, — знаете что, я дурная! Мнѣ надобно, я хочу его видѣть... и мнѣ съ тѣмъ боюсь...

Онъ понялъ (наканунѣ, ѣдучи въ Сидкое, Ашанинъ счелъ нужнымъ объяснить ему причину обморока княжны), и попытался возразить:

— Налрасно вы боитесь, Елена Михайловна; я полагаю что онъ васъ скорѣе усложитъ можетъ чѣмъ причинить ишнюю тревогу.

Леркій румянецъ заалѣлъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Да?... Скажите, вы знаете? протянула она, многозначительно глядя ему въ глаза.

— О... объ Офеліи и Гамлетѣ? сказалъ онъ съ улыбкой послѣ легкаго колебанія.

— Да!... Я не скрываю.... ни отъ кого! молвила она, медленно качавъ головой и все также не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Вы божественное существо, Елена Михайловна! восторженно воскликнулъ старый идеалистъ, изъ глазъ котораго на этотъ разъ уже прямо брызнули слезы.

— Не надобно такъ говорить, грѣхъ! усмѣхнулась и она теперь.—Такъ вы думаете я могу повидаться съ нимъ... съ Владиміромъ Петровичемъ?...

— Я полагаю, княжна, если только вы не станете волноваться; для васъ это вредно!...

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я вѣдь знаю что мнѣ нужны силы... чтобы дождаться его, добавила она съ какимъ-то опять загадочнымъ выраженіемъ.

Юшковъ ушелъ за Ашанинымъ, который, уснувъ на зарѣ весь одѣтый на диванѣ въ бывшей комнатѣ Надежды Федоровны, только-что проснулся въ эту минуту и приводилъ кое-какъ въ порядокъ свое измятое платье и слугавшіеся во время сна волосы.

Входя ко княжнѣ онъ наладилъ черты свои на такое спокойное, чуть не веселое выраженіе что одинъ видъ его произвелъ на нее благотворное впечатлѣніе. Она протянула ему съ кресла свою тонкую, прозрачно бѣлую руку.

— Спасибо вамъ! Вы оба такіе хорошіе,—она повела глазами на старика Юшкова;—я васъ измучила обоихъ...

— Мы отъ этого не растаемъ, княжна, возразилъ Ашанинъ, широко улыбаясь,—и я за тревожно проведенную изъ за васъ ночь вознагражу себя съ избыткомъ удовольствіемъ оттрепать самымъ наиположительнымъ образомъ этого болвана Вальковскаго, напугавшаго васъ такъ дурачки, а затѣмъ и самого себя, за то что возымѣлъ несчастную мысль послать его сюда.

И, не давъ ей времени сказать слова, онъ послѣднимъ принялся передавать ей о письмѣ къ ней Софьи Ивановны, съ которымъ посланъ былъ въ Суцкое „фанатикъ“ (смотритель было всталъ, съ намѣреніемъ отойти въ другую сторону комнаты, оставя ихъ говорить вдвоемъ, но княжна удержала

его на мѣстѣ сказавъ „у меня нѣтъ секретовъ, я вамъ говорила!“), о томъ что Гундуровъ отправленъ графомъ въ Оренбургъ вовсе не „въ ссылку“, а *на службу*, и то вслѣдствіе очевиднаго какого-то недоразумѣнія, для разъясненія котораго Софья Ивановна поѣхала въ Петербургъ, гдѣ она увидится съ княземъ Лариономъ, и что нѣтъ сомнѣнія что въ самомъ скоромъ, скоромъ времени, Сережа будетъ возвращенъ къ себѣ, въ деревню, и пріѣдетъ въ Суцкое, ко князю.

Лина слушала его молча, опершись щекой объ руку, и пристально глядя ему въ лицо своими какимъ-то таинственнымъ пламенемъ вдругъ загорѣвшимися васильковыми глазами.

— Да, медленно вымолвила она,—я *знаю* что я его еще увижу...

Ашанинъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ, отъ выраженія этого взгляда...

Она все такъ же тихо продолжала:

— Дядя долженъ пріѣхать завтра или послѣзавтра въ Москву; я отъ него третьяго дня письмо получила.

— Боже мой, неужели они развѣхались съ Софьей Ивановой? вскрикнулъ вскакивая съ мѣста Ашанинъ.—Я сейчасъ же поспѣшу въ Москву: надо предупредить князя чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, повидался съ графомъ прежде чѣмъ сюда вернуться...

— Поѣзжайте, это хорошо, сказала княжна,—и зайдите къ шапан. Она хочетъ выписать мнѣ оттуда доктора, такъ выберите мнѣ, пожалуйста, такого чтобы былъ добрый и не мучилъ меня лѣкарствами...

— Непременно, княжна!..

Онъ подошелъ проститься съ нею.

Она подала ему руку, которую Ашанинъ наклонился поцѣловать.

Она не дала ему коснуться ее губами и, сжимая его руку, проговорила дрожащимъ голосомъ, подымая на него свои лазуревые глаза:

— А онъ, что онъ, скажите мнѣ?

— Онъ бодръ, онъ вѣритъ въ васъ, княжна, и онъ ни въ чемъ не виновенъ, отвѣчалъ другъ Гундурова;—онъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ что это лишь временное испытаніе...

Она удержала вздохъ просившійся у нея изъ груди, и улыбнулась черезъ силу...

Ашанинъ побѣждалъ ко княгинѣ, засталъ за чаемъ, въ компаніи неизбежнаго „бриганта“. Предложенію его привезти изъ Москвы доктора она очень обрадовалась.

— Sans cela se bon monieur Зяблицъ, voulait en vrai ami y aller lui même, объяснила она съ нѣжнымъ взглядомъ по адресу „vrai ami“.—Привезите monsieur Овера! прибавила она величественно къ этому.

— Это будетъ довольно трудно, княгиня: Оверъ такъ занятъ, и такой большой баринъ.

— Je veux absolument que ce soit lui! Je le payerai ce qu'il voudra. Я, конечно, ничего не пожалѣю quand il s'agit de sauver ma fille. Побужайте, cher monieur Ашанинъ и скажите Vittorio чтобы вамъ заложили коляску...

CVI.

— Когда вы пріѣхали? спросилъ князь Ларіонъ когда Ашанинъ передалъ ему въ общихъ чертахъ все что могло быть ему лично извѣстно изъ того что мы, по нашему праву повѣствователя, имѣли возможность представить читателю въ подробномъ изложеніи.

— Вчера вечеромъ.

— У Овера были?

— Былъ. Онъ уже легъ спать, но я настоялъ чтобы ему было передано о моемъ порученіи. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить что сегодня у него какая-то серіозная операція, и что онъ рѣшительно ѣхать не можетъ.

Князь поднялся съ мѣста.

— Я его уговорю. Застану ли я его теперь дома, какъ вы думаете?

— Нѣтъ! вспомнилъ Ашанинъ:—мнѣ сказали у него что операцію онъ дѣлаетъ въ десятомъ часу въ Екатерининской больницѣ. Онъ долженъ быть тамъ теперь.

— Хотите вы поѣхать со мною?

— Я весь къ вашимъ услугамъ, князь!

Операція была благополучна окончена, и Александръ Ивановичъ Оверъ, московская знаменитость тѣхъ временъ, въ вицмундирѣ застегнутомъ на двѣ пуговицы, въ темномъ лакичкѣ съ хохолкомъ на правомъ боку, и съ высоко и тѣсно повязаннымъ чернымъ галстукомъ, на который твердо опи-

ралось его еще замѣчательно красивое, оголенное, съ живыми, пронизательными черными глазами лицо, стоялъ въ сѣняхъ Екатерининской больницы, торопливо передавая своему ассистенту послѣднія инструкціи относительно оперированнаго субъекта, въ ожиданіи своей вызвавшей со двора кареты, когда въ эти сѣни вошли князь Ларіонъ Шастуновъ и его молодой слутникъ.

— Какъ я радъ что застаю еще васъ здѣсь, Александръ Ивановичъ! молвилъ князь, послѣдно подходя къ нему и подавая ему руку (они были лично знакомы, и знаменитый практикантъ пользовалъ князя зимой отъ какого-то подагрическаго припадка).

— И я радъ видѣть васъ, князь, отвѣтилъ тотъ,—хотя заранѣе могу сказать, примолвилъ онъ съ улыбкой глядя на Ашанина,—что вы намѣрены потребовать отъ меня того что я въ настоящую минуту не нахожу никакой возможности исполнить.

— И все-таки исполните, быстро возразилъ князь Ларіонъ,—когда я вамъ окажу что я твердо рѣшился не отставать отъ васъ, обратиться въ вашу тѣнь, ждать васъ у всѣхъ дверей, мѣшать вамъ ѣсть, пить, спать пока вы не повѣдете со мною!

Немотя на полу-шуточную форму этихъ словъ, Оверъ былъ пораженъ глубокою страстностью настоянія сквозившаго сквозь нихъ. Онъ понялъ что дѣйствительно этотъ человекъ отъ него не отстанетъ. Онъ провелъ машинально рукой по хохолку своего парика и пристально взглянулъ на князя.

— Развѣ ваша невѣстка такъ больна? спросилъ онъ.

— Кто вамъ говоритъ про мою невѣстку! вскрикнулъ весь даже покраснѣвъ князь Ларіонъ,—дѣло идетъ о моей племянницѣ, которую вы видѣли, о которой я говорилъ вамъ зимой..

— Oh, pardon, cher prince, pardon!—Я не понялъ! Я ужъ совсѣмъ засыпалъ вчера когда мнѣ пришли сказать что они (онъ указалъ на Ашанина, котораго зналъ, какъ знала его вся Москва) пріѣхали приглашать меня. Не разслышалъ я, или мнѣ перевралъ человекъ, но понялъ я такъ что зоветъ княгиня Шастунова, то-есть, для себя. Чтò съ ней можетъ случиться—грибковъ развѣ обкушалась... Изъ-за этого скакать оставляя серьезно больныхъ лаціентовъ... А вы говорите княжна, племянница ваша?... Une adorable créature! вырвалось при этомъ изъ устъ Овера, принадлежавшаго къ числу

горячихъ поклонниковъ женской красоты.—Да, я помню, вы мнѣ говорили: она страдаетъ сердцемъ? Что же было съ нею теперь?

— Я вамъ все это разкажу подробно дорогой, а до тѣхъ поръ примите мое честное слово что случай серьезный... вопросъ о жизни и смерти быть-можетъ... Голосъ князя Ларіона бо лѣзненно задрожалъ.

Оверъ сочувственно повелъ на него своими живыми темными глазами.

— Далеко это ѣхать къ вамъ? молвилъ онъ помолчавъ.

— Къ ночи вы будете дома въ Москвѣ.

— Я живу на дачѣ въ Кунцовѣ; думалъ, признаюсь вамъ поотдохнуть сегодня in's Grüne... Но дѣлать нечего: для такого прелестнаго созданія какъ ваша племянница готовъ пожертвовать этимъ днемъ... Когда жъ ѣхать?

— Сейчасъ же, если можете!

— Нѣтъ! Мнѣ еще надо отсюда къ одному тяжелому болному... Черезъ часъ если хотите, сказалъ онъ, взглянувъ на часы:—надо же и домой заѣхать... Я приѣду къ вамъ. Все тамъ же на Покровкѣ?

— Нѣтъ, я только что изъ Петербурга, и остановился въ Дрезденѣ, разчитывая сейчасъ же ѣхать въ деревню.

— Тѣмъ лучше, мнѣ туда ближе.

— Такъ я буду ждать васъ. Навѣрное?

— Навѣрно!

Они подали руки другъ другу, и разѣхались.

— А теперь вотъ что, сказалъ князь Ашанину, садясь въ коляску:—я сейчасъ напишу Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной въ Петербургъ, а вы потрудитесь свезти это письмо на почту и немедленно отправить его туда эстафетой. Она ждетъ его и несомнѣнно тотчасъ же вернется когда получитъ. За вашимъ пріятелемъ Гундуровымъ графъ уже распорядился послать этого толстяка, исправника нашего бывшего. Онъ въ настоящую минуту ускакалъ даже вѣроятно. Но весьма было бы важно знать гдѣ онъ его можетъ нагнать, и когда слѣдовательно, можно разчитывать что Сергій Михайловичъ будетъ въ своемъ Сашинѣ... Разъ уже вы принимаете такое живое участіе... во всемъ этомъ дѣлѣ, вамъ необходимо было бы слѣдить за минутой его возвращенія и...

— Я лучше слѣлаю, князь, прервалъ его Ашанинъ,—я самъ поскачу къ нему. Онъ во Владимірѣ, и ждетъ письма отъ

меня именно объ этомъ... о княжѣ... Я передамъ ему все и привезу... Черезъ два дня мы будемъ съ нимъ въ Сашинѣ. Мнѣ теперь фельдъегерская служба ни по чемъ! добавилъ онъ съ невольною вспышкой обычной своей веселости.

Князь кивнулъ одобрительно головой.

— Это хорошо, но вы должны дать мнѣ честное слово что вы не допустите пріятеля вашего пріѣхать въ Суцкое ранѣ чѣмъ вы, или онъ, извѣстите меня о возвращеніи его въ Сашино, и не получите отъ меня разрѣшенія пріѣзжать... Вы понимаете что... для Нелѣне каждое волненіе, каждая неожиданность могутъ имѣть...

Голосъ его оборвался.

— Даю вамъ въ этомъ за него честное слово, князь! молвилъ глубоко тронутый молодой человекъ,—моего вамъ не нужно.

Они вернулись въ гостиницу.

Князь Ларіонъ потребовалъ свой портфель и усѣлся за письмо къ Софьѣ Ивановнѣ. Онъ залечатаалъ его и передалъ Ашанину вмѣстѣ съ деньгами на эстафету.

— До свиданія, сказалъ онъ, и какъ бы черезъ силу приговаривалъ:—дай Богъ при лучшихъ обстоятельствахъ!...

Ашанинъ послѣдовалъ уйти.

— Извозчикъ! крикнулъ онъ, выбѣгая на крыльцо, и вытаскивая на ходу изъ кармана бумажникъ, чтобъ уложить въ него письмо и деньги князя.—А у самого-то сколько у меня осталось? пришло ему въ эту минуту въ голову.

Онъ развернулъ бумажникъ: въ немъ оказывались одна трехрублевая и двѣ рублевые бумажки.

„Съ этимъ до Владиміра не доскачешь!“ сказалъ онъ себѣ вытягивая губы кружечкомъ.

Онъ на мигъ задумался, и тутъ же разсмѣялся этому думанью:

— На Кузнецкій Мостъ! закомандовалъ онъ, садясь на извозника.

На Кузнецкомъ Мосту онъ велѣлъ остановиться у входа въ знакомый ему магазинъ золотыхъ издѣлій. Онъ вошелъ въ него и направился къ конторкѣ, за которою хозяинъ записывалъ что-то въ свою книгу.

— Можете ли вы дать мнѣ двадцать лять рублей на два дня подъ залогъ вотъ этого? сказалъ онъ ему, отстегивая отъ

жилетной пуговицы часовую цѣлочку и передавая ее съ часами черезъ рѣшетку.

Ювелиръ, у котораго нашъ Донъ-Жуанъ приобрѣталъ не разъ всякіе колечки и браслетцы для своихъ Эльвиръ и Церлинъ, новелъ на него глазами, улыбнулся, и приподнявъ доску своей конторки вынулъ оттуда стѣренькую, и протянулъ ему.

— Извольте-съ, а часики ужъ при себѣ оставьте, пригодятся.

— Ну и спасибо вамъ! раскохотался красавецъ, пожалъ ему руку, и выбѣжавъ изъ магазина вскочилъ на своего извозчика.

— Въ почтамтъ, и полтинникъ на водку, если хорошо поѣдешь!

Черезъ часъ онъ скакалъ въ перекладной по дорогѣ къ Троицѣ. Фельдъегерская служба дѣйствительно была для него теперь обычнымъ дѣломъ....

СѪІІ.

Аглая Константиновна выскочила даже самолично на лѣстницу когда въ началѣ восьмага послѣ обѣда пришли ей сказать, что пріѣхалъ ея деверь, а съ нимъ и „господинъ докторъ Оверъ“. Она была польщена тѣмъ что эта первая „*célébrité médicale de Moscou*“ послѣдшила прискакать къ ней въ деревню по первому ея зову, и положила по этому „*être très aimable pour lui...*“ Но болѣе всего подмывало ее любопытство поскорѣе взглянуть на князя Ларіона, и если не изъ его устъ, то „à l'expression de sa figure“ надѣялась она узнать „съ чѣмъ“ пріѣхалъ онъ изъ Петербурга, какое окончательное рѣшеніе принималъ онъ „*relativement à sa position là-bas.*“

Ничего, разумѣется, не прочла она относительно всего этого на его строгомъ, блѣдномъ и страшно осунувшемся, показалось только ей, лицѣ. Князь сухо поклонился ей и даже не спросилъ о здоровьѣ Лины, онъ почиталъ совершенно бесполезнымъ обращаться къ ней съ такимъ вопросомъ, а указывая на своего слутника сказалъ первымъ словомъ:

— Мы съ Москвы ничего не ѣли, и Александръ Ивановичъ, я увѣренъ, умираетъ съ голода. Дадите ли вы ему скорѣе пообѣдать?

Vittorio, выбѣжавшій въ сѣни встрѣчать пріѣхавшихъ, послѣдшилъ отвѣтить что князя ждутъ второй день и обѣдъ будетъ „*servi à la minute*“.

Княгиня повела сама пожелавшаго привести себя вѣсколько въ порядокъ послѣ дороги Овера въ одну изъ комнатъ для гостей въ бельэтажѣ, разказывая ему по пути о „fâcheux accident“ случившемся съ ея дочерью, но болѣе всего о томъ какую „secousse“ произвелъ этотъ „accident“ на ея собственную персону на ея „système nerveux“, причемъ объявила что она была всегда „d'une nature de sensitive“, которую вѣроятно и „имѣла несчастіе передать дочери“.

Умные глаза доктора такъ и запрыгали отъ проявшаго его внутренняго смѣха. Онъ глянулъ искоса на эту расплывшуюся бабущу, сентиментально ворочавшую своими глупыми круглыми зрачками, и, обдернувъ ларикъ, проговорилъ несколько могъ серьезно:

— Я бы этого никогда не подумалъ, въ виду вашей цвѣтущей наружности, княгиня... А впрочемъ les apparences sont trompeuses,—même pour un médecin, примолвилъ онъ тутъ же съ любезностью бывалаго свѣтскаго практиканта.

Князь Ларіонъ между тѣмъ прямо поднялся въ верхній этажъ.

Лана, которую Глаша прибѣжала извѣстить о его пріѣздѣ, выслала просить его скорѣе къ себѣ старика смотрителя, котораго все также продолжала не отпускать отъ себя, и который съ своей стороны съ чувствомъ какого-то болѣзненнаго блаженства въ душѣ исправлялъ при ней должность сидѣлки. Онъ все утро сегодня провелъ за чтеніемъ ей *Ундины* къ великому обоимъ ихъ наслажденію.

Князь не видалъ его никогда до этой минуты, но взглянувъ въ лицо стараго романтика, въ это доброе, открытое лицо съ ворохомъ свѣдыхъ волосъ разлетающихся во всѣ стороны и большими юношескими глазами, въ которыхъ говорила какая-то совершенно дѣтская чистота и впечатлительность, онъ сразу понялъ то внутреннее душевное родство которое должно было сказаться этому простому старику и этой дѣвушкѣ, такъ далеко поставленнымъ другъ отъ друга на общественной лѣстницѣ, съ первой же минуты знакомства ихъ другъ съ другомъ. То что для Аглаи Константиновны могло само собою быть объясняемымъ единственно какъ „caprice de malade“, принимало совсѣмъ иное значеніе въ глазахъ князя Ларіона: онъ прозрѣвалъ за этимъ ту тоскливую потребность страждущаго существа въ другомъ, близкомъ ему по духу существѣ, въ которомъ

увѣрено было бы оно найти необходимыя ему въ эту минуту нѣжность, опору, покровительство... Боянная Лина, говорилъ себѣ князь, инстинктивно ограждала себя опорой и нѣжностью этого старика „съ улицы“ отъ тулаго и назойливаго безсердечія родной матери...

— Племянница моя очень полюбила васъ, я слышалъ, сказалъ онъ, пожимая Юткову руку.—Я очень радъ этому... Не говорю *благодарю*; потому что за такія вещи не благодарятъ...

— За что благодарность, ваше сіятельство! возразилъ тотъ восторженнымъ и дрожащимъ голосомъ,—за то что допустили послужить ангелу небесному!...

— Такъ можно къ ней теперь? спросилъ князь.

— Пожалуйте, просить васъ.

Она встала со своего кресла, и пошла на встрѣчу дядѣ какъ только его увидѣла. Онъ послѣдшилъ къ ней, обнявъ ея голову обѣими руками, прильнулъ губами къ ея золотистымъ волосамъ...

— Садись, садись! послѣшню заговорилъ онъ, отводя ее опять на мѣсто,—ты еще слаба...

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, я гораздо лучше себя чувствую сегодня!

Онъ сѣлъ противъ нея, уткнувшись руками въ колѣни, съ невыразимымъ восхищеніемъ и мучительною тоской воззрѣвъ въ черты ея лица. Никогда еще такою красотою не исполнены были эти черты... но это была какая-то никогда еще имъ невиданная, лугавшая его красота.

Онъ чрезмѣрнымъ усиліемъ заставилъ себя улыбнуться заставивъ голосъ свой зазвучать ровнымъ, обычнымъ ему звукомъ:

— И болѣть совсѣмъ не нужно было, началъ онъ:—я тебѣ привезъ очень хорошія вѣсти.

— Да, дядя?... Я была увѣрена! промолвила она тутъ же.

— Ты была увѣрена что я не допущу несправедливости, что *это* могло случиться только въ моемъ отсутствіи? спросилъ онъ въ объясненіе себѣ ея восклицанія.

— Да... и *такъ*, отвѣчала она, слегка сжимая брови, и какъ бы спрашивая теперь себя сама, откуда могло явиться у нея это убѣжденіе.

— „И такъ“, повторилъ онъ, вызывая новую улыбку на свои уста;—такъ отчего же ты такъ испугалась, лишилась чувствъ?

— Нѣтъ, это послѣ... со мною сдѣлалось, молвила Луна.

— Что „послѣ“?

— Я право не умѣю вамъ это объяснить, oncle (она въ свою очередь теперь старалась улыбнуться):—будто что-то раскрывается предо мною, говоритъ впередъ... Такъ странно! И она провела себѣ рукой по лицу.

— А если такъ, послѣдшій заговорить опять князь Ларіонъ,—заговорить свою тревогу,—то говоритъ ли тебѣ это что-то что испытанія твои близятся къ концу?..

Внезапный румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

— Что хотите вы сказать, дядя?

— А то что послѣ того что было съ тобою теперь, Аглая Константиновна сама пойметъ, надѣюсь, что вещи не могутъ оставаться въ томъ положеніи въ какомъ онѣ стояли до сихъ поръ, что дальнѣйшее ея упорство было бы преступленіемъ... Это скажетъ ей и Оверъ, котораго она выписала для тебя; а всю дорогу стилировалъ его въ этомъ смыслѣ... Повторяю, испытанія твои кончены! Все оказалось фальшивой тревогой. За Сергѣемъ Михайловичемъ посланъ въ догонку; никакой ссылки нѣтъ, и не будетъ; онъ во Владимірѣ, и господинъ Ашанинъ, поскакавшій съ своей стороны за нимъ, обѣщалъ привезти его домой въ Сашино послѣзавтра. Софья Ивановна Переверзиной я сегодня же отправилъ въ Петербургъ эстафету; мы встрѣтились съ нею на дорогѣ и условились: она тотчасъ же выѣдетъ, получивъ мое письмо. Черезъ вѣсколко дней ты ихъ увидишь здѣсь... увидишь его на правахъ жениха твоего, Hélène, промолвилъ князь невольво дрогнувшимъ голосомъ.

Она откинулась вдругъ въ спинку своего кресла, и поднесла руку къ глазамъ.

— О, если бы это раньше, раньше! вырвалось у нея мучительнымъ стономъ.

— Hélène, другъ мой, что съ тобою? вскрикнулъ онъ помертвѣвъ.

Она не отвѣчала, но изъ-подъ этой тонкой, прозрачной руки прикрывавшей глаза ея потокъ слезъ двойнымъ ручьемъ покатился и закапалъ на легкія сборки корсажа ея лѣтняго платья.

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею безсильный сказать слово.

А Луна какъ-то вдругъ собралась, совладала съ собою,

отерла глаза платкомъ и, глядя на него уже съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ, схватила его руку.

— Дядя, милый, простите!... Я еще слаба, нервна... я начала васъ когда мнѣ слѣдуетъ такъ благодарить васъ... Вы говорите вы привезли доктора, послѣшно промолвила она, — я очень рада, дядя, пусть онъ вылѣчитъ меня скорѣе, скорѣе если можетъ....

CVIII.

Пообѣдавъ наскоро въ обществѣ князя Ларіона, который отъ обнимавшаго его внутренняго волненія едва прикасался къ подаваемымъ имъ блюдамъ, знаменитый московскій врачъ просилъ провести его ко княжнѣ.

— Я желалъ бы чтобы вы мнѣ позволили остаться наединѣ съ больною, сказалъ онъ Аглаѣ Константиновнѣ, которая почитала теперь нужнымъ не отставать отъ него и свидѣтельствовать ему своими охами и сентиментальнымъ ворочаньемъ глазъ о своей нѣжности къ дочери и тревогѣ за нее: — приеутствие домашнихъ всегда невольно отвлекаетъ и врача, и пациента, и мѣшаетъ имъ сосредоточиться настолько насколько это требуется въ данномъ случаѣ.

— Vous êtes un prince de la science, comme on dit, monieur Auvert, отпустила Аглая любезно усмѣхаясь, — et puis vous êtes un homme si comme il faut; il ne peut avoir rien de mauvais que vous restiez seul avec ma fille.

Оверъ слегка закусилъ губу и обмѣнялся съ княземъ Ларіономъ быстрымъ говорящимъ взглядомъ.

— Пойдемте, Александръ Ивановичъ, сказалъ ему тотъ вставая.

— Вотъ, Hélène, кто поможетъ тебѣ обрадовать тѣхъ кто тебя любитъ скорѣйшимъ исцѣленіемъ, молвилъ онъ, вводя его въ комнату племянницы: — ты Александра Ивановича не разъ видѣла у меня зимой, и страшнымъ онъ тебѣ вѣроятно не покажется.

— Non, non, воскликнулъ Оверъ смѣясь, — je me flatte de n'avoir jamais fait l'effet d'un Croquemitaine à mes belles malades... Чтò это съ вами случилось, милая княжна? заговорилъ онъ, садясь противъ нея и беря ее за руку, — не надо себя такъ дурно вести!... Онъ какъ бы беззаботно улыбался, зорко въ то же время глядя на нее и собирая въ мысли всѣ

болѣзненные подробности улавливаемая имъ въ ея наружности.

Она тоже чуть не улыбалась весело, и все между тѣмъ угадывала, все понимала.

— Я дурная, я знаю, говорила она, — и совсѣмъ не такъ веду себя какъ слѣдуетъ.....

— Александръ Ивановичъ хорошенько побранить тебя за это, и чтобы не мѣшать ему, я уйду, въ свою очередь тономъ шутки сказалъ князь, выходя за двери кабинета съ какимъ-то невыносимымъ ноющимъ чувствомъ тоски и чуть не злости на ту никого не обманывавшую комедію которую разыгрывали сейчасъ всѣ трое.

Онъ прошелъ въ бывшую комнату Надежды Федоровны, куда ранѣе его удалился старикъ смотритель и сидѣлъ теперь у окна воззрѣвъ въ даль, въ садъ, залитый въ эту минуту багрянцемъ вечерней зари, и такъ всецѣло погруженный въ это зрѣлище что и не замѣтилъ, не слышалъ шаговъ входящаго князя. Онъ вполголоса бормоталъ что-то про себя.

Князь Ларіонъ опустился на стулъ въ глубинѣ комнаты, машинально прислушиваясь. Старикъ читалъ старинные стихи Жуковского:

— Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна цвѣтетъ;
Для тебя иная,
Тамъ, въ долинѣ рая,
Снова жизнь блеснетъ...

— „Тамъ!“ громко повторилъ князь Ларіонъ въ порывѣ неудержимаго раздраженія;—что мы знаемъ объ этомъ! Мы знаемъ только что здѣсь отъ насъ уходитъ безвозвратно неповинная жизнь...

Старикъ быстро обернулся на звукъ этого голоса... Юношескіе глаза его загорѣлись какимъ-то вдохновеннымъ пламенемъ. Онъ вытянулъ руку, указывая на пламенѣвшее въ тѣняхъ заката небо.

— Какъ это вѣчное солнце угасаетъ здѣсь чтобы загнуться лучезарно надъ другимъ міромъ... И не какимъ-нибудь

отцомъ церкви сдѣлано это превосходное сравненіе: „великій язычникъ“ Гёте * нашель его, ваше сіятельство!..

Онъ вдругъ, разомъ, смутился и замолкъ, отвернувшись лицомъ къ раскрытому окну... Смутился словно за нимъ и князь, нахмурился и опустилъ голову... Оба они, безсознательно, противъ воли, вымолвили громко то чего внутренне допустить никто еще изъ нихъ не хотѣлъ, противъ чего возмущались они оба душой какъ бы противъ какого-то неслыханнаго, невозможнаго, недопустимаго насилія... Обоимъ имъ словно страшно стало отъ этихъ Богъ вѣсть какъ вырвавшихся у нихъ словъ.

Такъ просидѣли они долго молча и не глядя другъ на друга, пока не раздалось въ корридорѣ шаги выходившаго отъ княжны Овера.

Князь послѣдшне всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

— Зайдемте сюда, Александръ Ивановичъ, сказалъ онъ вводя его въ ту же комнату Надежды Ѳедоровны.—Ну что? приподвигъ онъ съ усиліемъ.

Тотъ вскинулъ на него на мигъ свои пронизательные глаза.

— Прямой опасности въ настоящую минуту я не вижу началъ онъ помолчать,—въ особенности если никакого повода къ новой коммоціи не будетъ ей дано извнѣ, моральными опять-таки причинами... Но въ полости сердца неладно, неладно! повторилъ онъ хмурясь, —скрывать отъ себя этого нельзя...

— И ваша медицина не имѣетъ противъ этого средствъ? невольнымъ упрекомъ зазвучалъ голосъ князя Ларіона.

Опытный и умный московскій практикантъ только плечомъ дернулъ.

— Eh, mon cher prince, la chirurgie c'est quelque chose,—la médecine se n'est rien!.. ** Надежды въ настоящемъ случаѣ

* Поданныя слова Гёте передаются въ извѣстныхъ разговорахъ съ Эккерманомъ такъ:

„Unser Geist ist ein Wesen ganz unstörbarer Natur; es ist ein fortwirkendes von Ewigkeit zu Ewigkeit. Es ist der Sonne ähnlich die bloß unsern irdischen Augen unterzugehen scheint, die aber nie untergeht, sondern unaufhörlich vorleuchtet.“

** Слова слышанныя лично отъ покойнаго Овера пишущимъ эти строки.

надо возлагать не на насъ, эскудаловъ, а на молодость пациентки... Молодость—необыкновенный врачъ и производитъ иногда совершенно невѣроятныя цѣленія. Молодость и счастье, добавилъ онъ,—отсутствіе душевныхъ заботъ, страданій...

— Вы, надѣюсь, не забудете это сказать моей невѣсткѣ? молвилъ князь Ларіонъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, и сейчасъ же!.. Онъ направился къ двери.

— А насчетъ гигиены княжны не будетъ никакихъ предписаній? вскинувшись съ мѣста за уходившимъ спросилъ смотритель, жадно прислушивавшійся все время къ разговору.

Оверъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Господинъ Юшковъ, послѣшилъ назвать его князь Ларіонъ,—о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ.

— Ахъ да, и княжна сейчасъ тоже говорила мнѣ... Вы привели ее въ чувство, и внушаете ей большое довѣріе. Это очень хорошо, и всегда полезно больному...

Онъ взялъ старика подъ руку и повелъ его по корридолу, сообщая ему о томъ что предписано было имъ Линъ.

Отпустивъ его съ этимъ къ ней, Оверъ обратился ко князю.

— У нея какая-то удивительная, необыкновенная красота, у вашей племянницы... *La beauté d'une inspirée*, сказалъ онъ въ объясненіе своей мысли.

— Это меня лугаетъ, глухо проговорилъ князь Ларіонъ,—у нея какія-то прозрѣнія, что-то въ родѣ галлюцинацій...

— Въ этихъ болѣзняхъ явленіе это довольно обычно, сказалъ Оверъ,—нервная система дѣлается особенно воспріимчивою, чуткою, и...

— Да, это я такъ и понималъ, перебилъ его князь, видимо обрадованный этимъ объясненіемъ.—Я еще одного боюсь, Александръ Ивановичъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ опять:—перваго свиданія ея съ молодымъ человѣкомъ... Не произведетъ ли это опять на нее коммоцію, какъ вы говорите?

— Вы предварили ее что она его увидитъ?

— Да, я ей сказалъ.

— Хорошо сдѣлали... А когда онъ пріѣдетъ, надо будетъ опять приготовить ее къ этому, дать ей время освоиться съ мыслью что она его увидитъ сейчасъ. Я надѣюсь что сойдетъ

совершенно благополучно... Сколько мнѣ извѣстно по крайней мѣрѣ, счастье nikого не убивало! засмѣялся онъ въ замѣчаніе, спускаясь по лѣстницѣ съ княземъ въ бельэтажъ.

Аглая Константиновна ждала ихъ въ своихъ внутреннихъ алпартаментахъ. Зяблицъ, увидѣвъ входившихъ, тотчасъ же исчезъ (онъ постоянно, когда только могъ, избѣгалъ находиться въ обществѣ князя Ларіона).

— Eh bien, cher docteur? заголосила она, идя на встрѣчу Овера.

— Eh bien, princesse, началъ онъ съ оника,—ваша дочь страдаетъ серьезно сердцемъ, а чтобъ избѣжать могущихъ произойти отъ этого... весьма печальныхъ послѣдствій, надо прежде всего устранить тѣ моральныя причины которыя вызвали, напримѣръ, ся третьягодняшній припадокъ... Я не имѣю права вмѣшиваться въ семейныя дѣла и тайны, но почитаю своимъ долгомъ медику предупредить васъ что исцѣленія княжны можно ожидать единственно тогда quand elle se sentira moralement satisfaite et heureuse, примолвилъ онъ для большаго эффекта на нее по-французски.

Аглая растерянно захолопала глазами.

— Mais mon Dieu, cher docteur, je ne pense qu'à son bonheur! слезливо пролепетала она, испуганно косась въ то же время на князя Ларіона, безмолвно, не сядя съ стоявшаго противъ нея и глядѣвшаго на нее неотступнымъ, прожигавшимъ ее взглядомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, княгиня, возразилъ Оверъ со всею свойственною ему свѣтскою любезностью,—какъ и не сомнѣваюсь въ томъ что вы для счастья вашей дочери желаете того же самаго чего и она желаетъ... Въ противномъ случаѣ, повторяю, ни за что поручиться нельзя!

— Mais il faut la traiter contre son mal, cher monsieur Auvert! испуганно вскрикнула на это умная маменька,—я знаю что вы сами не можете à cette distance, mais je vous supplie прислать намъ изъ Москвы хорошаго доктора, который все время былъ бы при ней... Je ne me fie pas du tout à ce vieux monsieur, котораго Богъ знаетъ откуда взяли, et dont ma fille s'est engouée...

Глухость этой женщины начинала раздражать Овера.

— Объ этомъ мы уже уговорились съ княземъ, beau-frère'омъ вашимъ, перебилъ онъ ее:—завтра же я вамъ вышлю изъ Москвы одного изъ моихъ ассистентовъ, даровитаго и уже

опытнаго молодого человека... Но я долженъ вамъ сказать еще разъ, княгиня, что ни онъ, ни я, никакой врачъ въ мірѣ не въ силахъ принести ей пользы, если прежде всего не будутъ отстранены тѣ моральные поводы которые привели дочь вашу къ настоящему ея состоянію... Еще такой обморокъ—и ничто уже пожалуй не будетъ въ состояніи вернуть ее къ жизни, предвараю васъ! Если ея домашнимъ угодно принять на себя отвѣтственность за такой исходъ дѣла—воля ихъ, но медицина во всякомъ случаѣ умываетъ себя въ этомъ руку!..

Онъ сухо поклонился ей, и обратился ко князю Ларіону:

— А за симъ позвольте, любезный князь, напомнить вамъ ваше обѣщаніе отпустить меня какъ только минуетъ во мнѣ надобность... Я бы хотѣлъ хоть къ раннему утру завтра вернуться въ Москву, чтобы не опоздать къ пріему больныхъ...

— Я велѣлъ ужъ запрягать, отвѣтилъ тотъ, пройдемте ко мнѣ пока.

Оверъ еще разъ поклонился княгинѣ, которая была до того поражена тѣмъ что выслушала отъ него что не въ состояніи была вымолвить слова, и только руку потянула ему съ мѣста на прощанье, между тѣмъ какъ отъ испытаннаго ею ужаса крупныя капли испарины выступили изъ всѣхъ поръ ея жирнаго и тулаго лица,—и вышелъ съ княземъ Ларіономъ.

Аглая долго не могла придти въ себя. Въ первый еще разъ сознавала она себя притиснутою къ стѣнѣ, лишенною всѣхъ тѣхъ средствъ обойти, солгать, обмануть которыми орудовала она до сихъ поръ въ борьбѣ ея съ чувствомъ дочери и авторитетомъ ненавистнаго ей девера, и надѣялась въ будущемъ достигнуть „полнаго исполненія желаній“... Этотъ московскій „prince de la science“, котораго „всѣ тамъ знаютъ“ и который „будетъ всѣмъ тамъ объ этомъ разказывать“, онъ прямо сказалъ ей теперь что за всякія „печальныя послѣдствія“ которыя могутъ быть съ Линою „отвѣтственность должна лежать на ея домашнихъ...“ „Домашніе—c'est moi, разсуждала Аглая,—parceque Larion et Lina ne font qu'un!..“ Она конечно жалѣла о болѣзни дочери и боялась за нее, но слово „отвѣтственность“ болѣе всего пугало ее. „On dira des horreurs de moi en cas d'accident, que Dieu nous en préserve!“ съ ужасомъ повторяла она мысленно. Да, но

тогда „la comtesse, le jeune comte qui a tout pour lui, l'oncle premier favori, la Cour où Lina ferait si bien,“ всѣ эти забытые планы ея и лучшія мечты, все это надо было забыть, вычеркнуть, признать оконченнымъ, погибшимъ навсегда. Въмѣсто Петербурга съ его дворомъ и гранмондомъ, „ce trou de Moscou,“ вмѣсто „jeune comte“—„un petit monsieur de rien du tout;“ вмѣсто того чтобы попасть въ министерши un jour, дочери ея предстоитъ сдѣлаться „Frau Professorin, comme on dit en Allemagne!“ О позоръ, о горе неасходное! Сердце благородной дочери цѣловальника Раскаталова обливалось кровью думая объ этомъ.

„Que faire, mon Dieu, que faire?“ повторяла она себѣ, мечась по дивану своего ситцевого кабинета и не находя себѣ на немъ мѣста. Еслибы только она могла надѣяться что Лина скоро выздоровѣетъ... Но нѣтъ, „prince de la science“ еѣ прямо сказалъ что выздоровленіе Лины зависитъ отъ удовлетворенія ея желаній, „с'est à dire de son mariage avec ce petit monsieur,“ перевела это на реальный языкъ своей Аглаа. А впрочемъ, освѣтила ее вдругъ одна изъ тѣхъ счастливыхъ мыслей въ обрамленіи которыхъ не разъ уже встрѣчался читатель въ теченіе этого длиннаго повѣствованія,—si ce monsieur Auvert exagérait... et mentait même, pour faire plaisir à mon cher beau-frère?..

И вслѣдъ за счастливою мыслью уже цѣлый планъ дѣйствій начиналъ созидаться въ многотумной головѣ ея. Она прежде всего „привлечетъ на свою сторону“ того доктора котораго Оверъ долженъ прислать имъ изъ Москвы; она „общаетъ ему mille roubles“, чтобъ онъ сказалъ ей только „la vraie vérité“ насчетъ здоровья Лины, дастъ ему „еще други mille“ если онъ общаетъ вывѣстить ее независимо отъ всѣхъ тѣхъ „causes morales dont parle ce monsieur Auvert въ угоду князю Ларіону“... Что касается этого „petit monsieur“ въ котораго Лина „а eu le malheur влюбиться“, то она про него ни слова не будетъ говорить „pour ne pas aggraver l'état de la malade.“ Но вѣдь онъ сосланъ въ дальнія страны, „откуда его скоро не выпустятъ“, и потому бояться его въ настоящую минуту нечего, а пока онъ еще вернется Лина успѣетъ выздоровѣть „et deviendra plus raisonnable, надо надѣяться“...

Остановившись на такомъ мудромъ соображеніи Аглаа облегчила себя вздохомъ полною грудью, и отложивъ вѣрѣ

которымъ все время лихорадочно обмахивала свое вспотѣвшее лицо, схватила со стола колокольчикъ и зазвонила.

— Попросить сейчасъ ко мнѣ Евгенія Вла... обратилась она было къ показавшемуся въ дверяхъ камердинеру, и не договорила.

— А я васъ осмѣляюсь попросить отаожить это на полчаса! молвилъ входя на эти слова князь Ларіонъ.

Финогенъ тотчасъ же исчезъ. Аглая Константиновна ёрзула пугливо на своемъ диванѣ, предчувствуя „une scène affreuse“...

Князь остановился предъ нею.

— Вы слышали что сказалъ докторъ? тихо и медленно проговорилъ онъ.

— Да, Larion, certainement, я слышала...

— И что же полагаете вы теперь дѣлать?

— Mon Dieu, Larion, залелетала она,—я право не знаю... но я думаю qu'il exagère beaucoup, и особенно quant aux causes du mal. Вы помните что у Лины были такіе же припадки въ Ниццѣ...

— Вызванные совершенно однородными причинами, досказалъ князь Ларіонъ:—то-есть такими же „моральными“ страданіями, тоской по умершемъ отцѣ... Впрочемъ, если вамъ недостаточно авторитета Овера, никто вамъ не мѣшаетъ выехать сюда на консультацію хоть цѣлый медицинскій факультетъ изъ Москвы. Я же вполне довѣряю его словамъ, и стоить только взглянуть на Hélène чтобы убедиться насколько они вѣрны. А такъ какъ вы слышали какими средствами можно способствовать ея излеченію, то, я предваряю васъ, и сообщилъ Hélène что она черезъ нѣсколько дней увидится съ молодымъ человекомъ... котораго она любитъ, такъ бы съ некоторыми усиліемъ договорила онъ.

Аглая такъ и вспрыгнула.

— Mais il est exilé, ce jeune homme! выткнула она расширивъ вопросительно и растерянно зрачки, удивленные на деверя.

Онъ усмѣхнулся презрительно и желчно.

— Да, вы на это надѣялись, кажется, и ваши петербургскіе друзья устроили эту штуку такъ что невиннаго человека чуть было въ самомъ дѣлѣ не отправили въ Азію... Но мы все же не Турція, слава Богу, и производству есть мѣра! Гундурова послали воротить, и онъ будетъ у себя завтра или

послѣзавтра... И благо что этимъ кончилось! вскрикнувъ раздраженнымъ голосомъ князь Ларіонъ:—потому иначе я твердо положилъ вернуться тотчасъ же въ Петербургъ и поднять тамъ такую исторію отъ которой имъ не одобровать бы, какъ они ни почитаютъ себя сильными!..

Агаая, усиленно и трепетно дыша, такъ и прижалась въ уголъ своего дивана.

„Il est revenu plus fort que jamais en Cour, Larion“ объяснила она себѣ тотчасъ же мысленно владычній и рѣшительный тонъ этой выходки.

Князь прошелся раза два по комнатамъ, и подходя опять къ ней заговорилъ уже болѣе спокойно, но съ тою же рѣшительностью выраженія:

— Вы видите изъ этого что вамъ предстоитъ теперь одно изъ двухъ: или согласиться на желанія вашей дочери, или принять на себя окончательно отвѣтственность за... за ея смерть. Выбирайте!

Нѣжная маленька замаяхала неистово руками, кинула лицомъ внизъ въ свои подушки, и зарыдала во всю глотку:

— Дѣлайте что хотите! Je suis la plus malheureuse des mères!..

Князь Ларіонъ глянулъ на нее съ невыразимою неясностью:

— Вотъ какъ разъ для васъ время теперь посылать и вашимъ утѣшителемъ! словно вырвали оны изъ устъ, повернулся и вышелъ.

CIX.

Прошло двое сутокъ. Князь Ларіонъ только что вернулся со своей утренней прогулки, когда ему доложили о пріѣздѣ Ашанина.

— Здравствуйте! сказалъ онъ идя ему на встрѣчу;—вы изъ Владиміра? Когда пріѣхали?

— Сегодня въ ночь.

— Въ Сашино?

— Да!

— Что.... вашъ пріятель?...

Молодой человѣкъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ посмотрѣлъ глаза на вопрошавшаго.

— Онъ здѣсь, князь, проговорилъ онъ вполголоса.

— Какъ здѣсь!... Вы дали мнѣ честное слово за него что онъ не явится сюда прежде чѣмъ не получить на то моего дозволенія?

— Онъ и не явится, живо возразилъ Ашанинъ:—но вы сами поймете какъ невыносимо было бы для него, зная что было съ княжной, ожидать въ Сашинѣ пока я привезу ему извѣстіе о ней отсюда. Онъ пріѣхалъ со мною чтобъ узнать скорѣе....

— Гдѣ же онъ? перебилъ его князь.

— Я его выпустилъ на седѣ, откуда онъ долженъ былъ пройти въ садъ, и тамъ ждать меня въ гротѣ надъ рѣкою гдѣ его никто не увидитъ.

Князь Ларіонъ чуть-чуть усмѣхнулся.

— Въ надеждѣ что я положу гнѣвъ на милость, сказалъ онъ, — и найду возможнымъ дозволить ему сегодня же увидаться съ Hélène?

— О, князь, воскликнулъ пріятель Гундукова, — какъ онъ счастливъ былъ бы!... На него смотрѣть больно: онъ не спитъ, не ѣстъ вотъ уже пятый день....

Князь Ларіонъ повелъ на него мелькомъ своими влажными глазами; губы его сложились въ какую-то бодръзвенную, горькую улыбку. „Меня этимъ не удивишь!“ словно говорила она.

— А что княжна, какъ? участливо спрашивалъ между тѣмъ Ашанинъ.

— Ей какъ будто лучше.... По наружности и совсѣмъ лучше; она ходитъ, даже выходитъ.... Вчера она довольно долго гуляла по саду....

— А *духомъ* какъ? спросилъ Ашанинъ, понижая безсознательно голосъ.

— Бодра.... или сидитъ казаться такою, — князь Ларіонъ вздохнулъ;—ждетъ! примолвилъ онъ черезъ мигъ.

— Его ... Гундукова?

Князь не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, и сжавъ брови глянулъ въ сторону. !

— Препятствія со стороны Аглаи Константиновны, кажется, отстранены, сказалъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Какое счастье! радостно вырвалось изъ устъ Ашанина, и онъ сіяя благодарнымъ взглядомъ глянулъ на своего собесѣдника.

Тотъ еще разъ не отвѣтилъ ему, и принялся, все такъ же

щуясь на сторону, за обычное ему хожденіе вдоль оконъ своего обширнаго кабинета.

Молодой человекъ машинально слѣдилъ за нимъ глазами, нетерпѣливо ожидая продолженія разговора.

Князь остановился посреди комнаты и поднялъ глаза къ потолку, какъ бы разглядывая на немъ что-то или прислушиваясь.

— Она встала и одѣта, молвилъ онъ,—у нея заходили (кабинетъ и спальня княжны приходились какъ разъ надъ библіотекой служившею ему кабинетомъ). Я схожу къ ней, а вы погодите меня здѣсь! обрывисто прибавилъ онъ, направляясь къ дверямъ маленькой лѣстницы, которая изъ его लोकова вела прямо въ ту часть верхняго этажа гдѣ находились комнаты княжны.

Выйдя на эту лѣстницу онъ услышалъ шумъ шаговъ кого-то спускавшагося по ней съ верхняго этажа. Князь Ларіонъ прищурившись поднялъ глаза.

Крѣпко прильнувъ къ желѣзнымъ периламъ одною рукою, а другою придерживая на груди полы своей рясы, сходилъ тщедушнаго вида маленькій, съ рѣденькими волосами на головѣ и такою же жидкою бородой, священникъ... За нимъ шелъ старикъ-смотритель, очевидно провожая его.

Князь былъ такъ пораженъ что не въ силахъ былъ произнести слова. Онъ остановился на ступенькѣ съ широко, испуганно открытыми глазами.

Священникъ, низко кланяясь и косаясь на него такими же испуганными отъ робости глазами, торопливо проскользнулъ мимо него внизъ.

— Что это? остановилъ этимъ вырвавшимся у него восклицаніемъ князь Ларіонъ сходявшаго вслѣдъ Юшкова.

— Отецъ Іоаннъ... прихода здѣшняго, пробормоталъ тотъ нетвердо.

— Для чего онъ?..

— Княжна пожелала, молвилъ онъ еще тише.

Князь Ларіонъ схватилъ его за руку.

— Пойдемте! безсознательно проговорилъ онъ, увлекая его съ собою по ступенькамъ.—Что съ ней, дурно! молвилъ онъ, останавливаясь на верхней площадкѣ и осиливая первый порывъ тревоги.

— Нѣтъ, князь, не замѣтно... не видать... А только пожелала, объяснялъ старикъ:—рано утромъ сегодня, шестаго въ

началъ, послала ко мнѣ горничную разбудить меня что княжѣ молъ очень нужно видѣть... Я, само собою, послѣшила... Она, совсѣмъ одѣтая, ожидаетъ меня, извиняется,—просто даже больно слушать такіа извиненія, ваше сіятельство, потому что для нея, кажется, готовъ бы всю душу... Только говоритъ она мнѣ что вотъ Успенскій постъ насталъ, что она говѣть собиралась, а тутъ съ ней этотъ припадокъ случился, и слаба стала, въ церковь не въ силахъ ѣздить, а только что очень хотѣлось бы ей Святыхъ Таинъ приобщиться. И проситъ меня сейчасъ же за отцомъ Іоанномъ сходить,—но только, говоритъ, чтобы никто этого не зналъ, потому что если дойдетъ до дяди и тата, они перепугаются, пойдутъ разспросы... А мнѣ, говоритъ, хуже отъ этого будетъ!.. И даже прибавила: „а мнѣ силъ нужно сегодня и чтобы спокойна я была духомъ...“

Онъ оборвалъ вдругъ, и со внезапнымъ смущеніемъ поднялъ глаза на князя, какъ бы только теперь сообразивъ все что было тревожнаго въ переданномъ имъ.

Князь Ларіонъ съ подрагивавшими судорожно губами уставился на него въ свою очередь.

Прошло довольно долгое молчаніе.

— Что же теперь къ ней можно? спросилъ наконецъ князь.

— Можно, ваше сіятельство. Мы какъ уходили отъ княжны съ отцомъ Іоанномъ, такъ къ ней, я видѣлъ, по корридору докторъ шелъ...

— Такъ пойдемте...

— Князь Ларіонъ Васильевичъ, только ужъ позвольте просить васъ, говорилъ, запинаясь и двигаясь за нимъ смотри-тель,—не показывать княжнѣ виду что вы объ этомъ узнали. Она меня такъ объ этомъ просила, и съ горничной своей взяла слово никому не говорить, и отца Іоанна провелъ я изъ сада по этой лѣстницѣ, такъ что никто не видалъ его...

— Будьте покойны!...

Лина сидѣла за чайнымъ столомъ съ докторомъ Рудневымъ, блѣлымъ, еще молодымъ человѣкомъ, съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ (онъ только наканунѣ утромъ пріѣхалъ изъ Москвы), и разказывала ему что-то.

— А вотъ и дядя! вскрикнула она, увидавъ входящаго князя;—здравствуйте, uncle; вы, кажется, у меня еще никогда чаю не пили? Позвольте предложить вамъ какъ хозяѣка....

На лицѣ ея игралъ румянецъ, лазоревые глаза горѣли какими-то искристыми брызгами.

— Ты очень оживлена, Нелѣне. Какъ вы находите ее сегодня? обратился къ доктору князь Ларіонъ, стараясь придать голосу своему самую ровную, спокойную интонацію.

— Ничего, улыбнулся тотъ, — княжна очень крѣпко, хотя и не долго спала, говоритъ. Пульсъ — позвольте ручку, княжна! — нѣсколько сильнѣе противъ вчерашняго, но вчера онъ былъ слабѣе противъ нормальнаго, такъ что въ этомъ надо видѣть хорошій признакъ....

— Да, мнѣ сегодня хорошо, очень хорошо! молвила послѣдняя Лина, глядя на дядю неотступнымъ и пронизающимъ взглядомъ, производившимъ на него жуткое, тяжелое впечатлѣніе.

Разговоръ какъ бы оборвался на этомъ словѣ. Смотрители и Рудневъ послѣдили допить свои чашки, поклонились молодой хозяйкѣ и вышли.

Она ихъ не удерживала.

— Once, прошептала Лина, какъ только остались они вдвоемъ, перегибаясь къ нему черезъ столъ, — онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь?...

— Почему ты думаешь? спросилъ князь невольно вздрогнувъ.

— Я чувствую... я вижу... Это у васъ на лицѣ написано, дядя! быстро промолвила она какъ бы въ объясненіе.

— Да, онъ пріѣхалъ, сказалъ онъ не сейчасъ.

— И здѣсь! настоятельно повторила Лина.

— Да.... Но я его еще не видѣла! ошеломившимъ прибавить князь.

— Дядя!... проговорила она только.

Его что-то словно рѣзнуло по сердцу, но онъ тотчасъ же осилилъ въ себѣ мгновенный отзвукъ чувства, представившагося ему теперь чѣмъ-то чуть не святотатственнымъ.

— Ты желаешь видѣть его, Нелѣне? съ тихою улыбкой сказалъ онъ.

Она только головой повела.

— Но довольно ли ты сильна для этого, не произведетъ ли это на тебя слишкомъ сильнаго впечатлѣнія?

— Я каждый день молила Бога объ этомъ, отвѣтила она съ какимъ-то сосредоточеннымъ движеніемъ бровей, — вы видите, я дождала.... Я готова...

— Да, вспомнились князю Ларіону слова сказанныя ему

Оверомъ: „счастье еще никогда никого не убивало“.—Погоди же, молвилъ онъ громко,—господинъ Ашанинъ сидитъ у меня въ кабинетѣ, ты позволишь мнѣ послать за нимъ?

— Я буду очень рада, once, я его очень люблю!

— Гдѣ звонокъ къ твоей горничной?

Появившейся на этотъ звонокъ Глашѣ князь приказалъ сбѣгать къ нему въ локоп и пригласить находившагося тамъ молодаго человѣка ко князю.

Ашанинъ вошелъ въ комнату весь раскраснѣвшійся и запылавшійся отъ слѣха съ которымъ несли снизу по лѣстницѣ.

Она привѣтствовала его дружескою улыбкой.

— Ну, вотъ и вы, молвила она,—и все хорошо, не правда ли?

— Все хорошо, Елена Михайловна, если только вамъ хорошо! отвѣчалъ онъ, весело подавая ей знакъ глазами что онъ понялъ ее, понималъ все, и что „ихъ Сережа“ тутъ, и только ждетъ минуты войти въ эту самую дверь въ которую онъ только что вошелъ.

Она его поняла тоже, и на мигъ, показалось ему, въ глазахъ ея сказалось опять то загадочное, злобѣщее выраженіе которое такъ пугало его въ нихъ на другой день послѣ ея обморока.

Но она тутъ же улыбнулась еще разъ и обернула голову къ сторону дяди, какъ бы ожидая теперь его слова.

Онъ обернулся въ свою очередь.

— Гдѣ же ваше пріятель таетъ? спросилъ онъ молодаго человѣка, налагивъ себѣ на губы ироническій тонъ.

— Въ гротъ, надъ самою рѣкой, засмѣялся широко тотъ,—чтобъ отправиться въ нее головой внизъ, если вы не смилуетесь надъ нимъ, ваше сіятельство!

Князь Ларіонъ чуть-чуть повелъ бровями, и взглянулъ на лакея.

— Такъ пригласить его сюда, Hélène?

— Пригласите, дядя! пролетѣла она съ загорѣвшимся взглядомъ.

СХ.

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin d'un beau jour....

A. Chénier.

Гундуровъ, шагая объ руку съ Ашанинымъ по пути отъ рѣки къ дому, испытывалъ ощущенія существа у котораго въ одно и то же время выросли бы крылья за плечами и очутились бы пудовыя гири на ногахъ. Онъ хотѣлъ летѣть—и не могъ. Сердце рвалось къ безумной, безконечной радости, и тутъ же замирало.... „Прелятствія со стороны княгини устранимы“, сообщилъ ему сейчасъ Ашанинъ, но что-то колющее, язвительное, мертвящее словно винтило внутри его, словно шептало въ какомъ-то израненномъ углу его мозга что отстранены они лишь потому что „все равно“, что „счастья ему все-таки не видать“, что она... Дрожь проникала его, въ глазахъ двоилось при этой страшной мысли, ноги подкашивались подъ его изнуреннымъ пятидневною бессонницею туловищемъ. Онъ ажно, судорожно, ждалъ минуты свиданія съ нею, и боялся, и вздрагивалъ, и замедлялъ бессознательно шаги.

— Что же ты, Сережа, говорилъ ему Ашанинъ, прижимая крѣпче локтемъ его локоть, — усталъ что ли такъ, или испугался предъ входомъ въ рай?

— Очень она перемѣнилась, скажи? въ десятый разъ спрашивалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да нѣтъ же, говорятъ тебѣ, нѣтъ! Сегодня ей даже значительно, замѣтно лучше. И совсѣмъ то лицо, тотъ художественный обликъ какой былъ у нея, помнишь, въ третьемъ дѣйствіи *Гамлета*, въ сценѣ съ тобою, гдѣ была она такъ прелестна, примолвилъ Ашанинъ.

О, какой зудящей, до сихъ поръ не зажитой раны коснулся неосторожно красавецъ этимъ напоминаніемъ! Гундуровъ весь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ мгновенно набѣжали, и также мгновенно исчезли краски.

— Нѣтъ, не можетъ быть, неужели все *оттуда* идетъ?... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! глухимъ и прерывающимся голосомъ вскрикнулъ онъ, увлекаая теперь за собою пріятеля, который, занятый въ ту пору собственною эполесей съ

Ольгой Еллидифоровной, не владѣлъ достаточно вниманіемъ чтобы вникнуть въ интимную драму разыгрывавшуюся между Гундуровымъ и княжной въ упомянутой имъ сейчасъ сценѣ, и приписывалъ поэтому теперь вырвавшіяся у Сергія слова какому-то горячечному припадку.

— Не налугай ты княжну, ради Бога! говорилъ онъ ему, избѣгая за нимъ на лѣстницу, и пугаясь теперь въ свою очередь.

Гундуровъ остановился передохнуть въ корридорѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ комнаты Лины, и прислонился къ стѣнѣ, боясь уласть отъ усталости и волненія.

Дверь этой комнаты отворилась; изъ нея вышелъ князь Ларіонъ.

— Здравствуйте Сергѣй Михайловичъ, очень радъ васъ видѣть, промовилъ онъ, протягивая ему руку; — войдите, Hélène васъ ждетъ!

Онъ пропустилъ его мимо себя, затворилъ за нимъ дверь и обращаясь къ Ашанину стоявшему тутъ же:

— Пойдемте покурить по сосѣдству, какъ бы уронилъ онъ, направляясь къ бывшей комнатѣ Надежды Федоровны.

Гундуровъ переступилъ черезъ порогъ, усиленно сдерживая трелетъ прожимавшій всѣ его члены, приказывая себѣ смотрѣть твердо и спокойно.

Его точно ослѣпило солнечнымъ лучомъ въ первую минуту. Онъ на мигъ прижмурилъ глаза, открылъ ихъ опять. Прямо предъ нимъ, привставъ съ кресла, словно готовясь летѣть къ нему, стояла Лина, озаряя его всего блескомъ своихъ лазоревыхъ, жадно устремленныхъ на него глазъ, съ невыразимо счастливою улыбкой на заалѣвшихъ устахъ.

Всю жизнь свою потомъ не могъ онъ забыть этотъ взглядъ, эту улыбку.

— Вы... вы, наконецъ!... пролепетала она, опускаясь снова въ кресло.

Онъ кинулся къ ней....

Лицо ея сіяло... Она протянула ему руку.

Вся тревога, страхъ, все что наполняло душу его суевѣрною, невыносимою мукой за мгновеніе предъ этимъ, все это разомъ исчезло, стояло теперь какъ лѣта „горныхъ рѣкъ вытекающихъ въ стель“, по выраженію поэта... * Вериги

* Полонскій.

спали; какъ птица небесная несясь онъ теперь на вольныхъ крыльяхъ въ самую глубь лазури, въ голубыя поля надежды счастья, доверья.

Онъ схватилъ эту протянутою ему руку, нагнулся глядя ей всеми глазами въ глаза... и очутился у ногъ ея.

Что происходило у нея на душѣ? Кто это скажетъ? Но и она отдавалась, хотѣла отдаваться вся блаженству этой минуты. И она забывала въ эту минуту все что тамъ, глубоко внутри ея, рокотало глухимъ, роковымъ звукомъ обихомъ, близкомъ, ожидающемъ ее... Онъ смолкъ теперь, она заставила его смолкнуть, этотъ роковой, могильный голосъ. Она опять какъ въ тѣ дни, предъ прїѣздомъ Анисьева, хотѣла жить, жить хоть бы только этотъ краткій мигъ, но исчерпавъ въ немъ все блаженство какое лишь способна давать земная жизнь.

Она, въ свою очередь, не сводила съ него глазъ.

— Какъ вы блѣдны, худы!... Вы изстрадались изъ-за меня, блѣдный? тихо говорила она.

— А вы сами развѣ не... Онъ не осмѣлился договорить.

— Да, изъ-за васъ... и я! молвила она, какъ бы радуясь этому страданію изъ-за него.

Его охватила и понесла неотразимая волна.

— Вы моя... навсегда? прошепталъ онъ, прижимаясь горячими губами къ ея тонкимъ, блѣднымъ пальцамъ.

— Да, ваша... Въ этой жизни, и въ вѣчной, такъ же тихо произнесла она, торопливо надъ его наклоненною головою отирая свободною рукой выступившія у нея внезапно слезы.— А что наша милая тетя? послѣшила она тутъ же спросить, улыбаясь опять, заставляя опять смолкнуть злобвщій голосъ прорывавшійся изъ тайника ея души.

Онъ поднялся, сѣлъ подавъ нея, не выпуская руки ея изъ своей, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ. Они заговорили... То были тѣ слова, тѣ рѣчи которыхъ „значение темно иль ничтожно“, но выше и слаще которыхъ нѣтъ на чловѣческомъ языкѣ.

Такъ прошло болѣе часа.

— Не довольно ли на сегодня? молвилъ имъ князь Ларіонъ, входя въ комнату съ Ашанинымъ, съ которымъ они тѣмъ временемъ успѣли раза два обойти кругомъ сада.— Не правда ли, Нелѣне? Ты рано встала сегодня, утомиться можешь...

Она и Гудуровъ взглянули на него какъ съ просонья...

Этотъ голосъ дѣйствительно будилъ ихъ ото сна, отъ того лучезарнаго ея молодой любви который лишь разъ въ жизни снится на землѣ человѣку, и проносится предъ нимъ какъ мимолетный отблескъ, быть-можетъ, его первоначальной, небесной родины.

Ни Гудуровъ, ни Лина не отвѣчали на слова князя.

— И Сергѣю Михайловичу надо отдохнуть, настаивалъ князь между тѣмъ: — онъ нѣсколько ночей сряду не спалъ. Уѣзжайте къ себѣ, Сергѣй Михайловичъ, отдохните хорошенько, и возвращайтесь завтра. Я предварю о вашемъ приѣздѣ Агаю Константиновну, значительнымъ тономъ добавилъ онъ.

Гудуровъ понималъ что оставалось еще окончательно уломать княгиню, а что онъ пока допущенъ лишь контрабандой въ Спцкомъ. Онъ вздохнулъ, уныло взглянулъ на Лину и поникъ головой.

Лина страшно любилась вдругъ. Она словно вся приковалась неподвижными зрачками къ лицу Сергѣя. Мучительная борьба изображалась на ея собственномъ лицѣ. Мгновенная буря словно смела съ него разомъ теперь весь цвѣтъ все обаяющее оживленіе жизни; выраженіе какой-то леденящей тоски и страха пробѣгло теперь въ этихъ тонкихъ, въ этихъ вѣжныхъ чертахъ... „За что, за что?“ словно вырывалось изъ глубины души ея наружу.

Но она превозмогла себя еще разъ. Вѣки ея олустились; она приподняла руку, и уронила ее олять.

— Да, такъ лучше, прошептала она чуть слышно: — уѣзжайте, отдохните... вамъ силы нужны...

Онъ безмолвно, растерянно глядѣлъ на нее... повелъ глазами въ сторону князя, встрѣтился съ его глазами, настойчиво требовавшими чтобъ онъ уходилъ, уходилъ скорѣе.

— Прощайте, Елена Михайловна, до свиданія! пробормоталъ онъ, наклоняясь поцѣловать ей руку.

Она какимъ-то стыдливо-любовнымъ жестомъ занесла ему другую руку на плечо, прильнула блѣдными губами къ его лбу и, оторвавшись отъ него, проговорила надъ самымъ его ухомъ:

— Молитесь за меня... Я за васъ не перестану молиться...

Онъ испуганно, со страшнымъ біеніемъ сердца подвигалъ на нее глаза.

Но она уже улыбалась своею обычною, тихою улыбкой.

— Да, вы измучились, вамъ отдохнуть надо. Уѣзжайте!

— Я привезу его вамъ завтра свѣжимъ какъ роза, княжна, вѣшался Ашанинъ, подходя и продѣвая руку подъ руку Гундурова.

— Завтра, да.... завтра! повторила она черезъ силу. Губы ея дрожали.

— Ну, и довольно, Сережа, пойдемъ!

И Ашанинъ почти силой уваетъ пріятеля изъ комнаты.

Лина откинулась въ спинку своего кресла и съ глухимъ рыданіемъ закрыла глаза себѣ платкомъ.

Князь Ларіонъ кинулся къ двери за которую только что вышли наши друзья, притворилъ ее, и послѣднѣе вернулся къ ней.

— Тебѣ дурно, Нелѣне? Я говорилъ.... мнѣ не нужно было, не нужно пускать его сюда!

— Нѣтъ, дядя, ничего, пройдетъ.

Она скоро успокоилась, отняла платокъ, повела на него мутными, какъ бы слепавшимися глазами.

— Тебѣ нехорошо... я сейчасъ доктора позову! вскрикнулъ онъ.

— Не надо, мнѣ ничего.... напротивъ... мнѣ только очень спать захотѣлось, дядя.

— Стулай, я пошлю тебѣ горничную...

— Нѣтъ, здѣсь хорошо, въ креслѣ, совсѣмъ уже соннымъ голосомъ говорила она.

— Такъ положить тебѣ, по крайней мѣрѣ, подушку подъ голову?

— Да, спасибо, oncle!

Она уложила руку на приставленную имъ къ углу кресла подушку, прижалась къ ней щекой,—и тутъ же уснула.

Онъ олустился на близъ стоявшій стулъ, уперся локтями въ колѣни, и погрузился въ это спящее, прелестное лицо неотступными и помертвѣлыми отъ внутренней муки глазами.

CXI.

А Аглая Константиновна въ это время переживала свое послѣднее разочарованіе. Надежды которыя она возлагала на прибывшаго изъ Москвы доктора окончательно рушились. Пригласивъ его къ себѣ во внутренніе апартаменты, она весьма пространно и весьма залутанно начала объяснять ему

что, по ея мнѣнію, болѣзнь дочери, которая страдала сердцемъ когда онѣ еще жили въ Ниццѣ, нисколько не зависитъ отъ тѣхъ какихъ-то „моральныхъ причинъ“ которыми этотъ monsieur Auvert veut bien объяснять ихъ теперь, и что, ей кажется, каждая болѣзнь должна быть лѣчима какъ это слѣдуетъ, то-есть лѣкарствами и другими средствами, между тѣмъ какъ се monsieur Auvert никакихъ лѣкарствъ не предписалъ, а только говорилъ объ этихъ causes morales, которыя совсѣмъ не дѣло доктора, а принадлежатъ къ secrets de famille, въ которые постороннимъ не слѣдуетъ вмѣшиваться“, а потому она проситъ его, Руднева, „сказать ей настоящую правду, можетъ ли онъ взять на себя лѣчить Лину просто, безо всякихъ этихъ хитростей, которымъ она не вѣритъ, потому что знаетъ откуда онѣ идутъ“ (тутъ разумѣлся, само собою, князь Ларіонъ, подговорившій или подкулившій, по ея понятіямъ, Овера изъ злости къ ней, Аглаѣ, съ цѣлью противодѣйствія ея планамъ относительно замужства ея дочери), и что за эту „правду“ она „съ большимъ удовольствіемъ готова ему дать mille roubles хотъ сейчасъ же.“ На это молодой врачъ, весь вспыхнувъ, весьма рѣшительно и рѣзко объявилъ ей что то чѣмъ страдаетъ княжна—не нарывъ на пальцѣ или жировая шишка, которые можно вылѣчить мазью или надрѣзомъ, что всякая внутренняя болѣзнь тѣсно связана съ условіями жизни больного, съ тѣми именно „моральными причинами“ о которыхъ говорилъ докторъ Оверъ, а тѣмъ болѣе такія страданія какъ страданія сердца, чувствительнѣйшаго изъ нашихъ органовъ, находящіяся въ прямой зависимости отъ этихъ условій и причинъ. „Это извѣстно каждому профану, заключилъ разгорячившись онъ,—а потому я въ вашемъ предложеніи, княгиня, вижу не только обиду для себя, но и какое-то намѣреніе съ вашей стороны, въ обсужденіе котораго я не вхожу, но участвовать въ которомъ я не намѣренъ, и предпочту лучше сегодня же покинуть вашъ домъ!“ Аглая страшно перепугалась и, облившись мгновенно слезами, принялась клясться и божиться что она ничего другаго не имѣла въ виду кромѣ „le bonheur de ma fille“, и готова все сдѣлать для этого, а потому умоляетъ доктора остаться и „лѣчить больную какъ онъ знаетъ“. По его уходѣ она тотчасъ же послала за Евгеніемъ Владиміровичемъ для обычнаго совѣщанія. Но „бригадъ“ напугалъ ее еще болѣе, сказавъ ей что докторъ весьма основательно

могъ заключить изъ ся предложенія и разговора съ нимъ что она довела свою дочь до серіозной болѣзни, и теперь хочет скрыть это, подкупая его деньгами, и что это можетъ сдѣлаться тотчасъ же извѣстнымъ всей Москвѣ.

— Mais c'est affreux, affreux! заволила Аглая, такъ и вспрыгнулъ на своемъ диванѣ.—Que faire, mon ami, que faire?...

— Доказать на дѣлѣ ему и всѣмъ что это неправда, протянулъ Зяблинъ своимъ сдобнымъ голосомъ,—и воспользоваться представляющимъ вамъ для этого случаемъ!

— Какимъ случаемъ, que voulez vous dire?

— Гундуровъ здѣсь, молвилъ „бригантъ“ съ нѣкоторою торжественностью.

Она привскочила другой разъ.

— Гунду... Déjà! Гдѣ онъ?...

— У княжны, къ которой привелъ его князь Ларіонъ Васильевичъ...

— Il l'a mené chez ma fille!...

— Вы дали ему на это полное право: вы сказали ему чтобы онъ дѣлалъ „какъ хочетъ“.

— C'est donc fini, fini! заголосила Аглая, роняя отчаянно руки и разражаясь новыми слезами.

— Да что же это наконецъ, княгиня, вскрикнулъ Зяблинъ, теряя всякое терпѣніе (а сколько его было у него съ этою умною женщиной про то могло бы сказать одно небо!),—ужели вы еще надѣялись послѣ всего что было навазать вашей дочери этого петербургскаго... молодца! Пора, кажется, понять что она умретъ скорѣе чѣмъ выйти за него!

— Je dois donc accepter ce petit monsieur pour mon beau-fils! злобно вскрикнула Аглая.

— Если вы не хотите чтобы съ вашею дочерью...

— Знаю, знаю! перебила она его съ желчнымъ хихиканьемъ,—и вы съ ними говорите заодно! Je n'ai personne pour me défendre!...

Зяблинъ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства и разбойничьимъ лицѣмъ поднялся съ мѣста.

— Если вы такъ принимаете мои слова, мнѣ ничего болѣе не остается какъ удалиться....

Она отчаянно замахала руками.

— Ну bien, ну bien, зовите его сюда, зовите, et que cela finisse!...

„Бригантъ“ медленными шагами вышелъ изъ кабинета,—и черезъ пять минутъ вернулся. За нимъ шла Лусгесе, съ которою онъ встрѣтился на лѣстницѣ.

— Она говоритъ что онъ уѣхалъ, промолвила онъ, кивая на полногрудую Церлину, и опускалась въ любимое свое кресло подлѣ дивана хозяйки.

— Господинъ Гундуровъ? Такъ точно, ваше сіятельство, залопотала немедленно та,—уѣхалъ сейчасъ, я сама видѣла. Съ господиномъ Ашанинымъ изволили уѣхать....

— Что же это значить? вскрикнула княгиня, изумленно разводя руками.

— Ничего этого я не могу знать, ваше сіятельство, возражала горничная,—потому что они... ни даже господинъ Ашанинъ, недовольнымъ голосомъ промолвила она,—ни съ кѣмъ въ домѣ кромѣ князя и княжны не говорили...

Аглая, вся покраснѣвъ, обернулась къ „бриганту“.

— On vient chez moi, dans ma maison, къ моей дочери отправляются, et l'on ne se donne même pas la peine de se présenter chez moi!... j'espère que la princesse Lina voudra bien s'expliquer ce que cela veut dire!...

И она гнѣвно поднялась съ дивана, намѣреваясь тотчасъ же идти къ дочери съ требованіемъ этой „экспликаціи“....

— Княжна уснула, послѣшила сказать явившаяся по-французски Лусгесе:—сейчасъ отъ нихъ вышли князь Ларіонъ Васильичъ, и наказывали Глашѣ чтобы къ нимъ кромѣ доктора никого не пускать.

Княгиня олустилась снова на мѣсто.

— Весь домъ теперь у меня вверхъ дномъ поставили! фыркнула она, сердито махнувъ рукой, и принимаясь тутъ же усиленно обмахивать себя вѣеромъ.

СХІІ.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный

Увялъ на утренней зарѣ, —

Потухъ огонь на алтарѣ!...

Пумкинъ.

Часу въ шестомъ въ комнату которую занималъ Василій Григорьевичъ Юшковъ въ верхнемъ этажѣ дома постучала горничная княжны, Глаша. Онъ послѣшилъ отворить дверь и вышелъ къ ней въ корридоръ.

— Я опять за вами, сказала она ему: — проснулись, просять васъ къ себѣ опять.

— Что, какъ ей?

— Ничего-съ... Сидятъ у окна, задумались очень, добавила со вздохомъ Глаша.

Лина такъ задумалась дѣйствительно что не слышала какъ онъ вошелъ къ ней, какъ приблизился къ самому ея креслу. Она глядѣла въ садъ пристальнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, словно уйдя всѣмъ существомъ своимъ въ эту тишь, и ширь, и свѣтъ сіявшей предъ нею подъ лучами солнца природы.

„Будто никогда не видѣла ея, или прощается съ нею навсегда“, пронеслось въ мысли старика, тревожно глядѣвшаго на нее. Ему стало жутко... Онъ сдѣлалъ еще шагъ и пристыкъ къ окну рядомъ съ нею.

— Вы почивали до сихъ поръ, Елена Михайловна? тихо спросилъ онъ.

Она вздохнула всею грудью, медленно повернула къ нему голову, по верху которой словно золотистымъ вѣнчикомъ бѣжала горячая полоска свѣта, и остановила на немъ глаза. Еще никогда не сіяли они такимъ глубокимъ... „уже не земнымъ“, показалось ему, блескомъ.

Она повела утвердительно головой внизъ.

— Я его опять видѣла, сказала она послѣ долгаго, томительнаго для него молчанія.

— Кого, княжна? вскрикнулъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Пала... Отца моего покойнаго, пояснила она.—Онъ мнѣ и ночью сегодня являлся... Онъ меня ждетъ.

— Ждетъ? повторилъ безсознательно Юшковъ.

— Да!.. Я умру сегодня, промолвила она твердымъ голосомъ. У него зазелѣнѣло въ глазахъ.

— Что вы, Елена Михайловна, что вы, Богъ съ вами!..

Все лицо ея озарилось улыбкой...

— Не страшно, нѣтъ!.. Тамъ хорошо... гдѣ онъ... Не страшно, Василій Грогорьевичъ, право!

— Княжна, придите въ себя, вы разстроены... Я позову сейчасъ доктора! бормоталъ вскакивая бѣдный Юшковъ, чувствуя какъ ужасъ охватывалъ всѣ его члены и силась вырваться изъ-подъ его гнета...

Она протянула къ нему руку:

— На что? Только мучить меня!.. Вы добрый, вы не захотите...

Онъ бессильно опустился снова въ кресло; большіе, зеленые круги забѣгали у него олять предъ глазами...

— Все равно, счастья бы не было, заговорила она, олять опуская голову и, какъ бы отвѣчая на какой-то не сдѣланный имъ вопросъ:—тамап никогда бы не простила.... дядя Ларіонъ, онъ не пережилъ бы... я знаю!.. Я бы все, за всѣхъ ихъ... мучилась... Счастья здѣсь нѣтъ! Его всѣ ищутъ... вотъ и графиня Воротынцева говорила мнѣ... и не найдутъ никогда... никогда! повторила она трепетнымъ и прерывистымъ шепотомъ;—здѣсь счастья нѣтъ... правда, Василій Григорьевичъ?...

Онъ сложилъ руки, едва сдерживая стоявшее у него у горла рыданіе.

— Елена Михайловна, родимая, голубушка моя, не говорите такъ!...

Она улыбаулась ему олять нѣжною, ласкающею улыбкой.

— Вы добрый... Но вы сами знаете... Въ Богѣ въ одномъ...

Она не договорила и повернула олять голову къ саду, пламенѣвшему подъ лучами вечерняго солнца. Цѣлая гамма птичьихъ голосовъ неслась изъ-подъ его зеленыхъ кущей, разлеталась въ воздухѣ лѣвучими струями...

Она долго, чутко прислушивалась къ нимъ... Старикъ глядѣлъ на нее, едва дыша.

„Офелія, Офелія!“ повторялъ онъ мысленно, охваченный внезапно какимъ-то мучительнымъ восторгомъ.

— Василій Григорьевичъ, сказала она вдругъ, и на длинныхъ рѣсницахъ ея росинки слезъ сверкнули подъ косымъ лучомъ солнца, — скажите мнѣ, прошу васъ, эти стихи, вы знаете: *Ich habe geliebt und gelebt*, вы говорили ихъ мнѣ по-русски...

— Въ превосходнѣйшемъ переводѣ Жуковскаго, княжна! добавилъ невольнo старый романтикъ.

— Да! Повторите ихъ мнѣ! прошу васъ.

Онъ опустилъ голову и началъ читать, медленно, благоговѣнно, со слезами въ горлѣ, со слезами въ глазахъ:

— Не узнавай куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ отъ міра перешла:
Мой другъ, я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила...

— „Любила и жила“, повторила она чуть слышно, подымая руки и нажимая глаза обѣими ладонями... И не отымая ихъ:— Василий Григорьевичъ, когда... когда все будетъ кончено... скажите ему, я не хотѣла чтобъ онъ былъ тутъ... Онъ такъ измученъ былъ, я не хотѣла чтобъ онъ видѣлъ... Ему жить надо! Онъ не забудетъ меня, я знаю... память моя убережетъ его отъ... Онъ вѣрить будетъ, вѣрить... до конца...

Она не докончила, и откинулась въ спинку кресла...

Въ широко раскрывшуюся дверь входилъ князь Ларіонъ, въ сопровожденіи доктора Руднева:

Увидавъ его, старикъ смотритель быстро поднялся съ мѣста, и устремилъ на него многозначительно глаза, указывая ими на Лину...

Князь Ларіонъ съ исковерканнымъ лицомъ бросился къ ея креслу.

— Что же это? былъ онъ только въ силахъ прошептать.

Рудневъ, съ своей стороны, ухватилъ ея руку, ища пульса.

— Докторъ, не мучьте... напрасно... проговорила она, бо-
лѣзненно сжимая брови.—Дядя, вы пришли... я рада... я...

Голосъ ея внезапно дрогнулъ и оборвался.

— Лина, другъ мой, тебѣ хуже! въ безумномъ молчаніи лепеталъ князь Ларіонъ.—Я виноватъ, я позволялъ... Онъ своимъ пріѣздомъ...

Она тоскливо закачала головой.

— Нѣтъ, вы знаете... зачѣмъ говорить?... Какъ онъ стра-
дать будетъ, бѣдный!..

Онъ слушалъ, содрогаясь, не смѣя дышать.

Она смолкла, и схватилась вдругъ за сердце. Ея помутив-
шіеся зрачки неестественно расширились, судорожно подка-
тываясь подъ трепетно бившіяся вѣки.

Рудневъ быстрымъ движеніемъ наклонился къ самому лицу ея.

Онъ внезапно отшатнулся съ блѣднымъ, испуганнымъ ли-
цомъ.

— Я... умираю... пронесся слабый, какъ сонный и счаст-
ливый вздохъ ребенка,—и тутъ же замеръ послѣдній звукъ
ея голоса.

Князь Ларіонъ глухо вскрикнулъ, схватилъ ея холодѣющіе
пальцы.

Старикъ смотритель какимъ-то экстатическимъ движеніемъ
вскинулъ глаза свои и руки вверхъ.

— Отвѣтъ! вырвалось у него стономъ изъ груди.

Дверь широко распахнулась еще разъ, и съ раскинутымъ вѣромъ въ одной рукѣ, съ распущеннымъ платкомъ въ другой, влила въ комнату Аглая Константиновна.

— En bien, Lina, le sommeil vous a-t-il fait du bien? Et moi je meurs de chaud et d'avoir monté cet essalier si raide! заголосила она еще съ порога, тяжело отдуваась и никого не видя изъ-за прыгавшаго предъ лицомъ ея огромнаго олахаа.

Молчаніе въ отвѣтъ. Эти три темныя мужскія фигуры какою-то зловѣщею груилой обстулившія кресло ея дочери и застлавшія ее собою. Аглаѣ стало вдругъ страшно.

— Qu'est ce qu'il y a donc? крикнула она, подбѣгая и отталкивая наклонившагося еще разъ къ лицу Лины доктора.

Она глянула, увидала эти закатившіеся, уже недвижные глаза.

— Ils m'ont tué ma fille, ils m'ont tué ma fille! визгнула она во всю силу своихъ легкихъ, и повалилась навзничь въ истерическомъ припадкѣ.

СХІІІ.

Настала ночь.... Она лежала на столѣ, озаренная свѣчами въ высокихъ церковныхъ шандалахъ, вся бѣлая, въ бѣлой кисей, усыпанная свѣжими цвѣтами, въ вѣнкѣхъ изъ бѣлыхъ розъ на распущенныхъ волосахъ, со сложенными на груди крестомъ руками.... Такими на лодотнахъ старыхъ мастеровъ лишутся непорочныя съ летящими встрѣчать ихъ съ неба дѣтскими головками ангеловъ на трелещущихъ свѣтлыхъ крылахъ.... Она уснула—и небесныя видѣнія, казалось, видѣлись ей теперь; что-то проникающее, глубокое, божественно-счастливое лежало на этомъ обликѣ, говорило въ складкѣ строго, таинственно улыбавшихся устъ. Такой улыбки, такого выраженія нѣтъ у живыхъ,—ихъ даетъ на грани земнаго бытія какъ бы мгновенное прозрѣніе иной, вѣчно существующей, безпредѣльной жизни....

Въ открытыя настежъ окна ложа глядѣли съ темнаго неба сверкающія звѣзды; изъ сада лился волной ночной воздухъ, примѣшивая свою живительную свѣжесть къ проникающему залаху раскиданныхъ по ней цвѣтовъ.... Она уснула и улыбалась небеснымъ видѣніямъ....

Старикъ смотритель стоялъ у нея въ ногахъ, разбитый, съ подгибавшимися то и дѣло коѣннами и глядѣлъ на нее неотступно, сквозь влажную пелену застывшую ему глаза. Подлѣ него, на выдвинутомъ теперь изъ ея спальни *gric-Dieu* княжны лежала между двумя свѣчами книга въ бархатномъ перелетѣ съ золотыми застежками, Псалтирь ея, по которому онъ собирался теперь читать надъ нею... Но старый романтикъ медлилъ приступить къ этому чтенію, и дрожавшія уста его шептали строки, неуставно, неотразимо звенѣвшія теперь въ его ухѣ:

Мой другъ, я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила....

Онъ былъ одинъ. Княгиня Аглая Константиновна въ преизобиліи горя удалившаяся вслѣдъ за обморокомъ подъ свѣи своего ситцевого кабинета, гдѣ долго лежала пластомъ на диванѣ зарывшись головой въ подушкахъ, заснула теперь на немъ какъ сурокъ. Всѣ обитатели дома, приходившіе поклониться усопшей, перебывали уже тутъ.... Глаза, горничная ея, только что вышла изъ комнаты,—и изъ-за стѣны отдѣлявшей спальню княжны отъ бывшей комнаты Надежды Федоровны глухимъ и надрывающимъ звукомъ доносилось до уха старика ея нескончаемое, отчаянное рыданіе....

Онъ отеръ еще разъ глаза, подошелъ къ наложу, и раскрывъ книгу началъ медленнымъ, прерывающимся голосомъ: „Блаженіи непорочніи, въ луті ходящіи въ законѣ Господни“...

Кто-то притронулся до его локтя. Онъ вздрогнулъ, и обернулся.

Подлѣ него стоялъ князь Ларіонъ, и старикъ вздрогнулъ еще разъ взглянувъ ему въ лицо.... Оно было страшно, страшно своимъ ледянымъ, мертвящимъ спокойствіемъ. Глаза словно ушли въ какую-то пещеру и горѣли оттуда ровнымъ, но прожигающимъ пламенемъ. „Я не жилецъ уже земной“, сказали съ перваго раза глаза эти Юшкову.

— Можете оставить меня одного здѣсь? сказалъ ему шепотомъ вошедшій;—не надолго, услѣдете всегда начать.... не договорилъ онъ.

Старикъ повелъ чуть-чуть головой и отошелъ отъ налож.

— И еще, промолвилъ еле слышно князь, прикасаясь еще разъ рукой къ его рукѣ,—если можно, чтобы никто не входилъ сюда....

Юшковъ молча кивнулъ, и вышелъ.

Князь Ларіонъ неслышно подошелъ къ изголовью покойницы. Онъ вѣско наклонилъ надъ ней голову и жадно впился глазами въ недвижныя черты ея. Судороги поводили все лицо его.

Онъ долго, долго стоялъ такъ, съ наклоненною головой, не отрываясь отъ этого предестнаго, отъ этого говорившаго теперь о какой-то чудной тайнѣ лица... Онъ стоялъ въ какомъ-то священномъ ужасѣ, пораженный его выраженіемъ, силась проникнуть мыслью въ эту страшную загадку смерти.

— Вотъ ты какая теперь, произносилъ онъ какъ въ бреду, несвязно и не раскрывая губъ,—вотъ какая!... Чтѣ ты видишь, чтѣ узнала? Вся твоя жизнь... да, теперь такъ ясно,—была только преддверіе... предлогъ къ *этому*... Для тебя земное, чело-вѣческая любовь... ты сама обманывала себя здѣсь... къ иному вѣслась ты... тебя звало вотъ это... невѣдомое, чудное... и страшное... *Hélène*, гдѣ же ты?... Чтѣ говорить этотъ счастливый и строгій ликъ твой... чтѣ обѣщаешь ты мнѣ оттуда?... Или это все то же одно: реакція мускуловъ, покой безчувствія... все то же,—тѣнѣ, прахѣ, уничтоженіе!... *Hélène*—прахъ!... О, еслибы на мигъ только, на мигъ одинъ взглянуть въ твои синіе глаза... О, какіе глаза это были! повторилъ онъ со страстнымъ, охватившимъ его мгновенно порывомъ.

Онъ выпрямился вдругъ всѣмъ своимъ высокимъ станомъ: изъ-за стѣны долетѣло до него глухое стenanіе Глаши.

— Кто тамъ рыдаетъ? Не онъ ли услѣлъ узнать, и тутъ теперь... Онъ улыбнулся вдругъ, улыбнулся словно торжествующею, злою улыбкой:—Да, ты не возьмешь ее себѣ, не возьмешь!... Вы умѣли всѣ, и любовью вашей, и тулостью довести ее до могилы... а сойду туда, лягу рядомъ съ нею—я!... А вы живите, живите!...

Онъ повелъ блуждающимъ взоромъ кругомъ себя... опустилъ его снова.

— *Hélène*, красота моя! вырвалось у него неудержимо изъ груди... И прижавъ головою къ головѣ усопшей, онъ приникъ горячечно пылавшими устами къ этимъ оледенѣлымъ, чистымъ устами, кѣторыхъ при жизни не коснулось ни чье мужское лобзаніе,—и такъ и замеръ...

— Князь, вамъ дурно? пробудилъ его чей-то дрожавшій голосъ и прикосновеніе чьей-то руки.

Это были голосъ и рука старика смотрителя, послѣдствіе вѣдшаго войти въ комнату на волю донесшійся до него въ корридоръ.

— Я ухажу... довольно!... Можете начинать свое, пробормоталъ князь Ларіонъ, глядя на него растеряннымъ и какъ бы внезапно потухшимъ взглядомъ.

Но онъ тутъ же оправился, наклонился въ послѣдній разъ надъ покойницей и, захвативъ изъ покрывавшихъ ее цвѣтовъ бѣлую на тонкомъ стеблѣ лилію, быстро направился къ дверямъ.

— Докторъ еще не спитъ, князь, говорилъ выходя за нимъ въ корридоръ Юшковъ, — позвольте ли вы мнѣ послать его къ вамъ?...

— Очень прошу васъ этого не дѣлать, очень прошу, мнѣ никого не нужно! вскрикнулъ на это почти запальчиво князь Ларіонъ.—Благодарю васъ за доброе намѣреніе, примолвилъ онъ черезъ мигъ ласковымъ тономъ и стараясь улыбнуться,—но мнѣ, право, никого не нужно, а всего менѣе доктора; я всю жизнь проходилъ мимо этихъ господъ, говоря: пессіе vos!... *

Онъ кивнулъ ему, пошелъ... и вернулся.

— Благодарю васъ за нее: она одолжена была вамъ многими добрыми часами предъ смертью...

Старикъ схватился руками за голову, и залился слезами. Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, князь Ларіонъ олустился въ кресло у своего письменнаго стола, сжалъ виски обѣими ладонями, и долго оставался такъ недвижимъ, закрывъ глаза, и какъ бы уйдя весь въ какую-то неизмѣримую глубь тоски и муки... Онъ вскинулъ затѣмъ голову, протянулъ руку къ колокольчику, и позвонилъ.

Вошелъ его камердинеръ.

— Раздѣваться!.. сказалъ онъ ему, направляясь въ свою спальню.

Совершивъ свой обычный туалетъ предъ сномъ, князь какъ бы вспомнилъ:

— Рязанскій мой управитель долженъ былъ пріѣхать сегодня.... началъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, онъ тутъ... Только я не смѣлъ доложить, пробормоталъ слуга,—по тому случаю что какъ княжна....

— Да, да... Такъ ты скажи ему что я приму его завтра,

* Я васъ не знаю.

послѣ моей прогулки, въ восемь часовъ, чтобъ приходилъ со счетами...

— Слушаю-съ... Свѣчи въ библіотекѣ прикажете погасить? спросилъ помолчавъ слуга, видя что баринъ его собирается спать ложиться въ тотъ же обычный ему часъ, и говоря себѣ не безъ нѣкотораго удивленія что смерть племянницы насколько, повидимому, не должна внести измѣненій въ его „аккуратный“ образъ жизни.

— Нѣтъ, сказалъ какъ бы еще разъ вспомнивъ князь Ларіонъ, — мнѣ написать нужно будетъ... Подай плафрокъ и туфли!.. Да принеси мнѣ туда графинъ воды холодной, — жарко!..

Онъ оделся въ длинный сюртукъ, служившій ему плафрокъ, перешелъ опять въ кабинетъ и отпустилъ камердинера...

Князь Ларіонъ долго прислушивался къ его удалявшимся шагамъ, — затѣмъ взялъ со стола связку ключей и свѣчу, и направился съ ними въ уголъ библіотеки, къ стоявшему тамъ старинному флорентинскому шкафу изъ чернаго дерева, уже знакомому нашему читателю. Внутренность его представляла видъ портика, съ колонетками, оконными капителями и ступеньками изъ разноцвѣтнаго штучнаго дерева и слоновой кости, скрывавшими за собою многое множество всякихъ выдвигавшихся ящичковъ и ящичковъ. Растворивъ дверцы шкафа, князь прежде всего вынулъ изъ одного изъ нихъ хранившіяся тамъ бумаги, выбралъ какой-то, повидимому, важный документъ, — и кинулъ остальное въ прежнее мѣсто. Задвинувъ ящикъ, онъ на мигъ задумался, какъ бы вспоминая, нагнулся ища чего-то глазами, нашелъ, и подавилъ невидимую пружину. Одно изъ оконцевъ портика откинулось въ сторону, открывая лотайное, темное углубленіе. Онъ опустилъ въ него пальцы, и вытащилъ небольшой, гладкій хрустальный флаконъ, головка котораго тщательно обвязана была лоскуткомъ бѣлой ланки. Онъ, какъ бы машинально, поднесъ его къ свѣчѣ поставленной имъ на откинутую доску шкафа, и сквозь толстыя стѣнки его отащилъ переливавшуюся въ немъ влагу.

Князь Ларіонъ закрылъ шкафъ, вернулся къ письменному столу, присѣлъ къ нему, и доставъ листъ почтовой бумаги написалъ слѣдующія строки:

„Прошу Василія Григорьевича Юшкова принять, въ лампѣ, заключающееся въ семь пакетъ, для вспомошество-

ванія бѣднымъ по своему полному усмотрѣнiю, но имѣя преимущественно въ виду дѣтей недостаточныхъ родителей, желающихъ получить образованiе; имѣя же жертвователя сохранить навсегда въ тайнѣ.“

Онъ подписался, сложилъ листъ, бѣгло взглянулъ на вынутый имъ изъ шкафа документъ (это былъ билетъ Опекунскаго Совѣта въ 25.000 рублей), и вложивъ то и другое въ конвертъ, залечатавъ его, надписавъ имя старика смотрителя и, выдвинувъ переднiй ящикъ стола, сунулъ пакетъ въ кучу сложенныхъ тамъ бумагъ.

Глаза его, поднявшись отъ задвинутаго имъ опять ящика, остановились внезапно на стоявшемъ на столѣ портретѣ... То была *живая* Луна, та Луна которая упала ему головой на плечо въ Ниццѣ, при первой встрѣчѣ его съ нею послѣ смерти князя Михайлы, когда онъ прiѣхалъ туда разбитый, истомленный трудами и разочарованiями своей петербургской дѣловой жизни... Она стояла въ ростъ, вдумчиво смотря впередъ своими лазоревыми глазами изъ-подъ темнаго калишона накинутаго на золотистые волосы, съ букетомъ бѣлыхъ фиалокъ въ рукѣ... О, съ какою невыносимою болью воскресало теперь предъ нимъ то волшебное время!... Вся его была она въ тѣ дни,—не было у него совмѣстниковъ въ душѣ ея, предъ нимъ однимъ раскрывала сокровища свои эта свѣтлая душа, для него одного благоухала эта нѣжная, эта дѣвственная прелесть... А самъ онъ... Какъ примата трава въ полѣ, расправляющая свои больные стебельки подъ врачующимъ влiянiемъ весеннихъ лучей, расцвѣтало подъ ея обаянiемъ усталое его существо въ тѣ блаженные дни. Покинутая имъ власть, Россiя, враги, чаянiя и недочеты его честолюбiя, все чѣмъ до тѣхъ поръ жила его мысль, полонъ былъ его умъ,—все это теперь какъ снѣгъ таело подъ ея лучами, все это такъ скоро на его глаза не стало стоять этого букета бѣлыхъ фиалокъ, который тогда, въ Ниццѣ, ходилъ онъ каждое утро заказывать для нея у садовника... И вотъ... „Изъ праха твоего теперь вырастутъ фиалки,“ вспомнилось ему вдругъ смутно изъ словъ Лаерта надъ гробомъ Офелiи...

„Она для меня его сдѣлала, сюрпризомъ, ко дню моего рожденiя,—я нашелъ его у себя въ комнатѣ, на столѣ, вернувшись съ прогулки“, вспоминалъ князь Ларiонъ, захвативъ себя голову обѣими руками, и потухшими глазами глядя на портретъ... „Пусть же и исчезнетъ онъ вмѣстѣ со мною!

вскликнулъ, онъ, срываясь съ мѣста, и простирая къ нему руку...“ Нѣтъ,—и онъ упалъ опять въ кресло,—подозрѣніе... его не нужно... Пусть же хоть не этому тулому палачу—матери ея съ ея сыномъ достанется онъ!...”

Онъ взялъ новый листъ бумаги:

„Въ случаѣ моей смерти, имѣющійся у меня акварельный, дѣлавный въ Ниццѣ, въ 1849 году, портретъ племянницы моей, княжны Елены Михайловны Шастуновой, прошу передать, въ память обо мнѣ и какъ свидѣтельство искренняго моего уваженія, вдовѣ генералъ-майора, Софіи Ивановнѣ Перверзиной“,—написалъ онъ, помѣтилъ днемъ 4 іюня (днемъ объясненія своего съ Софьею Ивановной) и, вложивъ это въ обложку съ надписью „Моимъ наслѣдникамъ“, запечаталъ гербовою своею печатью, и залепъ въ тотъ же ящикъ писемнаго своего стола.

Онъ всталъ.... „Пора кончить!“ вымолвилъ онъ про себя, прищурился, и пошелъ къ камину. Онъ взялъ съ него небольшой, изящной формы, на стройной, тонкой ножкѣ, венеціанскаго стекла бокалъ, вдоль краевъ котораго бѣжала легкая гирлянда зеленыхъ листьевъ и розъ, и перенесъ осторожно хрупкую вещь на столикъ стоявшій у открытаго окна, и на который поставленъ былъ его камердинеромъ принесенный по его приказанію графинъ съ водою и стаканъ на поднось.... Князь Ларіонъ налилъ въ стаканъ, жадно отпилъ изъ него—во рту у него было невыносимо сухо, — и небольшое количество оставшейся въ немъ воды перелилъ въ бокалъ....

Онъ вздрогнулъ вдругъ, насторожилъ ухо.... Сверху, сквозь открытыя окна, долетали до него изъ кабинета покойницы дрожавшіе, обрывавшіеся звуки голоса читавшаго надъ нею старика зрителя.... „Единымъ мгновеніемъ и сія вся смерть пріемлетъ“, явственно слышалъ князь Ларіонъ...

Онъ машинально кивнулъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ дошедшихъ до него словъ, вынулъ изъ кармана плафрока добытый имъ изъ тайника шкафа флаконъ и, развязавъ обматывавшій его лоскутъ лайки (онъ тутъ же кинулъ его въ стоявшую подъ столомъ корзину съ рваною бумагой), осторожно вытащилъ стеклянную пробку,—и вылилъ въ бокалъ до капли содержавшееся въ стеклянкѣ....

„Теперь уничтожить это!“ молвилъ онъ, отвѣчая мысленно послѣдовательному ходу своего заранѣе, и давно, обдуманнаго плана. Онъ направился къ одному изъ баятовъ библіо-

теки, вынулъ изъ стоявшаго тамъ ящика съ англійскими ручными инструментами молотокъ, и подойдя затѣмъ къ камину, оставилъ стоявшій предъ нимъ экранъ, нагнулся, положилъ стклянку на плиты камина, и принялся дробить ее молоткомъ. Онъ дѣлалъ это спокойно, не слыша, съ тою „аккуратностью“ которая дѣйствительно входила въ привычку его западнаго воспитанія... и какъ бы находя теперь какое-то удовольствіе въ этой механической работѣ, оттягивавшей на нѣсколько мгновеній то, рѣшенное, послѣднее....

Обративъ флаконъ въ порошокъ, князь Ларіонъ выпрямился, раскидалъ его ногой по плитамъ, смѣшавъ съ разсыпаннымъ по нимъ лепломъ, поставилъ экранъ на прежнее мѣсто, а молотокъ положилъ въ тотъ же ящикъ съ инструментами—и, залперевъ шкафъ на ключъ, вернулся къ столу у окна.

„Видимыхъ слѣдовъ нѣтъ, по наружнымъ признакамъ окажется — апоплексія... а добираться глубже ни для кого не будетъ интереса“... Онъ повелъ усталымъ взглядомъ по обширному покою, въ которомъ все говорило ему о его прошломъ, о завѣтахъ и преданіяхъ его рода, и горькая усмѣшка, какъ бы прощальнымъ привѣтомъ этимъ преданіямъ и идеаламъ прошлаго, скользнула по его губамъ.

„Со мною кончится.... Не Шастуновы... Раскатыловы пойдутъ“, несвязно прошепталъ онъ, болѣзненно прижмуривъ вѣки. Онъ взялъ со стола принесенную имъ отъ усталости лилію и жадно наклонилъ къ ней лицо, какъ бы желая вычерпать изъ нея весь ея обаяющій запахъ.

„Какъ ты... цвѣла...“ не договорилъ онъ, выронилъ цвѣтокъ изъ руки и, протянувъ ее къ бокалу, поднялъ его—и пошелъ съ нимъ къ самому окну.

Луна зашла... Сверкавшія звѣзды, словно міриады вопрошавшихъ глазъ, представилось ему на мигъ, глядя на него съ недостижимой высоты неба. Вѣковые липы прадѣдовскаго сада склоняли надъ землею свои неподвижныя вѣтви, будто задумавшись о немъ, и ожидая....

Онъ еще разъ болѣзненно моргнулъ вѣками.

„Какъ любила она эти звѣздныя ночи!“ пронеслось у него въ памяти.

„Живой въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небснаго водворится!“ донеслось до него сверху.

„Сейчасъ узнаемъ!“ проговорилъ онъ, быстро подвоя

бокалъ къ губамъ—и, опорожнивъ разомъ, выкинулъ его разчитаннымъ послѣднимъ движеніемъ далеко за окно.

Слабый звонъ тонкаго стекла, разлетѣвшагося въ мельчайшія дребезги на пескѣ аллеи, не успѣлъ еще замереть въ сонномъ воздухѣ, какъ бездыханное тѣло князя Ларіона, ударившись вискомъ о косякъ стѣны, опрокидывалось всюю тяжестью своею на паркетъ....

Б. МАРКЕВИЧЪ.

НА НИЗОВЬЯХЪ ДУНАЯ

Посвящается Маріи Устиновнѣ Араповой.

I.

Это было 24го іюля 1877 года. Ночь была дивная. Звѣзды сіяли на темноголубомъ небѣ, луны не было.... Да ея и не нужно было. Два электрическія солнца волшебнo освѣщали Одесскій рейдъ. При газовыхъ фонаряхъ, по асфальтовой мостовой, я ѣхалъ на перекладной телегѣ. Странно немного было при всѣхъ этихъ европейскихъ удобствахъ трястись въ родномъ экипажѣ. Но я былъ счастливъ и доволенъ своею судьбой. Я ѣхалъ курьеромъ въ дѣйствующій отрядъ генерала Веревкина и долженъ былъ участвовать въ занятіи Сулины и вытѣсненіи турецкаго флота съ рейда. Послѣ десяти лѣтъ отставки, я поступилъ на службу съ пламеннымъ желаніемъ принять активное участіе въ борьбѣ за независимость Славянъ. Генералъ-адъютантъ Семека поручилъ мнѣ осмотрѣть и изучить мѣстность, ввести эскадру въ Очаковское гирло Дуная и сгрузить мортиры. Темная ночь мѣшала мнѣ что-нибудь видѣть до Ольвіополя. Заря только что занялась, волненіе и мечты успокоились, пять часовъ тряски меня утомили. Я съ наслажденіемъ протянулся въ ладѣ, полюбовался красивыми пирамидальными тополями и виноградниками и заснулъ.

„Ваше высокоблагородіе, пріѣхали“. Голосъ матроса и толчокъ о пристань меня разбудили. Мы были въ Аккерманѣ; его отъ Ольвіополя раздѣляетъ широкій Днѣстровскій лиманъ... Днемъ ходитъ пароходъ, но я пріѣхалъ въ четыре часа ночи. На пристани дрожекъ конечно не было, и мнѣ чуть не пришлось идти двѣ-три версты лѣшкомъ до почтовой станціи. Какой-то господинъ предложилъ мнѣ свою брчку, я поблагодарилъ, воспользовался, но къ стыду моему не полюбопытствовалъ узнать его фамилію. Городъ Аккерманъ одинъ изъ самыхъ скромныхъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Замѣчательнаго только виноградники и старинная турецкая крѣлость, скорѣе похожая на большой укрѣпленный замокъ... Во всѣхъ приморскихъ городахъ Чернаго Моря, Очаковѣ, Кинбурнѣ, Аккерманѣ и проч., гдѣ только не начнутъ копать землю, находятъ черепа и кости. Это все прахъ тѣхъ забытыхъ дѣятелей которые славили и расширяли нашу матушку Русь... Вино аккерманское славится, его покупаютъ въ громадномъ количествѣ въ Москву, и говорятъ многіе виноторговцы продаютъ его намъ подъ названіемъ разныхъ *шато*. Мнѣ ужасно хотѣлось чаю, было холодно, а трактиры заперты.

— Кто содержитъ станцію?

— Жиды, ваше благородіе.

— Гмъ вылью лучше изъ фляжки коньяку.

Но каково же было мое удовольствіе, когда я вошелъ въ комнату станціи. Кругомъ все чисто, опрятно, на окнахъ цвѣты, и фортепіано! Я рискнулъ спросить чаю. Войдя въ корридоръ, я остолебѣлъ! Не галлюцинація ли это? Предомною стояла красавица въ бальномъ платьѣ!

— Кто это? спросилъ я угрюмаго Еврея.

— Дочь хозяйки, она была у священника на балѣ, онъ дочь просваталъ.

Въ ожиданіи чая и лошадей я легъ на диванъ. Сонъ меня мнилъ; предомной вертѣлся какой-то калейдескомъ: роскошныя улицы Одессы, перекладная телѣга, приборъ Аккерманскаго лимана и Турки, волшебный рейдъ и красавица Жидовка на балѣ у священника.

— Проснитесь, я вамъ чай принесла.

Она! проснулся я. Нѣтъ, старая кухарка.

„Лошадей!“ и опять перекладная. Перебѣнивъ нѣсколько разъ лошадей на разныхъ трихатныхъ станціяхъ (на трихатной станціи три хаты), я пріѣхалъ въ большое русское

село; было 10 часовъ дня. Обѣдя только что отошла, народъ валитъ на базаръ, наполненный тоже народомъ. У мужчинъ и у женщинъ все русскія лица, только къ чему эти европейскія платья и зонтики? Портятъ впечатлѣніе.

Вдали за рѣкой громадное красивое зданіе, окруженное зеленью. Я пріѣхалъ на станцію.

— Какъ зовутъ это село?

— Байрамча.

— А рѣку, и какое это зданіе?

— Рѣка Аржиберъ, а то учительская семинарія.

— Красивое же зданіе вы выстроили для семинаріи.

— Да оно же было, это бывшее войсковое правленіе. Вѣдь мы были Новороссійскіе казаки. А Байрамъ была станица.

Вотъ' они русскіе колонизаторы-то, казаки. Я поѣхалъ далѣе.... Черезъ 20 верстъ опять рѣка, опять село.... Да это городокъ, да еще не русскій.

— Ямщикъ, какая это станція?

— Саратовская, отъ рѣки Сараты такъ прозывается.

— Да это что-то не русское село.

— Оно точно, ваше высокоблагородіе, тутъ все Нѣмецъ проживаетъ, колонистъ, сплошной, нашихъ тутъ нѣтъ.

Что за опрятный городокъ: правильно разбитыя улицы, чистенькіе домики, даже дома, съ кружевными занавѣсками окна, просторные зажиточные дворы, цвѣты и зелень, просто чудо!... Вѣдь и Байрамча богатое село, да не то, курною избой отзывается; да къ тому же кабаковъ много... Въ Саратовѣ только одну Bierhalle и видѣлъ. Хорошо бы имъ кажется жить, нѣтъ, въ Америку, за море хотятъ ѣхать, сказываетъ ямщикъ... Пять верстъ далѣе молдаванское село, а тамъ станція Татаръ-Бунаръ, наша граница. Говорятъ тутъ много мошенниковъ... Все контрабандисты. Черезъ шлагбаумъ меня пропустили безпрелютственно, даже ничего не спрашивали. Двое часовыхъ, русскій и румынскій, мнѣ сдѣлали на караулъ. Я выѣхалъ за границу, но не выѣхалъ изъ предѣла владычества русскаго оружія и русскаго языка... Проѣхавъ шаговъ двадцать меня остановила баба съ дубинкой, у костра, и что-то то кричить. Я было уже приготовилъ монету, думалъ что она погадать хочетъ, нѣтъ.

— Остановись, брось сѣно и солому, я сожгу.

— Зачѣмъ?

— Да у васъ тамъ моръ, мы не хотимъ чтобы вашъ кормъ попадался нашей скотинкѣ и она бы дохла.

Пожалуй можно бы было эту мѣру рекомендовать нашему емству, какъ и румынскому земству можно было бы рекомендовать нашихъ лошадей: до Жебриены, гдѣ мнѣ нужно было отдать секретный пакетъ начальнику наблюдательнаго поста, я ѣхалъ три съ половиной часа тридцать верстъ, при гличной дорогѣ.

Жебриены жалкая беззащитная деревушка, знаменитая только тѣмъ что ее недавно бомбардировалъ турецкій флотъ. Объ этомъ побѣдоносно-позорномъ фактѣ турецкая газета *Turkiye* не упомянула; но о бомбардированіи и разрушеніи Севастополя, котораго не было, написано три столбца. Турецкій флотъ прошелъ въ десяти миляхъ отъ Севастополя... Но это съ ней бываетъ... Она часто, за неимѣніемъ обѣдъ подъ рукой, печатаетъ старыя реляціи о Крымской войнѣ... Отдавъ пакетъ капитану перваго ранга Палеологу и обративъ у него драгоценныя свѣдѣнія, я хотѣлъ отправиться въ Вилково, передать начальнику отряда делеши и бумаги. Мнѣ сказали что онъ самъ сейчасъ пріѣдетъ... Я стался. Разбитый, усталый я не ложился спать, боясь что не роснусь. Для освѣженія я выкупался въ морѣ. Генералъ пріехалъ въ одиннадцатомъ часу. Когда я вошелъ онъ только что сидѣлъ за столъ. Я подалъ делеши и передалъ что нужно въ словахъ. Я хотѣлъ удалиться, но генералъ просилъ остаться. Пока онъ читалъ делеши, я сидя на стулѣ дремалъ. Наконецъ во второмъ часу я легъ на постланый въ отведенной мнѣ хатѣ пледъ и заснулъ какъ убитый. Въ семь часовъ утра я уже ѣхалъ опять на перекладной въ Вилково. Мнѣ сопровождалъ штабсъ-капитанъ Соинъ, помощникъ Палеолога. Вилково пожалуй еще хуже чѣмъ Жебриены. Оно остроено на мысу, образуемомъ Дунаемъ и моремъ, и потому постоянно наводнено и почти всегда ѣздить на лодкахъ. Но когда вода спадаетъ какъ теперь, то остаются лужи и грязь, слускающія міазмы и міриады комаровъ.

Вилково, какъ и все низовье Дуная, населено старообрядцами. Это все русскіе типы; они прежде не любили насъ, но теперь преданы намъ вполнѣ, по пословицѣ: что имѣемъ не равимъ, потерявши плачемъ.

Покойный государь Николай Павловичъ отдалъ имъ въ пользованіе дунайскія воды. Въ 1856 году они отошли къ

Румыніи, и Бѣлогородское гирло отдѣляетъ ихъ отъ дунайскихъ водъ, которыя принадлежать Турціи.

За право пользованія рыболовствомъ они должны платить Туркамъ двѣ тысячи червонцевъ, что при ихъ порядкахъ обходится бѣдному населенію до трехъ тысячъ червонцевъ. Въ довершеніе несчастія, они, возвращаясь въ Бѣлогородское гирло, должны платить и румынской таможенѣ какъ за привозный товаръ. Слѣдовательно стремленіе ихъ если не въ лоно православія, то въ лоно отечества, вполне искренно — что и входило въ расчетъ при моихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ ними. Г. Соинъ познакомилъ меня съ лоцманомъ Осипомъ, находящимся у насъ на жалованьи, и Тимоѣемъ Васильевичемъ Гайдуковымъ. Это замѣчательная личность. Богатый купецъ русскій, но ходящій въ европейскомъ костюмѣ, бывавшій на Руси, на Волгѣ, онъ служилъ намъ безкорыстно. Можетъ-быть онъ и желаетъ что-нибудь на шею: желаніе вполне законное, онъ сто разъ заслужилъ награду.

Позавтракавъ отвратительной аичницы и залпивъ превосходнымъ пивомъ изъ Галаца, мы поѣхали осматривать Дунай. Я изучалъ мѣстность, выбралъ стоянку для эскадры и приказалъ поставить вѣхи на фарватерѣ. Мнѣ было еще приказано приготовить четырехъ лоцмановъ и десять лодокъ для встрѣчи эскадры; и я уже получилъ двѣ секретныя и экстренныя депеши: будутъ ли лоцманы и навѣрное ли? Я отвѣтилъ что встрѣчу эскадру съ лоцманами и шлюпками самъ. Хотя и боялся что Турки откроютъ пальбу съ праваго берега маленькаго архипелага, но я рискнулъ, такъ какъ главный островъ Лети былъ занятъ безъ выстрѣла въ день моего пріѣзда въ Жебріены. Попалось только два залоздалые Турка, да захватили еще Жидка пліона.

Обѣдая у старообрядца въ трактирѣ. Нашло пропальство народу. Дѣвочка поднесла мнѣ цвѣты, старикъ икру. Мы остались очень довольны другъ другомъ.

Поздно вечеромъ Соинъ и я олягъ на театрѣ (другихъ экипажей тутъ нѣтъ) отправились обратно въ Жебріены.

Ночь была чудо какъ хороша. Мы ѣхали вдоль берега, синее море сливалось съ синимъ горизонтомъ. Звѣзды сіяли. Тишина нарушалась только шумомъ прибоя, волна катилась тихо за волной, разбиваясь о песчаный берегъ. Вдали на горизонтѣ выходилъ красный багровый Марсъ.

Вдругъ намъ на встрѣчу скачутъ двѣ пары безъ экипажей съ верховыми.

— Свои что ли? кричатъ они.—Поворачивайте назадъ. Турки десантъ дѣлаютъ.

Что за челука, подумалъ я, быть не можетъ.

— Стой! что вы за люди?

— Обозные, ваше высокоблагородіе, какъ увидали что Турки высаживаются, то отпрягли и ускакали.

— Врете, поворачивайте назадъ.

— Ей Богу, ваше высокоблагородіе, сами видѣли: огонь красный такой, колеса шумятъ, и шлюпки спущааетъ.

— Назадъ, пошелъ и бери полуфурки.

Видя что мы ѣдемъ, поѣхали и они за нами.

Бѣгутъ опять солдаты.

— Куда?

— Турки, страсть сколько, за нами гонятся.

Въ это время въ темнотѣ изъ-за песчаныхъ бугровъ показалась еще толпа людей. Я все не вѣрилъ, не вынулъ револьверъ. Соинъ тоже.

— Кто идетъ? отвѣчай, стрѣлять буду!

— Мы, ваше благородіе, Турки за нами.

Въ это время Марсъ высоко отдѣлился отъ горизонта. Я догадался, они его приняли за фонарь на паромѣ, а прибой за шумъ колесъ; остальное дополнило воображеніе. Несмотря на то что это были нестроевые и безъ ружей, имъ досталось порядочно. Воображаю какую тревогу они подняли бы въ Вилковѣ, не встрѣтивъ насъ. Доложивъ генералу о результатѣ моихъ изслѣдованій, я легъ спать. Въ ночь пришли секретныя депеши, и я долженъ былъ ѣхать опять въ Вилково; наша эскадра должна была сняться въ этотъ же день изъ Одессы и на разсвѣтъ слѣдующаго быть въ виду Очаковского гирла.

Рано утромъ я отправился въ Вилково, но уже не на перекладной: генералъ пригласилъ меня съ собой въ коляску. Мы пріѣхали въ Базарджикъ, въ трехъ верстахъ отъ Вилкова, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Чудная была картина. Живописно раскинулся лагерь, грозно смотрѣли орудія, штыки сверкали: Дунай величественно катилъ свои воды, огибая острова. Въ лагерьъ я встрѣтилъ князя Урусова, онъ тоже состоитъ при генераль-адъютантѣ Семекѣ. Урусовъ, всегда элегантно одѣтый въ Одессѣ, въ американскомъ тьюлберѣ, на кровномъ рысакѣ, предсталъ предо мной, небритый и въ кителѣ еще грязнѣе моего. Онъ забросалъ меня вопросами объ Одессѣ,

хотя и выѣхалъ только тремя днями ранѣе моего. Былъ счастливъ вполнѣ что попалъ въ дѣйствующій отрядъ и что уже командовалъ отдѣльною частью.

При нашемъ пріѣздѣ войска началъ переправляться — артиллерія на мотонахъ, пѣхота на лодкахъ. Я съ жадностью любовался этою картиною. Больше сотни лодокъ, имѣя отъ десяти до пятнадцати человѣкъ на борту, быстро переправлялись на островъ Лети. Вѣдь эти же Вилковцы, на этихъ же лодкахъ, перевозили войска въ 1828 году, въ виду императора Николая Павловича подъ Исаакчей. Вѣдь на этихъ же лодкахъ въ первый разъ переплылъ Дунай Румянцевъ-Задунайскій... Вѣроятно на такихъ же лодкахъ шелъ по Черному Морю Олегъ, прибывать свой щитъ ко вратамъ Царьграда Дунай—русская рѣка, кто не знаетъ на Руси Дуная! Здѣшніе жители только и переносили румынское управленіе потому что вѣрили въ свое скорое избавленіе, то-есть присоединеніе вновь къ Россіи. Но надо было оторваться отъ Дуная и переправы. Я взялъ лодку и спустился въ Вилково. Тамъ меня уже дожидались семь казаковъ для развозки эстафетъ. Телеграфъ только до Жебріенъ. Я зналъ что Т. В. Гайдуковъ ставить вѣхи на фарватерѣ, но мнѣ надо было знать готовы ли лоцманы и будутъ ли лодки. Послалъ на возморе—отвѣтъ нѣтъ, а пять часовъ.

Получаю делешу за делешей. Готовы ли лоцманы? есть ли лодки? Чтѣ дѣлать? Послалъ за Комдратіемъ Григорьевичемъ Галкинымъ. Галкинъ личность тоже замѣчательная и жѣ рекомендованная. Пришелъ.

— Комдратій Григорьевичъ, мнѣ нужно десять лодокъ сегодня ночью; можно ихъ достать?

— Чтѣ дѣлать?

— Вѣхать на возморе и спрятаться въ камышахъ. Я пріѣду и скажу чтѣ дѣлать.

— Можно, все можно. Когда прикажете отправиться?

— Къ восьми часамъ вечера они должны быть готовы.

Въ семь часовъ вечера вернулся Гайдуковъ и доложилъ мнѣ что вѣхи поставлены, лоцманы готовы и лодки есть. Я телеграммой успокоилъ начальство. Еще я получилъ приказаніе снять всѣ рыболовные снасти и кормаки. Позвалъ комиссара. Просить предписаніе. Далъ. Съ фарватера на Дунай успѣли снять, но въ морѣ нѣтъ. Я учредилъ казначійство на колокольнѣ стороообрядческой церкви, или какъ тутъ

говорять „звонница“. Они должны были смотрѣть въ море и давать мнѣ знать обо всемъ что увидать. Въ особенности бдительно смотрѣть за Сулиной, для чего и далъ имъ бинокль. Наши лазутчики дали мнѣ знать что вчера вечеромъ на Сулинскій рейдъ пришелъ броненосецъ, а сегодня утромъ другой. Два уже стояли прежде. Мы всѣ были увѣрены что Турки узнали нашъ планъ и завтра дадутъ морское сраженіе. Я все думалъ: какое будетъ мое положеніе, на рыбачьей лодкѣ, при борьбѣ половокъ съ броненосцами? А идти все-таки надо. Разъ восемь лазилъ я на колокольню. Все ничего не видать.

Взлѣзъ я разъ на колокольню, вижу—казака переважно говорить съ какимъ-то господиномъ, и уступилъ ему бинокль.

— Вы что тутъ дѣлаете?

— Да вотъ, ваше превосходительство, его благородію помогаю.

— Кто вы такой?

— Діаконъ, ваше превосходительство, туточной церкви діаконъ.

— Я васъ прошу уйти. А ты, ваше благородіе, никого сюда не пускай. Турецкіе лазутчики точно также могутъ наблюдать, идетъ ли наша эскадра.

Въ девять часовъ вечера лазутчикъ далъ мнѣ знать что два турецкіе броненосца развели паръ и вышли изъ-за боновъ * на рейдъ. Ну, значитъ, завтра будетъ сраженіе. Послалъ телеграмму въ Одессу и эстафету въ Жебріены, [такъ какъ адмиралъ Чихачевъ долженъ былъ пройти сначала мимо Жебріенъ. Сталъ дожидаться что будетъ.

Вообще томительно ждать, но какво же ждать морскаго сраженія и быть одному-однихонькому во всемъ городѣ, да еще чужомъ. Лоцманы и лодки просились идти ночевать на взморье. Отпустилъ. Самъ рѣшилъ отправиться въ два часа ночи чтобы до свѣта быть на мѣстѣ.

Спать не хочется, комары кусаютъ, тоска, а еще только десять часовъ: четыре часа ждать. Въ одиннадцать я наконецъ легъ, но не могъ заснуть, комары просто выли и съ какою-то особенною злобой кусали. Сама природа за Турокъ. Въ два часа спросилъ самоваръ, напился чаю, помолился Богу и вышелъ садиться. Гребцы и рулевой изъ мѣстныхъ

* Бономъ называется загражденіе въ рѣкѣ или узкости, изъ бревенъ и цѣпей.

рыбаковъ, или какъ ихъ тутъ зовутъ рыбалокъ, стоя безъ шалока, встрѣтили меня. Мы съби. Я перекрестился и командовалъ: „съ Богомъ, на воду!“ Мы поплыли по узкому Бѣлогородскому гирлу и черезъ пять минутъ вышли на средину Дуная.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, когда надо еще помодиться, сказали гребцы. Казакъ вложилъ патронъ въ винтовку *. Мы плыли внизъ по Очаковскому гирлу Дуная. Весь архипелагъ маленькихъ острововъ на правомъ берегу не былъ нами занятъ. Сначала я всматривался въ низменный правый берегъ, но потомъ другія думы, другія мысли толпились въ головѣ.

Дунай широко несъ свои воды въ Черное Море, звѣзды стали меркнуть, на горизонтѣ показалась свѣтлая полоса, предвѣстница зари.

— Вотъ и Бугасъ, ваше высокоблагородіе, сказалъ рулевой, — скоро нашихъ встрѣтимъ. Черезъ пять минутъ на лѣвомъ берегу показалось съ десятокъ рыбацкихъ хижинъ и нѣскольکو лолокъ. — Это теперь ихъ мало, ваше высокоблагородіе, они на переправѣ, а то ихъ тутъ пропасть, лодокъ-то. Эй! Анисимъ, Тимошей Васильевичъ тутъ что ли?

— Стулайте скорѣй! догоните, сейчасъ поплылъ на баръ. отвѣчали съ берега.

Мы выходили изъ устья. Волны поднимались все выше и выше, почти перебивая теченіе. Вѣтеръ былъ противный для меня, но благопріятный для нашей эскадры. На востокъ загорѣлась заря, фантастически освѣщая облака и открывшееся Черное Море. Я пристально съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на лѣво, не идетъ ли наша эскадра и съ невольною тревогой глядѣлъ направо, не идетъ ли отъ Сулины турецкій флотъ.

Мы обогнали Т. В. Гайдукова. Лодки выходя изъ камышей шли за нами. Мы пошли на баръ.

Волны все усиливались, вѣтеръ свѣжѣлъ, лодку качало. Утомившись смотрѣть на горизонтъ, я сладко задремалъ.

— Дымъ на горизонтѣ!

Я, проснувшись, взявъ бинокль и съ радостію увидѣлъ дымъ и въ сторонѣ двѣ мачты. Я посмотрѣлъ на часы: было пять часовъ и одна минута 28го іюля. Солнце всходило во всемъ блескѣ. Что-то оно освѣтитъ?

Дымъ приближался, за двумя мачтами показались еще равъ

* Я взялъ одного казака чтобы въ случаѣ нужды послать телеграмму въ Одессу къ командиру войскамъ.

гоуты, не было болѣе сомнѣнія что это эскадра свиты Его Величества контръ-адмирала Чихачева. Я успокоился. Все мое вниманіе было обращено теперь на югъ къ Сулинѣ. Выйдутъ Турки или нѣтъ?

Долго мнѣ пришлось томиться, эскадра какъ будто все стоитъ на мѣстѣ. Наконецъ въ девять часовъ она стала приближаться. Я пошелъ на встрѣчу. Эскадра состояла изъ половки *Вице-Адмиралъ Поповъ*, подъ флагомъ контръ-адмирала Чихачева, половки *Новгородъ*, пароходовъ *Ливадія*, *Эльборусъ* и *Константинъ*. Они конвоировали флотилію, предназначенную въ Очаковское гирло и состоящую изъ парохода *Опытъ*, на немъ начальникъ флотиліи капитанъ-лейтенантъ Диковъ, двухъ плоскодонныхъ шкунъ *Лебедь* и *Утка*, двухъ баржъ № 1а и № 2а, и четырехъ паровыхъ миноносныхъ катеровъ, подъ командой дѣлхихъ лейтенантовъ: Лоцинскаго, Фредерикса, Сомова и Скрагина.

Въ десять часовъ лятнадцать минутъ я подошелъ къ *Ливадіи*, она всла на буксирѣ обѣ баржи; меня на буксирѣ взялъ паровой катеръ Скрагина. Мы пошли къ бару. * Эскадра контръ-адмирала Чихачева остановилась въ виду, готовая вступить въ бой чтобы прикрыть флотилію капитанъ-лейтенанта Дикова. Но Турки не рѣшились выйти изъ Сулины помѣряться съ нами силами. Флотилія начала входить, пароходъ *Опытъ* впереди ведя за собой двѣ баржи. Паровые катера рыскали по морю какъ чайки, грозно покачивая своими миноносными шестами. Когда пароходъ *Опытъ* уже прошелъ барь, я замѣтилъ что на одной изъ шкунъ что-то не ладно, и вернулся. Дѣйствительно, шкуна *Лебедь* приткнулась къ отмели. Я присталъ къ ней, снялъ ее съ мели и лично выведя на фарватеръ провелъ черезъ барь. Другую шкуну взялъ на буксиръ пароходъ *Опытъ* и провелъ ее вслѣдъ за мной, предварительно поставивъ баржи на якорь. Флотилія вошла въ устье, если не побѣдоносно, то торжественно. И это въ виду четырехъ сильныхъ броненосцевъ! Я немедленно послалъ казака въ Жебріены съ депешей генералъ-адъютанту Семекѣ что флотилія благополучно прошла барь, вошла въ устье и идетъ становиться на якорь, на предварительно избранномъ мною мѣстѣ. Мѣсто это представляло всѣ удобства. Оно было мною избрано въ неширокомъ рукавѣ между островами Чер-

* Баромъ называется гряда образующаяся въ устьѣ рѣкъ впадающихъ въ море отъ напоя по теченію и отъ прибоя съ моря.

навскій и Лети, къ которому суда могли стать вплотную и между которыми легко можно завести бонъ. Лагерь былъ напротивъ на лѣвомъ берегу. Въ три часа пополудни флотилія стала на свои мѣста. Первая половина программы была исполнена удачно. Когда какое-нибудь предпріятіе хорошо обдуманно и точно и добросовѣстно исполнено, результатъ всегда бываетъ достигнутъ; даже сама судьба какъ будто благопріятствуетъ въ такихъ случаяхъ.

Но еслибы Турки атаковали насъ? скажутъ мнѣ. Мы этого ждали, адмиралъ Чихачевъ даже отвѣтилъ на этотъ вопросъ:

— У меня есть пушки.

Да, у насъ были двѣ половки и четыре миновосные катера. Незнакомыя половки грозно смотрѣли своими одиннадцатидюймовыми орудіями, съ катерами Турки были знакомы по грустному опыту. Остальная эскадра представляла имъ нѣчто неопредѣленное. Послѣ дѣла парохода *Веста* они знали что каждый изъ пароходовъ можетъ ихъ взорвать и быть опаснымъ какъ и сильный противникъ одѣтый броней.

При атакѣ турецкаго флота самое куріозное положеніе было бы мое: присутствовать на рыбацкой лодки при борьбѣ грозныхъ броненосцевъ. Но Турки не посмѣли атаковать эскадру контръ-адмирала Чихачева, они признали если не физическую нашу силу, то моральную. Это тоже побѣда. Мы торжествовали!

II.

29го іюля. Вчера послѣ постановки эскадры, я поздно вечеромъ возвратился на берегъ. Квартиры у меня еще не было, я вошелъ въ первый трактиръ съ комнатами и спросилъ себѣ пить, ѣсть и спать. Все обѣщали и для начала подали крѣпкого краснаго вина. Я съ жадностью выпилъ нѣсколько стакановъ, оно легко какъ квасъ, и сталъ ждать ѣду. Жду часъ, ничего не даютъ; я разсердился.

— Покажите мнѣ комнату, я ѣсть не хочу.

— Простите пожалуйста, господамъ что хотѣлъ уѣхать остался, нѣтъ лошадей.

Я послалъ къ примеру (голова, меръ города) чтобъ онъ немедленно отвелъ мнѣ квартиру.

Пока я ждалъ, нашъ агентъ Осиль меня выручилъ, предложилъ переночевать рядомъ у Жида, содержателя корчмы.

Я согласился. Меня, который недавно воевалъ съ союзниками Турокъ, комарами, очаровалъ новыи ночлегъ: всѣ окна были затануты марлей и ни одного союзника Турокъ. Я повалялся и спалъ какъ убитый до пяти часовъ утра.

Въ шесть часовъ утра я отправился къ генералъ-лейтенанту Веревкину, начальнику Нижне-Дунайскаго отряда.

Въ девять часовъ мы поѣхали на эскадру, которая была назначена дѣйствовать совместно съ войсками при операціяхъ на Сулину. На пристани у Бѣлогородскаго гирла насъ ожидалъ паровой миноносный катеръ. Не только армейскихъ офицеровъ, меня моряка поразилъ бравый видъ экипажа. Все это охотники, на подборъ молодецъ къ молодцу. Командиръ, лейтенантъ Фридериксъ, былъ достойный ихъ представитель. Глядя на ихъ открытыя, мужественныя лица можно было поручиться что Дубасовыхъ, Шестаковыхъ, Скрыдловыхъ у насъ во флотѣ еще много. Фридериксъ и вся команда имѣли сверхъ матросскихъ рубахъ пробковые спасательные пояса.

Генералъ видимо остался доволенъ эскадрой. Да и нельзя было не остаться довольнымъ. Остальные три миноносные катера походили на первый. Лица экипажей точно также были разумно мужественны. Да, разумны, потому что одного мужества на миноносномъ катерѣ мало. На немъ только пять-шесть человѣкъ экипажа, и каждый специалистъ. Помимо мужества, онъ подъ огнемъ долженъ обладать полнымъ хладнокровіемъ и полнымъ присутствіемъ разсудка. Одно фальшивое движеніе руки можетъ вести къ гибели. Одинъ править рулемъ, онъ долженъ слѣпо слушать приказаній командира; другой управляетъ машиной, его ошибка—гибель катера; третій, минарь, онъ долженъ въ данный моментъ соединить токъ батареи; два остальные направляютъ шестовую мину. Только совокупно-разумное дѣйствіе всѣхъ ведетъ къ удачѣ. И всѣ эти специалисты-герои 1877 года — мальчики призыва 1875—76 годовъ. Господи, и что только можно сдѣлать съ русскимъ человѣкомъ!

30го іюля. Сегодня мы должны были ѣхать дѣлать рекогносцировку острова Лети (Понтисъ), но опоздали перевезти лошадей. Отложили до завтра, а сегодня рекогносцировали Дунайскія гирла Киіітскаго рукава.

Что это за прелесть Дунай! Широко, глубоко и богато рыбой. У Вилкова Киіітскій рукавъ образуетъ вилку изъ

четырехъ гирлъ: Бѣлогородскій, самый сѣверный, Очаковскій, Отножный или Песочный и Старо - Стамбульскій, самый южный.

1го августа. Сегодня утромъ при выходѣ изъ дому меня поразила новый запахъ на улицахъ. Прежде пахло только рыбой и тилой, теперь же несло какою-то нестерпимою гарью. Встрѣченный крестный ходъ на Иорданъ мнѣ напомнилъ что сегодня начался Успенскій постъ. Этотъ запахъ былъ отъ жаренаго деревяннаго масла, и этимъ воздухомъ, съ примѣсю комаровъ, надо дышать до 15го августа. Я шелъ съ тяжелыми думами, меня мучила судьба нашихъ командировъ минноносныхъ катеровъ.

Вчера мы дѣлали рекогносцировку острова Лети и турецкой батареи на этомъ островѣ, противъ самой Сулины.

Мы отправились на паровомъ катерѣ внизъ по Старо-Стамбульскому гирау, пока позволяла глубина, и пересѣвъ на рыбацкія лодки отправились въ Свистовку, гдѣ насъ ожидали верховыя лошади. На берегу насъ встрѣтило все село въ праздничныхъ пластьяхъ, священникъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ, святою водою и хоругвями, во главѣ. Позади стоялъ столъ съ хлѣбомъ - солью. Генералъ принялъ ихъ очень сухо, недобрая слава ходила про Свистовцевъ, она потомъ и оправдалась. Генералъ Веревкинъ, Иорданъ, три командира катеровъ, Фридериксъ, Сомовъ и Скрыгинъ (четвертый Лоцинскій былъ боленъ), я, казакскій сотникъ Секретовъ и нѣсколько конвойныхъ казаковъ, сѣвъ на лошадей, отправились къ нашему кордону, который только въ шести верстахъ отъ Сулины. Проѣзжая вновь около строящейся церкви, генералъ просилъ меня войти на колокольню посмотреть нельзя ли устроить наблюдательный постъ чтобъ оттуда слѣдить за движеніемъ непріятельскихъ судовъ въ Сулинѣ. Мѣсто оказалось удобнымъ, особенно когда генералъ самъ перѣдетъ на островъ Лети; иначе слишкомъ далеко давать знать. Догнавъ генерала, я доложилъ ему объ этомъ прибавивъ что было бы хорошо вырубить часть деревьевъ заслоняющихъ гавань.

— Ну, и рубите сколько хотите, солдатамъ будетъ толпино.

Я обратился къ генералу Салатскому, прося приказать назначить солдатъ съ топорами. Мы ѣхали по берегу Чернаго моря и подвигались къ песчанымъ буграмъ, которые мѣшали намъ видѣть Сулину. Жара была страшная, а тутъ еще коло-

колья и непривычная ѣзда верхомъ. Моя фляжка оказалась скоро пустою. Наконецъ, послѣ получасовой ѣзды рысью, мы увидали развалины кордона и около него взводъ казаковъ. На бугрѣ стоялъ часовой.

Сулина открылась какъ на ладони. Мѣстность была слѣдующая: узкій дефиле въ родѣ песчаной косы отъ десяти до пятнадцати сажень въ ширину велъ къ Сулинскому рейду, на оконечности турецкая батарея въ четыре орудія. Направо непроходимые плавни, * налѣво море. Длина всего дефиле около шести верстъ.

Видя важность позиціи, генераль-лейтенантъ Веревкинъ приказалъ генералу Салатскому немедленно усилить постъ и прислать роту пѣхоты и два орудія, которыя ночью должны занимать позицію впереди кордона, у самаго ручья (по здѣшнему „ерикъ“), а днемъ отходить въ глубь острова, чтобы не подвергаться выстрѣламъ съ моря,—что вскорѣ и случилось. Командиры катеровъ просили подѣхать ближе. Генераль позволилъ. Мы поѣхали далѣе къ лагерю генерала Салатскаго въ Сатуновѣ, а оттуда къ селу Лети и обратно уже другою дорогою, на село Переправа у Килийскаго рукава, гдѣ мною была поставлена эскадра 28го іюля. Фридериксъ, Сомовъ и Скрыгинъ должны были насъ догнать прямою дорогою. Такимъ образомъ мы проѣхали почти весь островъ Лети.

Удивительно своеобразна дельта Дуная, въ особенности ея острова, которые образуются слѣдующимъ образомъ: сначала пловучая трава образуетъ пловучіе острова, которые, приткнувшись къ отмели, образуютъ болотистые плавни. На нихъ наносится разливомъ илъ и земля, вѣтеръ ихъ обмѣняетъ, и черезъ 20—30 лѣтъ на нихъ уже растутъ кусты и лѣсъ. Есть острова покрытые густымъ лѣсомъ, гдѣ старики еще помнятъ какъ ловили осетровъ и бѣлугъ. Островъ Лети имѣетъ отъ 18ти до 28ми верстъ въ ширину и длину, но только середина и немного сѣверо-западнаго берега покрыты лѣсомъ, остальное болота и плавни. На южной его половинѣ находится озеро Риди-Куль и изъ него течетъ въ Сулинское гирло ручей (ерикъ). Когда вода спадаетъ въ Дунай, жители сосѣднихъ селъ ищутъ въ болотахъ сухихъ мѣстъ и сѣютъ бахчу. Арбузы съ Лети славятся какъ самые вкусные. Говорятъ, Турки на насъ сердятся что мы ихъ лишили этого удовольствія.

* Плавнями называютъ на югѣ камышовыя болота.

Въ прошлую Крымскую кампанію на островъ Лети не было поселковъ, были одни таможенные кордоны. Теперь уже три села съ хорошими церквами: Свистовка, въ ней живутъ Лиловане, Сатуново, молдаванское село, Лети, малороссійскіе выходцы, и четвертый поселокъ, вездѣсущая нѣмецкая колонія. Всѣ они жили очень богато, пока ихъ не ограбили башки-бузуки, предъ самымъ нашимъ приходомъ. Солнце уже было на закатѣ, собиралась гроза, когда мы подъѣхали къ мѣсту стоянки нашей эскадры. Молодежи нашей все еще не было. Генералъ сталъ безпокоиться. Онъ заходилъ на суда, видимо тянулъ время, поджидая, не пріѣдутъ ли. Наконецъ въ 8 часовъ поѣхалъ обѣдать. Я отказался и остался дожидаться.

Когда мы пріѣхали къ берегу и слѣзши съ лошадей, я увидѣлъ что на шкунѣ *Лебедь* пьютъ чай. Чтѣ прежде: пить чай или купаться? Жажда взяла верхъ, я выпилъ стаканъ чаю и бросился въ Дунай. Никогда въ жизни я не испытывалъ такого наслажденія. Цѣлый день подъ палящимъ солнцемъ, 45 верстъ верхомъ, и вдругъ прохладныя волны Дуная. Еслибы не жажда, я бы кажется всю ночь просидѣлъ въ водѣ. Не помню сколько стакановъ я выпилъ, было уже 11 часовъ, командиры катеровъ все еще не пріѣхали, надъ Виковымъ нависли тучи. Я попросилъ паровой катеръ и отправился въ городъ, подъ звукъ раскатовъ грома. Молнія ослѣпительно освѣщала окрестности, удары оглушали. Не успѣвъ я ступить на берегъ, полилъ ливень. Но я былъ въ кожанѣ. По колѣна въ грязи я кое-какъ добрался до генерала. Онъ былъ не въ духѣ, получилъ важныя бумаги, а тутъ я еще донесъ что командировъ еще нѣтъ. Одна бумага была на мое имя, безъ меня на квартирѣ ея не оставили и не знали гдѣ она. Черезъ часъ она отыскалась; я написалъ отвѣтъ и въ два часа измученный легъ спать. Но не суждено мнѣ было спать въ эту ночь, раскаты и удары грома были страшные, вѣтеръ сорвалъ ставень. Участь командировъ меня томила.

Утромъ сегодня, какъ я уже говорилъ, меня поразилъ новый запахъ. Я шелъ къ генералу, отъ котораго узналъ что молодежь, слава Богу, вернулась. Я успокоился и вернувшись домой легъ спать. Но опять мнѣ не суждено было спать, за то этотъ разъ меня ожидало удовольствіе, даже болѣе. Ко мнѣ ввалились всѣ четыре командира катеровъ. Я несказанно обрадовался и тутъ же ихъ выругалъ.

— Да съ нами же ничего особеннаго не случилось, погода задержала, да еще съ дороги сбился.

— Да расскажите толкомъ, какъ и что было?

— Ну, пускай они рассказываютъ, отвѣтилъ Скрыгинъ и завалился спать.

Лейтенантъ Сомовъ началъ.

— Когда мы съ вами разѣхались, то направились по дефилею около плавень, къ Сулину. Не довзжая верстѣ двухъ, мы замѣтили на судахъ движеніе. Два казака бывшіе съ нами объявили что далѣе идти невозможно. Говорятъ, это прямо Туркамъ въ руки отдаваться. Мы слѣпились, а лошадей отдали казакамъ отвести въ плавни. Приблизились еще на версту; на рейдѣ движеніе усилилось, на бельведерѣ дома международной комиссіи собралось человѣкъ десять съ трубами и биноклями. Подойдя на ружейный выстрѣлъ мы сняли плащъ и вернулись назадъ. Про батарею вы знаете, она люнетъ о четырехъ орудіяхъ.

— Ну, а еще что?

— Да болѣе ничего. Да, трехъ коровъ отогнали.

— Это какимъ образомъ?

— Да лить больно хотѣлось, мы ихъ подоили и напились, а потомъ уже жалко стало ихъ бросать. Мы ихъ казакамъ отдали.

Ну, какъ было не расхотѣться. Три лейтенанта отгоняютъ изъ-подъ непріятельской батареи трехъ коровъ.

2го августа. Сегодня особеннаго ничего не случилось. Жара, комары и скука. Вечеромъ пріѣхалъ начальникъ отряда судовъ И. М. Диковъ и объявилъ что минное загражденіе въ Сулинскомъ рукавѣ заложено.

3го августа. Сегодня утромъ пріѣхалъ въ Вилково адъютантъ генерала Семеки, Маркъ, и остановился у меня. Я несказанно ему обрадовался, но былъ огорченъ что онъ не захватилъ моей почты.

4го августа. У меня положительно разстроены нервы, никогда мнѣ не было такъ грустно. Я остался одинъ. Маркъ уѣхалъ. Ночью съ нимъ сдѣлался припадокъ холерыны, я все время не спалъ. Въ 4 часа за обѣдомъ у генерала я познакомился съ полковникомъ генеральнаго штаба Александромъ Карповичемъ Тимлеромъ. Онъ у насъ начальникъ штаба. Говорятъ, его переводятъ: жаль, я рѣдко встрѣчалъ такого симпатичнаго и образованнаго человѣка. Онъ право-

5го августа. Наша колонія увеличивается, сегодня пріѣхалъ военный инженеръ-капитанъ Генрихъ Викентьевичъ Яцевичъ. Ему я тоже обязанъ многими пріятными минутами въ самое тяжелое время; мы остались съ нимъ почти вдвоемъ.

6го августа. Сегодня мы всѣ были приглашены командиромъ Дорогобужскаго полка, полковникомъ Н. П. Карасевымъ, на полковой праздникъ. Тимлеръ, Яцевичъ и я (мы стали неразлучны) отправились въ Базарджикъ, гдѣ стоялъ 3й баталіонъ этого полка. Все что можно было привезти изъ Татаръ-Бунара, все было на столѣ. Но главное было радушіе, которое ничѣмъ незамѣнимо. Во время обѣда игралъ оркестръ музыки и пѣли два хора лѣсенниковъ. Одинъ пѣлъ съ претензіями, даже пѣлъ Беранже: „ей-ей умру отъ смѣха“. Другой пѣлъ русскія захватскія лѣсни. Я любовался удальми залѣвалой. Это былъ изъ тѣхъ русскихъ солдатъ который послѣ тридцативерстнаго перехода, въ присядку идетъ впереди полка съ бубномъ, имѣя ранецъ и ружье за плечами. И что только онъ ни выдѣлываетъ этимъ бубномъ! Но когда залѣли:

Оеия ягодка моя

то на него напалъ какой-то пароксизмъ. Онъ билъ себя бубномъ въ лобъ, билъ имъ о локоть, о колено, вертѣлся какъ дervишъ, просто выходилъ изъ себя. Сначала я слушалъ ихъ съ удовольствіемъ, потомъ мнѣ стало грустно. Скоро многихъ изъ нихъ прикроетъ мать сырая земля. Назадъ я вернулся одинъ. Мнѣ нужно было захватить на эскадру, откуда я возвратился на паровомъ катерѣ.

7го августа. Все то же, служба, жара и комары. Я начинаю свободно дышать только предъ закатомъ солнца. Мнѣ выносятся на улицу стулья, и я наблюдаю за жизнью Невскаго Проспекта Вилкова. Что прямо бросается въ глаза, это множество коровъ и свиней на улицѣ. Свиней двѣ породы: одна обыкновенная, другая помѣсь съ дикими кабанами, послѣднія постоянно обижаютъ первыхъ. Въ Вилковѣ почти нѣтъ лошадей, это Венеція. Вилковцы никогда не несли воинской повинности, а ихъ дѣти постоянно только и играютъ что въ лошадки и солдатики, даже дѣвочки принимаютъ участіе. Противъ меня православная церковь. Каждый день, какъ только зайдетъ солнце, прилетаетъ аистъ и садится на крестъ на одной ногѣ. Съ восходомъ солнца онъ улетаетъ.

Говорятъ аисты примѣрные супруги, невѣрность у нихъ называется смертью. Опять же говорятъ былъ такой случай: аисту подмѣнили яйца, положили гусиныхъ; monsieur-аистъ пришелъ въ ужасъ когда гусенята вылупились и подалъ жалобу. Аисты собрались полукругомъ, призвали невѣрную madame-аистъ, супругъ притащилъ гусенка какъ вещественное доказательство. Улика была налицо, и несчастную заклевали. Повеюль вспомнишь надпись надъ судилищемъ въ Венеціи: „Помните смерть булочника“. Сегодня я наконецъ получилъ свою почту.

8го августа. Положительно невыносимо. Жара еще сильнѣе, комаровъ еще больше. Предъ закатомъ солнца мнѣ по обыкновенію вынесли стулъ на улицу. Я сѣлъ и продѣлавъ всѣ движенія залѣзалъ на полковомъ праздникѣ, то-есть любивъ себя въ лобъ, спину, колѣна и проч., хотѣлъ уйти; но хозяинъ (все тотъ же Еврей, у котораго я ночевалъ въ первый день) просилъ меня остаться. Онъ разложилъ тутъ же на улицѣ кучку навоза и зажегъ. Комары улетѣли, но я тоже ушелъ.

На этомъ мѣстѣ я окончилъ свой дневникъ и не зналъ что дѣлать. Было только половина десятаго. Читать было нечего, думы приходили скверныя. Вдругъ входятъ Тимлеръ и майоръ Бестужевъ.

— Я вѣдь хочу, дайте мнѣ ужинать, сказалъ Тимлеръ, — только не икры и не яицъ, надоѣло.

— Хотите стразбургскаго пирога?

— Отстаньте, зачѣмъ дразнить человѣка.

Я показалъ послѣднюю коробку.

— И это въ странѣ лягушекъ! воскликнулъ Тимлеръ.

Въ двѣнадцать часовъ они ушли.

9го августа. Наблюдая постоянно за турецкимъ флотомъ въ Сулинѣ, я убѣдился что наши агенты врутъ и насъ надуваютъ. Они не доѣзжаютъ до того мѣста гдѣ суда видны, а доносятъ зря. Сегодня въ Сулинѣ была пальба. Агенты донесли что это по кордону и войскамъ тамъ расположеннымъ, ружейная же пальба была по свистовскимъ рыбакамъ. Пріѣхавшій генералъ Салатскій объявилъ напротивъ что съ рыбаками Турки разговаривали, а стрѣляли по казакамъ. А вѣдь кто-нибудь да продаетъ насъ Туркамъ. Они знаютъ все что у насъ дѣлается.

10го августа. Опять все то же. Со мной случилось несча-

етіе, я потерялъ образъ благословеніе моей матери. Я его носилъ всю Крымскую кампанію, онъ былъ на мнѣ въ Сиволь, Инкерманѣ, на вылазкахъ и пять съ половиной мѣсяцевъ въ Севастополѣ. Единственный день, когда на мнѣ его не было, былъ тотъ когда меня ранили. Слава Богу, я его нашелъ, поднавъ все и вся на ноги. Вечеромъ мы ловили рыбу. Я поймалъ сома, щуку и нѣсколько красноперокъ. Сомъ еле вытащилъ, барахтался ужасно. Становится нестерпимо скучно. Новостей въ газетахъ тоже нѣтъ.

11е, 12е, 13е и 14е августа у меня въ дневникѣ отмѣчены: жара, комары, скука. День проходитъ однообразно. Я у Тимлера завтракалъ; онъ, по окончаніи занятій, приходилъ ко мнѣ въ десять часовъ ужинать.

15е. Сегодняшній день былъ обилеяъ происшествіями. Новостей много и все хорошія. Рано утромъ за мной прислалъ генералъ.

— Радуйтесь, пароходъ *Константинъ* тремя катерами взорвалъ въ Сухумѣ турецкій броненосецъ. За *Лисадіей* гнались два броненосца, но она ушла благополучно въ Севастополь.

— Подробности есть?

— Еще нѣтъ. Но у насъ тоже было морское сраженіе. Постъ на минномъ загражденіи взялъ турецкій барказъ съ орудіемъ.

Туркамъ на водѣ положительно не везетъ. Барказъ изъ шелъ по нашему минному загражденію, охраняемому на берегу двадцатью солдатами подъ командой подпоручика Калицкаго, который приказалъ сдѣлать залпъ. Турки отвѣтили тремя пушечными выстрѣлами и пальбой изъ ружей; но не выдержали батальнаго огня. Они бросились въ камыши, на правый берегъ, забрали раненыхъ и бѣжали, оставивъ на барказѣ двухъ убитыхъ и свое орудіе.

Наши молодцы сейчасъ же переплыли Дунай и прибуксировали барказъ къ нашему лѣвому берегу. Вечеромъ насъ поразила еще одна новость, аистъ не прилетѣлъ на свое мѣсто при закатѣ солнца. Что-нибудь да случится. Мои ожиданія оправдались, явившійся ординарецъ потребовалъ меня къ генералу.

— Вы поѣдете въ Одессу, мнѣ нужно отправить важныя бумаги къ командующему войсками. Пошлите въ полкъ за лошадьми и будьте готовы.

Хотя я былъ радъ съѣздить въ Одессу, но боялся что Сулину возмуть безъ меня.

— Ваше превосходительство, успѣю я вернуться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ?

— Успѣете, вы торопитесь и постарайтесь вернуться скорѣй.

Уложился я въ пять минутъ, но долго пришлось записывать всѣ коммисіи остающихся. И чего только ни поручали купить: и ваксы, и почтовыхъ марокъ, чаю, кофе и т. д. Но преимущественно всѣ просили табаку. Въ Румыніи его нѣтъ.

Въ десять часовъ я зашелъ къ генералу и объявилъ что я готовъ. Но пришлось ждать генеральнаго штаба подполковника Барановскаго, который поѣхалъ на островъ Лети, гдѣ наши отбили барказъ. 16го августа прошла ночь, Барановскаго все нѣтъ. Наконецъ подъ вечеръ пришла отъ него записка: Турки подошли къ нашему посту и обстрѣливали его картечью. Наши отступили, забравъ съ барказа орудіе, но барказъ сжечь не успѣли. Поздно вечеромъ я уѣхалъ.

17го августа. Сегодня въ пять часовъ пополудни я пріѣхалъ въ Одессу. Командующій войсками позволилъ мнѣ остаться тутъ впредь до приказаній. Мнѣ какъ-то не вѣрилось что я въ Одессѣ. Первое время не зналъ что съ собой дѣлать.

18го августа. Я спалъ на постели съ пружинами, пилъ холодную сельтерскую воду, иду купаться въ море.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. САТИНЪ.

ИГРУШКА СУЛТАНА

(Изъ Барбье.)

На разныя диковинки глазѣя,
Въ углу одной изъ отдаленныхъ залъ
Центральнаго Британскаго Музея
Я странную вещьцу увидалъ.
Сперва почти не обратилъ вниманья
Я на нее; теперь же цѣлый рой
Тяжелыхъ думъ смущаетъ мой покой,
Когда о ней мелькнетъ воспоминанье.
На первый взглядъ заманчиваго въ ней
Нѣтъ ничего; отдалка дубовата:
Представленъ тигръ, подъ лапою своей
Повергшій въ прахъ британскаго солдата.
Горятъ глаза животного, полны
И торжества, и кровожадной страсти;
Британцу нѣтъ спасенья изъ-подъ власти
Его когтей; минуты сочтены!...
Но чтобъ еще усилить впечатлѣнье
Невидимо внутри игрушки той
Есть механизмъ, ребячески простой,
Стремящійся представить вождельные
Мучителя и безнадежный стонъ

Несчастливаго.... Я, полный отвращения,
Хотѣлъ уйти, но проводникъ значенье
Игрушки объяснилъ мнѣ. Вотъ что онъ
Сказалъ: „Та вещь сюда изъ Индостана
„Какъ доблестный трофей привезена;
„Любимою забавою она
„Служила для Мейсурскаго султана.
„Бывало, лишь денницы лучъ блеснетъ,
„Султанъ, склонясь на мягкія подушки,
„Младого дня привѣтствовалъ восходъ
„Подъ ревъ и стонъ чудовищной игрушки.
„Онъ ей внималъ, любясь страстно ей,
„Какъ отблескомъ или какъ отзвучьемъ рая,
„А ненависть къ врагамъ роднаго края
„Въ душѣ его кипѣла все болѣе.“

Постыдная игрушка! Наслажденья
Разумнаго никто въ ней не найдетъ;
Понять ее слободенъ только тотъ
Въ комъ бѣшено пылаетъ жажда мщенья,
Кто, какъ султанъ Мейсурскій, въ горькій часъ,
Когда толлою враговъ неодолимою
Изъ боя въ бой безжалостно гонимый,
Себѣ, увы! говаривалъ не разъ:—

Я властелинъ страны привольной и богатой!
Въ ней столько золота и дорогихъ камней,
Что ихъ пересылай, пожалуй, хоть лопатой!...
Да, счета нѣтъ моимъ сокровищамъ: коней
Моихъ и самый вихрь пустыни не обгонитъ;
Несмѣтный сонмъ рабовъ покорно выю клонитъ
Предъ волею моею; среди моихъ дворцовъ
Таится цѣлый рой красавицъ черноокихъ....
Чего жъ еще желать?!... Но вотъ, изъ странъ далекихъ
Является толпа какихъ-то пришлецовъ,
Гонимыхъ нищетою изъ родины голодной,
Поработить меня, страну мою; затѣмъ,
Все, все отнявъ у насъ, вдругъ обратить эдемъ
Въ такой же край тоски, какъ островъ ихъ холодный!...
Неужто шею мнѣ покорно подставляютъ
Подъ рабское ярмо на томъ лишь основаньи
Что сотнѣ торгашей угодно исполнять

Малѣйшій свой капризъ, лустѣйшее желанье?
 Нѣтъ, никогда!... Клянусь: иль нагихъ Англичанъ
 Я прогоню опять за-далній Океанъ,
 Иль лягу самъ костью за счастье, за свободу
 Родной страны!... Что смерти? — ничто!.. Страшнѣй, въ
 угоду

Врагамъ, носить ярмо стыда!... Свобода, честь
 Дороже во сто кратъ чѣмъ жизнь!... Итакъ, не знаю,
 Что станетъ со мною... но заклятую месть
 Къ Британцамъ я навѣкъ отчизнѣ завѣщаю!..

И клятву ту сдержалъ Тиллу-Сагибъ:

Еще царемъ, въ шальномъ разгарѣ боя
 За свой вѣнецъ, за родину погибъ
 Безвременно онъ смертію героя;
 Сраженный лалъ въ неравной онъ борьбѣ,
 Но сохранилъ и честь свою и славу,
 Въ укоръ врагамъ кровавую забаву,
 Какъ памятникъ, оставивъ по себѣ.

—

Тиллу-Сагибъ является предъ нами
 Не кроткою овечкой, слора нѣтъ!
 Дукарь онъ, да, не больше!... Ну, а сами
 Враги его, морочащіе свѣтъ
 Слащавыми и лживыми рѣчами
 О честности намѣреній своихъ,
 Святѣе, что ль? а памяти позорной
 Всѣ Гестингсы, всѣ Клайвы, какъ и ихъ
 Пособники, съ алчбой своей тлетворной
 Къ стяжанію, не хуже ль дукарей?...
 Нагрянули они изъ-за морей
 На Индію какимъ-то ураганомъ,
 Какою-то губительной волной,
 Чтобъ завладѣть гдѣ силой, гдѣ обманомъ
 Свободною, цвѣтущею страной....
 А что сказать о шайкѣ той злодѣйской,
 Подъ именемъ компаніи Индѣйской
 Извѣстной всѣмъ и каждому? Полна
 Одной любви къ стяжанію, она
 Всей хлѣбною торговлей завладѣла
 За Гангомъ и въ имой голодный годъ,
 Губя нуждой задавленный народъ,

Сама межъ тѣмъ безстыдно богатѣла!
 Пока не сотнями, не тысячами, нѣтъ,
 А милліонами туземцы погибали,
 Чѣмъ побѣдители злодѣйства объясняли?
 Чѣмъ именемъ святымъ, обманывая свѣтъ,
 Они безбожные поступки прикрывали?
 Они клялись что цѣль стремлений ихъ чиста;
 И всѣ повѣрили что эти лицемѣры
 Несутъ азычикамъ безцѣнный свѣточъ вѣры,
 Идутъ распространять ученіе Христа!
 Все ложь и ложь одна!... Дитя, и то едва ли,
 Способно вѣровать въ завѣдомую ложь...
 Европа не дитя! Итакъ, изъ-за чего жь
 Злодѣйства изверговъ безъ кѣры оставали!...

—

Я понималъ смыслъ игрушки, и съ тѣхъ поръ
 Всѣ доблести войны я ненавижу,
 Когда имъ цѣль—одна корысть! и вижу
 Въ побѣдахъ я не славу, а позоръ!
 И не могу смотрѣть безъ чувства злобы
 На тѣ лиры что въ Лондонѣ набобы
 Пресыщеннымъ друзьямъ своимъ даютъ,
 Гордась своей милліонерской славой!
 Какъ рядомъ съ Макбетомъ тѣнь Банко, тутъ
 Сагибъ съ своей игрушкой кровавой
 И призраки загубленныхъ войной
 Являются мгновенно предо мной...
 И я за то судьбу благословляю
 Что лиришествъ ихъ я самъ не раздѣляю,
 Иначе бы лишь смрадъ гнѣющихъ тѣлъ
 Мнѣ чудился-бъ въ волнахъ благоуханій;
 Не вальса бъ звукъ въ ушахъ моихъ звенѣлъ,
 А дикій волю безвыходныхъ страданій;
 Не старое бургонское вино
 Въ той жидкости, смакуемой съ любовью
 Набобами, я видѣлъ бы:—оно
 Казалось бы пролитое мнѣ кровью,
 И бросилъ бы я торгашамъ въ уполъ
 Свой грозный стихъ и желчный свой укоръ!

К. Н. III—НѢ.

ДОТЪЗЖАЧІЙ

РАЗКАЗЪ.

Я никогда не забуду того чуднаго утра когда мы веселою компаніей отправились изъ гостепріимной усадьбы нашего хозяина вспомнить старину, „лобаловаться“ съ борзыми и гончими. Да, прежде это называлось охотой, дѣломъ, „занятіемъ“, а теперь — баловствомъ! Мягкая, какъ бы жалостливая осень срединной Россіи вступила въ свои права, позолотивъ и поле, и лѣсъ. Утреннее небо, прозрачное, бѣлосватое, чуть-чуть освѣщало длинный отлогій подъемъ на который мы взбирались. Торчащіе стебли скошенной соломѣ на его верхушкѣ, пронизанные первыми лучами восходящаго за пригоркомъ солнца, рдѣлись и всполыхнутые вѣтеркомъ то темнѣли, то снова загорались, отражая солнечный свѣтъ. На вспаханныхъ подъ озимъ поляхъ, извивающихся черными полосами между желтымъ ковромъ убраннаго хлѣба, весело подпрыгивали и щебетали лтчики, въ ожиданіи полнаго восхода солнца, обѣщающаго согрѣть ихъ послѣ долгой и морозной ночи. Подъ чарующимъ вліяніемъ этого ранняго утра, свѣжаго, дышащаго нѣгой воздуха, мы всѣ невольно забыли житейскія дразги, забыли непріятную дѣйствительность.

Даже сѣдой старикъ сосѣдъ, съ горя уже два года занимающийся тяжбыми дѣлами, вдругъ проявивъ и на его устахъ засвѣтилась честная, добродушная улыбка. Нѣтъ, что бы ни говорили противъ охоты, хотя та же поэзія! Она нужна нашей душѣ какъ сонъ послѣ дневнаго труда, какъ усложненіе души и совѣсти на лонѣ природы....

Мы уже приближались къ вершинѣ покатаго пригорка. Солнышко, не горячее, не знойное, а доброе, теплое и нѣжное, свѣтило надъ нашими головами, словно любовною улыбкой радуя и усадьбу, и поля. Не услѣли мы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ какъ всѣ невольно остановились и замолкли; такъ поразительно хороша была картина представшая предъ нашими глазами. За вершиной пригорка сѣдовалъ длинный скатъ черной вспаханной земли, затѣмъ маленькій ровъ, съ текущимъ по нему осеннимъ ручейкомъ, извивающийся причудливою змѣйкой по лодожѣ, а за нимъ какъ свѣтлое лянто, Золотая роща. Высокій, ровный, стройный и густой березовый лѣсокъ стоялъ какъ великанъ за ручейкомъ. Его пожелтѣвшіе, но еще не олавшіе листья, колеблящіеся подъ легкимъ напоромъ согрѣтаго сверху воздуха, отражали солнечные лучи и блестѣли чистымъ золотымъ отливомъ на черномъ фонѣ вспаханнаго ската.

— Боже мой, какъ это дивно хорошо! шептали мы тихо, какъ бы боясь звукомъ своего голоса нарушить очарованіе. И долго мы стояли на пригоркѣ, любясь волшебною картиной золотого лѣса. Его листья, отрываясь отъ могучихъ вѣтвей и направляемые вѣтромъ, летѣли къ ручейку; они казались намъ издали золотымъ дождемъ, идущимъ изъ золотыхъ солнечныхъ лучей....

— Смотрите, тутъ вспаханная земля трудомъ дня и ночи; покатость ровная, гладкая, постепенная.... за ней волшебный золотой лѣсъ, тихо заговорилъ одинъ изъ насъ, указывая, ручкой впередъ,—это исторія Россіи....

— Дай Богъ, вздохнули мы въ отвѣтъ. отрываясь отъ очарованія и начиная спускаться по направленію къ березовой рощѣ, „острову“ нашей охоты. Ловчій, уже давно проведеншій собакъ на другую сторону лѣса, замѣтилъ насъ и привѣтствовалъ тихимъ долгимъ сигналомъ рожка. Этотъ звукъ то словно обрывался, то снова гулко и широко раскатывался по полю....

Увы, мы такъ давно не охотились что, подойдя къ острову, не знали кого изъ насъ назначить распорядителемъ. Хозяинъ, которому предводительство принадлежало по обычному праву, отказался отъ этой чести.

— Теперь такіа времена, господа, когда не знаешь есть ли что въ твоихъ лѣсахъ... Когда-то, ахъ, когда-то мы изъ этого острова по десятку русаковъ сразу выгоняли, а теперь можетъ-быть и воробья въ немъ не найдешь... Лѣсъ рубятъ, звѣря пугаютъ... Нѣтъ, не хочу, ни за что не хочу и распоряжаться, упорно отпѣкивался онъ, печально осматривая любимое мѣстечко его старыхъ, бурныхъ помѣщичьихъ охотъ.

Дѣлать нечего. Сложили плашки и выдернули одинъ. Какъ на зло, распорядительство все-таки досталось хозяину усадьбы.

Старая кровь заговорила. Онъ выпрямился, лихо покрутилъ свои сѣдые, длинныя усы, молодецки подбодрилъ шпорами коня-ветерана и поправилъ на себѣ ремешокъ отъ серебрянаго охотничьяго рога. Мы окружили его, ожидая распоряженій и назначеній мѣстъ. Съ загорѣвшимся огонькомъ охотничьей страсти въ глазахъ бывший собственникъ тысячи душъ превратился въ настоящаго командира.

— Васька, направо, у высокой березы что треснула на двоѣ, слышишь? Евлампій съ парой собакъ, Заливайкой и Барсукомъ—становись у ручья, да не лошай какъ увидишь звѣря, пускай собакъ сразу, а не по одной! кричалъ онъ грозно помахивая нагайкой.

Остатки барской двора всѣ назначены по мѣстамъ. Очередь за нами. Хозяинъ очевидно не совсѣмъ довѣрялъ охотничьимъ способностямъ гостей и поставилъ cadaго изъ насъ рядомъ съ его бывшими доѣзжачими, ловчими или стрелеными. Я попалъ на крутой выступъ невысокаго, тѣнистаго и каменистаго оврага по которому протекалъ ручей; прямо предъ моими глазами видѣлся весь скатъ, откуда мы любовались Золотою рощей, теперь блестящею сзади меня. Черезъ нѣсколько минутъ сюда же подѣхалъ старый, любимый доѣзжачій хозяина Евлампій, держа на сворѣ пару поджарыхъ собакъ. Свѣдокъ, лошадь и собаки носили на себѣ сѣдлы „знаменій“ нашего времени. Строгое лицо, сурово смотрящіе глаза, щетинистые лихо закрученные усы старика говорили о его страсти и прежней специальности охотника; зеленый бекешъ съ ободранною мерлушкой и полинялыми позументами, кривыя ноги худого какъ скелетъ высокаго коня съ не-

помѣрно толстою мордой на ссохшейся и олавшей на сторону шеѣ; уныло валяясь, словно сонныя борзья напоминали что ширина барской воли и потѣхи переживаетъ тяжелую пору. Пока хозяинъ обѣзжалъ „островъ“, повѣряя охотниковъ, а разговорился со старымъ доѣзжачимъ.

— Какая жь нонче жизнь, баринъ, говорилъ онъ какъ бы нехотя, — и умирать такъ въ пору, не жалко кажись. Теперича хоть бы я самъ: съ малолѣтства, — вона еще какимъ — въ стреленные былъ взятъ, а подростъ, ловчимъ сталъ и доѣзжачимъ потомъ. И охота у насъ была не въ примѣръ теперешней — утромъ выѣхать, а къ вечеру по домамъ — это развѣ охота? Нѣтъ, бывало не по днямъ, а по недѣлямъ бродимъ и скачемъ по лѣсамъ и лугамъ; а кончилась охота, ложись на печь и не думай ни о чемъ; а теперь.... срамно сказать, вѣдь я за повара служу! Вотъ какія времена-то пришли, прости Господи!

Старикъ глубоко вздохнулъ и набожно перекрестился.

— Вотъ эта лошадь теперича воду таскаетъ, а прежде-то ее Орломъ звали; лихой былъ конь, какъ трубу бывало зачуетъ, не удержишь...

„Го, го, го!“ послышалось изъ-за рожи. Звонко раздался лай первой собаки; загрохотали трубы, изъ ихъ общаго хора рѣзко выдѣлялся звукъ серебрянаго рога хозяина. Около насъ раздался трескъ надломленныхъ вѣтвей и шумъ сухихъ листьевъ подъ ногами нѣсколькихъ борзыхъ отбившихся отъ своры и теперь мчавшихся стремглавъ на лай ихъ сотоварищей. Изъ другаго конца Золотой рожи выскочилъ на скакъ матерой заяцъ и пустился вверхъ по покатости.

— Эхъ, далековъ проклятый гонить! съ досадой проговорилъ доѣзжачій, сдерживая оживившихся собакъ.

Русакъ мчался впередъ какъ стрѣла пущенная изъ лука. Безъ скачковъ онъ словно стлался и скользя по полю. Собаки дружною кучкой замѣтно догоняли его и, выражаясь по-охотничьи, уже готовы были „наѣсть“, какъ вдругъ заяцъ, подобравъ подъ себя свои длинныя заднія лапки, сразу остановился на мѣстѣ, обернулся къ собакамъ и пристѣлъ, поджавъ уши. Борзья звакнули и съ новою силой рванулись къ нему. Въ тотъ моментъ когда они были у носа русака онъ высоко подскочилъ, собаки прорвались подъ нимъ впередъ, а хитрый заяцъ снова стлался и скользя по полю внизъ къ ручью, направляясь прямо на насъ. Пока борзья, оторо-

лѣвша отъ неожиданной хитрости звѣрка, успѣли остановиться и поворотить назадъ, русакъ былъ уже далеко отъ нихъ, внѣ всякой опасности отъ своры.

Я взглянулъ на старика-доѣзжачаго. Онъ, не спуская глазъ съ приближающагося зайца, наклонился съ сѣдла и дрожащею рукой готовился сбить ошейники со своихъ борзыхъ. Наконецъ насталъ моментъ его торжества. Заяць, не замѣтивъ насъ, вскочилъ въ овражекъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей стоянки.

— Ату, ату его! задыхающимся голосомъ крикнулъ доѣзжачій, спуская собакъ.

Борзые въ одинъ прыжокъ очутились на спинѣ оплошавшаго русака.

— Го, го-го-го! еще громче закричалъ старикъ и низко приклонясь къ луку, съ азартомъ взмахнувъ нагайкой. Конь, уже забывшій счастливые давно прошедшіе дни удали и отважныхъ salto mortale, отчаянно рванулся впередъ, сдѣлавъ напрасное усиліе перескочить ручей и грохнулся выгнѣвъ со старымъ сѣдокомъ на каменистое дно. Я, не довѣряя прочности ногъ и моей лошади, спрыгнувъ съ сѣдла и бросился внизъ. Старикъ лежалъ неподвижно: его конь, понурый, словно сконфуженный, стоялъ около. Подлетѣла стая борзыхъ, подскакали охотники. Общими силами мы, поднявъ безчувственнаго доѣзжачаго, смастерили изъ вѣтвей нѣчто въ родѣ носилокъ и понесли его въ усадьбу. Мы шли и ѣхали молчаливые и олецаленные прискорбнымъ происшествіемъ. Но, чу, гончія снова задились лаемъ, да такимъ дружнымъ, звонкимъ и радостнымъ что у многихъ изъ насъ забилося охотничье сердце.

— По красному! громко проговорилъ хозяинъ, привставая на сѣдлѣ и останавливаясь въ нерѣшительности.

— Да, да, по красному! тихо отвѣтили самые ярые охотники.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, мы донесемъ его, послѣшили мы посоветовать тѣмъ у кого глаза уже горѣли страстнымъ желаніемъ ломаться назадъ къ Золотой рошѣ. Долго угаривать ихъ было и не нужно.... Мы тихо двигались впередъ съ неудобными носилками, а хозяинъ съ тремя, четырьмя изъ гостей понесли тяжелымъ галопомъ внизъ, къ ручью.

Длинные, сѣрыя осеннія сумерки уже наступили, когда мы донесли доѣзжачаго до усадьбы. Его комната, около кухни,

маленькая, повернуться негдѣ. Кое-какъ втащили мы старика въ нее и стали класть на постель.

— О, охъ! закричалъ онъ, ложась на содоменный жесткій матрацъ.

Къ счастью въ усадьбѣ проживалъ отставной фельдшеръ. Онъ осмотрѣлъ старика и нашелъ что у него переломлена правая ключица. Сдѣлали компрессы, перевязку. Старикъ охалъ громко и жаловался на нестерпимую боль. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, и тѣснота комнаты не позволяла намъ переменить ему изголовье.

Было уже совсѣмъ темно, когда раздался веселый говоръ возвратившихся охотниковъ.

— Прямо ииѣ подъ лошадь, слышался громкій разговоръ хозяина,—я его нагайкой по головѣ, онъ кувыркнулся, а тутъ собаки и подхватили!

— Ну что, старина, обратился онъ любовно къ больному доѣзжачему входя въ его комнатку,—что съ тобой, за докторомъ не послать ли, что станешь такъ, больно тебѣ очень?

— О охъ, застоналъ въ отвѣтъ старикъ,—кого, баринъ, затравили, аль краснаго?

— Волка, старина, матераго волка, да что у тебя болитъ-то, скажи?

— Матераго? О - охъ.... батюшка-баринъ.... о - охъ.... прикажите принести, показать.... какой-такой матерой.... не вѣрю я.... чтобы матерой былъ.... О - охъ, умоляющимъ голосомъ запросилъ старикъ, не отвѣчая на вопросы о болѣзни.

— Вотъ что значитъ охотничья-то душа! съ состраданіемъ замѣтилъ хозяинъ и тотчасъ приказалъ принести убитаго волка.

Старикъ медленно закусилъ губу, и закрывъ отъ боли глаза, охая и крихтя, сталъ поворачиваться на больной бокъ.

— Что ты, что ты дѣлаешь, лежи смирно, какъ можно тебѣ ворочаться! стали мы удерживать его.

— Пустите, дайте, посмотрѣть, о - охъ, сердито махнулъ онъ на насъ здоровою рукой, повернулся и взглянулъ на волка. Затѣмъ, закрывъ глаза, онъ сразу оборотился опять къ стѣнѣ и захрипѣлъ. Мы перепугались.

— Обморокъ! Натрудилъ себя и повязку-то вонъ сбилъ съ мѣста! заворчалъ фельдшеръ, суетливо поправляя бинты.

— О-охъ, снова застоналъ еле слышно старый доѣзжачій,—какой-же онъ матерой, баринъ, переяръ проклятый!....

А. МОЛЧАНОВЪ.

ПОРТУГАЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ.

ИНЕСА ДЕ-КАСТРО

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

СОЧИНЕНІЕ ГОМЕСА. ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

Драматическая литература въ Португаліи, совершенно намъ неизвѣстная, появилась въ этой странѣ позднѣе чѣмъ другія отрасли литературы. Португалія обладала уже нѣсколькими поэтами въ то время когда въ ней не было еще ни одного драматическаго произведенія.

Первый драматическій поэтъ явился въ Португаліи въ началѣ XVI вѣка, въ блестящую эпоху португальской исторіи. Это былъ Жиль Виценте, не имѣвшій предъ собою никакихъ другихъ образцовъ, кромѣ древнихъ и заслужившій названіе португальскаго Плавта. Онъ написалъ нѣсколько священ-ныхъ аутоа (представленій) и нѣсколько комедій и трагикомедій, послужившихъ въ послѣдствіи образцами для Квеведо и Лопе де-Вега. Виценте имѣлъ нѣсколько послѣдователей. Но первую настоящую трагедію встрѣчаемъ въ половинѣ XVI столѣтія. Ужасный конецъ Инесы де-Кастро, который

несмотря на слишкомъ два столѣтїя былъ еще живъ въ памяти Португальцевъ, показавъ одному изъ послѣдователей Випенте, Антонию Ферейра, достойнымъ возбудить сочувствіе въ зрителяхъ, олакивавшихъ ужасную смерть несчастной Инесы. Ферейра задумалъ обработать этотъ національный сюжетъ, придавъ ему форму греческихъ трагедій. Вѣроятно Ферейра былъ обязанъ своею любовью къ Грекамъ Буханану, преподававшему въ Коимбрѣ въ то время какъ Ферейра учился тамъ такъ же какъ и Камозисъ. Этотъ ученый Бухананъ, родомъ Шотландецъ, былъ друженъ со многими Португальцами, воспитывавшимися тогда въ Парижѣ, и былъ призванъ вмѣстѣ съ нимъ Іоанномъ III въ Коимбру для занятія тамъ катедры философіи. Онъ перевелъ на латинскій языкъ двѣ трагедіи Эврипида и написалъ также по-латыни трагедіи *Исавой* и *Іоаннъ Креститель*.

Кромѣ трагедіи *Инеса*, Ферейра написалъ еще двѣ комедіи: *Сиво* (*Росинья*) и еще прежде нея, будучи 26 лѣтъ, *Bristo*.

Первый португальскій поэтъ прославившійся во всѣхъ родахъ поэзіи, хотя иностранцамъ и извѣстна только его *Лузиада*, бессмертный Камозисъ, также захотѣлъ испытать себя и въ комедіи, но въ этомъ родѣ онъ оказался ниже своего таанта и его *Филодемо*, *Селевкъ* и *Амфитрионъ* не много прибавляютъ къ его славы.

Въ *Селевкѣ* Камозисъ изобразилъ Антиоха, умирающаго отъ любви къ Стратонисѣ, супругѣ его отца, Селевка. Говорятъ что при выборѣ этого сюжета онъ имѣлъ въ виду сдѣлать упрекъ Филиппу II, умертвившему своего сына Карлоса за любви его къ мачихѣ. Піеса Камозиса написана въ формѣ *autos*, и трудно въ настоящее время опредѣлить, къ какому роду принадлежитъ эта піеса носящая названіе комедіи. Піеса написана стихами, но ей предшествуетъ прологъ въ прозѣ, въ которомъ хозяинъ дома приглашаетъ слушателей насладиться приготовляющимся спектаклемъ; шутъ, на вопросы нѣкоторыхъ участвующихъ въ разговорѣ, отвѣчаетъ неприличными выходками, нисколько не относящимися къ піесѣ. Ходъ піесы чрезвычайно простой. Она не раздѣлена ни на акты, ни на сцены; показано только что такое-то лицо выходитъ и говорить. Въ піесѣ особенно замѣчательна сцена, когда Селевкъ спрашиваетъ у доктора чѣмъ боленъ его сынъ Антиохъ. Докторъ отвѣчаетъ что Антиохъ влюбленъ въ жену его, доктора, и что только обладаніе ею можетъ спасти Антиоха отъ смерти. Селевкъ уговариваетъ доктора согласиться на связь Антиоха съ его женою. Тогда докторъ объявляетъ Селевку что Антиохъ влюбленъ въ жену Селевка, Стратонису, и что эта страсть можетъ свести его въ могилу. Селевкъ, послѣ борьбы съ самимъ собою, рѣшается уступить сыну свою жену. Замѣчательно что въ этой піесѣ докторъ говорить постоянно по-испански.

Испанскій языкъ встрѣчается и въ другой комедіи Камозиса *Амфитрионъ*, написанной имъ въ подраженіе Плавту.

Хотя положенія въ этой лиесѣ лучше и занимательнѣе чѣмъ въ *Семекѣ*, но португальскій поэтъ въ ней неизмѣримо ниже Мольера, подражавшаго тоже Плавту въ своемъ *Алфитрионѣ*. Третья лиеса Камониса *Филодело* выше другихъ его лиесъ. Въ ней не воѣ сцены рифмованныя; многія написаны прозой, но стиль ея гораздо лучше и поэтичнѣе другихъ его лиесъ. Въ ней есть нѣсколько хорошихъ, талантаивыхъ сценъ.

Въ срединѣ XVIII вѣка населеніе Лисабона привлекали въ театрѣ Baixo Alto лиесы несчастнаго Антоніо Хозе. Онъ оставилъ значительное собраніе лиесъ, изданное безъ имени автора и извѣстное болѣе подъ именемъ *Театра Жиды*, хотя настоящее его названіе *Theatro Comico Portuguez*. Антоніо Хозе, руководимый своимъ жаромъ и веселостію, не соблюдалъ никакихъ театральныхъ правилъ. Онъ выводилъ иногда на сцену цѣлую жизнь человѣка, вовсе не заботясь связать интригой отдѣльныя сцены, но его дѣйствующія лица болѣею частью занимательны и были бы еще болѣе интересны, еслибы не впадали часто въ тривіальность. Піесы Хозе имѣли большой успѣхъ и долго держались на португальской сценѣ.

Знаменитый графъ Эрисейра, другъ Буало и авторъ многихъ поэмъ уважаемыхъ въ Португаліи, обратилъ вниманіе на талантъ Хозе, а также и на его недостатки. Однажды послѣ представленія одной изъ лиесъ Хозе, онъ посоветовалъ ему прочесть Мольера и идти по его стопамъ. Хозе только на половину послушался его совѣта, прочелъ Мольера, но все-таки попрежнему слѣдовалъ влеченію собственнаго дарованія и писалъ такіа же неправильныя лиесы.

О жизни Хозе ничего неизвѣстно, но извѣстна его ужасная кончина. Обвиненный въ іудаизмъ онъ былъ брошенъ въ тюрьмы инквизиціи, страдалъ въ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ и погибъ среди пламени на кострѣ. Онъ сдѣлался жертвой ауто-да-фе въ 1740 году.

Около 1761 года явились два поэта: Тиберио Педегаче и Доминго Досъ-Ренсквита написавшіе вмѣстѣ лиесы: *Астарты*, *Мегарры*, *Герміона* и *Инеса де-Кастро* (въ трехъ дѣйствіяхъ). Лучшею изъ этихъ лиесъ почитается *Мегарра*.

Комическій театръ португальскій былъ совершенно заброшенъ, когда Педро Антоніо Корреа Гарсанъ, извѣстный своими прекрасными одами, написалъ двѣ комедіи: одна, извѣстная подъ именемъ *Theatro novo*, не имѣла большого успѣха, но другая, извѣстная подъ именемъ *Ассамблеи*, заслужила общее одобреніе. Когда во второй половинѣ XVIII столѣтія французская драматическая литература завладѣла португальскою сценой, академія въ 1788 назначила премію за лучшую оригинальную трагедію. Премію эту получила графиня Вимейра за свою трагедію *Осмиа*.

Но лучшимъ произведеніемъ португальской сцены почитается трагедія *Инеса де-Кастро*, сочиненіе Гомеса, написанная въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія. Настоящее

названіе ея *Nova Castro*, т.-е. *Новая Кастро*, данное ей ея авторомъ для отличія отъ двухъ еще прежде написанныхъ піесъ на сюжетъ трагической смерти несчастной Инесы. Послѣ *Инесы де-Кастро* Гомеса явилось въ Португаліи нѣсколько замѣчательныхъ піесъ, какъ *Триумфъ натуры*, *Король донъ-Себастьянъ*, *Катонъ*, *Петръ Первый*, *Фридрихъ, пощщающій темницы*, *Голландскій слесарь*, и даже былъ очень даровитый драматургъ Пимента де-Агіаръ, но всѣ названныя піесы, равно какъ и произведенія Агіара, не могутъ равняться съ *Инесою де-Кастро* Гомеса, почитаемою лучшею изъ португальскихъ піесъ и доселѣ пользующеюся успѣхомъ въ Португаліи. Авторъ ея считается лучшимъ португальскимъ драматургомъ.

Несчастія Инесы де-Кастро, внушившія Камонсу такіе трогательные стихи, почти у всѣхъ народовъ Европы служили предметомъ для драматическихъ представленій. Вообще изъ убійства Инесы де-Кастро Португальцы написали пять піесъ. Ихъ сосѣди Исландцы также обрабатывали этотъ сюжетъ подъ разными названіями. Въ 1796 году Англичанинъ Эвардсъ написалъ на этотъ же сюжетъ піесу; Французъ Ламотъ изъ убійства Инесы де-Кастро сочинилъ трагедію, которая въ переводѣ на русскій языкъ игралась на Московской сценѣ. Италіяны и Нѣмцы тоже имѣютъ піесы, написанныя на этотъ сюжетъ, обошедшія такимъ образомъ всю Европу.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Дѣйствующие:

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ IV, король португальскій.

ДОНЪ-ПЕДРО, его сынъ.

ДОНА-ИНЕСА ДЕ-КАСТРО.

ДОНЪ-САНХО, бывшій воспитатель ДОНЪ-ПЕДРО.

КОЭЛЬО } совѣтники.

ПАЧЕКО }

ДОНЪ-НУНЬО, камергеръ.

Посланникъ короля Кастильскаго.

Двое дѣтей, сыновья донъ-Педро и донъ-Инесы.

Дѣйствіе въ Коимбрѣ, во дворцѣ, въ которомъ живетъ Инеса. Дѣйствіе начинается на разсвѣтѣ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ИНЕСА и ЭЛЬВИРА.

Инеса (*появляется какъ бы въ бреду*). Неумолимая тѣнь! Ужасный призракъ! Не преслѣдуй меня! Констанція! * Я умираю!

Эльвира. Какое мученье!.. Какой бредъ, принцесса....

Инеса (*садясь почти безъ чувствъ*). Гдѣ онъ, гдѣ мой супругъ?

* Констанція была первая супруга принца донъ-Педро, сына Португальскаго короля донъ-Альфонса IV. Родителями ея были: герцогъ донъ-Хуанъ-Мануэль и дона-Констанція, дочь короля Арагонскаго Іакова II. Отецъ привезъ ее въ Вальядолидъ чтобы выдать тамъ замужъ за Кастильскаго короля, но тотъ, находя ее еще слишкомъ молодою, отдалъ ее на попеченіе своего дѣда, который долженъ былъ докончить ея образованіе, однакожь около 1330 года этотъ монархъ отказался отъ брака съ нею чтобы жениться на инфантѣ Португальской. Въ послѣдствіи она вышла замужъ за донъ-Педро, наследника португальскаго престола, и проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, умерла, оставивъ ему троихъ дѣтей. Португальскіе историки не говорятъ, впрочемъ, ускорила ли нѣтъ ревность ея кончину, хотя и извѣстно что еще при ея жизни мужъ ея вступилъ въ связь съ ея фрейлиной и подругой Инесой де-Кастро.

Эльвира. Принцъ еще поживаетъ. Никто еще не вставалъ... только ты одна страдаешь, не зная покоя.... Какое же горе терзаетъ тебя и какія видѣнія такъ тебя пугаютъ?..

Инеса. И небо и земля—все противъ Инесы! (*Встаетъ.*) Даже мертвые встаютъ изъ могилъ чтобы мучить меня. Мрачныя призраки постоянно являются мнѣ! О, какъ это ужасно! Даже теперь еще, Эльвира, мнѣ кажется что я вижу эти страшныя привидѣнія.... вижу какъ они кружатся около моей постели. Мнѣ явилась Констанція.... она будто встала изъ гроба и съ гнѣвомъ подошла ко мнѣ. Демоны, изрыгнутые адомъ, при блескѣ молніи и колебаніи земли, окружили меня и угрожали пронзить меня мечами!.. Напрасно звала я на помощь моего супруга! Его имя, произнесенное мною, еще болѣе раздражаетъ Констанцію и она низвергаетъ меня въ жилище смерти. Видѣнія эти—гибельныя послѣдствія преступленія!..

Эльвира. Неужели сновидѣнія могутъ...

Инеса. Это не сновидѣнія, а угроженія совѣсти.

Эльвира. Они не должны терзать тебя! Неужели бракъ не могъ ихъ заглушить?.. Хотя увлеченная страстью, ты отдалась еще до брака, но своимъ раскаяніемъ ты влохмѣла загладила этотъ, скорѣе другихъ извиняемый грѣхъ *.

* Инеса де-Кастро была съ донъ-Педро тайно обвинена Жилемъ, епископомъ гардскимъ, въ присутствіи Эстевана Лобато, кастеллана принца. Донъ-Педро, впрочемъ, при жизни Альфонса отрицалъ этотъ бракъ, хотя его отецъ и говорилъ ему что въ случаѣ если церковь подтвердитъ этотъ бракъ, то и онъ его признаетъ и предоставитъ Инесѣ пользоваться всѣми почестями соединенными съ саномъ принцессы. Донъ-Педро боялся что Альфонсъ общаетъ это только изъ хитрости, чтобъ удостовѣриться въ существованіи этого брака и потомъ расторгнуть его подъ предлогомъ незаконности происхожденія Инесы, которая была дочь донъ-Педро Фернандеза де-Кастро и доны Беренгуеллы Лоренцо, на которой этотъ вельможа не былъ женатъ, хотя она и была знатнаго рода. По словамъ историка Фаріу, донъ-Фернандезъ былъ родня принцу, женившемуся на его дочери, такъ какъ донъ-Фернандо Роузъ де-Кастро, его отецъ, былъ женатъ на донѣ Виолантѣ Санхезъ, незаконной дочери Кастильскаго короля донъ-Санхо Храбраго, брата Португальской королевы Беатрисы. Донъ-Фернандезъ былъ также законнымъ отцомъ Іоанны де-Кастро, которая, оставшись вдовой послѣ донъ-Діего, сеньора бискайскаго,

Инеса. Я не могу допустить мысли что загладиа мои грѣхи. Брачныя узы узаконили мою любовь, но все-таки ея началомъ было преступленіе.... Да, любовь наша причинила столько горя Констанціи, первой супругѣ донъ-Педро, что свела ее въ могилу. Да, еслибы не было меня, несчастная Констанція, любимая своимъ супругомъ, можетъ-быть была бы жива и теперь. Я виновна во всѣхъ ея несчастіяхъ! Я измѣнила ея дружбѣ и была къ ней неблагодарна, ставъ ея соперницей! Боже, я погубила ее! Невольное, но все-таки ужасное преступленіе!.. Да, Констанція, твой гнѣвъ справедливъ; казни меня!.. Но что я говорю?.. Нѣтъ... пощади меня... Что будетъ съ принцемъ?... Пожалѣй его! Вѣдь онъ все равно не разлюбитъ меня... Если ты и тамъ, за гробомъ, любишь его, ты поймешь меня и простишь. Тебѣ ли не знать что противиться любви донъ-Педро выше человѣческихъ силъ! Если ты, не бывъ имъ любима, такъ обожала его, могла ли я не любить его, зная что онъ меня любитъ?... Видитъ Богъ, какъ долго я боролась съ моимъ сердцемъ: ни религія, ни разсудокъ не помогли мнѣ... Разсудокъ молчитъ, когда говоритъ сердце!.. Побороть страсть, подобную моей!.. Нѣтъ, нѣтъ, это выше человѣческихъ силъ... Но что я говорю, несчастная?.. Я богохульствую!.. Прости меня.

Эльвира. Господь милосердъ, Онъ проститъ тебя.... Успокойся....

Инеса. Смерть скоро прекратитъ мои страданія.

Эльвира. Ты желаешь смерти.... но развѣ ты забыла что твоя жизнь принадлежитъ твоему супругу?... Какъ бы страшно онъ былъ огорченъ, еслибъ увидалъ тебя въ такомъ состояніи!.. Заклинаю тебя его любовью къ тебѣ, успокойся, предавайся воображаемому горю.... постарайся отогнать всѣ печальныя мысли....

вступила на кастильскій престолъ, выйдя замужъ за Петра Жесткаго. Такимъ образомъ Инеса имѣла предками принцезу и была сестрой королевы. Мы видимъ что, несмотря на незаконное рожденіе, она носитъ имя своихъ родителей; по всей вѣроятности отецъ призналъ ее публично. Совѣтники короля, завидуя могуществу ея братьевъ, увѣрили донъ-Альфонса что если она дѣйствительно замужемъ за донъ-Педро, то въ случаѣ его смерти, братья не замедлятъ убить другаго сына короля чтобы возвести на тронъ своихъ племянниковъ.

Инеса. О, еслибъ это было возможно!... Но я постараюсь скрыть отъ него мои страданія. Его покой мнѣ дороже моего. Пусть Господь меня одну покараетъ.... а онъ пусть будетъ счастливъ!.. Какъ тяжело мнѣ постоянно казаться покойною, веселою, чтобы не огорчить его!.. Иногда это просто невыносимо! Чѣмъ больше я стараюсь скрыть мое горе, тѣмъ больше оно меня мучить, и я чувствую что оно прекратится только вмѣстѣ съ жизнью. Воспоминаніе о прошломъ приводитъ меня въ ужасъ.... точно также страшить меня и мысль о будущемъ. Интриги, зависть, грозный гнѣвъ монарха, все это вмѣстѣ роетъ мнѣ могилу.... мое сердце предчувствуетъ это....

Эльвира. Оно обманываетъ тебя. Чего ты можешь страшиться, имѣя такого достойнѣйшаго супруга, наилучшаго изъ принцевъ? Онъ защититъ тебя ото всего. Чѣмъ предаваться постоянно мрачнымъ мыслямъ и припоминать лагубные сны, подумай о счастливой участи которую готовить тебѣ будущее: тебя ожидаетъ тронъ Португаліи, любовь и уваженіе подданныхъ, слава царствовать надъ народомъ котораго весь свѣтъ боится и почитаетъ. Все, все, моя дорогая Инеса, обѣщаетъ тебѣ благополучіе... Ты ничего не должна бояться.

Инеса. Это воображаемое благополучіе, это обманчивое счастье, о которыхъ ты мнѣ говоришь, именно и страшатъ меня. О, еслибы донъ-Педро не былъ наслѣдникомъ престола! Я была бы счастлива, жила бы спокойно и весело.... политика не вмѣшивалась бы въ наши сердечныя дѣла, никто бы не прелятствовалъ нашему явному браку. Принадлежа другъ другу, окруженные дѣтьми, мы всецѣло предались бы нашей любви, нашему счастью. Мы бы ни разу и не вспомнили объ этихъ призракахъ величія.... но судьба не хотѣла....

Эльвира. Донъ-Санхо идетъ.

Инеса. Чтò ему нужно? Я уважаю этого старика. Немного такихъ людей у короля.

II.

ДОНЪ-САНХО, ИНЕСА И ЭЛЬВИРА.

*(Какъ только донъ Санхо входитъ,
Эльвира удаляется въ глубину сцены и нежного повода уходитъ.)*

Донъ-Санхо. Слава Богу что я нахожу тебя здѣсь. Я долженъ тебѣ сказать откровенно, донъ Инеса, что тебѣ грозитъ опасность; но ты своимъ благоразуміемъ можешь ее отъвергнуть. Принцъ не хочетъ больше слушать ни моихъ совѣтовъ, ни моихъ просьбъ.... его не трогаютъ даже слезы старика, для котораго его слава дороже жизни! Воспитывая его, я старался удалять отъ него лести, этотъ опасный придворный ядъ, губящій принцевъ, я старался показать ему истину во всей ея наготѣ. Горячій, вспыльчивый, воспламененный теперь еще любовью, онъ противится даже родительской волѣ. Ты должна его образумить. Ты знаешь раздражительный характеръ непреклоннаго Альфонса. Три раза уже онъ давалъ своему сыну приказаніе явиться ко двору, но донъ-Педро не послушался. Я страшусь гнѣва нашего строгаго короля. Слушая наговоры своихъ злыхъ совѣтниковъ и видя сопротивление сына, онъ можетъ забыть что онъ отецъ. Постарайся донъ Инеса, предотвратить пагубныя послѣдствія которыя могутъ произойти отъ упрямства принца. Для его же пользы постарайся убѣдить его немедленно исполнить свой долгъ. Я знаю, ты имѣешь на него большое вліяніе, и надѣюсь на твоё благоразуміе.

Инеса. Я уважаю твою искренность и честность и хвалю твое усердіе. Ты не ошибся, предполагая найти во мнѣ готовность предпринять все, хотя бы даже съ опасностію моей жизни, чтобы только заставить донъ-Педро исполнить свой долгъ. И прежде я пыталась для этого сдѣлать все что могла; не разъ я умоляла его ѣхать ко двору, броситься къ ногамъ отца; но моихъ просьбъ онъ не слушаетъ, ты знаешь его характеръ. Впрочемъ, донъ-Санхо, я обещаю тебѣ сдѣлать все что могу, хотя врозь съ нимъ мнѣ будетъ тяжело. Беззащитна отъ враговъ, я можетъ-быть сдѣлаюсь жертвой политической интриги; но я предпочитаю лучше умереть, чѣмъ быть причиною того что принцъ не исполнитъ сыновняго долга.

Донъ-Санхо. Съ такими благородными чувствами, тебѣ легче будетъ перенести опасность. Противъ тебя много интригъ, зависти, но все это нужно устранить... да...

Инеса. Вотъ донъ-Педро.

Донъ-Санхо. Помоги тебѣ Господь убѣдить его! Я васъ оставляю. (*Уходитъ.*)

III.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА.

Донъ-Педро. Какъ долго длится время, когда я не съ тобой, Инеса! Я только и покоенъ и счастливъ подлѣ тебя; только и существую, когда вижу тебя.

Инеса. Я знаю какъ ты меня любишь, мой дорогой. Я не могу безъ слезъ видѣть твоей нѣжной привязанности ко мнѣ; но сегодня не будемъ говорить о любви; нужно подумать о болѣе священныхъ обязанностяхъ. Милый мой, я хочу просить у тебя одной милости, ты мнѣ не откажешь?..

Донъ-Педро. Чтò ты говоришь, Инеса! Я весь въ твоей власти... Можешь ли ты сомнѣваться что я исполню твою просьбу?

Инеса. Хорошо, слушай же меня, не откажи моей молебѣ. Я также какъ и ты покойна и счастлива только тогда когда мы вмѣстѣ. Но судьбѣ угодно и долгъ велитъ чтобы ты оставилъ меня на нѣкоторое время.

Донъ-Педро. Тебя оставить? Боже мой! Чтò ты говоришь?.. Тебя оставить?.. И это говоришь ты, ты, Инеса?

Инеса. Да, это я говорю, я, твоя Инеса, для которой твоя слава выше всего. Я не могу допустить чтобы твоя любовь была причиною нарушенія твоихъ обязанностей. Ты знаешь, я никогда не умѣла и не желала хитрить. Я отдавалась твоей любви потому что любила тебя, потому что ты честенъ и благороденъ, и я желаю чтобы ты и остался такимъ. Я не хочу чтобы изъ любви ко мнѣ ты забылъ свой долгъ. Я этого не перенесла бы. Милый мой, заклинаю тебя этою самою любовью, поѣзжай сейчасъ же къ отцу. Повиновение родителямъ—самый священный законъ природы, ты долженъ ему подчиниться, поѣзжай...

Донъ-Педро. Довольно... я самъ знаю мои обязанности и исполняю ихъ. Я знаю что слѣдуетъ повиноваться роди-

телямъ; но знаю также и то что власть родителей должна имѣть предѣлы. Я хорошо обдумала, какъ надо мнѣ поступать. Ты не знаешь причины которая заставляетъ меня не повиноваться приказаніямъ короля. Отцу я повиновалась бы; тирану—не хочу.

Инеса. Остановись... онъ твой отецъ! Какъ бы жестокъ онъ ни былъ съ тобой, ты долженъ уважать его и повиноваться ему.

Донъ-Педро. Если онъ хочетъ чтобъ я уважала его и повиновалась ему, пусть по-человѣчески поступаетъ со мной.

Инеса. Не общалъ ли ты мнѣ сдѣлать все что я попрошу?

Донъ-Педро. Но этого я не могу; еслибы ты знала причину отчего я не повинуюсь отцу...

Инеса. Никакой не можетъ быть причины.

Донъ-Педро (*съ негодованіемъ, не обращая вниманія на Инесу*). Тираны... смотреть на насъ какъ на невольниковъ!.. Даютъ намъ жизнь чтобы мучить насъ!..

Инеса. Ты меня пугаешь!

Донъ-Педро. Узнай же все. Альфонсъ и король Кастильскій заключили новый договоръ, по которому они рѣшили безъ моего согласія что я долженъ жениться на Беатрисѣ; для этого меня и требуютъ ко двору. Альфонсу некогда силой удалось заставитьъ меня жениться на Констанціи. Но я самъ тогда былъ виноватъ: не слѣдовало повиноваться. Теперь, хотя бы даже мы и не были соединены священными узами, я не покорюсь. Я знаю его гордый характеръ. Онъ захочетъ во что бы то ни стало чтобъ я исполнялъ данное имъ слово. Не слѣдовало бы пока объявлять о нашемъ бракѣ, а между тѣмъ какое бы другое оправданіе ни найти, все ни къ чему не поведетъ. Посуди сама, могу ли я вѣхать? Можетъ случиться что я выйду изъ себя до того что нарушу данное уваженіе... Но ты плачешь?.. Ты боишься?..

Инеса. Я вижу что мнѣ грозитъ опасность, чувствую что близка моя гибель; но за себя я ничего не боюсь, я боюсь за тебя, меня пугаетъ и мучитъ то что я стала причиной раздора между отцомъ, сыномъ и цѣлымъ государствомъ. Ужасное положеніе! Лучше бы не существовало нашего брака! Ты могъ бы свободно повиноваться отцу и сдѣлать счастливыми двѣ націи, женись на Беатрисѣ! Но нѣтъ, что я сказала? Мой мужъ въ объятіяхъ другой! О, нѣтъ... ни за что... лучше смерти!..

Донъ-Педро. Мое сердце всегда будетъ принадлежать тебѣ одной... никакихъ обрядовъ, никакихъ клятвъ не нужно. Когда любишь, любовь сильнѣе клятвъ... И безъ церковнаго обряда я любилъ бы тебя вѣчно, и никакія человѣческія силы не могли бы насъ разлучить.

Инеса. Но можетъ-быть политика потребуетъ чтобы мы разошлись!

Донъ-Педро. Политическія сѣти я разсѣку мечомъ.

Инеса. Твоя рука не должна вооружаться иначе какъ для предпріятій достойныхъ твоего имени. При нашихъ трудныхъ обстоятельствахъ, кротость болѣе уместна чѣмъ гнѣвъ, и несмотря на высказанныя тобою причины, я полагаю что тебѣ все-таки слѣдуетъ отправиться ко двору. Если ты не согласишься остановить начатыя переговоры о свадьбѣ инфанты Кастильской, твой отецъ въ надеждѣ на твое согласіе зайдетъ такъ далеко что ему невозможно будетъ...

Донъ-Педро. Я ужь ему далъ понять что эта свадьба невозможна; но причины не сказалъ.

Инеса. Не лучше ли было бы...

IV.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Донъ-Педро! Слѣши на встрѣчу отцу.

Инеса. О, Боже мой!

Донъ-Педро. Чтò ты говоришь?

Донъ-Санхо. Альфонсъ приближается къ Коимбрѣ... послѣши скорѣе *.

Инеса (сама съ собой). Моя погибель неизбежна.

Донъ-Педро (задумчивый и удивленный). Мой отецъ! Боже мой, мой отецъ!...

Донъ-Санхо. Ему солгутъ злые совѣтники Козабо и Пачеко. Весь дворъ въ волненіи отъ этой неожиданной поѣздки. Мендоса прискакалъ сказать тебѣ эту новость... онъ говоритъ что народъ ропщетъ на то что ты отказываешься отъ брака съ Беатрисой.

Донъ-Педро. Пусть ропщетъ народъ, пусть солгутъ

* По исторіи Альфонсъ для своего пріѣзда въ Коимбру (въ 1355) воспользовался временемъ когда его сынъ уѣхалъ на охоту.

мый мѣстью и злобой явится тотъ кому къ несчастію обязанъ я существованіемъ. Если онъ желаетъ быть тираномъ, онъ найдетъ въ своемъ сынѣ врага, способнаго на ужасные поступки!... Въ такомъ случаѣ преступленіе не преступленіе, оно становится необходимымъ долгомъ честнаго человѣка. Я не пойду къ нему на встрѣчу.

Донъ-Санхо. Донъ-Педро, что ты дѣлаешь?

Донъ-Педро. То что хочу.

Инеса. О, донъ-Педро, не говори такихъ страшныхъ словъ! Со слезами умоляю тебя, слѣйши на встрѣчу къ отцу, не огорчай меня, не мучь меня!

Донъ-Педро *(на нѣкоторое время задумывается, потомъ говоритъ рѣшительнымъ тономъ)*. Хорошо, я дѣлаю это для тебя, я иду. Но я открою ему нашу тайну; я хочу чтобъ Альфонсъ, вступая на этотъ порогъ, зналъ что въ Инесѣ де-Кастро онъ долженъ уважать принцессу. *(Хочетъ идти, донъ-Санхо его удерживаетъ.)*

Донъ-Санхо. Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь. Обдумай прежде, выйди благоприятнаго случая для открытія такой важной тайны. Не раздражай Альфонса; ты знаешь на что онъ способенъ въ порывѣ гнѣва.

Донъ-Педро. Что онъ можетъ сдѣлать? Ничего. Онъ самъ долженъ бояться меня; за малѣйшую обиду Инесъ я отомщу страшно!

Инеса. Сердце мнѣ правду предвѣщало... Моя гибель близка, мой мужъ самъ толкаетъ меня въ могилу. Ни гнѣвъ короля, ни злоба враговъ, ни ропотъ народа, ничто не страшно мнѣ; но всего я боюсь за тебя. Припомни, донъ-Педро, что прежде чѣмъ вести меня къ алтарю ты поклялся мнѣ хранить всегда должное уваженіе къ твоему монарху и не нарушать мира въ государствѣ, иначе я не согласилась бы сдѣлаться твоею женой. Теперь наступило то что я предвѣдѣла, ты обязанъ сдержать свою клятву. О, дорогой мой, постарайся удержать свои порывы, послѣвши броситься къ ногамъ великаго Альфонса съ покорностью, цѣлуй руки твоего августѣйшаго отца, облей ихъ слезами!... Не забывай что въ порывѣ гнѣва ты можешь погубить и себя, и меня; только кротостью и послушаніемъ ты можешь насъ спасти.

Донъ-Педро. Изъ любви къ тебѣ я на все готовъ; буду почтителенъ, даже нѣженъ, если онъ тоже обойдется со мною съ любовью; не бойся ничего, принцесса. Прощай. Клянусь

Богомъ и тобой, если вся вселенная будетъ противъ меня, Инеса де-Кастро будетъ королевой Португаліи! (*Уходитъ.*)

Инеса. Не оставаяя его, донъ-Санхо, пусть твои совѣты умѣрятъ его порывы.

Донъ-Санхо. Господи, дай силу моимъ словамъ, смилуйся надъ Португаліей! (*Уходитъ.*)

V.

Инеса (*одна, смотритъ по направленію куда ушелъ донъ-Педро*). Несчастная! Какъ мнѣ страшно! Милый мой, дорогой мой, увижу ли я тебя снова? Господи, вручаю Твоей святой волѣ себя и моихъ дѣтей; пойду къ нимъ: я ихъ еще сегодня не цѣловала.

АКТЪ II.

I.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ И ДОНЪ-ПЕДРО.

Донъ-Альфонсъ. Довольно, довольно, принцъ. Мы сумѣемъ отличить лустыя причины отъ важныхъ; ты не хотѣлъ пріѣхать — я пріѣхалъ самъ; я забуду, прощу твои проступки, ты исправитъ ихъ послушаніемъ. Для блага страны и твоего счастья необходимо чтобы состоялся этотъ бракъ, такъ благоразумно мною устроенный. Ты съ удовольствіемъ увидишь, когда вмѣстѣ со мной явишься въ Лисабонъ, какъ радуется народъ этому союзу; готовятъ такія пышныя празднества какихъ никогда не бывало. Какъ отрадно монархамъ доставлять радость своимъ подданнымъ! Не правда ли? Какъ пріятно слышать ихъ молебны къ Богу о сохраненіи королевскаго дома который даетъ имъ миръ, счастье и славу! Какое удовольствіе слышать какъ народъ хвалитъ наши дѣйствія, благословляетъ наше правленіе и охотно подчиняется ему! Этого не могутъ достигнуть дурные короли. Я благодарю Бога за то что Португальцы довольны мной и ничего болѣе не желаю, какъ только оставить имъ въ моемъ сынѣ другаго самого себя, чтобъ онъ

былъ всегда любимъ ими и любилъ ихъ. Положи теперь начало ихъ счастью этимъ бракомъ. Да, сегодня же ты долженъ вѣхать со мной ко двору, для того чтобы немедленно по приѣздѣ инфанты Кастильской отпраздновать свадьбу.

Донъ-Педро. Какое несчастье для меня, что лучший монархъ во вселенной вмѣстѣ съ тѣмъ и не самый вѣрный отецъ! Неусыпно стараясь о благѣ своихъ подданныхъ, онъ хочетъ сдѣлать несчастнымъ своего сына! Государь, ты рѣшивъ этотъ бракъ, не спросивъ даже меня, желаю ли я, могу ли соединить свою судьбу съ той которую ты мнѣ назначаешь! Ты находишь что мое согласіе тутъ не нужно? Развѣ я самъ не въ правѣ избрать себѣ жену, которую обязанъ любить?.. О, государь, не дѣлай такого насилія!

Донъ-Альфонсъ. Замолачи, безразсудный; мнѣ стыдно слушать тебя. Я очень хорошо знаю причину почему ты это говоришь! Какія недостойныя чувства для будущаго монарха! Какъ будешь ты управлять государствомъ, когда ты не можешь побороть собственныхъ страстей? Какъ ты заставишь повиноваться себѣ, когда ты самъ не повинуешься своему королю? Какъ тяжело будетъ Португальцамъ видѣть на тронѣ, гдѣ возсѣдало столько героевъ, женоподобнаго, порабощеннаго страстями короля, неспособнаго держать могущественнѣйшій скипетръ!..

Донъ-Педро. Но слособнаго ихъ защищать, когда нужно. Я согласенъ, я слишкомъ чувствителенъ; но я ненавижу слабость и трусость, ты это хорошо знаешь. На полѣ битвы я сумѣю показать на дѣлѣ что я твой сынъ. Чтобы быть хорошимъ королемъ, прости меня, государь, я не вижу необходимости быть жестокимъ. Напротивъ, я убѣжденъ что безчувственный король не долженъ управлять людьми. Кому недоступны любовь и состраданіе, тотъ не можетъ сочувствовать горю ближняго, трогаться чужими слезами...

Донъ-Альфонсъ. Твой умъ помутился, слѣпецъ! Короли должны быть чужды страстей. Общественная нравственность зависитъ отъ ихъ поведенія. Если они подають дурные примѣры своимъ поведеніемъ, то пороки ихъ подданныхъ ихъ пороки! Они должны жертвовать своими желаніями, должны быть жестоки къ самимъ себѣ для блага народовъ которыхъ вручило имъ Небо. Тѣ которые готовятся давать законы другимъ должны быть слособны на эти благородныя жертвы. Бракъ принца—это дѣло государственнаго интереса, который

и долженъ руководить и располагать нами. Предоставимъ простымъ людямъ заботиться о томъ чтобы любовь скрѣпляла брачныя узы: счастье любви не должно много значить для государя; эти мелочи не для насъ!

Донъ-Педро. Если необходимо тѣмъ которые должны царствовать отказаться отъ правъ и преимуществъ предоставленныхъ природой всѣмъ людямъ, за такую цѣну, государь, я не хочу трона! Заключение союза отвергаемаго сердцемъ,—это источникъ золъ и преступленій. Я это хорошо испыталъ. Я такъ долго несъ тяжелыя цѣли наложенныя на меня твоею рукой..... И снова наложить на себя такія же цѣли.... О, нѣтъ, государь, нѣтъ.... я этого не могу!

Донъ-Альфонсъ. Дерскій, неблагодарный, ты не хочешь уступить просьбѣ добраго отца, покорись же волѣ справедливаго и строгаго монарха! Я далъ слово, ты долженъ его исполнить. Договоры королей неотмѣнны; ты напрасно противишься моей волѣ.

Донъ-Педро. Но, отецъ, подумай....

Донъ-Альфонсъ. Я рѣшилъ. Если мой договоръ не будетъ исполненъ, у насъ возгорится страшная война. Неужели же ты захочешь видѣть Португалію плавающею въ крови? Вся Европа будетъ противъ насъ, чтобы отмстить за нанесенную Кастиліи обиду.

Донъ-Педро. Чего ты боишься? Португалія, какъ и всегда, останется побѣдительницей. И развѣ Испанія посмѣетъ идти противъ насъ? Король Испанскій не тебѣ ли всѣмъ обязанъ? Давно ли, видя свое шаткое положеніе на тронѣ и окруженный непріателемъ, онъ прислалъ къ тебѣ свою супругу, дочь твою, умолять помочь ему? Забылъ онъ, какъ ты, сжался надъ слезами дочери, самъ лично повелъ войско на помощь ему? Неужели онъ пойдетъ противъ того кто помогъ ему отразить непріателя, кто сумѣлъ укрѣпить корону на его головѣ.... и кто всегда, когда захочетъ, можетъ его уничтожить?... * Нѣтъ, кто видѣлъ Португальцевъ предводимыхъ

* Инфанта Португальская доня Марія имѣла много причинъ жаловаться на своего мужа, который открыто жилъ съ Леонорой де-Гусманъ, и обращался съ женой крайне пренебрежительно; но несмотря на это, она не колеблясь отправилась просить помощи своего отца противъ Галибоасема, который, соединясь съ Гренадскимъ калифомъ, сдѣлалъ набѣгъ на Кастилію. Альфонсъ,

тобою въ бою на берегахъ Саладо, тотъ не посмѣлъ идти противъ нихъ. А еслибъ онъ и былъ такъ безуменъ, то долго бы пришлось ему поплатиться. Я бы даже желалъ войны: тогда я могъ бы доказать что сумѣю подражать тебѣ, когда нужно, прибавя новые лавры къ твоей коронѣ.

хотя и раздраженный противъ своего зятя, не отказать ему въ помощи, благодаря слезамъ несчастной дочери, красота и добродѣтель которой были всѣми признаваемы, кромѣ ея супруга, недостойнаго обладать ею. Альфонсъ отправился въ Севилью, куда собрались всѣ владѣтели Испаніи и были заняты рѣшеніемъ вопроса, нужно ли давать сраженіе Маврамъ. Португальскій монархъ возбудилъ въ нихъ мужество, и наступательное движеніе было рѣшено. Въ воскресенье 27 октября 1340 показались безчисленныя непріятельскія полчища въ Пена-де-Куэрво близъ рѣки Саладо. Въ понедѣльникъ, 28 октября, съ восходомъ солнца, послѣ обѣдни, отсуженной архіепископомъ Толедскимъ, были двинуты войска; но во время атаки густой туманъ поднялся надъ христіанскими лагеремъ, такъ что съ трудомъ можно было различить другъ друга на небольшомъ разстояніи. Страхъ овладѣлъ войсками, но Альфонсъ, котораго никогда не оставляло присутствіе духа, сказалъ имъ чтобы они не пугались, такъ какъ этотъ туманъ не что иное какъ мавна, ниспосланная Небомъ своему народу, чтобы поддержать его мужество въ борьбѣ противъ невѣрныхъ. Потомъ Альфонсъ закричалъ вслухъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его*, и сраженіе началось. Битва была ужасная; Португальскій монархъ оказывалъ чудеса храбрости. Тѣ изъ непріятелей которые не были изрублены бѣжали до самой Альгезиры и потеряли больше людей въ бѣгствѣ чѣмъ въ самомъ пылу сраженія. Кастильскій король велъ себя также очень храбро и разбилъ Галибоасема. Новая Кассандра, султанша Фатима, предсказала несчастье долженствовавшее случиться, но не могла заставить послушаться ея совѣтовъ; она попала въ руки христіанскихъ солдатъ, которые и умертвили ее, къ большому сожалѣнію королей-побѣдителей. Добыча была огромная; Фаріа утверждаетъ что число убитыхъ съ непріятельской стороны доходитъ до 450.000, тогда какъ число убитыхъ христіанъ было незначительно до невѣроятности. Суевѣріе не преминуло увидѣть въ этой достопамятной побѣдѣ чудо; Фаріа наивно утверждаетъ что побѣжденные сами говорили, какъ они видѣли гигантовъ въ блистающемъ вооруженіи сражавшихся въ рядахъ христіанъ. Король Кастильскій предложилъ Альфонсу взять большую часть богатствъ добытыхъ благодаря его мужеству; но Португальскій король удовольствовался взять себѣ только принца плѣннаго въ сраженіи, немного оружія и лять знаменъ, отнятыхъ имъ самимъ у непріятеля. Ихъ долгое время можно было видѣть въ Лисабонскомъ соборѣ.

Донъ-Альфонсъ. Какое безуміе! Мнѣ стыдно за тебя!... О, несчастные мои подданные, дорогія дѣти, какого монарха оставаю я вамъ! Ты желаешь войны, этого бича который безчеститъ и опустошаетъ человѣчество! Какое дѣло подданнымъ до калризовъ королей? Послушай совѣта отца.... хотя я и сильно раздраженъ противъ тебя, но моя обязанность стараться исправить тебя. Мой долгъ дать тебѣ хорошій совѣтъ, научить тебя.... можетъ-быть уже скоро тебѣ придется замѣнить меня; не забывай моихъ правилъ, береги кровь подданныхъ, цѣни ихъ жизнь какъ свою собственную; бойся войны: она всегда пагубна даже и для побѣдителя. Добрыя монархи плачутъ и среди побѣдъ. Въ томъ знаменитомъ бою, гдѣ, по твоему мнѣнію, я пожалъ столько лавровъ, когда берега Саладо утѣяны были горами непріятельскихъ труповъ, у меня пало только тридцать челоѣкъ, и я находилъ что это слишкомъ много. Я выплакалъ больше слезъ чѣмъ мои солдаты пролили крови. Короли должны быть отцами своихъ подданныхъ; ихъ благо для королей должно быть дороже всего. Бракъ который я тебѣ повелѣваю необходимъ для ихъ блага. Вотъ почему я не могу уважить твоей просьбы. Повторяю, ты долженъ сдержать слово данное мною. Альфонсъ твой король, онъ тебѣ повелѣваетъ, этого довольно. Помни же. Сегодня ты поѣдешь со мной. Иди, приготовься.

Донъ-Педро. Я поѣду съ тобой, но жениться я не могу. Я желалъ бы повиноваться тебѣ; но это невозможно.... я не скажу тебѣ ничего болѣе... я уже достаточно сказалъ. *(Уходитъ.)*

II.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ *(однѣ).*

Возможно ли?.. Мой сынъ укоротствуетъ?.. Какое ослабленіе, какая дерзость!.. Необходимо всѣми силами уничтожить въ немъ эту пагубную страсть которая его увлекаетъ.... но какимъ образомъ?.. Надо подумать.... Необходимо чтобы мой договоръ состоялся. Неблагодарный сынъ, вмѣсто вѣжнаго отца, ты теперь увидишь во мнѣ строгаго короля! *(Зоветъ.)* Донъ-Нуньо!

• III.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-НУНЬО *(изъ глубины сцены)*.

Донъ-Нуньо. Что прикажешь, государь?

Донъ-Альфонсъ. Позови совѣтниковъ.... Но подожди, сюда идетъ Пачеко....

IV.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-ПАЧЕКО, ДОНЪ-НУНЬО.

(Донъ-Альфонсъ идетъ на встрѣчу Пачеко, донъ-Нуньо удаляется въ глубину сцены)

Донъ-Альфонсъ. Кто бы могъ сказать это, мой другъ? Мнѣ стыдно даже подумать.... Ни гнѣвъ монарха и отца, ни убѣжденія, ни угрозы, ничто не подѣйствовало! Нелокорный, онъ смѣетъ отказываться отъ этого брака, смѣетъ не повиноваться мнѣ; но клянусь Богомъ, я заставляю его повиноваться! Прищемъ подѣйствительнѣе средство побѣдить его упрямство. Если необходимо, я употреблю самыя сильныя мѣры.

Пачеко. Государь, для вѣрнаго, но добраго подданнаго очень тяжела необходимость умолять короля потушить жалость и употребить наказаніе; но интересъ страны, а главное слава трона требуютъ этого.... Я неоднократно доказалъ мою неизмѣнную преданность королю и государству. Я не могу, потому только что это касается твоего сына, извинить пагубную страсть принца, причину его упрямства; я выскажу откровенно мои чувства. Опасеніе подвергнуться немилости принца, котораго я люблю и уважаю, не заставитъ меня молчать. Если ты хочешь чтобы твой сынъ повиновался тебѣ, прерви недостойную цѣль оковавшую его сердце и не допускающую его исполнять свой долгъ. Устрани, накажи ту которая поработила его разумъ. Иначе никакія средства не помогутъ.

Донъ-Альфонсъ. Пусть же будетъ наказана, да, пусть будетъ наказана эта женщина, причинившая столько зла! Она осмѣлилась похитить уваженіе ко мнѣ сына. Преступленіе ея.... Но, можетъ-быть мой сынъ болѣе виновенъ,

чѣмъ она?.. Не буду ли я пристрастенъ, осудивъ Инесу, не наказавъ также и того кто долженъ быть вдвое болѣе наказанъ?

П а ч е к о. Принцъ—твой сынъ, и этого достаточно чтобъ онъ былъ оправданъ. Положеніе Инесы совсѣмъ другое.

Д о н ъ-А л ь ф о н с ъ. Слѣдуетъ наказать преступленіе, не разбирая званія, или положенія преступника. Прежде всего я долженъ ее видѣть. Донъ-Нуньо, позови Инесу! (*Донъ-Нуньо уходитъ.*) Я желаю слышать ее, узнать ея мысли, и потомъ мы увидимъ, достойна ли она наказанія.

П а ч е к о. О, государи! Она своими хитрыми рѣчами, своими притворнымъ горемъ сумѣетъ разжалобить тебя и заставить забыть правосудіе. Кто могъ такъ очаровать сына, тотъ можетъ ослѣпить и отца. Любовь поселяетъ лживое искусство въ сердца женщинъ, когда онѣ обьяты преступнымъ пламенемъ; не слова отъ души, отъ сердца прямо, произносятъ онѣ тогда, онѣ убѣждаютъ слезами. Имѣй въ виду только благо страны. Ты долженъ показать примѣръ народу, который уже началъ роптать и будетъ сильно раздраженъ, если предосудительная страсть принца навлечетъ новую войну. Кастилія не потерпитъ обиды, если, вопреки договору, Беатриса будетъ отвергнута твоимъ сыномъ, а донъ-Педро ни за что не согласится на этотъ бракъ до тѣхъ поръ, пока даже воспоминаніе объ Инесѣ не изгладится изъ его мыслей. Удали же, пока еще можешь, все зло; наказаніе иногда бываетъ спасительно.

Д о н ъ-А л ь ф о н с ъ. Ты мнѣ напомнилъ мой долгъ. Чтобы рѣшиться осудить ее, достаточно вспомнить о благѣ народа. Когда интересы государства заговорятъ въ сердца монарха достойнаго трона, состраданіе, любовь, сама природа—все должно умолкнуть. Инеса должна быть удалена отъ принца, изгнана далеко и заключена въ тюрьму до тѣхъ поръ пока не совершится условленный мною бракъ; если же этого недостаточно, мы найдемъ средство болѣе строгое и болѣе дѣйствительное.

П а ч е к о. Этого можетъ-быть не будетъ достаточно; какъ бы далеко, какъ бы недоступно ни было то мѣсто которое ты назначишь для ея ссылки, твой сынъ вырветъ ее ото всюду. Если ты хочешь быть сострадателемъ къ ней и желаешь избавить ее отъ болѣе строгаго, но справедливаго наказанія, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, изгнать ее изъ Порту-

галии. Тебѣ, государь, есть теперь удобный случай отправить ее къ королю Кастильскому, который въ интересахъ своей дочери помѣститъ въ надежное мѣсто соперницу, осмѣлившуюся осларивать сердце принца. Послѣдуй этому совѣту, если ты благоволишь признать его хорошимъ, хотя я и нахожу что это очень легкое наказаніе за такую большую вину.

Донъ-Альфонсъ. Я послѣдую твоему совѣту; но прежде я хочу и кротостью, и угрозами испытать сердце Инеса. Посмотрю, не могу ли заставить ее самую уничтожить зло которое она причинила. Но вотъ она идетъ.

V.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ПАЧЕКО, ДОНЪ-НУНЬО.

(Пачеко удаляется въ глубину театра какъ только Инеса подходитъ къ королю; сопровождавшій ее донъ-Нуньо уходитъ.)

Инеса *(въ сторону)*. Мнѣ дурно.. Боже мой!... *(Вслухъ)* Великій Альфонсъ, позволь Инесѣ уласть къ твоимъ ногамъ... *(Бросается къ ногамъ короля.)*

Донъ-Альфонсъ. Встань, хитрая женщина! Вассака виновная въ такихъ важныхъ преступленіяхъ недостойна цѣловать королевскую руку.

Инеса. Я виновна въ преступленіяхъ? Что такое я сдѣлала? Я не знаю чѣмъ могла оскорбить его величество вассака всегда вѣрная и преданная королю.

Донъ-Альфонсъ *(смотритъ на нее съ гнѣвомъ)*. Ты напрасно хитришь и лицемеришь. Мнѣ все извѣстно; твое притворство только больше раздражаетъ меня. Осмѣлишься ли ты отрицать что любишь моего сына?

Инеса. Нѣтъ, государь, я не отважусь отрицать это; да хоть бы и желала, я не могу не сознаться въ томъ, что и глаза мои, и лицо вполнѣ высказываютъ. Да, если любить и быть любимой—преступленіе, мое сердце преступно, государь... но я не виновна.

Донъ-Альфонсъ. Что?... Ты сама сознаешься въ своей винѣ и говоришь что не виновна?

Инеса. Я всегда говорю правду, и ты ошибаешься обвиняя меня въ притворствѣ. Я довольно высказалась... сказала бы и болѣе еслибы мнѣ это было дозволено.

Донъ-Альфонсъ. Говори, доканчивай. Скажи, какое лагубное ослѣпленіе, какая безумная гордость внушили тебѣ эти тщеславныя, надменные мысли! Какъ ты ослѣпилась, дерзкая, возымѣть такое вліяніе надъ сердцемъ принца? Забыла ты великое, недосигаемое разстояніе между величіемъ трона и твоимъ происхожденіемъ?

Инеса. Когда любовь господствуетъ надъ нами, разумъ молчитъ, тутъ не помнишь о разницѣ состояній; всѣ люди равны предъ любовью. Добродѣтель можетъ любить только добродѣтель, вотъ почему я и люблю твоего сына.

Донъ-Альфонсъ. Ты смѣешь говорить о добродѣтели? Не оскверняй этого святаго слова. Скажи лучше что тобою руководила безумная надежда царствовать. Ты можетъ-быть съ нетерпѣніемъ ждешь моей смерти чтобы поскорѣе надѣть корону на свою недостойную голову?

Инеса. Какая несправедливость!.. Ты не понимаешь безкорыстія любви. Кто любитъ, тотъ жаждетъ только быть любимымъ. Какая корона можетъ сравниться съ такимъ сердцемъ какъ сердце донъ-Педро? Цѣлый міръ не стоить его! Кому донъ-Педро отдалъ свою любовь, тому больше ничего не нужно. Я не только не желаю трона, я ненавижу его. Для меня онъ только ненавистная преграда къ нашему соединенію... Я знаю что я несчастна и всегда буду несчастна.

Донъ-Альфонсъ. Ты можешь еще избѣгнуть большаго несчастія: чистосердечное раскаяніе смываетъ вину. Инеса, ты сама должна сознаться что поступала преступно. Связь эта не должна продолжаться; постарайся исправить сдѣланное тобою зло. Постарайся вполне заслужить прощеніе. Покажи принцу его заблужденія, убѣди его согласиться на предлагаемый ему бракъ. Бракъ этотъ необходимъ. Не возмущай общественнаго спокойствія... не раздражай меня продолженіемъ этой преступной страсти. Бойся ужасной кары, если ты не разорвешь презрѣнныхъ узъ которыми ты оутала сердце принца.

Инеса. Ты многого отъ меня требуешь... Ахъ, еслибъ я могла разорвать цѣль связывающую насъ, вѣрь мнѣ, я бы сдѣлала это; но какъ могу я вдругъ, въ одну минуту вырвать изъ груди твоего сына любовь ко мнѣ и бросить его въ объятія другой! Еслибъ онъ былъ такъ вѣтренъ и нелостоянень, меня не упрекали бы такъ строго за то что я люблю

его. Но я забываюсь... Прости, прости мнѣ, государь, можетъ быть время заглушить... Сама не знаю что говорю....

Донъ-Альфонсъ. Довольно! Я разгадалъ тебя, надменная женщина: ты смѣешь хвастаться своимъ гнуснымъ беззаконіемъ! Какого наказанія достаточно будетъ для твоего преступленія? Все что только можетъ быть ужаснаго....

VI.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, КОЭЛЬО, ПАЧЕКО.

Коэльо. Прибылъ кастильскій посланникъ и проситъ аудиенціи.

Донъ-Альфонсъ. Можетъ войти. (*Коэльо уходитъ.*)

VII.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ПАЧЕКО.

Донъ Альфонсъ. Удались, дерзкая, долой съ глазъ моихъ! Ты скоро узнаешь мою волю!

Инеса. Почтительно и покорно я исполню ее; но только прошу тебя: прежде чѣмъ осудить меня, размотри мое преступленіе безпристрастно. Если ты взвѣсишь какъ должно мои поступки, я надѣюсь, ты не признаешь меня виновною. (*Уходитъ. Донъ-Альфонсъ стоитъ задумчивый во время словъ Пачеко.*)

VIII.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ПАЧЕКО.

Пачеко. Какая неслыханная надменность! Я жалю тебя, государь, когда ты поставленъ въ тяжелую необходимость не слушать своего сострадательнаго сердца, когда ты принужденъ строго наказывать чтобъ избѣжать ужасныхъ послѣдствій.

IX.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, КОЭЛЬО, ПАЧЕКО, ПОСЛАННИКЪ.

Посланникъ. Тебя приветствуетъ дочь моего короля. Она уже вступила въ предѣлы твоихъ владѣній. Но, государь, общая молва о томъ что твой сынъ, увлеченный сильною страстью, отказывается отъ брака съ Беатрисой, достигла до слуха моего короля; онъ повелѣваетъ мнѣ сказать тебѣ и увѣрить тебя что если заключенный договоръ будетъ къ стыду его нарушенъ, чему онъ впрочемъ не хочетъ и вѣрить, онъ сумѣетъ всею своею властью достойно поддержать честь дочери и трона.

Донъ-Альфонсъ. Скажи отъ меня своему государю: для того чтобы разсѣять напрасныя опасенія, достаточно будетъ напомнить ему что короли Португаліи умѣютъ вѣрно и свято держать свое слово не изъ боязни, но по долгу и по обычаю; чтобъ усложнить его, я сегодня же изгоняю Инесу де-Кастро изъ моего государства и поручаю ее его надзору. Ты можешь увѣрить его что дочь его будетъ супругой моего сына.

Посланникъ. Ничего другого и нельзя было ожидать отъ такого мудраго короля. Я сейчасъ отправляю этотъ благопріятный отвѣтъ моему государю. *(Уходитъ.)*

X.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, КОЭЛЬО, ПАЧЕКО.

Донъ-Альфонсъ. Пачеко, прикажи немедленно приготовить отрядъ сопровождать Инесу, а ты, Коэльо, лоди вели ей приготовиться. Сегодня же Инеса отправится въ Кастилію, а мой сынъ поѣдетъ со мной ко двору.

Каэльо. Дай Богъ! Но я сомнѣваюсь, ты слишкомъ склоненъ къ милосердію, государь. Хотя изгнаніе Инесы очень малое наказаніе за ея проступки; но я боюсь чтобъ и оно не имѣло дурныхъ послѣдствій.... гораздо бы лучше было употребить мѣры крайнія, какъ средство болѣе действительное. Я знаю донъ-Педро: онъ не потерпитъ удаленія Инесы,

и я боюсь что онъ до того забудется что подниметь руку на своего отца.

Донъ-Альфонсъ. Не произноси подобныхъ словъ. Ты несправедливъ относительно моего сына. Одно подобное предположеніе приводитъ меня въ ужасъ. Стулай и смотри чтобы мое приказаніе было скорѣе исполнено. Страшно будетъ наказанъ тотъ кто осмѣлится мнѣ противиться!.. Наказаніе его будетъ памятнымъ примѣромъ для цѣлаго свѣта!..

А К Т Ъ III.

I.

Инеса (одна). О, я несчастная! Какія ужасныя страданія!.. Жестокій приговоръ!.. Судьба противъ меня!.. Я должна навсегда покинуть мѣста дорогія моему сердцу! Легче было бы умереть чѣмъ разстаться съ супругомъ! Какъ? Развѣ я его оставляю?.. Я оставляю моего дорогаго супруга? Нѣтъ, это невозможно! Господи! Ты не допустишь этого! Развѣ Ты можешь осудить чувство любви, которое Ты Самъ же въ насъ вдохнулъ? Какое мое преступленіе что я такъ строго наказана? Если Тебѣ угодно наказать меня, порази меня лучше громомъ, сразу уничтожь меня... но разлучить меня съ тѣмъ съ кѣмъ Ты Самъ соединилъ?.. Хотя для Тебя и все возможно: но этого Ты не можешь сдѣлать!.. Но что я говорю? Я богохульствую!.. Разсудокъ, не оставляй меня!.. Гдѣ моя вѣра, гдѣ мое мужество?.. Инеса, ты ли это? Приди въ себя! Орудіе Творца, король, велитъ тебѣ разстаться съ мужемъ... Не противься, заглуши свое горе, оставь свои сѣтованія, не прибавляй преступленія къ своему несчастію; ты должна повиноваться... Но разстаться съ нимъ... Боже мой, оставь его!.. Вотъ теперь-то я узнаю всю силу любви; она не покоряется ни разсудку, ни добродѣтели, ни даже самому небу!

II.

ИНЕСА, ЭЛЬВИРА.

Эльвира. О, моя бѣдная, несчастная Инеса! Горе дѣлать меня! Если правда что тебѣ вѣрно оставить Португалію, и я поѣду съ тобой. Куда бы тебя судьба ни забросила,

я всюду за тобой послѣдую... Я хочу жить и умереть вмѣстѣ съ тобой... Надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ этой милости.

Инеса. Не прибавляй еще больше горя къ моему несчастью. Твои слезы еще сильнѣе заставляютъ меня страдать!

Эльвира. Неужели нашлись такія безчувственныя души что мучать мою дорогую, мою милую Инесу! Но зачѣмъ отчаиваться? Донъ-Педро—твой мужъ, онъ долженъ защитить тебя противъ такого тиранства. Положись на него... Твои слезы заставятъ его...

Инеса. Что ты говоришь? Какую мысль подаешь мнѣ?.. Вмѣсто того чтобы поддержать меня ты хочешь поколебать во мнѣ мужество!.. Ты совѣтуешь мнѣ заставить сына возмутиться противъ отца!.. О, нѣтъ, я лучше всю жизнь буду несчастна, но никогда не буду причиной преступнаго возмущенія. Я начинаю повсѣмнуго приходить въ себя. О, Господи, подкрѣпи меня, не допусти чтобы любовь затмила во мнѣ разсудокъ. Да, пусть совершится моя роковая участь! Я должна ей покориться! Убитая горемъ, вдали отъ мужа, я буду доканчивать свою несчастную жизнь... А мои милыя дѣти... О, я возьму ихъ съ собой! Они мнѣ будутъ утѣшеніемъ въ моемъ горѣ. Они постоянно будутъ со мной, своими милыми личиками будутъ напоминать мнѣ черты дорогаго отсутствующаго мужа. Они узнаютъ отъ меня... Но что я говорю?.. Зачѣмъ связывать участь невинныхъ дѣтей съ моею страшною судьбой, зачѣмъ отнимать у нихъ счастье? Нѣтъ, пусть они остаются у отца, онъ будетъ ихъ покровителемъ. Они будутъ напоминать ему обо мнѣ. Для меня не нужно воспоминаній о моемъ мужѣ; его черты сохраняются въ моемъ сердцѣ до конца моей жизни.

III.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА, ЭЛЬВИРА.

(Инеса, увидавъ донъ-Педро, постыжно утираетъ слезы; Эльвира удаляется въ глубину театра и потомъ уходитъ.)

Донъ-Педро. Инеса, дорогая моя Инеса! Но что я вижу? Напрасно ты стараешься скрыть отъ меня свои слезы, отъ любящаго сердца ничто не скроется. Какая причина?.. Но къ

чему я спрашиваю? Развѣ мнѣ неизвѣстна причина твоей грусти? Да, я самъ твой бичъ, но я также твой защитникъ и мужъ. Вотъ опять слезы!.. Боже мой! Какъ мнѣ это тяжело!..

Инеса. Другъ мой, не обращай вниманія на мои слезы, не огорчайся ими. Ты своимъ присутствіемъ еще больше причиняешь мнѣ печали. Позволь мнѣ уйти чтобъ облегчить мое сердце слезами...

Донъ-Педро. Я лучше готовъ пролить свою кровь чѣмъ видѣть твои слезы! Успокойся, не бойся ничего... все это пройдетъ. Мы преодолѣемъ всѣ препятствія. Да, дорогая моя, мы будемъ всегда вмѣстѣ, всегда счастливы!

Инеса. Всегда вмѣстѣ, говоришь ты?.. О, Боже мой!

Донъ-Педро. Кто же можетъ насъ разлучить?..

Инеса. Необходимо сказать ему... но какъ я скажу? Какой ударъ должна я ему нанести?.. Всѣмъ сердцемъ желаю бы я не огорчать тебя; но не смѣю оставить тебя, не простившись съ тобою. Милый, дорогой мой, мы должны разстаться.... Обними меня....

Донъ-Педро. Чтѣ? Чтѣ такое случилось? Инеса, чтѣ ты говоришь?

Инеса. Я навсегда должна оставить тебя!

Донъ-Педро. Разстаться со мною?

Инеса. Ужасная минута! Милый принцъ, дорогой мужъ, не забывай несчастной Инесы.... Но чтѣ я говорю?.. Нѣтъ, забудь меня, если можешь, будь счастливъ, заключая тебя... только не оставляй нашихъ милыхъ сыновей. Люби ихъ, защищай ихъ отъ зависти и безчеловѣчія. Будь ихъ покровителемъ, обо мнѣ не думай, заботься только о нихъ. Надо покориться волѣ судьбы. Вдали отъ тебя, снѣдаемая печальными воспоминаніями, я скоро испущу мой послѣдній вздохъ.

Донъ-Педро. О, отчаяніе! Какая ужасная мысль проникаетъ въ мою душу!.. Я трепещу!.. Неужели мой отецъ осмѣлился...

Инеса. Мы должны повиноваться его приказаніямъ. Я изгнана изъ Португаліи и сегодня же должна отправиться въ Испанію.

Донъ-Педро. О, бѣшенство! Возможно ли? О, тиранъ, ты не сдѣлаешь этого.... ни онъ, ни небо, ни адъ не вырвутъ тебя изъ моихъ объятій! Я сейчасъ бѣгу къ нему. Пусть онъ затрелецетъ предо мною если не отмѣнитъ своего варварскаго рѣшенія.

Инеса. Боже мой! Чтѣ ты дѣлаешь?

IV.

ДОНЪ-ПЕДРО, ИНЕСА, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Донъ-Педро! Тебя зоветъ отецъ. Приготовься ѣхать съ нимъ. Но что я вижу? Вотъ онъ самъ идетъ сюда.

Донъ-Педро. Инеса, уйди! Просту тебя... не бойся ничего.

Инеса. Я уйду. Помни же что ты сынъ и подданный. *(Уходитъ.)*

Донъ-Педро. Но я также и мужъ, а это важнѣе всего.

V.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Альфонсъ. Что тебя здѣсь удерживаетъ? Ты поѣдешь сейчасъ со мной.

Донъ-Педро. Что? Нѣтъ, я не поѣду, я не оставляю ея.

Донъ-Альфонсъ. Что такое ты сказалъ?

Донъ-Педро. Я еще не все сказалъ тебѣ. Выслушай меня со вниманіемъ, государь, мнѣ необходимо объясниться съ тобой. Пора тебѣ меня узнать: выйни въ мое сердце, полное отчаянія; ты найдешь его честнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ способнымъ на преступленіе, если его будутъ тиранировать. Ты знаешь что я люблю Инесу и хочешь отнять ее у меня! Какая адская злоба внушаетъ тебѣ мысль карать невинную женщину?.. Ты надѣялся что я безъ ропота покорюсь и потерплю такую величайшую несправедливость? Да я былъ бы самый презрѣнный изъ подданныхъ, есибы допустилъ нанести ей малѣйшую обиду!

Донъ-Альфонсъ. Не продолжай дальше; замолчи, мятежникъ! Какая дерзость! Какъ ты смѣешь порицать мои приказанія?

Донъ-Педро. Я не только ихъ порицаю, но даже не покоряюсь имъ!... Мой долгъ и моя честь этого требуютъ... я защищаю мою жену!

Донъ-Альфонсъ. Твою жену?

Донъ-Педро. Да, мою жену. Я обвиняю съ Инесой. Захочешь ли ты и теперь ее оскорблять?

Донъ-Альфонсъ. Не думай обмануть меня; напрасно ты прибѣгаешь къ такой ловкой хитрости, я тебя не вѣрю. Какъ? Вассалка—жена моего сына?

Донъ-Педро. Да, вассалка; но предъ нею всѣ царства міра—ничто, не сомнѣвайся въ этомъ, государь. Почему ты считаешь ее недостойною быть женой твоего сына? Я не стану говорить о томъ что въ ней течетъ царская кровь нашихъ предковъ, она одарена еще лучшими, еще болѣе высокими достоинствами. Вассалка, такъ щедро одаренной отъ Бога всѣми совершенствами, не нужно быть дочерью монарха чтобы стать достойною твоего сына. Чего не достаетъ Инесѣ? Кто болѣе ея достоинъ трона? Но оставимъ ея качества,—Инеса моя жена—этого довольно. Признай ее принцессой и имѣй къ ней уваженіе котораго она достойна.

Донъ-Альфонсъ. Съ нею будетъ поступлено по ея заслугамъ, ты скоро это увидишь.

Донъ-Педро. Сообрази, что ты хочешь дѣлать; ты заставишь меня рѣшиться на преступленіе, если будешь неумолимъ. Если ты поступишь со мною какъ добрый отецъ и милосердый король, ты увидишь во мнѣ и преданнаго подданнаго и почтительнаго сына; но если будешь настаивать на удаленіи моей жены, смотри на меня какъ на твоего смертельнаго врага. Въ припадкѣ гнѣва и отчаянія, я способенъ буду на ужасное преступленіе. Во избѣжаніе этого отмени свое рѣшеніе, исправь свою несправедливость!

Донъ-Альфонсъ. Хорошо, будь покоенъ, я замѣню свое рѣшеніе болѣе справедливымъ: кровью этой гнусной жевщины я потушу въ твоёмъ сердцѣ пожирающее тебя пламя.

Донъ-Педро (*въ отчаяніи*). Прежде ты убьешь меня! Прежде прольется моя кровь, а если нужно, то и твоя!

Донъ-Альфонсъ. Боже! Я дрожу отъ ужаса!

Донъ-Санхо. Донъ-Педро, опомнись! Ты смѣешь противъ отца....

Донъ-Педро. Отца? Развѣ у меня есть отецъ?... (*Къ донъ-Альфонсу съ порывомъ неистовства*). Нѣтъ, нѣтъ, тиранъ, ты больше не отецъ мнѣ и я не сынъ тебѣ.... Такой извергъ какъ ты.... Но что это со мною?.. Съ кѣмъ я говорилъ? Гдѣ я? Отчего я такъ взбѣшенъ? Во мнѣ цѣлый адъ!... Кто это говорить?.. Это не я! Мнѣ страшно!.. Что я сдѣлаю?..

Донъ-Альфонсъ. И небо остается глухо, и громъ не разразить этого чудовища за его кощунство!.. Проклятіе! Мщеніе!..

Донъ-Педро. Я всего достоинъ! Небо, ужаснувшись моихъ словъ, не хочетъ поразить меня громомъ. Земля дрожитъ подо мной, хочетъ разступить и не смѣетъ поглотить меня! Сама бездна страшится чудовища, которое произнесло столько богохульствъ!.. Ужась!.. Какое угрызеніе содѣлать!.. Но, государь, Богъ видитъ что мое сердце не участвовало въ невольныхъ словахъ, внушенныхъ дьяволомъ.... Никто не признаетъ меня виновнымъ.... Несчастный! Что я говорю?.. Я еще ищу оправданія!.. Я самъ презираю себя; не смѣю, государь, молить о прощеніи.... нѣтъ, я его не стою. Прекрати мою тягостную жизнь. Ты въ правѣ казнить меня за то что я, въ моемъ изступленіи, похоронилъ уваженіе которымъ я обязанъ государю, ты долженъ показать надо мной примѣръ для всего свѣта. Пусть эти стѣны, слышавшія мои богохульства, залитыя моею кровью, передадутъ будущимъ вѣкамъ мой плачевный конецъ. При видѣ ихъ, будущее потомство побойтся подражать мнѣ. (*Бросается къ ногамъ донъ-Альфонса.*) Я у ногъ твоихъ, вотъ моя грудь, наноси ударъ, забудь что ты былъ моимъ отцомъ.... Я виновенъ.... Помни, что ты король; казни преступленіе.... но.... пощади невинность!.. Меня ты долженъ казнить: я виноватъ; но помилуй Инесу: она невинна. Умереть мнѣ не страшно; но я не хочу чтобъ Инеса страдала.... и пока я живъ, она не будетъ страдать.... Разлучить насъ невозможно. Сама смерть не въ состояніи этого сдѣлать. (*Опомнись.*) Видя мою любовь, проети мнѣ мой бредъ!.. (*Сильно.*) Я люблю и люблю!

Донъ-Альфонсъ. Я отъ гнѣва и презрѣнія не въ состояніи говорить. Пусть удалятъ отъ меня этого матежника! Донъ-Санхо! Отведи его въ сосѣдній замокъ и наложи на него оковы.... Я тебѣ поручаю стеречь его. Я справедливъ, хотя и неумолимъ. Государственный совѣтъ рѣшитъ какого онъ достоинъ наказанія и опредѣлитъ казнь той которая всему причиной. Трелещи, несчастный, трелещи! Можетъ-быть, этотъ страшный день будетъ долгіе годы ужасомъ Португаліи и всего свѣта!.. (*Уходитъ.*)

VI.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Педро. Можетъ-быть этотъ день будетъ ужаснѣе чѣмъ ты думаешь, если ты не отмѣнишь своего жестокаго намѣренія! Какое безчеловѣчіе! Казнить Инесу, мою жену! Какъ могу я не возмутиться, не возстать?.. Какъ избѣгнуть необходимаго преступленія, которое повелѣваетъ самъ доузъ? Я сказалъ: преступленіе? О, нѣтъ! Защищать жену не преступленіе; было бы преступленіемъ бросить ее!... Я не признаю законовъ угнетающихъ невинность!... Мы ничѣмъ не обязаны родителямъ за наше существованіе; одни ихъ попеченія, заботы и благодѣянія даютъ имъ право на наше повиновеніе, иначе мое сердце отвергаетъ ихъ права. Я раскаиваюсь только въ томъ что поддерживалъ ихъ... Ты желаешь жестокій король, заключить меня въ цѣли для того чтобы безпрепятственно отнять у меня мою дорогую жену! Нѣтъ, тебѣ это не удастся, нѣтъ!

Донъ-Санхо. Ты бредишь! Какія твои намѣренія? Ты хочешь противиться приказаніямъ короля? Подумай!...

VII.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО, ИНЕСА.

Инеса. Донъ-Педро, что съ тобой? Боже мой! Я вся дрожу! Твой голосъ будить эхо этого замка. Альфонсъ съ пылающимъ лицомъ, взбѣшенный, громко зоветъ своихъ совѣтниковъ. Вѣроятно ты своимъ непочтеніемъ къ нему усилилъ его гнѣвъ! Что ты сдѣлалъ?

Донъ-Педро. Я сдѣлалъ меньше чѣмъ можетъ-быть слѣдовало бы мнѣ сдѣлать. Не безпокойся объ этомъ; не бойся бѣшенства этого тирана. Сдѣлай то что я тебѣ скажу... приведи дѣтей; мы сію минуту ѣдемъ.

Инеса. Какъ? Куда?...

Донъ-Педро. Покинемъ этотъ замокъ, мѣсто раздора несправедливости и беззаконія; поѣдемъ со мной, если ты хочешь видѣть меня отцеубійцей...

Донъ-Санхо. О, Господи!

Инеса. Какое безуміе! Чтѣ ты хочешь дѣлать?

Донъ-Педро. Хочу защищать тебя, хочу чтобъ я спокойно могъ обладать тобой, хочу избѣгнуть преступленія. Инеса, осмѣлились грозить посягнуть на твою жизнь! Альфонсъ хотѣлъ заключить меня въ тюрьму, можетъ-быть для того чтобы во время моего заточенія приказать казнить тебя. Онъ самъ осмѣлился мнѣ сказать объ этомъ. Надо бѣжать, или вооруженною рукой не допустить такого варварства. Поскорѣ же бѣжимъ... Не мѣшай.

Инеса. Мнѣ дурно!... Мой бѣдный другъ... Куда мы поѣдемъ?

Донъ-Педро. На край свѣта, если будетъ надо. Всегда вѣстѣ гдѣ бы то ни было мы будемъ безопасны и счастливы. Самая бѣдная хижина, самая послѣдняя землянка будетъ для насъ пріятнѣе раззолоченнаго дворца, гдѣ обитаетъ столько зла.

Инеса. Донъ-Педро, чтѣ ты предлагаешь? Ахъ, у меня нѣтъ силы...

Донъ-Санхо. Ахъ, принцъ, ты бросаешься въ пропасть и меня губишь съ собой! Я долженъ отвѣчать за тебя...

Донъ-Педро. Я не стану ничего слушать. Если хочешь, можешь вѣхать съ нами... Пожалуйста, поѣзжай съ нами, тебѣ нужно отдохнуть, ты слишкомъ долго находился въ зараженномъ воздухѣ, которымъ привыкъ дышать во дворцѣ. Ядовитое дыханіе предательской лести, интрига, обманъ постоянно окружаютъ тронъ короля. Поѣдемъ, удались подальше ото всѣхъ этихъ ужасовъ, насладись спокойствіемъ въ послѣдніе годы твоей жизни.

Донъ-Санхо. Я былъ бы счастливъ еслибы вчерашній день былъ послѣднимъ въ моей жизни!... Ты желалъ бы чтобъ я, смотря уже въ гробъ, сталъ измѣнникомъ моему королю? Чтѣбъ я содѣйствовалъ подобному безумію?... Мнѣ онъ довѣрилъ твое воспитаніе. Я сдѣлался бы сообщникомъ твоихъ преступленій, еслибы допустилъ тебя нарушить твой долгъ.

Донъ-Педро. Долгъ? Это пустая химера! Первый долгъ—это быть счастливымъ, слѣдовать внушенію своихъ чувствъ. Поѣдемъ, Инеса!

Инеса. Господи, какой ужасъ! Чтѣ ты хочешь предпринять?... Своимъ безуміемъ ты губишь себя. Неужели ты

думалъ что я допущу тебя бросить изъ-за меня твое отечество, твой тронъ... Ахъ, что скажетъ свѣтъ?

Донъ-Педро. Что скажетъ свѣтъ? Онъ скажетъ что величіе трона не прельщаетъ меня. Я ничего не теряю променявъ его на тебя; нѣтъ, лучше быть счастливымъ чѣмъ быть королемъ!

Инеса. Можетъ ли быть счастливъ тотъ кто попираетъ законы общества, кто презираетъ голосъ правды? Оставь твои намѣренія. Повинуйся королю. Не надѣйся чтобы я одобрила твои заблужденія и согласилась съ ними. Я и сама не люблю, и тебя не пущу... Я не желаю отнимать сына у отца и лишать счастія Португалію, отнявъ у нея лучшаго изъ монарховъ. Если просьбы мои...

Донъ-Педро. Онъ безполезны. Какъ, Инеса, ты отказываешься ѣхать со мной? Развѣ ты не видишь что здѣсь, въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, мы окружены преступленіемъ, смертію....

Инеса. Для того-то, чтобъ избѣгнуть всего этого, я и нѣду. Честь и слава дороже жизни; если выбирать между преступленіемъ и смертію, то я выбираю смерть... Но гдѣ ты видишь смерть? Развѣ твой отецъ присудилъ меня?... Не скрывай отъ меня ничего. Знаетъ ли онъ что мы обѣщаны?

Донъ-Педро. Я сказалъ ему. Но гордый, упрямый тиранъ показалъ видъ что не можетъ этому повѣрить и грозилъ мнѣ, о, ужасъ, лишить тебя жизни! И для того чтобы можно было осудить тебя по его желанію, онъ и велѣлъ мнѣ заключить въ сосѣдній замокъ. Необходимо....

Инеса. Ему повиноваться!

Донъ-Педро. Повиноваться?

Инеса. Это необходимо. Покорись волѣ короля и отца прошу тебя отправиться въ тюрьму. У тебя нѣтъ другаго средства спасти меня; да я и не желаю быть спасена другимъ средствомъ. Еще разъ увѣряю тебя, я никогда не покину съ тобой.

Донъ-Педро. Довольно. Ты не согласишься ѣхать отсюда? Ты хочешь заставить меня пролить кровь? Ты хочешь чтобы я сталъ отцеубійцей? Хорошо же! Я готовъ на все.... я сейчас же, да сейчас же....

Инеса. Остановите его! Жестокій! Ни мои слезы, ни молебны не трогаютъ тебя?... Гдѣ же моя власть надъ тобой?

Донъ-Педро. Всѣ твои слезы, всѣ молебны теперь напрасны.

Только кровью я могу заглушить мое отчаяніе. Никто, даже ты, не ломѣшаетъ мнѣ нанести страшный ударъ.

Инеса. Начни же съ меня! Пусть кровь твоей жены прольется первую; а если этого будетъ недовольно, чтобъ удовлетворить твою ярость—совершай кощунство!... Какой ужасъ!... Мнѣ страшно смотрѣть на тебя. Ты ли это? Нѣтъ, нѣтъ, ты не мужъ мнѣ. Мой мужъ не можетъ быть преступнымъ; я любила честнаго человека; у тебя нѣтъ больше чести, и я не могу тебя любить. Прочь, кровожадное чудовище.... Но что я говорю?... Не вѣрь мнѣ, развѣ я могу не любить тебя? Посмотри на мои слезы.... *(Бросается къ ногамъ донъ-Педро и обнимаетъ его колѣни.)* Я у ногъ твоихъ.... умоляю тебя уступки моимъ мольбамъ....

Донъ-Педро *(тронутый хочетъ поднять Инесу)*. Боже мой!... Милая, дорогая моя Инеса!

Инеса. Я не встану до тѣхъ поръ пока ты не успокоишься и не обещаешь мнѣ сейчасъ же исполнить волю короля. Ахъ, если ты любишь меня, ты не откажешь въ моей просьбѣ!

Донъ-Педро. Да, я не откажу тебѣ. *(Поднимая ее.)* Кто можетъ не повиноваться тебѣ? Я ѣду сейчасъ. Пусть меня заключаютъ въ тюрьму. *(Донъ-Санхо.)* Пойдемъ, мой другъ. *(Оборачиваясь къ Инесѣ съ большою нѣжностью.)* Теперь ты видишь, какую власть имѣешь ты надо мной!

Инеса. О, Боже милосердый! *(Съ сильнѣйшею нѣжностью.)* Не разрывай моего бѣднаго сердца!... *(Съ притворнымъ спокойствіемъ.)* Нужно быть разсудительнымъ.... отправляйся же....

Донъ-Педро. А ты?

Инеса. Не безпокойся, я ничего не боюсь. Господь внушитъ мнѣ средство смягчить гнѣвъ Альфонса; я пойду къ нему съ дѣтьми, брошусь къ его ногамъ. Никто, какъ бы онъ ни былъ жестокъ, не устоитъ предъ голосомъ крови. Все же у него есть сердце, онъ тронется слезами своихъ внуковъ и проститъ меня. Не бойся ничего.... Прощай, прощай.... *(Поспѣшно уходитъ.)*

Донъ-Педро. Господи, какое мученіе!... *(Уходитъ въпль съ донъ-Санхо.)*

А К Т Ъ IV.

I.

КОЭЛЬО и ПАЧЕКО.

Коэльо. Наша судьба, наконецъ, рѣшится: насталъ роковой день, въ который фортуна или погубитъ насъ, или вознесетъ высоко. Надо смѣло идти на встрѣчу опасности. Или сами погибнемъ, или погубимъ Инесу де-Кастро. Мы на все рѣшились. Замышляя погубель своимъ врагамъ, могущественный любимецъ долженъ уничтожить ихъ прежде чѣмъ они его уничтожатъ; онъ долженъ предвидѣть интриги и умѣть искусно управлять ими. Лучше лишиться жизни чѣмъ власть въ немилость. До сихъ поръ пока намъ все удавалось. Принцъ заключенъ въ тюрьму, Альфонсъ раздраженъ въ высшей степени, кажется результатъ будетъ счастливымъ. Предупредилъ ли ты нашихъ совѣтниковъ? Всѣ ли они подадутъ голосъ за смерть Инесы?

Пачеко. На мое предложеніе они сейчасъ же всѣ согласились. Зависа вполнѣ отъ насъ, эти послушные болваны считаютъ за особенную честь служить нашей волѣ. Между ними одинъ только, равнодушный ко всѣмъ почестямъ старикъ донъ-Санхо могъ бы воспротивиться нашимъ замысламъ; но главный судья Альваро Гонзалесъ * заинтересованъ такъ же какъ и мы въ смерти Инесы; онъ взялъ на себя убѣдить донъ-Санхо въ необходимости этой смерти.

Коэльо. Теперь этого не нужно. Донъ-Санхо порученъ надзоръ надъ донъ-Педро. Поэтому донъ-Санхо не можетъ присутствовать въ совѣтѣ. Намъ остается только постараться еще больше раздражить Альфонса. Не надо терять времени... надо воспользоваться благопріятнымъ случаемъ... Пойдемъ...

Пачеко (*задумчиво*). Подожди.

Коэльо. Какъ? Ты колеблешься?

Пачеко. Признаюсь, я не совсѣмъ покоенъ... надо на все разчитывать: я боюсь что принцъ можетъ страшно отомстить намъ... Кто тогда насъ поддержитъ?

* Этотъ Альваро Гонзалесъ былъ верховный судья и вмѣстѣ съ другими королевскими совѣтниками содѣйствовалъ смерти Инесы.

Козьмо. Ты, стоя на краю пропасти, слишкомъ поздно сталъ бояться. Нужно или перешагнуть ее, или уласть; мы не можемъ отступить. Принцъ уже достаточно знаетъ о нашихъ намѣреніяхъ. Онъ ненавидитъ насъ. Чтò же ожидаетъ насъ, если мы теперь трусливо отступимъ отъ начатаго предпріятія? Не сами ли мы ускоримъ свою гибель и сдѣлаемъ ее болѣе жестокою? Мы строили заговоръ противъ Инесы, боясь что сестра нашихъ злѣйшихъ враговъ можетъ сдѣлаться королевой, и тогда наши заклятые враги неминуемо погубятъ насъ. Намъ остается одно средство: продолжать съ твердостью начатое. Очень можетъ-быть что принцъ со временемъ забудетъ Инесу и согласится на предлагаемый ему бракъ, а какъ только страсть пройдетъ, то и гнѣвъ не страшенъ! А можетъ случиться что обожая такъ Инесу, онъ не переживетъ ея. Горе иногда сводитъ въ могилу. Но чтò бы тамъ ни случилось, Альфонсъ долженъ насъ защитить. Если нашъ планъ и не удастся, я не буду объ этомъ жалѣть. Лучше умереть чѣмъ быть растолтаннымъ своими противниками, братьями будущей королевы *.

Пачеко. Я того же мнѣнія. Нужно отважиться нанести послѣдній ударъ. Пойду, соберу совѣтъ и получше удостовѣрюсь въ подавніи голосовъ. А ты въ это время лodi къ королю, постарайся побольше подлить масла въ огонь, а я потороплю совѣтъ поскорѣе призвать его.

Козьмо. Хорошо, не жалѣй же обѣщаній, да не забудь постоянно извивать донъ-Педро предъ королемъ, сваливая всю вину единственно на Инесу. Альфонсъ идетъ сюда; не теряй времени. *(Пачеко уходитъ. Входитъ донъ-Альфонсъ. Онъ задумчивъ.)*

II.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, КОЗЬМО.

Донъ-Альфонсъ. Жестокое угрызеніе совѣсти! Ужасное наказаніе за мои преступленія! Какое мученіе! Послѣдніе годы моей жизни будутъ отравлены жестокимъ горемъ! Бѣдный отецъ!.. Несчастный монархъ!..

Козьмо. Прости меня, государь, если я осмѣляюсь напомнить тебѣ что ты долженъ устранить печаль, которая тебя

* Этихъ братьевъ звали: Фернандо и Альваро.

такъ терзаетъ. Жизнь твоя, государь, принадлежитъ не одному тебѣ, но также и народу. Ты долженъ беречь ее. Я знаю, чего стоитъ королю перенести такое неуваженіе отъ сына; но принца можно извинить, принявъ во вниманіе сильную страсть которая его совершенно поработила. Невольный проступокъ....

Донъ-Альфонсъ. Я боюсь что болѣе важная причина, чѣмъ эта страсть, влечетъ его къ преступленію; но меня болѣе всего огорчаетъ то что я достоинъ этого наказанія. Божіе проклятiе лежитъ на мнѣ! О, угрызенія совѣсти! Такой отецъ и долженъ былъ ожидать этого. Я былъ еще неблагодарнѣе чѣмъ онъ, я былъ еще бѣльшимъ матежникомъ *. О ужасъ! Я осмѣлился вооружиться противъ моего отца Дениса. Я взбунтовалъ его вассаловъ, я объявилъ ему войну и тѣмъ ускорилъ его смерть. Я попралъ всѣ законы природы.

* Предполагаютъ что первою причиною возстанія Альфонса противъ отца было предпочтеніе которое Денисъ оказывалъ своимъ двумъ незаконнымъ сыновьямъ, Алонзо Санхезу и Хуану Алонзо. Альфонсъ соединился съ донъ-Педро, братомъ этихъ незаконныхъ сыновей, и возмутился противъ отца. Довольно странное стеченіе обстоятельствъ что въ то время какъ Португальскій принцъ возмущалъ народъ чтобы завладѣть трономъ, въ то же самое время Іаковъ Аррагонскій боролся со своимъ отцомъ чтобы тотъ дозволилъ не наследовать ему послѣ его смерти. „Оба, говоритъ Фаріа, совершали преступленіе, только по различнымъ причинамъ. Принцъ Португальскій хотѣлъ преступно наследовать своему отцу; принцъ же Аррагонскій хотѣлъ заставить отца лишиться его наследства, потому что сдѣлавшись королемъ, онъ не могъ уже вести ту порочную жизнь которую велъ.“ Самые ужасные способы употреблялъ Альфонсъ чтобы достигнуть своей цѣли. Пала Іоаннъ XXII хотѣлъ употребить противъ него свою архипастырскую власть, но все было напрасно; король Денисъ выказалъ столько же кротости сколько Альфонсъ ярости; Денисъ не захотѣлъ даже взять его въ плѣнъ, когда послѣдній былъ обращенъ имъ въ бѣгство подъ Сиктрой. Несмотря на старанія королевы Изабеллы возстановить соглашеніе между отцомъ и сыномъ, война еще доаго продолжалась; во время одного сраженія, происходившаго въ подумилъ отъ Лисабона, Изабелла, пренебрегая опасностью, бросилась къ Альфонсу, находившемуся въ самомъ пылу сраженія, и заставила его просить прощенія у отца. Денисъ для упроченія мира отправилъ Алонзо Санхеза въ Кастильскія владѣнія.

теперь она мнѣ мститъ. Да, мятежный сынъ, ты достойный сынъ отца возмущившагося противъ своего отца. Денисъ перенесъ еще больше страданій чѣмъ я. Но ты еще превзойдешь мои злодѣянія; но можетъ-быть ты уже и опоздалъ. Господи! Ты не оставишь ненаказанными такихъ гнусныхъ преступленій! По божественному правосудію почти всегда дѣти отца который былъ дурнымъ сыномъ, бываютъ дурные сыновья и становятся неумолимыми мстителями своихъ предковъ. Денисъ, великій Денисъ! Нанеси ударъ моей преступной головѣ рукой своего дерзкаго потомка; я заслужилъ этотъ ударъ; ты и такъ долго ждалъ. Твоя грозная тѣнь встаетъ предо мной.... Ты съ угрозой показываешь мнѣ ожидающее меня будущее!.. Какой бичъ! Какой ужасъ!.. Цѣлое море крови! Мои несчастные подданные.... Сынъ мой! Сынъ мой! Остановись!

Коэльо. Какой бредъ! Твоя великая душа не должна чувствовать угрызений совѣсти: они приличны людямъ злымъ. Не вспоминай о своихъ прошлыхъ ничтожныхъ ошибкахъ, не бойся неприятностей которыя ты самъ можешь устранять.

Донъ-Альфонсъ. Отчего смерть не избавитъ меня отъ тягостнаго существованія?

Коэльо. А что тогда случилось бы съ нами? Португалія погибла бы отъ безпорядковъ. Внемли голосу народа, сохрани ему короля. Никогда ты такъ не былъ нуженъ для своихъ бѣднѣхъ подданныхъ: имъ предстоитъ много бѣдствій, ты одинъ можешь сласти ихъ.

Донъ-Альфонсъ. Но какъ? Какимъ образомъ я могу устранить безпорядки?

Коэльо. Уничтожь причину зла и зло не будетъ существовать. До тѣхъ поръ пока Инеса жива, никакое средство не поможетъ.

Донъ-Альфонсъ. Что ты сказалъ? Осудить Инесу на смерть?... Развѣ преступленіе ея такъ велико что достойно казни?

Коэльо. Преступленіе ея, государь? Къ несчастью, свѣтъ еще не видалъ такихъ преступленій которыхъ бы послѣдствія были такъ пагубны, такъ ужасны. Мнѣ не для чего ихъ тебѣ передавать, ты ихъ знаешь, тебя они достаточно заставляютъ страдать. Если твой сынъ сталъ мятежникомъ и преступникомъ, кто всему причиной, какъ не эта ловкая

обольстительница? Не колеблись государь; казнь ея становится необходимою. Но если всего того что я говорю не достаточно для ея приговора, у тебя есть лучшие, умнѣйшіе совѣтники. Ты велѣлъ ихъ созвать; слушайся ихъ; если у нихъ столько же усердія къ тебѣ и ко благу народа, какъ у меня, они всѣ единогласно должны просить тебя немедленно повелѣть казнить Инесу; они укажутъ тебѣ на тѣ бѣдствія которыя могутъ произойти для Португаліи въ случаѣ твоего отказа. Возгорится страшная война съ Испаніей, а на эту войну уже и теперь ропщутъ твои подданные, не отдохнувшіе еще отъ недавнихъ битвъ. Вдовы, потерявшія въ нихъ мужей, не хотятъ думать о сыновей; сыновья не желаютъ бросать матерей и идти на смерть. Все вопіетъ, государь, чтобы ты лучше пожертвовалъ одною жизнью чѣмъ многими. Пусть послужитъ это примѣромъ для будущаго поколѣнія не обольщать королей, подобно Инесѣ.

Донъ-Альфонсъ. Если требуетъ того спокойствіе народа, пусть рѣшить совѣтъ чему должно быть; я теперь такъ огорченъ что самъ ничего не могу придумать.

Козьмо (*увидя Инесу еще за сценой*). Инеса! Это удивительно. Она смѣетъ еще являться къ тебѣ! Государь, лучше тебѣ уйти, не выдавшись съ ней.

Донъ-Альфонсъ. Да, пожалуй... Однако жъ вѣтъ, я долженъ ее выслушать...

Козьмо. Совѣтъ, вѣроятно, уже ждетъ тебя.

Донъ-Альфонсъ. Поди, скажи что я скоро приду.
Козьмо уходитъ.)

III.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ЭЛЬВИРА, ДВОЕ ДѢТЕЙ ИНЕСЫ *

Инеса. Подойдите, дѣти, подойдите. Падите къ ногамъ вашего дѣдушки, цѣлуйте его руки. (*Она бросается влѣтъ съ дѣтьми къ ногамъ Альфонса. Эльвира уходитъ.*) Государь! Вотъ дѣти твоего сына... Они со слезами умоляютъ пожалѣть

* Король, по свидѣтельству Фаріа, въ сопровожденіи большаго числа вооруженныхъ людей, какъ будто бы онъ шелъ на берегъ Саладо сражаться съ Маврами, отправился въ Коимбру чтобы убить Инесу въ то время какъ мужъ ея былъ на охотѣ. „Инеса како-

ихъ несчастную мать. Дѣти мои, плачьте, просите мнѣ прощенья. Государь, смилуйся надъ ними, не отнимай у нихъ матери! За что жь казнить меня? За то что я люблю твоего сына? Осмѣлюсь сослаться на твое правосудіе: развѣ это преступленіе и оно достойно смертной казни? Умоляю тебя, не слушай ничьихъ совѣтовъ. Вездѣ интриги, зависть! Посоветуйся со своимъ сердцемъ: оно скажетъ тебѣ что не за что лишать меня жизни. Сжался надо мною несчастною!

Донъ-Альфонсъ (*очень тронутый*). Встань, бѣдная!... (*Плечетъ своихъ внучатъ и съ горемъ говоритъ.*) Какъ тяжело быть монархомъ! Встань, несчастная! (*Инеса встаетъ.*) Мнѣ жаль тебя, хотя ты и много причинила мнѣ зла. Какъ отецъ я хотѣлъ бы простить тебя, какъ король—не могу!

Инеса. Ахъ, государь, прощать несчастныхъ—это самое пріятное, самое высокое право королей! Послушайся своего сердца, ты не будешь раскаиваться въ томъ что былъ сострадательнѣе... Напротивъ, если осудишь меня на смерть, тебя будутъ вѣчно мучить угрызенья совѣсти. Слава, надежды Португаліи пропадутъ съ моею смертью; твой сынъ не перенесетъ ея. Убивая меня, ты также убьешь и его. Мы не можемъ существовать одинъ безъ другаго. Не для меня, а для него помилуй меня. (*Опять бросается къ ногамъ короля.*) Еще разъ обнимаю твои ноги, пожалѣй жену твоего сына. Ахъ, еслибы мы не были обвиняемы, я не стала бы умолять даро-

дилась въ это время во дворцѣ Santa-Clara. Узнавъ что король явился за тѣмъ чтобъ отнять у ней жизнь, она вышла встрѣтить его у дверей. Прекрасная и невиновная женщина бросилась къ его ногамъ и просила прощенья въ преступленіяхъ никогда ею не совершенныхъ; она вѣдала своимъ троимъ малолѣтнимъ, прелестнымъ дѣтамъ цѣловать ноги ихъ дѣда. Альфонсъ не могъ противиться этому трогательному зрѣлищу и ушелъ, говоря что онъ едва не совершилъ ужаснѣйшей жестокости. Но вельможи которые побудили его на этотъ поступокъ и въ числѣ которыхъ были верховный судья Альваро Гонзалесъ, Діего Лопезъ Пачеко и Педро Ковальо стали осуждать это раскаяніе, подвергавшее ихъ гнѣву принца, какъ будто бы они скорѣе утишили бы этотъ гнѣвъ умертвивъ Инесу чѣмъ оставивъ ей жизнь. Они такъ настойчиво просили позволенія сдѣлаться палачами что Альфонсъ согласился, заплативъ свое имя вѣчнымъ позоромъ. Они совершили одно изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ отвратительныхъ преступленій, когда-либо покрывавшихъ кровью мечи измѣнниковъ."

вать мнѣ жизнь, я спокойно, безъ жалобы, пошла бы на смерть; но вѣдь я мать... жена... Боже мой!... Я чувствую, силы оставляютъ меня... (*Въ большомъ горѣ утѣляетъ своихъ дѣтей.*) Милыя мои дѣти, несчастныя сироты! Что станетъ съ вами, когда обоихъ насъ не будетъ?... Государь, если тебѣ не угодно меня помиловать, не оставь дѣтей: они ни въ чемъ не виноваты. Забудь что они мои дѣти; помни только что они твои внуки... Но что я вижу?... Ты плачешь? Господь услышалъ меня—ты простишь меня!... Да? Скажи, государь, скажи что прощаешь меня!...

Донъ-Альфонсъ. Я не могу этого выносить!.. Ахъ, кто пожелалъ бы въ эту минуту быть королемъ?

IV.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ИНЕСА, ЕЯ СЫНОВЬЯ, КОЭЛЬО.

(*Инеса, увидавъ Коэльо, съ ужасомъ встаетъ.*)

Коэльо. Государь, тебя ждуть, послѣши скорѣе... народъ начинаетъ бунтоваться.

Инеса. Господи, я умираю!

Донъ-Альфонсъ. Инеса, не отчаивайся; я не неумолимъ: мои слезы тому доказательство; но я не могу нарушить мой долгъ; я въ моихъ дѣйствіяхъ долженъ дать отвѣтъ Богу и моимъ подданнымъ; но я не деспотъ,—надѣйся на Альфонса! Въ совѣтъ мой голосъ будетъ за тебя! Господи, вразуми меня!

V.

ИНЕСА И ДѢТИ ЕЯ.

Инеса. Не для чего больше обманывать себя пустыми надеждами; сердце предчувствуетъ что близокъ мой несчастный конецъ. Да, милыя мои дѣточки, скоро не будетъ у васъ матери... Подойдите, я обвиню васъ... Бѣдныя мои, несчастныя мои... кто пожалѣетъ, кто приласкаетъ васъ?... Мы разстанемся навсегда... навсегда... Боже мой! Я не могу... мнѣ тяжело смотрѣть на нихъ. Сердце разрывается... силы измѣняютъ мнѣ... Господи, какое мученіе!... Мнѣ кажется что ужъ смерть

приближается... Да, вотъ она... какая страшная... Постою... подожди... дай мнѣ прежде... Дѣти, гдѣ мои дѣти?... Я еще хочу посмотрѣть на нихъ... Жестокіе, не отнимайте ихъ у меня; я хочу еще хоть разъ поцѣловать ихъ предъ смертью; да кто же смѣетъ отнимать у меня моихъ дѣтей?... Варвары!... Злодѣи!... Мужъ мой, мужъ мой, гдѣ же ты?... Отъ чего ты не слѣдшишь ко мнѣ на помощь?... Но напрасно... теперь уже поздно... вотъ могила...

VI.

ИНЕСА, ДѢТИ ЕЯ, ЭЛЬВИРА.

Эльвира. Что такое? О, Боже мой!

Инеса (*все еще въ бреду*). Бездна разверзлась....

Эльвира. Инеса! Инеса!

Инеса. Что?... Кто меня зоветъ? Это ты, Констанція?... Ты опять пришла меня мучить?

Эльвира. Приди въ себя, Инеса. Развѣ ты не узнаешь меня? Не видишь бѣдной Эльвиры?

Инеса. Какъ?... Эльвира?... Это ты?... Да гдѣ же я? Что тебѣ нужно?...

Эльвира. Я пришла облегчить твое горе, успокоить тебя. Ободришь, Инеса, надѣйся, ты будешь еще счастлива; увидишь что скоро твоя печаль смѣнится радостью.

Инеса. Не видать мнѣ больше радостей!

Эльвира. Какъ? Развѣ ты не видала что король былъ растроганъ?... Его слезы обѣщаютъ помилованіе.

Инеса. Не надѣйся! Онъ и желалъ бы меня помиловать, но его не допустятъ!... Эльвира, смерть моя неизбежна; возьми дѣтей и отведи ихъ въ тюрьму къ моему мужу и скажи ему.... Нѣтъ, не говори ему ничего.... Зачѣмъ прежде времени вносить ему ударъ?... Потомъ, когда все будетъ кончено.... я прошу тебя.... (*Смотритъ со страхомъ вокругъ себя.*) Кажется, я слышу ихъ шаги.... Это мои палачи.... они давно ужъ жаждутъ моей крови.... О, я несчастная!.... Да, это они.... я не ошибаюсь.... Боже мой!... Пойдемъ, запремся въ моей комнатѣ; тамъ я передамъ тебѣ мою послѣднюю волю.... тамъ я испытала горе и радость, тамъ хочу и умереть.... Пойдемъ, дѣти мои!...

А К Т Ъ V.

I

Донъ-Альфонсъ. Какое тяжелое, мучительное состояніе!.. Я совершенно изнемогъ.... Колебаться, не зная на что рѣшиться!.. Ужасное положеніе!.. Съ одной стороны жалость, состраданіе.... съ другой справедливость.... Грозное правосудіе побѣдило.... дрожащею рукой я подписалъ приговоръ Инесы.. Сердце мое разрывается.... Мать моихъ внуковъ будетъ казнена.... За что? За то что любить моего сына? Ужасно!.. Какъ могъ я согласиться?... Но еще есть время отмѣнить этотъ жестокий приговоръ,.... Что же мнѣ дѣлать?... Примѣръ необходимъ.... народное спокойствіе.. благо страны.... ропотъ народа.... все, все принуждаетъ меня не щадить несчастной.... Лагаетъ меня удовольствіе простить.... О, ужасное состояніе! Скипетръ, какъ ты тяжелъ! А еще завидуютъ королямъ!

II

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Ахъ, государь, если твой сынъ тебѣ еще дорогъ, если ты не хочешь лишить Португалію наследника твоего престола и твоей славы, не теряй времени.... отчаяніе убьетъ его; я не могу видѣть его страданій. Въ бреду, въ конвульсіяхъ, въ изступленіи, онъ страшно кричитъ и грызетъ свои цѣли.... Потомъ измученный, усталый, онъ плачетъ.... съ нимъ дѣлается въ родѣ агоніи и онъ падаетъ за-мертво. Сію минуту онъ лодзываетъ меня и говоритъ: „другъ мой, бѣги, узнай поскорѣе что случилось съ моею женой и дѣтьми. Неужели злодѣи осмѣлились погубить ихъ? Поди къ отцу, умолай его помиловать Инесу, ради меня! Скажи ему, въ какомъ я состояніи, и если онъ будетъ неумолимъ, скажи ему....“ Ахъ, я не смѣю передать....

Донъ-Альфонсъ. Довольно, не увеличивай моего горя. Боже мой!..

Донъ-Санхо. Прости меня... ты запрещаешь мнѣ говорить, но я не могу повиноваться тебѣ. Здоровье принца въ большой

опасности... Моя любовь и привязанность къ нему заставляютъ докучать тебѣ, умолять тебя помиловать несчастную Инесу. Отъ этого зависитъ жизнь твоего сына. Инеса супруга донъ-Педро... и она достойна его. Не вѣрь этимъ честолюбцамъ, этимъ завистникамъ которые изъ ненависти стараются очернить ее. Они обманываютъ тебя, государь; ты долженъ мнѣ повѣрить, а никогда не лгать. У Инесы благородное, чувствительное сердце, она не могла не полюбить твоего сына, вотъ ея единственная вина. Такой проступокъ, жеманствъ честной, благородной, добродѣтельной, долженъ былъ извиненъ. (*Бросается къ ногамъ Альфонса.*) Помилуй ее, государь, да не скажетъ свѣтъ что ты своею строгостью зашелъ за предѣлы справедливости, что ты не помиловалъ даже жены твоего сына.

Донъ-Альфонсъ (*немного подумавъ*). Нѣтъ, нѣтъ, свѣтъ этого не скажетъ. (*Зоветъ.*) Донъ-Нуньо! (*Про себя.*) Развѣ потому что я монархъ, я перестану быть отцомъ? О, нѣтъ!

III.

ДОНЪ-САНХО, ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-НУНЬО.

Донъ-Нуньо. Что угодно, государь?

Донъ-Альфонсъ. Позови поскорѣ сюда Инесу, да скажи совѣтникамъ что я отмѣняю приговоръ, я ее прощаю.

Донъ-Санхо. Да пошлетъ тебѣ Господь всѣ свои милости, добрый король!

Донъ-Нуньо (*убѣгая*). Счастливая Инеса! Бывши такъ близко къ смерти, ты возвращаешься къ жизни.

IV.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Санхо. Какъ? Развѣ ты уже отдалъ приказъ привести приговоръ въ исполненіе!..

Донъ-Альфонсъ. Прочь отъ насъ страшныя воспоминанія! Поди, освободи принца, пусть придетъ обнять меня. Инеса его.

Донъ-Санхо. Какое счастье! (*Падаетъ на колѣни и целуетъ руку короля*). Позволь, государь, оросить твою руку

слезами радости. (*Поднимается.*) Я побѣгу.... счастье придетъ мнѣ крылья; радостною вѣстью я возвращу донъ-Педро къ жизни.

V.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ.

Тысячу разъ счастливъ тотъ кто можетъ дать счастье несчастнымъ! Какъ легко стало моему сердцу.... Король только тогда и король, когда милуетъ. Я заранѣе предвкушаю радость Инесы и моего сына. Объятія, восторгъ того и другого, невинная веселость моихъ внучать.... Какая радость! О, природа! Всѣ другіе законы уступаютъ твоимъ.

VI.

ДОНЪ-АЛЬФОНСЪ, ПОСЛАННИКЪ.

Посланникъ. Государь, позволь просить тебя помиловать несчастную Инесу; мнѣ извѣстно что она приговорена противъ твоего желанія; ты хотѣлъ этимъ дать удовлетвореніе моему королю; но это совершенно налѣасно: и безъ этого онъ вполне убѣжденъ въ твоей вѣрной дружбѣ, и я знаю, онъ не пожелалъ бы чтобы ты удостоивалъ его въ этомъ кровью Инесы, которая также и его кровь. Осмѣливаюсь за вѣрить тебя его словомъ и прошу оказать милость, столь свойственную твоему доброму сердцу.

Донъ-Альфонсъ. Меня очень радуетъ что чувства наши сходны. Да, я надѣюсь что твой король не упрекнетъ меня за то что я былъ сострадателецъ къ Инесѣ; я сдѣлалъ даже больше: я призналъ ее супругой донъ-Педро. Я не смѣю разорвать узы освященныя церковью. Это обстоятельство мнѣ не было извѣстно, когда я заключалъ договоръ по которому мой сынъ долженъ былъ вступить въ бракъ съ Беатрисой. Ты долженъ уведомить твоего короля, какія важныя причины помѣшали совершиться этому браку, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить его въ моей постоянной и неизмѣнной дружбѣ къ нему.

Посланникъ. Я представляю ему въ настоящемъ видѣ твое благородное рѣшеніе и причины побудившія тебя такъ

постулить. Будь увѣренъ что такое рѣшеніе будетъ ему пріятно.

Донъ-Альфонсъ. Сердце мнѣ внушило его и я не долженъ раскаиваться что послушалъ голоса сердца: состраданіе не можетъ уменьшитъ царскаго достоинства. Свѣтъ удивляется Бруту, но еще болѣе жалѣетъ Тита и боготворитъ его память. Но что это значитъ? Донъ-Нуньо весь въ слезахъ! Боже мой!

VII.

ТѢ ЖЕ И ДОНЪ-НУНЬО.

Донъ-Нуньо. О, какое несчастье!..

Донъ-Альфонсъ. Что случилось?

Донъ-Нуньо. Слезы мѣшаютъ мнѣ говорить. Я опоздалъ, государь.... Инеса....

Донъ-Альфонсъ. Умерла?

Донъ-Нуньо. Умираетъ.

Посланныкъ. О, Боже мой!..

Донъ-Нуньо. Твое прощеніе уже было не нужно несчастной. Жестокіе исполнители послѣдили прежде времени....

Донъ-Альфонсъ. Кровожадные чудовища!

Донъ-Нуньо. Со счастливою вѣстью я слѣшу къ Инесѣ; не доходя ея комнаты я услышалъ вопли... бросаюсь къ двери, отворяю и кричу: Прощеніе! прощеніе!.. Но... о, ужасъ! Злодѣи успѣли уже изранить ей всю грудь! При словѣ „прощеніе“, они бросили кинжалы; но было уже поздно... кровь струилась изъ ранъ. Козльо и Пачеко превратились въ статуи, долго не могли произнести ни слова, въ ужасѣ смотря другъ на друга, потомъ вдругъ бросились изъ комнаты со словами: „теперь намъ остается только бѣжать!“ Инеса, услышавъ что ты прощаешь ее, съ усиліемъ подняла руки къ небу и слабымъ голосомъ благословляла тебя и молилась за тебя. При твоёмъ имени, лицо ея, покрытое смертною блѣдностью, озарилось улыбкой. „Просту послѣдней милости, сказала она, отведите меня къ Альфонсу, я хочу поцѣловать его руку, хочу съ благодарностью умереть у его ногъ.“ Её перевязали раны и несчастная идетъ къ тебѣ со своими дѣтьми.

Донъ-Альфонсъ. Жестокая судьба! Несчастливая Инеса! Бѣдный мой сынъ!.. Несчастный я отецъ!.. Съ колыбели и до могилы меня преслѣдуютъ горе и несчастье. Я рожденъ быть бичомъ для людей; Португалія, въ своей блестящей исторіи, справедливо назоветъ меня дурнымъ братомъ, неблагодарнымъ сыномъ, тираномъ отцомъ. Обманутый нечестивцами, я слишкомъ поздно послушаася голоса человечности: я виновенъ въ смерти Инесы. Ахъ, бѣжать, бѣжать отсюда! Я не смѣю взглянуть на несчастную! Но, Боже мой, силы оставляютъ меня... Вотъ она... Друзья, помогите мнѣ, уведите меня отсюда.

VIII.

ТѢ ЖЕ, ИНЕСА, ДВОЕ ЕЯ ДѢТЕЙ, ЭЛЬВИРА, ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.
(Онѣ поддерживаютъ раненую Инесу.)

Инеса. Ахъ, не убѣгай отъ меня, не убѣгай, государь... возьми твоихъ внуковъ... Материнская любовь заставила меня придти къ тебѣ... вручить тебѣ несчастныхъ сиротъ. Прощайте, прощайте, дѣти мои! Поручаю ихъ тебѣ, государь. Будь ихъ защитникомъ, покровителемъ: у нихъ нѣтъ матери!.. Да поможетъ имъ Богъ быть достойными тебя и ихъ отца и своею добродѣтелью и честностью заслужить тебѣ за мое прощеніе... Последней милости прошу: позволь мнѣ предъ смертью назвать тебя отцомъ.

Донъ-Альфонсъ. Называй меня своимъ палачомъ!.. Не давай мнѣ имени котораго я не стою. О, еслибъ я могъ назвать тебя моею дочерью!.. Но я не смѣю... Нѣтъ, вся природа содрогнулась бы, еслибъ я осмѣлился произнести это дорогое имя... Кровь твоя вопіетъ... Ты должна ненавидѣть своего убійцу!.. Но ты отмщена жестоко!.. Я тысячу разъ несчастнѣе тебя, я адски страдаю. Ахъ, лошади своего палача, позволь мнѣ не слышать твоихъ послѣднихъ вздоховъ... Я уйду, мое присутствіе должно быть ненавистно для тебя... (Хочетъ уйти, но увидаетъ что донъ-Нуньо идетъ за нимъ, оборачивается и говоритъ.) Чтобы никто не шелъ за мной! Оставьте меня! Бѣгите отъ меня! Я желаю скрыться отъ людей до конца моей жизни!.. (Поспѣшно уходитъ.)

IX.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ АЛЬФОНСА.

Инеса. Ахъ, государь!.. Но онъ не слушаетъ меня... Еще ударомъ больше!.. Его отчаяніе—другая смерть для меня... Сколько несчастныхъ изъ-за меня!.. Бѣдный отецъ! Бѣдный мужъ!.. Донъ-Нуньо, Эльвира, утѣшайте ихъ, постарайтесь ихъ успокоить, не давайте предаваться горю... Ахъ, еслибъ я могла увидеть еще моего мужа, легче было бы умереть... Дѣти! дѣти! Какъ мнѣ тяжело видѣть ихъ!.. Эльвира, уведи ихъ. Нѣтъ... постой... куда ты?.. Дѣти, подойдите ко мнѣ... я хочу поцѣловать васъ... я хочу въ моемъ послѣднемъ поцѣлуѣ излить всю мою душу... Передайте его вашему отцу... въ немъ я посылаю мой послѣдній вздохъ... Ахъ, это они!.. Да, они... Какое мученіе... въ глазахъ темнѣетъ... Дѣти, дѣти мои... Мой милый мужъ... Прощайте... я умираю... *(Падаетъ на руки женщины и умираетъ.)*

Посланникъ. Ужасно!..

X.

ТЪ ЖЕ, ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-САНХО.

Донъ-Педро *(радостно въбѣгаетъ на сцену, не замѣчая Инесы)*. Жена моя, дорогая моя, милая Инеса, скорѣе въ мои объятія, доверши мое счастье! *(Увидавъ донъ-Нуньо и посланника плачущихъ подлѣ Инесы)*. Что это значитъ? Зачѣмъ вы плачете? Какое дурное предзнаменованіе!... *(Увидавъ позади ихъ жертву Инесу, хочетъ броситься къ ней, но съ ужасомъ отступаетъ и падаетъ безъ чувствъ на руки донъ-Санхо и посланника.)*

Донъ-Санхо. Несчастный принцъ! Какъ страшно онъ страдаетъ!... Унесите отсюда трулъ его жены!.. *(Женщины уносятъ Инесу, Эльвира уводитъ дѣтей.)*

Донъ-Педро *(въ бреду)*. Гдѣ моя жена?... Позовите ее ко мнѣ!..

Донъ-Нуньо. Ахъ, донъ-Педро!

Донъ-Педро. Подите же, позовите ее. Нѣтъ, я самъ... я

самъ лойду къ ней... Инеса!... Милая моя Инеса!... *(Хочетъ идти, но не въ состояніи.)*

Посланникъ. Ужасное горе лишаетъ его разсудка.

Донъ-Нуньо. Донъ-Педро! Твоя жена... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Твоя жена... умерла!

Донъ-Педро. Умерла? Проклятіе!... Какъ, донъ-Санхо, и ты меня обманулъ!... *(Смотритъ туда гдѣ онъ видѣлъ Инесу.)* Ахъ, да... я видѣлъ ее... мнѣ все не вѣрится... моя Инеса умерла, а я еще живу!... *(Хочетъ вынуть шпагу.)* Сейчасъ, сейчасъ, Инеса, и я къ тебѣ... *(Донъ-Нуньо и донъ-Санхо удерживаютъ его; немного подумавъ, онъ говоритъ.)* Но, вѣтъ, прежде нужно отмстить ея смерть... Кто ее убилъ?... Говорите! Можетъ-быть это онъ, этотъ тиранъ, который называется моимъ отцомъ?...

Донъ-Нуньо. О, вѣтъ, твой отецъ простилъ ее. Козмо и Пачеко были такъ безчеловѣчны что...

Донъ-Педро. Довольно, ни слова больше! Всѣ они безчеловѣчны, я всѣхъ ихъ убью. Трелещи, король-варваръ! Я объявляю тебѣ жестокою войну! Клянусь кровью Инесы, слѣды которой видны здѣсь и волюють о мщеніи, клянусь что свергну тебя съ престола и посажу на него мою супругу, которую ты у меня отнял!... Хотя и мертвая, Инеса де-Кастро будетъ королевой и будетъ царствовать вмѣстѣ со мной! Чтѣ до того что тѣло ея бездыханно, душа ея живетъ во мнѣ. Всѣ будутъ цѣловать ея холодную руку и воздадутъ ей всѣ должныя почести... Тѣла ея убійцы послужатъ ступенями ея трона и я буду ползать ихъ ногами. Я собственноручно вырву у нихъ сердце. Они не избѣгутъ моего гнѣва, хоть бы спрятались въ самый адъ, мечь моя и тамъ найдетъ ихъ. О, моя мечь будетъ такова что заставитъ дрожать цѣлый свѣтъ при моемъ имени! Я всюду внесу слезы, отчаяніе и ужасъ! Я всю Португалію затоплю кровью! Дуро, Мондего и Таго вмѣсто воды будутъ изливаться въ море кровь; а море съ ревомъ выброситъ кровавыя волны на самые дальніе берега. Мщеніе!.. *(Въ сильномъ раздраженіи, быстро убѣгаетъ.)**

* Дѣйствительно, донъ-Педро самымъ ужаснымъ образомъ отмстилъ за совершенное злодѣяніе. Братья и родные Инесы соединились съ нимъ и они прошли провинцію Энтредуэро, Минго, Травосмонтезъ, всюду неся за собою огонь и смерть и грабя землю убійцъ. Донъ-Педро подступилъ наконецъ къ городу Порто; но

Донъ-Санхо. Принцъ остановись! Но чѣмъ утишить злобу, волнующую его душу?

видя что архіепископъ Гонзаго Перейра, котораго принцъ очень любилъ, рѣшился умереть, защищая этотъ городъ, ская осадѣ и вступилъ въ крѣпость Канавезъ. Тамъ онъ встрѣтилъ королеву Беатрису которая, по примѣру Изабеллы, сдѣлала всѣ усилія чтобы водворить согласіе между своимъ мужемъ и сыномъ. Какъ кажется, донъ-Педро согласился на увѣщанія матери, но все-таки не простилъ убійцамъ Инесы. Король, знавшій до какой степени принцъ жаждетъ мщенія и предчувствовавшій свою скорую кончину, предложилъ имъ бѣжать. Они послушали его благоразумнаго совѣта и удалились въ Кастилію. Какъ только принцъ вступилъ на престолъ, тотчасъ же объявлялъ этихъ трехъ преступниковъ изменниками отечества и роздавалъ ихъ имѣнія нѣкоторымъ изъ своихъ придворныхъ; но это было слишкомъ мало, чтобы удовлетворить ненависть которую онъ къ нимъ питалъ. Онъ зналъ что нѣсколько испанскихъ вельможъ искали убѣжища въ Португаліи отъ преслѣдованій Испанскаго короля Петра Жестокаго; онъ предложилъ этому королю выдать ихъ съ тѣмъ чтобы получить въ замѣнъ убійцъ Инесы. Предложеніе было принято секретно, но Пачеко въ тотъ день, какъ схватили его товарищей, находился въ деревнѣ. Нищій, которому онъ часто подавалъ милостыню, предупредилъ его что его ожидаютъ у городскихъ воротъ чтобы схватить; онъ помялся одеждой съ этимъ нищимъ и успѣлъ пробраться во Францію подъ видомъ погонщика муловъ. Участь двухъ другихъ убійцъ Инесы была ужасна; ихъ подвергли пыткамъ чтобы заставить открыть ихъ сообщниковъ; но ничто не могло вызвать у нихъ признанія, которое, конечно, еще многихъ привело бы къ гибели. Король избѣженный тѣмъ что не могъ вызвать у нихъ отвѣта, схватилъ буравъ и ударилъ имъ по лицу Педро Коэльо, отвѣтившаго ему на это ругательствами. Донъ-Педро, въ свою очередь прибавивъ насмѣшку ко всѣмъ мученіямъ, сказалъ „чтобъ ему принесли луку и уксусу приправить этого кролика“. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ ужасную игру словъ на имя Coelho, значащее по-португальски „кроликъ“. Эти слова были началомъ тѣхъ мученій на которыя онъ обрекъ виновныхъ: у нихъ у живыхъ вырвали сердца и бросили въ огонь, въ то время какъ донъ-Педро, приказавъ накрыть себѣ столъ предъ палачомъ, наслаждался зрѣлищемъ происходившимъ предъ его глазами. Послѣ этого донъ-Педро торжественно поставился предъ главными сановниками государства что шесть лѣтъ тому назадъ онъ женился на Инесѣ де-Кастро. Были выслушаны свидѣтельства епископа Гардскаго и Эстевама Лобато, подтверждаемыя

Донъ-Нуньо. Сколько страшныхъ бѣдъ! Вотъ гибельный примѣръ сѣлыхъ страстей!... Какого состраданія достойны несчастные супруги!... Страстно любили другъ друга и были несчастны!... Пусть свѣтъ жалѣетъ ихъ, но не подражаетъ имъ!...

новыми свидѣтельствами епископовъ Порто и Лиссабона. Они вѣстѣ съ графами объявили народу объ этомъ бракѣ, объяснивъ причины по которымъ онъ оставался въ тайнѣ, а также предъ-
являя и буллы папы Іоанна XXII относительно степени родства между супругами. Нѣсколько времени спустя послѣ этой церемо-
ніи, донъ-Педро велѣлъ сдѣлать двѣ великолѣпныя гробницы изъ бѣлаго мрамора для себя и для Инесы, которая и была изображена на гробницѣ съ царскою короной на головѣ. Эти мавзолеи были поставлены въ пантеонъ Алкобаки, король же отправился въ цер-
ковь Санта-Клары въ Коимбрѣ, гдѣ онъ велѣлъ вырыть тѣло женщ-
ны боготворимой имъ даже послѣ ея смерти. Онъ приказалъ чтобъ его Инесу одѣли въ царскія одежды и посадили на тронъ; под-
данные приходили, по словамъ Фаріо, и цѣловали кости, которыя были нѣкогда рукой прекрасной Инесы. По окончаніи этой мрач-
ной церемоніи, тѣло было отправлено на богатыхъ носилкахъ въ Алкобаку, въ сопровожденіи печальнаго кортежа изъ вельможъ одѣ-
тыхъ кающимися, дамы и дѣвицы самаго знатнаго происхожденія въ бѣлыхъ вуаляхъ и бѣлыхъ платьяхъ съ давленными швейцами также участвовали въ этомъ погребальномъ шествіи. Несмотря на то что отъ Коимбры до Алкобаки 17 миль, нѣсколько тысячъ людей съ зажженными факелами въ рукахъ стояли по обѣимъ сто-
ронамъ дороги по которой двигалась процессія.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО ВЧЕРА

Дневникъ вспомогательной больницы Общества Краснаго Креста въ 1877 году.

Въ одной изъ юго-западныхъ губерній по тракту желѣзной дороги изъ Яссы въ Вильну находится владѣльческій городокъ, бѣдный, грязный, растрепанный, замѣчательный однако по живописнымъ развалинамъ древняго замка и гдѣ по преданіямъ была одна изъ первыхъ типографій въ Россіи, въ то время когда книгопечатаніе было еще новое изобрѣтеніе. Въ немъ были учебныя учрежденія какъ православныя, такъ и римско-католическія, словомъ онъ въ свое время былъ центромъ просвѣщенія и вмѣстѣ оллотомъ Русскихъ противъ Татаръ, а одинъ изъ его князей ходилъ на выручку Гусситовъ. Въ наше время, Министерство Народнаго Просвѣщенія и русское духовенство задались мыслію, въ малыхъ конечно и весьма слабыхъ размѣрахъ, оживить въ немъ память былаго основаніемъ среднихъ учебныхъ заведеній и церковнаго братства, по мѣстному, древнему обычаю. Этотъ маленькій кружокъ преподавателей и братчиковъ не могъ отнестись равнодушно къ великимъ событіямъ войны съ Турками 1877 года, и когда раненые стали привозиться въ такомъ множествѣ что не хватало помѣщенія въ лазаретахъ, русскіе жители древняго города князей Острожскихъ рѣшили примкнуть къ Кіево-Житомирскому отдѣлу Краснаго Креста, и не имѣя средствъ основать большой госпиталь, открыли маленькую

вспомогательную больницу для легко раненыхъ или выздоравливающихъ воиновъ.

Этой-то больницы дневникъ предлагаемъ здѣсь въ сокращеніи, какъ живую память недавняго, но славнаго времени, какъ фотографическій снимокъ одного изъ неизвѣстныхъ уголковъ Россіи пріютившихъ въ своихъ стѣнахъ малую горсть нашихъ страдальцевъ въ эту знаменательную пору народной жизни.

2го іюля 1877 года.

Сегодня мы освящали наше маленькое помѣщеніе для выздоравливающихъ раненыхъ: пять комнатъ дортуаровъ, двѣ читальни, столовая, комната для врача и комната для перевязки, ванная и баня. Изъ этихъ комнатъ одна на четыре кровати для нижнихъ чиновъ была устроена изъ денегъ пожертвованныхъ Домомъ крестьянскихъ воспитанниковъ прогимназіи, въ замѣнъ угощенія въ Троицынъ день (праздникъ этого дома) отъ котораго они отказались*. Мы всячески старались чтобы комнаты не были похожи на лазаретъ, а смотрѣли бы во всей простотѣ устройства какъ домъ небогатаго, но многочисленнаго семейства. Кажется что въ лѣтнее время будетъ удобнѣе и веселѣе. Лазаретъ выходитъ чѣмъ-то въ родѣ швейцарскихъ дешевыхъ *pensions*. Сегодня празднуется положеніе ризы Богородицы во Влахернѣ. Праздникъ церковный этотъ напоминаетъ великое событіе русской исторіи. Эта самая риза была привезена изъ Влахерна и опущена въ воды Мраморнаго Моря, когда Русскіе съ Аскольдомъ и Диромъ пришли со своимъ флотомъ осаждать Царьградъ и чудесно поднявшаяся буря разбила ихъ ладьи. Чудо это такъ поразило Аскольда и Дира и многихъ Кіевлянъ что они приняли крещеніе у Грековъ. Съ этого времени можно считать христіанскую вѣру получившему гражданство въ Кіевѣ, несмотря на убіеніе Аскольда и Дира и скрѣпленіе язычества во время Олега. Очевидно, вѣра истинная все болѣе и болѣе распространялась, и обращеніе Ольги было послѣдствіемъ этого распространенія. Отъ этой бури на Бос-

* Старшины крестьянскіе положили отрядить двухъ изъ воспитанниковъ прогимназіи крестьянскаго сословія на время каникулъ прикомандировать къ братской лѣчебницѣ для приготовленія къ должности больничаря и помощниковъ фельдшера подъ руководствомъ нашего врача и сестры милосердія при нашей лѣчебницѣ.

форѣ взволновались сердца Русскихъ и все дальше и дальше неслась волна и разлилась въ необъятное Русское море. Къ Босфору ли олять она принесетъ насъ? Не весело думать что относительно флота мы нынѣ чуть ли не въ томъ же первоначальномъ состояніи какъ тогда: обладаемъ только дядьями.

Какъ-то тревожно собирались мы къ молебну. Третьяго дня привезли девяносто человѣкъ больныхъ въ Ровенскій госпиталь и намъ казалось что должно-быть очень много больныхъ и раненыхъ, если ужъ изъ Кіева привозятъ. У обѣда были нѣкоторые изъ приходящихъ воспитанницъ женскаго училища; лѣла ученики учительской семинаріи. Пошли крестнымъ ходомъ изъ церкви въ нашу Бѣлую комнату (актовую), неся икону Святаго Пантелеимона-Цѣлителя и большую икону Иверской Божіей Матери, присланную намъ въ благословеніе монахомъ Аѳонской горы. Погода великолѣпная, зелень, солнце, маленькія дѣвочки въ своихъ лѣтнихъ платьицахъ, священникъ въ праздничномъ облаченіи, стройное лѣніе хора, колокольный звонъ, огромная икона византийскаго лисья, все сливалось въ одно тихое, меланхолическое впечатлѣніе при мысли о тѣхъ кого собираемся помѣстить тутъ, о тѣхъ которые въ эту самую минуту можетъ-быть падаютъ тамъ, подъ вражьиимъ огнемъ, или мучаются на перевязочномъ пунктѣ отъ операцій и ранъ!

Отецъ Яковъ Немоловскій просто и тепло сказалъ нѣсколько словъ о сегодняшнемъ Евангеліи * о томъ что мы молимъ Бога удостоиться принять тѣхъ которые по истинѣ взяли крестъ и, слѣдуя по столамъ Спасителя, идутъ отдать жизнь свою за други своя, за страждущихъ братьевъ, по повелѣнію Божьяго Помазанника, который Самъ со Своими Сыновьями раздѣляетъ труды и поддерживаетъ силы ихъ, да не падутъ подъ ношей своею. За многолѣтіемъ Государю и всему Царствующему Дому пролѣли вѣчную ламать лавшимъ (это трогательная особенность военныхъ молебновъ), и чтобы не кончать такъ грустно пролѣли многолѣтіе Свято-Кирилло-Мееодіевскому Братству и всѣмъ православнымъ христіанамъ

* „Иже любитъ отца или матеръ лаче Мене нѣсть Мене достоинъ и иже любитъ дщерь или сына лаче Мене, нѣсть Мене достоинъ. И иже не приметъ креста своего и во слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ.“

и пошли кропить вновь отдѣланное помѣщеніе. Въ это самое время получена телеграмма что Тырново взято 25го юна, главная квартира туда переведена и Государь скоро туда прибудетъ. Такою радостью обрадовалъ насъ Господь, какъ бы въ отвѣтъ на нашу молитву. Онъ поможетъ намъ привести свою лепту въ святомъ трудѣ русскихъ людей для нашей арміи. Это очень ободрило насъ и вечеромъ мы опять собрались на посидѣлки, продолжали пить бѣлье и распредѣлили дежурство между братчиками по два въ день; положили между прочимъ чтобы присутствовать за обѣдомъ, особенно нижнихъ чиновъ, дабы имѣть присмотръ за кушаньемъ и за прислугой. Вечеромъ чай должны разливать держурныя братицы. Читальню для офицеровъ устроили въ Бѣлой комнатѣ, для солдатъ — внизу въ комнатѣ съ балкономъ прямо въ двѣточныи палисадникъ.

Но не посчастливилось намъ въ теплую, лѣтнюю погоду, на которую все было у насъ разчитано, начать нашу маленькую дѣятельность. По неблагоприятному стеченію обстоятельствъ два мѣсяца помѣщеніе наше стояло пустое: первые раненные были назначены къ намъ только въ послѣдніе два августа.

1го сентября 1877 года.

27го августа, въ день годовщины Севастопольской, опять узнали мы что почти одновременно дерутся подъ Плевной и что къ намъ везутъ шестнадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ по желѣзной дорогѣ изъ Козятина. День весь проведенъ былъ въ молитвѣ: утромъ была обѣдня съ ланнихидой по Севастопольцамъ и по павшимъ въ нынѣшнихъ жестокихъ бояхъ. Около третьяго часу былъ у насъ молебенъ въ церкви о дарованіи побѣды, когда узнали о сраженіи подъ Плевной, а въ шестомъ часу началась всенощная наканунѣ нашего предѣльнаго праздника святаго Θεодора князя Острожскаго. Нечего и говорить что дѣлалось въ душѣ. Только что кончилось величаніе, приносятъ телеграмму о немедленномъ прибытіи раненныхъ. Условлено было что за три дня дадутъ знать вмѣсто того за нѣсколько часовъ вечеромъ уведомили. Прибудутъ ночью въ Кривинъ, откуда до насъ еще шестнадцать верстъ весьма плохой дороги. Къ тому же, послѣ нашихъ теплыхъ, лучезарныхъ ночей августа мѣсяца, переѣхавъ внезапно погода на самый новый мѣсяцъ: буря, градъ и за-

тѣмъ пронзительный холодъ, проливной дождь и тѣмъ крошечная. Братчики были въ церкви, но нужно было въ потѣмахъ и въ слякоть отправляться за лошадьми и повозками, дать знать исправнику и воспользоваться присутствіемъ въ городѣ губернатора, чтобы просить его, если самъ уѣдетъ раньше, оставить намъ на первое время опытнаго медика, инспектора врачебной управы, который былъ съ нимъ. Все это было суетливо во время церковной службы. По окончаніи всенощной, мы собрались у начальницы училища, и оказалось что братчики были уже готовы выѣхать на станцію, а исправникъ обѣщалъ что четыре коляски и четыре двухконныя подводы требуемая телеграммой будутъ на станціи. Сговорились мы что нашъ врачъ вышлетъ намъ передоваго чтобы сказать въ которомъ часу ожидать его, ибо положили необходимымъ напоить больныхъ горячимъ чаемъ на станціи и дожидаться разсвѣта. Нечего говорить что не слалось никому. Точно ли мы сумѣемъ принести пользу? Не выйдетъ ли суматоха и вредъ для несчастныхъ больныхъ *выздоровливающихъ*, но еще не вышедшихъ изъ опасности. Особенно при этой бѣдственной перемѣнѣ погоды? Около пяти часовъ пришли сказать что нашъ врачъ Левицкій далъ знать: „больныхъ привезутъ около восьми или девяти часовъ“. Вслѣдъ затѣмъ воротились изъ Кривина Петръ Васильевичъ Л. и А. переломившіе и съ печальнымъ, разстроеннымъ выраженіемъ лица. Въ Кривинѣ случилось на оборотъ того что было въ Ровенскомъ госпиталѣ. Тамъ вышли съ носилками и покрывалами, со всякими приспособленіями къ переноскѣ раненыхъ, и къ удивленію видать: выходятъ сами, чуть не выпрыгиваютъ изъ вагоновъ, совершенно здоровые на видъ люди, которые быстро идутъ пѣшкомъ въ госпиталь, даже скорѣе своихъ сконфуженныхъ санитаровъ и сидѣлокъ. Раненыхъ не было никого, а больные—кто страдалъ глазами, кто горломъ и т. д. Мы же ожидали *выздоровливающихъ*, которымъ нужно только сытное кушанье да здоровый воздухъ въ саду чтобы воротиться въ строй черезъ недѣлю двѣ-три. Въмѣсто того наши братчики услышали отъ уполномоченнаго Киевскаго округа что неизвестно кого везутъ, поѣздъ совсѣмъ не былъ въ Киевѣ, и онъ самъ узналъ только въ тотъ же вечеръ (посѣщая другой госпиталь) что прямо изъ Яссъ везутъ легко раненыхъ, которыхъ высаждать на станціи Кривинѣ съ назначеніемъ въ Острожскую больницу. Около четырехъ часовъ, опоздавъ на два

часа, подѣвжаетъ повѣздъ, и наши братчики съ ужасомъ видятъ что *выносятъ* на носилкахъ и кладутъ прямо на полъ (ибо не было ничего заласено для нихъ) одного за другимъ, продрогшихъ, одѣтыхъ въ лохмотьяхъ, искалѣченныхъ, полуокоченѣлыхъ людей, которые сердобольнымъ, не привыкшимъ братчикамъ показались почти трупами. „Кажись, всѣ люди умирающіе, съ руками и ногами прострѣленными, говоритъ Петръ Васильевичъ, а одинъ такой сердитый...“ Господи! что же мы будемъ дѣлать? У насъ ни хирурга нѣтъ, ни инструментовъ, ни даже носилокъ, чтобъ изъ повозокъ перенести ихъ. Я послала за ближайшимъ врачомъ Милковскимъ и къ губернатору опять просить оставить намъ единственнаго хирурга который имѣетъ инструменты здѣсь, врача городской больницы, долженствующаго уѣхать въ этотъ день въ Ровно. Когда Милковскій и инспекторъ врачебной управы съѣхались у насъ, мы нѣсколько пріободрились, потому что можно было сдѣлать кое-какія распоряженія. Рѣшено было помѣстить по степени болѣзни раненыхъ въ разные этажи; тѣхъ которые совсѣмъ не могутъ ходить — внизу, въ лучшую комнату, просторную, съ высокимъ сводомъ, большими окнами, на солнечной сторонѣ. Для переноски я вспомнила что у насъ есть, благодаря баронессѣ Раденъ, присланной намъ модели, приспособленные матрасы-носилки, то-есть чехлы на сѣнники, сдѣланные съ лѣтями, въ которыя вѣваются лалки: такимъ образомъ эти носилки кладутся прямо на кровать не утомляя больныхъ перекладкой. Послали къ воинскому начальнику нарядить нѣсколько солдатъ на помощь нашимъ сторожамъ, и такъ устроили первую помощь имѣя моральную поддержку въ опытности доктора Могиляскаго (инспектора врачебной управы) и стали ожидать, приготовивъ разумѣется чаю и вина и перемѣну бѣлья, ибо бѣлые люди съ самыхъ Яссы не останавливались, не перевязывали ранъ, не мѣняли бѣлья; не была даже перемѣнена солома на которой они лежали въ товарныхъ вагонахъ съ открытою дверью (или лучше сказать воротами) и пробитыми отверстиями вмѣсто оконъ, приспособленныхъ къ лѣтней порѣ, а вѣхали они въ холодъ и ураганъ. Мы послѣ узнали что нашъ уполномоченный (къ счастью мировой посредникъ) досталъ въ своемъ участкѣ Кривинѣ нѣсколько *свитокъ* (кафтановъ) у крестьянъ взаймы чтобы закутать больныхъ въ дорогу, такъ какъ обѣщанные намъ теплые халаты изъ Кіева не

привезены и у насъ не сдѣланы, потому что погода переѣнилась въ самые жидовскіе праздники, когда ни за какія блага нельзя достать лортнаго въ Острогѣ. Ждали мы всѣ то на дворѣ, то въ комнатахъ, то въ корридорѣ. Пріѣхалъ О., пріѣхалъ губернаторъ. Мы узнали что двое изъ раненыхъ въ дисентерію, вѣроятно отъ холода въ вагонахъ; оба занемогли дорогой. Рѣшено этихъ двухъ привезти прямо въ городскую больницу, гдѣ и платить за нихъ, ибо эпидемическихъ больныхъ въ нашемъ помѣщеніи держать нельзя. Мы спросили О, что это за сердитый больной? Оказалось что это юнкеръ, то-есть вольноопредѣляющійся, изъ одной петербургской гимназіи, служившій въ Болгарской дружинѣ и раненый лерко въ голову, но съ весьма раздражительными нервами. Понятно что девять дней такого путешествія не расположили его дружелюбно и можно простить, но не должно мирволить. Рѣшили помѣстить его въ отдѣленіи крестьянскихъ воспитанниковъ, гдѣ только четыре кровати и обстановка какъ можно меньше похожа на лазаретъ. Между тѣмъ вѣтеръ завывалъ. Мы ждали въ сѣняхъ со двора въ нижней комнатѣ, гдѣ уже собраны были наши сторожа съ импровизованными носилками.

1го сентября.

Наконецъ пріѣхали. Показались отецъ Игнатій впереди, а сбоку Левицкій (нашъ врачъ), высокій, блѣдный, посинѣлый отъ холоду, провожающій тихими шагами челоѣка лежащаго на носилкахъ. Впечатлѣніе было точно какъ у Петра Васильевича что несутъ умирающаго или умершаго. Мы воротились въ домъ, въ большую комнату нашей школы и распорядились, по указанію Могилянскаго и Мильковскаго, чтобы тѣхъ которые совсѣмъ не встаютъ положили на кровати посреди комнаты, дабы можно было подходить съ обѣихъ сторонъ для перевязки.

Перваго внесли и положили на матрасъ-носилки челоѣка лѣтъ двадцати ляти, * котораго круглое, полное, даже румяное лицо, русые волосы и усы, голубые, добрые тихіе глаза (настоящій тилъ русскаго солдата) тутъ же успокоили меня. Слава Богу! это не умирающій челоѣкъ—это добродушіе и покорность судьбѣ живучей русской натуры не обманчивы. Онъ оказался рядовымъ Иваномъ Лав-

* Ему 22 года.

рентьевымъ Федорчукомъ, раненымъ еще подъ Систовымъ въ ногу, которая вѣроятно никогда не воротится въ перво-бытное положеніе свое; но кость уже срослась отчасти и не много мучаетъ его. Онъ такой симпатичный и мы такъ обрадовались что онъ совсѣмъ на ладанъ не дышетъ, что съ этой первой минуты его признали *нашимъ любимымъ больнымъ*.

Еще двоихъ положили рядомъ (но съ большими промежутками), тоже раненыхъ въ ногу, и одного молоденькаго Молдавана, чернѣ всякаго Цыгана, раненаго въ руку. Пока стали заниматься ихъ перевязкой и перемѣной бѣлья, я пошла вверхъ. Въ нашемъ большомъ дортуарѣ помѣстились шестерыхъ. Одинъ уже не молодой и съ тиломъ какимъ-то знакомымъ, но не чисторусскимъ, некрасивымъ, не могъ согрѣться, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и говорилъ: „озябъ, озябъ, мнѣ холодно“, чай его не согрѣвалъ, ни теплое байковое одѣяло, и мы сказали чтобъ ему дать хересу, вспомнивъ какъ онъ скоро дѣйствуетъ. Засуетилась наша маленькая санитарная команда: не было вина подъ рукой, а когда принесли, то хотѣли почти насильно напоить имъ всѣхъ которые и не желали и морщились. Вообще пришлось усомниться въ нашихъ способностяхъ къ больничному дѣлу. Уже съѣзжались къ обѣдѣ на праздникъ и стали входить къ больнымъ съ сердечнымъ участіемъ, но безъ большой пользы, чтобы не сказать во вредъ. Къ счастью раздался трезвонъ и всѣ свободные отъ настоящаго дѣла пошли въ церковь. Въ палатѣ крестьянскихъ учениковъ сердитый юнкеръ поусловоился; съ нимъ было еще двое бодро и весело смотрящихъ, но третій, унтеръ-офицеръ, еле дышалъ, съ трудомъ могъ выговорить слово: его душила жаба. Къ этому времени пріѣхалъ добрый нашъ ровенскій докторъ Сильвестровъ. Онъ прижегъ горло, далъ выпить сиропу Эдекауера и предписалъ положеніе. Мы пошли въ церковь. Молебень служилъ отецъ Игнатій. Мысль перемосилась отъ давно прошлаго, славянской борьбы празднуемаго нами князя Острожскаго за Чеховъ, къ великому настоящему. Душа успокоивалась вѣрою что въ великомъ подвигѣ Россіи и ея Царя, какъ и въ маломъ нашемъ стараніи здѣсь, не оставитъ Господь труждающихся и обремененныхъ и по непреложному Своему обѣтованію „сотворитъ отмщеніе вскорѣ“.

Послѣ обѣдни по случаю праздника пришлось угостить

хотя только пирогомъ и чаемъ, собравшихся братчиковъ, а мы еще наканунѣ звали командировъ двухъ батарей 5го корлуса пришедшихъ сюда на постой. Они уже успѣли навѣститъ нашихъ раненыхъ и обѣщали не забывать ихъ. Съ ними (оба они съ севастопольскими медалями, что конечно сблизило меня съ ними), глядя на фотографію Морской улицы въ Севастополь, мы вспоминали прошлое и говорили о новой Плевнинской битвѣ. Мы одинаково понимаемъ нынѣшнюю войну какъ продолженіе той вражды собственно противъ Россіи, вражды которой намъ ничѣмъ не обезоружить въ западныхъ правительствахъ. Мы однако скоро окончили чай и разговоръ, а завтракъ не могли подать гостямъ, потому что маленькій запасъ намъ нуженъ былъ для другихъ нашихъ дорогихъ гостей — раненыхъ. Но зная за три дня объ ихъ пріѣздѣ, мы не закупили лишней провизіи, а теперь жидовскіе праздники, слѣдовательно и бойни и булочные также наглухо заколочены какъ мастерскія портныхъ и суконныя лавки. Какъ бы ни было, больные не были безъ обѣда и заснули потомъ всѣ, только бѣдный Гурскій слишкомъ страдалъ горломъ, но и у того около вечера прорвался нарывъ и онъ уже могъ свободно дышать и говорить и проглотить нѣсколько ложекъ манной каши на молокѣ.

Уже нѣсколько позже, когда они отдохнули всѣ и выснались, мы могли хорошенько ознакомиться съ ними и устроить должный порядокъ въ дежурствѣ и уходѣ. Теперь три дня сряду праздники: воскресенье, Успѣновеніе главы Предтечи, именины Государя, такъ что наши два усердные и уже хорошо подготовленные больничары изъ крестьянскихъ воспитанниковъ могли безвыходно заниматься своимъ дѣломъ; оба они, особенно Грицукъ, отъ всей души съ наслажденіемъ взялись за свои обязанности. Они уже около двухъ мѣсяцевъ учились дѣлать перевязки и составлять простыя лѣкарства; знаніе латинскаго языка пригодилось для пониманія рецептовъ, которые не ставили ихъ въ туликъ. Не могу выразить какъ меня эти молодые люди, въ сущности еще мальчишки, радуютъ. Послѣ этихъ трехъ дней, Грицукъ и товарищъ его должны быть на урокахъ и замѣстить ихъ одинъ изъ вышедшихъ уже изъ прогимназіи, Формалюкъ, который живетъ у своихъ въ деревнѣ, учился нѣсколько у фельдшера и также охотно и усердно взялся за свою обязанность.

Они помогаютъ на перевязкѣ, прислуживаютъ, читаютъ

вслухъ, разказываютъ эпизоды изъ Священной и Русской исторіи, исполняютъ маленькія порученія, ночуютъ подъ дортуара, чтобы быть готовыми на всякій случай, еслибы понадобились. Грищукъ читалъ раненымъ Евангеліе и объяснялъ прочитанное, читаетъ утреннія молитвы; словомъ разумно, дѣльно и сердечно относится къ своему дѣлу, не хуже сестеръ милосердія. Семеро изъ крестьянскихъ воспитанниковъ просили у директора позволенія дежурить по одному дню въ недѣлѣ (послѣ уроковъ), т.-е. отъ 3хъ часовъ до слѣдующаго утра, а по утрамъ будетъ уже постоянно свободный одинъ больничаръ. Суета и сумятица перваго дня улетѣла.

Дежурили уже З. и Надежда Ивановна А. серьезно, дѣльно и въ этотъ день разъяснилось и установилось уже все. Вышли маленькія отступленія отъ правилъ, но я сказалъ очень серьезно и внушительно: „и вы и мы всѣ желаемъ одного — вашего выздоровленія. Для больныхъ первое дѣло самая строгая дисциплина. Поэтому я должна васъ предупредить что отъ правилъ положенныхъ докторами мы не позволимъ себѣ отступать и вамъ не позволимъ.“ Слѣдующіе два дня все пошло гладко, и сердитый юнкеръ сталъ шелковый.

За то мы ему указали читальню и давали всякій день газеты, самыя свѣжія. Въ нашей нижней палатѣ, одинъ нашъ первый знакомый Иванъ Лаврентьевичъ Федорчукъ, уроженецъ Херсонской губерніи, но съ очень чистымъ русскимъ выговоромъ, рядовой Подольскаго лѣхотнаго полка раненъ 15 іюня подъ Систовымъ, при переправѣ черезъ Дунай, въ ногу, близъ колѣна, съ поврежденіемъ кости; лѣчился въ Зимницѣ, т.-е. около Зимницы въ госпиталѣ, гдѣ старшою сестрой была тогда Надежина (Крестовоздвиженская). Онъ вообще обо всѣхъ и обо всемъ отзывался съ похвалою или одобреніемъ; когда я спросила: ѣхать-то вамъ было очень трудно и не хорошо въ вагонахъ? „Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ онъ, хорошо.“ Но когда заговорятъ о Надежиной, все лицо его озаряется счастіемъ. Надобно было видѣть съ какою любовью онъ смотрѣлъ на свои костыль, говоря мнѣ: „и это сестра Надежина мнѣ дала, она сама заказала столяру для меня. Она была у насъ старшая сестра. Хорошо было у нея!“ Онъ всѣмъ доволенъ, ничего не проситъ, послушенъ какъ доброе дитя и такъ усердно молится. Придумывая какъ занять его я спросила его:

Вы грамотны? „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ грустію, но товарищъ мнѣ прочтетъ, если дадите книгу.“ Такъ вотъ, вы у насъ выучитесь, предложили мы обрадовавшись такому замятію для него. „Да я слишкомъ старъ, скавалъ онъ вздохнувъ, и вѣдь не долго здѣсь буду, не успею выучиться, а раньше не могъ, ужъ такъ не пришлось.“ Мы успокоили его что эта наука скоро дается. Нашелся еще неграмотный, молодой Молдаванъ. Мы имъ на другой день достали подвижную азбуку, наклеили ее и Грищуку съ увлеченіемъ сталъ учить, а Иванъ Лаврентьевичъ еще съ большимъ увлеченіемъ учиться. Особенно поощряло его то что во всѣхъ книгахъ все тѣ же буквы будутъ встрѣчаться.

Вечеромъ къ ужину уже пришлось употребить нашъ авторитетъ чтобы прекратить ученіе. Грищуку и его ученикамъ не хотѣлось оставить ученіе. Особенно Иванъ Лаврентьевичъ который уже составлялъ слова: „Богъ“, „Милость“, „Божія милость“ и имя свое „Иванъ“, очень неохотно повиновался, удержавъ еще въ рукѣ листокъ съ азбукой, когда мы стали прибирать подвижныя буквы, но Молдаванъ меня порадовалъ своимъ признаніемъ дисциплины; отошелъ отъ стола тотчасъ къ своей кровати, говоря: „если приказано оставить, такъ оставить“. Сказано это было безо всякаго раздраженія, и даже нѣсколько внушительно въ сторону Ивана Лаврентьевича. Насъ очень успокоило все это. Грамотнымъ у насъ есть книги, но неграмотные очень озабочивали. Лежать весь день и ничего не дѣлать, какая тоска! Теперь все обстоитъ благополучно, слава Богу, и нижняя палата больницы осталась вѣрна своему первоначальному назначенію школы грамотности: больничары наши уже про начало Кіева разказывали и про Кирилла и Меѳодія.

4го сентября.

Душа и сердце и всѣ мысли подъ Плевной, гдѣ нѣтъ еще окончательнаго рѣшенія, хотя въ самый день именинъ Государевыхъ, въ присутствіи Его самого на полѣ сраженія, наше войско конечно превзошло себя въ храбрости. Одинъ изъ нашихъ больныхъ, Рыльскаго полка, Мигаевъ (уроженецъ Подольской губерніи), раненный подъ Плевной 18го іюля (замѣчательно толковый, сдержанный человекъ), на мои разспросы говорилъ что, „въ то время главное затрудненіе представляла мѣстность, то-есть густой кустарникъ въ ростъ че-

ловѣка, сквозь который приходилось продираться и спотыкаться, поднимаясь на позиціи непріятеля, а онъ (непріятель) такъ сидитъ что его нигдѣ не видать; видно только что-то блестить, изъ всѣхъ кустовъ летать пули, будто *сами по себѣ*. Вотъ и не можешь добраться; а вѣдь разъ до него дойдешь со штыкомъ, онъ *бѣжитъ* безъ оглядки. Только подъ Плевной-то добраться до него не могли, такъ и ложатся наши въ этомъ лѣсу густомъ. Да можетъ-быть тутъ и ошибка была начальства. Послали бы четыре полка, заразъ взяли бы; много бы легло, а взяли бы. Но посылали все по баталіону, пошелъ одинъ, легли почти всѣ, а тамъ другой, а тамъ опять другой, такъ онъ и уложилъ ихъ одного за другимъ.“ Я сказала что артиллерія можетъ-быть не довольно подготовила дѣло. „Какая тутъ артиллерія? ее-то и ставить было некуда, все эти лѣса да кустарники. Да вѣдь это не Турка командуетъ.“ — А кто же? — „Извѣстно Англичанинъ; да и солдаты-то у нихъ Англичане и офицеры.“ — Ну, возразила я, — войска-то у Англичанъ не такъ много у самихъ чтобы давать Туркамъ. „Какъ же, я самъ слышалъ, какъ въ его лагерь по-русски говорили, да еще насмѣхаючись кричали намъ: У васъ патроновъ нѣтъ, возьмите; у насъ много.“ — Какъ же это по-русски? — „Да такъ чисто. Не Турокъ же? Гдѣ Туркъ говорить по-русски, извѣстно Англичанинъ!“ Потомъ сталъ нашъ Рыльскій солдатъ говорить, „что у Плевны непременно будетъ сраженіе большое, что безъ *этого быть нельзя*. Должно взять Плевну“. Я ему сказала что уже началась перестрѣлка артиллерійская. „Одна артиллерія не сдѣлаетъ это дѣло“, сказалъ онъ задумавшись. — Самъ Государь поѣхалъ на наши батареи и тамъ теперь, (это было 30го). У раненаго заблестѣли глаза. „Самъ Государь? спросилъ онъ и перекрестился. Ну, конечно Плевну-то взять надо“, прибавилъ онъ и опять задумался.

Не знаю изъ какого онъ сословія, знаю только что онъ грамотный и любитъ читать, только голова часто кружится. Онъ какъ-то серіознѣе и задумчивѣе всѣхъ другихъ *нашихъ*. Можетъ-быть отъ того что дольше всѣхъ боленъ, съ 18го іюля (пять недѣль), и все лежитъ, потому что гипсовая повязка мѣшаетъ двигаться. Изъ моей нижней палаты онъ смотритъ всѣхъ серіознѣе и какъ бы опытнѣе. У стѣнки, по близости къ нему, очень молодой человѣкъ, Подольскаго полка (уроженецъ Херсонской губерніи), Сильвестръ Николаевъ, такой смуглый что его сперва сочли за Молдавана

изъ Бессарабіи; но онъ говоритъ что изъ одной деревни Херсонской губерніи гдѣ наполовину Русскіе и Молдаване, самъ же онъ Русскій. Кроткій, терпѣливый, неразговорчивый, раненъ подъ Шилкой 9го августа; у него къ вечеру первого же дня прѣзда къ намъ началась сильная головная боль и жаръ, который все увеличивался и къ ночи открылось воспаление легкихъ. Неудивительно, послѣ перѣзда въ такую погоду. Это меня очень беспокоитъ и теперь; хотя на другой день казалось что болѣзнь прервана, но къ вечеру началась сильный кашель, хотя жаръ уменьшился; мы боялись остраго воспаления, кажется обойдется только бронхитомъ. Но онъ такъ молодъ и кажется далеко не крѣпкаго сложенія. Дай Богъ скорѣй бы поправился!

Черный нашъ Молдаванъ очень грустилъ и какъ-то держался особнякомъ, но одинъ изъ нашихъ братчиковъ заговорилъ съ нимъ по-молдавански и уломянулъ про мамалыгу, и онъ совсѣмъ ожилъ; а теперь грамотность всецѣло обуяла его своею прелестью.

Таковъ былъ составъ нижней палаты, но пришлось прибавить еще одного члена къ ней. Съ самаго перваго дня насъ поразилъ живостью и проворными движеніями бравый канониръ второй батареи девятой артиллерійской бригады, Егоръ Никандровичъ Петунинъ, раненый 9го августа подъ Шилкой въ ногу. Онъ ходилъ съ помощью толстой палки или сучка, припрыгивая на одной ногѣ, увѣряя что на лѣстницу и съ лѣстницы можетъ входить и сходить, и нога *ничего*; совсѣмъ не лежалъ, а сидѣлъ подлѣ кровати, облокотясь на столикъ, гдѣ большею частію читалъ вполголоса. Евангеліе и что-то много и бойко писалъ. Онъ былъ такъ бодръ и веселъ что мы на него смотрѣли какъ почти на здороваго, только я настояла чтобъ онъ не ходилъ по лѣстницѣ и распорядилась чтобъ обѣдалъ въ томъ же этажѣ въ концѣ корридора, въ докторской комнатѣ, и для компаніи назначила ему больничара прогимназиста. Онъ помѣщался въ одномъ отдѣленіи съ юнкеромъ, съ больнымъ жабой Гурскимъ, и еще однимъ славнымъ, бодрымъ ефрейторомъ Волынского полка, полтавскимъ уроженцемъ Деденко. Живой, разговорчивый, съ военнымъ жаромъ, старой казацкой крови, Деденко, раненый подъ Шилкой 11го августа, съ увлеченіемъ говоритъ о молодцкихъ эпизодахъ упornaго боя и особенно о Драгомировѣ, его любимомъ героѣ, котораго онъ на каждомъ словѣ хва-

леть: такой „смилый гиниралъ“ что съ такимъ начальникомъ всегда *побѣда*; боится чтобы не пропало все теперь когда раненъ Драгомировъ, и не будетъ командовать. Я его успокоивала обнадеживая что Драгомировъ черезъ шесть недѣль будетъ опять въ строю; но онъ не совсѣмъ довѣряетъ мнѣ и думаетъ что ужъ не вести Драгомирову молодцовъ въ атаку.

У насъ, какъ я уже написала кажется, по недоразумѣнію съ Кіевскимъ отдѣленіемъ Краснаго Креста, не было заготовлено теплыхъ халатовъ. Но у юнкера и у Деденки случилось свои, а 29го вдругъ сдѣлалась ясная, даже сравнительно довольно теплая погода. Я предложила этимъ двумъ больнымъ, которые ранены оба въ голову, а не въ ноги, пройтись по саду, и сама отправилась съ нашимъ братчикомъ погулять. Черезъ полчаса повернули на боковую дорожку; вижу что-то бѣлѣетъ на скамейкѣ; подходимъ: нашъ артиллеристъ въ одномъ бѣломъ халатѣ, съ кепи набекрень, опираясь на свой толстый сукъ, сидитъ въ бесѣдѣ съ землякомъ изъ Острожской стражи, какъ здоровый человекъ въ жаркій июльскій день. Я ахнула и подойдя спросила, какъ онъ съ лѣстницы сошелъ, и развѣ не боится простудиться? Онъ увѣрялъ по обыкновенію что ему очень легко ходить, что впрочемъ товарищъ ему помогъ, а что касается простуды, очень тепло и ничего. Однако на другой день при перевязкѣ оказалось что онъ разбередилъ ногу, и докторъ совѣтовалъ перевести его внизъ чтобы онъ не имѣлъ искушенія бѣгать по лѣстницамъ и былъ бы подъ присмотромъ; лучше если совсѣмъ не вставать съ кровати. Онъ было отказался идти внизъ, объявилъ что уйдетъ опять вверхъ, что тамъ его товарищъ (Турскій), а его перевели къ чужимъ.—Кого же зовете чужими? спросилъ отецъ Андрей (дежурный въ этотъ день), и мы не чужіе, а русскіе раненые солдаты развѣ могутъ быть чужими для васъ? Онъ замолчалъ, но однако часа черезъ два послѣ этой маленькой размолвки я застала его нахмуреннымъ, сидящимъ подлѣ кровати у столика, лишающимъ что-то очень усердно и скоро. Я ему сдѣлала выговоръ, а онъ отвѣчалъ все то же, что у него тамъверху товарищъ и зачѣмъ ихъ разлучили.—Давно онъ вамъ такъ близко? спросила я его. „Нѣтъ, да вотъ какъ ранили меня, стали перевязывать и отправили насъ вмѣстѣ и всю дорогу мы ѣхали вмѣстѣ, такъ свой человекъ и сталъ мнѣ.“ Я ужъ тутъ ему растолковала что онъ повредилъ себѣ

ногу, что докторъ *меня* выбранилъ изъ-за него, а что его нельзя перевести назадъ вверхъ, потому что на него нельзя положиться, онъ уходитъ безъ спросу гулять, и вотъ ему хуже.— Сколько вамъ лѣтъ? спросила я.— Двадцать семь.— Что же за охота искалѣчить себя навѣки, когда Богъ помиловалъ и рана такая что можете совсѣмъ выздоровѣть. Онъ призадумался. Я ему разказала какъ мой братъ былъ раненъ въ Севастополь и какъ долго ему пришлось беречь свою ногу, и предложила устроить такъ скамейку что можно будетъ сидѣть у стола и писать, и все-таки не сгибать ноги. Онъ обѣщался быть послушнымъ, и поэтому какъ только вхожу въ комнату, вскакиваетъ на кровать и протягиваетъ ногу, что разумеется еще хуже чѣмъ еслибы сидѣлъ спокойно. Авось съ устройствомъ скамейки въ родѣ лубка онъ *успокоится*.

Итакъ онъ теперь лятый въ нижней палатѣ.

10го сентября.

Инспекторъ врачебной управы пріѣзжалъ для обозрѣнія и нашелъ что благодаря хорошему уходу и гигиеническимъ условіямъ состояніе больныхъ блестящее. Слава Богу! но это было въ порядочную погоду, а теперь стоитъ гнилая, холодная осень и обнаруживаются всѣ неудобства нашего помѣщенія въ отношеніи къ вентиляціи, которую никто въ этомъ жидовскомъ уголкѣ не умѣлъ устроить, хотя мы хлопочемъ объ этомъ уже восемьлѣтъ. Однако я точно нашла раненыхъ гораздо лучше, и веселыми, бодрыми; даже бѣдный Прушинскій меньше страдаетъ рукой. Грамотность же въ блестящемъ состояніи. Иванъ Лаврентьевичъ по складамъ читаетъ не только въ книгѣ которую уже знаетъ, но и въ *Иллюстраціи*, и заглавіе газетъ (крутыми буквами). Черный Молдаванъ меньше сдѣлалъ успѣховъ; но ему труднѣе, самый русскій языкъ ему не совсѣмъ родной. Къ тому же Иванъ Лаврентьевичъ уже слишкомъ увлекается азбукой и чтеніемъ, онъ похудѣлъ, любѣдывалъ и какъ-то смотритъ изнуреннымъ, а ни на что не жалуется. Вообще его ровность характера, спокойствіе духа и смѣтливость замѣчательны. Онъ изъ деревни въ семи верстахъ отъ станціи Веселый Кутъ на Одесской желѣзной дорогѣ; его братъ пріѣзжалъ къ нему на Рождество въ Румынію. На Великій День (то-есть на Пасху) онъ послалъ письмо домой (диктованное), но еще не имѣлъ отвѣта.

Канониръ Петунинъ свыкъ съ новою палатой и даже

находить теперъ что тутъ лучше, потому что больше воздуху, сводъ такой высокій. Сильвестръ Николаевъ съ нагрудникомъ и въ фуфайкѣ не кашляетъ совсѣмъ и уже гулялъ въ тепломъ пальто (вчера наконецъ-таки Евреи сшили ихъ 9 изъ 16). Только бѣдный мой второй другъ левнинскій, Мигаевъ, все также задумчивъ и грустенъ, хотя тоже не жалуется ни на что и за все благодаренъ.

Вчера вдругъ проглянулъ ясный, теплый день; всѣ пошли гулять, одинъ Мигаевъ со своею неподвижною повязкой на ногѣ долженъ былъ лежать въ постелѣ. Я пошла къ нему и на этотъ разъ рѣшилась спросить: что онъ такъ печаленъ? не болитъ ли голова опять? не кружится ли? какъ намедни; „нѣтъ ничего, слава Богу! только томить нога. Не то чтобъ очень болѣла, а только всегда болитъ, не перестаючи.“ Понятна тоска бѣднаго; боль не сильная, но непрерывная, точно томить, хуже сильныхъ параксизмовъ съ промежутками. Онъ полагаетъ что отъ того у него больше не наступитъ выздоровленіе что поздно сдѣлана перевязка, притомъ же и рана получена въ неудачномъ мѣстѣ, что также наводитъ грусть. Онъ упалъ раненый въ тѣхъ самыхъ кустарникахъ сквозь которые такъ трудно было продираться на позицію, и никто не видалъ его сначала: пролежалъ онъ часовъ пять съ кровотеченіемъ; но къ счастью подбирая раненыхъ наши его открыли и вынесли. Вѣрно отъ того и томить теперь, сказалъ онъ кончая разказъ. Нѣтъ еще и мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ въ Зимницѣ были вынуты осколки костей ноги и положена гипсовая повязка. Впрочемъ думаю что и самая необходимость оставаться все почти въ одномъ положеніи, безъ движенія на открытомъ воздухѣ, тоже томить. У бѣднаго часто глаза наливаются кровью и видно что голова болитъ. Остальные веселы, разговорчивы. Богъ дастъ скоро въ самомъ мѣстѣ поправятся. Была бы только поспѣе погода!

13го сентября.

Наши больные потихоньку поправляются, но непостоянно. Лихорадочное состояніе вдругъ обнаруживается то у того, то у другаго, безъ видимой причины, между тѣмъ напавъ раненыхъ такъ великъ въ Киевѣ что заставляетъ тамошнее воинское начальство желать очистить отъ выздоравливающихъ даже ничтожные пункты какъ нашъ для открытія ва-

кастныхъ коекъ вновь прибывающимъ. Вчера нашъ воинскій начальникъ Колотничевъ былъ у насъ по этому дѣлу: очень бы охотно помогъ отправленію въ семейства на казенный счетъ тѣхъ которые въ состояніи ѣхать туда. Это насъ очень обрадовало, ибо мы все время придумывали откуда взять средства для такой благой цѣли. Но покуда еще ни одинъ не въ состояніи ѣхать, ибо по большей части ранены въ ногу. Большею частию впрочемъ они ничего не просятъ и изумительно спокойны, безропотны, ни на что не жалуются. Это однако не равнодушіе. Главная забота и интересъ—извѣстія изъ арміи. Намедни, получивъ газету со статьей про атаки Сулейманъ-паши на Шилку, я принесла ее въ мою нижнюю палату и стала читать у столика между кроватями моихъ двухъ друзей Ивана Лаврентьева и Мигаева (плевнинскаго). Оба повернулись ко мнѣ насколько возможно съ ихъ перевязками, а другіе кинулись къ нимъ сгруппировавшись тѣсно; кто сидя на ихъ кроватяхъ, кто на стулѣ, кто стоя. Надобно было посмотреть на эти оживденныя, исполненныя жаднаго любопытства лица чтобы понять что ихъ обыкновенная сдержанность не есть равнодушіе, утомительной болѣзни или слабости. По мѣрѣ того какъ я читала телеграмму, ихъ лица принимали довольное, даже веселое выраженіе и въ концѣ одинъ за другимъ стали говорить: „Ну! Слава Богу! Конечно Св. Николая (то-есть гору) взять нельзя.“ Когда я сказала что потеря жизни большая, отвѣтъ у всѣхъ былъ обычный: „Безъ этого не можетъ быть.“ Плевнинскій однако сейчасъ же прибавилъ: „А Плевну взяли?“—Нѣтъ. Онъ опять грустно задумался.

Вчера я спросила вверху въ другой палатѣ, самой большой: читали ли они корреспонденцію *Новаго Времени* въ которой разказано то дѣло Шилкинское (прошлое) въ которомъ всѣ они ранены и гдѣ про Драгомирова разказываютъ?—Какъ же, читали, сказали они въ одинъ голосъ, улыбаясь, кромѣ бѣднаго Прушинскаго (у котораго всегда страдающее выраженіе). Особено широкою улыбкой улыбался Нѣмецъ-стрѣлокъ Вель и Орловскаго полка Макѣевъ.—Что правда ли все это? такъ ли было? спросила я.—Такъ точно.—А про Драгомирова все правда.—Все правда, отвѣчалъ Макѣевъ,—мы такъ, не больно много вѣры имѣемъ къ газетамъ. Все равно что не читай. Ну, а этотъ разъ все

истина, ужь теперь я стану ему вѣрить (то-есть газетѣ или редактору ужь не знаю).

О Драгомировѣ отрадно слышать какъ отзываются всѣ эти люди бывшіе съ нимъ въ огнѣ. Такъ хорошо на душѣ, какъ узнаешь о хорошихъ талантливыхъ людяхъ между нашими командирами. Радецкаго они тоже очень любятъ и хвалятъ. Вечеромъ я нашла сердитаго юнкера въ читальнѣ и первый разъ разговорила съ нимъ. Онъ кажется понялъ что его дебютъ здѣсь былъ не совсѣмъ любезный. Разказывалъ какъ попалъ къ намъ. Ихъ партію раненыхъ везла въ Вильну,—какъ вдругъ на разсвѣтѣ въ холодную, дождливую, бурную погоду, разбудили его съ извѣстіемъ что сейчасъ надобно выходить на станцію: тутъ высаживаются. Рана на головѣ сильно болѣла, одѣться въ теплое было не во что; посмотрѣлъ кругомъ—какой-то пустырь. А наканунѣ онъ поссорился съ ихъ докторомъ и ему показалось что это нарочно вмѣсто Вильны куда-то въ глухой уголъ его выбрасываютъ. „Куда же это меня везутъ?“ спросилъ онъ сквозь сонъ у начальника станціи.—Въ Острогъ, отвѣчалъ тотъ.—„Ну, въ острогъ-то знаю что не повезутъ.“—Да это городъ Острогъ отвѣчали ему. Онъ увѣрялъ что забылъ что есть такой городъ, хотя и зналъ.

—Я кажется сказалъ что-то недовксе (продолжалъ онъ) одному изъ братчиковъ, но мнѣ было такъ скверно, такъ холодно, такъ болѣла голова и все кругомъ было такъ непривѣтливо что я просто былъ золъ на все. Когда я выпилъ теплаго чаю и согрѣлся немножко, такъ стало лучше, а потомъ поѣхали—рессорный экипажъ—какъ-то семейно; выѣхали въ лѣсъ сосновый, точно ѣдешь въ деревню; тутъ ужь стало мнѣ совсѣмъ хорошо.

14го сентября. Острогъ.

Сегодня день Воздвиженія Креста. Наши раненые были предъ обѣдней въ церкви (не на хорахъ какъ обыкновенно), прикладывались ко Кресту, съ частицей Животворящаго Древа и пожелали остаться слушать обѣдню; ни за что не хотѣли садиться, что по правдѣ сказать меня нѣсколько потревожило. Но вечеромъ только одинъ сказалъ мнѣ что у него голова закружилась. Другіе напротивъ были веселы и довольны какъ дѣти.

Пѣніе было у насъ прекрасное и за причастный стихъ пѣли мой любимый псаломъ неизвѣстнаго мнѣ композитора:

„Помилуй мя Боже“. Но это растянуло службу на 20 минутъ. Наши дорогіе раненные говорятъ что очень было хорошо, что служба прекрасная.—Только немножко длинна, сказала в Деденкѣ. „Для меня не длинна“, отвѣчалъ онъ, и кажется ему польстило, когда я сказала что это были славные малорусскіе голоса.

А въ моей нижней палатѣ самый праздничный видъ: Молдаванъ и Сильвестръ Николаевъ (бывшій съ бронхитомъ) подпрыгивали и перебѣгали съ одного конца комнаты на другой когда я пришла къ нимъ вечеромъ. Иванъ Лаврентьевичъ смотрѣлъ весьма утомленнымъ, но тихо счастливымъ. Даже бѣдный плевнинскій Мигаевъ повеселѣлъ и перебиралъ цвѣты въ стаканѣ на столикѣ подлѣ кровати, куда я принесла ихъ утромъ къ нему изъ-подъ Креста.

Вообще эта палата рѣшительно не имѣетъ лазаретнаго вида; смотреть семейно, какъ въ деревнѣ комната куда наѣхали школьные товарищи къ сыновьямъ хозяйки.

Рѣчь зашла о Болгарахъ. Мой плевнинскій пріятель съ душевнымъ сожалѣніемъ говоритъ о нихъ, о ихъ прекрасномъ краѣ, съ восхищеніемъ хлѣбопашца о дивномъ хлѣбѣ *, который какъ стѣна стоитъ, и о тяжелой работѣ (въ родѣ барщины) которую они несутъ. Обрабатывать поля должны за Турокъ и изъ своего хлѣба и изо всего что народится отдавать процентъ, да и за всѣмъ тѣмъ не быть увѣреннымъ ни въ остальномъ имуществѣ ни даже въ жизни. „И сколько, сколько перебито ихъ, почти на нашихъ глазахъ! народъ былъ бы богатъ, еслибы не Турки, край чудный, сами хорошіе хлѣбопашцы, хорошіе работники, прибавилъ Иванъ Лаврентьевичъ, все у нихъ такъ аккуратно идетъ, въ родѣ какъ у Нѣмцевъ колонистовъ **. Жинки у нихъ не работаютъ (т.-е. въ полѣ)“.—Да и у насъ, сказала я, жемщины только жнутъ.—„Въ нашемъ краѣ, отвѣчалъ онъ, не жнутъ хлѣбъ, а косятъ все. А у Болгаръ и стѣна не косятъ и не ворoshать жинки, развѣ только дѣвушки. Жинки только дома работаютъ, все волну прядутъ. Плевнинскій Мигаевъ подхватилъ: „онѣ тоже ткутъ сукно и вышиваютъ. А есть гдѣ деревья (тутовые) и шелкъ дѣлаютъ. Хорошіе люди, жаль ихъ!“

— Ну а съ Русскими каковы они?

* Онъ самъ изъ Подольской губерніи.

** Иванъ Лаврентьевичъ Херсонской губерніи.

— А какъ же можетъ быть? разумѣется какъ свои. Хорошіе люди. Мы съ ними все одно что братья.

Этотъ отзывъ много разнился отъ того что вчера говорилъ сердитый юнкеръ, не совсѣмъ довольный, оказалось, Богдарами. Не въ первый разъ встрѣчать разладъ сужденій между простолюдиномъ и людьми изъ „интеллигенціи“, не имѣющими вдобавокъ тѣхъ правъ быть раздражительными какъ нашъ раненый юнкеръ; а въ итогъ выходитъ что простой солдатъ видитъ и понимаетъ положеніе и быть Славянь и вѣрнѣе, и разумнѣе, и сочувственнѣе.

А покуда не будемъ удивляться что книжники видя не видятъ и слыша не слышатъ; а свѣтлымъ взглядомъ узнаютъ и понимаютъ простые, полуграмотные или совсѣмъ безграмотные преемники галилейскихъ рыбаковъ!

19го сентября 1877 года.

Слава Богу, кажется есть надежда на лучшую погоду, сегодня солнце ярко свѣтитъ, даже немножко грѣетъ. Наши больные тоже оживаютъ и крѣпнутъ; въ большомъ дортуарѣ уже по вечерамъ не только поютъ молитву, но стали слѣваться для солдатскихъ лѣсенъ и очень желаютъ достать гармонику. Къ сожалѣнію нашъ Нѣмецъ-стрѣлокъ, который одишь умѣетъ играть, владѣетъ всего только мизинцемъ правой руки, такъ что гармонику еще рано доставать. Въ саду раненые тоже сидѣли на скамейкѣ и слѣвались. Трое изъ моихъ друзей нижней палаты просятъ выписать ихъ въ семейство для окончательнаго выздоровленія. Весело смотреть, и только дурныя извѣстія изъ арміи опечаливаютъ ихъ столько же какъ меня. Но плевнинскій Мигаевъ и Иванъ Лаврентьевичъ медленно поправляются, хотя никогда не говорятъ что страдаютъ. Грамотность идетъ своимъ чередомъ, хотя кажется не такъ уже бойко. Иванъ Лаврентьевичъ уже читаетъ въ *Молитвословѣ* (гражданской печати) хорошей четкой печати почтаевской. У Мигаева одно развлеченіе: цвѣты въ стаканы которыми онъ любитъ и переставляетъ когда утомляется чтеніемъ. Вотъ два мѣсяца минуло вчера какъ онъ упалъ раненый въ кустарникъ турецкой позиціи, и съ тѣхъ поръ ни шагу не можетъ сдѣлать. Не могу смотрѣть на него безъ грусти и глубокаго уваженія къ его долготерпѣнью.

Одну изъ маленькихъ воспитанницъ здѣшнихъ, Леночку, я уже водила въ нижнюю палату познакомить съ публичкой, которой она собирается читать.

Все входитъ въ зимнюю колею.

20го сентября.

Вечеромъ вчера Леночка читала вслухъ раненымъ. Но книги должны были взять какая случилась подъ рукой, ибо не было ключей отъ библіотеки. Читала Толычевой о Св. Сергіи и Лаврѣ. Трудновато вышло для пониманія и лектрисы и слушателей. Пришлось толковать слово „инокъ“, а для херсонскихъ уроженцевъ, даже „келлія“, „рака“, „мощи“ оказались незнакомыми предметами, за то канониръ, въ качествѣ Задонца, все это зналъ, и припоминалъ открытіе мощей Святаго Тихона когда ему было одиннадцать лѣтъ. Петръ Васильевичъ былъ дежурный и съ навыкомъ своимъ въ преподаваніи чутко понималъ что именно для слушателей трудно.

Слушали однако съ напряженнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и про Татаръ и о Дмитріи Донскомъ по нашимъ объяснительнымъ разказамъ. Такимъ образомъ дошли мы до представленія Святаго Сергія. Прочитавъ какъ Дмитрій Донской приходилъ къ Святому Сергію за благословеніемъ отправляясь на войну противъ Татаръ, я сказала что и теперь наши Государи ѣздятъ къ мощамъ Святаго Сергія предъ началомъ войны, и что Государь съ Императрицей ѣздили туда молиться когда Государь возвращался изъ Кишинева послѣ обнародованія манифеста о войнѣ. Иванъ Лаврентьевичъ сказалъ на это что ихъ полкъ былъ въ Кишиневѣ когда служили молебнъ и прямо съ молебна вышелъ въ походъ. Очевидно этотъ молебень глубоко врѣзался въ память его. Онъ задумчиво глядѣлъ какъ бы въ даль воспоминанія, тише еще обыкновеннаго говорилъ и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ: „Государь молился и плакалъ, слезы видны были. Онъ насъ жалѣлъ. Да, Государь жалостливый, хорошій у насъ Государь.“ Утѣшительно слышать и видѣть съ какимъ сердечнымъ чувствомъ растроганной души отвѣчаетъ русскій солдатъ, русскій народъ на сердечныя отношенія къ нимъ Государя.

26го сентября.

Я выѣхала изъ Острога 22го въ деревню. Я какъ на позиціи противъ непріятели вся обносилась; къ тому же и отдохнуть было необходимо, ужъ слишкомъ нездоровилось; а жаль было расстаться съ новыми друзьями, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ нихъ уже развѣзжаются. Одинъ новый къ намъ поступилъ наканунѣ моего отъѣзда. Здѣшній воинскій начальникъ, Калатничевъ, уговорилъ насъ дозво-

лить перевезти къ намъ изъ городской больницы одного изъ двухъ непринятыхъ нами по случаю эпидемическаго характера болѣзни. Болѣзнь выѣчили, раны у обоихъ зажили и одинъ уже выписался и ѣдетъ обратно въ полкъ; но другой, Федоръ Улановъ, Брянскаго полка, тамбовскій уроженецъ, до такой степени слабъ что совсѣмъ не поправляется, не спитъ, не ѣстъ и питается только чаемъ; да и отъ него дѣлаются боли. Въ городской больницѣ тѣсно и воздухъ спертый, а выходить онъ не въ состоянн, да и погода такая что на воздухъ нельзя выходить. Умоляя чтобъ его взяли мы, и мы согласились, съ тѣмъ что если чуть покажется прежняя болѣзнь, его опять возьмутъ въ городскую больницу. Левицкй, осмотрѣвъ его, сказалъ мнѣ что по его мнѣнью должно быть какое-нибудь внутреннее поврежденіе и надобно стараться открыть что такое. Мы его помѣстили все-таки отдѣльно, и для этого заняли покуда ванную комнату. Я была у него два дня сряду; больно и страшно на него смотрѣть; слабость, худоба, истощеніе, взглядъ страдальческій. Послѣ ванны онъ заснулъ на нѣсколько часовъ; но опять боли его разбудили. Пробовали красного вина ему дать—опять боли, дали ему вина въ чай — затошнило. Какъ и чѣмъ поддерживать его силы? На второй разъ, именно предъ моимъ отъѣздомъ, я зашла къ нему съ нашей сестрицей Настасьею Степановной, и подъ впечатлѣніемъ разговора съ Левицкимъ, мы обѣ спросили, когда эти боли начались? Уже очень давно, послѣ второй плевнинской битвы, когда онъ еще не былъ раненъ. Я спросила, не надсадился ли онъ? Онъ не понималъ.—Не надорвался ли? спросила Настасья Степановна. Я стала растолковывать: Не подняли ль вы чего тяжелаго?—Нѣтъ, ничего тяжелаго не поднималъ.—Постарайтесь вспомнить, не упали ль какъ-нибудь неловко? или перелѣзали, или перескакивали неловко и тѣмъ повредили себѣ? Онъ сталъ припоминать.—Вотъ развѣ что я послѣ Плевны очень усталъ, несъ раненаго.—Какъ же это было?—Мы отступали сперва тихо, а потомъ приказали прибавить шагъ, въ это время одного товарища ранило, его подобралъ казакъ, на свою лошадь посадилъ. А тутъ его лошадь убили; онъ и не могъ того увести, а Турки налетѣли и на куски его изрѣзали; мы видѣли да нельзя было помочь. Шли мы очень скоро, вотъ ранило другаго нашего, онъ упалъ и сталъ кричать намъ вслѣдъ. „Братцы не оставляйте меня! Братцы, неужели-то бросите!“ Очень ужъ жалко стало его, я и

говорю товарищу: нельзя его оставить, изрѣжетъ Турка. Мы и отдали свои ружья товарищамъ, да сами вдвоемъ подняли его на руки да и унесли. Слава Богу! вынесли. Такъ развѣ тутъ-то. Очень онъ былъ тяжелъ? Не то чтобъ ужь очень, но мы долго его несли, съ версту или полторы, и я очень измаялся. Развѣ тогда, я впрочемъ нѣсколько дней такъ себѣ ничего особеннаго не чувствовалъ. А потомъ начался рѣзъ, да все съ тѣхъ поръ и болить.—Ну, а какъ ранили, хуже стало?—Нѣтъ не хуже, а вотъ дорогой должно-быть потрясло когда, такъ ужь страхъ какъ стало болѣть, да съ тѣхъ поръ и не перестаетъ. Ни встать, ни ходить, ни пить, ни ѣсть не могу, отъ всего хуже болить.

Кажется что несчастный точно надсадился, переноса бѣднаго товарища котораго они спасли отъ истязаній хуже смерти. Смотрѣть на Уланова такъ же жалко, какъ ему было жалко оставить раненаго товарища. Боже мой! и все это повторяется въ каждомъ бою, въ каждомъ отрядѣ, въ каждомъ полку, на каждомъ шагу! И все это благодаря народу, который въ расчетахъ корыстной политики употребляетъ всѣ усилія удержать христіанъ подъ ненавистнымъ имъ игомъ и помогаетъ Туркамъ и своими милліонами, и своимъ присутствіемъ въ ихъ рядахъ. Не удивительно что мой пріятель, мягкій и добрый Иванъ Лаврентьевичъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ въ прямодушномъ, кроткомъ взглядѣ своихъ голубыхъ дѣтскихъ глазъ, сказалъ мнѣ: „Позволено ли спросить, Англичане крещенные или нѣтъ?“

Да и не Ивану Лаврентьевичу въ его простотѣ душевной, а и намъ, людямъ бывалымъ, придетъ на мысль: христіане ли это?

2го октября.

Только что успѣла воротиться изъ деревни, пришлось услышать хотя не про бѣду, но про бѣдоваго человѣка, надѣлавшаго непріятную кутерьму. Въ прошлую субботу выписали двухъ раненыхъ: одного на окончательное излѣченіе въ семействѣ, именно канонира въ Задонскъ; другаго молодаго ларня Херсонской губерніи, Сильвестра Николаева, который самъ просится въ свой полкъ назадъ на Шилку. Они явились къ воинскому начальнику, получили свои виды, снарядились въ путь и только остались переночевать въ нашей больницѣ. Они уже считались вольными казаками и разумеется сходили въ городъ поглазѣть ли или что купить, а канониръ для размѣна золотыхъ на ассигнаціи, что составило

167 рублей. Канониръ воротился подливши, сталъ еще болѣе говорливъ чѣмъ обыкновенно. Однако мы на это не обратили вниманія. Но на другое утро въ день отъѣзда онъ нашелъ средство еще налиться, и явился въ такомъ возбужденномъ видѣ что одинъ изъ товарищей, Макѣевъ, сказалъ ему безъ церемоніи: „Неблагодарная тварь, ты насъ всѣхъ срамишь.“ И никто не хотѣлъ съ нимъ проститься. Отправились они съ нашимъ прикащикомъ въ Кривинь. Но видно дорогой его еще болѣе разобрало. Пріѣхавъ на станцію вдругъ закричалъ что у него украли деньги и схватилъ за воротъ прикащика, воля неустово: „Меня обокрали въ Братствѣ, отдайте деньги мои и проч.“ Потомъ хотѣлъ бѣжать въ лѣсъ; наконецъ такъ расходился что его привезли назадъ къ воинскому начальнику и тутъ обшаривъ его самого наши деньги спрятанныя въ голенищѣ, по солдатскому обычаю. Одни полагаютъ что онъ спяна забылъ въ самомъ дѣлѣ куда дѣвалъ деньги, другіе что онъ надѣялся получить ихъ вдвое, скрывъ что размѣненные полуимперіалы у него находятся. Во всякомъ случаѣ его отправили по этапу; онъ продолжалъ размахивать руками и громко говорить: „Вотъ прокричалъ, такъ и нашлись деньги.“ Всѣ товарищи были возмущены. По мнѣнію воинскаго начальника все это спяна,—*il a le vin mauvais*.

Что касается здоровья, слава Богу, всѣ видимо поправляются и пятерыхъ еще выпишутъ. Съ легкой руки Лидіи Дмитріевны подарившей красную фланель на фуфайки, которыя они носятъ не въ родѣ казакина, а какъ рубашку, у нихъ выходитъ видъ элегантный, но они похожи на гарибальдийцевъ. Одинъ Мигаевъ ни за что не хочетъ носить такой фуфайки, говоритъ: „Еще бы красную шалку—выйдетъ прямой башки-бузукъ.“ Но такъ какъ бѣлая фланель очень жарка, такъ я предлагаю ему помириться на сѣрой фуфайкѣ: пожалуй будетъ похоже на гонведа или графа Андраши. Ну да объ этихъ онъ не знаетъ.

4го октября.

Вчера вечеромъ весьма неожиданно прислали къ намъ четверыхъ нижнихъ чиновъ изъ Кіева, двое раненыхъ—Егерскаго полка: унтеръ-офицеръ Степанъ Николаевъ и Архангелогородскаго полка рядовой Ермолай Артемьевъ Евстихѣевъ, раненый 8го іюля въ дѣлѣ Шильдера подъ Плевной, и двое больныхъ, по ошибкѣ попавшихъ къ намъ, потому что назначенныхъ къ намъ раненыхъ не могли доискаться на станціи.

По полученіи телеграммы, мы думали что эти четыре воина должны быть тѣ четыре юнкера которыхъ Демидовъ хотѣлъ прислать къ намъ вмѣсто офицеровъ отказавшихся ѣхать сюда. Наши сестры испугались было, опасаясь нашего сердитыхъ больныхъ. Больные земляки мои. Смоляне, Духовщинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ, требовали не ухода уже, а укрѣпленія здоровья послѣ лихорадки. Рядовой серьезно раненый въ плечо разрывною пулей еще при первомъ Плевнинскомъ дѣлѣ, Курчанинъ уже давно на излѣченіи въ Кіевскомъ госпиталѣ; говорливый, живой, съ обиліемъ разказовъ обличительнаго характера. Новые гости пріѣхали мы не знаемъ какими судьбами прежде нежели у насъ открылись ваканціи, ибо наши выписанные въ то же утро, но не представленные еще воинскому начальнику, Забалканскіе друзья еще не уѣхали, и не будь юнкеръ переведенъ, по случаю телеграммы о его собратахъ-юнкерахъ, въ другую комнату, а бѣдный Улановъ отдѣленъ, намъ рѣшительно негдѣ было бы помѣстить пріѣхавшихъ. На бѣду еще вечеромъ у насъ загорѣлась половица въ корридорѣ отъ затлѣвшаго бревна неосторожно оставленнаго близъ трубы, проходящей черезъ стѣнку изъ кухни. Богъ помиловалъ. Нашъ больничаръ, гимназистъ Грищукъ, замѣтилъ вовремя и не потерявъ голову схватилъ топоръ, вырубилъ доску и позвалъ на помощь безъ суеты и крика. Наши солдатики какъ разъ превратились въ пожарную команду, заливая водой изъ чего попало, даже изъ кружекъ и кувшинчиковъ. И самъ сердитый юнкеръ забылъ свою налускную величавость и съ огромнымъ корытомъ носилъ воду и заливалъ.

Братчики отправились въ Кривинъ на встрѣчу, а мы сидѣли съ воинскимъ начальникомъ до двухъ часовъ, но не дождались пріѣзда. Уже всѣ разошлись кромѣ нашихъ сестеръ милосердія и сторожей, когда въ 6 часовъ утра, врачъ нашъ и отецъ Андрей Барановичъ воротились съ тремя ранеными, изъ которыхъ одного, Патанина, Сѣвскаго полка, орловскаго уроженца, раненаго въ Эски-Загрѣ въ ногу, пришлось помѣстить въ нижней палатѣ. Нога его въ такомъ дурномъ положеніи что ему совсѣмъ нельзя двигаться. Мы устроили его подлѣ Мигаева. Надѣюсь что онъ окажется такимъ же добродравнымъ и терпѣливымъ какъ его сосѣдъ.

5го октября.

Сейчасъ простилась съ лятью изъ нашихъ раненыхъ, выписанныхъ кто въ отставку, кто на окончательное излѣченіе ранъ въ семействѣ. Глубоко трогательное было это прощаніе. Наши сестры милосердія, больничары-прогимназисты и сторожъ даже, всѣ плакали; слезы были на глазахъ у всѣхъ утѣжающихъ, а Макѣевъ говорилъ съ прамотой простою душою: „Такъ хотѣлось ѣхать домой что просто тоска брала, а теперь такъ жаль расстаться что и ѣхать не хочется.“ Да, русскій человѣкъ чутко понимаетъ сердечныя къ нему отношенія и сердечно же отвѣчаетъ на нихъ. Вчера вечеромъ предъ ужиномъ и послѣ ужина утѣжающіе собрались въ нижней палатѣ, около кровати неподвижнаго Мигаева, и въ послѣдній разъ Леночка читала хорошенькій разказъ Коваленской: *Крутиковъ*, „про двухъ Севастопольцевъ, одинъ безъ руки, другой безъ ноги“. Нѣмецъ Вель, ѣхавшій съ Иваномъ Лаврентьевичемъ, хохоталъ веселымъ басомъ, говоря: „а это я и ты: вмѣстѣ у насъ три руки и три ноги“. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ и тѣмъ веселѣй что къ нашей общей радости за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ мы узнали что на Кавказѣ блестящая побѣда: армія Мухтара разбита на голову и отрѣзана отъ Карса.

Простились на ночь уже нѣсколько грустно на этотъ разъ; это былъ послѣдній вечеръ и послѣднее чтеніе вмѣстѣ. Погода стояла эти два дня лѣтняя, вечеръ былъ славный, мѣсяцъ всходилъ и звѣзды сіяли, а въ открытое окошко входилъ чистый, прохладный воздухъ. Леночка со своимъ вздернутымъ кверху носикомъ и густыми волосами стояла грустная; ея слушатели поблагодарили ее какъ-то застѣнчиво: ребенокъ, а все же барышня.

Сегодня утромъ по случаю дня рожденія Государыни Императрицы былъ царскій молебень въ нашей церкви и мы следили въ одно: благодарственный за побѣду и напутственный, за отправляющихся раненыхъ нашихъ. Дѣвочки пѣли полнымъ хоромъ на клиросѣ. Главные члены братскаго совѣта были тутъ. Послѣ молебна съ многолѣтіемъ и колокольнымъ звономъ всѣ подошли ко кресту. Какъ празднично встрѣтили мы этихъ нашихъ друзей, такъ празднично и проводили ихъ! Отецъ Яковъ надѣлъ на каждого въ напутственное благословеніе и на память образокъ Свв. Кирилла и Меводія. Я предварительно спросила у Веля: хочетъ ли онъ тоже получить образокъ? „Хочу“, сказалъ онъ послѣшно и въ свою очередь

поцѣловалъ образокъ и благоговѣнно наклонилъ голову когда отецъ Яковъ надѣлъ его ему на шею, какъ всякій набожный православный, только крестомъ не осыпалъ себя, что всегда возбуждаетъ недоумѣніе въ Иванѣ Лаврентьевичѣ. „Точно ли протестанты крещеные? отчего же они не любятъ креста?“ Вообще и протестанты и католики такъ усердно молятся въ нашей церкви что далъ бы Богъ такой искренній, христіанскій союзъ сердецъ и душъ всѣмъ намъ какъ между солдатами этими, ходившими вмѣстѣ на встрѣчу смерти. Изъ церкви всѣ пошли обѣдать. Я не могла не сказать: „Бога ради, берегитесь, не вылейте лишняго дорогою чтобы не было того же что съ канониромъ. Поберегите себя, поберегите и насъ! Онъ насъ всѣхъ посрамилъ. „Не бойтесь, сказалъ Макѣевъ, намъ всѣмъ стыдно за него. Мы не такіе неблагодарные чтобъ отблагодарить такимъ образомъ за добро и ласку.“

Отобѣдавъ, мы пошли въ школу (нижнюю палату). Бѣдный Мигачевъ, всегда сдержанный, не могъ однако скрыть свою грусть: „Мы же съ одного края, говорилъ онъ объ Иванѣ Лаврентьевичѣ, и такъ долго все вмѣстѣ были.“ Иванъ Лаврентьевичъ почти глазъ не подымалъ, а взглянетъ—полны слезъ. Совсѣмъ собрались. Александра Давыдовна пришла проститься. Я послала за Леночкой; она еще разъ простилась, и Иванъ Лаврентьевичъ всталъ и поклонился съ чѣмъ-то въ родѣ *крауфуса* костылемъ, говоря: „благодаримъ барышня“, и покраснѣлъ. Я обѣщала Велю постараться достать ему карточку Гурко, котораго онъ очень любилъ и съ благодарностью къ нему относится, а Деденкъ карточку Драгомирова, котораго онъ обожаетъ; другихъ всѣхъ просила писать какъ прїѣдутъ на мѣста. Посидѣли мы всѣ, помолчали; Леночка (какъ молодежь всѣхъ), вела и перекрестилась, всѣ за ней, и простились съ нашими недавними, но столь близкими друзьями.

8 октября.

Бѣдный Улановъ такъ слабѣетъ и такъ страдаетъ что просто тоска меня бердетъ за него! Недавно онъ самъ просилъ причастія чтобы не умереть безъ покаянія, и прїобщился съ тѣмъ спокойствіемъ, и миромъ душевнымъ съ какимъ готовится къ смерти русскій простолюдинъ. Потомъ сказалъ мнѣ „какъ бы мнѣ пойти въ церковь?“ Но онъ такъ слабъ что нечего и думать объ этомъ. Я ему предложила на другой

день отслужить молебень у него въ комнатѣ предъ иконою Спасителя, въ которой вѣлаанъ ковчежецъ съ частицею Ризы Господней. Ужь какъ онъ усердно молился! Всѣ его здѣсь любили, онъ такой тихій, кроткій, терпѣливый, и все просить читать ему Евангеліе, или самъ читаетъ. Ему стало было читать разказы Погосскаго чтобы развеселить. Онъ сказалъ: „Да, хорошо, но Евангеліе лучше. Прочитайте мнѣ Евангеліе.“ Онъ былъ такъ слабъ, такъ задыхался что казалось не проживетъ до слѣдующаго утра. Разумѣется при немъ мы старались казаться веселыми, сестра Люба и я, но когда я отъ него пришла въ нашу (нижнюю палату) и сѣла по обыкновенію между кроватями Мигаева и Потанина чтобы читать или разказывать имъ что-нибудь, я не могла совмѣщать съ собою и плакала.—Мнѣ жаль Уланова, отвѣчала я имъ вопросы о моихъ слезахъ, онъ такъ плаохъ!

Оба эти страдальца въ залуски стали меня утѣшать и утѣривать не скорбѣть. Такъ были онѣ трогательны что я еще пуще расплакалась, хоть и признавала что они правы, и что умирать всѣмъ надобно и что не должно плакать о Божіей волѣ.

24 октября.

Все это время я не дежурила: была больна.

Въ день Казанской Божіей Матери я вышла на хоры къ обѣднѣ въ качествѣ больной съ нашими ранеными и потому была у нихъ. За это время (14 дней) Мигаевъ, Молдаванъ и мои земляки смоленскіе много поправились и даже полюбливали. Смоляне Башкаревъ и Петровъ смышленные, грамотные и тихіе, настоящій типъ моихъ земляковъ, такъ усердно, да если можно выразиться, толково молятся. Они уже на выпискѣ. Но Земцевъ такъ дуренъ что Левицкій поручилъ уже поговорить ему о причастіи, и Подгорѣцкій тоже сомѣвается въ выздоровленіи, но я надѣюсь послѣ Бога на легкую руку Левицкаго, нашего врача, и на молоко, которое больной началъ вчера пить.

Сегодня празднуется иконѣ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. Я всегда служу молебень въ этотъ день. Я предложила моимъ неподвижнымъ друзьямъ нижней палаты просить отца Якова послѣ молебна принести образъ съ Ризой Господней къ нимъ приложиться. Потанинъ попросилъ: „ужь если беспокоить священника, нельзя ли у нихъ и молебень отслужить: они не могутъ двинуться и такъ

давно не слышали божественной службы.“ Такъ мы и сдѣлали. Тутъ случились изъ прежняго хора прогимназiи Бугаѣ и Шафарукъ, да Грищукъ пришелъ на дежурство, такъ что составилъ маленькій хоръ. Всѣ раненые съ верхняго этажа сошли тоже, и не могу выразить какъ трогательно было это молебствiе. Потанинъ все время тихо плакалъ отъ удивленiя, такъ давно онъ не молился съ церковнымъ обрядомъ; Мигаевъ, который уже слушалъ молебенъ, какъ прiѣхалъ къ намъ, усердно крестился большимъ крестомъ. Прушинскiй также усердно слѣва направо; мои земляки, сестры наши, да и всѣ кто тутъ былъ, такъ единодушно соединялись въ молитвѣ что самъ отецъ Яковъ не могъ удержаться отъ слезъ. Мы пошли потомъ съ отцомъ Яковомъ въ комнату Земцева чтобъ онъ приложился къ иконѣ, и я оставила нижнюю палату чтобъ дать Потанину отдохнуть или уснуть послѣ душевнаго волненiя. Погода свѣжая, но ясная, и мы за образомъ прошли въ церковь черезъ дворъ. Золотой узоръ крестовъ на главахъ церкви какъ-то торжественно тихо вырѣзался на чистой синевѣ неба.

29 октября.

На дняхъ телеграфируютъ изъ Яссы: „22. Посылаю вамъ пять больныхъ.“ Извольте разчитать когда придетъ поѣздъ. Пришлось отправиться уполномоченному врачу, дежурному братчику, по расчету Фрума 24го, съ тремя экипажами въ 17 лошадей. Прiѣзжаютъ. Говорятъ, идетъ поѣздъ. Но этотъ поѣздъ не изъ Яссы, никого не привезъ къ намъ; а когда будетъ другой — неизвестно. Между тѣмъ всѣ у насъ на ногахъ, а нашъ раненый Земцевъ такъ опасенъ что Левицкiй утромъ возвращается къ нему; нашъ фельдшеръ занемогъ было, а его помощникъ Формалюкъ оставленъ на станціи въ ожиданіи пятерыхъ больныхъ, и лошади ждутъ, и надобно за нихъ платить, и дежурство братчика кончено, а онъ долженъ тамъ сидѣть, а наши бѣдныя сестры не спавъ, не отдохнувъ, должны были весь день проработать и опять всю ночь напролетъ ожидать; дежурные и наша ключница съ ними. Поздно приходитъ вѣсть что къ намъ придутъ не пять раненыхъ, для которыхъ все приготовлено, а девять человекъ больныхъ. На разсвѣтѣ дѣйствительно привозятъ девять человекъ, изъ нихъ семь зараженныхъ болѣзнями для которыхъ у насъ нѣтъ отдѣленiя, и ихъ отвозятъ въ городскую больницу въ распоряженіе воинскаго начальника.

Сегодня счастливый день: солнце свѣтитъ, воздухъ теплый, Улановъ былъ въ церкви въ первый разъ съ прошлаго апрѣля; Земцовъ, этотъ почти отчаянный больной отъ раны и отековъ, первый разъ прокатился въ пролеткѣ и радовался и веселился какъ ребенокъ, а вечеромъ получилъ письмо съ добрыми вѣстями изъ дома. Мой терпѣливый страдалецъ Мигаевъ спустилъ съ кровати ногу и попытался стать на нее (ему сняли гипсовую повязку), но это было не при мнѣ, и онъ не можетъ, или думаетъ что не можетъ ни шагу сдѣлать безъ костылей. У Галана вышелъ кусочекъ рубашки, который какъ заволока мѣшалъ ранѣ закрыться, а Потанина вынесли съ кроватью на дворикъ (съ клумбой по серединѣ) на воздухъ, на солнце. Между остатками зелени кое-гдѣ еще выглядывали цвѣточки. Онъ связалъ себя букетъ съ такимъ восторгомъ что его истомленное, страдальческое лицо, казалось, поздоровѣло. Пріѣзжалъ инспекторъ врачебной управы и докторъ Озеровъ изъ Житомира и успокоили насъ насчетъ присылки заразныхъ больныхъ. Такой удачный вышелъ день мнѣ на прощаніе.

Кіевъ, 5 ноября.

Съ послѣднимъ числомъ октября кончила я свои дежурства въ нашей больницѣ. Дѣла потребовали поѣздки въ Петербургъ. Выѣхала я въ 6 часовъ утра изъ Братства. Грустно было мнѣ расставаться съ дорогими гостями нашими больными, да и они очевидно свыклись со мною. По обыкновенію сдержано и безъ многоглагольствія простились они со мною съ вечера, послѣ чтенія про оборону Севастополя (Погосскаго). Теперь я въ Кіевѣ. Сегодня прощалась съ моими милыми церквами кіевскими. Утромъ видѣлась съ одною доброю знакомой; со слезами умиленія радовались мы старья (ей 85 лѣтъ), среди всѣхъ настоящихъ невзгодъ, тому величію христіанскаго подвига которымъ *открылъ душу* свою Русскій народъ, солдаты и офицеры, русскія женщины и во главѣ всѣхъ Русскій Царь. Шесть недѣль проведенныя мною въ ежедневномъ общеніи съ нашими ранеными и все что слышу о Государѣ совершенно успокоили душу мою; горестъ и тягота злобы дня все тутъ, но тревога, но страхъ и нелюбовніе далеко....

ДЕЖУРНАЯ БРАТЧИЦА.

НЫНѢ И ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ

Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія. Б. М. Маркевича.
Скорежсетъ зубовый. Романъ. В. Г. Авсѣенка.

Романы заглавіе коихъ выписано во главѣ настоящей замѣтки давно замѣчены цѣнителями истинно-художественной беллетристики; появленіе каждой новой главы этихъ романовъ ожидалось съ нетерпѣніемъ: главы эти прочитывались залпомъ и вызывали размышленія, толки, споры даже внѣ специально-литературныхъ кружковъ.

Еслибы насъ спросили, за кѣмъ изъ двухъ названныхъ романистовъ мы признаемъ болѣе таланта и который изъ двухъ поименованныхъ романовъ мы предпочитаемъ, — отвѣчать было бы намъ трудно; но мы охотно укажемъ на характеристическія особенности этихъ романовъ и на своеобразныя стороны таланта гг. Маркевича и Авсѣенка. Г. Маркевичъ очевидно вышелъ изъ той школы которую можно пожалуй назвать классическою, изъ школы Пушкина, Жоржъ Санда, Тургенева; вѣроятно онъ изучалъ и Вальтеръ Скотта; г. Авсѣенко усвоилъ приемы англійскихъ романистовъ, той школы патріархами которой были Диккенсъ и Теккерей. Г. Маркевичъ пишетъ неторопливо, онъ отдѣливаетъ съ

любовію, онъ смакуетъ свою работу; онъ дорожитъ формой: даже чисто техническая сторона дѣла, стилистика, очевидно не бездѣлица въ его глазахъ, и въ этомъ отношеніи онъ вѣренъ завѣту своихъ образцовъ; за то нѣкоторыя его страницы переносятъ васъ къ лучшимъ временамъ г. Тургенева. Онъ позволяетъ себѣ лирическія мѣста и описанія природы. Число его дѣйствующихъ лицъ вообще не велико, или по крайней мѣрѣ не велико число лицъ активныхъ: въ послѣднемъ его романѣ ихъ всего два-три, а именно княжна Лина, Гундуровъ, князь Ларіонъ, да еще пожалуй петербургскій флигель-адъютантъ. Прочіе сюжеты романа или простые статисты, или второстепенные дѣятели (кромя Ольги Акулиной) въ той драмѣ которой средоточіе княжна Шастунова. Поэтому завязка его романа проста, разказъ идетъ послѣдовательно, безъ скачковъ и отклоненій; дѣйствіе развивается неторопливо, съ правильною постепенностью, какъ въ лучшихъ, наиболѣе обдуманыхъ романахъ его образцовъ. Подобно Тургеневу, г. Маркевичъ не относится слишкомъ педантически къ требованіямъ объективности. Онъ не скрываетъ сочувствія къ нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; его авторская личность сквозитъ въ страницахъ его романа; онъ самъ появляется въ числѣ выводимыхъ имъ лицъ и видимо заинтересованъ въ томъ чтобы развязка произошла въ такомъ, а не въ другомъ направленіи. Г. Авсѣнко постулируетъ совершенно иначе. Онъ усвоилъ приемы англійскихъ романистовъ и ихъ французскихъ подражателей. За дѣйствующими лицами его романовъ его самого не видно. Какъ нѣкій магъ онъ сидитъ невидимо въ своемъ кабинетѣ и безстрастно приводитъ въ движеніе пружины того аппарата который заставляетъ выведенныхъ имъ людей ходить, сидѣть, плакать, смѣяться, ссориться и обниматься, жениться и умирать. Между ними у него нѣтъ любимцевъ; ни кѣмъ изъ нихъ онъ не заинтересованъ специально; ни чье психическое развитіе, ни чья судьба не составляетъ задачи автора и цѣли романа, но всѣ они образуютъ сомкнутый баталіонъ, который ускореннымъ шагомъ стройно идетъ по командѣ автора къ указанной цѣли. Надъ обрисовкой характеровъ авторъ повидимому вовсе не трудится; онъ никого изъ своихъ героев не описываетъ, а развѣ нѣсколькими штрихами очерчиваетъ ихъ внѣшность, а затѣмъ пускаетъ въ ходъ свою машину: герои его и героини приходятъ въ движеніе, начинаютъ говорить, дѣйствовать,—

жить, и читателю остается только всматриваться въ нихъ, изучать и дѣлать выводы. Но при этомъ читатель долженъ разчитывать единственно на собственную наблюдательность, на одно свое пониманіе жизни; пусть онъ не ожидаетъ что авторъ подскажетъ ему: вотъ де, всмотритесь хорошенько въ этого господина, прислушайтесь къ словамъ которыя сейчасъ будутъ сказаны. Жизнь, дѣйствіе кипятъ предъ вами,—смотрите и слушайте, наблюдайте и замѣчайте: имѣющіе очи да видятъ и имѣющіе уши да слышатъ. Романъ г. Авсеенка—это многолюдный раутъ, на которомъ хозяина не найдешь. Чтѣ за люди толкуются въ его гостиныхъ—Богъ вѣсть; кто-то провозглашаетъ безстрастнымъ голосомъ: г. Каричъ, г. Безбѣдный, гжа Олжанская, баронъ Поля, Лилочка. Подходите къ нимъ, знакомьтесь съ ними сами, а познакомитесь, не будете въ накладѣ: вечеръ проведется не только занимательно, но и поучительно.

И чтѣ же однако? Не взирая на чрезвычайное различіе пріемовъ, оба названные автора достигаютъ своей цѣли. И отъ разказа г. Маркевича, и отъ романа г. Авсеенка просто нельзя оторваться, и какъ одинъ, такъ и другой представляютъ живую, полную картину того общества которое въ нихъ изображается. Я говорю „полную“ картину и разумѣю то что гг. Маркевичъ и Авсеенко даютъ намъ живое представленіе не только о той группѣ людей которые названы на страницахъ ихъ романовъ, но и о цѣлой безконечной вереницѣ существъ угадываемой за ними, о цѣломъ современномъ имъ обществѣ; такъ мѣткі, такъ типичны выведенныя нашими романистами лица, и событія, побужденія этихъ лицъ и мотивы этихъ событій.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно придумать для характеристики сороковыхъ годовъ въ Россіи обстановку болѣе типичную какъ домашній спектакль въ богатомъ подмосковскомъ имѣніи: это симптомы отживающаго барства и сильно обхватывавшаго въ то время людей болѣе или менѣ свободныхъ и достаточныхъ стремленія къ отвлеченной наукѣ и безкорыстному искусству. Съ явнымъ намѣреніемъ уколоть г. Маркевича роману его присвоивалось названіе „аристократическаго“: это несправедливо. Между его дѣйствующими лицами есть и аристократы по крови, общественному положенію и воспитанію, каковы князь Ларіонъ и его племянница и графиня Воротынцева; но есть и такіа которыя проникли въ высшіе слои общества

благодаря лишь богатству нажитому ихъ отцами, какова княгиня Аглая, или вслѣдствіе высокаго служебнаго положенія, каковъ „графъ, въ которомъ многіе конечно узнали весьма извѣстнаго въ свое время московскаго генералъ-губернатора, настоящаго *fil de ses oeuvres*. Вмѣстѣ съ ними авторъ выводитъ и обѣдѣвшихъ, „захудалыхъ“ князей, и провинціальныхъ столбовыхъ дворянъ, и юныхъ гвардейскихъ офицеровъ, и незначительныхъ гражданскихъ чиновниковъ, исправника съ его дочерью, смотрителя уѣзднаго училища съ его учителями, приживалку, и все это вмѣстѣ, начавая съ „lord Walpole“ (князя Ларіона), графини Воротынцевой и московскаго лаши, до этихъ провинціальныхъ дворянъ средней руки, уѣздныхъ учителей, возвышаемыхъ любовью къ искусству и пониманіемъ его, все это, говорю, составляло тогдашнее „общество“, ту среду изъ которой извлекали и извлекаютъ свои тилы Пушкинъ, Тургеневъ и Л. Толстой, отчасти Гоголь, — то общество которое съ нѣкоторыми видоизмѣненіями можно было встрѣтить во всей Россіи, и средоточіемъ, прототипомъ котораго была тогдашняя Москва. Если же г. Маркевичъ не выводилъ на сцену крестьянъ, купцовъ и дьячковъ, то это потому что они были тогда не извѣстны. Въ изображеннаго цмъ „общества“, весьма немногочисленнаго, но далеко, какъ видимъ, не исключительнаго, а напротивъ очень доступнаго, была *terra incognita*. Г. Островскій только снаряжалъ еще въ то время корабль для открытія своей Америки Замоскворѣчья, а гг. Тургеневъ и Григоровичъ только развѣдывали на проселочныхъ путяхъ къ деревнямъ и селамъ русскихъ крестьянъ.

Что же, каково впечатлѣніе выносимое изъ того общества въ которое вводитъ г. Маркевичъ? Не взирая на нѣкоторыя смѣшныя, а отчасти и непривлекательныя черты, общее впечатлѣніе не можетъ, кажется, не быть симпатичнымъ. Въ этомъ обществѣ очевидны благія стремленія; оно имѣетъ идеалъ, а эти идеалы принадлежать къ самымъ возвышеннымъ. Что привлекало въ Сидкое (подмосковное княгини Шастуновой) массу именитыхъ и не именитыхъ гостей? Отчасти, разумѣется, любопытство, жажда развлеченій; но большинство ихъ собралось ради служенія искусству. Чтобы сыграть роль Гамлета при особенно благоприятной обстановкѣ пріѣзжаетъ изъ Москвы далеко не искательный, нѣсколько радикальный въ своей гордости Гундуровъ; пріѣзжаетъ бѣдный

чиновникъ Вальковскій, жадно напавшій на лакомыя блюда Сицкихъ кухмистеровъ, но твердо отказывающійся отъ нихъ въ день представленія, потому что роль которую онъ исполняетъ не допускаетъ, по его мнѣнію, сытаго вида; пріѣхали, а можетъ-быть и лѣшкомъ пришли изъ сосѣднаго города, смотритель и учителя изъ уѣзднаго училища, и первый изъ нихъ старикъ, приведенный въ умиленіе превосходнымъ исполненіемъ „божественнаго Шекспира“, говоритъ, выходя изъ театральнаго зала, отирая слезы: „нынѣ отлущаеши раба твоего съ миромъ; я видѣлъ настоящаго Гамлета, настоящую Офелію!“ Замѣтимъ что въ этомъ представленіи не побрезгали принять участіе, наряду съ мелкими чиновниками, мелкопомѣстными сосѣдами, исправникомъ, приживалкой, такая „аристократка“ какъ княжна Луна, и самъ ея дядя не находитъ въ этомъ ничего предосудительнаго; ему не приходится даже мысль о томъ. А графиня Воротынцева,—эта царица петербургскихъ баловъ, внушившая Лермонтову нѣсколько восхитительныхъ стихотвореній, посмотрите какъ она ласкаетъ Гамлета-Гундунова, *comme elle le produit* она понимаетъ что талантъ отворяетъ и неопытному магистранду двери въ высшія общественныя сферы. Да, симпатиченъ тотъ міръ въ который насъ переноситъ г. Маркевичъ, очень симпатиченъ, не взирая на глупость и тщеславіе владѣтельницы Сицкаго, на бездушность графа Анисьева, на хищническіе инстинкты исправника Акулина и его дочери. Послѣдняя, впрочемъ, случайная комета въ созвѣздіи Сицкаго,—это личность совсѣмъ другаго закала, другой злохи чѣмъ остальные гости княгини Шастуновой. Что же касается отца Акулина, то лаутоватая особа исправника облагораживается до нѣкоторой степени любовью къ сценическому искусству: это все-таки зерно золота въ кучѣ грязи.

Скажутъ пожалуй, вольно г. Маркевичу изображать такими красками сороковые года; на самомъ дѣлѣ они были не таковы. Но почему же вы думаете что ваше представленіе о нихъ вѣрнѣе чѣмъ представленіе г. Маркевича? Онъ говоритъ о сороковыхъ годахъ какъ очевидецъ,—это ясно. Этотъ „графъ“, эта Воротынцева, а можетъ-быть и другіе персонажи личности дѣйствительныя, которыхъ многіе могутъ называть ихъ настоящими именами, и очевидно г. Маркевичъ зналъ ихъ; онъ былъ на представленіи *Гамлета* въ Сицкомъ, и можетъ-быть принималъ въ немъ участіе, какъ повидимому

принималъ нѣкоторое участіе и въ романѣ Лины съ Гунду-
ровымъ, ибо иначе едва ли возможно было бы провести та-
кія сближенія между драмой Шекспира и тою которая ра-
зыгрывалась между ея исполнителями. Романъ г. Маркевича
есть столько же картина списанная съ натуры какъ и *Горе
отъ ума*; какъ же сомнѣваться въ ея правдивости? Дѣло въ
томъ, сквозь какія очки смотрѣть на людей, въ болѣе свѣт-
лыя или болѣе темныя, и въ этомъ отношеніи г. Маркевичъ
еще разъ оказывается послѣдователемъ Пушкина и Турге-
нева, въ лучшей порѣ таланта этого послѣдняго. Г. Мар-
кевичъ оказывается сыномъ своего времени, онъ такъ же
чуждъ желчности какъ большая часть нарисованныхъ имъ
лицъ: это новая характеристическая черта въ изображен-
ной имъ эпохѣ, это новое право на то чтобы назвать его
романъ симпатичнымъ. Бичеваніе — дѣло необходимое, ло-
жалуй даже полезное, но уже конечно не симпатичное, и
какъ-то странно видѣть что бичеваніе, отмѣненное въ
уголовномъ законодательствѣ, находитъ пріютъ въ литера-
турѣ...

Обратимъ вниманіе еще на одну черту въ романѣ г. Мар-
кевича. Завязка его состоитъ въ томъ что между небога-
тымъ молодымъ человѣкомъ, не имѣющимъ еще никакого
опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, и знатною, богатою дѣ-
вухой вспыхиваетъ почти мгновенно взаимная любовь...
Вздоръ, скажутъ иные, любовь не можетъ вспыхнуть мгно-
венно! Однако въ романахъ, комедіяхъ и драмахъ прежняго
времени это явленіе очень часто встрѣчается: съ чего-нибудь
да взялось же оно... Но это только мимоходомъ къ слову.
Разумѣется мать Лины, какъ истая выскочка, намѣтила для
Лины жениха совсѣмъ другаго рода, и вотъ первое затруд-
неніе. Принципъ „самоцѣли“ не былъ тогда еще провозгла-
шенъ; каждый считалъ себя хоть въ нѣкоторой степени обя-
заннымъ подчиняться общимъ нравственнымъ началамъ, —
правда стѣснительнымъ въ иныхъ случаяхъ, но я думаю бла-
годѣтельнымъ для общества. И княжна Шастунова предви-
дѣла что ея любовь къ Гундурову будетъ стоить ей тяжелой
борьбы, что она ее поставитъ въ необходимость открыто
отказаться или отъ счастія, или отъ повиновенія матери, а
повиноваться матери, беречь ее, любить ее, заставлялъ Лину
на смертномъ одрѣ ея отецъ, къ которому она сохранила не
только безграничную привязанность, но какое-то обожаніе.

„Я не далъ ей счастья, говорилъ Лияѣ умирающій; я много виновать предъ нею: пусть найдетъ она въ тебѣ то чѣмъ не умѣлъ, чѣмъ пренебрегъ я быть для нея.“ И Лина дала себѣ слово выкупить грѣхи отца предъ матерью, подобно тому какъ графиня Орлова-Чесменская возложила на себя обѣтъ отомстить предъ Богомъ грѣхъ Рымникскаго героя... Это, конечно, далеко не подходитъ подъ понятіе о самоцѣли, но съ нѣкоторой точки зрѣнія представляется большимъ героизмомъ, удивительнымъ актомъ самоотверженія. У Тургенева встрѣчается нѣчто подобное; но это въ старомъ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, давнымъ давно уже разоренномъ...

Такова завязка романа, главный его мотивъ, содержаніе его, независимо перипетій болѣе или менѣе внѣшняго свойства,—перипетій чисто психическихъ, обуславливаемыхъ взаимными отношеніями княжны Шастуновой и Гундурова, безнадежною страстью князя Ларіона къ своей племянницѣ, тревогъ гжи Переверзиной за своего племянника и пр. и пр.,—мотивовъ вообще духовныхъ, психическихъ. Перезрѣлая дѣва Надежда Федоровна и та живетъ сердцемъ, и ея сердечныя скорби находятъ мѣсто на страницахъ романа, потому что и она человѣкъ, и она имѣетъ свой духовный міръ.

Какая рѣзкая разница, какая діаметральная противоположность съ тѣмъ что мы сейчасъ видѣли, обнаруживается въ романѣ г. Авсѣнка, хоть всего четверть вѣка прошло между злохой изображаемою имъ и тою которую изобразилъ г. Маркевичъ! Что движетъ персонажами г. Авсѣнка,—Безбѣднымъ, Каричемъ, гжой Олжанскою, Полею, Грабеномъ, Кокѣ Луковицкимъ, его женою, его отцомъ и всѣми прочими съ Mme Vermicelle включительно? Нажива, барышъ, матеріальныя удобства, наслажденія пріобрѣтаемыя за деньги. Адвокатъ Безбѣдный, вопреки всеобщему ожиданію, не исключая и самого Карича, вопреки собственной совѣсти, выигрываетъ скандальный процессъ этого Карича. Услышавъ оправдательный приговоръ онъ нѣсколько смущается; ему неловко подать руку оправданному имъ человѣку; онъ колеблется, принять ли приглашеніе на обѣдъ который на радостяхъ задаетъ освобожденный имъ отъ каторги мошенникъ. Этотъ уколъ совѣсти и это колебаніе суть впрочемъ единственные психологическіе мотивы замѣченные нами въ Безбѣдномъ, по крайней мѣрѣ до VII главы романа включительно, да при томъ они продолжаютъ всего одинъ мигъ. Блестящій адвокатъ

(„широкая натура“, какъ говоритъ съ благоговѣніемъ одинъ изъ его собратовъ и думаетъ—„ахъ, еслибы мнѣ то же!“) отправляется на обѣдъ къ Каричу, получаетъ отъ него приличное вознагражденіе и вскорѣ потомъ они вмѣстѣ устраиваютъ одно изъ тѣхъ *дурныхъ* финансовыхъ предпріятій которыя быстро обогащаютъ ловкихъ дѣльцовъ, но и разоряютъ сотни довѣрчивыхъ ихъ кліентовъ. Богачъ и спекуляторъ Каричъ тоже немножко смущенъ разоблаченіями послѣдовавшими на судѣ и настроеніемъ публики ошеломленной его оправданіемъ. Но группа пріятелей собралась на его обѣдъ, капиталы его остались цѣлы, репутація ловкаго человѣка утвердилась за нимъ прочнѣе прежняго, именно потому что никто не ожидалъ чтобъ ему удалось оправдаться, а ловкость и богатство значать въ томъ мірѣ въ который вводитъ насъ г. Авсѣнко то же самое что талантъ, красота, любезность и всевозможныя доблести значили въ эпоху изображенную г. Маркевичемъ. Кто же не отдастъ своихъ денегъ и всего себя такому человѣку который изъ воды сухъ выходитъ, который молотитъ хлѣбъ на обухѣ! И вотъ, на него, немолодаго, но виднаго вдовца, начинается сладко поглядывать гжа Олжанская, красивая, тоже не совсѣмъ молодая женщина, живущая врозь со своимъ мужемъ. Этотъ мужъ конечно, помѣха ея планамъ, но при помощи Безбѣднаго можно надѣяться получить формальный разводъ... Счастливая гжа Олжанская! Не всякій можетъ позволить себѣ даже и мечтать о томъ чтобы быть другомъ великаго Безбѣднаго и женой колоссальнаго Карича! Но приблизиться къ нимъ легко каждому, связать свою судьбу съ ихъ судьбой желалъ бы всякій. Не попытаться ли баронѣ Грабену, человѣку съ солиднымъ положеніемъ въ свѣтѣ и притомъ брату Безбѣднаго (такъ какъ послѣдній лобочный сынъ стараго барона Грабена)? Барону Полю удастся пристроить свой капиталъ въ предпріятіе Карича-Безбѣднаго. Ему удастся уговорить и свою мать сдѣлать то же самое и кромѣ того туда же пристроить и часть своего брата, что особенно выгодно: этотъ братъ ничего не смыслитъ въ денежныхъ дѣлахъ; онъ будетъ воображать что его деньги продолжаютъ лежать въ банкѣ и получать съ нихъ банковые проценты, а весь излишекъ, все то что принесетъ предпріятіе Карича-Безбѣднаго сверхъ банковыхъ процентовъ пойдетъ въ пользу его, барона Поля. Счастливецъ тоже и этотъ баронъ, да и ловкій человѣкъ:

Ему удастся попасть въ число директоровъ помянутаго предприятия; посудите сами: 5.000 жалованья и двѣа жотчи никакого!.. Но вотъ бѣда: баронъ Грабенъ *впритѣ* предприятию въ которое онъ вложилъ капиталъ, а вѣрить даже въ денежное предприятие глупо и несвоевременно. Смотрите на Карича и Безбѣднаго и поучайтесь. Они, устроивъ дѣло и вздувъ его приличнымъ образомъ, тайкомъ сбываютъ свои акціи съ большою выгодой; затѣмъ эти акціи, вслѣдствіе наводненія ими биржи, быстро падаютъ, предприятие лопаетъ, и баронъ Грабенъ разоренъ, равно какъ и его мать и братъ. Разоренъ! Это ужасно! Чтѣ такое человѣкъ безъ денегъ! На чтѣ теперь нашему барону его титулъ и его солидное служебное положеніе? Все это хорошо только при деньгахъ. А онъ лишился крошкѣ капитала и 5.000 дароваго содержанія. При такихъ условіяхъ ему невозможно, ему неприлично жить, и онъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ что чопорный, преисполненный чувства приличія баронъ рѣшился на такой родъ смерти, на такой *скандалъ*; но съ другой стороны, возможна ли для него жизнь безъ денегъ и большихъ денегъ, безъ положенія въ свѣтъ, которое олять-таки всего болѣе зависитъ отъ возможности жить ни въ чемъ себѣ не отказывая....

Баронъ покончилъ съ собою. За то другіе герои романа г. Австенка: Безбѣдный, Каричъ, гжа Олжанская, Кокѣ благоденствуютъ. „Еслибы боги милосердые были боги справедливые“, мы должны бы въ концѣ-концевъ встрѣтить этихъ господъ на скамьѣ подсудимыхъ; но очень можетъ быть, что они и до конца дней своихъ будутъ благоденствовать, были бы деньги, да здоровье, да „боги милосердые“, счастію ихъ не будетъ конца.

Но между всѣми этими людьми, созданными для счастья во вкусѣ древняго Рима, есть одна личность не подходящая къ общему строю, личность съ иными порывами и стремленіями: это Лилочка, то-есть Олимпіада Илатова. Она тоже комета забредшая изъ другаго созвѣздія, какъ и Ольга Акулина въ романѣ г. Маркевича. Въ провинціальной глуши, гдѣ протекала первая ея молодость; сложились ея понятія подъ вліяніемъ Безбѣднаго, тогда только-что расправлявшаго еще свои орлиныя крылья, и книгъ, разумѣется журналовъ главнымъ образомъ, „прогрессивнаго характера“. Подъ этимъ двой-

нымъ вліяніемъ молодая, красивая, счастливо одаренная провинціалка „развилась“. Г. Австенко могъ бы сразу зачислить ее въ легіонъ стриженныхъ барышень, нигилистокъ, послать ее учиться повивальному искусству, пустить „въ народъ“, заставить курить папиросы до потери сознанія, и все это было бы не въ границъ реальности. Но онъ задумалъ задачу болѣе сложную. Ему хотѣлось показать что происходитъ когда „прогрессивныя“ ученія прививаются къ натурѣ повстической и возвышенной. Видя какъ одеревѣетъ ея молодой другъ Безбѣдныи, она чувствуетъ что и у нея вырастаютъ крылья. Провинціальный городъ, маленькій садикъ при маленькомъ домѣ ея отца кажутся ей тюрьмой; воля, широкое поле дѣятельности манятъ ее. Право женщины на независимость, на трудъ, на славу, на наслажденіе такъ же не пререкаемо, какъ и право мужчинъ. Старое отжило: новая заря занимается, начинается новая эра, нужны новые люди. И эти новые люди—а Липочка вѣрить этому своимъ сердцемъ—будутъ лучше прежнихъ, крѣпостниковъ, тирановъ, лустыхъ романтиковъ, безполезныхъ идеалистовъ. Эта новая эра будетъ эрой свободы мысли, слова и дѣла со всѣми благами ея послѣдствіями: мысль освобожденная отъ старинныхъ путъ отнесется критически къ жизни и очиститъ ее отъ джи заблужденій, предразсудковъ; свободное слово загремитъ противъ старинныхъ злоупотребленій и за право младшихъ братій; свободные въ своихъ дѣйствіяхъ люди будутъ относительно избранія поприща дѣятельности слѣдовать своему призванію каждый, всѣ силы будутъ употреблены слѣдовательно наилучшимъ, національно-нравственнымъ образомъ, и эти силы быстро понесутъ обновленный міръ, мгновенно прозрѣвшее человечество на пути прогресса, этого современнаго, этого новосозданнаго бога.

Нельзя сказать чтобы книжки которыя читала Липочка писали въ такомъ восторженномъ тонѣ, чтобы онѣ рисовали такіе розовые идеалы. Дѣло ихъ ограничивалось безпощаднымъ глумленіемъ надо всѣмъ настоящимъ и прошедшимъ; въ томъ и другомъ онѣ не оставили живаго мѣста. Но восторженная душа молодой провинціалки создавала положительные идеалы по предлагавшимся ей отрицательнымъ чертамъ; ей говорили о томъ что нужно разрушать: ея фантазія, направленная къ творчеству, создавала новое зданіе изъ этихъ развалинъ, и

она, эта восторженная провинціалка, рвалась туда, гдѣ казалось ей пробивались уже ростки новой жизни и гдѣ въ числѣ борцовъ обновленія, въ первыхъ рядахъ находился ея другъ, ея блистательный, ея великій Евгений (Безбѣдный). Онъ тоскуетъ по ней, онъ ее ждетъ. Правда, письма отъ него становились все болѣе и болѣе рѣдки и даже вовсе прекратились; но онъ такъ занятъ; исполненіе гражданскаго долга поглощаетъ все его время. За то какое счастье облегчать своими заботами, своею любовью эти суровыя обязанности и въ то же время трудиться самой, самой добывать извѣстность и деньги, потому что и она, Липочка, не обдѣлена природой: у нея прекрасный голосъ, который стоить только обработать чтобы сдѣлаться замѣчательною лѣвицей.

И вотъ Липочка рѣшается ѣхать въ Петербургъ. И вотъ она видитъ своего Евгенія: онъ богатъ, онъ сыплетъ деньгами; положеніе его блестящее; онъ звѣзда первой величины въ благородномъ созвѣздіи адвокатовъ. И онъ любитъ свою дорогую Липочку, осыпаетъ ее горячими ласками, возить въ театръ, катаетъ на своихъ рыскахъ.... Какъ это скандализovalo бы провинціаловъ! Но въ Петербургѣ, слава Богу, предразсудки исчезаютъ; и что же въ самомъ дѣлѣ дурнаго что невѣста проводить долгіе вечера вдвоемъ со своимъ женихомъ бокъ-о-бокъ съ нимъ на диванѣ, замирая и маля подъ его страстными поцѣлуями?...

Что дурнаго, Липочка? Но знаешь ли ты что хорошо и что дурно? Для того чтобы сказать: это хорошо, а это дурно, необходимо чтобы существовало понятіе объ абсолютномъ отвлеченномъ добрѣ и злѣ, объ истинѣ „виѣ насъ находящейся“, какъ говорилъ нѣкогда г. Тургеневъ: а признають ли его твои книжки? Эти понятія существуютъ для твоего простака-отца; онъ не мудрствуя и не справляясь съ теоріями называетъ одно добромъ, а другое зломъ; но для тебя оба эти понятія не ясны; ты мчишься по волнамъ житейскаго моря безъ нравственнаго компаса. Въ нѣкоторомъ отношеніи ты гораздо несчастливѣе всѣхъ этихъ Олжанскихъ, Каричей и тому подобныхъ. Ихъ единственный законъ—наслажденіе; а въ твоей душѣ сохранились отъ дѣтскихъ лѣтъ цѣныя стремленія, ты поклялась нѣкогда другимъ кумирамъ, и твоя совѣсть неспокойна, она протестуетъ противъ софизмовъ Безбѣднаго. „Свободная любовь“, говоритъ онъ. Но въ чемъ состоитъ эта свобода? Не въ томъ ли чтобы

мѣнять предметъ любви какъ рысаковъ? А если это не такъ, если „свобода любви“ состоитъ только въ свободномъ выборѣ предмета любви, и если прочность привязанностей, равно какъ прочность убѣжденій, есть доблесть; то почему же не сдѣлать этотъ свободный выборъ неразрывнымъ?

Сомнѣніе закрадывается въ душу бѣдной Липочки, и она собственными страданіями убѣждается что не сомнѣніе, а вѣра есть благо. За то сомнѣніе освящаетъ предъ нею все то что было скрыто отъ ея вѣрившаго сердца. Безбѣдный оказывается не тѣмъ чѣмъ представлялся ей. Этоистъ безъ всякихъ нравственныхъ основъ, онъ систематически ее развращаетъ; онъ не только окружаетъ ее людьми между которыми нечувствительно сплутываются всѣ нравственныя ея понятія, но вводитъ ее въ общество вивѣровъ и вивѣрокъ, собирающееся у Mme Vermicelle; онъ ее подкупаетъ кружевами, брилліантами... „О, будьте вы прокляты!“ вырывается изъ надрывающагося ея сердца. Но какъ же Липочка ты говоришь о душѣ, о совѣсти, о сердцѣ? Развѣ объ этихъ предметахъ упоминается въ тѣхъ книжкахъ которыми ты зачитывалась? Или откажись отъ этихъ книжекъ, или бросься въ объятія „свободной любви“, лей шампанское и чокайся съ коготками у Mme Vermicelle, помни что матерія есть все, что человѣкъ есть „самоцѣль“. Съ чего ты ваяла что честной дѣвушкѣ стыдно быть у Mme Vermicelle, лить шампанское и получать брилліанты не отъ отца или мужа? это весело и выгодно, слѣдовательно хорошо. И чѣмъ коготки хуже тебя? Ихъ инстинкты также естественны какъ твои, и общество цѣнитъ ихъ больше чѣмъ тебя. Стыдно одно—имѣть „средневѣковые предразсудки“, это постоянно твердили тебѣ твои книжки.

Липочка дѣлаетъ нѣсколько новыхъ шаговъ по тому пути на который увлекаетъ охватившая ее жизнь; она поселяется на квартирѣ Безбѣднаго. Но это кульминаціонная точка на этомъ пути, та точка за которою начинается быстрая реакція. Живя подъ одною кровлей съ Безбѣднымъ она невольно видитъ такія черты въ его жизни которыя безъ того могли бы остаться ей неизвѣстными. Она узнаетъ что ея милый разорилъ своего брата, барона Грабена, что этотъ баронъ Грабенъ полосонулъ хлыстомъ ея любезнаго по лицу, что Безбѣдный принялъ этотъ „афронтъ“ лишь съ той стороны что онъ можетъ повредить его положенію въ свѣтѣ.

Сердце Липочки закрывается для любви къ такому человѣку; она не находитъ ни ласки, ни даже слова чтобы утѣшить его по поводу „афронта“. Затѣмъ, узнавъ о смерти Грабена, она восклицаетъ: „ты убилъ его, Евгеній!“ Наконецъ она ядовито припоминаетъ что онъ же оправдалъ Карича и спасъ отъ заслуженной каторги.

Когда писаны эти строки; окончаніе романа было намъ еще неизвестно. Чѣмъ кончить Липочка? спрашивали мы. Выдастъ ли авторъ ее замужъ за добраго чудака Андрея Грабена, или можетъ быть порѣшится съ нею такъ какъ порѣшилъ графъ Толстой съ Анной Карениной? Липочка еще натуральнѣе бросится подъ движущійся поѣздъ чѣмъ Анна, потому что у той все-таки были друзья, были дѣти; она была не одинока въ мірѣ, а Липочка не только совершенно одинока, но находится въ полномъ разладѣ со всею окружающею ее средой, видитъ себя вполнѣ ей чуждою и находитъ ее ненавистною. Существо если не совсемъ чистое, то не утратившее по крайней мѣрѣ правъ на сочувствіе, она въ кругу Каричей и Олжанскихъ похожа на дитя попавшее въ притонъ разбойниковъ, въ вертелъ разврата. Ее окружаетъ отовсюду, ее преслѣдуетъ „скрежетъ зубовой“. Онъ слышится ей во всемъ: въ трагической смерти Грабена, въ благоденствіи мошенника Карича, въ бойкихъ аллеорахъ съ какими его дочь выступаетъ въ свѣтъ, въ семейной жизни Лукевичкиныхъ, въ этомъ *и...* которымъ Кокко отвѣчаетъ на намекъ о томъ что жена его обзавелась любовникомъ. Скрежетъ зубовой слышится въ этой бѣшеной погонѣ за жизнью, въ этомъ всеобщемъ крушеніи идеаловъ, въ этомъ языческомъ строѣ жизни изображаемой г. Австенкомъ.

Но не преувеличиваетъ ли г. Австенко въ смыслѣ обратномъ г. Маркевичу? Не принадлежитъ ли онъ къ многочисленной фалангѣ пессимистовъ? Увы, все то что мы видимъ вокругъ себя и что ежедневно докладываютъ намъ газеты, не допускаетъ этой мысли. И вотъ что еще замѣтить надобно: то же самое, тотъ же зубовой скрежетъ доносится къ намъ и изъ другихъ странъ. И тамъ скандальные процессы и продажные адвокаты, и тамъ изступленная страсть къ жизни и бѣшенная погоня за наслажденіемъ, причемъ чоканью стакановъ наслаждающейся кучкѣ счастливецъ отвѣчаетъ не инскавательный, а весьма реальный скрежетъ зубовой голод-

ной толлы, проликутой такимъ же стремленіемъ къ наслажденію, только къ наслажденію. И тамъ какъ у насъ, еще болѣе чѣмъ у насъ, не люди, а какіе-то хищные звѣри, образующіе двѣ группы—сытыхъ и голодныхъ, изъ коихъ одни смиренны только потому что сыты, а другіе безусловно лютотѣны.... Вражда повсемѣстная, огульная, перекрестная; вражда между политическими партіями, вражда между сословіями и состояніями, вражда между старымъ и новымъ поколѣніемъ. Вражда не между правительствами, какъ бывало, причемъ общественная совѣсть сдерживала честолюбіе правителей, но между цѣлыми народами, причемъ нерѣдко правительствамъ приходится сдерживать хищные инстинкты массъ.... Вотъ что докладываютъ намъ заграничныя газеты и что представляютъ въ образахъ современные романисты и драматурги Западной Европы. А и тамъ, хотя въ нѣкоторыхъ слояхъ давно истгѣвшихъ поколѣній, хоть въ нѣкоторыхъ углахъ давно измѣнившихся государствъ обитало же довольство своею судьбой, а слѣдовательно счастье! Не даромъ же Англія называла себя нѣкогда „веселою старою“ Англіей и жизнь нѣсколькихъ сотъ тысячъ Французовъ была непрерывнымъ, хотя безразсуднымъ праздникомъ. На эту тему начинаютъ говорить такіе сильные умы какъ Зибель, Тэнъ и даже Ренанъ, такъ много содѣйствовавшій сверженію старыхъ идеаловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, новые изслѣдователи, не умаляя темныхъ сторонъ минувшаго, начинаютъ указывать что не все было тогда темно, не все заслуживало порицанія, не все подлежало безусловному истребленію. Новѣйшія изслѣдованія открываютъ что, какъ нѣкогда выразился одинъ изъ героев Бальзака, „ничто въ мірѣ не было столько оболгано и оклеветано какъ XVIII вѣкъ“. Они, эти изслѣдованія, убѣждаютъ насъ что старинное французское „общество“, при всей своей поверхностности, обладало множествомъ прекрасныхъ качествъ и даже высокихъ доблестей. Эти изслѣдованія доказываютъ также что поколѣніе его смѣнившее было во многихъ отношеніяхъ хуже его, и что совершенный въ послѣднее столѣтіе прогрессъ, если принимать это слово въ смыслѣ улучшенія, а не перемѣны только, далеко не есть нѣчто неоспоримое. Негодные люди были всегда и вездѣ: но въ прежнее время общественная совѣсть осуждала ихъ, — нынѣ единодушное осужденіе невозможно, потому что не существуетъ общаго для всѣхъ, всѣми признаваемаго, для всѣхъ обязательнаго

мѣрила добру и злу. Сотни тысячъ, миллионы людей находятъ что сознательная ложь, что клевета дозволительны, если направлены противъ враждебнаго ученія, противъ соперничающей политической партіи; Гёдели, Нобилинги, убійцы Мезенцева имѣютъ легіоны приверженцевъ готовыхъ ихъ оправдывать, прославлять, поощрять. Во всѣ времена человеческое правосудіе наносило нерѣдко невѣрные удары, оставляло безнаказанными явныхъ преступниковъ. То же видимъ и нынѣ; только прежде фаворъ, протекція удерживали руку карающаго правосудія, а нынче ее обезоруживаютъ адвокаты: что мы выиграли отъ этого—я не знаю. Въ старину самоуправство, притѣсненія, грабительства были какъ бы привилегіей людей высшаго сословія или попавшихъ „въ случай“; нынѣ на это открыта свободная конкуренція и выгодный промыселъ видимо развивается: хозяева фабрикъ, владѣльцы частныхъ конторъ, директоры промышленныхъ ассоціацій, крупные подрядчики, оказываются не лучше, если не хуже дворянъ-помѣщиковъ, губернаторовъ прежняго времени, Екатерининскихъ вельможъ, фаворитовъ Версальскаго двора. При томъ для успѣха въ названномъ промыслѣ не достаточно условій привилегированнаго происхожденія: нужны ловкость, знаніе, умъ,—умъ, та изъ человеческихъ способностей которою единственно занимаются новѣйшіе мыслители. А потому къ естественному стремленію нажиться, дать почувствовать свою власть, присоединяется желаніе почести: что и мы де не обижены способностями, и промыселъ становится не только выгоднымъ, но и почетнымъ. Къ Безбѣдному и Каричу петербургское человечество льнетъ какъ мотыльки къ свѣчкѣ.... Всегда и во всѣхъ странахъ были убійцы; но они выходили въ прежнее время почти исключительно изъ низшихъ, невѣжественныхъ слоевъ населенія; человѣкъ убивалъ другаго обыкновенно съ тѣмъ чтобъ его ограбить. Можно слѣдовательно было надѣяться что по мѣрѣ проникновенія нравственныхъ понятій въ низшіе слои населенія, по мѣрѣ уменьшій въ нихъ нищеты, число уголовныхъ преступленій будетъ уменьшаться. Вышло однако нѣчто другое. Съ нѣкотораго времени убійцами являются люди образованные, убійства совершаются не подъ давленіемъ голода, число побужденій къ убійствамъ увеличилось, и страшнѣйшее изъ преступленій перестаетъ бояться закона и смущаться предъ общественною совѣстью. Привлечен-

ные къ суду убійцы, не отрицая факта, преступными себя не признають, но напротивъ становятся сами въ позу обвинителя противъ современнаго общества, исторіи и особенно той власти которая привлекла ихъ къ суду. Они требуютъ чтобъ ихъ судили не по общему кодексу, который они признають никуда негоднымъ, а по тому который они сочинили для собственнаго употребленія. Мы, говорятъ они, истители за старинное, историческое зло, мы борцы за благо человечества. Но вспомните, что говорила еще Екатерина объ этихъ радикальныхъ приемахъ исправлять человечество даже въ тѣхъ случаяхъ когда эти приемы употребляетъ всяки признанная легальная власть. Положимъ, говоритъ она въ своемъ *Наказѣ*, что въ данномъ случаѣ учиненныя вами казни привесли пользу, что онѣ истребили такое-то зло; но онѣ повредили общественной нравственности частымъ зрѣлищемъ проливаемой крови. И право—если внимательно вглядѣться,—нашъ гордый вѣкъ, такъ много толкующій о средневѣковомъ варварствѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лучше эпохи тайныхъ судовъ и замаскированныхъ *bravi*. Тогда по крайней мѣрѣ было общепринятое, общеуважаемое ученіе, былъ обязательный нравственный кодексъ помощью коихъ можно было надѣяться излѣчить зло....

Но безъ надежды нельзя жить. Будемъ надѣяться слѣдовательно что война каждого противъ всѣхъ близка къ окончанію, и что духъ любви снова повѣетъ надъ человечествомъ. Будемъ надѣяться что религіозное чувство не изсякло еще между людьми. Да оно и дѣйствительно еще не изсякло; но люди съ авторитетомъ какъ бы стыдятся громко заявлять о немъ: вотъ что прискорбно, и вотъ, мы надеемся, что пройдетъ. Нѣкоторые признаки даютъ основаніе такой надеждѣ. Если человѣкъ съ такимъ громаднымъ авторитетомъ и производящій такое обаяніе на окружающихъ какъ князь Бисмаркъ недавно, въ полномъ засѣданіи парламента, со спокойствіемъ твердаго убѣжденія, не смущаясь присутствіемъ прогрессистовъ и социалъ-демократовъ, объявлялъ себя вѣрующимъ христіаниномъ, то можно надѣяться что его примѣру послѣдуютъ многіе изъ тѣхъ которые, вѣруя тайнѣ въ божественный Промыслъ, явно поклоняются матеріи и человеческому разуму. По словамъ біографа князя Бисмарка, „жѣлзный канцлеръ“ скавалъ однажды: „если въ Германіи есть еще самоотреченіе и преданность къ королю и отечеству, то

это остатокъ религиозныхъ понятій который безсознательно удержался въ народѣ отъ прежняго времени“. То же самое и въ большей еще мѣрѣ можно сказать о Россіи, ибо въ ней рационализмъ пустилъ гораздо меньше корней чѣмъ въ Германіи и религиозное чувство у насъ гораздо чаще встрѣчается чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей. Оно гораздо чаще встрѣчается даже и въ средѣ нашего образованнаго общества; но не многіе имѣютъ въ немъ достаточно самостоятельности чтобы не скрываться. Повторяемъ, можетъ-быть примѣръ князя Бисмарка подѣйствуетъ на нихъ такъ же (только въ обратномъ смыслѣ) какъ на ихъ дѣдовъ дѣйствовалъ примѣръ Вольтера. А можетъ-быть случится и вѣчто еще того лучшее: можетъ-быть религиозное чувство и самостоятельно, и сознательно найдетъ болѣе достойнымъ себя заявить себя такимъ какъ оно есть....

П. III.

ГЕРМАНСКІЯ ПАРТІИ

И

НОВЫЙ ЗАКОНЪ ПРОТИВЪ СОЦІАЛИСТОВЪ

Тревога охватившая нѣмецкое общество послѣ извѣстныхъ событій и во время избирательной борьбы прошлаго лѣта понемногу улеглась и жизнь его повидимому снова вошла въ обычную мирную колею. Но впечатлѣніе это обманчиво, спокойствіе это кажущееся. Неопредѣленная тревога за будущее, сознаніе того что почва колеблется подъ ногами, сказывается постоянно. Германія походитъ на человѣка только что разочаровавшагося въ любимой женщинѣ, которой онъ долго вѣрилъ безгранично. Громадное большинство образованныхъ Нѣмцевъ изъ средняго сословія твердо вѣрило въ непреложность началъ которыя принято именовать либеральными, въ неизбѣжность ихъ торжества и въ тѣ блага которыя это торжество неминуемо съ собою принесетъ. Съ этою вѣрой оно дружно поддерживало всѣ требованія либеральной программы относительно полной свободы промышленности и торговли, печати и сходовъ, и не менѣе дружно, вслѣдъ за правительствомъ, ринулось въ такъ-называемую культурную борьбу. И что жъ оказывается теперь? Во всѣхъ этихъ излюбленныхъ положеніяхъ приходится усомниться. Нѣмецкая промышленность въ уладкѣ, недовольство въ рабочемъ населеніи растетъ, неограниченная свобода печати и сходовъ

повела къ непомѣрнымъ успѣхамъ соціалистской пропаганды и ультрамонтанская оппозиція съ каждымъ годомъ усиливается. Если таковы плоды нашей дѣятельности за послѣднія десять лѣтъ, разсуждаютъ многіе Нѣмцы, то значитъ мы ошиблись и въ цѣли къ которой стремились, и въ средствахъ примѣненныхъ къ дѣлу.

Нѣмецкій либерализмъ уже понесъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ тяжкое пораженіе. Послѣ долгой и безуспѣшной борьбы съ правительствомъ ему пришлось съ умиленіемъ преклониться предъ гениемъ человека котораго онъ до Австро-Прусской войны поносилъ самыми позорными именами. Но тогда по крайней мѣрѣ, утрачивая свою оппозиціонную независимость, національ-либеральная партія спасла свою программу; само правительство взялось за ея исполненіе.

Въ настоящее время уже не то. Національ-либераламъ приходится видѣть какъ все болѣе слабѣетъ вѣра въ ихъ программу среди общества, и правительство въ свою очередь отворачивается отъ нихъ и готово искать сближенія съ ихъ противниками.

Это разложеніе стариннаго нѣмецкаго либерализма составляетъ, какъ намъ кажется, главную, основную черту современной германской общественной жизни. Либеральныя газеты всячески силятся отрицать этотъ фактъ, но для безпристрастнаго наблюдателя онъ очевиденъ.

Очень понятно что тѣ партіи которыя никогда не ладили съ либералами указываютъ на современное положеніе дѣлъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ, видя въ немъ подтвержденіе того что они безпрестанно твердили.

Консерваторы умыываютъ себѣ руки относительно невзгодъ достигшихъ Германію и приписываютъ ихъ излишнимъ уступкамъ сдѣланнымъ либераламъ. Соціалисты и ультрамонтаны торжествуютъ, съ тѣмъ однако различіемъ что первые съ каждымъ днемъ становятся болѣе дерзкими, а вторые, съ притворнымъ смиреніемъ, въ современныхъ событіяхъ видятъ Божию кару за гоненіе на католицизмъ. Неудивительно что партіи эти сходятся въ критикѣ направляемой ими противъ либеральной программы. Полная свобода конкуренціи и передвиженія (Freizügigkeit), сосредоточеніе капитала и господство акціонерныхъ предпріятій въ промышленности, отмена законнаго роста и пониженіе ввозныхъ пошлинъ, все это равно

осуждается социалистами и консерваторами, сторонниками римскаго духовенства и павшей Ганноверской династии.

Конечно, доводы приводимые каждою изъ этихъ партій не тождественны, какъ различны и преслѣдуемая ими цѣли. Въ полной свободѣ торговаго рынка социаль-демократы видятъ порабощеніе слабого сильнымъ, эксплуатацію рабочаго капиталистомъ. Консерваторы въ свою очередь приписываютъ, и не безосновательно, либеральнымъ промышленнымъ законамъ усиленіе социализма, и увѣрены что безъ запретительныхъ пошанихъ нѣмецкая промышленность не можетъ конкурировать съ иностранною.

Такимъ образомъ и съ лѣвой, и съ правой стороны раздаются многочисленныя голоса за упраздненіе принципа *laissez faire* и въ пользу большей регламентаціи промышленности.

Еще знаменательнѣе поворотъ во мнѣніяхъ относительно безконтрольнаго примѣненія свободы печати и собраній. Любимымъ положеніемъ нѣмецкихъ либераловъ было всегда то что лучшимъ способомъ борьбы противъ всякихъ зловредныхъ ученій служить предоставленіе имъ полной свободы высказываться гласно. Открытая борьба несравненно лучше подпольной, — такъ всегда говорили либералы, — и тайная пропаганда опаснѣе свободнаго слова. Факты не оправдали этихъ воззрѣній.

Въ теченіе слишкомъ двѣнадцати лѣтъ социаль-демократической агитаціи не было поставлено никакихъ законныхъ или административныхъ препятствій. Если оставить въ сторонѣ немногочисленные процессы направленные противъ редакторовъ социалистскихъ изданій, то распространенію пропаганды и свободной борьбѣ мнѣній былъ предоставленъ совершенный просторъ. Скажемъ болѣе: тѣ судебныя приговоры которыми нѣкоторые изъ вождей социализма, гг. Бебель, Либкнехтъ, Гассельманъ, неоднократно присуждались къ тюремному заключенію, являлись какъ бы аномаліей среди общаго безнаказаннаго провозглашенія въ печати самыхъ разрушительныхъ идей. Либералы и правительство, повидимому, ожидали успѣха отъ „здраваго смысла“ населенія и отъ раздоровъ среди социаль-демократовъ, раздѣлившихся на два лагеря, послѣдователей Лассалля и Маркса. Нельзя же предположить чтобъ и правительство, и буржуазія, сильно заинтересованная въ дѣлѣ, были совершенно слѣпы въ виду грознаго развитія социализма. И что жъ вышло? Обѣ социа-

листскія партіи слились въ одну, забывъ прежніе раздоры. Число періодическихъ изданій въ социалистскомъ духѣ достигло 64; въ 1877 году вышло разныхъ сочиненій въ этомъ направленіи всего 247. Последніе выборы, несмотря на потрясающее дѣйствіе произведенное двумя покушеніями на жизнь императора, несомнѣнно доказали быстрый ростъ социализма: въ настоящемъ году въ пользу его кандидатовъ было подано слишкомъ 1.420.000 голосовъ, противъ 1.170.000 въ 1877 году (хотя число социаль-демократовъ въ палатѣ уало съ 12 на 9). Эти факты краснорѣчивы, если разчитать что число голосовъ на выборахъ соответствуетъ лишь взрослому мужскому населенію, то уже въ настоящее время социализмъ въ Германіи располагаетъ боевою силой равною арміямъ самыхъ великихъ державъ. Они доказываютъ что агитаціей руководятъ умѣлыя руки, и что она не терпитъ недостатка въ денежныхъ средствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе чего стоить изданіе многочисленныхъ летучихъ брошюръ, распространенныхъ десятками тысячъ среди рабочаго населенія, если сообразить что выборы не могутъ обходиться даромъ, то приходится удивляться тому, откуда берутся необходимыя для того значительныя суммы.

Намъ приходилось слышать догадки о томъ что социалистская пропаганда встрѣчала помощь денежными средствами изъ чужихъ рукъ, что ее поддерживали ультрамонтаны или даже недовольные ходомъ дѣлъ знатные члены старо-консервативной партіи. Намъ сдается что эти слухи, неподтвержденные доказательствами, не имѣютъ основаній, хотя вѣроятно что иное нематеріальное покровительство было оказываемо социалистамъ иногда въ очень высокихъ сферахъ. Деньги которыми агитація располагаетъ въ Германіи, повидимому, исключительно рабочія деньги. Въ Германіи нѣтъ тѣхъ записныхъ агитаторовъ изъ высшихъ сословій которые почти всегда въ другихъ странахъ имѣютъ руководящее значеніе въ революціонномъ подстрекательствѣ. Современные вожди социаль-демократовъ почти безъ исключенія вышли изъ наиболѣе образованной части рабочаго класса. Основатели нѣмецкаго социализма, Лассаль, Швейцеръ, графиня Гацфельдъ, были, правда, люди высокообразованные и съ блестящимъ общественнымъ положеніемъ.

Но съ тѣхъ поръ какъ они сошли со сцены, ряды социальной демократіи пополняются изъ среды рабочихъ, ихъ боевые средства—изъ трудовыхъ денегъ. Эта особенность нѣмецкаго социализма во всякомъ случаѣ показываетъ — слѣдуетъ это замѣтить мимоходомъ—что матеріальный и умственный уровень рабочаго класса значительно поднялся, и что платя за трудъ все-таки даетъ возможность копить сбереженія.

Нѣмецкій социализмъ представляетъ еще ту особенность что способъ веденія агитаціи въ Германіи совершенно иной чѣмъ въ другихъ странахъ: въ Англіи, во Франціи, въ особенности въ Швейцаріи, деньги рабочихъ ассоціацій преимущественно тратятся на устройство и поддержаніе стачекъ. Въ Германіи, напротивъ, по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы, стачки немногочисленны. Нѣмецкіе социаль-демократы считаютъ, повидимому, болѣе цѣлесообразнымъ тратить свои денежные средства на распространеніе своихъ теорій путемъ печати. Слѣдуетъ признать что имъ удалось завербовать очень талантливыхъ сотрудниковъ; крупныя органы социализма редактируются съ большимъ умѣньемъ и изобилуютъ дѣльными статьями, хотя рядомъ на ихъ столбцахъ нередко попадаются неистовыя, бѣшенныя ругательства. Значительное распространеніе крупныхъ органовъ социализма, какъ лейпцигской *Vorwärts* и берлинской *Новой Прессы*, давало имъ возможность хорошо оплачивать литературный трудъ и сверхъ того оставляло въ рукахъ главныхъ редакторовъ порядочные барыши. Нѣкоторые изъ этихъ господъ, какъ Газенклеверъ, Либкнехтъ, Вольтейхъ, сдѣлались даже, благодаря этому, очень достаточными людьми. Гораздо болѣешихъ расходовъ конечно требуетъ изданіе мелкихъ, листочныхъ листковъ и брошюръ, служащихъ главнымъ орудіемъ пропаганды; и здѣсь-то и приходится невольно остановиться на вопросѣ: сколько на самомъ дѣлѣ полезнаго могло бы быть сдѣлано для рабочихъ еслибы суммы идущія на печатаніе этихъ изданій служили для образованія вспомогательныхъ кассъ, для содержанія больницъ и т. п. Мѣстомъ распространенія социалистическихъ изданій служатъ болѣе частью безчисленные мелкіе трактаты; на улицахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, эти изданія почти не продаются такъ что путешественнику по Германіи они вовсе не попадаютъ въ руки. Независимо отъ этого, агенты партіи усердно

раздаютъ, конечно бесплатно, брошюры и отдѣльные номера газетъ фабричнымъ рабочимъ.

Замѣчательно что этому распространенію социалистскихъ произведеній до сихъ поръ не ставилось никакихъ преградъ, хотя почти всѣ они такого содержанія что безусловно подходятъ подъ статьи уголовного закона. Повидимому, среди буржуазіи и самого правительства господствовало убѣжденіе, будто социализмъ не опасенъ и его легко побороть орудіемъ слова. Въ этомъ орудіи, конечно, недостатка не было: за послѣднія десять лѣтъ социальный вопросъ подвергся въ Германіи всестороннему обсужденію, но разрѣшеніе его отъ того яснѣе и легче не стало. Напротивъ, многочисленные теоретическія словопренія обнаружили только полное отсутствіе согласія во взглядахъ на этотъ вопросъ среди тѣхъ самыхъ классовъ которымъ социализмъ угрожаетъ опасностью.

Консервативная партія и ея органы до самыхъ покушеній на жизнь императора придерживались абсолютнаго нейтралитета, отчасти даже благопріятнаго социализму; они какъ будто радовались что противъ ненавистной буржуазіи и ненавистнаго либерализма,—эти два понятія въ Германіи привыкли соединять въ одно,—возстаетъ гроза, вызванная увеличеніемъ самыхъ либеральныхъ теорій. Къ этому весьма понятному, хотя крайне прискорбному злорадству, примѣшивались еще не совсѣмъ гласныя, личныя чувства недовольства за „измѣну“ консервативнымъ интересамъ со стороны правительства, или говоря попросту желаніе насолить канцлеру и разсорить его съ либералами. Всякій разъ когда изъ рядовъ консерваторовъ выходило въ печать какое-нибудь изслѣдованіе о социальномъ вопросѣ, оно было наполнено двусмысленными намеками на то что въ сущности требованія социализма во многомъ вовсе уже не такъ неразумны, что всемогуществу капитала и принципу *laissez faire* должны быть положены предѣлы, и весьма ясными, по своей враждебности, жалобами на безсовѣстную эксплуатацію капиталистами, не только рабочихъ, но и поземельныхъ собственниковъ. Поговаривали даже о нѣкоторой солидарности интересовъ рабочихъ и юнкерства и результатомъ этого оказалась даже вновь образовавшаяся „аграрная“ партія, впрочемъ, совсѣмъ стушевавшаяся на послѣднихъ выборахъ.

Стоитъ прочесть сочиненія Рудольфа Мейера *der Emancipationskampf des vierten Standes* и бывшаго австрійскаго муниципала Шефле,—которые оба выдаютъ себя за консерваторовъ,—*die Quintessenz des Socialismus*, и наконецъ, недавно вышедшую анонимную брошюру *die Lösung der sozialen Frage, von einem practischen Staatsmanne*, чтобы убѣдиться какъ далеко заходило иногда это заигрыванье съ социалистами.

Еще далѣе шли ультрамонтаны; но ихъ игра, хотя болѣе сложная, была кажется вѣрнѣе разчитана на успѣхъ: ультрамонтаны говорятъ не обинуясь что современное государство отвернулось отъ Бога, что его законодательство лишь примѣненіе начала борьбы за существованіе, то-есть порабощенія слабыхъ, и что потому интересы подавленнаго рабочаго населенія тождественны съ нуждами поруганной совѣсти вѣрующаго. Въ этомъ духѣ было написано, уже дѣтъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, извѣстное сочиненіе майнцскаго епископа Кеттелера о рабочемъ вопросѣ; на Майнцскомъ католическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ 1871 году, подъ предсѣдательствомъ того же Кеттелера, были формулованы даже весьма опредѣленные требованія въ пользу рабочихъ, въ томъ числѣ введеніе десятичасовой подневной работы. Вообще ультрамонтаны отличаются въ своихъ взглядахъ на социальный вопросъ отъ консерваторовъ тѣмъ что они не становятся, какъ послѣдніе, на почву усиленія государственнаго контроля, а желаютъ реформы исходящей отъ самого общества. Вражда клерикализма противъ современнаго государства не позволяетъ ему поддерживать любимую мысль Лассалля—вмѣшательство государственной власти; напротивъ, ультрамонтаны всегда обращаются къ частной инициативѣ, взываютъ къ чувству справедливости фабрикантовъ, и образуютъ „католическія ассоціаціи“ для вспоможенія рабочимъ.

Ассоціаціи эти процвѣтаютъ, между тѣмъ какъ рабочіе союзы и общества потребителей, устроенные по либеральному рецепту Шульце-Деличемъ и Максомъ Гиршемъ, быстро приходятъ въ упадокъ. На Рейнѣ клерикализмъ такъ успѣшно конкурируетъ съ социаль-демократами что здѣсь, въ главномъ центрѣ нѣмецкой промышленности, послѣднихъ сравнительно гораздо менѣе чѣмъ въ остальныхъ фабричныхъ округахъ, въ особенности въ Саксоніи. Число чле-

новъ католическихъ ассоціацій, напротивъ, съ каждымъ годомъ растетъ, какъ то несомнѣннымъ образомъ доказываютъ выборы. Сами социалисты признаютъ что ихъ опаснѣйшій противникъ въ будущемъ—католицизмъ, хотя они въ то же время прибавляютъ что и ему въ концѣ-концовъ противъ нихъ не устоять. Такой результатъ нельзя не признать въ извѣстной степени благопріятнымъ, хотя онъ купленъ дорогою цѣной многочисленныхъ теоретическихъ уступокъ социализму, и въ особенности тою несомнѣнно безнравственною поддержкой которую ультрамонтаны оказываютъ социалистамъ на выборахъ, тамъ гдѣ сами они не имѣютъ большинства. Такъ неоднократно поступали католики въ Саксоніи, Тюрингіи и Ганноверѣ. Правда что съ своей стороны социалисты имъ отличиваютъ тѣмъ же, и только благодаря содѣйствию послѣднихъ клерикаламъ удалось окончательно отвоевать у либераловъ нѣкоторые округа, какъ напримѣръ Майнцъ и Триръ.

Но всего замѣчательнѣе то что и со стороны либераловъ, противъ которыхъ особенно направлена злоба социаль-демократіи, раздаются голоса въ смыслъ благопріятномъ социализму. Конечно, большинство публицистовъ либеральнаго лагеря, какъ Трейчке, Блунчи, Бёмертъ, Бамбергеръ,—мы называемъ только наиболѣе извѣстныхъ,—горячо отстаиваютъ начала собственности и свободы личныхъ отношеній. Еще недавно прогрессистъ Дг. Вирховъ произнесъ блистательную рѣчь въ которой онъ съ большимъ жаромъ опровергалъ воззрѣнія социаль-демократіи. Но рядомъ съ этими мы слышимъ и многочисленные голоса иного рода, и притомъ такіе которые говорятъ именемъ экономической науки. Теоретическій споръ между фритредерами, такъ-называемою Манчестерскою школою, и сторонниками ученія Kathedersocialist'овъ, дошелъ до того что нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ Адольфъ Вагнеръ и Школлеръ, прямо признали что свобода договора между нанимателемъ и рабочимъ ложъ, подъ которою скрывается юридическое насиліе, что свобода конкуренціи—зло, губящее мелкаго производителя. Остается сдѣлать одинъ шагъ чтобы сказать вслѣдъ за Лассалемъ и Марксомъ что правильная организация промышленности требуетъ обезпеченія за рабочимъ всего продукта его труда: *der Arbeit ihr voller Ertrag*. Другіе публицисты либеральнаго лагеря, какъ Ланге и Константинъ Францъ, не остаются даже на почвѣ спокойнаго научнаго

обсужденія. Первый изъ нихъ * прямо говоритъ что бороться противъ соціального движенія безразсудно, потому что ему принадлежитъ будущее, а можно лишь стремиться къ тому чтобы мирнымъ преобразованіемъ имущественнаго строя избѣгнуть кроваваго переворота. Онъ хочетъ чтобы и правительство и общество „помогли“ рабочимъ освободиться отъ гнета имущественной зависимости. Въ виду будущаго перехода большинства фабрикъ непосредственно въ руки рабочихъ (?), Ланге рекомендуетъ такія мѣры какъ „содѣйствіе“ раздробленію крупныхъ имѣній, наконецъ даже „упраздненіе“ (!) личной поземельной собственности. „Люди воображающіе“, говоритъ Ланге — „что рабочимъ можно вкоренить сознаніе законности ихъ теперешняго положенія, возбуждаютъ лишь улыбку состраданія.“ Константинъ Францъ,** говоря о современномъ положеніи дѣлъ, съ своей стороны восклицаетъ: „и это называютъ христіанскимъ обществомъ, когда въ немъ процвѣтаетъ бѣлое невольничество, и, подъ защитой закона, во сто разъ болѣе производится законныхъ грабежей чѣмъ накрадено тѣми негодями которыми переполнены дома заключенія!“

Такое отношеніе къ вопросу со стороны значительной части нѣмецкой интеллигенціи несомнѣннымъ образомъ содѣйствовало успѣху агитаціи. Уступать безъ боя врагу осаждающему крѣпость одну позицію за другою—плохое средство обороны. Нечего удивляться тому что признаніе многихъ положеній соціализма со стороны его естественныхъ противниковъ усилило его заносчивость и подорвало убѣжденія многихъ, особенно мало образованныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе два года соціализмъ сталъ проникать далеко за предѣлы рабочаго сословія. Нѣмецкія газеты переполнены свѣдѣніями о томъ что его сторонники насчитываются сотнями среди мелкаго чиновничества и личнаго состава управленія желѣзныхъ дорогъ; имъ заразилась, судя по отзывамъ печати, и значительная часть университетской молодежи, оставшейся до самаго послѣдняго времени совершенно чуждою движенію.

Конечно, на быстрое развитіе соціализма въ Германіи вліяли и другія, экономическія причины; никакая пропаганда не

* *Die Arbeiterfrage und deren Bedeutung für Gegenwart und Zukunft.*

** *Der Untergang der alten Parteien und die Parteien der Zukunft.*

въ состояніи такъ скоро покорить себѣ умы значительной части населенія, если она не находитъ для себя въ немъ благопріятной почвы. Первою основною причиною, общею впрочемъ всей западной Европѣ, было то что увеличеніе благосостоянія рабочаго класса, хотя оно сомнѣнію не подлежитъ, далеко не идетъ въ уровень съ развитіемъ промышленнаго богатства вообще. Заработки безъ сомнѣнія растутъ и растутъ быстрее цѣнъ на жизненныя потребности, но они все-таки отстаютъ отъ роста и накопленія капиталовъ. Явленіе это усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ что тѣ предметы потребленія которые большею частью доступны только людямъ съ извѣстнымъ достаткомъ, повсюду понижаются въ цѣнѣ съ развитіемъ промышленности, между тѣмъ какъ предметы роскоши съ одной стороны и предметы первой необходимости съ другой, какъ напримѣръ: лица, топливо, квартиры, становятся дороже. Другими словами, жизнь дешевѣетъ для среднихъ классовъ и напротивъ дорожаетъ для самыхъ богатыхъ и самыхъ бѣдныхъ. Это увеличеніе довольства буржуазіи и придаетъ западнымъ европейскимъ странамъ тотъ видъ растущаго благосостоянія который сказывается въ постоянномъ увеличеніи удобствъ жизни и извѣстной, дешевой роскоши. Между тѣмъ недовольство своимъ положеніемъ не столько обуславливается дѣйствительными лишеніями какъ сравненіемъ его съ условіями жизни прочихъ. На этой избитой истинѣ не стоить настаивать. Въ ней кроется вѣроятно лучшее объясненіе той необыкновенной популярности которую далеко не новое ученіе социализма приобрѣло среди рабочихъ какъ разъ за послѣднія два десятилѣтія. Но въ Германіи къ этой причинѣ присоединились многія другія и первое мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, быстрое развитіе биржевой спекуляціи и возникновеніе безчисленныхъ дутыхъ предпріятій послѣ Австрійской и въ особенности послѣ Французской войны. Эта „учредительская лихорадка“ (Gründungsfieber) была явленіемъ совершенно новымъ въ Германіи и ознаменовалась настоящею оргіей мошенническихъ продѣлокъ. Непомѣрно быстрое обогащеніе нѣкоторыхъ лицъ съ помощію самаго наглаго обмана послужило конечно плохою школою нравственности для народа и несомнѣнно создало то яркое негодованіе противъ капиталистовъ которое проявляется теперь и притомъ не у однихъ рабочихъ. Этому въ свою очередь способствовала и горестная участь

многочисленныхъ жертвъ спекуляціи: люди очутившіеся нищими послѣ финансовой катастрофы 1874—75 года стали легкою добычей для социалистской агитаціи. Ихъ судьба вполне оправдывала увѣренія лубицистовъ утверждавшихъ что современное промышленное устройство пагубно не для однихъ рабочихъ. Масса цѣнностей лущенныхъ въ оборотъ во время промышленной горячки и чрезвычайное усиленіе производства (*Überproduction*) имѣли къ тому же и нныя послѣдствія, съ которыми Германіи придется считаться еще долго. Внезапное появленіе на рынкѣ большаго количества денежныхъ или товарныхъ цѣнностей имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой же быстрый переворотъ въ цѣнахъ и, сообразно тому, измѣненіе въ условіяхъ жизни. Въ Германіи какъ разъ случилось почти одновременно что усиленіе мануфактурнаго производства, не шедшее въ уровень съ возвышеніемъ спроса, понизило цѣны на многіе товары, между тѣмъ какъ вновь лущенные въ оборотъ денежные знаки, и въ особенности спекулятивные бумаги, вдругъ значительно подняли цѣны на жизненные потребности и на сырыя произведенія, а слѣдовательно и на плату за трудъ. Такимъ образомъ расходы на производство стали значительно въ то самое время когда излишекъ промышленныхъ издѣлій не находилъ покупателей.

Понятно что многіе фабриканты разорились, и промышленное колесо, слишкомъ быстро лущенное въ ходъ, вдругъ остановилось. Но этимъ не ограничились послѣдствія кризиса. Пертурбація цѣнъ, вызванная какимъ-либо экономическимъ переворотомъ, обыкновенно еще продолжается, когда создавшія ее причины уже перестали дѣйствовать. И вотъ до сихъ поръ, когда промышленная горячка давно прошла, въ Германіи продолжаютъ жаловаться на дороговизну, хотя въ то же время дѣла успѣвшихъ фабрикантовъ не поправляются. Понятно, какъ все это должно было отразиться на бытѣ рабочихъ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, благодаря усиленному спросу на трудъ, рабочая плата вдругъ быстро поднялась; но увлеченіе прошло, многія фабрики закрылись, остальные сократили свое дѣйствіе и тысячи рабочихъ остались безъ занятій, а цѣны на жизненные потребности все-таки не понижались. Одновременно съ этимъ въ Германіи происходитъ еще одно экономическое явленіе, тоже не остающееся безъ вліянія на развитіе социализма.

Нѣмецкая промышленность,—и въ этомъ она не составляетъ исключенія,—стремится къ централизаціи капиталовъ и къ увеличенію размѣровъ производства (Grossindustrie). Промышленный кризисъ еще усилилъ это стремленіе: для того чтобъ устоять въ конкуренціи съ иностранными произведеніями, нѣмецкіе фабриканты должны работать какъ можно дешевле, и въ виду увеличенія расходовъ на производство, стараются придавать ему, путемъ ассоціаціи, все большіе размѣры. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, старинныя фирмы въ большомъ числѣ переходятъ въ руки товариществъ,—и это, какъ извѣстно, всегда дурно отзывается на отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ. Съ другой, мелкіе производители и ремесленники, не будучи въ состояніи конкурировать съ крупными, все болѣе становятся зависимыми отъ нихъ, т.-е. перестаютъ работать на себя и мало-по-малу обращаются въ простыхъ рабочихъ поставщиковъ. Мелкая кустарная промышленность, уцѣлѣвшая въ нѣкоторыхъ углахъ Германіи, въ южной Саксоніи, въ Силезіи, въ Тюрингіи, въ Шварцвальдѣ, тоже быстро приходитъ въ упадокъ. Такимъ образомъ мирнымъ путемъ конкуренціи происходитъ обширная экспропріація мелкихъ промышленниковъ и обращеніе ихъ изъ свободныхъ производителей въ рабочихъ. Неудивительно что они плохо съ этимъ мирятся и съ большею готовностью идутъ пополнять собою ряды соціальной демократіи.

Изъ сказаннаго ясно что на ряду съ мѣрами къ обузданію социализма, требуются въ Германіи мѣры къ осуществленію экономическаго зла изъ котораго социализмъ почерпаетъ свою силу. Это понимаютъ отлично и правительство и общество: если князь Бисмаркъ возвыщаетъ палатѣ что онъ намѣренъ представить ей нѣсколько проектовъ реформъ въ системѣ косвенныхъ налоговъ, то съ своей стороны печать громко требуетъ пересмотра всего промышленнаго законодательства. Въ этомъ вопросѣ правительство опередило поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Уже въ прошлой палатѣ, распущенной въ маѣ, былъ поднятъ вопросъ о введеніи табачной монополіи и шла рѣчь о повышеніи таможенныхъ пошлинъ. Эти реформы, въ связи съ проектомъ объ обращеніи желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ въ казенныя, ясно доказывали что князь Бисмаркъ далеко не другъ началъ правительственнаго невмѣшательства въ промышленной

сферѣ и на этомъ пути онъ совершенно разошелся съ національ-либералами.

Проектъ покупки желѣзныхъ дорогъ, правда, встрѣтилъ съ ихъ стороны нѣкоторую поддержку, потому что онъ составлялъ новый шагъ на пути къ объединенію имперіи. Но за то финансовыя преобразованія канцлера, пущенныя въ ходъ въ прошлую сессію, до того не понравились національ-либераламъ что съ этимъ вопросомъ приводятъ въ связь неудачу той комбинаціи благодаря которой трое изъ ихъ вождей, въ томъ числѣ г. фонъ-Беннигсенъ, должны были вступить въ министерство. Рѣшительная оппозиція финансовымъ видамъ канцлера послужила, вѣроятно, главнымъ поводомъ къ раслученію палаты, такъ какъ для проведенія закона противъ социаллистовъ соглашеніе съ національ-либеральнымъ большинствомъ было вполне возможно. Выборы несомнѣнно доказали что въ экономическихъ вопросахъ, такъ же какъ и въ политическихъ, большинство населенія уже не раздѣляетъ взглядовъ прежняго большинства палаты. Какъ всегда бываетъ въ политической жизни, поворотъ во мнѣніяхъ подготовлялся издавна и шелъ незамѣтно; неожиданное событіе, покушенія Гёделя и Нобилинга, только вызвало его наружу. А между тѣмъ состояніе нѣмецкой промышленности дѣйствительно таково что возбуждаетъ самыя серьезныя опасенія за будущее. Вторая половина пятидесятыхъ и шестидесятые года были въ цѣлой Европѣ эпохой заключенія торговыхъ трактатовъ и пониженія таможенныхъ пошлинъ. Это было время торжества фритредеровъ, всюду провозглашавшихъ что, по примѣру Англіи, свобода торговли принесетъ несомнѣнную пользу населенію. Реакція противъ этого направленія не замедлила явиться, какъ скоро сказались послѣдствія открытія границъ для иностранныхъ товаровъ. Но въ большинствѣ странъ, какъ во Франціи, она осталась мѣстной и коснулась только отдѣльныхъ отраслей производства. Въ Германіи, наоборотъ, кризисъ захватилъ почти всѣ виды промышленности, и вслѣдъ за необыкновеннымъ усиленіемъ производства наступилъ всеобщій застой, какъ его неизбѣжное послѣдствіе. Дѣло въ томъ что нѣмецкіе товары за границей не въ состояніи конкурировать съ англійскими и французскими, между тѣмъ какъ послѣдніе, наоборотъ, наводняютъ собою нѣмецкій рынокъ. Въ нѣмецкой промышленности нѣтъ ни одной отрасли въ которой она достигла бы превосходства надъ своими запад-

ными соседками; англійскіе и французскіе потребители не имѣютъ безусловной нужды въ нѣмецкихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ Нѣмцы не обходятся безъ французскихъ винъ, французскаго шелка и англійскихъ металлическихъ и машинныхъ издѣлій. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является то что балансъ отпускной торговли Германіи не въ ея пользу. Даже и въ остальныхъ отрасляхъ производства нѣмецкимъ фабрикантамъ приходится выносить трудную борьбу съ заграничными издѣліями на своемъ домашнемъ рынкѣ; по крайней мѣрѣ жалобы на это слышатся въ Германіи повсюду. Явленіе это кажется страннымъ, въ виду сравнительной дешевизны труда въ Германіи. Объясненіе ему можно найти въ томъ что въ Германіи находятся лишь въ очень ограниченномъ количествѣ два сырыхъ произведенія играющія въ производствѣ главную роль—уголь и желѣзо. Ихъ приходится въ большомъ количествѣ привозить изъ-за границы, преимущественно изъ Австріи. Къ тому же товарные тарифы на нѣмецкихъ дорогахъ не только чрезвычайно высоки вообще, но еще какъ разъ составлены невыгоднымъ образомъ для сбыта домашнихъ произведеній. Намъ передавали неоднократно что мѣстности соседнія съ Австріей предпочитаютъ издѣлія богемскихъ фабрикъ домашнимъ, несмотря на ввозныя пошлины, если только свой товаръ приходится перевозить издалека: такъ велика разница въ тарифахъ на австрійскихъ и на нѣмецкихъ дорогахъ. Наряду съ заграничными издѣліями, фабрикантамъ коренныхъ нѣмецкихъ областей надѣлала много хлопотъ и вновь присоединенная Альзасъ-Лотаринія. Тамашніе фабриканты вынуждены были искать сбыта на нѣмецкихъ рынкахъ, въ виду пошлины ожидающей ихъ на французской границѣ, и этотъ излишекъ производства,—а вывозъ изъ Альзаса достигаетъ громадныхъ размѣровъ,—послужилъ не къ обогащенію Германіи, а къ разоренію ея же фабрикантовъ. Альзасскія издѣлія оказались и изящнѣе, и дешевле нѣмецкихъ. Несомнѣнно также что „крахъ“ 1874 года и процеседшій оттого переворотъ въ имущественномъ положеніи очень многихъ значительно повліяли на сокращеніе спроса. Намъ передавали неоднократно—и это мы слышали непосредственно отъ нѣсколькихъ заводчиковъ—что многочисленныя желѣзодѣлательныя и чугуноплавильныя заводы Трирскаго округа вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ работаютъ въ убытокъ и что не

видно даже конца этому кризису, потому что съ каждымъ годомъ спросъ на товаръ сокращается.

Фабрики не перестаютъ работать лишь потому что не хотятъ порвать отношеній установившихся съ постоянными рабочими и потому также что временные убытки все-таки выгоднѣ реализаціи или остановки, при которой оборотный капиталъ остался бы безъ дѣйствія. Если присоединить ко всему этому еще то обстоятельство что кредитъ въ Германіи далеко не такъ доступенъ и не такъ упругъ какъ на примѣръ во Франціи, то становится понятнымъ что нѣмецкая промышленность съ трудомъ переноситъ кризисъ и съ каждымъ годомъ болѣе уступаетъ французской. Это несомнѣнное превосходство Франціи, которое Нѣмцы не только сознаютъ, но въ которомъ они даже сознаются, дѣйствуетъ на нихъ особенно удручающимъ образомъ и потому въ Германіи уже исчезла та самоувѣренность которая охватила Нѣмцевъ послѣ 1870 года.

Всюду слышатся голоса о необходимости вспомогательныхъ мѣръ для устраненія промышленнаго застоя.

Конечно, табачная монополія, которой домогается князь Бисмаркъ для усиленія средствъ казны, не можетъ быть популярна въ народѣ который такъ много куритъ какъ Нѣмцы. Но за то повышеніе ввозныхъ пошлинъ, открытіе государственнаго кредита для фабрикъ, пересмотръ тарифовъ дорогъ, теперь у всѣхъ на языкѣ, и всѣ усердно отрещиваются отъ начала *laissez faire*, нѣкогда столь дорогаго либераламъ и въ экономическихъ и въ политическихъ вопросахъ.

Таково было настроеніе общества, когда начались выборы. Было бы вполне естественно, еслибъ они усилили оппозицію правительству, выказавшему поразительную неумѣлость въ своей финансовой и промышленной политикѣ. Но, во-первыхъ, очень хорошо помнили что неудачные промышленные законы послѣднихъ лѣтъ состоялись подъ вліяніемъ либераловъ; во-вторыхъ, со стороны правительства уже проявлялись признаки обращенія къ болѣе здравымъ экономическимъ началамъ; въ-третьихъ, наконецъ, два покушенія на жизнь императора оживили въ странѣ чувства династической преданности. Правительство воспользовалось этимъ настроеніемъ чтобы возбудить избирателей противъ либераловъ, представляя ихъ косвенными виновниками той распущенности которая создаетъ Гёделей и Нобилинговъ. Судя по тону прави-

тельственныхъ газетъ, даже ультрамонтанскіе кандидаты считались менѣ вредными, менѣ анти-правительственными, чѣмъ недавніе друзья, либералы. Эта агитація удалась, насколько вообще что-нибудь можетъ удалась въ такой пестрой и разнохарактерной странѣ, какова Германія. Националь-либералы и прогрессисты платились и за промышленный застой и за попытки царевубійства. Число первыхъ упало въ палатѣ со 167 на 101, число вторыхъ съ 46 на 25. Если принять во вниманіе не число избранныхъ, а счетъ поданныхъ голосовъ, то разница выйдетъ еще значительнѣе.

Въ то же время кандидаты нелиберальныхъ оппозиционныхъ фракцій приобрѣли и болѣе голосовъ и болѣе мѣстъ въ палатѣ: ультрамонтаны достигли почтенной цифры 103 (вмѣстѣ съ альзасскими католиками и партіей протеста), ганноверскіе партикуляристы, имѣвшіе только 4 мѣста въ прежней палатѣ, приобрѣли ихъ десять. Если прибавить къ этимъ депутатамъ одного Датчанина, 13 Поляковъ, 3 южно-германскихъ демократовъ и 9 социалистовъ, то вся фаланга анти-имперскихъ партій насчитываетъ въ новой палатѣ 139 голосовъ, что представляетъ собою уже очень замѣтное усиленіе. Но наибольшее приращеніе вышло на долю обихъ консервативныхъ фракцій, получившихъ въ новой палатѣ, вмѣсто 67, 116 мѣстъ. Остальные 16 голосовъ принадлежатъ 5 альзасскимъ автономистамъ и такъ-называемымъ „дикумъ“, не причисленнымъ ни къ какой партіи, хотя въ числѣ ихъ находятся такіа старинныя парламентскія извѣстности, какъ докторъ Бозелеръ и фонъ-Бокумъ-Дольфсъ.

Если распредѣлить вновь избранныхъ депутатовъ по областямъ, то окажется что въ Восточной Пруссіи, Помераніи и Нижней Силезіи консерваторы обоихъ отѣнковъ совершенно вытѣснили либераловъ; даже Кёнигсбергъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крайній радикалъ Др. Якоби обладалъ несомнѣннымъ большинствомъ, послалъ въ новую палату однихъ консерваторовъ. Въ Западной Пруссіи и Познани отношеніе партій почти не измѣнилось, хотя произошло нѣсколько перемѣщеній депутатскихъ мѣстъ отъ консерваторовъ къ ультрамонтанамъ и Полякамъ или обратно. Въ герцогствахъ, въ Прусской Саксоніи и Тюрингіи консерваторы отняли у либераловъ нѣсколько мѣстъ, большею частью при содѣйствіи ультрамонтановъ; въ Бранденбургѣ, напротивъ, либералы

выиграли два мѣста и въ самомъ Берлинѣ счетъ голосовъ показалъ уладокъ силъ не только консервативной, но и національ-либеральной партіи въ пользу прогрессистовъ. Въ Гамбургѣ почти вездѣ восторжествовали партикуляристы. Въ Баваріи и Вестфалии окончательно побѣдили клерикалы; въ первой изъ этихъ странъ только Нюрнбергъ и Аугсбургъ подали голоса въ либеральномъ смыслѣ; даже Мюнхенъ послалъ въ палату ультрамонтановъ. Въ Рейнской провинціи не произошло измѣненій: въ Кобленцѣ и Эссенѣ либералы побѣдили ультрамонтановъ, но за то потеряли Дюссельдорфъ и Триръ. Подача голосовъ въ этой области дала единственный въ Германіи примѣръ ослабленія социалистовъ.

Въ Баденѣ и Виртембергѣ консервативная партія нѣсколько усилилась; за то въ Гессенѣ, королевской Саксоніи и Верхней Силезіи она понесла совершенное пораженіе. Въ Альзасѣ-Лотарингіи партія протеста снова приобрѣла 4 лишнія мѣста насчетъ автономистовъ и католиковъ. Наконецъ 9 социалистскихъ депутатовъ распредѣлились такъ: два изъ нихъ выбраны въ Берлинъ, одинъ въ Бреславль, одинъ въ Бременъ, одинъ въ Готѣ, остальные четверо принадлежатъ Саксоніи.

Такимъ образомъ, на ряду съ пораженіемъ обѣихъ либеральныхъ фракцій, выборы значительно усилили тѣ партіи которыя относятся враждебно къ имперскому единству и слѣдовательно къ канцлеру. Если принять въ соображеніе что изъ числа консерваторовъ наиболѣе выиграла крайняя правая (съ 27 мѣстъ на 64), которая собственно представляетъ собою старопрусскій автономизмъ, то окажется что депутаты не сочувствующие всему ходу дѣла въ Германіи со времени Австрійской войны обладаютъ въ палатѣ даже большинствомъ, чего не было до сихъ поръ никогда. Конечно, большинство это до того разнородное что никогда соединиться не можетъ, но при такомъ составѣ палаты продолженіе культурной борьбы и изданіе какихъ-нибудь „майскихъ“ законовъ становится уже невысказаннымъ. Результатъ этотъ никакъ нельзя назвать благоприятнымъ для князя Бисмарка; онъ свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о томъ что главное направленіе политики князя перестало уже пользоваться сочувствіемъ избирателей. Въ нѣкоторой степени, впрочемъ, такой исходъ выборовъ былъ подготовленъ самимъ правительствомъ.

Въ официальныхъ кругахъ и въ правительственной печати, какъ разъ послѣ раслуценія палаты, стали поговаривать

о возможности сближенія съ „католическимъ центромъ“ и о необходимости покончить съ культурною борьбой. Заклятые враги князя, ультрамонтаны, выставались какъ люди съ консервативнымъ направленіемъ, ставшіе въ оппозицію только вслѣдствіе культурной борьбы. Съ прекращеніемъ ея эти люди могли вернуться къ своимъ естественнымъ симпатіямъ и помочь правительству въ подавленіи революціонныхъ началъ. Въ правительственныхъ органахъ это говорилось лишь вскользь; руководящая газета ультрамонтановъ *Germania* напечатала нѣсколько статей въ правительственномъ духѣ; но во всѣхъ либеральныхъ газетахъ ежедневно повторялось что союзъ правительства съ клерикалами вполне возможенъ и что въ Германіи настанетъ эра сдѣлой реакціи. Какъ разъ въ это самое время начались переговоры князя Бисмарка съ палскимъ нунціемъ въ Мюнхенѣ, монсиньоромъ Мазелла. Каково будетъ поведеніе центра въ будущей палатѣ, разгадать было довольно трудно. На ряду съ примирительнымъ тономъ клерикальной печати, кандидаты центра отрещивались отъ всякой солидарности съ правительствомъ и громко объявляли что не подадутъ своихъ голосовъ въ пользу исключительнаго закона.

На эти заявленія смотрѣли какъ на попытку надбавить цѣну за свои услуги и склонить правительство на большія уступки. Положеніе націоналъ-либераловъ, то-есть вождей большинства прежней палаты, было крайне затруднительнымъ. Съ одной стороны, въ виду начатой противъ нихъ войны, они вступили въ союзъ съ прогрессистами, которые ничего и слышать не хотѣли объ исключительныхъ законахъ. Съ другой, они боялись окончательно разсориться съ правительствомъ, особенно въ виду грозящаго союза его съ клерикалами, и потому обѣщали свое содѣйствіе въ составленіи новаго, зрѣло обдуманнаго и умѣреннаго закона противъ социалистовъ.

Эта крайняя запутанность отношеній между партіями, это „блужданіе ихъ во тьмѣ“, отозвалось на выборахъ: во первыхъ, въ 55 округахъ изъ 397 понадобились перебаллотировки, что доказываетъ ожесточенность борьбы, во вторыхъ, на этихъ перебаллотировкахъ произошли самыя странныя коалиціи. Союзъ либераловъ съ прогрессистами оказался неэффективнымъ; въ нѣкоторыхъ округахъ консерваторы подавали голоса заодно съ клерикалами, но какъ союзники стыдящіеся

взаимно другъ друга, въ другихъ они соединились съ либералами. Противъ либераловъ ультрамонтаны сплошь да рядомъ сходились съ социалистами.

Вообще несмотря на то что главная цѣль выборовъ заключалась въ борьбѣ съ социаль-демократами, ни одна партія не воздержалась отъ союза съ ними. Въ Дрезденѣ и Готтмъ помогли либералы противъ консерваторовъ, въ Бреславѣ консерваторы противъ либераловъ, въ Майнцѣ, Трирѣ и Дюссельдорфѣ съ ними заодно подавали голоса клерикалы. Въ Ганноверѣ социалисты усердно помогали „гвельфамъ“; при перебаллотировкѣ въ Гамбургѣ они вмѣстѣ съ католиками провели въ палату партикуляриста графа Гроте. Напротивъ, въ Гамбургѣ и Брауншвейгѣ противъ нихъ соединились всѣ партіи. Въ Пфорцгеймѣ и Дурлахѣ они вмѣстѣ съ прогрессистами доставили торжество клерикально-консервативному кандидату, въ Мангеймѣ—демократу. Наконецъ при перебаллотировкѣ въ Констанцѣ они подавали голоса за консервативнаго кандидата, принца Вильгельма Баденскаго. Не подлежитъ сомнѣнію что подобные союзы сильно подрываютъ всякое понятіе о политической честности.

Прямымъ послѣдствіемъ выборовъ оказалось, такимъ образомъ, полное отсутствіе какого-бы то ни было прочнаго большинства въ палатѣ и по тому самому неизбежность парламентскихъ коалицій. Представительство распалось на три почти равносильныя группы; вдобавокъ къ прежнимъ напрямъ либераловъ съ прогрессистами присоединилось глубокое раздраженіе, причиненное недавнимъ поведеніемъ тѣхъ и другихъ во время избирательной борьбы. Когда результатъ выборовъ сталъ извѣстенъ, всѣ задали себѣ вопросъ о томъ какъ поступить правительству и какимъ образомъ составится большинство необходимое для проведенія закона противъ социалистовъ. Сначала всѣ шансы, казалось, были на сторонѣ коалиціи правой стороны и центра. Начатые переговоры съ монсиньоромъ Мазелла повидимому привели если не къ формальному соглашенію, то по крайней мѣрѣ ко взаимному признанію его возможности. Обмѣвъ писемъ, между имперскимъ принцемъ и лалой обнаруживалъ примирительное настроеніе съ обѣихъ сторонъ. Оставалось стало-быть заручиться согласіемъ депутатовъ центра на законопроектъ составленный въ началѣ іюля союзнымъ совѣтомъ и, несмотря на недавнюю оппозицію центра, трудно было сомнѣваться въ успѣхѣ такой комбинаціи, какъ скоро католическимъ.

депутатамъ представится вѣроятность прекращенія культурной борьбы, даже безъ отмены конфессіональных законовъ. На самомъ дѣлѣ, законы эти такого свойства что суть ихъ заключается не въ ихъ текстѣ, а въ способѣ примѣненія: въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Вюртембергѣ, издавна существовали законы почти совершенно однородные, и все-таки они не приводили ни къ какому столкновенію съ духовенствомъ, ибо не употреблялись какъ орудіе борьбы.

Что же касается промышленныхъ вопросовъ, то на этой почвѣ соглашеніе было еще легче, потому что большинство депутатовъ центра всегда относилось враждебно къ экономическимъ воззрѣніемъ либераловъ. Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Центръ не только не пошелъ на соглашеніе съ правительствомъ, но его органы вдругъ снова приняли крайне враждебный тонъ, и двое изъ его коноводовъ, гг. фонъ-Рейхеншифгеръ и фонъ-Шорлемеръ-Альстъ, высказались предъ своими недавними избирателями въ томъ смыслѣ что цѣной сокращенія политическихъ вольностей они не согласятся культи даже религіознаго примиренія. Вслѣдъ за ними то же повторили и нѣкоторые другіе депутаты; словомъ центръ выступилъ поборникомъ безусловнаго либерализма. Если принять въ соображеніе что почти всѣ депутаты центра принадлежатъ дворянству и до открытія культурной борьбы вовсе не отличались особымъ либерализмомъ, если припомнить что защита политической свободы вовсе не входитъ въ составъ римскаго катихизиса, то явленіе это должно поразить своею странностью. Между тѣмъ оно объясняется очень просто. Въ теченіе многихъ лѣтъ центру приходилось жаловаться на притѣсненія со стороны правительства и взывать къ принципамъ свободы, нарушенной, въ лицѣ католиковъ, въ одномъ изъ своихъ главныхъ проявленій, въ религіозномъ чувствѣ. Для усиленія своей популярности, они въ теченіе долгаго времени щеголяли своимъ либерализмомъ и вносили въ палату предложенія самаго передоваго свойства. Быть-можетъ сначала это были только маневръ съ ихъ стороны, и они были очень рады что предложенія эти проваливались. Но демократическія фразы, и въ особенности та плебейская среда гдѣ центръ вербовалъ себѣ голоса, имѣютъ заразительное дѣйствіе. Долговременная оппозиція не проходитъ даромъ, и политическія маски носимыя долго наконецъ пристають къ лицу и придаютъ

ему уже неизгладимыя черты. Такъ и случилось съ центромъ. Онъ оказался связаннымъ своими многочисленными заявленіями и въ особенности тою массой двусмысленныхъ кліентовъ которыми себя окружили его вожди.

Если они только прикидывались либералами, то измѣнить этой роли становилось уже неудобнымъ, и они, какъ увѣряютъ, даже вопреки увѣщаніямъ изъ Рима, объявили что подадутъ голоса противъ законопроекта. Быть-можетъ такъ они имѣли въ виду еще выторговать у правительства лишніе уступки; но если таковъ былъ ихъ расчетъ, то они въ немъ ошиблись.

Одновременно съ этими заявленіями центра заговорили и національ-либералы, но совершенно въ иномъ смыслѣ. Имъ, повидимому, все мерещилось лугало сближенія канцлера съ клерикалами, и это опасеніе на нихъ подѣйствовало. Главныя органы либеральной партіи, берлинская *National Zeitung*, аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, да еще *Кельнская Газета*, которая во время избирательной борьбы горько жаловалась на поведеніе правительства, вдругъ понизили тонъ и заявили что съдуетъ поддержать канцлера въ его борьбѣ съ социалистами и что законопроектъ Союзнаго Совѣта можетъ быть принятъ съ небольшими измѣненіями. Въ этомъ же смыслѣ высказался одинъ изъ главныхъ вождей партіи, г. фонъ-Бенигсенъ, въ рѣчи сказанной имъ въ защиту кандидатуры бывшаго вице-президента палаты фонъ-Штауффенберга, который просилъ только на перебаллотировкѣ. Это заявленіе Бенигсена было тѣмъ знаменательнѣе что на первомъ обсужденіи проекта онъ особѣнно настаивалъ на томъ что существующій законъ совершенно достаточенъ для обузданія агитаціи.

Самымъ важнымъ въ этомъ „поворотѣ направо“ либераловъ было собственно то что они не только изъявляли свое согласіе на принятіе исключительныхъ мѣръ какъ на печальную необходимость, но стали поддерживать ихъ какъ свое собственное дѣло: другими словами, они вполне отказались отъ обычной точки зрѣнія либераловъ, для которыхъ свобода печати и сходокъ—непосягаемая святыня. Органы консерваторовъ съ большою предупредительностью отвѣтили на это заявленіе, и заговорили даже о возстановленіи большинства помощью союза національ-либераловъ и правой стороны. Если князь Бисмаркъ только затѣмъ сталъ заигрывать съ Римомъ чтобы добиться этого, то онъ достигъ своей цѣли. Но для

того чтобы такое большинство состоялось, необходимо было чтобы вся національ-либеральная фракція съ группой Лева включительно подавала голоса какъ одинъ человекъ, потому что вмѣстѣ съ консерваторами она обладала бы только 220 голосами, то-есть большинствомъ очень скромнымъ. А насчетъ этого позволительно было сомнѣваться. Правое крыло фракціи, такъ-называемая группа „профессоровъ“, то-есть тѣ самые 15 депутатовъ которые и при первомъ обсужденіи анти-соціалистскаго закона подали голоса за проектъ съ поправкой Гнейста, очень мало отличалось отъ консерваторовъ. Послѣ заявленій Бенигсена можно было разчитывать и на главныя силы партіи, въ томъ числѣ на такія выдающіяся личности какъ фонъ-Форкенбекъ, Бамбергеръ, фонъ-Унру. Но затѣмъ осталось лѣвое крыло партіи и группа Лева, то-есть 35—40 депутатовъ съ г. Ласкеромъ во главѣ, содѣйствіе которыхъ было крайне сомнительно. Эти господа высказывались мало; противъ нихъ, и въ особенности противъ Ласкера, главнымъ образомъ направлены были громы консерваторовъ во время избирательной борьбы, и позволительно было думать что они сохранили о томъ не совсѣмъ добрую память. Для удержанія ихъ отъ раскола съ главными силами партіи былъ пущенъ въ ходъ довольно удачный маневръ: какъ скоро съ ихъ стороны, или со стороны ихъ органовъ въ печати, проявлялись оппозиціонные симлтоты, правительственныя газеты немедленно возвыщали объ успѣшномъ ходѣ переговоровъ съ Римомъ, или о томъ что папа Левъ XIII далъ почувствовать нѣмецкимъ клерикаламъ свое неудовольствіе за ихъ потворство соціалистамъ.

Какъ бы то ни было, нельзя было поручиться за исходъ голосованія, когда открылись засѣданія палаты. Безусловно можно было разчитывать только на консерваторовъ, которые, послѣ двухъ покушеній на жизнь императора, во всѣхъ своихъ органахъ съ большою горячностью настаивали на принятіи исключительныхъ мѣръ. Но именно эта горячность съ такой стороны и была причиной недовѣрія либераловъ. Извѣстно было что консерваторы, особенно правое ихъ крыло, никогда не выказывали особой боязни предъ соціализмомъ, и всегда считали либеральное управленіе страной за несравненно большее зло чѣмъ революціонную агитацію. Признаніе соціализма за вполнѣ нормальный плодъ либеральныхъ идей было всегдашнимъ тезисомъ консервативной печати. Если

бы шла рѣчь только о преслѣдованіи социалистовъ предъ судомъ и объ изданіи болѣе строгаго уголовнаго закона, то противъ этого національ-либералы и не заспорили бы; въ сочувствіи социалистамъ ихъ менѣе всего можно упрекнуть, и они уже давно отказались отъ мысли что социаль-демократическую агитацію слѣдуетъ предоставлять самой себѣ. При обсужденіи перваго законопроекта Союзнаго Совѣта въ прежней палатѣ фонъ-Бенигсенъ совѣтовалъ правительству болѣе энергически воспользоваться существующими законными средствами, какъ бы намекая на то что до сихъ поръ социалистамъ была оказана нѣкоторая поблажка. Но дѣло въ томъ что законопроектъ допускалъ принятіе не судебныхъ, а административныхъ мѣръ противъ социалистскихъ ассоціацій, сходокъ и изданій, предоставляя не суду, а полиціи сужденіе о томъ, подходитъ ли данный случай подъ тѣ которые предусмотрѣны новымъ закономъ. Отъ полиціи должно зависѣть прекращеніе изданія, запрещеніе сходки или закрытіе кружка, смотря по тому, признаетъ ли она ихъ социалистскими. Этимъ нарушалась свобода ассоціацій и печати и налагалась рука на священный для либераловъ принципъ раздѣленія властей суда и администраціи; этимъ, наконецъ, давалось въ руки правительства орудіе помощью котораго оно могло запретить любое собраніе и любую газету.

Правда, законопроектъ устанавливалъ апелляціонную инстанцію для всѣхъ подобныхъ дѣйствій; но составъ этого спеціального суда былъ такого рода что не представлялъ какихъ-либо гарантій независимости предъ властью.

Вдобавокъ консервативные органы, какъ *Сѣверо-Германская Газета* и *Крестовая Газета*, громко заявляли что нельзя дѣлать различіе между полицейскимъ чиновникомъ и судьей, и предполагать будто послѣдній представляетъ болѣе условій безпристрастія чѣмъ первый. Подобные аргументы какъ разъ противорѣчили заветнымъ убѣжденіямъ либераловъ. Но правительство при открытіи преній такъ поставило вопросъ что подавать голоса противъ закона значило выразить полное недовѣріе канцлеру и прямо объявить ему войну на смерть; стало-быть въ будущемъ мерещились: второе распущеніе, союзъ съ клерикалами и тому подобные ужасы.

Мы не станемъ утруждать читателя изложеніемъ событій еще столь свѣжихъ въ памяти. Послѣ долгихъ преній законъ былъ принятъ съ небольшими поправками, изъ кото-

рыхъ главною была замѣна особой аппелляціонной инстанціи Союзнымъ Совѣтомъ, т.-е представителями всѣхъ государствъ имперіи. Законъ былъ принятъ въ окончательной редакціи довольно значительнымъ большинствомъ; за него, вмѣстѣ съ консерваторами, подали голоса всѣ національ-либералы съ группою Лѣве включительно. Центръ, прогрессисты, гвельфы, Альзасцы всѣхъ оттѣнковъ, Поляки, и, разумѣется, социаль-демократы также дружно подали голоса противъ него.

Аргументація прогрессистовъ во время преній была очень проста: она сводилась къ тому что законъ опасенъ какъ обоюдоострое оружіе и сверхъ того бесполезенъ, потому что никакое полицейское преслѣдованіе не можетъ искоренить распространеніе какой-либо идеи. На этотъ послѣдній вопросъ и сводится весь интересъ новаго фазиса, въ которой теперь вступило социалистское движеніе въ Германіи. Если вѣрить англійскимъ газетамъ всѣхъ оттѣнковъ, то Германское правительство отъ новаго закона не выиграетъ ничего и тайная агитація окажется болѣе страшною чѣмъ явная. Со стороны Англичанъ такое воззрѣніе понятно. Въ Англіи издавна существуетъ полная свобода ассоціаціи и печати; съ ней всѣ свыклись; рабочіе союзы всегда имѣли полную возможность устроиться и дѣйствовать по своему усмотрѣнію; съ ними считаются какъ съ признанною силою, они облачаютъ значительными средствами. И эта система полуститительства въ Англіи удалась. Рабочіе союзы мало занимаются, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, революціонною пропагандой; они добиваются ближайшихъ, практическихъ цѣлей—увеличенія платы и сокращенія рабочихъ часовъ. Они рискуютъ потерять слишкомъ многое если навлекутъ на себя судебное преслѣдованіе. И на этой реальной почвѣ практическихъ компромиссовъ установилось болѣе или менѣе правильное состязаніе интересовъ и пониманіе взаимныхъ правъ: недавно было нѣсколько примѣровъ добровольной сбавки трудовой платы въ виду промышленнаго застоя. Но Германія не Англія. Въ ней рабочіе союзы очень быстро уклонились съ этого трезваго направленія на путь дальнихъ, революціонныхъ идеаловъ. Тяжелое бремя воинской повинности, возвышеніе налоговъ, низкій уровень платы за трудъ, наконецъ страданіе причиненное промышленнымъ кризисомъ, все это создало среди рабочихъ страшное раздраженіе: мы выше указали на причины спо-

собствовавшія быстрому распространенію агитаціи. Въ свою очередь германское общество не привыкло къ самозащитѣ. Среди его публицистовъ и ученыхъ страсть къ отвлеченному мышленію зачастую пролагаетъ путь теоріямъ опаснымъ потому особенно что онѣ неопредѣленны. Между дворянствомъ и буржуазіей не совсѣмъ изсякла древняя вражда, и оба сословія охотно подкапываютъ взаимно другъ у друга подъ ногами почву. Несмотря на грозное развитіе социализма, со стороны общества не видно попытокъ къ организованному отпору. Что-либо похожее на самостоятельность было показано только со стороны католической партіи, но это сила столь же враждебная правительству какъ и социализмъ. Не слѣдуетъ забывать что въ Германіи значительная часть населенія находится въ постоянномъ антагонизмѣ противъ всего имперскаго устройства: это стремленіе врознь идетъ на ряду съ соціальною агитаціей и помогаетъ ей. При такихъ условіяхъ германское общество не можетъ обойтись безъ сильной руки центральной власти. Примеръ десяти истекшихъ лѣтъ показалъ что безъ правительственной инициативы оно не въ состояніи удержать потокъ социалистской пропаганды. Эти соображенія, какъ намъ кажется, вполнѣ оправдываютъ принятіе исключительныхъ мѣръ какъ единственно возможныхъ. Приведутъ ли онѣ къ желаемой цѣли, это, конечно, иной вопросъ. Намъ кажется однако что знаменитое ученіе будто всякое преслѣдованіе усиливаетъ оппозицію—далеко не безусловная истина. Рабочее населеніе, какъ среда полуобразованная, легко поддается увлеченіямъ; далеко не всѣ тѣ кто до сихъ поръ участвовали въ социалистскихъ кружкахъ социалисты по убѣжденію готовы отъ словъ перейти къ дѣлу. Отсутствие прежняго подстрекательства на сходкахъ и со стороны газетъ мало-по-малу усложнитъ этихъ колеблющихся точно такъ же какъ пламя потухаетъ отъ недостатка тяги. Что бы ни говорили социаль-демократы, пропаганда посредствомъ тайныхъ агентовъ и подпольной печати не можетъ быть ни такъ дѣятельна, ни такъ сильна какъ прежняя агитація подъ открытымъ небомъ. Соціальная революція не можетъ совершиться путемъ заговора. Наконецъ при отсутствіи организаціи у социалистовъ изсякнетъ главное средство агитаціи, деньги, *le nerf de la guerre*, а это уже значитъ весьма много. На первыхъ же порахъ имперское правительство

очень дѣятельно воспользовалось своими новыми правами. Каждый день приносить извѣстіе о закрытіи какого-нибудь собранія или о запрещеніи какой-нибудь газеты. Многія изъ остальныхъ ассоціацій и газетъ прекратили свое существованіе добровольно и ликвидировали свои фонды.

Итакъ, позволительно думать что новый законъ ослабитъ распространеніе социализма, особенно если примѣненіе его будетъ осмотрительно, чтобы преслѣдованіемъ безвредныхъ ассоціацій и произведеній печати не увеличить массу недовольныхъ, и если рядомъ съ мѣрами репрессивными будутъ приняты и такія которыя бы помогли бѣдственному состоянію промышленности. Наконецъ, для успѣха дѣла, требуется чтобы сами заинтересованныя въ дѣлѣ частныя лица подумали о своей защитѣ, ограждая свои фабрики отъ агитаторовъ и отыскивая себѣ опору среди самихъ рабочихъ, чрезъ посредство въ особенности мастеровъ. Эти мастера, наиболѣе способные и развитые изъ рабочихъ, могутъ и при теперешнихъ порядкахъ обезпечить себя и возвыситься надъ уровнемъ прочихъ. Они должны быть проводниками добрыхъ вліяній на рабочихъ, а не проводниками социалистскихъ ученій, какъ то было обыкновенно до сихъ поръ. Что касается огражденія отъ агитаторовъ, то нѣкоторый логичъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ. Желѣзнодорожныя компаніи издали распоряженіе объ исключеніи изъ личнаго состава всѣхъ тѣхъ служащихъ которые принадлежатъ къ одной изъ социалистскихъ ассоціацій. Такъ же поступили относительно своихъ рабочихъ согласившіеся между собою фабриканты Фрейбергскаго округа въ Саксоніи и Дортмундскаго въ Рейнской области. Такое лишеніе работы сторонниковъ агитаціи было бы вѣрнымъ средствомъ борьбы съ нею: здравая политика требуетъ чтобы всѣмъ было какъ можно выгоднѣе мириться съ существующимъ порядкомъ и какъ можно ояснѣе противъ него возставать. Правда, эта мѣра затрудняется при новомъ законѣ, который явныя ассоціаціи превратитъ въ тайныя, но здѣсь потребуется только нѣсколько усиленный надзоръ, а для фабричныхъ хозяевъ онъ гораздо легче чѣмъ для полиціи.

Новому большинству германскаго рейхстага предстоитъ въ будущемъ не легкая задача, сохраненіе вновь образовавшагося союза между консерваторами и либералами. Когда правительство вело культурную борьбу и издавало либеральныя

законы, а немногіе консерваторы шли у него на буксиръ, сохранять эту связь было и не трудно, и не особенно необходимо. Въ настоящее время уже не то. Распаденіе этой коалиціи повело бы къ такой анархіи въ палатѣ что изъ нея могли бы выдти самыя неожиданныя сочетанія, не говоря уже о всегдашней угрозѣ раслушенія. Но кромѣ того, національ-либералы совершили такой шагъ послѣ котораго поворотъ обратно уже невозможенъ по крайней мѣрѣ для большинства партіи. Сохранять свою прежнюю программу дѣйствій для этого большинства значило бы продавать новый товаръ подъ старою вывѣской. Если гг. Ласкеръ, Штауфенбергъ и нѣкоторые другіе подавали голоса за новый законъ скрѣпля сердце, то нельзя того же сказать о прочихъ вождяхъ либераловъ. Въ Германіи нельзя скрыть уже ни отъ кого что въ рядахъ партіи произошелъ расколъ; что правый ея флангъ съ гг. Трейчке и Зибелемъ во главѣ перетянулъ всѣхъ на свою сторону, и что гг. фонъ-Бенигсенъ, Бамбергеръ и многіе другіе перешли въ ряды правительственной партіи. Если прослѣдить какъ шли голосованія поправокъ къ закону и въ коммисіи, и въ палатѣ, то этотъ расколъ обнаружится ясно. Большинство либераловъ пожертвовало своими принципами въ пользу того что казалось ему необходимою; меньшинство неохотно за нимъ послѣдовало, надолго ли — это покажетъ будущее. Для этого меньшинства всегда открыты ряды прогрессистовъ которые продолжаютъ находить что политическими правами не слѣдуетъ жертвовать ни для чего, согласно извѣстному изреченію: *réussent nos colonies plutôt qu'un principe*. Такой переходъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, лѣваго крыла національ-либераловъ въ лагерь прогрессистовъ очень вѣроятенъ. Онъ можетъ совершиться уже въ ближайшую сессію, при обсужденіи промышленныхъ вопросовъ. По отношенію къ нимъ группировка партій совершенно измѣняется, потому что здѣсь уже преобладаютъ личныя взгляды. Большинство консерваторовъ и клерикаловъ не въ пользу свободной торговли и образовало въ виду этого особое собраніе „анти-фритредеровъ“. Почти всѣ либералы и всѣ прогрессисты держатся противнаго мнѣнія. Но и тутъ ходъ выборовъ и постоянное опасеніе союза консерваторовъ и центра оказали свое дѣйствіе, и г. фонъ-Бенигсенъ, о которомъ снова поговариваютъ какъ о будущемъ министрѣ,

обратился ко мнѣнію о необходимости повышенія пошлинъ. Какъ бы ни сложилось по этимъ вопросамъ большинство палаты и удастся ли князю Бисмарку провести свои личные, не особенно популярные взгляды, но во всякомъ случаѣ для всѣхъ очевидно что насталъ конецъ той промышленной и торговой политики которую всегда защищали національ-либералы. Итакъ, для этой партіи и въ политической, и въ экономической сферѣ настало время ликвидаціи; она должна распрощаться со своимъ прежнимъ знаменемъ, и если ей придется пожертвовать немного своею „либеральною“ окраской въ пользу „національной“, то быть-можетъ этотъ поворотъ все-таки послужитъ началомъ конца той вѣковой антипатіи которая до сихъ поръ господствовала между двумя руководствующими сословіями нѣмецкаго общества....

К. Г—НЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20 декабря 1878 г.

Мы уже имѣли случай въ прежнихъ политическихъ обозрѣніяхъ уломинать что разчитывать на дѣйствія оппозицій въ Англіи и Австро-Венгріи, въ смыслѣ осужденія азартно-враждебной Россіи и славянскому дѣлу политики, значить увлекаться иллюзіями. Въ теченіе послѣдняго мѣсяца и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, оба руководящіе дѣлами графа одержали надъ оппозиціею полныя побѣды: главная цѣль—полученіе требуемыхъ кредитовъ—достигнута, никакого недовѣрія министерствамъ не заявлено, и они остаются преспокойно у руля и могутъ двигать государственный корабль въ прежнемъ направленіи. А направленіе это настолько уже выяснилось что едва ли требуетъ особыхъ комментариевъ.

Въ послѣднихъ рѣчахъ графа Андраши окончательное присоединеніе Босніи и Герцеговины уже не прикрывалось никакими масками; вызванный на откровенность, въ минуту раздраженія противъ назойливыхъ возражателей, онъ снялъ послѣднюю завѣсу съ австрійскихъ вождествій, завѣсу покрывавшую до сихъ поръ, вслѣдствіе дипломатическаго этикета, самую суть дѣла отъ взоровъ толпы. Сербія и Черногорія теперь уже окончательно включены въ сферу вліянія Австро-

Венгріи и могутъ жить только ея милостію. До какой степени это вліяніе уже сильно, можно видѣть изъ недавнихъ преній на скупчинѣ въ Нишѣ: заявленія одного изъ народныхъ представителей что Сербія сочувствуетъ положенію Босніи вызвало такіа тревожныя опасенія въ Ристичѣ и его товарищахъ что они употребили все свое вліяніе замѣть слова депутата, не допустить ихъ до обсужденія и включенія въ адресъ. „Съ практической точки зрѣнія, сказалъ Ристичъ, рѣчь о національныхъ желаніяхъ можетъ имѣть мѣсто пока положеніе дѣлъ еще не окончательно рѣшено; но какъ только послѣднее совершилось, всѣ національные вопросы съ почвы *желаній* и *традицій* должны перейти въ область рѣшенныхъ фактовъ, въ особенности если такіа рѣшенія *налагаются извнѣ*. Послѣ рѣшеній въ Берлинѣ было бы неблагоразумно продолжать періодъ желаній: мы можемъ навѣсь на себя этимъ неудовольствіе. Берлинскій конгрессъ держался принципа который въ правѣ возбудить опасенія мелкихъ націй. Тотъ кто слѣдитъ за ходомъ событій долженъ согласиться что Сербія должна быть осторожна и никого (читай Австрію) не возстановлять противъ себя.“

Нужно отдать полную справедливость политическому благоразумію сербскаго министра: послѣ положенія созданнаго послѣдними событіями малымъ славянскимъ княжествамъ, больше ничего не остается какъ забыть о *желаніяхъ* и *традиціяхъ*, прислушиваться къ приказаніямъ и ежечасно благодарить что имъ оставили нѣкоторую самостоятельность.

За тѣмъ, едва ли могутъ быть въ этомъ еще сомнѣнія, *побѣдоносная войска* гонведовъ займутъ и Новобазарскій пашалыкъ, а тамъ исподоволь и Салоники. За предлогами дѣло не станетъ, а всѣ эти яко бы требующія конвенціи и согласія Турецкаго султана—комедія какъ будто для того только и придуманная чтобъ австрійскій посолъ въ Константинополѣ имѣлъ предлогъ для совѣщаній съ визириями, а корреспондентъ *Politische Correspondenz* готовый матеріалъ для своихъ писемъ. Достиженіе такого результата послѣднихъ событій на почвѣ Восточнаго вопроса есть не больше какъ вопросъ времени, и къ тому же весьма не продолжительнаго. За это ручается не только самый ходъ дѣлъ, но еще болѣе мощное содѣйствіе „честнаго маклера“.

Въ Лондонѣ созванный до времени парламентъ большинствомъ 101 голоса одобрилъ дѣйствія графа Беконсфильда и

предоставилъ ему распоряжаться насчетъ индѣйскаго бюджета расходами для войны противъ злосчастнаго Афганскаго эмира. Краснорѣчивая рѣчь Гладстона о безчестности политики вѣдѣннаго Британскаго правительства, о тяжкомъ грѣхѣ войны противъ Ширъ-Али, о томъ что по вѣчнымъ законамъ божескимъ и человѣческимъ грѣхъ такой будетъ наказанъ страданіями англійской націи; категорическое изобличеніе герцогомъ Аргайлемъ и бывшимъ вице-королемъ Индіи лордъ Кренбрука въ передержкахъ и лжи въ его отвѣтной нотѣ оправдывавшей афганскую войну,—все это оказалось писемъ волюющаго въ лустынь. Война продолжается съ успѣхомъ; Лейардъ въ Константинополѣ продолжаетъ свою неугомонную работу, а десятки ретивыхъ британскихъ агентовъ, не брезгающихъ никакими средствами, также интригуютъ, гдѣ можно лгутъ, клеветуютъ, подкупаютъ, пугаютъ и—достигаютъ своихъ цѣлей. Сколько ни опровергаютъ услужливыя газеты слухи о готовящихся новыхъ сюрпризахъ, въ родѣ кипрской конвенціи 4 іюня, о новыхъ пріобрѣтеніяхъ на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ Чернаго Моря, мы думаемъ что замотавшійся банкротъ, у котораго единственный помыслъ гдѣ бы и на какихъ бы ни было условіяхъ раздобыть денегъ, пойдетъ по наставной дорогѣ слуханія съ рукъ остатковъ имуществъ. Закладывать уже нечего, остается продавать, благо другъ съ полнымъ карманомъ подъ рукой; да впрочемъ, продавай не продавай,—все равно и такъ заберутъ. Ужъ кажется какогъ болѣе сердечнаго друга могъ себѣ представить султанъ какъ не городъ Пештъ, который въ лицѣ своей интеллигенціи основывался въ 1876 и 1877 годахъ до покаянія гробу какогъ то мусульманскаго святаго, и что же? Недѣли двѣ тому назадъ *Pester Lloyd* безъ обаяковъ выступилъ съ предложеніемъ что пришла пора отбросить церемоніи въ сторону и приступить къ раздѣлу Турціи! (Конечно, послѣ ухода русскихъ войскъ изъ Болгаріи и безъ всякаго участія Россіи.)

По ходу дѣлъ, мы готовы повѣрить и этому. Покончивъ съ Афганистаномъ, создавъ „научную“, т.-е. укрѣпленную кромѣ природы еще и по всѣмъ правиламъ инженерной науки границу для обезпеченія Индіи отъ всякихъ случайностей. Англія еще рѣшительнѣе возьмется за окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса въ желательномъ ей направленіи. Для сдѣлки съ Италіей и Франціей она ужъ найдетъ почтѣ

къ тому же вожди республиканской Франціи чуть ли не враждебнѣе самого Беконсфильда относятся къ борящимся за свои человѣческія права христіанскимъ племенамъ Балканскаго полуострова, и особенно къ Болгарамъ. Червь тщеславія не дастъ имъ покоя: зачѣмъ возбужденъ и доведенъ почти до окончательнаго рѣшенія Восточный вопросъ именно теперь, когда Франція лишена возможности выступить въ роли капельмейстера; когда не въ Парижѣ, а въ ненавистномъ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ завзятаго врага, Бисмарка, собирается Европа рѣшать дѣло? Зачѣмъ эти Славяне своими волями поднимаютъ вопросъ, зачѣмъ эта варварская Россія *теперь* затѣяла войну, когда мы, Французы, вынуждены играть третъестепенную роль? И какъ бы съ досады на это *республиканцы* протягиваютъ руку империалисту Беконсфильду, снѣгающемуся закрѣпить южную Болгарію за Турками; въ своемъ усердіи слѣдовать за нимъ и противъ насъ они идутъ такъ далеко что рискуютъ нанести ущербъ своимъ дѣйствительнымъ интересамъ, не говоря о крайней близорукости *добиваться* вражды Россіи.

Что касается Турціи, то ее едва ли уже приходится и считать въ числѣ дѣятельныхъ и дѣйствительныхъ факторовъ въ разрѣшеніи вопроса, всего ближе ея касающагося. Ежемѣсячные заговоры, смѣны министровъ, ссылки однихъ, только что державшихъ въ своихъ рукахъ кормило правленія, вызовы другихъ, только что признаваемыхъ измѣнниками; послѣднее банкротство, потеря всякаго авторитета, видимый хаосъ и разложеніе,—вотъ теперешнее положеніе безнадежно больного челоуѣка.

Со всѣхъ сторонъ и съ видимымъ улоуорствомъ повторяются слухи о состоявшихся соглашеніяхъ между Россіей и Англіей, о скоромъ возвращеніи домой части нашей арміи занимающей Адрианополь и его окрестности, наконецъ о неслыханномъ отступленіи въ срокъ и всѣхъ войскъ нашихъ изъ Болгаріи. Главное основаніе соглашенія заключается якобы въ томъ что Россія оставляетъ Англіи совершенную свободу дѣйствій въ Афганистанѣ (это уже состоялось), въ Малой Азіи, не препятствуетъ захвату турецкихъ портовъ въ Средиземномъ Морѣ, чуть ли не въ Мраморномъ, еще чего-го кажется и около самаго Константинополя, а Англія заго допускаетъ соединеніе Восточной Румеліи, то-есть Забалканской Болгаріи съ сѣвернымъ автономнымъ княжествомъ.

Все это, очевидно, пустые слухи, измышленія разныхъ телеграфныхъ агентствъ и газетныхъ болтуновъ. Облегчать санкціонировать своимъ согласіемъ новые захваты Англіи, содѣйствовать ея водворенію на мѣста улетучивающаго призрака Оттоманскаго государства, да это было бы политическимъ самоубійствомъ для Россіи! И это послѣ той ужасной, ни предъ чѣмъ не уступавшей вражды, послѣ неустанныаго причиненія намъ гдѣ только можно было вреда и виноватыхъ оскорбленій, послѣ наглой лжи, нахальнѣйшихъ клеветъ на наши священнѣйшія чувства, послѣ извѣдѣнія minimumъ результатовъ нашихъ геройскихъ военныхъ подвиговъ и неисчислимыхъ жертвъ? Возможно ли это? И въ змѣнѣ чего же? Согласія на соединеніе фантастической Восточной Румелии съ Болгаріею! Да неужели думаютъ что безъ этого согласія онѣ не соединятся? Не ясно ли что Забалканскіе Болгары или будутъ поголовно истреблены, или добьются своего—избавятся отъ турецкаго ига и соединятся со своими братьями. Слѣдовательно намъ предлагаютъ согласіе въ то что все равно и безъ согласія должно состояться. Это было бы злою насмѣшкой.

Въ настоящую минуту, конечно, все клонится къ миробивому разрѣшенію, потому что Россія очевидно идетъ на значительныя уступки, лишь бы не доводить дѣла до новыхъ тревогъ и громовъ войны. Однако трудно себѣ представить какъ устроится положеніе Забалканской части Болгаріи. Оправдается ли слухъ о смѣшанной оккупациі ея войсками всѣхъ державъ, или по смыслу берлинскихъ постановленій турецкія войска войдутъ таки опять въ эту многострадавшую землю болгарскихъ мучениковъ и протянутъ цѣль своихъ копьевъ по гребню Балканъ?... Грустная перспектива, хотя даже и въ этомъ случаѣ мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что бѣдствіе будетъ временное, и разсѣченныя части Болгаріи соединятся, не взирая ни на что. Скорбѣть приходится за избытчныя жертвы, которыхъ придется еще принести для достиженія этой цѣли, жертвы, ответственность за кои должна всецѣло пасть на государственныхъ людей, правящихъ Англію.

Судьба Забалканской Болгаріи—важнѣйшій пунктъ въ послѣ предстоящихъ окончательному разрѣшенію. Затѣмъ слѣдуетъ ввѣдъ Черногоріи во владѣніе присужденными ей землями. На этомъ обстоятельствѣ тоже лежитъ до сихъ поръ

какой-то туманъ: сама ли Порта лукавить и уклоняется исполнить это постановленіе Берлинскаго трактата, Албанская ли лига—если это не мнѣ, изобрѣтенный для оправданія предъ Черногоріей и Россіей—дѣйствительно противится и достаточно сильна чтобъ оказать фактическое сопротивленіе, или быть-можетъ и другой близкій соседъ Черной Горы, въ интересахъ коего не допускать усиленія славянскаго *независимаго* княжества, мутить изподтишка, — сказать трудно. Но неужели же, не добившись дѣйствительнаго исполненія и этого пункта, — мы уйдемъ съ Балканскаго полуострова?

Что касается затѣмъ прочихъ пунктовъ, о коихъ Россіи предстоитъ войти въ соглашеніе непосредственно съ Портой, то извѣстія нашихъ и заграничныхъ газетъ вотъ уже мѣсяца два чуть не ежедневно противорѣчатъ сами себѣ: то Порта уже совсѣмъ готова утвердить проектъ договора составленный нашимъ посломъ, то она и не думаетъ объ этомъ, то Лейардъ *запрещаетъ* ей вступать въ переговоры съ Россіей, то Лейардъ уже пересталъ вмѣшиваться и прелятствовать; вотъ-вотъ кажется договоръ будетъ подписанъ, вдругъ извѣстіе что и конца не предвидится. Впрочемъ невольно навертывается вопросъ: какое именно значеніе можетъ имѣть договоръ заключаемый съ Турціей? Если договоры и обязательства, данныя ею въ болѣе благоприятныя для нея времена, когда, хоть и крѣпко больная, она все же еще самостоятельно двигалась, находила щедрыхъ кредиторовъ и обладала цѣлымъ Балканскимъ полуостровомъ, были мертвою бумагой, такъ - сказать векселями сомнительнаго качества, то чѣмъ же будутъ трактаты и обязательства выданные теперь? Говорятъ, недавно корреспондентъ какой-то газеты спросилъ князя Лобанова-Ростовскаго: правда ли что Порта, придравшись къ тому что въ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ объ уплатѣ контрибуціи не обозначено какими рублями—металлическими или бумажными считать,—настаиваетъ теперь на бумажныхъ рубляхъ? „Я могу только сказать, отвѣчалъ князь, что мы будемъ очень сговорчивы по этому вопросу и примемъ опрѣдѣленную сумму бумажными рублями, *если ее предложатъ намъ.*“ Вся суть въ томъ что предложеніе будетъ на бумагу, но не бумажками.

Но можетъ-быть договоръ нуженъ намъ для предъявленія при ликвидаціи? Для этого, пожалуй, онъ и можетъ имѣть

свое значеніе... Нельзя однако не вспомнить, какъ настоячиво требовала Англія отъ насъ чтобы мы не выговаривали себѣ въ замѣнъ денежной контрибуціи территоріальнаго вознагражденія, а сама за тѣ же деньги, или за гарантію займа, требуетъ уступки острововъ и портовъ.

И тѣмъ не менѣе нельзя сказать чтобы наши торжествующіе противники были въ положеніи допускающемъ искреннее, полное удовольствіе. Не говоря объ Австро-Венгріи, съ ея внутренними недугами, рознью и враждебностью ея національностей, съ ея разстроенными финансами, въ самой могущественной Англіи есть много кое-чего, на размышленія вызывающаго. Даже война въ Афганистанѣ, хотя и нельзя отвергать успѣховъ достигнутыхъ занятіемъ Джеллалабада и Курумской долины,—уже по объявленію генерала Робертса жителямъ навсегда присоединенной къ владѣніямъ ея британскаго величества,—все еще далеко не кончена и очевидно идетъ не такъ гладко какъ бы хотѣлось Англичанамъ. Извѣстія оттуда въ послѣднее время сплошь и рядомъ стали оказываться фальшивыми и даже офиціальныя депешы нельзя принимать на вѣру.

Внутреннія дѣла находятся въ крайне неприглядномъ положеніи. Экономическій бытъ Англіи такъ сложился что существованіе ея зависитъ отъ дѣятельности фабрикъ и заводовъ, а эти опять отъ требованій на ихъ производства изъ другихъ странъ. Основаніе не совсѣмъ прочное: съ развитіемъ однородной дѣятельности въ другихъ странахъ требованія само собою будутъ сокращаться и могутъ когда-нибудь если не прекратиться совсѣмъ, то дойти до minimum. Чѣмъ же прокормиться тогда половинѣ населенія Соединеннаго Королевства? Но и помимо этой нѣкоторымъ образомъ отдаленной опасности, разныя другія обстоятельства вліяютъ на количество производства и сбытъ англійскихъ фабрикъ, слѣдовательно на заработки массъ, нѣмѣющихъ другихъ средствъ существованія. Въ настоящее время, напримѣръ, приписываютъ застои, кромѣ авантюристской политики Б.консфильда, еще и голоду въ Китаѣ и Индіи, а также отсутствію заказовъ изъ Россіи и Турціи. Положимъ что это и такъ; но вѣдь голодъ можетъ завтра повториться и въ другихъ мѣстахъ; Турція уже едва ли скоро явится важнымъ заказчикомъ, а Россія постарается наконецъ развивать у себя производство имѣя подъ рукою неис-

черпаемая богатства угля, рудъ и пр., да пожалуй вздумаетъ предпочесть обращаться въ Америку?

Само собою разсчитывать, при соображеніяхъ о дальнѣйшемъ ходѣ событій на Востокѣ, на плохое экономическое положеніе Англіи, на паденіе ея матеріальнаго могущества и несомнѣннаго громаднаго вліянія во всѣхъ частяхъ свѣта, было бы еще большею иллюзіей чѣмъ разсчитывать на ближайшіе результаты отъ торжества оппозиціи министерству Беконсфильда. Что паденіе возможно, что оно можетъ произойти въ ближайшій историческій періодъ отъ какого-нибудь совершенно непредвидѣннаго толчка, едва ли станетъ кто оспаривать: примѣровъ подобныхъ паденій не мало: Венеція, Генуя, Голландія были то же въ свое время звѣздами первой величины на политическомъ горизонтѣ. Но не на такихъ соображеніяхъ должны основываться разчеты и планы дѣйствій Россіи въ настоячивомъ преслѣдованіи своихъ государственныхъ цѣлей. Развѣтленіе собственныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, развитіе полное, всестороннее, энергически, съ настоячивостію проводимое, увѣренность въ собственныхъ силахъ безъ разчетовъ на друзей и честныхъ посредниковъ, прекращеніе традиціоннаго поклоненія иностранному идолу въ ущербъ собственнаго достоинства и собственныхъ интересовъ, вѣчнаго распаркиванія и спиносгибанія предъ Западомъ; побольше искренняго патріотическаго чувства, не въ узкомъ смыслѣ единственно матеріальнаго, буржуазнаго довольства, готоваго считать газовое освѣщеніе и хорошую мостовую превыше всякихъ государственныхъ интересовъ, вотъ чего нужно Россіи чтобы прахомъ пошли всѣ ухищренія и махинаціи Беконсфильдовъ, Андраша и другихъ, чтобы наши единственные, естественные союзники были освобождены отъ работы кому бы то ни было, чтобы мы стали хозяевами въ нашемъ Черномъ Морѣ. Въ какомъ бы печальномъ видѣ ни находилось внутреннее положеніе Россіи, (мы не говоримъ о томъ, до абсурда доводимомъ изображеніи якобы удручающихъ насъ бѣдствій, какое можно встрѣтить въ различныхъ чужихъ и своихъ газетахъ) ни одно государство не находится въ такомъ благоприятномъ положеніи въ отношеніи способовъ въ короткое время выйти изъ затрудненій и залѣчить недуги, причиненные войной, а пожалуй еще болѣе плохимъ хозяйничаніемъ. Свободная отъ пролетаріата, отъ фатальнаго рабочаго вопроса,

сдавившаго теперь всѣ западныя государства въ своихъ тискахъ, богатая необъятными пространствами плодородныхъ земель и всякихъ угодій, могущихъ прокормить тройное народонаселеніе, съ народомъ богато надѣленнымъ духовною и физическою силою, привыкшимъ къ усиленному труду, ко всякимъ невзгодамъ, умѣющимъ безропотно, съ покорностію и надеждою на лучшее будущее переносить всяческія тягости, Россія находится въ такомъ положеніи что стоить только взяться наконецъ за дѣло, ввести другой духъ, духъ строгой экономіи и бережливости въ управленіе финансами, разстаться съ пагубными вѣковыми привычками: широкою натурой, излишнею тороватостію, дѣланіями ны явось да какъ-нибудь, съ поклоненіемъ формѣ, съ равнодушіемъ къ общественнымъ и народнымъ интересамъ, и многимъ, многимъ, что всякій мыслящій читатель безъ сомнѣнія самъ дополнитъ,—и Россія въ какой-нибудь одинъ-другой десятокъ лѣтъ, страхнувъ съ себя ветхаго человѣка, представитъ болѣе сильною и могучею чѣмъ многіе иныя, нынѣ предъ нею кичащіяся. Повторяемъ, ни у одной страны нѣтъ такихъ задатковъ, такихъ ресурсовъ подъ рукою для скорого исправленія порчи и полнаго возстановленія силъ какъ въ Россіи, если умѣючи, искренно и честно за это взяться. Это наше горячее убѣжденіе. Это не наивный оптимизмъ, не шалкозакидываніе; это убѣжденіе основанное на многолѣтнемъ знакомствѣ съ землею и народомъ. знакомствѣ реальномъ, безъ школьническихъ увлеченій фантастическими утопіями безъ излишняго пессимизма, а въ сознаніи, что полнаго благополучія и счастья, какъ вообще никакого совершенства, на свѣтѣ не бываетъ, что безъ этого не было бы вѣчнаго стремленія человѣчества къ лучшему, а слѣдовательно не было бы жизни, а какое-то животное существованіе ради брюха; въ сознаніи, наконецъ, что всякая медаль имѣетъ оборотную сторону, и заслуга зрѣлаго, разумнаго человѣка въ томъ и заключается чтобы не требовать отъ жизни невозможнаго и не тыкать вѣчно пальцемъ въ одно мрачное, неприглядное...

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1879 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1879 въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства принадлежащія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочихъ мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1879 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1879 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ мѣсяцъ, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 копѣекъ; съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 копѣекъ.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногороднихъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

